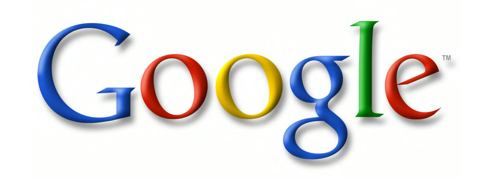

Google

БИБЛIОТЕКА
ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
ШИЛЛЕРЪ
Т. II.
Е. ЛАНСЕРЕ. 1900.
ИЗДАНIЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Марта 1901 г.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ШИЛЛЕРА
въ переводѣ русскихъ писателей.
подъ редакціей
С. А. ВЕНГЕРОВА.
Съ историко-литературными комментаріями,
эстампами и рисунками въ текстѣ.
Томъ II.
Изданіе Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1901.

КОВАРСТВО и ЛЮБОВЬ.

Мѣщанская трагедія „Коварство и Любовь“ *).

Каждая среда, въ которой культура достигаетъ той или иной зрѣлости, будучи одушевляема подъемомъ мысли и охвачена энтузіазмомъ, можетъ въ такой степени приблизиться къ совершенству въ своемъ художественномъ самовыраженіи, что въ созданіяхъ ея искусства будутъ находить прелесть и вѣка послѣдующіе. Такъ, мы восхищаемся нѣкоторыми эпизодами эпосовъ индійскаго, древне-греческаго и др., трагедіями Софокла. Мы готовы признать послѣднія произведеніями, выше которыхъ, быть можетъ, не могло подняться творчество при той концепціи жизни и художества, которая господствовала въ моментъ ихъ возникновенія.

Но полное восхищеніе тѣми или иными произведеніями искусства близкаго либо далекаго прошлаго еще не означаетъ, что нѣтъ прогресса въ искусствѣ, какъ въ цѣломъ. Вѣдь великія созданія искусства плѣняютъ насъ не только полнотою, рельефностію и силою выраженія человѣчности помимо условностей времени, которому принадлежатъ, но нерѣдко также—величіемъ и красотою своего идейнаго содержанія совмѣстно съ художественностью. Слѣдовательно, чѣмъ богаче художественное произведеніе органически слитою съ нимъ мыслью, тѣмъ сравнительно оно и выше. И для многихъ, вѣроятно, образцовыя созданія новаго времени выше соотвѣтственныхъ древнихъ.

Вопросъ объ этомъ, т. е. о прогрессѣ въ однородныхъ твореніяхъ искусства, не новъ, а напротивъ, довольно уже старъ въ наукѣ. Онъ былъ поднятъ еще въ концѣ эпохи Возрожденія, унаслѣдованъ XVII-мъ вѣкомъ и переданъ XVIII-му. Особенно рѣзко онъ былъ поставленъ во французской литературѣ, въ исторіи которой онъ извѣстенъ подъ именемъ „Спора Древнихъ и новыхъ“ (Querelle des Anciens et des Modernes).

Въ XVII-мъ столѣтіи защитникамъ Новыхъ не легко было состязаться со слѣпыми почитателями Древнихъ, потому что культура новаго времени еще не вполнѣ уяснила въ тотъ вѣкъ свою оригинальность, свои богатства и преимущества и неоднократно, напр., въ трагедіи, ставила своимъ идеаломъ древніе образцы. Но въ моментъ, когда затихалъ споръ Древнихъ и Новыхъ, стало появляться не мало цѣнныхъ произведеній, подобныхъ которымъ не имѣла классическая древность и которыя знаменовали собою истинное обновленіе искусства, расширеніе его задачъ и рамокъ.

---

*) Болѣе или менѣе подробныя данныя о разсматриваемыхъ здѣсь литературныхъ произведеніяхъ сообщаютъ: *A. Eloesser*, Das Bürgerliche Drama. Seine Geschichte im 18 und 19 Jahrhundert. Berl. 1898.—Erläuterungen zu den Deutschen Klassikern, 15—16 Bändchen: Schillers Kabale und Liebe. Erl. v. *H. Düntzer*, Leipz. 1878.—*Brahm*. Schiller. 1-ter Bd., Berl. 1888. *Minor*, Schiller, zweiter Bd., Berl. 1890.—*Bellermann*. Schillers Dramen. Beiträge zu ihrem Verständnis. Erster Teil, Zw. Aufl., Berl. 1898.—*A. Kontz*, Les drames de la jeunesse de Schiller. Par. 1899.—*Bulthaupt*, Dramaturgie der Classiker. Lessing, Goethe, Schiller, Kleist. Oldenb.—*Kuno-Fischer*, Публичныя лекціи о Шиллерѣ, М. 1890.—*St. Tarnowski*, O dramatach Schillera, Krak. 1896.—И др.

Трагедіи древняя и новая, вращавшаяся въ предѣлахъ, намѣченныхъ античною, занимаютъ постоянно зрителей необычайными событіями жизни лицъ, пользовавшихся высокимъ общественнымъ положеніемъ. Герои трагедій этого пошиба оказываются въ особыхъ условіяхъ, какъ бы возвышаясь надъ закономъ и силами, заправляющими соціальною и нравственною жизнью. Они живутъ безъ ограниченія ихъ индивидуальности, и имъ приходится считаться преимущественно съ судьбою и обстоятельствами.

Было бы ошибкой признавать такое ограниченіе сюжетовъ крупнымъ изъяномъ искусства, результатомъ односторонняго взгляда на задачи послѣдняго, къ чему склонялись нѣкоторые критики неоклассической трагедіи уже въ концѣ XVII в. и въ вв. XVIII и XIX-мъ: властвованіе неумолимой судьбы надъ участью людей нигдѣ не сказывается съ такою поразительною силою, какъ въ печальномъ удѣлѣ великихъ міра сего, которыхъ не спасаетъ отъ тяжкихъ превратностей высота ихъ положенія и паденіе и гибель которыхъ тѣмъ замѣтнѣе. Эти скорбныя событія, изображаемыя трагедіею высшаго стиля, не составляютъ измышленія или же принадлежности одностороннягo подбора въ искусствѣ. Такія явленія особенно бросаются въ глаза въ самой жизни, какъ страшные ея уроки. Жестокій рокъ какъ нарочно намѣчаетъ иногда жертвы для своего искуса среди избранныхъ баловней счастія, какимъ, напр., былъ въ древнее время Іовъ. И въ жизни наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе и производятъ шумъ трагическія бѣды, постигающія такихъ людей, какъ Цезарь, Наполеонъ I въ ряду дѣятелей политическихъ, Данте, Тассо, Пушкинъ въ ряду геніевъ творчества. Трагическая участь, подавляющая даже такихъ людей, производитъ особенно сильное впечатлѣніе.

Но, конечно, люди выдающихся талантовъ, достоинствъ ума и сердца, либо надѣленные избыткомъ счастья, обусловленнаго внѣшнимъ положеніемъ, сравнительно немногочисленны въ человѣческомъ обществѣ, а жизнь толпы, въ томъ числѣ и личностей, находящихся въ наиболѣе низменномъ положеніи, также преизобилуетъ трагическими событіями. Послѣднія внушаютъ и должны внушать глубокое участіе въ неменьшей степени, чѣмъ и трагедіи въ жизни людей, возвышающихся надъ уровнемъ толпы. Трагическія происшествія въ жизни даже самыхъ обыкновенныхъ личностей также выдвигаютъ на видъ загадки жизни и ея страшныя тайны.

Это понялъ XVIII-й вѣкъ. Въ своемъ стремленіи къ реформѣ жизни и литературы, между прочимъ—къ возстановленію правъ человѣка въ той и другой, XVIII-й вѣкъ ввелъ нѣсколько цѣнныхъ литературныхъ новшествъ. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ литературныхъ пріобрѣтеній его было начало пробужденія вниманія къ скорбямъ обычнаго, зауряднаго существованія среднихъ и низшихъ классовъ общества, преимущественно такъ наз. средняго сословія. Изображеніемъ его жизни занялись почти одновременно романъ и мѣщанская трагедія. Послѣдняя явилась въ одно время съ знаменитыми романами о Памелѣ, Маріаннѣ, Манонъ Леско, Клариссѣ.

Выводя новыя общественныя силы на сцену исторіи, т. е. прежде всего третье сословіе, возмущаясь неправдой, царившей въ высшихъ классахъ общества, усматривая и въ трагедіи высокаго стиля лишь принадлежность и одно изъ послѣдствій привилегій, утратившихъ смыслъ и право на существованіе, передовые писатели XVIII-го вѣка внесли въ этотъ родъ творчества нововведеніе, ставшее завѣтомъ и для XIX-го. Въ отличіе отъ неоклассической трагедіи, изображавшей судьбы героевъ, королей, знаменитыхъ вождей и вообще личностей, стоящихъ на высшей ступени общественной лѣстницы, надѣленныхъ необычайными страстями, либо особо возвышенными стремленіями, трагедія XVIII-го вѣка заинтересовалась также страданіями обычныхъ людей, состоящими въ связи съ тѣми или иными соціальными отношеніями и положеніями.

Перенесеніе трагическаго дѣйствія новой драмы въ средніе классы общества находимъ уже въ „Іоркширской трагедіи" начала XVII вѣка. Наклонность къ сообщенію буржуазнаго характера драмѣ замѣчается также въ „Ромео и Джульеттѣ", „Отелло", и „Тимонѣ" Шекспира. Но первыя произведенія того жанра, который назвали мѣщанской драмой и который мы наименовали бы теперь соціальной драмой, явились лишь въ XVIII вѣкѣ; сущность и новизна буржуазной драмы заключались не столько въ перенесеніи дѣйствія въ средніе классы общества, сколько въ выражавшемся въ ней настроеніи, характеризовавшемъ возникавшее самосознаніе третьяго сословія. Мѣщанская драма была внутренно новымъ родомъ творчества потому, что въ ней выступало среднее со-

словіе съ сознаніемъ себя, какъ особаго общественнаго класса, котораго интересы обусловливаются сферой его дѣйствованія, котораго поступки направляются буржуазной моралью. Въ мѣщанской драмѣ впервые выступаютъ личности зависимаго положенія, рождающіяся на свѣтъ съ обязанностями въ отношеніи къ обществу. Дѣянія и судьбы ихъ находятся въ тѣсной связи со складомъ общественнаго организма, клѣточками котораго онѣ являются. Мѣриломъ достоинства этихъ людей признается буржуазная мораль, вниманіе къ общему благополучію, слѣдованіе добродѣтели, т. е. дѣятельность, вытекающая изъ просвѣщеннаго сознанія и направляющаяся ко благу цѣлаго. При этомъ мѣщанская драма XVIII вѣка, какъ созданіе той самой буржузіи, которой была такъ много обязана знаменитая „философія", или просвѣщеніе", того вѣка, была проникнута духомъ философской пропаганды и распространяла идеи „просвѣщенія". Чувствованія и дѣйствія героевъ мѣщанской драмы подчинялись началамъ модной „философіи". Согласно съ послѣднею и авторы мѣщанскихъ драмъ XVIII-го вѣка были исполнены оптимистическихъ ожиданій, принимали разумъ за руководительное начало жизни, надѣялись на водвореніе благополучія съ утвержденіемъ господства разума и лелѣяли мечту о личностяхъ, вполнѣ свободныхъ экономически и морально, изъ каковыхъ должно слагаться и общество.

Буржуазная литература получила начало въ Англіи соотвѣтственно наиболѣе демократическому складу англійскаго общества и тому, что тамъ наиранѣе третье сословіе достигло политическаго значенія. Тамъ уже съ начала XVIII-го вѣка еженедѣльныя моральныя изданія положили начало новому направленію морали и литературы. Въ журналѣ Стиля уже рекомендовалось выдвигать семейныя пьесы, изображеніе домашней жизни, среднихъ житейскихъ положеній.

Пьеса Лилло (1693—1739) „Джорджъ Барнуэлль, или Лондонскій купецъ", основная схема которой заимствована изъ старой баллады,—первая по времени истинно мѣщанская драма XVIII вѣка. Авторъ этого произведенія, давшій въ сильной степени толчокъ развитію буржуазной трагедіи, подобно Ричардсону, принадлежалъ къ среднему классу общества—это былъ зажиточный Лондонскій ювелиръ,—и въ его трагедіи среднее сословіе впервые выступало въ литературѣ какъ крупная моральная, экономическая и общественная дѣятельная сила. Представителемъ такого буржуазнаго авторитета, опирающагося на сознаніе силы и вмѣстѣ дѣльности этого сословія, въ трагедіи Лилло является Mr. Thorogoud, богатый хозяинъ торговаго предпріятія. Онъ воплощаетъ въ себѣ и интересы сословія, и его солидную мораль. Уже первыя слова старика выясняютъ отвѣтственность единичной личности передъ общественнымъ положеніемъ, которое она занимаетъ. Эту мораль нарушаетъ герой пьесы, юноша, которому предстоитъ сдѣлать выборъ между двумя женщинами. Онъ пренебрегаетъ предостереженіями доброй Маріи и отдаетъ себя въ распоряженіе необузданной Мильвудъ. Послѣдняя не есть, впрочемъ, обыкновенная развратница: мощный и характерный образъ этой убѣжденной отрицательницы Бога и поборницы матеріализма облеченъ своего рода величавою поэтичностію. Привлекательный ядъ ея вольнодумства испортилъ благочестиваго первоначально и честнаго приказчика, такъ что онъ началъ жить не по средствамъ, посягнулъ на конторскую кассу и убилъ своего дядю, чѣмъ заслужилъ позорную смерть. Такимъ образомъ, въ морали, составлявшей главную цѣль автора, вообще склоннаго къ моральнымъ проповѣдямъ, сливались соціальные и религіозные мотивы, и зрители этой пьесы получали трогательный и потрясающій урокъ. Трагедія Лилло производила сильное впечатлѣніе, подобно романамъ Ричардсона. На нѣмецкихъ сценахъ она держалась до конца XVIII-го столѣтія.

Къ успѣху этого произведенія прибавилось потомъ значительное воздѣйствіе пьесы Эдуарда Мура „Игрокъ".

Въ болѣе раннемъ видѣ буржуазной трагедіи, представленномъ пьесами Лилло и Мура, изображалась борьба злыхъ влеченій въ человѣкѣ, страстей и пороковъ, съ разумомъ и добродѣтелью. Грѣшникъ, первоначально являвшійся благородною натурою, впавъ въ ослѣпленіе, сворачивалъ съ прямого пути, но потомъ, погибая, обрѣталъ послѣдній въ виду вѣчности. Это согласовалось съ господствовавшимъ тогда въ Англіи деистическимъ воззрѣніемъ, по которому существованіе зла только относительно и составляетъ лишь необходимую обстановку добра, которое должно всегда торжествовать.

Изъ Англіи буржуазная литература была перенесена въ другія страны. Произведенія Лилло и Мура обошли нѣсколько странъ Европы, въ томъ числѣ и Россію, и вызвали

соотвѣтственное движеніе. Типы и мотивы этихъ пьесъ были восприняты и продолжаемы буржуазною драмою Франціи и Германіи, при чемъ процессы развитія мѣщанской драмы и ея особенности видоизмѣнялись сообразно съ мѣстными условіями.

Во Франціи предварительною ступенью буржуазной драмы явились трогательная комедія и серьезная драма, постепенно взявшія перевѣсъ надъ трагедіею классическаго стиля. Въ Германіи также появились трогательныя пьесы. Геллертъ былъ начинателемъ „des weinerlichen Lustspieles“ по выраженію Лессинга.

Во Франціи неоклассическая трагедія подвергалась осужденію уже въ вѣкъ ея расцвѣта, т. е. въ XVII-мъ столѣтіи. Muralt въ „Lettres sur les Anglois et les François“, написанныхъ въ концѣ того вѣка, уже замѣтилъ, что серьезные сюжеты трагедіи тѣмъ болѣе теряютъ въ значеніи и вниманіи, чѣмъ далѣе отстоятъ отъ дѣйствительныхъ отношеній жизни. Въ XVIII вѣкѣ французская классическая трагедія подверглась нападкамъ со стороны цѣлаго ряда критиковъ. Въ томъ числѣ Д'Аламберъ и Руссо осуждали ее за пренебреженіе къ изображенію простой жизни и обыкновенныхъ людей. Руссо въ письмѣ къ Д'Аламберу выражалъ пожеланіе, „чтобы наши выспренніе авторы удостоили немного понизить ихъ непрерывный паѳосъ и согласились иногда возбуждать у насъ чувство нѣжности къ простымъ страдальцамъ. Иначе можно опасаться, что мы, вѣчно сострадая только къ эгоистамъ-героямъ, навсегда и ко всѣмъ утратимъ состраданіе“.

Полное соотвѣтствіе этимъ новымъ требованіямъ критики и общества попытался представить въ своихъ буржуазныхъ драмахъ Дидро. Въ обѣихъ его пьесахъ, изъ которыхъ первая явилась въ свѣтъ еще за годъ до выхода „Письма къ Д'Аламберу“, отражались, между прочимъ, коллизіи, возникавшія по вопросу о бракосочетаніи молодыхъ людей не одинаковаго общественнаго положенія. Развязка при этомъ получалась счастливая для влюбленныхъ. Кругозоръ Дидро въ этихъ драмахъ не распространялся за предѣлы салона.

Иной характеръ получила мѣщанская драма въ Германіи, гдѣ положеніе средняго класса общества было обставлено менѣе благопріятно, чѣмъ въ Англіи и Франціи.

Въ Германіи не было бюргерства, независимаго въ силу зажиточности и политическихъ правъ. Вотъ почему первыя мѣщанскія трагедіи этой страны были отрѣшены отъ ближайшей связи съ нѣмецкою дѣйствительностью и были лишь продуктами образованности, приносившей идеи „просвѣщенія“ (Aufklärung). Первый нѣмецкій авторъ мѣщанской трагедіи, Лессингъ, заимствуя образъ любовницы Марвудъ у Лилло, а характеры Сары и обольстителя Меллефонта у Ричардсона *), но примѣняясь къ тому, что переживала его родина, не руководясь лишь подражаніемъ Лилло, въ отличіе отъ пьесы послѣдняго, представлявшей чисто англійское сочетаніе дѣлового купеческаго практицизма и религіозности, далъ не исключительно купеческую пьесу, а произведеніе болѣе общаго характера. Трагедія „Миссъ Сара Сампсонъ“ (1754 г.), не изображая еще бюргерства, выразила преимущественно новыя моральныя движенія и чувствованія, охватившія нѣмецкое общество съ распространеніемъ среди него идей „просвѣщенія“ XVIII в.; названная трагедія Лессинга воспроизвела моральную эволюцію, начавшую происходить въ этомъ обществѣ, и прежде всего въ болѣе тѣсномъ, частномъ кругу домашней жизни, а не общественныхъ интересовъ, интересовъ цѣлаго сословія. Дѣйствующія лица въ пьесѣ „Миссъ Сара Сампсонъ“ почти не выказываютъ принадлежности въ бюргерской средѣ, но съ другой стороны подчиняются буржуазной морали, заявлявшей притязаніе на господство во имя верховныхъ правъ, какія, по идеѣ XVIII-го вѣка, должны принадлежать разуму и чувству въ жизни. У Лессинга впервые является типическая фигура отца, какъ представителя разума и гуманной морали, человѣчности, кроткаго филантропа, непоколебимаго въ своей вѣрѣ въ человѣчество, и вмѣстѣ представителя воспитательныхъ вліяній. Онъ склоненъ къ всепрощенію. Мать же въ драмахъ XVIII-го столѣтія (въ томъ числѣ и въ „Коварствѣ и Любви“ Шиллера) часто оказывалась менѣе просвѣщенною; она—ограниченная представительница суетности. Въ названной трагедіи Лессинга мать совсѣмъ отсутствуетъ. У него не находимъ также вмѣшательства уголовнаго суда, какое встрѣчается въ пьесѣ Лилло. Зло наказывается собственнымъ сознаніемъ въ лицѣ Меллефонта, умерщвляющаго себя, послѣ того какъ его любовница

*) Меллефонтъ, также какъ и герой пьесы Лилло, колеблется между кроткой Сарой и необузданной Марвудъ: сердце его склоняется къ одной, а съ другою связывали его грѣхи юности.

отравила Сару. Въ концѣ несчастный отецъ проповѣдуетъ состраданіе къ человѣку, который, по его словамъ, „былъ болѣе несчастенъ, чѣмъ порочень". Эта моральная трогательность снискала большой успѣхъ трагедіи Лессинга.

Но послѣдняя страдаетъ значительными недостатками. Между прочимъ, обстановка „Миссъ Сары Сампсонъ" еще не нѣмецкая, а довольно далекая—англійская, словно нѣмецкое бюргерство еще не казалось подходящимъ для трагическихъ ролей. Такъ же точно и въ позднѣйшей своей нѣмецкой мѣщанской трагедіи—„Эмилія Галотти"— Лессингъ перенесъ дѣйствіе въ Италію, и лишь въ такой чуждой обстановкѣ дерзнулъ выразить протестъ противъ деспотизма нѣмецкихъ князей, переработавъ античное сказаніе о Виргиніи. Въ изолированной итальянской будто бы обстановкѣ тѣмъ сильнѣе давала себя знать и была тѣмъ ощутительнѣе удушливая атмосфера самой мелкой государственности, угнетавшей Германію, и тѣмъ замѣтнѣе было жалкое состояніе послѣдней. Страшное ожесточеніе придавленнаго бюргерства воплощено въ личности Одоардо. Катастрофа вытекаетъ изъ столкновенія перваго сословія съ третьимъ, и въ этой трагедіи уже нѣтъ ничего примиряющаго. Такъ постепенное развитіе мѣщанской трагедіи въ Германіи привело къ революціоннымъ идеямъ, и отъ отвлеченнаго противоположенія добра и зла, какое находимъ въ „Миссъ Сарѣ Сампсонъ", бюргерская трагедія перешла къ политическимъ тенденціямъ уже подъ перомъ перваго писателя, водворившаго этотъ родъ творчества въ Германіи.

„Эмилія Галотти" послужила образцомъ для многочисленнаго потомства въ нѣмецкой мѣщанской драмѣ XVIII-го вѣка.

Нѣмецкіе поэты лѣтъ „бури и натиска" (Sturm- und Drang-Periode) попытались двинуть далѣе освободительную работу, начатую Лессингомъ, усилить общественное мнѣніе и содѣйствовать укорененію идеала терпимости и свободы. Это были литературные революціонеры, создавшіе рядъ мятежныхъ произведеній. Время „Sturm und Drang" произвело глубокую эволюцію въ литературѣ, замѣтивъ отчасти ту постановку проблемъ нашего существованія, которая составляетъ существенное содержаніе новѣйшихъ литературъ. Оно не прошло безслѣдно и для развитія мѣщанской трагедіи, въ которую проникла соціальная критика.

Послѣ сильныхъ потрясеній періода эксцентричныхъ „геніевъ", какими считали и называли себя „Stürmer'ы" и „Dränger'ы", бюргерская драма возвратилась на старый путь, къ срединному положенію между моральными трактатами во вкусѣ Дидро и удобнымъ англійскимъ веденіемъ сценъ. Такой средины желали умѣренные умы. И, какъ бы въ угоду имъ, мѣщанская драма обратилась къ бюргерской солидности и къ довольству малымъ.

Но вдругъ молодой швабскій поэтъ Шиллеръ еще разъ соединилъ въ своей поэтической дѣятельности съ необычайною силою всѣ основныя стремленія „періода бури и натиска". Это былъ послѣдній по времени и вмѣстѣ величайшій поэтъ такого направленія. Онъ вполнѣ осуществилъ ту задачу, какая вдохновляла борцовъ „бури и натиска".

Высшею ступенью нѣмецкаго „просвѣщенія" долженствовало быть полное пробужденіе самосознанія и освобожденіе отъ духовнаго ига, которое было порождаемо, между прочимъ, неблагопріятными внутренними условіями жизни.

Величайшая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежала именно Шиллеру, который въ годы молодости наряду съ Гёте былъ самымъ выдающимся поэтомъ „Sturm-und Drang-a".

Воспитываясь въ суровой дисциплинѣ школы, учрежденной Виртембергскимъ герцогомъ Карломъ-Евгеніемъ, который могъ назваться образцомъ мелкихъ нѣмецкихъ деспотовъ,—начитавшись въ то же время Плутарха и Руссо, Шиллеръ пришелъ собственнымъ опытомъ къ представляющему столь значительный интересъ вопросу о столкновеніи единичной личности съ обществомъ. Пораженный противорѣчіями дѣйствительнаго міра идеалу, юный поэтъ ставилъ личность въ открытое противленіе закоснѣлому обществу; извѣстный гражданскій порядокъ казался Шиллеру тираническимъ ограниченіемъ воли единичной личности. Въ тотъ періодъ поэтъ не хотѣлъ считаться съ историческими условіями, приведшими къ установленію такого порядка. Онъ раздѣлялъ грезы Руссо о счастіи въ скромной долѣ среди природы, вдали отъ свѣта, чтилъ природу, былъ исповѣдникомъ естественной религіи, и былъ тѣмъ пламеннѣе въ своемъ протестѣ, что въ самые кипучіе годы молодости извѣдалъ все удушье и утѣсненія мелкой государственности.

Эти утѣсненія и предразсудки обветшавшаго государственнаго и общественнаго

строя Шиллеръ воспроизвелъ въ третьей изъ своихъ юношескихъ драмъ, въ мѣщанской трагедіи, получившей названіе „Коварство и Любовь".

Она была написана послѣ бѣгства поэта изъ отечественнаго города, но зародилась въ идеѣ еще въ Штуттгартѣ: она была задумана во время 14-тидневнаго ареста, которому Шиллеръ подвергся послѣ второй поѣздки въ Маннгеймъ для присутствованія при представленіи „Разбойниковъ". Она давно была выношена въ душѣ поэта и вылилась изъ наболѣвшаго его сердца въ такой же мѣрѣ, какъ и его первая драма. Вѣдь Шиллеръ былъ бюргеръ и пережилъ въ своей душѣ всю ненависть и все омерзеніе къ высокопоставленнымъ утѣснителямъ, отъ которыхъ пострадалъ и самъ. Во время изданія разсматриваемой трагедіи въ душѣ Шиллера ожили всѣ печальныя воспоминанія прошлаго и настоящаго и всѣ впечатлѣнія, вынесенныя изъ знакомства съ трагедіями Шекспира, произведеніями Stürmer- и Dränger'овъ, романами Ричардсона, Руссо и др., и все это слилось въ одно стройное цѣлое.

Куно-Фишеръ справедливо назвалъ „Коварство и Любовь" величайшею мѣщанскою трагедіею XVIII-го вѣка. Дѣйствительно, эта пьеса—какъ бы завершительница мѣщанской драмы того вѣка, объединившая въ себѣ мотивы цѣлаго ряда своихъ предшественницъ. Такъ, гордая англичанка лэди Мильфордъ, фаворитка князя, могучестью своей индивидуальности нѣсколько напоминаетъ Мильвудъ трагедіи Лилло, а герой Шиллеровой пьесы, какъ и Меллефонтъ въ „Миссъ Сарѣ Сампсонъ", оказывается предметомъ любви двухъ женщинъ. Борьба съ сословными предразсудками касательно брака сближаетъ трагедію Шиллера съ драмами Дидро и Stürmer- и Dränger'овъ. Развязка этой трагедіи состоитъ въ смерти обоихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, какъ и въ первой мѣщанской трагедіи Лессинга, при чемъ соперницы умершихъ героинь скрываются. Но въ общемъ основной фонъ „Коварства и Любви" подходилъ также къ основѣ „Эмиліи Галотти", несмотря на итальянскую обстановку послѣдней, и понятно, что Шиллеръ не могъ остаться безъ значительнаго вліянія этой позднѣйшей мѣщанской трагедіи Лессинга. Авторъ „Коварства и Любви" усвоилъ нѣкоторые особо эффектные обороты стиля и діалога трагедій Лессинга, отличающихся замѣчательною силою, а также и нѣкоторыя подробности содержанія. Лессингъ былъ долго учителемъ Шиллера въ области либеральной мысли и эстетической теоріи и въ частности въ драматическомъ творчествѣ. По свидѣтельству Гете, „Эмилія Галотти" была противна Шиллеру, но, тѣмъ не менѣе, послѣдній принялъ ее въ свой репертуаръ, какъ и „Минну фонъ-Барнгельмъ". Наконецъ, трагедія „Коварство и Любовь" во многомъ близка и къ мѣщанскимъ драмамъ времени „бури и натиска". Будучи такимъ образомъ тѣсно связана со всѣмъ предшествовавшимъ развитіемъ мѣщанской драмы XVIII-го вѣка, въ ряду пьесъ этого рода трагедія „Коварство и Любовь" — можетъ быть названа произведеніемъ самымъ типичнымъ и вмѣстѣ самымъ широкимъ по представленной имъ картинѣ общественной жизни и по кругу затрогиваемыхъ въ немъ вопросовъ. Въ трагедіи Шиллера задѣты преимущественно отношенія политическія и соціальныя. Къ послѣднимъ принадлежитъ противоположеніе не знающей долга и развращенной аристократіи воспитывающемуся въ чувствѣ долга мѣщанству, стоящему неизмѣримо выше испорченной знати, а также центральный вопросъ пьесы, возникающій на этомъ широкомъ фонѣ, вопросъ о предразсудкахъ касты, становящихся преградой счастію личностей, которыхъ благородное чувство выше безсмысленныхъ условностей. Возмущеніе героя пьесы Фердинанда противъ предразсудковъ и низости высшаго общества, къ которому онъ принадлежитъ по своему происхожденію, препятствовавшихъ брачному союзу его съ избранницей его сердца, ложное чувство чести въ противоположность чести истинной, внушаютъ намъ интересъ и теперь. Еще большую привлекательность трагедіи Шиллера сообщаетъ постановка, какую онъ сообщилъ указанной соціальной проблемѣ, представляющая общечеловѣческій интересъ, какъ и въ трагедіи Шекспира о Ромео и Джульеттѣ: поэтъ въ рамкахъ своей драмы весьма удачно развилъ мысль о томъ, что истинная любовь поднимается надъ всѣми условностями и сильнѣе смерти. А ранѣе этой смерти несчастные любовники жили мечтой XVIII-го вѣка о романической идилліи любви, какъ это видно изъ словъ Фердинанда (III, 4): „ты, Луиза, и я, и наша любовь, не заключается ли въ этомъ кругѣ цѣлое небо? Или тебѣ нужно еще что-нибудь? Если мы ничего болѣе не требуемъ отъ свѣта, то къ чему намъ вымаливать его одобреніе?.. Не одинаково-ли будутъ

блестѣть эти глаза, отражаются ли они въ Рейнѣ, или въ Эльбѣ, или въ Балтійскомъ морѣ? Мое отечество тамъ, гдѣ моя Луиза! Станемъ-ли мы сожалѣть о блескѣ большихъ городовъ? Гдѣ бы ни были мы, Луиза, вездѣ солнце восходитъ, вездѣ заходитъ—зрѣлища, предъ которыми меркнетъ роскошнѣйшій цвѣтъ искусства! Если намъ нельзя будетъ служить Богу въ храмѣ, то вотъ наступаетъ ночь съ ея вдохновляющимъ трепетомъ, восходящій на небесахъ мѣсяцъ будетъ проповѣдывать намъ о покаяніи, и благоговѣйная церковь небесныхъ звѣздъ станетъ съ нами молиться!" Въ этихъ словахъ выразился какъ нельзя ярче жизненный идеалъ, который такъ часто лелѣяли въ XVIII в. люди, надѣявшіеся обрѣсти свободу лишь въ тихой жизни вдали отъ золъ большого свѣта *); выразилась и религіозная вѣра второй половины того вѣка, воспрянувшая послѣ „Исповѣди Савойскаго викарія" Руссо. Можно бы указать въ трагедіи Шиллера и много другихъ интересныхъ отголосковъ свѣтлыхъ упованій и стремленій того времени. Но, повторяю, всѣхъ ихъ превозмогаетъ ропотъ гнѣва: въ этомъ по преимуществу политическомъ и соціальномъ произведеніи какъ бы сосредоточился гнѣвъ всего вѣка великой революціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ разсматриваемая трагедія Шиллера весьма цѣнна яркимъ выраженіемъ благороднаго облика, высокаго воодушевленія, восторженности и идей ея автора въ юношескій періодъ его литературной дѣятельности, и, наконецъ, своею художественностью.

Послѣдняя отличается удивительнымъ сочетаніемъ реальности жизни и идеальныхъ стремленій поэта—носителя благороднѣйшихъ грезъ своего времени.

Трагедія „Коварство и Любовь" полна воспоминаній и картинъ дѣйствительности. Такъ, напр., владѣтельный князь этой пьесы—въ значительной степени снимокъ съ герцога Карла-Евгенія Виртембергскаго, предававшагося лишь удовольствіямъ, разставшагося со своей неповинной женой, проводившаго время съ любовницами, итальянскими танцовщицами, французскими пѣвицами, среди празднествъ, баловъ, охоты. Деньги, необходимыя для всего этого и для поддержанія совсѣмъ ненужнаго блеска придворной жизни, а также для выполненія затѣй по сооруженіямъ, были добываемы, можно сказать—выжимаемы, несправедливыми налогами и всевозможными другими неправдами. Цѣлый полкъ юношей былъ проданъ въ качествѣ солдатъ голландцамъ. Сотрудниками герцога въ такого рода подвигахъ являлись столь же достойные министры. Интриги и преступленія придворнаго круга въ трагедіи Шиллера—воспроизведеніе тѣхъ печальнѣйшихъ явленій, которыя поэту приходилось видѣть въ ближайшей дѣйствительности, либо о которыхъ доводилось слышать. Лэди Мильфордъ—также поэтическое претвореніе Fräulein Францискі von Bernardin, которая, въ качествѣ подруги герцога, подъ именемъ графини фонъ-Гогенгеймъ, оказывала благодѣтельное вліяніе на него и могла казаться юному поэту ангеломъ въ человѣческомъ образѣ, въ силу чего получилась обрисовка Мильфордъ, предварявшая уже идеализацію падшей женщины въ XIX столѣтіи у Дюма-сына. Равнымъ образомъ указываютъ въ дѣйствительныхъ лицахъ, съ которыми встрѣчался поэтъ, первообразы стараго городского музыканта Миллера, его жены и его дочери Луизы, именно—въ семьѣ трактирщика, у котораго поэтъ прожилъ нѣкоторое время послѣ своего бѣгства.

Но всѣ эти внимательныя наблюденія давали поэту лишь отдѣльныя подробности и черты для той цѣльной и весьма художественной картины общества и общественныхъ отношеній въ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ, какую представилъ Шиллеръ въ своей трагедіи „Коварство и Любовь".

Связующимъ цементомъ послужило возвышенное и глубокое чувство поэта, который былъ возмущенъ до глубины души тѣмъ горемъ (Elend), о которомъ собиралась говорить герцогу Луиза Миллеръ (III, 6), и тѣми нелѣпостями общественнаго строя, въ силу которыхъ „дворянскій дипломъ" „казался старше проэкта безконечной вселенной" („Adelsbrief älter als der Riss zum unendlichen Weltall"), или „гербъ важнѣе письменъ неба" (Wappen gültiger als die Handschrift des Himmels"; I, 4), и священнѣйшія права сердца были попираемы во имя „условностей" *), высокомѣрія касты и узкихъ разсчетовъ своекорыстія.

Порожденная ими коварная интрига обусловливаетъ ходъ дѣйствія этой пьесы, но вмѣстѣ съ тѣмъ ее, какъ и другія свои

*) Ср. еще слова Фердинанда (I, 7): «Мой идеалъ счастья... заключается во мнѣ самомъ. Всѣ мои желанія схоронены у меня въ сердцѣ», и лэди Мильфордъ (II, 1): «убѣгу съ этимъ человѣкомъ, убѣгу въ самую отдаленную пустыню на земномъ шарѣ».

*) Фердинандъ употребилъ это выраженіе въ II, 3.

первыя драмы, приближаясь къ Шекспиру, Шиллеръ построилъ также на основѣ характеровъ, отъ чего отступалъ потомъ и за что подвергался иногда порицаніямъ. Благородные характеры музыканта, его дочери и жениха послѣдней, Фердинанда, борются во имя священнѣйшихъ чувствъ, одушевляющихъ ихъ, съ ковами низкихъ людей знатнаго круга и ихъ пособниковъ и въ общемъ остаются вѣрны себѣ, хотя нѣкоторыя ситуаціи не безъ основанія кажутся критикамъ невѣроятными. Въ общемъ „Коварство и Любовь"—трагедія въ полномъ смыслѣ этого слова.

Справедливо примѣняютъ къ этой пьесѣ стихъ „Ивиковыхъ журавлей:

Die Scene wird zum Tribunal.

Трогательная драма XVIII-го вѣка становится въ этой пьесѣ политическою и вполнѣ соціальною.

Въ разсматриваемомъ произведеніи изображены двѣ группы личностей, міръ бюргерства и народа, и верхніе слои общества.

Истинною героинею трагедіи, привлекающею къ себѣ всѣ симпатіи зрителя, является вѣрная долгу и готовая на самопожертвованіе Луиза, по имени которой Шиллеръ хотѣлъ-было назвать пьесу („Luise Millerin"). Сколь трогательно дорожитъ она отцовскою честью! Любовь не ослѣпляетъ ея разсудка до забвенія долга, и въ отвѣтъ на предложенія Фердинанда бѣжать изъ родительскаго дома она говоритъ: „Нѣтъ! если я преступленіемъ только могу быть твоей, то въ сердцѣ моемъ еще довольно силы, чтобъ отказаться отъ тебя навсегда".

Луиза весьма нѣжный женскій образъ, первый изъ удавшихся Шиллеру. Это прелестное дитя природы—прекрасный типъ сантиментальной молодой нѣмочки, кроткой, любящей, правдивой, тонко-понимающей и чувствующей, простодушно-религіозной. Она мечтаетъ о счастіи въ *томъ* мірѣ за невозможностью его въ настоящемъ и остается вѣрна даже губящей ее вынужденной клятвѣ. Умираетъ она со словами прощенія. Однако. будучи 16-ти лѣтней дѣвочкой, она уже разсуждаетъ весьма зрѣло и умно. Правда, подобно нѣкоторымъ другимъ героинямъ Sturm-und Drang-a, она начитана, изъ „Belletristix" почерпнула чувствительность, и повидимому, знакома даже съ разсужденіемъ Лессинга о томъ, какъ древніе изображали смерть. Но все-же она говоритъ слишкомъ поэтично и краснорѣчиво, иногда напыщенно, и въ ея рѣчахъ слышатся разсужденія самого поэта. Въ сценѣ съ лэди Мильфордъ Луиза—не простодушная молоденькая дѣвушка, а чрезвычайно умная и развитая, энергичная и весьма независимая личность, искусная моралистка, ловкій діалектикъ, умѣющій краснорѣчиво защищать свое дѣло. Она—не наивный ребенокъ, а женщина, хорошо знающая язвы и соблазны большого свѣта. Потому-то она взяла верхъ въ разговорѣ со своей соперницей, и „великодушная англичанка", отрекшись отъ Фердинанда, порѣшила возвратиться къ добродѣтели, раздавъ всѣ свои богатства прислугѣ и зарабатывая себѣ пропитаніе поденнымъ трудомъ. Такимъ образомъ Шиллеръ въ нѣкоторыхъ сценахъ видимо вложилъ въ уста Луизы значительную часть собственныхъ мыслей, и характеръ ея невыдержанъ. Но въ общемъ нельзя не сказать, что она—достойная дочь своего нѣжно любимаго отца, идоломъ котораго является въ свою очередь.

Послѣдній, однако, въ отличіе отъ Луизы, личность прозаическая, не умѣющая фантазировать, подобно дочери, о „единеніи прекрасныхъ душъ *). Этотъ городской музыкантъ (Kunstpfei'fer), отлично знающій свое ремесло и гордящійся тѣмъ, нежелающій разсуждать о дѣлахъ, къ нему не относящихся, и о лицахъ высокопоставленныхъ, обладаетъ развитымъ здравымъ смысломъ, помогающимъ ему понимать людей, не пресмыкается предъ лицами высшаго круга и умѣетъ, благодаря чистотѣ своей совѣсти, постоять за себя въ случаѣ несправедливыхъ оскорбленій. Миллеръ—человѣкъ простыхъ и суровыхъ нравовъ, образцовый отецъ, умѣющій быть господиномъ въ своемъ домѣ и блюдущій честь послѣдняго. При всемъ томъ даже въ моментъ большой удрученности онъ поддался обольстительной приманкѣ золота, которое бросилъ ему человѣкъ, погубившій счастье его дочери и вмѣстѣ его самого **). Критики единогласно и справедливо осуждаютъ Шиллера за эту непослѣдовательность.

Какъ Луиза во многомъ—истинная представительница женщинъ бюргерскаго круга съ ихъ подчиненною, страдательною ролью, и ихъ консервативными принципами, въ силу которыхъ она сразу не вѣритъ въ возможность брака съ Фердинандомъ и готова

*) Онъ ворчливъ, не безъ грубоватаго юмора и выражается по народному.

**) Въ этомъ случаѣ музыкантъ оказывается ниже камердинера, отвергшаго золото лэди Мильфордъ.

ожидать этого лишь въ вѣчности, когда „съ насъ спадаетъ вся ненавистная сословная шелуха", такъ старикъ Миллеръ—истый честный бюргеръ.

Мать Луизы глуповата, кокетлива и болтлива. Она съ претензіями и желала бы сдѣлать изъ своей дочери знатную даму („Zur gnädigen Madam"). Потому она смотритъ сквозь пальцы на нѣжныя отношенія дочери съ знатнымъ маіоромъ Фердинандомъ, противъ чего ратуетъ старикъ Миллеръ. Она не внушаетъ уваженія ни мужу, ни дочери, которую любитъ. Этотъ типъ воспроизведенъ отчасти по литературнымъ образцамъ, начиная съ романа Гольдсмита.

Но въ общемъ перечисленныя личности, за немногими исключеніями, полны реальности, какъ срисованныя отчасти съ членовъ родной семьи поэта, а отчасти съ семьи трактирщика въ Oggersheim'ѣ, гдѣ Шиллеръ прожилъ нѣкоторое время, занимаясь своей пьесой.

Къ этой же группѣ долженъ быть причисленъ старый придворный камердинеръ, устами котораго въ разговорѣ его съ лэди Мильфордъ какъ бы говоритъ весь утѣсненный народъ.

Все это люди бѣдные и простые, но честные и трудовые. Сколь, по идеѣ автора, они выше богатыхъ и знатныхъ, которыхъ Шиллеръ представляетъ въ весьма мрачномъ освѣщеніи! Первые составляютъ міръ людей, болѣе или менѣе соотвѣтствовавшихъ идеалу второй половины XVIII вѣка, въ особенности Руссо, людей, руководящихся преимущественно внушеніями неиспорченнаго сердца и живущихъ искренними и правдивыми чувствованіями. Народъ добръ и терпѣливъ, но личностямъ, его составляющимъ, приходится лишь мечтать о лучшемъ мірѣ тамъ, а здѣсь—бояться заправляющихъ всѣмъ аристократовъ, придворной клики и ихъ прислужниковъ, отъ которыхъ зависитъ жизнь или гибель остальной массы. Искреннія чувства должны терпѣть отъ коварства людей, крѣпко держащихся сословныхъ предразсудковъ, далекихъ отъ правды и вниканія въ вѣчные законы міра, въ силу которыхъ всѣ люди вышли равными изъ рукъ Творца. Правящій классъ приноситъ только зло угнетаемому имъ народу.

Такъ пострадала и семья Миллера, когда въ нее втерся, хоть и съ благими сначала намѣреніями, бравшій уроки игры на флейтѣ у отца Луизы маіоръ Фердинандъ, сынъ президента Вальтера, полюбившій красавицу Луизу и снискавшій отвѣтное чувство съ ея стороны.

Въ отличіе отъ своего отца, Фердинандъ—человѣкъ честной души. Онъ представитель истиннаго чувства чести, ради которой могъ бы пожертвовать даже жизнью, и понимаетъ суетность дворянскихъ притязаній. Подобно своему автору, Фердинандъ вынесъ изъ высшей школы либеральные и гуманные принципы; подобно Шиллеру, онъ возмущается неправдой, мечтаетъ о величіи души и личномъ благородствѣ. Съ Луизой Миллеръ ему обще сосредоточеніе всѣхъ желаній въ сердцѣ. Но онъ далеко не всегда внемлетъ доброму голосу природы. Онъ неизмѣримо ниже Луизы. Онъ уступаетъ ей въ энергіи и прямотѣ. Онъ много говорящій герой фразы, мало дѣятельный и часто не обладающій должною рѣшительностью. Онъ не рѣшился сознаться передъ своимъ отцомъ въ любви къ бюргерской дѣвушкѣ, пошелъ по его приказу къ лэди Мильфордъ, спасовалъ предъ нею, какъ и передъ отцомъ, не разъ какъ будто полонъ рѣшимости, а на дѣлѣ остается при жестикуляціи и фразахъ, обнажаетъ шпагу на защиту своей возлюбленной и затѣмъ безсильно ее опускаетъ. Какъ уступаетъ онъ, далѣе, Луизѣ въ благородствѣ и самопожертвованіи! Онъ слишкомъ стремителенъ и въ этихъ случаяхъ преступаетъ предѣлы здраваго смысла. Ему ни по чемъ затѣя обнародованія преступленія его отца, въ которомъ старикъ сознался передъ сыномъ въ порывѣ откровенности. Фердинандъ готовъ ограбить своего отца для задуманнаго бѣгства съ возлюбленной. Онъ не принимаетъ въ разсчетъ ничего иного, кромѣ своей любви, и все подчиняетъ своей страсти. Онъ не умѣетъ себя сдерживать, легко приходитъ въ ярость, въ припадкѣ которой разбиваетъ скрипку Миллера, грубъ въ обращеніи съ несправедливо заподозрѣнной Луизой. Вообще онъ глухъ и слѣпъ въ своей ярости и ревности, не выказываетъ яснаго пониманія и предусмотрительности. Это—личность, ослѣпленная страстью, подобно нѣкоторымъ Шекспировскимъ героямъ. Неудивительно, что маіоръ въ значительной степени виновенъ въ томъ, что, по словамъ старика Миллера, благословеніе Божіе оставило жилище послѣдняго съ того дня, какъ вступилъ въ него Фердинандъ. Въ концѣ Фердинандъ совершаетъ страшное преступленіе отравленія своей невѣсты изъ ревности, въ основательности которой не былъ такъ увѣ-

ренъ, какъ Отелло. Онъ оскорбляетъ Луизу ругательствами даже въ предсмертные моменты ея и свои, готовъ умертвить своего отца, какъ виновника коварства, погубившаго возлюбленную Фердинанда и его самого, бросаетъ въ лицо отцу проклятія и лишь въ послѣднюю минуту, не будучи въ состояніи уже говорить, протягиваетъ ему руку. Какъ Отелло, Фердинандъ умираетъ у трупа погубленной имъ Луизы.

Такъ „пылкій" эгоистъ Фердинандъ, при всѣхъ его „фантастическихъ мечтахъ о душевномъ величіи и личномъ благородствѣ" (III, 1), не отрѣшился отъ порчи, внесенной въ его душу воспитаніемъ и средой, и не умѣлъ себя обуздывать, въ результатѣ чего явилось отравленіе имъ самимъ почти ни въ чемъ неповинной Луизы, которую, быть можетъ не совсѣмъ удачно, поэтъ сдѣлалъ безвольнымъ орудіемъ интриги.

Фердинандъ—какъ бы посредствующее лицо въ пьесѣ между группою бюргерскаго круга и знатью. По своимъ симпатіямъ онъ—человѣкъ народа, а по происхожденію, крайнему эгоизму и своенравію — членъ знатнаго круга.

Какъ сказано было выше, міру болѣе или менѣе идеальныхъ натуръ, найденныхъ въ бюргерской средѣ, Шиллеръ противополагаетъ кругъ знатныхъ и благоденствующихъ лицъ, не знающихъ ни совѣсти, ни благородной мысли, ни истиннаго величія.

Миллеръ, грубоватый, но честный бюргеръ, мастерски очерченъ поэтомъ. Этотъ послѣдній характеръ наилучше удался Шиллеру. Менѣе удачна обрисовка лицъ высшаго круга.

Не показывается передъ зрителями, но, оставаясь за сценой, тѣмъ не менѣе является одною изъ главныхъ пружинъ князь страны, распущенный и относящійся съ полнымъ пренебреженіемъ ко благу своего народа. Онъ развратитель послѣдняго и тиранъ, продающій молодыхъ людей своей земли въ качествѣ солдатъ англичанамъ для отправки въ Америку, покупающій на вырученныя такъ деньги подарокъ своей любовницѣ и велящій разстрѣливать тѣхъ смѣльчаковъ, которые дерзнули сказать нѣсколько язвительныхъ словъ полковнику, скорбя о своей горькой участи. Высшая мудрость при дворцѣ этого князя состоитъ въ томъ, чтобы примѣняться къ направленію флюгера.

Президентъ фонъ Вальтеръ—достойный министръ деспотическаго князя, приводящій всѣхъ въ трепетъ. Это прежде всего честолюбивый и ловкій придворный, устранившій своего предшественника посредствомъ преступленія и не останавливающійся ни передъ чѣмъ для того, чтобы удержаться у кормила власти и проложить своему сыну дорогу къ такому же блестящему положенію. Эта своеобразная любовь къ сыну—единственная сколько-нибудь свѣтлая черта въ характерѣ президента. Остальные люди для него — лишь орудія для достиженія личныхъ цѣлей. Онъ не привыкъ встрѣчать сопротивленіе своему приказу: „должно быть такъ". Ему ничего не стоитъ заточить неугодное ему лицо въ подземелье, куда ни доходятъ ни звукъ, ни свѣтъ, расположенное такъ же низко, какъ высоко поднимается башня. Какъ относился Вальтеръ къ народу, видно изъ его насмѣшливаго отзыва о связи его сына съ дочерью Миллера (I, 5). Это человѣкъ, способный къ самымъ недостойнымъ низостямъ и преступленіямъ. Если-бы не поздніе годы, онъ былъ бы не прочь жениться на фавориткѣ своего государя. Онъ не придаетъ значенія клятвамъ и навсегда покончилъ счеты со своею совѣстью и съ небомъ и даже не стыдится сознаваться въ своихъ преступленіяхъ предъ молодымъ сыномъ, въ чемъ не безъ основанія нѣкоторые усматриваютъ нарушеніе правдивости въ изображеніи этой личности. Можно, впрочемъ, возразить, что президентъ испорченъ до мозга костей и цинично хвастаетъ этимъ. Лишь въ послѣднемъ дѣйствіи въ немъ заговорило истинно отцовское чувство, отрѣшенное отъ заглушавшаго его раньше суетнаго честолюбія, и въ этотъ моментъ онъ внушаетъ намъ нѣкоторое состраданіе. Потерявъ сына, онъ отдаетъ себя въ руки правосудія, обличенный своимъ сообщникомъ Вурмомъ. Появленіе судебныхъ прислужниковъ имѣетъ такое же значеніе, какъ въ заключительной сценѣ Мольеровскаго „Тартюфа" и въ драмѣ Лилло,—принести хотя нѣкоторое удовлетвореніе возмущенному чувству зрителей. Президентъ фонъ Вальтеръ—отчасти снимокъ съ дѣйствительной личности генерала Montmartin'a, занимавшаго такое же положеніе и отличавшагося такимъ же моральнымъ складомъ.

Ближайшимъ пособникомъ Вальтера является занимающій мѣсто его секретаря Вурмъ, самая фамилія котораго (червъ), уже указываетъ на его низкій и пресмыкающійся характеръ. Прошлое его запятнано преступленіями, и этимъ пользуется президентъ,

чтобы держать Вурма въ своей власти, какъ весьма пригодное орудіе для выполненія различныхъ темныхъ предпріятій. И, дѣйствительно, Вурмъ довольно предусмотрителенъ, изворотливъ и хитеръ на выдумки. Онъ истинный изобрѣтатель „Kabale"—козней, погубившихъ Луизу и Фердинанда и въ концѣ самихъ виновниковъ интриги, Вурма и президента. Вурмъ ошибся, слѣдовательно, такъ же, какъ и Яго, но у него есть преимущество передъ послѣднимъ. Душа Вурма оказалась способною къ искренней любви къ Луизѣ, что составляетъ единственную свѣтлую черту въ его характерѣ. Утративъ на всегда любимую дѣвушку, Вурмъ впадаетъ въ изступленіе, въ которомъ не щадитъ ни себя, ни своего покровителя, и выдаетъ страшную тайну, связывавшую обоихъ.—Въ дѣйствительной обстановкѣ Штуттгартской жизни Вурму соотвѣтствовалъ Wiffledor, но только послѣдній занималъ болѣе высокое общественное положеніе; литературный же прототипъ Вурма—Маринелли Лессинга.

Второй сообщникъ фонъ Вальтера — совсѣмъ мелкій человѣчишко, глупый гофмаршалъ фонъ Кальбъ, фамилія котораго (теленокъ) такъ же характерна, какъ и фамилія Вурма. Это настоящій придворный пошлякъ, завитой и надушенный, ходячая газета, разносящая новости о церемоніалахъ, празднествахъ и туалетахъ. Но видъ у него—серьезно „занятаго человѣка", и, струсивъ передъ дуэлью, онъ для избѣжанія ея заявляетъ, что ему осталось еще многое сдѣлать въ этомъ мірѣ. Это —истинно комическая личность въ смыслѣ полнаго ничтожества, — „смѣшная обезьяна для всѣхъ тѣхъ, у кого онъ бываетъ".

Единственная личность придворнаго круга, сколько-нибудь внушающая симпатіи зрителю,—метресса князя лэди Мильфордъ. Первоначально Шиллеръ думалъ изобразить ее въ болѣе темномъ освѣщеніи, но потомъ отступилъ отъ этого намѣренія. Какъ видно изъ разсказа лэди, она очутилась невольно въ томъ положеніи, въ какомъ застаемъ ее. Она повѣрила увѣреніямъ князя въ любви въ тотъ моментъ, когда, ставъ безпомощной сиротой, хотѣла броситься въ Эльбу. Отдавъ свою честь князю, лэди Мильфордъ надѣялась спасти его страну, ставъ ея ангеломъ-хранителемъ. Но ея благородство, безкорыстіе, возвышенныя чувствованія, величіе души находятся въ странномъ противорѣчіи съ ея положеніемъ. Несмотря на отравленный воздухъ обстановки, въ которую попала, она сохранила чистоту сердца и любитъ лучшаго изъ людей того круга, маіора фонъ Вальтера. Она желала-бы быть возвращенной небу этой любовью. Ей душно въ придворной обстановкѣ, отъ которой она желала бы быть подальше. Если она не бѣжала раньше, то потому, что ея самолюбіе мѣшало ей видѣть на своемъ мѣстѣ другую (sic). Она не очерствѣла сердцемъ. Она возмущается до глубины души, слыша разсказъ о продажѣ княземъ людей въ Америку и о полномъ невниманіи къ бѣдствіямъ горожанъ сгорѣвшаго города, какъ будто раньше не могла узнать ни о чемъ подобномъ. Въ разговорѣ съ Фердинандомъ Мильфордъ оказывается настоящей сиреной, а въ сценѣ съ Луизой—хитрой актрисой. Да и съ княземъ она разстается слишкомъ жестоко. Все это нарушаетъ цѣльность ея характера. Рядомъ съ чертами графини фонъ Гогенгеймъ Мильфордъ заключаетъ въ своемъ образѣ и слѣды литературнаго заимствованія. Не безъ основанія Kontz называетъ ее въ высшей степени театральной личностью.

Несомнѣнно есть слѣдовательно преувеличеніе въ изображеніи президента и лэди Мильфордъ. Но въ общемъ нельзя не признать, что геніальный 22-хъ лѣтній поэтъ съ удивительнымъ мастерствомъ выдѣлилъ изъ своей ближайшей обстановки рядъ фигуръ, полныхъ жизни, выносилъ ихъ въ самой глубинѣ своей души, вложилъ въ поэтическое возсозданіе ихъ всю теплоту своего юношескаго сердца, все мужество и всю непреклонность своего генія. То были великія преимущества трагедіи Шиллера передъ „Эмиліей Галотти" Лессинга, при всѣхъ недостаткахъ первой, обусловленныхъ юношескою незрѣлостью мысли и выраженія, которое страдаетъ иногда несообразностями, что можно сказать, напр., о разговорной рѣчи Луизы, объясняющейся въ любви живописнымъ Шекспировскимъ стилемъ,

На основаніи указанныхъ недостатковъ, нѣмецкая критика, современная выходу въ свѣтъ „Коварства и Любви", отнеслась не совсѣмъ благосклонно къ этой пьесѣ. Такъ, напр., критикъ въ „Strassburgische Gelehrten und Kunstnachrichten" 1784 г. находилъ, что въ этой пьесѣ „языкъ, чувствованія и характеры не естественны, искажены и странны".

Люди старшаго поколѣнія и поборники классической правильности и мѣры, какъ Schroeder, безусловно порицали трагедію Шиллера за ея неправильность. Они были

недовольны тѣмъ, что Шиллеръ возвращался на забытый уже путь необузданнаго творчества (Sturm und Drangstücke). Критикъ Берлинской „Vossishe Zeitung“, Moritz, назвалъ пьесу Шиллера произведеніемъ, приносящимъ позоръ своему времени; все, на что нападаетъ ея авторъ, превращается подъ его перомъ въ пѣну и пузыри. Болѣе благосклонно отозвался Reinvald въ „Gottassche gelehrte Zeitung“ 29 мая 1784 г. Онъ назвалъ автора „художникомъ страшныхъ сценъ и изобрѣтателемъ Шекспировскихъ мыслей“, призналъ, что въ трагедіи Шиллера есть по истинѣ прекрасныя мѣста и превосходно очерченные характеры, защищалъ его отъ обвиненія въ преувеличеніи, одобрялъ введеніе комическаго элемента въ трагедію и привѣтствовалъ новыя драмы, которыя, по мнѣнію критика, должны вытѣснить прежнія напыщенныя и возвышенныя трагедіи.

И въ послѣдующее время пьесу Шиллера осуждали нѣкоторые изслѣдователи и критики, въ томъ числѣ очень почтенные, какъ Гервинусъ, за невѣрное изображеніе дѣйствительности, пародированіе послѣдней и за каррикатурность.

Новѣйшая критика вообще ставитъ довольно высоко это произведеніе и нерѣдко отдаетъ предпочтеніе „Коварству и Любви“ передъ „Разбойниками“, противъ чего возражаютъ иные. Otto Ludvig признавалъ въ „Коварствѣ и Любви“ мастерской драматическій набросокъ, который удался юному поэту; по закругленности фабулы безспорно это лучшее созданіе Шиллера, по мнѣнію Людвига.

Во всякомъ случаѣ, разсмотрѣнная трагедія—одна изъ наиболѣе любимыхъ и производящихъ впечатлѣніе пьесъ Шиллера. Въ этомъ отношеніи сужденія зрителей мало измѣнялись, начиная съ перваго представленія, имѣвшаго мѣсто почти 120 лѣтъ назадъ (15 апрѣля 1784 г.). При сценической постановкѣ „Коварства и Любви“ и теперь еще можно видѣть, какъ сильно дѣйствіе истинно драматическаго произведенія, мастерски построеннаго, на воспріимчивую публику.

Въ силу этого въ „Коварствѣ и Любви“ мѣщанская трагедія XVIII-го вѣка получила общее значеніе, стала истинно народною драмой, потому что и за предѣлами бюргерскихъ круговъ не можетъ не оказывать воздѣйствія художественное возвеличеніе правдивости, религіознаго чувства, слѣдованія долгу, благородства и честности, которыми проникнуты Миллеръ и его дочь.

Этой своей пьесой, какъ и „Разбойниками“, Шиллеръ много содѣйствовалъ освѣженію удушливой атмосферы, въ которой пребывало общество конца прошлаго вѣка. Онъ будилъ тысячи людей, которыхъ души, по выраженію лэди Мильфордъ (II, 1), „so gleich als ihre Sackuhren gehen“ („Заведены на одинъ ладъ, какъ часы“).

Между прочимъ, буржуазная трагедія XVIII-го вѣка, и разсмотрѣнное произведеніе Шиллера въ частности, содѣйствовала начинавшемуся въ томъ столѣтіи сближенію общественныхъ классовъ и сглаженію сословныхъ преградъ между ними. По справедливому замѣчанію Куно Фишера, паденіе сословныхъ различій на сценѣ предшествовало соотвѣтственной реформѣ въ жизни. То было начало великаго переворота въ общественныхъ отношеніяхъ, не законченнаго и теперь.

Сопоставленіе людей высокаго общественнаго положенія, но низкихъ, либо ничтожныхъ по своему характеру, съ людьми бѣдными, но чистыми сердцемъ, изображеніе насилій со стороны первыхъ и кроткой, но полной достоинства, сдержанности со стороны вторыхъ, смѣна комическаго и серьезнаго, смѣха, веселья и слезъ, роскошной дворцовой обстановки и неприглядннаго жилья бюргерской семьи,—все это дѣйствовало весьма эффектно и при этомъ было согласно съ дѣйствительностью.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ у Шиллера это противоположеніе получило политическое и соціальное значеніе и обострилось вслѣдствіе наклонности поэта къ драматическимъ контрастамъ и эффектамъ и того печальнаго настроенія, въ какомъ онъ находился во время созданія своихъ пьесъ, а главное—въ силу тенденціозности идеи, положенной въ основу этой мѣщанской трагедіи.

Отношенія двухъ противуполагаемыхъ поэтомъ общественныхъ слоевъ, именно правящаго класса и народа, введены въ рамки общей идеи, которую такъ реторично и увлекательно развилъ въ своей системѣ Ж. Ж. Руссо, и которая принадлежала къ числу самыхъ излюбленныхъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка. По этой идеѣ люди высшихъ классовъ общества удалились отъ природы, прониклись предразсудками, условностями и развращеніемъ, а простой людъ (средній и низшій классы народа) зависитъ въ своемъ существованіи отъ произвола и капризовъ правящихъ классовъ и противопоставляетъ угнетенію терпѣніе и вѣрность здравымъ началамъ жизни, которымъ учитъ

природа. Молодой нѣмецкій поэтъ оказался еще болѣе радикальнымъ, чѣмъ его любимый учитель Руссо.

Шиллеръ, заимствуя многое у Вагнера и Геммингена, выказалъ замѣчательный талантъ изобрѣтенія въ развитіи интриги, наполняющей пьесу, и умѣнье постоянно поддерживать и усиливать интересъ дѣйствія быстрыми переходами. При этомъ по простотѣ дѣйствія „Коварство и Любовь" ставятъ рядомъ съ „Мессинской невѣстой".

Но, къ сожалѣнію, въ разсматриваемую трагедію не разъ вторгается субъективизмъ поэта, влагающаго въ уста дѣйствующихъ лицъ собственныя мысли и чувствованія, передающаго ихъ въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, бьющаго на эффектъ и не разбирающагося для того въ средствахъ. Нужно сказать, впрочемъ, что это недостатокъ, присущій почти всему драматическому творчеству Шиллера. Нѣкоторыя подробности, мало вѣроятныя (напр., сцена бесѣды Фердинанда съ фонъ Кальбомъ, когда первый вовсе не внемлетъ разоблаченіямъ послѣдняго), вставлены въ пьесу, потому что понадобились автору для веденія ея въ желательномъ ему направленіи. Шиллеръ допустилъ рядъ психологическихъ промаховъ въ обрисовкѣ, напр., характера Фердинанда, который столь легко впадаетъ въ ажитацію (собственное выраженіе поэта) и въ ярость, образа Луизы, рѣчи которой не всегда соотвѣтствуютъ ея характеру, образованію и положенію, и др. По временамъ отчетливо слышенъ голосъ моралиста и „чувствительнаго" человѣка XVIII в. и усиленное подчеркиваніе тезиса того вѣка о превосходствѣ бѣдныхъ передъ богатыми. Словомъ, поэтъ не выдержалъ единства характера нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ и не соблюлъ полной правдивости въ обрисовкѣ ихъ и въ развитіи содержанія: по настоящему пьеса должна была окончиться счастливой развязкой для влюбленныхъ, если бы поэтъ не насиловалъ естественнаго хода дѣйствія.

Мы вправѣ послѣ этого назвать „Коварство и Любовь" одною изъ юношескихъ драмъ Шиллера, проникнутыхъ весьма благородными и возвышенными стремленіями, имѣвшихъ цѣлью пропаганду идеи освобожденія отъ вѣковыхъ золъ, возстанія противъ несовершенствъ общественнаго склада, но созданныхъ въ лихорадочной поспѣшности взволнованнаго духа, переступавшаго мѣру и еще не свободнаго отъ преувеличеній.

Потому-то впослѣдствіи самъ Шиллеръ относился не особенно любовно къ этимъ литературнымъ дѣтищамъ своей юности, хотѣлъ исправить ихъ для Веймарской сцены, но безуспѣшно, и воздержался отъ постановки на ней.

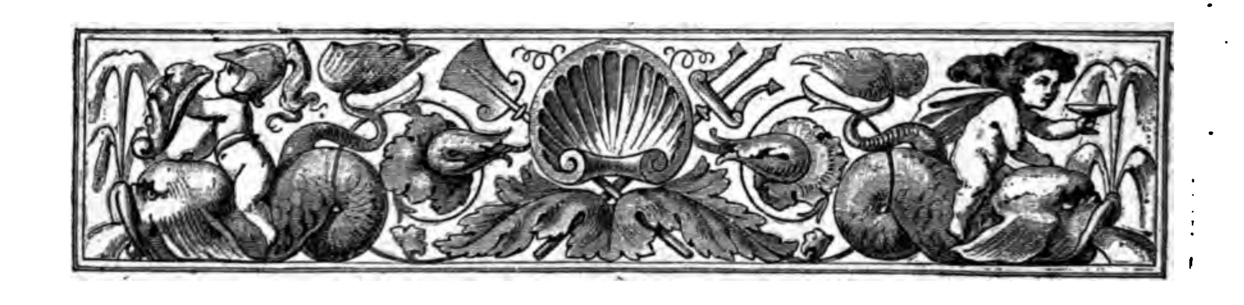
Но молодымъ кипучимъ натурамъ (Sprudeljugend) и въ особенности нѣмецкимъ студентамъ долго нравились первыя драматическія произведенія Шиллеровой музы, и „Коварство и Любовь" электризовала молодежь. Гёте въ разговорѣ съ Эккерманномъ (17 января 1827 г.) объяснилъ это общимъ закономъ міровой исторіи, по которому необходимо, чтобы каждая личность пережила всѣ эпохи міровой исторіи.

Разсматриваемая трагедія производила сильное впечатлѣніе и на другихъ и была ставима повсюду то въ подлинномъ, то въ измѣненномъ видѣ. Ею вдохновлялись и французскіе романтики. Dumas передѣлалъ ее и не остался безъ вліянія ея въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ произведеніяхъ.

И дѣйствительно, при всѣхъ недостаткахъ трагедіи „Коварство и Любовь" она все-таки весьма цѣнный и характерный литературный памятникъ вѣка просвѣщенія и его страстнаго гнѣва противъ стараго порядка, вѣка новыхъ идеаловъ философіи, уравнивавшей всѣхъ людей въ человѣческомъ достоинствѣ, и свѣтлыхъ упованій и чаяній лучшаго будущаго. Въ этой трагедіи находимъ страстный и краснорѣчивый взрывъ гнѣва почти наканунѣ революціи, разгорѣвшейся во Франціи, а въ другихъ странахъ происходившей лишь въ умахъ; недаромъ время представленія пьесы почти совпало со временемъ сценической постановки „Свадьбы Фигаро". Вмѣстѣ съ тѣмъ „Коварство и Любовь"—уже драма романтизма съ его кипучимъ индивидуализмомъ, теплой религіозною вѣрою и идеею о единеніи душъ въ вѣчности. Въ этомъ произведеніи есть много вѣчной правды, какъ и въ пламенныхъ тирадахъ Руссо,—правды, которая не старѣетъ.

Н. Дашкевичъ.

КОВАРСТВО
И
ЛЮБОВЬ.
H. Göt



КОВАРСТВО и ЛЮБОВЬ.

Мѣщанская трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица:

Президентъ фонъ-Вальтеръ, при дворѣ германскаго владѣтельнаго герцога.

Фердинандъ, сынъ его, майоръ.

Гофмаршалъ фонъ-Кальбъ.

Лэди Мильфордъ, фаворитка герцога.

Вурмъ, домашній секретарь президента.

Миллеръ, музыкантъ.

Его жена.

Луиза, его дочь.

Софи, камеристка лэди.

Камердинеръ герцога.

Разныя побочныя лица.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Комната музыканта.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Миллеръ *встаетъ со стула и отставляетъ въ сторону свой віолончель.* Г-жа Миллеръ *сидитъ у стола въ утреннемъ костюмѣ и пьетъ кофе.*

Миллеръ *(быстро ходя взадъ и впередъ).* Говорю тебѣ разъ навсегда!... Дѣло завязывается не на шутку. Про дочь мою съ барономъ пойдетъ дурная слава. Нашему дому позоръ. Президентъ пронюхаетъ, и... Однимъ словомъ, я выдамъ этого молодца.

Жена. Ты не заманивалъ его къ себѣ въ домъ, не навязывалъ ему своей дочери.

Миллеръ. Не заманивалъ къ себѣ въ домъ! не навязывалъ ему дѣвки! Станутъ объ этомъ справляться! Развѣ я не господинъ у себя въ домѣ? Мнѣ бы слѣдовало получше беречь свою дочь. Мнѣ бы слѣдовало хорошенько отдѣлать майора, или тотчасъ же донести обо всемъ его превосходительству, господину папенькѣ. Молодому барону все какъ съ гуся вода — дѣло извѣстное! и всѣ бѣды обрушатся на голову скрипача.

Жена *(допиваетъ чашку).* Вздоръ! пустяки! что тебѣ сдѣлаютъ? Кто тебя можетъ въ чемъ обвинить? Ты дѣлаешь свое дѣло и подбираешь учениковъ, гдѣ можешь.

Миллеръ. Но ты мнѣ одно скажи—что изъ всего этого выйдетъ? — Не жениться же ему на дѣвкѣ — объ этомъ не можетъ и рѣчи быть. А чтобы онъ взялъ ее себѣ въ... Господи, прости мое согрѣшеніе! Нѣтъ, здорово живешь. Охъ, ужъ эти мусье фоны! Гдѣ-гдѣ, я думаю, не терся, какихъ, поди, шашень не заводилъ — и самъ чортъ не разберетъ! Разумѣется, у этакого сластены текутъ слюнки на лакомый кусочекъ... Смотри ты у меня! берегись! Впрочемъ, будь у тебя въ каждой стѣнной щели глазъ, стой ты часовымъ надъ каждой кровинкой — и тутъ онъ вскружитъ ей голову у тебя подъ носомъ, а потомъ наставитъ и ей самой носъ, да и поминай его какъ звали. А дѣвкѣ на всю жизнь позоръ: сиди, голубушка, а коль по нраву пришлось ремесло—продолжай! *(Ударяетъ себя кулакомъ по лбу).* Боже милостивый!

Жена. Спаси насъ Господи!

Миллеръ. Надо самимъ-то не плошать

На что больше разсчитывать этакому вѣтрогону? Дѣвушка красавица, стройная, ловкая. Что живетъ не въ хоромахъ — не бѣда. Съ вами, бабами, на это сквозь пальцы смотрятъ; далъ бы только Богъ мѣстечко par terre — только бы моему хвату эту статью обработать, а тамъ... Э! все пойдетъ какъ по маслу... Вотъ какъ у нашего Роднея, когда онъ носомъ француза почуетъ: тутъ ему и море по колѣно. Я его и не виню. Человѣкъ бо есть... Какъ этого не знать.

Жена. Прочиталъ бы ты только, какія чудесныя записочки пишетъ баронъ твоей дочери. Боже мой! да изъ нихъ какъ бѣлый день ясно, какъ ему ея душенька дорога!

Миллеръ. Такъ и есть! кошку бьютъ, а невѣсткѣ намѣтки даютъ. Эхъ ты! Кому охота до дѣла добраться, стоитъ только на переговоры доброе сердце послать. Какъ я-то самъ дѣйствовалъ?.. Только бы того добиться, чтобы сердца-то поладили; а тамъ — живо: по ихъ примѣру и тѣло съ тѣломъ поладитъ. Челядь беретъ примѣръ съ господъ: глядишь, серебряный то мѣсяцъ окажется подъ конецъ просто сводникомъ.

Жена. Посмотри, какія книги отличныя присылаетъ баронъ! Луиза по нимъ все и молится.

Миллеръ (*свиститъ*). Какъ-же! Молится! Держи карманъ! Алые здоровые соки природы еще слишкомъ тяжелы для нѣжнаго макароннаго желудка его милости; ему надо отдать ихъ сначала искусственно подварить въ адской, ядовитой кухнѣ беллетристовъ. Въ печку эту дрянь! Дѣвка наберется изъ нихъ Богъ знаетъ какихъ заоблачныхъ фантазій: кровь заходитъ какъ отъ шпанскихъ мушекъ; прощай тогда и малая-толика религіи, что кой-какъ съ великимъ трудомъ поддерживалъ въ ней отецъ. Въ печку, говорю! Дѣвка набьетъ себѣ всякой дьявольщины въ голову; нагулявшись въ этомъ небываломъ царствѣ, подъ-конецъ и дороги домой не найдетъ, забудетъ, станетъ стыдиться, что отецъ ея—скрипачъ Миллеръ, и кончитъ тѣмъ, что не будетъ у меня хорошаго, честнаго зятя, который могъ бы мнѣ быть такимъ усерднымъ помощникомъ. Нѣтъ, чортъ меня побери! (*Вскакиваетъ съ сердцемъ*). Сейчасъ же за дѣло! и майору.. Да, я покажу майору... гдѣ Богъ, а гдѣ порогъ. (*Хочетъ итти*).

Жена. Будь же благоразуменъ, Миллеръ! Сколько получили мы одними подарками.

Миллеръ (*возвращается и останавливается передъ нею*). Цѣной крови дочерней? Убирайся ты къ чорту, гнусная сводня! Да скорѣе пойду я по-міру со своею скрипкой и стану давать свои концерты за чашку похлебки; скорѣе разобью свой віолончель и стану навозъ возить, чѣмъ притронусь къ деньгамъ, за которыя единственное дитя мое продастъ свою душу и вѣчное блаженство. Брось свой проклятый кофей, да перестань табакъ нюхать, такъ и не для чего будетъ тебѣ водить дочь на рынокъ—лицомъ продавать. Я и сытъ былъ, и всегда была у меня хорошая рубашка на тѣлѣ, прежде чѣмъ затесался ко мнѣ въ домъ этотъ чудодѣйный франтъ.

Жена. Вдругъ-то пыли не подымай! Такъ вотъ весь и загорѣлся! Я одно говорю—не слѣдуетъ намъ пренебрегать майоромъ, вѣдь онъ сынъ президента.

Миллеръ. Вотъ въ чемъ штука-то! Да поэтому, именно поэтому-то и надо сегодня же положить всему конецъ. Президентъ еще поблагодаритъ меня, если онъ честный отецъ. Почисть-ка мнѣ мой красный плисовый кафтанъ: отправлюсь къ его превосходительству. Я его превосходительству скажу: „вашего превосходительства сынку приглянулась моя дочь; въ жены она ему не годится, а въ наложницы — слишкомъ дорога!“—и баста! Недаромъ меня зовутъ Миллеромъ!

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. Секретарь Вурмъ.

Жена. А! съ добрымъ утромъ, господинъ Вурмъ! Наконецъ-то вы опять доставляете намъ удовольствіе...

Вурмъ. Полноте, полноте, кумушка! При милостяхъ высокаго дворянства, что ужъ за удовольствіе отъ насъ, мѣщанъ?

Жена. Ужъ чего вы не скажете! Господинъ майоръ фонъ-Вальтеръ точно утѣшаютъ насъ отъ времени до времени своей высокой милостью; но изъ-за этого мы никѣмъ не пренебрегаемъ.

Миллеръ (*съ досадой*). Дай кресло, жена! Кладите вашу шляпу, господинъ Вурмъ.

Вурмъ (*кладетъ шляпу и палку и садится*). Ну-съ, а какъ здоровье моей будущей—или бывшей?... Я надѣюсь... вѣдь я увижу ее—мамзель Луизу?

Жена. Благодаримъ за память, господинъ Вурмъ! Дочь у меня вовсе не спѣсива.

Миллеръ (*сердито толкаетъ ее въ бокъ*). Жена!

Жена. Жаль, что она не можетъ имѣть чести видѣться съ вами. Она у обѣдни.

Вурмъ. Пріятно слышать! пріятно слышать! у меня будетъ, значитъ, богомольная, богобоязненная жена!

Жена *(улыбаясь съ глупой спѣсью)*. Да... только...

Миллеръ *(замѣтно смутясь, держетъ ее за ухо)*. Жена!

Жена. Если мы можемъ служить вамъ чѣмъ другимъ, господинъ Вурмъ—съ полнымъ нашимъ удовольствіемъ...

Вурмъ *(лукаво щурясь)*. Чѣмъ другимъ? Душевно васъ благодарю! душевно!—Гм! Гм!

Жена. Разумѣется — вы, господинъ Вурмъ, и сами разсудите...

Миллеръ *(внѣ себя отъ досады, толкаетъ жену сзади)*. Жена!

Жена. Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше. Не отнимать же намъ счастья у единственнаго своего дѣтища? *(Съ мужицкой гордостью)*. Вы сами вѣрно замѣчаете, господинъ Вурмъ.

Вурмъ *(тревожно двигается на креслѣ, почесываетъ за ухомъ и поправляетъ себѣ манжеты и жабо)*. Замѣчаю? То-есть...Да... что вы хотите сказать?

Жена. Я... я хотѣла только... я говорю... *(Откашливается)*. Такъ какъ Господу Богу угодно, чтобы дочь моя была знатной бароншей...

Вурмъ *(вскакиваетъ)*. Что вы такое говорите? что такое?

Миллеръ. Сидите! сидите, господинъ Вурмъ! не слушайте глупой бабы! Выдумала какую-то знатную баронщу! Этакая болтовня ослиная!

Жена. Ругайся сколько тебѣ угодно, а я знаю, что знаю... и что сказалъ господинъ майоръ—то сказалъ...

Миллеръ *(внѣ себя отъ гнѣва, кидается къ віолончелю)*. Да зажмешь ли ты ротъ? Иль тебѣ хочется, чтобы я тебѣ голову расшибъ віолончелемъ? (что такое ты знаешь?.. что могъ онъ тебѣ сказать?.) Не слушайте вы этой пустомели, господинъ Вурмъ! Маршъ на кухню! Надѣюсь, вы не считаете меня такимъ олухомъ царя небеснаго, чтобы у меня были этакіе виды на дѣвку? Надѣюсь, не подумаете этого обо мнѣ, господинъ Вурмъ?

Вурмъ. Да я, кажется, этого и не заслужилъ, господинъ музыкантъ. Вы видѣли, я постоянно держался своего слова, и мои планы на вашу дочь все равно, что обязательство на бумагѣ. Съ моей должностью при порядкѣ можно жить; президентъ ко мнѣ благоволитъ; вздумай я мѣста повыше— въ протекціи не будетъ недостатка. Вы видите, у меня серьезныя намѣренія относительно мамзель Луизы; развѣ только какой-нибудь вертопрашный дворянчикъ...

Жена. Господинъ Вурмъ! нельзя ли поуважительнѣе...

Миллеръ. Сказано тебѣ—молчать! Не слушайте, господинъ Вурмъ! Все остается по старому... Что я говорилъ вамъ прошлой осенью, то и теперь говорю. Я дочери своей не принуждаю. По сердцу вы ей — прекрасно; пусть старается быть съ вами счастливой. Не согласна — тѣмъ лучше... ея дѣло, хотѣлъ я сказать. Вы откланяетесь и разопьете бутылочку съ отцомъ. Ей съ вами жить—не мнѣ. Не стану же я изъ одного упрямства навязывать ей мужа, который ей не по нраву?. (Да мнѣ, на старости лѣтъ, покоя не будетъ отъ нечистой силы... Да я стакана вина не выпью, ложки супу не проглочу, чтобы не подумать: „Загубилъ ты, злодѣй, свое дѣтище“)

Жена. А я коротко и ясно вамъ скажу— я своего согласія рѣшительно не дамъ; моя дочь на кое-что повыше рождена, и я всѣ суды обѣгаю, если мужъ мой дастъ себя уговорить.

Миллеръ. Хочешь ты, чтобы я тебѣ руки и ноги обломалъ, чортова перечница?

Вурмъ *(Миллеру)*. Отцовскій совѣтъ для дочери много значитъ, а меня вы, надѣюсь, знаете, господинъ Миллеръ?

Миллеръ. Чортъ бы тебя побралъ!— Надо, чтобъ Луиза-то васъ знала. То, что я, старый воробей, вижу въ васъ—вовсе не приманка для молодой лакомой дѣвки. Я вамъ по пальцамъ разберу, годитесь ли вы въ оркестръ... ну, а женское сердце подчасъ и капельмейстера забракуетъ. Да ужъ надо вамъ и то сказать, господинъ Вурмъ—я вѣдь прямой и простой человѣкъ—(пожалуй, что за мой совѣтъ вы не очень-то были бы мнѣ благодарны.) Я дочери ни за кого не прочу; но выходить за васъ, господинъ Вурмъ, сталъ бы отсовѣтывать! Дайте мнѣ досказать. Возлюбленному, который призываетъ отца на помощь, я—съ позволенія вашего—не вѣрю ни на мѣдный грошъ. Если онъ чего-нибудь стоитъ, навѣрное постыдится представлять свои таланты возлюбленной своей такимъ старомоднымъ путемъ. Если же у него смѣлости не хватаетъ—онъ просто трусъ, а Луизы на свѣтѣ живутъ не для трусовъ. Да, за спиной отца слѣдуетъ ему справить свое сватовство. Надо, чтобы дѣвка скорѣе отца и мать къ чорту послала, чѣмъ съ нимъ разсталась, или чтобы сама пришла, бросилась отцу въ

ноги, стала Христомъ-Богомъ молить или схоронить ее въ мать сырую землю, или дать ей милаго дружка. Вотъ это по моему молодецъ! вотъ это любовь! А кто съ женскимъ поломъ этого не добьется, тотъ садись на перышко верхомъ да отваливай!

Вурмъ *(схватываетъ шляпу и палку и бѣжитъ изъ комнаты)*. Покорно васъ благодарю, господинъ Миллеръ!

Миллеръ *(тихо идя вслѣдъ за нимъ)*. Да за что же? Мы васъ ничѣмъ и не попотчивали, господинъ Вурмъ! *(Возвращаясь)*. Ничего не слушаетъ и бѣжитъ. Рожа этой чернильной лисы для меня хуже всякаго рвотнаго. Этакая противная, непозволительная тварь! Кажется, будто онъ и на Божій-то свѣтъ контрабандой попалъ. Узенькіе, лукавые мышиные глазки, огненные волосы, подбородокъ выщелкнулся, словно природа, со злости на неудачное свое издѣліе, схватила его за это мѣсто и швырнула куда-нибудь въ уголъ... Нѣтъ! чѣмъ отдать мнѣ свою дочь за этакого мерзавца, пусть лучше она... Господи! прости мое согрѣшеніе!

Жена *(плюнувъ, злобно)*. У! собака!... Погоди! замажутъ тебѣ ротъ-то!

Миллеръ. И ты-то тутъ со своимъ проклятымъ барономъ! Тоже совсѣмъ меня давеча взбѣсила. Никогда ты такой дурой не бываешь, какъ когда тебѣ во что бы то ни стало надо быть поумнѣе. Ну, съ чего принялась давеча трещать про знатную бароншу, да про дочь? Нашла, кому говорить! Только стоитъ ему что на носу зарубить, такъ на другой день ужъ на рынкѣ станутъ трезвонить. Эти мусьяки только и знаютъ, что ходить со двора на дворъ, да нюхать, да толковать, что у кого въ погребѣ, да какой поваръ, и сорвись только у кого съ языка глупое слово—трамта-ра-рамъ! Ужъ его знаютъ и герцогъ, и фаворитка, и президентъ —и того и гляди, что разразитъ тебя громъ и молнія.

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. *Входитъ* Луиза Миллеръ *съ книгой въ рукѣ.*

Луиза *(кладетъ книгу, подходитъ къ отцу и жметъ его руку)*. Здравствуйте, батюшка!

Миллеръ *(ласково)*. Молодецъ, моя Луиза! Пріятно видѣть, что ты такъ усердно помнишь Господа твоего Бога. Будь всегда такова—и Его десница сохранитъ тебя.

Луиза. Ахъ, я великая грѣшница, батюшка!—Былъ онъ, матушка?

Жена. Кто, дитятко?

Луиза. Ахъ! я и забыла, что есть на свѣтѣ и кромѣ него люди... у меня въ головѣ такъ пусто. Не былъ онъ? Вальтеръ?

Миллеръ *(грустно и серьезно)*. Я думалъ, что моя Луиза оставила въ церкви это имя.

Луиза *(пристально смотритъ на него нѣсколько времени)*. Я понимаю васъ, батюшка—чувствую ножъ, что вы вонзаете въ мою совѣсть; но уже поздно. Нѣтъ во мнѣ прежняго благочестія, батюшка. Небо и Фердинандъ рвутъ другъ у друга мою истерзанную душу—и я боюсь... боюсь... *(Помолчавъ)*. Нѣтъ, нѣтъ, батюшка! Развѣ не лучшая хвала художнику, если мы забываемъ его, глядя на его твореніе? Развѣ не должно быть пріятно Богу, что я меньше помню Его, любуясь и радуясь лучшему Его созданію?

Миллеръ *(въ досадѣ опускается на стулъ)*. Вотъ они, плоды этихъ безбожныхъ книгъ!

Луиза *(подходитъ съ безпокойствомъ къ окну)*. Гдѣ-то онъ теперь? Знатныя дѣвицы видятъ его—слышатъ... а я, жалкая, позабытая дѣвушка. *(Пугается своихъ словъ и кидается къ отцу)*. Нѣтъ! нѣтъ! простите мнѣ. Я не плачусь на свою судьбу. Я хочу только немного думать о немъ... вѣдь это ничего не стоитъ. Эту малую долю жизни... О, если бъ можно было выдохнуть ее нѣжнымъ, ласковымъ вѣтеркомъ, который освѣжалъ бы его лицо! о, если бъ этотъ цвѣтъ молодости былъ простой фіалкой, и онъ бы могъ наступить на него, и я могла бы смиренно умереть подъ его ногой! Мнѣ бы и этого было довольно, батюшка. Развѣ солнце, гордое, величественное солнце наказываетъ жалкую мошку за то, что она грѣется въ его лучахъ?

Миллеръ *(растроганный, склоняется на ручку стула и закрываетъ лицо руками)*. Слушай, Луиза—все, что остается мнѣ еще прожить на бѣломъ свѣтѣ, отдалъ бъ я, чтобы только тебѣ никогда не встрѣчаться съ майоромъ.

Луиза *(въ испугѣ)*. Что вы говорите? что такое?... Нѣтъ, вы не то хотѣли сказать, добрый батюшка. Будто вы не знаете, что Фердинандъ—мой, созданъ для меня, данъ мнѣ на радость отцомъ любви. *(Стоитъ въ задумчивости)*. Когда я увидала его въ первый разъ—*(съ большею живостью)* кровь бросилась мнѣ въ лицо, и отраднѣе забилось сердце; каждое біеніе говорило мнѣ, каждое дыханіе шептало: „это онъ!“ И сердце мое узнало его, вѣчно желаннаго,

и подтвердило: „да, это онъ!“ И весь міръ радовался со мною и звучалъ для меня этими словами! Тогда—о! тогда взошло для души моей первое утро. Тысячи новыхъ чувствъ распустились въ моемъ сердцѣ, какъ цвѣты въ полѣ, когда наступаетъ весна. Я не видѣла міра передъ собой, а все-таки, мнѣ кажется, никогда не былъ міръ такъ прекрасенъ. Я не думала о Богѣ, а между тѣмъ никогда такъ не любила Его.

Миллеръ *(быстро подходитъ къ ней и прижимаетъ ее къ своей груди)*. Луиза! дорогое, милое дитя мое! Возьми мою старую, дряхлую голову—возьми все, все! Майора же—Богъ свидѣтель—я не могу тебѣ дать. *(Уходитъ).*

Луиза. Да вѣдь я не хочу его теперь, батюшка! Эта скудная росинка времени... одинъ сонъ о Фердинандѣ страстно поглотитъ ее... Я отказываюсь отъ него въ этой жизни. А тогда, матушка, тогда, когда рухнутъ грани различій, когда съ насъ слетитъ ненавистная шелуха состояній, когда люди будутъ только людьми... я не принесу съ собой ничего кромѣ своей невинности; но вѣдь батюшка не разъ говорилъ, что когда прійдетъ Господь—уборы и пышныя титла подешевѣютъ, а сердца поднимутся въ цѣнѣ. Я буду тогда богата. Слезы зачтутся тамъ за тріумфы, а чистыя мысли—за предковъ! Тамъ буду я знатна, матушка! Чѣмъ же будетъ онъ тогда лучше своей милой?

Жена *(вскакиваетъ)*. Луиза! Майоръ! Онъ перескочилъ черезъ плетень! Гдѣ мнѣ спрятаться?

Луиза *(начинаетъ дрожать)*. Останьтесь матушка!

Жена. Боже мой! на что я похожа? просто срамъ! Какъ мнѣ показаться такъ его милости? *(Уходитъ).*

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Луиза. Фердинандъ фонъ-Вальтеръ *быстро подходитъ къ ней. Она блѣднѣетъ и въ изнеможеніи опускается на стулъ. Онъ останавливается передъ нею. Нѣсколько времени смотрятъ они другъ на друга. Молчаніе.*

Фердинандъ. Ты блѣдна, Луиза?

Луиза *(встаетъ и обвиваетъ его руками)*. Ничего, ничего. Вѣдь ты со мной. Все прошло!

Фердинандъ *(беретъ ея руку и подноситъ къ губамъ)*. И Луиза моя все меня любитъ? У меня то же сердце, что вчера; а у тебя? Я прибѣжалъ только взглянуть—весела ли ты, и потомъ итти и быть тоже веселымъ. Ты не весела!

Луиза. Весела, весела, мой милый!

Фердинандъ. Скажи мнѣ правду! Ты не весела! Для меня душа твоя такъ же ясна, какъ чистая вода этого брильянта. *(Показываетъ на свой перстень)*. Тутъ не можетъ появиться даже точки, чтобъ я ее не замѣтилъ... ни одна мысль на этомъ лицѣ не ускользнетъ отъ меня! Что съ тобой? Скажи скорѣе! Только бы это зеркало не омрачилось—тогда нѣтъ для меня тучки въ небѣ! Отчего ты печальна?

Луиза *(смотритъ на него нѣсколько времени серьезно и задумчиво, потомъ съ грустью)*. Фердинандъ, если бы ты зналъ, какъ лестны мѣщанской дѣвушкѣ такія слова.

Фердинандъ. Что? *(Съ удивленіемъ)*. Послушай, Луиза! откуда у тебя такія мысли? Ты—моя Луиза! Кто жъ говоритъ тебѣ, чтобы ты была еще чѣмъ-нибудь? Такъ вотъ какъ встрѣчаешь ты меня, милая обманщица! Будь ты полна любви ко мнѣ, у тебя не было бы времени дѣлать такія сравненія. Когда я съ тобой, весь разсудокъ мой тонетъ въ твоемъ взглядѣ; когда я одинъ—въ мечтахъ о тебѣ; а у тебя любовь уживается съ разсужденіемъ. Стыдись! Каждую минуту, что ты предаешься этой тревогѣ, отнимаешь ты у своего милаго.

Луиза *(беретъ его за руку и качаетъ головой)*. Ты хочешь усыпить меня, Фердинандъ; хочешь отвлечь мой взглядъ отъ этой пропасти, въ которую мнѣ придется неминуемо пасть. Я гляжу на будущее. Голосъ славы—твои планы—твой отецъ—мое ничтожество... *(Пугаясь своихъ словъ, выпускаетъ его руку)*. Фердинандъ, мечъ виситъ надъ тобой и надо мной! Насъ разлучатъ!

Фердинандъ. Разлучатъ! *(Вскакиваетъ)*. Откуда у тебя такія предчувствія, Луиза! Разлучатъ?.. Кто можетъ разорвать союзъ двухъ сердецъ? разъединить тоны одного аккорда? Я дворянинъ... Пусть мнѣ докажутъ, что мой дворянскій дипломъ старше проекта безконечной вселенной; или что мой гербъ важнѣе письменъ неба въ глазахъ моей Луизы: „Эта женщина создана для этого человѣка!"—Я сынъ президента. Тѣмъ больше. Что, кромѣ любви, можетъ усладить проклятія, которыя навлечетъ на меня разореніе страны моимъ отцомъ?

Луиза. О! какъ я боюсь его—этого отца!

Фердинандъ. Я ничего не боюсь—ничего, кромѣ предѣловъ твоей любви. Пусть горами встанутъ между нами препятствія—они будутъ мнѣ ступенями, по которымъ я побѣгу въ объятія Луизы! Грозы враждебной судьбы раздуютъ мои чувства; опасности лишь придадутъ больше прелести моей Луизѣ. Не говори же ничего о боязни, моя милая! Я самъ—самъ буду сторожить тебя, какъ волшебный драконъ сторожитъ подземный кладъ. Довѣрься мнѣ! тебѣ не нужно иного генія-хранителя. Я стану между тобой и рокомъ, приму за тебя каждую рану, сберегу для тебя каждую каплю изъ кубка радости, принесу ихъ къ тебѣ въ чашѣ любви! *(Нѣжно обнимаетъ ее)*. Въ этихъ объятіяхъ играючи пройдетъ Луиза путь жизни; прекраснѣе, нежели какою отпустило сюда, приметъ тебя небо, и должно будетъ съ изумленіемъ сознаться, что лишь любовь даетъ душѣ окончательную отдѣлку.

Луиза *(въ сильной тревогѣ, освобождаясь изъ его объятій)*. Довольно! Умоляю тебя, молчи:—О! если бъ ты зналъ!.. Оставь меня! Ты знаешь, что надежды твои, какъ фуріи, терзаютъ мнѣ сердце! *(Хочетъ уйти)*.

Фердинандъ *(Удерживаетъ ее)*. Луиза! Какъ! что? Что за странности?

Луиза. Я забыла эти грезы и была счастлива; а теперь! теперь! Съ нынѣшняго дня—конецъ спокойствію моей жизни. Бурныя желанія—я это знаю—будутъ кипѣть въ моей груди... Уходи! Богъ тебя прости! Ты зажегъ пожаръ въ моемъ молодомъ, мирномъ сердцѣ—и этому пожару никогда, никогда не угаснуть. *(Быстро бѣжитъ изъ комнаты. Онъ безмолвно слѣдуетъ за нею)*.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Зала президента.

Входитъ президентъ, *съ орденомъ на шеѣ и со звѣздой на груди, и* секретарь **Вурмъ**.

Президентъ. Серьезная привязанность? мой сынъ? Нѣтъ. Вурмъ, этому я никогда не повѣрю!

Вурмъ. Прикажите, ваше превосходительство—и я представлю доказательства.

Президентъ. Что онъ куры-то строитъ мѣщанкѣ—въ комплиментахъ передъ ней разсыпается — пожалуй, о чувствахъ толкуетъ? Это все возможно, по моему — и простительно. Но... И притомъ, ты говоришь, она дочь музыканта?

Вурмъ. Учителя музыки Миллера.

Президентъ. Хорошенькая? Впрочемъ, объ этомъ и спрашивать нечего.

Вурмъ (*съ живостью*). Прекраснѣйшій экземпляръ блондинки; смѣло можно сказать, она не ударила бы въ грязь лицомъ и рядомъ съ первыми придворными красавицами.

Президентъ (*громко смѣясь*). Вотъ какъ, Вурмъ!.. Да дѣвочка и тебѣ приглянулась—какъ я замѣчаю... Только вотъ что, любезный Вурмъ, если мой сынъ чувствуетъ что-нибудь къ этой женщинѣ, мнѣ можно надѣяться, значитъ, что дамы не будутъ его ненавидѣть. Онъ можетъ пойти впередъ при дворѣ. Ты говоришь, дѣвушка хороша собой; мнѣ пріятно, что у сына моего есть вкусъ. Если онъ напѣваетъ дурѣ серьезныя обѣщанія—тѣмъ лучше: значитъ, онъ себѣ на умѣ. Онъ можетъ и въ президенты попасть. А удастся ему все это—отлично! Значитъ, онъ счастливъ! Окажется въ развязкѣ комедіи здоровый внучекъ—превосходно! Въ честь добрыхъ предзнаменованій для моего родословнаго дерева я разопью лишнюю бутылку малаги и заплачу въ полицію штрафъ за его дѣвку.

Вурмъ. Я бы болѣе всего желалъ, ваше превосходительство, чтобы вамъ не пришлось распить эту бутылку ради разсѣянія.

Президентъ (*серьезно*). Вурмъ, вспомни, что ужъ если я чему вѣрю—вѣрю упорно, если сержусь — сержусь до бѣшенства. Я прощаю тебѣ, что ты хотѣлъ поджечь меня. Отъ души вѣрю, что тебѣ очень-бы пріятно спихнуть съ шеи соперника. Самому тебѣ трудненько отвадить сына моего отъ этой дѣвушки, и ты вздумалъ употребить вмѣсто хлопушки отцовскую власть. Это я тоже понимаю. Я даже въ восторгѣ, что вижу въ тебѣ такія удивительныя плутовскія способности... Одно только мнѣ не нравится, любезный Вурмъ, что ты затѣялъ меня обманывать. Понимаешь? Шути сколько угодно, только не затрогивай моихъ правилъ!

Вурмъ. Простите меня, ваше превосходительство! Если и дѣйствительно — какъ вы подозрѣваете—во мнѣ говоритъ ревность, то она говоритъ развѣ глазами, а не языкомъ.

Президентъ. А я думаю, ея и вовсе бы не нужно. Ну, не глупъ ли ты? Не все ли равно получить талеръ, что прямо съ монетнаго двора, что отъ банкира? Хоть бы ты съ здѣшняго дворянства примѣръ взялъ. Съ вѣдома или безъ вѣдома, но у насъ рѣдко случаются такіе браки, чтобы по крайней мѣрѣ полдюжины гостей—или офиціантовъ—не могли геометрически измѣрить жениховъ рай.

Вурмъ (*наклоняя голову*). Въ этомъ случаѣ мнѣ пріятнѣе оставаться въ мѣщанствѣ, ваше превосходительство!

Президентъ. Притомъ ты можешь въ скоромъ времени имѣть удовольствіе отлично отплатить своему сопернику за его насмѣшку тою же монетой. У меня въ кабинетѣ лежитъ приказъ, по которому лэди Мильфордъ ради прибытія новой герцогини, должна получить для виду отставку и выйти для полноты обмана замужъ. Ты знаешь, Вурмъ, въ какой степени значеніе мое зависитъ отъ вліянія лэди—какъ вообще важнѣйшія пружины моихъ дѣйствій опираются на страсти герцога. Герцогъ ищетъ партіи для Мильфордъ. На вызовъ можетъ явиться другой —заключить торгъ, овладѣть, вмѣстѣ съ любовницей герцога, его довѣріемъ, сдѣлаться ему необходимымъ... Герцогъ долженъ остаться въ сѣтяхъ моей фамиліи—и Фердинандъ женится на Мильфордъ. Ясно теперь тебѣ?

Вурмъ. Такъ ясно, что глазамъ больно... По крайней мѣрѣ *президентъ* доказалъ въ этомъ случаѣ, что передъ нимъ *отецъ* лишь новичекъ. Если майоръ окажется настолько покорнымъ сыномъ, насколько вы ему нѣжный отецъ, то ваше требованіе можетъ, пожалуй, встрѣтить протестъ.

Президентъ. Къ счастью, я еще никогда не боялся неуспѣха въ такихъ предпріятіяхъ, гдѣ могъ сказать: „такъ должно быть!“ Но вотъ видишь, Вурмъ—мы опять возвратились къ пункту, съ котораго начали. Я сегодня же объявлю сыну о предстоящемъ ему бракѣ. Выраженіе лица, съ которымъ онъ будетъ слушать меня, или подтвердитъ твое подозрѣніе, или совершенно опоровергнетъ его.

Вурмъ. Извините, ваше превосходительство! Мрачное выраженіе, которое вы вѣрно увидите, можетъ относиться и къ предлагаемой ему вами невѣстѣ такъ же, какъ къ отнимаемой. Позвольте просить васъ строже испытать его. Выберите для него безукоризненнѣйшую партію во всемъ герцогствѣ, и если онъ согласится, сошлите хоть въ каторгу вашего секретаря Вурма.

Президентъ (*кусая губы*). Чортъ!

Вурмъ. Это такъ! Мать — олицетворенная глупость—все выболтала мнѣ въ простотѣ душевной.

Президентъ (*ходитъ взадъ и впередъ, подавляя въ себѣ гнѣвъ*). Хорошо! Сегодня же.

Вурмъ. Объ одномъ прошу, ваше пре-

восходительство: не забудьте, что майоръ — сынъ моего господина!

Президентъ. Тебя не тронутъ, Вурмъ!

Вурмъ. И что стараніе избавить васъ отъ непрошенной невѣстки...

Президентъ. Стоитъ того, чтобъ помочь и тебѣ добыть жену. Ладно, Вурмъ!

Вурмъ (*кланяясь съ довольнымъ лицомъ*). По гробъ вѣрный слуга вашего превосходительства. (*Хочетъ итти*).

Президентъ. Смотри, Вурмъ—то, что я сказалъ тебѣ давича по секрету... (*Грозитъ*). Если ты проболтаешься...

Вурмъ (*смѣется*). То ваше превосходительство покажетъ мои фальшивыя бумаги. (*Уходитъ*).

Президентъ. Въ тебѣ-то я увѣренъ! Ты у меня, какъ жукъ на ниточкѣ—на собственныхъ своихъ плутняхъ.

Камердинеръ (*входитъ*). Гофмаршалъ фонъ-Кальбъ.

Президентъ. Какъ-разъ кстати. Проси! (*Камердинеръ уходитъ*).

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Президентъ. Гофмаршалъ фонъ-Кальбъ *въ пышномъ, но безвкусномъ придворномъ костюмѣ, съ камергерскимъ ключомъ, съ двумя часами, со шпагой и съ chapeau bas подъ мышкой. Завитъ à la hèrisson. Онъ съ большимъ шумомъ подлетаетъ къ президенту и распространяетъ по всему партеру запахъ мускуса.*

Гофмаршалъ (*обнимая президента*). Ахъ здравствуйте, милѣйшій! (Какъ спали? какъ почивали? Простите, что такъ поздно имѣю удовольствіе... Куча дѣла... карта къ столу... визитные билеты... составленіе партіи для сегодняшняго катанья на саняхъ... Уфъ! А тутъ надо было еще присутствовать при lever и донести его высочеству о состояніи погоды.

Президентъ. Да, маршалъ, урваться было трудно.

Гофмаршалъ. Да еще вдобавокъ меня заставилъ ждать мошенникъ портной.

Президентъ. И несмотря на все это, вы всюду поспѣли молодцомъ?

Гофмаршалъ. Да это еще не все! Мнѣ сегодня бѣда за бѣдой. Вотъ послушайте!

Президентъ (*разсѣянно*). Возможно ли?

Гофмаршалъ. Вы только послушайте! Не успѣлъ я выйти изъ кареты, лошади вдругъ чего-то испугались, начинаютъ рваться и бить копытами такъ, что окачиваютъ мнѣ грязью—съ позволенія сказать—всѣ панталоны. Какъ тутъ быть? Ради Бога, поставьте себя въ мое положеніе, баронъ! Я стою. (~~Ужъ поздно. Дѣло днемъ.~~) Не явиться же въ этомъ видѣ его высочеству? (~~Боже правый!~~) Что же приходитъ мнѣ въ голову? Я притворяюсь, будто со мной обморокъ. Меня берутъ на руки и кладутъ въ карету... Я во весь опоръ домой—переодѣлся—скачу назадъ... Что вы на это скажете? Оказывается, что я все-таки первый въ прихожей... Какъ вамъ это покажется?

Президентъ. Превосходный экспромптъ человѣческой находчивости. Но оставимъ это, Кальбъ. Значитъ, вы ужъ говорили съ герцогомъ?

Гофмаршалъ (*съ важностью*). Двадцать съ половиной минутъ.

Президентъ. Вотъ какъ! Стало-быть, можете навѣрно сообщить мнѣ какую-нибудь важную новость?

Гофмаршалъ (*серьезно, послѣ нѣкотораго молчанія*). Его высочество сегодня въ кафтанѣ цвѣта merde d'oie.

Президентъ. Скажите! — Нѣтъ, маршалъ, у меня ~~такъ есть~~ новость поинтереснѣе. Вѣдь для васъ вѣрно будетъ новостью, что леди Мильфордъ выходитъ за мойора фонъ-Вальтера.

Гофмаршалъ. Можетъ ли быть? И ужъ это рѣшено?

Президентъ. Рѣшено и подписано, маршалъ—и вы меня очень обяжете, если сейчасъ же отправитесь къ леди, приготовите ее къ визиту и разгласите по всей столицѣ намѣреніе моего Фердинанда.

Гофмаршалъ (*въ восторгѣ*). О! съ величайшею радостью, милѣйшій! Для меня ничего не можетъ быть пріятнѣе... Лечу сейчасъ. (*Обнимаетъ президента*). Прощайте! Черезъ три четверти часа весь городъ будетъ знать! (*Упархиваетъ изъ комнаты*).

Президентъ (*смѣется, провожая его глазами*). Говори послѣ этого, что эти господа ни на что не годны! Теперь мой Фердинандъ долженъ согласиться, или значитъ, весь городъ лгалъ. (*Звонитъ. Входитъ Вурмъ*). Позвать ко мнѣ сына! (*Вурмъ удаляется. Президентъ ходитъ въ задумчивости взадъ и впередъ по комнатѣ*).

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Президентъ. Фердинандъ. Вурмъ.

Послѣдній тотчасъ же уходитъ.

Фердинандъ. Вы приказали, батюшка...

Президентъ. Къ несчастью, мнѣ приходится приказывать, когда мнѣ хочется порадоваться на своего сына!—Оставь насъ, Вурмъ!—Фердинандъ, вотъ ужъ нѣсколько времени наблюдаю я за тобой и не нахожу въ тебѣ прежней открытой юношеской живости, которая такъ восхищала меня. Какая-то странная грусть не сходитъ съ твоего лица. Ты убѣгаешь меня—убѣгаешь общества. Фи! въ твои годы можно простить десять кутежей, но непростительна и одна забота. Предоставь мнѣ думать о твоемъ счастіи и старайся только слѣдовать моимъ предначертаніямъ. Подойди ко мнѣ и обними меня, Фердинандъ!

Фердинандъ. Вы сегодня очень милостивы, батюшка.

Президентъ. Сегодня, плутишка? И еще съ какой кислой гримасой говоритъ! (*Серьезно*). Фердинандъ! Для кого прокладывалъ я опасный путь къ сердцу герцога? Для кого я навѣки нарушилъ миръ съ совѣстью и съ небомъ? Слушай, Фердинандъ!... Я говорю съ сыномъ... Для кого упразднилъ я мѣсто, уничтоживъ своего предшественника? Эта исторія тѣмъ ужаснѣе терзаетъ мнѣ сердце, чѣмъ тщательнѣе стараюсь я скрыть ножъ отъ свѣта! Слушай! скажи мнѣ, Фердинандъ, для кого сдѣлалъ я все это?

Фердинандъ (*отступаетъ въ ужасѣ*). Ужъ не для меня ли, батюшка? Не на меня ли должно пасть кровавое отраженіе этого злодѣянія? Клянусь всемогущимъ Богомъ, лучше совсѣмъ не родиться, чѣмъ служить оправданіемъ этому преступленію!

Президентъ. Это что? Это что такое?.. Впрочемъ, твоей романической головѣ можно простить. Фердинандъ—я не хочу сердиться! Такъ-то вознаграждаешь ты меня, упрямецъ, за безсонныя ночи, за мои безустанныя заботы, за вѣчныя угрызенія совѣсти? На меня падаетъ вся тяжесть отвѣтственности—на меня проклятіе, громъ вышняго Судіи... Тебѣ счастье достается изъ вторыхъ рукъ. Преступленіе не пятнаетъ наслѣдства...

Фердинандъ (*поднимаетъ правую руку къ небу*). Торжественно отказываюсь отъ наслѣдства, которое будетъ только напоминать мнѣ злодѣя-отца.

Президентъ. Послушай, не раздражай меня! Если бъ все шло по твоему—ты весь вѣкъ пресмыкался бы во прахѣ.

Фердинандъ. Все жъ это лучше, батюшка, чѣмъ ползать у трона.

Президентъ (*удерживая гнѣвъ*). Гм!... Тебя надо насильно заставлять понять свое счастье! Чего десятки другихъ не могутъ добиться при всѣхъ усиліяхъ, то дается тебѣ играючи, какъ во снѣ. На двѣнадцатомъ

году ты прапорщикъ, на двадцатомъ—майоръ. Я обдѣлалъ это у герцога. Ты снимешь военный мундиръ и вступишь въ министерство. Герцогъ говорилъ о чинѣ тайнаго совѣтника—о мѣстѣ посланника—о необыкновенныхъ милостяхъ. Передъ тобой—чудная перспектива: гладкій путь въ сосѣдство трона—къ самому трону, (если только власть стоитъ того, чтобы ее промѣнять на признаки власти.) И это не плѣняетъ тебя?

Фердинандъ. Нѣтъ, потому что понятія мои о величіи и счастіи не совсѣмъ похожи на ваши. Ваше счастье основывается рѣдко на чемъ-нибудь иномъ, кромѣ погибели ближняго. Зависть, страхъ, хула—вотъ печальныя зеркала, въ которыхъ отражается улыбка высокаго властелина. Слезы, проклятіе, отчаяніе—вотъ страшная трапеза, за которою роскошествуютъ эти хваленые счастливцы, изъ-за которой выходятъ охмѣлѣвшіе и такъ идутъ, какъ въ туманѣ, въ царство вѣчности, передъ престолъ Бога. Мой идеалъ счастья умѣреннѣе: онъ заключается во мнѣ самомъ. Всѣ мои желанія схоронены у меня въ сердцѣ.

Президентъ. Превосходно! удивительно! неподражаемо! Черезъ тридцать лѣтъ приходится мнѣ опять выслушивать первую лекцію! Жаль только, что пятидесятилѣтняя голова моя стала ужъ тупа для ученья. Впрочемъ—чтобы не оставлять въ бездѣйствіи такой рѣдкій талантъ, я отрекомендую тебѣ кой-кого, и ты можешь тогда упражняться сколько хочешь въ своемъ арлекинскомъ ораторствѣ. Ты долженъ рѣшиться — сегодня же рѣшиться — вступить въ бракъ.

Фердинандъ (*отступаетъ въ изумленіи*). Батюшка!

Президентъ. Безъ комплиментовъ! Я послалъ отъ своего имени карточку къ лэди Мильфордъ. Ты сейчасъ же отправишься къ ней и скажешь ей, что ты ея женихъ.

Фердинандъ. Мильфордъ, батюшка?

Президентъ. Надѣюсь, ты знаешь ее!

Фердинандъ (*внѣ себя*). Да есть ли позорный столбъ въ герцогствѣ, который бы не зналъ ея? Но, неправда ли, я смѣшонъ, батюшка, что принимаю шутку вашу за дѣло? Захотите ли вы быть отцомъ подлецу-сыну, соединяющему судьбу свою съ привиллегированной прелестницей?

Президентъ. Напротивъ! Я и самъ посватался бы за нее, будь ей годенъ пятидесятилѣтній мужъ. Захотѣлъ бы ты быть сыномъ подлеца-отца?

Фердинандъ. Нѣтъ! видитъ Богъ—нѣтъ!

Президентъ. Клянусь, эту дерзость можно простить развѣ только ради ея оригинальности!

Фердинандъ. Умоляю васъ, батюшка, не оставляйте меня въ этомъ сомнѣніи: при немъ мнѣ невыносимо называться вашимъ сыномъ!

Президентъ. Да ты съ ума сошелъ! Всякій благоразумный человѣкъ сталъ бы добиваться чести занять такимъ образомъ мѣсто своего государя.

Фердинандъ. ~~Вы становитесь для меня загадкой, батюшка.~~ Вы называете это честью? честью—раздѣлять съ государемъ то, въ чемъ онъ перестаетъ быть и человѣкомъ?

(*Президентъ разражается смѣхомъ*).

Фердинандъ. Смѣйтесь, смѣйтесь! Оставимъ даже это въ сторонѣ, батюшка! Съ какимъ лицомъ покажусь я самому жалкому ремесленнику, который за своей женой взялъ въ приданое по крайней мѣрѣ неопозоренное тѣло? Съ какимъ лицомъ покажусь въ свѣтѣ? герцогу? съ какимъ лицомъ явлюсь передъ прелестницей, которая омоетъ въ моемъ позорѣ пятно своей чести?

Президентъ. Откуда это у тебя явилось такое краснорѣчіе?

Фердинандъ. Заклинаю васъ небомъ и землею, батюшка! Эта гибель вашего единственнаго сына не сдѣлаетъ васъ настолько счастливымъ, насколько онъ будетъ несчастенъ. Возьмите мою жизнь, если это можетъ повысить васъ. Жизнь получилъ я отъ васъ, не колеблясь ни минуты, я готовъ пожертвовать ею вашимъ успѣхамъ. Но честь мою, батюшка! Если вы отнимете у меня честь, то и дать мнѣ жизнь было легкомысленной подлостью—и я буду проклинать въ васъ отца и сводника.

Президентъ (*ласково треплетъ его по плечу*). Браво, браво, мой милый! Теперь я вижу, что ты вполнѣ молодецъ и стоишь лучшей невѣсты во всемъ герцогствѣ. Такъ и будетъ! Сегодня же въ полдень ты обручишься съ графинею Остгеймъ.

Фердинандъ (*въ новомъ изумленіи*). Этотъ часъ назначенъ, кажется, на то, чтобы окончательно сокрушить меня!

Президентъ (*подозрительно глядя на него*). Надѣюсь, противъ этого нечего возмущаться твоей чести.

Фердинандъ. Да, батюшка, Фредерика Остгеймъ могла бы составить счастье всякаго другого. (*Про себя въ крайнемъ смущеніи*). Что оставила въ моемъ сердцѣ нетронутымъ его злоба, то разрываетъ теперь его доброта.

Президентъ (*не спуская съ него глазъ*). Я жду твоей благодарности, Фердинандъ!

Фердинандъ (*бросается къ нему и съ жаромъ цѣлуетъ у него руки*). Батюшка, ваша милость воспламеняетъ всѣ мои чувства! Батюшка, горячо благодарю васъ за вашу сердечную заботу обо мнѣ! Вашъ выборъ безукоризненъ... но...я не могу... я не смѣю... сжальтесь надо мной... я не могу любить графиню!

Президентъ (*отступая шагъ назадъ*). Ага! Теперь я поймалъ молодца! Такъ на эту удочку ты поддался, хитрый притворщикъ? Значитъ, дѣло вовсе не въ чести, что ты отказываешься отъ лэди? Значитъ, тебѣ противна не невѣста, а самый бракъ?

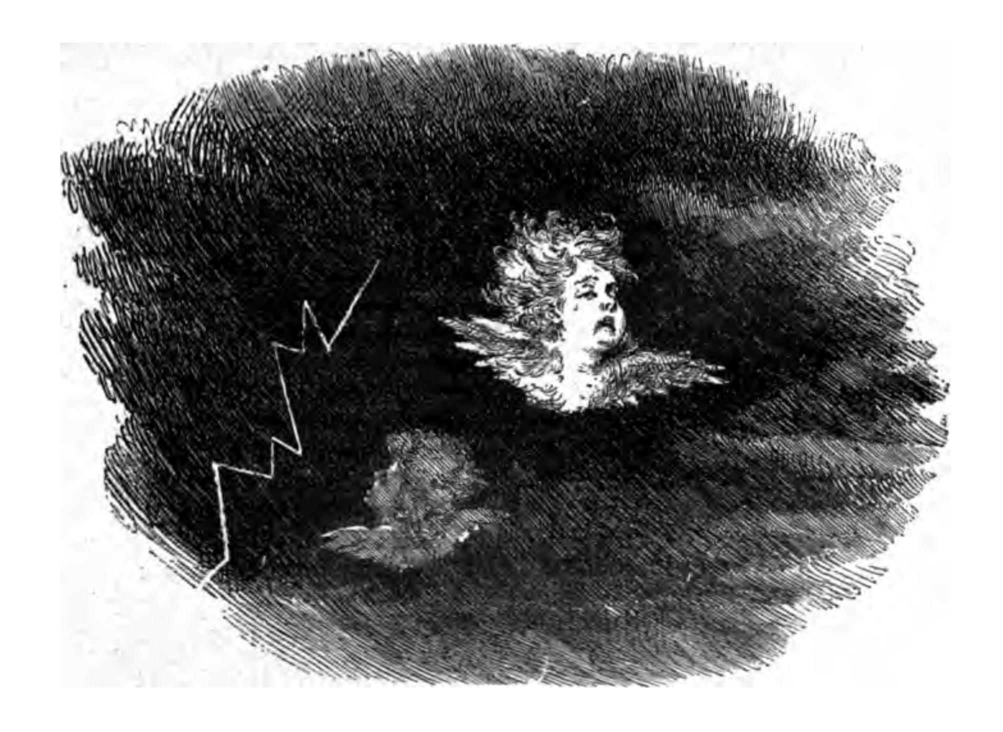
(*Фердинандъ стоитъ сначала въ оцѣпенѣніи, потомъ вскакиваетъ и хочетъ уйти*).

Президентъ. Куда? Стой! Этакъ-то ты уважаешь отца? (*Майоръ возвращается*). Лэди извѣщена о твоемъ визитѣ. Я далъ слово герцогу. Всѣ въ городѣ и при дворѣ знаютъ объ этомъ. Если ты сдѣлаешь меня лжецомъ передъ герцогомъ, передъ лэди, передъ свѣтомъ—лжецомъ въ глазахъ двора... смотри, Фердинандъ!... или если я провѣдаю про какія-нибудь исторіи... Ба! что это вся краска исчезла вдругъ съ твоихъ щекъ?

Фердинандъ (*блѣдный какъ снѣгъ, дрожащимъ голосомъ*). Какъ? что? Я—ничего, батюшка!

Президентъ (*останавливая на немъ грозный взглядъ*). А если это не ничего—и я найду причину твоего упорства?... О! ужъ одно только подозрѣніе приводитъ меня въ бѣшенство! Иди сію же минуту! Вахтпарадъ начинается. Ты будешь у лэди тотчасъ послѣ пароля. Стоитъ мнѣ захотѣть—дрогнетъ все герцогство. Посмотримъ, какъ-то сломитъ меня упрямый сынъ! (*Идетъ и еще разъ возвращается*). Слышишь! ты будешь тамъ, или берегись моего гнѣва! (*Уходитъ*).

Фердинандъ (*приходя въ себя послѣ оцѣпенѣнія*). Ушелъ? И это былъ голосъ отца! Да! я поѣду къ ней, поѣду, выскажу ей все—покажу ей ее, какъ въ зеркалѣ... И если ты и тутъ захочешь моей руки, ничтожная—предъ лицомъ всего дворянства, войска и народа—вооружись ты всею гордостью своей Англіи—я отвергну тебя—я, германскій юноша! (*Быстро уходитъ*).



ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Зала во дворцѣ лэди Мильфордъ; направо софа, налѣво фортепіано.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Лэди, *въ простомъ, но изящномъ утреннемъ костюмѣ, съ распущенными еще незавитыми волосами, сидитъ за фортепіано и фантазируетъ;* Софи, *камеристка, подходитъ къ ней отъ окна.*

Софи. Офицеры расходятся. Парадъ кончился... Но Вальтера еще не видать.

Лэди *(въ сильномъ безпокойствѣ, встаетъ и проходитъ по комнатѣ).* Я не знаю, что со мною сегодня, Софи. Никогда еще со мною этого не было. Такъ ты его совсѣмъ не видала? Впрочемъ — ему нечего торопиться... Это давитъ мнѣ грудь, какъ преступленіе... Поди, Софи—вели осѣдлать мнѣ самую бѣшенную лошадь, какая только есть на конюшнѣ. Мнѣ надо на просторъ—увидѣть людей, ясное небо. Авось, будетъ легче на сердцѣ.

Софи. Если вы чувствуете себя не совсѣмъ хорошо, милэди — назначьте собраться сегодня у васъ. Пусть герцогъ обѣдаетъ здѣсь, или сядетъ за карты передъ вашей софой. Будь у меня въ распоряженіи герцогъ и весь его дворъ—да я бы и не подумала никогда скучать!

Лэди *(бросаясь на софу).* Прошу, пощади меня! Я готова платить тебѣ по брильянту за каждый часъ, только бы они не мозолили мнѣ глазъ! Не меблировать же мнѣ комнаты этимъ народомъ?. Все это дрянные, жалкіе люди: ихъ беретъ ужасъ, когда у меня срывается съ языка теплое, сердечное слово; они раскрываютъ рты и поднимаютъ носы, словно привидѣніе увидали... Это рабы одной маріонетной проволоки, которою мнѣ легче управлять, чѣмъ шить или вязать. Что мнѣ за дѣло до этихъ людей? У нихъ и душа-то заведена на одинъ ладъ, какъ часы. Мнѣ не можетъ быть удовольствія спрашивать ихъ о чемъ-нибудь; вѣдь я заранѣе знаю, что мнѣ они отвѣтятъ. Могу ли я мѣняться съ ними словами, когда у нихъ не хватаетъ смѣлости быть иного мнѣнія, чѣмъ я? Прочь ихъ! Досадно и на лошадь, если она никогда не закусываетъ удилъ. *(Подходитъ къ окну).*

Софи. Но ужъ герцога-то вы исключите изъ этого числа, милэди! Мужчины болѣе красиваго, любовника болѣе пламеннаго,

человѣка болѣе умнаго не найти во всемъ его герцогствѣ.

Лэди *(возвращается)*. Оттого что это его герцогство—и только герцогскій санъ, Софи, можетъ служить слабымъ извиненіемъ моему выбору. Ты говоришь: мнѣ завидуютъ. Бѣдная! Меня слѣдовало бы скорѣе жалѣть. Изъ всѣхъ, кого питаетъ тронъ, никто не кончаетъ такъ грустно, какъ фаворитка: (ея судьба похожа развѣ на судьбу великаго и богатаго человѣка, которому пришлось взяться за нищенскую клюку. Правда, талисманомъ своего величія онъ можетъ вызвать изъ земли, какъ волшебный дворецъ, все, чего запроситъ мое сердце. Онъ ставитъ передо мною на столъ дары обѣихъ Индій; онъ создаетъ эдемы въ пустыняхъ; по его мановенію родники его земли взлетаютъ подъ облака гордыми водометами... или вспыхиваетъ въ пышномъ фейерверкѣ потъ и кровь его подданныхъ... Но можетъ ли онъ приказать своему сердцу биться могучимъ и огненнымъ біеніемъ около могучаго, пламеннаго сердца? Можетъ ли онъ отдать свою скудную душу одному прекрасному чувству?) Сердце мое томится голодомъ при всемъ этомъ избыткѣ наслажденій; и что мнѣ въ тысячѣ лучшихъ чувствъ, если я обречена лишь утолять страсти?

Софи *(смотритъ на нее съ удивленіемъ)*. Давно уже служу я вамъ, милэди...

Лэди. А узнала меня только сегодня! Да, это правда, Софи. Я продала герцогу свою честь; но сердце свое сохранила я свободнымъ—сердце, милая Софи, которое можетъ быть еще достойно любви. Заразительный воздухъ двора коснулся его лишь, какъ дыханье касается зеркала. (Вѣрь мнѣ, милая, что этотъ жалкій герцогъ давно бы сдѣлалъ меня первою дамой при дворѣ, если бъ только пожелало того мое честолюбіе.

Софи. А это сердце очень-таки повиновалось честолюбію.

Лэди *(съ живостью)*. Будто оно не довольно ужъ мстило за себя? не мститъ и теперь? Софи! (*Серьезно, опуская руку на плечо Софи*). У насъ, женщинъ, только одинъ выборъ—повелѣвать или служить; но и высшее наслажденіе власти лишь жалкое утѣшеніе, когда мы лишены самой высшей радости—быть рабами человѣка любимаго.

Софи. Эту истину я желала бы слышать отъ васъ въ послѣдній разъ, милэди.

Лэди. Отчего, Софи? Глядя на дѣтское неумѣнье наше держать скипетръ, какъ не подумать, что мы годимся лишь для помочей?) Иль ты не замѣчала, что этимъ капризнымъ легкомысліемъ, этими безумными удовольствіями я хотѣла заглушить бурныя желанія своего сердца.

Софи *(отступая въ изумленіи)*. Милэди!

Лэди *(съ еще большимъ одушевленіемъ)*. Удовлетвори ихъ! Дай мнѣ человѣка, о которомъ я теперь думаю—котораго боготворю.. Ахъ, Софи! или умереть, или обладать имъ! *(Замирающимъ голосомъ)*. Дай мнѣ услышать изъ его устъ, что слезы любви въ нашихъ глазахъ блещутъ прекраснѣе всѣхъ брильянтовъ въ нашихъ волосахъ *(пламенно)* —и я брошу къ ногамъ герцога и его сердце, и его герцогство, и убѣгу съ этимъ человѣкомъ, убѣгу въ самую далекую пустыню на земномъ шарѣ.

Софи *(смотритъ на нее въ испугѣ)*. Боже мой! что вы? что съ вами, милэди?

Лэди *(въ смущеніи)*. (Ты блѣднѣешь? Ужъ не сказала ли я чего лишняго? О, такъ пусть же моя довѣрчивость наложитъ молчаніе на твой языкъ. Выслушай больше—выслушай все!

Софи *(робко озирается)*. Я боюсь, милэди—боюсь... зачѣмъ мнѣ это знать?

Лэди. Бракъ съ майоромъ... и ты, и свѣтъ—вы ошибаетесь, думая, что это придворная интрига. Софи, не краснѣй—не стыдись меня: это дѣло—моей любви!

Софи. Боже мой! Я это предчувствовала!

Лэди. Ихъ было не трудно уговорить, Софи. Слабодушный герцогъ—хитрый, придворный Вальтеръ—нелѣпый маршалъ... каждый изъ нихъ готовъ присягнуть, что этотъ бракъ—самое дѣйствительное средство сохранить меня для герцога, упрочить нашу связь... Нѣтъ! навѣки разорвать ее! навѣки разбить эти позорныя цѣпи! Васъ самихъ обманули, обманщики! Слабая женщина перехитрила васъ! Вы сами соединяете меня съ моимъ милымъ. Вѣдь, я этого только и хотѣла...) Только бы онъ былъ мой—мой—тогда прощай навѣки, отвратительное величіе!

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. Старый камердинеръ герцога, *съ шкатулкой въ рукахъ*.

Камердинеръ. Его высочество герцогъ приказалъ кланяться милэди и прислалъ ей на свадьбу эти брильянты. Они только что получены изъ Венеціи.

Лэди (*открываетъ шкатулку и отступаетъ въ испугѣ*). Слушай, что заплатилъ твой герцогъ за эти камни?

Камердинеръ (*мрачно*). Они не стоятъ ему ни гроша.

Лэди. Какъ! Ты съ ума сошелъ? Ничего? Но ты (*отступаетъ отъ него шагъ назадъ*)—ты смотришь на меня такъ, будто хочешь пронзить меня насквозь своимъ взглядомъ. И эти дорогіе камни, которымъ нѣтъ цѣны, ничего не стоятъ ему?

Камердинеръ. Вчера семь тысячъ человѣкъ отправилось въ Америку... тѣ все заплатятъ!

Лэди (*тотчасъ же ставитъ шкатулку и начинаетъ быстро ходить по залѣ; потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, обращается къ камердинеру*). Старикъ! что съ тобой ты никакъ плачешь?

Камердинеръ (*обтираетъ глаза и говоритъ глухимъ голосомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ*). Эти брильянты... И моихъ двое сыновей пошло...

Лэди (*отворачивается въ тревогѣ и схватываетъ его руку*). Но не поневолѣ?

Камердинеръ (*съ горькимъ смѣхомъ*). Боже мой!.. Нѣтъ—все по доброй волѣ!... Правда, вышли двое, трое молодцовъ посмѣлѣе передъ фронтъ и спросили полковника, почемъ продаетъ герцогъ пару людей. Но милостивый нашъ принцъ велѣлъ выступить на плацпарадъ всѣмъ полкамъ и разстрѣлять крикуновъ. Мы слышали, какъ грянули ружья; видѣли, какъ брызнулъ на мостовую мозгъ— и вся армія крикнула; „ура! въ Америку!"

Лэди (*въ ужасѣ опускается на софу*). Боже мой! Боже мой! А я ничего не слыхала! не замѣчала!

Камердинеръ. Такъ-то, сударыня! Напрасно поѣхали вы съ нашимъ герцогомъ на медвѣжью травлю, какъ ударили сборъ къ выступленію. Жаль, что вы это торжество пропустили, какъ намъ возвѣстилъ громъ барабановъ, что пора. Тамъ сироты съ воемъ догоняли живого отца, а тутъ бѣжала, какъ обезумѣвъ, мать пропороть штыками своего грудного младенца; невѣстъ и жениховъ отгоняли другъ отъ друга сабельными ударами; въ отчаяніи стояли сѣдые старики и кидали подъ конецъ вслѣдъ дѣтямъ свои костыли: возьмите, молъ, и ихъ въ Америку!.. А барабаны-то со всѣхъ сторонъ трещатъ, чтобы Господь всевѣдущій не услыхалъ нашихъ молитвъ.

Лэди (*встаетъ въ сильномъ волненіи*). Прочь эти камни! Они жгутъ адскимъ огнемъ мое сердце! (*Кротко камердинеру*). Успокойся, бѣдный старикъ! Они возвратятся, Они опять будутъ на родинѣ.

Камердинеръ (*съ чувствомъ*). Богу это извѣстно! Да! будутъ!.., Они еще у городскихъ воротъ обернулись и кричали; „Богъ васъ храни, жены и дѣти! Да здравствуетъ нашъ герцогъ!—На страшномъ судѣ свидимся!"

Лэди (*ходитъ большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ*). Ужасно! безчеловѣчно!.. А мнѣ говорили, что я осушила здѣсь всѣ слезы!... Страшно, страшно открываются у меня глаза. Ступай, скажи своему господину—я поблагодарю его лично! (*Камердинеръ хочетъ итти. Она кладетъ ему въ шляпу кошелекъ съ деньгами*). Вотъ тебѣ за то, что ты сказалъ мнѣ правду.

Камердинеръ (*бросаетъ кошелекъ на столъ съ презрѣніемъ*). Положите его къ остальнымъ. (*Уходитъ*).

Лэди (*глядитъ съ изумленіемъ ему вслѣдъ*). Софи, бѣги за нимъ! спроси, какъ его зовутъ! Сыновья возвратятся къ нему! (*Софи уходитъ. Лэди ходитъ задумавшись. Молчаніе. Къ возвращающейся Софи*). Неправда ли, недавно говорили, что пожаръ истребилъ одинъ городъ на границѣ и около четырехъ сотъ семействъ пошло по міру? (*Звонитъ*).

Софи. Какъ вы это вспомнили? Это, точно, правда, и большая часть этихъ несчастныхъ теперь въ кабалѣ у своихъ кредиторовъ, или пропадаютъ въ шахтахъ герцогскихъ серебряныхъ рудниковъ.

Слуга (*входитъ*). Что прикажете, милэди?

Лэди (*отдаетъ ему брильянты*). Сейчасъ же отнеси это въ банкъ!—Сказать, что я приказала немедленно превратить это въ деньги и раздать ихъ четыремъ стамъ несчастнымъ, потерпѣвшимъ отъ пожара.

Софи. Подумайте, милэди, какой немилости можете вы подвергнуться!

Лэди (*съ достоинствомъ*). Такъ мнѣ носить на головѣ проклятіе его страны? (*Дѣлаетъ знакъ слугѣ. Онъ уходитъ*). Иль ты хочешь, чтобы я упала подъ страшнымъ бременемъ этихъ слезъ? Да, Софи!—лучше носить въ волосахъ фальшивые алмазы, лишь бы въ сердцѣ жило сознаніе добраго дѣла!

Софи. Но такіе камни! Чтобы вамъ взять прежніе, похуже! Нѣтъ, право, милэди, этого вамъ простить нельзя.

Лэди. Глупая! за это въ одну минуту дается мнѣ больше брильянтовъ и жемчугу, чѣмъ могутъ насчитать десять королей у себя въ коронахъ, и болѣе цѣнныхъ...

Слуга (*возвращается*). Майоръ фонъ-Вальтеръ.

Willst du dein Maul halten? willst ...

Kabale und Liebe

I Aufz. 2 Auftr.

... werfen —

I Aufz. 4 Auftr.

Mäßige dich, armer alter Mann
Sie werden wieder kommen. –

II Aufz. 2 Auftr.

Ich liebe Mylady — Liebe
ein bürgerliches Mädchen

II Aufz. 3 Auftr.

Современные рисунки къ «Коварству и Любви»
знаменитаго гравера Ходовецкаго.

I.

du dein Maul halten? willst
ioloncello am Hirnkasten wiß
Kabale und Liebe
1. Aufz 2. Auftr.

Mir vertraue dich — Ich will mich
zwischen dich und das Schick-
sal werfen —
I Aufz 4 Auftr.

Zum Glück war mir noch nie für
die Ausführung eines Entwurfs
bange
1. Aufz 5 Auftr.

ge dich, armer alter Mann
erden wieder kommen.
II Aufz 2. Auftr.

Ich liebe Mylady — Liebe
ein bürgerliches Mädchen
II Aufz 3. Auftr.

Wem der Teufel ein Ey in die
Wirthschaft gelegt hat dem wird
eine hübsche Tochter gebohren.
II. Aufz. 4. Auftr.

Софи (*кидается къ лэди*). Боже мой! вы поблѣднѣли.

Лэди. Это первый человѣкъ, котораго я страшусь! Софи! Эдуардъ, скажи, что мнѣ нездоровится... Подожди!... Что, какъ онъ? Веселъ? Что говоритъ? Ахъ, Софи! Неправда ли, я сегодня такъ нехороша.

Софи. Ради Бога, милэди...

Слуга. Прикажете отказать?

Лэди (*нерѣшительно*). Нѣтъ, проси! (*Слуга уходитъ*). Говори, Софи!.. Что мнѣ сказать ему? Какъ принять его?... Я буду нѣма... Онъ будетъ смѣяться надъ моей слабостью... Онъ будетъ... О! какое ужасное предчувствіе!.. Ты оставляешь меня, Софи? Останься! Нѣтъ!... Иди!... Нѣтъ, останься! (*Майоръ показывается въ дверяхъ*).

Софи. Придите въ себя! Онъ ужъ здѣсь.

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. Фердинандъ фонъ-Вальтеръ.

Фердинандъ (*съ легкимъ поклономъ*). Не безпокою ли я васъ, милэди?

Лэди (*въ замѣтномъ смущеніи*). Ни мало, господинъ Вальтеръ. Я очень рада...

Фердинандъ. Я явился по приказанію моего отца.

Лэди. Очень благодарна ему.

Фердинандъ. И долженъ объявить вамъ, что мы женихъ и невѣста... Таково порученіе отца.

Лэди (*блѣднѣетъ и дрожитъ*). А что говоритъ вамъ ваше сердце?

Фердинандъ. Министры и сводники никогда не справляются съ сердцемъ.

Лэди (*въ тревогѣ черезъ силу*). А вамъ самимъ нечего прибавить къ порученію?

Фердинандъ (*бросая взглядъ на Софи*). Очень много, милэди.

Лэди (*дѣлаетъ знакъ Софи; та удаляется*). Не угодно ли вамъ сѣсть сюда, на софу.

Фердинандъ. Моя рѣчь будетъ не долга, милэди.

Лэди. Я слушаю.

Фердинандъ. Я человѣкъ честный.

Лэди. И я умѣю цѣнить васъ.

Фердинандъ. Дворянинъ.

Лэди. Лучшій въ герцогствѣ.

Фердинандъ. И офицеръ.

Лэди (*льстиво*). Вы касаетесь достоинствъ, которыя раздѣляютъ съ вами и другіе. Зачѣмъ умалчиваете вы о лучшихъ вашихъ качествахъ, въ которыхъ нѣтъ вамъ равныхъ?

Фердинандъ (*холодно*). Здѣсь они мнѣ не нужны.

Лэди (*съ возрастающимъ безпокойствомъ*). Какъ понимать мнѣ это предисловіе?

Фердинандъ (*медленно и выразительно*). Примите его за протестъ чести, если у васъ есть охота насильно соединить свою судьбу съ моей.

Лэди (*вскакивая*). Что это такое, господинъ Вальтеръ?

Фердинандъ (*небрежно*). Голосъ моего сердца, моего герба и этой шпаги!

Лэди. Эту шпагу далъ герцогъ.

Фердинандъ. Рукою герцога дало мнѣ ее государство... Сердце мое далъ мнѣ Богъ... Мой гербъ—цѣлыя пять столѣтій.

Лэди. Имя герцога...

Фердинандъ (*запальчиво*). Не можетъ же герцогъ извращать законы человѣчества, или чеканить поступки, какъ монету? Онъ самъ стоитъ не выше чести, но можетъ зажать ей ротъ своимъ золотомъ. Онъ можетъ прикрыть свой стыдъ горностаевой мантіей. Прошу васъ, милэди, оставимъ этотъ предметъ. Рѣчь ужъ не о забвеніи составленныхъ плановъ, не о предкахъ, не объ этомъ темлякѣ, не о мнѣніи свѣта! Я готовъ попрать все это, только бы вы убѣдили меня, что награда не хуже самой жертвы!

Лэди (*отходя отъ него скорбно*). Господинъ Вальтеръ, этого я не заслужила.

Фердинандъ (*схватываетъ ея руку*). Простите! Мы говоримъ здѣсь безъ свидѣтелей. Обстоятельство, которое свело насъ—въ первый разъ—даетъ мнѣ право, вынуждаетъ меня не скрывать отъ васъ самаго завѣтнаго моего чувства. Я никакъ не могу понять, милэди, чтобы женщина съ такой красотой, съ такимъ умомъ—качествами, которыя оцѣнилъ бы всякій достойный человѣкъ—могла отдаться принцу, который съумѣлъ оцѣнить въ ней лишь ея полъ. И эта женщина не стыдится предлагать свое сердце...

Лэди (*глядя ему прямо въ глаза*). Договаривайте.

Фердинандъ. Вы называете себя британкой! Извините меня—я не могу вѣрить, чтобы вы были британка! свободно-рожденная дочь самаго свободнаго народа въ мірѣ—народа, который такъ гордъ, что не благоговѣетъ и передъ чужою доблестью—никакъ не можетъ наняться служить чужому пороку! Не можетъ быть, чтобы вы были британка!... или сердце этой британки настолько же мелко, насколько смѣла и благородна кровь, текущая въ жилахъ Британіи?

Лэди. Кончили вы?

Фердинандъ. Можно, пожалуй, отвѣтить, что это женская суетность, страсть, горячій темпераментъ, жажда удовольствій. Не разъ случалось, что добродѣтель переживала честь. Не разъ женщины, позорно вступавшія на эту дорогу, примиряли съ собою свѣтъ благородными дѣлами и облагораживали отвратительное ремесло хорошимъ его употребленіемъ. Но отчего же здѣсь такой страшный гнетъ на всей странѣ? Прежде его не было. Я говорилъ отъ лица герцогства. Я кончилъ.

Лэди (*кротко, но съ достоинствомъ*). Вы первый, Вальтеръ, рѣшились обратиться ко мнѣ съ такими словами, и вы единственный человѣкъ, которому я на нихъ отвѣчу. Вы отвергаете мою руку—и я уважаю васъ за это! Вы хулите мое сердце—это я прощаю вамъ! Но я не вѣрю вамъ, чтобы вы говорили серьезно. Рѣшаясь обращаться съ такими оскорбленіями къ женщинѣ, которой довольно одной ночи, чтобы погубить васъ навѣки, надо предположить въ этой женщинѣ высокую душу, или—быть безъ ума. Что разореніе страны взваливаете вы на мои плечи—да проститъ вамъ Господь Всемогущій, который нѣкогда разсудитъ и васъ, и меня, и герцога. Но вы обратили вашъ вызовъ ко мнѣ, какъ англичанкѣ, а на подобные упреки должно отвѣчать вамъ мое отечество.

Фердинандъ (*опершись на шпагу*). Любопытно послушать.

Лэди. Такъ выслушайте же то, чего, кромѣ васъ, не довѣряла я никому никогда и никогда не довѣрю ни единому человѣку! Я не искательница приключеній, какою вы меня считаете, Вальтеръ! Я могла бы хвастливо сказать вамъ, что я царскаго происхожденія—изъ рода несчастнаго Томаса Норфолька, павшаго жертвой за шотландскую Марію. Отца моего, старшаго камергера при королѣ, заподозрили въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Франціей; парламентъ приговорилъ его, и ему отрубили голову. Всѣ наши имѣнія поступили въ казну. Насъ самихъ изгнали изъ родной земли. Мать моя умерла въ самый день казни. Я—тогда четырнадцатилѣтняя дѣвочка—бѣжала въ Германію со своей воспитательницей, съ ящичкомъ драгоцѣнныхъ вещей и съ этимъ наслѣдственнымъ крестомъ, который умирающая мать моя надѣла мнѣ на шею съ послѣднимъ своимъ благословеніемъ.

Фердинандъ (*задумывается и устремляетъ на лэди глаза съ большимъ сочувствіемъ*).

Лэди (*продолжаетъ съ возрастающимъ волненіемъ*). Больная, безъ имени, безъ помощи и средствъ, чужестранка и сирота, пріѣхала я въ Гамбургъ. Я ничему не училась; знала лишь немножко по-французски, да умѣла немножко вязать, да немножко играть на фортепіанахъ. За-то привыкла ѣсть на серебрѣ и золотѣ, спать подъ дамастовыми покрывалами, однимъ знакомъ руки разсылать десятки слугъ и слушать лесть великихъ міра сего. Я проплакала шесть лѣтъ... Послѣдняя брильянтовая булавочка исчезла. Воспитательница моя умерла. А тутъ какъ нарочно судьбѣ нужно было привести въ Гамбургъ вашего герцога. Я гуляла тогда по берегамъ Эльбы, смотрѣла на рѣку, и только-что принялась мечтать, что глубже—эта ли рѣка или мое горе? Герцогъ увидалъ меня, сталъ слѣдить за мной, отыскалъ мою квартиру, упалъ къ моимъ ногамъ и клялся, что любитъ меня. (*Пріостанавливается въ сильной тревогѣ, потомъ продолжаетъ со слезами въ голосѣ*). Картины моего счастливаго дѣтства воскресли передо мной во всемъ ихъ обольстительномъ блескѣ... Черной могилой казалось мнѣ мое безутѣшное будущее... Сердце мое пламенно просило другого сердца... И я припала къ его сердцу. (*Убѣгая отъ него*). Теперь осуждайте меня!

Фердинандъ (*сильно встревоженный, бросается къ ней и останавливаетъ ее*). Милэди! Боже мой! Что я слышу? Что я надѣлалъ?... Мнѣ самому ужасна моя дерзость! Я не могу ждать отъ васъ прощенія!

Лэди (*возвращается, стараясь собраться съ духомъ*). Слушайте дальше! Правда, герцогъ овладѣлъ моей беззащитной молодостью... но кровь Норфольковъ возмутилась во мнѣ. „Эмилія!“ говорилъ мнѣ мой внутренній голосъ: „въ тебѣ течетъ царская кровь, а ты наложница герцога!“ Гордость боролась у меня въ душѣ съ моею судьбой, когда герцогъ привезъ меня сюда, и глазамъ моимъ сразу явилось ужаснѣйшее зрѣлище... Сластолюбіе великихъ этого міра—ненасытная гіэна, въ неутолимомъ голодѣ вѣчно ищущая себѣ добычи. Оно уже страшно свирѣпствовало въ этой странѣ: разлучало жениховъ и невѣстъ, разрывало даже священныя узы брака; здѣсь подтачивало скромное счастье семьи, тамъ проникало тлетворной заразой въ молодое, неопытное сердце—и умирающія ученицы, съ пѣной на устахъ, въ послѣднихъ судоро-

гахъ проклинали своего учителя. Я встала между агнцемъ и тигромъ, потребовала отъ него въ минуту страсти торжественной клятвы — и эти безчеловѣчныя жертвы прекратились.

Фердинандъ (*въ сильнѣйшей тревогѣ быстро ходитъ по залѣ*). Довольно, милэди! довольно!

Лэди. Печальный періодъ этотъ смѣнился еще болѣе печальнымъ. И дворъ, и сераль наполнились исчадіями Италіи. Вѣтренныя парижанки играли страшнымъ скипетромъ и народъ истекалъ кровью отъ ихъ прихотей. Царству ихъ былъ положенъ конецъ! Я видѣла ихъ жалкое паденіе: я была больше всѣхъ ихъ кокетка! Я взяла бразды у тирана, разслабшаго въ моихъ объятіяхъ. Отечество твое, Фердинандъ, впервые почувствовало надъ собой человѣческую руку — и довѣрчиво склонилось ко мнѣ на грудь. (*Молчаніе. Она страстно глядитъ на него*). Боже мой! и передъ единственнымъ человѣкомъ, мнѣніемъ котораго я дорожу, я принуждена хвастаться и сжигать свою скромную заслугу на огнѣ изумленія! Вальтеръ! я отворяла темницы, разрывала смертные приговоры и сократила не одну страшную вѣчность каторги. Въ неизлѣчимыя раны лила я по крайней мѣрѣ утоляющій бальзамъ; я повергала во прахъ могучихъ преступниковъ и своею наложнической слезой спасала не разъ проигранное дѣло невинности. О, Вальтеръ! какъ отрадно было мнѣ это! Съ какою гордостью могло опровергать мое сердце всякое обвиненіе моего царственнаго происхожденія! И вдругъ является человѣкъ, который одинъ долженъ бы вознаградить меня за все это — человѣкъ, созданный моею истощенной судьбой можетъ быть взамѣну пережитыхъ мною страданій — человѣкъ, котораго я уже въ грезахъ обнимала съ палящею страстью...

Фердинандъ (*глубоко потрясенный, прерываетъ ее*). Довольно! это ужъ слишкомъ! Это противъ уговора, милэди! Вы должны были оправдать себя отъ обвиненій — и дѣлаете меня преступникомъ. Пощадите — умоляю васъ — пощадите мое сердце! его терзаютъ и стыдъ, и жгучія угрызенія совѣсти.

Лэди (*крѣпко сжимая ему руку*). Теперь или никогда! Долго выдерживала я, какъ героиня... Но ты долженъ же почувствовать тягость этихъ слезъ! (*Нѣжно*). Послушай, Вальтеръ. Неужели въ минуту, какъ несчастная, въ непреодолимомъ, всемогущемъ влеченіи къ тебѣ, прижмется къ

твоей груди — грудью, полною пламенной, неистощимой любви — неужели, Вальтеръ, ты и тутъ произнесешь холодное слово — честь? Когда эта несчастная, подавленная чувствомъ своего позора, отвращаясь отъ порока, героически возставая на зовъ добродѣтели, бросится вотъ такъ въ твои объятія (*обнимаетъ его; торжественно и умоляющимъ голосомъ*) и захочетъ, чтобы ты спасъ ее — возвратилъ ее небу, неужели — (*отворачивается отъ него: глухимъ дрожащимъ голосомъ*) неужели ей бѣжать твоего образа и, повинуясь страшному голосу отчаянія, ринуться опять въ еще болѣе ужасный омутъ порока?

Фердинандъ (*въ сильномъ смущеніи, стараясь вырваться изъ ея объятій*). Нѣтъ — клянусь всемогущимъ Богомъ — мнѣ не выдержать этого! Милэди, я долженъ... небо и земля требуютъ этого отъ меня... я долженъ вамъ признаться, милэди!...

Лэди (*убѣгая отъ него*). Не теперь, не теперь — умоляю васъ всѣмъ, что для васъ свято! Въ эту минуту сердце мое и безъ того окровавлено тысячью ударовъ. Будь это рѣшеніе на жизнь и смерть — я не могу, я не хочу его слышать.

Фердинандъ. Нѣтъ, нѣтъ, милэди. Вы должны выслушать. Мое признаніе уменьшитъ въ вашихъ глазахъ мою вину и будетъ теплымъ ходатайствомъ за прошедшее. Я обманулся въ васъ, милэди: я ожидалъ — я желалъ найти васъ достойной моего презрѣнія. Я пришелъ сюда съ твердымъ рѣшеніемъ оскорбить васъ и заслужить вашу ненависть. Если бы предположеніе мое удалось, это было бы счастіе для насъ обоихъ. *(Послѣ нѣкотораго молчанія, тише и застѣнчивѣе).* Я люблю, милэди — люблю мѣщанскую дѣвушку, Луизу Миллеръ, дочь одного музыканта. *(Лэди блѣднѣетъ и отворачивается отъ него; онъ продолжаетъ съ большимъ одушевленіемъ).* Я знаю, что меня ждетъ; но если бы благоразуміе и заставило умолкнуть страсть, тѣмъ громче заговорилъ бы долгъ. Я виноватый. Я первый нарушилъ золотой міръ ея невинности, баюкалъ ея сердце дерзкими надеждами и коварно предалъ ее бурной страсти. Вы напомните мнѣ мое состояніе, мое рожденіе, правила моего отца — но я люблю. Моя надежда тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ глубже разладъ между природой и приличіями. Мое рѣшеніе и предразсудокъ! Посмотримъ, что побѣдитъ — предубѣжденіе или человѣчность? *(Лэди между тѣмъ удалилась въ самую глубину комнаты и закрыла лицо руками. Онъ подходитъ къ ней).* Вы хотѣли мнѣ что-то сказать, милэди?

Лэди *(тономъ глубочайшей скорби).* Ничего, господинъ Вальтеръ. Ничего. Развѣ то, что вы губите и себя, и меня, и еще третью.

Фердинандъ. И еще третью?

Лэди. Мы не можемъ быть счастливы другъ съ другомъ; но мы должны пасть жертвой поспѣшности вашего отца. Никогда не владѣть мнѣ сердцемъ человѣка, который лишь поневолѣ отдалъ мнѣ свою руку.

Фердинандъ. Поневолѣ, милэди? отдалъ поневолѣ? но все-таки отдалъ? И вы можете требовать руки безъ сердца? Вы можете отнимать у бѣдной дѣвушки человѣка, въ которомъ для этой дѣвушки заключенъ весь міръ? отнимать эту дѣвушку у человѣка, весь міръ котораго заключенъ въ ней? Вы, милэди — за минуту передъ тѣмъ достойная удивленія британка — вы готовы на это?

Лэди. Я должна. *(Серьезно и выразительно).* Страсть моя, Вальтеръ, уступаетъ моей нѣжности къ вамъ. Честь моя не можетъ сдѣлать такой уступки. Все герцогство говоритъ о нашемъ бракѣ. На меня направлены всѣ глаза, всѣ стрѣлы насмѣшки. Ничѣмъ не смыть моего позора, если подданный герцога отвергнетъ меня. Боритесь со своимъ отцомъ. Защищайтесь, насколько у васъ есть силы. Я взорву всѣ мины. *(Быстро уходитъ. Майоръ остается въ безмолвномъ оцѣпенѣніи. Пауза. Потомъ онъ быстро убѣгаетъ въ главную дверь).*

Комната музыканта.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Входятъ Миллеръ, госпожа Миллеръ *и* Луиза.

Миллеръ *(поспѣшно входя въ комнату).* Я напередъ сказалъ.

Луиза *(кидается къ нему въ испугѣ).* Что такое, батюшка? Что такое?

Миллеръ *(бѣгая взадъ и впередъ, какъ помѣшанный).* Мой парадный кафтанъ сюда — живо! Я долженъ предупредить его. И бѣлую манишку! Мнѣ это тотчасъ же пришло въ голову.

Луиза. Ради Бога! что такое?

Жена. Да что случилось? что такое?

Миллеръ *(бросаетъ ей свой парикъ).* Скорѣй къ парикмахеру! Что случилось? *(Подбѣгаетъ къ зеркалу).* И борода опять уже какъ щетка. Что случилось? что еще случится, чортова кукла? Все пошло вверхъ дномъ! ужъ не сносить же тебѣ головы.

Жена. Вотъ онъ всегда такъ! ужъ сейчасъ все и на меня.

Миллеръ. На тебя? да, проклятая трещетка! а то на кого же? Давича тоже со своимъ дьявольскимъ барономъ... Не сказалъ я тогда же? Вурмъ все выболталъ.

Жена. Пуще всего. Ты-то почемъ знаешь?

Миллеръ. Я почемъ знаю? Поди-ка! тамъ у дверей торчитъ посланный отъ министра.

Луиза. Я ни жива, ни мертва.

Миллеръ. Ужъ и ты то со своими сладкими глазками! *(Злобно смѣется).* Ужъ это такъ: у кого чортъ снесетъ въ хозяйствѣ яичко, у того славная дочка родится. Теперь дѣло ясно.

Жена. Да почемъ ты знаешь, что объ Луизѣ дѣло? Можетъ тебя рекомендовали герцогу, можетъ онъ тебя въ оркестръ хочетъ?

Миллеръ *(схватываетъ свою палку).* Чтобы тебя громомъ разразило! Въ ор-

кестръ! да, въ такой оркестръ, гдѣ ты, сводня, будешь дишкантомъ выть, а моя синяя спина будетъ контрбасомъ. *(Бросается въ кресла).* Боже милостивый!

Луиза *(садится, блѣдная какъ смерть).* Матушка, батюшка, что это мнѣ вдругъ такъ страшно стало?

Миллеръ *(вскакиваетъ опять со стула).* Только бы мнѣ попалась въ лапы эта чернильная душа! Только бы онъ мнѣ попался! На этомъ ли свѣтѣ или въ будущемъ — ужъ выколочу же я ему и тѣло, и душу! Всѣ десять заповѣдей, всѣ семь прошеній изъ „Отче нашъ" и всѣ книги моисеевы и всѣхъ пророковъ выпишу ему на шкурѣ, такъ что синяки не заживутъ до самаго свѣтопреставленія.

Жена. Да, ругайся, кричи! пуще всего этимъ поможешь. Господи, спаси насъ грѣшныхъ! Куда намъ теперь дѣться? Что дѣлать? что начать? да говори же ты, Миллеръ! *(Съ воемъ бѣгаетъ по комнатѣ).*

Миллеръ. Сейчасъ же иду къ министру. Я первый заговорю — самъ ему все скажу. Ты прежде меня знала. Могла бы мнѣ сказать. Можно бы еще дѣвку уговорить. Было еще время. Такъ нѣтъ! Помаклерить намъ надо было — въ мутной водицѣ рыбу половить. Вотъ и надѣлала дѣла. Теперь сама и береги свою шкуру. Жри, что наклянчила. Я возьму дочь и маршъ съ ней за границу.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. Фердинандъ фонъ-Вальтеръ *вбѣгаетъ въ испугѣ и запыхавшись.*

Фердинандъ. Былъ здѣсь отецъ?

Луиза *(вскакиваетъ въ ужасѣ).* Его отецъ! всемогущій Боже.

Жена *(всплескиваетъ руками).* Президентъ? Пропали мы!

Миллеръ *(злобно хохочетъ).* Слава Богу, слава Богу! Вотъ намъ и развязка!

Всѣ вмѣстѣ.

Фердинандъ *(бросается къ Луизѣ и крѣпко сжимаетъ ее въ объятіяхъ).* Ты моя, хотя бы адъ и небо встали между нами.

Луиза. Судьба моя рѣшена. Говори. Ты произнесъ ужасное имя! Твой отецъ...

Фердинандъ. Ничего, ничего! все улажено! Вѣдь ты опять со мною. Вѣдь я опять съ тобою. О! дай мнѣ отдохнуть на твоей груди. Это были страшныя минуты.

Луиза. Какія? ты убиваешь меня.

Фердинандъ *(отступаетъ и многозначительно смотритъ на нее).* Минуты, Луиза, когда между моимъ сердцемъ и тобою встало постороннее лицо; когда моя любовь поблѣднѣла передъ моею совѣстью; когда моя Луиза перестала быть всѣмъ для своего Фердинанда.

Луиза *(закрываетъ лицо руками и опускается въ кресла).*

Фердинандъ *(быстро подходитъ къ ней; безмолвно стоитъ передъ ней, пристально на нее глядя; потомъ вдругъ отходитъ отъ нея, въ сильной тревогѣ).* Нѣтъ! никогда! невозможно, милэди! это ужъ слишкомъ. Я не могу тебѣ принести въ жертву это невинное существо! нѣтъ! клянусь всемогущимъ Богомъ! я не могу нарушить моей клятвы. Громомъ небеснымъ звучитъ она мнѣ изъ этихъ смежающихся глазъ! Милэди, взгляните! Взгляни, кровожадный отецъ! И мнѣ убить этого ангела? зажечь адскимъ огнемъ эту небесную грудь? *(Рѣшительно подходитъ къ Луизѣ).* Я поведу ее къ престолу небеснаго Судіи и Онъ, Предвѣчный, скажетъ мнѣ—была ли моя любовь преступленіемъ. *(Беретъ ее за руку и подымаетъ съ кресла).* Ободрись, моя милая! Ты одержала верхъ; я возвращаюсь побѣдителемъ изъ опасной битвы.

Луиза. Нѣтъ, нѣтъ! не скрывай отъ меня ничего! произнеси страшный приговоръ! Ты назвалъ своего отца — назвалъ лэди. ~~Смертный трепетъ овладѣваетъ мной.~~ Говорятъ, она выходитъ замужъ.

Фердинандъ (*падаетъ къ ногамъ Луизы*). За меня, несчастная!

Луиза (*послѣ нѣкотораго молчанія, тихимъ, дрожащимъ голосомъ, съ ужасающимъ спокойствіемъ*). Что же? Чего я испугалась? Вѣдь старикъ отецъ не разъ говорилъ мнѣ это; я все не хотѣла ему вѣрить. (*Молчаніе; она съ громкимъ плачемъ кидается въ объятья отца*). ~~Батюшка! дочь твоя опять съ тобою!~~ Прости меня, батюшка! Виновато ли твое дитя, что этотъ сонъ былъ такъ прекрасенъ и такъ ужасно пробужденіе?

Миллеръ. Луиза! Луиза! Боже мой! она внѣ себя! Дочь моя! бѣдное мое дитятко! Будь проклятъ соблазнитель! Будь ты проклята, сводня!

Жена (*съ воплемъ кидается къ Луизѣ*). Заслужила ли я это проклятіе, моя Луиза? Богъ да проститъ васъ, баронъ! За что вы убиваете эту овечку?

Фердинандъ (*быстро подходитъ къ ней съ рѣшимостью*). Но я сломлю его интриги, разорву всѣ эти желѣзныя цѣпи предразсудка; мой выборъ будетъ выборомъ свободнаго человѣка, и эти мелкія души исчезнутъ въ исполинскомъ подвигѣ моей любви. (*Хочетъ идти*).

Луиза (*съ трепетомъ встаетъ и идетъ за нимъ*). Останься! останься! Куда ты? Батюшка! матушка! въ эту ужасную минуту покидаетъ онъ насъ.

Жена (*бѣжитъ за нимъ и схватываетъ его за платье*). Сюда пріѣдетъ президентъ, онъ будетъ грубо обращаться съ нашей дочерью—съ нами; а вы оставляете насъ, господинъ Вальтеръ.

Миллеръ (*смѣется въ бѣшенствѣ*). Оставляетъ; а что жъ? отчего бы не такъ? Вѣдь она ему все отдала. (*Одною рукою схватываетъ майора, а другою Луизу*). Потерпите, баронъ. Развѣ только чрезъ нее выйдешь ты изъ моего дома. Подожди сначала ты своего отца, если ты не трусъ. Разскажи ему, какъ ты вкрался въ это сердце, обманщикъ, или клянусь Богомъ (*отталкиваетъ къ нему дочь; громко и неистово*), сначала ты раздавишь эту несчастную, которую любовь твоя обрекла на такой позоръ.

Фердинандъ (*возвращается и ходитъ взадъ и впередъ въ глубокой задумчивости*). Правда, власть президента велика. Права отца—громкое слово. Подъ нимъ можетъ притаиться и преступленіе. Далеко можетъ оно повести—далеко. Но къ крайней цѣли ведетъ лишь любовь. Ко мнѣ, Луиза! вложи свою руку въ мою! (*Крѣпко жметъ ей руку*). Такъ же, какъ тому, что Богъ не оставитъ меня при послѣднемъ издыханіи, вѣрю я, что минута, которая разрознитъ намъ руки, разорветъ и нить, связующую меня съ міромъ.

Луиза. Мнѣ становится страшно. Не смотри на меня! Губы твои дрожатъ; въ глазахъ такой страшный блескъ!

Фердинандъ. Нѣтъ, Луиза! не дрожи! Не безуміе говоритъ моими устами: это драгоцѣнный даръ небесъ, рѣшеніе въ важную минуту, когда стѣсненная грудь можетъ облегчить себя лишь неслыханнымъ усиліемъ. Я люблю тебя, Луиза! Ты будешь моею. Теперь къ отцу. (*Быстро идетъ къ дверямъ и сталкивается въ нихъ съ президентомъ*).

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. Президентъ *съ толпою слугъ.*

Президентъ (*входя*). Онъ ~~ужъ~~ тутъ!

Всѣ въ испугѣ.

Фердинандъ (*отступаетъ на нѣсколько шаговъ*). Въ домѣ невинности.

Президентъ. Гдѣ сынъ учится быть покорнымъ отцу.

Фердинандъ. ~~Оставьте намъ~~...

Президентъ (*прерывая его, Миллеру*). Ты отецъ?

Миллеръ. Я, музыкантъ Миллеръ.

Президентъ (*къ его женѣ*). Ты мать?

Жена. Да, да! мать.

Фердинандъ (*Миллеру*). Отецъ, уведи дочь! Она того и гляди упадетъ въ обморокъ.

Президентъ. Излишняя забота! мы ее приведемъ въ чувство. (*Луизѣ*). Давно ли ты знакома съ президентскимъ сыномъ?

Луиза. Я не спрашивала, кто онъ такой. Фердинандъ Вальтеръ ходитъ ко мнѣ съ ноября.

Фердинандъ. Боготворитъ ее!

Президентъ. Давалъ онъ тебѣ обѣщанія?

Фердинандъ. Самыя торжественныя еще за нѣсколько минутъ—предъ лицомъ Бога.

Президентъ (*гнѣвно сыну*). Погоди! тебя еще позовутъ къ исповѣди въ твоихъ безумствахъ. (*Луизѣ*). Я жду отвѣта.

Луиза. Онъ клялся мнѣ въ любви.

Фердинандъ. И сдержитъ клятвы.

Президентъ. Долго ли мнѣ говорить, чтобы ты молчалъ? И ты принимала клятвы?

Луиза (*нѣжно*). Я отвѣчала тѣмъ же.

Фердинандъ (*рѣшительно*). Союзъ нашъ заключенъ.

Президентъ. Я велю выкинуть вонъ это эхо! (*Злобно Луизѣ*). Но, надѣюсь, онъ платилъ тебѣ каждый разъ?

Луиза (*внимательно*). Я не совсѣмъ понимаю, о чемъ вы спрашиваете.

Президентъ (*съ злобной усмѣшкой*). Не понимаешь? Я хотѣлъ сказать: вѣдь у каждаго ремесла есть, какъ говорится, золотое дно. И ты, надѣюсь, не дарила же свои ласки? или, можетъ быть, разсчитывала на что-нибудь поважнѣе? а?

Фердинандъ (*подбѣгаетъ въ бѣшенствѣ*). Что такое?

Луиза (*майору съ досадой и достоинствомъ*). Господинъ Вальтеръ, вы теперь свободны!

Фердинандъ. Батюшка! невинность и въ нищенскомъ платьѣ требуетъ уваженія.

Президентъ (*съ громкимъ хохотомъ*). Отличная выдумка! отецъ долженъ уважать любовницу сына.

Луиза (*падаетъ безъ чувствъ*). Праведное небо!

Фердинандъ (*въ одно время съ Луизой, замахиваясь шпагой на президента, но тотчасъ же снова опуская ее*). Батюшка! разъ былъ я обязанъ вамъ жизнью—долгъ мой уплаченъ! (*Вкладываетъ шпагу въ ножны*). Обязательство сыновней покорности разорвано.

Миллеръ (*до сихъ поръ боязливо стоявшій въ сторонѣ, выступаетъ тревожно впередъ и говоритъ то скрежеща зубами отъ бѣшенства, то дрожа отъ страха*). Ваше превосходительство—кому дитя ближе, какъ не отцу?—извините! Кто позоритъ дочь—бьетъ въ лицо отца; а на пощечину отвѣчаютъ пощечиной—такая у насъ такса. Извините!

Жена. Господи, спаси насъ и помилуй! Вотъ и старикъ еще расходился—пропадутъ наши головушки!

Президентъ (*не слушая*). А! и сводникъ поднялся! Мы сейчасъ съ тобою поговоримъ, сводникъ!

Миллеръ. Извините, меня зовутъ Миллеръ; если угодно послушать адажіо—извольте! а сводничать я не умѣю. Пока этого народу много при дворѣ, насъ, мѣщанъ, еще не требуется. Извините!

Жена. Ради Бога, старикъ! ты погубишь и жену, и дочь.

Фердинандъ. Играя такую роль, батюшка, вамъ хоть бы отъ свидѣтелей себя избавить!

Миллеръ (*подходитъ къ нему ближе*). Хорошо и честно сказано! Извините! Ваше превосходительство, распоряжайтесь, какъ хотите, въ герцогствѣ; а это мой домъ. Низко вамъ поклонимся, если случится подавать докладную записку; а непрошеннаго гостя выбросимъ за порогъ! Извините:

Президентъ (*блѣднѣя отъ бѣшенства*). Что такое? (*Подходитъ къ нему ближе*).

Миллеръ (*осторожно отступаетъ*). Это было лишь мое мнѣніе, господинъ баронъ. Извините!

Президентъ (*внѣ себя отъ злости*). А мерзавецъ! съ твоими дерзкими мнѣніями я тебя упечатаю въ острогъ. Эй! полицію сюда! (*Нѣкоторые изъ слугъ уходятъ. Президентъ въ бѣшенствѣ ходитъ скорыми шагами по комнатѣ*). Отца въ острогъ! мать и потаскушку дочь къ позорному столбу! Правосудіе поможетъ моему бѣшенству. За это посрамленіе я потребую страшнаго удовлетворенія. Чтобы подобная сволочь смѣла разрушать мои планы и безнаказанно стравливать отца съ сыномъ? Постойте, проклятые! Я утолю свою ненависть вашею погибелью. Все племя, отца, мать и дочь, отдамъ въ жертву своему пламенному мщенію!

Фердинандъ (*подходитъ къ нимъ съ спокойною увѣренностью*). Погодите еще! Не бойтесь! Я съ вами! (*Президенту съ покорностью*). Не будьте такъ поспѣшны, батюшка! Если вы дорожите собою, не употребляйте насилія! Есть уголокъ въ моемъ сердцѣ, гдѣ еще не слышалось никогда слово „отецъ". Не затрогивайте этого уголка!

Президентъ. Молчи, негодяй! Не раздражай меня еще больше!

Миллеръ (*приходя въ себя изъ безчувственнаго оцѣпенѣнія*). Присмотри за дочерью, жена! Я побѣгу къ герцогу. Придворный портной — самъ Богъ подалъ мнѣ эту мысль—придворный портной учится у меня на флейтѣ. Онъ поможетъ мнѣ добраться до герцога. (*Хочетъ идти*).

Президентъ. До герцога? Ты, видно, забылъ, что я—порогъ, чрезъ который надо перескочить или сломать шею. До герцога? Безмозглая голова! Попробуй это, когда будешь, заживо погребенный, сидѣть въ подземельѣ, въ тюрьмѣ, гдѣ любовно переглядываются ночь и адъ, и куда не проникаетъ ни звукъ, ни свѣтъ. Греми тогда своими цѣпями и плачь, что дожилъ до такой бѣды!

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. Полицейскіе служители.

Фердинандъ (*подбѣгаетъ къ Луизѣ, которая замертво падаетъ къ нему на руки*). Луиза! Помогите! Спасите! Страхъ пересилилъ ее.

Миллеръ (*схватываетъ свою палку, надѣваетъ шляпу и становится въ оборонительное положеніе*).

Жена (*кидается на колѣни предъ президентомъ*).

Президентъ (*къ полицейскимъ, показывая имъ орденъ*). Берите ихъ—именемъ герцога! Прочь отъ этой потаскушки, мальчишка! Не бѣда, что она въ обморокѣ. Какъ надѣнутъ на нее желѣзный ошейникъ, такъ ее приведутъ въ чувство уличные мальчишки камнями и грязью.

Жена. Смилуйтесь, ваше превосходительство! Смилуйтесь! сжальтесь!

Миллеръ (*сердито поднимая съ полу жену*). Умоляй Бога, старая шкура, а не мерзавца! Заодно ужъ мнѣ идти въ острогъ.

Президентъ (*кусая губы*). Смотри, не ошибись въ разсчетѣ, каналья! Можешь еще и на висѣлицу попасть. (*Полицейскимъ*). Что вамъ сказано?

Полицейскіе (*тѣснятся къ Луизѣ*).

Фердинандъ (*подбѣгая къ ней и становясь передъ нею, въ ожесточеніи*). Кто смѣетъ? (*Выхватываетъ шпагу вмѣстѣ съ ножнами и защищается ефесомъ*). Пусть дотронется до нея, кто и черепъ свой продалъ полиціи! (*Президенту*). Пощадите себя! не доводите меня до крайности, батюшка!

Президентъ (*съ угрозой полицейскимъ*). Если вамъ дорогъ вашъ хлѣбъ, трусы...

Полицейскіе (*подступаютъ къ Луизѣ*).

Фердинандъ. Прочь, черти! говорятъ вамъ, прочь! Еще разъ—пожалѣйте себя! не доводите меня до крайности, батюшка!

Президентъ (*въ бѣшенствѣ полицейскимъ*). Такъ вотъ ваше усердіе, мошенники.

Полицейскіе (*схватываютъ Луизу смѣлѣе*).

Фердинандъ. Если ужъ на то пошло... (*Обнажаетъ шпагу и ранитъ нѣкоторыхъ изъ полицейскихъ*). Прости мнѣ, небесное Правосудіе!

Президентъ (*внѣ себя отъ гнѣва*). Посмотримъ, тронетъ ли и меня эта шпага! (*Самъ схватываетъ Луизу, поднимаетъ ее и передаетъ одному изъ полицейскихъ*).

Фердинандъ (*съ горькимъ смѣхомъ*). Батюшка! батюшка! вы представляете язвительный пасквиль на божество: плохо же знаетъ оно людей, что изъ отличныхъ палачей дѣлаетъ дурныхъ министровъ.

Президентъ (*къ полицейскимъ*). Уведите ее!

Фердинандъ. Батюшка! она будетъ стоять у позорнаго столба, но вмѣстѣ съ майоромъ, сыномъ президента. Вы все еще настаиваете на этомъ?

Президентъ. Тѣмъ забавнѣе будетъ спектакль. Ведите!

Фердинандъ. Батюшка, я брошу свою офицерскую шпагу къ ея ногамъ. Вы все настаиваете?

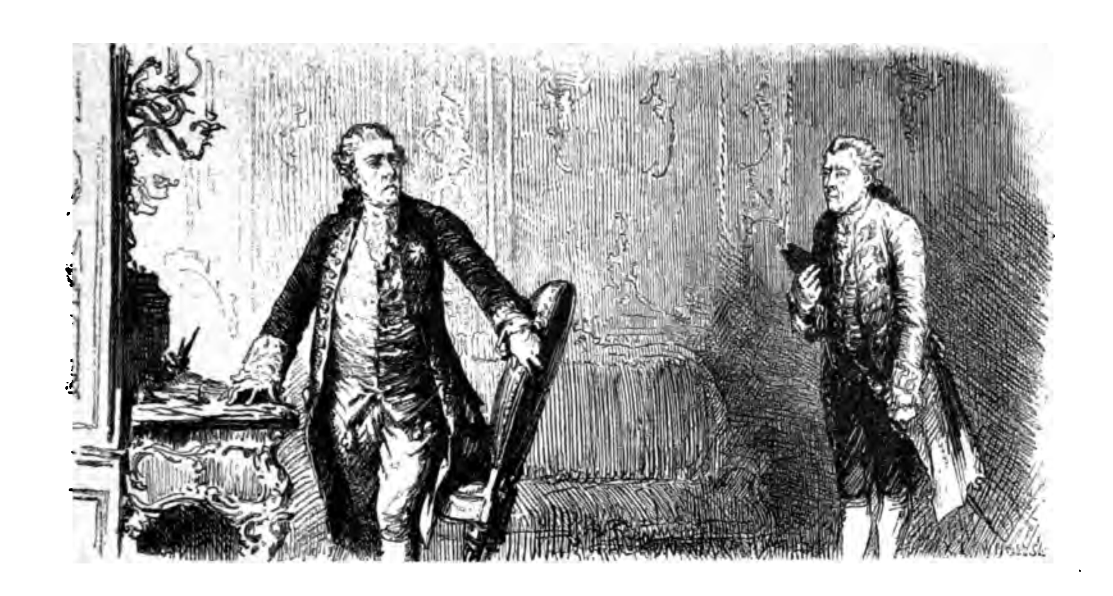
Президентъ. Шпага твоя и на тебѣ привыкла къ позору. Ведите! ведите! вы слышали мою волю!

Фердинандъ (*отталкиваетъ одного изъ полицейскихъ, одною рукою обхватываетъ Луизу, а другою заноситъ надъ ней шпагу*). Батюшка! я не позволю позорить моей супруги: я скорѣе заколю ее! Вы все еще настаиваете?

Президентъ. Что жъ? если клинокъ твой востеръ.

Фердинандъ (*выпускаетъ Луизу изъ рукъ и поднимаетъ глаза къ небу*). Ты мнѣ свидѣтель, всемогущій Боже! я перепробовалъ всѣ человѣческія средства—теперь надо приняться за дьявольскія. Ведите ее къ позорному столбу! а тѣмъ временемъ (*кричитъ на ухо президенту*) я разскажу во всей столицѣ исторію о томъ, какъ попадаютъ въ президенты! (*Уходитъ*).

Президентъ (*какъ громомъ пораженный*). Что такое?.. Фердинандъ!.. Оставьте ее! (*Бѣжитъ вслѣдъ за майоромъ*).



ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Зала президента.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Входятъ президентъ *и* секретарь Вурмъ.

Президентъ. Проклятая штука!

Вурмъ. Я этого опасался, ваше превосходительство. Насиліе всегда раздражаетъ мечтателей, но никогда не обращаетъ ихъ.

Президентъ. Я возлагалъ всѣ свои надежды на этотъ арестъ. Я такъ разсуждалъ: если дѣвушку опозорить — онъ, какъ офицеръ, отступится.

Вурмъ. Прекрасно! Но безъ позору дѣло бы и не обошлось.

Президентъ. А все-таки—какъ подумаю теперь хладнокровно—мнѣ не слѣдовало поддаваться. Онъ навѣрное никогда бы не привелъ въ исполненіе своей угрозы.

Вурмъ. Не думайте этого! Раздраженная страсть готова на всякое безуміе. Вы говорите, майоръ всегда покачивалъ головою, глядя на ваше управленіе. Очень вѣрю. Правила, которыя онъ привезъ сюда изъ академіи, съ перваго же разу показались мнѣ не совсѣмъ ясны. На что могутъ годиться фантастическія мечты о великодушіи и личномъ благородствѣ при дворѣ, когда высшая мудрость заключается въ томъ, чтобы быть и великимъ и малымъ спокойно, на извѣстный ладъ? Онъ слишкомъ молодъ и слишкомъ горячъ. Ему не можетъ нравиться медленный, извилистый ходъ интриги, и затронуть его самолюбіе способно только что-нибудь великое или необыкновенное.

Президентъ (*съ досадою*). Все это очень дѣльно, да исправитъ ли это наши дѣла?

Вурмъ. Я хотѣлъ указать вашему превосходительству на рану, а можетъ быть и на лѣкарство. Съ такимъ характеромъ—извините—или не слѣдовало вовсе дружиться, или не надо было ссориться. Онъ презираетъ средства, которыя возвысили васъ. Можетъ быть до сихъ поръ только какъ сынъ удерживалъ онъ языкъ предателя. Дайте ему случай хорошенько сбросить съ себя сыновній долгъ; заставьте его, повторяя нападенія на его страсть, думать, что вы для него не нѣжный отецъ—и у него выступятъ на первый планъ обязанности патріота. Ужъ одна странная фантазія — принести правосудію такую замѣчательную жертву—могла бы прельстить его и заставить пожертвовать своимъ отцомъ.

Президентъ. Вурмъ! Вурмъ! Ты подводишь меня къ страшной безднѣ.

Вурмъ. Я и отведу вас. Могу я говорить откровенно?

Президентъ (*садясь*). Какъ приговоренный со своимъ товарищемъ.

Вурмъ. Въ такомъ случаѣ извините меня. Вы, мнѣ кажется, обязаны всѣмъ своимъ президентствомъ гибкой придворной наукѣ; отчего не ввѣрили вы себя ей и какъ отца? Я помню, съ какимъ чистосердечіемъ вы уговорили тогда своего предшественника сыграть партію въ пикетъ и провели у него чуть не цѣлую ночь, дружески попивая съ нимъ бургонское; а вѣдь въ эту самую ночь должна была вспыхнуть подведенная подъ него мина и взорвать его на воздухъ. Зачѣмъ указали вы на врага своему сыну? Ему совсѣмъ бы не слѣдовало знать, что мнѣ извѣстны его любовныя дѣла. Вы могли бы разстроить этотъ романъ со стороны дѣвушки и удержать за собою сердце сына. Вамъ бы слѣдовало сыграть роль ловкаго полководца, который нападаетъ не на главныя силы врага, а старается разбить его отряды.

Президентъ. Да какъ я могъ это сдѣлать?

Вурмъ. Очень просто—и дѣло еще не совсѣмъ проиграно. Забудьте на время, что вы отецъ. Не вступайте въ борьбу со страстью, которую каждое сопротивленіе только усиливаетъ. Предоставьте мнѣ на ея же огнѣ вывести червя, который ее подточитъ.

Президентъ. Это ~~мнѣ~~ любопытно.

Вурмъ. Или я плохо понимаю барометръ души, или майоръ такъ же ужасенъ въ ревности, какъ и въ любви. Заподозрите дѣвушку ~~въ его глазахъ~~—хоть даже безъ всякаго ~~вѣроятія~~. Довольно одного грана дрожжей, чтобы привести цѣлую массу въ разрушительное брожѳніе.

Президентъ. Откуда взять этотъ гранъ?

Вурмъ. Вотъ мы и дошли до главнаго пункта. Прежде всего объясните мнѣ, многимъ ли вы рискуете при дальнѣйшемъ упорствѣ майора? Въ какой степени для васъ важно покончить романъ съ мѣщанскою дѣвушкою и привести въ исполненіе планъ относительно лэди Мильфордъ?

Президентъ. Можешь ли ты объ этомъ спрашивать, Вурмъ? Я рискую всѣмъ своимъ вліяніемъ, если свадьба съ лэди не удастся, и головою, если стану принуждать майора.

Вурмъ (*съ одушевленіемъ*). Теперь будьте такъ добры и выслушайте меня! Майора мы опутаемъ хитростью. Противъ дѣвушки призовемъ на помощь всю вашу власть. Мы продиктуемъ ей любовную записочку къ третьему лицу и ловкимъ образомъ подсунемъ ее майору.

Президентъ. Глупая выдумка! Такъ она сейчасъ и согласится написать свой ~~собственный~~ смертный приговоръ!

Вурмъ. Должна согласиться, только уполномочьте меня! Я знаю вдоль и поперекъ ея доброе сердце. У нея всего двѣ слабыя стороны, которыми можно покорить ея совѣсть—отецъ ея и майоръ. Послѣдній останется совсѣмъ въ сторонѣ; тѣмъ лучше можно намъ распорядиться съ музыкантомъ.

Президентъ. Напримѣръ?

Вурмъ. Послѣ того, что вы разсказали мнѣ о сценѣ въ его домѣ, нѣтъ ничего легче, какъ пригрозить старику уголовнымъ судомъ. Особа любимца герцога и хранителя печати есть нѣкоторымъ образомъ зеркало величества. Оскорбить президента—то же, что оскорбить величество. По крайней мѣрѣ этимъ ловкимъ пугаломъ я съумѣю вытянуть въ нитку бѣднаго музыканта.

Президентъ. Но не надо заводить серьезнаго дѣла.

Вурмъ. Какъ можно! надо только поставить всю семью въ затруднительное положеніе. Прежде всего мы засадимъ втихомолку музыканта. Чтобы напугать побольше, можно взять и мать—наговорить объ уголовномъ обвиненіи, объ эшафотѣ, о пожизненномъ заключеніи въ крѣпость, и единственнымъ условіемъ его освобожденія сдѣлать письмо дочери.

Президентъ. ~~Прекрасно~~, понимаю.

Вурмъ. Она любитъ отца—до страсти, можно сказать. Опасность его жизни—по крайней мѣрѣ его свобода, упреки совѣсти, что она сама подала къ тому поводъ, невозможность обладать майоромъ, наконецъ путаница въ головѣ, о которой я постараюсь—все это вмѣстѣ... она должна попасть въ западню.

Президентъ. Но сынъ мой? вѣдь онъ, пожалуй, тотчасъ обо всемъ узнаетъ. Это взбѣситъ его еще больше.

Вурмъ. Ужъ это предоставьте вы мнѣ. Отца и мать мы выпустимъ не прежде, какъ вся семья дастъ намъ формальную присягу держать все дѣло въ секретѣ и подтвердить обманъ.

Президентъ. Присягу? да что значитъ присяга, глупецъ?

Вурмъ. Для насъ ничего, ваше превосходительство; но для этого сорта людей —

все. Теперь посмотрите, какъ ловко такимъ образомъ оба мы достигнемъ цѣли. Дѣвушка потеряетъ любовь майора и свою добрую славу. Отецъ и мать попритихнутъ, и мало по-малу вся эта передряга такъ ихъ укротитъ, что они подъ-конецъ станутъ считать милостью, если я, для исправленія репутаціи ихъ дочери, предложу ей руку.

Президентъ (*качаетъ головою и смѣется*). Да ты меня перехитрилъ, плутъ! Все придумано дьявольски тонко! Ученикъ превзошелъ учителя. Теперь вотъ въ чемъ вопросъ: къ кому должно быть адресовано письмо? съ кѣмъ ее заподозрить?

Вурмъ. Разумѣется, съ такимъ человѣкомъ, который или все выиграетъ, или все потеряетъ отъ рѣшенія вашего сына.

Президентъ (*подумавъ немного*). Я знаю только гофмаршала.

Вурмъ (*пожимая плечами*). Будь я Луиза Миллеръ, онъ былъ бы не въ моемъ вкусѣ.

Президентъ. Отчего же нѣтъ? ~~Превосходно~~! Блестящій нарядъ — ~~атмосфера eau de mille fleurs и мускуса~~ — что ни слово, то пошлость и горсть червонцевъ... Будто все это не можетъ, ~~наконец~~ъ, вскружить голову мѣщанкѣ? Ахъ мой другъ! ревность не такъ разборчива. Я пошлю за маршаломъ. (*Звонитъ*).

Вурмъ. Между тѣмъ, пока ваше превосходительство займетесь имъ и прикажете арестовать скрипача, я пойду и сочиню требуемое любовное письмо.

Президентъ (*идетъ къ письменному столу*). Какъ напишешь, принеси мнѣ его прочесть (*Вурмъ уходитъ. Президентъ садится писать; входитъ камердинеръ; онъ встаетъ и подаетъ ему бумагу*). Сію же минуту послать этотъ приказъ объ арестованіи въ полицію. Кто-нибудь другой изъ васъ пусть сходитъ къ гофмаршалу и попроситъ его ко мнѣ.

Камердинеръ. Господинъ гофмаршалъ только что изволилъ подъѣхать къ крыльцу.

Президентъ. Тѣмъ лучше. Но арестъ произвести какъ можно осторожнѣе. Скажи тамъ, чтобы не вышло шуму.

Камердинеръ. Очень хорошо, ваше превосходительство.

Президентъ. Понимаешь? какъ можно тише!

Камердинеръ. Слушаю, ваше превосходительство. (*Уходитъ*).

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Президентъ *и* гофмаршалъ.

Гофмаршалъ. (*торопливо*). А я къ вамъ en passant, милѣйшій. Ну что вы? какъ поживаете? Сегодня вечеромъ идетъ большая опера Dido, удивительнѣйшій фейерверкъ—весь городъ будетъ пылать. Надѣюсь, вы посмотрите? а?

Президентъ. У меня теперь въ домѣ такой фейерверкъ, что того и гляди и меня, и все мое значеніе взорветъ на воздухъ. Вы какъ разъ кстати пріѣхали, любезный маршалъ—посовѣтовать мнѣ и дѣятельно помочь въ дѣлѣ, которое насъ обоихъ или далеко подвинетъ, или совсѣмъ убьетъ. Садитесь!

Гофмаршалъ. Вы меня пугаете, милѣйшій!

Президентъ. Я вамъ говорю: или подвинетъ, или совсѣмъ убьетъ. Вы знаете мой проектъ женить майора на лэди. Вы понимаете, какъ было необходимо упрочить и ваше, и мое счастіе. Все можетъ рухнуть, Кальбъ. Фердинандъ мой не соглашается.

Гофмаршалъ. Не соглашается? не соглашается? Да вѣдь я раструбилъ объ этомъ по всему городу. Всѣ ужъ говорятъ о свадьбѣ.

Президентъ. Вы можете прослыть по ~~всему~~ городу лгуномъ. Онъ любитъ другую.

Гофмаршалъ. Вы шутите! да будто это препятствіе?

Президентъ. Самое непреодолимое съ такой упрямой головой.

Гофмаршалъ. Надо быть безъ ума, чтобы отказаться отъ своего счастья—не правда ли?

Президентъ. Спросите его и послушайте, что онъ отвѣтитъ.

Гофмаршалъ. Mon Dieu! да что же онъ можетъ отвѣтить?

Президентъ. Что онъ откроетъ всему свѣту преступленіе, которое вывело насъ въ знать; что онъ укажетъ наши фальшивыя письма и отчеты; что обоихъ насъ выдастъ головою—вотъ что онъ вамъ отвѣтитъ!

Гофмаршалъ. Полноте! что вы?

Президентъ. Онъ это отвѣчалъ. Онъ даже былъ готовъ привести все это въ исполненіе. Я едва могъ отвратить его отъ этого своимъ величайшимъ униженіемъ. Что вы на это скажете?

Гофмаршалъ (*съ бараньимъ выраженіемъ на лицѣ*). Я ничего не могу придумать.

Президентъ. Это бы еще ничего. Но

въ то же время шпіоны доносятъ мнѣ, что оберъ-шенкъ Бокъ уже совсѣмъ готовъ посвататься за лэди.

Гофмаршалъ. Вы меня съ ума сводите! Кто такой — Бокъ, вы говорите? Да знаете ли вы, что мы смертельные враги? знаете, почему?

Президентъ. Въ первый разъ слышу.

Гофмаршалъ. Милѣйшій! я вамъ разскажу—и у васъ волосъ дыбомъ поднимется. Помните вы придворный балъ—этому теперь двадцать первый годъ—помните, еще на немъ танцовали въ первый разъ англійскую кадриль, и графу Мершауму облило домино горячимъ воскомъ съ люстры. Ахъ, Боже мой! да вы, разумѣется, помните!

Президентъ. Развѣ такія вещи забываются?

Гофмаршалъ. Ну да. Такъ вотъ видите ли, тутъ принцесса Амалія въ пылу танца потеряла подвязку. Все, разумѣется, пришло въ тревогу. Бокъ и я—мы были еще камеръ-юнкеры—ползаемъ по всей залѣ, ищемъ подвязку. Наконецъ я увидалъ ее. Бокъ это замѣчаетъ—кидается на нее, вырываетъ у меня изъ рукъ... вообразите! подаетъ ее принцессѣ, и на его долю достается милостивая улыбка. Какъ вы это назовете?

Президентъ. Удивительная дерзость!

Гофмаршалъ. Достается милостивая улыбка... Я чуть не упалъ въ обморокъ. Видана ли подобная наглость? Наконецъ я ободряюсь, подхожу къ ея высочеству и говорю: „Ваше высочество! фонъ-Бокъ былъ такъ счастливъ, что передалъ вамъ подвязку; но кто первый увидалъ ее, награжденъ уже однимъ этимъ и молчитъ".

Президентъ. Браво, маршалъ! брависсимо!

Гофмаршалъ. И молчитъ... Но я не забуду этого Боку до страшнаго суда. Подлый, пресмыкающійся льстецъ! Да это не все! Когда мы оба кинулись на полъ, къ подвязкѣ, Бокъ стеръ у меня съ головы на правой сторонѣ всю пудру и погубилъ меня на весь балъ.

Президентъ. И этотъ человѣкъ женится на Мильфордъ и будетъ первою особой при дворѣ!

Гофмаршалъ. Лучше бы вы ударили меня ножомъ въ сердце. Онъ женится... онъ будетъ... Да почему же? Я не вижу необходимости.

Президентъ. Фердинандъ мой не соглашается, а другого охотника нѣтъ.

Гофмаршалъ. Да неужто вы не знаете никакого средства заставить майора рѣшиться? (хоть какого-нибудь самаго страннаго, самаго отчаяннаго средства? Да для насъ нѣтъ теперь ничего такого, передъ чѣмъ бы можно было остановиться,) только бы помѣшать проклятому Боку.

Президентъ. Я знаю только одно средство—и оно зависитъ отъ васъ.

Гофмаршалъ. Отъ меня? какое же это средство?

Президентъ. Разсорить майора съ его возлюбленной.

Гофмаршалъ. Разсорить? То-есть какъ же это? и что же я могу сдѣлать?

Президентъ. Все будетъ улажено, если мы заподозримъ въ его глазахъ дѣвушку.

Гофмаршалъ. Въ чемъ же? въ воровствѣ, напримѣръ?

Президентъ. Ахъ, что вы? Кто же этому повѣритъ? Нѣтъ: что у нея есть другой любовникъ.

Гофмаршалъ. И этотъ другой?

Президентъ. Должны быть вы, баронъ.

Гофмаршалъ. Я? она дворянка?

Президентъ. ~~Это къ чему~~? что за мысль! Она дочь музыканта.

Гофмаршалъ. Значитъ, мѣщанка? Это нейдетъ. Не правда ли?

Президентъ. Что нейдетъ? какой вздоръ! Да кому же можетъ прійти въ голову справляться о родословной у хорошенькой дѣвочки?

Гофмаршалъ. Но вы вспомните, что я человѣкъ женатый. И при томъ моя репутація при дворѣ...

Президентъ. А! это другое дѣло. Извините. Я еще этого не зналъ, что для васъ важнѣе быть человѣкомъ безукоризненной нравственности, чѣмъ человѣкомъ съ вліяніемъ. Оставимъ этотъ разговоръ.

Гофмаршалъ. Ахъ, полноте, баронъ. Я не такъ васъ понялъ.

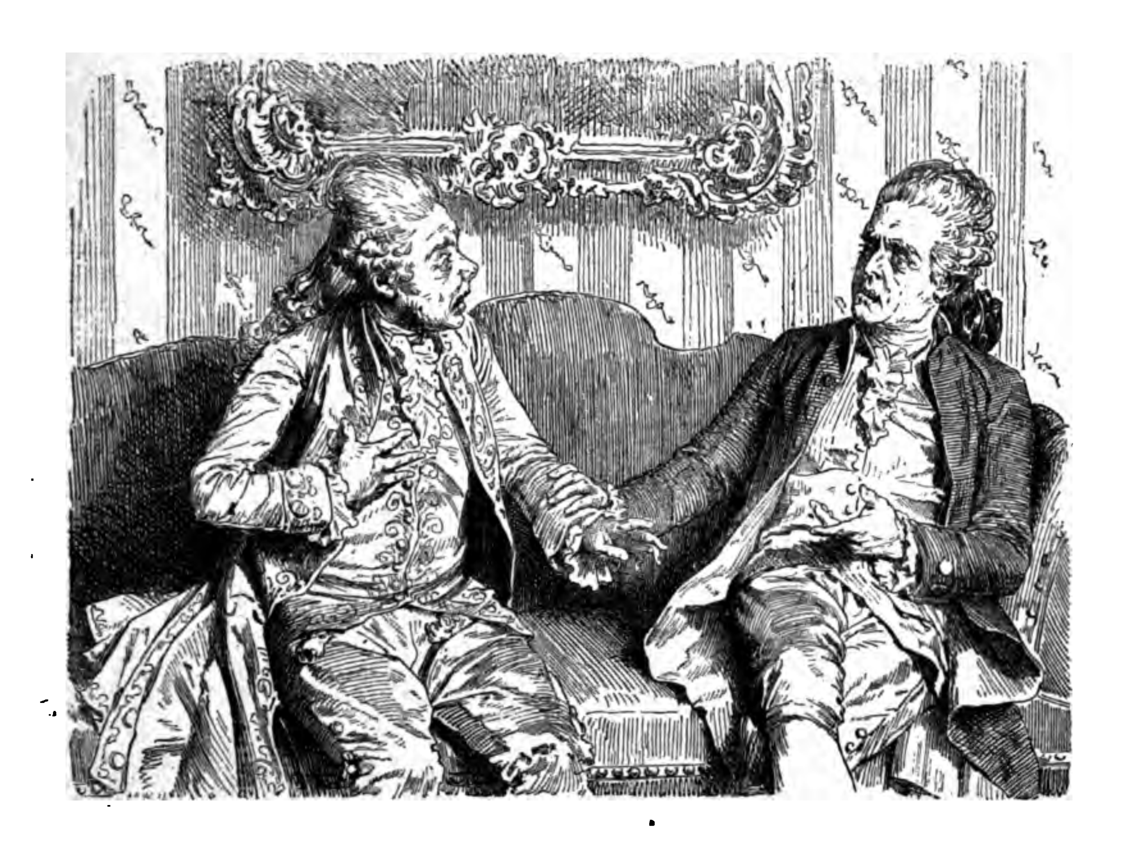
Президентъ *(холодно)*. Нѣтъ, нѣтъ. Вы совершенно правы; мнѣ уже и самому надоѣло. Я остановлю ~~машину~~. Пусть Бокъ будетъ первымъ министромъ. (Не только свѣту, что въ окошкѣ;) я попрошу у герцога отставку.

Гофмаршалъ. А я? Вамъ хорошо говорить! вы ученый! а я—mon Dieu! что будетъ со мною, если меня оставитъ его высочество?

Президентъ. Вы будете вчерашнимъ каламбуромъ, прошлогоднею модой.

Гофмаршалъ. Умоляю васъ, добрѣйшій, милѣйшій, выбросьте изъ головы эту мысль! вѣдь я готовъ на все!

Президентъ. Хотите вы дать свое имя



для свиданія, которое письменно назначитъ вамъ эта Миллеръ?

Гофмаршалъ. Боже мой! разумѣется.

Президентъ. Вы выроните это письмо гдѣ-нибудь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно можетъ попасться на глаза майору.

Гофмаршалъ. Напримѣръ, на парадѣ; я какъ будто нечаянно выроню его, вынимая носовой платокъ.

Президентъ. И разыграйте передъ майоромъ роль любовника.

Гофмаршалъ. Mort de ma vie! ужъ я же его отдѣлаю! я отобью у дерзкаго охоту мѣшать моимъ амурамъ!

Президентъ. Итакъ, все улажено! Письмо будетъ написано сегодня же. Вы передъ вечеромъ зайдете сюда взять его и уговориться со мной насчетъ вашей роли.

Гофмаршалъ. Какъ только сдѣлаю шестнадцать визитовъ чрезвычайной важности. Поэтому извините меня, что я не остаюсь. *(Идетъ).*

Президентъ *(звонитъ).* Я разсчитываю на вашу ловкость, маршалъ!

Гофмаршалъ *(оглядываясь).* Ахъ, mon Dieu! вѣдь вы меня знаете!

ТРЕТІИ ВЫХОДЪ.

Президентъ. Вурмъ.

Вурмъ. Скрипача и его жену преспокойно и безъ всякаго шуму отправили подъ арестъ. Не угодно ли вашему превосходительству прочесть теперь письмо?

Президентъ *(прочитавши).* Превосходно, Вурмъ! превосходно! И маршалъ согласенъ. Ядъ, подобный этому, способенъ превратить и самое здоровье въ гнойную проказу. Теперь надо сейчасъ отправиться съ предложеніями къ отцу, а потомъ хорошенько заняться дочерью. *(Расходятся въ разныя стороны).*

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Комната въ квартирѣ Миллера.

Луиза. Фердинандъ.

Луиза. Умоляю тебя, перестань! Я уже не жду больше счастливыхъ дней. Всѣ надежды мои рушились.

Фердинандъ. За то мои надежды возросли! Отецъ мой раздраженъ: онъ на-

править на васъ всѣ орудія. Онъ принудитъ меня сдѣлаться безчеловѣчнымъ сыномъ. Я уже не дорожу своимъ сыновнимъ долгомъ. Бѣшенство и отчаяніе вынудятъ у меня черную тайну совершеннаго имъ убійства. Сынъ выдастъ отца въ руки палача... это наибольшая опасность. Но что значатъ и высшія опасности, когда любовь моя рѣшается на исполинскій шагъ? Послушай, Луиза! мысль великая и дерзкая, какъ моя страсть, тѣснится ко мнѣ въ душу. Ты, Луиза, и я, и любовь! не все ли небо заключено въ этомъ кругу? или тебѣ нужно еще что-нибудь четвертое?

Луиза. Довольно! Замолчи! мнѣ страшно того, что ты хочешь сказать!

Фердинандъ. Вѣдь мы ничего не требуемъ больше отъ міра; такъ зачѣмъ же намъ просить у него милости, одобренія? Къ чему попытки тамъ, гдѣ нечего выиграть и можно все потерять? Развѣ не такъ же страстно будутъ горѣть эти глаза, гдѣ бы они не отражались, въ Рейнѣ или въ Эльбѣ, или въ Балтійскомъ морѣ? Отечество мое тамъ, гдѣ меня любитъ Луиза! Слѣды ногъ твоихъ въ дикой песчаной пустынѣ для меня дороже готическихъ зданій на моей родинѣ. Намъ нечего будетъ жалѣть пышности городовъ! Гдѣ бы мы ни были, Луиза, такъ-же будетъ восходить, такъ-же закатываться солнце. А передъ этимъ зрѣлищемъ блѣднѣютъ и самыя высшія усилія искусства! У насъ не будетъ храма, гдѣ бы мы могли молиться Богу; но ночь окружитъ насъ благоговѣйнымъ мракомъ; смѣняющійся мѣсяцъ будетъ указывать намъ дни воздержанія; съ нами будетъ молиться священная церковь звѣздъ! Можемъ ли мы истощиться въ бесѣдахъ любви? Улыбки моей Луизы довольно для столѣтій, и я не успѣю изслѣдовать эту слезу, какъ уже и конченъ сонъ жизни!

Луиза. Будто у тебя нѣтъ иныхъ обязанностей, кромѣ твоей любви?

Фердинандъ *(обнимая ее)*. Твое спокойствіе—моя священнѣйшая обязанность!

Луиза *(очень серьезно)*. Такъ молчи же и оставь меня. У меня отецъ, у котораго нѣтъ другого достоянія, кромѣ единственной дочери—которому на-дняхъ минетъ шестьдесятъ лѣтъ,—который не уйдетъ отъ мщенія президента.

Фердинандъ *(быстро прерывая ее)*. Мы возьмемъ его съ собою. Не возражай мнѣ, милая! Я пойду, превращу въ деньги свои вещи, сдѣлаю заемъ на имя моего отца. Не грѣхъ ограбить разбойника, и развѣ богатство его не куплено кровью родной земли? Ровно въ часъ ночи будетъ готовъ экипажъ. Вы сядете въ него—и мы бѣжимъ!

Луиза. А за нами послѣдуетъ проклятіе твоего отца. Такихъ проклятій, безразсудный, не произносятъ безплодно и убійцы; такими проклятіями небесное мщеніе увеличиваетъ муки преступника въ минуту казни. Это проклятіе будетъ безпощадно преслѣдовать насъ, бѣглецовъ, какъ призракъ, отъ моря до моря! Нѣтъ, мой милый; если только одно преступленіе можетъ дать мнѣ тебя, то я найду въ себѣ силы потерять тебя.

Фердинандъ *(стоитъ и мрачно говоритъ про себя)*. Въ самомъ дѣлѣ?

Луиза. Потерять! О! безгранично ужасна эта мысль—такъ ужасна, что способна сокрушить безсмертный духъ и погасить яркій румянецъ радости. Фердинандъ! потерять тебя! Но вѣдь мы теряемъ лишь то, чѣмъ обладали, а сердце твое принадлежитъ твоему состоянію. Мои притязанія были святотатствомъ—и я съ трепетомъ отказываюсь отъ нихъ.

Фердинандъ *(кусая нижнюю губу съ выраженіемъ скорби въ лицѣ)*. Отказываешься?

Луиза. Нѣтъ! взгляни на меня, милый Вальтеръ! не улыбайся такъ горько! Взгляни! дай мнѣ оживить своимъ примѣромъ твое умирающее мужество! позволь мнѣ быть героиней этой минуты—возвратить отцу отшатнувшагося сына—отказаться отъ союза, который покачнулъ бы основы мѣщанскаго міра и разрушилъ бы всеобщій вѣчный порядокъ. Я преступница: сердце мое питало дерзкія, безумныя желанія. Несчастіе дано мнѣ въ наказаніе; такъ предоставь же мнѣ сладкое, обольстительное заблужденіе, что я принесла жертву. Неужто ты откажешь мнѣ въ этомъ наслажденіи?

Фердинандъ *(въ разсѣянности и бѣшенствѣ взявшій скрипку и пробовавшій на ней играть, обрываетъ струны, разбиваетъ инструментъ объ полъ и громко хохочетъ)*.

Луиза. Вальтеръ! Боже праведный! что со тобою, ободрись! Въ эту минуту нужно мужество—это минута разлуки! У тебя есть сердце, милый Вальтеръ! я знаю его! Горяча, какъ жизнь, твоя любовь, и нѣтъ ей предѣловъ, какъ вселенной! Подари ее благородной и болѣе достойной—и она не позавидуетъ самымъ счастливѣйшимъ женщинамъ! *(Сдерживая слезы)*. Со мною тебѣ не должно больше видѣться. Пусть суетная, обманутая дѣвушка выплачетъ въ одинокихъ стѣнахъ свое горе! Что кому за дѣло до ея слезъ? Все пусто, все вымерло въ моемъ

будущемъ. Но я буду порою услаждать себя поблекшимъ вѣнкомъ прошедшаго. *(Отвращая лицо, подаетъ ему дрожащую руку).* Прощайте, Вальтеръ!

Фердинандъ *(приходя въ себя изъ оцѣпенѣнія).* Я убѣгу, Луиза! И ты точно не хочешь бѣжать со мною?

Луиза *(садится въ глубинѣ комнаты и закрываетъ лицо руками).* Долгъ мой велитъ мнѣ остаться и терпѣть.

Фердинандъ. Ты лжешь, змѣя! Другое останавливаетъ тебя здѣсь.

Луиза *(тономъ глубочайшей, подавленной скорби).* Оставайтесь при этомъ предположеніи; съ нимъ можетъ быть горе не такъ горько.

Фердинандъ. Холодный долгъ въ отвѣтъ на пламенную любовь! и ты хочешь отвести мнѣ глаза этою сказкою? У тебя есть любовникъ; и горе тебѣ и мнѣ, если подозрѣніе мое оправдается. *(Быстро уходитъ).*

———

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Луиза одна.

Она остается нѣсколько времени безъ движенія и безъ словъ; наконецъ встаетъ, выходитъ впередъ и боязливо осматривается.

Гдѣ это батюшка съ матушкою? — Батюшка обѣщалъ воротиться чрезъ нѣсколько минутъ, а вотъ уже прошло цѣлыхъ пять ужасныхъ часовъ. Ужъ не случилось ли съ нимъ какой бѣды? Что это со мною? у меня что-то сердце замираетъ. (*Въ эту минуту входитъ въ комнату Вурмъ и останавливается въ глубинѣ сцены. Луиза не замѣчаетъ его*). Вѣдь этого ничего нѣтъ... это лишь страшная игра разгоряченной крови. Стоитъ разъ переполниться душѣ ужасомъ— и глазамъ въ каждомъ углу представляются привидѣнія.

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Луиза. Секретарь Вурмъ.

Вурмъ (*подходя ближе*). Съ добрымъ вечеромъ.

Луиза. Боже мой! кто тутъ? (*Она оборачивается, замѣчаетъ Вурма и въ испугѣ отступаетъ*). Это ужасно! ужасно! мое грозное предчувствіе ужъ готово грозно сбыться. (*Вурму съ презрительнымъ взглядомъ*). Вы ищете можетъ быть президента? его ужъ нѣтъ здѣсь.

Вурмъ. Я васъ ищу.

Луиза. Удивляюсь, что вы пошли не на площадь.

Вурмъ. Зачѣмъ же туда?

Луиза. Увести вашу невѣсту отъ позорнаго столба.

Вурмъ. Мамзель Миллеръ! вы напрасно меня подозрѣваете...

Луиза (*не желая отвѣчать*). Что вамъ угодно?

Вурмъ. Меня прислалъ вашъ батюшка,

Луиза (*въ испугѣ*). Батюшка! Гдѣ батюшка?

Вурмъ. Гдѣ не очень бы хотѣлъ быть.

Луиза. Ради Бога! скорѣе! у меня замираетъ сердце... Гдѣ батюшка?

Вурмъ. Въ острогѣ, если вамъ непремѣнно хочется это знать.

Луиза (*обращая взоръ къ небу*). Этого недоставало! еще этого!.. Въ острогѣ? За что же?

Вурмъ. По приказанію герцога.

Луиза. Герцога?

Вурмъ. За оскорбленіе величества въ лицѣ его представителя...

Луиза. Что? что такое? О, Боже, всемогущій!

Вурмъ. Ему назначено примѣрное наказаніе.

Луиза. Только этого не доставало! только этого... Да, да! у сердца моего были, кромѣ Фердинанда, завѣтныя привязанности: можно ли было пощадить ихъ? Оскорбленіе величества... Небесное Провидѣніе! спаси, спаси мою гаснущую вѣру! А Фердинандъ?

Вурмъ. Долженъ выбрать или лэди Мильфордъ, или проклятіе и лишеніе наслѣдства.

Луиза. Страшная свобода выбора! И все-таки, все-таки онъ счастливѣе. Ему нечего терять отца. Впрочемъ, не имѣть отца—уже довольно горя! Отецъ мой обвиненъ въ оскорбленіи величества, милому моему—или лэди, или проклятіе и лишеніе наслѣдства... Это въ самомъ дѣлѣ удивительно! Высшая подлость есть тоже совершенство. Совершенство? Нѣтъ! недостаетъ еще одного... Гдѣ матушка?

Вурмъ. Въ рабочемъ домѣ.

Луиза (*съ скорбной улыбкой*). Теперь все! все! и я на свободѣ—лишенная всѣхъ обязанностей и слезъ и радостей, лишенная Провидѣнія. На что мнѣ оно теперь? (*Страшное молчаніе*). Можетъ быть у васъ есть что-нибудь еще въ запасѣ? договаривайте. Теперь я могу выслушать все.

Вурмъ. Что случилось, вы знаете.

Луиза. Но не знаю, что случится? (*Молчаніе. Она осматриваетъ Вурма съ ногъ до головы*). Бѣдный человѣкъ! у тебя печальное ремесло, съ нимъ невозможно тебѣ быть счастливымъ. Дѣлать другихъ несчастными—ужасно; но возвѣщать имъ ихъ несчастія—отвратительно... каркать имъ ворономъ, смотрѣть, какъ окровавленное сердце трепещетъ въ желѣзныхъ клещахъ необходимости, какъ христіане сомнѣваются въ Богѣ. Боже сохрани меня! да если бъ за каждую каплю слезъ, которую ты видишь, давали по бочкѣ золота—я не хотѣла бы быть на твоемъ мѣстѣ. Что же можетъ еще случиться?

Вурмъ. Не знаю.

Луиза. Вы не хотите этого знать! Эта боящаяся свѣта вѣсть опасается звука словъ; но въ могильной тишинѣ вашего лица я вижу страшный призракъ. Что же еще остается? Вы сказали: герцогъ хочетъ

Луиза.

Примѣрно наказать? Что же такое, по вашему, примѣрно?

Вурмъ. Не разспрашивайте меня больше.

Луиза. Послушай! ты былъ въ ученьи у палача. Иначе ты не умѣлъ бы сначала тихо и осторожно проводить желѣзомъ по сломаннымъ суставамъ и дразнить замирающее сердце легкимъ, щадящимъ прикосновенiемъ. Какая судьба ждетъ моего отца? Въ томъ, что ты говоришь съ усмѣшкою—смерть: чего же ты не хочешь высказать? Говори! (обрушь на меня сразу весь подавляющій грузъ!) Что ждетъ моего отца?

Вурмъ. Криминальный процессъ.

Луиза. Да что это такое? Я ничего не знаю, не понимаю, что значатъ ваши страшныя латинскія слова. Что это такое криминальный процессъ?

Вурмъ. Судъ на жизнь или смерть.

Луиза *(рѣшительно)*. Благодарю васъ. *(Убѣгаетъ въ сосѣднюю комнату).*

Вурмъ *(въ смущеніи)*. Что это значитъ? Ужъ дура не вздумала ли... чортъ возьми! Не можетъ быть. Я побѣгу за нею—я отвѣчаю за ея жизнь... *(Хочетъ итти за Луизой).*

Луиза *(возвращается, накинувъ на себя плащъ)*. Извините меня, господинъ Вурмъ! надо запереть дверь: я ухожу.

Вурмъ. Куда же такъ поспѣшно?

Луиза. Къ герцогу. *(Хочетъ итти).*

Вурмъ. Что? куда? *(Удерживаетъ ее въ испугѣ).*

Луиза. Къ герцогу. Развѣ вы не слышите? Къ тому самому герцогу, который хочетъ велѣть судить моего отца на жизнь или смерть... (нѣтъ! не хочетъ—долженъ велѣть судить, потому что этого хотятъ нѣсколько злодѣевъ. Во всемъ этомъ процессѣ объ оскорбленіи величества герцогъ участвуетъ только своимъ величествомъ да своею герцогскою подписью.

Вурмъ *(злобно хохочетъ)*. Къ герцогу!

Луиза. Я знаю, надъ чѣмъ вы смѣетесь—да вѣдь я иду туда не въ надеждѣ на милость—Боже меня сохрани! Я хочу только встревожить его своимъ крикомъ. Я слыхала, что великіе этого міра еще не знаютъ, что такое горе—не хотятъ знать. Я скажу ему, что такое горе; представлю ему въ конвульсіяхъ смерти, что такое горе, изъ моихъ стоновъ, проникающихъ до мозга костей, узнаетъ онъ, что такое горе; и тогда послѣ моего разсказа дыбомъ встанутъ у него на головѣ волосы, я прокричу ему на ухо, что на смертномъ одрѣ также хрипятъ и земные боги, и что на страшномъ судѣ смѣшаются въ одну толпу и герцоги и нищіе. *(Хочетъ итти).*

Вурмъ *(съ злобною радостью)*. Идите,

идите! Умнѣе ничего нельзя выдумать. Я вамъ совѣтую итти и даю вамъ слово, что герцогъ согласится.

Луиза *(вдругъ останавливается).* Что вы сказали? вы мнѣ сами совѣтуете? *(Быстро возвращается).* Что же я думаю? Ужъ если этотъ человѣкъ мнѣ совѣтуетъ, это должно быть что-нибудь ужасное. Почему вы знаете, что герцогъ согласится?

Вурмъ. Вѣдь разумѣется, не даромъ.

Луиза. Не даромъ? Какою же цѣною онъ продаетъ свое милосердіе.

Вурмъ. Такая хорошенькая просительница чего-нибудь да стоитъ.

Луиза *(стоитъ въ оцѣпенѣніи, потомъ дрожащимъ голосомъ).* Боже праведный!

Вурмъ. Надѣюсь, цѣна не велика, когда надо спасти отца.

Луиза *(внѣ себя ходитъ по комнатѣ).* Да, да! это правда; они защищены, ваши высокіе владыки — защищены отъ истины своими пороками, какъ мечами херувимовъ. Пусть Богъ поможетъ тебѣ, батюшка! Дочь твоя скорѣе умретъ за тебя, чѣмъ согрѣшитъ.

Вурмъ. Бѣдному, покинутому старику это будетъ новость. „Моя Луиза", говорилъ онъ мнѣ, „уронила меня; она меня и подчиметъ". Пойду передать ему вашъ отвѣтъ. мамзель Миллеръ. *(Какъ будто собирается итти).*

Луиза *(спѣшитъ за нимъ и удерживаетъ его).* Остановитесь! остановитесь! погодите! Какъ поспѣшенъ этотъ сатана, когда хочетъ свести съ ума. Я уронила его—я должна его поднять! Говорите же! совѣтуйте! Что могу—~~должна~~ я дѣлать?

Вурмъ. Есть лишь одно средство.

Луиза. Это средство?

Вурмъ. И вашъ батюшка желаетъ...

Луиза. И батюшка?... Что же это за средство?

Вурмъ. Это для васъ легко.

Луиза. Для меня ничего нѣтъ тяжелѣе стыда.

Вурмъ. Если вы захотите освободить майора...

Луиза. Отъ его любви? Вы шутите надо мною—вы предоставляете моей волѣ то, къ чему я принуждена поневолѣ.

Вурмъ. Вы не такъ меня поняли, милая Луиза. Майоръ долженъ отступиться первый—и добровольно.

Луиза. Онъ не отступится.

Вурмъ. Такъ кажется. Кто бы сталъ обращаться къ вамъ, если бы не вы однѣ могли въ этомъ помочь?

Луиза. Да могу ли я принудить его ненавидѣть меня?

Вурмъ. Мы попробуемъ. Сядьте-ка.

Луиза *(въ испугѣ).* Что ты замышляешь?

Вурмъ. Сядьте и пишите. Вотъ перо, чернила и бумага.

Луиза *(садится въ сильнѣйшей тревогѣ).* Что мнѣ писать? къ кому писать?

Вурмъ. Къ палачу вашего отца.

Луиза. О! ты мастеръ истязать души! *(Схватываетъ перо).*

Вурмъ *(диктуетъ).* „Милостивый государь".

Луиза *(пишетъ дрожащею рукою).*

Вурмъ. „Вотъ уже три несносныхъ дня—несносныхъ дня, какъ мы не видались".

Луиза *(останавливается и кладетъ перо).* Къ кому письмо?

Вурмъ. Къ палачу вашего отца.

Луиза. Боже мой!

Вурмъ. „Остерегайтесь майора—майора, который цѣлый день стережетъ меня, какъ Аргусъ".

Луиза *(вскакиваетъ).* Это неслыханное плутовство Къ кому письмо?

Вурмъ. Къ палачу вашего отца.

Луиза *(ходитъ взадъ и впередъ, ломая руки).* Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! это безчеловѣчно! О, небо! наказывай людей по-человѣчески,

когда они раздражают тебя; но зачѣмъ повергать меня между двухъ ужасовъ? Зачѣмъ колебать меня между смертью и позоромъ? Зачѣмъ сажать мнѣ на плечи этого кровожаднаго дьявола? Дѣлайте, что хотите. Я ни за что не стану писать.

Вурмъ *(берется за шляпу)*. Какъ угодно, мамзель Луиза. Это въ вашей волѣ.

Луиза. Въ моей волѣ, говорите вы? въ моей волѣ? Иди, варваръ! повѣсь несчастнаго надъ пропастью ада, попроси его о чемъ-нибудь, и богохульствуй, и говори, что это въ его волѣ. О! ты слишкомъ хорошо знаешь, что естественныя привязанности крѣпче цѣпей держатъ наше сердце. Теперь мнѣ все равно. Диктуйте дальше! Я перестаю и думать. Я уступаю адскому коварству. *(Опять садится)*.

Вурмъ. „Цѣлый день стережетъ, какъ Аргусъ". Есть?

Луиза. Дальше! дальше!

Вурмъ. „У насъ вчера былъ въ домѣ президентъ. Смѣшно было смотрѣть, какъ добрый майоръ защищалъ мою честь".

Луиза. Прекрасно, прекрасно! превосходно! Продолжайте!

Вурмъ. „Я прибѣгла къ обмороку—къ обмороку, чтобы не захохотать".

Луиза. О, небо!

Вурмъ. „Но мнѣ становится уже несносно притворяться—притворяться. Какъ бы я рада была отдѣлаться".

Луиза *(останавливается, встаетъ, ходитъ взадъ и впередъ, опустивъ голову словно ищетъ что на полу, потомъ опять садится и продолжаетъ писать)*. „Отъ него отдѣлаться".

Вурмъ. „Завтра онъ на службѣ. Наблюдайте когда онъ уйдетъ отъ меня, и приходите по уговору". Есть: „по уговору"?

Луиза. Все есть.

Вурмъ. „По уговору къ любящей васъ... Луизѣ".

Луиза. Недостаетъ только адреса.

Вурмъ. „Господину гофмаршалу фонъ-Кальбу".

Луиза. Боже всемогущій! Это имя такъ же чуждо моему слуху, какъ чужды сердцу моему эти постыдныя строки! *(Она встаетъ и долго безмолвно смотритъ на написанное неподвижнымъ взоромъ; потомъ подаетъ письмо Вурму; слабымъ, замирающимъ голосомъ)*. Возьмите, сударь! Свое честное имя—Фердинанда—все счастіе своей жизни отдаю я въ ваши руки.—Я нищая.

Вурмъ. Полноте! Не унывайте, милая мамзель Луиза! Мнѣ отъ души васъ жаль. Можетъ статься—почемъ знать?—я бы на кое-что и сквозь пальцы посмотрѣлъ. Право! ей-богу! мнѣ васъ очень жаль!

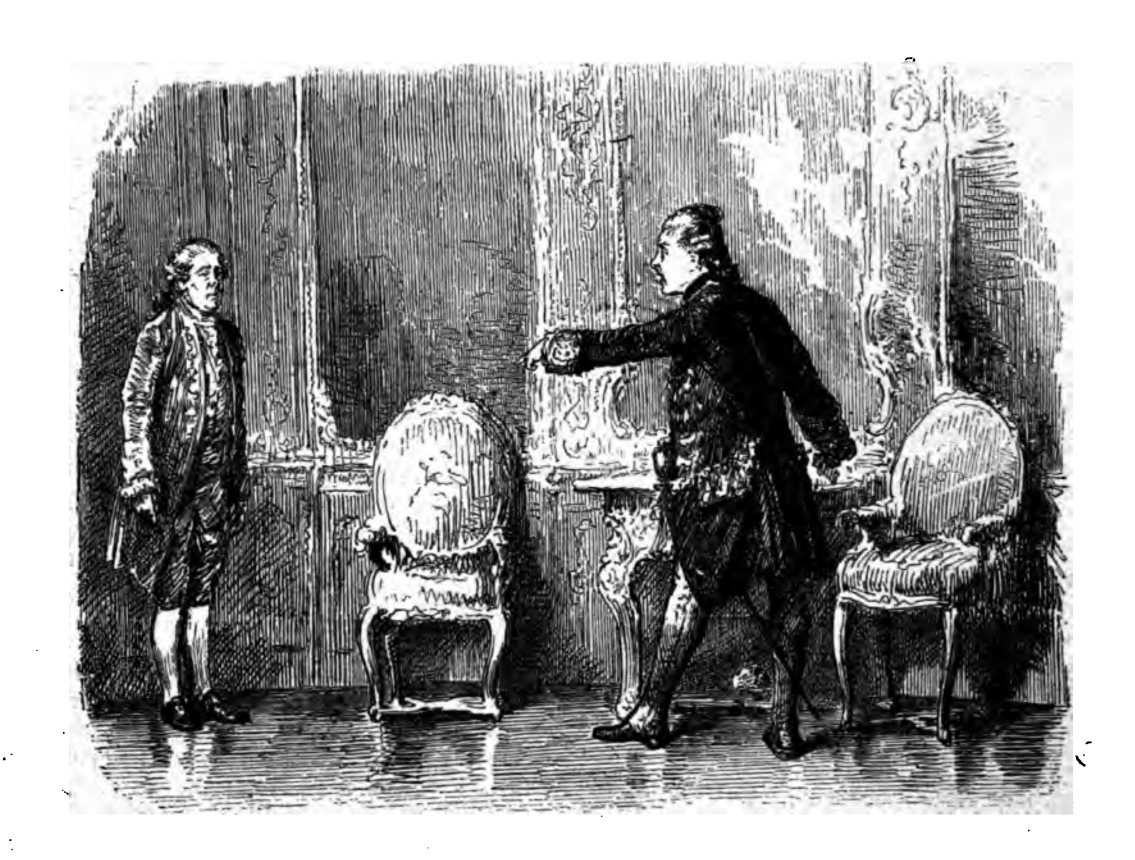
Луиза *(смотритъ на него неподвижнымъ, пронзительнымъ взглядомъ)*. Не договаривайте, сударь! Вы готовы пожелать себѣ ужаснаго...

Вурмъ *(хочетъ поцѣловать у нея руку)*. А положимъ, я пожелалъ бы эту хорошенькую ручку. Что вы на это скажете?

Луиза *(съ грозной торжественностью)*. Да я удавила бы тебя въ первую брачную ночь и съ радостью отдала бы палачамъ свое тѣло! *(Хочетъ итти, но быстро возвращается)*. Теперь все, сударь? Можно летѣть пташкѣ?

Вурмъ. Еще есть кое-что! Вы пойдете со мной и примете присягу, что будете признавать это письмо добровольнымъ.

Луиза. Боже мой! Боже мой. И ты утвердишь своею печатью дѣло ада? *(Вурмъ уводитъ ее)*.



ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Зала президента.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Фердинандъ фонъ-Вальтеръ *быстро входитъ съ открытымъ письмомъ въ рукахъ. Въ другую дверь входитъ* камердинеръ.

Фердинандъ. Не былъ здѣсь маршалъ?

Камердинеръ. Господинъ президентъ проситъ васъ къ себѣ, господинъ майоръ.

Фердинандъ. Чортъ возьми! я спрашиваю, не былъ ли здѣсь маршалъ?

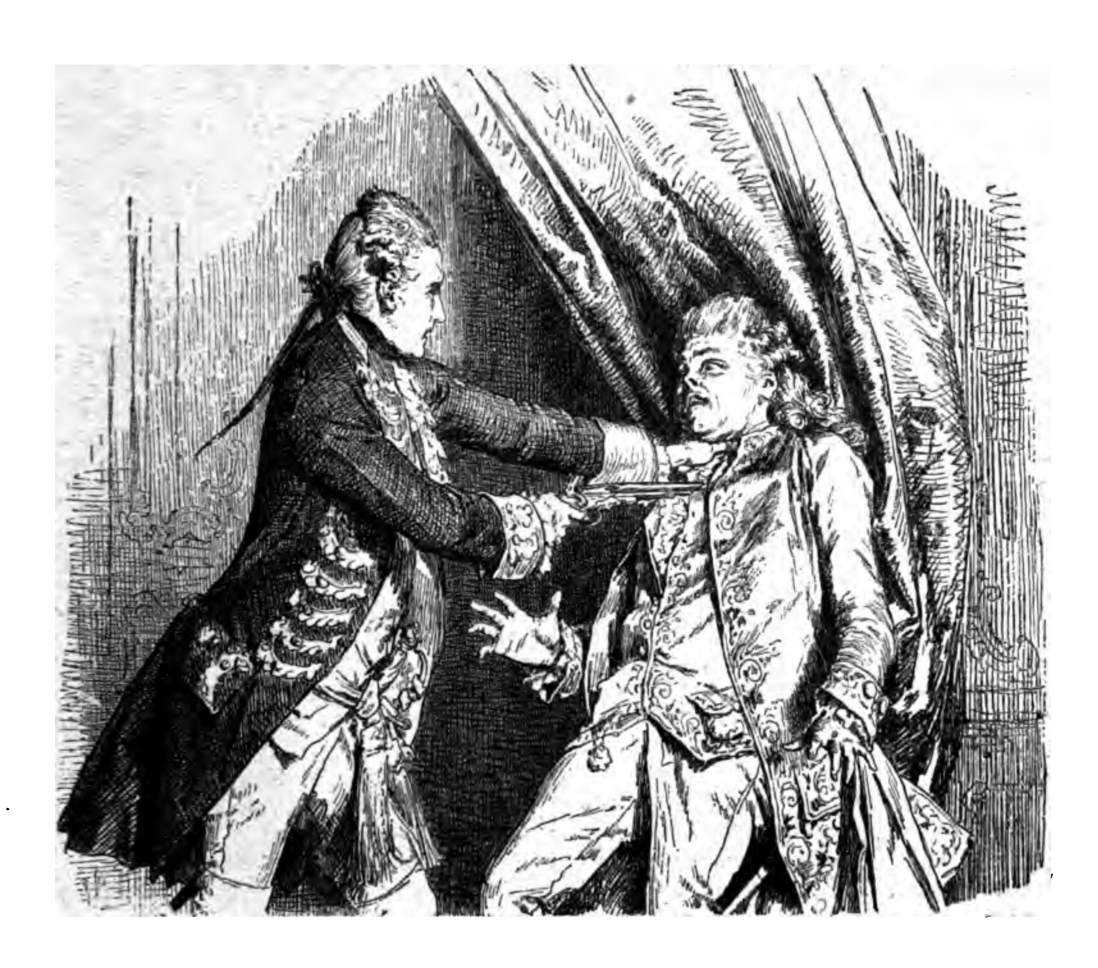
Камердинеръ. Господинъ баронъ наверху за карточнымъ столомъ.

Фердинандъ. Именемъ всѣхъ чертей, господинъ баронъ долженъ явиться сюда! *(Камердинеръ уходитъ).*

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Фердинандъ *(одинъ, пробѣгаетъ письмо, и то останавливается въ оцѣпенѣніи, то въ бѣшенствѣ бѣгаетъ по комнатѣ).*

Это невозможно! невозможно! въ такой небесной оболочкѣ не можетъ таиться такое дьявольское сердце... А между тѣмъ... между тѣмъ, если бы всѣ ангелы сошли съ неба и ручались за ея невинность, если бы небо и земля, если бы творенія и Творецъ соединились и ручались за ея невинность—вѣдь это ея рука... Неслыханный, чудовищный обманъ, какого еще не видывало человѣчество! Такъ вотъ она отчего такъ упорно не соглашалась на бѣгство! Вотъ отчего... Боже! теперь я просыпаюсь; все становится мнѣ теперь ясно! Вотъ от-



чего съ такимъ геройствомъ отказалась она отъ своихъ притязаній на мою любовь, и я готовъ былъ повѣрить этой небесной личинѣ! *(Быстрѣе ходитъ по комнатѣ, потомъ опять останавливается въ задумчивости).*

Такъ глубоко понять меня! отвѣчать на каждое смѣлое чувство, на каждый легкій трепетъ, на каждый пламенный порывъ! понимать движеніе моей души по тончайшимъ, неуловимо - измѣнчивымъ звукамъ; разсчитывать на каждую слезу мою; слѣдовать за мною на самыя грозныя вершины страсти; встрѣчать меня у каждой страшной крутизны... Боже! Боже! И все это было лишь притворство! Притворство! О, если ложь такъ прочна и живуча, какъ-же случилось, что ни одинъ дьяволъ не попалъ еще обманомъ въ рай?

Когда я открылъ ей, какой опасности подвергается наша любовь, какъ убѣдительно умѣла поблѣднѣть притворщица! Съ какимъ побѣдоноснымъ достоинствомъ встрѣтила она дерзкія насмѣшки моего отца, а между тѣмъ въ эту минуту она сознавала себя виноватою. Не выдержала ли она и самаго главнаго испытанія въ своей правотѣ? Лицемѣрка упала въ обморокъ. Какимъ языкомъ будешь ты теперь говорить, чувство? И прелестницы падаютъ въ обморокъ. Чѣмъ ты оправдаешь себя, невинность? И потаскушки падаютъ въ обморокъ.

Она знаетъ, что она изъ меня сдѣлала. Она видѣла всю мою душу. Въ моихъ глазахъ отражалось все мое сердце, когда я краснѣлъ отъ перваго поцѣлуя. И она ничего не чувствовала? можетъ быть чувствовала только торжество своего искусства? А я въ пламенномъ безумствѣ думалъ обнять въ ней цѣлое небо! Самыя бурныя желанія мои молчали! душа моя не знала ни одной мысли, кромѣ мечты о вѣчности въ союзѣ съ нею!... Боже!—и она ничего не чувствовала? Ничего не чувствовала, кромѣ того, что планъ ея удается? ничего не чувствовала, кромѣ сознанія своихъ прелестей?—смерть и проклятіе!

ничего не чувствовала, кромѣ того, что я обманутъ?

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Фердинандъ. Гофмаршалъ.

Гофмаршалъ (*впархивая въ комнату*). Вы выразили желаніе, милѣйшій...

Фердинандъ (*бормочетъ про себя*). Сломать шею мерзавцу. (*Громко*). Маршалъ, это письмо вы должно быть выронили изъ кармана на парадѣ—и мнѣ (*со злобнымъ смѣхомъ*)—мнѣ, къ счастью, пришлось найти его.

Гофмаршалъ. Вамъ?

Фердинандъ. Случай забавный! Кончайте свои земные разсчеты.

Гофмаршалъ. Вы меня совсѣмъ испугали, баронъ.

Фердинандъ. Прочитайте! Прочитайте! (*Отходитъ отъ него*). Если я не гожусь уже въ любовники, такъ можетъ быть въ сводники пригожусь. (*Пока тотъ читаетъ, онъ подходитъ къ стѣнѣ и снимаетъ съ нея два пистолета*).

Гофмаршалъ (*бросаетъ письмо на столъ и хочетъ убѣжать*). Ахъ! чортъ возьми!

Фердинандъ (*схватываетъ его за руку и останавливаетъ*). Терпѣніе, любезнѣйшій маршалъ! Извѣстіе повидимому пріятное! Мнѣ надобно заплатить за находку! (*Показываетъ ему пистолеты*).

Гофмаршалъ (*отступая въ испугѣ*). Будьте благоразумны, милѣйшій.

Фердинандъ (*грознымъ и рѣшительнымъ голосомъ*). Да, я настолько благоразуменъ, что сейчасъ же отправлю тебя, мерзавца, на тотъ свѣтъ. (*Насильно даетъ ему пистолетъ и вынимаешъ свой носовой платокъ*). Возьмите! Держитесь за этотъ платокъ. Онъ у меня отъ нея.

Гофмаршалъ. Черезъ платокъ? Въ умѣ ли вы? Что вы это вздумали?

Фердинандъ. Держись за этотъ конецъ, говорятъ тебѣ, а то промахнешься, трусъ! Какъ онъ весь дрожитъ, трусъ! Да тебѣ бы слѣдовало благодарить Бога, трусъ, что у тебя въ первый разъ будетъ хоть что нибудь въ головѣ! (*Гофмаршалъ бѣжитъ прочь*). Потише! сдѣлайте одолженіе! (*Догоняетъ его и запираетъ дверь на ключъ*).

Гофмаршалъ. Въ комнатѣ, баронъ?

Фердинандъ. Да стоитъ ли итти изъ-за тебя далеко? Вѣдь здѣсь выстрѣлъ раздастся громче, и это будетъ вѣрно первый шумъ, сдѣланный тобой въ свѣтѣ. Цѣлься!

Гофмаршалъ (*обтирая свой лобъ*). И вы хотите подвергнуть опасности вашу драгоцѣнную жизнь—вы, молодой человѣкъ, полный надеждъ?

Фердинандъ. Цѣлься, говорятъ тебѣ! Мнѣ нечего больше дѣлать на этомъ свѣтѣ.

Гофмаршалъ. За то мнѣ есть еще здѣсь дѣло, несравненнѣйшій баронъ.

Фердинандъ. Тебѣ, болванъ? тебѣ... Быть затычкой тамъ, гдѣ съ каждымъ днемъ все меньше охотниковъ? Въ одну минуту семь разъ съежиться и семь разъ вытянуться, какъ бабочка на булавкѣ? Вести реестръ, сколько разъ слабило твоего господина, и быть мишенью его остротъ? Не все ли равно, если я поведу тебя съ собою, какъ какого-нибудь рѣдкаго звѣря. При воѣ осужденныхъ грѣшниковъ будешь ты плясать, какъ ручная обезьяна, подавать поноску и служить, и увеселять вѣчное отчаяніе своимъ придворнымъ искусствомъ.

Гофмаршалъ. Все, что вамъ угодно! баронъ! все, что угодно!... Только отложите пистолеты.

Фердинандъ. Какъ онъ струсилъ, несчастный! Ты родился, кажется, на позоръ шестому дню творенья. Какъ-будто тебя не Богъ создалъ, а кто-то поддѣлалъ. Жаль только, жаль унціи мозга, которому такъ плохо въ этомъ неблагодарномъ черепѣ. Стоило бы добавить эту унцію къ мозгу павіана, чтобы сдѣлать его вполнѣ человѣкомъ; а теперь это лишній наростъ. И съ такою тварью можетъ дѣлить она свое сердце? Непостижимо, непростительно. Да онъ созданъ скорѣе отучить отъ грѣха, а не то что увлечь.

Гофмаршалъ. Слава Богу! Онъ начинаетъ острить.

Фердинандъ. Я пощажу его. Терпимость, которая щадитъ червячка, пусть и на его долю достанется. Встрѣтившись съ нимъ, иной пожметъ плечами и подивится, можетъ быть, мудрому хозяйству природы, которая кормитъ нѣкоторыхъ тварей и навозомъ и иломъ, которая приготовляетъ обѣдъ воронѣ на висѣлицѣ, а царедворцу въ грязи около трона; подивится и полицейской экономіи, которая и въ духовномъ мірѣ держитъ ядовитыхъ тарантуловъ и змѣй. Но (*снова впадая въ бѣшенство*) до моего цвѣтка да не коснется это нечистое насѣкомое или (*хватаетъ маршала за плечи и трясетъ его*) я раздавлю его и вытрясу изъ него душу.

Гофмаршалъ (*слабо стонетъ*). Боже

Фердинандъ.

мой! какъ бы мнѣ отъ него уйти? За сто миль отсюда, въ Парижѣ, въ Бисетрѣ, только бы не у него въ рукахъ...

Фердинандъ. Слушай! если она уже не невинна; если ты уже наслаждался, гдѣ я благоговѣлъ *(съ большимъ ожесточенiемъ)*, удовлетворялъ свою похоть, гдѣ я чувствовалъ себя богомъ!.. *(Внезапно смолкаетъ и потомъ продолжаетъ страшнымъ голосомъ)*. О! лучше бы тебѣ, подлецъ, искать убѣжища въ аду, нежели встрѣтиться въ небѣ съ моимъ гнѣвомъ. До чего дошло у тебя съ дѣвушкою? Признавайся!

Гофмаршалъ. Оставьте меня. Я все скажу.

Фердинандъ. О! быть любовникомъ этой дѣвушки должно быть слаще, чѣмъ предаваться съ другою самымъ небеснымъ мечтамъ. Если бъ она захотѣла распутствовать, еслибъ она захотѣла—она могла бы убить цѣну души и животную страсть превратить въ добродѣтель. *(Приставляетъ пистолетъ къ груди маршала)*. До чего дошло у тебя съ нею? Признавайся, или я спущу курокъ!

Гофмаршалъ. Да ничего не было—ничего не было. Да потерпите минуту. Вѣдь васъ обманули!

Фердинандъ. И ты открываешь мнѣ глаза, злодѣй? Далеко ли зашло у тебя съ нею? Признавайся, или я на мѣстѣ убью тебя!

Гофмаршалъ. Mon Dieu! Боже мой! Вѣдь я говорю—выслушайте меня...ея отецъ, родной отецъ...

Фердинандъ *(съ ожесточенiемъ)*. Сосводничалъ тебѣ дочь? И далеко ты зашелъ съ нею? Признавайся, или я уничтожу тебя!

Гофмаршалъ. Вы внѣ себя. Не слушаете. Я никогда ея не видалъ. Я не знаю ея. Я ничего объ ней не знаю.

Фердинандъ *(отступая)*. Ты никогда не видалъ ея? не знаешь ея? не знаешь ничего о ней? Она погибла изъ-за тебя, а ты трижды отрекаешься отъ нея однимъ духомъ? Вонъ, мерзавецъ! *(Ударяетъ его прикладомъ пистолета и выталкиваетъ изъ комнаты)*. Для такихъ тварей, какъ ты, не изобрѣтенъ еще порохъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фердинандъ *послѣ долгаго молчанія, во время котораго черты его выражали страшную мысль.*

Погибла! Да, несчастная! Да, мы оба погибли—и я, и ты. Да, клянусь всемогущимъ Богомъ! ужъ если погибъ я, погибла и ты. Всевышній Судія! не отнимай у меня ея! Эта дѣвушка моя. За нее уступилъ я Тебѣ всю Твою вселенную, отрекся отъ всего Твоего дивнаго созданія. Предоставь эту дѣвушку мнѣ! Всевышній Судія! милліоны душъ съ воплемъ зовутъ Тебя. Обрати къ нимъ свое милосердное око—меня же оставь дѣйствовать одного! (*Ломаетъ въ отчаяніи руки*). Неужто щедрый, богатый Творецъ пожалѣетъ одну душу, и притомъ худшую во всемъ его твореніи?—Эта дѣвушка моя! Я былъ ей когда-то богомъ, теперь буду дьяволомъ! (*Устремляетъ неподвижный и страшный взглядъ въ уголъ*). Цѣлую вѣчность быть сплетену съ нею на колесѣ пытки—очи погружены въ очи — поднявшіеся дыбомъ волосы—наши глухіе стоны слились воедино... И тутъ-то повторять свои нѣжности! и тутъ-то напоминать ей ея клятвы!... Боже! Боже! Союзъ ужасный, но вѣчный! (*Быстро идетъ къ двери и встрѣчается съ президентомъ*).

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фердинандъ. Президентъ.

Фердинандъ (*отступая*). Батюшка!

Президентъ. Очень радъ, что встрѣчаю тебя, Фердинандъ. Я пришелъ сообщить тебѣ пріятную вѣсть, и кое-что, чему ты вѣрно удивишься. Сядемъ.

Фердинандъ (*долго смотритъ на него пристально*). Батюшка! (*Въ сильной тревогѣ подходитъ къ нему и схватываетъ его руку*). Батюшка! (*Цѣлуетъ его руку и падаетъ передъ нимъ на колѣни*). Батюшка!

Президентъ. Что съ тобою, Фердинандъ? Встань! Руки у тебя дрожатъ и горятъ.

Фердинандъ (*тревожно и съ сильнымъ чувствомъ*). Простите меня за мою неблагодарность, батюшка! Я потерянный человѣкъ! Я усомнился въ вашей добротѣ! Вы такъ по-отцовски заботились обо мнѣ... Ваша душа все предугадала... Теперь ужъ поздно... Простите! простите! Благословите меня, батюшка!

Президентъ (*лукаво, будто ничего не понимаетъ*). Встань, Фердинандъ! ты говоришь загадками.

Фердинандъ. Эта Миллеръ, батюшка... О! вы знаете людей... Ваше негодованіе было тогда такъ справедливо, такъ благородно, такъ родительски горячо... Только ваша горячая отцовская забота не тронула глухого сердца... Эта Миллеръ...

Президентъ. Не мучь меня, Фердинандъ! Я проклинаю свою жестокость! Я пришелъ извиниться передъ тобою!

Фердинандъ. Извиниться передо мною? Проклясть меня... Ваше порицаніе было мудростью! Ваша жестокость была небеснымъ состраданіемъ! Эта Миллеръ, батюшка...

Президентъ. Прекрасная, честная дѣвушка! Я отказываюсь отъ своихъ необдуманныхъ подозрѣній! Она пріобрѣла мое уваженіе.

Фердинандъ (*вскакиваетъ глубоко потрясенный*). Какъ! и вы? Батюшка! и вы? Неправда ли, батюшка, это какъ-будто сама невинность? И любить эту дѣвушку—такъ понятно!

Президентъ. Скажи лучше: не любить ея—преступленіе!

Фердинандъ. Это неслыханно! Это ужасно! А вы еще такъ умѣете читать въ сердцахъ! И притомъ вы смотрѣли на нее предубѣжденными глазами! Безпримѣрное лицемѣріе... Эта Миллеръ, батюшка...

Президентъ. Достойна быть моею дочерью! Ея добродѣтели стоятъ длиннаго ряда предковъ, красота ея дороже богатства. Мои правила уступаютъ твоей любви. Пусть будетъ она твоею!

Фердинандъ (*какъ обезумѣвъ, бѣжитъ вонъ изъ комнаты*). Этого еще недоставало. Прощайте, батюшка! (*Уходитъ*).

Президентъ (*идя вслѣдъ за нимъ*). Постой! постой! Куда ты бѣжишь? (*Уходитъ*).

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Входитъ лэди *и* Софи.

Лэди. Такъ ты ее видѣла? Придетъ она?

Софи. Сію минуту! она была еще неодѣта и хотѣла только наскоро одѣться.

Лэди. Не говори мнѣ ничего о ней. Молчи! Я трепещу, какъ преступница, что увижу счастливицу, которая чувствуетъ такъ страшно-согласно съ моимъ сердцемъ. Что же она, когда ты пригласила ее?

Софи. Она, кажется, удивилась, заду-

малась, смотрѣла на меня такими странными глазами и молчала. Я уже ждала отговорки, какъ она взглянула на меня такъ, что я удивилась, и сказала: „Ваша лэди приказала мнѣ прійти, а я завтра хотѣла сама просить у нея позволенія“.

Лэди *(въ сильной тревогѣ)*. Оставь меня, Софи! ~~Пощадьй меня~~! я должна буду краснѣть, если она даже обыкновенная женщина, и робѣть, если она нѣчто больше.

Софи. Но милэди... что за капризъ пришелъ вамъ видѣть свою соперницу? Вспомните, кто вы? Призовите на помощь свое происхожденіе, свой санъ, свою власть. Гордое сердце еще болѣе возвыситъ вашъ гордый блескъ.

Лэди *(въ разсѣянности)*. Что ты тутъ болтаешь?

Софи *(злобно)*. Ужъ не случай ли это, что на васъ именно сегодня горятъ самые драгоцѣнные ваши брилліанты? что именно сегодня на васъ самое пышное платье? что ваша прихожая полна гайдуковъ и пажей? что вы ждете мѣщанскую дѣвушку въ самой роскошной залѣ вашего дворца?

Лэди *(ходитъ взадъ и впередъ, съ сердцемъ)*. Несносно, невыносимо, что у женщинъ такіе рысьи глаза для женскихъ слабостей! Но какъ глубоко должно быть я пала, что подобная тварь разгадываетъ меня!

Камердинеръ *(входитъ)*. Мамзель Миллеръ.

Лэди *(къ Софи)*. Вонъ, вонъ, отсюда! *(Софи медлитъ; лэди съ угрозой)*. Вонъ! Я приказываю тебѣ *(Софи уходитъ. Леди проходитъ по залѣ)*. Хорошо! прекрасно, что я въ волненіи! Я именно этого желала! *(Камердинеру)*. Позови ее сюда! *(Камердинеръ уходитъ; она кидается на софу и принимаетъ небрежно-важную позу)*.

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Луиза Миллеръ *робко входитъ и останавливается въ далекомъ разстояніи отъ лэди.* **Лэди**, *оборотившись къ ней спиною, осматриваетъ ее нѣсколько времени внимательно въ противоположное зеркало. Молчаніе.*

Луиза. Милэди, я жду вашихъ приказаній.

Лэди *(оборачивается къ Луизѣ и слегка киваетъ ей головою; холодно и сдержанно)*. А! ты здѣсь? Это вѣрно—мамзель... какъ бишь зовутъ тебя?

Луиза *(съ нѣкоторою горечью)*. Отца моего зовутъ Миллеромъ, а ваша милость посылали за его дочерью.

Лэди. ~~Точно~~! ~~точно~~! Помню—дочь бѣднаго скрипача, о которомъ недавно была рѣчь. *(Помолчавъ, про себя)*. Очень интересна, хоть и не красавица. *(Громко Луизѣ)*. Подойди поближе, мое дитя. *(Про себя опять)*. Глаза у нея не мало поплакали. Какъ мнѣ нравятся эти глаза! *(Опять громко)*. Подойди же—ближе, ближе. Ты какъ будто боишься меня, милая?

Луиза *(съ гордою рѣшительностью)*. Нѣтъ, милэди. Я презираю судъ толпы.

Лэди *(про себя)*. Ого! и упрямство это отъ него. *(Громко)*. Мнѣ тебя рекомендовали. Говорятъ, что ты кой чему училась и вообще умѣешь жить. Разумѣется, какъ этому и не повѣрить? Да я бы не взяла бы всей вселенной, чтобы заставить солгать такого горячаго заступника.

Луиза. Я однако жъ не знаю никого, милэди, кто бы далъ себѣ трудъ отыскивать мнѣ покровительницу.

Лэди *(какъ на иголкахъ)*. Кто бы далъ себѣ трудъ для тебя или для твоей покровительницы?

Луиза. Гдѣ ужъ намъ, милэди!

Лэди. Судя по твоему открытому взгля-

ду, никакъ нельзя подумать, что ты такая плутовка. Тебя зовутъ Луизой? А сколько тебѣ лѣтъ?

Луиза. Минуло шестнадцать.

Лэди (*быстро вставая*). Понимаю! Шестнадцать лѣтъ! Первое біеніе этой страсти. Первоначальный серебряный тонъ только что обновленнаго инструмента. Нѣтъ ничего обольстительнѣе. Садись, милая! ты мнѣ очень по сердцу. И онъ любитъ впервые. Удивительно ли, что лучи одной зари слились вмѣстѣ. (*Очень ласково, взявъ ее за руку*). Я рѣшила: я составлю твое счастіе, милая. Это не что иное, какъ упоительная, но скоро отлетающая греза. (*Треплетъ Луизу по щекѣ*). Моя Софи скоро выходитъ замужъ. Ты поступишь на ея мѣсто. Шестнадцать лѣтъ! Это не можетъ долго продлиться.

Луиза (*почтительно цѣлуетъ ей руку*). Благодарю васъ за эту милость, милэди, хоть и не могу принять ее.

Лэди (*раздраженнымъ тономъ*). Какая важная дама! Дѣвушки твоего сословія считаютъ себя еще счастливыми, коль могутъ найти господъ. Куда же ты-то мѣтишь, моя милая? или эти пальцы слишкомъ нѣжны для работы? или ты возгордилась своимъ смазливымъ личикомъ?

Луиза. Лицо мое, милэди, не отъ меня, какъ и мое происхожденіе.

Лэди. Или ужъ не думаешь ли ты, что этому и конца не будетъ? Бѣдняжка, кто это тебѣ втолковалъ, вѣрно и тѣмъ и другимъ попользовался—кто бы онъ ни былъ. Вѣдь эти щеки не вѣкъ будутъ такъ цвѣсти. Что тебѣ кажется въ зеркалѣ массивнымъ и вѣчнымъ—не болѣе, какъ легкій, непрочный румянецъ, котораго рано или поздно не оставитъ и слѣда твой поклонникъ. Что мы будемъ тогда дѣлать?

Луиза. Жалѣть о поклонникѣ, милэди, который купилъ алмазъ, потому что думалъ, что онъ оправленъ въ золотѣ.

Лэди (*какъ будто не слушая*). У дѣвушекъ твоихъ лѣтъ всегда два зеркала разомъ—настоящее и ихъ поклонникъ. Ласковая угодливость послѣдняго исправляетъ грубую откровенность перваго. Одно показываетъ на щекѣ безобразный слѣдъ оспы. „Неправда!" говоритъ другой: „это ямочка грацій". Вы спроста вѣрите первому лишь въ томъ, что вамъ сказалъ второй; кидаетесь отъ одного къ другому, пока не смѣшаете подъ конецъ, кто что говорилъ. Что ты такъ на меня смотришь?

Луиза. Извините, милэди! я только что хотѣла пожалѣть объ этомъ рубинѣ съ такой великолѣпной игрой, который вѣрно не знаетъ, что его владѣтельница такъ сильно порицаетъ суетность.

Лэди (*краснѣя*). Не перебивай меня, плутовка!—Если бы ты не надѣялась на свое личико, я думаю, ни что на свѣтѣ не помѣшало бы тебѣ взять мѣсто, гдѣ только и можешь ты научиться свѣтскимъ манерамъ и отдѣлаться отъ своихъ мѣщанскихъ предразсудковъ.

Луиза. И отъ своей мѣщанской невинности, милэди.

Лэди. Какой вздоръ! Самый безпутный мужчина побоится заподозрить насъ въ легкости, если мы сами не дадимъ ему на то повода. Надо только умѣть держать себя! Только веди себя честно и съ достоинствомъ, такъ и соблазновъ никакихъ не будетъ.

Луиза. Позвольте мнѣ все-таки не вѣрить этому, милэди! Дворцы извѣстныхъ дамъ рѣдко обходятся безъ самыхъ шумныхъ забавъ. Можно ли требовать отъ дочери бѣднаго скрипача такого героизма, чтобы она бросилась въ зачумленное мѣсто и при этомъ не боялась заразиться? Кто бы могъ подумать, что лэди Мильфордъ вѣчно чувствуетъ угрызеніе совѣсти, что она бросаетъ деньгами, лишь бы имѣть возможность каждую минуту сгорать отъ стыда? Я откровенна, милэди! Было ли бы вамъ пріятно видѣть меня, когда вы собираетесь на какое-нибудь удовольствіе? Не было ли бы вамъ несносно встрѣчать меня, возвращаясь? О! пусть лучше раздѣлятъ насъ цѣлыя страны—цѣлыя моря! Подумайте, милэди! для васъ могутъ настать часы отрезвленія, минуты истощенія—змѣи раскаянія могутъ зашевелиться у васъ въ груди; не пыткою ли будетъ для васъ тогда—видѣть въ лицѣ вашей горничной ясное спокойствіе, какимъ невинность награждаетъ чистое сердце? (*Отступаетъ шагъ назадъ*). Еще разъ прошу у васъ прощенія, милэди.

Лэди (*ходитъ въ сильной внутренней тревогѣ*). Тяжело мнѣ слышать это отъ нея; но еще тяжелѣе знать, что она права! (*Подходитъ къ Луизѣ и пристально смотритъ ей въ глаза*). Ты меня не перехитришь! Такъ горячо не высказываются убѣжденія! Сквозь эти разсужденія проглядываетъ какой-то сердечный интересъ, и оттого-то быть въ моемъ услуженіи кажется тебѣ особенно противно—оттого ты такъ разгорячилась... но я (*съ угрозою*) все узнаю.

Лэди Мильфордъ.

Луиза *(прямо, съ достоинствомъ)*. Что же? узнавайте! разбудите презрительнымъ толчкомъ вашей ноги обиженнаго червяка, которому Творецъ далъ жало для своей защиты! Я не боюсь вашей мести, милэди! Бѣдной грѣшницѣ, приведенной къ позорной плахѣ, все равно, хотя бы сгорѣлъ весь міръ! Несчастіе мое такъ тяжко, что я не могу увеличить его своею откровенностью! *(Помолчавъ, строго).* Вы хотите извлечь меня изъ праха моего происхожденія. Я не хочу разбирать ее, эту подозрительную милость. Объ одномъ спрошу васъ, милэди: что заставило васъ считать меня дурой, которая стыдится своего происхожденія? Что дало вамъ право навязывать мнѣ себя въ виновницы моего счастія, еще не зная, захочу ли я принять счастіе изъ вашихъ рукъ? Я навѣки отказалась отъ притязаній на свѣтскія радости; я простила моему счастію его непрочность. Къ чему хотите вы опять увлечь меня ими? Если самое Божество скрываетъ лучи отъ глазъ своего созданія, чтобы и высшій серафимъ не содрогнулся своего затменія — зачѣмъ люди хотятъ быть такъ жестоко милосерды? Какъ это такъ милэди, что ваше хваленное счастіе проситъ, какъ милостыни, зависти и удивленія у несчастія? Или вашей радости необходимо видѣть рядомъ отчаяніе? О! дайте мнѣ лучше слѣпоту, которая одна еще можетъ примирить меня съ моею горькою участью. Ничтожное насѣкомое чувствуетъ и въ каплѣ воды такую же радость, и такое же блаженство, какъ если бъ оно было въ раю, пока не разскажутъ ему объ океанѣ, гдѣ гуляютъ флоты и киты. Но вѣдь вы хотите, чтобъ я была счастлива? *(Помолчавъ, вдругъ подходитъ къ лэди и быстро спрашиваетъ ее).* Счастливы вы сами, милэди? *(Лэди быстро и въ изумленіи отступаетъ отъ нея; Луиза слѣдуетъ за нею и прикладываетъ свою руку къ ея груди).* Такъ же ли ясно это сердце, какъ вашъ наружный видъ? И если бъ мы могли теперь обмѣняться сердцемъ на сердце и судьбою на судьбу—если бъ я въ дѣтской простотѣ—если бъ я по совѣсти спросила васъ, какъ свою мать — посовѣтовали бы вы такой обмѣнъ?

Лэди *(въ сильномъ волненіи кидается на софу).* Непостижимо! невѣроятно! Нѣтъ, милая! нѣтъ! Это душевное величіе у тебя не врожденное; а для твоего отца оно слишкомъ юношески пылко. Не запирайся передо мною! У тебя былъ другой учитель.

Луиза (*тонко, проницательно смотритъ ей въ глаза*). Какъ, миледи? Будто только теперь пришелъ вамъ въ голову этотъ учитель, а между тѣмъ вы уже прежде приготовили мнѣ мѣсто!

Лэди (*вскакиваетъ*). Этого нельзя выдержать! ~~Да! ужъ мнѣ не вывернуться~~. Я знаю его—знаю все—знаю больше, чѣмъ бы хотѣла! (*Вдругъ останавливается, потомъ съ ожесточеніемъ, которое мало по малу переходитъ въ бѣшенство*). Но только посмѣй, несчастная—посмѣй и теперь любить его, или быть имъ любима! Что я говорю? посмѣй думать объ немъ, или быть одною изъ его мыслей... я сильна, ~~несчастная~~—моя месть ужасна... клянусь Богомъ—ты погибла!

Луиза (*непоколебимо*). И безъ возврата, миледи, если вы его принудите любить васъ!

Лэди. Я тебя понимаю. Но онъ не долженъ меня любить! Я погашу эту позорную страсть, заглушу свое сердце и сокрушу твое. Я воздвигну между вами утесы, вырою пропасти; какъ фурія, буду я являться въ вашемъ эдемѣ; имя мое будетъ спугивать ваши поцѣлуи, какъ привидѣніе спугиваетъ преступниковъ; твой молодой цвѣтущій станъ будетъ стыть, какъ мумія, въ его объятіяхъ... Я не могу быть съ нимъ счастлива, но и ты не будешь. Знай это, ~~несчастная~~! Разрушать чужое блаженство есть тоже блаженство!

Луиза. Этого блаженства васъ уже лишили, миледи! Не клевещите на свое сердце. Вы неспособны привести въ исполненіе то, чѣмъ такъ грозно меня стращаете! Вы неспособны мучить существо, которое не сдѣлало вамъ никакого зла, и только чувствовало такъ же, какъ вы. Но я васъ люблю, миледи, за этотъ порывъ страсти!

Лэди (*приходя въ себя*). Гдѣ я? что со мною? что я высказала? кому?—О Луиза! благородная, высокая, божественная душа! прости, прости сумасшедшую! Я не трону волоска на головѣ твоей, дитя мое! Пожелай! потребуй! я буду носить тебя на рукахъ, буду твоимъ другомъ, твоею сестрою. Ты бѣдна—вотъ! (*Снимая съ себя нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи*). Я продамъ эти брильянты, продамъ свой гардеробъ, лошадей и экипажи: все будетъ твое, только откажись отъ него!

Луиза (*отступаетъ назадъ въ тревогѣ*). Смѣется она надъ моимъ отчаяніемъ, или въ самомъ дѣлѣ она не участвовала въ этой безчеловѣчной интригѣ! А! такъ я могу еще придать себѣ видъ героини и превратить въ заслугу свое безсиліе! (*Стоитъ нѣсколько времени въ задумчивости; потомъ подходитъ ближе къ лэди и смотритъ на нее пристально и многозначительно*). Возьмите его, миледи! Добровольно уступаю я вамъ человѣка, котораго адскими клещами отрывали отъ моего окровавленнаго сердца. Можетъ быть, вы сами этого не знаете, миледи, но вы разрушили рай двухъ любящихъ; вы разлучили два сердца, соединенныя Богомъ; вы сокрушили существо, которое близко Ему, какъ вы, которое создалъ Онъ на радость, какъ васъ, которое славило Его, какъ вы, и уже больше не будетъ никогда славить. Миледи! до слуха Всевышняго доходитъ и послѣдній вздохъ раздавленнаго червя! Онъ не можетъ равнодушно видѣть, какъ убиваются души въ Его рукахъ! Теперь онъ вашъ! Теперь, миледи, возьмите его себѣ! бѣгите въ его объятія! влеките его къ алтарю! Но помните, что между вашимъ свадебнымъ поцѣлуемъ встанетъ призракъ самоубійцы. Богъ смилуется надо мною! Мнѣ ~~нечѣмъ~~ больше помочь себѣ! (*Убѣгаетъ*).

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Лэди *одна стоитъ въ оцѣпенѣніи и внѣ себя, обративъ неподвижный взглядъ на дверь, въ которую вышла Луиза; наконецъ, она приходитъ въ себя.*

Что это? Что было со мною? Что говорила эта несчастная? Боже! они еще раздираютъ мнѣ слухъ, эти страшныя, осуждающія меня слова: „возьмите его себѣ!"—Кого, несчастная? Подарокъ твоего предсмертнаго хрипа — ужасное наслѣдство твоего отчаянія? Боже! Боже! какъ низко я упала! какъ внезапно свержена я со всѣхъ троновъ своей гордости! Мнѣ приходится въ томительномъ голодѣ ждать подаянія отъ великодушія нищей въ ея послѣдней предсмертной агоніи!—„Возьмите его себѣ!" Какимъ тономъ сказала она это! съ какимъ взглядомъ! О, Эмилія! затѣмъ ли преступила ты границы твоего пола? затѣмъ ли старалась пріобрѣсть пышное имя высокой британской женщины, чтобы все хвастливое зданіе твоей чести рухнуло передъ высшею добродѣтелью безпомощной мѣщанской дѣвушки? Нѣтъ, несчастная! нѣтъ! погоди

гордиться! Эмилію Мильфордъ можно устыдить; но она никогда не опозоритъ себя! И я найду въ себѣ силу отказаться!

(Ходитъ величественно взадъ и впередъ).

Прочь отъ меня теперь, женская слабость, женскія сѣтованія! Прощайте, отрадныя, золотыя картины любви!—Пусть одно великодушіе руководитъ мной!.... Или эта любящая чета погибнетъ, или Мильфордъ оставитъ свои притязанія и исчезнетъ изъ сердца герцога! *(Помолчавъ, съ живостью).* ~~Дѣло сдѣлано~~!... Страшное препятствіе уничтожено—разорваны всякія узы между мною и герцогомъ. Я исторгла изъ своего сердца эту безумную любовь. ~~Въ твои~~ руки предаю я себя, добродѣтель! Прими кающуюся дочь твою Эмилію! О! какъ мнѣ хорошо! Какъ легко стало мнѣ вдругъ, какъ отрадно! Величаво, какъ западающее солнце, сойду я сегодня съ высоты своего величія. Пусть все пышное могущество мое умретъ вмѣстѣ съ моей любовью. Въ гордое изгнаніе свое не возьму я ничего, кромѣ сердца! *(Идетъ съ рѣшимостью къ письменному столу).* Сейчасъ же должна я все покончить—сейчасъ же! Прелести любимаго юноши, пожалуй, возобновятъ кровавую борьбу въ моемъ сердцѣ! *(Садится и начинаетъ писать).*

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Лэди. Камердинеръ. Софи. *Потомъ* **гофмаршалъ** *и наконецъ* **слуги.**

Камердинеръ. Гофмаршалъ фонъ-Кальбъ—въ пріемной—съ порученіемъ отъ герцога.

Лэди *(продолжая писать, въ волненіи).* Дрогнешь ты, кукла въ герцогской мантіи!... Да! мысль не дурна—сбить съ толку этотъ августѣйшій мозгъ! Придворные льстецы его завертятся; все герцогство придетъ въ броженіе.

Камердинеръ *и* **Софи.** Гофмаршалъ, милэди.

Лэди *(оборачиваясь),* Кто? что?—Тѣмъ лучше! Этотъ сортъ людей затѣмъ только и на свѣтѣ, чтобы разносить вѣсти. Просить его.

(Камердинеръ уходитъ).

Софи *(съ робостью приближаясь).* Еслибъ я не боялась, милэди, я бы не посмѣла... *(Лэди продолжаетъ поспѣшно писать).* Эта Миллеръ выбѣжала внѣ себя изъ залы... Вы всѣ въ жару... Говорите сами съ собой. *(Лэди продолжаетъ писать).* Я боюсь, какъ бы не случилось чего?

Гофмаршалъ *(входитъ, расшаркивается и раскланивается не оборачивающейся лэди; она его не замѣчаетъ; онъ подходитъ ближе, становится за ея кресломъ, беретъ кончикъ ея платья, напечатлѣваетъ на немъ поцѣлуй и робко лепечетъ).* Его высочество...

Лэди *(посыпаетъ пескомъ и пробѣгаетъ написанное).* Онъ назоветъ это черной неблагодарностью... Я была жалкой сиротой. Онъ вывелъ меня изъ нищеты. Изъ нищеты? Ужасный промѣнъ! Разорви свой счетъ, обольститель! Мой вѣчный стыдъ съ лихвою уплатилъ его.

Гофмаршалъ *(тщетно старавшійся обратить на себя вниманіе лэди то съ той, то съ другой стороны).* Милэди, повидимому, чѣмъ-то занята. Приходится мнѣ самому осмѣлиться... *(Очень громко).* Его высочество прислалъ меня спросить васъ, милэди, что назначить сегодня—собраніе или нѣмецкій театръ?

Лэди *(встаетъ смѣясь).* Либо то, либо другое, мой ангелъ! А пока отнесите герцогу на десертъ эту записку! *(Софи).* Вели закладывать мнѣ карету, Софи, и зови сюда ~~въ залу~~ всю прислугу!

Софи *(уходитъ въ тревогѣ).* Господи! Ужъ это что-то недоброе! Что тутъ еще будетъ!

Гофмаршалъ. Вы разстроены, милэди?

Лэди. Тѣмъ больше правды въ моихъ словахъ. Ура, гофмаршалъ! Ваканція открывается. То-то счастье сводникамъ! *(Маршалъ подозрительно смотритъ на записку).* Прочитайте! прочитайте! Я хочу, чтобы содержаніе письма не оставалось втайнѣ.

Гофмаршалъ *(читаетъ; между тѣмъ въ глубинѣ сцены собирается прислуга лэди).*

„Ваше высочество!

„Договоръ, такъ легкомысленно вами нарушенный, не можетъ оставаться обязательнымъ для меня. Благоденствіе вашей страны было условіемъ моей любви. Три года длился обманъ. Повязка спала, наконецъ, съ глазъ моихъ. Я гнушаюсь милостями, купленными слезами подданныхъ. Подарите свою любовь, на которую я не могу болѣе отвѣчать, вашей угнетенной странѣ и научитесь отъ британской принцессы состраданію къ своему германскому народу. Черезъ часъ я буду уже за границей.

Дженъ Норфолькъ".

Всѣ слуги (*въ изумленіи шопотомъ*). За границей?

Гофмаршалъ (*въ испугѣ кладетъ записку на столъ*). Боже сохрани, дорогая милэди! У меня не двѣ головы, да и у васъ тоже!

Лэди. Вотъ о чемъ забота! Къ несчастію, я знаю, впрочемъ, что ваша братія платится и за пересказъ того, что сдѣлали другіе. Мой совѣтъ — запечь записку въ пастетъ; тогда она сама собой попала бы въ руки его высочества.

Гофмаршалъ. Ciel! Какая дерзость! Образумьтесь, милэди; подумайте, какой немилости подвергаете вы себя!

Лэди (*обращается къ прислугѣ, съ глубокимъ чувствомъ*). Вы удивлены, добрые люди, и съ трепетомъ ждете, чѣмъ разрѣшится эта загадка. Подойдите ближе, мои милые! Вы честно и усердно мнѣ служили; больше глядѣли мнѣ въ глаза, чѣмъ въ кошелекъ; повиноваться мнѣ было вашей радостью; вы гордились однимъ—моей милостью! О! зачѣмъ память о вашей вѣрности должна соединиться съ воспоминаніемъ о моемъ униженіи? Не горькая ли это судьба, что самые черные дни мои были для васъ счастливыми днями? (*Со слезами на глазахъ*). Я отпускаю васъ, друзья мои! Лэди Мильфордъ уже нѣтъ, а Дженъ Норфолькъ слишкомъ бѣдна, чтобы уплатить ея долгъ. Казначей мой пусть раздастъ вамъ все, что есть въ моей шкатулкѣ. Этотъ дворецъ остается герцогу. Самый бѣдный изъ васъ выйдетъ изъ него богаче, нежели ваша госпожа! (*Подаетъ имъ руки, и всѣ наперерывъ цѣлуютъ ихъ*). Я васъ понимаю, друзья мои! Прощайте! прощайте навсегда! (*Собираясь съ духомъ*). Чу! карета подъѣхала! (*Вырывается изъ рукъ прислуги и хочетъ выйти; гофмаршалъ кидается къ ней и останавливаетъ ее*). А! ты еще здѣсь, жалкій человѣкъ?

Гофмаршалъ (*все это время смотрѣвшій на записку съ выраженіемъ глупости на лицѣ*). И я долженъ вручить эту записку его герцогскому высочеству? въ его собственныя руки?

Лэди. Да, жалкій человѣкъ! въ собственныя его высочества руки. Донеси тоже собственнымъ его высочества ушамъ, что я не могу идти босикомъ въ Лоретто, и стану поэтому поденно работать, чтобы очистить себя отъ посрамленія, что управляла имъ. (*Быстро уходитъ. Всѣ въ чрезвычайной тревогѣ расходятся*).

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Комната музыканта. Сумерки.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Луиза *молча и недвижимо сидитъ въ темномъ углу комнаты, опершись головою на руки. Послѣ долгаго и глубокаго безмолвія входитъ* Миллеръ *съ фонаремъ въ рукѣ, тревожно свѣтитъ и озирается, и, не замѣтивъ Луизы, кладетъ шляпу на столъ и ставитъ фонарь.*

Миллеръ. И здѣсь ея нѣтъ!—Всѣ улицы обѣжалъ, ко всѣмъ знакомымъ навѣдался, ~~у всѣхъ воротъ разспрашивалъ~~: нигдѣ не видали моей дочки! *(Помолчавъ).* Потерпи, бѣдный, несчастный отецъ! Подожди до утра! Можетъ быть прибьетъ твое дѣтище волной къ берегу. Господи! Господи! Или тѣмъ я виноватъ, что слишкомъ боготворилъ свою дочь?—Тяжко это наказаніе... тяжко, (Отче небесный. Я не ропщу, Господи! но тяжко это наказаніе! *(Кидается въ глубокой скорби на стулъ).*)

Луиза *(изъ угла).* Привыкай, бѣдный старикъ! привыкай къ потерѣ заранѣе!

Миллеръ *(вскакивая).* Ты здѣсь, дитятко? здѣсь? Да что же ты одна и впотьмахъ?

Луиза. Нѣтъ, я не одна. Когда этакъ темно, черно вокругъ меня, тутъ-то и собираются ко мнѣ гости.

Миллеръ. Спаси тебя Господи! Только нечистая совѣсть да совы любятъ потемки. Только грѣшники да злые духи бѣгутъ свѣта.

Луиза. Да еще вѣчность, батюшка, говорящая съ душою безъ посредниковъ.

Миллеръ. Дитятко мое! дитятко! что это ты говоришь такое?

Луиза *(встаетъ и выходитъ впередъ).* Я вынесла трудную битву. Ты это знаешь, батюшка! Господь далъ мнѣ силу: битва рѣшена. Батюшка, насъ, женщинъ, считаютъ слабыми, хрупкими созданіями. Теперь не вѣрь этому. Мы вздрагиваемъ отъ паука, но не дрогнувъ заключаемъ въ свои объятія черное чудовище, тлѣніе! Знай это, батюшка! Луиза твоя повеселѣла.

Миллеръ. Ахъ, Луиза! лучше бы ты выла и рыдала; легче бы мнѣ смотрѣть на тебя.

Луиза. Ужъ какъ же я перехитрю его, батюшка! Какъ же я обману его, варвара! Любовь хитрѣе злобы и смѣлѣе—этого онъ

не зналъ, этотъ человѣкъ съ печальной звѣздой. О, они хитры, пока имъ приходится имѣть дѣло съ головой; но стоитъ имъ связаться съ сердцемъ—и злодѣи становятся глупы. Онъ думалъ утвердить свой обманъ присягой! Присяга, батюшка, связываетъ живыхъ, но смерть разрѣшаетъ и желѣзныя узы клятвъ! Фердинандъ узнаетъ свою Луизу! Передашь ты эту записку, батюшка? потрудишься?

Миллеръ. Кому дитятко?

Луиза. И ты спрашиваешь! Всей безконечности и сердцу моему не вмѣстить и одной мысли о немъ! Къ кому же мнѣ больше писать?

Миллеръ *(съ безпокойствомъ)*. Послушай, Луиза! я распечатаю письмо!

Луиза. Какъ хочешь, батюшка! Только ты ничего въ немъ не поймешь. Буквы лежатъ въ немъ, какъ холодные трупы, и оживаютъ лишь для очей любви.

Миллеръ *(читаетъ)*. „Ты обманутъ, Фердинандъ! Безпримѣрное коварство разорвало союзъ нашихъ сердецъ; но страшная клятва связала мнѣ языкъ, и отецъ разставилъ вездѣ своихъ шпіоновъ. Но.. будь только у тебя отвага, милый!... я знаю мѣсто, гдѣ нѣтъ шпіоновъ". *(Миллеръ останавливается и серьезно смотритъ ей въ лицо)*.

Луиза. Что ты такъ глядишь на меня? Читай дальше, батюшка!

Миллеръ. „Но много нужно тебѣ мужества, чтобы пройти темный путь, котораго ничто не озаритъ предъ тобою, кромѣ твоей Луизы и Бога. Лишь съ одною любовью долженъ ты прійти и оставить за собой всѣ свои надежды и всѣ свои дурныя желанія; тебѣ ничего не нужно, кромѣ твоего сердца. Рѣшишься—иди въ путь, когда колоколъ кармелитскаго монастыря ударитъ въ двѣнадцатый разъ. Побоишься—вычеркни слово мужество изъ качествъ своего пола: тебя пристыдитъ дѣвушка". *(Миллеръ кладетъ письмо, долго смотритъ впередъ неподвижнымъ, скорбнымъ взглядомъ, потомъ оборачивается къ Луизѣ и говоритъ тихимъ, прерывающимся голосомъ)*. Гдѣ же это мѣсто, Луиза?

Луиза. А ты его не знаешь, батюшка? Странно! Я такъ ясно его обозначила. Фердинандъ его найдетъ.

Миллеръ. Гм... Говори яснѣе!

Луиза. Я не могу теперь придумать для него пріятнаго названія. Не пугайся, батюшка, если я назову его непріятнымъ именемъ. Это мѣсто... Ахъ, зачѣмъ не любовь изобрѣтала слова! она назвала бы его лучшимъ словомъ. Это мѣсто, батюшка—только не прерывай меня! — это мѣсто — могила.

Миллеръ *(покачнувшись, хватается за ручку кресла)*. Господи!

Луиза *(подходитъ къ нему и поддерживаетъ его)*. Полно, батюшка! Страшно лишь слово... Прочь его и это—брачное ложе, надъ которымъ утро стелетъ свой золотой коверъ, и весны сыплютъ свои пестрыя гирлянды. Только отчаянный грѣшникъ можетъ называть смерть скелетомъ: это прекрасный, ласковый юноша, такой же цвѣтущій, какимъ рисуютъ бога любви, но не такой хитрый... это кроткій, услужливый геній, подающій руку измученной страннице-душѣ чрезъ ровъ времени, отпирающій для нея чудные чертоги вѣчнаго блаженства, дружелюбно улыбающійся и потомъ исчезающій.

Миллеръ. Что это ты задумала, Луиза? Ты хочешь наложить на себя руки!

Луиза. Не говори такъ, батюшка! Нѣтъ, очистить мѣсто въ обществѣ, гдѣ я лишняя—поспѣшить туда, куда и безъ того скоро пришлось бы мнѣ уходить. Развѣ это грѣхъ.

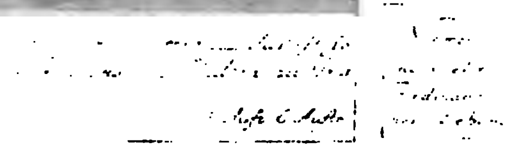
Миллеръ. Самоубійство — страшный грѣхъ, дитя мое! Одному этому грѣху нѣтъ покаянія; смерть и преступленіе тутъ вмѣстѣ.

Луиза *(стоитъ недвижимо)*. Ужасно! Но вѣдь смерть не такъ же скоро придетъ. Я брошусь въ рѣку, батюшка, и, опускаясь ко дну, стану молить Всемогущаго о помилованіи!

Миллеръ. Не все ли это равно, что каяться въ воровствѣ, припрятавъ покражу въ вѣрномъ мѣстѣ. Луиза! дитя мое! не оскорбляй Бога, когда тебѣ всего нужнѣе Его милость! Ахъ! далеко ушла ты отъ праваго пути. Ты бросила молиться—и Милосердый отнялъ отъ тебя свою десницу.

Луиза. Развѣ любить—преступленіе, батюшка?

Миллеръ. Люби Бога—и любовь никогда не доведетъ тебя до преступленія. Тяжкимъ горемъ придавила ты меня, родная! тяжкимъ! тяжкимъ! Можетъ, отъ него я и въ могилу лягу. Луиза, я, какъ вошелъ, говорилъ тутъ. Я думалъ, что я одинъ. Ты подслушала меня; да и что мнѣ отъ тебя таиться? Ты была мнѣ божествомъ, Луиза! если есть еще у тебя въ сердцѣ мѣстечко для любви къ отцу... Ты была бы для меня все! Ты ужъ теперь не одно свое погу-



[illegible]
Lebt wohl. Lebt ewig wohl.

IV Aufz. 9 Auftr.

Современные рисунки къ «Коварству и Любви» знаменитаго гравера Ходовецкаго.

II.

бишь. И я все потеряю. Посмотри, голова у меня ужъ сѣдѣетъ. Мало по малу наступаетъ время, когда намъ, отцамъ, нуженъ становится капиталъ, положенный нами въ сердца нашихъ дѣтей. Или ты хочешь обмануть меня, Луиза? убѣжать съ достояніемъ своего отца?

Луиза (*глубоко тронутая, цѣлуетъ его руку*). Нѣтъ, батюшка! Я покину свѣтъ твоею должницей, и съ лихвой заплачу свой долгъ въ вѣчности.

Миллеръ. Смотри, не обсчитайся тамъ, дитя мое! (*Строго и торжественно*). Придется ли еще намъ встрѣтиться тамъ?.. А! ты блѣднѣешь! Луиза моя и сама понимаетъ, что мнѣ ужъ не найти ее въ томъ мірѣ: вѣдь я пойду туда не вмѣстѣ съ нею. (*Луиза припадаетъ, вся дрожа отъ волненія, къ его плечу. Онъ крѣпко прижимаетъ ее къ груди и продолжаетъ умоляющимъ тономъ*). Дитя мое! дочь моя! падшая, можетъ быть ужъ погибшая дочь моя! Послушай сердечнаго отцовскаго слова! Я не могу уберечь тебя. Отниму я у тебя ножъ—ты можешь умертвить себя и булавкой. Не дамъ я тебѣ яду принять — ты можешь удавиться ниткою жемчугу. Луиза... Луиза... я только и могу, что отговаривать тебя. Или ты хочешь, чтобы невѣрная игрушка твоя ускользнула отъ тебя на грозномъ переходѣ отъ времени къ вѣчности? Или ты дерзнешь явиться къ престолу Всевышняго съ ложью на устахъ? сказать: „ради тебя, Господи, пришла я сюда!“ въ то время, какъ твои грѣшные глаза станутъ искать своей земной игрушки? А если этотъ хрупкій кумиръ твоего сердца, превращенный въ такого же червя, какъ и ты, пресмыкаясь у ногъ твоего Судіи, обманетъ въ эту грозную минуту твою безбожную увѣренность и укажетъ твоимъ обманутымъ надеждамъ на вѣчное милосердіе, котораго несчастный не въ силахъ вымолить и себѣ—что тогда? (*Громче и выразительнѣе*). Что тогда, несчастная? (*Крѣпче обнимаетъ ее, смотритъ на нее нѣсколько времени пристально и проницательно, потомъ вдругъ выпускаетъ ее изъ своихъ рукъ*). Больше я ничего не знаю... (*Поднимая правую руку*). Не ручаюсь тебѣ, праведный Боже, за эту душу. Дѣлай, что хочешь. Принеси своему красавцу жертву, отъ которой возрадуется нечистая сила и отступится твой ангелъ-хранитель! Ступай! взвали себѣ на плечи всѣ свои грѣхи и этотъ послѣдній грѣхъ, ужаснѣйшій, а коль бремя все еще легко, я прибавлю къ нему и свое проклятіе. Вотъ тебѣ ножъ—пронзи имъ свое сердце, да и (*хочетъ уйти, съ горькимъ воплемъ*) сердце отца!

Луиза (*кидается вслѣдъ за нимъ*). Постой! постой! Батюшка! О! въ отцовской нѣжности больше жестокаго насилія, чѣмъ въ самой тираніи злобы! Что мнѣ дѣлать? Я не могу! Что мнѣ дѣлать?

Миллеръ. Если поцѣлуи твоего майора горячѣе слезъ твоего отца—умирай!

Луиза (*послѣ мучительной борьбы съ нѣкоторою твердостью*). Батюшка! Вотъ моя рука! Я не хочу... Боже! Боже! Что я дѣлаю? На что рѣшаюсь? Батюшка, клянусь... Горе мнѣ! горе мнѣ, тяжкой преступницѣ!.. Батюшка, будь по твоему!... Фердинандъ... Богъ мнѣ свидѣтель... Вотъ какъ уничтожу я въ себѣ и послѣднюю память о немъ! (*Разрываетъ письмо*).

Миллеръ (*радостно обнимая ее*). Вотъ узнаю мою Луизу! Взгляни на меня! Нѣтъ у тебя любовника, за то есть счастливый отецъ! (*Обнимаетъ ее, и смѣясь, и плача*). Луиза! дитятко мое! да вся моя жизнь не стоитъ одного этого дня! И какъ это мнѣ, ничтожному человѣку, далъ Господь такого ангела! Луиза моя! рай мой! Боже! я мало понимаю въ любви; но какая это должна быть мука перестать любить—это я знаю!

Луиза. Только вонъ изъ этой страны, батюшка! Вонъ изъ города, гдѣ надо мной насмѣхаются мои подруги, гдѣ навѣки погибло мое доброе имя. Дальше, дальше отсюда, гдѣ у меня передъ глазами столько слѣдовъ утраченнаго счастья. Дальше, если возможно!

Миллеръ. Куда хочешь, дитятко! Господь Богъ раститъ хлѣбъ вездѣ; найдутся вездѣ и уши для моей скрипки. Да пусть хоть и ничего не останется у насъ... Я положу на ноты исторію твоего горя, сложу пѣсню про дочь, что изъ любви къ отцу растерзала себѣ сердце—и станемъ мы ходить съ этою балладой со двора во дворъ, и отрадно будетъ и милостыню взять отъ людей, поплакавшихъ надъ нами.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. Фердинандъ.

Луиза (*первая замѣчаетъ его и съ громкимъ крикомъ кидается на шею отцу*). Боже! Онъ! Я пропала!

Миллеръ. Гдѣ? Кто?

Луиза (*показываетъ, не обращаясь лицомъ, на майора и крѣпче прижимается къ*

отцу). Онъ! самъ! Оглянись, батюшка... Убить меня пришелъ онъ!

Миллеръ (*увидавъ Фердинанда, отступаетъ назадъ*). Какъ! Вы здѣсь, баронъ?

Фердинандъ (*тихо подходитъ ближе, останавливается противъ Луизы, смотритъ на нее пристальнымъ, испытующимъ взглядомъ и, помолчавъ, говоритъ*). Спасибо тебѣ, пойманная врасплохъ совѣсть! Признаніе твое ужасно, но мгновенно и вѣрно, и мнѣ не для чего прибѣгать къ пыткѣ. Здравствуй, Миллеръ!

Миллеръ. Ради Бога! Что вамъ нужно, баронъ? Что привело васъ сюда? Что это значитъ?

Фердинандъ. Было время, что день разбивали на секунды, что въ тоскѣ ожиданія не сводили глазъ съ медлительныхъ часовъ, и по ударамъ пульса разсчитывали минуты, когда я приду. Отчего же такъ удивляетъ васъ теперь мой приходъ?

Миллеръ. Уходите, уходите, баронъ! Если у васъ въ сердцѣ есть хоть капля состраданія, если вы не хотите убить той, кого, какъ вы говорите, любите, бѣгите, не оставайтесь здѣсь ни минуты больше! Благословеніе Божіе отлетѣло отъ моего домишка, только что вы переступили его порогъ. Вы накликали горе подъ мою кровлю, гдѣ прежде жила лишь радость. Или вамъ хочется еще растравить рану, которую нанесло моему единственному дѣтищу несчастное знакомство съ вами?

Фердинандъ. Чудакъ! я принесъ твоей дочери пріятную вѣсть.

Миллеръ. Ужъ не новыя ли надежды для новаго отчаянія? Уходи, вѣстникъ несчастія! Глядя тебѣ въ лицо, не захочешь знать твоихъ вѣстей.

Фердинандъ. Наконецъ, цѣль моихъ надеждъ передо мной! Лэди Мильфордъ, самое страшное препятствіе нашей любви, сейчасъ оставила герцогство. Отецъ одобряетъ мой выборъ. Судьба перестаетъ насъ преслѣдовать. Всходитъ наша счастливая звѣзда. Я пришелъ исполнить данное слово и повести къ алтарю свою невѣсту.

Миллеръ. Слышишь, Луиза? Слышишь, какъ онъ издѣвается надъ твоими обманутыми надеждами? Оно и кстати, баронъ! къ лицу обольстителю — упражнять остроуміе на своемъ преступленіи.

Фердинандъ. Ты думаешь, что я шучу? Клянусь честью, нѣтъ! Все это такъ же истинно, какъ любовь моей Луизы, и я такъ же свято сдержу слова свои, какъ она свои клятвы. Для меня нѣтъ ничего святѣе... Ты все еще не вѣришь? все еще нѣтъ румянца радости на щекахъ моей прекрасной супруги? Странно! видно, ложь здѣсь ходячая монета, если истинѣ даютъ такъ мало вѣры. Вы не вѣрите моимъ словамъ? Такъ повѣрьте этому письменному доказательству. (*Бросаетъ Луизѣ ея письмо къ маршалу*).

Луиза (*развертываетъ письмо и, поблѣднѣвъ, какъ полотно, падаетъ безъ чувствъ*).

Миллеръ (*не замѣчая этого, майору*). Что это значитъ, баронъ? Я васъ не понимаю!

Фердинандъ (*подводитъ его къ Луизѣ*).

Миллеръ (*припадаетъ къ дочери*). Боже мой!... Луиза!

Фердинандъ. Поблѣднѣла, какъ смерть! Вотъ этакъ она мнѣ нравится, твоя дочь! Никогда еще не была она такъ хороша, твоя кроткая, честная дочь! Лицо, какъ у мертвой. Дуновеніе Божьей правды, стирающее обманчивый блескъ съ каждой лжи, спахнуло со щекъ ея румяны, которыми искусница обманула и свѣтлыхъ ангеловъ. Это въ первый разъ ея настоящее лицо! Дай поцѣлую его. (*Хочетъ подойти къ Луизѣ*).

Миллеръ. Прочь! Не раздражай отцовскаго сердца! Я не уберегъ ее отъ твоихъ ласкъ; но съумѣю охранить отъ твоихъ оскорбленій.

Фердинандъ. Чего тебѣ, старикъ? Мнѣ нѣтъ до тебя никакого дѣла. Не впутывайся въ игру: она окончательно проиграна. Или ужъ не умнѣе ли ты, чѣмъ я предполагалъ? ужъ не помогалъ ли ты дочери въ ея любовныхъ шашняхъ своей шестидесятилѣтней мудростью? ужъ не посрамилъ ли своихъ сѣдыхъ волосъ ремесломъ сводника? О! если этого не было—ложись, несчастный старикъ, и умирай! Пока еще есть время. Ты можешь еще заснуть въ сладкомъ заблужденіи, что былъ счастливымъ отцомъ! Еще минута — и ты отбросишь ядовитую ехидну въ породившій ее адъ, проклянешь и даръ, и дарителя, и съ хулой на языкѣ сойдешь въ могилу. (*Луизѣ*). Говори, несчастная! Ты писала это письмо?

Миллеръ (*предостерегательно Луизѣ*). Ради Бога, Луиза! Не забудь ты! не забудь!

Луиза. О! это письмо, батюшка!...

Фердинандъ. Попало не въ тѣ руки? Хвала случаю! онъ творитъ болѣе великія дѣла, чѣмъ мудрствующій разсудокъ, и прочнѣе разума всѣхъ мудрецовъ. Случай?... Провидѣніе участвуетъ и въ паденіи во-

робья; неужто же его нѣтъ, когда нужно сорвать личину съ дьявола? Отвѣчай ~~же мнѣ~~! Ты писала это письмо?

Миллеръ (*Луизѣ, сбоку умоляющимъ тономъ*). Не робѣй! Будь тверда, Луиза! Одно только да—и всему конецъ.

Фердинандъ. ~~Лихо~~! ~~лихо~~! И отецъ обманутъ! Всѣ обмануты! Посмотрите на нее, безстыдную! И языкъ ея не хочетъ уже повиноваться послѣдней ея лжи! Клянись Богомъ! грознымъ и вѣчно истиннымъ Богомъ! Ты писала это письмо?

Луиза (*послѣ мучительной внутренней борьбы, во время которой она взорами говорила съ отцомъ, твердо и рѣшительно*). Я!

Фердинандъ (*въ испугѣ*). ~~Луиза~~!—Нѣтъ! душою моею клянусь! ты лжешь... На пыткѣ и невинность признаетъ за собою преступленія, въ которыхъ не участвовала. Я спросилъ слишкомъ рѣзко. Не правда ли, Луиза?.. Ты оттого лишь взяла на себя вину, что я спросилъ такъ рѣзко?

Луиза. Я сказала правду!

Фердинандъ. Нѣтъ, говорю я тебѣ! Нѣтъ! Нѣтъ! ты не писала. Это вовсе не твоя рука. Да, если и такъ—неужто поддѣлать почеркъ труднѣе, чѣмъ испортить сердце? Скажи мнѣ правду, Луиза!... Или— нѣтъ, нѣтъ, не говори! Ты можешь сказать да—и я пропалъ. Солги, Луиза! солги... О! если бъ у тебя была въ запасѣ какая-нибудь ложь, и ты сказала мнѣ ее съ открытымъ ангельскимъ видомъ, и убѣдила бы только мой слухъ, мои глаза, а сердце жестоко обманула! О, Луиза! одно слово твое могло бы изгнать истину изъ міра и непреклонную справедливость превратить въ придворное низкопоклонство! (*Дрожащимъ отъ опасенія голосомъ*). Ты писала это письмо?

Луиза. Клянусь Богомъ, грознымъ и вѣчно истиннымъ Богомъ—я!

Фердинандъ (*помолчавъ; тономъ глубочайшей скорби*). Женщина! женщина! Какими глазами глядишь ты на меня? Если бъ эти глаза раздавали райскія наслажденія, ты не нашла бы желающихъ даже въ самомъ аду. Знаешь ли, чѣмъ ты была для

меня, Луиза? Невозможно! нѣтъ! ты не знаешь, что ты была для меня все! все!.. Это жалкое, ничтожное слово, но цѣлая вѣчность едва вмѣщаетъ его; (цѣлыя системы міровъ вращаются въ немъ. Все!) И такъ преступно насмѣяться надъ всѣмъ!.. О! это ужасно!

Луиза. Я вамъ призналась, господинъ Вальтеръ. Я сама осудила себя. Идите теперь! Оставьте домъ, гдѣ вы были такъ несчастливы!

Фердинандъ. Хорошо! хорошо! Вѣдь я спокоенъ...(Спокойнымъ называютъ и опустошенный край, по которому прошла чума.) Я спокоенъ. *(Послѣ нѣкотораго размышленія)*. Еще одна просьба, Луиза—послѣдняя! Голова у меня въ лихорадочномъ жару. Мнѣ надо освѣжиться. Сдѣлай мнѣ стаканъ лимонаду. *(Луиза уходитъ)*.

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Фердинандъ. Миллеръ.

Оба ходятъ нѣсколько времени, не говоря ни слова, взадъ и впередъ на противуположныхъ сторонахъ комнаты.

Миллеръ *(наконецъ останавливается и грустно смотритъ на майора)*. Баронъ! можетъ, это хоть немножко уменьшитъ ваше горе, если я вамъ скажу, что мнѣ отъ всей души васъ жаль!

Фердинандъ. Э! полно объ этомъ, Миллеръ! *(Дѣлаетъ еще нѣсколько шаговъ)*. Я ужъ теперь и не понимаю, какъ я попалъ къ тебѣ въ домъ, Миллеръ... По какому поводу?

Миллеръ. Какъ, баронъ? Вѣдь вы хотѣли учиться у меня на флейтѣ? Вы это забыли?

Фердинандъ *(быстро)*.(Я видѣлъ твою дочь! *(Опять нѣсколько минутъ молчанія)*.) Ты не сдержалъ слова, пріятель! Мы условились, чтобы уединенные уроки наши были спокойны.) Ты обманулъ меня и продавалъ мнѣ скорпіоновъ. *(Видя волненіе Миллера)*. Не пугайся, старикъ! полно! *(Съ чувствомъ обнимаетъ его)*. Ты не виноватъ!

Миллеръ *(отирая глаза)*. Видитъ Господь всевѣдущій!

Фердинандъ *(снова ходитъ, погруженный въ мрачныя думы)*. Странно! о! непостижимо странно играетъ нами судьба! На тонкихъ, незамѣтныхъ нитяхъ висятъ часто страшныя тяжести. Зналъ ли человѣкъ, что въ этомъ плодѣ вкушаетъ онъ смерть?... Гм... зналъ ли онъ это? *(Ходитъ быстрѣе; потомъ въ сильномъ волненіи беретъ Миллера за руку)*. Миллеръ! я слишкомъ дорого плачу тебѣ за нѣсколько твоихъ уроковъ... Но тебѣ отъ этого нѣтъ прибыли. И ты, можетъ быть, все теряешь. *(Отходитъ отъ него тревожно)*. Нужно было мнѣ приниматься за эту несчастную флейту!)

Миллеръ *(стараясь скрыть свое волненіе)*. Что-то долго нѣтъ лимонаду. Не пойти ли мнѣ (посмотрѣть, если вы позволите?

Фердинандъ. Поспѣю, любезный Миллеръ! *(Про себя)*. И отцу нечего торопиться..) Останься!... Что бишь хотѣлъ я спросить?... Да! Луиза у тебя единственная дочь? Нѣтъ у тебя больше дѣтей?

Миллеръ *(съ чувствомъ)*. Нѣтъ, баронъ!.. Да и не надо мнѣ больше. Луиза всѣмъ моимъ сердцемъ завладѣла... все, что было во мнѣ любви, все я ей отдалъ..

Фердинандъ *(глубоко потрясенный)*. А!.. Посмотри-ка лучше, добрый Миллеръ, что лимонадъ! *(Миллеръ уходитъ)*.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фердинандъ *(одинъ)*.

Единственное дитя! Чувствуешь ли ты это, убійца! Единственное! (Слышишь, убійца? Единственное! И у старика нѣтъ во всемъ свѣтѣ ничего, кромѣ его скрипки и этого единственнаго дитяти..) И ты хочешь отнять (его?.. Отнять?.. Отнять) послѣдній грошъ у нищаго? (Сломать костыли у хромого и бросить ихъ къ его ногамъ? Какъ? и у меня достанетъ на столько жестокости? Ничего не ожидая, будетъ онъ спѣшить домой, чтобы на лицѣ дочери увидѣть всю свою радость, и вдругъ входитъ и видитъ — она лежитъ, какъ увядшій цвѣтокъ—мертвая—раздавленная въ порывѣ досады... послѣдняя, единственная скудная надежда!... И останавливается онъ передъ нею, и стоитъ, и у всей природы вокругъ словно занялось живительное дыханіе, и помертвѣвшій взглядъ его безплодно бродитъ по безлюдному безконечному пространству, и ищетъ Божества, и уже не можетъ найти его, и слѣпо смежается... Боже! Боже! Но вѣдь и у моего отца одинъ сынъ... одинъ сынъ, но не одно богатство. *(Помолчавъ)*. Какъ? Да что же онъ потеряетъ? Развѣ можетъ она осчастливить отца, если священнѣйшія чувства любви были для нея лишь игрушками? Нѣтъ, нѣтъ! и меня еще слѣдуетъ благодарить,

что я раздавлю змѣю, пока она не успѣла ужалить и отца!

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фердинандъ. Миллеръ *возвращается.*

Миллеръ. Сейчасъ подадутъ, баронъ! Бѣдняжка моя сидитъ и разливается-плачетъ. Она нароняетъ вамъ слезъ и въ лимонадъ.

Фердинандъ. Хорошо, если бъ это были только слезы! Давича мы говорили о музыкѣ, Миллеръ. *(Вынимая кошелекъ).* Я еще передъ тобой въ долгу!

Миллеръ. Какъ? что? Полноте, баронъ! За кого вы меня принимаете? За вами не пропадетъ. ~~Не конфузьте меня~~... Богъ дастъ, не въ послѣдній мы разъ видимся.

Фердинандъ. Почемъ знать? Возьми. Это на случай смерти.

Миллеръ *(смѣясь).* Э, полноте, баронъ! ~~Въ этомъ случаѣ, кажется~~, за васъ бояться нечего.

Фердинандъ. ~~И не боялись.~~ ~~Но~~ развѣ тебѣ не случалось еще слышать, что умираютъ и въ молодости? Умираютъ и дѣвушки, и юноши, дѣти надежды, воздушные замки обманутыхъ отцовъ... Не время подточитъ, не старость, такъ убьетъ часто громъ. Вѣдь и Луиза твоя не безсмертна.

Миллеръ. Мнѣ ее далъ Богъ.

Фердинандъ. Выслушай меня... Я говорю: и она не безсмертна. Эта дочь дороже тебѣ зѣницы ока. Ты привязался къ ней и сердцемъ и душой. Будь остороженъ, Миллеръ! Только отчаянные игроки ставятъ все на одну карту. Мы называемъ смѣльчакомъ купца, который грузитъ все свое состояніе на одинъ корабль. Эй, послушайся моего предостереженія. Да что жъ ты не возьмешь деньги?

Миллеръ. Что, баронъ? Этотъ тяжелый кошелекъ? Что это вы выдумали, баронъ?

Фердинандъ. Это мой долгъ. Возьми! *(Бросаетъ кошелекъ на столъ, такъ что изъ него выкатываются золотыя монеты).* Не цѣлый же вѣкъ носиться мнѣ съ этой дрянью.

Миллеръ *(въ изумленіи).* Какъ? Боже милостивый! да это никакъ не серебро? *(Подходитъ къ столу и восклицаетъ въ ужасѣ).* Какъ, баронъ? ради Бога! Что вы? Что это вы дѣлаете? Вотъ разсѣянность-то! *(Всплескивая руками).* Да вѣдь тутъ—или я околдованъ, или—Богъ меня убей! да вѣдь это золото, чистое золото! Нѣтъ, сатана! на этомъ ты меня не поймаешь!

Фердинандъ. Выпилъ ты сегодня, что ли, Миллеръ?

Миллеръ *(грубо).* Чортъ побери! Да вы посмотрите!—Золото!

Фердинандъ. Ну такъ что же?

Миллеръ. Фу, дьяволъ... я вамъ говорю... ради Бога, взгляните!... Золото!

Фердинандъ. Да что же тутъ необыкновеннаго?

Миллеръ *(послѣ нѣкотораго молчанія подходитъ къ нему съ чувствомъ).* Господинъ баронъ! Я простой, прямой человѣкъ. На мошенничество вы меня не купите. Видитъ Богъ, такихъ денегъ не заслужить честно!

Фердинандъ *(тронутый).* Будь спокоенъ, любезный Миллеръ! Ты давно заслужилъ эти деньги, и Боже меня упаси, чтобы я положился въ цѣнѣ на твою добросовѣстность!

Миллеръ *(подпрыгивая, какъ сумасшедшій).* Такъ онѣ мои! мои! Съ Божьяго соизволенія и благословенія, мои. *(Бѣжитъ къ двери и кричитъ).* Жена! дочь! Ура! сюда! *(Возвращаясь).* Боже праведный! да какъ же это очутилось у меня вдругъ такое богат-

ство? Чѣмъ я его заслужу? чѣмъ заплачу? Ахъ!

Фердинандъ. Ужъ не музыкальными уроками, Миллеръ. Этими деньгами я плачу тебѣ... *(Пріостанавливается отъ внутренняго содроганія).* Я плачу тебѣ ими... *(помолчавъ, съ грустью)* за длившійся три мѣсяца несчастный сонъ о твоей дочери!

Миллеръ *(крѣпко жметъ ему руку).* Баронъ! будь вы простой, ничтожный мѣщанинъ—*(быстро)* и смѣй не любить васъ моя дочь—да я бы ее зарѣзалъ! *(Опять подходитъ къ столу и наклоняется надъ деньгами).* Да вѣдь этакъ у васъ ничего не останется? Пожалуй, придется мнѣ, начавши за здравіе, съѣхать на упокой! а?

Фердинандъ. Не безпокойся объ этомъ, любезный. Я уѣзжаю—а въ той странѣ, гдѣ думаю поселиться, эти деньги не ходятъ!

Миллеръ *(все время не отрывавшій отъ денегъ жаднаго взора, съ восторгомъ).* Такъ онѣ у меня остаются? у меня?—Жаль только, что вы уѣзжаете.—То-то я теперь поправлюсь! Мы теперь покажемъ себя! *(Надѣваетъ шляпу и расхаживаетъ по комнатѣ).* Стану теперь давать уроки на ярмаркѣ, курить королевскій табакъ номеръ пятый; ужъ по прежнему заживемъ... Какъ бы не такъ! *(Хочетъ итти).*

Фердинандъ. Постой! ~~Молчи и~~ спрячь деньги! *(Выразительно).* Только этотъ вечеръ помолчи, да сдѣлай мнѣ удовольствіе—отнынѣ не давай больше уроковъ.

Миллеръ *(еще больше горячась, схватываетъ майора за пуговицу жилета; съ чрезвычайной радостью).* А дочь-то моя, баронъ! *(Выпуская пуговицу).* Для мужчины что деньги?... что?... Я ѣлъ картофель да тетерекъ; только бы сыту быть! а этотъ кафтанъ и вѣкъ проношу, лишь бы сквозь локти солнце не стало свѣтить. Для меня деньги—вздоръ! А вотъ дочери онѣ нужны; только въ глазахъ у нея прочту, чего ей хочется—все будетъ!

Фердинандъ *(быстро прерываетъ его).* Молчи!... ахъ, молчи!

Миллеръ *(еще съ большимъ жаромъ).* И по-французски выучимся фундаментально, и менуетъ танцовать, и пѣть—на славу, что называется! Въ чепчикѣ будетъ ходить, какъ чиновница какая, въ разныхъ этихъ фалбарахъ вашихъ. На четыре мили въ окружности, кого ни спроси, всякій будетъ знать музыкантову дочку!

Фердинандъ *(схватываетъ его за руку, въ сильнѣйшемъ волненіи).* Довольно! довольно! Ради Бога замолчи! Только сегодня помолчи! Одного этого требую я отъ тебя, вмѣсто благодарности.

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. Луиза *съ лимонадомъ.*

Луиза *(подноситъ майору на тарелкѣ стаканъ; глаза у нея заплаканы, голосъ дрожитъ).* Скажите, если не сладко...

Фердинандъ *(беретъ стаканъ, ставитъ его и быстро обращается къ Миллеру).* Ахъ, чуть было я не забылъ!—Можно попросить тебя, любезный Миллеръ? Сослужишь ты мнѣ небольшую службу?

Миллеръ. Хоть тысячу! Что прикажете?

Фердинандъ. Меня будутъ ждать къ столу; а я къ несчастію совсѣмъ не въ духѣ. Мнѣ никакой охоты нѣтъ быть въ обществѣ. Не сходишь ли ты къ моему отцу сказать, чтобы меня извинили?

Луиза *(въ испугѣ перебиваетъ).* Я могу сходить.

Миллеръ. Къ президенту?

Фердинандъ. Не къ нему самому. Скажи ~~только въ прихожей~~ камердинеру. А чтобы тебѣ повѣрили, вотъ мои часы. Я побуду здѣсь, пока ты не воротишься. Подожди тамъ отвѣта.

Луиза *(умоляющимъ тономъ).* Да нельзя ли мнѣ сходить?

Фердинандъ. *(Миллеру, который уже собрался итти).* Постой! ~~вотъ еще что~~! Нынче вечеромъ я получилъ письмо для передачи отцу... можетъ быть что-нибудь важное. Заодно отдай и его.

Миллеръ. Слушаю, баронъ!

Луиза *(обнимая его въ невыразимомъ страхѣ).* Батюшка, вѣдь все это могла бы сдѣлать я!

Миллеръ. Одна-то, Луиза, въ этакую темную ночь? *(Уходитъ).*

Фердинандъ. Посвѣти отцу, Луиза! *(Пока она идетъ со свѣчей за отцомъ, онъ подходитъ къ столу и всыпаетъ ядъ въ стаканъ съ лимонадомъ).* Да, и она! и она! Высшія силы ниспосылаютъ мнѣ свое грозное согласіе, мщеніе небесное утверждаетъ его, ангелъ-хранитель отступился отъ нея.

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Фердинандъ. Луиза.

Она тихо возвращается со свѣчей; ставитъ ее на столъ и останавливается на противо-

положной отъ майора сторонѣ, опустивъ глаза, и лишь изрѣдка робко и украдкой взглядываетъ на него. Онъ стоитъ на другой сторонѣ и неподвижно смотритъ передъ собой. Долгое и глубокое молчаніе.

Луиза. Не хотите ли сыграть со мной, господинъ Вальтеръ? Я сяду за фортепіано. *(Развертываетъ ноты. Фердинандъ не отвѣчаетъ. Молчаніе).* Вы еще въ шахматы не отыгрались. Не хотите ли партію, господинъ Вальтеръ? *(Опять молчаніе).* Господинъ Вальтеръ, бумажникъ, что я вамъ тогда обѣщала вышить—я его начала. Не хотите ли посмотрѣть узоръ? *(Опять молчаніе).* О! я очень несчастна!

Фердинандъ *(не перемѣняя положенія).* Очень можетъ быть.

Луиза. Я не виновата, господинъ Вальтеръ, что не умѣю васъ занять.

Фердинандъ *(съ презрительнымъ смѣхомъ).* Чѣмъ ты можешь занять мою глупую скромность?

Луиза. Я знала, что намъ ужъ нечего теперь быть вмѣстѣ. Я испугалась, признаюсь вамъ, когда вы посылали батюшку. Мнѣ кажется, что эти минуты должны быть невыносимы для насъ обоихъ, господинъ Вальтеръ. Если вы позволите, я схожу и позову кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ.

Фердинандъ. Разумѣется! А я пойду приведу своихъ.

Луиза *(смотритъ на него въ смущеніи).* Господинъ Вальтеръ.

Фердинандъ *(злобно).* Клянусь честью! умнѣе ничего нельзя придумать ~~въ этомъ положеніи~~. Нашъ непріятный дуэтъ мы можемъ превратить въ удовольствіе, и съ помощью извѣстныхъ любезностей отомстить за любовные капризы.

Луиза. Вы въ веселомъ расположеніи духа, господинъ Вальтеръ.

Фердинандъ. Въ такомъ веселомъ, что могъ бы собрать вкругъ себя всѣхъ мальчишекъ на улицѣ! Нѣтъ! Въ самомъ дѣлѣ, Луиза! Твой примѣръ увлекаетъ меня. Ты будешь моей учительницей. Одни глупцы толкуютъ о вѣчной любви. Вѣчно одно и то же надоѣдаетъ; только перемѣна—приправа удовольствія. Да, Луиза! я съ этимъ согласенъ. Станемъ порхать изъ романа въ романъ, попадать изъ грязи въ грязь... Ты туда—я сюда... Можетъ, мое потерянное спокойствіе и найдется гдѣ-нибудь въ непотребномъ домѣ. Можетъ, окончивъ свое веселое поприще, мы и еще разъ столкнемся—два изможденные скелета—къ общему нашему удовольствію и узнаемъ другъ друга по родственнымъ чертамъ, обличающимъ общую мать, какъ это бываетъ въ комедіяхъ, и можетъ быть позоръ и мерзость сольются въ одну гармонію, которая была невозможна для нѣжнѣйшей любви.

Луиза. Фердинандъ! Фердинандъ! И безъ того ты несчастливъ... Или тебѣ хочется еще новыхъ несчастій?

Фердинандъ *(озлобленный бормочетъ сквозь зубы).* Я несчастливъ? Кто это сказалъ тебѣ? Сама ты слишкомъ гадка, чтобы почувствовать это... Чѣмъ тебѣ оцѣнить чувства другого? Я ~~несчастливъ~~? О! это слово могло бы вызвать изъ могилы мое бѣшенство! Меня ждало несчастье — она знала это! ~~Смерть и проклятіе! она~~ знала ~~это~~, и все-таки измѣнила мнѣ. Змѣя! это было единственное право твое на прощеніе! Признаніе твое обрекаетъ тебя на смерть. До этой минуты я могъ украшать твое преступленіе наивностью, презрѣніе мое чуть не спасло тебя отъ моей мести. *(Быстро беретъ стаканъ).* Такъ ты была не легкомысленна—не глупа? Дьяволомъ ты была! *(Пьетъ).* Лимонадъ прѣсенъ, какъ твоя душа. Попробуй!

Луиза. Боже мой! не даромъ боялась я этой бесѣды!

Фердинандъ *(повелительно).* Попробуй!

Луиза *(нехотя беретъ стаканъ и пьетъ).*

Фердинандъ *(отворачивается, лишь только она поднесла стаканъ къ губамъ, вдругъ блѣднѣетъ и отходитъ въ самый дальній уголъ комнаты).*

Луиза. Лимонадъ хорошъ.

Фердинандъ *(не оборачиваясь и весь дрожа).* На здоровье!

Луиза *(поставивъ стаканъ).* О! если бы вы знали, Вальтеръ, какъ страшно оскорбляете вы мое сердце!

Фердинандъ. Гм!

Луиза. Будетъ время, Вальтеръ!

Фердинандъ *(опять выходя впередъ).* О! о времени теперь ужъ нечего говорить!

Луиза. Вы будете горько жалѣть объ этомъ вечерѣ.

Фердинандъ *(начинаетъ ходить быстрѣе, становится безпокойнѣе и сбрасываетъ съ себя шарфъ и шпагу).* Прощай, служба!

Луиза. Боже мой! что съ вами?

Фердинандъ. Мнѣ ~~узко~~ и жарко.. немного облегчить себя.

Луиза. Пейте! пейте! Лимонадъ васъ освѣжитъ.

Фердинандъ. Разумѣется... Потаскушка добра... впрочемъ, всѣ онѣ таковы!

Луиза *(кидается къ нему съ выраженіемъ глубокой любви и хочетъ обнять его).* И это ты говоришь о твоей Луизѣ, Фердинандъ?

Фердинандъ *(отталкиваетъ ее).* Прочь, прочь! прочь съ этими нѣжными, страстными взорами! Я не устою. Явись во всей своей ужасной отвратительности, змѣя! Кинься на меня, ехидна! Разверни передо мной свои страшныя звенья, взвейся къ небу!.. во всемъ безобразіи, въ какомъ видѣлъ тебя адъ!.. только не являйся ангеломъ... только не ангеломъ. Ужъ поздно... Я долженъ раздавить тебя, какъ гадину, или впасть въ отчаяніе. Сжалься надо мной!

Луиза. О! до чего это дошло!

Фердинандъ *(смотритъ на нее сбоку).* Это прекрасное твореніе небеснаго ваятеля... Кто этому повѣритъ? Кто повѣритъ? *(Беретъ ея руку и поднимаетъ кверху).* Я не испытую тебя, Господи! Но зачѣмъ разливаешь ты ядъ въ такіе чудные сосуды? Можетъ ли вмѣщаться порокъ въ такой кроткой, небесной наружности? Непостижимо!

Луиза. О! слышать все это—и не смѣть говорить.

Фердинандъ. И этотъ сладостный голосъ... Какъ могутъ звучать такою гармоніей разорванныя струны? *(Глядитъ на нее въ упоеніи).* Все такъ прекрасно... такъ полно гармоніи... все такъ божественно совершенно! На всемъ печать послѣдняго дня творенія! Клянусь Богомъ! весь міръ, кажется, возникъ лишь какъ приготовленіе къ этому дивному созданію! И только на душѣ не отразилось это совершенство! Можетъ ли быть, чтобы это возмутительное исчадіе природы явилось на свѣтъ безъ порока? *(Быстро отходитъ отъ Луизы).* Или можетъ быть природа видѣла, что изъ-подъ рѣзца ея выходитъ ангелъ, и чтобы помочь своей ошибкѣ, дала ей тѣмъ болѣе черное сердце?

Луиза. О, горькое упорство! Онъ готовъ обвинять небо, и не заподозрить себя въ ошибкѣ.

Фердинандъ *(съ горькимъ плачемъ бросается ей на шею).* Еще разъ, какъ въ тотъ день, когда ты впервые поцѣловала меня, когда первое „ты" сорвалось съ твоихъ пылающихъ губъ!.. О! казалось, это мгновеніе заключало въ себѣ, какъ почка, сѣмена безконечныхъ, неизреченныхъ радостей. Прекраснымъ майскимъ днемъ лежала вѣчность передъ нашими глазами; золотые вѣка мелькали въ пышномъ вѣнчальномъ уборѣ передъ нашею душой... Я былъ тогда счастливъ! О, Луиза! Луиза! ~~Луиза!~~ зачѣмъ ты сгубила меня?

Луиза. Плачьте, плачьте, Вальтеръ! Ваша грусть будетъ ко мнѣ справедливѣе вашего гнѣва.

Фердинандъ. Ты ошибаешься. Это не слезы грусти—не ~~та~~ теплая, отрадная роса, что льется бальзамомъ въ душевныя раны и снова приводитъ въ движеніе застывшее чувство. Эти одинокія холодныя капли—горькое вѣчное „прости" моей любви. *(Съ грозной торжественностью, опуская руку на ея голову).* Это слезы о твоей душѣ, Луиза! Слезы о томъ, что Божество не коснулось тебя своимъ безконечнымъ милосердіемъ, что въ тебѣ гибнетъ лучшее изъ его созданій! О! мнѣ кажется, весь міръ долженъ бы одѣться въ трауръ и оцѣпенѣть отъ того, что происходитъ въ его сердцѣ! Не диво, что люди падаютъ и теряютъ рай; но какъ не стонать всей природѣ, когда чума поражаетъ и ангеловъ?

Луиза. Не доводите меня до крайности, Вальтеръ! У меня не мало силы душевной... но и она не устоитъ противъ сверхъ-человѣческаго испытанія. Вальтеръ, еще одно слово—и потомъ разстанемся. Грозная судьба смѣшала языкъ нашихъ сердецъ. Если бы я смѣла открыть уста, Вальтеръ, я могла бы сказать тебѣ то... я могла бы... Но жестокій рокъ связалъ мой языкъ, какъ и любовь мою—и я должна терпѣть—пусть ты обращаешься со мной, какъ съ потерянной женщиной.

Фердинандъ. Хорошо ты себя чувствуешь, Луиза?

Луиза. Къ чему этотъ вопросъ?

Фердинандъ. Мнѣ было бы жаль тебя, если бы ты ушла отсюда съ ложью на устахъ.

Луиза. Вальтеръ! умоляю васъ!...

Фердинандъ *(въ сильнѣйшей тревогѣ).* Нѣтъ! нѣтъ! Это была бы сатанинская месть! Нѣтъ, ~~Боже меня сохрани~~! Въ тотъ міръ я на перенесу ее. Луиза! любила ты маршала? Ты уже не выйдешь изъ этой комнаты.

Луиза. Спрашивайте, что хотите. Я ужъ больше ничего не отвѣчу. *(Садится).*

Фердинандъ *(серьезнѣе).* Позаботься о своей безсмертной душѣ, Луиза!—Любила ты маршала? Ты ужъ не выйдешь изъ этой комнаты.

Луиза. Я ничего не отвѣчу.

Фердинандъ *(въ неописанномъ волненіи падаетъ предъ нею на колѣни).* Луиза! Любила ты маршала? Эта свѣча не успѣетъ еще догорѣть—ты будешь предъ лицомъ Бога!

Луиза *(вскакиваетъ въ испугѣ).* Боже!

Что такое? И мнѣ вдругъ такъ дурно стало! *(Снова опускается въ кресло).*

Фердинандъ. Уже?... Вы, женщины, останетесь вѣчной загадкой! Нѣжные нервы выдерживаютъ преступленія, подтачивающія въ корнѣ человѣчество—и жалкій гранъ мышьяку убиваетъ ихъ.

Луиза. Ядъ! ядъ! Боже мой!

Фердинандъ. Должно быть. Лимонадъ твой былъ подслащенъ въ аду. Ты пила свою смерть.

Луиза. Умереть! умереть! Боже милосердый! Ядъ въ лимонадѣ—и умереть! О! смилуйся надъ душою моей, Боже всемилостивый!

Фердинандъ. Это главное. О томъ же молю его и я.

Луиза. А мать моя... отецъ.. Спаситель міра! Мой бѣдный, погибшій отецъ! Или нѣтъ никакого спасенія? Я такъ молода— ~~и нѣтъ спасенія~~! и мнѣ ~~ужъ~~ умирать!

Фердинандъ. Спасенія нѣтъ, и тебѣ надо умирать. Но будь спокойна. Мы ~~отправимся~~ вмѣстѣ.

Луиза. Фердинандъ! и ты! ~~Ядъ~~! ~~Фердинандъ~~! ~~Отъ тебя~~! Боже, прости ему! Боже милосердый, сними съ него этотъ грѣхъ!

Фердинандъ. Подумай о своихъ грѣхахъ. Это, кажется, не мѣшало бы тебѣ.

Луиза. Фердинандъ! Фердинандъ! О!.. Теперь ужъ я не могу молчать... Смерть... смерть снимаетъ съ насъ всѣ клятвы... Фердинандъ! Ни небо, ни земля не видали никого несчастнѣе меня! Я умираю невинною, Фердинандъ!

Фердинандъ *(въ испугѣ).* Что ты сказала? Готовясь къ этому пути, ~~кажется~~, забываютъ о лжи...

Луиза. Я не лгу. Лишь разъ солгала я во всю свою жизнь... Охъ! какая дрожь пробѣгаетъ у меня по всѣмъ жиламъ... только разъ, какъ написала письмо къ гофмаршалу.

Фердинандъ. О! это письмо!.. Слава Богу! Мужество мое возвращается ко мнѣ.

Луиза *(слабо владѣя языкомъ; пальцы ея въ судорожномъ движеніи).* Это письмо... Соберись съ духомъ! ты услышишь страшное признаніе... Рука моя писала, а сердце проклинало ~~эти~~ строки. Твой отецъ диктовалъ мнѣ.

Фердинандъ *(стоитъ неподвижно, какъ статуя, въ долгомъ мертвомъ безмолвіи, и вдругъ падаетъ, какъ громомъ пораженный).*

Луиза. ~~О, ужасная ошибка!~~ Фердинандъ! меня принудили.. Прости! твоя Луиза предпочла бы смерть; но отецъ мой... опасность... Они сдѣлали такъ хитро...

Фердинандъ *(вскакиваетъ въ ужасѣ).* Слава Богу! Я еще не чувствую яда. *(Выхватываетъ шпагу).*

Луиза *(все больше и больше слабѣя).* Боже! Что ты задумалъ? Это отецъ твой...

Фердинандъ *(тономъ жесточайшаго бѣшенства).* Убійца и отецъ убійцы! Туда же пойдетъ и онъ, чтобы Вѣчный Судія обратилъ весь свой гнѣвъ на виновнаго. *(Хочетъ итти).*

Луиза. Спаситель прощалъ, умирая... Богъ да сохранитъ и тебя, и его. *(Умираетъ).*

Фердинандъ *(быстро оборачивается, замѣчаетъ ея послѣднее предсмертное движеніе и припадаетъ въ отчаяніи къ мертвой).* Подожди! подожди! Не улетай, ангелъ небесный! *(Беретъ ее за руку, но тотчасъ же выпускаетъ).* Холодная, ~~холодная и влажная~~! ~~Душа ея отлетѣла~~! *(Снова вскакиваетъ).* Боже моей Луизы! помилуй, помилуй худшаго изъ убійцъ! Это была ея послѣдняя молитва! Какъ хороша, какъ прекрасна она и мертвая. Тронутая смерть пощадила эти прелестныя щеки. Эта кротость не была личиной, и смерть не унесла ея! *(Помолчавъ).* Но что же это? Отчего я ничего не чувствую? Или сила молодости хочетъ спасти меня? ~~Напрасный трудъ~~! Я этого не хочу. *(Схватываетъ стаканъ).*

- - -

ПОСЛѢДНІЙ ВЫХОДЪ.

Фердинандъ. Президентъ. Вурмъ *и* **слуги.** *Всѣ вбѣгаютъ въ ужасѣ. Потомъ* **Миллеръ** *съ народомъ и полиціей, которые собираются въ глубинѣ сцены.*

Президентъ *(съ письмомъ въ рукѣ).* Сынъ мой! Что это?... Я не вѣрю...

Фердинандъ *(кидаетъ стаканъ къ его ногамъ).* Такъ убѣдись, убійца!

Президентъ *(отступаетъ въ испугѣ. Всѣ въ оцѣпенѣніи. Минута грознаго безмолвія).* Фердинандъ, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

Фердинандъ *(не глядя на него).* Разумѣется! Слѣдовало сначала спросить сановника, пригодится ли для него эта штука! Нечего сказать, хитро и удивительно придумали разорвать союзъ нашихъ сердецъ ревностью. Разсчетъ былъ мастерски составленъ; жаль только, что раздраженная любовь не покорилась этимъ пружинамъ такъ, какъ ~~твоя~~ деревянная кукла.

Президентъ *(озирается безумными гла-*

зами). Неужто нѣтъ здѣсь никого, кто бы пожалѣлъ о безутѣшномъ отцѣ?

Миллеръ (*за сценой*). Пустите меня!

Фердинандъ. Дѣвушка эта—праведница; за нее пусть отмститъ другой. (*Отворяетъ дверь Миллеру, вбѣгающему съ народомъ и полицейскими*).

Миллеръ (*въ ужасѣ*). Дитятко мое! дитятко мое! Ядъ... ядъ, сказали тутъ... Дочка моя! гдѣ ты?

Фердинандъ (*подводитъ его къ трупу Луизы и указываетъ на президента*). Я не виноватъ. Благодари его!

Миллеръ (*падаетъ на полъ*). Господи!

Фердинандъ. Всего нѣсколько словъ, отецъ! Они мнѣ теперь дороги... Жизнь моя мошеннически украдена у меня—украдена тобой. Я трепещу суда Божія; но злодѣемъ я никогда не былъ. Чтобы ни выпало мнѣ на долю вѣчности—да не падетъ оно на тебя... Но я совершилъ убійство (*грозно возвышая голосъ*)—убійство, съ которымъ—ты знаешь это—явлюсь я не одинъ предъ Всевышняго Судію. Торжественно передаю тебѣ большую и ужаснѣйшую его половину: управляйся съ нею, какъ самъ знаешь! (*Подводитъ его къ Луизѣ*). Взгляни злодѣй! Полюбуйся ужасными плодами своего остроумія; на этомъ лицѣ неизгладимыми чертами написано твое имя, и ангелы-мстители прочтутъ его. Пусть образъ ея распахиваетъ пологъ твоей постели, когда ты спишь, и подаетъ тебѣ свою ледяную руку. Пусть этотъ образъ станетъ передъ твоею душой, когда ты будешь умирать, и прерветъ твою послѣднюю молитву! Пусть этотъ образъ станетъ надъ твоею могилой, когда наступитъ день воскресенія—и передъ Богомъ, когда онъ будетъ судить тебя. (*Теряетъ чувства. Слуги поддерживаютъ его*).

Президентъ (*въ отчаяніи подымая руки къ небу*). Не отъ меня, Владыко Небесный, не отъ меня требуй отчета въ этихъ душахъ, а отъ него! (*Подходитъ къ Вурму*).

Вурмъ (*оживляясь*). Отъ меня?

Президентъ. Да! отъ тебя, проклятый! отъ тебя сатана!—Ты, ты далъ мнѣ ехидный совѣтъ .. Ты отвѣтишь... Я умываю руки.

Вурмъ. Я? (*Злобно хохочетъ*). Вотъ какъ! Неужто? Ну, я узналъ по крайней мѣрѣ, какая благодарность у дьяволовъ! Я, безумный злодѣй? Да развѣ это мой сынъ? развѣ я былъ твоимъ господиномъ? Я отвѣчу? отвѣчу въ томъ, отъ чего вся кровь застыла у меня въ жилахъ? Я отвѣчу? Хорошо! пусть я пропаду, но ужъ и ты не уйдешь. Эй! эй! Кричите караулъ по улицамъ! зовите полицію! Жандармы, вяжите меня! ведите меня отсюда! Я открою такія тайны, что у тѣхъ, кто ихъ услышитъ, встанетъ волосъ дыбомъ. (*Хочетъ итти*).

Президентъ (*удерживаетъ его*). Сумасшедшій! неужто ты...

Вурмъ (*треплетъ его по плечу*). Да, пріятель! да! я все открою! Я точно сумасшедшій—это твое дѣло. Ну, и дѣйствовать стану, какъ сумасшедшій. Рука объ руку пойдемъ мы съ тобой на плаху! рука объ руку съ тобой и въ адъ! Мнѣ будетъ лестно, что я осужденъ вмѣстѣ съ тобой! (*Его уводятъ*).

Миллеръ (*все это время лежавшій въ безмолвной скорби, припавъ головой на грудь Луизы, быстро встаетъ и бросаетъ кошелекъ къ ногамъ майора*). Отравитель! оставь у себя свои проклятыя деньги! Не дитя ли мое думалъ ты купить на нихъ? (*Убѣгаетъ изъ комнаты*).

Фердинандъ (*прерывающимся голосомъ*). Идите за нимъ! Онъ въ отчаяніи. Эти деньги сберегите ему. Это моя страшная признательность... Луиза!... Луиза!... Я иду... Прощайте... Дайте мнѣ умереть около этой святыни!

Президентъ (*приходя въ себя изъ мертваго оцѣпенѣнія, сыну*). Сынъ мой! Фердинандъ! неужто ни взгляда твоему убитому отцу? (*Майора опускаютъ рядомъ съ Луизой*).

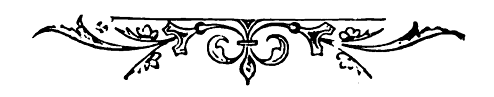
Фердинандъ. Богу милосердному послѣдній взглядъ мой.

Президентъ (*въ глубокой скорби кидается передъ нимъ на колѣни*). И созданіе, и Творецъ покидаютъ меня. Неужто ни одного взгляда мнѣ въ утѣшеніе?

Фердинандъ (*умирая, подаетъ ему руку*).

Президентъ (*быстро поднимается*). Онъ простилъ меня! (*Другимъ*). Теперь я въ вашей власти. (*Онъ уходитъ. Полиція слѣдуетъ за нимъ. Занавѣсъ опускается*).

Мих. Михайловъ.



ДОНЪ-КАРЛОСЪ
ИНФАНТЪ ИСПАНСКІЙ.
Драматическое стихотвореніе.
Переводъ М. ДОСТОЕВСКАГО.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ, инфантъ Испанскій.

Исторія происхожденія „Донъ-Карлоса" Шиллера весьма поучительна. Если примѣнить къ оцѣнкѣ этого произведенія критерій классическаго единства типа, правило, высказанное Ла-Брюеромъ: „есть только *одно* настоящее выраженіе", правило, къ которому примыкаетъ и опредѣленіе Льва Н. Толстого: „въ настоящемъ художественномъ произведеніи... нельзя вынуть одинъ стихъ, одну сцену, одну фигуру... не нарушивъ значенія всего произведенія", — то драму Шиллера отнюдь нельзя причислить къ совершеннымъ созданіямъ искусства: она подвергалась нѣсколькимъ передѣлкамъ такъ же, впрочемъ, какъ и два другія раннія его драматическія произведенія,—„Разбойники" и „Коварство и Любовь". „Донъ Карлосъ былъ изданъ авторомъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ въ стихахъ и прозѣ; многіе стихи были имъ „вынуты", сцены сокращены, фигуры переставлены, и въ окончательной своей редакціи стихотворный текстъ драмы, который все же остается главнымъ, основнымъ (пересказъ прозою обусловленъ соображеніями сценической постановки пьесы, въ виду того, что актерамъ стихотворная форма представлялась затруднительной), врядъ ли оправдался отъ тѣхъ упрековъ критики, которые были направлены противъ нея, со времени обнародованія первыхъ отрывковъ въ журналѣ „Талія", въ 1785 г. Они были напечатаны спустя три года послѣ того, какъ Шиллеръ принялся за обработку сюжета „исторической драмы", по указанію директора театра въ Маннгеймѣ, Герберта фонъ-Дальберга. Первымъ критикомъ Шиллера выступилъ поэтъ Виландъ; за нимъ послѣдовали другіе, и авторъ счелъ своимъ долгомъ самъ отвѣтить на возраженія противъ его пьесы (въ 1788 году), разъясняя ея настоящее значеніе со своей точки зрѣнія. Однако, хотя рецензенты пьесы Шиллера были во многомъ неправы, хотя сужденія ихъ представляются часто весьма близорукими, тогда какъ авторъ „Писемъ о Донъ Карлосѣ", даже въ этихъ критическихъ статьяхъ, по поводу собственнаго произведенія высказываетъ глубокія мысли и проницательныя сужденія, придающія даннымъ „письмамъ" самостоятельное значеніе,— Шиллеръ, какъ нынѣ болѣе или менѣе общепринято думать, выступилъ на защиту проиграннаго дѣла. Его произведеніе въ цѣломъ остается подъ гнетомъ критическихъ замѣчаній, — правда нѣсколько внѣшняго характера, но все же существенныхъ, неопровержимыхъ, при оцѣнкѣ произведенія въ немъ самомъ, съ объективной точки зрѣнія: „Донъ Карлосъ" не представляется намъ со всею законченностью шедевра, въ которомъ бы всѣ отдѣльныя части пріобрѣли значеніе органической неотдѣлимости, въ стройной координаціи съ цѣлымъ. И тѣмъ не менѣе „Донъ Карлосъ" — одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній современной намъ эпохи; маркизъ Поза сталъ по праву нарицательнымъ именемъ извѣстнаго міросозерцанія, стоящаго въ тѣсной связи со свойствами характера, котораго основная черта—душевное благородство; трагическій конфликтъ, происходящій въ душѣ донъ-Карлоса, показатель величайшей жертвы, которую приноситъ личность принципамъ чести, долга и служенія общему дѣлу; Елизавета — воплощенный символъ той женственности, которая въ своемъ самопожертвованіи вдохновляетъ на подвиги; Филиппъ II, со своимъ неизлѣчимымъ пессимизмомъ „охранителя"—показатель того прошлаго, которое во многомъ является еще и настоящимъ, но въ своемъ колебаніи, подъ впечатлѣніемъ пламенной вѣры Позы, открывающій намъ просвѣтъ къ разрѣшенію соціальныхъ проблемъ будущаго. Пьеса Шиллера, при всей непослѣ-

довательности отдѣльныхъ сценъ и при своей недодѣланности въ отношеніяхъ частнаго къ цѣлому, есть глубокая драма личная и общественная, съ рельефно очерченными характерами, драма—одновременно и психологическая и философская и этико-соціальная, которая затрогиваетъ основные вопросы жизни и дѣятельности. Въ ихъ широтѣ и непорѣшенности — быть можетъ одна изъ причинъ формальныхъ несовершенствъ пьесы. Но во всякомъ случаѣ, для надлежащей оцѣнки ея значенія, мы должны встать на другую точку зрѣнія, чѣмъ требованія абсолютной законченности формы, согласно воззрѣніямъ классической поэтики.

„Донъ Карлосъ“ создавался исподволь. Когда Шиллеръ обратился впервые, въ 1782 году, по совѣту Дальберга, къ исторической повѣсти Сенъ-Реаля, французскаго писателя XVII вѣка *), и въ этой романической обработкѣ эпизода изъ царствованія испанскаго короля Филиппа II призналъ благодарный сюжетъ для драмы, онъ еще самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ значеніи, которое онъ современемъ долженъ былъ придать данной темѣ. Пока, для него повѣсть Сенъ-Реаля представлялась лишь удобной канвой для картины изъ семейной жизни при дворѣ. Онъ бойко набросалъ планъ драмы, гдѣ любовь и ревность, соперничество отца съ сыномъ, сложная интрига, въ которой замѣшаны—отверженный любовникъ (донъ-Жуанъ, впослѣдствіи совершенно выпущенный изъ пьесы) и мстительная принцесса (Эболи), тоже потерпѣвшая неудачу въ привлеченіи возлюбленнаго, происки придворныхъ и слухи о далекомъ мятежѣ,—должны были составить главный узелъ пьесы. Въ такомъ видѣ Шиллеръ представилъ свой замыселъ на одобреніе Дальберга. Онъ нѣсколько разъ повторяетъ категорически, что задуманная драма—лишь картина семейныхъ отношеній и не затрогиваетъ вопросовъ общественаго и политическаго характера. Главное вниманіе поэта сосредоточено на личности донъ-Карлоса, у котораго отецъ отбилъ невѣсту. Ему рисуется также суровый образъ Филиппа II, семейнаго деспота, и трогательный обликъ королевы Елизаветы, жертвы условныхъ отношеній. Въ тѣни выростаетъ фигура коварнаго Альбы. На разработкѣ этихъ четырехъ характеровъ должна была быть построена вся драма. Но Шиллеръ медлилъ съ ея выполненіемъ. Дальбергъ, одобрившій первоначальный планъ и выражавшій сочувствіе автору, послѣ нѣсколькихъ отсрочекъ, потерялъ терпѣніе получить пьесу и иронически посовѣтовалъ Шиллеру—вернуться къ занятіямъ медициной, отказавшись отъ званія драматическаго писателя. Тогда Шиллеръ рѣшился на свой страхъ издать начало своей драмы въ вышеупомянутомъ журналѣ „Талія“. Напечатанные отрывки вызвали горячіе споры. Шиллеръ самъ разсказываетъ намъ въ своихъ „Письмахъ о Д. К.“—въ какомъ направленіи онъ продолжалъ свою работу надъ пьесой, какъ мало-по-малу въ немъ самомъ измѣнилось отношеніе къ сюжету, какъ и самъ онъ измѣнился, и первоначальный герой драмы уступилъ мѣсто новому дѣйствующему лицу, т. е. маркизу Поза, хотя намѣченному и Сенъ-Реалемъ въ его повѣсти, но первоначально оставленному въ пренебреженіи Шиллеромъ; теперь это вводное лицо, о которомъ Шиллеръ даже не упоминалъ въ письмѣ къ Дальбергу, при составленіи плана своей драмы, выростаетъ въ центральную фигуру, выписанную во весь ростъ.

На новой редакціи пьесы невольно отразились слѣды колебаній автора, пережитыхъ имъ различныхъ настроеній, которыя ложились какъ рядъ наслоеній на загрунтованное полотно картины. Въ чемъ была ошибка Шиллера: въ томъ-ли, что онъ сразу не соразмѣрилъ всего, что можно было извлечь изъ даннаго сюжета, и посему невѣрно набросилъ контуры задуманнаго произведенія, или ему лишь позже пришли на умъ мысли, которыя вторглись, какъ посторонній элементъ, въ первоначальный замыселъ. нарушивъ его цѣльность? Сюжетъ ли подсказалъ ему его новыя мысли, или же его разработка содѣйствовала лишь проясненію тѣхъ идей, которыя были присущи самому автору, но дремали въ немъ, какъ подспудныя силы: случайный толчекъ ихъ вызвалъ наружу и непосредственное творчество изъ глубины души мощно вторглось въ искусственныя рамки и перегородки, въ которыя юный авторъ невольно самъ себя хотѣлъ заключить? Въ томъ возрастѣ, въ которомъ, Шиллеръ работалъ надъ „Донъ Карлосомъ“, отъ 23—28 лѣтъ, человѣкъ еще складывается; основныя черты его міросозерцанія уже намѣчены, но, конечно, онѣ еще не пріобрѣли полной стройности и устойчивости, при едва пробудившемся самосознаніи. Конечно, не новелла Сенъ-Реаля подсказала Шиллеру его гуманитар-

*) St. Réal. «Dom. Carlos. Nouvelle historique», 1672 г.

ные идеалы, которые послужили главнымъ содержаніемъ послѣдней обработки „Донъ Карлоса", но именно занятія мрачной эпохой господства инквизиціи и деспотичнаго монарха способствовали тому, что юный поэтъ прояснилъ себѣ свои положительныя воззрѣнія, работая надъ изученіемъ явленій отрицательнаго характера. Мы видѣли, что выборъ сюжета былъ случайнымъ, съ чужого голоса. Если бы Шиллеръ остался при своемъ первоначальномъ планѣ, онъ можетъ быть создалъ бы болѣе стройное, болѣе законченное произведеніе, отвѣчающее требованіямъ формальной цѣнности: историческую трагедію на почвѣ семейныхъ отношеній, съ дѣйствующими лицами, носящими историческія имена, но изображенными съ точки зрѣнія ихъ частной жизни, въ проявленіи чисто человѣческихъ чувствъ и страстей. Однако, насколько менѣе при этомъ поэтъ вложилъ бы „самого себя" въ обработкѣ заданной темы. Пьеса, правда, не была бы и въ этомъ случаѣ вполнѣ „сочиненной", ибо Шиллеръ взялся за предложенный сюжетъ, лишь почувствовавъ сильное влеченіе къ характеру донъ-Карлоса, отчасти даже аналогію съ собственными свойствами и стремленіями, но только съ одной стороны—страстнаго темперамента и интенсивности чувства. Другой, идейной стороны поэта-философа данный сюжетъ не затрогивалъ. Между тѣмъ для Шиллера эта область была весьма существенна. Для воплощенія ея потребовалось новое лицо, въ которомъ, какъ принято предполагать, онъ отчасти выставилъ своего друга Кернера, но только отчасти, а въ цѣломъ создалъ образъ, который отвѣчалъ его личнымъ идеаламъ; образъ, въ которомъ онъ могъ полнѣе и рельефнѣе очертить свои личныя воззрѣнія, параллельно другому образу юноши, безнадежно влюбленнаго, съ жаждой жизни и дѣятельности, но обреченнаго судьбой на бездѣйствіе, въ томительной замкнутости придворной атмосферы. Шиллеръ весьма скоро почувствовалъ, что первоначальный планъ „семейной картины" его не можетъ удовлетворить. Еще не отступивъ отъ своего намѣренія не касаться политики, онъ уже мечталъ о „высокой трагедіи" и сѣтовалъ, что чуть было не замкнулся въ области „мѣщанскихъ котурнъ", тогда какъ тема исторической трагедіи можетъ доставить ему случай съ большимъ блескомъ выказать свои силы. Онъ мечталъ о нѣмецкой трагедіи, которая совмѣщала бы въ себѣ качества французской классической трагедіи съ преимуществами свободнаго размаха театра Шекспира. Уже Виландъ указывалъ на то, что нѣмецкая литература не имѣетъ ни одного произведенія, которое можно было бы противопоставить „Сиду", „Циннѣ", „Федрѣ", „Британнику", „Аталіи, „Катилинѣ", „Магомету" и т. д. „Я желалъ бы, писалъ Виландъ, чтобы мнѣ назвали хоть одно печатное произведеніе (по нѣмецки), которое во всѣхъ отношеніяхъ могло бы быть признано образцовымъ и поставлено на ряду съ любой пьесой Расина". Шиллера подстрекало чувство національной гордости обработать съ наивозможной тщательностью избранный сюжетъ исторической трагедіи; но еще сильнѣе заговорила потребность высказаться въ томъ духѣ, въ которомъ направлены были его мечты и думы, и онъ это сдѣлалъ, нарушивъ цѣльность первоначальнаго плана, расширивъ свою задачу, допустивъ нѣкоторую непослѣдовательность въ изображеніи характеровъ и ситуацій, но вложивъ себя въ свое произведеніе и давъ намъ почувствовать ту внутреннюю работу души, которая является самымъ драгоцѣннымъ качествомъ настоящаго художественнаго произведенія, хотя бы оно и было лишено нѣкоторыхъ формальныхъ совершенствъ.

Изученію отношенія драмы Шиллера къ различнымъ источникамъ, которыми авторъ пользовался, и взаимоотношенія различныхъ версій ея—посвященъ рядъ спеціальныхъ работъ, въ которыхъ данный вопросъ изученъ до мелочей *). Нынѣ также

---

*) Одновременно вышли двѣ нѣмецкія диссертаціи, посвященныя тому же вопросу: Тишлера (H. Tischler,—Die Doppelbearbeitungen der «Räuber», des «Fiesco» und des «Don Karlos» von Schiller. Lpzg., 1888), и Эрнеста Эльстера (Ernst Elster, Zur Entstehungsgeschichte des Don Karlos, Halle, 1888). Вторая работа содержательнѣе. Подробный разборъ Д. К. и сопоставленіе различныхъ версій пьесы см. также у Дюнцера въ серіи Erläuterungen zu der Deutschen Klassikern bd. 55—56, Schiller's Don Kurlos, Erläutert von Heinrich Düntzer, 1886. Изложеніе обстоятельно, но крайне тяжелое и безъ рельефныхъ выводовъ. Прекрасный анализъ пьесы, съ указаніемъ литературныхъ образцовъ Шиллера, въ обширномъ и незаконченномъ еще трудѣ вѣнскаго профессора Минора: J.Minor, Schiller, Sein Leben u. seine Werke, Bd. II. 1890. Тутъ-же библіографическій указатель. Всѣ три редакціи «Донъ Карлоса» переизданы въ собраніи сочиненій Кюршнера, Deutsche National-litteratur, bd. 121, ed. Boxberger, и въ общемъ собраніи сочиненій Шиллера, изд. подъ редакціей К. Гедеке. Названіе «Домъ-Карлосъ» (вм. Донъ), оставленное въ прозаической версіи, измѣнено при позднѣйшихъ изданіяхъ

установлено, что историческія событія представлены были Сенъ-Реалемъ въ весьма искаженной формѣ. Приводимъ по Дюнцеру (в. ук., стр. 34—41), резюмэ историческихъ фактовъ въ томъ видѣ, какъ они установлены современною наукою:

„Въ дѣйствительности не было никакой романической исторіи между донъ-Карлосомъ и его мачихой. Когда послѣдняя его увидѣла въ первый разъ, она почувствовала къ 15-ти-лѣтнему мальчику лишь глубокое состраданіе, ибо принцъ былъ маленькаго роста, болѣзненный и невзрачный, кривобокій, съ неровными плечами, горбатый и одна нога была у него короче другой; говорилъ онъ тихимъ голосомъ, слегка заикаясь; рѣзкій и своенравный въ обхожденіи съ людьми, непріятно прожорливый въ ѣдѣ и питьѣ, онъ отнюдь не былъ созданъ, чтобы привлечь къ себѣ расположеніе королевы. Съ ранняго дѣтства его дикій нравъ и упорное отвращеніе къ занятіямъ—доставили не мало горькихъ заботъ его отцу, такъ-же какъ и его нерадивое отношеніе къ религіи. Филиппъ опасался, что его сынъ не будетъ въ состояніи управлять съ достаточной энергіей государствомъ; которое должно было перейти въ его власть, и оградить ту вѣру, которую онъ считалъ незыблемой основой своего могущества. Во время одного любовнаго похожденія, принцъ неосторожно упалъ съ лѣстницы и ушибъ себѣ голову, вслѣдствіе чего долгое время пролежалъ. Получилъ ли онъ при этомъ сотрясеніе мозга—остается подъ сомнѣніемъ, но достовѣрно, что съ этого времени принцъ началъ вести крайне необузданный образъ жизни и отнюдь не выказывалъ благородныхъ стремленій. Несмотря на плохія надежды, которыя онъ подавалъ, король заставилъ въ 1560 г. присягать ему, какъ наслѣднику престола, а четыре года спустя, ему назначенъ былъ полный придворный штатъ; онъ также былъ приглашенъ присутствовать на засѣданіяхъ государственнаго совѣта. Живымъ обсужденіямъ подвергся и вопросъ о выборѣ невѣсты для принца. Въ концѣ концовъ остановились на дочери римскаго императора Максимиліана, но заключеніе брака было поставлено подъ условіемъ, чтобы Карлосъ исправился и велъ себя соотвѣтственно требованіямъ своего званія. Надежды эти не сбылись; принцъ не только порицалъ всѣ распоряженія своего отца и вышучивалъ ихъ, но дерзко обращался и съ наиболѣе высокопоставленными сановниками. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ 1567 года, Филиппъ предоставилъ принцу предсѣдательство въ государственномъ совѣтѣ, разсчитывая, что столь отвѣтственная дѣятельность заставитъ Карлоса возвыситься духомъ и смягчитъ его недовольство и безпорядочныя страсти. Карлосъ же выражалъ нетерпѣніе по поводу задержекъ его вступленія въ бракъ съ нѣмецкой принцессой и того, что не давали достаточной свободы дѣятельному проявленію его силъ. Филиппъ терялъ надежду, чтобы его сынъ сталъ когда либо способенъ къ управленію страной или даже просто къ упорядоченной жизни; болѣе же всего онъ сомнѣвался, чтобы принцъ сталъ оплотомъ католической церкви, твердую защиту которой отъ еретиковъ онъ считалъ обязанностью испанскаго правителя. Живое участье, которое высказалъ принцъ къ событіямъ въ Нидерландахъ, должно было не мало озабочивать Филиппа, тѣмъ не менѣе онъ обѣщалъ сыну взять его съ собой въ предположенную поѣздку. Хотя до сихъ поръ еще не представлено документальнаго доказательства, что Карлосъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ нидерландскими повстанцами, но немаловажное значеніе представляетъ свидѣтельство современнаго даннымъ событіямъ историка Луиса Кабреры о томъ, что переговоры принца съ Монтиньи и Бергеномъ привели къ соглашенію между ними. Когда въ 1566 г., послѣ разгрома католическихъ иконъ, король рѣшилъ послать герцога Альбу съ войскомъ въ Нидерланды, Карлосъ сталъ грубо противорѣчить волѣ короля. Произошла бурная сцена. Въ собраніи кортесовъ, гдѣ было выражено желаніе, чтобы король оставилъ дома принца, послѣдній велъ себя насмѣшливо и съ вызывающими угрозами. Филиппъ, въ виду буйныхъ проявленій своенравія Карлоса, снова рѣшился отсрочить его помолвку, вопросъ о которой долженъ былъ быть окончательно выясненъ. лишь весною 1568 г. послѣ переговоровъ при личномъ свиданіи съ Максимиліаномъ. Карлосъ, раз-

стихотворнаго текста (впервые въ изд. 1801 г.) на болѣе обычную форму донъ-Карлоса. Проф. Миноръ отстаиваетъ форму «Домъ» (какъ извѣстно, изъ лат. Dominus), стоявшую и въ источникѣ Шиллера, т. е. у Сенъ-Реаля, заимствовавшаго португальскую форму dom. Противъ нея возражалъ Виландъ и, хотя на ошибочныхъ основаніяхъ, онъ все же, на нашъ взглядъ, правъ, отстоявъ кастильскую форму. Послѣ прозаической передѣлки Д. К. Шиллеръ обработалъ и сокращенную стихотворную, спеціально для сцены, ибо за преимущества драматич. произвед. въ стихахъ (безъ риѳмъ) онъ высказывался съ самаго начала.

гнѣванный мѣшкотностью своего отца и отсрочками, рѣшился бѣжать, доставши себѣ на это нужныя средства. Но его дядя, Іоаннъ Австрійскій, которому онъ сообщилъ о своихъ планахъ 23 дек. 1567 г., выдалъ его отцу, признавшему необходимымъ, по здравому размышленію, заключить принца въ темницу. Іоаннъ промедлилъ и это задержало Карлоса выполнить свой планъ; когда же 17 января 1568 г., принцъ сталъ угрожать своему дядѣ, не выражавшему сочувствія его плану, королю показалось, что настало время привести свои намѣренія въ исполненіе. Восемнадцатаго числа, въ 11-мъ часу ночи, король направился въ аппартаменты принца, въ сопровожденіи нѣсколькихъ вооруженныхъ людей, арестовалъ его, захватилъ его бумаги и объявилъ ему о строжайшемъ заключеніи. О томъ, что было далѣе съ принцемъ, до его смерти, мы знаемъ лишь то немногое, что оповѣстилъ король. Достовѣрно, тѣмъ не менѣе, что, хотя донъ Карлосъ не имѣлъ права выйти изъ своей комнаты, король озаботился объ его приличномъ содержаніи и даже объ обществѣ для его развлеченія. Главный надзоръ порученъ былъ Рюи Гомезу; для охраны, прислуживанія и общества принца назначено было еще пять человѣкъ, помимо дружественно къ нему расположеннаго графа Лермы. Филиппъ представилъ дѣло на обсужденіе нѣкоторыхъ своихъ государственныхъ совѣтниковъ, подъ предсѣдательствомъ кардинала Эспинозы, не въ качествѣ великаго инквизитора, а какъ президента совѣта; никакого приговора не было произнесено, по крайней мѣрѣ, со стороны инквизиціи, которая, вопреки долго державшемуся мнѣнію, не имѣла никакого отношенія къ дѣлу. Филиппъ хотѣлъ лишь удостовѣриться, что онъ имѣетъ право или даже обязанъ держать своего сына въ заключеніи, такъ какъ принцъ былъ совершенно неспособенъ къ правленію, а также, чтобы задержать его побѣгъ, могущій представить опасность для государства. Слухи объ отравленіи принца основываются лишь на догадкахъ, которымъ легко давала поводъ тайна, соблюдаемая при его пребываніи подъ арестомъ. Въ донесеніяхъ иностранныхъ пословъ къ ихъ правительствамъ сообщается только, что донъ Карлосъ сначала бушевалъ и покушался на голодную смерть, впослѣдствіи же неумѣреннымъ употребленіемъ пищи и питья хотѣлъ лишить себя жизни. Къ Пасхѣ онъ сталъ вести себя тише и послѣ исповѣди причастился; лѣтомъ онъ заболѣлъ и 24 іюля, примирившись со всѣмъ міромъ, почилъ „въ лонѣ католической церкви". Таковъ выводъ современныхъ историковъ о дѣйствительныхъ обстоятельствахъ жизни испанскаго наслѣднаго принца, изъ которыхъ Сенъ-Реаль создалъ героя романа, предположивъ, что онъ былъ влюбленъ въ свою мачиху. Шиллеръ пошелъ еще далѣе, надѣливъ строптиваго и необузданнаго въ своихъ увлеченіяхъ инфанта благородными стремленіями и мечтами о счастьи человѣческаго рода, которыя, благодаря вліянію маркиза Позы, побѣждаютъ въ пылкомъ юношѣ голосъ эгоистической страсти къ женщинѣ и побуждаютъ къ высокимъ подвигамъ.

Несомнѣнно Шиллеръ многимъ обязанъ Сенъ-Реалю, такъ какъ фактическая правда исторіи (которой, впрочемъ, онъ и не могъ знать въ то время) не давала такого благодарнаго матеріала для поэтическаго творчества, какъ „романическая новелла" Сенъ-Реаля. Далѣе, Шиллеръ воспользовался также нѣкоторыми данными изъ французской драматической обработки того же источника, т. е. повѣсти Сенъ-Реаля, обработки, исполненной во второй половинѣ XVIII вѣка Мерсье *). Затѣмъ, при разложеніи драмы Шиллера на ея составные элементы, раскрывается цѣлый рядъ литературныхъ вліяній и даже позаимствованій—у Шекспира, Лейзевица (признаваемыхъ и самимъ Шиллеромъ **), Лессинга („Натанъ Мудрый") и повторенія ситуацій, уже намѣченныхъ въ двухъ болѣе раннихъ драмахъ Шиллера. Главные упреки критиковъ направлены противъ непослѣдовательности въ характеристикѣ маркиза Позы, который отчасти неожиданно для самого себя играетъ двойную игру, измѣнивъ Карлосу и повѣривъ въ возможное обращеніе на путь истины Филиппа,—и противъ слабости развязки, при чемъ Шиллеръ какъ-бы и самъ не съумѣлъ разобраться въ интригѣ, представляющейся крайне ослож-

---

*) Еще раньше Мерсье во Франціи сюжетъ повѣсти С.-Реаля былъ передѣланъ въ трагедію Кампистрономъ (1685), а въ Англіи Тамасомъ Отуэй (Th. Otway), но обѣ эти обработки не имѣютъ отношенія къ пьесѣ Шиллера. Мерсье писалъ одновременно съ Шиллеромъ, а около того же времени, т. е. въ 1783 г., появилась итальянская трагедія Альфіери на ту же тему «Filippo». Знакомство Шиллера съ драмой Мерсье—предположеніе Минора.

**) Въ письмѣ къ Рейнвальду Шиллеръ писалъ, что его Карлосъ обладаетъ душою Гамлета Шекспира, плотью и кровью Юлія Тарентскаго Лейзевица, и «пульсомъ» его самого. См: Минора в. ук., 547—50.

ненной и слабо мотивированной въ двухъ послѣднихъ дѣйствіяхъ. Всѣ эти замѣчанія обстоятельно разъяснены въ выше указанныхъ трудахъ по поводу произведенія Шиллера, а въ защиту его приводятся слова поэта Геббеля: „Драма „Донъ Карлосъ" заслуживаетъ признанія во всемъ въ отдѣльности, но не въ цѣломъ". Помимо этого несоотвѣтствія частностей съ цѣлымъ, противъ характера маркиза Позы высказанъ былъ еще упрекъ съ точки зрѣнія исторической критики: возможенъ ли былъ такой образъ мыслей, который присущъ Позѣ, у испанскаго гранда XVI вѣка? Конечно, идеи, высказываемыя маркизомъ, стоятъ въ непосредственной связи съ просвѣтительной философіей XVIII вѣка и Шиллеръ устами Позы выражалъ главнымъ образомъ свои личные взгляды и идеалы, навѣянные чтеніемъ Монтескье и Руссо. Но никто не можетъ осудить Шиллера за этотъ „идейный анахронизмъ", допущенный въ поэтическомъ произведеніи. Мы замѣтили бы только, что по вопросу о возможности въ XVI вѣкѣ міросозерцанія въ духѣ тѣхъ взглядовъ, которые исповѣдуетъ Поза, критики Шиллера быть можетъ слишкомъ рѣшительно отрицаютъ ее, опираясь на фактическія данныя исторіи Испаніи. Что историческій Поза не игралъ той роли, которую приписалъ ему Шиллеръ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но уже въ XVI вѣкѣ во Франціи и въ Англіи возникли соціальныя утопіи, которыя во многомъ являются прообразомъ теорій Руссо; этимъ утопіямъ отдалъ дань даже Монтэнь, и испанецъ, побывавшій, какъ Поза, въ разныхъ странахъ, изучая людей и знакомясь съ ихъ произведеніями, могъ выработать себѣ нѣкоторые гуманитарные идеалы, которыхъ трактатъ Ла-Боэси „Contr'un" служитъ примѣрнымъ показателемъ и для XVI вѣка. Отъ Ла-Боэси къ Руссо переходъ, несмотря на два столѣтія, отдѣляющія ихъ, совсѣмъ не такой рѣзкій; сущность воззрѣній та же, и Шиллеръ лишь придалъ больше зрѣлости, по сравненію съ разсужденіями Ла-Боэси, планамъ маркиза Позы, если признавать показателемъ этой зрѣлости между прочимъ и признаніе, что человѣчество еще не созрѣло для такой организаціи, которая гарантировала бы полную справедливость отношеній между людьми и индивидуальную свободу гражданъ: ближайшимъ идеаломъ Позы пока представляется просвѣщенный монархъ. И этотъ идеалъ былъ не новъ: онъ является въ тѣсномъ преемствѣ къ трактатамъ гуманистовъ о „воспитаніи правителей", примыкающимъ къ еще болѣе раннимъ богословскимъ разсужденіямъ на ту же тему въ средніе вѣка*). Классической книгой даннаго типа на рубежѣ XVII—XVIII вв. представляется романъ Фенелона „Телемакъ". Миноръ въ вышеуказанномъ трудѣ, цитируя нѣмецкое переложеніе въ стихахъ произведенія Фенелона, напоминаетъ далѣе слова Виланда (въ „Золотомъ Зеркалѣ"), что правильное наблюденіе за воспитаніемъ царскаго сына представляется наилучшей формой конституціи. Шиллеръ придерживался того же взгляда, и въ своей пьесѣ, когда она приняла уже вполнѣ опредѣленную политическую окраску, онъ поручаетъ роль воспитателя дона-Карлоса его другу и товарищу дѣтства—маркизу Позѣ. Послѣдній долженъ былъ подготовить его къ гуманитарной дѣятельности, при чемъ даже любовь Карлоса къ королевѣ представляется Позѣ воспитательнымъ средствомъ, чтобы направить принца къ высокой цѣли. Происходитъ это нѣсколько поспѣшно: маркизъ только что вернулся въ Испанію послѣ долгаго путешествія; онъ всего „два дня" въ Мадритѣ, едва встрѣтилъ своего пріятеля и узналъ объ его несчастной любви, и тотчасъ въ его головѣ создается цѣлый планъ—какъ использовать чувство принца для его будущей дѣятельности во Фландріи. Положимъ, почва была подготовлена прежней дружбой Позы съ Карлосомъ, ихъ юношескими мечтами человѣколюбиваго характера. Но далѣе Поза выступаетъ въ роли какъ бы дѣйствительнаго наставника инфанта и подвергаетъ его предварительному испытанію: онъ ставитъ вопросъ—съумѣетъ ли донъ-Карлосъ удержаться на высотѣ своего настоящаго образа мыслей, когда онъ вступитъ на престолъ? Король Филиппъ умретъ; Карлосъ станетъ во главѣ могущественнѣйшаго изъ христіанскихъ царствъ. Необозримая пропасть отдѣлитъ его отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Знаетъ ли онъ, какимъ искушеніямъ подвергаются неограниченные правители? Поза даетъ такія же предостереженія Карлосу, какъ въ „Аталіи" Расина первосвященникъ Жоадъ юному царевичу, котораго онъ спасъ отъ смерти и тайно воспиталъ, готовя въ немъ преемника престола. Шиллеръ, повидимому, вдохновился этой сценой въ трагедіи Расина, и создалъ совершенно аналогичную

*) См. у Минора, в. ук., стр. 551—56.

ей ситуацію между Карлосомъ и Позой (Д. I, явл. IX), съ тою разницей, конечно, что Карлосъ уже не дитя, какъ Жоасъ (въ „Аталіи"), а 23-лѣтній юноша, и что его „наставникъ" всего на два года его старше и представляется одновременно его другомъ и товарищемъ. Какъ бы то ни было, друзья договорились; они ударили по рукамъ; союзъ заключенъ и Карлосъ долженъ быть исполнителемъ высокихъ предначертаній Позы. И тутъ послѣдовала неожиданная „измѣна" маркиза: знаменитая сцена его съ королемъ Филиппомъ II, представляющаяся самымъ яркимъ эпизодомъ въ драмѣ Шиллера, оказывается въ противорѣчіи съ основнымъ характеромъ маркиза, съ его первоначальными планами, съ его союзомъ дружбы, только что заключеннымъ съ донъ Карлосомъ! Возможно ли допустить такую непослѣдовательность, такое внезапное ослѣпленіе у человѣка, который, призванный Филиппомъ, шелъ къ нему на аудіенцію съ улыбкой недовѣрія на устахъ, объясняя требованіе короля простымъ любопытствомъ и жалѣя о потраченныхъ минутахъ: „жизнь такъ коротка". Большинство критиковъ считаютъ внезапный поворотъ въ настроеніи маркиза Позы, неожиданное довѣріе, которое онъ выказываетъ королю—фактомъ невѣроятнымъ. Противъ этого трудно спорить и самооправданіе Шиллера (въ его „Письмахъ") не убѣдительно. Однако и невѣроятное не есть абсолютно невозможное, и логическая непослѣдовательность поступка Позы не представляется намъ психологически немыслимой. Шиллеръ обставилъ этотъ переходъ маркиза отъ Карлоса къ королю достаточными поясненіями, которыя, не оправдывая вполнѣ поступка маркиза, все же служатъ къ раскрытію психологической возможности его временной „измѣны" своему другу. А какія выгоды авторъ извлекъ изъ этой капитальной сцены Филиппа съ Позой—для характеристики короля, для проясненія идеаловъ Позы, для раскрытія, вообще, міросозерцанія, котораго основной чертой является забота о благѣ всѣхъ людей,—все это настолько очевидно, что мы могли бы помириться и съ еще большими натяжками въ ситуаціи, давшей поводъ Шиллеру высказать съ такою яркостью свои задушевныя думы. Существеннѣе упреки, направленные противъ двухъ послѣднихъ дѣйствій, гдѣ нить интриги дѣйствительно запутана до нельзя, и самопожертвованіе Позы въ видѣ искупленія за свой проступокъ передъ другомъ, таинственное свиданіе Карлоса съ королевой, гдѣ вплетаются отзвуки сцены съ тѣнью короля въ „Гамлетѣ" Шекспира, заключительная сцена съ великимъ инквизиторомъ, заимствованная изъ повѣсти Сенъ Реаля, но разработанная подъ вліяніемъ Лессинга.—Весь этотъ финалъ трагедіи, сведенной на „нѣтъ", нѣсколько туманенъ и представляетъ рядъ формальныхъ недочетовъ, которые болѣе или менѣе общепризнаны. Но, конечно, не въ нихъ суть дѣла: по своему внутреннему значенію,—для довершенія характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ и картины эпохи, въ которой утопія маркиза Позы могла лишь промелькнуть, какъ смутное предвидѣніе далекаго будущаго, закрытаго завѣсой тяжелаго настоящаго,—нужны были и добровольное самопожертвованіе Позы, и рѣзкій поворотъ назадъ Филиппа, и приговоръ надъ Карлосомъ, и даже появленіе великаго инквизитора—„этого слѣпца", служащаго символомъ упорнаго отказа поборниковъ „желѣзнаго жезла правителей"—вѣрить въ возможный и дѣйствительно наступившій въ Европѣ, въ эпоху Шиллера, восходъ зари „свободы просвѣщенной".

Сопоставляя сцену Саладина съ рыцаремъ въ „Натанѣ" Лессинга со сценою между Позой и Филиппомъ у Шиллера, Миноръ указываетъ, что съ точки зрѣнія чисто драматической обѣ онѣ представляются какъ бы излишними: „въ одномъ случаѣ сцена превращается въ канцелярію, въ другомъ театръ становится парламентомъ". Онъ объясняетъ ихъ возникновеніе тѣмъ обстоятельствомъ, что авторы, т. е. Лессингъ и Шиллеръ, временно отстранились отъ театра: Лессингъ весь отдался изученію богословія и создалъ „Натана" подъ впечатлѣніемъ своихъ книжныхъ занятій; Шиллеръ, разойдясь съ Дальбергомъ, также временно удалился отъ непосредственнаго отношенія къ театру, и только этимъ, по мнѣнію Минора, объясняется, что онъ „прервалъ естественный ходъ дѣйствія и пожертвовалъ имъ для того, чтобы отдаться своему энтузіазму къ высокимъ идеямъ просвѣщеннаго вѣка" (571). Тотъ же Шиллеръ, однако, высказалъ упрекъ Лессингу, что въ „Натанѣ" онъ забылъ наставленія своей „Драматургіи": драматическій писатель, какъ училъ Лессингъ, не долженъ пользоваться формой трагедіи ни для какой иной посторонней цѣли. Лессингъ не соблюлъ этого правила

въ „Натанѣ“, но и Шиллеръ, какъ оказалось, въ равной мѣрѣ погрѣшилъ въ „Донъ Карлосѣ“ противъ задачъ чистаго искусства: упрекъ „Натану“ являлся косвеннымъ упрекомъ и противъ его собственнаго произведенія. Шиллеръ это почувствовалъ и потихоньку вычеркнулъ свое возраженіе Лессингу, которое онъ сперва помѣстилъ въ „Таліи“, въ видѣ подстрочнаго примѣчанія ко второму акту „Донъ Карлоса“. Въ то же время Шиллеръ настаивалъ на томъ соображеніи, что его драма не предназначена для театра *). Онъ возстаетъ противъ ограниченій, налагаемыхъ внѣшними условіями сценическаго представленія, и видитъ задачу поэта въ томъ лишь, чтобы достичь высшаго воздѣйствія, которое только можно себѣ представить. Если это „высшее воздѣйствіе“ достижимо въ предѣлахъ даннаго рода литературы, то требованія относительнаго и абсолютнаго совершенства совпадаютъ: Если-же однимъ (изъ этихъ категорій) надо пожертвовать, то жертва родомъ— наименьшая. И Шиллеръ смѣло пожертвовалъ „родомъ“, а также пожертвовалъ и нѣкоторыми требованіями формы и, наперекоръ девизу классическаго искусства, по которому форма и содержаніе представляются какъ бы неотдѣлимыми, онъ отдалъ перевѣсъ содержанію, повидимому усумнился въ возможности абсолютнаго совершенства формы, которая всегда является лишь условнымъ и неполнымъ выраженіемъ внутренняго содержанія. Въ одной сценѣ изъ „Донъ Карлоса“, впослѣдствіи выпущенной авторомъ, Шиллеръ помѣстилъ слѣдующія строки:

Schlimm, das der Gedanke
Erst in die Elemente trokner Silben
Zersplittern muss, die Seele zum Geripре
Verdorren muss, der Seele zu erscheinen **).

Это замѣчаніе весьма подходитъ и къ внѣшней исторіи произведенія поэта, въ которомъ думы, чувства и настроенія зарождались съ такой интенсивностью, что не укладывались въ „сухіе слоги“, изъ которыхъ составляются слова, не поддавались „расчлененію“ для того, чтобы найти себѣ подходящее выраженіе. Такъ Лермонтовъ юношей писалъ:

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье думъ.

Шиллеръ одинъ изъ первыхъ поэтовъ новѣйшей эпохи ощутилъ этотъ разладъ между формой и содержаніемъ, которое не умѣщалось въ опредѣленныя рамки. Онъ былъ иниціаторомъ новой формы драмы и стремился подчинить форму содержанію, но не достигъ законченности формы потому, что содержаніе представлялось слишкомъ живымъ, колеблющимся, захватывающимъ сокровенныя думы и чувства поэта, который хотѣлъ бы „сказаться безъ словъ“ и не могъ сразу обнять все сложное содержаніе, которое въ немъ накоплялось по мѣрѣ того, какъ онъ вдумывался въ намѣченный сюжетъ.

Мы назвали исторію возникновенія „Донъ Карлоса“ поучительной: дѣйствительно она представляется таковой, если принять во вниманіе тотъ процессъ ассоціаціи мыслей, которыя постепенно возникали въ авторѣ, наперекоръ его первоначальному желанію ограничить свою задачу. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что стройная законченность французскихъ классическихъ трагедій, на которыя Виландъ указывалъ какъ на образцы, достойные подражанія, въ значительной мѣрѣ была обусловлена тѣмъ, что изображались отдѣльныя чувства, одна страсть, одинъ душевный кризисъ, одна борьба двухъ противоположныхъ стремленій. Такое выдѣленіе отдѣльныхъ моментовъ психической жизни человѣка во многомъ облегчало задачу поэта для достиженія искомой гармоніи формы и содержанія, при наивозможной полнотѣ и совершенствѣ формы. Простыя чувства выражались проще. Но законно ли такое расчлененіе внутренней жизни человѣка? Вправѣ ли мы останавливаться лишь на разсмотрѣніи изолированныхъ чувствъ? Гдѣ грань между индивидуальной жизнью и областью общественныхъ интересовъ? Мы видѣли, что Шиллеръ сперва попробовалъ установить эту грань и хотѣлъ представить „семейную картину“ безъ политики. Однако, обойти вопросы общественности ему не удалось: жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка представилась ему въ слишкомъ тѣсной связи съ условіями общественной организаціи и образъ дѣйствія каждаго лица въ зависимости отъ того или другого усвоен-

*) Въ первой редакціи двухъ первыхъ дѣйствій ея, обнародованныхъ въ «Таліи», въ одномъ первомъ актѣ свыше четырехъ тысячъ стиховъ. — Дѣйствительно, такая пьеса не годилась для сцены. Въ изданіи 1785 года Шиллеръ впервые нашелъ подходящее опредѣленіе для своего произведенія — «драматическая поэма» (dramatische Dichtung).

**) Дурно, что мысль сначала должна распасться на сухіе слоги, а душа должна высохнуть въ скелетъ, чтобы предстать предъ душою.

наго имъ міросозерцанія. Изображеніе отдѣльныхъ чувствъ приводило къ раскрытію основныхъ принциповъ, которыми человѣкъ руководствуется въ жизни; „семейная картина“ неизбѣжно, съ точки зрѣнія Шиллера, должна была обратиться въ общую картину эпохи, и прошлое рисовалось въ борьбѣ съ настоящимъ, которое было озарено просвѣтами на будущее. Пожертвовавъ „классической“, но все же условной законченностью формы, Шиллеръ раскрылъ намъ то высшее, идеальное содержаніе духовной жизни человѣка, которое безконечно по своей сущности и приводитъ къ основнымъ проблемамъ добра и правды.

Ѳ. Батюшковъ.

Донъ-Карлосъ, инфантъ Испанскій.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Дѣйствующія лица.

Филиппъ II, король испанскій.
Елизавета Валуа, его супруга.
Донъ-Карлосъ, наслѣдный принцъ.
Александръ Фарнезе, принцъ пармскій, племянникъ короля.
Инфанта Клара Евгенія, трехлѣтнее дитя.
Герцогиня Оливарецъ, оберъ-гофмейстер.
Маркиза Мондекаръ, } дамы королевы.
Принцесса Эболи } дамы королевы.
Принцесса Фуэнтесъ, } дамы королевы.
Маркизъ Поза, мальтійскій кавалеръ.
Герцогъ Альба, } Испанскіе гранды.
Графъ Лерма, полковникъ лейбъ-гвардіи } Испанскіе гранды.
Герцогъ Феріа, кавалеръ золотого руна. } Испанскіе гранды.
Герцогъ Медина Сидонія, адмиралъ } Испанскіе гранды.
Донъ-Раймондъ Таксисъ, оберъ-почтмейстеръ. } Испанскіе гранды.
Доминго, духовникъ короля.
Великій инквизиторъ королевства.
Пріоръ картезіанскаго монастыря.
Пажъ королевы.
Донъ-Людовико Меркадо, лейбъ-медикъ королевы.
Дамы и гранды.
Пажи.
Офицеры.
Лейбъ-гвардія.
Разныя лица, безъ рѣчей.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Королевскій садъ въ Аранжуэцѣ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Карлосъ. Доминго.

ДОМИНГО.

Вотъ и къ концу приходятъ дни веселья
Въ Аранжуэцѣ. Вы жъ, свѣтлѣйшій принцъ,
Не веселѣе разстаетесь съ нимъ.
Мы, кажется, здѣсь пробыли напрасно.
Прервите ваше странное молчанье,
Откройте грудь родительской груди.
Принцъ, нѣтъ цѣны, которою бъ король
Не искупилъ сыновняго покоя.
(Карлосъ, потупивъ взоръ, молчитъ).
Принцъ, есть ли хоть одно у васъ желанье,
Въ которое не вслушалось бы небо?
Я былъ при томъ, когда въ стѣнахъ Толедо
Нашъ гордый Карлъ присягу принималъ;
Когда князья къ его рукѣ толпились,
И шесть державъ къ его стопамъ священнымъ
Приникли разомъ; я стоялъ и видѣлъ,
Какъ гордая въ лицѣ играла кровь,
Какъ грудь отъ царскихъ помысловъ вздымалась.
Какъ упоенный взглядъ собранье облеталъ,
Блистая радостью... Принцъ, этотъ взглядъ
Намъ говорилъ: „я насыщенъ!"
(Карлосъ отворачивается).
Принцъ, эта
Торжественная, тихая печаль,
Которую съ прискорбіемъ читаемъ
Мы восемь мѣсяцевъ во взорѣ вашемъ —
Загадка цѣлаго двора, тоска

Испаніи—ужъ стоила довольно
Ночей безсонныхъ нашему монарху,
Слезъ королевѣ-матери, мой принцъ...
КАРЛОСЪ (*быстро отворачивается*).
Мать! Боже! дай мнѣ силъ простить тому,
Кто далъ ее мнѣ въ матери!
ДОМИНГО.
Мой принцъ!
КАРЛОСЪ (*схватившись, тереть рукою лобъ*).
Святой отецъ!—я, право, такъ несчастливъ
Своими матерями. Первымъ дѣломъ
Моимъ, едва на свѣтъ родился,—было
Убійство матери.
ДОМИНГО.
Возможно ль, принцъ?
Такой упрекъ терзаетъ вашу совѣсть?
КАРЛОСЪ.
А эта мать—не стоила ли мнѣ
Любви отцовской? Мой отецъ, король,
И безъ того едва любилъ меня,
Хоть у него единственный я сынъ.
Ей Богъ далъ дочь... Кто знаетъ, что еще
На днѣ временъ таинственно хранится?
ДОМИНГО.
Вамъ надо мной шутить угодно, принцъ?
Какъ? вся Испанія боготворитъ
Свою владычицу, а вамъ однимъ
Ее угодно ненавидѣть, передъ нею
Внимать разсудка наущеніямъ? Какъ, принцъ?
Прекраснѣйшая женщина на свѣтѣ
И королева... и когда-то ваша
Невѣста, принцъ... невѣроятно! нѣтъ!
Гдѣ любятъ всѣ, тамъ Карлъ не ненавидитъ;
Такъ странно самъ себѣ противорѣчить
Не станетъ Карлосъ. Берегитесь, принцъ,
Чтобы она объ этомъ не узнала:
Вѣсть примутъ горько.
КАРЛОСЪ.
Право?
ДОМИНГО.
Если,
Свѣтлѣйшій принцъ, не позабыли вы
Послѣдняго турнира въ Сарагоссѣ,
Гдѣ нашъ король еще слегка былъ раненъ...
Съ своими дамами сидѣла королева
На средней изъ трибунъ дворцовыхъ, битвой
Любуясь. Вдругъ кричатъ: „король въ крови!“
Тутъ все засуетилось; бурный шопотъ
Бѣжитъ въ рядахъ и, наконецъ, доходитъ
До королевы. „Принцъ?“ кричитъ она—
И хочетъ броситься съ высокаго балкона.
„Нѣтъ, самъ король!“ ей отвѣчаютъ: „Ну,
Такъ докторовъ позвать скорѣй!“ сказала
Она, переводя дыханье.
(*Послѣ нѣкотораго молчанія*).
Вы
Задумались о чемъ-то?
КАРЛОСЪ.
Удивляюсь
Веселому духовнику монарха.
Какъ ловокъ онъ въ затѣйливыхъ разсказахъ!
(*Серьезно и мрачно*).
Но я всегда слыхалъ, что здѣсь на свѣтѣ
Разносчики и продавцы вѣстей
Зла болѣе творили, чѣмъ отрава
И ножъ въ рукахъ убійцъ. Святой отецъ,
Напрасно только вы трудились: если
Вы ждете благодарности—ступайте
Къ его величеству.
ДОМИНГО.
Свѣтлѣйшій принцъ,
Я васъ хвалю за то, что осторожно
Изволите съ людьми вы обходиться.
Но различать людей умѣйте также:
Не оттолкните друга вмѣстѣ съ лицемѣромъ;
Я вамъ добра желаю.
КАРЛОСЪ.
Берегитесь,
Чтобъ мой отецъ объ этомъ не провѣдалъ:
Тогда проститесь съ мантіей.
ДОМИНГО (*озадаченный*).
Какъ такъ?
КАРЛОСЪ.
Да такъ. Не обѣщалъ ли мой отецъ
Вамъ мантіи при первой же раздачѣ?
ДОМИНГО.
Вамъ надо мной шутить угодно, принцъ.
КАРЛОСЪ.
Да сохранитъ меня Отецъ небесный,
Чтобы шутить я сталъ надъ человѣкомъ,
Который къ лику праведныхъ причислить
И осудить монарха властенъ!
ДОМИНГО.
Принцъ,
Не смѣю я изслѣдовать причины
Печали вашей; но прошу припомнить—
Какой бы грѣхъ ни легъ пятномъ на совѣсть,
Прибѣжище найдется въ церкви; даже
И у монарховъ нѣтъ къ нему ключей.
Преступникамъ, и тѣмъ святая церковь
Даруетъ отпущенье... Принцъ, меня
Вы поняли?.. я больше не скажу...
КАРЛОСЪ.
Нѣтъ, я далекъ отъ мысли искушать
Хранителя такого блага.
ДОМИНГО.
Принцъ,
Такая недовѣрчивость... Слугу...
Такъ обижать вѣрнѣйшаго слугу.
КАРЛОСЪ (*беретъ его за руку*).
Ужъ отступитесь лучше отъ меня.

Вы человѣкъ святой—то знаетъ свѣтъ;
Но вотъ въ чемъ дѣло: для меня вы слишкомъ
Ужъ заняты. Вашъ путь, святой отецъ,
Великъ, тернистъ, пока вамъ не удастся
Сѣсть на престолъ Петра. А много знать
Вамъ вредно. Потрудитесь передать
Все это королю, который васъ
Прислалъ сюда.

ДОМИНГО.

Меня прислалъ сюда?

КАРЛОСЪ.

Да, васъ прислалъ. О! знаю, вѣрно знаю,
Что я ужъ преданъ при дворѣ испанскомъ;
Что сотни глазъ подкуплены стеречь
Меня; я знаю, что король Филиппъ
Готовъ продать единственнаго сына
Послѣднему рабу; что платитъ онъ
За каждый слогъ, за пойманное слово
Доносчикамъ—по-царски платитъ онъ.
Я знаю... О, ни слова! Будетъ! Сердце
Мое полно, а я и то сказалъ
Ужъ много лишняго.

ДОМИНГО.

Король намѣренъ
До вечера сегодня быть въ Мадритѣ.
Дворъ собранъ весь. Позволите ль вы мнѣ,
Принцъ...

КАРЛОСЪ.

Хорошо, я не замедлю.
(Доминго уходитъ. Послѣ нѣкотораго молчанія).
Жалкій
Филиппъ! какъ сынъ твой, бѣденъ ты и жалокъ!
Ужъ вижу я, какъ ядовитымъ жаломъ
Къ тебѣ во грудь впилося подозрѣнье;
Твое предвѣдѣнье перегнало
Несчастное открытье—и ужасенъ,
И страшенъ будешь ты, когда откроешь.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Карлосъ. Маркизъ Поза.

КАРЛОСЪ.

Кто тамъ? Что вижу я?.. Ахъ, Боже мой!
Родриго!

МАРКИЗЪ.

Карлосъ!

КАРЛОСЪ.

Не мечта ли это?
Не сонъ ли? правда ль? ты ли это точно?
О! это ты! Я къ сердцу жму тебя
И чувствую, какъ мощно сердце бьется;
Теперь опять все хорошо, свѣтло.
Въ одномъ такомъ объятьи заживаетъ
Моя душа больная. Мой Родриго
Опять со мною!

МАРКИЗЪ.

Ваше сердце, ваша
Душа больная, принцъ? И что опять
Такъ хорошо, свѣтло? И что жъ могло
Такъ къ лучшему для васъ перемѣниться?
Я, признаюсь вамъ, крайне изумленъ...

КАРЛОСЪ.

Ты какъ сюда изъ Брюсселя, скажи?
Кого за это мнѣ благодарить?
Кого? какъ будто я не знаю? О!
Прости счастливцу, непонятный Промыслъ,
Прости безумное богохуленье!
Кого жъ, кого жъ, какъ не Тебя? Ты зналъ,
Что Карлосъ здѣсь безъ ангела, одинъ—
И вотъ его ко мнѣ Ты посылаешь!
А я еще дерзаю спрашивать!

МАРКИЗЪ.

Простите принцъ, когда на вашъ восторгъ
Отвѣчу я вамъ только удивленьемъ.
Нѣтъ, не такимъ я думалъ встрѣтить сына
Филиппа. Нѣтъ! Болѣзненный румянецъ
Горитъ на блѣдныхъ, испитыхъ щекахъ,
А губы лихорадочно дрожатъ.
Что съ вами, принцъ? Нѣтъ, то не юноша
Съ отвагой львиной, передъ нимъ посолъ
Народа угнетеннаго героевъ;
Не прежній съ вами говоритъ Родриго,
Не школьный другъ ребячьихъ игръ Карлоса—
Посланникъ человѣчества предъ вами:
То Фландрія въ объятьяхъ вашихъ плачетъ
И васъ зоветъ на подвигъ избавленья!
Пропали ваши земли, если Альба,
Слѣпой палачъ слѣпого фанатизма,
Мечомъ ворота Брюсселя отворитъ.
На внукѣ Карла Пятаго почіетъ
Всѣхъ этихъ странъ послѣдняя надежда.
Онѣ погибли, если ваше сердце
За человѣчество отвыкло биться.

КАРЛОСЪ.

Онѣ погибли.

МАРКИЗЪ.

Боже! что я слышу?

КАРЛОСЪ.

Ты говоришь о временахъ минувшихъ,
И я вѣдь объ иномъ мечталъ Карлосѣ,
Котораго—при мысли о свободѣ—
Бросало въ жаръ... Онъ умеръ, схороненъ.
Не тотъ уже Карлосъ, не тотъ, съ которымъ
Въ Алькалѣ нѣкогда разстался ты
Не тотъ, который грезилъ вдохновенно,
У самаго Творца отнявши рай,
Его здѣсь водворить, какъ самодержецъ.
То былъ лишь дѣтскій бредъ, но какъ прекрасенъ!
Умчались грезы.

МАРКИЗЪ.

Грезы, принцъ? Такъ это
Лишь грезы были, грезы?

КАРЛОСЪ.

Дай мнѣ плакать,
Дай на груди твоей, мой другъ единый,
Всю горечь сердца своего излить.
Нѣтъ у меня вѣдь никого, нигдѣ,
Въ большомъ широкомъ мірѣ никого,—
Доколѣ тянется отца держава,
Доколь судовъ испанскихъ видны флаги,—
Нѣтъ уголка, нигдѣ мѣстечка нѣтъ,
Гдѣ бъ могъ я волю дать своимъ слезамъ.
О, всѣмъ святымъ тебя я заклинаю—
Не оттолкни меня!

МАРКИЗЪ
(*наклоняется надъ нимъ съ невыразимою нѣжностью*).

КАРЛОСЪ.

Представь себѣ,
Что словно сироту меня ты встрѣтилъ
И сострадательно призрѣлъ у трона.
Вѣдь я не знаю, что отцемъ зовется.
Я—царскій сынъ... О! если правда то,
Что говоритъ мнѣ сердце; если ты
Изъ милліоновъ созданъ, чтобъ понять
Меня; о, если правда, что природа
Родриго въ Карлѣ чудно повторила
И нашихъ душъ невидимыя струны
На утрѣ дней настроила равно;
Когда моя слеза тебѣ дороже
Всѣхъ милостей отцовскихъ...

МАРКИЗЪ.

О! дороже,
Чѣмъ цѣлый свѣтъ!

КАРЛОСЪ.

Такъ глубоко я палъ,
Такъ бѣденъ сталъ, что я хочу напомнить
Тебѣ о нашемъ дѣтствѣ... что я долженъ
Просить тебя мнѣ заплатить долги,
Что ты еще въ матросскомъ платьѣ сдѣлалъ,
Когда мы оба, рѣзвые ребята,
Такъ дружно братьями росли; когда
Всего больнѣй мнѣ было, что твой умъ
Такъ обгонялъ меня; когда я, наконецъ,
Тебя любить рѣшился безгранично,
Затѣмъ что по уму съ тобой сравняться
Мнѣ не хватало мужества и силы.
Тутъ началъ я и нѣжностью, и лаской,
И братскою тебя любовью мучить:
Ты гордая душа, ихъ отвергалъ съ презрѣньемъ.
Какъ часто я—но ты того не видѣлъ—
Какъ часто я стоялъ и слезъ потоки,
Слезъ жгучихъ, горькихъ втихомолку лилъ,
Когда, меня не замѣчая, ты
Другихъ дѣтей сжималъ въ своихъ объятьяхъ.
„За что же ихъ однихъ?" взывалъ я, плача:
„Не также ль я люблю тебя?" Но ты,
Ты холодно и важно предо мною
Колѣна преклонялъ; ты говорилъ:
„Вотъ дань, приличная испанскому инфанту!"

МАРКИЗЪ.

Довольно, принцъ, объ этихъ похожденьяхъ;
Они теперь приводятъ меня въ краску.

КАРЛОСЪ.

Я не заслужилъ того. Терзать,
Отвергнуть могъ ты это сердце, только
Не удалить его. Три раза ты
Отталкивалъ испанскаго инфанта;
Три раза онъ, какъ нищій, приходилъ
Просить тебя о дружбѣ и любви,
И силой полюбить себя заставить.
Чего не могъ твой Карлосъ—сдѣлалъ случай.
Случилось разъ, что ты, играя, теткѣ
Моей, богемской королевѣ, въ глазъ
Попалъ воланомъ. Вдругъ, ей покажись,
Что это было сдѣлано въ насмѣшку,—
И съ жалобой пошла она къ Филиппу.
Всѣмъ намъ немедленно велѣли
Собраться и сказать, кто виноватый.
Король клянется злобную обиду,
Хотя бъ и на своемъ единомъ сынѣ,
Ужасно выместить. Тутъ я увидѣлъ,
Какъ ты вдали весь блѣдный трепеталъ.
Я вышелъ, бросился къ ногамъ Филиппа:
„Я это сдѣлалъ! я одинъ виновенъ!
На мнѣ одномъ обиду отомсти!"

МАРКИЗЪ.

О! полно, полно! принцъ! о чемъ теперь
Напомнили вы мнѣ!

КАРЛОСЪ.

Она была,
Передъ лицомъ всей челяди дворцовой,
Вокругъ столпившейся въ испугѣ, рабски,
Она была отомщена на Карлѣ.
Я на тебя взглянулъ—и не заплакалъ,
Отъ боли зубы скрежетали,—я
Не плакалъ. Кровь лилась ручьями,
Подъ срамными ударами лилась:
Я на тебя взглянулъ—и не заплакалъ.
Тутъ ты пришелъ ко мнѣ, и громко плача,
Упалъ къ ногамъ моимъ. „Да, да! вскричалъ ты,
Теперь мою ты гордость побѣдилъ.
Я заплачу, какъ будешь королемъ!"

МАРКИЗЪ (*подаетъ ему руку*).

И заплачу. Ребяческія клятвы
Теперь возобновляю я, какъ мужъ.
Я заплачу. И часъ мой бьетъ!

КАРЛОСЪ.

Теперь,
Теперь—не медли же—теперь онъ пробилъ,
Пришла пора ихъ выкупить тебѣ.
Другъ, мнѣ нужна любовь. Ужасной тайной
Бушуетъ грудь моя. Я долженъ, долженъ
Тебѣ открыться. На твоихъ чертахъ
Хочу прочесть свой смертный приговоръ.
Узнай же—ужаснись!... не возражай мнѣ
только...
Я обожаю мачиху.

МАРКИЗЪ.

О, Боже!

КАРЛОСЪ.

Я не прошу пощады! Говори,
Скажи, что въ этомъ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ
Несчастья, равнаго съ моимъ! скажи!
Я знаю напередъ, что ты мнѣ скажешь:
Сынъ любитъ мать свою! Законы свѣта,
Природы связь и римскіе уставы
Осудятъ эту страсть. Моя любовь
Права отца ужасно оскорбляетъ.
Все знаю—и люблю. Путь этотъ прямо
Ведетъ къ безумству, иль къ позорной
плахѣ.
Люблю порочно, безъ надежды, съ смертной
Тоскою и опасностію жизни...
Все это вижу и—люблю!

МАРКИЗЪ.

А знаетъ
Объ этомъ королева?

КАРЛОСЪ.

Могъ ли я
Открыться ей? Она—жена Филиппа
И королева; здѣсь испанскій воздухъ.
Хранима строго ревностью отцовской,
Окружена придворнымъ этикетомъ—
Какъ могъ я съ нею говорить свободно?
Ужъ восемь адскихъ мѣсяцевъ, какъ я
Филиппомъ вызванъ изъ алькальской школы,
Какъ день-деньской я въ пыткѣ здѣсь,
смотрю
Ей въ очи и молчу, какъ гробы; восемь
Ужасныхъ, адскихъ мѣсяцевъ, Родриго,
Какъ это пламя разрываетъ сердце,
Какъ сто ужъ разъ ужасное признанье
Вертится на губахъ, но боязливо,
Въ испугѣ, снова уползаетъ въ сердце.
О, если бъ я хоть нѣсколько минутъ
Наединѣ провесть съ ней могъ, Родриго!

МАРКИЗЪ.

А вашъ отецъ?—о немъ вы позабыли?

КАРЛОСЪ.

О чемъ ты мнѣ напомнилъ? Говори
О всѣхъ ужасныхъ совѣсти мученьяхъ,
Но объ отцѣ моемъ не говори!

МАРКИЗЪ.

Вы ненавидите его?

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ! нѣтъ!
Его не ненавижу я; но ужасъ,
Но страхъ злодѣя мной овладѣваютъ
При этомъ страшномъ имени. Что дѣлать,
Когда уже въ груди ребенка рабство
Зерно любви безпощадно раздавило?
Шесть лѣтъ мнѣ было, какъ впервые
грозный
Моимъ глазамъ испуганнымъ явился.
То было утромъ, какъ въ одинъ присѣстъ
Онъ подписалъ пять смертныхъ приговоровъ,
А послѣ... я его и видѣлъ только,
Когда за шалость штрафъ мнѣ объявляли.
О, Боже мой, я становлюся желчнымъ...
Прочь, прочь отъ этихъ мѣстъ!

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ, вы должны,
Теперь должны открыться, принцъ! Слова
Грудь полную чудесно облегчаютъ.

КАРЛОСЪ.

Какъ часто я съ самимъ собой боролся.
Какъ часто въ полночь съ жаркими слезами
Бросался ницъ предъ Дѣвой Пресвятою,
Молилъ о прежнемъ сердцѣ, о покоѣ:
Она мнѣ не внимала. Ахъ, Родриго!
Разоблачи мнѣ чудную загадку
Небесъ. Зачѣмъ изъ тысячи отцовъ
Мнѣ именно вотъ этого отца?
Ему же именно такого сына
Изъ милліона лучшихъ сыновей?
Такихъ враждебныхъ, странныхъ столкно-
веній
Еще не видано во всей природѣ.
И какъ она два крайніе конца
Всего созданія—его со мною—
Могла сковать такой святою цѣпью?
Ужасный, страшный жребій! Для чего
Два совершенно разныхъ человѣка
Въ *одномъ* желаньи встрѣтились такъ
страшно?
Родриго, въ насъ ты видишь два созвѣздья,
Всегда враждебныхъ отъ начала міра,
Которыя во всемъ своемъ теченьи
Лишь разъ одинъ, сойдя съ своихъ орбитъ,
Столкнулися другъ съ другомъ, но ужасно,
Но разрушительно столкнулись—и навѣки,
Опять навѣки розно потекли.

МАРКИЗЪ.

Я страшную предчувствую минуту.

КАРЛОСЪ.

Я тоже. Будто фуріи, за мною
Несутся ужасающіе сны;
Въ сомнѣніи мой добрый геній бьется
Со злыми мыслями, а бѣдный умъ мой

Чрезъ лабиринтъ софизмовъ все ползетъ,
Пока не содрогнется на краю
Ужасной бездны. Другъ, что если я
Отвыкну видѣть въ немъ отца... Родриго,
Ты поблѣднѣлъ, ты понялъ мысль мою.
Что, если я отвыкну чтить отца,
Чѣмъ будетъ мнѣ тогда король?

МАРКИЗЪ (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Донъ-Карлосъ,
Осмѣлюсь ли къ вамъ съ просьбой обратиться?
Что бъ вы не захотѣли предпринять,
Принцъ, обѣщайте ничего не дѣлать
Безъ друга вашего. Не правда ль,
Вы обѣщаете мнѣ это?

КАРЛОСЪ.

Все, все,
Что дружба мнѣ твоя ни повелитъ;
Я весь въ твои объятія бросаюсь.

МАРКИЗЪ.

Какъ говорятъ, король желаетъ въ городъ
Отправиться. Минуты коротки.
Когда хотите вы наединѣ
Быть съ королевой, это можно только
Въ Аранжуэцѣ. Скрытность, тихость мѣста,
Непринужденность сельской жизни—все
Благопріятствуетъ...

КАРЛОСЪ.

На то и я
Надѣялся; но, ахъ, напрасно!

МАРКИЗЪ.

Не совсѣмъ.
Я къ ней иду представиться сейчасъ.
Когда она въ Испаніи все та же,
Что и во Франціи была, то я
Найду чистосердечье. Если въ взглядѣ
Ея прочту я Карлоса надежду,
Найду ее къ свиданію готовой,
Удастся удалить мнѣ дамъ ея...

КАРЛОСЪ.

Онѣ мнѣ всѣ почти благоволятъ,
А особливо Мондекаръ; ее
Чрезъ сына, что пажемъ теперь мнѣ служитъ,
Мнѣ удалось склонить...

МАРКИЗЪ.

Тѣмъ лучше. Будьте жъ
Вблизи вы, принцъ, и только знакъ подамъ я,
Немедленно явитесь къ королевѣ.

КАРЛОСЪ.

О да! о да! ступай же поскорѣе!

МАРКИЗЪ.

Иду. Итакъ—до скораго свиданья!

(*Оба уходятъ въ разныя стороны*).

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Половина королевы въ Аранжуэцѣ.

Простой сельскій видъ, съ аллеею посрединѣ и сельскимъ домикомъ королевы на заднемъ планѣ.

КОРОЛЕВА, ГЕРЦОГИНЯ ОЛИВАРЕЦЪ, ПРИНЦЕССА ЭБОЛИ И МАРКИЗА МОНДЕКАРЪ *приближаются по аллеѣ*.

КОРОЛЕВА (*маркизѣ*).

Останьтесь вы со мною, Мондекаръ.
Принцессы радостные глазки мучатъ
Меня почти все утро. Посмотрите,
Она едва свою скрываетъ радость,
Что разстается, наконецъ, съ деревней.

ЭБОЛИ.

Не отпираюсь, королева: я
Сердечно рада, что въ Мадритъ мы ѣдемъ.

МОНДЕКАРЪ.

А вы? вы, государыня? Неужли
Съ Аранжуэцомъ трудно такъ разстаться?

КОРОЛЕВА.

Съ такимъ прекраснымъ мѣстомъ!о,конечно!
Здѣсь я въ своемъ міру. Я мѣсто это
Уже давно сердечно полюбила.
Здѣсь улыбается природа мнѣ,
Подруга юности моей безпечной.
Здѣсь я какъ будто дѣтство отыскала,
И воздухъ Франціи моей здѣсь вѣетъ.
Такъ не пеняйте жъ на меня, Насъ всѣхъ
Влечетъ къ отчизнѣ сердце.

ЭБОЛИ.

Но какъ пусто,
Какъ мертво, какъ печально все здѣсь,
Точно
Какъ у трапистовъ.

КОРОЛЕВА.

О, скорѣй напротивъ,
Скорѣй въ Мадритѣ мертво все. Но что
На это скажетъ наша герцогиня?

ОЛИВАРЕЦЪ.

Я, государыня?—я полагаю,
Что ужъ таковъ обычай: мѣсяцъ мы
Проводимъ здѣсь, въ Пардо другой, а зиму
Въ Мадритѣ; такъ заведено съ тѣхъ поръ,
Какъ короли на тронъ испанскій сѣли.

КОРОЛЕВА.

Да, это знаете вы, герцогиня;
Давно я съ вами перестала спорить.

МОНДЕКАРЪ.

И нынче будетъ весело въ Мадритѣ:
Къ боямъ быковъ ужъ площадь снаряжать
Тамъ стали; а потомъ ауто-да-фе
Намъ обѣщаютъ.

КОРОЛЕВА.

Обѣщаютъ? Это
Отъ кроткой Мондекаръ я слышу?

Донъ-Карлосъ.

МОНДЕКАРЪ.

Что жъ?
Вѣдь сжигаютъ злыхъ еретиковъ!

КОРОЛЕВА.

Надѣюсь, Эболи другого мнѣнья?

ЭБОЛИ.

Осмѣлюся просить васъ, королева,
Меня считать такою жъ христіанкой,
Какъ и маркизу Мондекаръ.

КОРОЛЕВА.

Ахъ! я
Забыла, гдѣ я. Перемѣнимъ рѣчь.
Мы о деревнѣ говорили. Мѣсяцъ,
По моему, протекъ ужъ слишкомъ скоро.
Я отъ него ждала такъ много счастья,
Такъ много радостей—и не нашла,
Чего надѣялась и ожидала.
Быть можетъ, такъ и всѣ мои надежды,
Какъ грезы сна, не сбудутся, растаютъ!

ОЛИВАРЕЦЪ.

Принцесса Эболи, что вы замолкли,
Не скажете—надѣется ли Гомецъ?
Когда поздравимъ васъ его невѣстой?

КОРОЛЕВА.

Да, хорошо, что вы мнѣ, герцогиня,
Напомнили. *(Принцессѣ)*. Меня просили слово
У васъ о Гомецѣ замолвить. Только
Могу ль я это? Человѣкъ, кого
Своею Эболи я награждаю,
Быть долженъ рѣдкимъ человѣкомъ.

ОЛИВАРЕЦЪ.

Ваше
Величество, онъ точно рѣдкій, очень
Достойный, добрый человѣкъ. Его
Самъ славный нашъ король, какъ всѣмъ извѣстно,
Своей монаршей милостью счастливитъ.

КОРОЛЕВА.
И этимъ точно счастливъ онъ; но мы
Желали бъ знать, способенъ ли любить онъ
И можетъ ли заслуживать любовь?
ЭБОЛИ *(стоитъ молча, въ смущеніи, потупивъ глаза, наконецъ бросается къ ногамъ королевы).*
О, королева, сжальтесь надо мною!
Не допустите—ради всѣхъ святыхъ—
Не допустите вы меня быть жертвой!
КОРОЛЕВА.
Быть жертвой? Этого довольно. Встаньте.
Быть жертвою мучительно и страшно.
Я вѣрю вамъ, принцесса. Встаньте, встаньте!
Давно ли графу отказали вы?
ЭБОЛИ *(встаетъ).*
О, ужъ давно! Принцъ Карлосъ былъ еще
Въ Алькалѣ.
КОРОЛЕВА *(вздрагиваетъ и пристально на нее смотритъ).*
Но спросили ль вы себя,
Что за причины были?
ЭБОЛИ *(съ нѣкоторымъ жаромъ).*
Никогда
То не могло случиться, королева,
По тысячѣ причинамъ, никогда!
КОРОЛЕВА *(очень серьезно).*
Одной уже довольно мнѣ: вамъ онъ
Не нравится. Оставимъ это.
(Къ другимъ дамамъ).
Я
Еще инфанты нынче не видала.
Маркиза, принесите мнѣ ее.
ОЛИВАРЕЦЪ *(смотритъ на часы).*
Еще не время: рано, королева.
КОРОЛЕВА.
Еще не время матерью мнѣ быть?
Но это странно! Не забудьте жъ мнѣ
Сказать, когда оно придетъ.
(Входитъ пажъ и тихо говоритъ съ оберъ-гофмейстериной, которая потомъ обращается къ королевѣ).
ОЛИВАРЕЦЪ.
Маркизъ
Де-Поза, королева.
КОРОЛЕВА.
Поза?
ОЛИВАРЕЦЪ.
Онъ
Изъ Франціи и Нидерландовъ только
Пріѣхалъ и имѣть желаетъ счастье
Отъ королевы-матери вамъ письма
Вручить.
КОРОЛЕВА.
Позволено ли это?
ОЛИВАРЕЦЪ *(въ нерѣшимости).*
Право,
Я и сама не знаю. Въ предписаньи
Моемъ не упомянуто того,
Что грандъ кастильскій лично можетъ письма
Отъ иностраннаго двора вручать
Испанской королевѣ—и въ саду.
КОРОЛЕВА.
Такъ я приму ужъ это на свою
Отвѣтственность.
ОЛИВАРЕЦЪ.
А мнѣ, позвольте, ваше
Величество, покуда удалиться.
КОРОЛЕВА.
О! все что вамъ угодно, герцогиня.
(Герцогиня уходитъ, а королева даетъ знакъ пажу, который тотчасъ же удаляется).

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Королева. Принцесса Эболи. Маркиза Мондекаръ. Маркизъ Поза.

КОРОЛЕВА.
Я рада, что васъ вижу, кавалеръ,
Въ Испаніи.
МАРКИЗЪ.
Которой никогда
Еще такъ не гордился я, какъ нынче.
КОРОЛЕВА *(обращается къ дамамъ).*
Маркизъ де-Поза, что на реймскихъ играхъ
Съ моимъ отцомъ сломалъ копье и трижды
Мой цвѣтъ побѣдой полною прославилъ.
Онъ первый изъ испанцевъ научилъ
Меня вполнѣ гордиться честью—быть
Испанской королевой *(Маркизу).* Въ Луврѣ вы,
Маркизъ, со мной прощаясь, вѣроятно,
Не думали, что гостемъ у меня
Здѣсь будете въ Кастиліи?
МАРКИЗЪ.
Нѣтъ, ваше
Величество, не думалъ. Я не думалъ
Еще тогда, что Франція одно,
Въ чемъ мы завидовали ей, уступитъ
Испаніи.
КОРОЛЕВА.
О, какъ вы горды! какъ?
Одно? И это дочери—принцессѣ
Изъ дома Валуа?
МАРКИЗЪ.
Теперь, ваше
Величество, могу вамъ откровенно
Сознаться въ томъ—теперь, когда вы наша.
КОРОЛЕВА.
Вашъ путь, маркизъ, какъ слышала—лежалъ
Чрезъ Францію.—Что мнѣ вы привезли
Отъ королевы-матери и братьевъ?
МАРКИЗЪ *(передаетъ ей письма).*
Я королеву-мать нашелъ больною,

Съ одной надеждой въ сердцѣ—видѣть дочь
Свою счастливой на испанскомъ тронѣ.

КОРОЛЕВА.

И какъ не быть счастливой ей, когда
Ее такъ любятъ горячо родные?
Когда воспоминанье... Вы такъ много
Дворовъ, маркизъ, проѣздомъ посѣтили,
Такъ много странъ, обычаевъ узнали—
И вотъ теперь, какъ говорятъ, хотите
На родинѣ жить только для себя?
Подъ мирной кровлею своей—свободнѣй,
Чѣмъ самъ Филиппъ на тронѣ королевскомъ..
Свободный человѣкъ! философъ! Только
Едва ль Мадритъ придется вамъ по нраву.
У насъ—такъ тихо, скромно все въ Мадритѣ.

МАРКИЗЪ.

Да, да, поэтому не всѣ въ Европѣ
Теперь порадоваться могутъ.

КОРОЛЕВА.

Да,
Я тоже слышала, хоть разучилась
Слѣдить за́ тѣмъ, что дѣется на свѣтѣ;
Не помню даже и того, что было.
(Принцессѣ Эболи).
Мнѣ кажется, принцесса, тамъ—я вижу—
Расцвѣлъ тюльпанъ. Сорвите мнѣ его.
(Принцесса отходитъ къ цвѣтнику. Королева немного тише—маркизу).
Когда не ошибаюсь, кавалеръ,
Своимъ пріѣздомъ вы обогатили
Нашъ дворъ однимъ счастливцемъ?

МАРКИЗЪ.

Я нашелъ
Несчастнаго, кого на этомъ свѣтѣ
Одна лишь радость можетъ...

ЭБОЛИ *(возвращается съ цвѣткомъ).*

Кавалеръ,
Когда такъ много видѣли вы странъ,
То, вѣрно, кое-что у васъ найдется
Намъ разсказать?

МАРКИЗЪ.

Конечно, приключеній
Искать—долгъ рыцарей; всего жъ важнѣе
Защита женщинъ.

МОНДЕКАРЪ.

Противъ великановъ?
Теперь ихъ нѣтъ ужъ болѣе.

МАРКИЗЪ..

Насилье
Для слабыхъ—тотъ же великанъ, маркиза.

КОРОЛЕВА.

Вы правы, кавалеръ. Есть великаны,
Нѣтъ только рыцарей теперь.

МАРКИЗЪ.

Недавно,
Въ Неаполѣ, проѣздомъ былъ я самъ
Свидѣтелемъ печальнаго событья,
Которое завѣтъ священной дружбы
Моею собственностью сдѣлалъ. Если бъ
Я не боялся утомить разсказомъ
Васъ, государыня...

КОРОЛЕВА.

Такъ мнѣ рѣшить?
Княжна такъ любопытна... Ну, пожалуй,
Послушаемъ: и я люблю разсказы.

МАРКИЗЪ.

Два благородныхъ дома въ Мирандолѣ,
Наскучивъ долгою кровавою враждой,
Что ужъ столѣтія отъ Гибеллиновъ
И Гвельфовъ въ родъ ихъ перешла, рѣшились
Посредствомъ неразрывныхъ узъ родства
Соединиться вѣчнымъ прочнымъ миромъ.
Фернандо, мощнаго Петра племянникъ,
И кроткая Матильда, дочь Колонны,
Явились средствомъ для скрѣпленья дружбы.
Двухъ лучшихъ душъ не создавало небо
И свѣтъ четы прекраснѣй не видалъ.
Еще свою прелестную невѣсту
Фернандо только обожалъ въ портретѣ...
Какъ трепеталъ Фернандо, въ нетерпѣньи
Повѣрить то, чему въ своихъ мечтахъ
Не довѣрялъ онъ въ мертвенномъ рисункѣ!
И такъ въ Падуѣ, гдѣ еще науки
Его удерживали, ждалъ Фернандо
Минуты лишь счастливой той, когда
Ему позволятъ броситься къ ногамъ
Матильды и въ сердечномъ изліяньи
Пролепетать ей первое „люблю".
(Королева становится внимательнѣе. Маркизъ, послѣ короткаго молчанія, продолжаетъ разсказъ, обращаясь болѣе, сколько то позволяетъ присутствіе королевы, къ принцессѣ Эболи).
Къ несчастію, становится межъ тѣмъ
Вдовцомъ Піетро. Съ юношескимъ жаромъ
Старикъ внимаетъ голосамъ молвы
О прелестяхъ и объ умѣ Матильды.
Онъ ѣдетъ къ ней—онъ видитъ—онъ влюбленъ!
Страсть новая мгновенно задушаетъ
Природы тихій голосъ. Дядя проситъ
Руки Матильды—и передъ налоемъ
Свое онъ освящаетъ похищенье.

КОРОЛЕВА.

Но что жъ Фернандо?

МАРКИЗЪ.

На крылахъ любви,
Еще не зная страшной перемѣны,
Летитъ онъ, упоенный, въ Мирандолу.
Надежный конь примчалъ его подъ вечеръ
Въ знакомый дворъ. Вакхическіе звуки
Тимпановъ, флейтъ и трубъ ему гремятъ
Изъ освѣщеннаго дворца навстрѣчу.
Онъ съ трепетомъ вбѣгаетъ на ступени

И входитъ непримѣтно въ брачный залъ,
Гдѣ средь толпы ликующихъ гостей
Сидѣлъ самъ дядя.—Рядомъ съ нимъ—тотъ ангелъ,
Чей образъ былъ давно знакомъ Фернанду,
Который въ снахъ ему еще ни разу
Въ такомъ небесномъ блескѣ не являлся.
Онъ видитъ, чѣмъ онъ обладалъ недавно;
Онъ видитъ, что утратилъ навсегда.

ЭБОЛИ.

Несчастный!

КОРОЛЕВА.

Вашъ разсказъ, маркизъ, оконченъ,
Неправда-ли? Онъ долженъ быть оконченъ,
Я думаю.

МАРКИЗЪ.

Ну, не совсѣмъ.

КОРОЛЕВА.

Вы намъ
Сказали, что Фернандо былъ вамъ другомъ?

МАРКИЗЪ.

Я не имѣю лучшаго.

ЭБОЛИ.

Но что же
Не продолжаете вы вашего разсказа?

МАРКИЗЪ.

Онъ слишкомъ ужъ печаленъ.., да и память
Объ немъ возобновляетъ скорбь мою,
Позвольте умолчать мнѣ о развязкѣ.
(Общее молчаніе).

КОРОЛЕВА *(обращаясь къ принцессѣ).*

Я думаю, мнѣ, наконецъ, позволятъ
Обнять инфанту? Эболи, прошу васъ
Сходить за ней.

(Принцесса удаляется. Маркизъ подаетъ знакъ пажу, стоящему на заднемъ планѣ; тотъ исчезаетъ. Королева распечатываетъ письма, врученныя ей маркизомъ, и, повидимому, читаетъ съ изумленіемъ. Въ то время маркизъ тихо разговариваетъ съ Мондекаръ. По прочтеніи писемъ королева обращается къ маркизу съ проницательно вопрошающимъ взглядомъ).

Но о самой Матильдѣ
Вы ничего еще намъ не сказали.
Извѣстны ль ей страданія Фернандо?

МАРКИЗЪ.

Никто не допыталъ Матильды сердца;
Но души сильныя страдаютъ втайнѣ.

КОРОЛЕВА.

Вы смотрите кругомъ—и ваши взгляды
Кого-то ждутъ?

МАРКИЗЪ.

Я думаю, какъ счастливъ
Здѣсь на моемъ бы мѣстѣ нѣкто былъ,
Кого не назову я.

КОРОЛЕВА.

Чья жъ вина,
Когда несчастливъ онъ!

МАРКИЗЪ *(живо ловя ее на словѣ).*

Какъ? я могу принять
Серьезно это слово? Онъ нашелъ бы
Прощенье, если бъ здѣсь теперь явился?

КОРОЛЕВА *(въ испугѣ).*

Теперь, маркизъ, теперь? Что этимъ вы
Сказать хотите?

МАРКИЗЪ.

Онъ бы могъ? Онъ точно
Имѣть бы могъ надежду?

КОРОЛЕВА *(съ возрастающимъ смущеніемъ).*

Вы меня
Пугаете, маркизъ. Онъ вѣрно...

МАРКИЗЪ.

Здѣсь! онъ здѣсь!

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

КОРОЛЕВА. КАРЛОСЪ,

Маркизъ Поза и маркиза Мондекаръ удаляются на задній планъ сцены.

КАРЛОСЪ *(бросаясь къ ногамъ королевы).*

Такъ, наконецъ, насталъ онъ, мигъ счастливый,
И этихъ милыхъ рукъ коснется Карлосъ?

КОРОЛЕВА.

Что съ вами, принцъ! какой преступный, дерзкій
Поступокъ! Встаньте! встаньте! Насъ увидятъ!
Мой дворъ вблизи.

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ! я не встану: здѣсь
Навѣки я останусь на колѣняхъ;
Какъ заколдованный, я вѣчно буду
Стоять на этомъ мѣстѣ.

КОРОЛЕВА.

Безразсудный!
Вотъ снисходительность къ чему ведетъ!
Какъ? Знаете ль, что это съ королевой,
Что это съ матерью такъ непристойно
Вы говорите? Знаете ли вы,
Что я—сама я—сей же часъ объ этомъ
Его величеству...

КАРЛОСЪ.

И смерть тогда?
Пусть повлекутъ меня отъ васъ на плаху;
За мигъ единый, прожитый въ раю,
Я съ радостью всю жизнь отдамъ.

КОРОЛЕВА.

А ваша королева?

КАРЛОСЪ (*встаетъ*).
Боже, Боже!
Я удаляюсь... я оставляю васъ...
Какъ мнѣ нейти, когда вы такъ хотите
Того. Вы мать моя!.. О, какъ ужасно
Играете вы мной! одинъ намекъ,
Вашъ взглядъ, звукъ вашихъ устъ повелѣваетъ
Мнѣ быть, иль уничтожиться во прахъ.
Чего еще хотите вы? что можетъ
Подъ солнцемъ быть, чѣмъ я не поспѣшилъ бы
Пожертвовать для васъ?

КОРОЛЕВА.
Бѣгите!

КАРЛОСЪ.
Боже!

КОРОЛЕВА.
Одно, о чемъ съ слезами на глазахъ
Я васъ молю—бѣгите, чтобы дамы,
Мои тюремщики, меня и васъ
Здѣсь вмѣстѣ не застали и Филиппу
Не донесли объ этомъ.

КАРЛОСЪ.
Я готовъ
На все—на жизнь и смерть. Но для того ли
Я всѣ свои надежды устремилъ
На этотъ мигъ единый—съ вами быть
Наединѣ, чтобъ страхъ у самой цѣли
Вдругъ оковалъ меня? Нѣтъ, королева!
Скорѣе шаръ земной сто тысячъ разъ
Вкругъ полюсовъ обычно обернется,
Чѣмъ этотъ случай повторится.

КОРОЛЕВА.
И онъ не долженъ повториться, принцъ.
Зачѣмъ вы здѣсь? Зачѣмъ ко мнѣ пришли вы?

КАРЛОСЪ.
О, королева! что боролся я,
Боролся, какъ никто здѣсь не боролся,
Въ этомъ Богъ свидѣтель.. Но напрасно—тщетно!
Мой духъ упалъ и изнемогъ...

КОРОЛЕВА.
Довольно!
Довольно—ради моего покоя...

КАРЛОСЪ.
Моей вы были—передъ цѣлымъ свѣтомъ
Мнѣ отданы союзомъ двухъ державъ.
Моею признаны и небомъ, и природой:
Филиппъ, Филиппъ отнялъ васъ у меня!

КОРОЛЕВА.
Онъ вашъ отецъ.

КАРЛОСЪ.
И вашъ супругъ?

КОРОЛЕВА.
Который
Вамъ величайшую державу въ мірѣ
Въ наслѣдство дастъ.

КАРЛОСЪ.
И въ матери мнѣ—васъ.

КОРОЛЕВА.
Великій Боже; вы въ бреду донъ-Карлосъ.

КАРЛОСЪ.
Но знаетъ ли онъ также, какъ богатъ онъ?
Онъ можетъ ли сочувствовать вамъ сердцемъ?
Я не хочу роптать; нѣтъ, я забуду,
Какъ безпредѣльно счастливъ быть бы могъ
Я съ вами, лишь бы онъ былъ только счастливъ.
Но онъ несчастливъ: въ этомъ-то и адъ!
И никогда не быть ему счастливымъ.
Мое ты небо только отняла,
Чтобъ загубить его въ объятіяхъ Филиппа!

КОРОЛЕВА.
О, мысль ужасная!

КАРЛОСЪ.
О! я знаю, знаю,
Кто бракъ уладилъ вашъ, и какъ Филиппъ
Любить умѣетъ, какъ онъ васъ сосваталъ.
Что жъ вы такое въ этомъ королевствѣ,
Скажите, ради Бога? Королева?
Нѣтъ! какъ могли бъ неистовствовать Альбы,
Когда бъ вы были королевой? Кровью
Не истекала бъ Фландрія за вѣру!
Какъ! иль вы жена Филиппа? Нѣтъ!
И этому не вѣрю я. Жена
Владѣетъ сердцемъ мужнинымъ, а кто же
Его владѣетъ сердцемъ? Если ласку,
Нечаянно, въ жару онъ и уронитъ,
То онъ отнялъ, онъ вымолилъ ее
У скипетра и у своихъ сѣдинъ.

КОРОЛЕВА.
Кто жъ вамъ сказалъ, что жребій мой несчастенъ
Съ Филиппомъ?

КАРЛОСЪ.
Сердце, что такъ сильно бьется,
Что чувствуетъ, какъ былъ-бы онъ завиденъ
Со мной.

КОРОЛЕВА.
Самонадѣянный! но если
Мое мнѣ говоритъ совсѣмъ другое?
Но если трогаетъ его Филиппа
Почтительная нѣжность, и любви
Его всегда нѣмое выраженье
Гораздо больше, чѣмъ все краснорѣчье
Его самонадѣяннаго сына? Если
Обдуманное выраженье старца...

КАРЛОСЪ.
Тогда другое дѣло! о, тогда,

Тогда—простите! Этого не зналъ я,
Не зналъ, что вы такъ любите Филиппа.

КОРОЛЕВА.

Его всегда я буду уважать.

КАРЛОСЪ.

Вы никогда любви не знали?

КОРОЛЕВА.

Странный
Вопросъ!

КАРЛОСЪ.

Вы никогда любви не знали?

КОРОЛЕВА.

Я не люблю ужъ больше.

КАРЛОСЪ.

Потому что
То запрещаютъ сердце вамъ, обѣты?

КОРОЛЕВА.

Оставьте, принцъ, меня—и никогда
Подобными вопросами не мучьте!

КАРЛОСЪ.

То запрещаютъ сердце вамъ, обѣты?

КОРОЛЕВА.

То запрещаетъ долгъ. Несчастный, для чего
Намъ разлагать судьбы жестокой звенья,
Когда мы ей должны повиноваться?

КАРЛОСЪ.

Должны? должны повиноваться?

КОРОЛЕВА.

Какъ?
Что значитъ этотъ грозный тонъ?

КАРЛОСЪ.

А то,
Что Карлосъ не намѣренъ покориться,
Когда хотѣть онъ вправѣ; не намѣренъ
Играть несчастнаго на этомъ свѣтѣ,
Когда ему законъ попрать лишь стоитъ,
Чтобъ быть счастливымъ.

КОРОЛЕВА.

Поняла ль я васъ?
И вы надѣетесь—упорно такъ
Надѣетесь, когда ужъ все погибло?

КАРЛОСЪ.

По мнѣ—для мертвыхъ только нѣтъ надежды.

КОРОЛЕВА.

Вы на меня надѣетесь, на мать?
(Долго пристально на него смотритъ, потомъ съ достоинствомъ, строго).
О, почему жъ? Король новоизбранный
То ль можетъ сдѣлать?—можетъ учрежденья
Покойника огнемъ искоренить,
Его портреты сжечь, онъ даже можетъ—
Кто запретитъ ему?—умершаго останки
Изъ склеповъ царственныхъ Эскуріала
На свѣтъ дневной поднять, на вѣтеръ
Развѣять прахъ развѣнчанный его
И, наконецъ, чтобъ завершить достойно...

КАРЛОСЪ.

О, полно, перестаньте, ради Бога!

КОРОЛЕВА.

И, наконецъ, на матери жениться.

КАРЛОСЪ.

Проклятый сынъ!
(Съ минуту стоитъ безмолвно, какъ окаменѣлый).
Да, все погибло! все
Теперь погибло! Нынѣ вижу ясно,
Что вѣчно бъ долженъ оставаться въ мракѣ.
Вы для меня погибли—да! о, да!
Вы навсегда погибли. Жребій брошенъ.
Вы для меня потеряны, погибли...
О! въ этомъ чувствѣ адъ—адъ и въ другомъ:
Любить васъ. Боже! я изнемогаю,
И рвутся нервы бѣдные мои.

КОРОЛЕВА.

Несчастный, милый Карлъ, я понимаю!
Я чувствую то страшное мученье,
Что вашу грудь терзаетъ. Безконечна
Какъ и любовь, скорбь наша; безконечна,
И слава также—побѣдить ее.
Добудьте жъ эту славу, милый Карлосъ!
Цѣна достойна славнаго бойца,
Достойна юноши, въ чьемъ сердцѣ доблесть
Такихъ великихъ, славныхъ предковъ бьется.
Опомнитесь! Внукъ царственнаго Карла
Борьбу съ судьбой тамъ только начинаетъ,
Гдѣ дѣти смертныхъ падаютъ во прахъ.

КАРЛОСЪ.

Ужъ, поздно! Боже мой, ужъ поздно!

КОРОЛЕВА.

Быть
Мужчиной? О, какъ славна наша доблесть,
Когда подъ ней крушится наше сердце!
Высоко васъ поставилъ Промыслъ—выше,
Чѣмъ милліоны вашихъ прочихъ братьевъ;
Пристрастно отдалъ одному любимцу,
Что у другихъ отнялъ—милліоны
Глядятъ на васъ и говорятъ и ропщутъ:
„Не въ чревѣ ль матери онъ заслужилъ
Стать выше всѣхъ другихъ своихъ собратій?"
Мужайтесь, оправдайте выборъ неба!
Заслугой станьте въ головѣ людей,
Пожертвуйте, чѣмъ здѣсь еще никто
Не жертвовалъ.

КАРЛОСЪ.

Я это въ силахъ сдѣлать.
Васъ заслужить—во мнѣ есть сила льва,
Лишиться жъ—никакой!

КОРОЛЕВА.

Признайтесь, Карлосъ,
Одна лишь гордость, зависть и упрямство
Къ такой любви щекотятъ ваши страсти.
Любовь и сердце, что вы мнѣ дарите
Такъ расточительно, принадлежатъ

Не мнѣ, а вашимъ будущимъ державамъ.
Вы, принцъ, мотаете добро питомцевъ
Врученныхъ Богомъ вамъ. Любовь—вашъ долгъ!
До этихъ поръ она съ пути сбивалась
И близъ меня, увы, искала мѣста.
Отдайте жъ, о, отдайте, милый Карлосъ,
Своимъ державамъ будущимъ ее;
И чувствуйте не совѣсти кинжалы,
Но—сладость богомъ быть! Елизавету
Вы до сихъ поръ любили, принцъ; отнынѣ
Испанію любите! Карлосъ, Карлосъ!
Съ какимъ восторгомъ мѣсто уступлю
Я вашей новой доблестной любви!

КАРЛОСЪ (*побѣжденный, бросается къ ногамъ ея*).

О! какъ велики вы, божественно велики!
Да, все, все, все исполню. Будь, что будетъ!
(*Встаетъ*).
Здѣсь предъ лицомъ Творца я, преклоняясь,
Клянусь вамъ въ вѣчномъ... Боже мой! нѣтъ, нѣтъ!
Лишь въ вѣчномъ, гробовомъ молчаньи,
Но не въ забвеньи вѣчномъ.

КОРОЛЕВА.

Какъ могу я
И требовать того, что я сама
Не въ силахъ выполнить.

МАРКИЗЪ (*выбѣгая изъ аллеи*).

Король!

КОРОЛЕВА.

О, Боже!

МАРКИЗЪ.

Скорѣй! Бѣгите, принцъ!

КОРОЛЕВА.

Онъ станетъ страшно
Подозрѣвать васъ, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Я остаюсь.

КОРОЛЕВА.

И кто же будетъ жертвой?

КАРЛОСЪ (*влечетъ маркиза за руку*).

Прочь! Бѣжимъ,
Бѣжимъ.
(*Идетъ, но вдругъ еще разъ возвращается*).
Что вы дадите мнѣ на память?

КОРОЛЕВА.

Участье, дружбу матери.

КАРЛОСЪ.

Мать! дружба!

КОРОЛЕВА.

И эти слезы вашихъ Нидерландовъ.
(*Отдаетъ ему нѣсколько писемъ. Карлосъ и маркизъ уходятъ. Королева безпокойно ищетъ глазами дамъ своихъ, которыхъ нигдѣ не видно. Она только что хочетъ итти въ глубину сцены, какъ является король*).

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ГЕРЦОГЪ АЛЬВА, ГРАФЪ ЛЕРМА, ДОМИНГО. *Нѣсколько дамъ и грандовъ, которые остаются вдали.*

КОРОЛЬ

(*съ удивленіемъ осматривается кругомъ и молчитъ нѣсколько времени*).
Вы здѣсь однѣ гуляете, синьора?
И даже ни *одной* нѣтъ съ вами дамы?
Я удивляюсь!—Гдѣ же ваши дамы?

КОРОЛЕВА.

Я, государь...

КОРОЛЬ.

Зачѣмъ однѣ вы здѣсь?
(*Къ свитѣ*).
Объ этомъ непростительномъ проступкѣ
Отдать строжайшій мнѣ отчетъ. Кто нынче
Изъ дамъ дежурною у королевы?
Чья очередь прислуживать ей нынче?

КОРОЛЕВА.

Не гнѣвайтесь, супругъ мой: я одна,
Одна и виновата. Эболи
По моему приказу удалилась.

КОРОЛЬ.

По вашему приказу?

КОРОЛЕВА.

Кликнуть камеръ-фрау:
Мнѣ захотѣлось видѣться съ инфантой.

КОРОЛЬ.

И для того вы отослали свиту?
Но это первую лишь извиняетъ;
Скажите, гдѣ жъ была вторая дама?

МОНДЕКАРЪ

(*которая между тѣмъ возвратилась и стояла съ прочими дамами, выходитъ впередъ*).
Я сознаюсь и каюсь, государь,
Въ своей винѣ...

КОРОЛЬ.

И потому, маркиза,
Вы внѣ Мадрита десять лѣтъ извольте
Раздумывать объ этомъ.
(*Маркиза въ слезахъ отходитъ. Всеобщее молчаніе. Вся свита въ недоумѣніи смотритъ на королеву*).

КОРОЛЕВА.

Мондекаръ,
О чемъ вы плачете?
(*Къ королю*),
Когда я провинилась,
Мой царственный супругъ, по крайней мѣрѣ
Корона, что ношу я, и которой
Я никогда сама не добивалась,
Должна бы отъ стыда меня избавить.
Иль въ вашемъ королевствѣ есть законъ,
Могущій дочь монарха осудить?

Не добродѣтель женщинъ охраняетъ
Въ Испаніи—одно шпіонство? Извините,
Мой царственный супругъ, я не привыкла
Глядѣть на слезы тѣхъ, кто мнѣ служилъ
Съ усердіемъ. Маркиза, подойдите!
(Снимаетъ съ себя поясъ и отдаетъ его маркизѣ).
Его величество вы прогнѣвили,
Но не меня—и потому примите
Бездѣлку эту отъ меня на память.
Бѣгите изъ Испаніи: вы въ ней
Одной лишь только провинились. Тамъ,
Во Франціи моей, такія слезы
Умѣютъ утирать. О, неужели
Мнѣ все объ ней напоминать здѣсь будетъ!
(Опирается на оберъ-гофмейстерину и закрываетъ лицо).
Во Франціи все иначе—не такъ!

КОРОЛЬ *(нѣсколько растроганный).*

Упрекъ моей любви могъ огорчить васъ?
Одинъ намекъ, который только нѣжность,
Заботливость въ уста мои вложили?
(Обращается къ грандамъ).
Вотъ всѣ вассалы моего престола!—
Смежалъ ли сонъ когда мои глаза,
Овладѣвалъ ли мною безъ того,
Чтобъ каждый вечеръ я не перечислилъ,
Какъ бьются пульсы всѣхъ моихъ народовъ?
И мнѣ ль бояться болѣе за тронъ свой,
Чѣмъ за супругу сердца своего?
За подданныхъ моихъ мой мечъ порука
И—герцогъ Альба; только этотъ глазъ
За вѣрность и любовь моей жены.

КОРОЛЕВА.

Когда васъ прогнѣвила я, супругъ мой...

КОРОЛЬ.

Я всѣхъ сильнѣй во всемъ крещеномъ мірѣ,
Такъ говорятъ мнѣ; солнце не заходитъ
Въ моихъ владѣніяхъ; но другой ужъ прежде
Вполнѣ владѣлъ всѣмъ этимъ, а потомъ
Другіе также этимъ завладѣютъ.
Но *здѣсь* мое добро. Что королю
Принадлежитъ—удѣлъ фортуны.
Елизавета же дана Филиппу.
Вотъ, гдѣ простой и смертный.

КОРОЛЕВА.

Вы боитесь,
Мой государь?

КОРОЛЬ.

Ужъ не своихъ сѣдинъ ли?
Когда я только разъ начну бояться—
Я ужъ бояться перестану. Здѣсь
Всѣ гранды—перваго изъ нихъ лишь я
Не вижу. Гдѣ жъ донъ-Карлосъ, мой инфантъ?
(Никто не отвѣчаетъ).
Ребенокъ Карлосъ начинаетъ что-то
Быть страшнымъ мнѣ. Меня онъ избѣгаетъ
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ прибылъ изъ Алкалы.
Въ немъ кровь пылка, зачѣмъ же взглядъ его
Такъ холоденъ? такъ празднично и сухо
Со мною обращенье? Примѣчайте
За нимъ, прошу васъ всѣхъ объ этомъ.

АЛЬБА.

Будьте
Спокойны, государь. Доколѣ сердце
Еще объ этотъ панцырь бьется—донъ-Филиппъ
Безъ страха можетъ отходить ко сну:
Какъ Божій херувимъ у райской двери,
Стоитъ здѣсь Альба у престола.

ЛЕРМА.

Смѣю ль
Мудрѣйшему монарху униженно
Я сдѣлать возраженье? Я такъ свято
Величію Филиппа поклоняюсь,
Что твердо вѣрю—онъ не станетъ строго
И опрометчиво судить о сынѣ.
Я многаго боюсь за пылкость крови,
Но не за сердце нашего инфанта.

КОРОЛЬ.

Графъ Лерма, вы прекрасными словами,
Я вижу, подкупить отца хотите;
Но короля опорой будетъ герцогъ.
Ни слова больше!
(Обращается къ свитѣ).
Я спѣшу въ Мадритъ.
Дѣла зовутъ меня. Повсюду ересь
Мои народы сильно заражаетъ;
Растетъ крамола въ Нидерландахъ. Время!
Примѣръ ужасный нуженъ. Завтра я
Хочу исполнить тотъ обѣтъ великій,
Что дали всѣ монархи христіанства —
И судъ кровавый будетъ безпримѣренъ:
Весь дворъ мой приглашенъ заранѣ.
(Уводитъ королеву, свита слѣдуетъ).

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ *съ письмами въ рукахъ* и МАРКИЗЪ ПОЗА *сходятся съ противуположныхъ сторонъ.*

КАРЛОСЪ.

Такъ, рѣшено: я Фландрію спасаю!
Она желаетъ—и съ меня довольно.

МАРКИЗЪ.

И не теряя ни минуты. Слышно,
Что герцогъ Альба ужъ туда назначенъ
Въ правители.

КАРЛОСЪ.

Просить я завтра жъ буду
У короля аудіенціи въ Мадритѣ.

Я этотъ титулъ вымолю себѣ
Отецъ мнѣ не откажетъ. Въ первый разъ
Еще къ нему я прибѣгаю съ просьбой.
Давно ужъ, замѣчаю, онъ косится
На то, что я въ Мадритѣ. Что же лучше
Предлога этого держать меня
Вдали. И ужъ признаться ли тебѣ?
Надѣюсь я—быть можетъ, мнѣ удастся
Лицомъ къ лицу его расположенье
Къ себѣ возстановить. Онъ никогда
Еще не слышалъ голоса природы.
Дай мнѣ попробовать, какъ этотъ голосъ
Могучъ на языкѣ моемъ сыновнемъ.

МАРКИЗЪ.

Вотъ, наконецъ, я узнаю въ васъ Карла.
Теперь опять вы совершенно прежній.

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. Графъ Лерма.

ЛЕРМА.

Король сейчасъ Аранжуэцъ оставилъ.
Мнѣ данъ приказъ..

КАРЛОСЪ.

Не безпокойтесь, графъ:
Не опоздаю.

МАРКИЗЪ

(дѣлая видъ, что хочетъ удалиться, почтительно).

Больше никакихъ,
Свѣтлѣйшій принцъ, не будетъ порученій?

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ, кавалеръ. Желаю вамъ пріятно
Доѣхать до Мадрита. Мы въ другой разъ
Поговоримъ о Фландріи побольше.
(Поджидающему его Лермѣ).
Графъ, я сейчасъ за вами.
(Графъ Лерма уходитъ).

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Донъ-Карлосъ. Маркизъ.

КАРЛОСЪ.

Тебя я понялъ. Благодарствуй, другъ!
Но эти принужденья извиняетъ
Одна помѣха постороннихъ. Развѣ
Не братья мы? Комедію чиновъ
Мы выгонимъ изъ нашего союза.
Увѣрь себя, что мы на балѣ оба
Другъ съ другомъ въ маскахъ встрѣтились.
Ты въ рабской
Одеждѣ, я—изъ одного каприза—
Въ порфирѣ. Въ продолженьи маскарада
Играемъ мы прекрасно наши роли
Съ смѣшною важностью, чтобы веселья
Толпы контрастомъ этимъ не нарушить.
Но Карлъ тебѣ сквозь маску вдругъ киваетъ,
Ты руку жмешь у Карла мимоходомъ—
И мы другъ друга понимаемъ.

МАРКИЗЪ.

Сонъ
Божественный. Но долго ль онъ продлится?
И силенъ ли такъ Карлосъ, чтобъ бороться
Со всѣми обольщеньями престола?
Есть впереди великій день, но день,
Когда геройскій духъ—я вамъ напомню—
Падетъ предъ труднымъ, долгимъ испытаньемъ.
Умретъ Филиппъ—Карлосу царство,
Славнѣйшее вѣдь въ цѣломъ христіанствѣ,
Въ наслѣдство перейдетъ. Тогда, внезапно
Онъ, словно бездной, будетъ отдѣленъ
Отъ всѣхъ людей, и станетъ богомъ
Тотъ, кто вчера еще простымъ былъ смертнымъ.
Отнынѣ безупреченъ онъ. Заглохнетъ
Сознанье въ немъ обязанностей высшихъ.
И человѣчество,—святое слово
Сегодня для него,—а завтра станетъ
Само продажнымъ, милостей прося.
Онъ, горю чуждъ,—утратитъ состраданье;
Средь нѣги въ немъ слабѣетъ добродѣтель.
За глупость—золото ему шлетъ Перу,
А за грѣхи—самъ чортъ придворныхъ ставитъ.
И онъ въ блаженствѣ сладко засыпаетъ,
Его рабами созданномъ ему лукаво.
Бѣда безумцу, кто его разбудитъ!
А вашъ Родриго?... Дружба откровенна,
Смѣла, проста!—величество больное
Не выдержитъ лучей ея ужасныхъ.
Вамъ не снести словъ дерзкихъ гражданина,
Мнѣ—гордости монарха.

КАРЛОСЪ.

Справедливъ,
Ужасенъ приговоръ твой о монархахъ!
Тебѣ я вѣрю. Но лишь сладострастье
Ихъ сердце отдаетъ порокамъ. Я же—
Я чистъ еще. Мнѣ двадцать-третій годъ.
Что до меня безсмысленно другіе
Въ объятіяхъ нечистыхъ погубили,
Сокъ лучшихъ силъ и свѣжесть духа,
То я сберегъ для будущихъ дѣяній.
А что жъ еще насъ можетъ разлучить—
Ужъ развѣ женщины?

МАРКИЗЪ.

Я самъ. И можно ль
Мнѣ будетъ искренно любить васъ, Карлосъ,
Когда бояться васъ я буду долженъ?

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ, никогда! Да развѣ ты во мнѣ
Нуждаешься? есть страсти у тебя,
Просящія подачки у престола?
Ты подданный, достойный мой Родриго,
Но ты богаче Карлоса-монарха.
Иль хочешь почестей? Но съ юныхъ лѣтъ
Извѣдалъ ты и бросилъ ихъ съ улыбкой.
Такъ кто жъ изъ насъ кредиторомъ друго,
И должникомъ кто будетъ? Ты молчишь?
Дрожишь ты самъ предъ искушеньемъ? Самъ ты
Себѣ не довѣряешь?

МАРКИЗЪ.

Хорошо.
Я уступаю. Вотъ моя рука.

КАРЛОСЪ.

Ты мой?

МАРКИЗЪ.

Навѣкъ—и въ самомъ дерзновенномъ
Значеньи слова.

КАРЛОСЪ.

Вѣрно, горячо,
Какъ нынче Карлосу-инфанту, такъ
Тогда самодержавному монарху?

МАРКИЗЪ.

Клянусь вамъ.

КАРЛОСЪ.

Даже и тогда, какъ червь
Похвалъ и лести грудь мою ужалитъ,
Когда мой глазъ разучится лить слезы,
Какими плакивалъ бывало, ухо
Оглохнетъ для мольбы несчастныхъ—ты,
Ужасный стражъ всѣхъ доблестей моихъ,
Разбудишь ли меня? ты назовешь ли,
Ты кликнешь ли мой спящій геній?

МАРКИЗЪ.

Кликну.

КАРЛОСЪ.

Теперь другая просьба. Говори
Мнѣ „ты“. Завидовалъ всегда я равнымъ
Тебѣ за это право братской дружбы.
Другъ, это „ты“ обманетъ ухо мнѣ,
Обманетъ сердце равенства блаженствомъ.
Безъ возраженій! Знаю, что мнѣ скажешь.
Тебѣ вѣдь то бездѣлица; но мнѣ,
Мнѣ, сыну царскому, то важно. Будь
Мнѣ братомъ!

МАРКИЗЪ.

Я твой братъ!

КАРЛОСЪ.

Теперь—къ отцу.
Теперь я силенъ: объ руку съ тобою
Свой вѣкъ готовъ я вызвать на борьбу.
(Уходитъ).

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Въ королевскомъ дворцѣ въ Мадритѣ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Король Филиппъ *на тронѣ.* Герцогъ Альба *въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ короля съ покрытой головой.* Карлосъ.

КАРЛОСЪ.

Дѣла впередъ всего. Съ большой охотой
Министру Карлосъ первый шагъ уступитъ,
Онъ говоритъ за государство—я
Сынъ дома.
(Отходитъ съ поклономъ).

ФИЛИППЪ.

Герцогъ остается здѣсь;
Инфантъ пусть начинаетъ.

КАРЛОСЪ *(обращаясь къ Альбѣ).*

Такъ принужденъ я
У вашего великодушья, герцогъ,
Себѣ просить монарха, какъ подарокъ.
Сынъ, сами знаете, на сердцѣ много
Для своего отца скопляетъ часто,
Что слушать третьему не стоитъ. Государь

При васъ останется, какъ прежде—мнѣ же
Отца лишь нужно не надолго.

ФИЛИППЪ.

Здѣсь другъ его.

КАРЛОСЪ.

Но заслужилъ ли я
Предполагать въ немъ также своего?

ФИЛИППЪ.

Да и едва ль заслужишь. Не люблю
Я сыновей, что лучше выбираютъ,
Чѣмъ ихъ отцы.

КАРЛОСЪ.

И рыцарская гордость
Герцога Альбы можетъ это слышать?
Клянусь своей душой, роль человѣка,
Кто между сыномъ и отцомъ незванно
Втираться не краснѣетъ, кто насильно
Въ сознаніи ничтожности своей
Рѣшается стоять здѣсь, я бъ, ей-богу!—
И хоть завись отъ этого корона—
Я эту роль играть не сталъ бы!

ФИЛИППЪ *(вставая и устремивъ гнѣвный взглядъ на принца).*

Герцогъ,
Оставьте насъ!

(Герцогъ идетъ къ главной двери, въ которую вошелъ Карлосъ; король показываетъ ему на другую).

Нѣтъ, въ кабинетъ, пока
Не позову я васъ.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Король. Донъ-Карлосъ.

КАРЛОСЪ

(по выходѣ герцога падаетъ передъ королемъ на колѣни).

Вотъ снова вы теперь
Отецъ мой! снова мой! Благодарю,
Съ слезами на глазахъ благодарю
За эту милость! Руку, руку вашу!
О, сладкій день! Блаженство поцѣлуя
Давно вашъ сынъ, родитель мой, не вѣдалъ.
Зачѣмъ отъ сердца своего такъ долго
Меня отталкивать? Чѣмъ виноватъ я?

ФИЛИППЪ.

Инфантъ, моя душа не любитъ штукъ подобныхъ,
Избавь меня отъ нихъ.

КАРЛОСЪ *(вставая).*

Такъ я и думалъ.
Вотъ здѣсь я слышу вашихъ царедворцевъ.
Родитель мой, не все—ей богу! вѣрьте—
Не все то правда, что попы толкуютъ,
Что вамъ клевреты ихъ передаютъ.
Не столь дурной я сынъ! Горячность крови—
Иной нѣтъ злости; вся вина—лишь юность.
Нѣтъ, не испорченъ я и, право, не дурной.
Хоть вспыльчивость не разъ порочитъ сердце—
Все жъ сердце доброе во мнѣ.

ФИЛИППЪ.

Я знаю—
Ты сердцемъ чистъ,—какъ и твои молитвы.

КАРЛОСЪ.

Теперь иль никогда! Мы здѣсь одни.
Желѣзная рѣшетка этикета
Межъ сыномъ и отцомъ лежитъ во прахѣ.
Теперь иль никогда! Лучъупованья
Блеститъ во мнѣ, и сладкія надежды
Волнуютъ сердце. Кажется, все небо
Веселыхъ агентовъ склонилось долу,
И самъ Создатель смотритъ съ умиленьемъ
На васъ: родитель, помиримтесь!

(Припадаетъ къ ногамъ его).

ФИЛИППЪ.

Встань
Оставь меня въ покоѣ.

КАРЛОСЪ.

Помиримтесь!

ФИЛИППЪ *(освобождаясь отъ него).*

Комедія ужъ стала дерзкой.

КАРЛОСЪ.

Дерзкой?
Сыновняя любовь?

ФИЛИППЪ.

Что это?—слезы?
О, отвратительно!... Прочь съ глазъ моихъ,

КАРЛОСЪ.

Теперь иль никогда. О, помиримтесь!

ФИЛИППЪ.

Прочь съ глазъ моихъ! Приди, покрытый срамомъ,
Изъ жаркихъ битвъ,—мои объятья встрѣтятъ
Тебя, Карлосъ; но въ этомъ видѣ я
Тебя не знаю. Только виноватый
Свою вину въ своихъ слезахъ позорныхъ
Смыть думаетъ съ себя. Кто не краснѣетъ
Такъ каяться, не избѣжитъ, чтобъ случай
Ему и поводъ каяться представилъ.

КАРЛОСЪ.

Кто это?
Какой ошибкой это существо
Попало къ людямъ? Слезы вѣчно были
Вѣрительною грамотой людей,
Его жъ глаза... не женщина носила
Его во чревѣ. О! заставьте
Свои глаза, пока не поздно,
Учиться плакать, иначе придется
Въ ужасный часъ наверстывать, быть можетъ.

ФИЛИППЪ.
Сомнѣнія отца ты, вижу, хочешь
Разсѣять красными словцами, Карлосъ?
КАРЛОСЪ.
Сомнѣнье? да, я уничтожу это
Сомнѣнье... да, я припаду на грудь
Отца—и стану мощно обрывать
Кору сомнѣнья до тѣхъ поръ, покамѣстъ
Не упадетъ она. Кто жъ эти люди,
Меня лишившіе любви отцовской?
Что заплатилъ монахъ отцу за сына?
Что Альба дастъ ему взамѣнъ за жизнь,
Прожитую безъ радостей семейныхъ?
Любви хотите вы? Но въ этомъ сердцѣ
Течетъ родникъ и чище, и свѣтлѣе,
Чѣмъ въ этихъ мутныхъ всѣхъ резервуарахъ,
Что золото Филиппа открываетъ.
ФИЛИППЪ.
Умолкни, дерзновенный! Эти люди,
Которыхъ ты дерзаешь поносить,
Мои испытанные слуги, и—
Ты будешь уважать ихъ.
КАРЛОСЪ.
Никогда!
Я сознаю себя. Что ваши Альбы
Вамъ дѣлаютъ, то сдѣлаетъ и Карлосъ—
И Карлосъ лучше сдѣлаетъ. Что нужды
Наемнику до вашихъ королевствъ,
Которыхъ онъ не назоветъ своими?
Ему что нужды, если сѣдиной
Филиппа голова засеребрится?
Вашъ Карлосъ васъ любилъ бы. Мнѣ ужасно
Подумать, что и я на тронѣ буду
Стоять одинъ... одинъ.
ФИЛИППЪ
(пораженный этими словами, стоитъ въ глубокомъ размышленіи. Послѣ нѣкотораго молчанія).
Да, я одинъ...
КАРЛОСЪ *(съ живостью и жаромъ, подходя къ нему).*
Вы были. Перестаньте ненавидѣть
Меня. Я буду дѣтски васъ любить,
Я буду пламенно любить васъ—только
Не ненавидьте болѣе меня.
Какъ сладко, хорошо въ душѣ прекрасной
Себя преображать! какъ сладко думать,
Что наша радость краситъ щеки друга,
Что наша грусть другую грудь сжимаетъ,
Что наша скорбь глаза другіе мочитъ.
Какъ сладко, хорошо, рука съ рукою,
Пройти съ своимъ многообѣтнымъ сыномъ
Въ другой разъ юности путемъ цвѣтущимъ,
Въ другой разъ съ нимъ прогрезить жизни сонъ!
Какъ чудно, сладко въ доблестяхъ сыновнихъ
Безсмертно, благодѣтельно очнуться
Вѣкамъ на благо! Какъ прекрасно сѣять,
Что милый сынъ пожнетъ по смерти нашей,
Копить, что онъ удвоитъ, и предвидѣть,
Какъ горячо онъ скажетъ намъ спасибо!
Объ этомъ раѣ на землѣ, родитель,
Монахи ваши мудро умолчали!
ФИЛИППЪ *(растроганный).*
О, сынъ мой, сынъ мой! Жезлъ ты самъ себѣ
Переломилъ надъ головою. Ярко
Изобразилъ ты счастье, что до сихъ поръ
Мнѣ не давалъ.
КАРЛОСЪ.
Пусть судитъ васъ Всевышній!
Вы сами изъ родительскаго сердца,
Отъ трона сами вы меня изгнали.
До сихъ поръ... О! скажите, хорошо ли,
И справедливо ль это?... до сихъ поръ
Я, королевскій сынъ, инфантъ испанскій,
Я плѣнникомъ какимъ-то былъ у трона.
О, хорошо ль то было? справедливо ль?
Какъ часто, о! какъ часто, мой родитель,
Сгоралъ я со стыда, когда послы
Другихъ державъ, когда они журналы
О новостяхъ мадритскаго двора
Мнѣ говорили!
ФИЛИППЪ.
Слишкомъ сильно кровь
Клокочетъ въ жилахъ у тебя. Ты все бы
Сталъ только портить.
КАРЛОСЪ.
Дайте жъ портить мнѣ,
Родитель! Сильно кровь клокочетъ въ жилахъ
Моихъ, вы правы. Двадцать третій годъ—
И ничего не сдѣлать для потомства!
Я пробудился, всталъ. Призванье къ трону
Стучитъ въ груди, какъ строгій кредиторъ,
И будитъ силы духа; всѣ мгновенья,
Утраченныя прежде, громко, звучно
Ко мнѣ, какъ чести долгъ святой, взываютъ.
Насталъ онъ, тотъ великій мигъ, когда
Міръ отъ меня сталъ требовать уплаты:
Меня зоветъ исторья, слава предковъ
И громкій гулъ молвы тысячеустной.
Настало время отворить мнѣ славы
Широкія ворота. Мой король,
Позволите ль осмѣлиться вы мнѣ
Васъ просьбой утрудить?
ФИЛИППЪ.
Опять ты съ просьбой?
Скажи, въ чемъ дѣло?
КАРЛОСЪ.
Бунтъ въ Брабантѣ страшно
Растетъ теперь. Мятежниковъ упорство
Средствъ мудрыхъ, сильныхъ требуетъ.
Вамъ Альбу,

Снабдивъ его всесильнымъ полномочьемъ,
Туда послать угодно, чтобы силой
Одуматься фанатиковъ заставить.
Какъ славенъ этотъ постъ, какъ прямо, вѣрно
Онъ могъ бы сына вашего ввести
Въ храмъ славы! Мнѣ, родитель, мнѣ отдайте
Свои войска! Меня фламандцы любятъ:
Я головой, я кровію своей
За вѣрность ихъ готовъ вамъ поручиться.

ФИЛИППЪ.

Ты разсуждаешь, какъ мечтатель. Мужа—
Не юношу—постъ этотъ требуетъ, мой сынъ.

КАРЛОСЪ.

Лишь человѣка требуетъ, родитель,
А имъ-то никогда вашъ Альба не былъ.

ФИЛИППЪ.

Одинъ лишь ужасъ усмиряетъ бунтъ.
Дурачествомъ бы было милосердье.
Твоя душа мягка, а герцогъ страшенъ.
Брось эту мысль изъ головы.

КАРЛОСЪ.

Пошлите
Во Фландрію меня—разъ положитесь
На душу мягкую мою! Ужъ имя
Одно инфанта, что предъ знаменами
Моими мчаться будетъ, побѣдитъ,
Гдѣ Альбы будутъ только жечь и грабить.
Я на колѣняхъ васъ прошу. Я въ первый
Разъ въ жизни васъ прошу, родитель, дайте
Мнѣ Фландрію!

ФИЛИППЪ *(проницательно смотритъ на инфанта).*

И вмѣстѣ съ нею войско
Твоимъ опаснымъ замысламъ отдать?
Ножъ моему убійцѣ?

КАРЛОСЪ.

Боже! Боже!
Я ни на шагъ не двинулся. Вотъ плодъ
Столь горячо желаннаго свиданья?
(Послѣ нѣкотораго размышленія съ смягченною важностью).
Отвѣтьте мнѣ хоть ласковѣй! Такъ сухо
Не отсылайте отъ себя! Такъ съ вами
Я бъ не хотѣлъ разстаться, не хотѣлъ бы
Уйти отъ васъ съ такимъ тяжелымъ сердцемъ.
Хоть ужъ поласковѣй со мною будьте.
Вѣдь это нужно мнѣ, въ послѣдній разъ,
Вѣдь я пытаюсь—и понять не въ силахъ,
Не въ силахъ перенесть того, какъ мужъ,
Что вы во всемъ, во всемъ мнѣ отказали.
Вы отсылаете меня. Ужасно
Обманутый во всѣхъ прекрасныхъ грезахъ,
Уйду отъ васъ я. Ваши Альбы, ваши
Доминги будутъ ликовать на мѣстѣ,
Гдѣ сынъ во прахѣ плакалъ передъ вами.
Толпа придворныхъ, знатные рабы,
Монаховъ грѣшно-блѣдный цехъ — всѣ знаютъ,
Что вы аудіенцію мнѣ дали,
Не пристыжайте же меня! Не дайте
Посмѣшищемъ всей челяди придворной
Мнѣ быть, чтобъ не сказали, что чужіе
Отъ вашихъ милостей одни тучнѣютъ,
Что Карлосъ васъ и попросить не смѣетъ!
Въ залогъ того, что вы благоволите
Ко мнѣ—пустите въ Фландрію меня.

ФИЛИППЪ *(гнѣвно).*

Умолкни, дерзновенный, ради гнѣва
Монарха твоего!

КАРЛОСЪ.

Съ опасностью навлечь
Гнѣвъ короля, я васъ въ послѣдній разъ
Прошу—пустите въ Фландрію меня!
Довѣрьтесь мнѣ! Я долженъ, я обязанъ
Бѣжать Испаніи. Здѣсь жизнь моя—
Дыханье подъ сѣкирой палача.
Въ Мадритѣ небо тяжко налегло
На грудь мнѣ, какъ сознаніе убійства.
Меня спасетъ лишь перемѣна мѣста.
Когда спасти меня хотите вы—
Пустите въ Фландрію!

ФИЛИППЪ *(съ принужденнымъ спокойствіемъ).*

Такихъ больныхъ,
Какъ ты, мой сынъ, лѣчить необходимо,
И при себѣ лѣчить. Ты остаешься
Въ Испаніи; туда поѣдетъ Альба.

КАРЛОСЪ *(внѣ себя).*

Такъ помогайте жъ вы мнѣ духи неба!

ФИЛИППЪ *(отступая на шагъ).*

Стой! это что за рѣчи?

КАРЛОСЪ *(прерывающимся голосомъ).*

Мой родитель,
И вы не перемѣните рѣшенья?

ФИЛИППЪ.

Король сказалъ.

КАРЛОСЪ.

Ну, такъ и я здѣсь кончилъ.
(Уходитъ въ сильномъ волненіи).

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Филиппъ *погруженный въ мрачное размышленіе, нѣкоторое время стоитъ неподвижно, наконецъ начинаетъ ходить взадъ и впередъ по залѣ.* Альба *въ замѣшательствѣ приближается.*

ФИЛИППЪ.

Вы, герцогъ, ждите каждый часъ приказа
Къ отъѣзду въ Брюссель.

АЛЬБА.

Государь, готовъ
Давно я.

ФИЛИППЪ.

Ваше полномочье, герцогъ,
Лежитъ ужъ въ кабинетѣ. Между тѣмъ,
Явитесь предъ отъѣздомъ къ королевѣ,
Да и съ инфантомъ также повидайтесь.

АЛЬБА.

Онъ, какъ безумный, только что отсюда,
Изъ залы вышелъ. Государь, и вы
Взволнованы такъ сильно, вы такъ блѣдны...
Иль разговоръ?..

ФИЛИППЪ *(походивъ нѣсколько взадъ и впередъ).*

Предметомъ разговора
Былъ—герцогъ Альба.

(Король останавливается и пристально на него смотритъ. Мрачно).

Мнѣ пріятно слышать,
Что принцъ моихъ министровъ *ненавидитъ*,
Но горько мнѣ, что онъ ихъ *презираетъ*.

АЛЬБА *(мѣняется въ лицѣ и хочетъ возразить).*

ФИЛИППЪ.

Не отвѣчайте. Я вамъ позволяю
Съ инфантомъ помириться.

АЛЬБА.

Государь!

ФИЛИППЪ.

Скажите лучше, кто меня впервые
Предостерегъ отъ замысловъ инфанта?
Я слушалъ *васъ*, а не *его*. Теперь
Я попытаюсь, герцогъ. Съ этихъ поръ
Принцъ станетъ ближе къ трону. Вы—ступайте!

(Король удаляется въ кабинетъ. Герцогъ уходитъ въ другую дверь).

Пріемная зала предъ покоями королевы.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Донъ-Карлосъ *входитъ, разговаривая съ* **пажомъ,** *въ среднюю дверь. Придворные, находящіеся въ залѣ, разбѣгаются при его появленіи въ прилежащіе покои.*

КАРЛОСЪ.

Письмо ко мнѣ? Къ чему же этотъ ключъ?
Да и къ чему таинственность такая?
Приблизься, милый! Кто тебя послалъ?

ПАЖЪ *(таинственно).*

Какъ намекали мнѣ объ этомъ—дамѣ
Угодно быть угаданной.

КАРЛОСЪ.

Что? дама?

(Пристально осматриваетъ пажа).

Какъ? что? Кто жъ ты такой?

ПАЖЪ.

Я—пажъ ея
Величества...

КАРЛОСЪ *(испуганный, бросается на него и зажимаетъ ему ротъ).*

Молчи, несчастный! Стой! я знаю.

(Поспѣшно срываетъ печать и отходитъ на самый конецъ залы, чтобы прочесть письмо. Между тѣмъ герцогъ Альба, незамѣченный принцемъ, приходитъ мимо него въ покои королевы. Карлосъ сильно дрожитъ, то блѣднѣя, то краснѣя. Прочитавъ, онъ долго стоитъ безмолвный, устремивъ взоры на письмо. Наконецъ обращается къ пажу).

Она сама тебѣ письмо вручила?

ПАЖЪ.

Собственноручно, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Она сама
Тебѣ письмо вручила?—о! не смѣйся!
Я почерка ея еще не знаю.
Тебѣ я долженъ вѣрить—поклянись мнѣ...
Но если лжешь—признайся откровенно,
Не насмѣхайся надо мной!

ПАЖЪ.

Надъ кѣмъ?

КАРЛОСЪ *(снова смотритъ на письмо и осматриваетъ пажа сомнительнымъ, испытующимъ взглядомъ. Пройдя разъ по залѣ).*

Есть у тебя родители? Да? твой
Отецъ испанецъ? служитъ королю?

ПАЖЪ.

Онъ палъ при Сен-Кентенѣ... былъ полковникъ
У герцога Савойскаго, и звали
Его Алонзо графъ де-Ганарецъ.

КАРЛОСЪ *(взявъ его за руку, значительно устремляетъ на него взоръ).*

Письмо вручилъ тебѣ король?

ПАЖЪ *(обидясь).*

Принцъ, я
Не заслужилъ такого подозрѣнья.

КАРЛОСЪ *(читаетъ письмо).*

„Ключъ этотъ вамъ отворитъ двери заднихъ
„Покоевъ въ павильонѣ королевы.
„Изъ нихъ пройдете въ крайній кабинетъ,
„Куда еще не западали взоры
„Доносчика. Тамъ громко и свободно
„Любовь вамъ то откроетъ, что такъ долго

„Она лишь знаками одними выражала.
„Тамъ робкія услышатся признанья,
„Тамъ ждетъ страдальца лучшая награда“.
(Будто пробудившись отъ остолбенѣнія).
Нѣтъ, я не сплю, не брежу: это точно
Моя рука... вотъ мечъ мой... это точно
Написанныя строки. Это правда.—
Такъ я любимъ, любимъ! о!.. да, любимъ!
(Въ сильномъ волненіи ходитъ по комнатѣ, простирая руки къ небу).

ПАЖЪ.

Пожалуйте жъ, я проведу васъ, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Дай мнѣ сперва опомниться. Не бьются ль
Еще всѣ ужасы такого счастья
Въ груди моей? Надѣялся ль на то я?
Осмѣливался ль я мечтать объ этомъ?
Гдѣ человѣкъ, привыкшій видѣть Бога?
Чѣмъ былъ я, чѣмъ я сталъ теперь? Да это
Другое небо, это солнце—
Другое солнце: я любимъ!

ПАЖЪ *(хочетъ увести его).*

Принцъ, принцъ,
Не мѣсто здѣсь... забыли...

КАРЛОСЪ *(какъ будто окаменѣвъ отъ внезапной мысли).*

Короля?
Отца!
(Опускаетъ руки, дико смотритъ кругомъ и начинаетъ приходить въ себя).
Ужасно—да, ты правъ, ты правъ,
Мой милый: благодарствуй! Я теперь
Былъ точно внѣ себя. И мнѣ молчать,
Замуровать въ груди все счастье должно...
Да, это страшно, это точно страшно!
(Беретъ пажа за руку и отводитъ въ сторону).
Что видѣлъ ты... иль не видалъ... Смотри же,
Какъ въ гробѣ, въ сердцѣ схорони своемъ!
Теперь ступай. Я ужъ приду. Ступай.
Насъ не должны здѣсь вмѣстѣ видѣть. Прочь!

ПАЖЪ *(хочетъ итти).*

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ, погоди! послушай!
(Пажъ возвращается. Карлосъ кладетъ руку свою ему на плечо и серьезно, торжественно смотритъ ему въ лицо).
Ты уносишь
Съ собой одну изъ тѣхъ ужасныхъ тайнъ,
Которыя, подобно сильнымъ ядамъ,
Свои сосуды страшно разрываютъ.
Умѣй же ты владѣть собой. Твой умъ
Пусть никогда не знаетъ, что на сердцѣ
Хранится у тебя. Какъ мертвый рупоръ,
Пріемлющій и отдающій звуки,
Не слышитъ самъ ихъ, такъ и ты не слышь
ихъ.
Ты мальчикъ—будь же мальчикомъ и нынѣ,
И продолжай играть и веселиться.
Умно какъ выбрать вѣстника любви
Она умѣла. *Здѣсь* король своихъ
Ехиднъ не выбираетъ.

ПАЖЪ.

Принцъ, и я
Не перестану никогда гордиться,
Что тайною одной теперь богаче,
Чѣмъ самъ король испанскій.

КАРЛОСЪ.

Глупый малый,
Вотъ этого и долженъ ты бояться.
Случится ль намъ встрѣчаться при другихъ:
Ты робко, съ уваженьемъ обходиться
Со мною будешь. Какъ бы ни былъ принцъ
Съ тобою милостивъ, ты никогда
Не позволяй себѣ изъ самолюбья
Кивать мнѣ, знаки дѣлать. Ты, мой сынъ,
Ты никогда не согрѣшишь такъ тяжко,
Какъ если *мнѣ* понравишься. Что впредь
Ты мнѣ сказать захочешь, никогда
Не говори словами, языку
Не довѣряй. На общій путь всѣхъ мыслей
Да не войдетъ твое увѣдомленье.
Глазами говори, рѣсницей, пальцемъ.
Я ужъ пойму тебя. Вотъ видишь ли,
Здѣсь воздухъ, свѣтъ—Филиппа креатуры;
Нѣмымъ стѣнамъ—и тѣмъ онъ платитъ
деньги.
Сюда идутъ.
(Дверь, ведущая къ королевѣ, отворяется и герцогъ Альба входитъ).
Прочь! до свиданія!

ПАЖЪ.

Принцъ,
Но только въ комнатѣ не ошибитесь.
(Уходитъ).

КАРЛОСЪ.

Да, это герцогъ.
(Кричитъ ему)
Нѣтъ, нѣтъ!.. хорошо!
Я буду тамъ.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ. ГЕРЦОГЪ АЛЬБА.

АЛЬБА *(загораживаетъ ему дорогу).*

Свѣтлѣйшій принцъ, два слова.

КАРЛОСЪ.

Извольте... Хорошо... въ другой разъ.
(Хочетъ итти).

АЛЬБА.

Мѣсто,
Конечно, неудобно. Можетъ быть,

Свѣтлѣйшій принцъ, вамъ у себя угодно
Мнѣ подарить свиданье?

КАРЛОСЪ.

Для чего же?
И здѣсь мы можемъ объясниться. Только
Скорѣе, покороче.

АЛЬБА.

Что меня
Теперь приводитъ къ вамъ, свѣтлѣйшій принцъ,
Такъ это искренняя благодарность
Къ вамъ за извѣстное...

КАРЛОСЪ.

Какъ? благодарность?
Меня благодарить? За что же такъ?
Къ тому же, *ваша* благодарность, герцогъ?

АЛЬБА.

Вы не успѣли выйти отъ монарха,
Какъ онъ ужъ мнѣ и милость объявилъ.
Я ѣду въ Брюссель.

КАРЛОСЪ.

Въ Брюссель? поздравляю!

АЛЬБА.

Кому жъ я тѣмъ обязанъ, какъ не вамъ—
Не вашему предстательству у трона?

КАРЛОСЪ.

Мнѣ? только ужъ не мнѣ... не мнѣ, клянусь вамъ!
Вы ѣдете—такъ поѣзжайте съ Богомъ.

АЛЬБА.

И больше ничего! мнѣ это странно.
Свѣтлѣйшій принцъ, мнѣ больше ничего
Во Фландріи еще не поручите?

КАРЛОСЪ.

Чего жъ еще? чего же тамъ?

АЛЬБА.

Но намъ
Еще недавно всѣмъ казалось, будто
Судьба всѣхъ этихъ странъ нуждалась въ личномъ
Присутствіи донъ-Карлоса.

КАРЛОСЪ.

Какъ такъ?
Ахъ, да... да, правда... было что-то... Но
И *такъ* прекрасно—даже лучше, герцогъ.

АЛЬБА.

Я удивленъ...

КАРЛОСЪ *(съ ироніей)*.

Вы славный генералъ—
Кто этого не знаетъ? Даже зависть
Дастъ въ этомъ клятву. Я... я молодъ.
То жъ самое и самъ король подумалъ.
Король правъ совершенно, правъ кругомъ.
Теперь и я въ томъ сознаюсь—итакъ,
Довольно. Поѣзжайте съ Богомъ! Я
Теперь не въ силахъ, видите вы сами...
Мнѣ, право, некогда... О прочемъ завтра
Или когда угодно, иль когда
Воротитесь изъ Брюсселя...

АЛЬБА.

Какъ, принцъ?

КАРЛОСЪ

(послѣ нѣкотораго молчанія, видя, что герцогъ не уходитъ).

Вы запаслись прекрасною погодой—
Весной и лѣтомъ. Путь лежитъ вамъ, герцогъ,
Черезъ Миланъ, Лотрингію, Бургундью,
Германію... Германію? Такъ точно,
Въ Германіи то было: тамъ васъ знаютъ...
Теперь у насъ апрѣль; май, іюнь,—въ іюлѣ,
Такъ точно—въ іюлѣ, или позднимъ срокомъ—
Въ началѣ августа вы ужъ на мѣстѣ.
О! я не сомнѣваюсь, къ намъ дойти
Вѣсть о побѣдахъ вашихъ не замедлитъ.
Вы, герцогъ, не обманете, я знаю,
Довѣрья нашего.

АЛЬБА *(значительно)*.

Мнѣ ль это сдѣлать
Съ сознаніемъ ничтожности своей?

КАРЛОСЪ

(послѣ нѣкотораго молчанія, съ достоинствомъ и гордо).

Вы оскорбились, герцогъ?—и вы правы.
Со стороны моей—признаться долженъ—
Пощады мало было мечъ поднять
Противъ того, кто отразить его
Не можетъ.

АЛЬБА.

Что? не можетъ?

КАРЛОСЪ *(съ улыбкой подаетъ ему руку)*.

Жаль мнѣ, право,
Что именно теперь мнѣ недосугъ
Достойную борьбу окончить съ Альбой.
Въ другой разъ...

АЛЬБА.

Принцъ, мы оба обсчитались
Различнымъ образомъ. Вы, напримѣръ,
Вы видите себя на двадцать лѣтъ позднѣе,
Я васъ настолько жъ раньше.

КАРЛОСЪ.

Ну?

АЛЬБА.

Къ тому жъ на умъ мнѣ какъ-то вспало, сколько
Ночей съ своей супругой португальской,
Покойной вашей матерью, король
Не далъ бы, только бы добыть престолу
Такую руку, какъ моя, донъ-Карлосъ?
Ему, конечно, хорошо извѣстно,
Что легче государей создавать,
Чѣмъ государства; что скорѣе можно
Вселенную снабдить монархомъ,
Чѣмъ короля вселенной.

КАРЛОСЪ.

Правда, правда!
Но, герцогъ, но...

АЛЬБА.

И сколько крови, принцъ,
Народовъ вашихъ крови протекло,
Пока двѣ капли вамъ корону дали.

КАРЛОСЪ.

Ей-Богу, правы вы... и въ двухъ словахъ
Все сжато, чѣмъ заслуги гордость можетъ
Фортуны гордости колоть глаза.
Но приложенье, герцогъ Альба?

АЛЬБА.

Горе
Величеству—младенцу въ колыбели—
Когда надъ нянькою оно глумится!
Конечно, сладко спать ему на мягкой
Подушкѣ нашихъ подвиговъ, побѣдъ.
Въ коронѣ блещутъ жемчугъ, а не раны,
Не кровь, которыхъ стоили они.
Вотъ этотъ мечъ народамъ чужеземнымъ
Предписывалъ законы; онъ грозою
Блисталъ передъ распятьемъ; онъ провелъ
Бороздъ кровавыхъ много на землѣ
Къ посѣву зеренъ православной вѣры.
Богъ на небѣ судилъ, я—на землѣ...

КАРЛОСЪ.

Богъ или дьяволъ—все равно. Вы были
Его рукою правой. Знаю все.
Теперь ни слова болѣе, прошу васъ.
Мнѣ бъ не хотѣлось шевелить теперь
Однихъ воспоминаній... Уважаю
Я выборъ короля. Ему нужны
Здѣсь Альбы. Что они нужны, я въ томъ
Ему завидовать не стану. Вы
Великій человѣкъ. Пусть будетъ такъ,
Я даже вѣрю этому, но только
Мнѣ жаль, что нѣсколько тысячелѣтій—
Вы ранѣе явились въ жизни. Альба,
По моему, передъ кончиной свѣта
Ея пророкомъ долженъ бы родиться.
Тогда какъ мощный грѣхъ долготерпѣнье
Небесное все выгложетъ, и жатва
Злодѣйствъ высокимъ колосомъ возстанетъ
И будетъ ждать ужаснаго жнеца—
Тогда бы вы на мѣстѣ были! Боже!
Мой рай земной! Ты, Фландрія! Но полно!
Объ этомъ поздно думать. Вы, я слышалъ,
Съ собой запасъ кровавыхъ приговоровъ,
Заранѣе подписанныхъ, везете?
Предосторожность, точно, не дурная.
Къ тому жъ оно и какъ-то безопаснѣй:
Отъ всѣхъ интригъ и сплетней васъ избавитъ.
О, мой отецъ! какъ близоруко понялъ
Я мысль твою! Въ жестокости тебя
Я упрекнулъ за то, что ты мнѣ не далъ
Занятія, гдѣ блещутъ только Альбы?
То было—лишь началомъ уваженья.

АЛЬБА.

Принцъ, это слово стоило бъ...

КАРЛОСЪ (*вспыльчиво*).

Чего?

АЛЬБА.

Но васъ отъ *этого* спасаетъ только
Инфантъ испанскій.

КАРЛОСЪ (*хватается за мечъ*).

Это стоитъ крови!
Мечъ обнажайте, герцогъ!

АЛЬБА (*холодно*).

Противъ
Кого?

КАРЛОСЪ (*съ жаромъ приступая къ нему*).

Мечъ обнажайте, герцогъ Альба,
Не то убью васъ!

АЛЬБА (*вынимая мечъ*).

Если вы того
Хотите...

(*Дерутся*).

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

КОРОЛЕВА. ДОНЪ-КАРЛОСЪ. ГЕРЦОГЪ АЛЬБА.

КОРОЛЕВА (*въ испугѣ выходя изъ своихъ покоевъ*).

Шпаги на-голо!
(*Принцу, съ негодованіемъ и повелительнымъ голосомъ*).
Донъ-Карлосъ!

КАРЛОСЪ

(*внѣ себя отъ присутствія королевы, опускаетъ руку и стоитъ, какъ окаменѣлый, потомъ бѣжитъ къ герцогу и обнимаетъ его*).
Миръ, герцогъ, миръ! да будетъ все забыто!
(*Молча бросается къ ногамъ королевы, потомъ быстро вскакиваетъ и внѣ себя убѣгаетъ*).

АЛЬБА

(*стоитъ въ крайнемъ изумленіи и не спускаетъ глазъ съ нихъ*).
Предъ Богомъ, это странно!

КОРОЛЕВА

(*нѣсколько минутъ стоитъ въ безпокойствѣ и сомнѣніи; потомъ медленно идетъ къ дверямъ своихъ покоевъ и, дошедъ до нихъ, останавливается*).
Герцогъ Альба!
(*Герцогъ слѣдуетъ за нею*).

Кабинетъ принцессы Эболи.

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ПРИНЦЕССА, *изящно, но просто одѣтая, играетъ на лютнѣ и поетъ. Потомъ* ПАЖЪ *королевы.*

ПРИНЦЕССА *(быстро вскакиваетъ).*
Идетъ!

ПАЖЪ *(вертляво).*
Какъ, вы однѣ? Я удивляюсь,
Что здѣсь его не вижу; но онъ вмигъ
Явиться долженъ.

ПРИНЦЕССА.
Долженъ? Стало-быть,
Онъ также *хочетъ?*... Значитъ рѣшено?

ПАЖЪ.
За мной идетъ онъ. О, принцесса! вы
Любимы... такъ любимы... такъ любимы,
Какъ не были еще, да и не быть вамъ.
Какую сцену видѣлъ я!

ПРИНЦЕССА
(съ нетерпѣніемъ привлекаетъ его къ себѣ)
Скорѣе!
Ты говорилъ съ нимъ? Говори! что жъ онъ
Сказалъ? какъ принялъ это? что сказалъ онъ?
Онъ покраснѣлъ? онъ удивился? Онъ
Узналъ ли даму? Говори же—нѣтъ?
Узналъ? иль вовсе не хотѣлъ узнать?
Или узналъ другую? Да скажи же
Хоть слово ты! Стыдись, стыдись:
Такимъ несноснымъ никогда ты не былъ.

ПАЖЪ.
Да вы мнѣ сами не даете слова
Сказать, принцесса. Я ему отдалъ
Письмо и ключъ въ пріемной королевы.
Онъ удивился и взглянулъ въ лицо мнѣ,
Когда узналъ, что дама шлетъ меня.

ПРИНЦЕССА.
Онъ удивился? Хорошо! прекрасно!
Но дальше, что же дальше?

ПАЖЪ.
Я хотѣлъ
Было сказать и болѣе; но онъ
Вдругъ поблѣднѣлъ и вырвалъ у меня
Письмо изъ рукъ, причемъ взглянулъ такъ грозно...
Потомъ, сказавъ, что все ему извѣстно,
Письмо прочелъ онъ съ крайнимъ изумленьемъ...
И началъ весь дрожать.

ПРИНЦЕССА.
Ему извѣстно?
Ему извѣстно все? Да полно—такъ ли
Тебѣ сказалъ онъ?

ПАЖЪ.
И спросилъ меня
Три иль четыре раза—сами ль вы,
И точно ль сами мнѣ письмо вручили?

ПРИНЦЕССА.
Сама ли? стало быть, меня назвалъ онъ?

ПАЖЪ.
По имени? нѣтъ не назвалъ. „Насъ могутъ
Подслушать", онъ сказалъ, „и донести
Его величеству".

ПРИНЦЕССА *(съ изумленіемъ).*
Сказалъ онъ это?

ПАЖЪ.
Сказалъ, что королю всего важнѣе,
И любопытнѣе, и интереснѣй
Вѣсть о запискѣ вашей.

ПРИНЦЕССА.
Королю?
Да такъ ли ты разслышалъ? королю?
Да полно—такъ ли выразился онъ?

ПАЖЪ.
Такъ точно. Назвалъ это страшной тайной,—
Наказывалъ мнѣ взглядами, словами
Не измѣнить ему, быть осторожнѣй,
Чтобъ—Боже сохрани—король не сталъ
Подозрѣвать.

ПРИНЦЕССА
(послѣ нѣкотораго молчанія, въ изумленіи).
Всѣ признаки. Не можетъ
Быть иначе: онъ знаетъ все... А странно!
Кто жъ это разсказалъ ему? Кто жъ это?
Какъ будто я не знаю! Кто жъ такъ зорко,
Такъ вѣрно смотритъ, какъ не глазъ любви?
Но дальше продолжай: читалъ письмо онъ?

ПАЖЪ.
Письмо? „Въ письмѣ блаженство, предъ которымъ
Я долженъ трепетать, сказалъ онъ: это
Мнѣ и во снѣ не снилось". Тутъ, къ несчастью,
Явился герцогъ Альба; ну и мы...

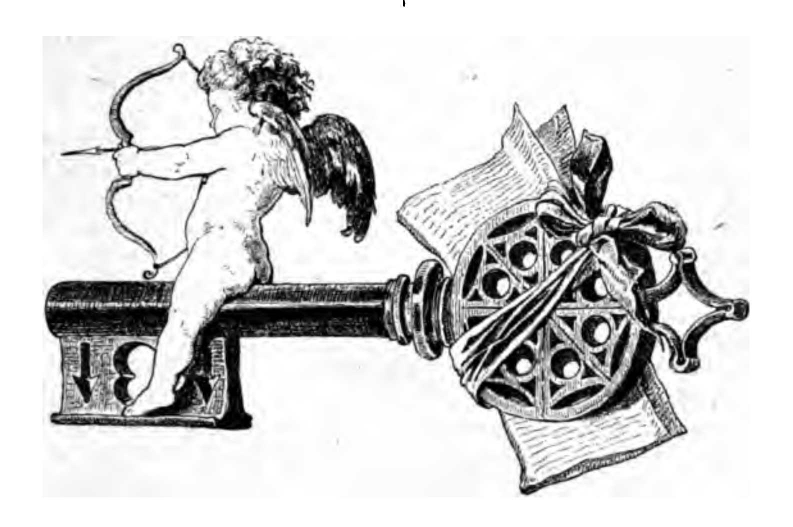
ПРИНЦЕССА *(съ досадой).*
Какой тутъ герцогъ, ради всѣхъ святыхъ!
Но гдѣ же онъ? что жъ медлитъ? Почему
Онъ не приходитъ? Видишь ли, какъ можно
Тебя легко провесть? А какъ онъ счастливъ
Ужъ быть бы могъ, пока мы здѣсь о томъ
Болтаемъ, что онъ будетъ счастливъ!

ПАЖЪ.
Герцогъ,
Боюсь...

ПРИНЦЕССА.
Опять ты съ герцогомъ своимъ!
Причемъ онъ *здѣсь*? Что воину за дѣло
До моего безвреднаго блаженства?
Оставить могъ онъ Альбу, отослать.
Кого жъ не отсылаютъ иногда?
О, право, принцъ твой такъ же и любовь
Превратно понимаетъ, какъ и женщинъ.

Не знаю, что минуты значатъ... Тише!
Чу! идутъ! Прочь! То принцъ.
(Пажъ убѣгаетъ).

Бѣги! бѣги!
Гдѣ жъ лютня? Я какъ-будто удивляюсь.
Мнѣ надо пѣснью знакъ подать.



ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Принцесса *и вскорѣ потомъ* донъ-Карлосъ.

ПРИНЦЕССА
(полулежится на оттоманку и играетъ).

КАРЛОСЪ
(врывается, узнаетъ принцессу и стоитъ, какъ громомъ пораженный).
О, Боже!
Гдѣ я?

ПРИНЦЕССА
(роняетъ лютню и бѣжитъ ему навстрѣчу).
Принцъ Карлосъ? Да, и въ самомъ дѣлѣ!

КАРЛОСЪ.
Гдѣ я? Обманъ ужасный!.. Я ошибся,
Я не туда попалъ.

ПРИНЦЕССА.
О! какъ умѣетъ
Принцъ Карлосъ ловко подмѣчать покои,
Гдѣ дамы безъ свидѣтелей!

КАРЛОСЪ.
Принцесса,
Я виноватъ, принцесса... я... Въ пріемной
Дверь отперта была...

ПРИНЦЕССА.
Возможно ль принцъ?
Мнѣ кажется, я заперла ее.

КАРЛОСЪ.
Вамъ это только кажется, вамъ только
Такъ показалось, но на самомъ дѣлѣ
Вы ошибаетесь. Хотѣли запереть—
Да въ этомъ я согласенъ, вѣрю вамъ...
Но заперли?—не заперли, увѣрить
Могу васъ въ этомъ! Вдругъ я слышу, кто-то
На лютнѣ, кажется, играетъ... Такъ,
Принцесса? вѣдь на лютнѣ?
(Съ сомнѣніемъ осматривается).
Точно! тамъ
Лежитъ она... а лютню, знаетъ Богъ,
Люблю я до безумья. Я—весь слухъ,
Я все забылъ, врываюсь въ кабинетъ,
Чтобъ посмотрѣть волшебницѣ въ глаза,
Что такъ небесно тронула меня,
Такъ сильно, мощно мною овладѣла...

ПРИНЦЕССА.
Какое любопытство! И его,
Признайтесь, принцъ, вы скоро утолили.
(Послѣ нѣкотораго молчанія значительно).
О, уважать должна я человѣка,
Кто чтобъ избавить женщину отъ краски,
Такою ложью путаетъ себя.

КАРЛОСЪ *(простодушно).*
Принцесса, вижу самъ, я только порчу,
Не поправляю. Ужъ избавьте лучше
Меня отъ роли, для которой я
Нисколько не гожусь. Вы здѣсь искали
Убѣжища отъ свѣта. Здѣсь хотѣли
Вдали отъ любопытныхъ глазъ людей
Пожить для тихихъ сердца упованій.
Я, сынъ несчастія, вошелъ—и вотъ
Прекрасный сонъ разрушенъ. Но за-то
Себя я долженъ скорымъ удаленьемъ...
(Хочетъ итти).

ПРИНЦЕССА *(удивлена, озадачена, но мгновенно приходитъ въ себя).*
Принцъ... о, вы злы!

КАРЛОСЪ.
Принцесса, понимаю,

Что *этотъ* взглядъ, и въ этомъ мѣстѣ значитъ,
И эту добродѣтельную робость
Я уважаю. Горе человѣку,
Кого румянецъ женскій ободряетъ!
Я трушу, если женщины боятся
Меня.

ПРИНЦЕССА.

Возможно ли? Стыдливость, право,
Чрезмѣрная для юноши и принца.
Да, принцъ, теперь должны вы у меня
Остаться; я теперь сама объ этомъ
Прошу: предъ добродѣтелью такою
Страхъ каждой дѣвушки пройдетъ мгновенно.
Но знаете ль, что вашъ приходъ внезапный
Меня засталъ за аріей любимой?
(Подводитъ его къ софѣ и беретъ лютню).
А пѣсню, принцъ, ужъ я спою въ другой разъ,
Вамъ въ наказанье.

КАРЛОСЪ *(садится не безъ принужденія возлѣ принцессы).*

Наказанье столь же
Желанное, какъ и проступокъ. Право,
Слова мнѣ такъ понравились, такъ были
Божественно-прекрасны, что я снова
Готовъ васъ слушать.

ПРИНЦЕССА.

Какъ? вы все слыхали?
Не хорошо! Мнѣ помнится, донъ-Карлосъ,
Здѣсь рѣчь идетъ о пламенной любви?

КАРЛОСЪ.

И о счастливой, кажется, принцесса...
Прекрасный текстъ въ такихъ устахъ прекрасныхъ,
Хоть красоты и больше въ немъ, чѣмъ правды.

ПРИНЦЕССА.

Чѣмъ правды? какъ? вы усумнились, принцъ?

КАРЛОСЪ *(серьезно).*

Я сомнѣваюсь, милая принцесса,
Чтобъ мы другъ друга поняли, когда бы
Рѣчь о любви зашла.
(Принцесса изумляется; онъ замѣчаетъ это и продолжаетъ съ легкою любезностью).
И точно, кто же
Повѣритъ этимъ розовымъ щекамъ,
Что эту грудь уже взрывали страсти?
И можетъ ли напрасно, безотвѣтно
Вздыхать принцесса Эболи? Любовь
Лишь знаетъ тотъ, кто любитъ безнадежно.

ПРИНЦЕССА *(съ своею прежнею веселостью).*

О, полноте! да это просто страсти!
И эта кара нынче, какъ нарочно,
Какъ бы на зло пристала нынче къ вамъ!
(Беретъ его за руки съ ласковымъ участіемъ).
Но вы не веселы, мой принцъ... грустите...
И точно вы грустите! Боже мой!
Но отчего жъ грустить вамъ, принцъ? При этомъ
Призваньи громкомъ къ наслажденьямъ свѣта,
При всѣхъ дарахъ природы благосклонной,
И правѣ всемъ на радость, счастье въ жизни?
Вы—царскій сынъ и *болѣе* того,
Гораздо болѣе—ужъ съ самой колыбели
Осыпанный дарами, отъ которыхъ
Блескъ самый сана вашего темнѣетъ?
Вы, у кого въ совѣтѣ строгомъ женщинъ
Подкуплены всѣ судьи, у которыхъ
Достоинство мужчинъ и слава строгій
Выдерживаютъ смотръ? Кто лишь *замѣтитъ*—
И побѣдитъ, *воспламеняетъ* тамъ,
Гдѣ самъ онъ холоденъ, а если самъ
Воспламенится, то даритъ ужъ раемъ,
Даритъ боговъ блаженствомъ. Человѣкъ,
Кого природа къ счастію милліоновъ
И *нѣсколькихъ* украсила равно
Дарами, тотъ несчастливъ самъ? О, Боже!
Ты, даровавши все ему, зачѣмъ,
Зачѣмъ въ глазахъ ему Ты отказалъ
Его побѣды видѣть?

КАРЛОСЪ

(который все это время былъ погруженъ въ глубокую разсѣянность, вдругъ приходитъ въ себя отъ молчанія принцессы и вскакиваетъ).

Превосходно!
Неподражаемо, принцесса! Спойте
Еще разъ это мѣсто.

ПРИНЦЕССА *(въ изумленіи смотритъ на него).*

Карлосъ, гдѣ жъ—
Гдѣ жъ были вы теперь?

КАРЛОСЪ *(вскакивая).*

Ахъ, Боже мой!
Вы кстати мнѣ напомнили. Я долженъ
Итти, я долженъ...

ПРИНЦЕССА *(удерживая его).*

Принцъ, куда?

КАРЛОСЪ *(въ ужасномъ томленіи).*

Туда.
На воздухъ. Такъ позвольте жъ мнѣ, принцесса,
Уйти отъ васъ. Мнѣ мнится, цѣлый міръ
Весь въ пламени, въ дыму бѣжитъ за мною.

ПРИНЦЕССА *(насильно его удерживаетъ).*

Что съ вами, принцъ? Какое обращенье?
(Карлосъ останавливается и погружается въ задумчивость. Она пользуется этой минутой и привлекаетъ его на софу).
Покой вамъ нуженъ, Карлосъ. Ваша кровь
Теперь въ волненіи... Садитесь... такъ...
Прочь этотъ бредъ горячечный и мрачный!
Спросите вы себя—вашъ умъ навѣрно

Не знаетъ самъ, о чемъ тоскуетъ?
А если онъ и знаетъ, такъ ужели
Изъ всѣхъ придворныхъ рыцарей никто,
Никто изъ женщинъ всѣхъ васъ излѣчить...
Понять, хотѣла я сказать... никто
Здѣсь недостоинъ?

КАРЛОСЪ *(разсѣянно, безсмысленно).*

Можетъ быть, одна
Принцесса Эболи.

ПРИНЦЕССА.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ?

КАРЛОСЪ.

Прошу васъ, дайте нѣсколько лишь строчекъ
Рекомендательныхъ къ Филиппу; вы...
Вы сильны, говорятъ.

ПРИНЦЕССА.

Такъ стало быть
Ты онѣмѣлъ отъ подозрѣнья!

КАРЛОСЪ.

Новость
Теперь въ ходу ужъ, вѣроятно. Мнѣ
Пришло на мысль отправиться въ Брабантъ,
Чтобъ... заслужить хоть шпоры. Мой отецъ
Того не хочетъ. Батюшка боится,
Чтобъ отъ командѣ громкой не охрипъ
Мой голосъ.

ПРИНЦЕССА.

Вашъ разсчетъ не вѣренъ, Карлосъ.
Признайтесь, вы хотите отъ меня
Лишь ускользнуть съ змѣиною уловкой.
Взгляните на меня, притворщикъ: глазъ
На глазъ. Кто лишь о подвигахъ мечтаетъ,
Тотъ—сами вы признайтесь—низойдетъ ли
Тотъ до того, чтобъ ленты красть у дамъ
И—вы меня простите—
(въ то время, какъ она легкимъ движеніемъ пальцевъ отстегиваетъ воротникъ его рубашки и вынимаетъ оттуда ленточный бантикъ)
их хранить,
Какъ драгоцѣнность, прятать, какъ святыню?

КАРЛОСЪ *(отступая съ удивленіемъ).*

Принцесса! Нѣтъ ужъ слишкомъ. Видно,
Мнѣ измѣнили. Васъ не проведешь.
Вы съ демономъ, вы съ духами стакнулись.

ПРИНЦЕССА.

Васъ удивляетъ это? удивляетъ?
На что хотите биться, я сзову
Къ вамъ въ сердце случаи, былыя сцены...
Попробуйте, спросите что-нибудь.
Когда всѣ странности каприза, звукъ,
На воздухъ мелькомъ брошенный, улыбка,
Смахнутая серьезностью внезапной,
Когда ужъ самыя явленья, жесты,
Гдѣ не было ни тѣни васъ самихъ,
Когда все это отъ меня не скрылось,
Судите жъ сами, поняла ль я васъ,
Гдѣ вы понятнымъ только быть хотѣли?

КАРЛОСЪ.

Да, правда, это много. Хорошо,
Я вашъ закладъ, принцесса, принимаю.
Вы въ сердцѣ у меня хотѣли много
Открытій сдѣлать, о которыхъ самъ
Я никогда не вѣдалъ.

ПРИНЦЕССА *(немного обиженно и серьезно).*

Никогда, принцъ!
А вспомните! подумайте! Вы здѣсь
Не въ комнатахъ у королевы, принцъ,
Гдѣ нужно иногда немного маски,
Похвально даже. Вы изумлены?
Вы вспыхнули внезапно? О! конечно,
Кто жъ такъ уменъ, такъ дерзокъ, такъ свободенъ,
Что будетъ замѣчать за Карломъ, если
Самъ Карлъ того не хочетъ? Кто жъ могъ видѣть,
Какъ на послѣднемъ балѣ королеву
Средь танца бросилъ онъ, другую пару
Расторгъ и, вмѣсто августѣйшей дамы
Своей, принцессѣ Эболи далъ руку?
Ошибка, принцъ, которую король,
Тогда вошедшій въ залу, самъ замѣтилъ.

КАРЛОСЪ *(съ иронической улыбкой).*

И даже *онъ*? Признаюсь вамъ, принцесса,
Объ *немъ-то* я и не подумалъ.

ПРИНЦЕССА.

Также
Какъ и въ капеллѣ королевской... Карлосъ
И это также позабылъ? У ногъ
Небесной Дѣвы вы лежали; жарко
Лилась изъ устъ молитва; вдругъ—вы въ этомъ
Не виноваты, правда—платья дамъ
Таинственно за вами зашумѣли.
И вотъ неустрашимый сынъ Филиппа,
Какъ еретикъ передъ судомъ священнымъ,
Вдругъ задрожалъ: отравленной молитвы
Послѣдній звукъ слетѣлъ съ поблекшихъ губъ,
Въ припадкѣ страсти... Вы тогда до слезъ
Шутили, принцъ... берете жадно руку,
Холодную святой Мадонны руку—
И поцѣлуевъ пламя грѣетъ мраморъ...

КАРЛОСЪ.

Одна лишь набожность, принцесса... вѣрьте!

ПРИНЦЕССА.

Тогда другое дѣло, принцъ... тогда,
Конечно, ужъ изъ страха проиграть
Случилось, что принцъ Карлосъ, съ королевой
И мной играя, съ ловкостію рѣдкой
Похитилъ у меня перчатку эту.

(Карлосъ ошеломленный вскакиваетъ).

Но тутъ же такъ былъ вѣжливъ и любезенъ,
Что сдѣлалъ ходъ съ нея на мѣсто карты.

КАРЛОСЪ.

О, Боже милосердый! что я сдѣлалъ?

ПРИНЦЕССА.

Да то, въ чемъ вы сознаетесь, надѣюсь.
Какъ испугалась я, когда нежданно
Мнѣ письмецо попалось, что въ перчатку
Умѣли вы вложить. То былъ романсъ
Прекрасный, принцъ, который я сейчасъ же...

КАРЛОСЪ *(быстро перебивая ее).*

Поэзія... не больше! .. Въ головѣ
Моей всплываютъ часто пузыри
Престранные и лопаются тутъ же.
Вотъ вамъ и все тутъ. Полно же объ этомъ.

ПРИНЦЕССА

(въ удивленіи отходитъ отъ него и издали пристально за нимъ наблюдаетъ).

Я истощилася... Онъ, какъ змѣя,
Увертливъ... не схватить! Чудакъ...

(Помолчавъ).

Что жъ это?
Ужъ не чрезмѣрная ль мужская гордость,
Которая, чтобъ больше насладиться,
Застѣнчивости маску надѣваетъ?
(Опять приближается къ принцу и сомнительно смотритъ на него).
Такъ объяснитесь, принцъ. Я здѣсь стою,
Какъ передъ шкафомъ, замкнутымъ волшебно,
Къ которому ключи мои негодны.

КАРЛОСЪ.

Какъ я предъ вами.

ПРИНЦЕССА

(быстро отъ него отходитъ и молча прохаживается взадъ и впередъ по кабинету и, кажется, размышляетъ о чемъ-то важномъ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго молчанія, важно и торжественно).

Будь, что будетъ! Я
Рѣшаюсь вамъ открыться наконецъ.
Своимъ судьей васъ, принцъ, я избираю.
Вы благородный человѣкъ—вы мужъ,
Вы рыцарь. Къ вамъ на грудь бросаюсь я.
Вы, принцъ, меня спасете, а нельзя
Спасти меня—поплачете со мною.
(Принцъ приближается къ ней съ удивленіемъ, полнымъ участія и любопытства).
Одинъ придворный проситъ у Филиппа
Руки моей—Рюй-Гомецъ, графъ де-Сильва.
Король согласенъ, конченъ торгъ ужасный
И продана я твари.

КАРЛОСЪ *(сильно потрясенный).*

Продана?
И снова продана? и снова тѣмъ же
Барышникомъ, извѣстнымъ всѣмъ на югѣ!

ПРИНЦЕССА.

Нѣтъ, выслушайте, принцъ. О! мало
Того, что въ жертву я принесена,
Моя невинность тутъ не безопасна...
Вотъ этотъ листъ съ святоши сниметъ маску...
(Карлосъ беретъ бумагу и, въ нетерпѣніи слышать разсказъ, забываетъ прочесть ее).
Кто здѣсь спасетъ меня? До этихъ поръ
Меня хранила гордость, добродѣтель;
Но наконецъ...

КАРЛОСЪ.

Вы пали? пали вы?
Нѣтъ, нѣтъ! О ради Бога!..

ПРИНЦЕССА *(гордо и благородно).*

Съ *кѣмъ* пала я?
Какая пошлость! И какъ жалки мысли
Такія у великихъ духомъ! Какъ?
Приравнивать расположенье женщинъ,
Восторгъ любви—товару! Словно можно
Его купить, поторговавшись! Но
На всей землѣ одинъ лишь онъ не знаетъ
Купца другого, какъ себя. Любовь—
Любви цѣна. Она—алмазъ безцѣнный,
Который *подарю*, иль безъ раздѣла
Зарою я, какъ тотъ купецъ великій,
Что, не прельстясь всѣмъ золотомъ Ріальто,
Безцѣнную жемчужину свою
На дно морское бросилъ, но не продалъ
Ее съ обиднымъ для себя убыткомъ.

КАРЛОСЪ *(про себя).*

Клянуся, эта женщина прекрасна!

ПРИНЦЕССА.

Пусть то тщеславье, вѣтренность, капризъ.
Я не *дѣлю* блаженства. Человѣку
Единому, избранному душою,
За все я все отдамъ. Я подарю,
Но разъ, на вѣчно. Одного лишь только
Собой я осчастливлю—одного—
Но небомъ сдѣлаюсь его. Сердецъ
Согласное біенье, поцѣлуй,
Часовъ забвенья сладкое блаженство,
Все волшебство небесной красоты—
Лишь *одного* луча родныя краски,
Лишь *одного* цвѣтка листы. И я,
Я, какъ слѣпая, вырванный листокъ
Изъ этой полной чаши подарю?
Я женщины величество святое,
Я лучшее созданіе небесъ
Сгублю, чтобъ усладить ночь сластолюбца?

КАРЛОСЪ *(про себя).*

Невѣроятно! Дѣвушка такая
Была въ Мадритѣ—и сегодня только
Я узнаю объ этомъ?

ПРИНЦЕССА.

Этотъ дворъ
Я ужъ давно оставила-бъ, давно бы
Въ святыхъ стѣнахъ себя похоронила;
Но у меня есть связь одна, что къ свѣту
Меня влечетъ неодолимо. Ахъ!

Быть можетъ призракъ... но онъ такъ мнѣ дорогъ...
Я здѣсь люблю и—не любима.

КАРЛОСЪ *(съ жаромъ подходитъ къ ней).*

Любимы! какъ на небѣ Богъ, то правда!
Клянусь вамъ, вы любимы!

ПРИНЦЕССА.

Вы?
Вы въ томъ клянетесь? Ангельскіе звуки!
Да, если вы клянетесь, Карлосъ, то
Я вѣрю—я любима.

КАРЛОСЪ

(исполненный нѣжности заключаетъ ее въ объятія).

Милый ангелъ!
Благоуханное созданіе! Я здѣсь—
Весь слухъ, весь глазъ, весь упоенье, весь
Восторгъ. Кто жъ могъ бы васъ увидѣть, кто же
Подъ этимъ небомъ могъ бы васъ увидѣть
И увѣрять, что онъ не зналъ любви?
Но здѣсь, въ Мадритѣ, при дворѣ Филиппа,
Чего, прекрасный ангелъ, ищешь ты?
Не для такихъ цвѣтовъ мадритскій воздухъ.
Они ль ихъ станутъ рвать? Они бы стали...
О! я охотно вѣрю... но не быть
Тому, клянуся жизнію, не быть!
Я обниму тебя, я на рукахъ
Тебя самъ вынесу изъ тьмы кромѣшной.
Дай мнѣ быть ангеломъ твоимъ.

ПРИНЦЕССА *(со взглядомъ полнымъ любви).*

О, Карлосъ!
Какъ я васъ мало знала! Какъ богато,
Какъ безгранично много ваше сердце
За трудъ понять себя даетъ въ награду!
(Беретъ его руку и хочетъ поцѣловать ее).

КАРЛОСЪ *(отдергивая руку).*

Принцесса, что вы?

ПРИНЦЕССА

(граціозно и пристально смотря на его руку).

Какъ она прекрасна!
О, какъ богата! Эта, принцъ, рука
Сжимаетъ два подарка драгоцѣнныхъ—
Престолъ и сердце Карла.. и *одной*,
Быть можетъ, смертной оба вдругъ!... *Одной?*
Большой, божественно большой подарокъ!
Не слишкомъ ли великій для *одной*
Не раздѣлить ли лучше вамъ его?
Повѣрьте, дурно любятъ королевы;
Любовь не знаетъ толку въ діадемахъ,
Такъ сдѣлайте жъ раздѣлъ, принцъ, и сейчасъ же,
Сейчасъ же, принцъ! Иль онъ ужъ вами сдѣланъ?
Онъ, правду сдѣланъ? О, тѣмъ лучше!
И кто же та счастливица?

КАРЛОСЪ.

Узнай же!
Тебѣ— ты чистая душа—тебѣ
Откроюсь я, невинности прекрасной,
Природѣ неразвѣнчанной откроюсь,
Здѣсь при дворѣ лишь ты чиста, одну тебя
Моя душа такъ братски понимаетъ.
Такъ слушай же: не отпираюсь—я
Люблю!

ПРИНЦЕССА.

Жестокій человѣкъ! Такъ трудно
Тебѣ признанье было? Мнѣ ль себя считать
Несчастной, если ты меня находишь
Любви достойной?

КАРЛОСЪ *(озадаченный).*

Что? что это?

ПРИНЦЕССА.

Такъ
Играть со мной! О! принцъ, не хорошо
Такъ поступать... и даже отъ ключа
Отречься!

КАРЛОСЪ.

Ключъ! ключъ!
(Послѣ мрачнаго раздумья).
Да... такъ, точно... Вижу...
О, Боже! Боже мой!
(Колѣни его дрожатъ; онъ придерживается за стулъ и закрываетъ лицо. Долгое молчаніе съ обѣихъ сторонъ. Принцесса вскрикиваетъ и падаетъ).

ПРИНЦЕССА.

Ужасно! что
Я сдѣлала?

КАРЛОСЪ

(приподнимаясь съ порывомъ глубочайшей горести).

Такъ глубоко пасть съ неба!...
О, это страшно!

ПРИНЦЕССА *(закрывая голову).*

Что я слышу? Боже!

КАРЛОСЪ *(падая къ ногамъ ея).*

Принцесса, я не виноватъ... любовь...
Несчастное недоумѣнье. Богъ свидѣтель—
Не виноватъ я!

ПРИНЦЕССА *(отталкиваетъ его).*

Съ глазъ моихъ уйдите!
О, ради Бога!...

КАРЛОСЪ.

Никогда! Оставить
Васъ здѣсь въ такомъ ужасномъ положеньи.

ПРИНЦЕССА *(съ силою отталкиваетъ его).*

Изъ милости, изъ состраданья, принцъ,
Прочь съ глазъ моихъ! Убить меня
Хотите вы? Я ненавижу васъ!
(Карлосъ хочетъ итти).
Письмо и ключъ отдайте мнѣ назадъ.
Письмо другое также... гдѣ оно?

КАРЛОСЪ.

Другое? Какое другое?

ПРИНЦЕССА.

От Филиппа.

КАРЛОСЪ (*вздрагивая*).

Что? отъ кого?

ПРИНЦЕССА.

Что я сейчасъ дала вамъ.

КАРЛОСЪ.

Отъ короля? къ кому же? къ вамъ.

ПРИНЦЕССА.

О, Боже!
Какъ страшно я запуталась! Письмо!
Скорѣй письмо! Оно мнѣ нужно, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Отъ короля и къ вамъ?

ПРИНЦЕССА.

Письмо! письмо!
Во имя всѣхъ святыхъ!

КАРЛОСЪ.

Что маску можетъ
Сорвать съ извѣстнаго... вотъ это?

ПРИНЦЕССА.

Я
Погибла!... Дайте мнѣ его!

КАРЛОСЪ.

Письмо...

ПРИНЦЕССА (*въ отчаяніи ломая руки*).

Что сдѣлала я, Боже всемогущій!

КАРЛОСЪ.

Письмо—отъ короля? Ну да, принцесса,
Конечно, это все перемѣняетъ.
(*Радостно держа письмо въ рукѣ*).
Да, то неоцѣненное письмо.
Тяжелое, волшебное письмо,
Для выкупа котораго короны
Филиппа всѣ и пусты, и легки.
Письмо я *это* у себя оставлю.
(*Уходитъ*).

ПРИНЦЕССА (*силясь загородить ему дорогу*).

Великій Боже, я погибла!

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРИНЦЕССА *одна*.

(*Она стоитъ еще пораженная, внѣ себя; по выходѣ его, она бѣжитъ за нимъ и хочетъ воротить*).

Принцъ, воротитесь! выслушайте, принцъ!
Ушелъ! Всѣ къ одному! Онъ презираетъ
Меня—и въ одиночествѣ ужасномъ
Я остаюсь... отвергнута на вѣкъ,
Покинута...
(*Падаетъ въ кресло. Послѣ нѣкотораго молчанія*).
Нѣтъ! вытѣснена только
Соперницей. Онъ любитъ. Нѣтъ сомнѣнья.
Онъ самъ признался въ томъ. Но кто же эта
Счастливица? Какъ видно, любитъ онъ,
Кого любить не долженъ! Онъ боится
Открытій. Страсть его дрожитъ, трепещетъ
Предъ королемъ. Зачѣмъ же передъ нимъ,
Когда давно ужъ онъ того желаетъ?
Иль не отца боится онъ въ отцѣ?
Когда узналъ о страсти короля онъ,
Глаза его внезапно просіяли;
Онъ вспыхнулъ весь отъ радости, блаженства...
Какъ это въ немъ умолкла добродѣтель
Тутъ именно?... Что пользы въ томъ ему,
Что сталъ король невѣренъ королевѣ?
(*Внезапно умолкаетъ, будто пораженная мыслью. Вмѣстѣ съ этимъ срываетъ съ груди ленту, отданную ей Карлосомъ, быстро осматриваетъ и узнаетъ ее*).
О, я безумная! Теперь, теперь лишь...
И я не замѣчала? Лишь теперь
Мои глаза все видѣть начинаютъ!
Они уже давно любили... прежде,
Чѣмъ въ бракъ король вступилъ съ ней.
Безъ нея
Принцъ никогда еще меня не видѣлъ.
Такъ къ ней одной все это относилось,
Все, что меня на мысли наводило
Что такъ сердечно, пламенно, такъ нѣжно
Я имъ любима? О! обманъ
Ужасный, безпримѣрный! И еще
Я ей открылась въ слабости своей...
(*Молчаніе*).
Чтобъ безъ надежды всякой онъ любилъ—
Не вѣрится мнѣ что-то. Безнадежной
Любви не выдержать борьбы подобной.
Въ блаженствѣ утопать, гдѣ самъ король,
Сильнѣйшій въ цѣломъ свѣтѣ, тщетно страждетъ.
Нѣтъ, нѣтъ! страсть безнадежная такихъ
Жертвъ не приноситъ. Какъ горячъ, какъ жгучъ
Былъ поцѣлуй его! Какъ нѣжно онъ
Меня прижалъ къ взволнованной груди!
О! испытанье было слишкомъ сильно
Для чисто-платонической любви,
Любви безъ ласкъ взаимныхъ, безъ отвѣта!
Онъ принимаетъ ключъ, что, по догадкамъ,
Ему шлетъ королева.—Бѣдный, вѣритъ
Любви такому смѣлому поступку!—
Приходитъ, да, приходитъ, въ самомъ дѣлѣ.
Приходитъ... Стало-быть, онъ въ ней увѣренъ.
Онъ не пришелъ бы, если бъ что-нибудь
Его къ тому не ободряло. Ясно,

Какъ день: ему внимаютъ, онъ любимъ.
Клянусь душой, святоша эта любитъ!
О, какъ хитра она! Я трепетала,
Я, я сама предъ пугаломъ ея
Высокой добродѣтели. Блистала
Она явленьемъ свѣтлымъ предо мною;
Потухла вся въ ея сіяньи я;
Завидовала ей въ покоѣ этомъ,
Натуръ земныхъ волненью непричастномъ—
И это все лишь маской было. Ей
Полакомиться съ двухъ столовъ хотѣлось:
Хотѣлось блескъ божественный носить
И, вмѣстѣ съ тѣмъ, вкушать исподтишка
Порока лакомства. И ей пройдетъ
То даромъ? Ей удастся это?
Обманщицѣ никто не отомститъ?
Удастся, потому что не найдетъ
Она здѣсь мстителя? Нѣтъ, нѣтъ клянусь!
Я ей молилась... но теперь отмщу!
Король узнаетъ весь обманъ... Король?
(Послѣ нѣкотораго молчанія).
Да, такъ... вотъ путь до слуха короля.
(Уходитъ).

Комната въ королевскомъ дворцѣ.

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Герцогъ Альба. Патеръ Доминго.

ДОМИНГО.
Что вамъ угодно мнѣ сказать?
АЛЬБА.
Одно
Открытіе, что сдѣлалъ я сегодня
И о которомъ ваше мнѣнье очень
Хотѣлъ бы знать я.
ДОМИНГО.
Важное открытье?
Чтобъ это быть могло—не знаю.
АЛЬБА.
Карлосъ
И я встрѣчаемся сегодня утромъ
Въ пріемной королевы. Оскорбляетъ
Меня онъ. Мы погорячились. Споръ нашъ
Становится немного крупнымъ. Мы
Беремся за мечи. На шумъ приходитъ
Ея величество, бросается межъ нами—
И смотритъ съ деспотическою властью
На принца. Взглядъ одинъ лишь—и его
Рука нѣмѣетъ, онъ бѣжитъ ко мнѣ
Въ объятья... поцѣлуй я ощущаю...
Онъ исчезаетъ.

ДОМИНГО *(послѣ нѣкотораго молчанія).*
Правда, тутъ не чисто.
Вы, герцогъ, мнѣ напомнили кой-что.
Признаюсь вамъ, давно такія мысли
Въ груди моей шевелятся. Я бѣгалъ
Подобныхъ сновъ... еще не повѣрялъ
Ихъ никому. Есть много шпагъ двуострыхъ,
Друзей двуличныхъ. Я боюсь послѣднихъ.
Ахъ, герцогъ! трудно различать людей,
Еще труднѣй извѣдать, и слова,
Сбѣжавшія разъ съ губъ, друзья плохіе.
Вотъ почему я тайну схоронилъ,
Пока ее не вырыло бы время
На свѣтъ небесный. Есть услуги, герцогъ,
Что королямъ оказывать опасно.
Невѣрный выстрѣлъ не ударитъ въ цѣль—
Въ стрѣлка назадъ ударитъ. Я, пожалуй,
Готовъ поклясться передъ Богомъ... Но
Очная ставка, пойманное слово,
Лоскутъ бумаги на вѣсахъ тяжелѣ
Всѣхъ клятвъ и чувствъ моихъ. Досадно,
Что мы въ Испаніи!
АЛЬБА.
Какъ такъ досадно?
ДОМИНГО.
При всѣхъ дворахъ страсть можетъ позабыться;
У насъ она трепещетъ предъ закономъ.
Испанскимъ королевамъ трудно
Грѣшить—я вѣрю этому, а въ этомъ,
Въ одномъ лишь этомъ только, по несчастью,
Ее поймать легко намъ удалось бы.
АЛЬБА.
Но дальше слушайте. Принцъ нынче былъ
У короля—часъ битый длилась
Аудіенція. Онъ управленья
Надъ Фландріей просилъ. Онъ жарко, громко
Просилъ. Я слышалъ все изъ кабинета.
Съ глазами красными отъ слезъ со мною
Въ дверяхъ потомъ онъ встрѣтился; а въ полдень
Къ намъ вышелъ съ торжествующею миной;
Онъ восхищенъ, что предпочли меня;
Онъ благодаренъ королю. Все измѣнилось—
Онъ говоритъ—и къ лучшему. Притворства,
Вы знаете, далекъ онъ: какъ же тутъ
Себѣ все это растолкуешь. Принцъ
Въ восторгѣ, что оставили его,
А мнѣ король оказываетъ милость
Со всѣмъ неудовольствіемъ и гнѣвомъ.
Что думать мнѣ? Мой новый титулъ, право,
Скорѣй походитъ на изгнанье, чѣмъ
На милость.
ДОМИНГО.
Такъ ужъ до того дошло?
Ужъ до того?—и мигъ разрушитъ то,
Что мы года усердно созидали?
И вы спокойны такъ? такъ равнодушны?
Но знаете ль вы принца? Вамъ извѣстно ль,
Что ждетъ насъ, какъ войдетъ онъ въ силу?
Принцъ—

Ему не врагъ я: у меня довольно
Другихъ заботъ, грызущихъ мой покой,
Заботъ о тронѣ, Богѣ и о церкви.
Инфантъ—насквозь его я вижу; я
Въ его душѣ читаю—страшный планъ
Задумалъ, герцогъ, планъ безумный, дерзкій—
Регентомъ сдѣлаться и отложиться
Отъ нашей вѣры триединой. Сердце
Въ немъ разожгла другая добродѣтель,
Прямая, гордая, что не захочетъ
Ни предъ какою нищенствовать вѣрой.
Онъ *мыслитъ!* умъ его воспламененъ
Опасною и странною химерой.
Онъ уважаетъ человѣка. Герцогъ,
Годится ль онъ намъ въ короли?

АЛЬБА.

Мечты!
Что жъ больше? Юношескій жаръ, быть можетъ,
Желанье роль играть. И въ самомъ дѣлѣ,
Чтожъ дѣлать болѣе ему? Пройдетъ,
Когда пора наступитъ сѣсть на тронъ.

ДОМИНГО.

Я сомнѣваюсь. Онъ свободу любитъ,
Онъ къ рабству не привыкъ, которымъ рабство
Купить онъ можетъ только. . На испанскій
Престолъ едва ли онъ годится. Этотъ
Гигантскій духъ всѣ путы разорветъ,
Всѣ наши планы. Тщетно думалъ
Я сладострастной нѣгой усыпить
Его надменный духъ: онъ побѣдилъ
И это испытанье. Страшенъ, герцогъ,
Въ подобномъ тѣлѣ духъ такой! Филиппу жъ
Седьмой десятокъ скоро подойдетъ.

АЛЬБА.

Вы дальновидны.

ДОМИНГО.

Онъ и королева—
Вѣдь заодно. Въ сердца обоихъ скрытно
Проникъ нововведеній ядъ и скоро
Разлиться можетъ. Дайте только срокъ—
Онъ вамъ какъ разъ и трономъ завладѣетъ.
Я знаю эту Валуа. Смотрите,
Месть этой женщины ужасна будетъ,
Когда Филиппъ до слабостей дойдетъ.
Еще отъ насъ не отвернулось счастье.
Предупредимъ же. Въ яму пусть они
Падутъ. Лишь стоитъ намекнуть Филиппу...
Есть доказательства иль нѣтъ—и то
Ужъ выигрышъ, какъ сомнѣваться станетъ.
Мы оба въ томъ увѣрены. Не трудно
Тому, кто убѣжденъ самъ, убѣдить.
И болѣе откроемъ мы, лишь только
Увѣримся, что должно открывать.

АЛЬБА.

Но вотъ вопросъ важнѣйшій изъ вопросовъ—
Глаза то кто жъ откроетъ королю?

ДОМИНГО.

Ни вы, ни я. Такъ ужъ узнайте, герцогъ,
Что съ давнихъ поръ моя неутомимость,
Чреватая великимъ планомъ, къ цѣли
Заботливо и скрытно подвигалась.
Къ союзу нашему не достаетъ
Еще одной особы, очень важной.
Король влюбленъ въ принцессу Эболи.
Я страсть поддерживаю въ немъ. Она
Моимъ разсчетамъ можетъ пригодиться.
У короля—посломъ я, а принцессу
Воспитываю я для нашихъ плановъ.
Удастся планъ, такъ въ этой юной дамѣ

Союзница для насъ и королева
Быть можетъ расцвѣтетъ. Сама она
Меня позвала въ эту комнату.
Всего надѣяться тутъ можно... Совершится,—
И лильи дома Валуа въ одну
Быть можетъ ночь сомнетъ испанка эта.

АЛЬБА.

Что слышу? правда ль это? Передъ Богомъ,—
Я изумленъ! Да намъ удастся *это!*
Доминиканецъ, я дивлюсь тебѣ!
Теперь побѣда наша...

ДОМИНГО.

Тише! Идутъ!
Она—она сама.

АЛЬБА.

Я буду близко,
Когда вамъ...

ДОМИНГО.

Хорошо. Я позову васъ.
(Герцогъ Альба уходитъ).

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Принцесса. Доминго.

ДОМИНГО.

Что вамъ угодно приказать, принцесса?

ПРИНЦЕССА

(съ любопытствомъ провожая герцога глазами).

Такъ мы здѣсь не одни? У васъ, какъ вижу,
Свидѣтель есть.

ДОМИНГО.

Какъ?

ПРИНЦЕССА.

Кто же это
Сейчасъ ушелъ отсюда?

ДОМИНГО.

Герцогъ Альба,
Принцесса; онъ испрашиваетъ чести
Потомъ васъ также видѣть.

ПРИНЦЕССА.

Герцогъ Альба?
Къ чему онъ здѣсь? чего отъ насъ онъ хочетъ?
Не можете ль вы объяснить мнѣ это?

ДОМИНГО.

Но я и самъ еще совсѣмъ не знаю,
Что за событье важное мнѣ счастье
Васъ видѣть здѣсь, принцесса, доставляетъ.
(Молчанье, во время котораго онъ ждетъ ея отвѣта).
Ужъ не нашлось ли кой-чего, что вамъ
Замолвило о страсти короля?
Ужъ не былъ ли я правъ, предполагая,
Что время помирить васъ съ предложеньемъ,
Которое капризы лишь отвергли?
Я прихожу, въ надеждѣ...

ПРИНЦЕССА.

Отнесли ль
Вы королю послѣдній мой отвѣтъ?

ДОМИНГО.

Еще я не рѣшился такъ смертельно
Сразить его. Еще не поздно. Вы
Еще властны перемѣнить, принцесса.

ПРИНЦЕССА.

Скажите королю, что я готова
Принять его.

ДОМИНГО.

Осмѣлюсь ли считать
То правдою, прекрасная принцесса?

ПРИНЦЕССА.

Не шуткой только. Но, ей-богу, вы
Меня пугаете. Какъ? Что жъ такое
Я сдѣлала, когда вы даже сами
Блѣднѣете, мѣняетесь въ лицѣ?

ДОМИНГО.

Принцесса, неожиданность... едва
Могу понять я...

ПРИНЦЕССА.

Да, святой отецъ,
И не должны вы понимать. За всѣ
Земныя блага не хотѣла бъ я,
Чтобъ вы то поняли. Довольно съ васъ,
Что это такъ. Прошу васъ не трудитесь
Разузнавать, чьимъ фразамъ витьеватымъ
Обязаны вы этой перемѣной.
Для утѣшенья жъ вашего прибавлю:
Вы не причастны этому грѣху.

ДОМИНГО.

Охотно отступлюся отъ участья,
Какъ скоро лишнее оно.

ПРИНЦЕССА.

Просите
Вы отъ меня монарха мой поступокъ
Не принимать за что-нибудь другое.
Чѣмъ я была, тѣмъ я еще осталась,
Одни лишь обстоятельства съ тѣхъ поръ
Перемѣнились. Если предложенье
Его съ негодованьемъ я отвергла,
То это потому, что я считала
Его *счастливымъ* въ обладаньи рѣдкой,
Прекрасной королевой; я считала
Ее достойной жертвы отъ меня.
Все это я считала прежде... прежде;
Теперь другое дѣло! о теперь
Я лучше это знаю...

ДОМИНГО.

Дальше, дальше!
Принцесса, мы другъ друга понимаемъ.

ПРИНЦЕССА.

Она попалась. Я не пощажу
Ея ужъ больше. Хитрая воровка
Попалась. Короля, Испанью, дворъ,
Насъ всѣхъ она безстыдно обманула.

Да, лгунья любитъ, говорю я.
Я знаю это, докажу, заставлю
Ее блѣднѣть. Король обманутъ—но,
Клянуся, не безъ мести! Эту маску
Покорности высокой, неземной
Я вдругъ сорву съ нея, чтобъ свѣтъ увидѣлъ
Лицо безстыдной грѣшницы. Мнѣ стоитъ
Цѣны ужасной это, но—все счастье,
Вся радость, весь восторгъ мой въ этомъ—
Но *ей* еще ужаснѣйшей...

ДОМИНГО.

Теперь
Созрѣло все. Позвольте жъ мнѣ позвать
Теперь къ вамъ Альбу.

(Уходитъ).

ПРИНЦЕССА *(въ удивленіи).*

Это для чего?

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Принцесса. Герцогъ Альба. Доминго.

ДОМИНГО *(вводя герцога).*

Мы опоздали съ вами, герцогъ Альба.
Принцессѣ Эболи извѣстна тайна,
Которую мы ей открыть хотѣли.

АЛЬБА.

Такъ мой приходъ не удивитъ принцессу.
Глазамъ *своимъ* не вѣрю. Для подобныхъ
Открытій нужны женскіе глаза.

ПРИНЦЕССА.

Вы говорите объ открытіяхъ?

ДОМИНГО.

Мы
Желали бъ знать, принцесса, часъ и мѣсто,
Гдѣ вамъ угодно будетъ...

ПРИНЦЕССА.

А! и это!
Такъ завтра въ полдень я васъ ожидаю.
Таить я тайны дольше не могу,
А главное, таить отъ короля.

АЛЬБА.

За тѣмъ-то къ вамъ я и пришелъ, принцесса.
Король сейчасъ же обо всемъ знать долженъ,
И черезъ васъ, принцесса, черезъ васъ.
Кому же лучше, можетъ онъ повѣрить,
Какъ не самой подругѣ королевы?

ДОМИНГО.

Кому же лучше, какъ не вамъ, которой,
Лишь стоитъ захотѣть, чтобъ безгранично
Имъ управлять?

АЛЬБА.

Я принцу врагъ
Отъявленный.

ДОМИНГО.

Вотъ то же на бѣду
И обо мнѣ предполагать привыкли.
Принцесса Эболи свободна. Тамъ, гдѣ мы
Молчать должны, ей долгъ, долгъ самой службы,
Велитъ все высказать. Король отъ насъ
Ужъ не уйдетъ. Когда намеки ваши
Подѣйствуютъ, мы примемся за дѣло.

АЛЬБА.

Но нынче, сей же часъ пусть онъ узнаетъ,
Минуты дороги. Мнѣ каждый часъ
Принесть приказъ къ походу можетъ.

ДОМИНГО

(послѣ нѣкотораго размышленія, обращаясь къ принцессѣ).

Если бъ
Нашлись такія письма? Напримѣръ,
Инфанта письма сильно бы могли
Подѣйствовать. Посмотримъ. Такъ ли? Да,
Вы почиваете, мнѣ кажется, въ однихъ
Покояхъ съ королевой.

ПРИНЦЕССА.

Возлѣ нихъ.
Но что же въ этомъ?

ДОМИНГО.

Если бъ кто умѣлъ
Замки... Вы не примѣтили, гдѣ прячетъ
Ключъ отъ шкатулки королева?

ПРИНЦЕССА *(размышляя).*

Это
Могло бы точно намъ помочь. Да, ключъ
Найдется, думаю.

ДОМИНГО.

Для писемъ нужны
Послы... а вѣдь у королевы свита
Большая... Какъ бы это разузнать!
Вѣдь золото чего не можетъ сдѣлать...

АЛЬБА.

Не знаете ль, имѣетъ ли инфантъ
Повѣренныхъ?

ДОМИНГО.

Донъ Карлосъ? *Никого!*
Въ Мадритѣ цѣломъ *никого.*

АЛЬБА.

Гм! странно.

ДОМИНГО.

Ужъ въ этомъ мнѣ повѣрьте. Презираетъ
Весь дворъ онъ: я ужъ испыталъ.

АЛЬБА.

Но какъ же? Дайте вспомнить... Да, такъ точно!
Какъ вышелъ я изъ комнатъ королевы—
Инфантъ стоялъ съ однимъ пажомъ ея:
Они тихонько говорили.

ПРИНЦЕССА (*быстро перебивая его*).
Нѣтъ! о, нѣтъ!
То было... было о другомъ...
ДОМИНГО.
Но намъ
Объ этомъ должно знать. Нѣтъ, это очень
И очень подозрительно.
ПРИНЦЕССА.
Пустое.
Что можетъ быть изъ этого? Довольно,
Я это знаю. Такъ еще мы съ вами
До короля увидимся. Быть можетъ,
Еще кой-что откроется.
ДОМИНГО (*отводя ее въ сторону*).
Такъ вы
Позволите надѣяться монарху?
Могу ему я это передать?
И также то, въ который день и часъ
Его желанья счастьемъ увѣнчаютъ?
И это также?
ПРИНЦЕССА.
Эти дни я буду
Больна—и мнѣ покои отведутъ
Другіе, далѣе отъ королевы:
Таковъ обычай, знаете вы сами.
Мнѣ не позволятъ выходить...
ДОМИНГО.
Прекрасно.
Побѣда наша. Мы наперекоръ
Пойдемъ всѣмъ королевамъ въ мірѣ.
ПРИНЦЕССА.
Меня зовутъ... быть можетъ королева...
Прощайте!
(*Поспѣшно уходитъ*).

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Альба. Доминго.

ДОМИНГО
(*послѣ нѣкотораго молчанія, провожая принцессу глазами*).
Герцогъ, эти розы
И ваши битвы...
АЛЬБА.
И твой Богъ—и я
Спокойно ждать готовъ всѣхъ молній рока!
(*Уходятъ*).

Въ картезіанскомъ монастырѣ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Донъ-Карлосъ. Пріоръ.

КАРЛОСЪ (*входя къ пріору*).
Такъ онъ ужъ былъ здѣсь? Жаль.
ПРІОРЪ.
Ужъ раза три
Сегодня утромъ. Будетъ съ часъ, какъ онъ
Ушелъ отсюда.
КАРЛОСЪ.
Онъ придетъ опять,
Однако жъ? Ничего не оставлялъ онъ?
ПРІОРЪ.
Хотѣлъ навѣдаться еще разъ, въ полдень.
КАРЛОСЪ
(*подходя къ окну и осматривая мѣстоположеніе*).
Вашъ монастырь лежитъ уединенно.
Тамъ вдалекѣ едва мелькаютъ шпицы
Мадритскихъ башенъ. Да, такъ точно.
Здѣсь же
Текутъ Мансанареса волны. Мѣсто
Мнѣ нравится. Все здѣсь спокойно, тихо,
Какъ тайна.
ПРІОРЪ.
Какъ преддверье вѣчной жизни.
КАРЛОСЪ.
Я вашей честности, святой отецъ,
Повѣрилъ то, что мнѣ дороже жизни.
Никто ни знать, ни полагать не долженъ,
Съ кѣмъ втайнѣ видѣлся я здѣсь. Имѣю
Я важныя причины отъ того,
Кого здѣсь жду, предъ всѣми отрекаться:
И потому я выбралъ монастырь вашъ.
Отъ нападеній, отъ измѣнъ, надѣюсь,
Мы безопасны здѣсь? Вы не забыли
Еще о томъ, въ чемъ поклялись мнѣ?
ПРІОРЪ.
Принцъ,
Довѣрьтесь намъ. Монарховъ подозрѣнье
Нѣмыхъ могилъ раскапывать не станетъ.
Къ однѣмъ воротамъ счастія и страсти
Льнетъ ухо любопытныхъ. Свѣта шумъ
Въ стѣнахъ смолкаетъ этихъ.
КАРЛОСЪ.
Можетъ быть,
Вы полагаете, что эта скрытность,
Что этотъ страхъ служить покровомъ долженъ
Нечистой совѣсти?
ПРІОРЪ.
Я ничего
Не полагаю, принцъ.
КАРЛОСЪ.
Вы въ заблужденьи.
Святой отецъ, вы, право, въ заблужденьи.
Передъ людьми трепещетъ наша тайна,
Но не предъ Богомъ.
ПРІОРЪ.
Сынъ мой, намъ нѣтъ нужды
До этого. Сіи врата отверсты
Равно невинности и преступленью.

Что у тебя на сердцѣ—хорошо ли
Иль дурно то, порочно или чисто—
То въ сердцѣ ты своемъ и порѣши.

КАРЛОСЪ *(съ жаромъ).*

Что мы скрываемъ, то не оскорбитъ
Творца. Его же то святое дѣло.
Но, впрочемъ, вамъ могу открыться я.

ПРІОРЪ.

Къ чему же? что мнѣ въ этомъ, принцъ?
Шумъ свѣта,
Его заботы я давно покинулъ
За сборами ко странствію святому.
Къ чему жъ короткій срокъ передъ походомъ
Смущать мнѣ голосомъ давно забытымъ?
Не много нужно для блаженства въ мірѣ...
Чу! благовѣстъ къ часамъ. Пойду молиться.

(Пріоръ уходитъ).

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Донъ-Карлосъ. Маркизъ Поза *входитъ.*

КАРЛОСЪ.

Ахъ, наконецъ-то, наконецъ...

МАРКИЗЪ.

О, Карлосъ!
Какое испытанье для меня!
Всходило дважды солнце, дважды видѣлъ

Его закатъ я свѣтлый, какъ судьба
Твоя рѣшилась наконецъ—и нынче,
Лишь нынче я о томъ узнаю. Что,
Вы помирились?

КАРЛОСЪ.

Кто?

МАРКИЗЪ.

Ты съ королемъ?
Ну, какъ же съ Фландріей вы порѣшили?

КАРЛОСЪ.

Что герцогъ завтра въ Брюссель ѣдетъ. Да,
Такъ рѣшено.

МАРКИЗЪ.

Но быть не можетъ, нѣтъ!
Такъ обмануть Мадритъ весь? Говорятъ,
Аудіенцію имѣлъ ты, и король...

КАРЛОСЪ.

Не тронулся. Мы другъ для друга чужды,
И болѣе, чѣмъ прежде...

МАРКИЗЪ.

Ты *не* ѣдешь
Во Фландрію?

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

МАРКИЗЪ.

О, мои
Надежды!

КАРЛОСЪ.

Это послѣ. Ахъ, съ тѣхъ поръ
Какъ мы разстались—что я пережилъ!
Но твой совѣтъ впередъ всего. Я долженъ
Съ ней видѣться...

МАРКИЗЪ.

Съ кѣмъ—съ матерью твоей?
О, нѣтъ!... къ чему же?

КАРЛОСЪ.

Есть надежда. Ты
Блѣднѣешь? Будь спокоенъ, другъ. Я буду,
Я долженъ быть счастливымъ. Но объ этомъ
Въ другой разъ. Лучше посовѣтуй, какъ
Ее видѣть.

МАРКИЗЪ.

Это что? На чемъ
Основанъ этотъ новый сонъ?

КАРЛОСЪ.

Не сонъ!
Клянусь всесильнымъ Богомъ! Правда, правда!

(Вынимаетъ письмо короля къ принцессѣ Эболи).

Вотъ въ этомъ лоскуткѣ вся правда!
Свободна королева предъ глазами
Людей, какъ и предъ Божьими очами
Свободна. На, читай и перестань
Дивиться.

МАРКИЗЪ *(развертывая письмо).*

Что? что вижу? Отъ Филиппа
Собственноручное письмо. *(Прочитавъ).* Къ кому
Оно?

КАРЛОСЪ.

Къ принцессѣ Эболи. Послушай,
Три дня тому пажъ королевы мнѣ
Принесъ письмо и ключъ отъ неизвѣстной
Особы. Мнѣ описываютъ въ лѣвомъ
Дворцовомъ флигелѣ, гдѣ королева
Живетъ обыкновенно, кабинетъ,
Гдѣ будто дама ждетъ меня и будто
Люблю я эту даму. Я сейчасъ же
Иду туда.

МАРКИЗЪ.

Безумный, ты пошелъ?

КАРЛОСЪ.

Вѣдь я не знаю почерка... я знаю
Одну лишь даму. Кто жъ другая
Подумаетъ о Карлоса любви?
Исполненъ сладкихъ чувствъ, туда бѣгу я:
Божественное пѣнье, мнѣ навстрѣчу
Звучащее, ведетъ меня къ покою...
Я отворяю дверь—и что же вижу?
Вообрази мой ужасъ......

МАРКИЗЪ.

О! я все
Угадываю!

КАРЛОСЪ.

Я погибъ, Родриго,
Не попади я ангелу въ объятья,
Что за несчастье, другъ! Обольщена
Неосторожной рѣчью глазъ моихъ,
Она далась въ обманъ, вообразила,
Что съ ней ведутъ глаза мои бесѣду;
И, тронувшись моей души страданьемъ,
Великодушно, опрометчиво она
Уговорила дѣвственное сердце
Моей любви любовью отозваться.
Казалось, уваженье запрещало
Мнѣ говорить... Она предупреждаетъ
Сама меня... передо мной открыта
Ея прекрасная душа.

МАРКИЗЪ.

И ты
Все это такъ спокойно говоришь?
Принцесса Эболи тебя проникла.
Нѣтъ больше никакихъ сомнѣній, въ тайну
Твоей любви она теперь проникла.
Ее жестоко оскорбилъ ты, а она
Владѣетъ королемъ.

КАРЛОСЪ *(увѣренно).*

Она чиста.

МАРКИЗЪ.

Изъ эгоизма страсти. Добродѣтель
Я эту знаю. О! какъ мало

Она походитъ, другъ, на идеалъ,
Что изъ душевной материнской почвы,
Въ прекрасной, гордой граціи зачатый,
Безъ помощи садовника, свободно
Растетъ, красуясь чудными цвѣтами!
А это вѣтвь чужая—и живетъ
Искусственнымъ тепломъ на почвѣ чуждой;
Характеръ, воспитанье—назови
Какъ хочешь—*заученная невинность*,
Отбитая и хитростью, и силой
У пылкой крови и потомъ правдиво,
Заботливо приписанная небу,
Какъ-будто лучшій даръ его. Она
Проститъ ли королевѣ—самъ подумай,—
Что мимо добродѣтели ея,
Съ такимъ трудомъ пріобрѣтенной ею,
Прошелъ мужчина, даже не замѣтивъ
Ея, прошелъ, чтобъ чахнуть, изнывать
Въ любви безвыходной къ женѣ Филиппа?

КАРЛОСЪ.

Такъ коротко ее успѣлъ узнать ты?

МАРКИЗЪ.

Совсѣмъ нѣтъ. Я двухъ разъ ея не видѣлъ.
Но дай сказать еще одно мнѣ слово!
Мнѣ показалось, что она искусно
Умѣетъ прикрывать порока вспышки,
Что добродѣтели ея у ней
Всѣ *на учетѣ*. Тутъ увидѣлъ я
И королеву. О, мой милый Карлосъ!
Какъ все въ ней иначе, какъ все въ ней лучше!
Осѣнена лучами кроткой славы,
Не вѣдая ни рѣзвости безпечной,
Ни черствыхъ формъ приличій заученныхъ,
Далекая и смѣлости, и страха,
Какъ героиня, шествуетъ она
По узенькой *приличія* дорожкѣ,
Не зная, что найдетъ тамъ поклоненье,
Гдѣ похвалы ей даже не мечтались.
Ну, узнаетъ ли Карлосъ здѣсь, въ такомъ
Прекрасномъ зеркалѣ, свою принцессу?
Она не пала, правда, потому что
Любила: въ добродѣтель же свою
Она любовь вложила слово въ слово.
Ея не любишь ты—она падетъ.

КАРЛОСЪ *(съ нѣкоторою вспыльчивостью)*.

Нѣтъ! нѣтъ! могу тебя увѣрить въ этомъ!
О, если бъ зналъ Родриго, какъ ему

Къ лицу насильно отнимать у Карла
Спасительное благо, вѣру въ жизнь,
Въ божественность людей!

МАРКИЗЪ.

Несправедливъ
Ко мнѣ ты. Нѣтъ, души моей любимецъ,
Я не хотѣлъ того! клянуся Богомъ,
Я не хотѣлъ! Повѣрь мнѣ, что принцесса...
Ну, пусть она и ангелъ; я, пожалуй,
Какъ ты, молитвенно предъ ней склонюся,
Паду во прахѣ передъ нею—только
Не знай она твоей сердечной тайны.

КАРЛОСЪ.

Смотри, какъ пустъ, ничтоженъ страхъ твой.
Если
У ней есть доказательства, такъ ей же,
Одной лишь ей они къ стыду послужатъ.
За горькое блаженство низкой мести,
Скажи, продастъ ли честь свою она?

МАРКИЗЪ.

За мигъ стыда ужъ многія собой
Пожертвовали сраму.

КАРЛОСЪ *(вспыльчиво)*.

Нѣтъ, жестокъ,
Несправедливъ ты къ ней. Въ ней гордость
есть,
Есть благородство: я ее узналъ—
И ничего не опасаюсь. Тщетно
Желаешь ты спугнуть мои надежды.
Я съ матерью увижусь.

МАРКИЗЪ.

Но къ чему?

КАРЛОСЪ.

Мнѣ некого щадить теперь... я долженъ
Узнать судьбу свою. Скажи мнѣ только,
Какъ бы съ ней свидѣться?

МАРКИЗЪ.

И хочешь
Письмо ты это, Карлосъ, непремѣнно
Ей показать?

КАРЛОСЪ.

Не спрашивай меня
Объ этомъ, другъ мой! Средство, средство
только,
Какъ мнѣ ее увидѣть!

МАРКИЗЪ *(значительно)*.

Ты сказалъ мнѣ,
Что *любишь* мать свою—и хочешь
Ей показать письмо?

(Карлосъ, потупивъ глаза молчитъ).

Я вижу, Карлосъ,
Мнѣ нѣчто новое въ твоемъ лицѣ,
Мнѣ чуждое доселѣ... Ты глаза
Потупилъ предо мной? Такъ это правда?..
Но, полно, такъ ли я прочелъ? Позволь...

(Карлосъ подаетъ ему письмо. Маркизъ разрываетъ его).

КАРЛОСЪ.

Какъ? что? Съ ума сошелъ ты, что ли?

(Болѣе спокойно).

Правда...
Я признаюсь... письмо мнѣ было важно.

МАРКИЗЪ.

Казалось важнымъ. Потому-то я
И разорвалъ его.

(Маркизъ проницательно смотритъ на принца, который съ сомнѣніемъ на него смотритъ. Долгое молчаніе).

Скажи же мнѣ,
Что общаго невѣрность короля
Съ твоей, Карлосъ, любовію имѣетъ?
Тебѣ Филиппъ опасенъ, что ль? Какую
Связь оскверненье ложа королевы
Съ твоими планами имѣетъ? Развѣ
Онъ согрѣшилъ тамъ, гдѣ ты любишь
страстно?
Теперь тебя узналъ я. О, какъ плохо
Я понималъ твою любовь доселѣ!

КАРЛОСЪ.

Родриго, что ты?

МАРКИЗЪ.

Чую, отъ чего
Приходится теперь мнѣ отказаться.
Когда-то было все инымъ. Такъ много
Въ тебѣ сокровищъ было, теплоты
Душевной. Цѣлый міръ въ твоей груди
Могъ умѣститься. И одна лишь страсть,
Ничтожная корысть все поглотила.
Замолкло сердце. Никакія слезы
Не вызовутъ въ тебѣ слезы единой
Къ несчастной участи провинцій. Карлъ,
Какъ обнищалъ ты, какъ ты сталъ ничтоженъ
Съ тѣхъ поръ, какъ любишь ты лишь самъ
себя.

КАРЛОСЪ

(бросается въ кресло. Послѣ нѣкотораго молчанія, съ едва скрываемыми слезами).

Вижу, ты не уважаешь
Меня ужъ больше.

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ, мой Карлосъ. Знаю
Я эту вспышку крови. Заблужденьемъ
Похвальныхъ чувствъ она была. Тебѣ
Принадлежала прежде королева,
Изъ рукъ твоихъ похитили ее,
Но все же ты правамъ своимъ не вѣрилъ.
Филиппъ могъ быть ея достоинъ. Тихо,
Неслышно судъ свой сердце изрекало.
Письмо рѣшило все. Ты былъ достоинъ—
И съ гордымъ чувствомъ смотришь на судьбу,
Изобличенную въ тиранствѣ, похищеньи.
Ты радъ, ты счастливъ тѣмъ, что ты обиженъ:
Страданье льститъ душамъ великимъ. Только

Твоя фантазія здѣсь заблудилась,
Нашла тебѣ *награду*— гордость, сердце
Увидѣло *надежду*. Видишь, Карлосъ, -
Я былъ увѣренъ въ томъ, что ты себя
Не понялъ.

КАРЛОСЪ *(растроганный)*.

Нѣтъ, Родриго, ты ошибся.
Такъ благородно я совсѣмъ не мыслилъ,
Какъ ты меня увѣрить хочешь.

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ!
Тебя я знаю! Видишь ли, мой Карлосъ,
Когда ты заблуждаешься, всегда
Изъ сотни доблестей стараюсь я
Ту отыскать, которую бъ порокомъ
Назвать мнѣ можно было. Но теперь—
Такъ какъ съ тобой опять мы ладимъ—будь
По твоему: увидишь королеву!

КАРЛОСЪ *(падаетъ къ нему на грудь)*.

О, какъ краснѣю я передъ тобою!

МАРКИЗЪ.

Отъ слова я не отступлюсь. Теперь ужъ
Ты предоставь мнѣ все. Прекрасной, смѣлой,
Счастливой мыслью умъ мой просвѣтлѣлъ.
Ее изъ лучшихъ устъ услышишь. Я
Дойду до королевы. Можетъ быть,
Ты завтра же узнаешь обо всемъ;
До тѣхъ же поръ не забывай, что планы,
Рожденные разъ мудростью высокой,
Не могутъ быть покинуты, хотя
И притѣсняютъ ихъ людскія страсти,
И силятся ихъ уничтожить. Слышишь?
О Нидерландахъ помни!

КАРЛОСЪ.

Обо всемъ,
Что ты и добродѣтель мнѣ велите.

МАРКИЗЪ *(подходя къ окну)*.

Пора въ Мадритъ. Твою я вижу свиту.

(Обнимаются).

Теперь опять—принцъ и вассалъ.

КАРЛОСЪ.

Ты ѣдешь
Сейчасъ же въ городъ?

МАРКИЗЪ.

Да.

КАРЛОСЪ.

Постой. Еще
Одно лишь слово. Чуть не позабылъ я.
Вѣсть важная: король читаетъ письма
Въ Брабантъ. Будь остороженъ. Почта, знаю,
Имѣетъ тайные приказы...

МАРКИЗЪ.

Какъ
Узналъ ты это?

КАРЛОСЪ.

Донъ Раймондъ Таксисъ
Мнѣ преданъ.

МАРКИЗЪ *(послѣ нѣкотораго молчанія)*.

Гм! Такъ имъ придется сдѣлать
Крюкъ чрезъ Германію. Прощай, мой Карлосъ.

(Расходятся въ разныя стороны).

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Спальня короля.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

На ночномъ столикѣ двѣ зажженныя свѣчи. На послѣднемъ планѣ комнаты нѣсколько пажей спятъ. Король, полураздѣтый, стоитъ передъ столомъ, облокотившись рукою на кресло и погруженный въ глубокое размышленіе. Передъ нимъ лежитъ медальонъ и бумаги.

КОРОЛЬ.

Она всегда мечтательна была—
Въ томъ нѣтъ сомнѣнья. Я не могъ любви
Внушить ей никогда, и все же... все же...
Кто замѣчалъ, что въ ней она нуждалась?
Итакъ доказано—она коварна.

(Онъ дѣлаетъ движеніе и приходитъ въ себя. Встаетъ съ удивленіемъ).

Гдѣ былъ я? Видно здѣсь одинъ король
Не спитъ?—и свѣчи догорѣли? Странно,
Не день ли ужъ? Мой сонъ пропалъ. Возьми
И запиши его въ приходъ, природа,
Нѣтъ королю счастливаго досуга
Наверстывать недоспанныя ночи:
Теперь я бодръ—и долженъ день настать.

(Гаситъ свѣчи и отдергиваетъ оконную занавѣсъ; прохаживаясь взадъ и впередъ, замѣчаетъ спящихъм альчиковъ и молча останавливается передъ ними; звонитъ въ колокольчикъ).

Пожалуй, и въ пріемной всѣ заснули.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Король. Графъ Лерма.

ЛЕРМА *(замѣтивъ короля, останавливается въ удивленіи).*

Вы нездоровы, государь?

КОРОЛЬ.

Во флигелѣ огонь. Вы не слыхали ль
Тамъ шуму, графъ?

ЛЕРМА.

Нѣтъ, государь.

КОРОЛЬ.

Какъ? нѣтъ?
Такъ стало-быть мнѣ это только снилось?
Само собой то не могло случиться.
Въ немъ почиваетъ королева, графъ?

ЛЕРМА.

Такъ точно, государь.

КОРОЛЬ.

Сонъ испугалъ
Меня. Впередъ тамъ часовыхъ удвоить—
Вы слышите?—при наступленьи ночи...
Но тайно только, тайно. Не хочу я...
Что вы такъ на меня глядите?

ЛЕРМА.

Очи,
Отъ бдѣнья воспаленныя, я вижу.
Осмѣлюсь вашему величеству напомнить
О драгоцѣнной жизни, о народахъ
Напомнить, что слѣды безсонной ночи
У васъ въ чертахъ прочли бы съ безпокойствомъ...
Лишь часъ одинъ предутренняго сна...

КОРОЛЬ *(съ блуждающимъ взоромъ).*

Сонъ я найду въ Эскуріалѣ. Здѣсь же
Во снѣ король корону лишь теряетъ,
Мужъ сердце женино... нѣтъ, нѣтъ! неправда!
То клевета! Вѣдь женщина шепнула?
Ложь—имя женщины. Я не повѣрю
Позору своему, пока мужчина
Его не подтвердитъ мнѣ.

(Пажамъ, которые между тѣмъ разгулялись).

Позовите
Герцога Альбу! (*Пажи уходятъ*).
Подойдите ближе,
Графъ Лерма. Это правда?
(*Останавливается и пристально смотритъ на графа*).
О, лишь на мигъ
Одинъ—всезнаньемъ мнѣ-бы обладать.
Клянитесь мнѣ—то правда? я обманутъ?
Обманутъ? это правда?

ЛЕРМА.

Мой великій,
Мой дорогой король...

КОРОЛЬ.

Король! король!
Все лишь король! Иного нѣтъ отвѣта,
Какъ только этотъ звукъ пустой. О камни
Я ударяю, я хочу воды,
Воды, чтобъ пламя утолить въ груди,
А мнѣ даютъ—клокочущее злато.

ЛЕРМА.

Что правда, государь?

КОРОЛЬ.

Такъ, ничего.
Ступайте! я одинъ останусь.
(*Графъ хочетъ удалиться; онъ зоветъ его назадъ*).
Вы
Женаты? да? отецъ семейства?

ЛЕРМА.

Да,
Мой государь.

КОРОЛЬ.

Женаты и рѣшились
Ночь провести у своего монарха?
Вашъ волосъ сѣдъ, а вы и не стыдитесь
Женѣ своей такъ простодушно вѣрить?
Домой ступайте. Вы ее найдете
Въ кровосмѣсительныхъ объятьяхъ сына.
О! вѣрьте вашему монарху, графъ!
Ступайте. Вы изумлены? вамъ странно?
Вы на меня значительно глядите?
Что я, я самъ-то посѣдѣлъ? Несчастный,
Опомнись! Королевы не пятнаютъ
Постели брачной. Горе вамъ, когда
Вы усумнились...

ЛЕРМА (*съ жаромъ*).

Кто, кто это смѣетъ?
Во всѣхъ огромныхъ вашихъ государствахъ,
Кто дерзкій ядовитымъ подозрѣньемъ
Дохнетъ на ангельскую добродѣтель?
Кто лучшую изъ королевъ такъ низко...

КОРОЛЬ.

А, лучшую? такъ и у васъ она
Попала въ лучшія? Она, какъ вижу,
Вокругъ меня друзей найти умѣла.
Ей это стоило не мало—больше,
Чѣмъ можетъ дать она, какъ мнѣ
Извѣстно. Вы свободны. Позовите
Мнѣ только герцога.

ЛЕРМА.

Онъ ужъ въ пріемной.
(*Хочетъ итти*).

КОРОЛЬ (*смягченнымъ тономъ*).

Графъ, ваше замѣчанье справедливо:
Безсонница меня волнуетъ. Позабудьте,
Что я въ бреду вамъ говорилъ. Смотрите жъ,
Забудьте это. Я вашъ благосклонный
Король.
(*Подаетъ ему руку для поцѣлуя. Лерма уходитъ, отворивъ двери герцогу Альбѣ*).

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Король. Герцогъ Альба.

АЛЬБА (*подходитъ къ королю съ видомъ сомнѣнія*).

Я удивленъ... Такой приказъ...
Въ такое странно-выбранное время?
И этотъ видъ...

КОРОЛЬ

(*садится, беретъ медальонъ и смотритъ нѣкоторое время молча на герцога*).
Такъ это точно правда?
Такъ у меня слугъ вѣрныхъ больше нѣтъ?

АЛЬБА (*какъ вкопанный, останавливается*).

Какъ?

КОРОЛЬ.

Я смертельно оскорбленъ: объ этомъ
Всѣ знаютъ, и никто не скажетъ мнѣ.

АЛЬБА (*съ видомъ изумленія*).

Какъ? оскорбленье моему монарху,
И я объ немъ не знаю?

КОРОЛЬ (*показывая ему письмо*).

Этотъ почеркъ
Вы знаете?

АЛЬБА.

Да, это почеркъ принца.

КОРОЛЬ (*пристально посмотрѣвъ на герцога*).

Такъ все еще вамъ это непонятно?
Вы мнѣ грозили честолюбьемъ принца;
Но честолюбья ль только, честолюбья ль
Я долженъ былъ страшиться?

АЛЬБА.

Честолюбье
Имѣетъ смыслъ обширный, смыслъ великій,
Въ которомъ много, много кой-чего
Вмѣщаться можетъ.

КОРОЛЬ.

И у васъ
Нѣтъ ничего особеннаго, герцогъ,
Открыть мнѣ?

9*

АЛЬБА (*послѣ нѣкотораго молчанія, таинственно*).

Государь, моимъ заботамъ
Вы предоставили свои владѣнья.
Имъ я и долженъ посвящать свое
Все знанье, всѣ идеи и заботы.
Что про себя я мыслю, вижу, знаю,
То мнѣ принадлежитъ. То даръ священный,
Что рабъ въ цѣпяхъ, какъ и вассалъ, таить
Отъ всѣхъ владыкъ земныхъ имѣютъ право.
Не все, что для *меня* понятно, ясно,
Не все то также ясно моему
Монарху. Если жъ онъ желаетъ знать
Всю правду, то просить его я долженъ
Не спрашивать меня, какъ государь.

КОРОЛЬ (*подаетъ ему письмо*).

Читайте.

АЛЬБА

(*читаетъ и потомъ съ испугомъ обращается къ королю*).

Кто? какой безумный далъ
Всѣ эти страшные листки вамъ въ руки?

КОРОЛЬ.

Вы знаете, о комъ здѣсь говорится?
Какъ мнѣ извѣстно, имени здѣсь нѣтъ.

АЛЬБА (*озадаченный, отступаетъ*).

Я поспѣшилъ.

КОРОЛЬ.

Вы знаете?

АЛЬБА (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Къ чему
Скрывать! Мой государь повелѣваетъ—
Отречься мнѣ нельзя... Не отпираюсь...
Я знаю ту особу, государь.

КОРОЛЬ (*встаетъ въ ужасномъ волненіи*).

О, пыткамъ новымъ научи меня,
Ужасный мщенья богъ! Такъ ясна всѣмъ,
Извѣстна, такъ гласна ихъ связь, что прямо,
Не разбирая, съ одного лишь взгляда
Ее угадываетъ всякій... Это
Ужъ слишкомъ! этого не зналъ я—нѣтъ!
И я послѣдній узнаю объ этомъ!
Послѣдній въ цѣломъ государствѣ!

АЛЬБА (*бросается передъ королемъ на колѣни*).

Да—
И я себя виновнымъ признаю!
Стыжусь трусливой мудрости, велѣвшей
Молчать мнѣ тамъ, гдѣ имя, честь монарха,
Гдѣ справедливость, истина такъ громко
Мнѣ говорить повелѣвали. Такъ какъ
Всѣ онѣмѣли, такъ какъ красота,
Какъ волшебствомъ, сомкнула всѣмъ уста,
То я одинъ осмѣлюсь, хоть и знаю,
Что оправданья вкрадчивыя сына,
Что обольстительныя ласки, слезы
Супруги...

КОРОЛЬ (*вспыльчиво*).

Встаньте. Я ужъ далъ вамъ слово...
Вы безопасны—говорите смѣло.

АЛЬБА (*вставая*).

Вы не забыли вѣрно, государь,
Того, что разъ въ саду аранжуэцкомъ
Случилось съ королевой? Вы нашли
Ее одну, безъ свиты—всю въ волненьи,
Въ уединенномъ мѣстѣ...

КОРОЛЬ.

О! что я
Услышу? Ну!

АЛЬБА.

Маркиза Мондекаръ
Была удалена изъ королевства
Лишь потому, что изъ любви къ ея
Величеству собой ее покрыла;
Теперь мы знаемъ, что маркиза только
Исполнила, что ей велѣли. Принцъ
Былъ тамъ.

КОРОЛЬ (*въ страшномъ бѣшенствѣ*).

Былъ тамъ? Но какъ же...

АЛЬБА.

Слѣдъ мужской,
Что по песку шелъ влѣво отъ аллеи
До грота, гдѣ еще платокъ нашли,
Потерянный инфантомъ, тутъ же насъ
Подозрѣвать заставилъ. Въ гротѣ принца
Садовникъ встрѣтилъ, и почти минута
Въ минуту то случилося, какъ ваше
Величество вошли въ аллею.

КОРОЛЬ (*выходя изъ мрачнаго размышленія*).

И она
Такъ плакала тогда. Предъ всѣмъ дворомъ
Она меня заставила краснѣть,
Краснѣть передъ самимъ собой. Богъ видитъ,
Какъ осужденный я тогда стоялъ
Предъ добродѣтелью ея высокой.
(*Долгое, глубокое молчаніе. Онъ садится и закрываетъ лицо*).
Да, герцогъ, вы сказали правду. Это
Къ чему-нибудь ужасному меня
Сведетъ. Оставьте одного меня.

АЛЬБА.

Но это, государь, еще не вѣрно...

КОРОЛЬ (*хватая бумагу*).

И это то жъ? и это? все невѣрно?
И доказательствъ страшное созвучье?
О, это дня свѣтлѣе! Я давно
Предчувствовалъ все это. Преступленье
Ужъ началось, когда изъ вашихъ рукъ
Елизавету принялъ я въ Мадритѣ,
Еще я вижу мертвый взглядъ испуга,
Съ какимъ она, блѣднѣя и смущаясь,
На сѣдинахъ моихъ остановилась.
Тогда же началась ихъ связь...

АЛЬБА.

Для принца
Невѣста въ юной мачихѣ погибла.
Они было въ желаньяхъ ужъ сошлись.
Въ созвучьяхъ чувства поняли другъ друга,
Какъ вдругъ все это новыя условья
Имъ запретили. Но, къ несчастью, страхъ,
Страхъ, стерегущій первое признанье,
Былъ побѣжденъ, и бойче обольщенье
Заговорило въ образахъ знакомыхъ
Прошедшаго. Соединенны братской
Гармоніей и мнѣнія и лѣтъ,
Озлоблены одной судьбой, они
Волненьямъ страсти предались тѣмъ жарче.
Политика разстроила ихъ склонность—
Такъ и не диво, если королева
Не признаетъ въ ней этихъ правъ насилья,
Не въ силахъ, подавивъ желанье, планы
Двухъ кабинетовъ разобрать подробнѣй.
Она любви искала—и нашла
Одну корону...

КОРОЛЬ (*обиженный, съ горечью*).

Очень, очень мудро
Вы разсудили, герцогъ. Удивляюсь
Я краснорѣчью вашему, по чести.
Благодарю васъ.
(*Вставая, холодно и гордо*).
Ваша правда, герцогъ:
Жестоко проступилась королева,
Что эти письма скрыла отъ меня,
Что умолчала мнѣ о появленьи
Донъ-Карлоса въ саду. Она жестоко
Изъ доброты сердечной проступилась
Я наказать ее съумѣю.
(*Дергаетъ за колокольчикъ*).
Кто
Еще въ пріемной? Въ васъ же, герцогъ
Альба,
Я не нуждаюсь больше. Удалитесь.

АЛЬБА.

Ужъ не навлекъ ли я своимъ усердьемъ
Въ другой разъ гнѣва своего монарха?

КОРОЛЬ (*вошедшему пажу*).

Позвать Доминго.
(*Пажъ уходитъ*).
Я прощаю вамъ,
Что двѣ минуты битыхъ вы меня
Страшиться преступленья заставляли,
Что противъ васъ однихъ учинено.

(*Альба уходитъ*).

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Король. Доминго.

Король *ходитъ взадъ и впередъ въ глубокомъ раздумьи*; Доминго *входитъ немного спустя послѣ герцога, приближается къ королю и осматриваетъ его нѣсколько мновеній съ торжественнымъ молчаніемъ*.

ДОМИНГО.

Какъ я пріятно удивленъ, что ваше
Величество спокойны такъ и бодры.

КОРОЛЬ.

Удивлены?

ДОМИНГО.

Благодаренье небу,
Что страхъ мой былъ напрасенъ. Тѣмъ
скорѣе
Теперь могу надѣяться...

КОРОЛЬ.

Вашъ страхъ?
Чего жъ страшиться было?

ДОМИНГО.

Государь,
Не смѣю уклоняться: я узналъ
Сейчасъ о тайнѣ.

КОРОЛЬ (*мрачно*).

Развѣ изъявилъ я
Желанье съ вами ею подѣлиться?
Кто жъ это такъ меня предупредилъ?
Ужъ это слишкомъ дерзко.

ДОМИНГО.

Государь,
Тотъ поводъ, мѣсто, гдѣ объ ней узналъ я,
И самый образъ, какъ объ ней узналъ я,
Меня хоть въ этомъ могутъ оправдать.
На исповѣди мнѣ сознались въ томъ,
Сознались какъ въ грѣхѣ, гнетущемъ совѣсть
И въ небѣ ищущемъ прощенья. Поздно
Принцесса сожалѣетъ о поступкѣ,
Могущемъ въ бездну горестныхъ послѣдствій
Вовлечь ея величество.

КОРОЛЬ.

Скажите!
Какая добрая душа! Доминго,
Вы угадали, для чего за вами
Я посылалъ. Изъ темныхъ лабиринтовъ,
Куда меня слѣпая ревность ввергла,
Должны меня вы вывести. Отъ васъ
Я правды ожидаю. Откровенно
Скажите все мнѣ. Что начать? что дѣлать?
Отъ сана вашего я правды жду.

ДОМИНГО.

О, государь, хоть святость сана мнѣ
Пощады въ сладкій долгъ и не вмѣняетъ,

Я все-таки молить васъ стану, ради
Самихъ себя васъ стану умолять—
Остановиться на открытьи, дальше
Не проникать въ предѣлы этой тайны,
Которая, какъ ни взгляни, не можетъ
Счастливо развязаться. Что пока
Извѣстно, то еще простить возможно.
Король велитъ—и королева въ жизнь
Не проступалась. Воля государя
Даруетъ добродѣтель, какъ и счастье,
Одно спокойствіе лишь ваше въ силахъ
Разрушить мощно слухи, что злословье
Себѣ безстыдно позволяетъ.

КОРОЛЬ.

Слухи?
Насчетъ меня? Въ моемъ народѣ?

ДОМИНГО.

Ложь!
Пустая ложь! Я закляну ее.
Но есть, конечно, случаи, гдѣ вѣра
Народа, хоть и вздорная, пустая,
Становится значительной какъ правда.

КОРОЛЬ.

И эта вѣра—именно вотъ здѣсь.

ДОМИНГО.

Конечно, имя доброе всегда
Есть рѣдкое, священное добро,
Чѣмъ королева съ каждою мѣщанкой
Соперничать должна.

КОРОЛЬ.

Тутъ, я надѣюсь,
Мнѣ нечего бояться?
(*Онъ устремляетъ сомнительный взглядъ на Доминго. Послѣ нѣкотораго молчанія*).
Капелланъ
У васъ таится что-то на умѣ.
Не медлите, скажите. Ужъ давно
Читаю я въ лицѣ зловѣщемъ вашемъ.
Скажите все скорѣе. Будь что будетъ.
Не мучайте меня на этой пыткѣ.
Что говорятъ въ народѣ?

ДОМИНГО.

Государь,
Еще разъ, можетъ ошибиться онъ—
И ошибается навѣрно. Слухи эти
Васъ не должны тревожить, государь.
Но только... что осмѣлиться могли
Ихъ подтверждать въ народѣ...

КОРОЛЬ.

Что? Я долженъ
Такъ долго васъ просить о каплѣ яду?

ДОМИНГО.

Вь народѣ вспоминаютъ, государь,
То время, какъ вы при смерти лежали,
Больной, разслабленный и хилый... тридцать
Недѣль спустя читаютъ въ манифестѣ
О разрѣшеніи отъ бремени.
(*Король встаетъ и звонитъ. Герцогъ Альба входитъ*).

ДОМИНГО (*огадаченный*).

Монархъ!

КОРОЛЬ (*идя навстрѣчу къ Альбѣ*).

О, герцогъ! вы мужчина. Защитите
Меня отъ этого монаха!

ДОМИНГО
(*обмѣнявшись съ герцогомъ взглядами, послѣ молчанія*).

Если бъ
Могли предвидѣть мы, что эта вѣсть
На вѣстника падетъ...

КОРОЛЬ.

Такъ онъ не мой?...
Отъ смерти, вы сказали, я едва
Воскресъ, какъ стала матерью она?
Какъ? Но, вѣдь, если я не ошибаюсь,
Тогда во всѣхъ церквахъ вы сами, сами
Святого Доминика восхваляли
За это чудо надо мной! Что чудомъ
Звалось тогда, теперь уже не чудо?
Такъ вы тогда, иль нынче мнѣ солгали?
Чему теперь хотите, чтобъ я вѣрилъ?
О, я насквозь васъ вижу. Будь готовъ
Вашъ заговоръ, тогда... тогда святому
Молебновъ не досталось.

АЛЬБА.

Заговоръ!

КОРОЛЬ.

Какъ будто вы съ гармоніей такою
Могли сойтись въ одномъ и томъ жемнѣньи
И не стакнуться напередъ? Меня
Хотите вы увѣрить въ томъ? Меня?
По вашему, я, вѣрно, не замѣтилъ,
Какъ жадно бросились вы на добычу?
Какъ сладострастно вы подстерегали
Мои мученья, гнѣвъ мой? Не замѣтилъ,
Какъ, полонъ рвенья, герцогъ выжидаетъ
Лишь случая, чтобъ броситься на милость,
Что сыну я готовилъ? Какъ лукаво
Почтенный этотъ мужъ ничтожный гнѣвъ свой
Рукою мощной гнѣва моего
Впередъ подвинуть хочетъ? Я—вашъ лукъ,
Вообразили вы, что по желанью
Натягивать умѣетъ всякій встрѣчный?
Еще во мнѣ есть воля—и когда
Я сомнѣваться долженъ, то начну
Я съ васъ, по крайней мѣрѣ.

АЛЬБА.

Этой рѣчи
Не ожидала наша вѣрность.

КОРОЛЬ.

Вѣрность!
Она предупреждаетъ преступленье,
Лишь месть одна доноситъ о свершенномъ.

Скажите, что жъ я выигралъ отъ вашей
Услужливости? Справедливъ доносъ вашъ—
Мнѣ остается только скорбь развода,
Тріумфъ печальной мести. Нѣтъ, вы только
Боитесь, жметесь; только подозрѣнья,
Однѣ лишь только шаткія догадки
Вы мнѣ внушаете... предъ адской бездной
Вы ставите меня и прочь бѣжите.

ДОМИНГО.

Возможны ль доказательства другія,
Гдѣ самый глазъ не можетъ убѣдиться?

КОРОЛЬ

(*послѣ долгаго молчанія важно и торжественно, обращаясь къ Доминго*).

Я созову всѣхъ грандовъ королевства,
И буду самъ судьею. Выходите
Тогда впередъ—коль столько смѣлы вы—
И назовите вы ее блудницей.
Она умретъ—клянусь вамъ въ томъ! она
И принцъ—умрутъ. Но не забудьте также,
Что если оправдаются они—
Умрете вы. Хотите ли почтить
Такою жертвой правду словъ своихъ?
Рѣшайтесь. Не хотите? Онѣмѣли?
Вы не хотите? Такъ вы лгали мнѣ?

АЛЬБА (*молча стоявшій вдали, холодно и спокойно*).

Хочу.

КОРОЛЬ

(*въ удивленіи оборачивается и смотритъ пристально на герцога*).

Довольно смѣло. Но я вспомнилъ,
Что вы въ кровавыхъ битвахъ жизнь свою
За меньшее гораздо рисковали:
Вы съ легкомысльемъ игрока за славы
Ничтожность ею смѣло рисковали.
И что вамъ жизнь? Нѣтъ, крови королевской
Я не отдамъ безумному въ добычу,
Кто потерялъ надежду, кто лишь хочетъ
Ничтожность бытія отдать со славой...
Я этой жертвы не приму. Ступайте,
Ступайте всѣ вы въ залу аудіенцій
И тамъ дальнѣйшихъ ждите приказаній.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

КОРОЛЬ *одинъ*.

Теперь дай человѣка мнѣ, Создатель!
Ты много далъ мнѣ—только человѣка
Ты дай теперь мнѣ! Ты, о Ты единъ!
Ты сокровенное все видишь окомъ.
Молю Тебя о другѣ: я не такъ,
Какъ Ты, всевѣдущъ. Слуги, мнѣ тобой
Посланные—самъ вѣдаешь, какіе
Они мнѣ слуги. Изъ-за денегъ только
Они мнѣ служатъ. Жалкія ихъ страсти,
Уздой смиренныя, полезны мнѣ,
Какъ міру грозы страшныя Твои.
Мнѣ правды надо: мирный токъ ея
Средь щебня заблужденій отрывать
Не намъ, царямъ, досталось. О, пошли
Мнѣ мужа рѣдкаго, съ открытымъ сердцемъ,
Съ прямымъ умомъ и неподкупнымъ глазомъ,
Чтобъ мнѣ помогъ сыскать ее. Я жребьи
Мѣшаю всѣ; изъ многихъ, многихъ тысячъ,
Что въ сферѣ солнечной престола жмутся,
Лишь одного найти мнѣ помоги!

(*Отворяетъ шкатулку и беретъ изъ нея записную книжку. Послѣ долгаго перелистыванія*).

Лишь имена стоятъ здѣсь—ни одной
Замѣтки о заслугахъ, по которымъ
Они сюда попали; а что такъ
Забывчиво, какъ благодарность? Но
На оборотѣ каждый изъ проступковъ
Отмѣченъ аккуратно. Это дурно.
Иль память мести въ помощи подобной
Нуждается?

(*Читаетъ дальше*).

Вотъ графъ Эгмонтъ. Зачѣмъ онъ
Сюда попалъ? Побѣда подъ Кентеномъ
Давно забыта мной. На смарку графа.
(*Вычеркиваетъ его имя и пишетъ на оборотѣ. Читаетъ про себя далѣе*).
Маркизъ де-Поза? Поза? Поза?
Едва могу о немъ я вспомнить. Поза?
И два раза подчеркнутъ: стало быть
Его для высшихъ цѣлей прочилъ я.
Возможно ли? Онъ отъ меня до сихъ поръ
Все уклонялся? взоровъ убѣгалъ
Отъ своего монарха-должника.
Ей-Богу, въ цѣломъ кругѣ царствъ моихъ
Вотъ человѣкъ единственный, который
Не ищетъ милостей у трона. Если бъ
Онъ одержимъ былъ жаднымъ честолюбьемъ,
То ужъ давно бъ явился предо мною.
Не попытаться ль съ этимъ чудакомъ?
Кто безъ меня умѣетъ обходиться,
Тотъ съ правдой на устахъ прійдетъ ко мнѣ.

(*Уходитъ*).

Аудіенцъ-зала.

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Донъ-Карлосъ *въ разговоръ съ* принцемъ Пармскимъ. Герцоги Альба, Феріа и Медина Сидоніа, графъ Лерма *и еще нѣсколько другихъ испанскихъ грандовъ съ бумагами въ рукахъ. Всѣ въ ожиданіи короля.*

медина-сидоніа

явно избѣгаемый всѣми придворными, обращается къ герцогу Альбѣ, который одиноко въ раздумьи ходитъ взадъ и впередъ).

Вы говорили съ государемъ, герцогъ;
Какъ вы нашли? онъ въ духѣ?

альба.

Не въ пріятномъ
Для васъ и вашей вѣсти.

медина-сидоніа.

Средь огня
Англійскихъ батарей мнѣ было легче,
Чѣмъ здѣсь, въ дворцѣ.

(Донъ-Карлосъ съ нѣмымъ участіемъ слѣдившій за нимъ, подходитъ къ нему и пожимаетъ ему руку).

Благодарю сердечно
Васъ за слезу участья, принцъ. Вы сами
Замѣтили, какъ все бѣжитъ меня.
Теперь моя погибель неизбѣжна.

карлосъ.

Надѣйтесь, другъ, на милость короля
И на свою невинность.

медина-сидоніа.

Я лишилъ
Его досель невиданнаго флота.
Что значитъ голова моя въ сравненьи
Со множествомъ погибшихъ галліоновъ?
Но, принцъ, пять сыновей, какъ вы надежныхъ—
Вотъ что тоской сжимаетъ сердце мнѣ.

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Король *входитъ совсѣмъ одѣтый.* Прежніе. *Всѣ снимаютъ шляпы и даютъ ему дорогу, образуя около него полукругъ. Молчаніе.*

король *(бѣгло осматриваетъ весь кругъ).*

Накройтесь!

(Донъ-Карлосъ и принцъ Пармскій первые подходятъ и цѣлуютъ руку короля. Онъ съ нѣкоторою ласковостью начинаетъ говорить съ послѣднимъ, не обращая никакого вниманія на сына).

Ваша мать, племянникъ,
Желаетъ знать, довольны ли мы вами.

пармскій.

Пускай она объ этомъ, государь,
Васъ спроситъ послѣ перваго сраженья.

король.

Терпѣнье; и до васъ чередъ дойдетъ,
Когда столпы подломятся всѣ эти.

(Герцогу Феріа).

Вы съ чѣмъ?

феріа *(преклоняя колѣно).*

Великій комтуръ калатравскій
Скончался нынче утромъ. Крестъ его
Препровожденъ назадъ.

король *(беретъ орденъ и осматриваетъ весь кругъ).*

Кто всѣхъ достойнѣй
Носить его?

(Киваетъ Альбѣ, который становится предъ нимъ на колѣна. Король надѣваетъ на него крестъ).

Вы, герцогъ Альба, первый
Нашъ полководецъ; будьте жъ имъ—не больше,
И мы всегда къ вамъ будемъ благосклонны.

(Замѣчаетъ герцога Медина-Сидоніа).

А! вы, мой адмиралъ!

медина-сидоніа

(шатаясь подходитъ къ нему и съ поникшей головой становится на колѣна).

Вотъ, государь,
Все, что я спасъ отъ вашихъ кораблей,
Отъ вашей многочисленной армады.

король *(послѣ долгаго молчанія).*

Богъ надо мной. Я васъ противъ людей
Послалъ—не противъ бурь и скалъ подводныхъ.
Добро пожаловать въ Мадритѣ.

(Протягиваетъ ему руку для поцѣлуя).

И спасибо,
Что вы въ себѣ достойнаго слугу
Мнѣ сберегли. Да, гранды, герцогъ
Слуга достойный мнѣ, и я хочу,
Чтобъ всѣми онъ былъ признанъ за такого.

(Дѣлаетъ ему знакъ встать и покрыться, потомъ оборачивается къ другимъ).

Что тамъ еще?

(Донъ-Карлосу и принцу Пармскому).

Благодарю васъ, принцы.

(Они отступаютъ. Остальные гранды приближаются и передаютъ королю съ колѣнопреклоненіемъ бумаги. Онъ бѣгло ихъ осматриваетъ и отдаетъ Альбѣ).

Все это въ кабинетъ. Ну, все теперь?

(Никто не отвѣчаетъ).

Что значитъ, что въ средѣ моей грандецы
Не видно никогда маркиза Позы?
Я знаю хорошо, что этотъ Поза

Мнѣ съ честію служилъ. Онъ умеръ, вѣрно?
Зачѣмъ же нѣтъ его здѣсь?

ЛЕРМА.

Кавалеръ
Недавно возвратился лишь изъ странствій,
Предпринятыхъ по всей Европѣ. Онъ
Теперь въ Мадритѣ и, какъ слышно, ждетъ
Лишь случая, чтобъ броситься къ стопамъ
Монарха своего.

АЛЬБА.

Маркизъ де-Поза?
Да, точно. Это тотъ мальтіецъ смѣлый,
О комъ молва, великій государь,
Еще разсказывала странный подвигъ.
Когда, по приглашенію магистра,
Всѣ рыцари на островъ собирались,
Султаномъ Солиманомъ осажденный,
Исчезъ нашъ юноша въ осьмнадцать лѣтъ
Внезапно изъ алькальской школы и
Безъ зова къ ла-Валету онъ явился.
„Купили крестъ мнѣ"—молвилъ—„но теперь
Его я заслужить хочу". Онъ былъ
Изъ сорока тѣхъ рыцарей однимъ,
Что противъ Піали, Улукчіали
И Мустафы съ Гасемо—Сентъ-Эльмо
Средь жара безпримѣрнаго и трехъ
Ужасныхъ штурмовъ защищали въ полдень.
Когда жъ враги Сентъ-Эльмо одолѣли
И рыцари вокругъ него всѣ пали,
Онъ бросился въ пучину и проворно
Назадъ одинъ явился къ ла-Валету.
Спустя два мѣсяца враги ушли,
А юный рыцарь возвратился въ школу
Оканчивать свое образованье.

ФЕРІА.

И тотъ же самый Поза, государь,
Открылъ обширный, грозный заговоръ,
Едва не возмутившій Каталонью,
И только твердостью одной своею
Престолу спасъ одну изъ самыхъ важныхъ
Провинцій.

КОРОЛЬ.

Удивляюсь! Человѣкъ,
Все это совершившій—не имѣетъ
Ни одного завистника межъ вами?
Клянуся—или въ немъ необычайный
Характеръ, или вовсе никакого.
Ужъ чуда ради я его увижу.
(*Герцогу Альбѣ*).
Какъ кончится обѣдня, приведите
Его въ мой кабинетъ.
(*Герцогъ уходитъ. Король обращается къ герцогу Феріа*).
А вы ужъ, герцогъ,
Побудьте за меня въ совѣтѣ тайномъ.
(*Уходитъ*).

ФЕРІА.

Король сегодня милостивъ.

МЕДИНА-СИДОНІА.

Скажите:
Онъ богъ! Онъ для меня былъ сущимъ богомъ.

ФЕРІА.

Да вы и стоите такого счастья.
Повѣрьте, адмиралъ, я принимаю
Живѣйшее участіе.

ОДИНЪ ИЗЪ ГРАНДОВЪ.

Я тоже.

ВТОРОЙ.

И я, повѣрьте, тоже.

ТРЕТІЙ.

Сердце билось
Во мнѣ... Такой достойный генералъ!...

ПЕРВЫЙ.

Король былъ къ вамъ, любезный адмиралъ,
Не милостивъ, но только справедливъ.

ЛЕРМА (*мимоходомъ къ Медина-Сидоніа*).
Какъ вы богаты вдругъ отъ пары словъ.

(*Всѣ расходятся*).

Кабинетъ короля.

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

МАРКИЗЪ ПОЗА. ГЕРЦОГЪ АЛЬБА.

МАРКИЗЪ (*входя*).

Меня желаетъ видѣть онъ? Меня?
Не можетъ быть. Вы въ имени ошиблись.
Чего жъ онъ хочетъ отъ меня?

АЛЬБА.

Онъ хочетъ,
Маркизъ, узнать васъ покороче.

МАРКИЗЪ.

А!
Изъ любопытства. О! въ такомъ случаѣ,
Мнѣ жаль потерянной минуты. Жизнь
Такъ коротка.

АЛЬБА.

Передаю васъ вашей
Звѣздѣ счастливой. Государь теперь
У васъ въ рукахъ. Воспользуйтесь, смотрите,
Искуснѣе подобною минутой—
И обвиняйте самого себя—
Лишь одного себя—когда ее
Упустите.

(*Уходитъ*).

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

МАРКИЗЪ *(одинъ).*

Прекрасно, герцогъ. Точно
Должно умѣть справляться съ рѣдкимъ мигомъ,
Единожды дающимся намъ въ руки.
И въ самомъ дѣлѣ, этотъ царедворецъ
Даетъ прекрасный мнѣ совѣтъ...хоть,правда,
Въ другомъ, превратномъ смыслѣ, но прекрасный.

(Пройдясь нѣсколько разъ взадъ и впередъ).

Но какъ попалъ сюда я. Можетъ быть,
Я случая лишь прихоти обязанъ
Что вижу образъ мой здѣсь въ зеркалахъ?
Изъ тысячи—неподходящій самый—
Я избранъ былъ; взбрело на умъ Филиппа
Случайностью подсказанное имя.
Случайность-ли одна? А можетъ быть
Тутъ болѣе... И что такое случай,
Какъ не простой, шероховатый камень,
Рукой ваятеля воззванный къ жизни?
Намъ небо посылаетъ случай—къ цѣли
Онъ долженъ быть обдѣланъ человѣкомъ.
Чего ни ждалъ король здѣсь отъ меня,
Что мнѣ за дѣло, если мнѣ извѣстно,
Чего я самъ хочу отъ короля.
И хоть бы искру правды удалося
Мнѣ бросить въ душу короля: пожаромъ
Она вѣдь можетъ вспыхнуть въ длани Бога.
Такъ, стало быть, что мнѣ казалось страннымъ,
Быть можетъ, цѣль имѣетъ и большую.
Имѣетъ или нѣтъ—мнѣ все равно;
Я въ этомъ духѣ стану поступать.

(Прохаживается нѣсколько разъ по комнатѣ и останавливается, наконецъ, передъ одной картиной. Король показывается въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ отдаетъ нѣкоторыя приказанія. Потомъ входитъ, останавливается въ дверяхъ и разсматриваетъ нѣкоторое время маркиза, не будучи имъ замѣченъ).

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Король. Маркизъ Поза.

(Маркизъ, увидѣвъ короля, сейчасъ же идетъ ему навстрѣчу, преклоняетъ колѣно, встаетъ и стоитъ передъ нимъ безъ всякаго замѣшательства).

КОРОЛЬ *(съ удивленіемъ смотритъ на него).*
Мы съ вами видѣлися прежде?

МАРКИЗЪ.
Нѣтъ.

КОРОЛЬ.
Вы съ честью мнѣ служили. Для чего же
Вы благодарности моей бѣжите?
Людей довольно въ памяти моей
Тѣснится. Богъ одинъ всевѣдущъ. Вамъ бы
Должно самимъ искать очей монаршихъ.
Зачѣмъ вы такъ не поступили?

МАРКИЗЪ.
Только
Два дня, монархъ, какъ возвратился я
Въ Испанію.

КОРОЛЬ.
Я не намѣренъ быть
Въ долгу у добрыхъ слугъ моихъ. Просите
Награды.

МАРКИЗЪ.
Государь, я наслаждаюсь
Законами.

КОРОЛЬ.
Тожъ скажетъ и убійца.

МАРКИЗЪ.
Тѣмъ больше добрый гражданинъ! Да, я
Доволенъ.

КОРОЛЬ *(про себя).*
Сколько смѣлости, сознанья!
Но этого я ожидалъ. Испанецъ
Быть долженъ гордымъ. Мнѣ пріятно, если
И черезъ край вино идетъ... Вы вышли
Въ отставку?

МАРКИЗЪ.
Чтобы лучшему дать мѣсто,
Я, государь, посторонился.

КОРОЛЬ.
Жаль.
Когда такія головы гуляютъ,
Какъ много терпитъ государство. Вы
Боитесь миновать, быть можетъ, сферы,
Достойной вашего ума?

МАРКИЗЪ.
О, нѣтъ!
Увѣренъ я, что опытный знатокъ
Сердецъ людскихъ, измѣрившій ихъ глуби,
При первомъ взглядѣ быстро прочитаетъ,
На что гожусь иль не гожусь ему я.
Съ благоговѣніемъ цѣню я милость,
Которую такимъ высокимъ мнѣньемъ
Вамъ, государь, угодно оказать мнѣ;
Но я...

(Останавливается).

КОРОЛЬ.
Вы не рѣшаетесь, маркизъ?

МАРКИЗЪ.
Я вамъ сознаться долженъ, государь,
Въ минуту эту я не подготовленъ
То, что — какъ гражданинъ вселенной — мыслилъ
Вамъ высказать, какъ подданный монарха.

Съ тѣхъ поръ, какъ навсегда съ короной я
Дѣла окончилъ, я себя считалъ
И отъ нужды свободнымъ ей давать
Отчетъ въ своихъ поступкахъ.

КОРОЛЬ.

Такъ онъ слабъ,
Отчетъ вашъ? Вы боитесь риску,
Быть можетъ?

МАРКИЗЪ.

Если времени мнѣ станетъ
Его развить, готовъ рискнуть хоть жизнью;
Но истинѣ боюсь я измѣнить,
Когда мнѣ въ немъ откажете. Мой выборъ
Данъ межъ опалой вашей и презрѣньемъ.
По моему, я лучше соглашусь
У васъ въ глазахъ преступникомъ прослыть,
Чѣмъ дуракомъ, глупцомъ ничтожнымъ.

КОРОЛЬ *(съ видомъ ожиданія).*

Ну?

МАРКИЗЪ.

Я не могу монарха быть слугою.
(Король смотритъ на него съ удивленіемъ).
Я не хочу обманывать купца.
Когда вы мнѣ даете постъ иль мѣсто,
То отъ меня хотите вы лишь дѣла,
Ужъ напередъ обдуманнаго вами:
Хотите только рукъ моихъ средь битвы,
Да головы моей одной въ совѣтѣ.
Не подвиги мои, но одобренье
У трона ими снисканное должно
Тогда быть цѣлью подвиговъ моихъ.
Но для меня имѣетъ, государь,
Здѣсь добродѣтель собственную цѣну.
То счастье, что монархъ моей рукой
Посѣетъ, самъ бы создалъ я, и радость,
И счастье добровольнаго труда
Я бъ ощущалъ, а не сознанье долга.
А вы того ль хотите! Вы могли бы
Другихъ творцовъ терпѣть въ своемъ созданьи?
И мнѣ ли сдѣлаться рѣзцомъ послушнымъ,
Гдѣ бы я самъ ваятелемъ быть могъ?
Я человѣчество люблю—у васъ же
Я полюблю себя лишь одного.

КОРОЛЬ.

Въ васъ этотъ жаръ похваленъ. Вы хотите
Добро здѣсь дѣлать. Какъ бы вы его,
Маркизъ, здѣсь стали дѣлать—патріоту
И мудрецу до этого нѣтъ дѣла.
Даю самимъ вамъ постъ любой на выборъ
Въ любомъ изъ королевствъ моихъ, гдѣ бъ вы
Могли прекрасное стремленье это
На дѣлѣ выказать.

МАРКИЗЪ.

Не нахожу
Ни одного я.

КОРОЛЬ.

Какъ такъ?

МАРКИЗЪ.

То, что ваше
Величество моей рукой свершите—
То счастье ль, полно? То ли это счастье,
Какого чистая моя любовь
Желалабъ людямъ? Передъ этимъ счастьемъ
На васъ корона бъ задрожала. Нѣтъ!
Другое счастье создали вы ловко
И щедро имъ дарите вы людей,
Чтобъ усыплять въ нихъ вредные порывы.
Вы истину чеканите въ медаляхъ,
Но истину безвредную для васъ,
И всѣ другія вамъ опасны. Мнѣ же,
Мнѣ нужно не того, что вамъ полезно.
И мнѣ ль съ моей любовью къ человѣку
Орудьемъ быть его уничтоженья?
Онъ счастливъ будетъ ли—не смѣя мыслить?
Меня не избирайте, государь,
Быть раздавателемъ такого счастья:
Я не могу монарха быть слугою.

КОРОЛЬ *(быстро).*

Вы протестантъ.

МАРКИЗЪ *(послѣ нѣкотораго размышленія).*

Нѣтъ! ваша вѣра
Есть также и моя.
(Послѣ нѣкотораго молчанія).
Я ложно понятъ.
Вотъ этого я только и боялся,
Вы видите, какъ я снимаю съ власти
Всѣ тайные покровы—и вамъ страшно,
Что для меня теперь не свято то,
Чего страшиться пересталъ я. Вреденъ
Я потому, что мыслилъ о себѣ.
Нѣтъ, я не вреденъ, государь. Мои
Желанья тлѣютъ здѣсь и умираютъ.
(Прикладываетъ руку къ сердцу).
Смѣшная эта страсть къ нововведеньямъ, мнѣ
Не разжигаетъ кровь мою. Нашъ вѣкъ
Для идеаловъ не созрѣлъ моихъ.
Я гражданинъ грядущихъ поколѣній.
Смутитъ ли васъ воображенья плодъ?
Вамъ дунуть стоитъ—онъ исчезъ.

КОРОЛЬ.

Я первый
Узналъ васъ съ этой стороны?

МАРКИЗЪ.

Вотъ съ этой—
Да!

КОРОЛЬ
(встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и, остановясь предъ маркизомъ, про себя).
Новъ по крайней мѣрѣ этотъ тонъ!..

Лесть истощается, а подражанье
Для умной головы несносно. Средство
Противное, быть можетъ... Почему же?
Внезапность счастье ловитъ. Если такъ,
То я вамъ предложу другое мѣсто,
Гдѣ сильный духъ...

МАРКИЗЪ.

Я слышу, государь,
Какое жалкое понятье вы
Имѣете о людяхъ: въ вольной рѣчи
Вы видите льстеца уловку только—
И, какъ мнѣ кажется, я знаю, кто
Къ тому васъ принуждаетъ. Люди, люди
Принудили къ тому васъ: добровольно
Они себя лишили благородства,
Всѣхъ лучшихъ качествъ сердца; добровольно
На этой низкой степени себя
Поставили. Они бѣгутъ въ испугѣ
Отъ призрака величья своего;
Довольные судьбою, украшаютъ
Свои оковы подлымъ резонерствомъ—
И добродѣтелью зовется въ свѣтѣ
Носить прилично ихъ. Такъ приняли вы свѣтъ.
Такъ онъ и вашему отцу достался.
Какъ вамъ, въ такомъ печальномъ искаженьи,
Возможно было уважать людей?

КОРОЛЬ.

Тутъ, можетъ быть, есть нѣсколько и правды.

МАРКИЗЪ.

Но вотъ что жаль: изъ Божіихъ созданій
Въ свои созданья обративъ людей,
И этимъ вновь созданнымъ креатурамъ
Себя давъ богомъ, вы не досмотрѣли
Бездѣлки лишь—что сами человѣкомъ
Остались, человѣкомъ Божьихъ рукъ.
Вы просите сочувствій—божеству жъ
Приносятъ жертвы. Передъ нимъ трепещутъ...
Обмѣнъ ужасный. Жалкое увѣчье
Божественной природы. Человѣка
Вы сдѣлали лишь клавишью своею:
Кому жъ созвучьемъ съ вами подѣлиться?

КОРОЛЬ *(про себя)*.

Клянусь, онъ проникаетъ въ душу мнѣ!

МАРКИЗЪ.

Но вамъ ничтожна эта жертва. Правда,
Единственны за то вы—родъ особый—
Вы Богъ за эту цѣну. И ужасно,
Когда бъ имъ не были, когда бы
За это все—за попранное счастье
Всѣхъ вопіющихъ къ небу милліоновъ—
Вы не причемъ остались. Если бъ только
Одинъ скелетъ поруганной свободы
Плодомъ желаній вашихъ былъ? Позвольте
Мнѣ удалиться! Вижу—увлекся
Предметомъ. Духъ мой переполненъ: слишкомъ
Заманчиво стоять передъ единымъ
И говорить съ нимъ смѣло глазъ на глазъ.
(Графъ Лерма входитъ и говоритъ тихо съ королемъ. Тотъ даетъ ему знакъ удалиться и остается на своемъ мѣстѣ въ прежнемъ положеніи).

КОРОЛЬ *(маркизу по уходѣ Лермы)*.

Кончайте же.

МАРКИЗЪ *(послѣ минутнаго молчанія)*.

Я чувствую всю цѣну...

КОРОЛЬ.

Договорите! Болѣе сказать
Хотѣли вы.

МАРКИЗЪ.

Я только возвратился
Изъ Фландріи и славнаго Брабанта,
Что за цвѣтущая страна!
Что за могучій, доблестный народъ!
Прямой народъ... и быть отцомъ такого
Народа—какъ божественно, какъ свято,
Невольно я подумалъ—и наткнулся
На обгорѣлыя людскія кости...
(Онъ останавливается; глаза его устремляются на короля, который пытается выдержать взглядъ этотъ, но, смущенный, потупляетъ взоры).
Вы правы. Вы должны. Что въ состояньи
Вы то свершить, что кажется вамъ долгомъ—
На дѣлѣ видѣлъ я и содрогался.
О, жаль, что жертвы, плавая въ крови,
Своимъ жрецамъ воспѣть хвалы не могутъ,
Что люди лишь, не духи высшихъ сферъ,
Всемірную исторію здѣсь пишутъ.
Филиппа вѣкъ смѣнятъ вѣка другіе,
Родится мудрость кроткая—и счастье
Гражданъ въ согласьи съ трономъ уживется,
Престолъ народомъ будетъ дорожить
И укротитъ свой мечъ необходимость.

КОРОЛЬ.

Такъ вы увѣрены, что если придутъ
Такія времена, то надо мною
Обрушится ихъ грозное проклятье.
Но поглядите на мою Испанью.
Здѣсь всѣ живутъ въ безоблачномъ покоѣ—
И тотъ покой даю я Нидерландамъ.

МАРКИЗЪ *(быстро)*.

Покой кладбища. Какъ? И вы дерзнете
Окончить то, что начали? Дерзнете
Остановить перерожденье міра,
Остановить всеобщую весну,
Которая весь міръ помолодитъ.
Одни, во всей Европѣ, вы хотите
Рукою смертной, слабой задержать
Бѣгъ колеса мірскихъ переворотовъ,

Своей рукой схватить его за спицы?
Вамъ ничего не сдѣлать! Много тысячъ
Бѣжало ужъ изъ вашихъ государствъ;
А пострадавшій гражданинъ за вѣру
Былъ лучшій гражданинъ. Въ свои объятья
Ихъ принимаетъ всѣхъ Елизавета,
И нашими искусствами цвѣтетъ
Британія. Безъ новыхъ христіанъ,
Безъ ихъ труда Гренада опустѣла,
И съ злобной радостью Европа смотритъ,
Какъ врагъ ея отъ своеручныхъ ранъ
Въ изнеможеньи кровью истекаетъ.

(Король взволнованъ; маркизъ замѣчаетъ это и подходитъ ближе).

Для вѣчности хотите вы садить—
И смерть лишь сѣете? Такъ принужденно,
Насильно такъ построенному дѣлу
Не пережить души творца. Одной
Неблагодарности вы дань копили.
Напрасно вы боролися съ природой,
Напрасно всею царственною жизнью
Пожертвовали планамъ разрушенья.
Вы слишкомъ низко ставили людей.
Они дремоты долгой свергнутъ узы,
Потребуютъ своихъ священныхъ правъ:
Они съ Нерономъ, Бузирисомъ васъ
Поставятъ рядомъ... Мнѣ же больно это—
Вѣдь отъ природы вы добры.

КОРОЛЬ.

Кто жъ васъ
Въ томъ такъ увѣрилъ?

МАРКИЗЪ *(съ жаромъ).*

Да! клянусь Всевышнимъ!
Да! да!—я смѣло повторяю это.
Отдайте намъ, чего вы насъ лишили!
Съ великодушьемъ сильнаго позвольте
Излиться счастію на насъ обильно—
Умамъ созрѣть въ державахъ вашихъ! дайте
Намъ то назадъ, чего вы насъ лишили—
И сдѣлайтесь монархомъ изъ монарховъ.

(Смѣло подходитъ къ нему и устремляетъ на него пристальный, огненный взглядъ).

О, если бъ краснорѣчье цѣлыхъ тысячъ
Причастныхъ часа этого, могло
Изъ устъ моихъ потоками излиться
И лучъ, мерцающій во взорѣ этомъ,
Раздуть въ широкій пламень! Откажитесь
Отъ неестественныхъ боготвореній,
Уничтожающихъ насъ только. Будьте
Намъ образцомъ высокаго, святого;
О, никогда, никто изъ человѣковъ
Не обладалъ столь многимъ для того,
Чтобъ такъ божественно раздать. Монархи
Европы всей признали вашу силу.
Пойдите жъ во главѣ царей Европы!
Перомъ черкнуть вамъ стоитъ—и земля
Обновлена. О, дайте, государь,
Свободу мысли!

(Бросается къ ногамъ его).

КОРОЛЬ

(озадаченный отворачивается, но вскорѣ снова устремляетъ взглядъ на маркиза).

Странный вы мечтатель,
Но встаньте...

МАРКИЗЪ.

Окиньте взоромъ эту
Чудесную природу! На свободѣ
Она созиждена—и какъ богата
Она свободой. Онъ, великій Зодчій,
Червя въ росинкѣ терпитъ; Онъ даетъ
И въ самыхъ мертвыхъ капищахъ истлѣнья
Большую волю произволу. Вы же?...
Какъ бѣдно, тѣсно дѣло вашихъ рукъ.
Листка нежданный шорохъ васъ пугаетъ,
Владыку христіанства. Трепетать
Предъ каждой добродѣтелью должны вы.
А Онъ?—изъ нежеланья повредить
Свободы усладительнымъ явленьямъ,
Онъ дозволяетъ лучше бушевать
Всѣмъ легіонамъ страшныхъ, горькихъ золъ
Въ своей вселенной—такъ, что въ ней Его,
Художника, и не примѣтишь. Скромно
Себя Онъ скрылъ въ законахъ, Имъ созданныхъ.
Ихъ видитъ вольнодумецъ—не Его.
Нѣтъ Бога, говоритъ онъ: въ мірѣ все!
И ни одинъ изъ христіанъ не можетъ
Ему создать достойнѣйшихъ хваленій,
Какъ это богохульство вольнодумца.

КОРОЛЬ.

И вы желали бъ этотъ идеалъ
Во всѣхъ моихъ державахъ водворить?

МАРКИЗЪ.

Вы, вы лишь это можете. Кто жъ больше?
О, посвятите счастію народовъ
Ту царственную силу, что такъ долго
Пускала въ ростъ лишь блескъ одинъ престола!
Возстановите право человѣка
Во всемъ его величьи. Гражданинъ
Пусть снова станетъ цѣлію престола,
Пусть для него единымъ долгомъ будетъ
Его собратовъ честныя права.
Когда жъ отъ сна возстанетъ человѣкъ.
Пойметъ достоинство свое, когда
Свобода къ подвигамъ его заманитъ,
Тогда какъ въ вашихъ славныхъ царствахъ счастье
Въ примѣръ другимъ обильно разольется—
Тогда вы только вправѣ, государь,
Свѣтъ покорять себѣ.

КОРОЛЬ *(послѣ долгаго молчанія).*

Я вамъ позволилъ

Договорить все до конца. Иначе—
Я понимаю это—чѣмъ въ другихъ умахъ,
У васъ въ умѣ рисуются предметы.
Подъ мѣрку общую я не хочу
Васъ ставить. Я былъ первый, передъ кѣмъ
Такъ откровенно сердце вы излили.
Я вѣрю этому—затѣмъ, что знаю—
И потому за то, что эти мнѣнья,
Хотя они и пламенны, и рѣзки,
До сихъ поръ вы скрывали, ради этой
Предусмотрительности скромной—я
Хочу забыть, что я, я самъ узналъ ихъ,
И какъ узналъ ихъ. Встаньте. Я хочу
Неопытнаго юношу, какъ старецъ,
Не какъ король, судить. И я хочу
Затѣмъ, что такъ угодно мнѣ. Вотъ такъ-то
Въ благоустроенныхъ натурахъ ядъ
Принять видъ лучшаго чего-то можетъ.
Не бойтесь инквизиціи! Мнѣ будетъ
Жаль...

МАРКИЗЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? точно будетъ?...

КОРОЛЬ.

Я
Еще не зналъ такого человѣка.
Нѣтъ, нѣтъ, маркизъ! ужъ вы слишкомъ строги.
Я не хочу Нерономъ быть здѣсь—нѣтъ,
Я не хочу—для васъ я не хочу.
Не всякое блаженство у меня
Черствѣетъ. Вы, вы сами на глазахъ
Моихъ должны остаться человѣкомъ.

МАРКИЗЪ *(быстро)*.

Но братія мои?... Не обо мнѣ
Шла рѣчь, не о себѣ я хлопоталъ...
Но ваши подданные, государь?

КОРОЛЬ.

И если вамъ такъ хорошо извѣстно,
Какъ обо мнѣ судить потомство будетъ,
То пусть оно на васъ самихъ увидитъ,
Какъ обойтись умѣлъ я съ человѣкомъ,
Когда нашелъ его.

МАРКИЗЪ.

О, самый справедливый
Изъ всѣхъ монарховъ да не станетъ разомъ
Несправедливѣйшимъ изъ нихъ! У васъ
Во Фландріи есть милліоны лучшихъ,
Чѣмъ я. Но только вы—осмѣлюсь ли
Въ томъ прямо вамъ признаться, государь—
Вы въ первый только разъ теперь узнали
Подъ этимъ кроткимъ образомъ—свободу.

КОРОЛЬ *(съ смягченною важностію)*.

Ни слова болѣе! Маркизъ, я знаю,
Вы перемѣните свой образъ мыслей,
Когда, какъ я, узнаете людей.
Но мнѣ бы не хотѣлось видѣть васъ
Въ послѣдній разъ. Какъ мнѣ начать скажите,
Чтобы къ себѣ васъ привязать?

МАРКИЗЪ.

Оставьте
Меня какъ есть. Чѣмъ былъ бы я для васъ,
Когда меня бъ вы подкупили?

КОРОЛЬ.

Нѣтъ!
Не потерплю я гордости такой.
Вы у меня на службѣ съ этихъ поръ.
Безъ возраженій. Я хочу того.
(Помолчавъ).
Но что жъ? чего жъ хотѣлъ я—правды?—правды,
Вѣдь кажется, хотѣлъ я?—и нашелъ
Немного больше даже. Вы, маркизъ,
Меня изобразили на престолѣ,
Но не въ кругу домашнемъ...
(Замѣтивъ, что маркизъ нерѣшительно на него смотритъ).
Понимаю!
Но если я изъ всѣхъ отцовъ на свѣтѣ
Несчастнѣйшій, то развѣ мнѣ нельзя ужъ
Супругомъ быть счастливымъ?

МАРКИЗЪ.

Если только
Надежды полный сынъ и обладанье
Прелестною супругою даютъ
Здѣсь человѣку право на блаженство,
То вы счастливѣйшій отецъ на свѣтѣ.
Счастливѣйшій супругъ.

КОРОЛЬ *(мрачно)*.

Нѣтъ, Поза, нѣтъ!
И что несчастливъ я—я никогда
Того не чувствовалъ такъ живо, сильно,
Какъ этотъ мигъ.
(Съ нѣкоторою горестью смотритъ на маркиза).

МАРКИЗЪ.

Принцъ мыслитъ благородно
И очень здраво. Никогда я принца
Не зналъ другимъ.

КОРОЛЬ.

А я узналъ. Что онъ
Похитилъ у меня, того ничто,
Того короны всѣ мнѣ не замѣнятъ...
Такую рѣдкую жену!

МАРКИЗЪ.

Кто это
Осмѣлится?

КОРОЛЬ.

Что? Свѣтъ! людскіе толки!
Я самъ!... Вотъ здѣсь улики, что ее
Невозвратимо, страшно осуждаютъ.
Другія есть еще, къ которымъ я
Боюсь и приступиться. Но, маркизъ,

Мнѣ тяжко, тяжко объ одномъ подумать;
Кто обвинилъ ее? Когда она,
Она сама могла такъ низко пасть,
Такъ какъ же тутъ скорѣй не усумниться,
Что Эболи безсовѣстно клевещетъ?
Развѣ монахъ ея не ненавидитъ?
И Альба къ принцу местію не дышетъ?
Моя жена дороже мнѣ ихъ всѣхъ.

МАРКИЗЪ.

И въ сердцѣ женщины зарыто нѣчто,
Что выше всѣхъ и толковъ, и злорѣчій:
То добродѣтель женская.

КОРОЛЬ.

Маркизъ,
Я то же думаю. Какъ ни шипи
Они, а такъ ужасно, низко пасть
Не такъ легко. Не такъ легко, маркизъ,
Какъ тамъ они меня ни увѣряй,
Святыя узы чести разорвать.
Маркизъ, вы глубоко людей постигли.
Давно недоставалъ мнѣ человѣкъ
Такой, какъ вы. Вы добры, вы пріятны
И знаете людей, и потому
Я васъ избралъ...

МАРКИЗЪ *(озадаченный, испуганный).*

Меня?

КОРОЛЬ.

Вы представлялись
Монарху своему и ничего
Не испросили для себя. Дивлюсь!
Вы справедливы. Страсть не помрачитъ
Вашъ трезвый взглядъ. Съ моимъ сойдитесь сыномъ.
Узнайте сердце, мысли королевы,
Я дамъ вамъ полномочье съ нею быть
Наединѣ. Теперь меня оставьте.

(Дергаетъ за колокольчикъ).

МАРКИЗЪ.

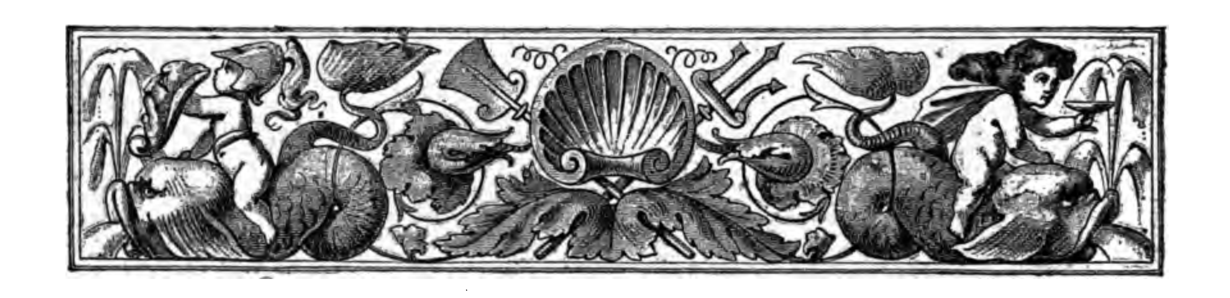
Если
Отъ васъ уйду я хоть съ одной надеждой
Исполненной, то этотъ день мнѣ будетъ
Прекраснѣйшимъ днемъ въ жизни.

КОРОЛЬ *(протягивая ему руку для поцѣлуя).*

Вѣрьте, Поза,
Онъ непотерянный и для меня.

(Маркизъ встаетъ и удаляется. Графъ Лерма входитъ).

Маркиза Позу допускать ко мнѣ
Впередъ безъ всякаго доклада, графъ.



ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Зала у королевы.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Королева, герцогиня Оливарецъ, принцесса Эболи, графиня Фуэнтесъ *и другія дамы.*

КОРОЛЕВА *(къ гофмейстеринѣ, вставая).*
Такъ ключъ пропалъ? Необходимо будетъ
Мнѣ разломать шкатулку, и сейчасъ...
(Замѣчая принцессу Эболи, которая къ ней подходитъ и цѣлуетъ руку).
Привѣтствую васъ, милая принцесса!
Я рада, что вы стали поправляться...
Блѣдны еще вы, правда...

ФУЭНТЕСЪ *(немного лукаво).*
Лихорадка
Такъ сильно дѣйствуетъ на наши нервы.
Не правда ли, принцесса?

КОРОЛЕВА.
Очень, очень
Я навѣстить васъ, милая, желала,
Но—знаете—не смѣла.

ОЛИВАРЕЦЪ.
Въ посѣщеньяхъ
Принцесса не терпѣла недостатка,
Повѣрьте, государыня.

КОРОЛЕВА.
Я вѣрю.
Что съ вами? Вы дрожите.

ЭБОЛИ.
Ничего,
Пройдетъ. Но, государыня, прошу васъ
Позвольте мнѣ уйти.

КОРОЛЕВА.
Принцесса, вы
Скрываетесь: вы больны, больнѣе,
Чѣмъ увѣрять хотите? Вы стоять
Не можете. Графиня, помогите
Ей сѣсть на этотъ табуретъ.

ЭБОЛИ.
Мнѣ будетъ
На воздухѣ полегче.
(Удаляется).

КОРОЛЕВА.
Потрудитесь
За ней пойти, графиня. О, какой
Припадокъ съ ней!
(Входитъ пажъ и тихо говоритъ съ герцогиней, которая потомъ обращается къ королевѣ).

ОЛИВАРЕЦЪ.
Маркизъ де-Поза, ваше
Величество. Онъ присланъ къ вамъ нарочно
Его величествомъ.

КОРОЛЕВА.
Я жду его.
(Пажъ уходитъ и отворяетъ маркизу двери).

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Маркизъ Поза. Прежніе.

Маркизъ преклоняетъ колѣно передъ королевой, она даетъ ему знакъ встать.

КОРОЛЕВА.
Какой приказъ отъ государя вы
Мнѣ принесли? Могу ль его, маркизъ,
При всѣхъ я ..

МАРКИЗЪ.
Я имѣю порученье
Лишь къ вашему величеству одной.
(По знаку королевы дамы удаляются).

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Королева. Маркизъ Поза.

КОРОЛЕВА *(съ удивленіемъ).*

Какъ? вѣрить ли глазамъ своимъ, маркизъ?
Вы присланы ко мнѣ отъ короля?

МАРКИЗЪ.

Что жъ вашему величеству тутъ странно?

КОРОЛЕВА.

Конечно, странно! Вѣрно, сбился свѣтъ
Съ пути. Вы и король—я признаюсь...

МАРКИЗЪ.

Такими ль чудесами наше время
Чревато, государыня!

КОРОЛЕВА.

Скажите жъ,
Какими, напримѣръ?

МАРКИЗЪ.

Положимъ, что
Я, наконецъ, себя далъ обратить:
Наскучило мнѣ при дворѣ Филиппа
Играть роль чудака. Что жъ изъ того?
Кто хочетъ быть полезнымъ людямъ, долженъ
Сперва стараться сдѣлаться имъ равнымъ,
Къ чему одеждой секты щеголять?
Положимъ—кто жъ свободенъ отъ тще-
славья?—
Положимъ, я для своего ученья
Ищу приверженцевъ—ищу, положимъ,
Ну хоть на тронѣ.

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, маркизъ!
И даже въ шутку не хочу я вѣрить,
Чтобъ вы такимъ незрѣлымъ помышленьямъ
Могли предаться. Вы вѣдь не мечтатель,
Вы не предпримете чего-нибудь,
Чего бы не надѣялись окончить.

МАРКИЗЪ.

Какъ знать?

КОРОЛЕВА.

Скорѣй повѣрю я, маркизъ—
Что, впрочемъ, въ васъ меня бы удивило—
Что вы... что вы...

МАРКИЗЪ.

Двуличенъ? можетъ быть!

КОРОЛЕВА.

Не прямы ужъ по крайней мѣрѣ. Только
Король ужъ вѣроятно не за тѣмъ
Васъ избралъ въ вѣстники своихъ велѣній,
Чтобъ въ нихъ я отказала.

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ.

КОРОЛЕВА.

Но развѣ
Благое дѣло можетъ благородить
Дурныя средства? Можетъ—вы простите
Мнѣ эти всѣ сомнѣнья—ваша гордость
Согласоваться съ должностью подобной?
Не думаю.

МАРКИЗЪ.

Я также, если бъ дѣло
О томъ шло, какъ бы обмануть монарха:
Я не хочу того. Хочу. напротивъ,
Служить ему и ревностнѣй, и больше,
Чѣмъ самъ онъ поручилъ мнѣ.

КОРОЛЕВА.

Въ этомъ снова
Я узнаю васъ. Но довольно. Что
Онъ дѣлаетъ?

МАРКИЗЪ.

Король? Какъ мнѣ сдается,
Я очень скоро буду отомщенъ
За эту строгость вашихъ замѣчаній.
Я не спѣшу разсказывать, а вы
Гораздо менѣе спѣшите слушать.
Но все же слушать надобно. Король
Васъ, государыня, покорно проситъ
Посланника Французскаго двора
Не принимать сегодня. Вотъ что мнѣ
Поручено сказать вамъ. Я окончилъ.

КОРОЛЕВА.

И это все, что вы отъ короля
Мнѣ сообщить имѣли?

МАРКИЗЪ.

Все почти,
Что поводомъ мнѣ служитъ быть у васъ.

КОРОЛЕВА.

Я откажусь, маркизъ, отъ любопытства
Знать то, что, можетъ быть, мнѣ тайной
должно...

МАРКИЗЪ.

Да, должно, королева. Правда, если бъ
Вы не были *вы* сами, я не медля
Кой о какихъ вещахъ вамъ разсказалъ бы,
Кой отъ кого бы васъ предостерегъ.
Но съ вами этого не нужно. Пусть
Опасности восходятъ и заходятъ
Надъ вами: вамъ объ нихъ не должно знать.
Все это мелко, низко, недостойно
Того, чтобъ отгонять небесный сонъ
Отъ ангельскихъ очей. И не за этимъ
Пришелъ я къ вамъ. Принцъ Карлосъ...

КОРОЛЕВА.

Какъ его
Здоровье?

МАРКИЗЪ.

Онъ живетъ здѣсь какъ мудрецъ,
Которому вмѣняютъ въ преступленье
Служенье въ истинѣ, но въ состояньи
Любви своей пожертвовать собою,
Какъ истинѣ мудрецъ. Я мало словъ
Принесъ о немъ; но здѣсь весь Карлосъ
самъ.

(Передаетъ королевѣ письмо).

КОРОЛЕВА *(прочитавъ его)*.
Онъ пишетъ, что ему свиданье нужно.
МАРКИЗЪ.
Я думаю.
КОРОЛЕВА.
Но будетъ ли, маркизъ,
Онъ счастливъ оттого, когда увидитъ,
Что я сама несчастна?
МАРКИЗЪ.
Нѣтъ, но взглядъ вашъ
Ему покой и смѣлость возвратитъ.
КОРОЛЕВА.
Какъ это?
МАРКИЗЪ.
Герцогъ Альба уже назначенъ
Во Фландрію.
КОРОЛЕВА.
Назначенъ... Я слыхала.
МАРКИЗЪ.
Король ужъ ни за что не перемѣнитъ.
Мы знаемъ короля. Но ясно также,
Что оставаться здѣсь не долженъ Карлосъ—
Не долженъ ни за что, теперь подавно...
Притомъ и Фландріи нельзя жъ погибнуть.
КОРОЛЕВА.
Не знаете ль вы средствъ помочь бѣдѣ?
МАРКИЗЪ.
Быть можетъ. Только это средство страшно,
Какъ и сама опасность: смѣло, дерзко,
Какъ и отчаянье. Другого я
Не знаю.
КОРОЛЕВА.
Назовите мнѣ его.
МАРКИЗЪ.
Лишь вамъ одной открыть его дерзаю.
Отъ васъ его лишь только можетъ Карлосъ
Безъ отвращенія услышать... Носитъ
Оно немного жесткое названье...
КОРОЛЕВА.
Бунтъ?
МАРКИЗЪ.
Долженъ онъ ослушаться Филиппа;
Онъ долженъ въ Брюссель тайно удалиться,
Гдѣ ждутъ его фламандцы съ нетерпѣньемъ.
На зовъ его возстанутъ Нидерланды!
Сильнѣй ихъ дѣло станетъ съ царскимъ сыномъ.
Пусть онъ оружьемъ въ трепетъ приведетъ
Престолъ испанскій. Въ чемъ ему въ Мадритѣ
Отецъ всегда отказывалъ, на то
Онъ согласится въ Брюсселѣ.
КОРОЛЕВА.
Вы нынче
Съ нимъ видѣлись—и это ваше мнѣнье?
МАРКИЗЪ.
Да, оттого, что видѣлся съ нимъ нынче.

КОРОЛЕВА *(послѣ нѣкотораго молчанія)*.
Вашъ планъ, я признаюсь, меня пугаетъ
И нравится мнѣ вмѣстѣ. Но я вижу,
Что правы вы. Смѣла идея ваша,
И потому-то, думаю, она
И нравится мнѣ такъ. Хочу ее
Я выняньчить сперва. А знаетъ принцъ
О ней?
МАРКИЗЪ.
Хотѣлось мнѣ, чтобъ онъ услышалъ
Ее изъ вашихъ устъ впервые.
КОРОЛЕВА.
Правда,
Идея велика. Когда бы только
Не молодость его...
МАРКИЗЪ.
Что нужды въ томъ,
Тамъ онъ найдетъ Оранскаго, Эгмонта,
Все Карла Пятаго вождей искусныхъ,
Въ совѣтѣ столь же мудрыхъ, какъ и страшныхъ
На полѣ битвы.
КОРОЛЕВА *(съ живостью)*.
Да, идея велика,
Прекрасна. Принцъ такъ долженъ поступить.
Я живо это чувствую. Та роль,
Что здѣсь въ Мадритѣ онъ играть обязанъ,
Мнѣ за него мучительна. Ему
Я Францію заранѣ обѣщаю,
Савойю также. Съ вами совершенно
Согласная, маркизъ: Донъ-Карлосъ долженъ..
Онъ долженъ дѣйствовать. Но вѣдь на это
Понадобятся деньги.
МАРКИЗЪ.
И онѣ
Готовы.
КОРОЛЕВА.
Это ужъ моя забота.
МАРКИЗЪ.
Такъ я могу надѣяться на ваше
Свиданье?
КОРОЛЕВА.
Я подумаю.
МАРКИЗЪ.
Но Карлосъ
Отвѣта ждетъ и проситъ, королева,
А я его увѣрилъ, что съ пустыми
Руками я къ нему не возвращусь.
(Подавая королевѣ свою записную книжку).
Двухъ строкъ пока довольно...
КОРОЛЕВА *(окончивъ писать)*.
Съ вами я
Увижусь?
МАРКИЗЪ.
Всякій разъ, какъ только вы
Прикажете.

КОРОЛЕВА.

Какъ только прикажу я?
И всякій разъ, какъ только прикажу?
Маркизъ, какъ понимать должна я это?

МАРКИЗЪ.

Какъ только можете безпечнѣй. Намъ
Дана свобода... Этого довольно—
Для государыни моей довольно.

КОРОЛЕВА.

Какъ буду рада я, маркизъ, когда
Хоть этотъ выходъ будетъ у свободы,
И чрезъ него. Итакъ, вы положитесь
На все участье скромное мое.

МАРКИЗЪ *(съ жаромъ)*.

О, я увѣренъ былъ—меня поймутъ здѣсь.

ГЕРЦОГИНЯ ОЛИВАРЕЦЪ *(показывается въ дверяхъ)*.

КОРОЛЕВА *(холодно маркизу)*.

Что государь мой мнѣ повелѣваетъ,
То я вмѣню себѣ въ законъ. Ступайте
Въ покорности моей его увѣрить.
(Даетъ ему знакъ, маркизъ уходитъ).

Галлерея.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Донъ-Карлосъ. Графъ Лерма.

КАРЛОСЪ.

Намъ здѣсь не помѣшаютъ. Что угодно
Вамъ мнѣ открыть?

ЛЕРМА.

Свѣтлѣйшій принцъ, вы друга
Здѣсь при дворѣ имѣли.

КАРЛОСЪ *(озадаченный)*.

Друга? друга?
Что этимъ вы сказать хотите, графъ?

ЛЕРМА.

Такъ я у васъ просить прощенья долженъ,
Что болѣе узналъ, чѣмъ было нужно.
Однако жъ, чтобы успокоить ваше
Высочество, скажу, что я изъ вѣрныхъ
Рукъ знаю это, словомъ—отъ себя.

КАРЛОСЪ.

О комъ же говоримъ мы?

ЛЕРМА.

О маркизѣ Поза.

КАРЛОСЪ.

Ну?

ЛЕРМА.

Если вы, свѣтлѣйшій принцъ,
Ему открыли больше, нежели каждый
Знать можетъ, какъ я сильно опасаюсь...

КАРЛОСЪ.

Какъ, графъ?—вы опасаетесь?

ЛЕРМА.

Онъ былъ
У короля.

КАРЛОСЪ.

О!

ЛЕРМА.

Два часа, мой принцъ,
И въ очень тайномъ разговорѣ.

КАРЛОСЪ.

Право?

ЛЕРМА.

Рѣчь шла не о бездѣлицѣ у нихъ.

КАРЛОСЪ.

Я думаю.

ЛЕРМА.

И ваше имя, принцъ,
Я часто слышалъ.

КАРЛОСЪ.

Я надѣюсь, въ этомъ
Нѣтъ ничего дурного.

ЛЕРМА.

Также утромъ
Сегодня въ спальнѣ королевы было
Загадочно говорено о ней.

КАРЛОСЪ *(испуганный, отступаетъ)*.

Графъ Лерма?

ЛЕРМА.

Не успѣлъ уйти маркизъ,
Какъ мнѣ король изволилъ приказать
Его впускать впредь безъ докладу.

КАРЛОСЪ.

Это
Ужъ вправду много.

ЛЕРМА.

Безпримѣрно, принцъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ я служу монарху.

КАРЛОСЪ.

Много!
Ужасно много!... Но, скажите, какъ же
Говорено о королевѣ было?

ЛЕРМА *(отступая)*.

Принцъ, это противъ долга моего.

КАРЛОСЪ.

Какъ странно! объ одномъ мнѣ говорите,
А о другомъ скрываете.

ЛЕРМА.

Одно
Я долженъ вамъ, другое—королю.

КАРЛОСЪ.

Вы правы.

ЛЕРМА.

Правда, я всегда маркиза
Зналъ честнымъ человѣкомъ.

КАРЛОСЪ.

Стало быть,
Его вы знали очень хорошо.

ЛЕРМА.
Но добродѣтель всякая чиста
До часу испытанья.

КАРЛОСЪ.
Правда, правда.

ЛЕРМА.
А милость короля, какъ мнѣ сдается,
Чего нибудь да стоитъ. Сколько разъ
Въ крови была на удочкѣ златой
Испытанная доблесть.

КАРЛОСЪ.
Да, о, да!

ЛЕРМА.
И иногда полезнѣе бываетъ
Заранѣе пойти открыть все то,
О чемъ молчать становится опасно.

КАРЛОСЪ.
Конечно. Но вы сами говорите,
Что знали Позу честнымъ человѣкомъ?

ЛЕРМА.
Когда онъ и теперь все такъ же честенъ,
Его мои сомнѣнья не испортятъ.
Для васъ же, принцъ, здѣсь выигрышъ двой-
ной.

(Хочетъ итти).

КАРЛОСЪ
(растроганный, идетъ за нимъ и жметъ ему руку).
Тройной, достойный человѣкъ. Я вижу
Себя богаче другомъ, и не стоитъ
Мнѣ это прежняго.

(Лерма уходитъ).

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Маркизъ Поза *идетъ по галлереѣ.* Донъ-Карлосъ.

МАРКИЗЪ.
Донъ-Карлосъ!

КАРЛОСЪ.
Кто тутъ?
Ахъ, это ты! Какъ кстати. Я спѣшу
Въ нашъ монастырь. Смотри же, приходи
Туда скорѣе

(Хочетъ итти).

МАРКИЗЪ.
Только двѣ минуты...
Постой...

КАРЛОСЪ.
А если насъ съ тобой застанутъ?

МАРКИЗЪ.
Не бойся. Я тебя не задержу.
Отъ королевы...

КАРЛОСЪ.
Ты у короля былъ,
Я слышалъ?

МАРКИЗЪ.
Да. Онъ призывалъ меня.

КАРЛОСЪ *(въ ожиданіи).*
Ну?

МАРКИЗЪ.
Все обдѣлано. Ее увидишь.

КАРЛОСЪ.
Но что жъ король? Чего хотѣлъ король?

МАРКИЗЪ.
Король? Да ничего почти. Одно
Лишь любопытство знать, кто я... Друзей
Непрошенныхъ прислужливость—и только.
Почемъ мнѣ знать? Онъ предлагалъ мѣста
мнѣ.

КАРЛОСЪ.
Но ты отъ нихъ, конечно, отказался?

МАРКИЗЪ.
Конечно.

КАРЛОСЪ.
Ну, а какъ разстались вы?

МАРКИЗЪ.
Порядочно.

КАРЛОСЪ.
А обо мнѣ ни слова?

МАРКИЗЪ.
Какъ о тебѣ? Ну, да... такъ вообще...

(Вынимаетъ бумажникъ и подаетъ его принцу).

Вотъ здѣсь покуда нѣсколько лишь стро-
чекъ
Отъ королевы. Завтра я узнаю,
Гдѣ и когда...

КАРЛОСЪ
(читаетъ разсѣянно, прячетъ записную книжку и хочетъ итти).
Такъ у пріора мы
Съ тобой увидимся.

МАРКИЗЪ.
Да погоди же!
Куда спѣшишь? Никто нейдетъ.

КАРЛОСЪ *(съ принужденною улыбкою).*
Мы, право,
Перемѣнились ролями съ тобой.
Ты нынче удивительно какъ смѣлъ.

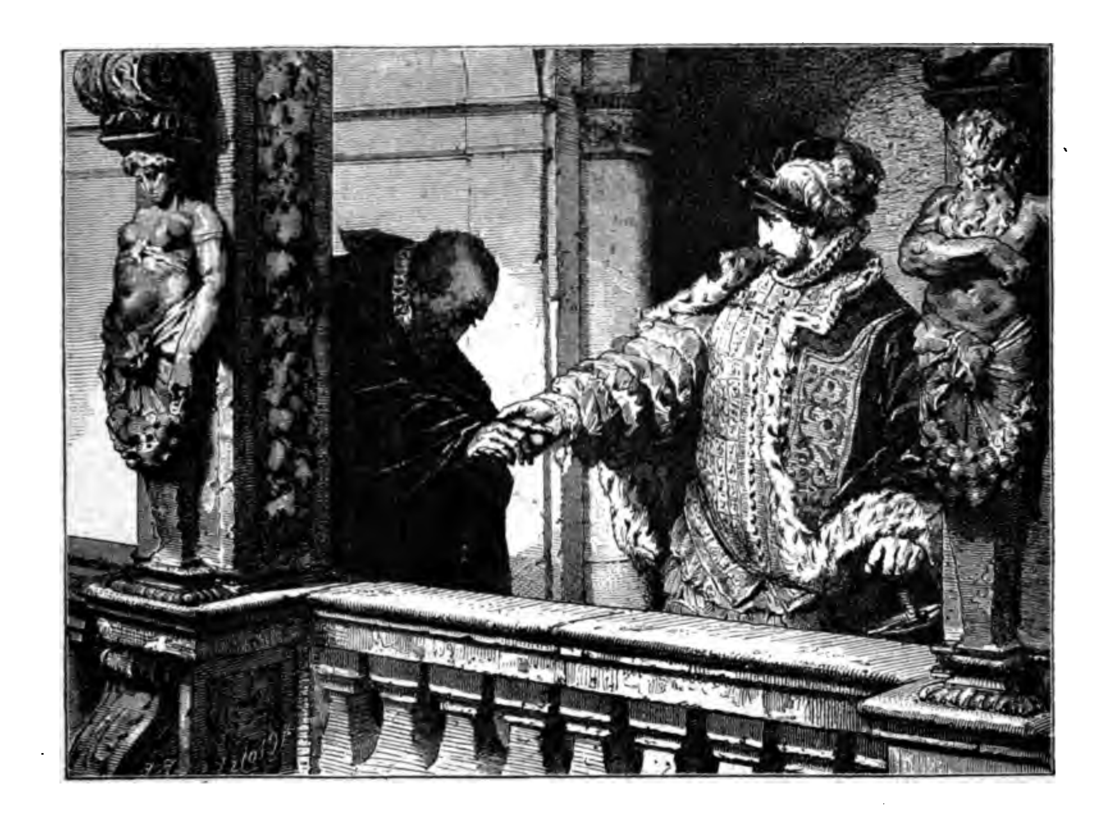
МАРКИЗЪ.
Зачѣмъ же нынче?

КАРЛОСЪ.
Что же королева
Мнѣ пишетъ?

МАРКИЗЪ.
Такъ еще ты не прочелъ?

КАРЛОСЪ.
Я? Да и въ самомъ дѣлѣ.

МАРКИЗЪ.
Что съ тобой?
Что у тебя на сердцѣ?



КАРЛОСЪ
(читаетъ въ другой разъ; съ восхищеніемъ и жаромъ).

Ангелъ неба!
Да, я хочу быть... я хочу тебя
Достойнымъ быть!.. Великія сердца
Растутъ въ любви взаимной. Будь, что будетъ!
Когда ужъ ты велишь—я повинуюсь.
Она мнѣ пишетъ, чтобы я готовъ былъ
На важную рѣшимость. Что же этимъ
Она сказать мнѣ хочетъ? Ты не знаешь?

МАРКИЗЪ.

Хотя бъ и зналъ, ты, Карлосъ, въ состояньи ль
Сегодня выслушать меня?

КАРЛОСЪ.

Тебя
Я оскорбилъ? Я такъ разсѣянъ нынче.
Прости меня!

МАРКИЗЪ.

Разсѣянъ? Отчего же?

КАРЛОСЪ.

Такъ... оттого... да я и самъ не знаю.
Такъ, стало-быть бумажникъ этотъ мой?

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ, не совсѣмъ. Я даже твой хочу
Къ себѣ взять.

КАРЛОСЪ.

Это для чего?

МАРКИЗЪ.

И всѣ
Другія мелочи, что въ третьи руки
Попасть не могутъ—не должны... Замѣтки,
И письма разныя... короче, твой
Портфель...

КАРЛОСЪ.

Къ чему же?

МАРКИЗЪ.

Такъ, на всякій случай.
Кто поручиться можетъ за внезапность?
А у меня не станутъ ихъ искать.
Отдай мнѣ ихъ.

КАРЛОСЪ *(въ сильномъ безпокойствѣ).*

Но странно! отчего же
Такая вдругъ...

МАРКИЗЪ.

О, будь покоенъ, Карлосъ!
Я этимъ ни на что не намекаю.
Клянуся, ничего! Лишь осторожность

Передъ опасностью. Нѣтъ, право, я—
Повѣрь мнѣ—не хотѣлъ пугать тебя.
КАРЛОСЪ (*отдавая ему записную книжку*).
Смотри же, береги.

МАРКИЗЪ.

Ужъ будь спокоенъ.
КАРЛОСЪ (*значительно смотритъ на него*).
Родригъ, я много далъ тебѣ.

МАРКИЗЪ.

Но все
Не столько, сколько получилъ ужъ я
Отъ дружбы нашей. Такъ о прочемъ—тамъ...
Теперь прощай, прощай!
(*Хочетъ итти*).

КАРЛОСЪ
(*въ сомнѣніи борется съ самимъ собою, наконецъ зоветъ его назадъ*).
Дай письма мнѣ
Еще разъ перечесть. Одно письмо,
Которое тогда еще, какъ я
Былъ боленъ при смерти, она въ Алькалу
Писала мнѣ. Оно хранится тутъ же.
Его всегда носилъ я на груди,
Мнѣ тяжело разстаться будетъ съ нимъ,
Оставь его мнѣ... только лишь его...
Все прочее возьми, пожалуй.
(*Вынимаетъ письмо и отдаетъ назадъ записную книжку*).

МАРКИЗЪ.

Карлосъ,
Мнѣ очень жаль, но именно вотъ это
Письмо и нужно было мнѣ

КАРЛОСЪ.

Прощай!
(*Онъ идетъ медленно и тихо, останавливается на нѣсколько минутъ у дверей, потомъ вдругъ возвращается и отдаетъ маркизу письмо*).
Возьми.
(*Рука его дрожитъ. Слезы выступаютъ на глазахъ; онъ падаетъ на грудь маркиза и прислоняетъ къ ней лицо свое*).
Нѣтъ, этого отецъ не можетъ сдѣлать!
Не правда ль, другъ? Онъ этого не можетъ?
(*Быстро уходитъ*).

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

МАРКИЗЪ (*удивленный смотритъ ему вслѣдъ*).
Возможно ли? Я, стало быть, еще
Не зналъ его? Неужли въ сердцѣ Карла
Такой изгибъ могъ скрыться отъ меня?
Не довѣряетъ другу онъ? О, нѣтъ.
Нѣтъ, нѣтъ! О! какъ я золъ! Что сдѣлалъ онъ,
Что я, изъ слабыхъ слабый, обвиняю
Его? Чѣмъ я клеймлю его, тѣмъ былъ бы
Я самъ... Ему лишь страннымъ показалось...
Вотъ это такъ, вотъ этому я вѣрю.
Онъ скрытностью такою никогда
Предъ другомъ не грѣшилъ. Но онъ страдаетъ.
Я не могу помочь тебѣ, мой Карлосъ;
Твое я сердце долженъ дольше мучить.
Король вѣдь также ввѣрился сосуду,
Куда свою священнѣйшую тайну
Самъ вылилъ. За довѣренность такую
Я долженъ благодарностью ему.
Къ чему бы послужила болтовня,
Когда мое молчанье не приноситъ
Тебѣ страданій? можетъ быть еще
Отъ нихъ предохраняетъ? Для чего
Уснувшему показывать на тучу,
Висящую надъ нимъ грозою страшной?
Довольно, если мнѣ удастся тихо
Ее отъ головы твоей отвесть,
И ты, проснувшись, надъ собой увидишь
Лазурное, безоблачное небо.
(*Уходитъ*).

Кабинетъ короля.

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Король *сидитъ въ креслахъ, возлѣ него* Инфанта Клара Евгенія.
КОРОЛЬ (*послѣ спокойнаго молчанія*).
Нѣтъ! Это все же дочь моя. Какъ можетъ
Природа лгать съ такою правдой? Эти
Лазурные глаза мои глаза.
Въ ея чертахъ я нахожу себя.
Да, ты дитя моей любви. Я жму
Тебя къ груди своей—ты кровь моя!
(*Вдругъ останавливается, пораженный мыслію*).
Кровь?
Чего жъ могу я худшаго страшиться?
Мои черты—его черты вѣдь также?
(*Схватываетъ медальонъ и смотритъ то на портретъ, то на зеркало, стоящее напротивъ; наконецъ бросаетъ медальонъ на полъ, быстро встаетъ и отталкиваетъ отъ себя инфанту*).
Прочь, прочь! Я въ этой пропасти теряюсь.

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Графъ Лерма. Король.

ЛЕРМА.

Ея величество изволили сейчасъ
Пожаловать въ пріемные покои.

КОРОЛЬ.

Теперь?

ЛЕРМА.

И приказали позволенья
Просить у вашего...

КОРОЛЬ.

Теперь? теперь?
Въ такое время?... Нѣтъ! теперь нельзя,
Нельзя мнѣ съ нею говорить... нельзя!...

ЛЕРМА.

Ея величество ужъ здѣсь.
(Уходитъ).

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Король. Королева *входитъ.* Инфанта. *Послѣдняя бѣжитъ навстрѣчу къ королевѣ и жмется къ ней. Королева падаетъ на колѣни предъ королемъ, который молча и въ смущеніи смотритъ на нее.*

КОРОЛЕВА.

Супругъ и государь... принуждена я...
Должна у трона вашего искать
Себѣ я правосудья.

КОРОЛЬ.

Правосудья?

КОРОЛЕВА.

Со мной здѣсь недостойно поступили.
Замокъ взломали у шкатулки...

КОРОЛЬ.

Что?

КОРОЛЕВА.

И вещи дорогія для меня
Пропали...

КОРОЛЬ.

Вещи дорогія... вамъ?

КОРОЛЕВА.

По своему значенью, что, чрезъ дерзость
Непосвященныхъ въ наши тайны, могутъ...

КОРОЛЬ.

Значенье... дерзость... но... Да встаньте жъ, встаньте!

КОРОЛЕВА.

Не прежде, мой супругъ, какъ обѣщанье
Вы мнѣ дадите королевской властью
Мнѣ или похитителя представить,
Или смѣнить прислугу, средь которой
Скрывается...

КОРОЛЬ.

Но встаньте жъ, королева!
Въ подобномъ положеньи.. встаньте, встаньте!

КОРОЛЕВА *(встаетъ).*

Что онъ изъ знатныхъ долженъ быть—я знаю,
Затѣмъ, что жемчугу и бриллiантовъ
Въ шкатулкѣ больше, чѣмъ на миллiонъ,
Лежало: онъ же взялъ одни лишь письма.

КОРОЛЬ.

Я бы хотѣлъ...

КОРОЛЕВА.

Охотно, мой супругъ.
То были письма вмѣстѣ съ медальономъ
Инфанта.

КОРОЛЬ.

Чьи?

КОРОЛЕВА.

Инфанта, мой супругъ
Донъ-Карлоса.

КОРОЛЬ.

И къ вамъ?

КОРОЛЕВА.

Ко мнѣ.

КОРОЛЬ.

Инфанта?
И это *мнѣ* вы говорите? *мнѣ?*

КОРОЛЕВА.

А почему жъ не вамъ, супругъ мой?

КОРОЛЬ.

Съ этимъ
Лицомъ!

КОРОЛЕВА.

Что это съ вами? Полагаю,
Вы помните еще объ этихъ письмахъ,
Которыя, съ согласья двухъ дворовъ,
Принцъ въ Сенъ-Жерменъ писалъ ко мнѣ.
Включенъ ли былъ сюда и медальонъ,
Иль своевольно скорая надежда
Ему такую смѣлость придала—
Объ этомъ я судить теперь не смѣю.
То опрометчивость была, быть можетъ,
Но не проступокъ, потому что вѣрно
Тогда ему на умъ и не вспадало,
Что это къ мачихѣ своей...
(Замѣчая волненіе короля).
Что это?
Что съ вами?

ИНФАНТА

(которая, поднявъ между тѣмъ медальонъ съ полу и поигравъ имъ, приноситъ его королевѣ).
Посмотри, мама, картинка.

КОРОЛЕВА.

Что это? мой...
(Узнаетъ медальонъ и останавливается блѣдная, окаменѣлая. Оба смотрятъ другъ на друга неподвижными глазами. Послѣ долгаго молчанія).
По-правдѣ, государь,
Вы средство точно царское нашли
Испытывать своей супруги сердце,
Но я желала бъ только васъ спросить...

КОРОЛЬ.
Здѣсь спрашивать прилично только мнѣ.
КОРОЛЕВА.
Такъ пусть по крайней мѣрѣ хоть невинность
Избавится отъ лишнихъ подозрѣній.
Такъ если это воровство случилось
По вашему приказу...
КОРОЛЬ.
То?..
КОРОЛЕВА.
Тогда
Мнѣ некого винить, и сожалѣть
Мнѣ больше некого, какъ только васъ,
Которому супруги не досталось
Такой, чтобъ эти средства впрокъ пошли.
КОРОЛЬ.
Я эти рѣчи знаю. Къ сожалѣнью,
Онѣ меня ужъ больше не обманутъ,
Какъ обманули разъ въ Аранжуэцѣ
О! добродѣтельную королеву,
Которая съ достоинствомъ такимъ
Себя тамъ защищала, я теперь
Узналъ короче!
КОРОЛЕВА.
Это что?
КОРОЛЬ.
Итакъ,
Сударыня, скорѣе, безъ уловокъ,
Скажите: правда ль, правда ли еще,
Что вы ни съ кѣмъ тогда не говорили?
Ни съ кѣмъ? Скажите, точно ль это правда?
КОРОЛЕВА.
Съ инфантомъ тамъ я говорила, да.
КОРОЛЬ.
Да?.. Ну, такъ дѣло ясно! очевидно!
Такъ дерзко, такъ безпощадно поступить
Съ моею честью!
КОРОЛЕВА.
Съ честью, государь?
Когда за честь свою вы такъ боитесь,
Мнѣ кажется, тутъ большая была
Въ опасности, чѣмъ та, какую мнѣ
Кастилія въ приданое дала.
КОРОЛЬ.
Зачѣмъ же вы тогда мнѣ не признались?
КОРОЛЕВА.
Затѣмъ, что не привыкла я еще,
Чтобъ мнѣ, въ присутствіи всего дворца,
Такой судейскій дѣлали допросъ.
Отъ правды я не отклонюсь, когда
Ее попросятъ съ должнымъ уваженьемъ
И должной добротой. А развѣ ваше
Величество въ Аранжуэцѣ такъ
Со мною говорили? Развѣ дворъ
Быть можетъ судіею, предъ которымъ
Должны въ своихъ поступкахъ сокровенныхъ
Давать отчетъ и королевы? Принцу
Я точно тамъ назначила свиданье,
Онъ умолялъ меня. Я поступила такъ
Затѣмъ, супругъ мой, что того хотѣла,
Затѣмъ, что я обычай не хочу
Своимъ судьею ставить въ тѣхъ дѣлахъ,
Которыя пристойными признала.
Отъ васъ же я затѣмъ объ этомъ скрыла
Что не имѣла никакой охоты,
Объ этомъ правѣ съ вами, государь,
Предъ челядью дворцовой препираться.
КОРОЛЬ.
Вы говорите слишкомъ смѣло, слишкомъ.
КОРОЛЕВА.
И также потому, прибавлю я,
Что принцъ едва ли въ сердцѣ своего
Отца находитъ милость, снисхожденье,
Какихъ онъ стоитъ, государь...
КОРОЛЬ.
Онъ стоитъ?
КОРОЛЕВА.
Зачѣмъ скрывать мнѣ это, государь?
Я уважаю принца и люблю,
Какъ близкаго родного своего,
Который прежде былъ почтенъ достойнымъ
Носить другое имя. До сихъ поръ
Я не могу еще понять, что мнѣ
Онъ именно затѣмъ быть долженъ чуждымъ,
Что нѣкогда онъ былъ мнѣ очень дорогъ.
Когда политика умѣетъ связи
Завязывать, какъ вздумаетъ, то ей
Едва ли не труднѣе ихъ расторгнуть,
Не стану я по долгу ненавидѣть,
И—если я принуждена сознаться—
Я не хочу такого долга знать.
КОРОЛЬ.
Елисавета! вы меня видали
Въ минуты слабости. Воспоминанье
Объ нихъ даетъ вамъ эту смѣлость. Вы
Надѣетесь на власть свою надъ сердцемъ,
Которой вамъ случалось побѣждать
Мой не преклонный нравъ. Но бойтесь
Тѣмъ болѣе. Что къ слабостямъ меня
Склоняло, то и въ гнѣвъ повергнуть можетъ.
КОРОЛЕВА.
Но что жъ я сдѣлала?
КОРОЛЬ *(беретъ ее за руку)*.
Хотите знать?
Послушайте: когда виновны вы,
Когда полна проступковъ вашихъ мѣра,
Когда обманутъ я...
(Опускаетъ ея руку).
Я въ состояньи
Въ себѣ и эту слабость подавить.
И подавлю. Но знайте, что тогда
И мнѣ, и вамъ бѣда, Елисавета!

КОРОЛЕВА.

Но что же тутъ я сдѣлала дурного?

КОРОЛЬ.

Тогда польется кровь!

КОРОЛЕВА.

Ужъ до того
Дошло, о, Боже!

КОРОЛЬ.

Я тогда себя
Не знаю... Я тогда не чту ни нравовъ,
Ни голоса природы, ни народныхъ
Священныхъ договоровъ...

КОРОЛЕВА.

Какъ мнѣ жаль
Васъ, государь!

КОРОЛЬ *(внѣ себя).*

Жаль! Состраданье
Преступницы!
(Инфанта со страхомъ жмется къ матери. Король гнѣвно отталкиваетъ дитя отъ королевы).

КОРОЛЕВА

(съ кротостью и достоинствомъ, но дрожащимъ голосомъ).

Дитя свое съумѣю
Я оградить отъ вашихъ притѣсненій.
Пойдемъ со мною, дочь моя!
(Беретъ ее на руки).
Когда
Король тебя не хочетъ больше знать,
За Пиренеями мы для себя
Защитниковъ поищемъ.
(Хочетъ итти).

КОРОЛЬ *(заступаетъ ей дорогу).*

Королева!

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, не могу я больше... Это слишкомъ...
(Она хочетъ дойти до дверей, но падаетъ съ дитятей на порогѣ).

КОРОЛЬ *(подбѣгая къ ней въ безпокойствѣ).*

О, Боже, что съ ней?

ИНФАНТА *(въ испугѣ съ крикомъ).*

Маменька въ крови!
(Убѣгаетъ).

КОРОЛЬ *(испуганный хлопочетъ около королевы).*

Какой ужасный случай! Боже, кровь!
За что меня наказывать такъ строго?
О, встаньте! успокойтесь! Встаньте—или
Весь дворъ сберется сценой любоваться!
(Она поднимается, поддерживаемая королемъ).

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ, АЛЬБА и ДОМИНГО *входятъ въ испугѣ. За ними дамы.*

КОРОЛЬ.

Скорѣе проводите королеву
Въ ея апартаменты. Дурно ей.
(Королева уходитъ, въ сопровожденіи дамъ. Альба и Доминго подходятъ ближе).

АЛЬБА.

Ея величество въ слезахъ! въ крови
Ея лицо...

КОРОЛЬ.

И это изумляетъ
Меня смутившихъ дьяволовъ?

АЛЬБА И ДОМИНГО.

Какъ?... Мы?...

КОРОЛЬ.

Которые навѣтами своими
Меня до бѣшенства лишь довели,
Но убѣдить не въ силахъ были.

АЛЬБА.

Мы
Вамъ говорили то, что сами знали...

КОРОЛЬ.

Пусть адъ спасибо скажетъ вамъ за это.
Къ несчастію, послушался я васъ.
Иль это голосъ совѣсти виновной?

МАРКИЗЪ ПОЗА *(за сценою).*

Монарха можно видѣть?

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. МАРКИЗЪ ПОЗА.

КОРОЛЬ

(услыхавъ голосъ маркиза, дѣлаетъ радостное движеніе и на нѣсколько шаговъ идетъ къ нему навстрѣчу).

Ахъ, вотъ онъ!
Добро пожаловать, маркизъ. Васъ, герцогъ,
Теперь не нужно мнѣ. Оставьте насъ.
(Альба и Доминго взглядываютъ другъ на друга съ нѣмымъ удивленіемъ и уходятъ).

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

КОРОЛЬ. МАРКИЗЪ ПОЗА.

МАРКИЗЪ.

Для старика, который въ двадцати
Сраженьяхъ смерти шелъ навстрѣчу, горько
Быть удаленнымъ такъ!

КОРОЛЬ.

Такъ думать вамъ
Прилично, мнѣ такъ дѣйствовать. Чѣмъ были
Вы для меня въ короткія минуты,
Тѣмъ въ цѣлый вѣкъ онъ не былъ для меня.
Я не хочу исподтишка любить,
Печать моихъ благоволеній свѣтло
Да озаритъ у васъ чело. Хочу,
Чтобъ всѣ завидовали человѣку,
Кого себѣ я другомъ выбралъ.

МАРКИЗЪ.

Даже
Подъ тою оболочкой темноты,
Которая лишь дѣлаетъ одна
Его такого имени достойнымъ.

КОРОЛЬ.

Вы съ тѣмъ, маркизъ, явилися ко мнѣ?

МАРКИЗЪ.

Я проходилъ черезъ покой пріемный—
Вдругъ странный слухъ доходитъ до меня,
Невѣроятный слухъ... Горячій споръ...
Кровь... королева...

КОРОЛЬ.

Вы пришли оттуда?

МАРКИЗЪ.

Ужасно бъ было, если бъ эти слухи
Не ложны были, если бъ что случилось,
Чрезъ васъ случилось, государь... Открытья,
Которыя я сдѣлалъ, измѣняютъ
Все положенье дѣла.

КОРОЛЬ.

Ну?

МАРКИЗЪ.

Я случай
Нашелъ у принца взять его портфель
Съ бумагами, которыя, надѣюсь,
Прольютъ немного свѣту...

(Подаетъ королю бумажникъ Карлоса).

КОРОЛЬ *(съ жадностью пересматриваетъ его).*

Какъ? письмо
Отъ моего отца... О немъ я, право,
И не слыхалъ?

(Читаетъ его, кладетъ въ сторонъ и принимается за другія бумаги).

Планъ крѣпости... Идеи
И выписки изъ славнаго Тацита...
А это что? Знакомъ мнѣ что-то почеркъ.
Отъ дамы это.

(Внимательно читаетъ, то громко, то про себя).

„Этотъ ключъ вамъ... заднихъ
Покоевъ въ павильонѣ королевы..."
Га! это что?... „Тамъ громко и свободно".
„Любовь... признанья... лучшая награда..."
Чертовское предательство!... Да, это
Она!... ея рука!... теперь я знаю!

МАРКИЗЪ.

Рука ея величества? возможно ль!...

КОРОЛЬ.

Принцессы Эболи...

МАРКИЗЪ.

Такъ это правда,
Въ чемъ мнѣ признался пажъ Генарецъ...

Онъ
Письмо и ключъ самъ принцу приносилъ.

КОРОЛЬ

(схватываетъ маркиза за руку, въ сильномъ волненіи).

Я окруженъ ужасными людьми!
Та женщина... я признаюся вамъ...
Та женщина шкатулку королевы
Взломала... Первые намеки также
Отъ ней, маркизъ, услышалъ я... Кто знаетъ,
Въ какой ужасной стачкѣ съ ней монахъ?
Я плутнями ихъ низкими обманутъ.

МАРКИЗЪ.

Тогда и то ужъ счастье, что...

КОРОЛЬ.

Маркизъ!
Маркизъ! я начинаю ужъ бояться—
Не слишкомъ ли я много королевѣ...

МАРКИЗЪ.

Когда съ донъ-Карлосомъ у королевы
И точно были тайныя сношенья,
То ужъ навѣрное, совсѣмъ, совсѣмъ
Другого рода, нежели о томъ
Вамъ донесли. И мнѣ извѣстно даже,
Что принцу мысль уѣхать въ Нидерланды
Внушила королева...

КОРОЛЬ.

Я и самъ
Такъ полагалъ.

МАРКИЗЪ.

Она честолюбива—
Сказать ли больше?—ей досадно, больно,
Что обманулась такъ она въ надеждахъ;
Что отъ всѣхъ дѣлъ она отстранена.
Инфанта воспріимчивая юность
Ея уму представилась... а сердце...
Я сомнѣваюсь, чтобъ она могла
Любить.

КОРОЛЬ.

Маркизъ, ихъ замысловъ премудрыхъ
Я не боюсь.

МАРКИЗЪ.

Опасенъ точно ли инфантъ?—объ этомъ
Подумать стоитъ. Тутъ, я полагаю,
Неутомимый нуженъ присмотръ...

КОРОЛЬ.

Вы
Мнѣ отвѣчаете за принца...

МАРКИЗЪ *(послѣ нѣкотораго размышленія).*

Ваше
Величество, когда меня способнымъ
Къ тому считаете, то долженъ я

Просить васъ безгранично и совсѣмъ
Мнѣ это дѣло въ руки передать.

КОРОЛЬ.

Согласенъ.

МАРКИЗЪ.

И при этомъ никакихъ
Помощниковъ мнѣ не давать въ дѣлахъ,
Какія бъ я ни началъ.

КОРОЛЬ.

Никакихъ.
Я понимаю васъ и одобряю.
Вы были добрымъ геніемъ моимъ.
Какъ наградить мнѣ васъ за вашъ намекъ!
(Лермѣ, который при этихъ словахъ входитъ).
Что королева?

ЛЕРМА.

Все еще слаба
Послѣ припадка.
(Двусмысленно взглядываетъ на маркиза и уходитъ).

МАРКИЗЪ *(помолчавъ, королю).*

Я бы полагалъ
Еще одно имѣть въ соображеньи.
Предостеречь донъ-Карлоса здѣсь могутъ.
Друзей довольно у него... Быть можетъ,
Съ бунтовщиками гентскими въ сношенья...
Страхъ въ состояньи привести его
Къ отчаяннымъ поступкамъ... Потому
Я бы совѣтовалъ теперь же мѣры
Принять, чтобы при случаѣ сейчасъ же
Употребить внезапное рѣшенье.

КОРОЛЬ.

Вы правы. Но...

МАРКИЗЪ.

Секретную бумагу
Къ немедленному задержанью принца
Когда бы мнѣ вы дали, государь,
Чтобъ, въ мигъ опасности, сейчасъ же ею
Воспользоваться, и...
(Король повидимому не рѣшается).
Пусть это будетъ
Покуда государственною тайной.

КОРОЛЬ

(подходитъ къ письменному столу и подписываетъ бумагу).
Здѣсь рѣчь идетъ о цѣломъ королевствѣ...
Опасность требуетъ чрезмѣрныхъ средствъ...
Вотъ вамъ, маркизъ... Нѣтъ, вамъ не нужно
Наказывать пощады...

МАРКИЗЪ *(беретъ бумагу).*

Это только
Про самый крайній случай, государь.

КОРОЛЬ *(кладетъ руку ему на плечо).*

Ступайте, дорогой маркизъ, ступайте!
Покой моей уязвленной душѣ
И сонъ ночамъ моимъ вы возвратите.
(Расходятся въ разныя стороны).

Галлерея.

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

КАРЛОСЪ *входитъ въ сильномъ волненіи.* ГРАФЪ ЛЕРМА *ему навстрѣчу.*

КАРЛОСЪ.

Я васъ ищу, графъ.

ЛЕРМА.

А я васъ, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Правда ль?
Скажите, ради Бога, правда ль?

ЛЕРМА.

Что?

КАРЛОСЪ.

Что на нее кинжалъ онъ поднялъ? что
Ее въ крови вы вынесли оттуда.
О, ради всѣхъ святыхъ, отвѣтьте мнѣ!
Что думать мнѣ? что правда?

ЛЕРМА.

Ничего!
Она упала въ обморокъ внезапно
И оцарапалась. Вотъ вамъ и все тутъ.

КАРЛОСЪ.

И нѣтъ опасности? нѣтъ никакой?
Честное слово, графъ?

ЛЕРМА.

Для королевы
Нѣтъ никакой—тѣмъ болѣе для васъ.

КАРЛОСЪ.

Такъ королева точно безопасна?
Ну, слава Богу! До меня дошли
Ужаснѣйшіе слухи, что король
Въ ожесточеніи на мать и дочь,
И тайна будто бы открыта.

ЛЕРМА.

Это
Послѣднее, быть можетъ, справедливо...

КАРЛОСЪ.

Какъ, справедливо?

ЛЕРМА.

Принцъ, я нынче васъ
Предостерегъ... Вы презрѣли намекъ мой
Такъ ужъ воспользуйтесь вторымъ.

КАРЛОСЪ.

Графъ Лерма!

ЛЕРМА.

Когда не ошибаюсь, принцъ, я видѣлъ
У васъ бумажникъ голубого цвѣта,
Обшитый золотомъ...

КАРЛОСЪ *(смѣшавшись).*

Такой бумажникъ
Есть у меня. Ну, что же?

ЛЕРМА.

На покрышкѣ,
Въ обдѣлкѣ драгоцѣнной, силуэтъ...

КАРЛОСЪ.

Такъ точно.

ЛЕРМА.

Въ кабинетѣ королевскомъ
Такой я точно видѣлъ у монарха
Въ рукахъ, и былъ маркизъ де-Поза тутъ-же...

КАРЛОСЪ (*послѣ короткаго молчанія вспыльчиво*).

Неправда это!

ЛЕРМА (*обижаясь*).

Такъ я, стало, быть,
Обманщикъ.

КАРЛОСЪ (*долго на него смотритъ*).

Вы обманщикъ, да!

ЛЕРМА.

Ахъ! я
Прощаю вамъ.

КАРЛОСЪ

(*ходитъ въ ужасномъ волненіи по галлереѣ, наконецъ останавливается передъ Лермой*).

Что сдѣлалъ онъ тебѣ?
Что наша дружба сдѣлала тебѣ,
Что ты съ такимъ ожесточеньемъ адскимъ
Насъ хочешь разлучить?

ЛЕРМА.

Я уважаю
То огорченье, что несправедливымъ
Васъ дѣлаетъ.

КАРЛОСЪ.

О, Боже, Боже, Боже!
Спаси меня отъ подозрѣнья!

ЛЕРМА.

Также
Запомнилъ я и слово короля:
„Какъ наградить мнѣ васъ", сказалъ онъ,
„за..."

КАРЛОСЪ.

О! полно! полно!

ЛЕРМА.

Герцогъ Альба палъ!
У принца Рюи Гомеца печать
Отобрана и отдана маркизу...

КАРЛОСЪ (*погруженный въ глубокое размышленіе*).

И предо мной онъ умолчалъ объ этомъ!
И мнѣ о томъ ни слова!

ЛЕРМА.

Цѣлый дворъ
Глядитъ ужъ на него, какъ на министра,
Какъ на всемощнаго любимца.

КАРЛОСЪ.

О, онъ очень
Меня любилъ, да, очень. Былъ я дорогъ
Ему, какъ дорога душа. О, знаю!
Тому я сотни видѣлъ доказательствъ.
Но развѣ для него судьба милльоновъ,
Отчизна не дороже, чѣмъ одинъ?
Для друга одного обширна слишкомъ
Маркиза грудь, а счастіе Карлоса
Мало для всеобъемлющей любви.
Онъ мной пожертвовалъ для долга.
Могу ли на него теперь сердиться?
Теперь то очевидно. Я его
Лишился—да!
(*Отходитъ въ сторону и закрываетъ лицо*).

ЛЕРМА (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Любезный принцъ, что я
Могу для васъ тутъ сдѣлать?

КАРЛОСЪ (*не глядя на него*).

Къ королю
Пойти и заодно предать меня.
Мнѣ нечего дарить.

ЛЕРМА.

Неужели вы
Хотите ждать послѣдствій?

КАРЛОСЪ

(*облокачивается на баллюстраду и смотритъ неподвижно впередъ*).

Я его
Лишился. О, теперь я совершенно
Оставленъ!

ЛЕРМА (*приближается къ нему съ участіемъ*).

Но подумайте о вашемъ
Спасеньи, принцъ, о вашемъ...

КАРЛОСЪ.

О моемъ
Спасеньи! Добрый человѣкъ!

ЛЕРМА.

А больше
Ни за кого вамъ нечего страшиться?

КАРЛОСЪ (*содрогаясь*).

О, Боже, Боже мой! о чемъ вы мнѣ
Напомнили, графъ!... Королева... Ахъ,
Письмо, которое ему я отдалъ!
Котораго ему я не хотѣлъ
Еще отдать и все же отдалъ!
(*Въ сильномъ волненіи, ломая руки, ходитъ взадъ и впередъ*).
Чѣмъ же
Она-то это заслужила? Онъ бы
Ее хоть пощадить былъ долженъ, Лерма!
Вѣдь долженъ бы?
(*Быстро рѣшительно*).
Мнѣ нужно къ ней... мнѣ нужно
Ее предостеречь и приготовить.
О, Лерма, добрый Лерма. Говорите,
Кого послать мнѣ къ ней? Я никого
Ужъ больше не имѣю. Слава Богу!
Есть другъ еще—и нечего ужъ здѣсь
Мнѣ больше портить.
(*Быстро уходитъ*).

ЛЕРМА (*идетъ за нимъ*).

Принцъ! куда, куда вы?
(*Уходитъ*).

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Королева. Альба. Доминго.

АЛЬБА.

Позволено ль намъ будетъ, королева...

КОРОЛЕВА.

Что вамъ угодно?

ДОМИНГО.

Безпокойство
О вашего величества высокой
Особѣ намъ не позволяетъ дольше
Хранить молчаніе о важномъ дѣлѣ,
Вамъ угрожающемъ бѣдою.

АЛЬБА.

Мы
Спѣшимъ предостеречь васъ объ интригѣ,
Что противъ васъ умышленно ведется.

ДОМИНГО.

И нашу ревность, вѣрность и услуги
Къ стопамъ священнымъ вашимъ, королева,
Спѣшимъ повергнуть.

КОРОЛЕВА *(съ удивленіемъ смотритъ на нихъ).*

Вы, отецъ святой,
И вы, мой благородный герцогъ Альба,
Вы точно удивляете меня.
Такую преданность въ отцѣ Доминго
И въ герцогѣ Толедскомъ я найти
Совсѣмъ не думала. Я очень знаю,
Какъ мнѣ цѣнить ее. Вы говорите
Мнѣ объ интригѣ, будто мнѣ грозящей:
Могу ль узнать я, кто...

АЛЬБА.

Мы просимъ васъ
Остерегаться кавалера Позы,
Который служитъ нашему монарху
По тайнымъ порученьямъ.

КОРОЛЕВА.

Мнѣ пріятно,
Что счастливо такъ избралъ мой супругъ.
Насчетъ маркиза мнѣ дошла молва,
Что рѣдкій онъ, великій человѣкъ—
И милость высочайшая не можетъ,
По мнѣ, достаться справедливѣй...

ДОМИНГО.

О!
Мы это лучше знаемъ.

АЛЬБА.

Ужъ давно
Извѣстно всѣмъ, на что способенъ онъ.

КОРОЛЕВА.

На что же? Я горю отъ нетерпѣнья...

ДОМИНГО.

Давно ли, государыня, въ шкатулкѣ
Своей перебирали?

КОРОЛЕВА.

Какъ?

ДОМИНГО.

И въ ней
Вы не замѣтили ль какой пропажи?

КОРОЛЕВА.

Пропажи? Какъ? что у меня пропало,
О томъ всѣ знаютъ при дворѣ. Но Поза—
Какъ могъ тутъ замѣшаться Поза, герцогъ?

АЛЬБА.

Да очень просто: и у принца тоже
Пропали очень важныя бумаги;
Ихъ нынче утромъ видѣли въ рукахъ
У короля въ то время, какъ маркизъ
Былъ въ кабинетѣ у него.

КОРОЛЕВА *(послѣ нѣкотораго размышленія).*

Да, странно!
Ей Богу, странно!... Вдругъ найти врага,
Гдѣ никогда найти его не снилось,
И двухъ друзей, которыхъ лестной дружбой
Не помню обладала ль я когда...
(Устремивъ проницательный взоръ на обоихъ).
При этомъ я должна признаться вамъ,
Что я боялась, что за службу ту,
Которую мнѣ кто-то заслужилъ
У короля, мнѣ должно будетъ вамъ
Простить.

АЛЬБА.

Намъ?

КОРОЛЕВА.

Да, вамъ.

ДОМИНГО.

Герцогъ Альба! намъ!

КОРОЛЕВА *(все еще пристально смотря на нихъ).*

Какъ мнѣ пріятно и, при томъ, такъ скоро
Замѣтить опрометчивость свою.
И безъ того рѣшилась я просить
Его величество представить мнѣ
Сегодня же доносчиковъ моихъ.
Тѣмъ лучше. Стало быть могу я смѣло
На васъ сослаться, герцогъ.

АЛЬБА.

На меня?
И вы серьезно говорите?

КОРОЛЕВА.

Очень.

ДОМИНГО.

Что разомъ уничтожитъ всѣ услуги,
Что мы вамъ оба втайнѣ...

КОРОЛЕВА.

Втайнѣ?
(Гордо и серьезно).
Хотѣла бъ знать я, герцогъ Альба, что
Супруга вашего монарха съ вами,
Иль съ вами, патеръ, можетъ говорить.
Чего бъ не долженъ знать ея супругъ!
Невинна я, иль нѣтъ?

ДОМИНГО.

Что за вопросъ!

АЛЬВА.

Но если государь несправедливо
Поступитъ? если онъ на этотъ разъ
Поступитъ такъ?

КОРОЛЕВА.

Тогда я буду ждать,
Пока онъ станетъ справедливымъ. Благо
Тому, кто въ томъ свой выигрышъ находитъ.
(Она кланяется имъ и удаляется; тѣ уходятъ въ противоположную сторону).

Комната принцессы Эболи.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Принцесса Эболи. *Вслѣдъ за ней* Карлосъ.

ЭБОЛИ.

Такъ справедлива странная та новость,
Что цѣлый дворъ приводитъ въ удивленье?

КАРЛОСЪ *(входитъ)*.

Принцесса, не пугайтесь, ради Бога!
Я, какъ ребенокъ, буду тихъ.

ЭБОЛИ.

Принцъ... эта
Внезапность...

КАРЛОСЪ.

Сердитесь еще вы? да?

ЭБОЛИ.

Принцъ!

КАРЛОСЪ *(навязчивѣе)*.

Сердитесь вы, сердитесь еще?
Прошу, скажите мнѣ.

ЭБОЛИ.

Что это значитъ?
Вы, кажется, забыли, принцъ... Чего
Вамъ отъ меня угодно?

КАРЛОСЪ *(съ жаромъ схватывая ея руку)*.

Ангелъ кроткій,
Ты можешь вѣчно ненавидѣть? Развѣ
У огорченной страсти нѣтъ прощенья?

ЭБОЛИ *(вырываясь отъ него)*.

Ахъ, принцъ, о чемъ напомнили вы мнѣ!

КАРЛОСЪ.

О добротѣ твоей и о своей
Неблагодарности. Ахъ! знаю, знаю!
Я сильно оскорбилъ тебя, я сердце
Твое святое растерзалъ, я слезы
Изъ кроткихъ глазъ твоихъ жестоко вызвалъ..
Ахъ! и теперь къ тебѣ не съ тѣмъ пришелъ я,
Чтобы раскаяться, чтобы просить...

ЭБОЛИ.

Оставьте, принцъ, меня! оставьте!

КАРЛОСЪ.

Я
Пришелъ къ тебѣ затѣмъ, что ты кротка,
Что я на сердце чистое твое
Надѣюсь. Видишь ли, здѣсь нѣтъ,
Кромѣ одной тебя, нѣтъ больше друга
На всемъ огромномъ свѣтѣ у меня.
Ты прежде такъ меня любила... ты
Не будешь вѣчно ненавидѣть, нѣтъ.
Не будешь вѣчно ты непримиримой!

ЭБОЛИ *(отворачивается)*.

О, полно! ради Бога, принцъ!

КАРЛОСЪ.

О, дай
Тебѣ напомнить о златыхъ минутахъ!
Дай о любви твоей тебѣ напомнить!
Ахъ! о любви, противъ которой я
Такъ недостойно проступился. Дай мнѣ
Теперь напомнить, чѣмъ я былъ тебѣ,
Что дали мнѣ сны сердца твоего.
Еще одинъ разъ... только лишь одинъ разъ
Въ душѣ своей возстанови мой образъ,
Такимъ, какъ онъ тогда къ тебѣ являлся,
И въ этой тѣни хоть пожертвуй тѣмъ,
Чѣмъ для меня пожертвовать не можешь.

ЭБОЛИ.

О, Карлосъ! какъ жестоко вы со мною
Играете!

КАРЛОСЪ.

Будь выше, чѣмъ твой полъ.
Забудь обиды. Сдѣлай то, чего
Здѣсь женщины не дѣлали еще,
Чего онѣ не сдѣлаютъ во вѣки.
Я отъ тебя неслыханнаго жду.
Позволь мнѣ—на колѣняхъ умоляю—
Позволь мнѣ только пару словъ — не больше
Промолвить съ королевой! О, позволь!
(Бросается передъ нею на колѣни).

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. Маркизъ Поза *вламывается въ двери, за нимъ два офицера королевской гвардіи.*

МАРКИЗЪ
(запыхавшись, внѣ себя, становится между Карлосомъ и Эболи).

Не вѣрьте вы ему!

КАРЛОСЪ *(все еще на колѣняхъ, возвышая голосъ).*

Ради всего
Святого...

МАРКИЗЪ *(вспыльчиво, перебивая его).*

Онъ помѣшанъ. Не внимайте
Безумному!

КАРЛОСЪ (*громче, настойчивѣе*).

Здѣсь жизнь въ борьбѣ со смертью!
Сведите къ ней меня, я умоляю...

МАРКИЗЪ (*силой отталкиваетъ принцессу отъ него*).

Я васъ убью, когда его вы слушать
Не перестанете.

(*Къ одному изъ офицеровъ*).

Графъ Гордуа!

(*Показываетъ ему бумагу*).

По волѣ короля—принцъ арестованъ.

(*Карлосъ стоитъ, будто громомъ пораженный. Принцесса вскрикиваетъ и хочетъ бѣжать; офицеры въ изумленіи. Долгое и глубокое молчаніе. Маркизъ сильно дрожитъ и только съ трудомъ удерживаетъ присутствіе духа*).

(*Къ принцу*).

Позвольте вашу шпагу. Вы, принцесса,
Останетесь покуда здѣсь!

(*Къ офицеру*).

А вы
Смотрите, чтобъ никто не говорилъ
Съ его высочествомъ... никто—смотрите—
Ни даже сами вы. Вы головой
Своей ручаетесь за это!

(*Онъ говоритъ еще что-то тихо офицеру, потомъ обращается къ другому*).

Я же
Спѣшу повергнуться къ стопамъ монарха,
И дать отчетъ ему...

(*Къ Карлосу*).

И также вамъ...
Я къ вамъ явлюсь, принцъ... черезъ часъ.

(*Карлосъ позволяетъ увести себя, не подавъ никакого знака памяти. Только, проходя мимо, онъ бросаетъ томный, умирающій взглядъ на*

маркиза, который закрываетъ лицо. Принцесса пытается еще разъ удалиться; маркизъ приводитъ ее за руку назадъ).

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Принцесса Эболи. Маркизъ Поза.

ЭБОЛИ.

О, ради всѣхъ святыхъ, позвольте мнѣ...

МАРКИЗЪ

(приводитъ ее къ самой авансценѣ; съ важностью).

Несчастная, что онъ сказалъ тебѣ?

ЭБОЛИ.

О, ничего... пустите... ничего...

МАРКИЗЪ *(насильно удерживая ее).*

Что ты узнала? Ты ужъ не спасешься;
Ты никому того не перескажешь.

ЭБОЛИ *(испуганная, смотритъ ему въ глаза).*

О, Боже! Что сказать хотите вы?
Вы вѣрно не хотите умертвить
Меня?

МАРКИЗЪ *(вынимаетъ кинжалъ).*

Да, нѣчто въ этомъ родѣ я
Намѣренъ точно сдѣлать. Будь готова!

ЭБОЛИ.

Меня? Меня? О, всемогущій Боже!
Но чтожъ я сдѣлала?

МАРКИЗЪ

(взглянувъ на небо и приставивъ кинжалъ къ груди Эболи).

Еще есть время!
Еще уста ея не взмокли ядомъ.
Я разобью сосудъ и будетъ все
Опять по-прежнему... Судьба Испаньи
Или жизнь женщины!
(Обуреваемый сомнѣніемъ, онъ остается въ этомъ положеніи).

ЭБОЛИ

(закинувъ голову, смотритъ прямо въ глаза маркизу).

Что жъ медлите, маркизъ?
Я не прошу пощады... нѣтъ! Я смерти
Заслуживаю и хочу.

МАРКИЗЪ

(медленно опускаетъ руку. Послѣ короткаго размышленія).

Нѣтъ! это
Ужъ варварствомъ и низостію было бъ.
Нѣтъ! слава Богу! есть другое средство!
(Роняетъ кинжалъ и скоро уходитъ. Принцесса опрометью убѣгаетъ въ другія двери).

Комната королевы.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Королева. Графиня Фуэнтесъ.

КОРОЛЕВА.

Но что за суматоха во дворцѣ?
Меня малѣйшій шумъ приводитъ въ ужасъ
Сегодня. О, ступайте—и узнайте
Скорѣй, графиня, что все это значитъ?
(Графиня удаляется; въ комнату вбѣгаетъ принцесса Эболи).

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Королева. Принцесса Эболи.

ЭБОЛИ.

На помощь, королева! Онъ подъ стражей.

КОРОЛЕВА.

Кто?

ЭБОЛИ.

Поза, по приказу короля,
Арестовалъ его.

КОРОЛЕВА.

Кого жъ? кого?

ЭБОЛИ.

Донъ-Карлоса.

КОРОЛЕВА.

Въ умѣ ли ты?

ЭБОЛИ.

Сейчасъ
Его уводятъ.

КОРОЛЕВА.

Кто жъ арестовалъ
Его?

ЭБОЛИ.

Маркизъ Де-Поза.

КОРОЛЕВА.

Слава Богу
Еще, что арестованъ онъ маркизомъ!

ЭБОЛИ.

Это
Вы такъ спокойно, смѣло говорите,
Такъ холодно?.. Ужель не догадались?
Ужели вы не знаете...

КОРОЛЕВА.

За что
Онъ арестованъ? За проступокъ вѣрно
Какой-нибудь, который въ пылкомъ нравѣ
Инфанта очень натураленъ.

ЭБОЛИ.

Нѣтъ!
Я знаю лучше... нѣтъ... О, королева!
Ужасный, дьявольскій поступокъ... Нѣтъ
Ему спасенья больше. Онъ умретъ.

КОРОЛЕВА.

Умереть?

ЭБОЛИ.

И я его убійца!

КОРОЛЕВА.

Онъ

Умереть! Безумная, въ умѣ ли ты?

ЭБОЛИ.

И почему умреть онъ?.. почему?...
О, если бъ я могла предвидѣть это!

КОРОЛЕВА (*милостиво беретъ ее за руку*).

Вы внѣ себя, принцесса. Соберитесь
Вы съ силами и разскажите мнѣ
Все это по порядку, не въ такихъ
Ужасныхъ, страшныхъ образахъ, что въ трепетъ
Меня приводятъ. Что же вамъ извѣстно?
Что тамъ случилось съ принцемъ?

ЭБОЛИ.

О! не съ этой
Небесной добротою, королева!
Не съ этой кротостью! Какъ адскій пламень,
Онѣ бичуютъ душу мнѣ и совѣсть.
Я недостойна оскверненнымъ взоромъ
Глядѣть на вашу славу. Раздавите
Несчастную, что съ трепетомъ, стыдомъ,
Съ раскаяньемъ лежитъ у вашихъ ногъ.

КОРОЛЕВА.

Несчастная! что значатъ эти рѣчи?

ЭБОЛИ.

Небесный ангелъ! кроткая, святая!
Не знаете вы дьявола, кому
Вы такъ любовно, кротко улыбались.
Узнайте же его. Вѣдь это я
Васъ обокрала!

КОРОЛЕВА.

Вы?

ЭБОЛИ.

И эти письма
Передала Филиппу...

КОРОЛЕВА.

Вы?

ЭБОЛИ.

Который
Васъ обвинять осмѣливался...

КОРОЛЕВА.

Вы
Могли...

ЭБОЛИ.

Любовь... безумье... жажда мести...
Я ненавидѣла васъ—я любила
Инфанта...

КОРОЛЕВА.

Потому, что вы любили?..

ЭБОЛИ.

Ахъ! потому, что я ему призналась,
И не нашла взаимности.

КОРОЛЕВА (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

О, все
Теперь понятно мнѣ! Но... встаньте! Вы
Его любили—я прощаю васъ.
Да будетъ все забыто! Встаньте!
(*Подаетъ ей руку*).

ЭБОЛИ.

Нѣтъ, нѣтъ!
Еще одно ужасное признанье.
Не прежде, королева...

КОРОЛЕВА (*внимательно*).

Что еще
Услышать мнѣ придется? Говорите.

ЭБОЛИ.

Король... обольщена... Вы отвернулись.
О! я читаю казнь во взорахъ вашихъ.
То преступленье, въ чемъ васъ обвиняла,
Его сама я совершила.
(*Она приникаетъ пылающимъ лицомъ къ полу. Королева уходитъ. Долгое молчаніе. Нѣсколько минутъ спустя, герцогиня Оливарецъ выходитъ изъ кабинета, куда удалилась королева, и видитъ принцессу въ томъ же положеніи. Услышавъ шумъ, медленно поднимается и не видя королевы, какъ сумасшедшая, вскакиваетъ*).

ДВАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Принцесса Эболи. Герцогиня Оливарецъ.

ЭБОЛИ.

Боже!
Она меня оставила! Теперь
Все кончено.

ОЛИВАРЕЦЪ (*подходитъ къ ней ближе*).

Принцесса Эболи...

ЭБОЛИ.

Я знаю, для чего вы, герцогиня,
Пришли. Васъ королева шлетъ ко мнѣ,
Чтобъ возвѣстить мнѣ приговоръ. Скорѣе!

ОЛИВАРЕЦЪ.

Мнѣ велѣно отъ королевы крестъ вашъ
И ключъ отъ васъ принять...

ЭБОЛИ
(*снимаетъ съ шеи орденскій крестъ и отдаетъ*).

Но разъ еще
Позволено мнѣ, вѣрно, руку лучшей
Изъ королевъ поцѣловать?

ОЛИВАРЕЦЪ.

Принцесса,
Въ монастырѣ Святой Маріи вы
Узнаете свой приговоръ.

ЭБОЛИ (*сквозь слезы*).

Какъ! я
Ужъ не увижу больше королевы?

ОЛИВАРЕЦЪ (*обнимаетъ ее, отворачиваясь*).
Живите счастливо!

(Она быстро уходитъ. Принцесса слѣдуетъ за ней до дверей кабинета, которыя сейчасъ же затворяются за герцогиней. Нѣсколько времени въ молчаніи и неподвижно остается она передъ ними на колѣняхъ, потомъ быстро встаетъ и поспѣшно уходитъ, закрывъ лицо руками).

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Королева. Маркизъ Поза.

КОРОЛЕВА.
Ахъ! наконецъ, маркизъ! Какъ хорошо,
Что вы приходите.

МАРКИЗЪ
(блѣдный, съ встревоженнымъ видомъ, дрожащимъ голосомъ, и во все продолженіе этой сцены въ торжественномъ, глубокомъ волненіи).
Однѣ ли
Вы, государыня? Никто не можетъ
Насъ изъ сосѣдней комнаты подслушать?

КОРОЛЕВА.
Никто... Зачѣмъ? Что скажете, маркизъ?
(Пристально всматриваясь въ него и боязливо отступая).
Но какъ перемѣнились вы. Что съ вами?
Маркизъ, вы въ страхъ приводите меня.
Лицо у васъ искажено, какъ будто
У мертвеца...

МАРКИЗЪ.
Вы знаете ужъ вѣрно...

КОРОЛЕВА.
Что Карлосъ арестованъ нынче вами...
Такъ это точно правда? Не хотѣла
Я никому повѣрить, кромѣ васъ.

МАРКИЗЪ.
Да, это правда.

КОРОЛЕВА.
Вами?

МАРКИЗЪ.
Мной.

КОРОЛЕВА
нѣсколько времени сомнительно на него смотритъ).
Всѣ ваша
Поступки я привыкла уважать,
Хотя и не пойму ихъ. Въ этотъ разъ—
Простите робкой женщинѣ—боюсь я,
Играете вы въ трудную игру.

МАРКИЗЪ.
Я проигралъ ее.

КОРОЛЕВА.
Избави Боже!

МАРКИЗЪ.
О, успокойтесь, королева. Я
Объ немъ ужъ позаботился заранѣ.
Я для себя лишь проигралъ ее.

КОРОЛЕВА.
Что слышу я! о, Боже!

МАРКИЗЪ.
Кто жъ велѣлъ мнѣ
Все положить на карту? такъ надежно,
Такъ дерзновенно съ промысломъ играть?
Кто изъ людей осмѣлится здѣсь править
Кормиломъ труднымъ случая, не бывши
Всевѣдущимъ? О, это справедливо!
Но рѣчь должна итти не обо мнѣ
Теперь. Минуты дороги, какъ жизнь.
И кто поручится, что изъ скупой
Десницы Судіи на долю мнѣ
Не выпали послѣднія ужъ капли?

КОРОЛЕВА.
Десницы Судіи?.. Что это съ вами?
Я не могу понять словъ вашихъ, но
Они меня приводятъ въ ужасъ.

МАРКИЗЪ.
Онъ—
Спасенъ. Какой цѣною—все равно.
Но только на сегодня. У него
Лишь нѣсколько мгновеній остается,
Пусть бережетъ онъ ихъ. Онъ въ эту ночь
Мадритъ оставить долженъ.

КОРОЛЕВА.
Въ эту ночь?

МАРКИЗЪ.
Распоряженья сдѣланы. Въ томъ самомъ
Монастырѣ, который ужъ давно
Святымъ убѣжищемъ былъ нашей дружбы
Его ждетъ почта. Вотъ здѣсь въ векселяхъ
Все, что мнѣ счастье даровало въ жизни..
А недостанетъ—приложите сами.
Хотя и много на сердцѣ моемъ,
Ахъ, много есть для Карла моего,
Что знать ему бы должно было; но
Легко случиться можетъ, что мнѣ будетъ
Сказать то лично Карлу недосугъ.
Съ нимъ вы увидитесь сегодня—
И потому я къ вамъ ужъ обращаюсь...

КОРОЛЕВА.
Покоя ради моего, маркизъ,
Скажите мнѣ яснѣе... не въ такихъ
Загадкахъ страшныхъ говорите мнѣ...
Что съ нимъ случилось?

МАРКИЗЪ.
Остается мнѣ
Еще вамъ сдѣлать важное признанье:
Его я въ ваши руки завѣщаю.
Судьба дала мнѣ счастье, что немногимъ

Въ удѣлъ на этомъ свѣтѣ достается:
Я сына царскаго любилъ. Душою,
Ему лишь посвященною, я міръ
Весь обнималъ. Въ душѣ прекрасной Карла
Я создалъ рай для многихъ милліоновъ.
О, сны мои прекрасны были!
Но Богу преждевременно угодно
Меня въ свою обитель отозвать.
Меня у Карла скоро ужъ не будетъ:
Другъ для него въ возлюбленной умретъ.
Здѣсь... здѣсь... на этомъ алтарѣ священ-
номъ,
На сердцѣ нашей королевы я
Свое слагаю завѣщанье; здѣсь
Пусть онъ найдетъ его, когда меня
Не станетъ.
(Онъ отворачивается; слезы задушаютъ голосъ).

КОРОЛЕВА.

Это рѣчи передъ смертью!
Я все надѣюсь, что волненье крови...
Иль точно смыслъ сокрытъ въ нихъ?

МАРКИЗЪ

(собравшись съ духомъ, продолжаетъ болѣе твердымъ голосомъ).

Принцу вы
Скажите, чтобъ онъ клятвы не забылъ,
Которую во дни мечтаній юныхъ
Мы надъ остіею другъ другу дали.
Свою сдержалъ я и до самой смерти
Ей вѣренъ былъ.—Теперь его чередъ...

КОРОЛЕВА.

До самой смерти? Какъ?

МАРКИЗЪ.

Ему скажите,
Чтобъ онъ осуществилъ тотъ смѣлый сонъ,—
Божественный плодъ дружбы,—сонъ о но-
вомъ,
О лучшемъ государствѣ. Чтобы онъ
Къ его созданью первый руку приложилъ.
Удастся ли исполнить или нѣтъ—
То безразлично: пусть за нимъ починъ
Останется. Пройдутъ вѣка и снова
Попытку сына царскаго иной
Преемникъ трона повторитъ. Примѣръ
Другимъ на пользу.—Вы ему скажите,
Чтобъ грезы юности своей берегъ,
Когда онъ станетъ человѣкомъ, чтобы
Онъ сердца не ввѣрялъ—цвѣтокъ тотъ нѣж-
ный,
Даръ Бога намъ,—хваленному разсудку—
То червь мертвящій. Пусть онъ не смутится,
Когда премудрость вѣка осудитъ
Даръ неба—вдохновенье. Я ужъ раньше
Его предупреждалъ.

КОРОЛЕВА.

Что это значитъ?
Маркизъ, къ чему все это?

МАРКИЗЪ.

Вы скажите
Ему, чтобъ счастье человѣчества
Онъ свято сохранилъ въ своей душѣ;—
Что я предъ смертью требовалъ того.
Да, требовалъ—и требовать былъ вправѣ.
Я могъ бы утра новаго зарю
Пролить надъ этимъ государствомъ.
Король облюбовалъ меня. Онъ сыномъ
Своимъ меня назвалъ. Вручилъ печать,
И Альбы нѣтъ ужъ болѣе у трона.
(Онъ останавливается и молча нѣкоторое время смотритъ на королеву).
Вы плачете, о лучшая изъ женщинъ!
О, эти слезы мнѣ давно знакомы,
Прекрасная душа! Ихъ только радость
Изъ этихъ глазъ обильно выжимаетъ.
Но ужъ довольно. Карлосъ или я!
Ужасенъ, скоръ былъ выборъ! Долженъ
былъ
Одинъ изъ насъ погибнуть—и погибнуть
Досталось мнѣ... Ужъ лучше мнѣ... Знать
больше
Зачѣмъ вамъ, королева?

КОРОЛЕВА.

О, теперь,
Теперь я начинаю, наконецъ,
Васъ понимать. Несчастный! что вы это
Надѣлали?

МАРКИЗЪ.

Два краткіе часа я отдалъ, чтобъ спасти
день лѣтній, свѣтлый.
Я короля покинулъ.—Чѣмъ ему
И я могъ быть? На этой скудной почвѣ
Ужъ болѣ розы не цвѣтутъ мои.
Судьба Европы зрѣетъ въ сердцѣ Карла.
Ему Испанію я поручаю.
До тѣхъ же поръ пусть кровь течетъ рѣкою
Изъ-подъ руки Филиппа. Но бѣда
Ему и мнѣ, когда ошибся я,
Когда избралъ я худшее. Нѣтъ, нѣтъ!
Я знаю Карла... Никогда, во-вѣки
Тому не быть; мнѣ въ томъ порукой вы,
Вы, королева!
(Послѣ нѣкотораго молчанія).
Я видѣлъ, какъ она рождалась, эта
Любовь; я видѣлъ, какъ несчастной страстью
Болѣло постепенно сердце Карла;
Ее тогда жъ я могъ бы побороть,
Я этого не сдѣлалъ. Эту страсть,
Въ которой я несчастій не предвидѣлъ,
Я самъ питалъ. Свѣтъ иначе разсудитъ.
Я не раскаюсь. Сердце обвинить
Меня ни въ чемъ не вправѣ. Жизнь я ви-
дѣлъ
Тамъ, гдѣ другіе смерть предполагали.
Я въ безнадежной страсти принца

Надежды лучъ златой предугадалъ,
Его вести хотѣлъ я къ совершенству
И къ высшей красотѣ его возвысить.
Но смертность въ образахъ мнѣ отказала,
Языкъ въ словахъ. Тогда я указалъ
Ему на *васъ*—и жизнь моя была
Посвящена ему на изъясненье
Его любви.

КОРОЛЕВА.

Маркизъ, вы до того
Своею дружбой занимались, что
Меня за этой дружбой позабыли.
Ужель вы въ самомъ дѣлѣ полагали,
Что ужъ во мнѣ нѣтъ женственности вовсе,
И вы, меня давъ въ ангелы ему,
Ужъ думали, что дали и орудье
Ко всѣмъ возможнымъ доблестямъ? Вамъ, вѣрно,
Того и въ голову не приходило,
Какъ трудно отвѣчать за наше сердце,
Когда мы страсть такими именами
Облагораживать начнемъ?

МАРКИЗЪ.

За всѣ
Сердца, но только не за ваше сердце,
Я имъ клянусь! Иль точно вы стыдитесь
Изъ всѣхъ желаній высшаго: быть здѣсь
Создательницей доблестей геройскихъ?
Что нужды королю Филиппу, если
Его „Преображенье" въ Эскурьялѣ
Воспламенитъ художника на подвигъ,
О вѣчности задуматься заставитъ?
Принадлежитъ ли сладкая гармонья,
Что въ инструментѣ чудно заперта,
Его купцу, глухому для его
Небесныхъ звуковъ? Онъ купилъ лишь право
Его разбить, но вовсе не искусство
Въ его струнахъ гармонію рождать
И таять сердцемъ въ сладкихъ, чудныхъ пѣсняхъ.
Для мудреца здѣсь истина дана,
И красота чувствительному сердцу.
Онѣ принадлежатъ другъ другу обѣ.
И этой вѣры я не дамъ разрушить
Трусливымъ предразсудкамъ. Обѣщайте
Мнѣ вѣчно, вѣчно Карлоса любить!
Ни страхомъ свѣта, ни геройствомъ ложнымъ
Не соблазняясь къ отреченью, вѣчно,
Неодолимо Карлоса любить!
Вы обѣщаете ль мнѣ это?

КОРОЛЕВА.

Сердце—
Я обѣщаю вамъ—одно лишь сердце
Я сдѣлаю судьей любви своей.

МАРКИЗЪ.

Теперь спокойно я умру. Моя
Работа кончена.
(Низко кланяется королевѣ и хочетъ итти).

КОРОЛЕВА *(молча провожаетъ его глазами).*

Какъ! вы идете,
Маркизъ, мнѣ не сказавъ, когда... какъ скоро
Увидимся мы съ вами?

МАРКИЗЪ *(возвращается).*

Да, конечно!
Еще увидимся мы съ вами.

КОРОЛЕВА.

Я поняла васъ, Поза... поняла
Васъ очень хорошо. Зачѣмъ же это
Вы сдѣлали.

МАРКИЗЪ.

Онъ, или я!

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, нѣтъ!
Вы сами бросились на это дѣло,
Которое возвышеннымъ зовете.
О, ужъ не отпирайтесь. Я васъ знаю:
Давно, давно вы жаждали того.
Хоть тысячи сердецъ терзаться станутъ,
Что вамъ за дѣло, если ваша гордость
Одна насытится? О, лишь теперь,
Теперь я поняла васъ! Удивленья!
Вы одного хотѣли—удивленья!

МАРКИЗЪ *(смущенный, про себя).*

Нѣтъ, къ этому я не былъ приготовленъ!

КОРОЛЕВА *(послѣ нѣкотораго молчанія).*

Ужъ нѣтъ спасенья развѣ?

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ.

КОРОЛЕВА.

Ужели
И чрезъ меня нѣтъ даже никакого?
Ужели нѣтъ—подумайте, маркизъ?

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ даже и чрезъ васъ.

КОРОЛЕВА.

Вы вполовину
Меня лишь знаете. Во мнѣ есть смѣлость.

МАРКИЗЪ.

Я знаю.

КОРОЛЕВА.

И все нѣтъ спасенья?

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ!

КОРОЛЕВА *(оставляетъ его, закрывая лицо руками).*

Ступайте жъ! Я не дорожу теперь
Ужъ ни однимъ мужчиной.

МАРКИЗЪ

(въ сильнѣйшемъ волненіи бросается къ ногамъ ея).

Королева!
О, Боже! Боже! жизнь такъ хороша!

(Встаетъ и быстро уходитъ. Королева удаляется въ кабинетъ).

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Пріемная короля.

Герцогъ Альба и Доминго *молча и отдѣльно ходятъ взадъ и впередъ.* Графъ Лерма *выходитъ изъ кабинета короля, потомъ* донъ-Раймондъ Таксисъ, *оберъ-почтмейстеръ.*

ЛЕРМА.
Маркизъ еще здѣсь не былъ?

АЛЬБА.
Нѣтъ еще!
(Лерма хочетъ итти въ кабинетъ).

ТАКСИСЪ *(входитъ)*
Графъ Лерма, доложите обо мнѣ.

ЛЕРМА.
Король не принимаетъ.

ТАКСИСЪ.
Попросите;
Мнѣ *нужно* говорить съ нимъ. Королю
То очень важно. Поспѣшите. Дѣло
Не терпитъ отлагательства.
(Лерма уходитъ въ кабинетъ).

АЛЬБА *(подходитъ къ оберъ почтмейстеру).*
Любезный
Таксисъ, привыкните къ терпѣнью. Вамъ
Не говорить съ монархомъ.

ТАКСИСЪ.
Отчего же?

АЛЬБА.
Вамъ для того бы нужно позволенья
Сперва спросить у кавалера Позы,
Который сына и отца содержитъ
Подъ стражей.

ТАКСИСЪ.
Поза? Какъ? Такъ точно. Это
Тотъ самый, отъ кого письмо я принялъ.

АЛЬБА.
Письмо?

ТАКСИСЪ.
Которое я въ Брюссель долженъ
Немедленно отправить.

АЛЬБА *(съ напряженнымъ вниманіемъ).*
Въ Брюссель? Да?

ТАКСИСЪ.
Да, въ Брюссель—и которое теперь
Я приношу монарху, герцогъ.

АЛЬБА.
Въ Брюссель!
Вы слышите, Доминго? въ Брюссель!

ДОМИНГО *(подходитъ).*
Это
Ужъ слишкомъ подозрительно...

ТАКСИСЪ.
Съ какимъ
Смущеніемъ, какъ боязливо было
Оно мнѣ отдано!

ДОМИНГО.
Съ смущеньемъ? Вотъ что!

АЛЬБА.
Къ кому жъ надписанъ адресъ.

ТАКСИСЪ.
Къ принцу
Оранскому.

АЛЬБА.
Къ Вильгельму?—Капелланъ,
Здѣсь кроется измѣна!

ДОМИНГО.
Не иначе.
Необходимо доложить тотчасъ же.
Что за заслуга вамъ, достойный человѣкъ,
Быть строгимъ такъ на королевской службѣ!

ТАКСИСЪ.
Святой отецъ, я только долгъ исполнилъ.

АЛЬБА.
Вы поступили очень хорошо.

ЛЕРМА *(выходитъ изъ кабинета. Къ оберъ-почтмейстеру).*
Васъ государь принять согласенъ, Таксисъ!
(Таксисъ уходитъ въ кабинетъ).
Маркиза все еще здѣсь нѣтъ?

ДОМИНГО.
Его
Повсюду ищутъ.

АЛЬБА.
Странно! очень странно!
Принцъ Карлосъ—государственный преступникъ,
А самъ король не знаетъ—почему?

ДОМИНГО.
Ему онъ не далъ даже и отчета.

АЛЬБА.
Но какъ же принялъ то король?

ЛЕРМА.
Король
Еще ни слова не промолвилъ.
(Шумъ въ кабинетѣ).

АЛЬБА.
Чу!
Что это тамъ такое? Тише! Тсъ

ТАКСИСЪ *(изъ кабинета).*
Графъ Лерма!
(Оба уходятъ туда).

АЛЬБА *(къ Доминго).*
Что здѣсь происходитъ?

ДОМИНГО.

Все

Въ какомъ то ужасѣ. Что, если это
Письмо?... Да, герцогъ, это не къ добру.

АЛЬБА.

Зоветъ онъ Лерму! Но ему извѣстно,
Что вы и я въ пріемной...

ДОМИНГО.

Наше время
Пришло.

АЛЬБА.

Иль я не тотъ уже, передъ которымъ,
Бывало, настежь двери растворялись?
Какъ все перемѣнилось вкругъ меня,
Какъ чуждо стало...

ДОМИНГО

(тихо подкрадывается къ дверямъ кабинета и подслушиваетъ).

Чу!

АЛЬБА *(послѣ нѣкотораго молчанія).*

Все стихло вдругъ;
Дыханье слышно.

ДОМИНГО.

Занавѣсъ двойной
Звукъ всякій заглушаетъ.

АЛЬБА.

Прочь! Идутъ.

ДОМИНГО *(отходя отъ дверей).*

Мнѣ на сердцѣ такъ странно, такъ ужасно,
Какъ будто этотъ мигъ рѣшитъ нашъ жре-
бій.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе, принцъ Пармскій, герцоги Феріа и Медина-Сидонія *входятъ съ нѣкоторыми другими грандами).*

ПАРМСКІЙ.

Что, можно видѣть короля?

АЛЬБА.

Нѣтъ.

ПАРМСКІЙ.

Нѣтъ?
Кто у него?

ФЕРІА.

Ужъ вѣрно Поза?

АЛЬБА.

Нѣтъ,
Его ежеминутно ожидаютъ.

ПАРМСКІЙ.

А мы сейчасъ изъ Сарагоссы только
Пріѣхали. Весь въ ужасѣ Мадритъ.
Такъ это правда?

ДОМИНГО.

Къ сожалѣнью.

ФЕРІА.

Правда?
Мальтійцемъ онъ посаженъ подъ арестъ?

АЛЬБА.

Такъ точно.

ПАРМСКІЙ.

Но за что же? Что случилось?

АЛЬБА.

За что? Того еще никто не знаетъ,
Кромѣ монарха и маркиза Позы.

ПАРМСКІЙ.

И безъ вмѣшательства кортесовъ?

ФЕРІА.

Горе
Участнику въ подобномъ преступленьи
Противъ законовъ!

АЛЬБА.

Горе! говорю
И я.

МЕДИНА-СИДОНІЯ.

И я.

ПРОЧІЕ ГРАНДЫ.

Мы всѣ.

АЛЬБА.

Кто въ кабинетъ
Пойдетъ за мною? Тамъ къ стопамъ мо-
нарха
Я брошусь.

ЛЕРМА *(выбѣгаетъ изъ кабинета).*

Герцогъ Альба!

ДОМИНГО.

Наконецъ-то!
Благодаренье Богу!

(Альба уходитъ).

ЛЕРМА *(запыхавшись, въ сильномъ волненіи)*

Если кавалеръ
Прійдетъ сюда—король не принимаетъ...
Онъ позоветъ его...

ДОМИНГО

(къ Лермѣ, между тѣмъ какъ всѣ собралис около него въ любопытномъ ожиданіи).

Графъ, что случилось?
Вы блѣдны, какъ мертвецъ.

ЛЕРМА *(собираясь итти).*

О, это страшно!

ПАРМСКІЙ И ФЕРІА.

Но что же? что?

МЕДИНА-СИДОНІЯ.

Что дѣлаетъ король?

ДОМИНГО.

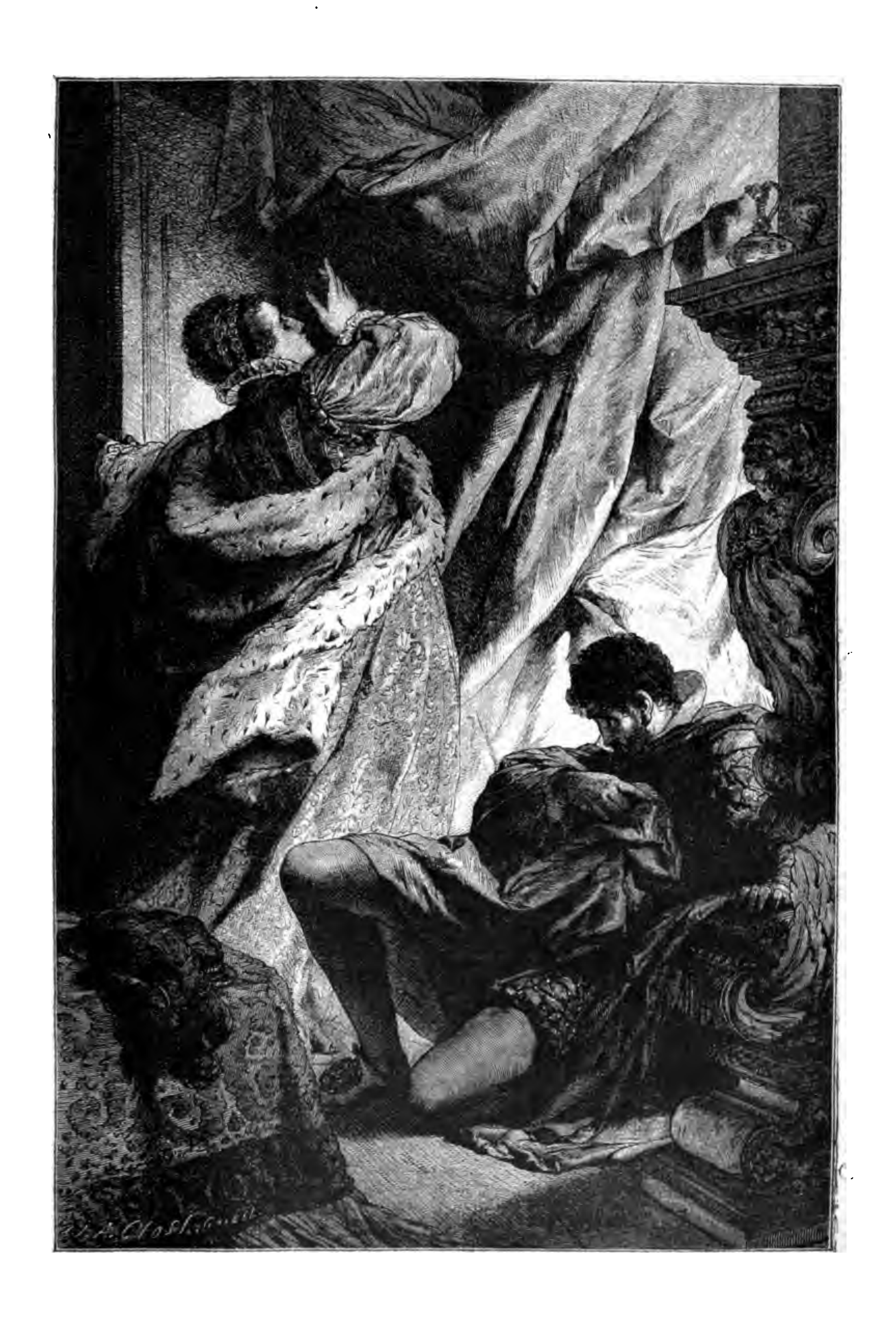
Что страшно? что?

ЛЕРМА.

Король заплакалъ, гранды

ДОМИНГО.

Заплакалъ?



ВСѢ (*вмѣстѣ, съ удивленіемъ*).
Какъ! король заплакалъ? О!
(*Слышенъ колокольчикъ въ кабинетѣ. Графъ Лерма уходитъ туда*).
ДОМИНГО (*ему вслѣдъ, стараясь его остановить*).
Постойте, графъ! два слова... извините...
Ушелъ!—и вотъ по прежнему мы здѣсь
Окованные ужасомъ стоимъ.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ПРИНЦЕССА ЭБОЛИ.

ЭБОЛИ (*запыхавшись, внѣ себя*).
Гдѣ государь? гдѣ? Я должна сейчасъ же
Съ нимъ говорить.
(*Герцогу Феріа*).
Вы, герцогъ, проведете
Меня къ его величеству.

ФЕРІА.
Король,
Принцесса, занятъ важными дѣлами.
Никто теперь къ нему войти не смѣетъ.

ЭБОЛИ.
А! такъ ужъ онъ подписываетъ, вѣрно,
Ужасный приговоръ? О, онъ обманутъ!
Я докажу, что онъ обманутъ.

ДОМИНГО (*издали дѣлаетъ ей знаки*).
Принцесса!

ЭБОЛИ (*идетъ къ нему*).
А! и вы здѣсь, капелланъ?
Прекрасно. Мнѣ васъ нужно. Вы должны
Все подтвердить.
(*Хватаетъ его за руку и хочетъ увлечь въ кабинетъ*).

ДОМИНГО.
Я? я?.. Принцесса,
Въ умѣ ли вы?

ФЕРІА.
Постойте! королю
Теперь васъ слушать некогда.

ЭБОЛИ.
Онъ долженъ
Меня сейчасъ же выслушать. Онъ долженъ
Всю правду выслушать... всю правду!

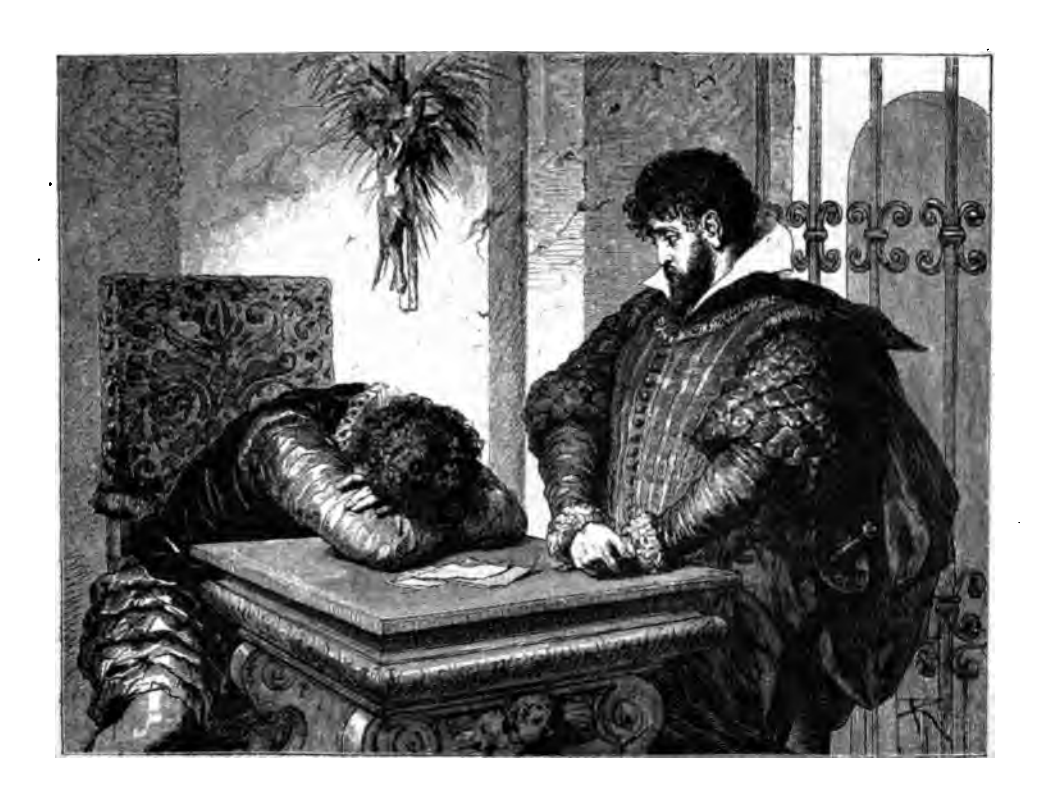
ДОМИНГО.
Что вы?
Вы всѣмъ рискуете. Остановитесь.

ЭБОЛИ.
Ты трепещи предъ гнѣвомъ своего
Кумира; мнѣ же нечѣмъ рисковать.
(*Только что она хочетъ войти въ кабинетъ, оттуда выходитъ Альба*).

ГЕРЦОГЪ АЛЬБА
(*глаза его горятъ; торжественность въ походкѣ. Онъ бѣжитъ къ Доминго и обнимаетъ его*).
Во всѣхъ церквахъ велите пѣть молебны.
Побѣда наша!

ДОМИНГО.
Наша?

АЛЬБА (*къ Доминго и прочимъ грандамъ*).
А теперь
Къ монарху! Послѣ разскажу подробнѣй.



ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Комната въ королевскомъ дворцѣ, съ рѣшетчатою дверью, ведущею въ большой корридоръ, въ которомъ ходятъ часовые.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Карлосъ *сидитъ за столомъ. Голова его покоится на рукѣ; можно подумать, что онъ спитъ. На заднемъ планѣ нѣсколько офицеровъ, вмѣстѣ съ нимъ заключенныхъ.* Маркизъ Поза *входитъ, незамѣченный Карлосомъ, и тихо говоритъ съ офицерами, которые тотчасъ удаляются. Потомъ онъ подходитъ къ Карлосу и молча, печально смотритъ на него нѣсколько времени. Наконецъ, дѣлаетъ движеніе, которое выводитъ принца изъ безчувственности.*

КАРЛОСЪ
(встаетъ, видитъ маркиза и содрагается, потомъ смотритъ на него нѣсколько времени неподвижно и во всѣ глаза, третъ рукою лобъ, какъ будто желая что-то припомнить).

МАРКИЗЪ.
Мой Карлосъ, это я.

КАРЛОСЪ *(подаетъ ему руку).*
Ты! ты пришелъ
Ко мнѣ? Вотъ это благородно, право.

МАРКИЗЪ.
Я полагалъ, что Карлу другъ теперь
Понадобиться можетъ.

КАРЛОСЪ.
Въ самомъ дѣлѣ?
Ты это думалъ? Ну, я очень радъ,
Невыразимо радъ. Ахъ! я вѣдь зналъ,
Что ты меня по прежнему все любишь.

МАРКИЗЪ.
И эту вѣру заслужилъ я, Карлосъ.

КАРЛОСЪ.
Не правда ль? О, еще не разучились
Мы понимать другъ друга! Эта нѣжность,
Пощада эта такъ обыкновенна
Въ душахъ великихъ, какъ у насъ съ тобой.
Пускай одно изъ Карловыхъ желаній
Несправедливо было.. оттого

Ему ты не откажешь въ справедливыхъ.
Тверда, рѣзка, быть можетъ, добродѣтель,
Но не жестока, не безчеловѣчна.
Тебѣ то много стоило! Я знаю,
Какъ у тебя болѣло, ныло сердце,
Когда свою ты жертву велъ на ножъ.

МАРКИЗЪ.

Что ты подъ этимъ разумѣешь, Карлосъ?

КАРЛОСЪ.

Ты самъ теперь исполнишь то, что должно
Мнѣ было выполнить, но я не смогъ.
Ты подаришь испанцамъ дни златые,
Что ожидали отъ меня напрасно.
Со мной покончень счетъ. Ты угадалъ.
Жестокая любовь навѣкъ сгубила
Всѣ прежніе цвѣты души моей.
Я умеръ для твоихъ великихъ плановъ.
Перстъ Божій или случай привели
Тебя къ отцу. Ему лишь стоитъ тайну
Мою открыть—онъ твой. Его будь ангелъ.
А мнѣ спасенья больше нѣтъ. Быть можетъ,
Есть для Испаніи?.. Все поправимо,
Все, кромѣ слѣпоты моей безумной,
Не позволявшей до сихъ поръ мнѣ видѣть,
Что такъ же ты великъ, какъ нѣженъ.

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ!
Вотъ этого я не предвидѣлъ! Нѣтъ!
Я не предвидѣлъ, чтобъ великодушье друга
Изобрѣтательнѣе быть могло
Моихъ всемірно-мудрыхъ замышленій.
Мое все зданье рушится внезапно.
Я о твоемъ запамятовалъ сердцѣ.

КАРЛОСЪ.

Когда бъ ее ты только пощадилъ...
Вотъ видишь ли, за это я тебѣ
Невыразимо былъ бы благодаренъ.
Или одинъ не могъ страдать я? Развѣ
Должна была второй она быть жертвой?
Но полно! упрекать тебя не стану.
И что тебѣ до королевы? Развѣ
Ты любишь королеву? И твоей ли
Высокой добродѣтели пещись
О мелкихъ радостяхъ моей любви?
Прости!—я былъ несправедливъ.

МАРКИЗЪ.

Ты точно
Несправедливъ... но не за тѣ упреки.
Одинъ я заслужи—я заслужу
Ихъ всѣ... а ужъ тогда передъ тобою
Я такъ бы не стоялъ.

(Вынимаетъ портфель).

Вотъ здѣсь изъ писемъ
Есть нѣсколько, что ты на сохраненье
Мнѣ отдалъ. Спрячь къ себѣ ихъ.

КАРЛОСЪ
(смотритъ съ удивленіемъ то на портфель, то на маркиза).

Какъ?

МАРКИЗЪ.

Я отдаю тебѣ назадъ ихъ, Карлосъ:
Въ твоихъ рукахъ они теперь вѣрнѣе.

КАРЛОСЪ.

Что это? Такъ король ихъ не читалъ?
Такъ онъ ихъ не видалъ?

МАРКИЗЪ.

Твои-то письма?

КАРЛОСЪ.

Ты показалъ ему не всѣ?

МАРКИЗЪ.

Но кто
Сказалъ тебѣ, что ихъ я королю
Показывалъ?

КАРЛОСЪ *(въ сильномъ удивленіи).*

Возможно ли? Графъ Лерма.

МАРКИЗЪ.

Такъ онъ сказалъ тебѣ? Ну, такъ теперь
Все ясно! Кто же могъ предвидѣть это!
Такъ это Лерма?... Нѣтъ, онъ клеветы
Не знаетъ. Точно такъ: другія письма
Лежатъ у короля.

КАРЛОСЪ
(долго смотритъ на него съ большимъ удивленіемъ).

За что жъ я здѣсь?

МАРКИЗЪ.

Чтобъ удержать тебя на случай, если бъ
Ты Эболи въ другой разъ пожелалъ
Своей довѣренною сдѣлать.

КАРЛОСЪ *(будто пробужденный отъ сна).*

А!
Ну, наконецъ... теперь я понимаю!
Теперь все стало ясно.

МАРКИЗЪ *(идетъ къ дверямъ).*

Кто идетъ?

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. Герцогъ Альба.

АЛЬБА
(почтительно приближается къ принцу. Впродолженіе всей этой сцены онъ стоитъ спиною къ маркизу).

Принцъ, вы свободны. Посланъ королемъ я
Вамъ это извѣстить.

(Карлосъ смотритъ съ удивленіемъ на маркиза. Всѣ молчатъ).

Свѣтлѣйшій принцъ,
Я чту себя счастливымъ, что я первый

Имѣю честь...

КАРЛОСЪ

(смотритъ съ величайшимъ удивленіемъ. Потомъ обращается къ герцогу).

Меня берутъ подъ стражу,
Мнѣ говорятъ потомъ, что я свободенъ,
А самъ я и не вѣдаю, за что
Я взятъ подъ стражу и за что мнѣ
Свободу объявляютъ?

АЛЬБА.

По ошибкѣ,
Свѣтлѣйшій принцъ, какъ это слышалъ я,
Къ которой короля одинъ обманщикъ
Склонилъ.

КАРЛОСЪ.

Но все жъ я здѣсь по повелѣнью
Монарха нахожусь?

АЛЬБА.

Да, по ошибкѣ
Его величества.

КАРЛОСЪ.

Мнѣ очень жаль...
Но если ошибается король,
Такъ пусть же самъ король, своей особой,
Свою ошибку и поправитъ.

(Онъ ищетъ глазами маркиза и сохраняетъ гордое презрѣніе къ герцогу).

Здѣсь
Зовутъ меня Филиппа сыномъ. Очи
И клеветы и любопытства зорко
Слѣдятъ за всякимъ изъ моихъ движеній.
То, что монарха долгъ заставилъ сдѣлать,
Я не хочу принять того, какъ милость.
Пожалуй, я готовъ предъ судъ кортесовъ
Немедленно предстать; но шпаги, герцогъ,
Я не приму изъ вашихъ рукъ.

АЛЬБА.

Король
Вамъ, вѣрно, не откажетъ въ исполненьи
Такого справедливаго желанья,
Когда, свѣтлѣйшій принцъ, мнѣ только
Позволите васъ проводить къ нему.

КАРЛОСЪ.

Я здѣсь останусь до тѣхъ поръ, пока
Меня король или его Мадритъ
Не выведутъ отсюда. Потрудитесь
Ему отвѣтъ мой передать.

(Альба удаляется. Нѣсколько времени онъ стоитъ въ корридорѣ и раздаетъ приказанія).

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

КАРЛОСЪ. МАРКИЗЪ ПОЗА.

КАРЛОСЪ.

Но что жъ
Все это значитъ? Изъясни мнѣ, Поза,
Ты развѣ не министръ?

МАРКИЗЪ.

Какъ видишь, былъ имъ.

(Подходитъ къ нему въ сильномъ волненіи).

О Карлъ, свершилось, удалось! Свершилось!
Хвала Создателю.

КАРЛОСЪ.

Что удалось?
Я словъ твоихъ не понимаю.

МАРКИЗЪ *(схватываетъ его за руку).*

Ты
Спасенъ, мой Карлъ... свободенъ... я же...

(Останавливается).

КАРЛОСЪ.

Ты?..

МАРКИЗЪ.

А я... я жму тебя къ груди своей
Впервые съ полнымъ, совершеннымъ правомъ:
Я вѣдь купилъ его всѣмъ, всѣмъ, что мнѣ
Здѣсь дорого. О, Карлъ, какъ велика,
Какъ сладостна минута эта! Я
Собой доволенъ.

КАРЛОСЪ.

Что за перемѣна
Въ твоихъ чертахъ? Еще я никогда
Тебя такимъ не видѣлъ. Грудь вольнѣе
Твоя вздымается, а очи блещутъ.

МАРКИЗЪ.

Другъ съ другомъ должно намъ проститься, Карлосъ.
О, не пугайся. Будь мужчиной. Что бы
Ты ни услышалъ отъ меня, мой Карлосъ,
Дай слово мнѣ неукротимымъ горемъ,
Сердецъ великихъ вовсе недостойнымъ,
Не дѣлать тягостнѣй разлуки нашей.
Меня теряешь ты на много лѣтъ—
Глупцы зовутъ навѣки это.

(Карлосъ отдергиваетъ руку, пристально смотритъ на него и ничего не отвѣчаетъ).

Будь
Мужчиной. Я увѣренъ былъ въ тебѣ,
Я положилъ съ тобой провесть тотъ часъ,
Что здѣсь *послѣднимъ* страшно называютъ.
Признаться ли тебѣ, мой другъ? я даже
Былъ радъ тому. Пойдемъ-ка, сядемъ, Карлосъ.
Я весь измученъ такъ и слабъ.

(Онъ придвигается къ Карлосу, который все еще погруженъ въ мертвое оцѣпенѣніе и машинально садится подлѣ него).

Гдѣ жъ ты?
Ты мнѣ не отвѣчаешь? Слушай, Карлосъ;
Спустя лишь день, какъ мы въ монастырѣ
Въ послѣдній разъ увидѣлись съ тобою,
Потребовалъ меня къ себѣ король.
Послѣдствія ты знаешь, знаетъ цѣлый
Мадритъ. Не знаешь только, что ужъ тайна

Твоя была извѣстна королю.
Что письма были найдены въ шкатулкѣ
У королевы: я отъ короля
Узналъ объ этомъ, потому что былъ
Его повѣреннымъ.
(Останавливается въ ожиданіи отвѣта отъ Карлоса, который упорствуетъ въ молчаніи).
Да! я своими
Устами дружбѣ нашей измѣнилъ.
Я самъ комплотомъ управлялъ, который
Тебѣ готовилъ гибель. Слишкомъ громко
Ужъ говорило дѣло. Оправдать
Тебя ужъ было поздно. Овладѣть
Филиппа мщеньемъ—вотъ одно, что я
Еще могъ сдѣлать для тебя. Итакъ,
Я сталъ врагомъ твоимъ, чтобъ тѣмъ сильнѣе
Тебѣ служить. Ты слушаешь меня?

КАРЛОСЪ.

Я слушаю... но дальше, ради Бога!

МАРКИЗЪ.

До сихъ поръ нѣтъ на мнѣ вины. Но вотъ
Мнѣ измѣняетъ непривычный лучъ
Великой милости монарха. Толки
Доходятъ до тебя, какъ я предвидѣлъ.
Но я, привѣтомъ лживымъ обольщенный,
Безумьемъ гордымъ осѣненъ— одинъ
Осуществить планъ смѣлый, безъ тебя.—
Я скрылъ опасный замыселъ отъ дружбы.
Вотъ здѣсь огромная ошибка.
Я проступился. Знаю, сумасбродствомъ
Была моя увѣренность. Прости мнѣ,
Я основалъ довѣрчиво ее
На вѣчности твоей высокой дружбы.
(Онъ умолкаетъ. Карлосъ изъ своего оцѣпененія переходитъ къ сильному волненію).
Чего я опасался, то случилось.
Тебя пугаютъ вымышленнымъ страхомъ.
Послѣдній случай съ королевой, ужасъ
Смятеннаго двора, сѣдого Лермы
Несчастная услужливость; къ тому жъ
И странное мое молчанье—все
Въ твое врасплохъ застигнутое сердце
Ударило внезапно, разомъ. Ты
Колеблешься. Ты думаешь, что я
Потерянъ для тебя; но, слишкомъ честный,
Чтобъ сомнѣваться въ благородствѣ друга,
Паденіе величьемъ называешь
И лишь тогда рѣшаешься измѣну
Его признать, когда въ измѣнѣ этой
Онъ твоего достоинъ уваженья.
Покинутый послѣднимъ другомъ, ты
Бросаешься въ объятія принцессы...
Несчастный! въ адскія объятья:
Она вѣдь это предала тебя.
(Карлосъ встаетъ).
Я вижу, какъ ты къ ней бѣжишь. Всѣ злыя
Предчувствія вонзаются мнѣ въ сердце.
Я за тобой иду. Ужъ поздно. Ты
Лежишь у ногъ ея. Признанье съ устъ
Твоихъ уже слетѣло. Для тебя
Нѣтъ болѣе спасенья...

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ, она
Была растрогана. Ты обманулся,
Она была растрогана.

МАРКИЗЪ.

Въ глазахъ
Тутъ у меня стемнѣло, помутилось.
Нигдѣ... нигдѣ... нэтъ средства, нѣтъ спасенья,
Нѣтъ больше помощи во всей вселенной.
Отчаянье овладѣваетъ мною.
Я демономъ, я звѣремъ становлюсь:
Я женщинѣ кинжаломъ угрожаю...
И вдругъ... вдругъ мысль, какъ сонца лучъ блестящій,
Мою внезапно душу озаряетъ.
Что если бъ обмануть Филиппа? если бъ
Въ его глазахъ мнѣ самому прослыть
Виновнымъ? Вѣроятно ль, нѣтъ ли,
Лишь только бы прослыть! Для короля
Филиппа виду одного довольно:
Филиппъ повѣритъ, какъ всему дурному.
Пусть будетъ такъ. Рѣшаюсь я. Онъ станетъ
Раздумывать, а Карлосъ между тѣмъ
Успѣетъ въ Нидерланды удалиться.

КАРЛОСЪ.

И это ты ужъ дѣлалъ?

МАРКИЗЪ.

Я пишу
Во Фландрію, къ Оранскому, что я
Влюбился въ королеву, что, склонивши
Все подозрѣнье на тебя, мнѣ удалось
Уже Филиппа обмануть, что я
Черезъ монарха самого дорогу
Умѣлъ себѣ къ ней проложить. Но тутъ же
Я прибавляю, что страшусь открытій,
Что ты, узнавъ объ этой страсти, прямо
Къ принцессѣ Эболи пошелъ въ покои,
Съ намѣреньемъ, быть можетъ, чрезъ нее
Предостеречь Елисавету, что тебя
Я посадилъ подъ стражу и теперь
Намѣренъ въ Брюсселѣ укрыться. Это
Письмо...

КАРЛОСЪ *(испуганный перебиваетъ его).*

Не отдалъ ли ужъ ты на почту?
Ты знаешь, что всѣ письма въ Нидерланды...

МАРКИЗЪ.

Передаются королю. Какъ видно,
Уже Таксисъ свой долгъ исполнилъ.

КАРЛОСЪ.

Боже!

Такъ я погибъ!

МАРКИЗЪ.

Ты? Почему же ты?

КАРЛОСЪ.

Несчастный! вѣдь и ты погибъ со мною.
Подобнаго обмана мой отецъ
Намъ не проститъ во вѣки. Нѣтъ, такого
Онъ не проститъ обмана никогда!

МАРКИЗЪ.

Обмана? ты разсѣянъ, Карлъ. Опомнись.
Кто жъ объ обманѣ томъ ему разскажетъ?

КАРЛОСЪ *(пристально смотритъ ему въ глаза)*.

Кто, спрашиваешь ты. Я самъ.

(Хочетъ итти).

МАРКИЗЪ.

Съ ума
Сошелъ ты, что ли? Стой! Куда ты?

КАРЛОСЪ.

Прочь!
О, ради Бога! не держи меня!

МАРКИЗЪ.

Остановись! намъ дороги, священны
Минуты эти. Намъ еще довольно
Есть передать другъ другу.

КАРЛОСЪ.

Что? А онъ
И не узнаетъ...

(Хочетъ опять итти. Маркизъ беретъ его за руку и глядитъ на него выразительно).

КАРЛОСЪ.

Слушай, Карлосъ, былъ ли
Я такъ поспѣшенъ, такъ же щекотливъ.
Какъ за меня ты кровью истекалъ
Тогда... ты помнишь?

КАРЛОСЪ
(растроганный, въ удивленіи останавливается передъ нимъ).

О, великій Промыслъ!

МАРКИЗЪ

Спаси себя для Фландріи! Престолъ—
Твое призванье. За тебя погибнуть—
Было моимъ.

КАРЛОСЪ
(подходитъ къ маркизу и съ чувствомъ беретъ его за руку).

Нѣтъ, нѣтъ! Не будетъ онъ,
Не можетъ онъ быть непреклоннымъ, Поза!
Я поведу тебя къ нему. Рука
Съ рукой къ нему пойдемъ мы оба вмѣстѣ.
„Родитель мой", ему скажу я, „вотъ что
Здѣсь дѣлалъ другъ для друга своего".
Онъ будетъ тронутъ. Вѣрь, Родриго, вѣрь—
Онъ не совсѣмъ еще безчеловѣченъ.
О, да! онъ будетъ тронутъ этимъ. Очи
Его нальются жаркими слезами—
И онъ тебѣ и мнѣ проститъ.
(Сквозь рѣшетчатую дверь раздается выстрѣлъ. Карлосъ вздрагиваетъ).

А!

Въ кого же это?

МАРКИЗЪ

Кажется, въ меня.
(Падаетъ).

КАРЛОСЪ *(съ крикомъ падаетъ возлѣ него на полъ).*

О, милосердный Боже!

МАРКИЗЪ *(замирающимъ голосомъ).*

Да, онъ скоръ...
Король... я думалъ... Позаботься
Ты о спасеньи... слышишь? о спасеньи...
Все знаетъ королева... Я...
(Карлосъ, какъ мертвый, лежитъ возлѣ трупа. Спустя нѣсколько времени, входитъ король въ сопровожденіи многихъ грандовъ и, при взглядѣ на эту сцену, въ смущеніи отступаетъ назадъ. Всеобщее глубокое молчаніе. Гранды становятся полукругомъ и смотрятъ попеременно то на короля, то на его сына. Послѣдній лежитъ все еще безъ всякаго признака жизни. Король смотритъ на него погруженный въ глубокое размышленіе).

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Король, Карлосъ, герцоги Альба, Феріа *и* Медина-Сидонія, принцъ Пармскій, графъ Лерма, Доминго *и другіе гранды.*

КОРОЛЬ *(милостиво).*

Твое
Желаніе исполнено, инфантъ.
Я здѣсь; я самъ со всей своей грандецой
Пришелъ тебѣ свободу возвратить.
(Карлосъ, очнувшись, оглядывается вокругъ, какъ пробужденный отъ сна. Глаза его останавливаются то на королѣ, то на маркизѣ. Онъ ничего не отвѣчаетъ).
Вотъ мечъ твой, Карлъ. Произошла ошибка.
(Приближается къ нему, подаетъ руку и помогаетъ ему встать).
Ты не на мѣстѣ здѣсь, мой Карлосъ. Встань.
Приди въ мои объятья.

КАРЛОСЪ
(безсознательно падаетъ въ объятія короля, но внезапно приходитъ въ себя и пристально всматриватся въ него).

Отъ тебя
Убійствомъ пахнетъ. Не могу я
Тебя обнять.
(Отталкиваетъ его. Гранды приходятъ въ движеніе).

Чего вы испугались?
Что жъ сдѣлалъ я ужаснаго такого?
Помазанника тронулъ? О, не бойтесь!
Я на него руки не наложу.
Иль вы не видите: клеймомъ пылаетъ
Чело его. Самъ Богъ его отмѣтилъ.

КОРОЛЬ *(быстро отворачиваясь, грандамъ).*

Пойдемте!

КАРЛОСЪ.

Какъ? Ни съ мѣста, государЬ!
(Насильно удерживаетъ его обѣими руками, схватывая въ то же время одною изъ нихъ мечъ, принесенный королемъ. При сильномъ движеніи мечъ обнажается).

КОРОЛЬ.

Мечъ поднятъ на отца?

ВСѢ ГРАНДЫ *(вынимая мечи).*

Цареубійство!

КАРЛОСЪ
(удерживая одной рукою короля и держа обнаженный мечъ въ другой).

Мечи въ ножны! Чего хотите вы?
Иль думаете—я сошелъ съ ума?
Я не сошелъ съ ума. Иначе дурно
Вы поступили бы, напомнивъ мнѣ,
Что на концѣ вотъ этого меча
Жизнь короля виситъ. Прошу васъ, станьте
Поодаль. Я теперь не такъ настроенъ,
Чтобъ безопасно можно было мнѣ
Перечить. Потому—посторонитесь.
Что королю имѣю я сказать,
То не касается присяги вашей,
Смотрите, сколько крови у него
На пальцахъ! О, смотрите на него!
Вы видите ль? Сюда, сюда смотрите:
Вотъ что сдѣлалъ, лживый комедьянтъ.

король (*грандамъ, которые-было его окружили*).
Посторонитесь всѣ. Чего боитесь?
Иль мы не сынъ съ отцомъ? Хочу я видѣть,
Къ какому злодѣянію природа.

карлосъ.

Природа? Я не знаю никакой:
Теперь убійство лозунгъ. Узы крови
Теперь расторгнуты. Ты самъ расторгъ ихъ
Во всѣхъ своихъ державахъ, государь.
Мнѣ ль уважать, надъ чѣмъ ты самъ глумишься?
Сюда, сюда взгляните. Никогда
Такого преступленья, какъ сегодня,
Еще не совершалось. Иль нѣтъ Бога?
Иль могутъ сильные въ его созданьяхъ
Самоуправствовать такъ дерзко? Развѣ—
Я спрашиваю—нѣту Бога? Съ той поры,
Какъ матери рожаютъ—ни одинъ,
О, ни одинъ еще не умиралъ
Безвинно такъ. Но знаешь ли ты, полно,
Что сдѣлалъ ты? Нѣтъ, онъ того не знаетъ,
Не знаетъ онъ, что онъ укралъ изъ міра
Такую жизнь, что лучше, благороднѣй
И драгоцѣннѣе была, чѣмъ онъ
Со всѣмъ своимъ столѣтьемъ.

король (*смягченнымъ голосомъ*).

Если я
Былъ слишкомъ скоръ, то для тебя же, сынъ мой!
И не тебѣ меня въ томъ упрекать.

карлосъ.

Ужели вы не знали до сихъ поръ,
Чѣмъ былъ онъ для меня. Такъ поспѣшите
Его всевѣдѣнью притти на помощь,
Покойникъ былъ мнѣ другомъ. А хотите ль
Вы знать, зачѣмъ онъ умеръ? За меня
Онъ умеръ.

король.

О, предчувствіе мое!

карлосъ.

Прости, окровавленнный прахъ! прости,
Что подвигъ твой предъ этими ушами
Разоблачаю я! Но пусть отъ срама
Поникнетъ этотъ гордый сердцевѣдецъ
При мысли, что его сѣдую мудрость
Перехитрилъ умъ юноши. Да, братья
Мы были, братья, государь, по узамъ,
Которыя священнѣй узъ природы.
Вся жизнь его была—любовь. Любовь,
Любовь ко мнѣ была его кончина.
Моимъ онъ былъ, когда вы уваженьемъ
Его гордились и когда шутила
Насмѣшка остроумная его
Съ величественнымъ вашимъ духомъ,
Имъ управлять вы думали—и были
Орудіемъ его великихъ плановъ.
Что арестованъ я, то было дружбы
Его глубоко сознаннымъ поступкомъ.
Чтобы спасти—онъ написалъ письмо
Къ Оранскому... О, Боже, это было
Его прекрасной жизни первой ложью!
Чтобы спасти—онъ бросился на смерть...
Вы милостью своей его взыскали—
Онъ умеръ за меня. Вы дружбу, сердце
Свое ему навязчиво вручили:
Вашъ скипетръ былъ въ рукахъ его игрушкой.
Онъ бросилъ все и умеръ за меня!
(*Король стоитъ безъ движенья, поникнувъ головою. Гранды находятся въ страхѣ и нерѣшительности*).
И что жъ? Возможно ль? Вы могли повѣрить
Такой невѣроятной, грубой лжи?
И за кого считалъ онъ васъ, какъ вздумалъ
Васъ обмануть такою балаганной,
Такою площадною шуткой! Дружбы
Его искать дерзали вы—и пали
При этомъ легкомъ испытаньи. Нѣтъ!
О, нѣтъ! То было не для васъ! Не могъ
Онъ вашимъ быть. Онъ хорошо то понялъ,
Какъ бросилъ васъ и ваши всѣ короны.
Рукой желѣзной вы разбили эту
Прелестную гармонью нѣжныхъ струнъ.
Убить его могли вы только, и—
Убили!

альба

(*все это время не спускавшій глазъ съ короля и слѣдившій за его движеніями съ явнымъ безпокойствомъ, боязливо подходитъ къ нему*).
Государь, что вы молчите?
Взгляните хоть на насъ! Скажите слово!

карлосъ.

И къ вамъ онъ былъ неравнодушенъ. Къ вамъ
Питалъ онъ съ давнихъ поръ участье
Могъ бы
И васъ онъ счастьемъ одѣлить. Богата
Была душа его, и даже васъ
Могла своимъ избыткомъ осчастливить.
Онъ богомъ могъ васъ сдѣлать. Сами
Себя вы обокрали, государь,
Да и меня съ собою. Что теперь
Дадите вы, чтобъ къ жизни воскресить
Такую душу?
(*Глубокое молчаніе. Многіе гранды отворачиваются или закрываютъ лицо плащами*).
О вы, что здѣсь стоите, и отъ страха
Нѣмѣете—не осуждайте сына
За эту рѣчь съ отцомъ и королемъ.
Сюда взгляните. Для меня онъ умеръ.
Когда у васъ есть слезы, если въ жилахъ
У васъ не раскаленное желѣзо,
А кровь течетъ—сюда, сюда взгляните.

И будьте снисходительны ко мнѣ.
(Съ большимъ спокойствіемъ обращается къ королю).
Теперь вы ждете, можетъ быть, чѣмъ эта
Вся сцена кончится? Вотъ мечъ мой. Вы,
Вы снова мой король. Я не боюсь
Ни гнѣва вашего, ни вашей мести.
Убейте и меня, какъ вы убили
Великаго изъ человѣковъ. Жизнь
Моя ужъ не долга. Я это знаю.
И что мнѣ жизнь? Вотъ здѣсь слагаю
Я все, чѣмъ свѣтъ меня прельщалъ. Ищите
Изъ чуждыхъ вамъ себѣ другого сына—
Вотъ здѣсь мои державы!
(Склоняется надъ трупомъ и не принимаетъ болѣе никакого участья въ окружающемъ. Между тѣмъ, издали слышится громкій говоръ и шумъ приближающейся толпы. Вокругъ короля глубокое молчаніе. Его глаза обѣгаютъ всѣхъ присутствующихъ, но не встрѣчаютъ ни чьихъ взоровъ).

КОРОЛЬ.

Ну? . Никто
Не отвѣчаетъ. Смотрятъ въ землю всѣ —
И лица всѣ закрыты. Приговоръ,
Какъ видно, мнѣ прочтенъ. Онъ ясенъ въ этихъ
Нѣмыхъ глазахъ. Я вами осужденъ?
(Прежнее молчаніе. Шумъ становится ближе и слышнѣе. Въ рядахъ грандовъ возникаетъ шопотъ; они дѣлаютъ другъ другу знаки).

ЛЕРМА *(тихо герцогу Альбѣ).*

Но, право, это бунтъ!

АЛЬБА *(тихо).*

Боюсь и я
Того же.

ЛЕРМА.

Герцогъ, чу! идутъ сюда.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ОФИЦЕРЪ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ.

ОФИЦЕРЪ *(запыхавшись).*

Бунтъ! Гдѣ король?
(Проталкивается сквозь толпу; королю).
Мадритъ въ волненьи! Чернь,
Вооруженные солдаты окружили
Дворецъ. Принцъ Карлосъ, говорятъ, посаженъ
И жизнь его въ опасности. Народъ
Его живого хочетъ видѣть, или
Мадритъ зажечь.

ВСѢ ГРАНДЫ *(въ волненіи).*

Спасайте короля!

АЛЬБА *(королю, стоящему спокойно и неподвижно).*

Бѣгите, государь. Опасно здѣсь.
Еще не знаемъ мы, кто чернью правитъ.

КОРОЛЬ

(вдругъ пробуждается, какъ-будто выростаетъ, и величественно къ нимъ подходитъ).
Стоитъ престолъ мой, или нѣтъ? Король
Я въ этомъ государствѣ, или нѣтъ?
Нѣтъ, не король я больше! Эти трусы
Расплакались, какъ бабы, отъ рѣчей
Мальчишки. Ждутъ ужъ, можетъ быть, лишь знака,
Чтобы меня оставить. Преданъ я
Преступною измѣной.

АЛЬБА.

Государь,
Какая мысль!

КОРОЛЬ.

Вонъ тамъ, предъ нимъ склоняйтесь!
Предъ молодымъ, цвѣтущимъ королемъ
Сгибайте спины! Я уже ничто—
Старикъ безпомощный и хилый.

АЛЬБА.

Какъ!
Ужъ до того дошло? Испанцы!
(Всѣ тѣснятся около короля и съ обнаженными мечами преклоняютъ предъ нимъ колѣна. Карлосъ, одинъ, оставленный всѣми, остается у трупа).

КОРОЛЬ *(срываетъ съ себя мантію и бросаетъ ее).*

Вотъ *его*
Одѣньте королевскою одеждой:
Его черезъ поруганный мой трупъ
Несите.
(Въ обморокъ падаетъ на руки Альбы и Лермы).

ЛЕРМА.

Помогите! Боже! Боже!

ФЕРІА.

Что за ужасный случай!

ЛЕРМА.

Боже, онъ
Въ безпамятствѣ!

АЛЬБА *(сдаетъ короля на руки Лермѣ и Феріа).*

Снесите короля
Въ опочивальню! Я же, между тѣмъ,
Миръ водворю въ Мадритѣ.
(Уходитъ. Короля уносятъ; гранды сопровождаютъ его).

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Карлосъ *одинъ остается у трупа. Нѣсколько минутъ спустя входитъ* Людовико Меркадо, *боязливо оглядывается и стоитъ молча нѣсколько времени за принцемъ, который не замѣчаетъ его.*

МЕРКАДО.

Я присланъ къ вамъ отъ королевы.
(Карлосъ попрежнему смотритъ въ сторону и не отвѣчаетъ).
Имя
Мое Меркадо! Я лейбъ-медикъ
Ея величества... и вотъ мое,
Принцъ, полномочье.
(Показываетъ принцу перстень. Принцъ все еще не отвѣчаетъ).
Королева хочетъ
Васъ видѣть нынче... Важныя дѣла...

КАРЛОСЪ.

На этомъ свѣтѣ ничего мнѣ больше
Не важно.

МЕРКАДО.

Порученье, говорила,
Отъ кавалера Позы...

КАРЛОСЪ *(быстро встаетъ).*

Что? Сейчасъ.
(Хочетъ итти съ нимъ).

МЕРКАДО.

Нѣтъ, не теперь, свѣтлѣйшій принцъ. Вамъ должно
До ночи подождать. Всѣ входы въ замкѣ
Затворены, удвоена вкругъ стража.
Рѣшительно нельзя въ то отдѣленье
Дворца, не бывъ замѣченнымъ, войти,
Безумствомъ это было бы...

КАРЛОСЪ.

Но...

МЕРКАДО.

Только
Одно еще есть средство... королева
Сама нашла его и предлагаетъ
Теперь на разсмотрѣнье ваше, принцъ;
Но средство это смѣло и опасно.

КАРЛОСЪ.

Скажите.

МЕРКАДО.

Ужъ давно идетъ преданье,
Какъ сами знаете, что ровно въ полночь
Подъ сводами дворцовыхъ галлерей
Усопшій духъ покойнаго монарха
Въ одеждѣ мрачной инока блуждаетъ.
Чернь вѣритъ этимъ слухамъ; часовые
Со страхомъ занимаютъ этотъ постъ.
Когда бъ рѣшились вы переодѣться,
То вамъ бы можно было безопасно
Дойти до комнатъ королевы; ихъ
Вамъ этотъ ключъ отворитъ. Видъ священный
Васъ оградитъ отъ всякихъ нападеній.
Итакъ, рѣшайтесь, принцъ, сейчасъ рѣшайтесь.
Одежду, маску у себя найдете,
А я межъ тѣмъ отвѣтъ вашъ королевѣ
Пойду снесу.

КАРЛОСЪ.

А время?

МЕРКАДО.

Время—полночь.

КАРЛОСЪ.

Скажите жъ королевѣ, чтобъ она
Меня ждала.
(Меркадо уходитъ).

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Карлосъ. Графъ Лерма.

ЛЕРМА.

Спасайтесь, принцъ. Король
На васъ разгнѣванъ и свобода ваша
Въ опасности, а можетъ быть и жизнь.
Не спрашивайте болѣе меня.
Я скрылся, чтобы васъ предостеречь.
Не медлите, бѣгите!

КАРЛОСЪ.

Я въ рукахъ
Всевышняго.

ЛЕРМА.

Какъ королева мнѣ
Дала замѣтить, вы еще сегодня
Должны Мадритъ оставить и бѣжать
Въ Голландію. Свѣтлѣйшій принцъ, прошу васъ—
Не медлите. Вамъ возмущенье черни
Благопріятствуетъ. Вотъ потому
И королева такъ распорядилась.
Теперь едва ль осмѣлятся насилье
Противу васъ употреблять. Васъ ждутъ
Въ монастырѣ картезіанскомъ кони;
А вотъ вамъ и оружіе на случай,
Когда бъ принудили...
(Подаетъ ему кинжалъ и пистолеты).

КАРЛОСЪ.

Благодарю,
Благодарю, графъ Лерма!

ЛЕРМА.

Вашъ разсказъ
Меня до глубины души растрогалъ.
Такъ болѣе не любятъ! Патріоты
До одного всѣ съ вами вмѣстѣ плачутъ.
Но больше вамъ сказать теперь не смѣю.

КАРЛОСЪ.

Графъ Лерма, васъ покойникъ называлъ
Прямымъ и благороднымъ человѣкомъ.

ЛЕРМА.

Еще разъ, добрый принцъ, счастливый путь
вамъ!
Я знаю: время лучшее настанетъ,
Когда меня на свѣтѣ ужъ не будетъ.
Примите же теперь мою присягу.
Преклоняетъ предъ нимъ колѣни).

КАРЛОСЪ

(хочетъ удержать его, въ сильномъ волненіи).
Не такъ, не такъ, графъ Лерма... Вы меня
Растрогали. Мнѣ бъ не хотѣлось быть
Растроганнымъ.

ЛЕРМА *(цѣлуетъ ему руку съ чувствомъ).*
Король моихъ дѣтей!
Мои лишь дѣти будутъ въ состояньи
За васъ, донъ-Карлосъ, умереть. А я
Того не смѣю. Вспомните меня
Въ дѣтяхъ моихъ. Счастливо возвращайтесь
Назадъ въ Испанію. Будьте человѣкомъ
На тронѣ короля Филиппа. Вы
Страдали сами. Не предпринимайте
Противъ родителя вы ничего
Кроваваго,—о, ничего, мой принцъ!
Филиппъ Второй принудилъ отказаться
Отъ трона дѣда вашего—и вотъ
Филиппъ Второй теперь трепещетъ самъ
Передъ своимъ единороднымъ сыномъ.
Подумайте *о томъ*—и Богъ храни васъ!
(Онъ поспѣшно уходитъ. Карлосъ хочетъ итти въ противоположную сторону, но возвращается, преклоняется передъ тѣломъ маркиза и заключаетъ его въ объятія, потомъ встаетъ и быстро оставляетъ комнату).

Пріемная короля.

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Герцогъ Альба и герцогъ Феріа *входятъ разговаривая.*

АЛЬБА.

Мадритъ спокоенъ. Какъ вы короля
Оставили?

ФЕРІА.

Въ ужасномъ раздраженьи.
Онъ заперся. Что бъ ни случилось, онъ
Къ себѣ впускать души не приказалъ.
Измѣна Позы всю его натуру
Внезапно измѣнила. Мы его
Не узнаемъ.

АЛЬБА.

Мнѣ надобно къ нему.
На этотъ разъ нельзя щадить его.
Открытье важное, что лишь сейчасъ...

ФЕРІА.

Опять открытіе?

АЛЬБА.

Картезіанскій
Монахъ, прокравшійся тайкомъ къ инфанту
И очень подозрительно внимавшій
Разсказу о кончинѣ кавалера,
Попался въ руки караула. Тутъ же
Его остановили. Ужасъ смерти
Его признаться, наконецъ, заставилъ,
Что у него есть важныя бумаги,
Которыя покойникъ поручилъ
Ему отдать инфанту въ руки, если
Онъ до заката солнечнаго самъ
Съ нимъ не увидится.

ФЕРІА.

Ну что жъ?

АЛЬБА.

Изъ писемъ
Увидѣлъ я что Карлосъ нынче въ полночь
Мадритъ оставить долженъ.

ФЕРІА.

Что?

АЛЬБА.

Что судно
Его ждетъ въ Кадиксѣ для перевоза
Во Флисингенъ; что штаты Нидерландовъ
Его лишь только ждутъ, чтобы сорваться
Съ испанской цѣпи.

ФЕРІА.

Это что еще?

АЛЬБА.

Другія письма извѣщаютъ, что
Флотъ Солимана вышелъ изъ Родоса,
Чтобъ въ Средиземномъ морѣ на нашъ флотъ
Напасть...

ФЕРІА.

Возможно ли?

АЛЬБА.

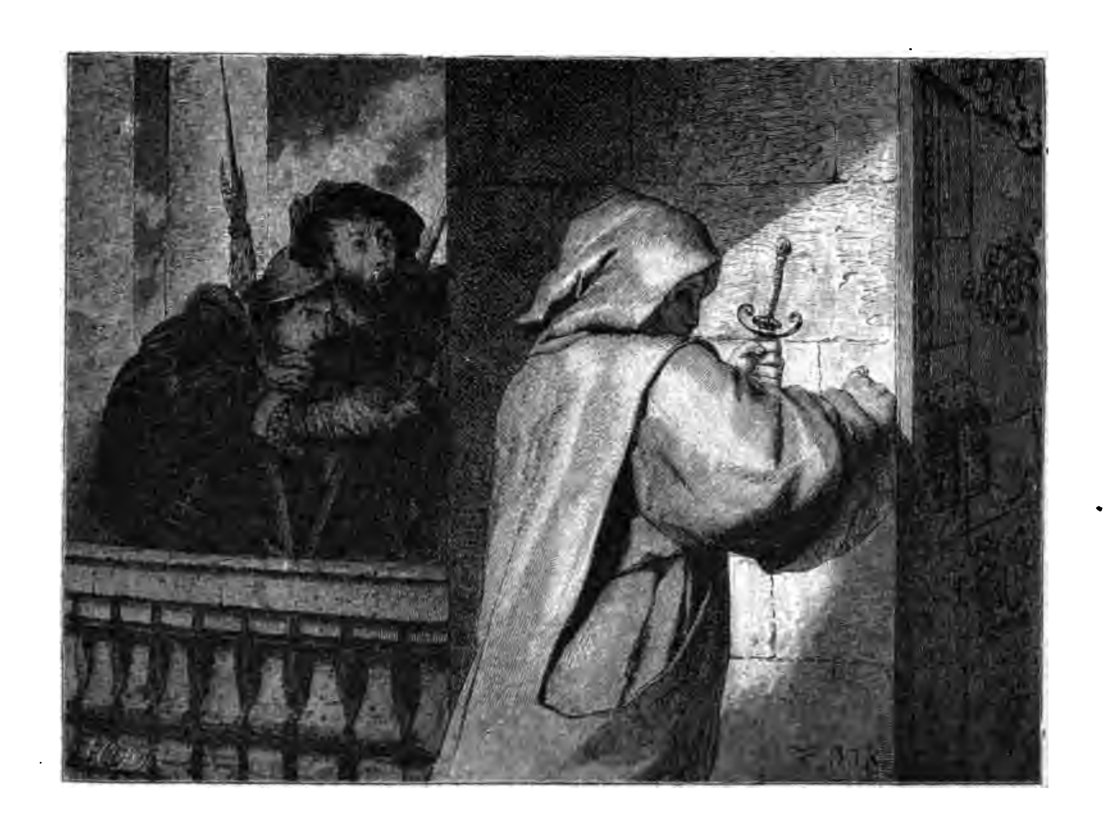
Вотъ эти письма
Мнѣ и даютъ понятье о поѣздкахъ,
Предпринятыхъ мальтійцемъ по Европѣ.
Не о бездѣлицѣ какой шло дѣло,
Но о возстаньи сѣверныхъ монарховъ
За независимость фламандцевъ.

ФЕРІА.

Это
Онъ сдѣлалъ?

АЛЬБА.

Наконецъ изъ этихъ писемъ
Весь виденъ планъ войны кровопролитной,
Что отъ испанскаго владычества навѣки
Должна была освободить голландцевъ.
Тамъ ничего не выпущено. Все
Исчислено: сопротивленье, силы.



Всѣ средства, всѣ источники даны;
Съ подробностью неимовѣрно-ясной
Показано, какъ все устроить должно,
Какіе съ кѣмъ союзы заключить.

ФЕРІА.

Ахъ, Боже мой! какой опасный, страшный
Предатель!

АЛЬБА.

Упомянуто еще
Въ его письмѣ о тайномъ совѣщаньи—
Въ ночь предъ отъѣздомъ — принца съ королевой.

ФЕРІА.

Какъ? нынче, герцогъ?

АЛЬБА.

Нынче, въ полночь. Я
На всякій случай ужъ распорядился.
Вы сами видите—необходимость...
Нельзя терять минуты. Отворите
Мнѣ дверь къ его величеству.

ФЕРІА.

Не смѣю,
Входъ запрещенъ.

АЛЬБА.

Такъ отворю я самъ.
Опасность оправдаетъ эту смѣлость.
(Только что подходитъ къ дверямъ, какъ онѣ отворяются, и входитъ король).

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Прежніе. Король.

При взглядѣ на него всѣ ужасаются, отступаютъ и почтительно даютъ ему дорогу. Онъ идетъ будто погруженный въ сонъ, какъ въ лунатизмѣ. Его одежда и видъ свидѣтельствуютъ еще о недавнемъ обморокѣ. Медленными шагами проходитъ онъ мимо присутствующихъ грандовъ, пристально взглядывая на каждаго и ни одного не замѣчая. Онъ останавливается, погруженный въ думы, потупивъ взоръ, пока наконецъ не проявляется его внутреннее движеніе.

КОРОЛЬ.

Покойника мнѣ этого отдайте!
Онъ нуженъ мнѣ.

ДОМИНГО *(тихо къ Альбѣ).*

Начните говорить съ нимъ.

КОРОЛЬ.
Онъ умеръ, но онъ нуженъ мнѣ. Я долженъ,
Хочу опять имѣть его. Онъ долженъ
Иначе думать обо мнѣ.

АЛЬБА *(со страхомъ приближается).*
Монархъ!..

КОРОЛЬ.
Кто смѣетъ говорить здѣсь?
(Онъ долго осматриваетъ всѣхъ грандовъ).
Иль забыли,
Кто я? Зачѣмъ не на колѣняхъ вы?
Еще король я вашъ. Хочу я видѣть
Покорность въ васъ. Или ужъ всѣ меня
Не ставятъ ни во-что, за то, что презрѣлъ
Меня одинъ?

АЛЬБА.
Нѣтъ, не о немъ, король!
Другой, опаснѣе чѣмъ этотъ,—врагъ
Проникнулъ ужъ въ державы вашей нѣдра.

ФЕРІА.
Принцъ Карлосъ...

КОРОЛЬ.
У него былъ другъ, который
Пошелъ на смерть для друга—для него!
Со мной онъ раздѣлилъ бы королевство!
Какъ гордо на меня смотрѣлъ онъ! Съ троновъ
Не смотрятъ такъ надменно. Ясно было,
Что онъ своей побѣдою гордился.
О томъ, что потерялъ онъ—плакалъ онъ.
О пустякахъ вѣдь такъ не плачутъ. Если бъ
Онъ жилъ!—за это бъ Индію я отдалъ.
Что въ власти мнѣ, когда она не можетъ
Въ гробахъ рукой порыться и поправить
Свою ошибку жизнью человѣка!
Покойники не воскресаютъ. Кто же
Осмѣлится сказать мнѣ, что я счастливъ?
Въ гробу лежитъ теперь меня презрѣвшій.
Какое жъ дѣло до живыхъ мнѣ? Умъ
Великій, человѣкъ свободный встаълъ
Во все столѣтье разъ—и тотъ презрѣлъ
Меня и умеръ.

АЛЬБА.
Стало быть напрасно
Мы жили всѣ! Чтожъ—ляжемъ въ гробъ, испанцы!
И даже мертвый этотъ человѣкъ
У насъ монарха сердце похищаетъ.

КОРОЛЬ *(садится подперши голову рукою).*
О, если бъ такъ онъ умеръ для *меня?*
Я полюбилъ его, какъ сынъ родной,
Онъ былъ мнѣ дорогъ. Въ этомъ человѣкѣ
Всходило для меня другое утро,
Прекраснѣй, чище прежняго. Кто знаетъ,
Что могъ бы я сберечь здѣсь для него!
Онъ былъ моею первою любовью.
Пускай Европа вся клянетъ меня—
Что мнѣ за дѣло до ея проклятій—
Но отъ него я ждалъ благодареній.

ДОМИНГО.
Какой волшебной силой...

КОРОЛЬ.
И кому,
Кому принесъ онъ эту жертву, Боже!
Мальчишкѣ, сыну моему? О, нѣтъ!
Для мальчиковъ не умираютъ Позы.
Нѣтъ! бѣдный пламень дружбы переполнить
Не въ силахъ сердца Позы. Это сердце
Для человѣчества лишь только билось.
Его единственной любовью былъ
Весь міръ со всѣмъ грядущимъ поколѣньемъ.
Чтобъ утолить любовь свою—онъ тронъ
Умѣлъ найти... и вдругъ проходитъ мимо.
Неужли Поза можетъ быть виновенъ
Предъ человѣчествомъ въ такой измѣнѣ?
Его я лучше знаю. Не Филиппомъ
Онъ жертвуетъ Карлосу—старика лишь
Мѣняетъ онъ на юношу. Отца
Потухнувшее солнце новой жизни
Не оживляетъ. Сыну берегутъ
Труды и силы. Это ясно. Ждутъ
Моей лишь только смерти.

АЛЬБА.
Въ этихъ письмахъ
Прочтите подтвержденье этой мысли.

КОРОЛЬ *(встаетъ).*
А могъ вѣдь онъ и ошибаться. Я—
Еще я живъ. Благодарю, природа!
Я въ мышцахъ свѣжей юношеской силы
Біенье слышу. Я надъ нимъ потѣшусь.
На перекоръ ему пойду—и пусть
Его всѣ идеалы будутъ бредомъ
Мечтателя пустого. Какъ глупецъ—
Пусть скажутъ—умеръ онъ, и смерть его
Задавитъ пусть и вѣкъ его, и друга.
На вечеръ міръ еще въ моихъ рукахъ;
И этотъ вечеръ такъ употреблю я,
Что ни одинъ оратай и зерна
Не возраститъ на этомъ пепелищѣ.
Меня принесъ онъ въ жертву своему
Кумиру—человѣку. Человѣкъ
Мнѣ за него пускай и отвѣчаетъ.
Итакъ, начну покамѣстъ съ этой куклы!
(Герцогу Альбѣ).
Что вы мнѣ про инфанта говорили?
Что въ этихъ письмахъ, герцогъ?

АЛЬБА.
Эти письма
Содержатъ завѣщаніе маркиза
Донъ-Карлосу.

КОРОЛЬ
(пересматриваетъ бумаги, при чемъ всѣ окру—

жающіе слѣдятъ за малѣйшимъ его движеніемъ. Перечитавъ, онъ откладываетъ ихъ въ сторону и молча ходитъ по комнатѣ).

Пусть явится ко мнѣ
Великій инквизиторъ-кардиналъ!
Сказать, что я прошу его прійти,

(Одинъ изъ грандовъ выходитъ. Король беретъ бумаги, читаетъ опять и снова кладетъ ихъ въ сторону).

Такъ въ полночь это будетъ?

ТАКСИСЪ.

Ровно въ два
Часа онъ долженъ быть въ картезіанскомъ
Монастырѣ.

АЛЬБА.

А посланные мною
Мнѣ донесли, что видѣли, какъ много
Дорожной клади за гербомъ казеннымъ
Къ монастырю носили нынче.

ФЕРІА.

Также
Большія суммы нынче собирали
На имя королевы съ мавританскихъ
Агентовъ, съ переводомъ на Брюссель.

КОРОЛЬ.

Гдѣ вы оставили инфанта, герцогъ?

АЛЬБА.

У тѣла кавалера Позы.

КОРОЛЬ.

Есть ли
Свѣтъ въ комнатахъ у королевы?

АЛЬБА.

Тамъ
Все тихо. Также дамъ своихъ она
Гораздо раньше нынче отослала,
Графиня Арносъ ужъ въ глубокомъ снѣ
Ее оставила.

(Офицеръ лейбъ-гвардіи входитъ, отводитъ герцога Феріа въ сторону и тихо говоритъ съ нимъ. Этотъ въ смущеніи обращается къ герцогу Альбѣ, другіе тѣснятся къ нимъ и между ними слышенъ шопотъ).

ФЕРІА, ТАКСИСЪ *и* ДОМИНГО *(вмѣстѣ).*

Не можетъ быть!

КОРОЛЬ.

Что тамъ такое?

ФЕРІА.

Новость, государь,
Какой едва повѣрить можно.

ДОМИНГО.

Два
Швейцарца, только что съ своихъ постовъ
Смѣненные, разсказываютъ... Но
Смѣшно и повторять...

КОРОЛЬ.

Ну, что же, герцогъ?

АЛЬБА.

Что нынче въ лѣвомъ флигелѣ дворца
Духъ императора имъ появился
И твердымъ, мѣрнымъ шагомъ мимо нихъ
Прошелъ. И эту новость подтверждаютъ
Всѣ часовые въ этомъ павильонѣ,
И говорятъ, что духъ исчезъ въ покояхъ
Ея величества.

КОРОЛЬ.

Въ какомъ же видѣ
Явился онъ?

ОФИЦЕРЪ.

Въ одеждѣ той же самой,
Какую онъ носилъ въ монастырѣ
Святого Юста.

КОРОЛЬ.

Какъ монахъ? Такъ стало
Его при жизни знали часовые?
Иначе какъ они могли подумать,
Что это императоръ?

ОФИЦЕРЪ.

Видно было
По скипетру, что былъ въ его рукахъ.

ДОМИНГО.

Но утверждаютъ, что и прежде онъ
Являлся, какъ идетъ сказанье, въ этой
Одеждѣ.

КОРОЛЬ.

Съ нимъ никто не говорилъ?

ОФИЦЕРЪ.

Кто жъ бы осмѣлился? Однѣ молитвы
Читали часовые и впустили
Его съ подобострастьемъ.

КОРОЛЬ.

И въ покояхъ
Ея величества исчезло привидѣнье?

ОФИЦЕРЪ.

Въ пріемной королевы.

(Общее молчаніе).

КОРОЛЬ *(быстро оборачивается).*

Ваше мнѣнье?

АЛЬБА.

Мы нѣмы, государь.

КОРОЛЬ *(послѣ нѣкотораго молчанія къ офицеру).*

Удвоить стражу,
И приказать стеречь ей каждый выходъ.
Мнѣ хочется словечко перемолвить
Съ незваннымъ этимъ привидѣньемъ.

(Офицеръ удаляется. Пажъ входитъ).

ПАЖЪ.

Великій инквизиторъ.

КОРОЛЬ *(присутствующимъ).*

Удалитесь.

(Кардиналъ—великій инквизиторъ, старецъ девяноста лѣтъ и слѣпецъ, входитъ, опираясь

на посохъ и ведомый двумя доминиканцами. Въ то время, какъ онъ проходитъ мимо грандовъ, они бросаются ницъ передъ нимъ и дотрогиваются до полы его платья. Онъ раздаетъ имъ благословеніе. Затѣмъ всѣ удаляются).

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Король. Великій инквизиторъ.

Долгое молчаніе.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.
Стою ли я передъ монархомъ?

КОРОЛЬ.
Да.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.
Я этого не ожидалъ ужъ больше.

КОРОЛЬ.
Я повторяю сцену лѣтъ прошедшихъ:
Филиппъ-инфантъ совѣта снова проситъ
У своего учителя.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.
Въ совѣтѣ,
Мой ученикъ, великій вашъ родитель
Ни разу не нуждался.

КОРОЛЬ.
Онъ былъ счастливъ.
Я учинилъ убійство, кардиналъ,
И нѣтъ покою...

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.
Для чего жъ убійство
Вы учинили?

КОРОЛЬ.
Я вдался въ обманъ
Ужасный, безпримѣрный...

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.
Да, я знаю.

КОРОЛЬ.
Какъ! что вы не знаете?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.
Ужъ много лѣтъ
Я знаю то, что узнаете вы
Лишь съ захожденья солнца.

КОРОЛЬ *(съ отчаяніемъ).*
Такъ вы знали
Объ этомъ человѣкѣ?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.
Жизнь его
Уже давно въ регистрахъ Санта-Казы
Начертана съ начала до конца.

КОРОЛЬ.
И онъ свободенъ былъ?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.
Нить, на которой
Онъ былъ привязанъ здѣсь, была длинна,
Но неразрывна.

КОРОЛЬ.
Но онъ былъ за гранью
Моихъ владѣній.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.
Гдѣ бы ни былъ онъ,
Я былъ при немъ.

КОРОЛЬ *(съ негодованіемъ ходитъ взадъ и впередъ).*
Вы знали, въ чьихъ рукахъ
Я находился—и ни словомъ даже
Объ этомъ мнѣ не намекнули?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.
Этотъ
Вопросъ назадъ примите. Почему же
Вы не спросили насъ, когда въ объятья
Вы бросились къ такому человѣку?
Его вы знали. Взглядъ единый вамъ
Изобличалъ еретика. Что жъ васъ
Могло заставить скрыть такую жертву
Отъ инквизиціи.

КОРОЛЬ.
Онъ также въ жертву
Былъ принесенъ.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.
Нѣтъ, онъ убитъ... безславно,
Кощунственно. Та кровь, что намъ во славу
Должна бы течь обильными ручьями,
Убійцъ лишь подлыхъ руки обагрила.
Онъ нашимъ былъ. Что васъ могло заставить
Чужимъ добромъ, какъ тать, распоряжаться?
Онъ жилъ, чтобъ умереть чрезъ насъ. Его
На бѣдность вѣку нашему Господь
Самъ подарилъ, что мудрствующій умъ
Во всѣхъ его постыдныхъ заблужденьяхъ
Торжественно открыто обличить.
То былъ обдуманный мой планъ. И вотъ
Что сталося съ работой столькихъ лѣтъ!
Мы обокрадены, а вы остались
Лишь съ кровью на рукахъ.

КОРОЛЬ.
Увы! я страстью
Былъ увлеченъ. Прости мнѣ!

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.
Страстью?
Филиппъ-инфантъ мнѣ развѣ отвѣчаетъ?
И развѣ постарѣлъ одинъ я?—страстью!
(Качаетъ головой).
Даруй же послѣ этого свободу
Своимъ народамъ, если самъ еще
Въ цѣпяхъ.

КОРОЛЬ.
Въ такихъ дѣлахъ я новичекъ
Еще. Имѣй со мной терпѣнье.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.
Нѣтъ,

Я вами не доволенъ. Гдѣ же былъ
Тогда Филиппъ, чья твердая душа,
Какъ та звѣзда на небѣ, неизмѣнно
И вѣчно вкругъ себя одной вертится?
Иль прошлое исчезло все за вами?
Или въ тотъ мигъ, когда ему объятья
Свои открыли вы, свѣтъ сталъ не свѣтомъ?
Ядъ болѣе не ядомъ? Иль стѣна
Межъ зломъ и благомъ, истиной и ложью
Разрушилась? Что значитъ цѣль, что твер-
дость,
Мужское слово, если въ слабый мигъ
Шестидесятилѣтніе принципы
Колеблются, какъ женскіе капризы?

КОРОЛЬ.

Ему въ глаза глядѣлъ я. Снизойди
Ты къ недостаткамъ смертности моей.
Одною дверью къ сердцу твоему
Бѣднѣе міръ. Твои глаза потухли.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

И что вамъ было въ этомъ человѣкѣ?
Что новаго онъ могъ вамъ показать,
Чего бы вы еще не знали? Развѣ
Такъ мало вамъ извѣстенъ фанатизмъ
Нововведенья? Иль вамъ непривычны
Еще хвастливыя, пустыя фразы
Всѣхъ этихъ геніевъ всемірныхъ? Если
Уже отъ словъ однихъ распалось зданье
Всѣхъ нашихъ правилъ, то съ какимъ ли-
цомъ,
Я спрашиваю васъ, стамъ тысячъ слабымъ
Душамъ вы подписали приговоры?
За что жъ они-то на костеръ всходили?

КОРОЛЬ.

Я въ человѣкѣ нужду ощутилъ.
Доминги эти...

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Что вамъ въ человѣкѣ?
Для васъ онъ цифра—больше ничего.
Иль мнѣ съ сѣдымъ своимъ ученикомъ
Подъ старость лѣтъ начать твердить зады?
Земной владыка разучись нуждаться,
Въ чемъ претерпѣть отказъ онъ можетъ.
Если
Сочувствія вы станете искать,
То сдѣлаете свѣтъ своею ровней.
А ставши равнымъ всѣмъ, какое право
Вы можете имѣть надъ всѣми ими?

КОРОЛЬ *(бросается въ кресло)*.

Я слабый человѣкъ. Не жди отъ твари
Того, что лишь Творецъ исполнить можетъ.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Нѣтъ, государь, меня не проведешь.
Я разгадалъ васъ; насъ вы не уйдете.
Васъ Орденъ тяготитъ тяжелой цѣпью:
Свободы, государь, вамъ захотѣлось!
Вамъ одному, безъ насъ быть захотѣлось!

(Останавливается. Король молчитъ).

Но мы отомщены. Благодарите
Святую церковь, что такъ благосклонно,
Такъ матерински наказуетъ васъ.
Тотъ выборъ, что такъ слѣпо допустили
Васъ сдѣлать, есть ужъ ваше наказанье.
Впередъ наука. Вы теперь опять
Къ намъ возвращаетесь. Когда бъ теперь
Я не стоялъ предъ вами, то—клянуся—
Вы завтра жъ такъ стояли бъ предо мною.

КОРОЛЬ.

Не говори такъ дерзко, попъ! Языкъ
Свой удержи! Не слишкомъ терпѣливъ я.
Такихъ рѣчей я не люблю.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Зачѣмъ же
Вамъ было вызвать тѣнь Самуила?
Двухъ королей Испаніи я далъ,
И полагалъ, что трудъ мой ужъ незыблемъ.
И вотъ плодъ жизни всей моей потерянъ:
Самъ Донъ-Филиппъ потрясъ мое все зданье.
Такъ что жъ, монархъ?.. Зачѣмъ сюда я
позванъ?
Что здѣсь мнѣ дѣлать? Я не повторю
Въ другой разъ своего прихода.

КОРОЛЬ.

Есть
Еще одна, послѣдняя работа—
А тамъ отыди съ миромъ въ вѣчность.
Забудемъ прошлое; пусть миръ межъ нами,
Какъ прежде водворится. Миръ иль нѣтъ?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Миръ, если вы раскаялись.

КОРОЛЬ *(послѣ минутнаго молчанія)*.

Мой сынъ
Мнѣ измѣнилъ.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Чего же вы хотите?

КОРОЛЬ.

Всего иль ничего.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Что значитъ все?

КОРОЛЬ.

Я помогу уйти ему, коль смертью
Его нельзя мнѣ будетъ наказать.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

И такъ?

КОРОЛЬ.

Создашь ли ты такую вѣру,
Что защищала бы дѣтоубійство?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Чтобъ усмирить святую справедливость,
На древѣ Божій Сынъ былъ распятъ.

КОРОЛЬ.

И эту мысль по всей Европѣ станешь
Ты проповѣдывать?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Доколѣ крестъ
Народы чтутъ.

КОРОЛЬ.

Я согрѣшаю противъ
Природы: этотъ мощный голосъ ты
Молчать заставишь ли во мнѣ?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Предъ вѣрой
Нѣтъ голоса природы.

КОРОЛЬ.

Я даю
Тебѣ мои права судьи. Мнѣ можно ль
Совсѣмъ отстрониться будетъ?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Дайте
Мнѣ ихъ.

КОРОЛЬ.

Онъ мой единый сынъ. Кому же
Я все оставлю?

ВЕЛИКІЙ ИНКИВИЗИТОРЪ.

Лучше тлѣнью, чѣмъ
Свободѣ.

КОРОЛЬ (*встаетъ*).

Мы согласны. Въ путь теперь.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Куда?

КОРОЛЬ.

Принять обѣщанную жертву.
(Уводитъ его).

Комната королевы.

ПОСЛѢДНІЙ ВЫХОДЪ.

Карлосъ. Королева. *Потомъ* король со свитой. Карлосъ *въ монашеской одеждѣ съ маскою на лицѣ, которую онъ тутъ же снимаетъ; подъ мышкой обнаженный мечъ. Совершенно темно. Карлосъ подходитъ къ двери, которая отворяется. Королева входитъ въ ночномъ платьѣ съ зажженною свѣчою.*

КАРЛОСЪ (*преклоняетъ колѣно*).

Елисавета!

КОРОЛЕВА (*смотря на него съ тихой грустью*).

Вотъ какъ свидѣлися мы!

КАРЛОСЪ.

Вотъ какъ мы свидѣлись!
(*Молчаніе*).

КОРОЛЕВА (*стараясь успокоиться*).

Но встаньте, принцъ!
Не будемъ мы разстраивать другъ друга.
Не немощной слезой должны мы тризну
По другѣ нашемъ править, Карлосъ. Слезы
Годятся лишь для мелкой скорби; онъ же
Пожертвовалъ собою вамъ; онъ жизнью
Своею вашу искупилъ. И кровь
Свою не попусту жъ онъ пролилъ! Карлосъ,
За васъ дала ему свое я слово,
Сама за васъ ему я поручилась—
И онъ спокойнѣй съ жизнію разстался.
Вы, вѣрно, не допустите, чтобъ ложью
Себя я запятнала, Карлосъ.

КАРЛОСЪ (*вдохновенно*).

Я
Ему надгробный памятникъ поставлю,
Какого не бывало у монарховъ—
И рай надъ прахомъ друга зацвѣтетъ!

КОРОЛЕВА.

Отъ васъ ждала я этого— и въ этомъ
Вся мысль его прекрасной, славной смерти.
Меня въ душеприкащики свои
Онъ избралъ. Я напомню вамъ:
Обѣтовъ этихъ я держаться буду.
Еще другое завѣщанье мнѣ
Оставилъ нашъ покойникъ... Я ему
Дала въ томъ слово... и—зачѣмъ же мнѣ
Умалчивать?—онъ Карла предалъ мнѣ.
Наперекоръ пойду я свѣту... я
Предъ нимъ не стану больше трепетать:
Какъ другъ, хочу быть смѣлой. Сердце
Пусть говоритъ во мнѣ. Онъ нашу страсть
Великой добродѣтелью назвалъ.
Я вѣрю—и не стану больше сердца...

КАРЛОСЪ.

Довольно, королева! Я лежалъ
Все это время въ долгомъ, тяжкомъ снѣ.
Я васъ любилъ. Теперь я пробудился.
Забудемъ прошлое! Вотъ ваши письма.
Мои вы уничтожьте и не бойтесь
Ужъ больше никакихъ моихъ волненій.
Все кончено. Чистительнымъ огнемъ
Все существо мое воспламенилось.
Отнынѣ лишь въ могилахъ у усопшихъ
Живетъ любовь моя. Желанья смертныхъ
Не распаляютъ больше этой груди.
(Послѣ нѣкотораго молчанія, схватывая ея руку).
Проститься съ вами я пришелъ сюда.
О, королева, лишь теперь я вижу,
Что есть другое, высшее блаженство,
Чѣмъ обладать тобой. Одна лишь ночь
Моихъ годовъ лѣнивое теченье
Внезапно окрылила; изъ меня
Вдругъ мужа сдѣлала. Мнѣ въ этой жизни
Не остается больше ничего,
Какъ только память объ усопшемъ. Жатвы
Мои пропали.
(Онъ приближается къ королевѣ, которая закрываетъ лицо).

Вы не говорите
Мнѣ ничего?

КОРОЛЕВА.

На эти слезы, Карлосъ,
Вниманья вы не обращайте. Я
Не въ силахъ удержать ихъ. Но, повѣрьте,
Я удивляюсь вамъ.

КАРЛОСЪ.

Вы нашей дружбы
Единственной повѣренною были:
Подъ этимъ именемъ вы для меня
Дороже будете всего на свѣтѣ.
Свою я дружбу такъ же мало въ силахъ
Вамъ подарить, какъ и любовь вчера
Могъ подарить я женщинѣ другой.
Но царственной вдовы покой мнѣ будетъ
Всегда священенъ, если Провидѣнье
Меня на тронъ испанскій возведетъ.

(Король въ сопровожденіи великаго инквизитора и грандовъ является въ углубленіи сцены, незамѣченный ими).

Теперь Испанію я оставляю
И не увижусь болѣе съ отцомъ...
По крайней мѣрѣ въ этой жизни. Въ сердцѣ
Моемъ природа вымерла. Вы будьте
Опять ему супругой. Онъ лишился
Навѣки сына. Вы же своему
Святому долгу снова будьте вѣрны.
Итакъ, въ послѣдній разъ прощайте!

(Цѣлуетъ ее).

КОРОЛЕВА.

Карлосъ!
Что изъ меня вы сдѣлали? Не смѣю
Возвыситься до этого величья,
Но понимать и удивляться вамъ
Могу я, вѣрьте.

КАРЛОСЪ.

Развѣ я не силенъ,
Елисавета? Я держу въ объятьяхъ
Своихъ тебя—держу и не колеблюсь.
Еще вчера меня отъ этихъ мѣстъ
Не оторвалъ бы ужасъ близкой смерти.

(Оставляетъ ее).

Но все прошло. Теперь наперекоръ я
Готовъ итти враждующей судьбѣ.
Я васъ въ объятіяхъ сейчасъ держалъ
И самъ не колебался. Тише, чу!
Вы ничего не слышите?

(Бьютъ часы).

КОРОЛЕВА.

Лишь только
Одинъ ужасный колоколъ, который
Разлуку возвѣщаетъ.

КАРЛОСЪ.

Такъ прощайте жъ!
Изъ Гента ждите перваго письма,
Что гласной сдѣлаетъ всю тайну нашихъ
Сношеній. Все, все будетъ ясно. Это
Пусть мой обманъ послѣдній будетъ.

(Хочетъ взять маску. Король становится между ними).

КОРОЛЬ.

Онъ твой послѣдній!

(Королева падаетъ въ обморокъ).

КАРЛОСЪ

(бѣжитъ къ ней и принимаетъ ее въ объятія).

Умерла?
О, небо и земля!

КОРОЛЬ

(холодно и спокойно великому инквизитору).

Свое я сдѣлалъ дѣло;
Теперь чередъ за вами, кардиналъ.

(Уходитъ).

Мих. Достоевскій.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анжелика ф. Гуттенъ и канонисса Вильгельмина ф. Гуттенъ, *ея тетка, выходятъ изъ рощи; затѣмъ садовникъ* Биберъ.

Анжелика. Вотъ, гдѣ мы хотѣли дождаться его, тетя. Вы посидите пока въ кабинетѣ, почитаете, я схожу къ садовнику за цвѣтами, а тамъ—и девять часовъ, и онъ явится.—Надѣюсь, вы довольны?

Вильгельмина. Какъ тебѣ будетъ угодно, милочка. *(Идетъ къ бесѣдкѣ).*

Биберъ *(съ цвѣтами).* Вотъ, барышня. Лучше ничего не нашлось сегодня. Гіацинты отошли.

Анжелика. Спасибо, спасибо и за это.

Биберъ. А завтра вы получите розу, первую нынѣшней весной... если обѣщаете мнѣ...

Анжелика Чего вамъ хочется, добрѣйшій Биберъ?

Биберъ. Изволите видѣть, барышня, скороспѣлки тоже отошли уже, и прекраснымъ левкоямъ скоро конецъ, а баринъ нашъ опять не удостоилъ даже взглянуть на нихъ. Вотъ, въ прошломъ году я распорядился высушить большое болото, тамъ на сѣверной сторонѣ, и засадить это мѣсто молоденькими деревцами. Отлично принялись, сердце радуется, когда гуляешь тамъ. Только солнышко взойдетъ, я ужъ тамъ, и жду, не дождусь, и впередъ радуюсь... думаю: вотъ проведу тутъ нашего барина. Но, вотъ и вечеръ приходитъ, и другой, и третій, а баринъ все не замѣчаетъ... Не скрою, больно мнѣ это, барышня...

Анжелика. Дождетесь еще своего, навѣрное, дождетесь. Потерпите только немножно, добрѣйшій Биберъ.

Биберъ. Паркъ этотъ обходится ему цѣлыхъ двѣ тысячи талеровъ въ годъ, и жалованье мнѣ итти будетъ, хоть-бы я и не стоилъ... А чего-же я стою, когда за всѣ тѣ деньги, которыя баринъ тратитъ, не могу даже доставить ему одного часика удовольствія? Нѣтъ, барышня, я не могу больше есть хлѣбъ вашего батюшки... Или пусть онъ позволитъ мнѣ доказать, что я не даромъ ѣмъ его хлѣбъ.

Анжелика. Успокойтесь добрѣйшій Биберъ! Всѣ мы знаемъ, что вы вполнѣ заслуживаете то, что получаете, и даже гораздо больше.

Биберъ. Извините, барышня, но вы объ этомъ судить не можете. За то, что я двѣнадцать часовъ въ сутки смотрю за его садомъ, не обманываю его и слѣжу за своими подручными, баринъ платитъ мнѣ деньгами. Но за то, что я дѣлаю все это охотно, отъ души, стараюсь для него, вижу и наяву и во снѣ, какъ-бы угодить ему—за это, барышня, ему слѣдуетъ вознаградить меня своимъ удовольствіемъ. Хоть-бы разокъ побывалъ въ своемъ паркѣ, и это было бы для меня дороже всѣхъ его денегъ... Вотъ, барышня... потому-то я васъ теперь и...

Анжелика. Оставимъ это, прошу васъ. Вы сами знаете, какъ часто и напрасно... Ахъ, вы, вѣдь, знаете отца!

Биберъ *(схватывая ея руку горячо).* Онъ еще не былъ въ питомникѣ. Попросите его, чтобы онъ позволилъ мнѣ показать ему питомникъ. Нельзя же ожидать

благодарности отъ неразумной природы и махнуть рукой на людей. Кто смѣетъ сказать, что не можетъ разсчитывать на радость, разъ труды его увѣнчиваются успѣхомъ и надежды сбываются?

Анжелика. Я понимаю васъ, честный мой Биберъ... но можетъ быть, вамъ больше посчастливилось съ растеніями, чѣмъ отцу моему съ людьми.

Биберъ (*горячо съ волненіемъ*). А у него такая дочь! (*Хочетъ сказать еще что-то, но останавливается и молчитъ съ минуту*). Что-бы онъ ни перенесъ, нашъ баринъ, отъ людей, сколько бы разъ ни обманывался въ надеждахъ... (*схватывая руку Анжелики и съ еще большимъ жаромъ*) одна надежда его не обманула... еще не все испыталъ онъ, что можетъ разбить сердце человѣка!... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Анжелика, Вильгельмина.

Вильгельмина (*встаетъ и смотритъ вслѣдъ Биберу*). Странный человѣкъ! Онъ всегда приходитъ въ такое волненіе, если затронуть эту струну. Въ его жизни есть какая-то тайна.

Анжелика (*тревожно озираясь*). Уже поздно. Никогда не заставлялъ онъ ждать себя такъ долго... Розенбергъ.

Вильгельмина. Придетъ. Какая ты опять робкая и нетерпѣливая!

Анжелика. На этотъ разъ не даромъ, милая тетя. Что, если не удастся! Съ какимъ волненіемъ я ждала этого дня.

Вильгельмина. Не слишкомъ уповай на одинъ этотъ день.

Анжелика. И вдругъ, онъ ему не понравится?.. Вдругъ, у нихъ произойдетъ столкновеніе?.. Могу-ли я надѣяться, что отецъ сдѣлаетъ для него исключеніе... впервые? Что, если они столкнутся характерами? Язвительная желчность отца и щекотливая гордость Розенберга! Тяжелая меланхолія одного и бодрая, рѣзвая жизнерадостность другого! Природа не могла подшутить злѣе!.. Но кто можетъ также поручиться, что онъ не потому именно отказываетъ ему во вторичномъ пріемѣ, что уже въ первое свиданіе рисковалъ почувствовать къ нему уваженіе?

Вильгельмина. Весьма возможно, моя дорогая.—Однако, сердце твое не говорило тебѣ ни о чемъ такомъ вчера.

Анжелика. Вчера! До сихъ поръ я видѣла только его, думала только о немъ и ни о чемъ другомъ! Тогда во мнѣ говорила только легкомысленная, влюбленная дѣвочка. Теперь передо мною встаетъ образъ отца, и всѣ надежды мои исчезаютъ. О, зачѣмъ не могъ длиться этотъ сладкій сонъ? Зачѣмъ все счастье моей жизни должно зависѣть отъ одной ужасной случайности?

Вильгельмина. Твое волненіе заставляетъ тебя обо всемъ забыть, Анжелика. Мысль объ отцѣ отравляетъ твой покой съ того самаго дня, какъ Розенбергъ признался тебѣ въ любви, съ тѣхъ поръ, какъ онъ изъ-за тебя порвалъ со дворомъ, со столичными развлеченіями и добровольно обрекъ себя на печальное уединеніе въ своихъ помѣстьяхъ, чтобы быть поближе къ тебѣ. Не ты-ли первая возмущалась тайной вашихъ сношеній? Не ты-ли сама своими неотступными просьбами и напоминаніями вынудила у него обѣщаніе постараться, наконецъ, снискать расположеніе твоего отца? Отца моего—твердила ты—связываетъ съ людьми еще лишь одна единственная нить, и онъ навѣки погибнетъ для міра, если узнаетъ, что и дочь обманула его.

Анжелика (*горячо*). Этого никогда не будетъ! Только почаще напоминайте мнѣ объ этомъ, милая тетя! Я чувствую себя тогда сильнѣе, рѣшительнѣе. Весь свѣтъ обманулъ его, но дочь останется ему вѣрна. Не буду питать никакихъ надеждъ, которыя мнѣ пришлось бы скрывать отъ отца. Не обязана-ли я заплатить этимъ за всю его доброту ко мнѣ? Онъ далъ мнѣ все. Самъ онъ умеръ для радостей жизни, а чего только ни дѣлалъ, чтобы доставлять ихъ мнѣ? Онъ превратилъ эту мѣстность въ рай, призвалъ на помощь всѣ роды искусствъ, чтобы радовать сердце своей Анжелики и облагородить ея умъ. Я здѣсь царица. Онъ уступилъ мнѣ и божественное дѣло благотворенія, сложивъ его съ себя, скрѣпя сердце, передалъ мнѣ сладкую власть отыскивать стыдливую нужду, утирать льющіяся тайкомъ слезы, давать среди этихъ тихихъ горъ убѣжище безпріютнымъ... И за все за это, Вильгельмина, онъ требуетъ отъ меня только одного, ставитъ мнѣ лишь одно ничтожное условіе—обходиться безъ того свѣта, который оттолкнулъ его!

Вильгельмина. И ты никогда не нарушала этого столь легкаго условія?

Анжелика. Нѣтъ, я ослушалась его. Мои желанія перенеслись за эти стѣны... Я раскаиваюсь въ этомъ, но возврата нѣтъ.

Вильгельмина. Но, вѣдь, до того времени, какъ Розенбергъ сталъ охотиться въ этихъ лѣсахъ, ты была счастлива.

Анжелика. Счастлива, какъ небожители... Но теперь мнѣ нѣтъ возврата.

Вильгельмина. Такъ вдругъ все измѣнилось? И даже твоя вѣрная подруга, природа, стала теперь другой?

Анжелика. Природа все та же, но сердце мое измѣнилось. Я вкусила жизни и не могу больше довольствоваться мертвой статуей. О, какъ все измѣнилось вокругъ меня! Онъ словно подкупилъ все окружающее. Солнце стало для меня теперь лишь указателемъ времени его прихода, фонтанъ журчитъ лишь его имя, ароматъ цвѣтовъ напоминаетъ мнѣ его дыханіе... Не глядите на меня такъ сурово, милая тетя... Я ли виновата, что первымъ человѣкомъ, котораго я встрѣтила за предѣлами нашихъ владѣній, явился какъ разъ Розенбергъ?

Вильгельмина *(растроганно глядя на нее).* Бѣдная дорогая дѣвочка!... Ни ты, ни я тутъ не виноваты. Я не могла ничего сдѣлать... Не обвиняй меня, Анжелика, если тебѣ не удастся уйти отъ своей судьбы.

Анжелика. Вы только и твердите это, тетя. Я васъ не понимаю.

Вильгельмина. Вотъ открываютъ ворота парка.

Анжелика. Лай его Діаны!... Онъ идетъ. Это Розенбергъ! *(Идетъ навстрѣчу).*

КОНЕЦЪ ЯВЛЕНІЯ III.

Анжелика. Ахъ, Розенбергъ, что вы надѣлали? Вы все испортили.

Розенбергъ. Не думаю, возлюбленная моя. Вы желали, чтобы мы познакомились; вы желали, чтобы я заинтересовалъ его.

Анжелика. Какъ? И вы думаете достичь этого, возстановивъ его противъ себя?

Розенбергъ. Пока ничѣмъ инымъ. Вы сами разсказывали мнѣ о неоднократныхъ попыткахъ исцѣлить его отъ его душевнаго

недуга. Но всѣ эти непрошенные, столь торжественно выступающіе ходатаи за человѣчество только дали ему почувствовать его превосходство и довольно плохо защищались противъ замысловатаго краснорѣчія его скорби. Ему безразлично, вѣритъ-ли свѣтъ его ненависти къ людямъ, или нѣтъ, но онъ никогда не проститъ пренебрежительнаго отношенія къ этому чувству. Гордость его не потерпитъ такого униженія. Спорить съ нами, конечно, по его мнѣнію, не стоитъ, но въ негодованіи онъ можетъ рѣшиться пристыдить насъ. Выйдетъ разговоръ — вотъ все, что намъ теперь желательно.

Анжелика. Вы слишкомъ легко относитесь къ этому, дорогой Розенбергъ. Вы полагаете, что можете вступить въ состязаніе съ отцомъ. Какъ я боюсь!...

Розенбергъ. Не бойтесь, Анжелика. Я борюсь за правду и любовь. Его дѣло такъ же плохо, какъ мое хорошо.

Вильгельмина *(которая до сихъ поръ, повидимому, мало участвовала въ бесѣдѣ)*. Вы дѣйствительно такъ увѣрены въ этомъ, господинъ фонъ Розенбергъ?

Розенбергъ *(быстро оборачиваясь въ ея сторону, послѣ небольшой паузы, серьезно)*. Думаю, что такъ, сударыня.

Вильгельмина *(вставая со скамейки)*. Жаль тогда моего бѣднаго брата. Не легко было ему превратиться въ того несчастнаго человѣка, каковъ онъ теперь, а произнести надъ нимъ приговоръ, какъ я вижу, такъ легко.

Анжелика. Не будемъ судить такъ опрометчиво, Розенбергъ! Мы такъ мало знаемъ о судьбѣ моего отца.

Розенбергъ. Я могу сострадать ему всѣмъ сердцемъ, дорогая Анжелика, но не могу уважать его, если судьба дѣйствительно превратила его въ человѣконенавистника. *(Канониссѣ)*. Вы говорите, что ему не легко было стать такимъ несчастнымъ... но развѣ вы можете оправдывать человѣка, совершившаго надъ собой дѣло злой судьбы, отнявшаго у себя и то, что она оставила ему?... Защищать безумца, который сбрасываетъ съ себя и послѣдній плащъ, оставленный ему ограбившими его разбойниками? Развѣ есть, по вашему, между небомъ и землей болѣе жалкій человѣкъ, нежели человѣконенавистникъ.

Вильгельмина. Если онъ, ища облегченія, и хватается въ горестномъ омраченіи души за ядъ, то что за дѣло вамъ, счастливцамъ? Я бы не рѣшилась обрушиться на слѣпого нищаго, разъ я не могу подарить ему глазъ.

Розенбергъ *(весь вспыхнувъ и съ большимъ жаромъ)*. Нѣтъ, клянусь, нѣтъ! Но душа моя горитъ отъ негодованія при видѣ неблагодарнаго, который капризно закрываетъ глаза и клянетъ Подателя свѣта!... Какія страданія не возмѣщены безконечное число разъ дарованіемъ ему такой дочери? Какъ дерзаетъ онъ проклинать родъ человѣческій, ежечасно отражающійся передъ нимъ въ этомъ зеркалѣ? Онъ ненавидитъ людей, онъ человѣконенавистникъ! Нѣтъ, онъ не таковъ! Клянусь, онъ не таковъ! Повѣрьте мнѣ, сударыня, въ природѣ нѣтъ иныхъ человѣконенавистниковъ, кромѣ тѣхъ лишь, кто боготворитъ, или же презираетъ себя.

Анжелика. Уходите, Розенбергъ! Заклинаю васъ, уходите! Въ такомъ настроеніи вамъ нельзя встрѣчаться съ отцомъ.

Розенбергъ. Хорошо, что вы напомнили мнѣ, Анжелика.—Мы вовлеклись въ такой разговоръ, который всегда заставляетъ меня разгорячиться... Простите меня, сударыня, мнѣ бы также не хотѣлось рисковать быть опрометчивымъ, мнѣ, вѣдь, только сегодня предстоитъ познакомиться съ отцомъ моей Анжелики.—Итакъ, поговоримъ о другомъ! Личико Анжелики становится такимъ серьезнымъ, а мнѣ надо видѣть его свѣтлымъ и радостнымъ, чтобы почерпнуть въ немъ мужество бороться за нашу любовь. Весь городокъ былъ разукрашенъ, когда я проѣзжалъ. По какому поводу?

Анжелика. По поводу дня рожденія отца.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Юльхенъ, *служанка Анжелики*, и тѣ же.

Юльхенъ. Баринъ послалъ меня, барышня. Онъ желаетъ видѣть васъ до обѣда.—И васъ также, господинъ Розенбергъ. Онъ желаетъ поговорить съ вами.

Анжелика. Съ нами обоими! Вмѣстѣ... Розенбергъ... Съ обоими!... Что это значитъ?

Юльхенъ. Вмѣстѣ? Нѣтъ, насчетъ этого мнѣ ничего неизвѣстно.

Розенбергъ *(собираясь уходить, Анжеликѣ)*. Я пущу васъ впередъ и приму его изъ вашихъ рукъ умиротвореннымъ.

Анжелика *(тревожно)*. Вы оставляете меня, Розенбергъ... Куда вы?... Мнѣ надо еще задать вамъ одинъ важный вопросъ.

(Розенбергъ отводитъ ее въ сторону. Вильгельмина и Юльхенъ идутъ въ глубину сцены).

Юльхенъ. Пойдемте, сударыня, посмотрѣть на торжественное шествіе.

Анжелика (*Розенбергу*). Какое тревожное, ужасное утро, Розенбергъ! Намъ грозитъ разлука, вѣчная разлука! И вы готовы на все, что бы ни случилось? На что вы рѣшитесь, если не понравитесь отцу?

Розенбергъ. Я рѣшился ему не понравиться.

Анжелика. Перестаньте такъ легко относиться къ дѣлу, если я когда либо была дорога вамъ, Розенбергъ!... Не отъ васъ зависитъ, какой оборотъ оно приметъ. Мы должны быть одинаково готовы и на худшее и на лучшее... Я не посмѣю больше видѣться съ вами, если вы разстанетесь не друзьями. Что вы рѣшились дѣлать, если онъ откажетъ вамъ въ своемъ уваженіи?

Розенбергъ. Милая, дорогая!—Добиться его!

Анжелика. О, какъ мало знаете вы того человѣка, которому такъ довѣрчиво идете навстрѣчу! Вы ожидаете увидѣть человѣка, котораго могутъ растрогать слезы потому, что онъ самъ въ состояніи плакать... надѣетесь, что біеніе вашего сердца найдетъ откликъ въ его сердцѣ? Увы! Струны въ немъ порваны, и оно не заговоритъ вовѣки. Всѣ ваши старанія могутъ оказаться тщетными, всѣ попытки безплодными... Розенбергъ! Еще разъ: на что вы рѣшитесь, если всѣ онѣ потерпятъ неудачу?

Розенбергъ (*спокойно беря ее за руку*). Ну, не всѣ-же, навѣрное, не всѣ! мужайтесь, милая трусиха! Я твердо рѣшился. Я поставилъ себѣ этого человѣка цѣлью, рѣшился овладѣть имъ, и, слѣдовательно— онъ будетъ моимъ. (*Оба уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Зала.

Фонъ Гуттенъ *выходитъ изъ своего кабинета.* Абель, *его дворецкій, слѣдуетъ за нимъ съ разсчетной книгой.*

Абель (*читаетъ*). Выдано впередъ общинѣ послѣ большого наводненія въ 1784 году: двѣ тысячи девятьсотъ гульденовъ.

Ф. Гуттенъ (*усѣвшись за столъ и перебирая бумаги на немъ*). Поля поправились, не страдать-же человѣку дольше его полей. Зачеркни и эту статью. Не хочу, чтобы мнѣ напоминали о ней больше.

Абель (*качая головой, зачеркиваетъ*). Дѣлать нечего. Остается, слѣдовательно, высчитать проценты за шесть съ половиной лѣтъ.

Ф. Гуттенъ. Проценты!—Что ты?

Абель. Ничего не подѣлаешь, ваша милость. Въ счетахъ дворецкаго долженъ быть порядокъ. (*Хочетъ продолжать*).

Ф. Гуттенъ. Остальное въ другой разъ. Теперь позови егеря. Хочу покормить своихъ договъ.

Абель. Арендатору Гольцгофа хочется пріобрѣсти лошадь, съ которой вашей милости такъ не посчастливилось недавно. Конюхъ за то, чтобы сбыть ему эту лошадь, пока не случилось новой бѣды.

Ф. Гуттенъ. Дать этому благородному животному состариться за плугомъ за то лишь, что оно измѣнило мнѣ одинъ разъ за десять лѣтъ? Такъ я никогда еще не поступалъ ни съ кѣмъ изъ заплатившихъ мнѣ неблагодарностью. Я просто не сяду на нее больше.

Абель (*взявъ разсчетную книгу, хочетъ уйти*).

Ф. Гуттенъ. Вы говорили мнѣ, что въ кассѣ не хватаетъ какихъ то важныхъ росписокъ и что кассиръ не является.

Абель. Да, я говорилъ это въ минувшій четвергъ.

Ф. Гуттенъ (*встаетъ*). Какъ я радъ, что онъ таки оказался плутомъ, этотъ кассиръ. Одиннадцать лѣтъ служилъ мнѣ безупречно. Это надо занести, Абель. Разскажи-ка мнѣ объ этомъ поподробнѣе.

Абель. Бѣдняга онъ, ваша милость. Съ нимъ несчастье случилось, упалъ съ лошади. Его привезли сегодня со сломанной рукой. А росписки нашлись между бумагами.

Ф. Гуттенъ (*запальчиво*). Значитъ онъ не плутъ!—Какъ-же ты могъ донести мнѣ неправду?

Абель. Ваша милость, всегда слѣдуетъ думать о людяхъ худшее.

Ф. Гуттенъ (*угрюмо помолчавъ*). Однако, онъ *долженъ* быть плутомъ. Онъ, вѣрно, получилъ по роспискамъ.

Абель. Я самъ такъ думалъ, ваша милость. Были уже разосланы приказы о задержаніи, и розыски стоили мнѣ уйму денегъ. Досадно, что все задаромъ.

Ф. Гуттенъ (*долго съ удивленіемъ глядитъ на него*). Драгоцѣнный человѣкъ! Да

ты настоящее сокровище для меня... Намъ не надо разставаться!

Абель. Спаси меня Богъ!.. И что бы тамъ ни сулили мнѣ иные люди!..

Ф. Гуттенъ. Иные люди!... что это значитъ?

Абель. Да, ваша милость. Не знаю, зачѣмъ мнѣ таить отъ васъ? Старый графъ...

Ф. Гуттенъ. Опять что нибудь затѣялъ. Ну?

Абель. Онъ велѣлъ посулить мнѣ двѣсти пистолей и двойное жалованье пожизненно, если я выдамъ ему его внучку, барышню Анжелику.

Ф. Гуттенъ (*быстро вставъ и пройдясь по комнатѣ, снова садится*). И вы отказались?

Абель. Клянусь спасеніемъ души, да!

Ф. Гуттенъ. Двѣсти пистолей! И двойное жалованье пожизненно! Да полно, хорошо-ли вы взвѣсили дѣло?

Абель. Да, я зрѣло обсудилъ все, ваша милость, и отказался. Отъ плутовства проку не будетъ. Я хочу жить и умереть у вашей милости.

Ф. Гуттенъ (*холодно*). Мы не годимся другъ для друга. (*Вдали слышится веселая деревенская музыка, сливающаяся съ хоромъ голосовъ. Звуки все приближаются*). Я слышу ненавистные мнѣ звуки. Иди за мной въ другую комнату.

Абель (*выходитъ на минуту на балконъ и возвращается*). Ваша милость! Все населеніе явилось сюда въ праздничныхъ одеждахъ съ музыкой... Они просятъ вашу милость соблаговолить выйти на балконъ, показаться своимъ вѣрнымъ подданнымъ.

Ф. Гуттенъ. Чтъ имъ нужно отъ меня? Что у нихъ за дѣла?

Абель. Ваша милость, вы забыли...

Ф. Гуттенъ. Что?

Абель. На этотъ разъ вамъ не такъ легко будетъ отдѣлаться, какъ въ прошломъ году...

Ф. Гуттенъ (*быстро встаетъ*). Вонъ! Вонъ! И слушать не хочу.

Абель. Я имъ ужъ говорилъ, ваша милость... Но они говорятъ, что пришли изъ церкви, и Господь, вѣрно, услышалъ ихъ молитвы...

Ф. Гуттенъ. Онъ слышитъ и лай собаки и ложныя клятвы въ устахъ притворщика и знаетъ, зачѣмъ допускаетъ и то и другое. (*Входитъ толпа*). Небо! И кто подстроилъ мнѣ все это? (*Хочетъ спастись въ кабинетъ, но толпа удерживаетъ его, хватаясь за его одежду*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, вассалы *и* слуги *Ф. Гуттена; горожане и поселяне съ подарками, молодыя женщины и дѣвушки съ дѣтьми на рукахъ и за руки. Всѣ одѣты просто, но прилично.*

Старшина. Входите сюда всѣ, отцы, матери и дѣти! Не бойтесь ничего! Онъ не заставитъ стариковъ просить напрасно, не оттолкнетъ нашихъ дѣтей.

Нѣсколько дѣвушекъ (*подходя къ Ф. Гуттену*). Ваша милость! Эту бездѣлицу подносятъ вамъ ваши благодарные подданные, обязанные вамъ всѣмъ.

Двѣ другія дѣвушки. Мы сплели для васъ вѣнокъ радости за то, что вы разбили ярмо крѣпостного права!

Третья и четвертая дѣвушки. Мы усыпаемъ цвѣтами вашъ путь за то, что вы превратили наши пустоши въ рай.

Первая и вторая дѣвушки. Зачѣмъ вы отворачиваетесь, дорогой господинъ? Взгляните на насъ. Скажите намъ слово! Что мы вамъ сдѣлали, за что вы отталкиваете нашу благодарность?

(*Продолжительная пауза*).

Ф. Гуттенъ (*потупясь и не глядя на нихъ*). Брось имъ деньги, дворецкій, денегъ, сколько имъ нужно. Не жалѣй моей казны. Вы же видите, они ждутъ награды.

Старикъ (*выступая изъ толпы*). Мы не заслужили этого, ваша милость. Мы не продажные люди.

Двое другихъ. Намъ нужно доброе слово, ласковый взглядъ.

Четвертый изъ толпы. Вы сдѣлали намъ доброе, мы и пришли поблагодарить за него, мы, вѣдь, люди.

Другіе. Мы люди, и мы этого не заслужили.

Ф. Гуттенъ. Бросьте эту кличку и милости просимъ подъ другою, похуже!—Васъ обижаетъ, что я предлагаю вамъ денегъ? Вы говорите, что пришли поблагодарить меня? За что же вы можете благодарить меня, какъ не за деньги? Развѣ я давалъ кому нибудь изъ васъ что либо лучшее? Правда, до того, какъ я вступилъ во владѣніе графствомъ, вы изнемогали подъ гнетомъ нужды, какой-то извергъ взвалилъ на васъ бремя крѣпостничества. Вашъ трудъ принадлежалъ не вамъ. Вы равнодушно смотрѣли на зеленѣющія поля, на желтѣющія нивы, и отецъ подавлялъ въ себѣ радость при рожденіи сына. Я разбилъ эти оковы, возвратилъ отцу сына и сѣятелю жатву.

Благодать осѣнила ваши поля: свобода и надежда управляли плугомъ. Теперь въ вашей средѣ нѣтъ такихъ бѣдняковъ, которые не могли-бы въ теченіе года зарѣзать быка; вы спите въ просторныхъ жилищахъ, нужду вы одолѣли и у васъ остается кое что для радости. *(Выпрямившись и обращаясь ко всѣмъ окружающимъ).* Ваши щеки говорятъ о здоровьѣ, ваша одежда о благосостояніи. Больше вамъ желать нечего. Я сдѣлалъ васъ счастливыми.

Старикъ *(выступая изъ толпы).* Нѣтъ, ваша милость. Деньги и все нажитое нами добро—самое меньшее ваше благодѣяніе. Ваши предки обращались съ нами, какъ со скотомъ. Вы сдѣлали изъ насъ людей.

Другой. Вы построили для насъ церковь и дали воспитаніе нашей молодежи.

Третій. Дали намъ хорошіе законы и добросовѣстныхъ судей.

Четвертый. Вамъ мы обязаны, что живемъ по человѣчески, что радуемся жизни.

Ф. Гуттенъ *(задумчиво).* Да, да... Земля хороша, и не вина милосерднаго солнца, что ползучее растеніе не выпрямляется въ

дерево.—Не *моя* вина, если вы остались лежать тамъ, куда я васъ бросилъ. Ваше собственное признаніе осуждаетъ васъ. Ваше довольство своей судьбой доказываетъ, что труды мои пропали даромъ. Вотъ, если-бы вамъ чего нибудь не хватало, если-бы это счастье не удовлетворяло васъ, вы впервые завоевали бы себѣ мое уваженіе. *(Отворачиваясь отъ нихъ).* Будьте-же тѣмъ, чѣмъ можете, я пойду своей дорогой!

Одинъ изъ толпы. Вы дали намъ все, что могло сдѣлать насъ счастливыми. Подарите намъ еще вашу любовь!

Ф. Гуттенъ *(мрачно-серьезно).* Горе тебѣ напомнившему мнѣ, какъ часто я безразсудно разбрасывалъ этотъ драгоцѣнный даръ! Никто изъ васъ не заставитъ меня вновь впасть въ эту ошибку. Мою *любовь*!.. Грѣйся въ лучахъ солнца, радуйся случаю, который провелъ его надъ твоимъ виноградникомъ, но откажись отъ безумнаго желанія погрузиться въ его палящій источникъ. Печально было-бы и для тебя и для него, если-бы ему надо было *знать* о тебѣ, чтобы свѣтить тебѣ, если-бы ему, неустанному, пришлось остановиться на своемъ небесномъ пути, чтобы принять твою благодарность! Покорное вѣчнымъ законамъ, оно льетъ потокъ лучей съ одинаковымъ безучастіемъ и къ мухѣ, купающейся въ нихъ, и къ тебѣ, омрачающему его небесный свѣтъ своими пороками!.. На что мнѣ эти подношенія?.. Вы не обязаны своимъ счастьемъ моей любви и не обязаны платить мнѣ своею!

Старикъ. Больно намъ, дорогой господинъ, что всѣмъ мы надѣлены, кромѣ радости принести свою благодарность.

Ф. Гуттенъ. Прочь ее! Мнѣ претитъ принимать благодарность изъ такихъ рукъ. Смойте сперва ложь со своихъ устъ, любостяжаніе съ вашихъ рукъ, зависть съ вашихъ глазъ. Очистите отъ коварства ваши сердца, сбросьте съ себя личины, выпустите вѣсы правосудія изъ своихъ грѣшныхъ рукъ! Неужели вы думаете, что эта игра въ единодушіе, эта балаганщина скроетъ отъ меня зависть и раздоръ, подтачивающіе священнѣйшія узы вашей жизни? Развѣ мнѣ не извѣстенъ каждый отдѣльный человѣкъ въ этомъ собраніи, которое думаетъ стать въ моихъ глазахъ достойнымъ уваженія, благодаря своей численности?.. Мой взоръ невидимо слѣдитъ за вами; ваши пороки питаютъ мою справедливую ненависть. *(Старику).* Ты воображаешь внушить мнѣ уваженіе тѣмъ, что года убѣлили твои виски, что бремя долгой жизни сгорбило тебя? Это лишь укрѣпляетъ мою увѣренность въ томъ, что отъ тебя мнѣ уже нечего ждать. Ты съ пустыми руками спускаешься съ зенита жизни; тебѣ не наверстать теперь на костыляхъ упущеннаго тобою въ пору зрѣлыхъ силъ. Вы полагали, что видъ этихъ невинныхъ червяковъ *(указываетъ на дѣтей)* тронетъ мое сердце?.. О, всѣ они уподобятся своимъ отцамъ. Вы исказите эти невинныя существа по своему образцу, отвлечете ихъ отъ цѣли существованія!.. О, зачѣмъ вы пришли ко мнѣ?.. Я не могу,— зачѣмъ вы вынуждаете у меня это признаніе?—я не могу говорить съ вами ласково. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Глухой уголокъ парка; живописный, привлекательный ландшафтъ носитъ меланхолическій отпечатокъ.

Ф. Гуттенъ *(входитъ, бесѣдуя самъ съ собой).* Если-бы вы были такъ достойны этого имени, какъ я чту его! Человѣкъ! Дивное, высокое явленіе! Прекраснѣйшая мысль Творца! Какимъ совершеннымъ, богатоодареннымъ вышелъ ты изъ Его рукъ! Какіе дивные звуки дремали у тебя въ груди, пока страсти не исковеркали золотыхъ струнъ.

Все вокругъ тебя и надъ тобой стремится и достигаетъ все болѣе и болѣе прекрасныхъ, совершенныхъ формъ бытія. Одинъ ты остаешься незрѣлымъ, уродливымъ, нарушая общую гармонію. Не видимые ничьимъ земнымъ окомъ, не ободряемые ничьимъ разумнымъ сочувствіемъ, борются—въ безмолвной раковинѣ жемчужина, въ нѣдрахъ горъ кристаллъ, стремясь обрѣсти прекраснѣйшую форму. Всюду, куда ни проникаетъ твой взоръ,—человѣкъ, всюду видитъ онъ единодушное стремленіе всѣхъ твореній къ наиболѣе полному проявленію вложенныхъ въ него таинственныхъ силъ бытія. Всѣ дѣти природы съ благодарностью подносятъ своей вседовольной матери созрѣвшіе плоды; гдѣ она сѣетъ, тамъ и собираетъ жатву. Одинъ ты, ея возлюбленный, наиболѣе одаренный сынъ, остаешься въ сторонѣ, лишь дарованное ею *тебѣ* пропадаетъ для нея, она не узнаетъ своихъ даровъ въ ихъ изуродованной красотѣ.

Будь совершеннымъ! Въ тебѣ дремлютъ безчисленныя гармоніи, готовыя пробудиться

по твоему зову. Вызывай ихъ своимъ совершенствованiемъ. Развѣ не доставало когда нибудь твоему взору дивнаго блеска, если радость вспыхивала въ твоемъ сердцѣ, или красоты твоимъ ланитамъ, если кротость согрѣвала твою душу? Какъ можешь ты переносить, чтобы низменное, суетное попирало въ тебѣ благородное, безсмертное?

Осчастливить тебя—вотъ побѣдный вѣнокъ, котораго домогаются всѣ существа, вотъ изъ-за чего борется вся красота... но твои необузданныя влеченiя ставятъ преграды этимъ добрымъ намѣренiямъ. Ты извращаешь благiя цѣли природы. Она окружила тебя полнотой *жизни*, а ты силой вынуждаешь у нея *смерть*. Твоя ненависть отточила мирное желѣзо въ мечъ, твоя алчность отяготила невинное золото преступленiями и проклятiями, въ твоихъ невоздержныхъ устахъ животворный сокъ винограда превращается въ ядъ. Совершенная природа нехотя служитъ твоимъ порокамъ, но пороки твои не заражаютъ ея. Орудiе, которымъ ты злоупотребляешь, которое заставляешь служить нечистымъ цѣлямъ остается чистымъ. Ты можешь лишить его истинной цѣли его назначенiя, но не можешь лишить его покорности, съ какой оно исполняетъ свое назначенiе. Будь человѣчнымъ, будь варваромъ — покорное сердце будетъ вторить и твоей ненависти и твоей кротости одинаково полнымъ, правильнымъ бiенiемъ.

Природа! научи меня своей умѣренности, невозмутимости,—я всей душой отдавался красотѣ, какъ и ты, научи меня подавить въ себѣ горечь неудачнаго стремленiя осчастливливать. Но дай мнѣ сохранить кроткую волю, не дай мнѣ лишиться радостнаго мужества... дай мнѣ раздѣлять съ тобой твою счастливую слѣпоту. Укрой мнѣ въ своемъ мирномъ покоѣ мiръ, который не оттолкнетъ моей дѣятельности. Сталъ-ли бы мѣсяцъ наращать свой сiяющiй дискъ, если-бы увидалъ убiйцу, тропу котораго ему придется освѣщать?... Тебѣ поручаю я это любвеобильное сердце... стань между моей человѣчностью и человѣчествомъ.

Здѣсь меня не встрѣчаетъ его грубая рука, здѣсь враждебная правда не нарушаетъ моихъ чарующихъ грезъ, здѣсь я отдѣленъ отъ рода человѣческаго,—дай-же мнѣ здѣсь отдать мой священный долгъ великой матери, вѣчной красотѣ! *(Озираясь)*. Безмятежный міръ растительности! Я чую въ твоемъ полномъ чудесъ покоѣ божественную дѣятельность. Твое чуждое заслугъ превосходство возвышаетъ мой пытливый умъ до высшаго разума; въ тебѣ, какъ въ бесстрастномъ зеркалѣ, сіяетъ его божественный образъ. Человѣкъ словно облакомъ затемняетъ мнѣ серебристый, прозрачный ручей, всюду, гдѣ является человѣкъ, онъ заслоняетъ отъ меня Творца! *(Хочетъ встать и замѣчаетъ Анжелику)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ф. Гуттенъ и Анжелика.

Анжелика *(робко отступая)*. Вы приказали, отецъ... но если я помѣшала вашему уединенію...

Ф. Гуттенъ *(нѣкоторое время молча мотритъ на нее; затѣмъ говоритъ тономъ кроткаго упрека)*. Ты не хорошо поступила со мной, Анжелика.

Анжелика *(пораженная)*. Отецъ мой...

Ф. Гуттенъ. Ты знала объ этомъ нападеніи врасплохъ... Признайся... Ты сама и подготовила его.

Анжелика. Несмѣю отрицать, отецъ мой.

Ф. Гуттенъ. Они ушли отъ меня огорченными. Никто меня не понялъ. Видишь, какъ не хорошо ты поступила.

Анжелика. Намѣренія мои заслуживаютъ прощенія.

Ф. Гуттенъ. Ты плакала изъ-за этихъ людей... Не отрицай. Сердце твое бьется для нихъ. Я вижу тебя насквозь. Ты не одобряешь моей скорби.

Анжелика. Я чту ее, но со слезами.

Ф. Гуттенъ. Слезы эти подозрительны. Анжелика, ты колеблешься въ выборѣ между свѣтомъ и отцомъ. Но тебѣ придется рѣшиться, дочь моя, стать или на ту, или на другую сторону, разъ примиреніе между ними невозможно. Ты должна отречься отъ одной изъ сторонъ и вполнѣ отдаться другой... Будь искренна. Ты не одобряешь моей скорби?

Анжелика. Я вѣрю, что она имѣетъ основанія.

Ф. Гуттенъ. Ты вѣришь? Дѣйствительно?—Слушай-же, Анжелика... Я хочу подвергнуть твою искренность рѣшительному испытанію... Ты поколеблешься, и у меня не будетъ больше дочери. Присядь здѣсь, возлѣ меня.

Анжелика. Этотъ торжественный тонъ...

Ф. Гуттенъ. Я велѣлъ позвать тебя. У меня была просьба къ тебѣ. Но я раздумалъ. Ее можно спокойно отложить на годъ.

Анжелика. У васъ есть просьба къ вашей дочери, и вы медлите высказать ее?

Ф. Гуттенъ. Сегодняшній день заставилъ меня особенно призадуматься. Мнѣ исполнилось пятьдесятъ лѣтъ. Тяжелыя испытанія ускорили теченіе моей жизни, и можетъ случиться, что въ одно прекрасное утро меня вдругъ не станетъ... Я не успѣю... *(встаетъ)*. Ну, если тебѣ надо плакать, то некогда слушать меня.

Анжелика. О, перестаньте, отецъ... Не говорите такъ... Вы раздираете мнѣ сердце.

Ф. Гуттенъ. Мнѣ не хотѣлось-бы, чтобы это застало меня врасплохъ, прежде чѣмъ мы успѣемъ понять другъ друга... Да, я чувствую, что еще привязанъ къ міру... Нищему такъ же трудно разстаться со своимъ убожествомъ, какъ королю со своимъ великолѣпіемъ... Ты—все, что я оставляю послѣ себя міру. *(Пауза)*. Со скорбью гляжу на тебя передъ разлукой. Я уйду и оставлю тебя между двухъ пропастей: ты будешь плакать, дочь моя, или сама будешь достойна слезъ. До сихъ поръ мнѣ удавалось удалять отъ себя этотъ горькій выборъ. Открытымъ взоромъ глядишь ты въ жизнь, и міръ улыбается тебѣ.

Анжелика. О, если-бы вашъ взоръ прояснился, отецъ!... Да, міръ прекрасенъ.

Ф. Гуттенъ. Прекрасно въ немъ лишь отраженіе твоей собственной невинной души, Анжелика... И у меня бываютъ счастливые часы... Міръ будетъ тебѣ казаться привлекательнымъ, пока ты будешь остерегаться приподымать завѣсу, скрывающую отъ тебя дѣйствительность, пока съумѣешь обходиться безъ людей и довольствоваться собственнымъ сердцемъ.

Анжелика. Или найду другое, отецъ мой, біеніе котораго сольется съ моимъ.

Ф. Гуттенъ *(быстро и сурово)*. Ты никогда не найдешь его. Но остерегайся впасть въ опасное заблужденіе, предположить, что нашла его. *(Послѣ нѣкотораго раздумья)*. Душа наша, Анжелика, создаетъ иногда величавые, чарующіе образы, вызывая ихъ изъ болѣе прекрасныхъ міровъ, гдѣ

царятъ болѣе совершенныя формы. И случается, что ей мерещится одинъ изъ этихъ далекихъ идеаловъ здѣсь на землѣ, и ей удается обмануть застигнутое врасплохъ сердце этою игрою природы.—Такъ было суждено и твоему отцу, Анжелика. Часто созданный моимъ воображеніемъ образъ сіялъ мнѣ въ лицѣ человѣческомъ, я въ упоеніи простиралъ къ нему руки, но призракъ расплывался въ моихъ объятіяхъ.

Анжелика. Но, отецъ мой...

Ф. Гуттенъ (*перебивая*). Міръ не можетъ предложить тебѣ ничего, чего не получилъ бы отъ тебя-же. Радуйся своему отраженію въ водѣ, но не бросайся въ волны, чтобы обнять его: въ волнахъ ждетъ тебя смерть. Это льстящее сердцу безуміе люди называютъ любовью. Берегись повѣрить въ этотъ миражъ, который такъ мило рисуютъ намъ поэты. Ты обоготворишь въ этомъ явленіи себя самое; тебѣ будетъ отвѣчать эхо твоего собственнаго голоса, выходящее изъ могильной глубины, и ты останешься въ ужасномъ одиночествѣ.

Анжелика. Надѣюсь, отецъ мой, что есть еще люди, которые... на счетъ которыхъ.

Ф. Гуттенъ (*пытливо*). Ты надѣешься?.. Надѣешься?.. (*Встаетъ и прохаживается взадъ и впередъ*). Да дочь моя... это напоминаетъ мнѣ, зачѣмъ я звалъ тебя. (*Останавливается передъ нею и пытливо глядитъ на нее*). Ты созрѣла еще скорѣе меня, дочь моя. Удивляюсь... страшусь за свою безмятежную увѣренность. Какъ близка была опасность лишиться плодовъ всѣхъ трудовъ моихъ!

Анжелика. Отецъ мой! Я не понимаю васъ...

Ф. Гуттенъ. Разговоръ этотъ не преждевременен. Тебѣ девятнадцать лѣтъ, ты имѣешь право требовать отъ меня отчета. Я вырвалъ тебя изъ того міра, которому ты принадлежишь, я укрылъ тебя въ этой тихой долинѣ. Ты выросла здѣсь, оставаясь тайной для самой себя... Ты не знаешь, что суждено тебѣ. Пора тебѣ познать самое себя, пора все выяснить себѣ.

Анжелика. Вы меня пугаете, отецъ...

Ф. Гуттенъ. Тебѣ не суждено отцвѣсти въ этой тихой долинѣ... Ты схоронишь меня здѣсь и тогда будешь принадлежать міру, для котораго я украсилъ тебя.

Анжелика. Отецъ, вы хотите толкнуть меня въ міръ, гдѣ сами были такъ несчастливы?

Ф Гуттенъ. Ты вступишь въ него счастливѣе! (*Послѣ нѣкоторой паузы*). А если даже и нѣтъ, дочь моя—на твоей юности лежитъ по отношенію къ нему обязательство, котораго уже не въ силахъ нести моя преждевременная старость. Ты не нуждаешься больше въ моемъ руководствѣ. Миссія моя окончена. Статуя достигла полной своей зрѣлости подъ рѣзцомъ художника, въ тиши замкнутой мастерской, и пора засіять ей съ болѣе подобающаго пьедестала.

Анжелика. Нѣтъ, никогда, никогда не выпускайте меня изъ своихъ старческихъ рукъ, отецъ мой!

Ф. Гуттенъ. У меня осталось еще одно единственное желаніе. Оно росло въ моемъ сердцѣ вмѣстѣ съ этой дивной статуей. Оно возвышало свой голосъ все громче и громче съ каждой новой прелестью, расцвѣтавшей на этихъ щекахъ, съ каждымъ духовнымъ цвѣткомъ, распускавшимся въ этой душѣ, съ каждымъ возвышеннымъ звукомъ, раздававшимся въ этой груди... Это желаніе, дочь моя... Дай мнѣ руку...

Анжелика. Выскажите его. Душа моя стремится ему на встрѣчу.

Ф. Гуттенъ. Анжелика! Ты дочь богатаго человѣка. Свѣтъ считаетъ меня такимъ, но никто не знаетъ величины всего моего богатства. Моя смерть откроетъ тебѣ сокровищницу, которой не исчерпать твоей благотворительности. Ты можешь поразить самаго ненасытнаго.

Анжелика. Вы дадите мнѣ пасть такъ низко, отецъ мой!

Ф. Гуттенъ. Ты красивая дѣвушка, Анжелика. Позволь отцу признать въ тебѣ то, чѣмъ тебѣ не придется быть обязанной никакому другому мужчинѣ. Твоя мать была прекраснѣйшей среди всего своего пола. Ты—ея смягченный, облагороженный портретъ. Мужчины увидятъ тебя и страсть повергнетъ ихъ къ твоимъ ногамъ. Тотъ, кому достанется эта рука...

Анжелика. Неужели это голосъ моего отца? О, я слышу, вы изгоняете меня изъ своего сердца!

Ф. Гуттенъ (*любуясь ею*). И эта прекрасная оболочка одухотворена еще болѣе прекрасною душою. Представляю себѣ любовь въ этой мирной груди... Какая жатва зрѣетъ здѣсь для любви... Здѣсь уготована прекраснѣйшая награда самому благороднѣйшему, достойнѣйшему изъ людей!

Анжелика (*глубоко взволнованная, прячетъ свое лицо въ его объятіяхъ*).

Ф. Гуттенъ. Большаго счастья мужчина

не можетъ принять изъ рукъ женщины... И знаешь ли ты, что всѣмъ этимъ обязана *мнѣ*? Я скопилъ сокровища для твоей благотворительности, я взлелѣялъ твою красоту, сохранилъ твое сердце, помогъ расцвѣсти твоему уму. Воздай-же мнѣ за все это, исполни одну единственную мою просьбу, въ ней я сосредоточиваю все, чѣмъ ты мнѣ обязана... Ты не откажешь мнѣ?

Анжелика. Отецъ! Вамъ незачѣмъ идти такими окольными путями къ сердцу своей дочери.

Ф. Гуттенъ. Ты обладаешь всѣмъ, что можетъ осчастливить мужчину *(останавливается и смотритъ на нее)*. Не осчастливливай-же никогда мужчины!

Анжелика *(поблѣднѣвъ, поникаетъ головой)*.

Ф. Гуттенъ. Ты молчишь?.. Этотъ страхъ... этотъ трепетъ... Анжелика?

Анжелика. Ахъ, отецъ мой!...

Ф. Гуттенъ *(мягче)*. Дай руку, дочь моя... Обѣщай мнѣ... Что это? Отчего дрожитъ твоя рука? Обѣщай мнѣ никогда не отдавать этой руки мужчинѣ.

Анжелика *(съ видимымъ смущеніемъ)*. Никогда, отецъ, иначе, какъ съ вашего согласія.

Ф. Гуттенъ. Нѣтъ, и тогда, когда меня не будетъ на свѣтѣ. Клянись мнѣ никогда не отдавать своей руки мужчинѣ.

Анжелика. *(борясь съ собой; дрожащимъ голосомъ)*. Никогда, никогда, если только вы сами не освободите меня отъ этого обѣта.

Ф. Гуттенъ. Значитъ, никогда. *(Выпускаетъ ея руку. Послѣ долгаго молчанія)*. Посмотри на эти поблекшія руки, на эти морщины, которыми избороздила мои щеки скорбь. Передъ тобой старикъ, клонящійся къ краю могилы, а я еще только достигъ лѣтъ полной зрѣлости, силы и мужества!.. Вотъ, что сдѣлали люди... Весь родъ людской—мой убійца. Анжелика, не сопровождай же къ алтарю сына моего убійцы. Не дай кровавой трагедіи моей скорби разыграться въ фарсъ. Цвѣтокъ, взлелѣянный моимъ горемъ, политый моими слезами, не долженъ быть сорваннымъ рукой радости. Первая слеза, которую заставитъ тебя пролить любовь, смѣшаетъ тебя съ этимъ низкимъ родомъ... Рука твоя, если ты протянешь ее передъ алтаремъ мужчинѣ, занесетъ мое имя на позорную доску глупцовъ.

Анжелика. Не продолжайте, отецъ мой... Не теперь... Позвольте мнѣ... *(хочетъ уйти, но онъ удерживаетъ ее)*.

Ф. Гуттенъ. Я не жестокій отецъ по отношенію къ тебѣ, дочь моя. Люби я тебя меньше, я бы самъ отдалъ тебя въ руки мужчины. Я и не питаю ненависти къ людямъ. Тотъ, кто зоветъ меня человѣконенавистникомъ, не правъ. Я чту природу человѣка, но не могу больше любить людей. Не считай меня простымъ глупцомъ, который возлагаетъ на благородныхъ вину въ томъ, въ чемъ провинились противъ него неблагородные. То, что я выстрадалъ отъ неблагородныхъ, забыто. Сердце мое истекаетъ кровью отъ ранъ, нанесенныхъ ему наилучшими и наиблагороднѣйшими.

Анжелика. Откройте его лучшимъ, благороднѣйшимъ, и они прольютъ на эти раны цѣлительный бальзамъ. Нарушьте это роковое молчаніе.

Ф. Гуттенъ *(послѣ нѣкоторой паузы)*. Если-бы я могъ разсказать тебѣ исторію моихъ терзаній, Анжелика!— Но я не могу. И не хочу. Не хочу отнять у тебя радостной увѣренности, сладостной довѣрчивости... Не хочу вселить въ эту мирную грудь ненависть. Я хотѣлъ бы только предостеречь тебя, но не озлоблять противъ людей. Мой правдивый разсказъ погасилъ бы въ твоей груди благоволеніе, а мнѣ хотѣлось бы сохранить это святое пламя! Прежде, нежели изъ тебя само собою выработается новое, болѣе прекрасное твореніе, я бы не хотѣлъ вырывать изъ твоего сердца дѣйствительнаго міра.

(Пауза. Анжелика склоняется къ нему со слезами).

Меня радуетъ твой улыбающійся взглядъ на жизнь, твоя блаженная вѣра въ людей, которые до сихъ поръ окружаютъ тебя дивными видѣніями. Эта вѣра была благотворной, необходимой для того, чтобы вполнѣ развить самыя благотворныя влеченія твоего сердца. Мудрая, заботливая природа восхищаетъ меня. Она окружаетъ юный духъ послушнымъ, готовымъ къ его услугамъ міромъ, и зарождающаяся потребность любви находитъ, за что хватается. Держась за эту непрочную опору, нѣжное растеньице вьется кверху, обвивая окружающее тысячью пышныхъ побѣговъ. Но если ему суждено гордо вознестись къ небу гордымъ, царственнымъ стволомъ, о, тогда всѣмъ этимъ боковымъ побѣгамъ должно умереть, а живому влеченью стремиться въ прямомъ направленіи ввысь, замкнуться въ самомъ себѣ. Оцѣпенѣвшая душа начнетъ затѣмъ тихо и кротко отвлекать заблудившееся влеченіе отъ дѣйствительнаго міра и вести навстрѣчу божественному идеалу,

проясняющемуся въ ея святая-святыхъ. Тогда нашему блаженному духу нѣтъ больше надобности въ помощи дѣтства, и просвѣтленное пламя восторга будетъ продолжать пылать, питаемое внутреннимъ, никогда не гаснущимъ трудомъ.

Анжелика. Увы, отецъ мой! Сколькаго еще мнѣ не достаетъ для достиженія того идеала, который вы ставите передо мной!.. Ваша дочь не въ состояніи слѣдовать за вами въ этомъ возвышенномъ полетѣ! Позвольте же мнѣ лучше слѣдовать за тѣмъ милымъ призракомъ, пока онъ самъ не простится со мной. Какъ мнѣ... какъ смогу я ненавидѣть *внѣ* себя то, что вы сами научили меня любить въ себѣ самой? То, что вы сами любите въ своей Анжеликѣ?

Ф. **Гуттенъ** *(съ нѣкоторымъ раздраженіемъ)*. Уединеніе испортило мнѣ тебя, Анжелика. Надо ввести тебя въ кругъ людей, чтобы ты отучилась уважать ихъ. Я позволю тебѣ слѣдовать за своимъ милымъ призракомъ, ты будешь созерцать вблизи кумиръ, созданный твоимъ воображеніемъ.

Счастливъ я, что ничѣмъ при этомъ не рискую... Я далъ тебѣ въ этой груди мѣрило, сравненія съ которымъ люди не выдержатъ. *(Глядя на нее въ нѣмомъ восхищеніи).* О, для меня расцвѣтетъ еще одна прекрасная радость, и долгое томленіе мое будетъ близко къ удовлетворенію!... Какъ удивятся они, какъ разгорятся въ нихъ неиспытанныя до сихъ поръ чувства, когда я введу въ ихъ кругъ этого ангела. Они будутъ моими, да, я поймаю лучшихъ, благороднѣйшихъ изъ нихъ этою золотою сѣтью... Анжелика! *(Подходитъ къ ней; серьезно и торжественно, опуская руку на ея голову).* Будь высшимъ существомъ среди этого падшаго рода!... Разливай вокругъ себя благодать, какъ осчастливливающее божество! Соверши дѣла, которыхъ еще не видалъ міръ!... Играй добродѣтелями, которыя истощаютъ мужество героя, умъ мудреца! Вооруженная всепобѣждающею красотой, повтори на ихъ глазахъ жизнь, которую я велъ среди нихъ, непризнанный, непонятый, пусть черезъ твою *прелесть* восторжествуетъ моя отверженная добродѣтель! Пусть ея пожирающій блескъ засіяетъ мягче, пройдя черезъ твою женственную душу, и кроткій взоръ этой души откроетъ, наконецъ, пропускъ побѣднымъ лучамъ добродѣтели. Веди людей, пока они увидятъ то небо, которое уготовано въ этомъ сердцѣ, пока они вознесутъ свои пламенныя желанія къ этому несказанному счастью и—тогда унесись въ своемъ сіяніи! Пусть они увидятъ надъ собой небесное явленіе въ головокружительной недосягаемой высотѣ! Пусть оно остается недосягаемымъ для ихъ страстныхъ желаній, какъ Оріонъ въ священныхъ пространствахъ эѳира—для нашихъ смертныхъ рукъ. Они превращались въ призраки, когда я жаждалъ прижать къ груди живое существо, и ты станешь для нихъ призракомъ! Вотъ для чего я введу тебя въ кругъ человѣчества... Ты знаешь теперь, кто ты: я воспиталъ въ тебѣ свое отмщеніе!...

Анна Ганзенъ.

ЛАГЕРЬ
ВАЛЛЕНШТЕЙНА.

Валленштейновская трилогія.

Исторія постепеннаго возникновенія валленштейновской трилогіи—поучительный примѣръ той строгости къ самому себѣ и вѣчной неудовлетворенности, которую неоднократно обнаруживалъ Шиллеръ, создавая свои крупныя произведенія. Извѣстно, что онъ вообще передѣлывалъ по нѣсколько разъ свои пьесы, вводя въ нихъ все новыя и новыя детали, изучая для каждой изъ нихъ множество источниковъ и до самой послѣдней минуты не рѣшаясь представить ихъ на судъ публики и критики, какъ не вполнѣ законченныя, не свободныя отъ тѣхъ или другихъ недостатковъ. То же самое мы видимъ и въ данномъ случаѣ. Мысль изобразить въ драматической формѣ измѣну и потрясающую гибель фридландскаго герцога, личность котораго заинтересовала Шиллера, когда онъ писалъ свою „Исторію тридцатилѣтней войны", зародилась въ его умѣ еще въ 1791 году; между тѣмъ, первое представленіе „Лагеря Валленштейна" относится къ октябрю *1798 года*, а двухъ другихъ частей трилогіи—къ январю и апрѣлю слѣдующаго года... За эти нѣсколько лѣтъ первоначальный планъ драматической обработки исторіи Валленштейна неоднократно видоизмѣнялся. Такъ, въ мартѣ 1794 года Шиллеръ писалъ своему другу Кернеру о намѣреніи создать *прозаическую* пятиактную драму на этотъ сюжетъ, причемъ поэтъ думалъ, что ему удастся окончить всю пьесу въ какихъ нибудь три недѣли!...

По мѣрѣ того, какъ Шиллеръ знакомился съ различными источниками, которые ему могли быть полезны (напримѣръ, „Annales Ferdinandei" Кевенгиллера), онъ начиналъ убѣждаться въ томъ, что ему едва ли удастся исчерпать въ одной пьесѣ весь обширный матеріалъ, бывшій въ его распоряженіи, и что придется посвятить гораздо больше времени этой работѣ. Были моменты, когда Шиллеръ чувствовалъ себя совершенно подавленнымъ своею необъятною темою, приходилъ въ отчаяніе, иногда откладывалъ на время „Валленштейна" въ сторону, чтобы заняться какими нибудь другими темами, напримѣръ, своими балладами. Когда онъ рѣшилъ отвести въ пьесѣ видное мѣсто астрологическому мотиву, объяснивъ имъ многіе поступки фридландскаго герцога, ему опять пришлось прочесть не мало спеціальныхъ книгъ; онъ совѣтовался въ 1797 году съ Кернеромъ и Гете относительно сочиненій по астрологіи, читалъ нѣкоторыя изъ нихъ, старался, во что бы то ни стало, вникнуть въ ихъ темный смыслъ. Довольно поздно написаны были Шиллеромъ и любовныя сцены между Максомъ и Тэклою, составляющія теперь одно изъ украшеній „Пикколомини" и „Смерти Валленштейна". Работа очень замедлялась, между прочимъ, и болѣзненнымъ состояніемъ поэта, уже страдавшаго тѣмъ роковымъ недугомъ, который скоро свелъ его въ могилу.

Очень важнымъ моментомъ въ исторіи созданія валленштейновской трилогіи, какъ справедливо замѣчаетъ Дюнцеръ, является не особенно продолжительное пребываніе Шиллера въ гостяхъ у Гете, въ сентябрѣ 1798 года. Тогда во время дружеской бесѣды окончательно рѣшено было, что пьеса,

посвященная Валленштейну, получитъ форму трилогіи, при чемъ ея первая часть, названная авторомъ „Валленштейновцы“ и впослѣдствіи переименованная въ „Лагерь Валленштейна“, появится на сценѣ, не дожидаясь того времени, когда будутъ вполнѣ закончены двѣ другія. Такимъ образомъ, и на этотъ разъ Гете, неоднократно оказывавшій Шиллеру подобныя услуги, далъ ему, несомнѣнно, благой совѣтъ. Тотъ крупный успѣхъ, который выпалъ на долю трилогіи и въ Веймарѣ, и въ Берлинѣ, долженъ былъ нѣсколько вознаградить Шиллера за то продолжительное напряженіе, котораго ему стоило созданіе этого грандіознаго цѣлаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, показать ему, что распредѣленіе сюжета между *тремя пьесами* сдѣлало его еще болѣе интереснымъ для публики. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, и въ публикѣ, и въ критикѣ на первыхъ порахъ раздавались отдѣльные голоса, находившіе эту форму нѣсколько рискованною, странною, непривычною.

Въ дѣйствительности, форма *трилогіи*, на которой, въ концѣ концовъ, остановился поэтъ, сознавая всю трудность сжатой драматической обработки такого обширнаго, сложнаго сюжета, необыкновенно подходитъ къ привлекшей вниманіе драматурга фабулѣ. Каждая изъ трехъ ея частей, образуя лишь одно звено изъ большого цѣлаго, до нѣкоторой степени представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самостоятельный интересъ, содѣйствуетъ выясненію различныхъ сторонъ и оттѣнковъ бурной, тревожной эпохи и вѣчно безпокойной, непостоянной среды, знакомитъ насъ съ разнообразными факторами, ускорившими трагическую гибель Валленштейна. Можно только удивляться тому, что это раздѣленіе на три пьесы вызывало когда-то въ нѣмецкой критикѣ возраженія и нападки (статьи въ „Jenaer Litteraturzeitung“, въ „Eunomia“ и т. д.)—и, съ другой стороны, нельзя не поставить въ заслугу Шиллеру ту проницательность, которую онъ обнаружилъ, во-время отказавшись отъ своего первоначальнаго плана исчерпать весь сюжетъ на протяженіи пяти актовъ.

„Лагерь Валленштейна“, который можетъ смѣло ставиться на сценѣ отдѣльно отъ другихъ частей, знакомитъ насъ съ солдатскимъ міромъ, съ мыслями и желаніями массы, которая должна была служить орудіемъ честолюбивыхъ замысловъ полководца. Въ „Пикколомини“ на первомъ планѣ стоятъ генералы, ближайшіе сподвижники Валленштейна, въ данную минуту ему преданные, конечно, за исключеніемъ Октавіо, повидимому, готовые отстаивать его интересы, а также графиня Терцки и Тэкла,—тогда какъ самъ онъ показывается довольно рѣдко, предоставляя дѣйствовать лицамъ вродѣ Терцкаго, и все еще не вполнѣ открываетъ свои планы относительно будущаго. Наконецъ, въ „Смерти Валленштейна“ главный интересъ сосредоточивается на самомъ герцогѣ. Внутренній міръ и стремленія его становятся гораздо яснѣе для насъ, чѣмъ прежде; а тѣ двѣ силы, которымъ посвящены были первыя двѣ пьесы,—войско и генералы,—вступаютъ теперь въ конфликтъ съ нимъ, отказываются далѣе служить его дѣлу и постепенно приводятъ его къ гибели. Такимъ образомъ, распредѣленіе фабулы между тремя отдѣльными пьесами вполнѣ логично и обоснованно: прежде чѣмъ дать намъ полное понятіе о личности главнаго героя и изобразить его трагическій конецъ, Шиллеръ детально знакомитъ насъ съ тою средою, которая его создала и выдвинула.

„Лагерь Валленштейна“, являющійся какъ-бы прологомъ къ двумъ другимъ пьесамъ, несомнѣнно,—одно изъ самыхъ оригинальныхъ произведеній нѣмецкой драматической литературы. Это — шедевръ массовой психологіи, превосходящій и массовыя сцены въ „Разбойникахъ“ и засѣданіе польскаго сейма въ „Дмитріѣ Самозванцѣ“, и ночное засѣданіе на Рютли—въ „Вильгельмѣ Теллѣ“; «это—поразительная, въ особенности—для того времени, попытка обрисовать внутренній міръ обширной группы людей, собравшихся отовсюду, чтобы служить фридландскому герцогу, успѣвшихъ свыкнуться съ военнымъ ремесломъ и, по большей части, считающихъ всю эту кочевую, безпорядочную жизнь чѣмъ то вполнѣ нормальнымъ и желательнымъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ „Лагерь Валленштейна“, несомнѣнно, пробуждаетъ въ душахъ болѣе отзывчивыхъ читателей или зрителей то, что мы теперь назовемъ „настроеніемъ“. Съ первыхъ же явленій мы переносимся въ атмосферу отважныхъ экспедицій, разгула, молодечества, какъ будто слышимъ барабанный бой и военные сигналы, сливающіеся съ грубоватою, подчасъ циничною рѣчью, солдатъ, видимъ, какъ знамена развѣваются надъ этимъ шумнымъ, разноплеменнымъ лагеремъ;—точно маня къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кому надоѣла будничная, правильная жизнь,

кого привлекаетъ свобода и непринужденность.

Цѣлая эпоха,—бурная, полная событій, совершенно исключительная, — оживаетъ, по волѣ геніальнаго поэта, во всемъ своемъ разнообразіи, пестротѣ, оригинальности. Знаменитая мейнингенская труппа 1880 — 1890 гг., столь сильная своимъ ансамблемъ, дѣлала чудеса изъ этой одноактной пьесы. Сценическая иллюзія достигала въ этомъ случаѣ своего апогея. Зрителю могло, мѣстами, показаться, что передъ нимъ—не театральное представленіе, руководимое опытнымъ и талантливымъ режиссеромъ,—а сама жизнь, кипучая, яркая, разнообразная! Всѣ, до послѣднихъ статистовъ *жили* на сценѣ, продолжали играть даже въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ въ роли ничего не стояло, исполняли оживленныя мимическія сцены... Негодованіе, вызванное рѣчами капуцина, общее веселье и разгулъ, въ концѣ пролога,— все это передавалось мейнингенцами съ поразительнымъ реализмомъ и невольно захватывало зрителя.

Но даже въ чтеніи „Лагерь Валленштейна" производитъ сильное впечатлѣніе и облегчаетъ намъ пониманіе двухъ другихъ пьесъ. Изображая психологію толпы, массы, Шиллеръ отнюдь не разсматриваетъ, однако, войско Валленштейна какъ одно компактное и стройное цѣлое, проникнутое одними и тѣми же взглядами и стремленіями. Всѣхъ этихъ людей, объединившихся подъ знаменемъ фридландскаго герцога, связываетъ, конечно, преданность полководцу и товарищескій духъ,—но они все же распадаются на нѣсколько отдѣльныхъ фракцій, въ иныхъ отношеніяхъ сохраняютъ и въ этой космополитической военной обстановкѣ свои племенныя особенности или индивидуальныя черты. Быть можетъ, именно благодаря этому „Лагерь" производитъ впечатлѣніе чего то живого, вполнѣ реальнаго,—тогда какъ безъ этихъ оттѣнковъ мы имѣли бы передъ собою только *массу*, отличающуюся стаднымъ чувствомъ и способную играть чисто пассивную роль,

Вотъ нѣсколько, примѣровъ. Кроаты смотрятъ на войну съ грубой жестокой, почти звѣрской точки зрѣнія; они признаютъ войну ради войны,—идейная сторона для нихъ не играетъ никакой роли; къ тому же, они не прочь покутить, — въ особенности, когда это имъ ничего не стоитъ. Паппенгеймскіе кирасиры, наоборотъ, увлекаются героическою стороною войны; ихъ манятъ подвиги, лавры побѣдителей; ихъ очаровываетъ поэзія битвъ, богатырства и молодечества. Щеголеватые егеря — аристократы среди воиновъ Валленштейна: они и одѣваются роскошнѣе и въ разговорѣ обнаруживаютъ меньше грубости и суровости; ихъ даже нѣсколько шокируютъ пріемы и манеры остальныхъ солдатъ,—а тѣ, въ свою очередь, подсмѣиваются надъ ихъ франтовствомъ. Въ лагерь Валленштейна ихъ привела не любовь къ военному ремеслу, а просто—склонность къ непринужденной, беззаботной жизни, которую они не могли вести въ другихъ мѣстахъ. Пищальники изъ отряда Тифенбаха—добродушные, миролюбивые люди, которые были бы очень рады, еслибъ все вошло опять въ обычную колею, и эта ненормальная, тревожная жизнь окончилась. Вспомните, какъ они вступаются за крестьянина, котораго нужда заставила сдѣлаться фальшивымъ игрокомъ, освобождаютъ его изъ рукъ другихъ солдатъ и имѣютъ мужество открыто заявить, что деревенскій людъ разоренъ и обнищалъ. Наконецъ, старый вахмистръ, прежде всего,—служака, сторонникъ дисциплины, которому, по выраженію Фишера, дороже всего „солдатская машина", муштровка, обученіе рекрутовъ,—который одинаково отличается и отъ франтоватыхъ егерей и отъ паппенгеймскихъ кирасиръ... Очень оригинальную фигуру представляетъ собою и маркитантка, давно сроднившаяся съ солдатскою жизнью, продѣлавшая не одинъ походъ и поневолѣ мирящаяся съ тѣмъ, что никто, кромѣ добродушныхъ пищальниковъ, не платитъ ей аккуратно за вино и припасы.

Проявивъ въ „Лагерѣ Валленштейна" тонкое психологическое чутье и знаніе сцены, Шиллеръ, несомнѣнно, обнаружилъ мѣстами въ этомъ произведеніи дарованіе комическаго писателя. Основной тонъ „Лагеря" нельзя, конечно, признать безусловно веселымъ, комическимъ, жизнерадостнымъ, — сквозь шутки и остроты солдатъ слишкомъ часто проглядываетъ неприкрашенная дѣйствительность, разореніе цѣлыхъ областей, деморализація народа. Но отдѣльныя сцены показываютъ все же, что изъ Шиллера могъ бы выработаться наряду съ авторомъ трагедій и талантливый комическій писатель, — подобно тому, какъ Расинъ, если судить по его „Сутягамъ", былъ въ сущности способенъ писать весьма бойкія и живыя комедіи. Недаромъ же въ числѣ неоконченныхъ произ-

веденій Шиллера мы находимъ, между прочимъ, и набросокъ пьесы въ комическомъ жанрѣ.

Уже самая форма „Лагеря Валленштейна" очень характерна въ этомъ отношеніи. Поэтъ остановилъ свой выборъ на старонѣмецкихъ „виршахъ" (Knittelverse), которыми написаны комедіи и фарсы Ганса Сакса,—и результаты получились блестящіе, потому что этотъ размѣръ, какъ нельзя болѣе подходитъ къ общему колориту первой части трилогіи и придаетъ ей оригинальный, своеобразный, иногда очень забавный характеръ (въ наши дни такими же стихами написана была комедія изъ старой нѣмецкой жизни Людвига Фульда—„Schlaraffenland"). Но особенно ярко проявилось комическое дарованіе Шиллера въ созданіи безподобной фигуры капуцина. Этотъ оригинальный миссіонеръ-обличитель, соединяющій тексты изъ Библій съ шутками и вульгарными выраженіями, очень напоминаетъ извѣстнаго нѣмецкаго проповѣдника-юмориста, Абраама-а-Санта-Клара, автора такихъ причудливыхъ по формѣ сочиненій, какъ „Judas der Erz-Schelm„, „Gak, gak, gak, gak, a ga — einer wunderseltsamen Hennen" и т. д. Чтобы оказать какое-нибудь вліяніе на такихъ загрубѣлыхъ слушателей, какъ солдаты Валленштейна, онъ старается приблизиться къ ихъ уровню, приноровиться къ ихъ міросозерцанію и говору, переводя тексты съ латинскаго языка, вставляетъ выраженія изъ солдатскаго жаргона,—иногда, потерявъ терпѣніе, прибѣгаетъ и къ помощи ругательствъ. При всѣхъ своихъ странностяхъ и комическихъ пріемахъ, капуцинъ все-же обнаруживаетъ извѣстное присутствіе духа, такъ какъ отваживается открыто развѣнчивать и громить фридландскаго герцога, въ эту пору еще не переставшаго быть кумиромъ массы.

Въ слѣдующей части трилогіи впервые показывается на сценѣ самъ Валленштейнъ. Но прежде, чѣмъ онъ появился, мы уже имѣемъ извѣстное понятіе объ его характерѣ, привычкахъ, вкусахъ, обращеніи. Въ „Лагерѣ Валленштейна" солдаты постоянно говорятъ о немъ, и мы чувствуемъ, что онъ гдѣ то тутъ, неподалеку, что его духъ точно паритъ надъ всею этою громадною толпою. Мы узнаемъ, что онъ горячо любитъ своихъ солдатъ, заботится о нихъ, смотритъ на нихъ, какъ на обширную семью, что онъ ничего на свѣтѣ не боится, готовъ взяться за самое опасное порученіе и никогда еще не терпѣлъ неудачи! Его обаяніе настолько велико, репутація непобѣдимости такъ прочно установилась за нимъ, что иные солдаты, въ родѣ вахмистра и одного изъ егерей, твердо убѣждены въ томъ, что онъ находится въ общеніи съ нечистою силою. Совершенно такъ же въ „Пикколомини", гдѣ Валленштейнъ выступаетъ только въ одномъ актѣ, мы постоянно слышимъ о немъ и узнаемъ различныя детали относительно характера, положенія въ войскѣ и плановъ относительно будущаго—изъ разговоровъ его генераловъ, приближенныхъ и родныхъ. Ихъ отзывы отличаются, конечно, большою противорѣчивостью. Максъ долгое время идеализируетъ Валленштейна, приписываетъ ему самыя симпатичныя, благородныя свойства, въ началѣ не сознаетъ и не угадываетъ его отрицательныхъ сторонъ. Терцки, графиня Терцки, Буттлеръ, Изолани и другіе видятъ въ немъ, главнымъ образомъ, могущественную силу, которая магически вліяетъ на массу, всюду имѣетъ успѣхъ и торжествуетъ надъ всѣми препятствіями и опасностями,—съ которою, несомнѣнно, выгодно и разсчетливо будетъ дѣйствовать за-одно. Октавіо Пикколомини видитъ въ Валленштейнѣ измѣнника, опаснаго государственнаго преступника, котораго нужно обличить и покарать во чтобы то ни стало. Но одно мы сознаемъ еще до перваго выхода Валленштейна: передъ нами, во всякомъ случаѣ, крупнѣйшая личность, которую одни превозносятъ, другіе развѣнчиваютъ, но съ которою всѣ принуждены считаться!

Валленштейнъ—одинъ изъ самыхъ удачныхъ образовъ, созданныхъ Шиллеромъ. Его сложная, своеобразная психологія обрисована съ замѣчательнымъ мастерствомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что въ эту пору талантъ Шиллера достигъ высшей степени своего развитія и зрѣлости. Уже прошло то время, когда драматургъ выводилъ или очень симпатичныхъ, или, наоборотъ, очень преступныхъ и низкихъ людей, когда Карлу Моору долженъ былъ непремѣнно соотвѣтствовать „извергъ естества" Францъ, Фердинанду—президентъ или Вурмъ. Сближеніе съ Гете помогло Шиллеру стать болѣе объективнымъ и безпристрастнымъ; онъ пришелъ къ сознанію, что дажн у наименѣе симпатичныхъ героевъ могутъ быть отдѣльныя положительныя свойства, что, изображая внутренній міръ того или другого героя, драматургъ не долженъ слишкомъ подчеркивать свои личныя симпатіи и антипатіи, дѣлать одниxъ гла-

шатаями своихъ мыслей и стремленій, почти своими двойниками, а другихъ изображать какими то чудовищами. Уже Филиппъ въ „Донъ-Карлосѣ“ былъ обрисованъ съ значительною долею объективности; Шиллеръ не сдѣлалъ изъ него только деспота или тирана,—онъ отмѣтилъ и его горячее желаніе найти вполнѣ надежнаго, честнаго и правдиваго человѣка, которому онъ могъ бы вполнѣ довѣриться, и его нравственныя терзанія, вызванныя неудачно сложившеюся личною жизнью.

Характеристика фридландскаго герцога, въ смыслѣ объективности и тонкости психологическаго анализа, стоитъ еще выше. Если можно такъ выразиться, въ трилогіи выступаетъ не одинъ, а нѣсколько Валленштейновъ; мы послѣдовательно знакомимся съ разнообразными сторонами характера главнаго героя, какъ частнаго лица и политическаго дѣятеля, — причемъ онъ поочередно то вызываетъ наше сочувствіе и уваженіе, то возмущаетъ насъ своимъ эгоизмомъ и властолюбіемъ, то внушаетъ намъ жалость. Актеры, играющіе эту трудную роль, обыкновенно особенно подчеркиваютъ какую нибудь одну сторону его характера, оставляя другія въ тѣни (однимъ изъ лучшихъ Валленштейновъ считается Зонненталь). Бультгауптъ въ своей „Драматургіи классиковъ“ такъ опредѣляетъ внутренній міръ Валленштейна,—психологію котораго онъ называетъ самою сложною не только въ творчествѣ Шиллера, но и во всей нѣмецкой драматической литературѣ: „натура привлекательная—и отталкивающая, внушающая уваженіе—и презрѣнная, склонная къ фантазированію—и проявляющая заурядный здравый смыслъ, осторожная и легкомысленная, могущественный организаторъ и безпомощное дитя, человѣкъ лживый—и любящій правду, способный трогать и наводить ужасъ,—словомъ, смѣшеніе всевозможныхъ свойствъ, образующихъ, однако, извѣстное цѣлое“. Двѣ черты характера Валленштейна особенно рельефно очерчены, однако, Шиллеромъ: его вѣра въ таинственное воздѣйствіе свѣтилъ на человѣческую судьбу и болѣзненно-развитое честолюбіе. Увлеченіе астрологіей для Валленштейна— не игра, не забава, не интересное препровожденіе времени! Онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что „звѣзды не лгутъ“; мы знаемъ изъ исторіи, что онъ спеціально изучалъ астрологію въ университетахъ Болоньи и Падуи; онъ слѣпо довѣряетъ предсказаніямъ астролога Сени, считая ихъ незыблемою истиною, и готовъ по одному его слову принимать самыя рискованныя рѣшенія. Разъ звѣзды предвѣщаютъ ему торжество надъ препятствіями и исполненіе всѣхъ его желаній, онъ считаетъ свой успѣхъ обезпеченнымъ. Валленштейна сравнивали иногда, въ этомъ отношеніи, съ Фаустомъ; какъ ни странно звучитъ это сравненіе, въ немъ есть доля правды. Мечты о тѣсномъ общеніи съ таинственнымъ, чудеснымъ міромъ, въ своемъ родѣ, не меньше волнуютъ фридландскаго герцога, чѣмъ сверхчеловѣческіе порывы и жажда познанія волнуютъ душу Фауста. Вѣра во что то загадочное и сверхъестественное вноситъ въ жизнь Валленштейна извѣстную долю поэзіи и красоты, помогаетъ ему подниматься на время надъ житейскою пошлостью. О своихъ астрологическихъ гаданіяхъ онъ говоритъ совершенно особеннымъ тономъ и не допускаетъ, чтобы при немъ отзывались о нихъ насмѣшливо или недовѣрчиво. Даже когда счастье начинаетъ ему измѣнять, онъ все еще не признаетъ себя побѣжденнымъ, не отказывается отъ вѣры въ чудесную силу планетъ и настаиваетъ на томъ, что всѣ эти бѣдствія обрушиваются на него *противъ воли судьбы*. Только въ самомъ концѣ онъ какъ будто ощущаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ справедливости того, во что раньше вѣрилъ („звѣзды не нужны мнѣ“), и нѣсколько охладѣваетъ къ своему любимому занятію, подъ вліяніемъ тяжелыхъ ударовъ судьбы, которые ему приходится теперь выносить...

О честолюбіи или властолюбіи Валленштейна едва ли нужно говорить особенно много, — это свойство бросается намъ въ глаза съ самаго начала, оно является главнымъ рычагомъ всей его дѣятельности, заставляетъ его принимать иногда самыя неожиданныя рѣшенія,—не отступая передъ энергичными, опасными, даже преступными шагами. Мы знаемъ изъ исторіи, что честолюбіе Валленштейна заходило очень далеко, что онъ мечталъ возложить на себя богемскую корону, сдѣлаться независимымъ государемъ. Совершенно такъ же въ трилогіи онъ увлекается мечтами о своемъ будущемъ величіи, строитъ планы относительно той власти, которую онъ можетъ пріобрѣсти, считаетъ себя рожденнымъ для чего то высшаго, выдающагося, исключительнаго. Онъ, кажется, искренно убѣжденъ въ томъ, что Максъ Пикколомини—не пара Тэклѣ, потому что въ ней онъ уже видитъ чуть ли не принцессу крови! Выбившись изъ не-

извѣстности на широкую дорогу, составивъ себѣ имя исключительно своими подвигами,—за что его восхваляетъ одинъ изъ егерей въ „Лагерѣ",—онъ не довольствуется тѣми результатами, которые имъ достигнуты, хочетъ подняться еще выше... Честолюбіе, какъ злой демонъ, постоянно нашептываетъ ему роковые совѣты. Если онъ вступаетъ въ союзъ со шведами, онъ дѣлаетъ это, конечно, не для того только, чтобы отстоять свою независимость противъ посягательствъ вѣнскаго двора, но также и для того, чтобы съ помощью шведскихъ войскъ упрочить за собою богемскій престолъ. Онъ привыкъ повелѣвать и господствовать, — и съ той минуты, какъ счастье начинаетъ ему измѣнять, солдаты его покидаютъ, дисциплина нарушается, ему остается только умереть.

Изображая въ рядѣ потрясающихъ сценъ измѣну Валленштейна, его сближеніе съ врагами Австріи, постепенный разрывъ съ вѣнскимъ правительствомъ, Шиллеръ настаиваетъ, однако, на томъ, что онъ не былъ измѣнникомъ и предателемъ по *натурѣ*, что, несмотря на свои врожденныя честолюбивыя наклонности, онъ еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ съ негодованіемъ отогналъ бы отъ себя мысль объ измѣнѣ ради достиженія тѣхъ или другихъ выгодъ или почестей. Мы видимъ, что онъ очень долго колеблется и борется съ собою, прежде чѣмъ заключаетъ союзъ со шведами и соглашается вести переговоры съ Врангелемъ. Илло и Терцкіе возмущаются его нерѣшительностью и уклончивою тактикою, удивляются его желанію медлить и выжидать,—не понимая той борьбы, которая происходитъ въ его душѣ. Если Валленштейнъ неожиданно переходитъ отъ словъ къ дѣлу и рѣшаетъ, какъ говорится, сжечь свои корабли и открыто порвать съ императоромъ,—въ этомъ, въ значительной степени, виноваты внѣшнія обстоятельства. Холодный пріемъ, оказанный герцогинѣ при дворѣ, пріѣздъ Квестенберга, его вызывающій тонъ, желаніе правительства отнять у Валленштейна начальство надъ войскомъ, наконецъ сознаніе, что въ Вѣнѣ его *уже считаютъ измѣнникомъ*, хотя онъ еще не принялся открыто дѣйствовать, — все это окончательно укрѣпляетъ герцога въ намѣреніи вступить въ борьбу съ тѣми, кто, по его мнѣнію, не съумѣлъ оцѣнить его заслуги. Разъ вступивъ на этотъ путь, онъ уже не можетъ итти назадъ,—въ особенности съ той минуты, какъ то лицо, которое вело предварительные переговоры между нимъ и враждебнымъ лагеремъ, попадаетъ въ руки графа Галласа, и тайна этихъ сношеній съ непріятелемъ, въ значительной степени, раскрывается. Отнюдь не желая, конечно, одобрять или возвеличивать измѣну (всестороннее изслѣдованіе подлинной исторіи Валленштейна отнюдь не разсѣяло взведенныхъ на него въ свое время обвиненій, несмотря на попытки отдѣльныхъ ученыхъ, вродѣ Ферстера, реабилитировать его и доказать его невинность), Шиллеръ хотѣлъ все же оттѣнить тѣ обстоятельства, которыя какъ бы наталкивали Валленштейна на этотъ опасный, роковой путь. Съ другой стороны, когда измѣна герцога, вслѣдствіе ухода войскъ, на которыя онъ разсчитывалъ, оканчивается неудачно раньше чѣмъ успѣла получить какіе либо осязательные результаты, поэтъ, нѣсколько идеализируя историческаго Валленштейна, заставлаетъ насъ пожалѣть этого падшаго исполина, принужденнаго видѣть всѣ свои планы разбитыми, дѣлаетъ его предсмертныя минуты необыкновенно трогательными и потрясающими.

Рядомъ съ Валленштейномъ другія дѣйствующія лица, за немногими исключеніями, очень проигрываютъ. Октавіо и Максъ Пикколомини, во всякомъ случаѣ, принадлежатъ къ наиболѣе интереснымъ изъ этихъ лицъ. Хитроумный, тактичный дипломатъ, итальянецъ по происхожденію, Октавіо искусно обходитъ Валленштейна, дѣлается его приближеннымъ и безъ особаго труда располагаетъ въ свою пользу столь проницательнаго обыкновенно полководца, который на этотъ разъ оказывается отнюдь не дальновиднымъ и, несмотря на всѣ предостереженія, продолжаетъ слѣпо вѣрить Октавіо. Когда на послѣдняго возлагаютъ обязанность—слѣдить за герцогомъ и доносить обо всѣхъ его поступкахъ, куда слѣдуетъ, обѣщая ему за это княжескій титулъ и главное начальство надъ войсками, онъ, безъ особаго колебанія, беретъ на себя это щекотливое—чтобы не сказать больше—порученіе... Но подобно тому, какъ самого Валленштейна Шиллеръ надѣлилъ и отрицательными, и положительными свойствами, онъ не сдѣлалъ и изъ Октавіо мелодраматическаго героя, закоснѣлаго предателя или злодѣя. Объективность оцѣнокъ, съ теченіемъ времени усвоенная драматургомъ сказалась и въ этомъ случаѣ. Мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ томъ, что Октавіо искренно преданъ императору и съ своей

особой точки зрѣнія считаетъ себя вполнѣ правымъ, когда берется за выслѣживаніе всѣхъ мѣропріятій герцога, обвиненнаго въ государственной измѣнѣ. Съ другой стороны, какъ частное лицо, какъ любящій отецъ, онъ, безусловно, внушаетъ симпатію. Разладъ между нимъ и Максомъ удручаетъ и мучитъ его; онъ много бы далъ, чтобы его сынъ былъ вполнѣ солидаренъ съ нимъ и не отдалялся отъ него! Когда же въ концѣ „Смерти Валленштейна" Октавіо остается совершенно одинокимъ, послѣ гибели Макса, мы невольно чувствуемъ къ нему состраданіе и готовы повѣрить тому, что при этихъ условіяхъ даже княжескій титулъ, когда то его привлекавшій, не можетъ радовать его...

Что касается Макса, очень понравившагося современной Шиллеру нѣмецкой публикѣ и критикѣ, то это опять—представитель обширной семьи энтузіастовъ и мечтателей, выступающихъ въ трагедіяхъ Шиллера, родной братъ Карла Моора, Фердинанда, Донъ-Карлоса, Позы. Онъ не привыкъ разсуждать и взвѣшивать свои поступки: онъ весь—огонь, весь — страсть, онъ не можетъ ничего дѣлать наполовину; увлекшись чѣмъ нибудь, онъ уже не помнитъ себя, готовъ на всевозможныя жертвы, находится въ состояніи какого то экстаза. Онъ идеализируетъ Валленштейна, въ которомъ видитъ только героя и геніальнаго человѣка, сначала не вѣритъ въ его измѣннические планы, потомъ, узнавъ всю правду, до послѣдней минуты все еще надѣется предостеречь его отъ ложнаго шага, примирить его съ дворомъ, пока, наконецъ, ему не приходится сдѣлать окончательно выборъ между чувствомъ и долгомъ службы. Полюбивъ Тэклу, онъ въ эту любовь вкладываетъ всю свою душу и говоритъ объ очаровавшей его дѣвушкѣ въ восторженныхъ, страстныхъ выраженіяхъ, напоминающихъ подобныя же пламенныя изліянія Донъ-Карлоса или Мортимера. Храбрый и неукротимый на войнѣ, Максъ (по исторіи—не сынъ, а племянникъ Октавіо), какъ истый мечтатель, грезитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о томъ времени, когда замолкнетъ шумъ оружія и благодатный миръ будетъ царить на землѣ. Это одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ и благородныхъ героевъ Шиллера, заставляющій даже суроваго Валленштейна смягчаться душою и отчасти завидовать его энтузіазму, мечтательности, неиспорченности, но, конечно, значительно идеализированный авторомъ,—если вспомнить ту грубую и жестокую эпоху, когда ему приходится дѣйствовать. Точно такъ же и маркизъ Поза не особенно напоминаетъ человѣка XVI столѣтія, современника Филиппа II, Альбы и Доминго!...

Объ остальныхъ лицахъ, окружающихъ Валленштейна, много говорить не приходится. Отто Гарнакъ высказалъ ту мысль, что среди нихъ нѣтъ особенно выдающихся людей,—и съ этимъ нельзя не согласиться. Это—тѣ же солдаты изъ „Лагеря Валленштейна"—только дослужившіеся до высшихъ степеней... Буттлеръ—суровый служака, грубоватый кондотьеръ, всю свою жизнь проводящій въ лагерѣ и на полѣ брани, чисто примитивная натура, человѣкъ, быстро переходящій отъ одной крайности къ другой, сперва, повидимому, беззавѣтно преданный герцогу, потомъ, послѣ непродолжительнаго разговора съ Октавіо, который убѣждаетъ его въ томъ, что Валленштейнъ старался ему вредить, превращающійся въ пламеннаго сторонника императора и хладнокровно дающій указанія убійцамъ своего благодѣтеля. Илло и Изолани,—вождь кроатовъ,—безпутные, необузданные люди, склонные къ кутежамъ и разгулу, прожигатели жизни и авантюристы, служащіе Валленштейну, потому что это для нихъ выгодно. Терцки—хитроумный, ловкій, но все же отнюдь не выдающійся по своимъ дарованіямъ дѣятель,—„мужъ своей жены", по выраженію Бультгаупта,—въ значительной степени, являющійся ея орудіемъ и руководимый ею.

Изъ женскихъ образовъ, фигурирующихъ въ „Пикколомини" и „Смерти Валленштейна", только графиня Терцки и Тэкла заслуживаютъ нашего вниманія (герцогиня фридландская—слишкомъ пассивная и безвольная личность, не играющая почти никакой роли въ той мрачной драмѣ, которою заканчивается бурная жизнь ея мужа). Графиня Терцки, которую Бультгауптъ сравниваетъ съ лэди Макбетъ,—одна изъ наиболѣе оригинальныхъ, сильныхъ духомъ и энергичныхъ героинь Шиллера. Можно не одобрять ея честолюбивыхъ плановъ, страсти къ интригамъ и хитроумной тактики, предпочитать ей такихъ героинь, какъ королева Елисавета изъ „Донъ-Карлоса", но нельзя все же не воздать должнаго ея уму и природнымъ дарованіямъ. Въ иныхъ случаяхъ она оказываетъ давленіе на самого Валленштейна, разжигаетъ его властолюбивые инстинкты, пробуждаетъ въ немъ бодрость и энергію, когда онъ начинаетъ колебаться или предаваться раздумью, на-

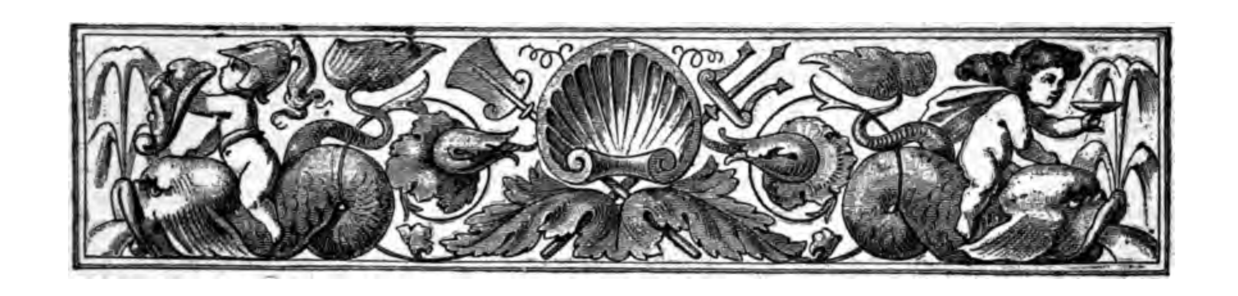
стаиваетъ на томъ, чтобы онъ поскорѣе принялся за дѣло. Когда же измѣна герцога, о которой она такъ мечтала, приводитъ къ самымъ печальнымъ результатамъ, гордая и самолюбивая графиня, не считающая возможнымъ играть жалкую, униженную роль при вѣнскомъ дворѣ, лишаетъ себя жизни, невольно поражая Октавіо своимъ хладнокровіемъ и гордымъ, сдержаннымъ тономъ своей предсмертной рѣчи.

Какъ Максъ является однимъ изъ многочисленныхъ мечтателей и идеалистовъ, выведенныхъ Шиллеромъ, такъ и Тэкла примыкаетъ къ той же категоріи чистыхъ душою, благородныхъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ Шиллера. Ея сестры по духу Амалія, Луиза, Елисавета изъ „Донъ-Карлоса", Іоанна Д'Аркъ. Ея любовь къ Максу носитъ идеальный, мечтательный характеръ. Тѣ сцены, гдѣ они оба выступаютъ, вводятъ мягкое, поэтическое и молодое въ общій сумрачный и тревожный тонъ двухъ послѣднихъ частей трилогіи. Но Тэкла не даромъ — дочь Валленштейна: ей передалась извѣстная доля его энергіи и выдержки, хотя и направленная въ другую сторону; за свою любовь она готова постоять, не терпя никакихъ стѣсненій и преградъ, рѣшившись воспротивиться даже отцу, если онъ захочетъ помѣшать ихъ счастью. Только въ одной сценѣ „Смерти Валленштейна" Тэкла производитъ не совсѣмъ то впечатлѣніе, какое, быть можетъ, имѣлъ въ виду Шиллеръ, — именно, когда она посылаетъ Макса, колебавшагося между долгомъ офицера и привязанностью къ Валленштейну и любимой дѣвушкѣ, на войну со шведами и соглашается временно разстаться съ нимъ, обнаруживая неожиданную разсудительность и благоразуміе, вмѣсто той горячей, страстной и неукротимой любви, которой мы бы ожидали отъ нея. Но, въ общемъ, дочь Валленштейна прелестное, поэтическое созданіе, безъ котораго двѣ послѣднихъ части трилогіи были бы не полны. Одинъ изъ біографовъ Шиллера, Боксбергеръ, назвалъ Тэклу — „Максомъ среди дѣвушекъ", намекая на внутреннее сродство ихъ натуръ. И дѣйствительно, дѣти враждующихъ между собою отцовъ, выступившіе на жизненную дорогу въ тревожные, сумрачные дни, они оба, быть можетъ, сами того не сознавая, являются глашатаями искренней, не поддѣльной любви, благороднаго идеализма, гуманнаго миролюбія, въ то время какъ тутъ же рядомъ звучитъ барабанный бой, слышится грубая солдатская рѣчь; процвѣтаютъ эгоистическіе инстинкты, — и конца не видать ожесточенной, безпощадной войнѣ, уносящей все новыхъ и новыхъ жертвъ *).

Юрій Веселовскій.

---

*) Разныя историческія подробности о дѣйствующихъ лицахъ трилогіи см. въ Словарѣ.



ПРОЛОГЪ.

Произнесенъ при возобновленіи и открытіи Веймарскаго театра, въ октябрѣ 1798 г.

Шутливой маски важная игра,
Къ которой мы и взоръ и слухъ и сердце
Такъ часто и охотно преклоняли,
Вновь въ этомъ залѣ насъ соединяетъ...
И вотъ—старинный залъ помолодѣлъ:
Его во храмъ искусство превратило.
И слышится намъ голосъ благозвучный
За благородной этой колоннадой.—
И вновь въ душѣ—торжественныя чувства.
А между тѣмъ не разъ помостъ старинный
Былъ колыбелью юношескихъ силъ
И поприщемъ возросшаго таланта,
Мы тѣ-же все, которые когда-то
Такъ ревностно предъ вами развивались.
На этомъ мѣстѣ пламенный художникъ
Переносилъ васъ творчествомъ своимъ
Въ обитель лучезарную искусства.
О, если-бы величье новой сцены
Достойнѣйшихъ въ среду насъ привлекло,
И столько лѣтъ лелѣянной надежды
Исполнилась завѣтная мечта!
Въ душѣ высокой образецъ высокій
Соревнованье долженъ пробудить
И творчеству дать высшіе законы.
Да будетъ-же возникшій вновь театръ
Свидѣтелемъ созрѣвшаго таланта!
И гдѣ же можно испытать такъ силы,
Помолодить маститый обликъ славы,
Какъ не предъ кругомъ зрителей избраннымъ?
На первый-же волшебный зовъ искусства,
Они летучей мыслію и чувствомъ
Уловятъ образъ мимолетный духа.

Да! скоро и безслѣдно передъ мыслью
Скользитъ искусство пламенное мима,
А образцы рѣзца и пѣсень поэта
Тысячелѣтья могутъ пережить.
Да! обаянье гибнетъ вмѣстѣ съ мимомъ
И замираетъ отдаленнымъ звукомъ,
И вѣковѣчной славой за собою—
Мгновенное созданье— не оставитъ.
Искусство мима строго, но потомство
Не для него сплететъ вѣнокъ лавровый.
Затѣмъ-то онъ скупится настоящимъ
И жадно каждымъ мигомъ дорожитъ,
Чтобъ имъ зажечь, въ сіяніи и блескѣ,
Сердца людей достойнѣйшихъ и лучшихъ,
Себѣ поставить памятникъ при жизни,
И слить безсмертье съ именемъ своимъ:
Кто лучшимъ современникамъ приноситъ
Благую пользу—не умретъ во вѣки.

Теперь, когда для Таліи настала
На этой сценѣ новая эпоха.
Становится смѣлѣе стихотворецъ:
Онъ покидаетъ проторенный путь—
И васъ, за тѣсный кругъ мѣщанской жизни,
Выводитъ на позорище иное,
Достойное великаго момента
Намъ современной и тревожной жизни,
Великаго потрясть основы міра
Могли одни великія событья.
Какъ тѣсный кругъ тѣснитъ мысль человѣка,
Такъ эта-жъ мысль растетъ съ высокой цѣлью.
Такъ и теперь, на самомъ склонѣ вѣка,
Когда вся жизнь—поэзія, когда
Кипитъ борьба межъ ярыми бойцами,
И все стремится къ неуклонной цѣли,

И подняты великіе вопросы
О власти самобытной и свободѣ—
Такъ и теперь, подъ сѣнію театра,
Искусство выше воспарить должно,
Не устыдясь житейской сцены всуе.
Мы видимъ—распадается во-прахъ
Та старая, устойчивая форма,
Что, полтораста лѣтъ тому, Европѣ
Принесъ миръ благодатный; форма та—
Безцѣнный плодъ войны тридцатилѣтней.
Но васъ опять фантазія поэта
Въ ту мрачную эпоху переноситъ—
И веселѣй глядѣть на наше время,
И свѣтитъ мнѣ надежды лучъ въ грядущемъ.

Война въ разгарѣ. Въ самый пылъ васъ вводитъ
Пѣвецъ. Шестнадцать лѣтъ опустошенья,
Разбои и невзгоды пронеслися;
Міръ все еще бурливой массой бродитъ,—
И не блеститъ надежды лучъ вдали:
Все царство обратилось въ поле битвы;
Всѣ города и села запустѣли;
Легъ грудой щебня Магдебургъ; торговля,
Промышленность—о нихъ нѣтъ и помину,
Вездѣ и все—солдатъ, а горожанинъ—
Ничто, и безнаказанная наглость
Надъ нравами безстыдно наругалась,
И шайки, одичалыя въ войнѣ,

Разбили станъ въ странѣ опустошенной.
На этомъ мрачномъ и кровавомъ полѣ
Выходитъ ярко горделивый образъ—
Съ неукротимымъ нравомъ человѣкъ.
Вы знаете творца отважныхъ шаекъ,
Кумира ихъ, бича страны, опору
Для цесаря, страшилище его
И перваго любимца—полководца.
Онъ счастья баловень, достигнулъ быстро
Всѣхъ почестей, но все стремился дальше—
И палъ безумной жертвой честолюбья.
Духъ партій, благосклонность и вражда,
Какъ историческій характеръ, намъ не ясно
Представили его; теперь искусство
Должно его приблизить къ вашимъ взорамъ—
И къ сердцу. Находя всему предѣлы
И связь, искусство все наружное опять
Приводитъ въ первый прирожденный образъ;
Оно слѣдитъ за человѣкомъ въ жизни
И многія вины его относитъ
Къ вліянію несчастливыхъ созвѣздій.

Не онъ сегодня появиться долженъ
На сценѣ. Но средь шаекъ удалыхъ,
Ему покорныхъ, имъ одушевленныхъ,
Предстанетъ передъ вами тѣнь его,
Покамѣстъ муза робкая рѣшится
Облечь его въ живую плоть и тѣло:
Затѣмъ, что власть ему прельстила сердце,
А лагерь будетъ только обличитель
Его высокомѣрнаго проступка.

Простите-же поэту, если онъ
Не поведетъ теперь васъ прямо къ цѣли,
А развернуть посмѣетъ передъ вами
Лишь рядъ картинъ великаго событья.
Пусть это представленіе успѣшно
Преклонитъ слухъ нашъ къ необычнымъ звукамъ.
Современемъ я скоро васъ опять
На дикую, воинственную сцену,
На мѣсто дѣйствій нашего героя
Перенесу.

Но если-бы сегодня
Богиня пѣнія и пляски, муза,
По старому германскому закону,
Потребовала риѳмы—ничего!
Благодаря ей, мрачный обликъ правды
Въ обители искусства озаренъ
И измѣнился, но подлогъ невинный
Исчезнетъ самъ собою, а сіянье
Горитъ затѣмъ, что не горѣть не можетъ.

Жизнь сумрачна, но свѣтъ искусства ясенъ.

ЛАГЕРЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА.

Дѣйствующія лица:

Вахмистръ } изъ карабинернаго полка Терцкаго.
Трубачъ } изъ карабинернаго полка Терцкаго.

Констабль.

Стрѣлки.

Два конные егеря Голька.

Драгуны Буттлера.

Пищальники изъ полка Тифенбаха.

Кирасиръ валонскаго полка.

Кирасиръ ломбардскаго полка.

Кроаты.

Уланы.

Рекрутъ.

Горожанинъ.

Крестьянинъ.

Парень, его сынъ.

Капуцинъ.

Учитель солдатской школы.

Маркитантка.

Служанка.

Солдатенки.

Гобоисты.

Дѣйствіе передъ городомъ Пильзеномъ, въ Богеміи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Маркитантская палатка и передъ ней мелочная и ветошная лавочки. У входа тѣснятся солдаты разныхъ мундировъ и знаменъ; всѣ столы заняты. Кроаты и уланы что-то варятъ на жаровнѣ. Маркитантка наливаетъ вино. Солдатенки играютъ въ кости на барабанѣ; въ палаткѣ слышны пѣсни.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЕГО СЫНЪ.

ПАРЕНЬ.

Батька, смотри— не случилось бы худа:
Видишь—ихъ сколько!--Уйдти бы отсюда.
Къ этимъ ходить неповадно и въ гости:
Какъ бы они не помяли намъ кости!

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Э, ничего! Не съѣдятъ. А солдату
Надо-жъ гульнуть на наемную плату.
Видишь-ли, все собрались новички—
Прямо съ Заалы, да съ Майны полки:
Чай понаграбили вдоволь, злодѣи!
Только бы дѣло повесть по-умнѣе,
Все будетъ наше. Парнюга смотри—
Съ этимъ народомъ хитри, да хитри!
Ротный—зарѣзали бѣднаго черти—
Пару костей подарилъ мнѣ при смерти:
Ну, ужъ и кости!—какъ хочешь ихъ кинь
Деньги бери со стола—и аминь!—
Знаешь, прикинуться, парень, намъ надо...
А ужъ какое солдатикъ нашъ чадо—
Дѣло извѣстное: только польсти—
И, какъ угодно, его оплети.
Пусть нашу брагу онъ цѣдитъ ковшами,
Всю перечерпаемъ ложками сами;
Пусть онъ и рубитъ, и колетъ съ плеча—
Хитрость крестьянину вмѣсто меча

(Въ палаткѣ пѣсни и хохотъ).

Экъ разшумѣлися!—видно въ охотку!
Если бъ попались—заткнулъ бы имъ глотку
Тѣшатся съ нашего все-же добра.
Не сбережешь ни кола, ни двора:
Какъ побываютъ любезные гости,
Въ цѣломъ селѣ не найдешь ни пера—
Хоть голодай, хоть гложи себѣ кости,
И при Саксонцѣ—нельзя не сказать—
Было не лучше,—а эти то псарни
Надо имперскими, вишь, величать.

ПАРЕНЬ.

Батька! вотъ двое идутъ изъ поварни:
Кажется, съ этихъ ужъ нечего взять?

КРЕСТЬЯНИНЪ.
Нечего! Это, голубчикъ, не нѣмцы,—
Просто и на просто, видишь,—богемцы,
Карабинеры у Терцкаго... Ой!
Вотъ—такъ на славу пришли на постой!
Вотъ—такъ ужъ сказано: дикіе звѣри
Сѣли—себѣ на теплѣ и квартерѣ,
Да ужъ и рюмка-то станетъ коломъ,
Ежели выпить пришлось съ мужикомъ.—
Къ чорту ихъ!... Сказано: всѣ однопольцы,
Стало-быть, всѣ—и стрѣлки, и тирольцы,
Вѣрно, хоть руку себѣ отрубить,
Эдакихъ намъ-бы добыть—да добыть:
Пташки веселыя, ну, и болтливы,—
Благо имъ много добра и поживы.
(*Входятъ въ палатку*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЕ, ВАХМИСТРЪ, ТРУБАЧЪ, УЛАНЪ.

ТРУБАЧЪ.
Что тебѣ, сволочь? Проваливай, что ль!
КРЕСТЬЯНИНЪ.
Воинъ честной, молвить слово дозволь.
Крошки не съѣлъ я—вотъ цѣлыя сутки.
ТРУБАЧЪ.
Да, вамъ-бы только что пичкать желудки.
УЛАНЪ (*со стаканомъ*).
Ну, коль не завтракалъ, вотъ тебѣ, песъ!
(*Ведетъ крестьянина въ палатку, прочіе выходятъ на авансцену*).
ВАХМИСТРЪ.
Слушай-ка, братецъ! такой тебѣ спросъ:
Думаешь какъ ты, что даромъ *двойное*
Выдали намъ харчи и хмельное?
ТРУБАЧЪ.
Выдадутъ даромъ! Не даромъ, когда
Ѣдетъ сама герцогиня сюда
Вмѣстѣ съ сіятельной дочкой...
ВАХМИСТРЪ.
Едва-ли!
Сказки-то эти мы сами слыхали:
Тутъ герцогиня твоя ни при чемъ.
Тутъ не ее, а вотъ пришлыя войски—
Надобно намъ приголубить по свойски -
Добрымъ глоткомъ, да хорошимъ кускомъ—
Чтобы не только остались друзьями,
А побраталися на-крѣпко съ нами.
ТРУБАЧЪ.
Да... Знать—идти на другія квартиры...
ВАХМИСТРЪ.
Все генералы вѣдь, все командиры..
ТРУБАЧЪ.
Да... Ну, опаснаго очень-то нѣтъ?
ВАХМИСТРЪ.
Нѣту: послалъ Богъ любовь и совѣтъ.

ТРУБАЧЪ.
Что же слетѣлись-то? Али для смѣны?
ВАХМИСТРЪ.
Шепчутся... Видно: въ чесоткѣ языкъ...
ТРУБАЧЪ.
Развѣ!
ВАХМИСТРЪ.
А этотъ-то старый изъ Вѣны?
Видно по волосу что за парикъ!
Коль на груди золотая цѣпочка,
Значитъ — не даромъ, голубчикъ!... и точка.
ТРУБАЧЪ.
Правда! охотиться всѣ норовятъ,
Вотъ и послали такую ищейку,
Что хоть и герцога выслѣдитъ, братъ!
ВАХМИСТРЪ.
Выслѣдитъ, если узнаетъ лазейку...
Намъ-то нѣтъ вѣры. Фридландецъ то имъ
Кажется только не чортомъ самимъ—
Выросъ—такъ видишь ли: дай опрокинемъ!
ТРУБАЧЪ.
Какъ же! А мы его нешто покинемъ?
Нешто не всѣ мы ему не рука?
ВАХМИСТРЪ.
Полкъ нашъ, и прочихъ четыре полка
Терцкій управитъ—онъ герцогу шуринъ,
Ну и полки—ни который не дуренъ;
Да и подъ каждымъ мундиромъ сердца
Бьются за герцога, что за отца:
Только-бы выбралъ, да далъ бы намъ ходу,—
Всѣ за него, и въ огонь мы, и въ воду!

ЯВЛЕНІЕ III.

КРОАТЪ *съ ожерельемъ, за нимъ* СТРѢЛОКЪ.

СТРѢЛОКЪ.
Гдѣ ожерелье подтибрилъ, кроатъ?
Вотъ-такъ находка! Послушай-ка, братъ,
Развѣ съ тобой помѣняться мнѣ, что ли?
Хочешь, возьми за него терцероли...
КРОАТЪ.
Нѣтъ, братъ, надуешь.
СТРѢЛОКЪ.
Хитри—ты, хитри!
Мало? такъ трону тебя я за струнку:
Вотъ—посмотри-ка колпакъ-то какой?
Синій дворянскій; достался въ фортунку.
КРОАТЪ (*играетъ ожерельемъ на солнцѣ*).
Ну, да и мой товаръ не простой—
Купимъ, такъ будемъ съ тобою богаты:
Это вѣдь жемчугъ, а это гранаты—
И настоящіе: видишь-ли—какъ
Блещутъ на солнцѣ?
СТРѢЛОКЪ (*беретъ ожерелье*).
Ты—просто дуракъ!
Вотъ тебѣ только ужъ такъ, для подарку,

Дамъ я, пожалуй, походную чарку...
(*Глядитъ на ожерелье*).
Такъ только—будто игра не дурна...
ТРУБАЧЪ.
Правда, что дѣло мое—сторона.
А надуваетъ, голубчикъ, кроата...
Чуръ—пополамъ, такъ, пожалуй, смолчу.
КРОАТЪ (*надѣлъ колпакъ*).
Точно: колпакъ твой съ дворянчика-хвата—
Я потому и купить-то хочу.
СТРѢЛОКЪ (*киваетъ трубачу*).
Стало-быть, мы помѣнялись съ тобою—
Будьте свидѣтели всѣ, господа!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ, КОНСТАБЛЬ.

КОНСТАБЛЬ (*подходитъ къ вахмистру*).

Какъ поживается карабинерамъ?
Долго-ли эдакимъ, братцы, манеромъ
Около печекъ-то-руки намъ грѣть?
Вѣдь непріятелю скучно сидѣть!
ВАХМИСТРЪ.
Скучно? Зудятъ у него, видно, ноги;
Только, голубчикъ, не сыщетъ дороги.
КОНСТАБЛЬ.
Мнѣ—такъ навѣрное бы не сыскать!
А вотъ на мѣстѣ пришлося узнать,
Что Регенсбургъ удалося имъ взять.
ТРУБАЧЪ.
Что-же, что взяли! Назадъ мы отнимемъ.
ВАХМИСТРЪ.
Да и съ баварцемъ умкомъ пораскинемъ,
Какъ онъ на князя ни злись. Ничего!

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНІЕ, ДВОЕ ЕГЕРЕЙ, *потомъ* МАРКИТАНТКА, СОЛТАТЕНКИ, ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ, СЛУЖАНКА.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.
Вотъ такъ компанія! Вотъ удалая!
ТРУБАЧЪ.
Что за плащи?... знать—не сволочь какая!
ВАХМИСТРЪ.
Гольковцы: слово ты молвилъ не зря—
Всѣ на подборъ, какъ одинъ, егеря.
МАРКИТАНТКА (*входитъ и приноситъ вино*).
Здравствуйте! Съ праздникомъ!
ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.
Вотъ-такъ находка:
Изъ Блазевица попалась красотка!
МАРКИТАНТКА.
Прямо оттуда... Здорово, мусье,
Петеръ въ двѣ сажени, изъ Ицейо!
Какъ ты, припомни-ка, чуть не сорочку
Пропилъ въ Глюштадтѣ, въ веселую ночку,
Съ нашимъ полкомъ?...
ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.
Видно, знаетъ сноровку—
Какъ на перо мы мѣняемъ винтовку?
МАРКИТАНТКА.
Охъ! вѣдь мы изъ-стари съ нимъ знакомы.
ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.
Вотъ и сошлися въ Богеміи мы.
МАРКИТАНТКА.
Точно въ Богеміи нонче сошлися,
Только вотъ завтра то гдѣ, шуринокъ,
Гдѣ-бы сойтися? Война, что потокъ:
Мчитъ тебя вдаль, и какъ знаешь, держися...
ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.
Вѣрю: понятно само по себѣ.
МАРКИТАНТКА.
Вѣришь?—Такъ слушай—скажу я тебѣ:
Отъ Темесвара пришла я съ обозомъ.
Тамъ мы травили Мансфельдера!... Да,
Такъ-то травили, что просто бѣда!
Ну, не повѣрила я и угрозамъ:
Вмѣстѣ съ Фридландцемъ и въ Штральзундъ пошла—
И обобрали голубку до тла.
Въ Мантуѣ вмѣстѣ съ резервомъ жила
И воротилася, съ Феріей рядомъ,
Вмѣстѣ съ помощнымъ испанскимъ отрядомъ.
Вотъ и пришла маркитантка я въ Гентъ,
А изъ него въ эти страны: быть можетъ,
Здѣсь получу за долги хоть процентъ,
Ежели добрый нашъ герцогъ поможетъ.
Вишь, маркитантскую ставку разбила...
ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.
Такъ-то все такъ! Что тужить о грошѣ!
Ты—вотъ мнѣ лучше скажи по душѣ—
Гдѣ твой шотландецъ?
МАРКИТАНТКА.
А ну его къ чорту!
Просто мошенникъ былъ перваго сорту.
СОЛДАТЕНОКЪ (*вбѣгаетъ въ припрыжку*).
Мама! да ты про кого такъ? Про тятю?
ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.
Ну, этихъ цесарь кормить не усталъ:
Войско ему годъ отъ года нужнѣе.
ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ (*входитъ*).
Эй, ребятишки, маршъ въ школу скорѣе!
ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.
Тоже вѣдь знаютъ, что тѣсенъ ихъ классъ.
СЛУЖАНКА (*входитъ*).
Тетушка, гости уходятъ.
МАРКИТАНТКА.
Сейчасъ.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Это какая—такая плутовка?

МАРКИТАНТКА.

Это—племянница.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Ай-да головка!
Будь я ей дядей!

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ *(удерживая дѣвушку)*.

Куда ты? Аль тутъ
Скучно?

СЛУЖАНКА.

Не скучно, да гости-то ждутъ.
(Вывернулась и ушла).

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Да!.. На охотника эта красотка!
Только-бъ поспорила прежде съ ней тетка...
Всѣ передрались въ полку за нее.
Ну, не такое-и было житье:
Нонѣче развѣ на прежде похоже?
Нонѣче развѣ, какъ прежде, все то же?
Право—не то: да и дни-то летятъ—
Хочешь лови, а поймаешь наврядъ!
(Вахмистру и трубачу).
Аль, на здоровье вамъ, вспрыснуть сердечко.
Только дадите-ль намъ, грѣшнымъ, мѣстечко?

ЯВЛЕНІЕ II.

ЕГЕРЯ, ВАХМИСТРЪ, ТРУБАЧЪ.

ВАХМИСТРЪ.

Милости просимъ! Садитесь сюда.

Ждали въ Богемію васъ, господа,
Мы ужъ давненько...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Да вамъ ничего!
Вы бы спросили: вотъ намъ каково?

ТРУБАЧЪ.

Вамъ то?.. Да щеголей эдакихъ мало!

ВАХМИСТРЪ.

Точно, что съ Мейссена, да и съ Заалы—
Вѣсти, покуда, худыя про васъ.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Полноте! Лучше послушайте насъ:
Мы передъ Богомъ и правы, и святы;
Если шалилъ кто, такъ развѣ кроаты.

ТРУБАЧЪ.

Ой! воротникъ-то у васъ въ кружевахъ,
Да и франтите вы въ знатныхъ штанахъ!
Ну и бѣлье, и перо на беретѣ—
Все это стоитъ вѣдь денегъ на свѣтѣ:
Буршъ будетъ радъ, коли такъ наряди,
А ужъ на насъ, горемыкъ, не гляди.

ВАХМИСТРЪ.

Тряпки-то! Бабамъ ихъ развѣ? А съ нами
Честь и почетъ, и фридландское знамя.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Что жъ ты фридландцемъ-то тычешь насъ
зря?
Будто-бы мы не его егеря!

ВАХМИСТРЪ.

Точно: и вы въ косякѣ замѣшались.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Мы-то?.. А вы-то что больно зазнались?
Разница только въ мундирахъ—такъ стой:
Въ свой я, пожалуй, уйду съ головой.

ВАХМИСТРЪ.

Вы, господинъ егерь, въ дѣло не вникли:
Вы къ деревенщинѣ только привыкли,—
Ну, а манеры хорошія, тонъ—
Ихъ надо видѣть въ персонѣ-персонъ,
То есть въ фельдмаршалѣ.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Экая штука!
Вотъ ужъ наука, скажу,—такъ наука;
Плюнетъ онъ, что-ли, аль высморкнетъ носъ,
Вы за нимъ тоже... Да вотъ вѣдь вопросъ:
Умъ-то его, глубину его взгляда
Вынесъ-ли кто за собой съ вахтпарада?

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Чортъ побери! Поспросили-бъ объ насъ,
Такъ и узнали-бы правду какъ-разъ—
Скажутъ всѣ въ голосъ вамъ: „*у самого-то*
Вотъ-такъ охотники, вотъ-такъ охота!"
Вражье-ли поле, аль нивы друзей—
Слышны повсюду рога егерей!
Мигъ—мы вотъ здѣсь, а другой—нѣтъ и
слѣду;
Дальше ищите, гдѣ трубятъ побѣду...
Какъ-бы сказать-то?... Да вотъ-какъ, точь
въ точь:
Пламя обхватитъ деревню въ полночь;
Спятъ сторожа; суматоха; задаромъ
Мечется сонный, испуганный людъ—
Гдѣ ему сладить съ лукавымъ пожаромъ!
Такъ-то и мы: жжемъ и тамъ, да и тутъ—
Пламенемъ вспыхнемъ, потопомъ нахлынемъ,
Сзади насъ нѣтъ ни кола, ни двора:
Все истребимъ, разоримъ, опрокинемъ,
А потому, что такая пора.
Дѣло военное—пахнетъ добычей.
Тутъ не до жалости, не до приличій:
Каждая дѣвушка—наша сестра,
Ну и братались... бывала пора!..
Не въ похвальбу... а вы то разумѣйте:
Если въ Вестфаліи, или въ Байрейтѣ,
Или въ Фойхтландѣ разспросите вы:
Знаете Гольковцевъ? Что? Каковы?
Лѣтъ черезъ триста—а меньше нисколько—
Можетъ, забудутъ про насъ и про Голька!

ВАХМИСТРЪ.

Вотъ—оно что! Вамъ бы въ рыло, да въ усъ,
Да на разводѣ прикрикнуть въ придачу,—
Вы ужъ того... разрѣшили задачу:
Можетъ солдатомъ быть даже хоть трусъ,
А что до смѣтки, приглядки, привѣсу—
Нѣтъ вамъ и дѣла!...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Да—ну тебя къ бѣсу!
Что ты поешь мнѣ! По-моему, братъ,
Всякая школа—прямая докука,
Воля—кормилица, мать и наука:
Ежели воленъ, такъ вотъ и солдатъ!
Нешто за тѣмъ я со школьной-то лавки
Къ вамъ убѣжалъ, чтобъ, какъ мальчикъ,
опять
Прѣть надъ указкой, читать и писать,
Въ душной коморкѣ, да въ каторжной давкѣ?
Нѣтъ, извините! Я воли хочу:
Я, на просторѣ, какъ вѣтеръ, лечу
Въ встрѣчу всего, что и свѣжо и ново,
Въ чемъ я заслышалъ законное слово!...
Продалъ я цесарю шкуру за тѣмъ,
Чтобъ не тревожиться мнѣ ужъ ничѣмъ,
Ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Скажетъ
Старшій мнѣ слово—истлѣю въ огнѣ,
Кинуся въ бродъ, хоть бы въ Рейнъ по
веснѣ;
Тамъ, гдѣ не трое, такъ третій ужъ ляжетъ.
Словомъ: и бровью наврядъ шевельну.—
Ну, а конецъ,—не взыщите: гульну!

ВАХМИСТРЪ.

Ну, если только и надобно вамъ,
Милости просимъ подъ крылышко къ намъ.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

живодерство-то видѣли тоже
›и Густавѣ, при шведѣ... Ахъ, Боже!
стынь свой станъ обратилъ—почитай:
рвой зарею—вставай и читай;
гляешь—сейчасъ и нагрянетъ,—
ячи читать поученіе станетъ.

ВАХМИСТРЪ.

›язненный былъ молодецъ!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

ка въ лагерѣ—истое чудо,
анилъ, такъ веди подъ вѣнецъ...
я: плохо!... и драла оттуда!

ВАХМИСТРЪ.

: тамъ иначе все, говорятъ?

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

и махнулъ я къ лигистамъ-то братъ!
›-что—только подъ Магдебургъ сбились,
ужъ иная статья подошла,
утили мы, повеселились:
, да играешь—была не была!
аглядныхъ-то—цѣлое стадо...
жилося—убей меня Богъ!
смекалъ, какъ командовать надо:
:о къ себѣ ужъ куда онъ былъ строгъ,
солдата съ нимъ льгота прямая...
› его сундуковъ не замай,
›го поговорка такая:
поживай, и другимъ жить давай!"
орвалося у насъ, ускользнуло
ее счастье, что рыба съ крючка!
ıаго Лейпцига намъ не рука,
ься—глядь: на рожонъ и наткнуло
ı покажешься, гдѣ ни стучишь—
о, братецъ, и подъ носъ-те шишъ!
сь мы, шлялись такъ съ мѣста на мѣсто,
ıамъ почета нигдѣ и никакъ...
орѣе съ такого насѣста
къ саксонцамъ—и деньги въ кулукъ.

ВАХМИСТРЪ.

разумѣется; васъ раздразнили
›й добычей.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Дери ихъ горой!
—пришли на казенный постой...
исциплиной въ конецъ заморили.
имперскіе, вишь, карауль,
›тдавай, снаряжайся въ патруль...
ойну, какъ на шутку, бывало,
шь... и сердце-то къ ней не лежало...
:ь: право, не лестно и бить—
ъ тутъ чести воинской добыть!
ь, пожалуй, безъ шума-огласки,
›лу свою, за перо и указки,
Мигомъ опять-бы вернулся... Да вотъ
Вашъ-то фридландецъ подъ знамя зоветъ...

ВАХМИСТРЪ.

Ну, и пробудете съ нами вы долго?

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Шутите, что-ли?.. Не знаю я долга?
Вотъ вамъ: покуда начальникомъ онъ,
Не убѣгу я изъ лагеря вонъ...
А потому, что вѣдь нашему брату
Негдѣ такую добыть себѣ плату.
Да и опять-же здѣсь пахнетъ войной;
Здѣсь у васъ все на широкій покрой;
Всѣ заодно; всѣ—что вихорь, да вьюга:
Рейтеръ послѣдній—и тотъ головой
Ляжетъ тотчасъ за товарища-друга...
Какъ-же, подумайте, къ вамъ не пристать?
Знаю, какой вы почтенный народецъ!
Знаю, что съ вами начну помыкать
Цѣлымъ мѣщанствомъ, какъ нашъ полководецъ
Герцогствомъ, или тамъ княжествомъ, что-ль?
Стало-быть, съ вами: что хочешь—изволь.
Лишь-бы палашъ-то побрякивалъ съ бока...
Правда: дождешься, пожалуй, попрека,
Да вѣдь за что-же?... Особая рѣчь:
Слову начальника ты не перечь;
Что-жъ не бывало въ полку запрещено,
Значитъ—дозволено... во время оно...
А ужъ про то и не спроситъ никто:
Вѣришь-ли ты? почему? и во что?
Служба гласитъ намъ простыми словами:
„Это вотъ—наше, а это вотъ—нѣтъ!
Вѣрь въ нихъ, да вѣрь въ полководца и въ знамя".

ВАХМИСТРЪ.

Ай, молодецъ, что ни слово привѣтъ:
Словно родился и росъ между нами.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Точно: онъ началъ приказывать вамъ
Не по имперскому, не по чинамъ...
Нешто онъ цесарю служитъ изъ службы?
Развѣ-что-развѣ, пожалуй, изъ дружбы...
И удружилъ-же! Смотри-ка, какой
Цѣлой державѣ сулитъ онъ покой!
Чѣмъ оградилъ ее? Чѣмъ успокоилъ?
Царство военное въ царствѣ устроилъ.
Жжетъ да громитъ, ну, и вся не долга,
Станетъ на верхъ, коль не дрогнетъ нога.

ТРУБАЧЪ.

Тише! Мы рѣчи такой не выносимъ.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Вы не выносите? Милости просимъ!
„Слово свободно!"—онъ самъ намъ сказалъ.

ВАХМИСТРЪ.

Точно, не разъ говорилъ генералъ:
„Слово свободно" и дѣлу закрѣпа:—

Дѣло безъ словъ; послушаніе слѣпо.
Такъ онъ говаривалъ намъ завсегда.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Онъ-ли, не *онъ*-ли, а точно—что: да!

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Да!... Къ нему счастье не станетъ спиною:
Онъ—не другой кто; иного покрою...
Тилли—вонъ пережилъ славу свою,
А за фридландцемъ и горя мнѣ мало.
Ежели онъ полководецъ мой, стало—
Будетъ побѣда—на томъ и стою.
Приколдовалъ къ себѣ счастье, сдается...
Кто у него подъ знаменами бьется,
Тотъ завороженъ, того сторожатъ
Темныя силы; вѣдь всѣ говорятъ,
Что полководецъ нашъ черта изъ ада
Нанялъ въ услуги и платитъ, что надо.

ВАХМИСТРЪ.

Не безъ грѣха тутъ, сдается и мнѣ:
Вотъ хоть подъ Люценомъ—жарко намъ
стало
Такъ, что ой-ой-же! А онъ-то въ огнѣ
Рыщетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало!
Пулями весь продырявленъ беретъ,
Сквозь сапоги у него и колетъ—
Видимъ мы—пули свистятъ то и дѣло,
И хоть одна-бъ ему кожу задѣла!
А отъ чего? Знаетъ чортову мазь.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Вотъ—такъ доподлинно дивная штука!
Чай, онъ лосинный колетъ не вчерась
Вздѣлъ на плеча? Прошиби его, ну-ка!

ВАХМИСТРЪ.

Нѣтъ, это мазь ужъ такая; она,
Слышь, изъ волшебной травы сварена.

ТРУБАЧЪ.

Не сдобровать ему!

ВАХМИСТРЪ.

Вотъ—вѣдь, болтаютъ,
Будто читаетъ онъ все по звѣздамъ,
Будто онѣ ему все открываютъ;
Все это сказки—провѣдалъ я самъ.
Дѣло-то вотъ оно въ чемъ, чтобъ вы знали:
По-ночи ходитъ къ нему старичокъ,
Даромъ, что дверь заперта на крючокъ...
И часовые не разъ окликали...
Вотъ—какъ прійдетъ этотъ сѣденькій—
быть
Важнымъ дѣламъ: замѣчали нарочно.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Закабалилъ себя чорту онъ, точно...
Ну, оттого намъ и весело жить.

— — —

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРЕЖНІЕ, НОВОБРАНЕЦЪ, ГОРОЖАНИНЪ, ДРАГУНЪ.

НОВОБРАНЕЦЪ *(выходитъ изъ палатки, на головѣ у него шишакъ, въ рукѣ фляжка).*

Батькѣ и дядямъ—поклонъ, и клянуся
Честью солдата—домой не вернуся!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Вонъ! притащили еще новичка!

ГОРОЖАНИНЪ.

Францъ! образумься—не поздно пока..

НОВОБРАНЕЦЪ *(поетъ).*

Бьютъ барабаны,
Трубы трубятъ;
Въ страны и страны
Борзые мчатъ...
Въ воду, въ огонь—
Вихремъ твой конь;
Острый мечъ съ бока;
Гладко—широко...
Зябликомъ пой
Въ шири лѣсной!
То-ли не доля;
То-ли не воля?
Лугъ и лѣса.—
И небеса!

Эхъ, поступлю подъ знамена къ фридландцу!

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Парень-то бравый! Мы будемъ свои!
(Кланяются ему).

ГОРОЖАНИНЪ.

Полно! Онъ, право, изъ честной семьи...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Что же? а мы—не чета новобранцу?
Нешто на улицѣ подняли насъ?

ГОРОЖАНИНЪ.

Есть у него кое-что про запасъ:
Вонъ балахонъ-то—притроньтеся разъ—
Что за сукно-то—ужъ, стало, есть сред-
ства...

ТРУБАЧЪ.

Ежели цесарь кафтанъ дастъ, ну, да—
Это вотъ честь!

ГОРОЖАНИНЪ.

Вѣдь ему, господа,
Шляпная фабрика будетъ въ наслѣдство.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Деньги безъ воли—да чортъ-ли мнѣ въ
томъ?

ГОРОЖАНИНЪ.

Да мелочную отъ бабушки лавку
Прійметъ онъ...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Фуй! торговать-то тряпьемъ!

ГОРОЖАНИНЪ.
да отъ крестнаго—вонъ, на прибавку,
'ребъ достанется знатный такой,
іекъ десятокъ-другой наберется.

ТРУБАЧЪ.
-же? Съ друзьями не то разопьется!

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ (*новобранцу*).
ышь! Мы съ тобою въ палаткѣ одной.

ГОРОЖАНИНЪ.
безъ него вѣдь невѣстѣ болѣзно;
ачетъ бѣдняжка всѣ дни напролетъ...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.
-жъ?—молодецъ! Значитъ—сердце желѣзно.

ГОРОЖАНИНЪ.
а какъ бабушка съ горя умретъ?

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.
Богомъ! Скорѣе наслѣдство получитъ!

ВАХМИСТРЪ (*важно подходитъ къ новобранцу и кладетъ ему на шишакъ руку*).
'шай! Вотъ ты на дорогу попалъ,
сто другимъ человѣкомъ ты сталъ:
ка и перевязь сразу научитъ,
ъ межъ достойныхъ товарищей жить...
жен ты храбрость въ душѣ пробудить...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.
Главное: деньгами долженъ сорить.

ВАХМИСТРЪ.
На кораблѣ у фортуны вы вновѣ,
А ужъ поднять паруса наготовѣ;
Какъ на ладони весь міръ предъ тобой:
Будь только смѣлымъ—и всюду удача.
Что мѣщанинъ съ его глупой башкой?
Словно въ красильнѣ лѣнивая кляча,
Ходитъ въ кругу на веревкѣ бѣднякъ...
Ну, а солдату живется не такъ:
Онъ можетъ всѣмъ быть, за тѣмъ—что на свѣтѣ
Въ дѣлѣ—война, и она же въ отвѣтѣ.
Вотъ погляди на меня: вотъ кафтанъ
Съ посохомъ вмѣстѣ мнѣ цесаремъ данъ.
А почему? По такому, вишь, толку:
Посохъ—управа всемірному полку;
Скипетромъ держится наша земля—
Что-же онъ?—посохъ въ рукѣ короля;
Это ужъ вѣдаютъ даже ребята...
Если-жъ капраломъ ты сталъ изъ солдата,
Тутъ ужъ рукою тебя не достать,
Тутъ нипочемъ, ни граница, ни мѣра...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Если умѣешь читать и писать.

ВАХМИСТРЪ.

Вотъ, разскажу я тебѣ для примѣра,—
Это я пережилъ самъ на вѣку.
Видишь-ли, шефъ есть въ драгунскомъ полку,
Буттлеръ... Ну, съ нимъ постояли довольно
Мы рядовыми на Рейнѣ, у Кельна..
Лѣтъ этакъ съ тридцать прошло съ этихъ поръ..
Что-же? Вѣдь онъ—генералъ ужъ майоръ!
Все отъ того: отличился съ оглаской,
По свѣту славу умѣлъ протрубить...
Я не трубилъ,—такъ съ капральской указкой
Няньчусь... Да что тутъ далеко ходить!
Нашъ высокоповелительный самъ-отъ:
Что у него и титуловъ и грамотъ!
Есть-ли на комъ-нибудь эдакой чинъ!
Что-жъ онъ былъ прежде? да такъ—дворянинъ...
Ну, а къ войнѣ прилѣпился душою,—
Экую добылъ и славу, и честь:
Сдѣлался цесарю правой рукою!
Да—еще то-ли съ нимъ будетъ!.. Богъ вѣсть!

(*Лукаво*).

Вечера утро всегда мудренѣе...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Да!—началъ малымъ, а кончилъ большимъ.
Помню его я студентомъ простымъ
Въ Альтдорфѣ: жилъ, какъ умѣлъ, веселѣе;
Вѣтреннымъ буршемъ былъ. Право—не лгу;
Разъ уходилъ было на-смерть слугу.
Вотъ господа нюренбергцы за это
Приговорили къ темницѣ его,
Просто—вотъ такъ, ни съ того, ни съ сего.
Ну, а гнѣздо то, какъ на смѣхъ, пригрѣто,
Не было пташкой еще ни одной:
Только что свили, и не было клички—
Назвали-бъ именемъ первой жилички.
Что-жъ молодецъ-то нашъ? Передъ собой
Пуделя въ двери пустилъ на забаву!
Такъ и зовется собачьей тюрьмой
До сихъ поръ... вотъ одурачилъ на славу!
Болѣе громкихъ и доблестныхъ дѣлъ
Эта мнѣ штука пришлася по нраву.

(*Въ это время входитъ служанка и начинаетъ прислуживать; второй егерь заигрываетъ съ нею*).

ДРАГУНЪ (*становится между ними*).

Полно, не трогай!

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

А ты что поспѣлъ?

ДРАГУНЪ.

Сказано толкомъ: дѣвчонки не трогай.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Хочетъ одинъ прогуляться дорогой—
Прочіе въ сторону! Что ты? Проснись!

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Хочетъ особо мѣсить толоконце?
Въ лагерѣ нашемъ, красотка, кажись,
Всѣхъ достоянье, какъ красное солнце.

(*Цѣлуетъ дѣвушку*).

ДРАГУНЪ (*вырываетъ ее у него изъ рукъ*).

Слушай, пока до грѣха, не замай!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Тише вы! Экой народъ сумасбродный!
Праговцы идутъ...

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ (*драгуну*).

Ты драться? Давай!

ВАХМИСТРЪ.

Полно же вамъ! Поцѣлуи свободны!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Входятъ РУДОКОПЫ *и начинаютъ наигрывать вальсъ, сначала медленно, потомъ быстрѣе и быстрѣе;* ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ *пляшетъ съ* СЛУЖАНКОЙ; МАРКИТАНТКА *съ* НОВОБРАНЦЕМЪ. *Служанка отскакиваетъ въ сторону, егерь гонится за ней и ловитъ только-что вошедшаго* КАПУЦИНА.

КАПУЦИНЪ.

Гэй—вы! раз-гэй вы! Ну, какъ васъ—и какъ?..
Сразу попалъ я на пиръ и въ просакъ!..
Это ли воинство, свита Христова?
Или мы турки, иль сново-здорово
Анабаптисты? Безъ рукъ и безъ ногъ,
Видно хирагрою мучится Богъ,
Что не сразитъ онъ васъ громомъ небеснымъ,
Шутите что ли вы днемъ-то воскреснымъ?
Развѣ теперь вамъ пора
Пить-пировать отъ утра до утра!
Quid hic statis otiosi?
Что вы сложили и руцѣ и нози?
Ужъ подъ Дунаемъ былъ трахъ-тарарахъ,
Пали окопы Баваріи въ прахъ;
Регенсбургъ также во вражьихъ клещахъ,
А вы—въ Богеміи... близко отъ дѣла!..
Что же, утроба зато потолстѣла!
Не о войнѣ вѣдь здѣсь рѣчь—о винѣ:
Лучше точить себѣ зубы—не сабли;
Лучше дѣвчонокъ захватывать въ грабли!
Что Оксенштирнъ вамъ?—бычачій-то лобъ!
Лучше, коль цѣлую тушу загребъ!...

Всѣ христіане, во вретищѣ, въ пеплѣ,
Еле отъ слезъ пролитыхъ не ослѣпли,
А у солдата карманы полны.
Въ небѣ явленія, знаменья, дива;
Въ облацѣхъ ризой кровавой войны
Богъ потрясаетъ надъ міромъ правдиво,
И съ многозвѣздной выси голубой,
Людямъ кометой грозитъ что лозой.
Свѣтъ обратился въ юдолю печали,
Церкви ковчегъ утопаетъ въ крови.
Римской *имперіей* прежде мы звали—
Римской *остеріей* нынче зови,
Рейнскія *волны* погибели *полны*,
Монастыри всѣ теперь—*прямыя пустыри:*
Всѣ-то аббатства и пустыни нынѣ
Стали не братства—*пустыни*:
Каждый маститый епископства *склепъ*.
Преобразился въ позорный *вертепъ*
И представляетъ весь *край* благодатный,—
Край безобразія... Все отъ чего?
Все отъ того, что вы грѣшны, развратны.
Не признаете святымъ ничего,
Идолочтеніе—вотъ ваша вѣра
Отъ рядового и до офицера,
Грѣхъ вѣдь магнитъ неотклонный, и вотъ
Въ нашу страну онъ желѣзо влечетъ.
А за неправдой жди кару да муку,
Словно слезы послѣ горькаго луку,
Послѣ *онъ* слѣдуетъ тотчасъ *покой*:
Въ азбукѣ нашей порядокъ такой.
Ubi erit vicroriae spes
Si offenditur Deus? Какая побѣда,
Если лукавый смущаетъ васъ бѣсъ,
Если вы пьяны еще до обѣда,
Если вамъ проповѣдь—скука одна?
Правда, что во-время оно жена
Нѣкая лепту свою отыскала;
Вотъ и Саулъ заблудился сначала,
Да отыскалъ-же ослицъ онъ отцу,
Братьевъ Іосифъ нашелъ-же къ концу,
Все это правда: но кто у солдата
Будетъ искать Божій страхъ и почетъ,
Скромность и стыдъ, тотъ не много найдетъ,
Если хоть сто фонарей онъ зажжетъ.
Такъ-то въ пустыню пророка когда-то
Нѣсколько воиновъ слушать сошлось:
Каясь крестились, во имя закона,
И вопрошали: Quid faciemus nos?
Какъ намъ достичь Авраамова лона?
Et eit illis, я сталъ имъ вѣщать:
Neminem concutiatis—
Не живодерничать и не терзать,
Neque calumniam faciatis—
Не клеветать никогда и не лгать;
Contenti estote—а будьте вы рады,
Stipendiis vestris—коль дали оклады...
Будь въ васъ привычка ко злу проклята.
Слышали заповѣдь: Имени Бога
Всуе твои не глаголятъ уста?
Ну, разсудите вы: гдѣ же такъ много
Божатся и проклинаютъ подчасъ,
Какъ на фридландскихъ постояхъ у васъ?
Еслибъ за каждаго клятвою вашей—
Только ее изрыгнете вы зря—
Въ колоколъ бить, скоро-бъ въ области нашей
Ни одного не нашлось звонаря;
Если-жъ бы съ каждой молитвы лукавой,
Сродной нечистому лишь языку,
Брать изъ хохла у васъ по волоску,—
За ночь бы вы оплѣшивѣли,—право!—
Будь вашъ загривокъ такой же густой,
Какъ у Давидова Авессалома.
У Іисуса Навина съ войной
Тоже была вѣдь десница знакома.
И Голіаѳа низвергнулъ Давидъ:
Кто же про нихъ, какъ про васъ, говоритъ?
Гдѣ про нихъ писано слово: ругатель?
То-то не очень то глотку дери,
Чаще молися: помилуй, Создатель!
Нежели вскрикивай: чортъ побери!
Но у кого ужъ сосудъ въ недоглядѣ
И переполненъ—всегда потечетъ...
Заповѣдь есть и еще: „Не укради!“
Этой вы держитесь—честный народъ!—
Явно утащите что ни попало...
Да, для такихъ ястребиныхъ когтей
И для крючковъ никогда не бывало,
Да и не будетъ надежныхъ ларей:
Вы и въ коровѣ теленка найдете;
Курицу вмѣстѣ съ яичкомъ въ мѣшокъ...
Что говорятъ вамъ? *Contenti estote*,
Сирѣчь: „вотъ ѣшьте артельный кусокъ“.
Впрочемъ, въ какомъ-же тутъ слуги разсчетѣ,
Ежели сверху—соблазнъ и порокъ?
Ажъ голова для такого народца!
Онъ ни во что и не вѣруетъ, чай?

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Отче! солдатъ ты, пожалуй, ругай,
Но не моги оскорблять полководца.

КАПУЦИНЪ.

Ne custodias gregem meam?
Это—Ахавъ; или Іеровоамъ!
Правую вѣру съ лица земли сгонитъ,
Къ идоламъ сердце народа преклонитъ!

ТРУБАЧЪ И НОВОБРАНЕЦЪ.

Не говори ты еще такъ при насъ!

КАПУЦИНЪ.

Вотъ шпагоѣдъ-то, ужъ—вотъ Бармарбасъ
Хочетъ всѣ замки разрушить заразъ,
Хвалится нагло въ безбожной гордынѣ,

Что овладѣетъ штральзундской твердыней—
Съ неба держись она сотней цѣпей.

ТРУБАЧЪ.

Глотки никто не заткнетъ ему вѣрно?

КАПУЦИНЪ.

Эдакой онъ заклинатель чертей,
Хуже Іэгуа и Олоферна!
Вздумалъ отречься, исчадье грѣха,—
Вотъ ему страшенъ и крикъ пѣтуха.

ОБА ЕГЕРЯ.

Ну, берегись: не спасетъ власяница!

КАПУЦИНЪ.

Вотъ ужъ лукавый-то Иродъ—лисица!

ТРУБАЧЪ И ОБА ЕГЕРЯ *(бросаются къ нему)*.

Эй, замолчи ты! Иль чешется лобъ?

КРОАТЫ *(загораживаютъ капуцина)*.

Батюшка, полно, не трусь: разскажи-ка
Лучше намъ притчу какую, аль чтобъ?

КАПУЦИНЪ *(кричитъ громче *)*.

Вотъ Вавилона надменный владыка!
Вотъ прародитель всѣхъ золъ, еретикъ!
И Валленштейномъ вѣдь зваться привыкъ:
Я, дескать, камень,—какой вамъ опоры?
Подлинно камень соблазна и ссоры!
Донде-же войско въ когтяхъ сатаны,
Мира не будетъ для цѣлой страны.

(При послѣднихъ словахъ, произнесенныхъ громкимъ голосомъ, капуцинъ начинаетъ понемногу отступать. Кроаты охраняютъ его отъ остальныхъ солдатъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ПРЕЖНІЕ, *кромѣ* КАПУЦИНА.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ *(вахмистру)*.

Что за нелѣпость про крикъ пѣтушиный
И полководца несла эта дрянь?
Такъ что-ли брякнулъ, въ насмѣшку и брань?

ВАХМИСТРЪ.

Нѣтъ! онъ сказалъ не совсѣмъ безъ причины.
Нашъ полководецъ рожденъ мудрено—
Ухо его черезчуръ щекотливо;
Кошки мяуканье, а особливо
Крикъ пѣтуха для него—все равно—
Ножъ.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

У него это общее съ львами.

*) Вся рѣчь капуцина исполнена у Шиллера едва ли переводимою игрою словъ, а переводъ заключительныхъ строкъ рѣшительно не возможенъ, по крайней мѣрѣ для меня, *Л. Мей.* (См. въ примѣчаніяхъ ко II т. *С. В.*)

ВАХМИСТРЪ.

Вкругъ его ставки не пикни никто,
И часовые ужъ знаютъ про то.
Правда, что занятъ такими дѣлами...

ГОЛОСА *(въ палаткѣ, гдѣ суматоха)*.

Такъ его, шельму!—скрути его!—бей!

ГОЛОСЪ КРЕСТЬЯНИНА.

Ай, помогите! уходятъ до смерти!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Полно вамъ, смирно!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Колотятъ, ей-ей!

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Какъ, безъ меня-то?

(Оба бѣгутъ въ палатку).

МАРКИТАНТКА *(выходитъ изъ палатки)*.

Бездѣльники! черти!

ТРУБАЧЪ.

Что вы, хозяйка, въ такихъ попыхахъ?

МАРКИТАНТКА.

Воры! бродяги! безстыднымъ манеромъ,
Смѣть плутовать у меня на глазахъ,
Что я скажу господамъ офицерамъ?

ВАХМИСТРЪ.

Что тамъ, сестрица?

МАРКИТАНТКА.

А то, господа:
Шельма-крестьянинъ забрался къ намъ въ гости,
Вздумалъ поддѣть на фальшивыя кости!

ТРУБАЧЪ.

Вонъ, его тащатъ съ сынишкой сюда.

ЯВЛЕНІЕ X.

СОЛДАТЫ *(волочатъ по землѣ крестьянина)*.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Этому петля.

СТРѢЛКИ И ДРАГУНЫ.

Къ профосу! къ профосу

ВАХМИСТРЪ.

Да, и приказъ есть на это.

МАРКИТАНТКА.

А тотъ
Мигомъ повѣситъ его, безъ допросу!

ВАХМИСТРЪ.

Подлинно: худо къ добру не ведетъ.

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬЩИКЪ *(другому)*.

Это съ отчаянья онъ и съ недоли.
Видишь: ихъ прежде въ конецъ разорятъ—
Ну, къ воровству и пріучатъ.

ТРУБАЧЪ.

Что, братъ?
Ты за него заступаешься, что-ли?
Чортъ-ли во псѣ?

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Да возьмите въ домекъ:
Хоть и крестьянинъ, а все человѣкъ!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ *(трубачу)*.

Полно, оставь ихъ! Изъ Брига невѣжи;
Все гарнизонные; смотришь—портнымъ
Или башмачникамъ сваты—такъ гдѣ-же
Знать и обычай военный такимъ?

ЯВЛЕНІЕ XI.

Прежніе. Кирасиры.

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Смирно! Зачѣмъ здѣсь крестьянское рыло?

ПЕРВЫЙ СТРѢЛОКЪ.

Шельма!.. въ игрѣ плутовать захотѣлъ?

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Что-жъ, не тебя-ль и поддѣлъ-то онъ-было?

ПЕРВЫЙ СТРѢЛОКЪ.

Да вѣдь и какъ еще ловко поддѣлъ!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Что?.. Ты фридландскій солдатъ,—и не стыдно,
И не зазорно тебѣ, не обидно
Счастья съ крестьянскою швалью пытать?
(Крестьянину).
Эй! удирай, чтобы пятки сверкали!
(Крестьянинъ убѣгаетъ; прочіе садятся въ кружокъ).

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Сразу покончилъ—его-ли видали:
Этотъ молодчикъ и намъ бы подъ стать...
Кто онъ такой? Не богемецъ?

МАРКИТАНТКА.

Валлонецъ.
Этому низкій да низкій поклонецъ:
Онъ паппенгеймскій былъ кирасиръ!

ПЕРВЫЙ ДРАГУНЪ *(вмѣшивается въ разговоръ)*.

Да... Молодой Пикколомини ими
Нынче начальствуетъ: какъ командиръ,
Былъ онъ подъ Люценомъ ими самими
Выбранъ, когда Паппенгеймъ былъ убитъ.

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Видно, что очень ихъ полкъ знаменитъ.

ПЕРВЫЙ ДРАГУНЪ.

И не задаромъ: дерутся чертовски,
Всѣхъ впереди они въ каждомъ бою;
Ну, и управу имѣютъ свою,
Да и Фридландецъ ихъ любитъ отцовски.

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ *(второму)*.

Вѣрно-ли это? Кто вѣсти принесъ?

ВТОРОЙ КИРАСИРЪ.

Самъ я сейчасъ отъ полковника слышалъ.

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Катъ подери ихъ! Да нешто я песъ?

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Что у нихъ тамъ? Али споръ такой вышелъ?

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Нѣтъ ли чего, господа, и до насъ?

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Да въ Нидерланды идти есть приказъ...
Врядъ-ли утѣшатъ кого эти вѣсти!
(Солдаты подходятъ къ нему).
Съ конныхъ стрѣлковъ, съ кирасиръ, съ егерей
Выставить восемь, что-ль, тысячъ людей...

МАРКИТАНТКА.

Вотъ тебѣ разъ! Не сидится на мѣстѣ...
Только вчера я изъ Фландріи—на!

ВТОРОЙ КИРАСИРЪ *(драгунамъ)*.

Буттлерцы! съ нами и вы въ стремена!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Пуще всего имъ—валлонцевъ въ разгоны.

МАРКИТАНТКА.

Что ни-на-лучшіе все эскадроны!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Что-же? вѣдь служба должна быть слѣпа:
Намъ провожать приказали миланца.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Какъ такъ? Инфанта? забавно!..

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Попа?—
Лопни самъ чортъ!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Мы оставимъ Фридландца,
И распрощаемся съ нашимъ отцомъ?
Въ поле съ кощеемъ-испанцемъ мы выйдемъ,
Съ тѣмъ, что издавна душой ненавидимъ?
Нѣтъ!.. Подождутъ: мы—налѣво кругомъ.

ТРУБАЧЪ.

Чорта-ль тамъ дѣлать? Мы продали кровь
Цесарю,—но ужъ не въ шапкѣ испанца.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Мы изъ довѣрія къ слову Фридландца
Въ рейтары шли, и когда-бъ не любовь
Наша къ Фридландцу, конечно-бъ подъ знамя
Насъ Фердинандъ не собралъ никогда.

ПЕРВЫЙ ДРАГУНЪ.

Насъ вѣдь Фридландецъ сбиралъ—такъ надъ нами
Пусть и сіяетъ Фридландца звѣзда!

ВАХМИСТРЪ.

Слѣдуетъ прежде подумать: словами

Дѣла не двинешь впередъ, господа!
Вѣрьте,—я вижу васъ далѣе вдвое:
Кроется въ этомъ походѣ дурное.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Слушай приказа, и смирно, народъ!

ВАХМИСТРЪ.

Ну-ка, сестрица Густэль! Напередъ
Чарку мельнеккерца мнѣ, для желудка,
Да и за рѣчи...

МАРКИТАНТКА *(наливаетъ вино).*

Вотъ вамъ, господинъ
Вахмистръ!... Ахъ, Господи, страхъ-то одинъ!...
Видно—плохая сыграется шутка!...

ВАХМИСТРЪ.

Видите: точно что надо ступать
Каждый шагъ въ жизни весьма осторожно;
Но полководецъ насъ учитъ не ложно:
Главное—надо все дѣло понять.
Всѣ мы фридландскіе носимъ мундиры,
Намъ горожанинъ готовитъ квартиры,—
Долженъ похлебку варить для стола;
Долженъ крестьянинъ — во сколько ни стало-бъ—
Впрячь намъ въ обозъ и коня и вола,
Да еще какъ—безо всякихъ безъ жалобъ.
Что тутъ! Ефрейторъ, да семь молодцовъ,
Чуть появились—деревня и наша:
Всѣмъ и командуй! И каждый готовъ
Лучше на чорта взглянуть, воля ваша,
Чѣмъ на фридландскій нашъ желтый колетъ!
А отчего у нихъ смѣлости нѣтъ
Выгнать насъ вонъ—и съ руками пустыми?
Ихъ вѣдь гораздо насъ больше числомъ:
Машутъ дубьемъ, что и мы палашомъ,
Такъ отчего-жъ мы смѣемся надъ ними?
Вотъ что: сплошною стѣною идемъ!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Именно, именно! Въ этомъ вся сила!
Это Фридландецъ и самъ разгадалъ,
Вотъ—какъ для цесаря войско сбиралъ,
Лѣтъ тому девять... Они-то вѣдь, было,
Тысячъ двѣнадцать задумали сбить;
„Ихъ", говоритъ, „будетъ нечѣмъ кормить;
Вотъ шестьдесятъ тысячъ—дѣло иное:
Эти не будутъ со мной голодать!"
Съ тѣхъ поръ и началъ онъ насъ собирать.

ВАХМИСТРЪ.

Взять для примѣра, ну, что-бы такое?
Ну—хоть, положимъ: такой-то отсѣкъ
Правый мизинецъ мнѣ... Всѣ и рѣшили:
Только молъ палецъ отсѣкъ! А забыли,
Что онъ мнѣ руку испортилъ на-вѣкъ.
Все, что увѣчно, куда оно гоже?...
Да... Вотъ и восемь-то тысячъ коней,
Что отряжаютъ во Фландрію, тоже—
Только мизинецъ у арміи всей;
А отпусти ихъ, небойсь насъ убудетъ
Только что пятая часть? Какъ бы не такъ:
Все распадется! И всякій забудетъ
Страхъ и почтенье къ намъ: каждый батракъ
Гребень заломитъ, что твой пѣтушина,
Да еще въ Вѣну отпишетъ иной:
Мнѣ—молъ, давно, за прокормъ и постой,
Слѣдуетъ вотъ что, съ такого-то чина.
Ну, и начнемъ мы опять бѣдовать,
Все и пойдетъ, что подъ кручу колеса;
И полководца замыслятъ отнять:
Тамъ, при дворѣ, на него смотрятъ косо...
Тутъ и прійдетъ намъ погибель сама.
Кто намъ оклады отдастъ по разсчету?
Кто о контрактахъ приложитъ заботу?
И у кого изъ нихъ столько ума
И прозорливой воинской науки?
Столько значенья?... Чьи крѣпкія руки
Сплотятъ въ одно составные куски
Нашего войска—съ доски до доски?
Вотъ, я примѣръ приведу вамъ покуда...
Слушай, драгунъ: ты записанъ откуда?

ПЕРВЫЙ ДРАГУНЪ.

Изъ самодальней губерніи знать.

ВАХМИСТРЪ *(обоимъ кирасирамъ).*

Ты вѣдь—валлонецъ: узналъ мимоходомъ;
Ты—итальянецъ; по рѣчи слыхать.

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Кто я?... не знаю—откуда я родомъ.
Знаю, украденъ съ младенческихъ лѣтъ.

ВАХМИСТРЪ.

Чай, вѣдь, и ты не изъ-близка, поди-ка?

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Я изъ Бухау.

ВАХМИСТРЪ.

А вы-то, сосѣдъ?

ВТОРОЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Прямо изъ Швица.

ВАХМИСТРЪ *(второму егерю).*

Ну, егерь, скажи-ка:
Ты-то отколѣ забрелъ къ намъ въ полки?

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Да за Висмаромъ живутъ старики.

ВАХМИСТРЪ *(указывая на трубача).*

Этотъ и я—мы изъ Эгера оба.
Видите—вотъ оно что!—Ну, а кто-бы,
Глядя на всѣхъ насъ, ну, кто-бы такой
Могъ догадаться, что съ сѣвера, съ юга
Вѣтеръ насъ сдулъ и наснѣжила вьюга?
Будто-бы мы не изъ щепки одной?
Будто-бы вражьи встрѣчая колонны,
Мы не стоимъ, словно слиты-склеены,
Будто летучѣе мельничныхъ крылъ
Мы не стремимся одинъ за другова—
Съ перваго знака и съ перваго слова?

Кто-же насъ вмѣстѣ такъ крѣпко сплотилъ,
Что отличить насъ нельзя посемейно?
Все это дѣло его—Валленштейна!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Ну, признаюся, что мнѣ никогда
Не приходило въ голову даже,
Будто мы пригнаны такъ, господа!
Мнѣ-бы лишь воля, а жизнь все одна же...

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Вахмистра всѣ мы одобрить должны:
Дворскіе точно не любятъ войны,
Тотчасъ солдата унизить готовы;
Только-бы въ руки всю власть захватить...
Это—*ихъ* заговоръ, это—*ихъ* ковы!

МАРКИТАНТКА.

Заговоръ! Господи! Какъ-же мнѣ быть?
Вѣдь господа перестанутъ платить!

ВАХМИСТРЪ.

Да! Тутъ банкротства бываютъ не малы...
Многіе шефы у насъ, генералы
Войску платили изъ собственныхъ кассъ:
Сильно хотѣлось имъ стать на показъ—
И зарвались выше средствъ, поджидая,
Что ниспадетъ къ нимъ роса золотая.
Ну, а когда полководецъ упалъ—
Нечего дѣлать,—прости, капиталъ!

МАРКИТАНТКА.

Ахъ, мой Спаситель! На мнѣ какъ вериги!
Чуть не пол-войска записано въ книгѣ.
Графъ Изолани—ужъ вотъ господинъ!—
Двѣсти мнѣ талеровъ долженъ одинъ.

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Какъ-же, товарищи? надо рѣшиться!
Намъ остается спасенье одно:
Слѣдуетъ слиться въ такое звено,
Чтобъ побоялися къ намъ подступиться.
За *одного* поголовно стоимъ,
И—хоть приказами-бъ насъ завалили—
Мы здѣсь, въ Богеміи, корни пустили
И не идемъ никуда—не хотимъ,
А остаемся спокойно на мѣстѣ:
Нынче солдатъ вѣдь дерется изъ чести.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Мы не позволимъ собой помыкать:
Сунься-ка къ намъ—мы дадимъ себя знать!

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Эхъ, господа! Да поймите вы сразу:
Тутъ вѣдь кто?—цесарь!... Съ его же приказу.

ТРУБАЧЪ.

Очень намъ нужно!—пожалуй! скажи!

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Слышишь—языкъ за зубами держи!

ТРУБАЧЪ.

Какже! Сказалось—пускай и сказалось!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Да: вотъ и мнѣ это слышать случалось,
Что голова намъ Фридландецъ одинъ.

ВАХМИСТРЪ.

Точно! на немъ и урядъ весь и чинъ.
Знайте, что властенъ онъ безпрекословно—
Длить намъ войну, иль покончить любовно;
Властенъ имѣнія конфисковать;
Властенъ онъ вѣшать и властенъ прощать;
Можетъ въ полковники онъ рядового
Жаловать, если захочетъ какого:
Все это цесарь довѣрилъ ему.

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Герцогъ свѣтлѣйшій великъ по всему,
Но какъ и всѣ мы,—не самъ онъ собою—
Цесарскимъ долженъ почтенъ быть слугою.

ВАХМИСТРЪ.

Нѣтъ! не какъ всѣ мы! Ума не спросясь,
Сказано. Онъ—независимый, вольный,
Какъ и баварецъ, имперіи князь.
Былъ на часахъ я въ палатѣ престольной.
Слышалъ, какъ цесарь его убѣждалъ,
Чтобъ онъ берета предъ нимъ не снималъ.

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Въ тѣ-поры цесарь, мнѣ помнится это,
Мекленбургъ отдалъ Фридландцу, какъ есть.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ *(вахмистру)*.

Какъ, передъ нимъ не снимаетъ берета?
Вотъ ужъ такъ подлинно рѣдкая честь!

ВАХМИСТРЪ *(шаритъ въ карманѣ)*.

Ежели васъ не увѣришь словами,
Вотъ—поглядите, увѣрьтеся сами,
(показываетъ монету).
Чья здѣсь фигура и чья здѣсь печать?

МАРКИТАНТКА.

Ну! Валленштейна-то намъ не узнать!

ВАХМИСТРЪ.

Вотъ вамъ! Ну! что-жъ еще? Князь онъ, аль нѣту?
Али чеканить не можетъ монету,
Какъ Фердинандъ, да и всѣ короли?
Аль нѣтъ людей у него и земли?
Если свѣтлѣйшимъ Фридландца признали,
Стало—онъ можетъ солдатъ вербовать.

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Спору нѣтъ, точно: но—правду сказать
Насъ вѣдь въ цесарскія войски сбирали:
Цесарь за это и платитъ теперь.

ТРУБАЧЪ.

Цесарь-то нашъ и не платитъ, повѣрь!
Хочешь, присягу дадутъ всѣ солдаты?
На обѣщанья-то всѣ тароваты,
А на оклады-вотъ—туги куда!

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Не пропадетъ нашъ окладъ никогда:
Въ вѣрныхъ рукахъ онъ теперь...

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Господа,
Полно вамъ! Эдакъ дойдетъ и до ссоры...
Что за сомнѣнія, что тутъ за споры!
Цесарь властитель надъ нами, иль нѣтъ?
Именно въ томъ-то у насъ и совѣтъ,
Что, ратовавъ подъ его знаменами,
Намъ не пригоже пастися стадами,
И не пригоже ревѣть табуномъ
Подъ шутовскимъ, иль испанскимъ бичомъ!
Ну, вѣдь и цесарю прибыли мало...
Надо, чтобъ войско его поддержало,
Надо, чтобъ цесарь нашъ былъ потентатъ
Купною силою вѣрныхъ солдатъ.
Да и кому-жъ, коль не намъ, его слово
Ставить закономъ, во имя Христово?
Ужъ не яремникамъ робкимъ его,
И не ватагѣ льстецовъ безтолковыхъ,
Что съ нимъ пируетъ въ чертогахъ дворцовыхъ?
Что-же намъ цесарь даетъ? Ничего,
Кромѣ труда и заботы вседневной...
Вотъ и люби его тутъ задушевно!

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Даже и въ Римѣ тиранъ и злодѣй
Велъ себя въ этомъ гораздо умнѣй:
Мучили прочихъ они и казнили,
Но ужъ куда-какъ солдата честили.

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Такъ! И поэтому каждый солдатъ
Долженъ быть честенъ въ душѣ, благороденъ.
Или солдатомъ онъ быть не пригоденъ.
Ежели ставлю я жизнь на угадъ,

Долженъ же быть я другого достойнѣй
Въ чемъ нибудь,—или не битвой, а бойней
Станетъ борьба, и солдатъ, какъ кроатъ,
Шею подставитъ.

ОБА ЕГЕРЯ.

Честь жизни дороже!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Мечъ—не соха и не заступъ вѣдь тоже;
Глупъ, кто захочетъ имъ землю пахать:
Всходовъ зеленыхъ ему не видать...
Нѣтъ у солдата родимаго крова,
Нѣтъ у него своего очага,
Быстро его пробѣгаетъ нога
Мимо приманокъ жилья городского
И деревенскихъ зеленыхъ луговъ;
Нѣтъ для него винограднаго сбора...
Что-же, скажите, солдату опора,
Что-же онъ долженъ хранить и беречь?—
Честь! Надо собственность дать человѣку,—
Иначе станетъ онъ рѣзать и жечь.

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Плохо житье намъ!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

А лучше отъ вѣку
Не было людямъ. Помыкался я,
Понасмотрѣлся житья и бытья!
Всѣмъ послужилъ: и коронѣ испанской,
Ну и республикѣ Венеціанской,
Ну, и Неаполю... Что-жъ? какъ на зло,
Просто нигдѣ мнѣ, нигдѣ не везло!
Видѣлъ я рыцарей, знался съ купцами,
Съ мастеровыми,—подумайте сами,—
И ни одинъ мнѣ нарядъ не пришелъ
Такъ по душѣ, какъ вотъ этотъ камзолъ.

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Ни!... Не могу съ вами я согласиться.

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Ежели въ свѣтѣ кто хочетъ нажиться,
Долженъ работать и долженъ трудиться;
Кто за почетомъ сановнымъ пойдетъ,
Пусть себѣ спину предъ золотомъ гнетъ;
Кто съ юныхъ лѣтъ осѣненъ благодатью,
Благословенъ отъ родителей, радъ
Жить посреди и дѣтей, и внучатъ,—
Мирному пусть предастся занятью...
Все—это такъ, только мнѣ не рука:
Жилъ я на волѣ,—умру я на волѣ;
Грабить чужое, наслѣдовать, что ли—
Я не хочу, и за мною пока
Нѣту наслѣдства, опричь чепрака.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Браво! И самъ я такихъ-же вотъ правилъ.

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Правила просты: конемъ какъ управилъ,
Такъ и рыщи по чужимъ головамъ!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Нѣтъ! тяжелы времена, и мечамъ
Столько не вѣсить, какъ прежде... Конечно,
Не упрекнутъ меня, если сердечно—
Такъ сказать—я примѣнился къ мечу:
Значитъ, что быть человѣкомъ хочу
И не позволю себя оболванить,
Иль на спинѣ у себя барабанить.

ПЕРВЫЙ ПИЩАЛЬНИКЪ.

Ну, а кому, коль не всѣмъ намъ, укоръ,
Что горожаниномъ зваться—позоръ?
Шутка! Шестнадцатый годъ безъ одышки
Длится война, и рѣзня, и нужда!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Братецъ! — и Богъ — вонъ, съ лазоревой
вышки,
Разомъ всѣхъ просьбъ-то не выполнитъ. Да!
Проситъ одинъ, чтобы солнце свѣтило,
А для другого, вишь, больно свѣтло;
Этому надо, чтобъ сухо все было,
А вонъ тому, чтобъ побольше дождило;
Что для тебя на подъемъ тяжело,
То для меня, можетъ, кладь, а не ноша...
Спору нѣтъ: если коснется что гроша,
Иль горожанъ, или тамъ поселянъ,—
Жалко мнѣ будетъ за ихній карманъ,
Да пособить я не въ силахъ. Сравненье:
Вотъ началося, положимъ, сраженье...
Кони зафыркали—только держи,
Взвились—и кто на пути ни лежи—
Братъ-ли родимый твой, сынъ-ли любезный,
Какъ ни терзай тебя стонъ ихъ болѣзный,
Скачешь на нихъ, и нельзя своротить
Даже съ дороги...

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Куда тутъ!

ПЕРВЫЙ КИРАСИРЪ.

Бываетъ—
Счастье солдата порой приласкаетъ:
Кажется, какъ бы руками схватить,
Да и держать! Анъ схватилъ неудачу:
Вечеромъ—бой; къ ночи—миръ заключенъ,
Ну, и конецъ.—И разнуздывай клячу...
А у крестьянина конь запряженъ,
Значитъ, что старые будутъ порядки.
Но вѣдь покамѣстъ мы всѣ за-одно,
Не выпускаемъ изъ пальцевъ тетрадки
И другъ на друга пока безъ оглядки
Мы вѣдь не скачемъ... А то, не равно—
Съ хлѣбомъ мѣшокъ и повыше поднимутъ.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Ну, ужъ куска-то у насъ не отнимутъ:
Всѣ мы—одинъ человѣкъ.

ВТОРОЙ ЕГЕРЬ.

Рѣшено!

первый пищальникъ *(вынимая кожаный кошелекъ, маркитанткѣ).*
Сколько, кума?

маркитантка.

Ахъ, не стоитъ и счета!
(Считаются).

трубачъ *(пищальникамъ).*

И хорошо, что пришла вамъ охота
Взяться за шапки: вы намъ не подъ стать.
(Пищальники уходятъ).

первый кирасиръ.

Жаль ихъ: ребята на что ужъ честнѣе!

первый егерь.

Честны, за то—мыловаровъ глупѣе.

второй егерь.

Благо свои все, пора-бъ столковать,
Какъ намъ разрушить-то замыселъ новый?

трубачъ.

Что-же? Какъ будто не всѣ мы готовы?

первый кирасиръ.

Отъ дисциплины, друзья, ни на пядь!
Каждый въ свой корпусъ иди, да толково
Дай сослуживцамъ разумный совѣтъ
И докажи имъ, отъ слова до слова,
Что разбрестися намъ порознь—не слѣдъ.
Я за валлонцевъ ручаюся смѣло:
Если мое—такъ и ихнее дѣло.

вахмистръ.

Терцки полки, на конѣ и пѣшкомъ,
Всѣ за-одно, и одна у нихъ доля.

второй кирасиръ *(становится рядомъ съ первымъ).*

Вотъ и ломбардецъ съ валлонцемъ рядкомъ.

первый егерь.

Воля для егеря—воздухъ.

второй егерь.

А воля
Слѣдомъ за силою ходитъ всегда:
Жизнь или смерть—при одномъ Валленштейнѣ!

первый стрѣлокъ.

Мы, лотарингцы, что волны на Рейнѣ,
Любимъ просторъ и стремимся туда,
Гдѣ намъ привольнѣе.

драгунъ.

Счастья звѣзда
Водитъ ирландца.

второй стрѣлокъ.

Тиролецъ отъ вѣку
Службу несетъ одному человѣку.

первый кирасиръ.

Ладно! Теперь по полкамъ отъ солдатъ
Взять *Pro Memoria:* пусть ихъ напишутъ,
Что расходиться они не хотятъ;
Что про походъ хоть и слышатъ—не слышатъ,
И не идутъ; что ни сила, ни лесть
Не пригрозитъ имъ, фридландскимъ ребятамъ,
Такъ какъ Фридландецъ отцомъ былъ солдатамъ...
А какъ напишется,—чинно отнесть
Все къ Пикколомини—вѣдомо—къ сыну:
Тотъ разберетъ всему дѣлу причину,
И у Фридландца все сдѣлаетъ онъ...
И при дворѣ-то куда какъ силенъ:
Жалуетъ цесарь его безпримѣрно...

второй егерь.

Кончено! Всѣ по рукамъ! —и ужъ вѣрно,
Что отстоитъ Пикколомини насъ.

трубачъ, драгуны, первый егерь, оба кирасира и стрѣлки *(вмѣстѣ).*

Пусть отстоитъ Пикколомини насъ.
(Хотятъ уйти).

вахмистръ.

Стой: по стакану!... Вѣдь насъ не убудетъ...
(Пьетъ).
За Пикколомини!

маркитантка *(приноситъ бутылку).*

Рада всегда!
Этой бутылки на биркѣ не будетъ;
Счастливо кончить дѣла, господа!

кирасиры.

Всѣ мы и всякій да здравствуетъ въ станѣ!

оба егеря.

И да прокормятъ нашъ станъ горожане!

драгуны и стрѣлки.

Да процвѣтаетъ веселіе въ войскѣ!

трубачъ и вахмистръ.

И да царитъ въ немъ Фридландецъ—геройски!

второй кирасиръ *(поетъ).*

Живѣе, друзья! На коня, на коня!
На поле! на волю честную!
На полѣ—на волѣ ждетъ доля меня,
И сердце подъ грудью я чую!
Мнѣ въ полѣ защитниковъ нѣтъ никого:
Одинъ я стою—за себя одного!
(На пѣсню изъ глубины сцены подходятъ нѣсколько солдатъ и составляютъ хоръ).

хоръ.

Мнѣ въ полѣ защитниковъ нѣтъ никого:
Одинъ я стою—за себя одного!

драгунъ.

Нѣтъ воли на свѣтѣ! Владыка казнитъ
Рабовъ безотвѣтно-послушныхъ.
Притворство, обманъ и коварство царитъ
Надъ сонмомъ людей малодушныхъ...
Кто смерти безтрепетно выдержитъ взглядъ—
Одинъ только воленъ... А кто онъ?—Солдатъ!

хоръ.

Кто смерти безтрепетно выдержитъ взглядъ—
Одинъ только воленъ... А кто онъ?—Солдатъ!

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Житейскія дрязги — съ души онъ долой, —
Нѣтъ страха ему и заботы;
Онъ смѣло судьбу вызываетъ на бой,
Не нынче, такъ завтра съ ней счеты.
А завтра — такъ что-же? Вѣдь чаша полна:
Сегодня-жъ ее мы осушимъ до дна!

ХОРЪ.

А завтра — такъ что-же? Вѣдь чаша полна:
Сегодня-жъ ее мы осушимъ до дна!
(Стаканы снова налиты, пѣвцы чокаются и пьютъ).

ВАХМИСТРЪ.

Солдату веселье хоть съ неба сошли,
А самъ онъ труда и не знаетъ!
Поденщикъ копаетъ утробу земли
И думаетъ — кладъ откопаетъ.
И заступомъ роетъ, всю жизнь удрученъ,
Покамѣстъ могилы не выроетъ онъ.

ХОРЪ.

И заступомъ роетъ, всю жизнь удрученъ,
Покамѣстъ могилы не выроетъ онъ.

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

И къ замку ѣздокъ подлетѣлъ на конѣ —
Нечаянный гость и нежданный:
А въ свадебномъ замокъ пылаетъ огнѣ, —
И въ замокъ онъ входитъ незванный...
Не долго онъ ждалъ, серебромъ не бренчалъ —
Съ налету награду любви онъ сорвалъ!

ХОРЪ.

Не долго онъ ждалъ, серебромъ не бренчалъ —
Съ налету награду любви онъ сорвалъ!

ВТОРОЙ КИРАСИРЪ.

Что плачетъ, красотка? Тоскуетъ по комъ?
Пусти! не собьешь вѣдь съ дороги:
Съ семейною кровлей солдатъ незнакомъ,
Не вѣдалъ сердечной тревоги...
Влечетъ его быстро судьба за собой,
И словъ онъ не знаетъ: *пріютъ и покой.*

ХОРЪ.

Влечетъ его быстро судьба за собой,
И словъ онъ не знаетъ: *пріютъ и покой.*

ПЕРВЫЙ ЕГЕРЬ.

Живѣй-же, друзья! Вороного сѣдлай:
Бой жаркую грудь расхолодитъ...
И юность, и жизнь такъ и бьетъ черезъ край:
Пей смѣло, пока еще бродитъ...
И жизни своей на игру не жалѣй:
Не выиграть иначе ставки, ей-ей!

ХОРЪ.

И жизни своей на игру не жалѣй:
Не выиграть иначе ставки, ей-ей!
(Занавѣсъ опускается при пѣніи хора).

Л. Мей.

ПИККОЛОМИНИ.
Въ 5-ти дѣйствіяхъ.

ПИККОЛОМИНИ.

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Дѣйствующія лица:

Валленштейнъ, герцогъ фридландскій, генералиссимусъ императорскихъ войскъ во время тридцатилѣтней войны.

Октавіо Пикколомини, генералъ-лейтенантъ.

Максъ Пикколомини, его сынъ, полковникъ кирасирскаго полка.

Графъ Терцки, зять Валленштейна, шефъ многихъ полковъ.

Илло, фельдмаршалъ.

Изолани, начальникъ кроатовъ.

Буттлеръ, шефъ драгунскаго полка.

Тифенбахъ, **Гецъ**, **Донъ-Марадасъ** — генералы Валленштейна.

Колалто, генералъ Валленштейна.

Нейманъ, ротмистръ, адъютантъ графа Терцки.

Квестенбергъ, членъ военнаго совѣта, послан… императоромъ.

Баптистъ Сени, астрологъ.

Герцогиня фридландская, супруга Валленштейна.

Тэкла, принцесса фридландская, ея дочь.

Графиня Терцки, сестра Валленштейна.

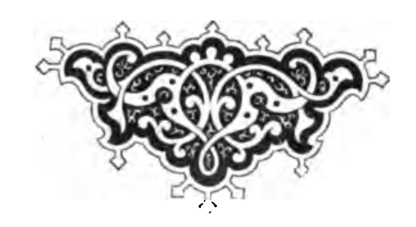
Корнетъ.

Кравчій графа Терцки.

Пажи и слуги Валленштейна.

Слуги и музыканты графа Терцки.

Полковники и генералы.



ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Старая готическая зала ратуши въ Пильзенѣ, украшенная знаменами и другими военными принадлежностями.

ЯВЛЕНІЕ I.

Илло, Буттлеръ и Изолани.

ИЛЛО.

афъ Изоланъ, приходите вы поздно—
все таки пришли! Далекій путь—
длительности вашей оправданье.

ИЗОЛАНИ.

то съ руками не пустыми мы
иходимъ. Намъ у Донауверта было
общено, что нашимъ-же путемъ
етъ шестьсотъ телѣгъ провьянта шведовъ.
э мои кроаты взяли въ плѣнъ—
съ нами онъ пріѣхалъ.

ИЛЛО.

Очень кстати,
объ накормить гостей почтенныхъ нашихъ.

БУТТЛЕРЪ.

тъ, вижу я, ужъ очень людно.

ИЗОЛАНИ.

Да,
Солдатами наполнены и церкви.
(Оглядываясь).
И въ ратушѣ, я вижу, вы уже
Устроились недурно... Что-жъ! Солдату
Приходится вѣдь помогать себѣ,
Какъ сможется.

ИЛЛО.

Здѣсь собрались ужъ тридцать
Начальниковъ полковыхъ. Терцки тутъ,
И Тифенбахъ, Колалто и Марадасъ,
Гецъ, Гиннерзамъ—Пикколомини тоже—
Отецъ и сынъ. Друзей старинныхъ вы
Не мало здѣсь найдете. Только Галласъ
И Альтрингеръ отсутствуютъ пока.

БУТТЛЕРЪ.

Вы Галласа не ждите.

ИЛЛО *(въ изумленіи).*

Какъ! Вамъ это
Извѣстно?..

изолани (*перебивая*).

Максъ Пикколомини здѣсь?
О, поскорѣй меня къ нему сведите!
Еще теперь я вижу—(а тому
Ужъ десять лѣтъ, то было при Дессау,
Мы съ Мансфельдомъ дрались) какъ на конѣ
Съ моста онъ прыгнулъ въ Эльбу и пробился
Сквозь бурное теченіе къ отцу,
Нуждавшемуся въ помощи. Въ ту пору
Еще едва показываться сталъ
Пушокъ на подбородкѣ Макса; нынче,
Какъ слышалъ я, онъ ужъ совсѣмъ герой.

илло.

Увидитесь вы съ нимъ еще сегодня.
Княгиню Фридландъ и принцессу онъ
Къ намъ изъ Каринтіи везетъ; мы ждемъ ихъ
Чрезъ нѣсколько часовъ.

буттлеръ.

Такъ и жену,
И дочь сюда князь выписалъ! Ужъ слишкомъ
Онъ много здѣсь собралъ.

изолани.

Тѣмъ лучше! Я
Вѣдь ожидалъ, что только и придется
Мнѣ слышать здѣсь о боевыхъ маршахъ,
Атакахъ, батареяхъ... Но нашъ герцогъ
Заботился, какъ видно чтобъ и глазъ
Намъ услаждать пріятнымъ и красивымъ!

илло (*стоявшій въ задумчивости, къ Буттлеру, котораго онъ отводитъ немного въ сторону*).

Вамъ почему извѣстно, что сюда
Графъ Галласъ не пріѣдетъ?

буттлеръ (*значительно*).

Потому что
Онъ и меня старался удержать.

илло (*горячо*).

И вы не поддались!

(*жметъ ему руку*).

Мой славный Буттлеръ!

буттлеръ.

Да могъ ли я, когда еще на дняхъ
Связалъ меня князь милостью такою...

илло.

Да, поздравляю! Генералъ-маіоръ!

изолани.

И въ томъ полку, не правда-ли, который
Князь подарилъ ему? Да сверхъ того,
Какъ слышалъ я, вѣдь этотъ полкъ—тотъ самый,
Гдѣ началъ онъ служить, какъ рядовой?
Что-жъ, это справедливо!.. Поощренье,
Примѣръ всему сословію, когда
Для стараго, почтеннаго солдата
Дорогу открываютъ..

буттлеръ.

Но... могу-ль
Принять я поздравленье? Императоръ
Еще не утвердилъ...

изолани.

Бери, бери!
Рука, тебя поставившая, право,
Достаточно сильна, чтобъ удержать,
Наперекоръ монарху и министрамъ.

илло.

Еще бы намъ бояться за себя
Въ такихъ вещахъ! Намъ развѣ императоръ
Даетъ хоть что нибудь? Нѣтъ, герцогъ—вотъ,
Вотъ отъ кого все то, что мы имѣемъ,
Надѣемся на то что...

изолани (*къ Илло*).

Любезный другъ,
Я разсказалъ ли вамъ? Вѣдь герцогъ хочетъ
Моимъ всѣмъ кредиторамъ уплатить,
Самъ хочетъ быть впередъ моимъ кассиромъ,
Въ порядочнаго человѣка обратить—
Меня! И вы подумайте—вѣдь это
Ужъ въ третій разъ отъ гибели меня
Спасаетъ онъ, мужъ съ царственной душою,
И честь возстановляетъ.

илло.

Ахъ, когда-бъ
Онъ только могъ все исполнять, что хочетъ!
Но чтожъ, когда тамъ въ Вѣнѣ у него
И связываютъ руки, и, гдѣ можно,
Обрѣзываютъ крылья!.. Вотъ хоть взять
Тѣ новые, курьезные приказы,
Что этотъ Квестенбергъ теперь привезъ.

буттлеръ.

Объ этихъ императорскихъ приказахъ
Я тоже слышалъ; но вѣдь ни на шагъ
Ни въ чемъ, надѣюсь, герцогъ не уступитъ.

илло.

Въ своихъ правахъ—конечно, ни на шагъ.
Но въ должности...

буттлеръ (*пораженный*).

Вамъ что нибудь извѣстно?
Меня вы напугали...

изолани.

Всѣмъ бы намъ
Тогда конецъ!

илло.

Молчите! Нашъ молодчикъ
Сюда идетъ, я вижу; вмѣстѣ съ нимъ
И генералъ Пикколомини.

буттлеръ (*опасливо качая головой*).

Право,
Ужъ я боюсь, что не придется намъ
Такъ уходить отсюда, какъ пришли мы...

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе. Октавіо Пикколомини. Квестенбергъ.

ОКТАВІО.

Что вижу я! Еще къ намъ гости!.. Ну,
Сознайтесь, другъ, что вѣдь могла лишь эта
Война слезообильная собрать
Въ одномъ лишь лагерѣ такъ много славой
Увѣнчанныхъ головъ геройскихъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Тотъ,
Кто врагъ, войны, не долженъ и входить
Въ нашъ фридландскій военный лагерь. Я
Почти забылъ про всѣ ея невзгоды,
Увидѣвши порядка духъ высокій,
Благодаря которому она,
Весь разрушая міръ, сама однако
Стоитъ ненарушимо и себя
Въ великомъ цѣломъ проявляетъ.

ОКТАВІО.

Вотъ
Предъ нами храбрая чета, достойно
Замкнувшая собой героевъ рядъ.
Графъ Изолани и полковникъ Буттлеръ.
Теперь, мой другъ, машина вся войны
Предъ вашими глазами.

(Представляя Буттлера и Изолани).

Это сила
И быстрота.

КВЕСТЕНБЕРГЪ *(къ Октавіо).*

А посрединѣ ихъ—
Совѣтъ и мудрый опытъ.

ОКТАВІО *(представивъ его Изолани и Буттлеру).*

Въ этомъ гостѣ
Достойнѣйшемъ мы чтимъ здѣсь, господа,
Фонъ-Квестенберга, камергера, члена
Военнаго совѣта, то лицо,
Которое монархъ нашъ посылаетъ
Съ своими приказаньями, патрона
И друга неизмѣннаго солдатъ.

(Общее молчаніе).

ИЛЛО *(подходя къ Квестенбергу).*

Уже не въ первый разъ нашъ лагерь видѣть
Имѣетъ честь васъ, господинъ министръ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Да, я уже однажды находился
Предъ этими знаменами.

ИЛЛО.

А гдѣ—
Вы помните? Въ Моравіи то было
Подъ Хнаимомъ; отъ государя вы
Явились умолять, чтобъ герцогъ принялъ
Начальство надъ полками.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Умолять!
Нѣтъ, генералъ, насколько мнѣ извѣстно,
Ни рвеніе мое, ни порученье
Такъ далеко не заходили.

ИЛЛО.

Ну,
Такъ силою склонить, коли хотите.
Я помню хорошо. Графъ Тилли былъ
Совсѣмъ разбитъ при Лехѣ; путь открылся
Врагу въ Баварію, весьма легко
Онъ могъ бы въ сердце Австріи проникнуть.
Вотъ тутъ-то вы, и съ вами Верденбергъ,
Пріѣхали, и герцога вы стали
Мольбами осаждать, грозить ему
Немилостью монаршей, коль надъ страшной
Бѣдою онъ не сжалится.

ИЗОЛАНИ *(подходитъ).*

Да, да!
Понятно, господинъ министръ, что, исполняя
Теперешнее порученье, не совсѣмъ
Пріятно вамъ о томъ, прошедшемъ, вспомнить.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Да почему-жъ? Противорѣчья вѣдь
Межъ ними нѣтъ. *Въ то время* нужно было
Богемію извлечь изъ рукъ врага;
Теперь ее освободить я долженъ
Ужъ отъ друзей, защитниковъ ея.

ИЛЛО.

Прекрасная задача! Нашей кровью
Отбили у саксонцевъ эту мы
Богемію—и вотъ теперь отсюда,
Въ признательность насъ гонятъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Для того,
Чтобы одна бѣда не замѣнялась
Другой, должны несчастную страну
Мы отъ бича и недруга, и друга
Освободить.

ИЛЛО.

Э, вздоръ! Годъ этотъ былъ
Хорошій годъ, и, стало быть, крестьянамъ
Опять давать не трудно будетъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Да,
Коль господинъ фельдмаршалъ, говорите
Вы о стадахъ и пастбищахъ...

ИЗОЛАНИ.

Война
Сама войну питаетъ. Что крестьяне
Идутъ служить—такъ вѣдь число солдатъ
Отъ этого у государя больше.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

А подданныхъ тѣмъ меньше у него
Становится.

Въ Каринтію и проводилъ сюда.

ИЗОЛАНИ *(къ Илло).*

Пойдемъ ее привѣтствовать.

ИЛЛО.

Охотно.

Вы, Буттлеръ, тоже съ нами?

(Къ Октавіо)

Не забудьте,

Что до обѣда встрѣтимся еще
У герцога мы съ этимъ господиномъ

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Октавіо и Квестенбергъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ *(съ изумленіемъ).*

Что мнѣ пришлось услышать генералъ!
Какая необузданная дерзость!
Понятія какія... Если духъ
Такой же и повсюду...

ОКТАВІО.

Это голосъ
Трехъ четвертей всей арміи.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Горе намъ!
Гдѣ жъ мы найдемъ сейчасъ второе войско,
Чтобъ сторожить за этимъ!.. Этотъ Илло,
Боюсь, не то еще хранитъ въ умѣ,
Что у него на языкѣ... Да тоже
И Буттлеръ, этотъ мыслей злыхъ своихъ
Не можетъ скрыть.

ОКТАВІО.

Обиженная гордость,
Пустая щекотливость—вотъ и все!
На Буттлера покамѣстъ я надежды
Не потерялъ; злой этотъ духъ смирить
Я знаю чѣмъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ *(тревожно ходитъ взадъ и впередъ).*

Нѣтъ, другъ мой, дѣло хуже,
О, много, много хуже, чѣмъ оно
Намъ въ Вѣнѣ представлялось. Мы смотрѣли
Тамъ на него придворными глазами,
Которые блескъ трона ослѣплялъ!
Не видѣли еще мы полководца
Всесильнаго воочію, среди
Своихъ солдатъ. О, здѣсь совсѣмъ иное!
Здѣсь императора нѣтъ больше. Герцогъ—
Вотъ императоръ кто! Обходъ, что съ вами
По лагерю мы сдѣлали, убилъ
Надежды всѣ мои.

ОКТАВІО.

Ну вотъ вы сами
Увидѣли, какое порученье
Опасное дворъ шлетъ мнѣ черезъ васъ,
Какую роль сомнительную я
Играю здѣсь. Пусть въ герцогѣ родится
Малѣйшее хоть подозрѣнье—и
Свободою и жизнью поплачусь
Я за него, и имъ лишь ускорятся
Продерзостные планы.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Ахъ, куда
Дѣвался нашъ разсудокъ въ тѣ минуты,
Когда довѣрили мы слѣпо мечъ
Свирѣпому безумцу, и вложили
Такую власть въ такія руки! Да,
Для этого испорченнаго сердца
Ужъ слишкомъ сильнымъ было искушенье
Подобное! И лучшій человѣкъ,
Пожалуй, передъ нимъ не устоялъ бы...
Повѣрьте мнѣ, не согласится онъ
Исполнить повелѣнье государя.
Такъ поступить онъ можетъ, и конечно
Поступитъ такъ. Строптивостью его,
Что внѣ всѣхъ каръ, безсилье наше только
Постыдно обнаружится.

ОКТАВІО.

А вотъ
Что въ лагерь къ намъ, какъ разъ теперь когда мы
Готовимся къ войнѣ, жену и дочь
Онъ выписалъ—вы думаете, это
Безъ умысла? Нѣтъ, въ томъ, что изъ земель
Имперскихъ онъ спѣшитъ увесть залоги
Послѣдніе ужъ вѣрности своей—
Свидѣтельство я вижу, что возстанья
Взрывъ недалекъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

О, горе намъ! И какъ
Противостать грозѣ, что къ намъ подходитъ
Со всѣхъ концовъ? Границы заняты
Уже врагомъ. Дунаемъ онъ владѣетъ
И съ каждымъ днемъ все движется впередъ.
Внутри страны въ набатъ ударитъ скоро
Возстаніе. Крестьяне поднялись
Съ оружіемъ; сословья всѣ въ разстройствѣ;
А армія, чью помощь ждали мы,
Испорчена до корня, одичала,
Забыла дисциплину, порвала
Связь съ государствомъ, со своимъ монархомъ,
Ведомая въ безуміи своемъ
Безумнымъ человѣкомъ, обратилась
Въ ужасное орудье, со слѣпой
Покорностью и преданностью волѣ
Наглѣйшаго изъ всѣхъ людей.

ОКТАВІО.

Мой другъ,
Не слѣдуетъ намъ унывать такъ рано.
Слова всегда смѣлѣе дѣла. Я
Въ томъ убѣжденъ, что не одинъ, который
Въ усердіи своемъ слѣпомъ теперь
На всякую, повидимому, крайность
Готовъ идти,—вдругъ у себя въ груди
Найдетъ нежданно сердце, если дѣло
Преступное кто либо назоветъ
По имени. Притомъ, ужъ не совсѣмъ
Мы лишены защиты. Графъ Альтрингеръ
И Галласъ, какъ вы знаете, свои
Отряды небольшіе держатъ строго
И съ каждымъ днемъ усиливаютъ ихъ...
Застигнуть насъ нежданно онъ не можетъ;
Я окружилъ, вы знаете, его
Шпіонами моими; шагъ малѣйшій
Становится тотчасъ извѣстенъ мнѣ;
Онъ даже самъ мнѣ открываетъ тайны
Завѣтныя.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Непостижимо, какъ
Не видитъ онъ стоящаго такъ близко
Къ нему врага.

ОКТАВІО.

Не думайте, мой другъ,
Что удалось къ нему мнѣ вкрасться въ милость
Посредствомъ лжи, услужливости гнусной,
Что лицемѣрьемъ въ немъ питаю, я
Довѣріе къ себѣ. Благоразумье,
Долгъ вѣрности монарху и странѣ
Приказываютъ мнѣ чувствъ настоящихъ
Не раскрывать предъ нимъ; но никогда
Я передъ нимъ не лгалъ фальшивымъ сердцемъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Тутъ видима рука Господня.

ОКТАВІО.

Что
Тутъ дѣйствуетъ, не знаю я; не знаю,
Что сильно такъ влечетъ его ко мнѣ
И къ сыну моему. Всегда мы были
Пріятели, соратники; давно
Связали насъ привычка, приключенья,
Пережитыя вмѣстѣ; но могу
Я день назвать, когда онъ вдругъ всѣмъ сердцемъ
Примкнулъ ко мнѣ и возрасло его
Довѣріе. То было рано утромъ
Предъ Люценскимъ сраженьемъ; скверный сонъ,
Мнѣ только что приснившійся, заставилъ
Меня найти его и предложить,
Чтобъ онъ себѣ для этой битвы лошадь
Другую взялъ. Я отыскалъ его
Далеко отъ палатокъ нашихъ, спящимъ
Подъ деревомъ. Когда я разбудилъ
И разсказалъ ему, чѣмъ я встревоженъ,
Онъ долго съ изумленьемъ на меня
Смотрѣлъ—и вдругъ мнѣ бросился на шею,
Растроганный глубоко, какъ того
Совсѣмъ моя ничтожная услуга
Не стоила. И съ той минуты онъ
Преслѣдуетъ меня своимъ довѣрьемъ
На столько же, на сколько я къ нему
Довѣріе теряю.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Но конечно
Вы сына посвятили въ тайну?

ОКТАВІО.

Нѣтъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Какъ! Не хотите вы по крайней мѣрѣ
Предостеречь, въ какихъ дурныхъ рукахъ
Его судьба?

ОКТАВІО.

Я долженъ предоставить
Его своей невинности. Душа
Открытая чужда игрѣ притворства.
Невѣдѣнье одно лишь можетъ въ немъ
Хранить свободный духъ, который гонитъ
Отъ герцога всѣ подозрѣнья.

КВЕСТЕНБЕРГЪ *(опасливо).*

Другъ
Почтенный мой! Я чту весьма высоко
Полковника Пикколомини... но...
Подумайте... что если...

ОКТАВІО.

Я обязанъ
Такъ рисковать... Молчите! Онъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Максъ Пикколомини. Октавіо. Квестенбергъ.

МАКСЪ.

Да, вотъ и онъ! Отецъ, здорово.
(Обнимаетъ его; затѣмъ, повернувшись, замѣчаетъ Квестенберга и холодно отступаетъ).
Занятъ,
Какъ вижу я? Не стану вамъ мѣшать.

ОКТАВІО.

Какъ, милый Максъ? Вглядись поближе въ гостя.
Вниманія достоинъ старый другъ,
Почтеніемъ обязанъ ты послу
Отъ твоего монарха.

МАКСЪ *(сухо).*

Радъ васъ видѣть,

Фонъ Квестенбергъ, коль съ добрымъ чѣмъ нибудь
Пріѣхали вы въ главную квартиру.

КВЕСТЕНБЕРГЪ *(хватаетъ его руку)*.

Не отымайте, графъ Пикколомини,
Своей руки! Не ради лишь себя
Я взялъ ее, и смыслъ не ординарный—
Повѣрьте мнѣ—въ движеніи моемъ.
Октавіо и Максъ Пикколомини!
(Беретъ руку Октавіо).
Два имени, несущихъ благодать,
Исполненныхъ высокаго значенья!
Отъ Австріи не отвернется счастье,
Пока горятъ такія двѣ звѣзды
Надъ арміей ея благословеньемъ
И вѣрною защитой.

МАКСЪ.

Вашу роль
Вы, господинъ министръ, забыли видно:
Не для похвалъ вы прибыли сюда;
Вы присланы, я знаю, чтобъ браниться
И осуждать—и предпочтеннымъ быть
Всѣмъ остальнымъ я не желаю.

ОКТАВІО *(Максу)*.

Присланъ
Онъ отъ двора, гдѣ герцогомъ не такъ,
Какъ здѣсь у насъ, довольны.

МАКСЪ.

Въ чемъ-же новомъ
Придумали они его винить?
Должно быть, въ томъ, что онъ одинъ рѣшаетъ
То, что одинъ и понимаетъ онъ?
Такъ что-жъ! Онъ правъ,—и будетъ, я увѣренъ,
Всегда такъ поступать. Не созданъ онъ,
Какъ прочіе, чтобъ гибко подчиняться
И кланяться. Натура ужъ его
Не такова,—не можетъ. Надѣлила
Его судьба властительной душой,
Дала ему властительное мѣсто.
И благо намъ, что это такъ. Способны
Не многіе собою управлять
И разумъ свой употреблять разумно.
То цѣлое счастливо, въ коемъ есть
Центральный пунктъ, оплотъ для многихъ тысячъ;
Есть какъ бы столбъ, чтобъ каждый о него
Могъ съ радостью, съ довѣрьемъ опереться.
Таковъ и Валленштейнъ,—и если онъ
Двору совсѣмъ не по-сердцу, то войску
Такой лишь нуженъ...

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Войску! это такъ—
Не спорю я.

МАКСЪ.

И просто радость видѣть,
Какъ вкругъ тебя онъ будитъ все, живитъ,
Какъ близъ него возможно силѣ всякой
Явить себя и всякому таланту
Полнѣе обнаружиться! Чуть въ комъ
Присутствіе своеобразной силы
Замѣтилъ онъ—спѣшитъ ее извлечь
И дать просторъ, просторъ широкій. Всякій
Въ его рукахъ тѣмъ остается, чѣмъ
Онъ есть ужъ по природѣ; Валленштейна
Забота только въ томъ, чтобъ всякій былъ
На надлежащемъ мѣстѣ; и вотъ такъ-то
Онъ всѣхъ людей способности себѣ
Брать въ собственность умѣетъ...

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Кто же станетъ
Опровергать, что знаетъ онъ людей,
Употреблять въ свою умѣетъ пользу?
Но властелинъ слугу въ немъ забываетъ,
Совсѣмъ позабываетъ—точно съ властью
Онъ такъ ужъ и родился.

МАКСЪ.

Да вѣдь такъ
Оно и есть. Со всякой силой, нужной,
Чтобъ властвовать, уже родился онъ,
И сверхъ того, еще съ одною силой—
Всецѣло исчерпать природы даръ:
Для дарованья властвовать и мѣсто
Властителя завоевать.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

И такъ,
Въ концѣ концовъ, его великодушье
Должно рѣшать, какое вамъ изъ насъ
Значеніе и мѣсто подобаетъ?

МАКСЪ.

Кто рѣдкій человѣкъ, тому должны
И рѣдкое оказывать довѣрье.
Ему вы дайте только мѣсто; цѣль
Ужъ онъ себѣ поставитъ самъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Намъ это
Показываютъ опыты его.

МАКСЪ.

Да, люди таковы! Отъ глубины
Немедленно со страхомъ отступаютъ;
Имъ хорошо лишь тамъ, гдѣ только плоскость
Открытая.

ОКТАВІО *(Квестенбергу)*.

Оставьте, другъ мой; вамъ
Его не переспорить.

МАКСЪ.

Кличутъ духа
Они къ себѣ въ часы бѣды; а чуть
Явился онъ—уже ихъ страхъ объемлетъ.
Необычайное и даже то,
Что самое есть высшее, должно бы,
По вашему, свершаться точно такъ же,

Какъ повседневное. На бранномъ полѣ,
Гдѣ настоящее всѣмъ движетъ, тамъ должно
Господствовать лишь личное начало,
Глазъ собственный—все видѣть. Полководецъ
Нуждается во всемъ, что есть въ природѣ
Великаго; такъ дайте же ему
И жить въ ея условіяхъ великихъ.
Оракуломъ его быть долженъ духъ,
Внутри его живущій, а не книги
Отжившія, не сгнившія бумаги,
Не старые законы.

ОКТАВІО.

Милый сынъ,
Не относись съ презрѣньемъ къ этимъ старымъ,
Стѣснительнымъ законамъ; ихъ должно
Высоко чтить! Безцѣнно дорогая
Они узда, которую связалъ
Тѣснимый человѣкъ, насилье воли
Тѣснителей своихъ. Вѣдь произволъ
Всегда губилъ людей, а путь закона,
Хотя бы онъ извилинами шелъ—
Есть не окольный путь. Прямой дорогой
И молнія несется, и ядро,
И съ быстротой доносятся до цѣли—
Но сокрушивъ все, что встрѣчалось имъ
Въ губительномъ пути... Мой сынъ, дорога,
Которую свершаетъ человѣкъ,
Которая благословеньемъ свыше
Осѣнена,—вдоль по теченью рѣкъ
Она идетъ, вдоль по долинъ изгибамъ,
Обходитъ осторожно и поля
Съ колосьями, и лозы винограда,
Почтительно не трогая границъ
Владѣнія чужого. Такъ до цѣли
Она хотя позднѣе, но вѣрнѣй
Доводитъ насъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

О, слушайте вы рѣчи
Отца—его, что вмѣстѣ и герой,
И человѣкъ.

ОКТАВІО.

Дитя войны устами
Твоими говоритъ. Воспитанъ ты
Пятнадцатигодичною войною.
Ты никогда не видѣлъ мира. Есть,
Мой милый сынъ, достоинство и выше
Военнаго. Въ самой войнѣ война
Не есть вѣдь цѣль конечная. Не силы
Великія и быстрыя дѣла,
Не чудеса минуты, изумленья
Достойныя, намъ въ жизни создаютъ
И счастіе, и то, что прочно въ мощномъ
Спокойствіи своемъ. Спѣша, солдатъ
Изъ полотна свой легкій городъ строитъ;
И тутъ сейчасъ движеніе и шумъ,
И рынокъ оживился, и товары
На улицахъ, на корабляхъ; кипитъ
Промышленность... Но вотъ внезапно сняты
Палатки съ мѣстъ, орда ушла впередъ,
И вымершимъ, какъ кладбище, лежитъ
Съ растоптаннымъ своимъ посѣвомъ поле,
И жатва сгублена на цѣлый годъ.

МАКСЪ.

О, батюшка, пусть дастъ намъ императоръ
Скорѣе миръ! Кровавый лавръ отдамъ
Я радостно за первую фіалку,
Что принесетъ намъ мартъ—душистый даръ,
Залогъ, что вновь земля воскресла къ жизни!

ОКТАВІО.

Максъ, что съ тобой? Какое вдругъ волненье?...

МАКСЪ.

Я никогда не видѣлъ мира? Нѣтъ,
Отецъ мой престарѣлый, миръ я видѣлъ;
Я только что оттуда... путь мой шелъ
Чрезъ земли тѣ, куда не проникала
Еще война... О, въ жизни чары есть,
Какихъ, отецъ, мы никогда не знали.
Въ богатой красотами жизни мы
Лишь къ берегамъ пустыннымъ подплывали,
Какъ скопище пиратовъ кочевыхъ,
Которые, столпившись въ тѣсномъ суднѣ,
Жизнь дикую ведутъ средь дикихъ волнъ,
И на обширной сушѣ знаютъ только
Тѣ гавани, гдѣ воровской пріютъ
Имъ находить не страшно. Но сокровищъ,
Хранящихся внутри ея долинъ,
О, ихъ, отецъ, въ своемъ блужданьи буйномъ,
Не видѣли еще ни разу мы.

ОКТАВІО *(становится внимательнымъ).*

И это все теперь поѣздка эта
Открыла предъ тобою?

МАКСЪ.

Для меня
То первый былъ досугъ отрадный въ жизни.
Скажи, отецъ, въ чемъ цѣль, награда въ чемъ
Того труда тяжелаго, что юность
Мою унесъ, пустымъ оставилъ сердце,
Не усладивъ ума, лишивъ его
Прекраснѣйшихъ даровъ образованья?
Вѣдь этотъ весь шумъ лагерной тревоги
И звуки трубъ, и ржаніе коней,
И по часамъ размѣренная служба,
Ученія, команда—это все
Отнюдь не утоляетъ жажды сердца,
И нѣтъ души въ занятіи пустомъ!...
Иныя радости, иное счастье
Даетъ намъ жизнь.

ОКТАВІО.

Ты многому, мой сынъ,
Въ такомъ пути короткомъ научился.

МАКСЪ.

О, какъ прекрасенъ день, когда солдатъ
Вновь наконецъ вернуться можетъ къ жизни,
Въ среду людей. Когда веселый маршъ
Трубитъ ему походъ домой, на отдыхъ;
Когда войска развѣяли знамена
Для радостнаго шествія; когда
Украсила всѣ шляпы, шлемы зелень
Весенняя—послѣдняя добыча
Съ цвѣтущихъ нивъ! Ворота городовъ
Сами собой раскрылись,—имъ петарды
Для этого ужъ не нужны; народъ
На всѣхъ стѣнахъ привѣтствуетъ сердечно;
На башняхъ всѣхъ звучатъ колокола,
Вѣщая, что смѣнился день кровавый
Прекрасною вечернею зарей;
Изъ городовъ, изъ селъ толпы стремятся
Ликующимъ потокомъ, путь войскамъ
Любовно замедляя рвеньемъ встрѣчи;
Вернувшемуся сыну руку жметъ
Старикъ отецъ, счастливый тѣмъ, что дожилъ
До этихъ дней; и воинъ какъ чужой,
Въ свой домъ, давно покинутый, вступаетъ.
Широкими вѣтвями приняло
Его подъ тѣнь то дерево, что гнулось,
Какъ тонкій прутъ, когда онъ уходилъ;
И дѣвушкой-красавицей стыдливо
Ему теперь навстрѣчу вышла та,
Которая тогда кормилась грудью!..
О, счастливы всѣ тѣ, кого здѣсь ждутъ
И домъ родной, и нѣжныя объятья!

КВЕСТЕНБЕРГЪ *(растроганный)*.

Ахъ, отчего рисуете вы день
Не нынѣшній, не завтрашній, но время
Далекое, далекое!..

МАКСЪ *(рѣзко обращаясь къ нему)*.

А ктожъ
Тому виной, какъ не вы сами въ Вѣнѣ?
Да, Квестенбергъ, сознаюсь вамъ. Когда
Я васъ увидѣлъ здѣсь,—негодованье
Мнѣ сжало грудь: препятствіе для мира—
Вы, только вы! И воинамъ—его
Приходится насильно добиваться!
Усердно вы старались отравлять
Жизнь герцогу; вы шагъ его малѣйшій
Стѣсняете; черните вы его—
За что? За то, что благо всей Европы
Ему цѣннѣй двухъ-трехъ клочковъ земли,
Которые прибудутъ иль убудутъ
У Австріи! Послушать васъ, такъ онъ
И бунтовщикъ, и Богъ вѣсть что похуже,—
Все оттого, что онъ щадитъ саксонцевъ,
Что у врага старается добыть
Довѣріе къ себѣ,—путь къ миру
Единственный: коли въ самой войнѣ
Не кончится война, откуда жъ можетъ
Явиться миръ?—Что жъ! Продолжайте такъ,
Какъ начали! Но я—я такъ же сильно,
Какъ доброе люблю,—васъ ненавижу
И здѣсь клянусь кровь сердца моего
По каплѣ всю пролить за Валленштейна,
И прежде, чѣмъ паденіе его
Вамъ наконецъ торжествовать прійдется!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Квестенбергъ. Октавіо Пикколомини.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

О, горе намъ! Вотъ до чего дошло!
(Настойчиво и нетерпѣливо).
Другъ, неужели въ этомъ заблужденьѣ
Дадимъ ему уйти, не позовемъ
Сейчасъ назадъ, и здѣсь же не откроемъ
Ему глаза?

ОКТАВІО *(выходя изъ глубокаго раздумья).*

Мнѣ онъ открылъ глаза,
И то, что я увидѣлъ—не отрадно.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Что жъ это, другъ?

ОКТАВІО.

Будь проклята поѣздка!

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Какъ? Почему?

ОКТАВІО.

Идемте! Долженъ я
Немедленно ходъ злополучный дѣла
Самъ прослѣдить, увидѣть самъ... Идемъ!

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Зачѣмъ? Куда? Да объясните!

ОКТАВІО *(забывшись).*

Къ ней!

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Къ ней?..

ОКТАВІО *(спохватившись).*

Къ герцогу! Идемъ! О, я бояться
Могу всего. Теперь я вижу сѣти,
Которыми опутали его.
Онъ не такимъ, какимъ ушелъ, вернулся.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Скажите же, въ чемъ дѣло?

ОКТАВІО.

И не могъ
Предвидѣть я? Поѣздку эту развѣ
Не могъ не допустить?.. Зачѣмъ скрывалъ
Я отъ него?.. Да, да, вы были правы—
Я долженъ былъ его предостеречь.
Теперь ужъ поздно.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Поздно, что? Да полно
Загадками однѣми говорить
Со мною, другъ.

ОКТАВІО *(спокойнѣе).*

Идемте къ Валленштейну.
Назначенный для вашего пріема
Часъ наступилъ. Идемъ... Будь проклята,
Будь трижды проклята поѣздка эта!
(Уводитъ его. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Залъ въ домѣ герцога Фридландскаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Слуги разставляютъ стулья и разстилаютъ ковры. Входитъ Сени, *астрологъ, одѣтый какъ итальянскій докторъ, въ черное и отчасти фантастически. Онъ выходитъ на середину залы, держа въ рукѣ бѣлую палочку, которою онъ обозначаетъ страны свѣта.*

СЛУГА *(обходя залу съ курильницей).*

Скорѣй, скорѣй! Кончайте! Часовые
Ужъ подъ ружьемъ. Сейчасъ они придутъ.

2-Й СЛУГА.

Но отчего занять не приказали
Малиновую залу наверху?
Тамъ такъ свѣтло!

1-Й СЛУГА.

Ужъ это математикъ
Такъ порѣшилъ. Несчастная она,
Вишь, комната.

2-Й СЛУГА.

Дурацкій вздоръ! Морочатъ
Они людей. Залъ только залъ и есть.
Что можетъ то иль это мѣсто значить?

СЕНИ *(съ важностью).*

Мой сынъ, ничто на свѣтѣ семъ значенья
Не лишено. Но знай, въ дѣлахъ земныхъ
Всего важнѣй, главнѣе—часъ и мѣсто.

3-Й СЛУГА.

Не спорь ты съ нимъ, Нафаніилъ. Чего
Захочетъ онъ, то исполняетъ даже
И герцогъ нашъ.

СЕНИ *(считаетъ стулья).*

Одиннадцать! Число
Несчастное. Поставьте вы двѣнадцать.
Двѣнадцать знаковъ въ зодіакѣ—пять
И семь; изъ этихъ двухъ священныхъ чиселъ
Слагается двѣнадцать.

2-Й СЛУГА.

Чѣмъ же вамъ
Одиннадцать не по-сердцу? Хотѣлъ бы
Я это знать.

СЕНИ.

Одиннадцать число
Грѣховное. Оно зашло за десять—
Число господнихъ заповѣдей.

2-Й СЛУГА.

Такъ?
А отчего жъ считаете священнымъ
Числомъ вы пять?

СЕНИ.

Пять—наша вся душа.
Какъ человѣкъ—соединенье злого
И добраго, такъ первое число
И въ правомъ, и въ неправомъ—пять.

1-й слуга.

Вотъ дурень!

3-й слуга.

Да ну, оставь его! Потолковать
Люблю я съ нимъ—о многомъ заставляютъ
Его слова подумать...

2-й слуга.

Маршъ! Идутъ...
Вонъ въ эту боковую дверь! Скорѣе!
(Быстро уходятъ; Сени медленно слѣдуетъ за ними).

ЯВЛЕНІЕ II.

Валленштейнъ и герцогиня.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что жъ, герцогиня? Были въ Вѣнѣ вы,
Представились венгерской королевѣ?

ГЕРЦОГИНЯ.

Ей и императрицѣ. И къ рукѣ
Обѣими монархинями были
Допущены мы съ дочерью.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

А какъ
Тамъ приняли, что въ этотъ зимній холодъ
Жену и дочь я въ лагерь вызвалъ?

ГЕРЦОГИНЯ.

Я
Все сдѣлала по вашему желанью—
Сказала имъ, что выдать замужъ дочь
Рѣшили вы и очень бы хотѣли
Еще передъ походомъ показать
Невѣсту жениху.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Догадки были
О выборѣ моемъ?

ГЕРЦОГИНЯ.

Желали всѣ,
Чтобы онъ палъ на чужеземца, также
На лютеранина.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

А вы чего
Желали бы, Элиза?

ГЕРЦОГИНЯ.

Ваша воля,
Вы знаете, была всегда моей.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(послѣ паузы).*

Ну... а каковъ былъ вообще вамъ сдѣланъ
Пріемъ дворомъ?
(Герцогиня опускаетъ глаза и молчитъ).
Все безъ утайки мнѣ
Прошу сказать... Какъ приняты вы были?

ГЕРЦОГИНЯ.

О, мой супругъ!.. Что было до сихъ поръ—
Того ужъ нѣтъ. Все тамъ перемѣнилось.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ? Прежняго почета неужели
Вы не нашли?

ГЕРЦОГИНЯ.

Почетъ остался прежній.
Достоинство, приличье—было все
Соблюдено. Но вмѣсто благосклонной
И дружеской интимности теперь
Холодная торжественность явилась,
И въ нѣжной деликатности, съ какой
Ко мнѣ всѣ относились, было меньше
Сердечности, чѣмъ состраданья. Нѣтъ!
Свѣтлѣйшую супругу Валленштейна,
Рожденную графиню Гаррахъ—тамъ
Совсѣмъ не *такъ* должны бы были встрѣтить!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Конечно, порицали вамъ они
Послѣднія мои распоряженья?

ГЕРЦОГИНЯ.

О, еслибъ такъ! Давно привыкла я
Васъ извинять, вносить успокоенье
Въ разгнѣванныя души... Нѣтъ, никто
Васъ не бранилъ... Въ молчаніе такое
Гнетуще церемонное они
Замкнулись всѣ! Не недоразумѣнье
Обычное здѣсь было, не одна
Минутная досада, злоба.. Что то
Непоправимо страшное теперь
Произошло... Бывало, королева
Венгерская всегда меня звала
Своею милой тетей, и прощаясь,
Любовно обнимала...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

А теперь
Дала уйти безъ этого?

ГЕРЦОГИНЯ *(отеревъ слезы послѣ молчанія).*

Обняла
Она меня; но лишь тогда, когда
Откланялась я имъ и направлялась
Уже къ дверямъ, она, какъ будто вдругъ
Одумавшись, меня догнала быстро
И—болѣе болѣзненно, чѣмъ нѣжно,
Къ своей груди прижала.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(взявъ ее за руку).*

Успокойтесь!..
А какъ вамъ показались Эггенбергъ,
И Лихтенштейнъ, и остальные наши
Пріятели?

ГЕРЦОГИНЯ.

Ни одного изъ нихъ
Не видѣла.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ну, а испанскій Conte
Ambassador, который за меня
Такъ горячо всегда вступался?

ГЕРЦОГИНЯ.

Нынче
Ни слова въ вашу пользу у него
Ужъ не нашлось.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Итакъ, намъ *эти* солнца
Свѣтить ужъ перестали. Что жъ, впередъ
Пусть собственный огонь насъ освѣщаетъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Но если... милый герцогъ... если то,
Что шепчетъ дворъ, о чемъ въ народѣ громко
Идетъ молва, что патеръ Ламорменъ
Намеками...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*быстро*).

Какъ, Ламорменъ! И что же
Онъ говоритъ?

ГЕРЦОГИНЯ.

Что обвиняютъ васъ
И въ дерзкомъ превышеньи вашей власти,
И въ томъ, что вы надъ высочайшей волей
Преступно издѣваетесь. Испанцы,
Баварскій гордый герцогъ противъ васъ
Возстали съ обвиненьемъ и надъ вами
Сбирается гроза еще страшнѣй,
Чѣмъ та, что васъ сразила въ Регенсбургѣ...
Ужъ ходитъ слухъ—онъ говоритъ... ахъ, нѣтъ,
Я повторить не смѣю...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*напряженно*).

Что жъ такое?

ГЕРЦОГИНЯ.

Слухъ о второй...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Второй?..

ГЕРЦОГИНЯ.

Отставкѣ... и...
Позорнѣе, чѣмъ первой...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

А! вотъ что!
(Въ сильномъ волненіи ходитъ по комнатѣ).
О, сами же они меня влекутъ,
Насильно заставляютъ противъ воли
Моей идти!...

ГЕРЦОГИНЯ (*просительно прижимаясь къ нему*).

О, дорогой супругъ!
Коли еще не поздно, если можно
Покорностью, уступчивостью зло
Предотвратить, то подчинитесь; гордый
Свой духъ заставьте уступить; вѣдь тутъ
Вы склонитесь предъ вашимъ господиномъ,
Предъ вашимъ императоромъ... О, да,
Не допускайте дольше, чтобы злоба
Коварная чернила клеветой
Постыдной, ядовитой ваши планы
Прекрасные; возстаньте на нее
Всей силою побѣдоносной правды,
Чтобъ устыдить лжецовъ, клеветниковъ!
Друзей у насъ, вы знаете, немного;
На ненависть людскую обрекла
Насъ быстрая фортуна наша. Что же
Насъ ждетъ, когда придется наконецъ
Лишиться намъ и милости монаршей!

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕЖНІЕ, *графиня* ТЕРЦКИ *ведетъ за руку принцессу* ТЭКЛУ.

ГРАФИНЯ.

Какъ! Рѣчь у васъ ужъ о дѣлахъ, сестра,
И—вижу я—не изъ совсѣмъ пріятныхъ,
Когда еще онъ на свое дитя
Порадоваться не успѣлъ. А радость
Все гнать должна въ свиданья первый часъ.
Передъ тобою дочь, родитель-герцогъ!
(Тэкла робко приближается къ нему и хочетъ склониться къ его рукѣ; онъ обнимаетъ ее и нѣсколько времени въ глубокой задумчивости смотритъ на нее).

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да, свѣтлая надежда у меня
Взошла въ душѣ! Беру я дочь залогомъ
За будущее счастье.

ГЕРЦОГИНЯ.

Вы ее
Оставили совсѣмъ ребенкомъ, когда
Уѣхали, чтобъ армію собрать,
Когда-жъ изъ померанскаго похода
Вернулись вы домой, она была
Уже въ монастырѣ, гдѣ оставалась
До этихъ поръ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И между тѣмъ, какъ мы
Здѣсь на войнѣ старались ей доставить
Величіе, оружіемъ добыть
Все высшее земное, мать-природа
Свою работу дѣлала въ тиши
Монастыря: на милаго ребенка
Божественное щедрою рукой
Она лила, и вотъ теперь приводитъ,
Прекрасно такъ украсивши, ее
На встрѣчу и своей блестящей долѣ,
И всѣмъ моимъ надеждамъ.

ГЕРЦОГИНЯ (*принцессѣ*).

Ты отца,
Мое дитя, конечно не узнала?
Тебѣ вѣдь было восемь лѣтъ всего,
Когда въ послѣдній разъ его лицо
Ты видѣла.

ТЭКЛА.

Нѣтъ, матушка, сейчасъ же

Узнала я. Отецъ не постарѣлъ.
Какимъ во мнѣ жилъ этотъ свѣтлый образъ,
Такимъ же и теперь передо мной
Онъ здѣсь стоитъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*герцогинѣ*).
Какъ тонко, какъ разумно
Замѣчено! О, милое дитя!..
Вотъ на судьбу я гнѣвался, что сына
Мнѣ не дала она, который могъ
Въ наслѣдство отъ меня принять и имя,
И счастіе, и линіей князей
Властительныхъ мое существованье
Угасшее продлить надолго. Нѣтъ,
Я былъ неправъ къ судьбѣ. Теперь пусть ляжетъ
На дѣвственно-цвѣтущей головѣ
Вѣнокъ моей суровой ратной жизни,
И сожалѣть о томъ не буду я,
Коль въ царственный вѣнецъ его удастся
Мнѣ превратить современемъ, и имъ
Ея чело прекрасное украсить.

(*Онъ держитъ ее въ объятіяхъ. Входитъ* Максъ Пикколомини).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежніе, Максъ Пикколомини, *скоро затѣмъ* графъ Терцки.

ГРАФИНЯ.
А, вотъ и паладинъ, защитникъ нашъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Здорово, Максъ! Всегда ко мнѣ являлся
Ты съ радостью какой нибудь, и вотъ
Теперь, какъ свѣтъ зари счастливой, вывелъ
Мнѣ жизненное солнце.

МАКСЪ.
Генералъ...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
До этихъ поръ награды императоръ
Тебѣ давалъ моей рукой. Сегодня
Ты обязалъ счастливаго отца,
И этотъ долгъ уже самъ Фридландъ долженъ
Тебѣ платить.

МАКСЪ.
Мой герцогъ, слишкомъ ты
Съ уплатой поспѣшилъ. Мнѣ стыдно, больно:
Едва сюда я прибылъ, мать и дочь
Въ твои объятья сдалъ, какъ получаю
Ужъ изъ твоихъ конюшенъ въ пышной сбруѣ
Охотничьихъ чудесныхъ лошадей—
Награду мнѣ за трудъ; да, да, награду.
Итакъ, все это было только трудъ,
Служебная обязанность! не милость,
Которую я поспѣшилъ принять,
Которая наполнила мнѣ сердце
Глубокою признательностью! Нѣтъ,
Не думалъ я, что мнѣ зачтутъ за службу
То, въ чемъ нашелъ свое блаженство я.

(*Входитъ Терцки и отдаетъ герцогу письма которыя тотъ быстро распечатываетъ*).

ГРАФИНЯ (*Максу*).
Не трудъ вашъ наградилъ онъ. Это только
Возмездіе за радость. Думать такъ
Естественно при вашемъ миломъ сердцѣ;
А поступать такъ царски широко
Естественно, какъ и всегда, для мужа
Моей сестры.

ТЭКЛА.
Такъ, стало быть, и мнѣ
Въ его любви пришлось бы сомнѣваться:
Вѣдь прежде, чѣмъ отцовскимъ сердцемъ онъ
Заговорилъ со мною, ужъ подарки
Посыпались изъ щедрыхъ рукъ его.

МАКСЪ.
Да, это такъ; дарить, счастливить—это
Душевная потребность для него.

(*Схватываетъ руку герцогини и говоритъ съ возрастающею горячностью*).

О, сколькимъ я ему обязанъ! Сколько
Высказываю я, произнося
Мнѣ дорогое имя Валленштейна!
Всю жизнь мою останусь я въ плѣну
У имени того; мое все счастье,
Всѣ лучшія надежды будутъ въ немъ
Одномъ цвѣсти; и какъ въ волшебномъ перстнѣ,
Судьба меня на вѣки заключитъ
Въ томъ имени!

ГРАФИНЯ (*въ это время тщательно слѣдившая за герцогомъ*).
Желаетъ братъ остаться
Одинъ. Уйдемъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*быстро поворачивается, оправляется и весело говоритъ герцогинѣ*).
Еще разъ, герцогиня,
Привѣтствую васъ въ лагерѣ. Вы здѣсь
Хозяйка... Максъ, а ты еще останься
На этотъ разъ при должности своей,
Покамѣстъ мы займемся съ нимъ дѣлами.

(*Максъ Пикколомини предлагаетъ руку герцогинѣ, графиня уводитъ принцессу*).

ТЕРЦКИ (*кричитъ Максу вслѣдъ*).
Въ собраніи надѣюсь видѣть васъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Валленштейнъ. Терцки.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(въ глубокой задумчивости про себя).*

Да, это такъ—она не ошибалась;
Съ ея разсказомъ сходятся вполнѣ
Извѣстія другія; въ Вѣнѣ дѣло
Ужъ рѣшено—преемникъ мнѣ готовъ,
Такъ вотъ что! Фердинандъ, король венгерскій,
Сыночекъ императора—вотъ онъ
Спаситель ихъ, встающее свѣтило!
Насъ ни во что не ставятъ ужъ они,
И намъ, какъ отставному, пріискали
Наслѣдника. Не станемъ же терять
Мы времени.
(Обернувшись, замѣчаетъ графа и даетъ ему письмо).
Графъ Альтрингеръ не можетъ
Пріѣхать; Галласъ тоже. Это мнѣ
Не нравится.

ТЕРЦКИ.

А если будешь медлить
Ты долѣе, такъ станутъ уходить,
Одинъ вслѣдъ за другимъ, и остальные.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Графъ Альтрингеръ теперь вѣдь занялъ всѣ
Тирольскіе проходы—надо будетъ
Мнѣ съ кѣмъ нибудь послать ему приказъ
Не пропускать испанцевъ изъ Милана.
Ну, а Сезинъ, шпіонъ нашъ старый—онъ
Вѣдь снова здѣсь недавно появился—
Что онъ привезъ отъ графа Турна?

ТЕРЦКИ.

Графъ
Тебѣ прислалъ сказать, что въ Галберштадтѣ,
Куда теперь конвентъ собрался—былъ
У канцлера онъ шведскаго, и канцлеръ
Ему сказалъ, что онъ усталъ и впредь
Не хочетъ ужъ имѣть съ тобою дѣло.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какая же причина?

ТЕРЦКИ.

Говоритъ,
Что никогда нельзя серьезно вѣрить
Твоимъ словамъ; что шведовъ хочешь ты
Оставить въ дуракахъ, соединиться
Противу нихъ съ саксонцемъ, и отъ нихъ
Въ концѣ концовъ ничтожными деньгами
Отдѣлаться.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вотъ что! А онъ, небось,
Такъ полагалъ, что долженъ я въ добычу
Прекрасную нѣмецкую страну
Ему отдать, чтобъ наконецъ мы сами
Хозяевами перестали быть
На собственной землѣ?.. Прогнать ихъ надо,
Прогнать, прогнать!—Та́кихъ сосѣдей намъ
Не надобно.

ТЕРЦКИ.

Да ты бы уступилъ имъ
Клочекъ земли—вѣдь оторвешь его
Не отъ своей! Ну, что тебѣ за дѣло—
Коль выиграешь ты, кому платить?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Прогнать, прогнать!—Ты этого не можешь
Уразумѣть. Нельзя, чтобъ обо мнѣ
Пошла молва, что на куски разбилъ я
Германію, что чужеземцамъ я
Ее предалъ, чтобъ порціей своею
При этомъ поживиться. Чтить меня
Имперія должна, какъ своего
Защитника, и я, какъ князь имперскій,
Среди князей имперіи хочу
Достойно сѣсть. Я чужеземной власти
Въ имперіи не дамъ пустить корней,
И менѣе всего дамъ это готамъ,
Голоднымъ горемыкамъ, что глядятъ,
Какъ хищники, завистливо и жадно
На все, чѣмъ Богъ нѣмецкую страну
Благословилъ. Пусть помогаютъ планамъ
Они моимъ, но выудить себѣ
Имъ ничего при этомъ не удастся.

ТЕРЦКИ.

Но поступить честнѣй намѣренъ ты
Съ саксонцами? Терпѣнье начинаютъ
Терять они, смотря, какъ ты идешь
Дорогами кривыми. Что же значатъ
Личины эти всѣ? Скажи ты мнѣ!
Друзья твои ужъ стали сомнѣваться;
Ты съ толку ихъ сбиваешь. Оксенштирнъ,
Арнгеймъ, никто изъ нихъ понять не можетъ
Медлительность твою. А я ужъ сталъ
Совсѣмъ лгуномъ—вѣдь это все проходитъ
Черезъ меня. Ты даже ни одной
Бумаги мнѣ не далъ собственноручной.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я ничего, ты знаешь, не даю
Написаннаго мною.

ТЕРЦКИ.

Гдѣ жъ порука
За искренность твою, коли дѣла
Не слѣдуютъ сейчасъ же за словами?
Ну, самъ скажи—все то, что до сихъ поръ
Устроилъ ты съ врагами, точно такъ же
Случиться развѣ не могло, когда-бъ
При этомъ ты намѣревался только
Дурачить ихъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(пристально глядя на него, послѣ паузы).*

Откуда-жъ знаешь ты,

Что ихъ я не дурачу въ самомъ дѣлѣ?
Что точно такъ же не дурачу я
Васъ всѣхъ? Меня успѣлъ узнать ты развѣ
Такъ хорошо? Насколько знаю я,
Моей души еще передъ тобою
Я не открылъ... Да, правда, поступилъ
Не хорошо со мною императоръ,
И *еслибъ* захотѣлъ я, много зла
За то ему надѣлалъ бы. Отрадно
Мнѣ чувствовать могущество мое;
Воспользуюсь ли имъ на самомъ дѣлѣ—
Объ этомъ, полагаю, знаешь *ты*
Не болѣе, чѣмъ всѣ другіе.

ТЕРЦКИ.

Значитъ,
Ты съ нами постоянно велъ игру!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прежніе. Илло.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ въ лагерѣ дѣла? Онъ подготовленъ?

ИЛЛО.

Ты ихъ найдешь настроенными такъ,
Какъ ты желалъ. Про волю государя
Они уже узнали, и шумятъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что Изоланъ?

ИЛЛО.

Онъ твой душой и тѣломъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ ты опять возстановилъ
Его кредитъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что говоритъ Колалто?
Увѣренъ ты, что наши—Деодатъ
И Тифенбахъ?

ИЛЛО.

Они то будутъ дѣлать,
Что сдѣлаютъ Пикколомини.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Значитъ,
По твоему я съ этими людьми
Могу рискнуть?

ИЛЛО.

Да, коль въ Пикколомини
Увѣренъ ты.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

О, какъ въ самомъ себѣ.
Ужъ эти-то всегда со мною будутъ.

ТЕРЦКИ.

Желалъ бы я однако, чтобы ты
Поменьше довѣрялъ лисицѣ этой,
Октавіо.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ну, вотъ, еще меня
Ты поучи, какъ узнавать поближе
Моихъ людей! Я съ этимъ старикомъ
Шестнадцать разъ въ походъ ходилъ. Притомъ же—
Я гороскопъ его поставилъ—мы
Съ нимъ родились вѣдь подъ одной звѣздою...
И словомъ... *(таинственно)* тутъ особая совсѣмъ
Матерія... Такъ что коли ты можешь
Мнѣ за другихъ ручаться...

ИЛЛО.

Всѣ *одно*
Лишь говорятъ: командованья войскомъ
Ты оставлять не долженъ; слышалъ я
Къ тебѣ они шлютъ депутатовъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Если
Хотятъ, чтобъ я *имъ* обязался, пусть
И *мнѣ* они обяжутся.

ИЛЛО.

Понятно.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Они должны мнѣ слово дать—и дать
Съ присягою и письменно, что будутъ
Служить мнѣ *безусловно*.

ИЛЛО.

Отчего жъ
Не дать такого слова?

ТЕРЦКИ.

Безусловно?
Я думаю, что за собой они
Удержатъ долгъ служить и государю,
И Австріи.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нѣтъ безусловно мнѣ.
Ограниченій никакихъ.

ИЛЛО.

Какая
Пришла мнѣ мысль! Сегодня вѣдь графъ Терцки
Для насъ даетъ банкетъ вечерній?

ТЕРЦКИ.

Да,
И генералы званы всѣ.

ИЛЛО *(Валленштейну)*.

Послушай,
Мнѣ полную свободу предоставить
Желаешь ты? Добуду я тебѣ
Согласье генераловъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

На бумагѣ
Добудь его. А какъ устроишь—это
Твое ужъ будетъ дѣло.

ИЛЛО.

Хорошо.
Но если я тебѣ доставлю, ясно

Написаннымъ, что всѣ, какіе здѣсь
Начальники находятся—всѣ слѣпо
Себя передаютъ тебѣ—тогда
Ты наконецъ рѣшишься ли серьезно
Поступкомъ энергическимъ фортуну
Испробовать?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Добудь подписку ихъ.

ИЛЛО.

Обдумай, Валленштейнъ, свой образъ дѣйствій.
Желанье императора исполнить
Не можешь ты; ослабить войско, часть
Своихъ полковъ послать испанцамъ въ помощь—
Нельзя тебѣ, коль выпустить изъ рукъ
Навѣки власть не хочешь. Но обдумай
И сторону другую. Вѣдь нельзя—
Коли съ дворомъ формальнаго разрыва
Не хочешь ты—съ презрѣньемъ относиться
Къ приказамъ императора, нельзя
Увертываться долѣе и дѣло
Оттягивать. Рѣшиться долженъ ты.
Одно изъ двухъ: рѣшительнымъ поступкомъ
Предупредить врага, иль, медля дольше,
До крайности дождаться.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Лучше ждать,
Пока они на крайность не рѣшились.

ИЛЛО.

О, не давай безплодно ускользнуть
Теперешней минутѣ! Рѣдокъ въ жизни
Дѣйствительно великій, важный часъ.
Гдѣ предстоитъ исполниться рѣшенью,
Тамъ съединиться многія должны
Счастливыя условья. Нити счастья,
Случайности на жизненномъ пути
Разсѣяны, безъ связи межъ собою,
И лишь тогда, когда удастся ихъ
Въ едино слить, въ *одинъ* источникъ жизни—
Онѣ свой плодъ приносятъ. Посмотри,
Какую сѣть судьба теперь стянула
Вокругъ тебя, благопріятно какъ
Сложилось все! Цвѣтъ всѣхъ вождей собрался
Вокругъ тебя, ихъ высшаго вождя,
И твоего ждетъ только мановенья.
О, не давай опять имъ разойтись!
Вторично такъ соединить ихъ вмѣстѣ
Тебѣ ужъ не удастся. Наступилъ
Теперь приливъ, который оттолкнетъ
Отъ берега корабль тяжелый въ море,
И каждый порознь чувствуетъ себя
Отважнѣе въ потокѣ цѣлой массы.
Теперь они пока еще съ тобой;
Но скоро ихъ война разсѣетъ снова,
И общій духъ исчезнетъ въ мелочныхъ
Ихъ собственныхъ заботахъ, интересахъ.
Тотъ, кто сегодня опьяненъ, несясь
Со всѣми по теченью, отрезвится,
Когда одинъ останется; свое
Безсилье онъ почувствуетъ и быстро
Вновь повернетъ на старый, торный путь
Рутиною завѣщаннаго долга,
Стараясь объ одномъ—подъ кровъ родной
Добраться бы скорѣе невредимымъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Часъ не насталъ еще.

ТЕРЦКИ.

Ты какъ всегда
Намъ говоришь. Когда же онъ настанетъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Когда скажу.

ИЛЛО.

Да, отъ небесныхъ звѣздъ
Ты до тѣхъ поръ все ждать отвѣта будешь,
Пока звѣзда земная отъ тебя
Не скроется. Вѣрь мнѣ—въ твоей груди,
И только въ ней, заключены всѣ звѣзды
Твоей судьбы. Довѣріе къ себѣ,
Рѣшительность—вотъ что твоя Венера!
Единственный-же Малефикусъ твой,
Чинящій вредъ тебѣ во всемъ—*сомнѣнье*.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ты говоришь, какъ понимаешь вещи.
Ужъ сколько разъ и часто какъ тебѣ
Я объяснялъ!.. Въ тотъ часъ, какъ ты родился,
Юпитеръ, свѣтозарный богъ, уже
Въ закатѣ былъ; проникнуть въ *эти* тайны
Не можешь ты; тебѣ въ удѣлъ дано
Копаться лишь въ землѣ, копаться слѣпо,
Какъ тотъ подземный духъ, что освѣщалъ
Тебѣ вступленье въ жизнь свинцово блѣднымъ
Мерцаніемъ. Для взора твоего
Земное лишь, обычное доступно;
Способенъ ты умно сочетавать
Ближайшее съ ближайшимъ—и вотъ въ этомъ
И вѣрю я тебѣ, и довѣрять
Готовъ. Но то, что въ глубинахъ природы
Таинственно свершаетъ свой процессъ,—
Ту лѣстницу, которая незримо
Возносится мильономъ ступеней
Изъ низеменной земной юдоли праха
Въ надзвѣздный міръ, и по которой силы
Небесныя проходятъ вверхъ и внизъ,
Работая неутомимо;—тѣ
Круги въ кругахъ, что облегаютъ солнце
Центральное все ближе, все тѣснѣй—
Вотъ *это* можетъ видѣть только око,
Ничѣмъ неомраченное, людей,

Родившихся подъ яркимъ чистымъ свѣтомъ
Юпитера,

(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, потомъ останавливается и продолжаетъ):

Не только день и ночь,
Весну и лѣто дѣлаютъ планеты
Небесныя; не только земледѣльцу
Онѣ опредѣляютъ времена
Для сѣянья и жатвы. Нѣтъ, людскія
Дѣянія—посѣвъ такой же всякихъ
Сплетеній роковыхъ на темной почвѣ
Грядущаго, съ надеждой, что его
Взроститъ судьба всесильная. И нужно
Заранѣе изслѣдовать—когда
Начать посѣвъ; необходимо выбрать
Надежный часъ по указанью звѣздъ,
Произвести въ *домахъ* небесныхъ обыскъ
Старательный—не прячется ль въ *углу*
Какомъ нибудь зловредный врагъ, могущій
Сгубить посѣвъ, не дать ему взойти
И вырасти... Поэтому прошу васъ
Дать время мнѣ; а вы межъ тѣмъ свою
Работу продолжайте. Я покамѣстъ
Самъ не могу рѣшительно сказать,
Какъ поступлю; но знаю, что уступки
Не сдѣлаю,—нѣтъ, *этому* не быть!
И должности имъ тоже не удастся
Меня лишить. Ужъ въ этомъ на меня
Спокойно положитесь.

КАМЕРДИНЕРЪ *(входитъ)*.

Генералы!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Проси сюда.

ТЕРЦКИ.

Ты хочешь, чтобы всѣ
Начальники присутствовали?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Это
Не нужно для меня. Пускай войдутъ
Отецъ и сынъ Пикколомини, Буттлеръ,
Марадасъ, Форгачъ, Деодатъ, Караффа
И Изолани.

(Терцки уходитъ съ камердинеромъ).

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(къ Илло)*.

Учредилъ ли ты
Надзоръ за Квестенбергомъ? Не успѣлъ ли
Онъ съ кѣмъ нибудь поговорить тайкомъ?

ИЛЛО.

Я тщательно слѣдилъ за нимъ. Онъ, кромѣ
Октавіо, не видѣлъ никого.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРЕЖНІЕ, КВЕСТЕНБЕРГЪ, *оба* ПИККОЛОМИНИ, БУТТЛЕРЪ, ИЗОЛАНИ, МАРАДАСЪ *и еще* ТРИ ГЕНЕРАЛА. *По знаку Валленштейна Квестенбергъ садится прямо противъ него, остальные—по чину. Минуту длится молчанье.*

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Цѣль вашего посольства, Квестенбергъ,
Извѣстна мнѣ, ее ужъ очень зрѣло
Обдумалъ я, и принялъ вмѣстѣ съ тѣмъ
Рѣшеніе, которое не можетъ
Ничто перемѣнить. Но должно всѣмъ
Начальникамъ изъ вашихъ устъ услышать,
Въ чемъ воля императора. Итакъ,
Угодно ли вамъ будетъ передъ этимъ
Собраньемъ благороднымъ объяснить,
Съ какимъ вы къ намъ явились порученьемъ

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Сейчасъ скажу; но помнить васъ прошу,
Что говоритъ изъ устъ моихъ лишь воля
Монаршая и санъ его,—отнюдь
Не собственная смѣлость.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Предисловье
Вы можете оставить. Дѣло въ чемъ?

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Когда нашъ императоръ соизволилъ
Дать доблестнымъ войскамъ своимъ вождя
Испытаннаго въ ратномъ дѣлѣ, славой
Вѣнчаннаго, въ особѣ вашей, герцогъ,—
Онъ свѣтлую увѣренность питалъ,
Что это назначеніе и быстро,
И счастливо измѣнитъ ходъ войны.
Дѣйствительно, начало оправдало
Желанія монарха: новый вождь
Богемію очистилъ отъ саксонцевъ,
Побѣдное движенье шведскихъ войскъ
Остановилъ, и снова эти земли
Могли вздохнуть свободно и легко.
Когда успѣлъ заставить герцогъ Фридландъ
Всѣ вражескія силы, до тѣхъ поръ
Въ Германіи разсѣянныя всюду,
Стянуться здѣсь; когда, какъ колдовствомъ,
Въ единый пунктъ привлечены имъ были
Рейнграфъ и Баннеръ, Бернгардъ, Оксенштирна,
И даже тотъ король, который былъ
До этихъ поръ непобѣдимъ—съ той цѣлью,
Чтобъ наконецъ рѣшить здѣсь, предъ Нюрнбергомъ,
Кровавую, великую борьбу.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Прошу васъ—къ дѣлу.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Новый духъ тотчасъ же

Свидѣтелемъ явился, что войскамъ
Данъ новый вождь. Слѣпая ярость больше
Ужъ не сражалась съ яростью слѣпой;
Теперь уже вступили въ бой открытый
И правильный, гдѣ твердость начала
Давать отпоръ стремительности смѣлой,
А мудрое искусство—утомлять
Настойчивую храбрость. Тщетно въ битву
Стараются вовлечь его враги,
Онъ дѣлаетъ одно: все глубже, глубже
Здѣсь въ лагерѣ фундаментъ роетъ онъ,
Какъ будто бы на немъ возвесть намѣренъ
Навѣки домъ. Но наконецъ король,
Въ отчаяньи, пойти послѣднимъ штурмомъ
Рѣшается; на бойню онъ влечетъ
Своихъ солдатъ, которыхъ у него
Изъ лагеря, гдѣ трупъ лежитъ на трупѣ,
Уносятъ постепенно голодъ злой
И страшныя болѣзни. Онъ, привыкшій
Лишь побѣждать, теперь желаетъ путь
Себѣ пробить сквозь укрѣпленья, съ коихъ
Изъ тысячи орудій смерть глядитъ.
И грянулъ бой... Подобной обороны
И натиска такого никогда
Людскимъ глазамъ не удавалось видѣть!...
Свои войска, разбитыя въ конецъ,
Король домой уводитъ съ поля битвы,
И ни клочка земли онъ не успѣлъ
Себѣ добыть такою страшной жертвой!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Избавьте насъ то слушать изъ газетъ,
Что съ ужасомъ мы сами пережили.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Мой долгъ и порученье—обвинять;
Но сердцу моему остановиться
На похвалѣ отраднѣе. Король
Передъ стѣнами Нюренберга славу
Свою сложилъ, а въ Люценскихъ равнинахъ—
И жизнь свою. Но какъ же были всѣ
Изумлены, когда послѣ такого
Великаго событья герцогъ Фридландъ,
Вдругъ, точно побѣжденный, отступилъ
Въ Богемію, съ театра битвъ исчезнулъ,
Межъ тѣмъ какъ юный веймарскій герой
Франконіо, преградъ не встрѣтивъ, занялъ,
До береговъ Дуная быстро путь
Себѣ пробилъ и передъ Регенсбургомъ
Явился вдругъ, на горе и на страхъ
Всѣхъ истинныхъ католиковъ. Почтенный
Баварскій князь, въ безвыходномъ своемъ
Стѣсненіи, немедленную помощь
Себѣ зоветъ; съ той просьбой императоръ
Семь посланныхъ—однихъ во слѣдъ другимъ—
Шлетъ къ герцогу и молитъ,—онъ, могущій
Повелѣвать, какъ властелинъ. Напрасно!
Въ тотъ страшный часъ, нося въ своей душѣ
Лишь ненависть старинную и злобу,
Всѣмъ благомъ государства герцогъ нашъ
Пожертвовалъ для наслажденья местью
Старинному врагу—и Регенсбургъ
Плачевно палъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Максъ, о какой порѣ
Здѣсь рѣчь идетъ? Мнѣ память измѣнила.

МАКСЪ.

Онъ говоритъ о той порѣ, когда
Въ Силезіи мы были.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Такъ!. Такъ! Помню...
А для чего ходили мы туда?

МАКСЪ.

Чтобы прогнать и шведовъ, и саксонцевъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да, да... Въ его разсказѣ всю войну
Я позабылъ. *(Квестенбергу)*. Ну, продолжать извольте.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

На Одерѣ, быть можетъ, снова мы
Вернули то, что было на Дунаѣ
Позорно такъ потеряно. Теперь
Уже чудесъ великихъ ожидали
Всѣ отъ войны, въ которой Фридландъ самъ
Велъ въ бой войска. Густава побѣдитель
Передъ собой нашелъ какихъ нибудь
Арнгейма или Турна!... И сходились
Дѣйствительно они между собой,
Но для того, чтобъ чествовать другъ друга
Пріятельски, какъ гостя. Вся страна
Подъ бременемъ войны стонала тяжко,
Но лагерь Валленштейна полонъ былъ
Спокойствія и мира.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Очень много
Кровавыхъ битвъ дается безъ нужды
Лишь потому, что юный полководецъ
Нуждается въ побѣдѣ. Вождь, въ бояхъ
Испытанный, ту выгоду имѣетъ,
Что надобности драться нѣтъ ему,
Чтобъ людямъ всѣмъ доказывать способность
Одерживать побѣды. Мало пользы
Мнѣ принесло бъ, когда бъ свою фортуну
Заставилъ я служить себѣ для боя
Съ какимъ нибудь Арнгеймомъ; но моя
Умѣренная сдержанность была бы
Германіи весьма полезна, еслибъ
Мнѣ удалось расторгнуть навсегда
Столь пагубный для насъ союзъ саксонцевъ
Со шведами.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Однако это вамъ
Не удалось,—и загорѣлась снова
Кровавая война. Здѣсь наконецъ
Князь Валленштейнъ свою былую славу
Вновь оправдалъ. На Штейнаускихъ поляхъ
Оружіе предъ нимъ сложили шведы
Безъ выстрѣла; здѣсь правый Божій судъ
Стариннаго зачинщика всѣхъ бунтовъ,
Проклятую поджогу всей войны
Теперешней, Матвѣя Турна, выдалъ
Во власть врагу и мстителю. Но онъ,
Увы, попалъ къ великодушью въ руки:
Не кару здѣсь—награду онъ нашелъ,
И герцогъ нашъ, съ богатыми дарами,
Архиврагу монарха своего
Свободу далъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(со смѣхомъ).*

Да, знаю, знаю. Въ Вѣнѣ
Заранѣе ужъ платили за наемъ
Окошекъ и балконовъ, чтобъ увидѣть,
Какъ повезутъ его на плаху. Мнѣ
Простили бы за проигрышъ позорный
Сраженія; но отъ того, что я
Эффектнаго спектакля не далъ вѣнцамъ—
Прощенья мнѣ отъ нихъ не получить.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Силезія была теперь свободна,
И герцога все звало поспѣшить
Въ Баварію, гдѣ положеніе было
Ужасное. Дѣйствительно, туда
Онъ двинулся—не торопясь, проходитъ
Богемію путемъ *длиннѣйшимъ*, но,
Еще врага не видѣвши, обратно
Вдругъ повернулъ, остановился здѣсь
На зимнія квартиры, и владѣнья
Монарха нашего отягчены
Монарха же войсками.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Это войско
Пришло тогда въ плачевный самый видъ.
Лишенія въ нужнѣйшемъ, объ удобствахъ
И рѣчи нѣтъ. Что о своихъ войскахъ
Его величество изволитъ думать? Развѣ
Не люди мы? Какъ всякій смертный, мы
Отъ холода, дождя и всякихъ бѣдствій
Не терпимъ, что ль? Проклятая судьба
Солдатская. Куда бы ни явился—
Всѣ прочь бѣгутъ. Откуда ни ушелъ—
Клянутъ его! Все брать онъ долженъ силой,
Никто не дастъ; и такъ какъ принужденъ
Онъ отымать у каждаго, то каждый
Чудовище въ немъ видитъ. Здѣсь мои
Собрались генералы. Деодати!
Караффа! Буттлеръ! Попрошу я васъ
Сказать ему,—съ какихъ ужъ поръ солдатамъ
Не выдаютъ и жалованья?

БУТТЛЕРЪ.

За годъ
Не плачено.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

А жалованье мы
Должны платить солдату непремѣнно.
Отсюда вѣдь названіе—солдатъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Совсѣмъ не то назадъ лѣтъ восемь, девять
Мы слышали отъ герцога.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

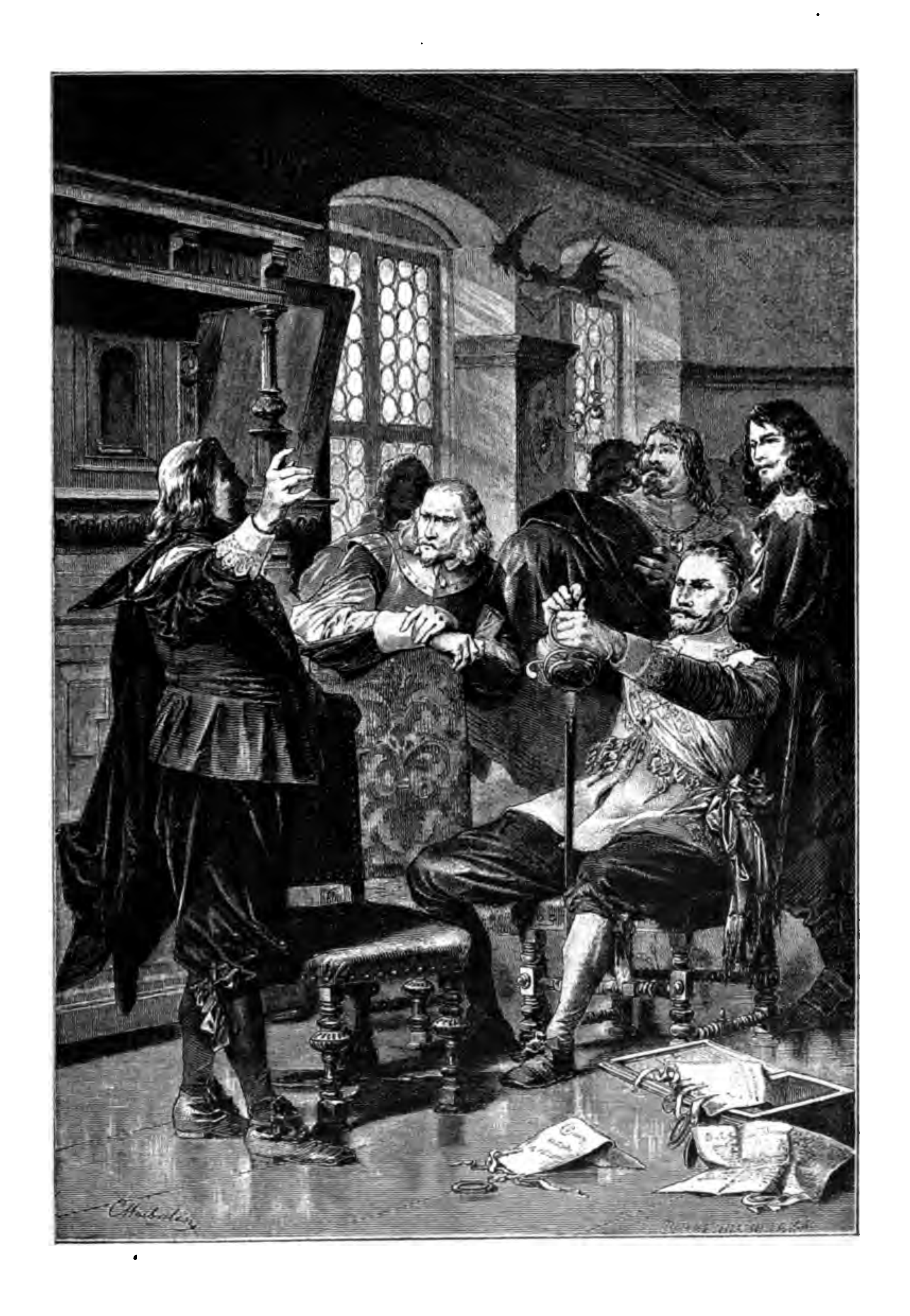
Да, я
Самъ виноватъ, я это знаю; самъ я
Избаловалъ монарха. Девять лѣтъ
Тому назадъ, для датскаго похода
Ему собралъ я войско тысячъ въ сорокъ
Иль пятьдесятъ, и это ни гроша
Его казнѣ не стоило. Въ саксонскихъ
Владѣніяхъ злой духъ войны прошелъ
Неистово, и имени его
Грозу пронесъ онъ до утесовъ Бельта.
Да, были дни хорошіе! Во всей
Имперіи не славился, не чтился
Никто, какъ я, и Альбрехтъ Валленштейнъ
Былъ третій бриллiантъ въ его коронѣ!
Но регенсбургскій общій съѣздъ князей
Разрушилъ все! Тутъ явно и открыто
Увидѣли, для чьихъ я кошельковъ
Хозяйничалъ. Какая же награда
Досталась мнѣ за то, что я, какъ рабъ
Всепреданный, проклятіе народовъ
Себѣ навлекъ, что заставлялъ князей
Платить за ту войну, въ которой славу,
Величіе обрѣлъ лишь *онъ*? Да та,
Что пенямъ ихъ я принесенъ былъ въ жертву—
Я получилъ отставку.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Герцогъ, вамъ,
Я думаю, извѣстно, какъ на съѣздѣ
Несчастномъ томъ подавлена была
Свобода государя.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Смерть и дьяволъ!
Я то *имѣлъ*, что и добыть свободу
Ему могло. Нѣтъ, господинъ посолъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ такъ плохо отплатили
За службу императору въ ущербъ
Имперіи, держусь совсѣмъ иного
Я взгляда на имперію. Да, жезлъ
Фельдмаршальскій вручилъ мнѣ императоръ—
Въ томъ спору нѣтъ; но только я теперь



Имъ дѣйствую уже, какъ полководецъ
Имперіи, для блага *всѣхъ*, не такъ,
Какъ до сихъ поръ—для мощи и величья
Единаго... Однако, къ дѣлу. Что жъ
Вамъ отъ меня потребовать велѣли?

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Во первыхъ, императору угодно,
Чтобъ армія въ кратчайшій самый срокъ
Очистила Богемію.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ походъ? Зимою? Куда жъ приказываютъ нам
Направиться?

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Туда, гдѣ непріятель.
Желаетъ государь, чтобъ Регенсбургъ
Былъ отъ врага до Пасхи ужъ очищенъ,
Чтобъ кончилось служенье лютеранъ
Въ его церквахъ, чтобъ чистый свѣтлый праздникъ
Не оскверняла ересь.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*генераламъ*).

Господа!
Возможно ли намъ это?

ИЛЛО.

Невозможно.

БУТТЛЕРЪ.

Немыслимо.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Полковнику Сюи
Послалъ ужъ императоръ повелѣнье
Въ Баварію направиться.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Сюи
Какъ поступилъ?

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Какъ долженъ былъ, конечно:
Онъ двинулся.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Онъ двинулся! А я,
Я, шефъ его, приказъ далъ очень точный—
Не трогаться! Такъ вотъ какъ власть моя
Поставлена! Такъ вотъ повиновенье,
Мнѣ должное и безъ чего война
Немыслима! Прошу васъ, генералы,
Быть судьями! Что долженъ заслужить
Тотъ офицеръ, что позабывъ присягу,
Начальника приказъ нарушилъ?

ИЛЛО.

Смерть!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*видя, что остальные въ смущеніи молчатъ, возвышаетъ голосъ*).

Что заслужилъ онъ, графъ Пикколомини?

МАКСЪ (*послѣ долгой паузы*)

По буквѣ нашего закона—смерть!.

ИЗОЛАНИ.

Смерть!

БУТТЛЕРЪ.

Смерть ему по воинскому праву!
(*Квестенбергъ встаетъ; за нимъ Валленштейнъ и остальные*).

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Закономъ онъ, не мною осужденъ.
И если я вину ему прощаю,
То ради лишь почтенья моего
Къ особѣ императора.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Коль дѣло
Здѣсь такъ стоитъ, то больше говорить
Мнѣ нечего.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Съ условіями принялъ
Начальство я, и первое изъ нихъ—
Чтобъ ни одна душа, самъ императоръ
Чтобъ не давалъ приказовъ никакихъ
Въ ущербъ моимъ; коль я своею честью
И головой за результатъ войны
Отвѣтствую, то полнымъ господиномъ
Я долженъ быть. Чему обязанъ былъ
Тѣмъ шведъ Густавъ, что всюду оставался
Непобѣдимъ, неодолимъ? Тому,
Что въ *арміи* своей былъ *королемъ* онъ!
А короля—но если только онъ
Дѣйствительно король—ему лишь равный
Могъ побѣждать до этихъ поръ. Но къ дѣлу!
Узнать отъ васъ вѣдь лучшее еще
Осталось намъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Весною изъ Милана
Намѣренъ кардиналъ-инфантъ идти
Съ испанскими войсками въ Нидерланды
Германіей. Чтобъ обезпеченъ былъ
Ему тотъ путь, велитъ вамъ императоръ
Изъ здѣшнихъ войскъ въ охрану восемь конныхъ
Полковъ послать...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да, понялъ, понялъ... Восемь
Полковъ послать... Чтожъ, патеръ Ламорменъ,
Придумано отлично! Будь не столько
Тутъ хитрости проклятой,—этотъ планъ
Не прочь бы я назвать совсѣмъ дурацкимъ.
Такъ восемь тысячъ лошадей?... Да, да,
Разсчитано, какъ слѣдуетъ; я вижу,
Куда идетъ.

КВЕСТЕНБЕРГЪ.

Таинственнаго тутъ
Нѣтъ ничего. Благоразумье этотъ
Совѣтъ даетъ, нужда велитъ ему
Послѣдовать.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ахъ, господинъ посланникъ,
Да неужели-же не замѣчаю я,

Что при дворѣ устали видѣть силу
И главный мечъ въ моихъ рукахъ? Что
тамъ
Хватаются за этотъ поводъ жадно?
Что именемъ испанскимъ нужно имъ
Воспользоваться только, чтобъ ослабить
Мои войска, въ имперію ввести
Власть новую, которая была бы
Не мнѣ подчинена? Прогнать меня
Такъ прямо, вдругъ—для этого покамѣстъ
Еще кажусь я слишкомъ силенъ имъ.
Мой договоръ опредѣляетъ ясно,
Что всѣ войска имперскія, вездѣ,
Гдѣ говорятъ на языкѣ нѣмецкомъ,
Должны быть мнѣ подвластны. О войскахъ
Испанскихъ же и объ инфантахъ разныхъ,
Что вздумаютъ гостями проѣзжать
Имперію,—объ этихъ въ договорѣ
Ни слова нѣтъ. И вотъ теперь они
Молчкомъ его обходятъ, для начала
Хотятъ меня ослабить, послѣ—лишнимъ
Я сдѣлаюсь, ну, а въ концѣ концовъ—
И вонъ меня безъ всякихъ церемоній!...
Да, господинъ министръ, къ чему пути
Окольные? Идите прямо. Ясно,
Что нашего монарха тяготитъ
Условіе со мной. Ему бъ хотѣлось,
Чтобъ я ушелъ. Я сдѣлаю ему
Пріятное. Ужъ это было мною
До вашего пріѣзда рѣшено.
(Между генералами волненіе, постепенно увеличивающееся).
Вотъ за моихъ полковниковъ немало
Я огорченъ; еще не вижу, какъ
Удастся имъ вернуть свои авансы
И должную награду получить.
Вѣдь новое правленіе и новыхъ
Людей съ собой ведетъ, и прежнихъ лѣтъ
Заслуги всѣ старѣютъ очень быстро.
Есть много иностранцевъ въ нашемъ войскѣ,
Но только бы былъ дѣленъ человѣкъ,
Излишнимъ я считалъ освѣдомляться
О родословномъ деревѣ его
Иль катехизисѣ. Но это тоже
Измѣнится теперь... А впрочемъ, мнѣ
До этого всего нѣтъ больше дѣла.
(Садится).

МАКСЪ.

Спаси Господь, чтобъ до того дойти
Могло у насъ. Вся армія возстанетъ
Въ ужаснѣйшемъ волненьѣ. Императоръ
Введенъ въ обманъ... Нѣтъ, это невозможно.

ИЗОЛАНИ.

Нѣтъ, это невозможно, иль должно
Все рушиться въ развалины.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И рухнетъ,
Мой вѣрный Изолани. Все, что мы
Старательно построили—все станетъ
Развалиной. Но только что забьетъ
Вновь барабанъ—какъ новый полководецъ
Отыщется, и новыя войска
Сбѣгутся подъ знамена государя.

МАКСЪ *(въ сильномъ волненіи перебѣгая отъ одного къ другому и успокаивая всѣхъ).*

О, выслушай меня, мой славный вождь!
Послушайте, вы, командиры!... Герцогъ,
Молю тебя, повремени своимъ
Рѣшеніемъ, пока въ совѣтѣ общемъ
Мы дѣла не обсудимъ и тебѣ
Не выскажемъ своихъ соображеній.
Идемъ, друзья! Надѣюсь, все еще
Уладится.

ТЕРЦКИЙ.

Идемъ, идемъ! Въ пріемной
Мы остальныхъ товарищей найдемъ.
(Уходятъ).

БУТТЛЕРЪ *(Квестенбергу).*

Коль добраго совѣта вы готовы
Послушаться, то въ первые часы
Не слѣдуетъ нигдѣ вамъ появляться.
Ключъ золотой едва ли защитить
Способенъ васъ отъ всякихъ оскорбленій.
(За сценой сильный шумъ).

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Совѣтъ хорошъ.—Октавіо, ты мнѣ
Ручаешься за безопасность гостя;
Привѣтъ мой вамъ, фонъ Квестенбергъ!
(Замѣтивъ, что тотъ хочетъ говорить).
Нѣтъ, нѣтъ,
Ни слова о предметѣ ненавистномъ!
Исполнили вы долгъ. Я человѣка
Отъ должности умѣю отличать.

(Въ ту минуту, какъ Квестенбергъ и Октавіо направляются къ выходу, въ комнату врываются ГЕЦЪ, ТИФЕНБАХЪ, КОЛАЛЬТО *и вслѣдъ за ними нѣсколько другихъ генераловъ).*

Вмѣстѣ.

Гдѣ онъ? Гдѣ тотъ, изъ-за кого нашъ
славный...

ТИФЕНБАХЪ.

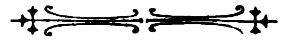
Что слышимъ мы! Ты, ты рѣшился насъ...

КОЛАЛЬТО.

Хотимъ мы жить и умереть съ тобою!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(съ достоинствомъ указывая на Илло).*

Фельдмаршалу моя извѣстна воля.
(Уходитъ).



ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Илло и Терцки.

ТЕРЦКИ.

Скажите жъ мнѣ, что думаете вы
Съ полковниками нашими устроить
На ужинѣ сегодня?

ИЛЛО.

Я прошу
Вниманія. Мы составляемъ запись,
Которою себя мы отдаемъ
Всѣ герцогу, обязываясь тѣломъ
И жизнью всей ему принадлежать
И за него послѣдней капли крови
Не пощадить; но это не въ ущербъ
Той вѣрности, въ которой присягали
Мы нашему монарху. Это вы
Пожалуйста замѣтьте! Оговорку
Такую мы включимъ въ особый пунктъ,
Чтобъ совѣсти ничьей не потревожить.
Но слушайте! Вотъ эта запись имъ
Предъявится предъ ужиномъ; протеста
Ни въ комъ она не встрѣтитъ. А теперь
Послушайте вы дальше. Послѣ пира,
Когда откроютъ винные пары
У нихъ сердца, глаза же затуманятъ,—
Подсунется для подписи имъ листъ
Уже другой, въ которомъ „пунктъ особый"
Не впишется.

ТЕРЦКИ.

Какъ! Можете ли вы
Разсчитывать, что связанными будутъ
Они себя считать подпиской той,
Которую намъ удалось обманомъ
У нихъ добыть?

ИЛЛО.

И тѣмъ не менѣ ихъ
Мы свяжемъ. Пусть потомъ сколько угодно

Кричатъ, что ихъ коварно провели—
Но при дворѣ ихъ подписямъ повѣрятъ
Скорѣй, чѣмъ всѣмъ священнымъ клятвамъ
ихъ.
А разъ они измѣнники—такими
Остаться ужъ придется.

ТЕРЦКИ.

Что жъ! По мнѣ
Все хорошо и ладно, лишь бы сдѣлать
Хоть что-нибудь, и наконецъ могли бъ
Мы двинуться.

ИЛЛО.

Притомъ же, вѣдь важнѣе
Всего для насъ не то, на сколько мы
Успѣемъ съ генералами; все дѣло
Тутъ только въ томъ, чтобъ герцога могли
Мы убѣдить, что онъ въ нихъ всѣхъ имѣетъ
Своихъ людей: разъ только онъ начнетъ
Такъ дѣйствовать, какъ будто твердо вѣря
Въ ихъ преданность, они—въ его рукахъ,
И увлечетъ ихъ всѣхъ онъ за собою.

ТЕРЦКИ.

Повременамъ совсѣмъ я не могу
Его понять. Вдругъ начинаетъ слушать
Своихъ враговъ, прикажетъ мнѣ писать
Арнгейму или Турну, предъ Сезиной
Нисколько не стѣсняется раскрыть
Всего себя, намъ цѣлыми часами
Разсказываетъ замыслы свои;
Но въ тотъ моментъ, когда вообража я:
„Теперь онъ мой"—вдругъ выскользнетъ
изъ рукъ,
И кажется, что у него иного
Желанья нѣтъ, какъ не мѣнять своей
Позиціи.

ИЛЛО.

Ему отъ старыхъ плановъ
Отречься? Нѣтъ! Могу увѣрить васъ,
Что на яву, во снѣ, о нихъ онъ только
И думаетъ день за день, лишь о нихъ
Планеты вопрошаетъ...

ТЕРЦКИ.

Это правда.
Вы знаете ль, что въ нынѣшнюю ночь
Онъ съ докторомъ въ своей запрется башнѣ,
Чтобъ наблюдать свѣтила? Слышалъ я,
Что эта ночь—какая-то особо
Ужъ важная, и на небѣ должно
Произойти какъ будто что-то очень
Великое и жданное давно.

ИЛЛО.

Ахъ, если бы да приключилось это
И здѣсь внизу! Вѣдь рвенія полны
Теперь всѣ генаралы, и конечно
Пойдутъ на все, чтобъ только сохранить
Начальника. Вы видите, намъ поводъ
Представился сплотить себя въ союзъ
Противъ двора; по внѣшности—невинный
У насъ предлогъ: желаютъ удержать
За герцогомъ командованье только.
Но хорошо вы знаете—въ жару
Преслѣдованья плана очень скоро
Теряется изъ глазъ исходный пунктъ.
Я думаю устроить такъ, чтобъ герцогъ
Нашелъ ихъ всѣхъ готовыми, чтобъ онъ
Считалъ ихъ всѣхъ готовыми на всякій
Опасный рискъ. Дѣла сложились такъ,
Что соблазнятъ его. Сверши онъ только
Великій шагъ, котораго ему
Дворъ не проститъ—и сила обстоятельствъ
Его сама ужъ будетъ увлекать
Все далѣе и далѣе. Тутъ можетъ
Лишь въ выборѣ онъ затрудниться; но
Придетъ нужда—и вновь къ нему вернется
И сила вся, и ясность взгляда.

ТЕРЦКИ.

Врагъ
Того и ждетъ, чтобъ войско къ намъ на-
править.

ИЛЛО.

Ну, графъ, идемъ. Въ пять-шесть ближай-
шихъ дней
Обязаны мы двинуть дѣло дальше,
Чѣмъ двинулось оно за столько лѣтъ.
И вѣрьте мнѣ—пусть только намъ удастся
Здѣсь на землѣ, засвѣтятъ намъ къ добру
И на небѣ планеты... Генералы
Насъ ждутъ—идемъ. Желѣзо мы должны
Ковать, пока горячее.

ТЕРЦКИ.

Идите
Вы, Илло, къ нимъ; графиню Терцки я
Здѣсь долженъ ждать. Мы тоже вѣдь не
праздны:
Одинъ снурокъ порвется—а другой
Уже готовъ.

ИЛЛО.

Да, у супруги вашей
Я хитрую улыбочку не разъ
Ужъ замѣчалъ. Какіе планы?

ТЕРЦКИ.

Это
Пока секретъ. Но тише. Вотъ она.
(Илло уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

ГРАФЪ *и* ГРАФИНЯ ТЕРЦКИ; *она выходитъ изъ сосѣдней комнаты*; *потомъ* СЛУГА; *вслѣдъ затѣмъ* ИЛЛО.

ТЕРЦКИ.

Идетъ она? Его не могъ я дольше
Задерживать.

ГРАФИНЯ.

Она сейчасъ здѣсь будетъ.
Пошли его.

ТЕРЦКИ.

Не знаю, право, я,
Заслужимъ ли мы этимъ благодарность
У герцога. Ты знаешь вѣдь, что онъ
На этотъ счетъ свой взглядъ еще ни разу
Не высказывалъ. Я далъ тебѣ себя
Уговорить, и ты сама конечно
Сообразишь, какъ далеко зайти
Возможно намъ.

ГРАФИНЯ.

Все на себя беру я.
Тутъ никакихъ не нужно полномочій.
(*Въ сторону*). Любезный зять, другъ друга мы безъ словъ
Вѣдь поняли. Не догадалась развѣ
Я, для чего дочь вызвана сюда
И почему *онъ* именно былъ выбранъ
Отправиться за нею? Пусть другихъ
Дурачатъ здѣсь, придумавъ обрученье
Съ невѣдомымъ какимъ-то женихомъ—
Меня тебѣ не обмануть; и право,
Участвовать въ такой игрѣ тебѣ
Совсѣмъ не подобаетъ. Предоставилъ
Ты все моей прозорливости. Что-жъ!
Я думаю, что ты не ошибешься
Въ своей сестрѣ, и...

СЛУГА (*докладываетъ*).

Генералы! (*уходитъ*).

ТЕРЦКИ (*графинѣ*).

Ты
Пожалуйста разгорячи побольше
Въ немъ голову, намеками его
Такъ отумань, чтобъ онъ, прійдя на ужинъ,
Не долго колебался подписать.

ГРАФИНЯ.

А ты займись внимательно гостями.
Иди жъ и посылай его сюда.

ТЕРЦКИ.

Отъ подписи его вѣдь все зависитъ.

ГРАФИНЯ.

Ступай, ступай къ гостямъ.

ИЛЛО (*возвращаясь*).

Ну, что же, графъ?
Ужъ полонъ залъ, и васъ всѣ ожидаютъ.

ТЕРЦКИ.

Сейчасъ, сейчасъ. (*Графинѣ*). И слишкомъ долго здѣсь
Пусть онъ не остается: подозрѣнье,
Пожалуй, мы возбудимъ въ старикѣ.

ГРАФИНЯ.

Излишняя забота!

(*Терцки и Илло уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Графиня Терцки. Максъ Пикколомини.

МАКСЪ (*робко смотря въ дверь*).

Тетя Терцки!
Позволите войти?
(*Доходитъ до середины комнаты и съ безпокойствомъ оглядывается вокругъ*).
Ея здѣсь нѣтъ!
Но гдѣ жъ она?

ГРАФИНЯ.

Получше поищите
Вонъ въ томъ углу; быть можетъ, скрылась тамъ
За ширмами.

МАКСЪ.

Вотъ, вотъ ея перчатки!
(*Хочетъ ихъ взять, графиня беретъ къ себѣ*).

МАКСЪ.

Ахъ, тетушка недобрая! Ее
Вы прячете нарочно... вамъ пріятно
Меня терзать!

ГРАФИНЯ.

Вотъ за мои труды
Признательность!

МАКСЪ.

Ахъ, если бы вы только
Могли понять, что у меня въ душѣ!
Съ минуты той, какъ здѣсь мы—за собою
Такъ наблюдать, такъ извѣшивать слова,
Свой каждый взглядъ! Мнѣ это непривычно.

ГРАФИНЯ.

Мой добрый другъ, придется вамъ еще
Ко многому привыкнуть. Эту пробу
Покорности я требую отъ васъ
Особенно настойчиво; и только
Подъ этимъ лишь условіемъ могу
Заняться всѣмъ.

МАКСЪ.

Но гдѣ она, скажите?
И отчего здѣсь нѣтъ ея?

ГРАФИНЯ.

Должны
Вы это все отдать въ мои лишь руки.
Повѣрьте мнѣ—такихъ друзей, какъ я,
Вамъ не найти. Объ этомъ знать не долженъ
Никто, никто... и даже—вашъ отецъ;
Онъ—менѣе, чѣмъ всѣ другіе.

МАКСЪ.

Это
Излишне мнѣ совѣтовать. Здѣсь нѣтъ
Ни одного лица, передъ которымъ
Рѣшился бы разоблачить я то,
Что душу мнѣ восторженно волнуетъ!

О, дорогая тетя! Неужели
Все измѣнилось здѣсь, иль измѣнился
Я, я одинъ? Вокругъ меня теперь
Какъ будто бы чужіе люди. Прежнихъ
Желаній, думъ и радостей моихъ
Нѣтъ и слѣда. Куда ушло все это?
До этихъ поръ вѣдь этотъ самый міръ
Мнѣ нравился. Но какъ въ немъ стало пусто,
Какъ пошло все! Товарищей моихъ
Не выношу, съ отцомъ не знаю даже,
Что говорить; служебныя дѣла,
Оружіе, пустой игрушкой стали.
Такъ чувствуетъ, я думаю, себя
Блаженный духъ, который изъ пріюта
Безсмертныхъ наслажденій долженъ былъ
Вернуться вновь къ своимъ забавамъ дѣтскимъ,
Къ своимъ дѣламъ, наклонностямъ, связямъ,
Всему тому, что доля человѣка—
Плачевная и жалкая.

ГРАФИНЯ.

Должна
Однако я васъ попросить—на этотъ
Ничтожный міръ хоть бѣглый бросить взглядъ;
Въ немъ именно теперь вѣдь происходятъ
Важнѣйшія событья.

МАКСЪ.

Что-то здѣсь
Вокругъ меня свершается; по шуму,
Волненьямъ необычнымъ это я
Замѣтить могъ. Когда все дѣло будетъ
Готово, рѣшено—и до меня
Оно дойдетъ. Какъ думаете, тетя,
Куда ходилъ не давно я? Но вы,
Пожалуйста, не смѣйтесь! Шумный лагерь,
Приливъ, отливъ несноснѣйшихъ знакомствъ,
Безцвѣтныя остроты, разговоры
Ничтожные—все опостыло мнѣ,
Давило грудь; я чувствовалъ потребность
Бѣжать, найти для сердца моего
Безмолвіе, для моего блаженства—
Міръ чистоты. Не улыбайтесь!.. Я—
Я въ церкви былъ. Здѣсь, у „Воротъ Небесныхъ",
Есть монастырь. Туда пошелъ я, тамъ
Я былъ одинъ. Надъ алтаремъ висѣла
Христова Мать. Самъ образъ былъ плохой,
Но то былъ другъ, который въ ту минуту
Былъ нуженъ мнѣ. Какъ часто видѣлъ я
Пречистую въ Ея сіяньѣ пышномъ,
Средь пламенныхъ поклонниковъ—меня
Не трогало... и вотъ теперь внезапно
Постигнулъ я и вѣру, и любовь!

ГРАФИНЯ.

И счастіемъ своимъ вы наслаждайтесь,
Забудьте міръ, что окружаетъ васъ;
А дружба между тѣмъ усердно будетъ
И бодрствовать, и дѣйствовать за васъ.
Вамъ слѣдуетъ повиноваться только,
Когда вашъ другъ указываетъ вамъ
Путь къ счастію.

МАКСЪ.

Но гдѣ жъ она такъ долго?..
О, золотые дни поѣздки—дни,
Когда меня соединяли съ нею
Лучи зари, а разлучала—ночь!
Не сыпался песокъ часовъ, и стрѣлки
Не двигались; въ блаженствѣ неземномъ,
Казалось мнѣ, что вѣчное движенье
Остановило время. О, съ небесъ
Низвергнутъ тотъ, кто бѣгъ часовъ не можетъ
Не замѣчать! Кто счастливъ—для того
Часы не бьютъ.

ГРАФИНЯ.

Когда вы ей открыли
Свою любовь?

МАКСЪ.

Сегодня утромъ я
Осмѣлился впервые...

ГРАФИНЯ.

Какъ, сегодня?
Сегодня лишь за эти двадцать дней?

МАКСЪ.

То было на пути межъ Непомукомъ
И Пильзеномъ, на станціи послѣдней
Дороги всей, въ охотничьемъ дому,
Гдѣ вы догнали насъ. Мы съ ней стояли
У одного окна, вперивъ глаза
Въ пустынное пространство... Къ намъ подъѣхалъ
Отрядъ драгунъ, которыхъ герцогъ
Сопровождать васъ выслалъ... Тяжкимъ гнетомъ
Лежалъ на мнѣ разлуки страхъ,—и вотъ,
Я... наконецъ... дрожа, сказать рѣшился:
„Да, это мнѣ напомнило, княжна,
Что предстоитъ сегодня мнѣ разлука
Со счастіемъ. Чрезъ нѣсколько часовъ
Вы будете съ отцомъ своимъ, средь новыхъ
Своихъ друзей, а я... я стану снова
Для васъ чужимъ, затерянномъ въ толпѣ..."
—„Поговорите съ тетей Терцки", быстро
Отвѣтила она, румянецъ яркій
Разлился по щекамъ прекраснымъ, голосъ
Ея дрожалъ, поникшіе глаза
Приподнялись—и встрѣтились съ моими...
Владѣть собой я долѣе не могъ

(Княжна показывается въ дверяхъ и оста-

навливается, замѣченная графинею, но не Максомъ).
И смѣло заключилъ ее въ объятья...
Мои уста ея коснулись устъ...
Но тутъ шаги, раздавшись въ смежной залѣ,
Разъединили насъ... То были вы...
Теперь вамъ все извѣстно, что случилось.

ГРАФИНЯ *(послѣ короткаго молчанія, украдкой бросивъ взоръ на Тэклу).*
И неужели вы такъ скромны, или въ васъ
Такъ мало любопытства, что о тайнѣ,
Которую и я имѣю, вы
Не спросите меня?

МАКСЪ.
О вашей тайнѣ?

ГРАФИНЯ.
Ну, да, о томъ, какъ тотчасъ вслѣдъ за вами
Я въ комнату вошла; какъ тамъ нашла
Племянницу, что въ первую минуту
Сердечнаго волненья...

МАКСЪ.
Что же, что?

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ. ТЭКЛА *быстро выходитъ на авансцену.*

ТЭКЛА.
Вы отъ труда себя избавьте, тетя!
Онъ отъ меня услышитъ это лучше,
Чѣмъ отъ другихъ.

МАКСЪ *(отступая).*
Княжна!... О, что сказать
Заставили меня вы, тетя Терцки!

ТЭКЛА *(графинѣ).*
Давно онъ здѣсь?

ГРАФИНЯ.
Ну, да; и долженъ скоро
Опять уйти... И отчего не шла
Такъ долго ты?

ТЭКЛА.
Ахъ, матушка опять
Такъ плакала! Она страдаетъ—это
Я вижу, и однако не могу
Сама не быть счастливой.

МАКСЪ *(погруженный въ созерцаніе ея).*
Вновь я смѣю
Глядѣть на васъ. За нѣсколько часовъ
Не могъ смотрѣть. Блескъ драгоцѣнныхъ камней,
Который васъ такъ пышно окружалъ,
Скрывалъ, увы, души моей царицу
Отъ глазъ моихъ.

ТЭКЛА.
Такъ, значитъ, на меня
Смотрѣли лишь глаза, не сердце ваше.

МАКСЪ.
О, Боже мой, когда сегодня утромъ
Я васъ нашелъ въ кругу родныхъ, друзей,
Въ объятіяхъ отца, когда увидѣлъ
Себя средь нихъ чужимъ—какъ мнѣ хотѣлось
Упасть къ нему на грудь, назвать его
Своимъ *отцомъ!* Но взглядъ его суровый
Душевному волненью моему
Давалъ отпоръ, и страхъ въ меня вселяли
Тѣ яркіе алмазы, что вкругъ васъ,
Подобные вѣнцу изъ звѣздъ, сверкали!
О, отчего волшебною чертой
Онъ отдѣлилъ, при первой встрѣчѣ съ вами,
Васъ отъ меня, и ангела убралъ
Какъ будто бы для жертвоприношенья,
И сана своего печальный гнетъ
На радостное сердце ваше кинулъ.
Любовь властна просить любовь идти
Рука съ рукой; но приближаться къ блеску
Подобному доступно лишь царямъ.

ТЭКЛА.
Ахъ, полно-же объ этомъ маскарадѣ!
Вы видите, какъ быстро это бремя
Я сбросила. *(Графинѣ).* Совсѣмъ не веселъ онъ.
Какая-же причина! Вѣрно, тетя
Вы это такъ настроили его!
Совсѣмъ иной онъ, право, былъ въ дорогѣ:
Такъ радостно спокоенъ, живо такъ
Краснорѣчивъ! Такимъ желала бъ видѣть
Его всегда, и никогда инымъ.

МАКСЪ.
Вы здѣсь нашли отцовскія объятья
И новый міръ, который, преклонясь
Почтительно предъ вами, ваши взоры
Хотя бы ужъ своею новизной
Чаруетъ.

ТЭКЛА.
Да! я отрицать не стану,
Что многое меня чаруетъ здѣсь—
Отраденъ мнѣ видъ этой пестрой сцены
Военнаго театра; предо мной
Проводитъ онъ въ различныхъ формахъ образъ
Мнѣ дорогой; благодаря ему,
Связую я съ дѣйствительною жизнью
То, что пока прекраснымъ только сномъ
Казалось мнѣ.

МАКСЪ.
А для меня онъ сдѣлалъ
Дѣйствительное счастье только сномъ.
На островѣ среди высотъ эѳира
Всѣ эти дни послѣдніе я жилъ—

И вотъ теперь спустился онъ на землю,
И этотъ мостъ, которымъ къ прежней жизни
Я возвращенъ, отъ неба моего
Вдругъ оторвалъ меня.

ТЭКЛА.

Когда мы въ сердцѣ
Надежное сокровище хранимъ,
Жизнь кажется свѣтлѣе и отраднѣй,
И мнѣ теперь, поближе здѣсь узнавъ
Ея игру, тѣмъ радостнѣй вернуться
Къ сокровищу тому, что мнѣ одной
Принадлежитъ...

(*Переходя въ шутливый тонъ*).

Скажите: много новыхъ,
Неслыханныхъ вещей за это время
Короткое мнѣ довелось узнать,—
Но всѣ онѣ блѣднѣютъ передъ чудомъ,
Которое таинственно вашъ замокъ
Хранитъ въ себѣ.

ГРАФИНЯ (*вспоминая*).

Что жъ это можетъ быть?
Всѣ темные углы вѣдь въ этомъ домѣ
Извѣстны мнѣ.

ТЭКЛА (*улыбаясь*).

Туда дорогу духи
Усердно охраняютъ. У дверей
На стражѣ два грифона.

ГРАФИНЯ (*смѣясь*).

А, о башнѣ
Астрологической ты говоришь! Но какъ
Въ святилище, куда такъ строго доступъ
Для всѣхъ закрытъ, такъ скоро ужъ могли
Тебя впустить?

ТЭКЛА.

Какой то человѣчекъ,
Съ сѣдыми волосами и лицомъ
Привѣтливымъ, сейчасъ же благосклонность
Мнѣ оказалъ и двери отворилъ.

МАКСЪ.

А, герцога астрологъ, Сени!

ТЭКЛА.

Онъ
Мнѣ задавалъ различные вопросы:
Въ какой я день и мѣсяцъ родилась,
И днемъ ли, или ночью...

ГРАФИНЯ.

Это значитъ—
Твой гороскопъ хотѣлъ составить онъ.

ТЭКЛА.

Осматривалъ мою онъ тоже руку,
И кажется, что линіи на ней
Не нравились ему: тревожно какъ-то
Онъ головой покачивалъ.

ГРАФИНЯ.

Скажи,
Какимъ нашла ты этотъ залъ? Мнѣ видѣть
Его лишь мимоходомъ привелось
До этихъ поръ.

ТЭКЛА.

Я ощутила что-то
Необычное, когда вошла туда:
Весь яркій день смѣнился вдругъ зловѣщей
Ночною тьмой, чуть-чуть лишь освѣщенной
Таинственнымъ мерцаньемъ. Предо мной
Стояли полукругомъ семь иль восемь
Статуй царей со скипетромъ въ рукѣ
И со звѣздой на головѣ у каждой,
И этотъ свѣтъ, что въ башнѣ былъ разлитъ,
Весь исходилъ, какъ мнѣ казалось, только
Отъ этихъ звѣздъ. Путеводитель мой
Мнѣ объяснилъ, что это все—планеты,
Что въ ихъ рукахъ лежатъ судьбы людей,
И потому ихъ представляютъ въ видѣ
Царей; вотъ тотъ—суровый, злой старикъ,
Украшенный звѣздою мрачножелтой—
Сатурнъ, а тотъ, что выше помѣщенъ
Какъ разъ надъ нимъ, въ доспѣхахъ бранныхъ, съ красной
Звѣздою—Марсъ, и оба мало счастья
Приносятъ человѣку; рядомъ съ нимъ
Красавица стояла, кроткимъ свѣтомъ
Ея звѣзда горѣла, то Венера,
Планета наслажденій; слѣва былъ
Меркурій окрыленный, а въ срединѣ,
Вокругъ себя лилъ серебристый блескъ
Мужъ съ царственнымъ челомъ, со свѣтлымъ взоромъ—
Юпитеръ, моего отца звѣзда;
А по бокамъ его—луна и солнце.

МАКСЪ.

О, никогда не буду я хулить,
Что вѣритъ онъ въ планеты, въ силу духовъ.
Не только изъ *гордыни* человѣкъ
Воздушное пространство населяетъ
Таинственными силами; тѣсна
Обычная природа и для сердца,
Согрѣтаго любовью; въ сказкахъ тѣхъ,
Что слышалъ въ дѣтствѣ я, значенье глубже,
Чѣмъ въ правдѣ той, которой учитъ жизнь.
Да, свѣтлый міръ чудесъ необъяснимыхъ
Одинъ даетъ отвѣты моему
Восторженному сердцу, открываетъ
Мнѣ вѣчныя пространства и ко мнѣ
Со всѣхъ сторонъ протягиваетъ вѣтви,
Чтобы на нихъ качаться могъ мой духъ,
Блаженно опьяненнымъ... Въ сказкѣ видитъ
Любовь себя на родинѣ; для ней
Отрадно жить межъ фей, межъ талисмановъ;
И вѣрится въ боговъ ей потому—
Что и она божественна. На свѣтѣ
Теперь уже нѣтъ сказочныхъ существъ

Былой поры; исчезло поколѣнье
Чудесное; но сердце вѣдь должно
Имѣть языкъ, и чувство, въ немъ отъ вѣка
Живущее, вновь вызываетъ въ немъ
Былыя имена; и тѣ созданья,
Что нѣкогда привѣтливо съ людьми
Дѣлили жизнь, теперь на звѣздномъ небѣ
Свершаютъ путь, и любящимъ привѣтъ
Оттуда посылаютъ; и донынѣ
Все мощное дается человѣку
Юпитеромъ, и все, что красота—
Венерою.

ТЭКЛА.

О, если только *это*—
Наука звѣздъ, то къ этой свѣтлой вѣрѣ
Я радостно примкну. Отрадна мысль,
Что съ первой-же минуты нашей жизни,
Блестящія надъ нашей головой,
На высотахъ неизмѣримыхъ звѣзды—
Уже сплели вѣнецъ любви для насъ.

ГРАФИНЯ.

У неба есть не только розы; тоже
Шипы оно имѣетъ... твой вѣнецъ
Пусть никогда не будетъ раненъ ими!
Что сказано Венерою—звѣздой
Счастливою, то можетъ Марсъ, планета
Несчастія, внезапно разорвать.

МАКСЪ.

Конецъ его суроваго господства
Ужъ недалекъ. Благословенна будь
Достойная работа Валленштейна!
Онъ соплететъ съ масличной вѣтвью лавръ
И подаритъ обрадованнымъ людямъ
Блаженный миръ. Затѣмъ ужъ ничего
Желать здѣсь не останется великой
Его душѣ; для славы онъ своей
Все совершилъ, отнынѣ жить онъ можетъ
Для самаго себя и для своихъ.
Въ имѣнія свои онъ удалится;
Прекрасное жилище у него
Есть въ Гитчинѣ, великолѣпны тоже
И Рейхенбергъ, и замокъ Фридландъ; цѣпь
Его лѣсовъ охотничьихъ доходитъ
До Исполинскихъ горъ. Тамъ можетъ онъ
Осуществлять свободно мысли, планы;
Тамъ царственно онъ можетъ поощрять
Искусства всѣ, оказывать поддержку
Достойному, прекрасному всему;
Онъ можетъ тамъ сооружать, и сѣять,
И наблюдать свѣтила... Если жъ мощь
Отважная не будетъ въ состояньи
Въ покоѣ пребывать, то можетъ онъ
Бороться со стихіями: теченье
Рѣки мѣнять, взрывать скалу, открыть
Легчайшій путь торговлѣ... И о нашихъ
Военныхъ приключеньяхъ будемъ мы
Разсказывать другъ другу въ зимній вечеръ...

ГРАФИНЯ.

Все это такъ... однако я должна
Вамъ дать совѣтъ—не слишкомъ торопиться
Сложить свой мечъ. Невѣста вѣдь такая,
Я думаю, достойна, чтобъ ее
Добыть мечомъ.

МАКСЪ.

О, если бъ можно было
Добыть ее оружіемъ!

ГРАФИНЯ.

Что тамъ?
Вы ничего не слышите?... Въ столовой
Послышался мнѣ шумъ и рѣзкій споръ.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тэкла *и* Максъ Пикколомини.

ТЭКЛА *(тотчасъ же по уходѣ графини, быстро и шопотомъ Максу).*

Не вѣрь ты имъ... Все фальшь...

МАКСЪ.

Возможно ль!

ТЭКЛА.

Кромѣ
Меня, не вѣрь здѣсь никому. У нихъ
Есть планъ. Тотчасъ замѣтила я это.

МАКСЪ.

Планъ? Но какой? Какая польза имъ
Намъ подавать надежды?...

ТЭКЛА.

Я не знаю.
Но только вѣрь, что осчастливить насъ,
Соединить, они не помышляютъ.

МАКСЪ.

Да и къ чему здѣсь эти Терцки? Мы
Твою вѣдь мать имѣемъ. Заслужила
Она своею добротой, чтобъ мы
Ей дѣтски довѣрялись.

ТЭКЛА.

Знаю, любитъ
Тебя она и цѣнитъ выше, чѣмъ
Всѣхъ остальныхъ, но никогда не хватитъ
Въ ней смѣлости такую тайну скрыть
Отъ моего отца; и намъ, ужъ ради
Спокойствія ея, открыться ей
Не слѣдуетъ.

МАКСЪ.

Все тайна, тайна!.. Знаешь,
Что сдѣлать я намѣренъ? Брошусь я
Къ ногамъ отца, съ мольбой, чтобъ самъ онъ счастье
Мое рѣшилъ; онъ искрененъ, онъ врагъ

Кривыхъ путей, не знаетъ онъ притворства,
Онъ добръ, онъ благороденъ.

ТЭКЛА.

Это ты
И добръ, и благороденъ!

МАКСЪ.

Ты узнала
Его сегодня только. Я при немъ
Ужъ десять лѣтъ. Сверши онъ вдругъ что либо
Нежданное,—такъ развѣ въ первый разъ
То было бы? Уже въ его натурѣ—
Внезапностью поступковъ поражать,
Какъ божество; онъ долженъ постоянно
И изумлять, и приводить въ восторгъ,
И можетъ быть—какъ знать?—въ минуту эту
Онъ ждетъ признанья только твоего—
Не моего—чтобъ съединить насъ... Смотришь
Ты на меня съ сомнѣньемъ... Ты молчишь...
Но что же ты противъ отца имѣешь?

ТЭКЛА.

Я? Ничего... Я только нахожу,
Что слишкомъ ужъ онъ занятъ, чтобы время,
Досугъ имѣть о счастьѣ нашемъ думать.
(Нѣжно беретъ его за руку).
Бери примѣръ съ меня. Не будемъ слишкомъ
Довѣрчивы мы къ людямъ. Этимъ Терцки—
Ему и ей—конечно, будемъ мы
Признательны за всякую услугу,
Но довѣрять—на столько лишь, на сколько
Они того заслужатъ; въ остальномъ—
Положимся, мой другъ, на наше сердце.

МАКСЪ.

О, суждено-ль дождаться счастья намъ
Когда нибудь?

ТЭКЛА.

Да развѣ мы съ тобою
Не счастливы? Да развѣ ты не мой?
Я не твоя? Высокая отвага
Въ моей душѣ; ее даетъ—любовь.
Мнѣ слѣдовало-бъ меньше откровенной
Съ тобою быть, побольше закрывать
Передъ тобою сердце—по законамъ
Приличія; но гдѣ же правду здѣсь
Нашелъ бы ты, когда-бъ не говорили
Ее тебѣ мои уста?... Судьбой
Мы сведены—сплетемъ свои объятья
Навѣки, неразрывно. Это, Максъ—
Вѣрь мнѣ—гораздо больше, чѣмъ входило
Въ разсчеты ихъ... Такъ будемъ же хранить
Мы въ тайникѣ сердечномъ, какъ покражу
Священную, блаженство наше. Къ намъ
Оно съ высотъ небесныхъ опустилось
И за него мы будемъ только небу
Признательны. Для насъ, быть можетъ, чудо
Оно свершитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЖНІЕ. ГРАФИНЯ ТЕРЦКИ.

ГРАФИНЯ *(быстро).*

Меня прислалъ мой мужъ...
Скорѣй, скорѣй на ужинъ!
(Они не обращаютъ вниманія, она становится между ними).
Разойдитесь!

ТЭКЛА.

О, нѣтъ еще! Вѣдь онъ и двухъ минутъ
Не пробылъ здѣсь.

ГРАФИНЯ.

Вамъ быстро мчится время
Племянница-принцесса.

МАКСЪ.

Ничего
Нѣтъ спѣшнаго, графиня.

ГРАФИНЯ.

Уходите
Скорѣе уходите! Тамъ ужъ ваше
Отсутствіе замѣтно. Вашъ отецъ
О васъ освѣдомился ужъ два раза.

ТЭКЛА.

Отецъ! Ну, чтожъ такое?

ГРАФИНЯ.

Это вы
Должны понять, племянница.

ТЭКЛА.

Да развѣ
Обязанъ онъ въ собраньяхъ этихъ быть?
Совсѣмъ ему не мѣсто тамъ. Быть можетъ,
Достойные все это люди, но
Для нихъ онъ слишкомъ молодъ, не пригоденъ
Онъ для такой компаніи.

ГРАФИНЯ.

А ты,
Пожалуй, предпочла бы, чтобъ остался
Онъ здѣсь совсѣмъ?

ТЭКЛА *(живо).*

Вы угадали. Такъ
Я думаю. Да, пусть онъ остается
Со мною здѣсь; и этимъ господамъ
Пошлите вы сказать...

ГРАФИНЯ.

Ты помѣшалась,
Племянница?... Графъ, не забыли вы
Условія...

МАКСЪ.

Я долженъ подчиниться,
Иду. Принцесса до свиданья.
(Она быстро отворачивается).
Что
Сказали вы?

ТЭКЛА (*не глядя на него*).
Я? Ничего. Идите.

МАКСЪ.
Могу-ль уйти, когда вы на меня
Разгнѣвались?

(Онъ подходитъ къ ней, ихъ глаза встрѣчаются; она стоитъ минуту молча, потомъ бросается къ нему на грудь, онъ крѣпко прижимаетъ ее къ себѣ).

ГРАФИНЯ.
Уйдите же! Вѣдь могутъ
Войти сюда... Я слышу шумный говоръ...
Все ближе къ намъ чужіе голоса...

(Максъ вырывается изъ ея объятій и уходитъ. Графиня провожаетъ его. Тэкла сперва слѣдуетъ за нимъ глазами, потомъ тревожно ходитъ по комнатѣ и затѣмъ погружается въ мысли. На столѣ лежитъ гитара, она схватываетъ ее, беретъ нѣсколько грустныхъ аккордовъ и потомъ начинаетъ пѣть).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тэкла (*поетъ аккомпанируя себѣ*).

Проходятъ тучи по небу, дубовый лѣсъ шумитъ,
Въ травѣ зеленой дѣвушка на берегу сидитъ.
Несется съ дикой силою во слѣдъ волнѣ волна,
И вздохи шлетъ тяжелые въ морскую тишь она;
И взоръ слеза затмила.
На вѣки сердце умерло, пустыней сталъ мнѣ свѣтъ,
Надеждамъ и желаніямъ ужъ исполненья нѣтъ.
Возьми, возьми, Пречистая, свое дитя къ Себѣ—
Я счастіе извѣдала въ своей земной судьбѣ,
Жила я и любила.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тэкла. Графиня (*возвращается*).

ГРАФИНЯ.
Что жъ это вы, племянница моя
Любезная? Фи! Вы ему на шею
Бросаетесь. Но смѣю думать я,
Вамъ слѣдуетъ немножко подороже
Цѣнить свою особу.

ТЭКЛА (*вставая*).
Что сказать
Желаете вы этимъ?

ГРАФИНЯ.
Вы должны бы
Не забывать, кто вы, кто онъ. Объ этомъ
Вы, кажется, не думали еще.

ТЭКЛА.
О чемъ?

ГРАФИНЯ.
О томъ, что вашъ отецъ—князь
Фридландъ.

ТЭКЛА.
Ну, а затѣмъ?

ГРАФИНЯ.
Затѣмъ? Хорошъ вопросъ!

ТЭКЛА.
Что мы пріобрѣли, то отъ рожденья
Имѣетъ онъ, фамилія его
Старинная ломбардская, и онъ—
Принцессы сынъ.

ГРАФИНЯ.
Ты не въ бреду ли? Право,
Послушаешь тебя, такъ мы должны
Молить его, чтобъ осчастливилъ онъ
Знатнѣйшую наслѣдницу Европы
Своей рукой.

ТЭКЛА.
Надѣюсь, въ томъ нужды
Не встрѣтится.

ГРАФИНЯ.
Да, не разумно будетъ
Идти на рискъ отказа.

ТЭКЛА.
Онъ любимъ
Своимъ отцомъ, и старый графъ не будетъ
Противиться.

ГРАФИНЯ.
Его отецъ! *Его!*
А вашъ отецъ, племянница?

ТЭКЛА.
Да право,
Я думаю, что вамъ внушаетъ страхъ
Его отецъ; иначе бъ не таились
Такъ тщательно вы именно предъ нимъ,
Его отцомъ.

ГРАФИНЯ (*пытливо смотритъ на нее*).
Племянница, фальшивить
Вы вздумали...

ТЭКЛА.
Я разсердила васъ!
Обидѣла? О, будьте доброй, тетя?

ГРАФИНЯ.
Вамъ кажется, что выиграли вы
Уже игру. Не слишкомъ ли вы рано
Ликуете?

ТЭКЛА.
О, будьте доброй!

ГРАФИНЯ.
Да,

Такъ далеко еще вы не успѣли
Подвинуться.

ТЭКЛА.

Я знаю.

ГРАФИНЯ.

Неужели
Ты думаешь, что твой отецъ такую
Большую жизнь всю отдалъ на труды
Военные, отрекся отъ земного
Спокойствія и счастья, прогонялъ
Отъ ложа сонъ, и умъ свой благородный
Тяжелою заботой удручалъ—
Лишь для того, чтобъ васъ обоихъ сдѣлать
Счастливою четою? Чтобъ тебя,
Изъ твоего монастыря извлекши,
Въ тріумфѣ привести къ тому, кто взоры
Твои плѣнилъ?—Все это обойтись
Могло ему дешевле! Это сѣмя
Посѣялъ онъ не для того, чтобъ ты
Пришла теперь своей рукою дѣтской
Сорвать цвѣтокъ и приколоть къ груди
Нарядною бездѣлкой.

ТЭКЛА.

Что онъ сѣялъ
Не для меня, могло однако мнѣ
Прекрасный плодъ принесть по доброй волѣ.
И ежели угодно благосклонной
Моей судьбѣ здѣсь радостную жизнь
Мнѣ изъ его существованья, грозно
Великаго, создать...

ГРАФИНЯ.

Ты разсуждаешь,
Какъ дѣвушка влюбленная. Взгляни
Вокругъ себя. Подумай, гдѣ ты? Вспомни,
Что ты вошла не въ домъ веселья; здѣсь
Ты не нашла стѣнъ, убранныхъ для свадьбы,
Гостей въ вѣнкахъ цвѣточныхъ. Предъ тобой
Здѣсь блескъ одинъ—оружья. Иль, быть можетъ,
Ты думаешь, что тысячи людей
Свели сюда, чтобъ праздновать съ тобою
Твой брачный пиръ? Но посмотри вокругъ—
Чело отца покрыли злыя думы,
Взоръ матери слезами омраченъ,
И на вѣсахъ лежитъ судьба всей нашей
Фамиліи! Оставь же въ сторонѣ
Всѣ дѣвичьи, ребяческія чувства
И мелкія желанья! Докажи,
Что ты—прямая дочь того, кто выше
Земныхъ существъ. Вѣдь женщина, мой другъ,
Себѣ самой принадлежать не можетъ;
Ея судьба всегда къ чужой судьбѣ
Прикована; но та всѣхъ женщинъ лучше,
Которая чужое усвоять
По выбору свободному способна,
Носить его на сердце у себя,
Ухаживать за нимъ съ любовью нѣжной.

ТЭКЛА.

Да, это все уже въ монастырѣ
Я слышала. Желаній не имѣла
Я никакихъ; я видѣла въ себѣ
Лишь дочь его; и шумъ его величья
Могучаго, который долеталъ
И до меня, одно сознанье только
Въ меня вселялъ—что мнѣ дано въ удѣлъ
Жить для него и жертвовать собою
Въ страданіяхъ.

ГРАФИНЯ.

Да, это твой удѣлъ,
И подчинись ему ты добровольно.
Примѣръ тому и я, и мать твоя
Тебѣ даемъ.

ТЭКЛА.

Судьба мнѣ указала
Того, кому собою я должна
Пожертвовать, и это указанье
Я съ радостью приму.

ГРАФИНЯ.

Дитя мое,
То не судьба, а собственное сердце.

ТЭКЛА.

Но голосъ сердца—голосъ и судьбы.
Ему принадлежу я. Новой жизнью,
Которою живу, я лишь ему
Одолжена, и на свое созданье
Онъ всѣ права имѣетъ. Что была
Я до того, пока своей любовью
Прекрасною онъ не далъ душу мнѣ?
И я теперь сама себя не меньше
Цѣню, чѣмъ мой возлюбленный: да, тотъ
Не можетъ быть ничтоженъ, кто владѣетъ
Сокровищемъ неоцѣненнымъ. Счастье—
Я чувствую—дало и силу мнѣ.
Когда душа серьезна, жизнь серьезной
Становится. Я-то себѣ самой
Принадлежу—теперь я это знаю;
Въ груди своей я стала сознавать
Присутствіе неодолимой воли,
И къ высшему стремясь, всѣмъ для него
Могу я рисковать.

ГРАФИНЯ.

Такъ ты готова бъ
Противиться отцу, когда бы онъ
Твою судьбу рѣшилъ иначе? Хочешь
Ты вынудить его согласье? Знай,
Мое дитя—онъ носитъ имя Фридландъ.

ТЭКЛА.

И я его ношу. Во мнѣ найти
Онъ долженъ дочь достойную.

ГРАФИНЯ.

Подумай!

Предъ волею монарха своего,
Верховнаго владыки, онъ насильно
Не склонится,—а ты, его дитя,
Ты хочешь съ нимъ бороться!

ТЭКЛА.

Чѣмъ не смѣетъ
Никто рискнуть, рискнуть тѣмъ можетъ дочь.

ГРАФИНЯ.

Ну, къ этому, по истинѣ, ни мало
Онъ не готовъ. Преграды всѣ разбить—
И снова бой—съ дочернимъ своевольемъ!
Дитя, дитя! У твоего отца
Ты видѣла пока улыбку только;
Разгнѣваннаго взгляда глазъ его
Не знаешь ты. Противорѣчья голосъ
Дрожащій твой осмѣлится ль предъ нимъ
Заговорить! Наединѣ съ собою
Способна ты, конечно, принимать
Великія рѣшенья, краснорѣчья
Цвѣты сплетать, голубки кроткой духъ
Вооружать отвагой льва... На дѣлѣ
Попробуй-ка! Желала-бъ видѣть я,
Какъ станешь ты предъ этимъ взглядомъ рѣзко
Вперившимся въ тебя—и скажешь: нѣтъ!
Ты передъ нимъ преклонишься, какъ нѣжный
Цвѣточка листъ предъ взглядомъ огневымъ
Свѣтила дня... Тебя я не пугаю,
Дитя мое; до крайности такой,
Надѣюсь я, дойти не можетъ дѣло;
При томъ же не извѣстно мнѣ, чего
Желаетъ онъ; быть можетъ, отвѣчаютъ
Намѣренья его твоимъ, но знаю я—
Немыслимо на то его согласье,
Чтобъ гордая дочь счастія его
Вела себя влюбленною дѣвицей,
На шею бы кидалася къ тому,
Кто если ужъ судьба ему судила
Столь цѣнную награду, за нее
И заплатить обязанъ высшей жертвой,
Какую можетъ приносить любовь.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТЭКЛА (*одна*).

Благодарю за эти всѣ совѣты!
Печальныя предчувствія мои
Увѣренностью стали... Значитъ, правда?
Ни одного здѣсь друга, ни одной
Намъ преданной души мы не имѣемъ?
Нѣтъ никого, кромѣ самихъ себя!
Тяжелая борьба намъ угрожаетъ...
Любовь, любовь божественная, ты
Пошли намъ силъ!... Она сказала правду:
Не радостные знаки свѣтятъ здѣсь
Двухъ нашихъ душъ союзу; жить не можетъ
Надежда здѣсь; тутъ только шумъ войны
Проносится по воздуху, и даже
Сама любовь какъ будто бы въ броню
Закована, готовясь къ смертной битвѣ.
Зловѣщій духъ сошелъ на домъ нашъ; рокъ
Стремительно покончить хочетъ съ нами;
Изъ тихаго пріюта онъ увлекъ
Меня сюда; чарующими снами
Околдовалъ; небесный образъ вотъ
Меня манитъ... сталъ больше приближаться...
Божественною силою влечетъ
Онъ къ пропасти... нельзя сопротивляться!

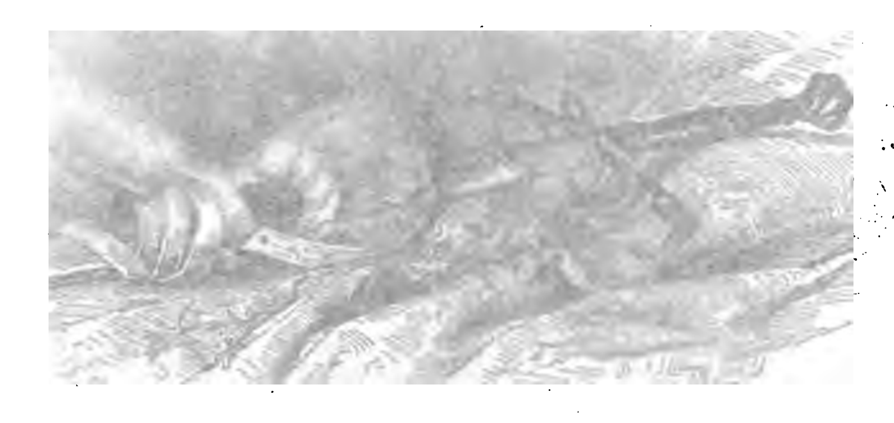
(*Издалека доносится музыка, играющая за ужиномъ*).

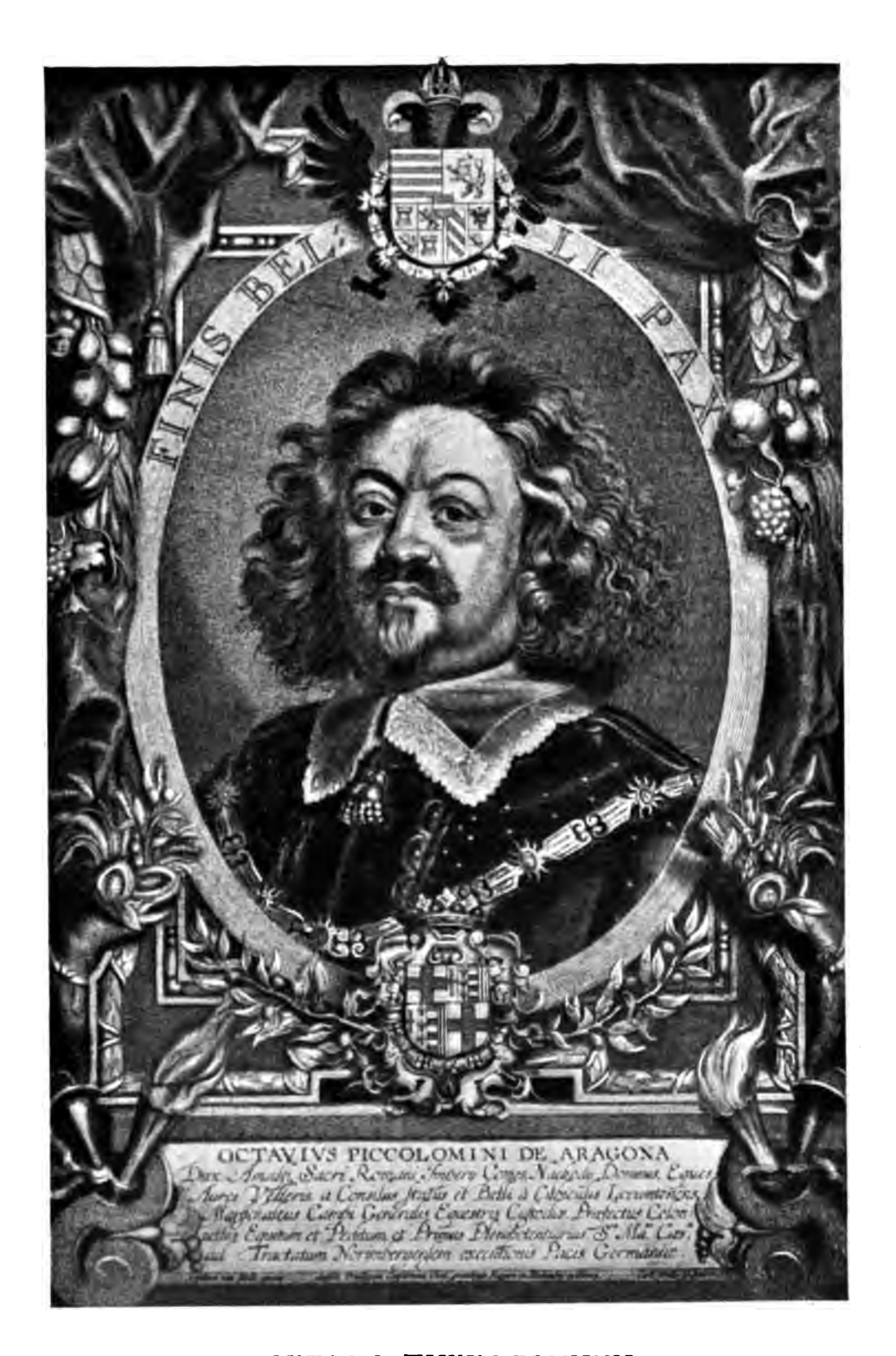
О, если домъ пожара пламя ждетъ,
То небеса всѣ тучи собираютъ,
И молньи шлютъ съ безоблачныхъ высотъ,
Огни изъ безднъ подземныхъ вылетаютъ;
Богъ радостей самъ въ бѣшенствѣ слѣпомъ
Кидаетъ факель свой въ горящій домъ!

(*Уходитъ*).

ОКТАВІО ПИККОЛОМИНИ.

Современная гравюра Корнелія Галле.





ОКТАВІО ПИККОЛОМИНИ.

Современная гравюра Корнелія Галле.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Большая, ярко освѣщенная зала; въ серединѣ сцены, по направленію къ ея глубинѣ, богато накрытый столъ, за которымъ восемь генераловъ, въ томъ числѣ Октавіо Пикколомини, Терцки и Марадасъ. Справа и слѣва, нѣсколько позади, еще два стола, за каждымъ изъ которыхъ шесть гостей. Впереди буфетъ съ напитками. Вся передняя часть сцены пуста и предоставлена прислуживающимъ пажамъ и лакеямъ. Все въ движеніи; музыканты полка Терцки проходятъ по сценѣ вокругъ столовъ. Еще до ихъ окончательнаго ухода появляется Максъ Пикколомини; на встрѣчу ему идутъ Терцки съ бумагой; Изолани съ бокаломъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Терцки. Изолани. Максъ Пикколомини.

ИЗОЛАНИ.

Куда же, братъ, запропастился ты?
Тутъ наше все любимое! На мѣсто
Свое скорѣй! Терцки широко
Для насъ раскрылъ свой материнскій погребъ
Отборныхъ винъ, и мы пируемъ здѣсь,
Какъ въ замкѣ гейдельбергскомъ. Пропустилъ ты
Все лучшее. Вонъ тамъ, за тѣмъ столомъ,
Идетъ дѣлежъ различныхъ княжествъ; земли
Славаты, Лихтенштейна, Эггенберга
И Штернберга, а въ добавленье къ нимъ—
Богемскіе большіе лены—все
Ужъ роздано; коли поторопишься,
Такъ и тебѣ кой-что перепадетъ.
Скорѣй! Садись!

КОЛАЛТО И ГЕЦЪ *(изъ-за 2-го стола).*

Графъ Максъ Пикколомини!

ТЕРЦКИ.

Сейчасъ, сейчасъ онъ къ вамъ придетъ!.. Прочти
Вотъ этотъ текстъ присяги.—Доволенъ ли
Какъ мы ее составили? Ее
Ужъ всѣ прочли по очереди; послѣ
И всѣ они подпишутся подъ ней.

МАКСЪ *(читаетъ).*

„Ingratis servire nefas“.

ИЗОЛАНИ.

Звучитъ она какъ будто бы латынью.
По нашему какъ это будетъ, братъ?

ТЕРЦКИ.

Неблагодарнымъ честные не служатъ.

МАКСЪ (*читаетъ*).

„Поелику нашъ высоковластный главнокомандующій, свѣтлѣйшій герцогъ Фридландскій, вслѣдствіе неоднократно понесенныхъ оскорбленій, былъ намѣренъ оставить императорскую службу, но по нашей единогласной просьбѣ склонился къ тому, чтобы продолжать оставаться съ арміею и не разлучаться съ нами безъ нашего согласія,—то мы съ своей стороны принимаемъ на себя обязательство, всѣ сообща и каждый за себя въ частности, въ видѣ формальной присяги—служить также ему честно и вѣрно, ни подъ какимъ видомъ не разставаться съ нимъ и за него жертвовать всѣмъ, намъ принадлежащимъ, до послѣдней капли крови, на сколько именно это будетъ согласно съ принесенною нами императору присягой". (*Послѣднія слова Изолани повторяетъ*). „Ровно какъ, если тотъ или другой изъ насъ, вопреки сему договору, отступится отъ общаго дѣла, то мы обязываемся объявить его клятвопреступникомъ и измѣнникомъ и отомстить ему, не щадя его имущества и жизни. Все вышесказанное свидѣтельствуемъ нашею собственною подписью".

ТЕРЦКИ.

Согласенъ ты подъ этимъ подписаться?

ИЗОЛАНИ.

А почему бъ не согласился онъ!
Кто честный офицеръ, тотъ можетъ... долженъ
Участвовать... Пера, чернилъ!

ТЕРЦКИ.

Дай встать
Изъ-за стола.

ИЗОЛАНИ (*Увлекая Макса*).

Идемъ, идемъ скорѣе!

(*Идутъ къ столу*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Терцки. Нейманъ.

ТЕРЦКИ (*дѣлаетъ знакъ Нейману, стоящему у буфета, и выходитъ съ нимъ на авансцену*).

Ты копію принесъ? Подай. Она
Такъ сдѣлана, надѣюсь, что не трудно
Ее принять за подлинникъ?

НЕЙМАНЪ.

Ее
Переписалъ я строчка въ строчку, только
То выпустилъ, гдѣ о присягѣ рѣчь,
Какъ вы мнѣ, графъ, приказывали.

ТЕРЦКИ.

Ладно.
Клади ее туда, а эту сжечь
Немедленно. Что нужно было сдѣлать—
Исполнила она.

(*Нейманъ кладетъ копію на столъ и снова отходитъ къ буфету*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Илло *выходитъ изъ 2-й комнаты*. Терцки.

ИЛЛО.

Ну, какъ у васъ
Идетъ съ Пикколомини?

ТЕРЦКИ.

Надо думать,
Что хорошо. Пока онъ ничего
Не возразилъ.

ИЛЛО.

Единственный, кому я
Не очень довѣряю—это онъ,
Онъ, да отецъ. Смотрите вы за ними
Обоими!

ТЕРЦКИ.

А за столомъ у васъ
Какъ обстоитъ? Надѣюсь, подогрѣли
Достаточно своихъ гостей?

ИЛЛО.

У нихъ
Все сердце на распашку; полагаю,
Они у насъ въ рукахъ, и какъ я вамъ
Предсказывалъ—теперь нѣтъ больше рѣчи
О томъ одномъ, чтобъ сохранить всю власть
За герцогомъ. Совѣтъ Монтекукули—
Разъ, что мы здѣсь всѣ вмѣстѣ, предписать
Условья императору, въ столицѣ
Его же собственной. Повѣрьте мнѣ,
Не будь Пикколомини эти, намъ бы
И не зачѣмъ къ обману прибѣгать.

ТЕРЦКИ.

Къ намъ Буттлеръ направляется. Молчите!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Буттлеръ. Прежніе.

БУТТЛЕРЪ (*подходя изъ-за 2-го стола*).

Прошу васъ не стѣсняться. Хорошо
Я понялъ васъ, фельдмаршалъ,—и желаю
Успѣха. Что жъ касается меня
(*таинственно*).
То можете располагать вы мною.

ИЛЛО (*съ живостью*).

Какъ, можемъ мы?...

БУТТЛЕРЪ.

И съ пунктомъ о присягѣ,
И безъ него; мнѣ это все равно.
Вы поняли, конечно? Герцогъ можетъ—
И это я прошу сказать ему—
Подвергнуть всякимъ испытаньямъ вѣрность
И преданность мою. Пока ему
Угодно оставаться генераломъ
На службѣ императора—и я
Останусь офицеромъ государя;
Чуть только онъ захочетъ самъ себѣ
Владыкой стать—я Фридланда служитель.

ТЕРЦКИ.

Обмѣнъ для васъ хорошій! Господинъ
У васъ бы оказался ужъ не скряга,
Не Фердинандъ.

БУТТЛЕРЪ (*серьезно*).

Графъ Терцки, вѣрность я
Не продаю; назадъ тому полгода
Совѣта я вамъ не далъ бы купить
То у меня, что нынче добровольно
Я предложилъ. Да, самого себя,
Съ моимъ полкомъ, отдалъ я Валленштейну,
И думаю, что данный мной примѣръ
Останется не безъ послѣдствій.

ИЛЛО.

Кто же
Не вѣдаетъ, что Буттлеръ образцомъ
Блистательнымъ всегда служилъ для войска?

БУТТЛЕРЪ.

Вы мнѣнія такого? Ну, такъ мнѣ
Раскаяться нѣтъ повода, фельдмаршалъ,
Что сохранялъ я вѣрность сорокъ лѣтъ,
Коль въ шестьдесятъ своею доброй славой
Купилъ себѣ возможность отомстить
Какъ слѣдуетъ!.. Моими вы словами
Нисколько не смущайтесь, господа;
Изъ за чего я буду вашимъ—это
Вамъ все равно, и—я надѣюсь—вы
Вѣдь сами же поймете, что своею
Интригою вамъ прямоты моей
Не покривить, что шаткость убѣжденій,
Иль быстрая горячность, иль другая
Ничтожная причина старика
Не совратятъ съ дороги чести, коей
Ужъ такъ давно онъ слѣдуетъ... Идемъ!
Повѣрьте мнѣ, хоть я отлично знаю,
Съ чѣмъ разстаюсь—но тѣмъ не менѣе
твердо
Рѣшился я.

ИЛЛО.

Скажите прямо: васъ
Мы за кого должны считать?

БУТТЛЕРЪ.

За друга!
Вотъ вамъ рука. Я вашъ со всѣмъ своимъ
Имуществомъ. Не только въ людяхъ гер-
цогъ
Нуждается—и въ деньгахъ тоже. Я
Кой-что себѣ скопилъ въ его же службѣ,
Теперь ему ссужаю; если жъ онъ
Переживетъ меня, то это мною
Ему давно завѣщано, и онъ—
Наслѣдникъ мой. Я одинокъ на свѣтѣ;
Мнѣ чувство то, которымъ человѣкъ
Съ любимою женой, съ семьею связанъ,
Невѣдомо. Названіе мое
И бытіе умрутъ со мною вмѣстѣ.

ИЛЛО.

Не деньги ваши нужны намъ, душа,
Такая, какъ у васъ, мильоновъ стоитъ
И цѣлыхъ бочекъ золота.

БУТТЛЕРЪ.

Пріѣхалъ
Я въ Прагу изъ Ирландіи дряннымъ
Конюшеннымъ съ однимъ вельможей, скоро
Похороненнымъ мною. Изъ своей
Ничтожной службы въ лошадиныхъ стой-
лахъ,
Благодаря случайностямъ войны,
Игрушкою фортуны прихотливой
Я поднялся на эту высоту,
На этотъ постъ почетный. Герцогъ—тоже
Фортуны сынъ, а я люблю пути,
Похожіе на мой.

ИЛЛО.

Всѣхъ сильныхъ духомъ
Родство соединяетъ.

БУТТЛЕРЪ.

Мы живемъ
Въ великую минуту; людямъ храбрымъ,
Рѣшительнымъ она благопріятна.
Какъ изъ однѣхъ въ другія руки вся
Размѣнная монета переходитъ,
Такъ города и замки съ быстротой
Владѣтелей перемѣняютъ. Внуки
Старинныхъ родовъ всѣ свои дома
Покинули; на смѣну много новыхъ
Является фамилій и гербовъ;
И сѣверный народъ въ землѣ нѣмецкой,
Непрошенный, дерзаетъ утвердить
Гражданскую осѣдлость. Собираетъ
Принцъ веймарскій войска, чтобъ основать
Могучее на Майнѣ государство;
А Мансфельду и Гальберштадту смерть
Одна лишь не позволила отважно
Мечомъ себѣ владычество страной
Завоевать. Но съ Валленштейномъ нашимъ
Сравнится ль кто изъ нихъ? На свѣтѣ
нѣтъ
Такихъ высотъ, къ которымъ этотъ мощный
Не вправѣ бы приставить лѣстницъ.

ТЕРЦКИ.

Рѣчь,
Достойная мужчины.

БУТТЛЕРЪ.

Привлеките
Испанцевъ вы и итальянцевъ; я
Ужъ на себя беру шотландца Лесли...
Однако, намъ пора къ гостямъ... Идемъ!

ТЕРЦКИ.

Гдѣ кравчій мой?.. Давай намъ все, что только
Есть у тебя! Отборныхъ винъ!.. Такой
Сегодня день! Дѣла идутъ прекрасно.
(Отходятъ, каждый къ своему столу).

ЯВЛЕНІЕ V.

Кравчій *и* Нейманъ *выходятъ на авансцену. Слуги ходятъ взадъ и впередъ.*

КРАВЧІЙ.

Отборныхъ винъ! Будь барыня моя
Покойная, ихъ маменька—графиня,
Свидѣтельницей этихъ кутежей,
Въ своемъ гробу она бы повернулась!..
Да, ротмистръ, да! Нашъ благородный домъ
Идетъ все вспять... Ни мѣры нѣтъ, ни цѣли!
И съ герцогомъ свѣтлѣйшее родство
Намъ принесетъ не много благодати.

НЕЙМАНЪ.

Вотъ вздоръ какой! Теперь-то и начнетъ
Все процвѣтать.

КРАВЧІЙ.

Вы думаете? Много-бъ
На этотъ счетъ нашлось сказать...

СЛУГА *(подходитъ).*

Вина
Бургонскаго на третій столъ!

КРАВЧІЙ.

Уже
Семидесятая бутылка, ротмистръ.

СЛУГА.

А оттого, что нѣмецъ Тифенбахъ
Усѣлся тамъ.

КРАВЧІЙ *(продолжаетъ, Нейману).*

Они ужъ слишкомъ въ гору
Хотятъ взлетѣть. По роскоши сравниться
Съ курфюрстами и королями имъ
Всѣмъ хочется, и чтобы только герцогъ
Ни выдумалъ—мой благородный графъ
Ужъ ни за что отстать не пожелаетъ.
(Слугамъ).
Вы тутъ чего? Подслушивать?... Ну, маршъ
Ступайте-ка къ столамъ, да позаймитесь
Бутылками! У графа Пальфи вотъ
Пустой стаканъ!

ВТОРОЙ СЛУГА *(подходитъ).*

Потребовали, кравчій,
Большую золотую чашу—ту,
Что съ чешскими гербами; графъ сказали—
Вы знаете, какую.

КРАВЧІЙ.

Кубокъ тотъ,
Что къ дню, когда короновался Фридрихъ,
Былъ мастеромъ Вильгельмомъ сдѣланъ?
Вещь
Цѣннѣйшую во всей добычѣ пражской?

ВТОРОЙ СЛУГА.

Тотъ самый, да! Пить изъ него хотятъ
Здоровье круговое.

КРАВЧІЙ *(покачивая головой, вынимаетъ изъ шкапа бокалъ и выполаскиваетъ его).*

Новый случай
Для донесенья въ Вѣну!

НЕЙМАНЪ.

Дай взглянуть.
По истинѣ великолѣпный кубокъ!
Изъ золота литого, и какъ все
Сработано прекрасно, сколько умныхъ
Фигуръ на немъ! На первомъ ужъ щиткѣ
Я вижу амазонку въ гордой позѣ,
И топчетъ конь ея ногами жезлъ
Епископскій и митру; длинный посохъ
У ней въ рукахъ, со шляпою на немъ,
И знамя развѣвается, на коемъ
Изобразилъ художникъ чашу. Что
Все это означаетъ, не могу ли
Отъ васъ узнать?

КРАВЧІЙ.

Та женщина, что вы
Здѣсь видите на лошади—свобода
Въ избраніи богемскихъ королей;
Эмблемою ей служатъ эта шляпа
И дикій конь, несущій амазонку.
Мужчины украшенье—шляпа: тотъ,
Кто права не имѣетъ оставаться
Съ покрытой головой предъ королемъ
И кесаремъ—не человѣкъ свободы.

НЕЙМАНЪ.

А чаша, что на знамени—ее
Какъ объяснить?

КРАВЧІЙ.

Она обозначаетъ
Богемскую свободу церкви—ту,
Которая жила въ дни нашихъ дѣдовъ.
Въ гусситскую войну они мечомъ
Пріобрѣли себѣ побѣду эту
Надъ папою, который не даетъ
Ни одному изъ свѣтскихъ права чаши?
Для утраквиста выше чаши нѣтъ
На свѣтѣ ничего; она священный

Его клейнодъ, богемцы за нее
Ужъ столько разъ въ бояхъ платили кровью!
НЕЙМАНЪ.
Тутъ наверху я вижу свитокъ—онъ
Что значитъ?
КРАВЧІЙ.
Онъ—тотъ актъ верховной власти
Богеміи, что вынудили мы
У императора Рудольфа—драгоцѣнный
Пергаментъ, обезпечившій для новой
Религіи, со старой наравнѣ,
Свободный звонъ въ колокола и пѣнье
Открытое повсюду. Но съ тѣхъ поръ,
Какъ правитъ нами прежній герцогъ Граца,
Окончилось все это; съ пражской битвы,
Гдѣ пфальцграфъ Фридрихъ потерялъ свой тронъ
И свой вѣнецъ—у нашей вѣры больше
Нѣтъ алтарей и каѳедръ; нашимъ братьямъ
Приходится теперь стоять спиной
Къ отечеству, а актъ верховной власти
Самъ государь изрѣзалъ.
НЕЙМАНЪ.
Славно какъ
Вы знаете все это! Видно, кравчій,
Что лѣтопись родной страны весьма
Знакома вамъ.
КРАВЧІЙ.
Мои вѣдь предки были
Гусситами; Прокопъ и Жижка ихъ
Въ сраженіе водили. Миръ ихъ праху,
За правое и доброе дрались.
(Слугѣ).
Ну, вотъ, неси!
НЕЙМАНЪ.
Постойте, разсмотрю я
Еще второй щиточекъ. Да на немъ,
Глядите-ка, летятъ, какъ мнѣ сдается,
Внизъ головой изъ пражскаго дворца,
Совѣтники Рудольфовы—Славата
И Мартиницъ: Да, точно! Вотъ графъ Турнъ—
Даетъ приказъ ихъ вышвырнуть.
(Слуга уноситъ кубокъ).
КРАВЧІЙ.
Молчите
Объ этомъ днѣ... То было въ маѣ... да...
День двадцать третій, тысяча шестьсотъ
Восьмнадцатаго года. Какъ сегодня
Передъ собой я это вижу. Съ той
Несчастнѣйшей минуты и страданья
Терзаютъ государство; съ дня того—
Шестнадцать лѣтъ ужъ минуло—мира
Не видѣла на мигъ одинъ земля.
(За вторымъ столомъ крики).
За веймарскаго принца!
(За третьимъ и четвертымъ столомъ).
Герцогъ Бернгардъ
Да здравствуетъ!
(Музыка).
ПЕРВЫЙ СЛУГА.
Гвалтъ слышите какой!
ВТОРОЙ СЛУГА *(подбѣгаетъ).*
Вы слышали? Тамъ веймарскаго принца
Здоровье пьютъ!
ТРЕТІЙ СЛУГА.
Да, Австріи врага!
ПЕРВЫЙ СЛУГА.
И лютеранина! А передъ этимъ
За императора тостъ Деодатъ
Провозгласилъ—всѣ точно онѣмѣли.
КРАВЧІЙ.
Ну, за попойкой всяко можетъ быть.
Порядочный слуга не долженъ слышать
Такихъ вещей.
ТРЕТІЙ СЛУГА *(тихо четвертому).*
Смотри ты, Іоганнъ, все
Себѣ замѣть, чтобъ патеру Квирога
Нашлось у насъ о многомъ сообщить.
За это онъ и много прегрѣшеній
Отпуститъ намъ.
ЧЕТВЕРТЫЙ СЛУГА.
Да для того-то я
Почти не отходилъ отъ кресла Илло,
На сколько могъ... наговорилъ онъ словъ
Диковинныхъ.
(Слуги отходятъ къ столамъ).
КРАВЧІЙ *(Нейману).*
Кто это, въ черномъ платьѣ,
Съ крестомъ, вонъ тамъ, интимно такъ ведетъ
Бесѣду съ графомъ Пальфи?
НЕЙМАНЪ.
Это тоже
Одинъ изъ тѣхъ, которымъ черезчуръ
Довѣрились они; онъ Марадасомъ
Зоветъ себя; испанецъ...
КРАВЧІЙ.
Вѣрьте мнѣ,
Въ испанцахъ намъ нѣтъ проку. Всѣ романцы
Не стоятъ ни копѣйки...
НЕЙМАНЪ.
Ай, ай, ай!
Такъ говорить не слѣдуетъ вамъ, кравчій.
Межъ ними много генераловъ есть,
Которыхъ здѣсь всѣхъ больше цѣнитъ герцогъ.
(Терцки подходитъ и беретъ со стола бумагу. За столами начинается движеніе).
КРАВЧІЙ *(слугамъ).*
Смотрите—генералъ Пикколомини

Изъ-за стола встаетъ. Всѣ поднялись.
Скорѣй туда и убирайте стулья!
(Слуги торопливо идутъ. Часть гостей выходитъ на авансцену).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Октавіо Пикколомини *идетъ, бесѣдуя съ* Марадасомъ, *и оба выходятъ на авансцену съ одной стороны. Съ противоположной выходитъ* Максъ Пикколомини, *одинъ, погруженный въ задумчивость и не принимая участія въ происходящемъ вокругъ него. Пространство между нимъ и первыми двумя, но нѣсколько позади, занимаютъ* Буттлеръ, Изолани, Гецъ, Тифенбахъ, Колалто, *а скоро къ нимъ присоединяется и* Терцки.

ИЗОЛАНИ *(выходящимъ впередъ гостямъ)*
Колалто, доброй ночи!... Генералъ,
И вамъ спокойной ночи!... Доброй ночи!
Сказать бы нужно лучше: съ добрымъ
утромъ!

ГЕЦЪ *(Тифенбаху).*
Хорошаго пищеваренья, братъ!

ТИФЕНБАХЪ.
Да, царскій пиръ!

ГЕЦЪ.
Графиня въ этомъ дѣлѣ
Большой знатокъ. У тещи—царство ей
Небесное—училась... Вотъ ужъ это
Хозяюшка была.

ИЗОЛАНИ *(собираясь уходить).*
Свѣчей! Свѣчей!

ТЕРЦКИ *(подходитъ къ Изолани съ бумагой).*
На парочку минутъ еще, товарищъ—
Вотъ это я просилъ бы подписать.

ИЗОЛАНИ.
Подписывать—сколько угодно! Только
Отъ чтенья вы меня избавьте.

ТЕРЦКИ.
Я
Васъ утруждать не буду. Тутъ присяга,
Ужъ читанная вами. Разъ-другой
Черкнуть перомъ—и только.
(Видя, что Изолани даетъ бумагу Октавіо).
Что вы это!
Кто взялъ перо, тотъ и пиши. Чины
Тутъ ни при чемъ.
(Октавіо пробѣгаетъ бумагу съ видимымъ равнодушіемъ. Терцки наблюдаетъ за нимъ).

ГЕЦЪ *(къ Терцки).*
Графъ, вы проститься съ вами
Позволите...

ТЕРЦКИ.
Да не спѣшите такъ.
Еще одинъ глотокъ на сонъ грядущій!
(Слугамъ). Эй!

ГЕЦЪ.
Не могу.

ТЕРЦКИ.
Ну, двѣ-три капли!

ГЕЦЪ.
Нѣтъ,
Увольте.

ТИФЕНБАХЪ *(садится).*
Господа, прошу прощенья.
Стоять мнѣ не подъ силу.

ТЕРЦКИ.
Не стѣсняйтесь,
Пожалуйста.

ТИФЕНБАХЪ.
Желудокъ мой здоровъ,
И голова совсѣмъ свѣжа, а ноги
Носить не соглашаются.

ИЗОЛАНИ *(указывая на его толщину).*
Да вы
Вѣдь черезчуръ ужъ ихъ обременили!
(Октавіо подписалъ бумагу и отдаетъ ее Терцки; тотъ передаетъ Изолани, который идетъ къ столу подписывать).

ТИФЕНБАХЪ.
Походу въ Померанью этимъ я
Обязанъ; приходилось днемъ и ночью
Въ снѣгу и льду таскаться. Я всю жизнь
Отъ этого не вылѣчусь.

ГЕЦЪ.
Да, шведъ
Не разбиралъ—какое время года.
(Терцки передаетъ бумагу Марадасу; онъ идетъ къ столу подписывать).

ОКТАВІО *(подходитъ къ Буттлеру).*
Полковникъ, вы, какъ могъ замѣтить я,
Не очень-то большой любитель пиршествъ
Вакхическихъ; мнѣ кажется, что вамъ
Сраженья шумъ пріятнѣй шума оргій?

БУТТЛЕРЪ.
Да, долженъ вамъ признаться—вкусъ не
мой.

ОКТАВІО *(интимно, подходя).*
Онъ и не мой—могу я васъ увѣрить,
И мнѣ весьма пріятно, что у насъ,
Почтеннѣйшій полковникъ Буттлеръ, мысли
Такъ сходятся. Полдюжины друзей—
Не болѣе—за столикомъ уютнымъ,
Токайскаго стаканчикъ, и при этомъ
Разумная бесѣда и душа
Открытая—вотъ это мнѣ по вкусу!

БУТТЛЕРЪ.
Да, ежели все это пособрать
Возможность есть—не прочь и я въ компанью.
(Бумага доходитъ до Буттлера, онъ идетъ

къ столу подписать. Авансцена остается пуста, такъ что оба Пикколомини стоятъ одиноко, каждый на своей сторонѣ).

ОКТАВІО (*нѣсколько минутъ молча смотритъ на сына, потомъ подходитъ къ нему).*

Ты долго къ намъ не приходилъ, мой другъ.

МАКСЪ (*быстро поворачивается въ смущеніи).*

Я... спѣшными дѣлами былъ задержанъ.

ОКТАВІО.

Однако, какъ я вижу, и теперь
Ты все еще не здѣсь?

МАКСЪ.

Тебѣ извѣстно—
Гдѣ шумная толпа, я молчаливъ.

ОКТАВІО (*подходитъ къ нему еще ближе).*

Я не могу узнать, чѣмъ былъ задержанъ
Такъ долго ты?... (*Лукаво).* Вотъ Терцки такъ узналъ.

МАКСЪ.

Что онъ узналъ?

ОКТАВІО (*значительно).*

Изъ всѣхъ здѣсь только Терцки
Не замѣчалъ отсутствіе твое.

ИЗОЛАНИ (*издали наблюдавшій за ними, подходитъ).*

Такъ, такъ, отецъ! Въ атаку! Безъ пощады
Руби его! Такъ поступать нельзя.

ТЕРЦКИ (*подходитъ съ бумагой).*

Что, всѣ ли подписали? Не осталось
Еще кого?

ОКТАВІО.

Всѣ, вѣроятно.

ТЕРЦКИ (*кричитъ).*

Кто
Не подписалъ?

БУТТЛЕРЪ.

Должно быть ровно тридцать
Именъ. Сочтите.

ТЕРЦКИ.

Тутъ я вижу крестъ.

ТИФЕНБАХЪ.

Крестъ—это я.

ИЛЛО (*къ Терцки).*

Писать онъ не умѣетъ,
Но крестъ его надеженъ; чтутъ его
Жиды и христіане.

ОКТАВІО (*Максу, торопливо).*

Ну, полковникъ,
Идемъ домой. Ужъ поздно.

ТЕРЦКИ.

Подписалъ
Всего *одинъ* изъ двухъ Пикколомини.

ИЗОЛАНИ (*указывая на Макса).*

Замѣтьте вы—отсутствуетъ лишь онъ,
Гость каменный, который цѣлый вечеръ
Здѣсь ни на что не пригодился намъ.

(Максъ беретъ у Терцки бумагу и разсѣянно смотритъ на нее).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРЕЖНІЕ. Илло *выходитъ изъ задней комнаты; у него въ рукахъ золотой кубокъ; онъ совсѣмъ пьянъ; за нимъ слѣдуютъ* Гецъ *и* Буттлеръ, *старающіеся его удержать.*

ИЛЛО.

Оставьте вы меня! Чего вамъ нужно?

ГЕЦЪ И БУТТЛЕРЪ.

Не пейте больше, Илло!

ИЛЛО (*идетъ къ Октавіо и обнимаетъ его, продолжая пить).*

За тебя,
Октавіо, я пью! Пусть въ этой влагѣ
Пріятельской потонетъ вся вражда!
Меня ты никогда—я это знаю—
Не жаловалъ; казни меня Господь—
И я къ тебѣ питалъ такія жъ чувства...
Пусть прошлое забудется!... Тебя
Цѣню я безконечно!... Ты на свѣтѣ
Мой лучшій другъ...

(Нѣсколько разъ цѣлуетъ его).

И знайте вы—тому,
Кто обзоветъ его фальшивой кошкой,
Развѣдаться придется ужъ со мной.

ТЕРЦКИ (*ему тихо).*

Да что ты помѣшался, Илло? Вспомни,
Гдѣ ты теперь...

ИЛЛО (*добродушно).*

А что? Вѣдь здѣсь у насъ
Одни друзья.

(Весело оглядывая всю компанію).

Нѣтъ ни одной канальи!
Я очень радъ...

ТЕРЦКИ (*Буттлеру).*

Да уведите вы
Его скорѣй; прошу васъ очень, Буттлеръ.

(*Буттлеръ уводитъ его къ буфету).*

ИЗОЛАНИ (*Максу, который продолжаетъ разсѣянно смотрѣть на бумагу).*

Ну, скоро ли, товарищъ? Изучилъ,
Какъ слѣдуетъ?

МАКСЪ (*точно очнувшись отъ сна).*

Что нужно сдѣлать?

ТЕРЦКИ И ИЗОЛАНИ (*вмѣстѣ).*

Подпись
Здѣсь приложить.

(Октавіо съ тревожнымъ напряженьемъ смотритъ на него).

МАКСЪ (*возвращая бумагу*).
Оставимъ до утра.
Бумага дѣловая, я жъ сегодня
Не такъ настроенъ... Дайте завтра...
ТЕРЦКИ
Но...
Подумайте...
ИЗОЛАНИ.
Ну, живо, живо! Подпись!
Какъ! Изо всѣхъ, здѣсь ужинавшихъ, ты
Моложе всѣхъ—и хочешь быть умнѣе
Одинъ, чѣмъ всѣ мы вмѣстѣ! Вотъ смотри—
И твой отецъ, и всѣ мы подписали.
ТЕРЦКИ (*Октавіо*).
Октавіо, подѣйствуйте жъ своимъ
Вліяніемъ...
ОКТАВІО.
Онъ—совершеннолѣтній.
ИЛЛО (*поставившій бокалъ на буфетъ*).
О чемъ здѣсь рѣчь?
ТЕРЦКИ.
Бумагу подписать
Не хочетъ онъ.
МАКСЪ.
Я вамъ сказалъ—до завтра
Оставить это можно.
ИЛЛО.
Нѣтъ, нельзя.
Мы подписали всѣ—ты тоже долженъ,
Да, *долженъ* ты сейчасъ же подписать.
МАКСЪ.
Спокойной ночи, Илло!
ИЛЛО.
Нѣтъ, такъ просто
Ты не уйдешь. Пускай узнаетъ герцогъ,
Кто другъ ему.
(*Гости собираются вокругъ нихъ*).
МАКСЪ.
Какихъ исполненъ чувствъ
Я къ герцогу—онъ это знаетъ; это
Извѣстно всѣмъ, и не зачѣмъ тебѣ
Гримасничать.
ИЛЛО.
Вотъ благодарность герцогъ
И получилъ за то, что отдавалъ
Всегда онъ предпочтенье итальянцамъ!
ТЕРЦКИ (*въ величайшемъ смущеніи генераламъ, которые тоже волнуются*).
Въ немъ говоритъ вино... Я васъ прошу,
Не слушайте!...
ИЗОЛАНИ (*смѣясь*).
Вино не измышляетъ—
Выбалтываетъ только.
ИЛЛО.
Вѣдь у нихъ—
Не съ нами кто, тотъ *противъ* насъ... Какая
Чувствительная совѣсть! Не имѣй
Возможности они окольнымъ ходомъ,
Посредствомъ оговорки...
ТЕРЦКИ (*быстро перебиваетъ*).
Онъ совсѣмъ
Какъ бѣшеный .. Оставьте безъ вниманья!...
ИЛЛО (*кричитъ громче*).
Посредствомъ оговорки улизнуть.
Что тамъ за оговорка! Чортъ бы побралъ
Всю эту оговорку!
МАКСЪ (*становится внимательнѣе и снова смотритъ бумагу*).
Что же здѣсь
Опаснаго такого? Возбудили
Во мнѣ вы любопытство прочитать
Внимательнѣй.
ТЕРЦКИ (*тихо Илло*).
Что дѣлаешь ты, Илло?
Ты губишь насъ.
ТИФЕНБАХЪ (*Колалто*).
Замѣтилъ вѣдь и я—
Предъ ужиномъ читали намъ иное.
ГЕЦЪ.
Мнѣ тоже показалось.
ИЗОЛАНИ.
Мнѣ-то что
До этого? Гдѣ имена другія
Написаны, пусть и мое стоитъ.
ТИФЕНБАХЪ.
Предъ ужиномъ была тамъ оговорка
О службѣ государю...
БУТТЛЕРЪ (*одному изъ генераловъ*).
Господа,
Не стыдно ль вамъ? Вы положенье дѣла
Обдумайте. Теперь вопросъ вѣдь въ томъ,
Удержимъ ли мы герцога, иль будетъ
Онъ взятъ отъ насъ. Тутъ невозможно быть
Придирчивымъ такимъ и щекотливымъ.
ИЗОЛАНИ (*одному изъ генераловъ*).
А что, когда тебѣ далъ герцогъ полкъ,
Онъ тоже затруднялся „оговоркой"
Какой нибудь?
ТЕРЦКИ (*Гецу*).
Или когда онъ вамъ
Подряды далъ, съ которыхъ ежегодно
Вамъ тысяча пистолей барыша?
ИЛЛО.
Кто дѣлаетъ изъ *насъ* людей безчестныхъ,
Самъ негодяй!.. Коль недоволенъ кто—
Высказывай! Я здѣсь!..
ТИФЕНБАХЪ.
Ну, полно! Это
Вѣдь только разговоръ...
МАКСЪ (*прочтя и возвращая бумагу*).
Такъ до утра!
ИЛЛО (*бѣшено топая ногами и внѣ себя, одной рукой держитъ передъ нимъ бумагу, а другою обнажаетъ мечъ*).

Подписывай, Іуда!

ИЗОЛАНИ.

Илло, что ты! Фи!

ОКТАВІО, ТЕРЦКИ, БУТТЛЕРЪ *(вмѣстѣ).*

Мечъ въ ножны!

МАКСЪ *(быстро схвативъ его за руку и обезоруживъ, графу Терцки).*

Отправь его въ постель!

(Уходитъ, нѣсколько гостей сдерживаютъ Илло, который страшно ругается. При общемъ шумѣ занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Комната въ домѣ Пикколомини. Ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Октавіо Пикколомини, камердинеръ *со свѣчой. Нѣсколько минутъ спустя,* Максъ Пикколомини.

ОКТАВІО.

Когда мой сынъ вернется, попроси
Его ко мнѣ. Который часъ?

КАМЕРДИНЕРЪ.

Свѣтаетъ.

ОКТАВІО.

Поставь свѣчу и можешь спать идти.
Сегодня мы не будемъ ужъ ложиться.

(Камердинеръ уходитъ. Октавіо въ задумчивости ходитъ по комнатѣ. Максъ входитъ, не сразу замѣченный отцомъ, и нѣсколько минутъ молча смотритъ на него).

МАКСЪ.

Ты сердишься, Октавіо. Клянусь,
Не виноватъ я въ этой гадкой ссорѣ.
Я видѣлъ хорошо, что подписалъ
Съ другими ты, и этого довольно
Ужъ было бъ мнѣ... но... но въ такихъ вещахъ
Руководитъ—ты это знаешь—мною
Лишь собственный мой разумъ, не чужой.

ОКТАВІО *(подходитъ къ нему и обнимаетъ).*

И въ будущемъ ему ты только слѣдуй,
Мой славный сынъ! На этотъ разъ тобой
Руководилъ вѣрнѣе онъ, чѣмъ данный
Отцомъ примѣръ.

МАКСЪ.

Скажи яснѣй.

ОКТАВІО.

Сейчасъ.

Послѣ того, что вышло нынче ночью,
Межъ нами тайнъ уже не можетъ быть.
(Садятся).
Скажи мнѣ, Максъ, на этотъ текстъ присяги,
Который насъ просили подписать,
Какъ смотришь ты?

МАКСЪ.

Опаснаго не вижу
Въ ней ничего, хоть не по вкусу мнѣ
Формальности такія.

ОКТАВІО.

Только въ этомъ,
Ни въ чемъ другомъ — причина твоего
Упорнаго отказа?

МАКСЪ.

Это дѣло
Серьезное... я думалъ о другомъ...
Притомъ оно и не такимъ ужъ спѣшнымъ
Казалось мнѣ...

ОКТАВІО.

Будь откровененъ, Максъ,
Ты въ чемъ нибудь подозрѣвалъ ихъ?

МАКСЪ.

Въ чемъ же
Подозрѣвать? Рѣшительно ни въ чемъ.

ОКТАВІО.

Ты ангелу-хранителю обязанъ
Спасеніемъ; благодари его
За то, что онъ отвлекъ тебя отъ бездны.

МАКСЪ.

Слова твои мнѣ непонятны.

ОКТАВІО.

Вотъ
Въ чемъ дѣло: ты связалъ бы имя съ плутней
Позорною; ты росчеркомъ однимъ
Отрекся бы отъ долга, отъ присяги...

МАКСЪ *(вставая).*

Октавіо!

ОКТАВІО.

Сиди. Другъ, отъ меня
Не мало ты еще услышишь. Годы
Ужъ многіе живешь ты въ слѣпотѣ
Совсѣмъ непостижимой. Предъ тобою
Свершается чернѣйшій заговоръ,
Власть адскихъ силъ туманомъ омрачаетъ
Прекрасный свѣтъ всѣхъ чувствъ твоихъ.
Молчать
Я долѣе не вправѣ; я повязку
Снять съ глазъ твоихъ обязанъ.

МАКСЪ.

Прежде, чѣмъ
Заговорить, обдумай хорошенько.
Коль будетъ рѣчь лишь о догадкахъ—я-жъ
Боюсь, что тутъ и ничего иного
Не можетъ быть—оставь ихъ при себѣ;
Не такъ теперь настроенъ я, чтобъ слушать
Спокойно ихъ.

ОКТАВІО.

Чѣмъ больше у тебя
Серьезнѣйшихъ причинъ бѣжать отъ свѣта,
Тѣмъ больше ихъ есть у меня—открыть
Тебѣ глаза. Спокойно бъ довѣрить
Я могъ тебя невинной чистотѣ
Твоей души, спокойно бъ положиться
На собственный твой умъ; но вижу я,
И на душу твою здѣсь злыя сѣти
Сбираются накинуть. Тайна та
(онъ устремляетъ на него пристальный взглядъ).
Что отъ меня скрываешь *ты*, исторгнуть
Должна *моя*.
(Максъ пытается отвѣчать, но не можетъ и въ смущеніи опускаетъ глаза).

ОКТАВІО *(послѣ минуты молчанія).*

Узнай же все! Тебя
Обманываютъ здѣсь; играютъ гнусно
Съ тобою, Максъ, и всѣми нами. Герцогъ
Слухъ распустилъ, что армію покинуть
Желаетъ онъ; а въ этотъ самый часъ
Орудуютъ они— у государя
Ее украсть и передать врагамъ.

МАКСЪ.

Уже давно я знаю эту сказку
Поповскую, но услыхать ее
Изъ устъ твоихъ не ждалъ.

ОКТАВІО.

Уста, изъ коихъ
Ее теперь ты слышишь, для тебя
Порукою, что то совсѣмъ не сказка
Поповская.

МАКСЪ.

Изъ герцога творятъ
Какого-то помѣшаннаго, право!
Возможно ли, чтобъ тридцать тысячъ войскъ,
Испытанныхъ въ бояхъ, солдатъ почтенныхъ,
Межъ коими сверхъ тысячи дворянъ—
Задумалъ онъ отвлечь отъ ихъ присяги,
Отъ долга ихъ, отъ чести, ихъ сплотить
Между собой для плутовского дѣла.

ОКТАВІО.

Нѣтъ, гнустности такой постыдной онъ
Нисколько не желаетъ. То, что нужно
Ему отъ насъ, имѣетъ видъ въ стократъ
Невиннѣе: онъ цѣль одну имѣетъ—
Имперіи дать миръ; но императоръ
Миръ *этотъ* ненавидитъ,—и вотъ онъ
Поэтому рѣшилъ его *принудить.*
Довольными онъ хочетъ сдѣлать всѣхъ,
А для себя, за всѣ труды, оставить

Богемію, которою и такъ
Владѣетъ онъ.

МАКСЪ.

Октавіо, ужели
Онъ заслужилъ у насъ съ тобой, чтобъ мы,
Мы думали о немъ такъ недостойно?

ОКТАВІО.

Что думаемъ и ты, и я—о томъ
Здѣсь рѣчи нѣтъ; мой сынъ, здѣсь голосъ
дѣла,
Яснѣйшихъ доказательствъ. Какъ на насъ
Косится дворъ—тебѣ не безъизвѣстно;
Но у тебя и представленья нѣтъ
О проискахъ, интригахъ и обманахъ,
Какіе здѣсь, чтобъ лагерь возмущать,
Пускались въ ходъ. Разорваны всѣ узы,
Которыми къ монарху своему
Привязанъ офицеръ, къ гражданской жизни—
Солдатъ. Забылъ онъ долгъ свой и законъ,
Врагомъ стоитъ онъ противъ государства,
Которое обязанъ защищать,
И на него грозитъ поднять оружье.
Въ минуту настоящую дошло
Ужъ до того, что предъ своимъ же войскомъ
Трепещетъ императоръ, что ему
Приходится теперь въ своей столицѣ,
Въ своемъ дворцѣ, со страхомъ ждать ножа
Измѣнниковъ; что онъ намѣренъ даже
Своихъ внучатъ-младенцевъ увезти,
Скрыть гдѣ нибудь не отъ враждебныхъ
шведовъ
И лютеранъ,—нѣтъ, отъ своихъ же войскъ!

МАКСЪ.

Остановись! Слова твои волнуютъ,
Страшатъ меня. Я знаю, что дрожать
Способны мы отъ ложныхъ опасеній;
Но созданный воображеньемъ страхъ
Родитъ бѣду дѣйствительную.

ОКТАВІО.

Это
Не созданный воображеньемъ страхъ.
Знай, что огонь войны междоусобной,
Войны, всѣхъ войнъ чудовищнѣй и злѣй,
Зажжется въ государствѣ, если быстрыхъ
Не примемъ мѣръ предупредить ее.
Ужъ многіе изъ старшихъ офицеровъ
Подкуплены; средь подчиненныхъ вѣрность
Расшатана; колеблются уже
И цѣлые полки, и гарнизоны;
Довѣрена охрана крѣпостей
Все только чужеземцамъ; Шафгочъ, этотъ
Сомнительный пришелецъ, получилъ
Въ свое распоряженье всѣ отряды
Силезскіе; графъ Терцки—пять полковъ,
И конныхъ, и пѣхотныхъ; Илло, Кински,
И Изоланъ, и Буттлеръ—все, что есть
Отборнаго въ войскахъ.

МАКСЪ.

Мы оба—тоже.

ОКТАВІО.

Да, потому, что онъ увѣренъ въ насъ,
Что хочетъ соблазнить насъ цѣлымъ ря-
домъ
Блестящихъ обѣщаній; такъ онъ мнѣ
Два княжества назначилъ—Глацъ и Заганъ,
И хорошо я вижу, чѣмъ тебя
На удочку поймать онъ замышляетъ.

МАКСЪ.

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! я повторяю...

ОКТАВІО.

Максъ,
Не будь же слѣпъ! Какъ думаешь, собрали
Насъ въ Пильзенѣ съ какою цѣлью? Съ
тѣмъ,
Чтобъ попросить совѣта? Да когда же
Нуждался онъ въ совѣтахъ нашихъ? Нѣтъ,
Онъ насъ созвалъ, чтобъ мы ему продались,
А въ случаѣ отказа—чтобы насъ
Въ заложникахъ оставить. Оттого-то
Графъ Галласъ не пріѣхалъ; и отца
Здѣсь тоже бы ты не увидѣлъ, еслибъ
Не скованъ былъ я высшимъ долгомъ.

МАКСЪ.

Онъ
И не скрывалъ, что созваны мы были
Ради него; сознался, что въ рукахъ
Нуждается онъ нашихъ для поддержки.
Для насъ съ тобой такъ много сдѣлалъ
онъ—
Теперь нашъ долгъ хоть что-нибудь да сдѣ-
лать
И для него.

ОКТАВІО.

И знаешь, *что* должны
Мы сдѣлать для него? Въ задорѣ пьяномъ
Вѣдь выболталъ всю тайну Илло... Максъ,
Припомни-же, что слышалъ ты, что видѣлъ...
Сегодняшній подложный документъ
Съ опущенной, столь важной, оговоркой,
Не есть ли онъ свидѣтельство, что насъ
Хотятъ связать совсѣмъ не честнымъ дѣломъ?

МАКСЪ.

Все то, что тамъ случилось въ эту ночь,
Исторію съ бумагой, я считаю
Не чѣмъ инымъ, какъ скверной штукой Илло.
Уже таковъ обычай этой всей
Породы интригановъ—сразу дѣло
До крайняго предѣла двинуть. Тутъ
Увидѣли они, что герцогъ въ явной
Враждѣ съ дворомъ, и думаютъ ему
Тѣмъ услужить, и растравляютъ рану
Такъ, что потомъ ее уже ничѣмъ
Не излѣчить. Вѣрь мнѣ, не знаетъ герцогъ
Объ этомъ всемъ.

ОКТАВІО.

Мнѣ очень тяжело
Довѣріе твое къ нему разрушить,
Довѣріе, которому нашелъ
Ты прочныя такія основанья;
Но здѣсь щадить не вправѣ я. Принять
Немедленно ты долженъ мѣры; долженъ
Ты дѣйствовать. Поэтому тебѣ
Сознаюсь я: все то, что ты считаешь
Такимъ невѣроятнымъ—это... это...
Изъ собственныхъ его я слышалъ устъ...
Устъ герцога...

МАКСЪ (*въ сильномъ волненіи*).

Не можетъ быть!

ОКТАВІО.

Довѣрилъ
Онъ самъ мнѣ то, что, впрочемъ, я давно
Узналъ и самъ другимъ путемъ; что къ шведамъ
Онъ перейти намѣренъ и затѣмъ,
Ставъ во главѣ соединенныхъ армій,
Заставить императора..

МАКСЪ.

Горячъ
И рѣзокъ онъ. Чувствительно обиженъ
Онъ былъ дворомъ, и очень можетъ быть,
Что въ первыя минуты раздраженья
Онъ безъ труда могъ позабыться.

ОКТАВІО.

Нѣтъ—
Онъ былъ вполнѣ спокоенъ, сообщая
Объ этомъ мнѣ, и такъ какъ изумленье
Мое за страхъ онъ принялъ, то тогда жъ
Мнѣ показалъ секретно письма шведовъ,
А также и саксонцевъ, гдѣ ему
Обѣщана была навѣрно помощь.

МАКСЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Не можетъ быть! Не *можетъ* быть!
Сознайся-же, что это невозможно!
Вѣдь ты ему конечно бъ показалъ
Весь ужасъ свой, онъ внялъ бы увѣщаньямъ,
Иль ты... ты здѣсь живой бы предо мной
Ужъ не стоялъ!

ОКТАВІО.

Мои всѣ опасенья
Я высказалъ ему, я убѣждалъ
Настойчиво, серьезно; но мой ужасъ,
Но мысль завѣтнѣйшую я
Глубоко скрылъ.

МАКСЪ.

Настолько быть фальшивымъ
Ты могъ? Нѣтъ, нѣтъ, я моего отца
Не знаю. Когда *о немъ* ты дурно
Мнѣ говорилъ, не вѣрилъ я тебѣ;
Тѣмъ болѣе мнѣ вѣрить невозможно,
Когда ты самъ клевещешь на себя.

ОКТАВІО.

Въ довѣріе къ нему вѣдь не старался
Проникнуть я.

МАКСЪ.

Довѣріе его
Заслуживало искренности.

ОКТАВІО.

Правды
Моей уже достоинъ не былъ онъ.

МАКСЪ.

И менѣе еще тебя достоинъ
Былъ твой обманъ.

ОКТАВІО.

Мой милый, не всегда
Возможность есть такимъ же дѣтски чистымъ
И въ жизни оставаться намъ, какимъ
Насъ учитъ быть душевный голосъ. Въ вѣчной
Борьбѣ со злымъ коварствомъ и душа
Честнѣйшая не можетъ оставаться
Правдивою; въ томъ и проклятье зла,
Что, множась безпрерывно, порождаетъ
Оно лишь зло. Не умничаю я,
Я долгъ свой исполняю; императоръ
Мнѣ предписалъ мой образъ дѣйствій. Да,
Согласенъ я, что было бъ лучше сердцу
Во всемъ повиноваться, но тогда
Не разъ бы приходилось дѣлъ полезныхъ
Не позволять себѣ. Здѣсь рѣчь идетъ
О томъ, мой сынъ, чтобъ честно государю
Служили мы, чего бы сердце намъ
На этотъ счетъ ни возражало.

МАКСЪ.

Право,
Твои слова сегодня не могу
Я понимать. Ты говоришь, что герцогъ
Довѣрчиво и искренно открылъ
Передъ тобой преступный умыселъ; ты жъ,
Ты, съ умысломъ похвальнымъ, нужнымъ счелъ
Обманывать его. Ну, полно, полно,
Прошу тебя! Ты друга отъ меня
Не оторвешь—не дай отца утратить!

ОКТАВІО (*подавляя движеніе нѣжнаго чувства*).

Еще не все ты знаешь, милый сынъ!
Кой-что еще открыть тебѣ имѣю.

(*Послѣ минутнаго молчанія*).

Нашъ герцогъ ужъ готовъ. Своимъ звѣздамъ
Онъ ввѣрился. Онъ думаетъ нежданно
Напасть на насъ; рукою вѣрной онъ
Надѣется корону золотую
Уже схватить... но въ заблужденьѣ онъ—
Въ бездѣйствіи и мы не оставались;
Таинственный и мрачный жребій свой
Увидитъ онъ свершившимся,

МАКСЪ.

Всѣмъ добрымъ
Молю тебя, отецъ, о, не спѣши,
Не ускоряй...

ОКТАВІО.

Неслышными шагами
Своимъ путемъ преступнымъ крался онъ!
И вслѣдъ ему неслышно и коварно
Шла также месть. Ужъ позади его
Она стоитъ, невидима, сурова,
Еще лишь шагъ—и ужаснувшись, съ ней
Столкнется онъ. Ты видѣлъ Квестенберга;
Но миссія открытая его
Одна тебѣ извѣстна; есть другая,
Секретная, которая ко мнѣ
Обращена—и ни къ кому другому.

МАКСЪ.

Могу ль узнать?...

ОКТАВІО.

Моимъ отвѣтомъ, Максъ,
Кладу тебѣ я въ руки и спасенье
Имперіи, и жизнь отца. Я знаю,
Какъ дорогъ Валленштейнъ твоей душѣ;
Ужъ съ юныхъ лѣтъ незыблемыя узы
Любви и уваженія тебя
Связуютъ съ нимъ... питаешь ты желанье...
О милый сынъ, позволь предупредить
Признаніе, которымъ ты все медлишь—
Питаешь ты надежду, что ему
Принадлежать гораздо ближе будешь..

МАКСЪ.

Отецъ...

ОКТАВІО.

Могу я сердцу твоему
Довѣриться; но за твое умѣнье
Владѣть собой порука гдѣ? Могу ль
Быть убѣжденъ, что будешь ты способенъ
Къ нему прійти съ спокойствіемъ въ лицѣ,
Когда теперь я все тебѣ открою,
Что ждетъ его?

МАКСЪ.

Послѣ того, какъ ты
Его вину открылъ передо мною!

ОКТАВІО (*беретъ изъ шкатулки бумагу и показываетъ ее Максу*).

МАКСЪ.

Что это? Какъ! открытое письмо
Отъ императора!

ОКТАВІО.

Читай же.

МАКСЪ (*взглянувъ на бумагу*)

Герцогъ
И обвиненъ, и изгнанъ!

ОКТАВІО.

Такъ и есть.

МАКСЪ.

О, Боже мой, какъ далеко зашли мы!
Несчастная ошибка!

ОКТАВІО.

Продолжай.
Приди въ себя.

МАКСЪ (*прочитавъ дальше, съ изумленіемъ смотритъ на отца*).

Какъ? Что? *Ты*? Ты назначенъ...

ОКТАВІО.

На первое лишь время, и пока
Король венгерскій не прибудетъ къ войску,
Командованье *мнѣ* поручено...

МАКСЪ.

И ты его надѣешься исторгнуть
У герцога? Нѣтъ, не надѣйся!.. Ахъ,
Отецъ! отецъ! отецъ! Какой несчастный,
Ужасный долгъ берешь ты на себя!
И *это* приказанье—это! станешь
Ты исполнять? Могучаго вождя
Рѣшишься ты обезоружить—гдѣ же?
Средь войскъ его, средь этихъ храбрыхъ тысячъ,
Ему принадлежащихъ... Ты погибъ—
Ты, и мы всѣ.

ОКТАВІО.

Чѣмъ я рискую—это
Извѣстно мнѣ. Я въ руцѣ Бога. Онъ
Своимъ щитомъ покроетъ благочестный
Монаршій домъ, разрушитъ дѣло тьмы.
Слугъ преданныхъ и вѣрныхъ императоръ
Еще найдетъ; и въ лагерѣ здѣсь есть
Достаточно людей, готовыхъ храбро
За праведное дѣло биться. Ихъ
Уже предупредили; за другими
Идетъ надзоръ; теперь я только жду,
Чтобъ первый шагъ былъ сдѣланъ—и тотчасъ же...

МАКСЪ.

Простого подозрѣнья для тебя
Достаточно, чтобъ дѣйствовать поспѣшно,
Немедленно?

ОКТАВІО.

Далекъ, весьма далекъ
Отъ всякаго тиранства императоръ.
Караетъ онъ не волю, нѣтъ—одни
Дѣянія. Покамѣстъ держитъ герцогъ
Свою судьбу еще въ своихъ рукахъ.
Пусть онъ не дастъ свершиться преступленью—
И отзовутъ отъ должности его
Безъ всякаго позора; постъ уступитъ
Онъ сыну государя своего.
Почетная—въ его помѣстья—ссылка
Не карою—благодѣяньемъ будетъ.
Но первый же открытый шагъ...

МАКСЪ.

А что
Считаешь ты такимъ открытымъ шагомъ?

Преступнаго не можетъ сдѣлать онъ;
Не можешь ты (какъ это ужъ и сдѣлалъ)
И самому невинному придать
Противный смыслъ.

ОКТАВІО.

Какъ ни были бъ преступны
Намѣренья его, но тѣ шаги,
Что дѣлалъ онъ открыто, допускаютъ,
Пожалуй, толкованіе, для нихъ
Не вредное. И этою бумагой
Воспользуюсь не прежде я, чѣмъ онъ
То совершитъ, что будетъ ужъ безспорнымъ
Свидѣтельствомъ измѣны и ему
Послужитъ обвиненьемъ.

МАКСЪ.

Кто же будетъ
Судьей?

ОКТАВІО.

Ты самъ.

МАКСЪ.

О, если такъ, приказъ
Останется всегда безъ исполненья.
Ты слово далъ, что дѣйствовать начнешь
Не прежде, чѣмъ и я—я самъ, тобою
Не буду убѣжденъ.

ОКТАВІО.

Возможно ль! Какъ!
Послѣ всего, что знаешь ты—ты можешь
Еще въ его невинность вѣрить!

МАКСЪ *(живо)*.

Да,
Разсудкомъ ты способенъ заблуждаться,
Я сердцемъ—нѣтъ.

(Болѣе умѣреннымъ тономъ).

Его могучій духъ
Нельзя судить обыкновенной мѣркой.
Какъ связываетъ онъ свою судьбу
Съ планетами, такъ онъ, подобно имъ,
Идетъ путемъ таинственнымъ, чудеснымъ,
Всегда непостижимымъ. Вѣрь мнѣ—вы
Къ нему несправедливы. Разъяснится
Вся истина. И въ блескѣ чистоты
Онъ выйдетъ къ намъ изъ черныхъ подо-
зрѣній.

ОКТАВІО.

Я подожду.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЖНІЕ, КАМЕРДИНЕРЪ, *вслѣдъ за нимъ* КУРЬЕРЪ.

ОКТАВІО.

Что нужно?

КАМЕРДИНЕРЪ.

Ждетъ курьеръ
Здѣсь за дверьми.

ОКТАВІО.

Такъ рано? Кто? Откуда?

КАМЕРДИНЕРЪ.

Онъ не хотѣлъ сказать.

ОКТАВІО.

Зови его
И никому о немъ не проболтайся.
(Камердинеръ уходитъ. Входитъ корнетъ).

ОКТАВІО.

А, вы, корнетъ? Отъ Галласа? Давайте
Его письмо.

КОРНЕТЪ.

Я присланъ отъ него
Съ словеснымъ порученіемъ. Графъ боялся...

ОКТАВІО.

Въ чемъ дѣло?

КОРНЕТЪ.

Онъ вамъ поручилъ сказать...
Могу ль здѣсь говорить свободно?

ОКТАВІО.

Сынъ знаетъ все.

КОРНЕТЪ.

Его поймали мы.

ОКТАВІО.

Кто это онъ?

КОРНЕТЪ.

Сезина, переметчикъ.

ОКТАВІО *(быстро)*.

И онъ у васъ?

КОРНЕТЪ.

Да, капитанъ Морбрандъ
Схватилъ его въ ущельи горъ Богемскихъ.
Третьяго дня поутру путь держалъ
Онъ въ Рогенсбургъ и везъ депеши къ шве-
дамъ.

ОКТАВІО.

И эти всѣ депеши...

КОРНЕТЪ.

Генералъ
Отправилъ ихъ тотчасъ же въ Вѣну вмѣстѣ
Со схваченнымъ Сезиной.

ОКТАВІО.

Наконецъ!
Ну, наконецъ! Большая это новость!
Вѣдь этотъ переметчикъ—дорогой
Для насъ сосудъ, въ себѣ хранящій вещи
Важнѣйшія!.. Что, много ли нашли?

КОРНЕТЪ.

Шесть писемъ — всѣ съ гербами графа
Терцки.

ОКТАВІО.

Отъ герцога собственноручныхъ нѣтъ?

КОРНЕТЪ.

Ни одного, насколько мнѣ извѣстно.

ОКТАВІО.

А что же самъ Сезина?

КОРНЕТЪ.

Очень былъ
Испуганъ онъ, когда узналъ, что въ Вѣну
Его везутъ. Графъ Альтрингеръ его
Однако успокоилъ—если только
Онъ искренно сознается во всемъ.

ОКТАВІО.

Да развѣ графъ у Галласа? Я слышалъ,
Что въ Линцѣ онъ лежитъ совсѣмъ больной.

КОРНЕТЪ.

Уже три дня, какъ онъ во Фрауэнбергѣ,
У нашего начальника. У нихъ
Ужъ шестьдесятъ знаменъ собралось—люди
Отборные; и мнѣ поручено
Вамъ передать, что только приказаній
Отъ васъ тамъ ждутъ.

ОКТАВІО.

Черезъ немного дней,
Я думаю, случиться можетъ много.
Когда должны уѣхать вы?

КОРНЕТЪ.

Когда
Прикажете.

ОКТАВІО.

Я попрошу остаться
Васъ до вечера.

КОРНЕТЪ.

Слушаю-съ.

ОКТАВІО.

Никто
Не видѣлъ васъ?

КОРНЕТЪ.

Никто. Черезъ калитку
Монастыря—какъ и всегда—
Впустили капуцины.

ОКТАВІО.

Ну, идите
Поотдохнуть; скрывайтесь здѣсь отъ всѣхъ.
До вечера еще я вѣроятно
Васъ отпущу. Развязка нашихъ дѣлъ
Не далека, и прежде, чѣмъ погаснетъ
День роковой, занявшійся сейчасъ,
Рѣшиться все должно безповоротно.
(*Корнетъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Оба Пикколомини.

ОКТАВІО.

Ну, что, мой сынъ? Теперь ужъ скоро все
Узнаемъ мы: я зналъ, что все ихъ дѣло
Велось черезъ Сезину.

МАКСЪ (*въ которомъ въ продолженіе всей предыдущей сцены происходила сильная внутренняя борьба, рѣшительно*).

Я возьму
Короче путь, чтобъ истины добиться.
Прощай.

ОКТАВІО.

Куда? Останься здѣсь.

МАКСЪ.

Къ нему.

ОКТАВІО (*въ испугѣ*).

Что?..

МАКСЪ (*возвращаясь*).

Если ты надѣялся, что стану
Я роль играть въ твоей игрѣ—во мнѣ
Ошибся ты. Идти я долженъ только
Прямымъ путемъ. Не можетъ мой языкъ
Правдивымъ быть, а сердце—быть фальшивымъ.
Я не могу, когда мнѣ человѣкъ
Довѣрился, какъ другъ—заставить совѣсть
Молчать лишь тѣмъ, что дѣйствовалъ вѣдь онъ
На собственный свой страхъ, что я устами
Ему не лгалъ. Какимъ кажусь, такимъ
И долженъ быть. Я къ герцогу. Сегодня жъ
Потребую, чтобъ передъ свѣтомъ онъ
Спасъ честь свою, чтобъ вашу сѣть, такъ ловко
Сплетенную, однимъ открытымъ шагомъ
Онъ разорвалъ.

ОКТАВІО.

И ты поступишь такъ?

МАКСЪ.

Такъ поступлю. Не сомнѣвайся въ этомъ.

ОКТАВІО.

Да, точно, я въ тебѣ ошибся. Мнѣ
Казалось—ты разумный сынъ, который
Благословитъ спасительныя руки,
Изъ пропасти извлекшія его,—
А предо мной слѣпецъ, съ ума сошедшій
Отъ пары глазъ, туманомъ страсти весь
Окутанный, неисцѣленный даже
Сіяньемъ дня... Ну, что жъ! Ступай къ нему!
Разспрашивай! Настолько безразсуденъ
Будь, чтобъ ему и твоего отца,
И твоего монарха тайну выдать!
Заставь меня до времени принять
Открытую рѣшительную мѣру!
До нынѣшняго дня, благодаря
Чудесному заступничеству неба,
Отъ всѣхъ была сокрыта наша тайна,
И подозрѣнья дальновидный взоръ
Былъ усыпленъ,—и вотъ теперь увидѣть
Ты мнѣ даешь, что собственный мой сынъ

Неистово безумнымъ шагомъ рушитъ
Политики тяжелые труды!

МАКСЪ.

Политика! О, какъ я проклинаю
Политику всю вашу! Ею вы
Подвините его и въ самомъ дѣлѣ
На что нибудь... Да, потому что вы
Желаете его преступнымъ сдѣлать,
И будетъ онъ преступнымъ. О, должно
Окончиться плачевно это дѣло,
И чѣмъ бы ни рѣшилось—скоро я
Предчувствую несчастную развязку.
Да, если онъ, мужъ царственный, падетъ,
То увлечетъ въ паденьѣ за собою
Онъ цѣлый міръ, и какъ корабль, что вдругъ
Охваченный пожаромъ въ океанѣ,
Взрывается и весь свой экипажъ
Раскидываетъ быстро между небомъ
И волнами морскими,—такъ насъ всѣхъ,
Къ его судьбѣ прикованныхъ, съ собою
Онъ увлечетъ въ погибель. Можешь ты
Такъ поступать, какъ хочешь, но позволь же
Мнѣ дѣйствовать по моему. Межъ мною
И имъ должно остаться чистымъ все.
И до заката дня должно ужъ объясниться—
Отца ли, друга ли, мнѣ суждено лишиться.

(*Уходитъ. Занавѣсъ падаетъ*).

П. Вейнбергъ.

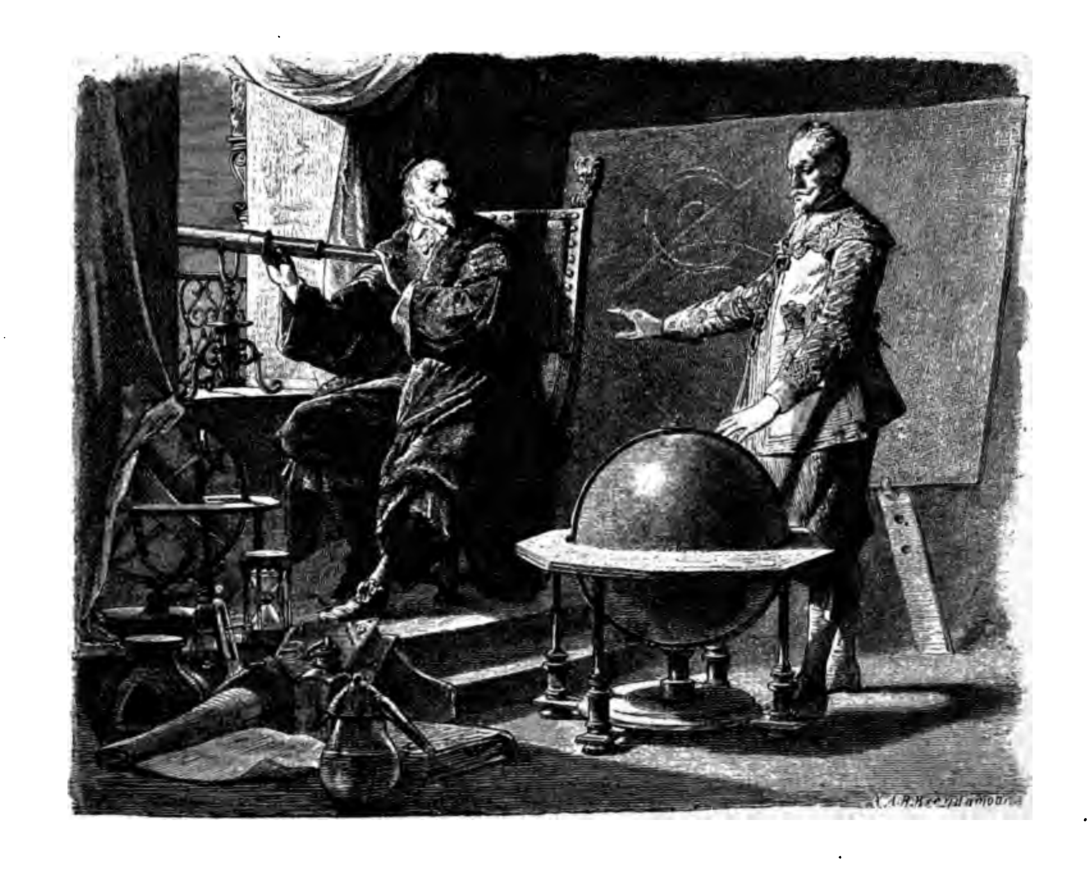
ТРАГЕДІЯ.
СМЕРТЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА.
Въ 5-ти дѣйствіяхъ.

СМЕРТЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА.

Дѣйствующія лица:

Валленштейнъ.
Октавіо Пикколомини.
Максъ Пикколомини.
Терцки.
Илло.
Изолани.
Буттлеръ.
Ротмистръ Нейманъ.
Полковникъ Врангель, посланный шведами.
Гордонъ, комендантъ Эгера.
Майоръ Геральдинъ.
Деверу, капитанъ арміи Валленштейна.
Макдональдъ, капитанъ арміи Валленштейна.
Шведскій капитанъ.
Депутація кирасировъ.
Бургомистръ Эгера.
Сени.
Герцогиня Фридландъ.
Графиня Терцки.
Тэкла.
Дѣвица Нейбрунъ, приближенная принцессы.
Фонъ-Розенбергъ, шталмейстеръ принцессы.
Драгунъ.
Слуги. Пажи. Народъ.

Мѣсто дѣйствія въ трехъ первыхъ дѣйствіяхъ Пильзенъ, въ двухъ послѣднихъ Эгеръ.



ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Комната, устроенная для астрологическихъ занятій и уставленная глобусами, картами, квадрантами и другими астрономическими инструментами. За открытой занавѣской видна ротонда, въ которой изображенія семи планетъ, каждое въ углубленіи, странно освѣщенномъ. Сени *наблюдаетъ звѣзды.* Валленштейнъ *стоитъ передъ большою черною доской, на которой нарисована планетная система.*

ЯВЛЕНІЕ I.

Валленштейнъ. Сени.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Довольно на сегодня, Сени. День
Ужъ занялся, и Марсъ надъ этимъ часомъ
Господствуетъ. Сойди. Для наблюденій
Теперь уже не время. Ну, пойдемъ.
Узнали мы довольно.

СЕНИ.

Ваша свѣтлость,
Позвольте мнѣ полюбоваться
Венерою. Теперь какъ разъ она
Взошла и на востокѣ точно солнце
Сверкаетъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да, теперь она къ землѣ
Приблизилась и дѣйствуетъ на землю
Всей силою.

(Разсматривая рисунки на доскѣ).

О, благодатный видъ!
Вотъ наконецъ великая тріада
Сошлась въ своемъ союзѣ роковомъ,
И звѣзды благодатныя, Юпитеръ
Съ Венерою, берутъ въ свою среду
Коварнаго, губительнаго Марса,
И стараго виновника всѣхъ золъ
Служить мнѣ заставляютъ. Онъ мнѣ долго
Враждебенъ былъ, и долго все пускалъ
Отвѣсно или косо въ квадратурѣ
Иль въ противостояніи, свои

Багровые лучи въ мои планеты,
Мѣшая благотворнымъ силамъ ихъ.
И вотъ теперь онѣ преодолѣли
Стариннаго врага и плѣннымъ въ нѐбѣ
Ведутъ его ко мнѣ.

СЕНИ.

И этимъ двумъ
Свѣтиламъ благодатнымъ никакая
Зловредная звѣзда ужъ не грозитъ.
Старикъ Сатурнъ теперь cadente domo,
Безсиленъ и безвреденъ онъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Сатурнъ,
Владыка надъ таинственнымъ рожденьемъ
Вещей на днѣ земли и въ нѣдрахъ духа
И правящій всѣмъ, что боится свѣта,—
Не царствуетъ уже. Прошла пора
Раздумывать, соображать. Господство
Блистающій Юпитеръ получилъ,
И дѣло тьмы влечетъ онъ въ царство свѣта
Могучею рукою. Все велитъ
Мнѣ дѣйствовать немедленно, покамѣстъ
Еще горитъ счастливая звѣзда
Надъ головой моей: вѣдь въ сводѣ неба
Движенье безпрерывное.

(Стукъ въ двери).

Стучатъ.
Взгляни, кто тамъ.

ТЕРЦКИ *(за дверью).*

.Откройте.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Это Терцки...
Что тамъ за спѣхъ? Мы заняты...

ТЕРЦКИ.

Прошу тебя. Ни на одну минуту
Откладывать нельзя.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Открой ему.
(Сени отворяетъ дверь и уходитъ; Валленштейнъ задергиваетъ занавѣску передъ ротондой).

ЯВЛЕНІЕ II.

Валленштейнъ. Графъ Терцки.

ТЕРЦКИ.

Ты знаешь ли уже? Онъ арестованъ,
Онъ Галласомъ ужъ выданъ въ Вѣну.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Кто,
Кто арестованъ, выданъ?

ТЕРЦКИ.

Тотъ, кто нашей
Всей тайною владѣетъ, знаетъ все
Переговоры наши и съ Саксоньей
И съ Швеціей, чрезъ руки чьи все шло...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(отступая).*

Конечно не Сезина? Да отвѣть же,
Скажи, что нѣтъ.

ТЕРЦКИ.

Онъ именно. Его
Схватили на дорогѣ къ Регенсбургу
Агенты графа Галласа, давно
Слѣдившіе за нимъ въ его поѣздкахъ.
Онъ везъ съ собой весь мой пакетъ депешъ
Къ Арнгейму, Кински, Турну, Оксенштирну—
И это все теперь у нихъ въ рукахъ,
Открыто имъ все сдѣланное нами.

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежніе. *Входитъ* Илло.

ИЛЛО *(къ Терцки).*

Онъ знаетъ?

ТЕРЦКИ.

Да.

ИЛЛО *(Валленштейну).*

Ну, что жъ, ты и теперь
Надѣешься, что можетъ императоръ
Съ тобою помириться и тебѣ
Вернуть свое довѣріе? Да если бъ
Дѣйствительно отъ плановъ всѣхъ своихъ
Отрекся ты—то вѣдь ему извѣстно,
Что замышлялъ ты сдѣлать. Нѣтъ, теперь
Идти впередъ ты долженъ; невозможно
Тебѣ назадъ вернуться!

ТЕРЦКИ.

Противъ насъ
У нихъ въ рукахъ такіе документы,
Которые не опровергнешь...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Лжешь!
Моей руки—ни строчки.

ИЛЛО.

Да? И что же,
Ты думаешь—все то, что онъ, твой зять,
Велъ именемъ твоимъ, тамъ не поставятъ
На счетъ *тебѣ*? Шведъ всѣ *его* слова
Бралъ за твои, а въ Вѣнѣ брать не будутъ
Твои враги?

ТЕРЦКИ.

Ни строчки не давалъ
Ты письменно,—а вспомни, какъ далеко
Ты заходилъ въ своихъ бесѣдахъ устныхъ
Съ Сезиною! А будетъ онъ молчать?
И если онъ твоею тайной можетъ
Спасти себя, то станетъ развѣ онъ
Ее хранить?

ИЛЛО.

Какъ этого и самъ ты

Сообразить не хочешь! И теперь,
Когда для нихъ не тайна, какъ далеко
Ужъ ты зашелъ—скажи, чего ты ждешь?
Въ своихъ рукахъ держать начальство
дольше—
Тебѣ нельзя; его сложивши, ты
Погибнешь безвозвратно.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Щитъ мой—войско.
Оно меня не кинетъ. Что бы тамъ
Имъ ни было извѣстно,—власть держу я
Въ своихъ рукахъ, и это проглотить
Придется имъ. А если я представлю
Ручательство имъ въ вѣрности своей,
То ужъ совсѣмъ довольными казаться
Они должны.

ИЛЛО.

Да, армія—твоя.
Въ минуту настоящую, покамѣстъ—
Она твоя. Но бойся, трепещи
Предъ времени медлительною силой.
Отъ явнаго насилія тебя
Сегодня сохраняетъ, будетъ завтра
Еще хранить любовь твоихъ солдатъ.
Но дай ты срокъ врагу—и незамѣтно
Онъ подведетъ подкопы подъ пріязнь,
Которая тебѣ опорой служитъ.
Украдетъ онъ коварно у тебя
Твоихъ солдатъ, однихъ вслѣдъ за другими;
И наконецъ, когда настанетъ часъ
Великаго землетрясенья—зданье,
Подгнившее отъ злыхъ подкоповъ вдругъ
Обрушится...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Несчастный это случай!

ИЛЛО.

О, я его счастливымъ назову,
Коль должное вліяніе окажетъ
Онъ на тебя, коль дѣйствовать заставитъ
Немедленно... Полковникъ шведскій...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Онъ
Ужъ здѣсь? Съ какимъ, не знаешь, пору-
ченьемъ
Пріѣхалъ онъ?

ИЛЛО.

Тебѣ лишь одному
Онъ передастъ его.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Несчастный случай!
Несчастный случай! Да, конечно такъ—
Сезина черезчуръ ужъ много знаетъ,
Молчать не будетъ онъ...

ТЕРЦКИ.

Онъ дезертиръ
И бунтовщикъ богемскій и ужъ къ казни
Приговоренъ; коль можетъ на твой счетъ
Спасти себя, то станетъ ли стѣсняться?
А ежели допросъ съ него возьмутъ
Подъ пыткою, то развѣ хватитъ силы
У немощнаго труса?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(погруженный въ задумчивость)*.

Возвратить
Довѣріе къ себѣ ужъ невозможно;
И какъ бы я ни дѣйствовалъ теперь,
Они меня считать не перестанутъ
Измѣнникомъ; и какъ бы честно я
Вновь къ своему ни возвратился долгу—
Ничто мнѣ не поможетъ.

ИЛЛО.

И себя
Погубишь ты. Они припишутъ это
Не вѣрности твоей, а одному
Безсилію.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(въ сильномъ возбужденіи ходитъ взадъ и впередъ)*.

Какъ! Неужели жъ мнѣ
Приходится то выполнить серьезно,
Что было у меня одной игрой,
Ужъ черезчуръ свободной, съ рѣзвой мыслью?
О, проклятъ тотъ, кто съ дьяволомъ на-
чнетъ
Вести игру!

ИЛЛО.

Коль это было только
Твоей игрой, ты, вѣрь мнѣ, за нее
Тяжелою, серьезною цѣною
Поплатишься.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И если ужъ пришлось
Мнѣ исполнять, то должно это сдѣлать
Теперь, теперь—когда еще я власть
Не потерялъ.

ИЛЛО.

И прежде—если можно—
Чѣмъ при дворѣ придутъ они въ себя
Отъ этого удара, и, пожалуй,
Тебя предупредятъ...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Подписка здѣсь
Всѣхъ генераловъ. Максъ Пикколомини
Отсутствуетъ однако. Отчего?

ТЕРЦКИ.

Онъ... думалъ онъ...

ИЛЛО.

Да просто самомнѣнье!
Находитъ онъ, что межъ тобой и имъ
Нѣтъ никакой нужды въ такой подпискѣ...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вполнѣ онъ правъ—нѣтъ никакой нужды...
У насъ полки противятся походу
Во Фландрію; они прислали мнѣ

Прощеніе и громко заявляютъ
Отказъ повиноваться. Первый шагъ
Къ открытому возстанью сдѣланъ.

ИЛЛО.

Вѣрь мнѣ,
Что легче ты ихъ двинешь на врага,
Чѣмъ поведешь къ испанцу.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мнѣ однако
Желательно услышать, что сказать
Имѣетъ шведъ.

ИЛЛО *(поспѣшно)*.

Онъ здѣсь. Зовите, Терцки,
Его скорѣй.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нѣтъ, нѣсколько минутъ
Повремени... Я какъ врасплохъ захваченъ...
Ужъ черезчуръ нежданно это все...
Я не привыкъ, чтобъ случай, слѣпо, мрачно
Господствуя и правя, влекъ меня
Вслѣдъ за собой.

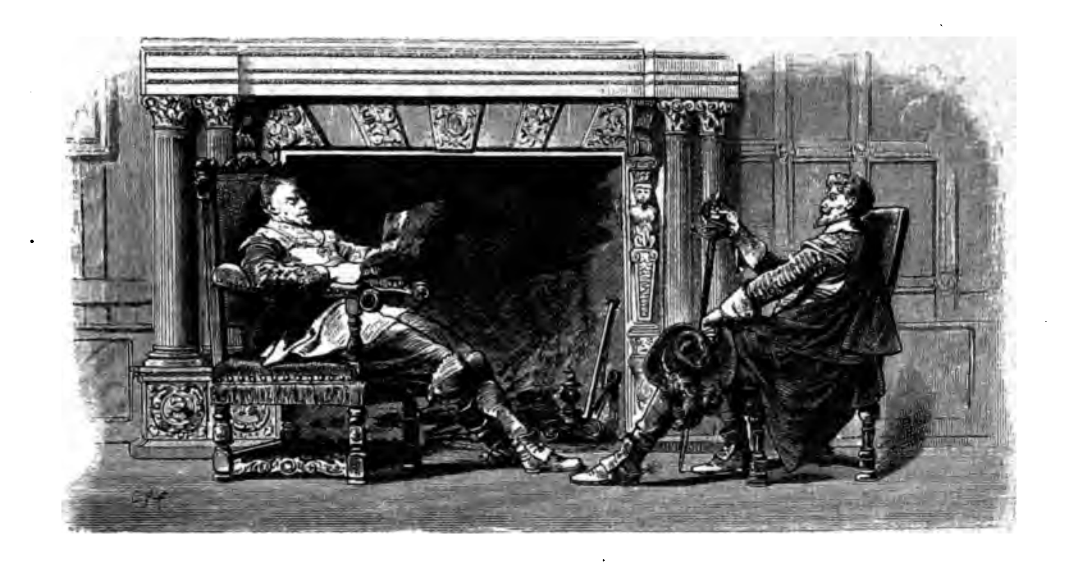
ИЛЛО.

Его сначала только
Ты выслушай,—потомъ сообразишь.
(Илло и Терцки уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(одинъ)*.

Такъ неужли возможно это? Дѣлать,
Что я хочу, нельзя ужъ больше мнѣ?
Идти назадъ, коль это мнѣ угодно,
Уже нельзя?... *Исполнить* долженъ я
Лишь потому, что *думалъ* я исполнить,
Что отъ себя не оттолкнулъ соблазнъ,
Что сердце я питалъ мечтою этой,
Что средства пріобрѣлъ осуществить
Невѣрный планъ, и только путь открытымъ
Держалъ передъ собой! Клянусь Творцомъ
Всевидящимъ—я никогда серьезно
Не помышлялъ объ этомъ, никогда
Не принималъ я твердаго рѣшенья
И мыслью той лишь тѣшилъ самъ себя.
Свобода и владычество служили
Приманкой мнѣ; и что же было въ томъ
Преступнаго, что призракомъ надежды
На царскую корону забавлялъ
Я мысль свою? Вѣдь воля оставалась
Свободною въ моей груди; вѣдь я
Передъ собой всегда открытымъ видѣлъ
Тотъ добрый путь, которымъ могъ бы я
Пойти назадъ во всякую минуту?
Куда жъ теперь внезапно, быстро такъ
Я приведенъ? Обратныя дороги
Закрыты всѣ, и возвелась стѣна
Изъ собственныхъ моихъ дѣяній, мощной
Громадою мнѣ заградивъ возвратъ.
(Останавливается въ глубокой задумчивости).
Преступнымъ я кажусь для нихъ—и что бы
Ни дѣлалъ я, ничѣмъ съ себя вины
Ужъ мнѣ не снять: мнѣ обвиненьемъ слу-
жить
Та двойственность, въ которой жизнь моя
Является передъ людьми—и даже
Въ чистѣйшіе источники благихъ
И праведныхъ поступковъ подозрѣнье
Вливаетъ ядъ, истолковавши ихъ
По своему. Будь тѣмъ я, чѣмъ кажусь—
Измѣнникомъ, конечно я старался бъ
Невинную наружность сохранять,
Окуталъ бы себя густымъ покровомъ
И никогда бъ словами недовольства
Не выдавалъ. Въ сознаніи своей
Невинности и правоты желаній,
Давалъ просторъ я прихотямъ, страстямъ,
Былъ смѣлъ въ рѣчахъ, затѣмъ что не былъ
смѣлымъ
На дѣлѣ я. И вотъ теперь все то,
Что сдѣлано было безъ всякихъ плановъ,
Они сольютъ въ опредѣленный планъ,
Заранѣе обдуманный. И то,
Что въ радостной отвагѣ, или гнѣвѣ,
Отъ сердца переполненнаго, я
Высказывалъ,—въ ткань хитрую съумѣютъ
Они сплести, и выстроятъ на ней
Такое обвиненье, предъ которымъ
Мнѣ замолчать останется. Такъ я,
На пагубу себѣ, въ свои же сѣти—
Запутался, и только разорвавъ
Насильно ихъ, могу освободиться.
(Снова нѣсколько минутъ молчанія).
Какъ все перемѣнилось! Ахъ, давно ль
Отважный духъ меня на смѣлый подвигъ
Свободно влекъ—и вотъ теперь его
Мнѣ совершить велитъ необходимость
Суровая, толкаетъ на него
Нужда самоспасенья. Строго смотритъ
На насъ необходимость. Человѣкъ
Безъ трепета не опускаетъ руку
Въ таинственную урну рока. То,
Что дѣлалъ я, пока оно лежало
Въ своей груди, принадлежало мнѣ;
Разъ что оно свою родную землю
Оставило—надежный уголокъ
На днѣ души, и на чужбину жизни
Перенеслось—оно во власти тѣхъ
Коварныхъ силъ, которыхъ никакому
Искусству человѣка не смягчить.
(Дѣлаетъ нѣсколько порывистыхъ шаговъ, потомъ снова останавливается въ задумчивости).



Что жъ думаешь ты предпринять? Да это
И самъ себѣ вполнѣ ль ты уяснилъ?
Поколебать ты хочешь власть, спокойно
Сидящую на прочномъ тронѣ; власть,
Фундаментомъ которой—обладанье,
Вѣками освященное, и сила
Привычки; власть, что тысячи корней
Незыблемыхъ имѣетъ въ вѣрѣ дѣтской
И набожной народовъ... Тутъ пойдетъ
Уже борьба не силы противъ силы...
О, *той* борьбы я не боюсь! Иду
Я смѣло въ бой съ противникомъ, который
Передо мной стоитъ лицомъ къ лицу,
Который, самъ исполненный отваги,
Во мнѣ ее воспламеняетъ. Врагъ
Невидимый, что борется со мною
Въ груди людей, что страшенъ для меня
Лишь трусостью своею малодушной—
Вотъ этотъ врагъ опасенъ мнѣ. Не то
Грозитъ бѣдой и вызываетъ ужасъ,
Что видимъ мы живымъ и мощнымъ; нѣтъ—
Ужасна и опасна только пошлость
Ничтожная, то вѣчное *вчера*,
Которое существовало вѣчно
И вѣчно возраждается, и вновь
Жить будетъ завтра, ибо живо нынче.
Да, изъ рутины созданъ человѣкъ,
Кормилицей ему была привычка,
И горе тѣмъ, кто у него въ дому
Дотронется до утвари почтенной
Старинныхъ лѣтъ, наслѣдья дорогого
Его отцовъ!.. Что прожило года,
То дѣйствуетъ, какъ сила освященья;
Что старости покрыто сѣдиной,
То для него божественно. Будь только
Владѣтелемъ— и право за тобой,
И сохранитъ ненарушимо свято
Его толпа.

(Входитъ пажъ).

Полковникъ шведскій? онъ?
Пускай войдетъ.

(Пажъ уходитъ. Валленштейнъ, устремивъ задумчивый взоръ на дверь).

Еще чиста! Измѣна
Преступная еще не перешла
Ея порогъ... Вотъ, жизнь, какою узкой
Границею дороги двѣ твои
Раздѣлены!

ЯВЛЕНІЕ V.

Валленштейнъ и Врангель.

валленштейнъ *(бросивъ на него испытующій взглядъ).*

Фамилья ваша—Врангель?

врангель.

Полковникъ Врангель, синяго полка
Зудерманландскаго.

валленштейнъ.

Какой-то Врангель?
Предъ Штральзундомъ мнѣ сдѣлалъ много зла:
Онъ помѣшалъ своей защитой храброй
Мнѣ крѣпость взять.

врангель.

Заслуга не моя.
Все сдѣлала стихія, ваша свѣтлость,
Съ которою пришлось сражаться вамъ.
Бельтъ защищалъ свою свободу бурей;

Земля и море не могли служить
Единому.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Тамъ шляпу адмирала
Вы у меня сорвали съ головы.

ВРАНГЕЛЬ.

Я прихожу вѣнчать ее короной.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(знакомъ приглашаетъ его сѣсть и самъ садится).*

Гдѣ грамота вѣрительная? Вы
Пріѣхали со всѣмъ уполномочьемъ?

ВРАНГЕЛЬ *(значительнымъ тономъ).*

Осталось разрѣшить еще двѣ-три
Неясности.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(прочтя).*

Письмо умно и дѣльно.
Разумной и толковой головѣ
Вы служите, полковникъ. Канцлеръ пишетъ,
Что помогая мнѣ пріобрѣсти
Богемскій тронъ, онъ исполняетъ только
То, что желалъ покойный вашъ король.

ВРАНГЕЛЬ.

Да, это такъ. Нашъ, памяти блаженной,
Король всегда цѣнилъ высоко вашъ
Обширный умъ, таланты полководца;
И часто онъ изволилъ говорить,
Что только тотъ, кто властвовать умѣетъ,
Тотъ долженъ быть властитель и король.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Онъ вправѣ былъ такъ говорить.
(Довѣрчиво беретъ его за руку).
Полковникъ,
Сказать вамъ откровенно— вѣдь всегда
Въ душѣ я былъ благопріятель шведовъ.
Въ Силезіи подъ Нюренбергомъ вы
Могли въ томъ убѣдиться. Васъ я часто
Держалъ въ рукахъ—и каждый разъ давалъ
Возможность вамъ спасаться задней дверью.
Вотъ этого не могутъ въ Вѣнѣ мнѣ
Никакъ простить, и вотъ что вызываетъ
Меня на этотъ шагъ. Ну, стало быть,
У насъ одни и тѣ же интересы
И потому должны другъ къ другу мы
Установить полнѣйшее довѣрье.

ВРАНГЕЛЬ.

Довѣріе придетъ; пускай сперва
У каждаго изъ насъ обезпеченье
Получится.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вашъ канцлеръ—вижу я—
Пока еще мнѣ не совсѣмъ-то вѣритъ.
Да, сознаюсь—по виду вся игра
Не очень ужъ мнѣ къ выгодѣ; сдается
Его превосходительству—когда
Мой собственный владыка, императоръ,
Обманутъ мной, то сдѣлать то же я
Могу съ врагомъ, и было бы *одно*
Простительнѣй *другого*. Ваше мнѣнье
Такое-же, полковникъ Врангель?

ВРАНГЕЛЬ.

Я
Здѣсь только съ порученьемъ, и безъ мнѣній.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

До крайности послѣдней государь
Довелъ меня. Ему слугою честнымъ
Я не могу быть дольше. Для своей
Сохранности, для самообороны,
Я дѣлаю тяжелый этотъ шагъ,
Котораго не одобряетъ совѣсть.

ВРАНГЕЛЬ.

Да, вѣрю я. Зайти такъ далеко
Нельзя по доброй волѣ.
(Минута молчанія).
То, что можетъ
Заставить вашу свѣтлость поступать
Такъ именно съ главой своимъ, съ монархомъ—
Намъ обсуждать не подобаетъ. Шведъ
Сражался своею доброй шпагой
И совѣстью за честный интересъ
Своей земли. Благопріятный случай
Представился; въ войнѣ намъ кстати все,
Что выгодно; беремъ, не размышляя,
Что подъ руку попало; и когда
Дѣйствительно все это такъ...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да въ чемъ же
Вы сомнѣваться можете? Въ моей
Рѣшимости? Иль въ силахъ? Обѣщалъ
Я канцлеру, что чуть онъ мнѣ довѣритъ
Шестнадцать тысячъ человѣкъ, я къ нимъ
Прибавлю восемнадцать тысячъ войска
Имперскаго...

ВРАНГЕЛЬ.

Извѣстны, герцогъ, вы,
Какъ царь войны; вторымъ Аттилой, Пирромъ
Считаютъ васъ; до этихъ поръ еще
Всѣ говорятъ съ великимъ изумленьемъ
О томъ, какъ вы, лѣтъ нѣсколько назадъ,
Загадкою непостижимой, войско
Изъ ничего создать умѣли... Но...
Но все таки...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Но все таки?..

ВРАНГЕЛЬ.

Нашъ канцлеръ
Такъ думаетъ, что легче снарядить
Безъ всякихъ средствъ въ походъ сто тысячъ войска,
Чѣмъ сотую ихъ часть склонить ..
(останавливается).

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Къ чему-жъ?
Скажите безъ стѣсненія.

ВРАНГЕЛЬ.

Къ измѣнѣ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Такъ думаетъ вашъ канцлеръ? Судитъ онъ,
Какъ шведъ и протестантъ. Вы, лютеране,
Сражаетесь за библію свою;
Вы боретесь за дѣло; ваше сердце
Летитъ во слѣдъ знаменамъ вашимъ; тотъ,
Кто ко врагу отъ *вась* перебѣгаетъ,
Въ одно и то же время измѣнилъ
Двумъ господамъ. У насъ же нѣтъ и рѣчи
Объ этомъ всемъ.

ВРАНГЕЛЬ.

Творецъ мой милосердный!..
Да развѣ же нѣтъ въ этой сторонѣ
Ни родины, ни очага, ни церкви?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Тутъ дѣло все вотъ въ чемъ. Да, у австрійца
Есть родина, и любитъ онъ ее,
И многія имѣетъ онъ причины
Ее любить. Но это войско, здѣсь
Въ Богеміи разбившее свой лагерь
И войскомъ императора себя
Зовущее—отчизны не имѣетъ;
Чужихъ земель оно отбросокъ, часть
Негодная народа, у которой
Свое—одно: принадлежащій всѣмъ
Свѣтъ солнечный. А это государство,
Богемія, изъ-за которой мы
Сражаемся, совсѣмъ чужда душою
Властителю, который былъ ей данъ
Удачею оружья, не свободнымъ
Избраніемъ,—и съ ропотомъ она
Религіи выноситъ тиранію.
Власть сильнаго могла ее сломить,
Но не дала успокоенья. Память
Объ ужасахъ, что на ея землѣ
Совершены, и пламенная жажда
Отмщенія еще здѣсь живы... Сынъ
Забудетъ ли, что въ церковь загоняли
Его отца собаками? Народъ,
Котораго въ такое положенье
Поставили, ужасенъ—мститъ ли онъ,
Иль терпитъ поневолѣ.

ВРАНГЕЛЬ.

Но дворянство,
Но офицеры, герцогъ? Вѣдь во всей
Исторіи всемірной нѣтъ примѣра
Такого вѣроломства, бѣгствъ такихъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Они мои—и безусловно! Вѣрьте—
Коли не мнѣ, то собственнымъ глазамъ.
(Даетъ ему письменное обязательство генераловъ. Врангель прочитываетъ его и затѣмъ, молча, кладетъ на столъ).
Ну, что жъ? Теперь вы поняли?

ВРАНГЕЛЬ.

Кто можетъ,
Тотъ и пойми!... Снимаю маску, князь!
Да, я снабженъ уполномочьемъ—съ вами
Покончить все. Рейнграфъ, ведя съ собой
Пятнадцать тысячъ человѣкъ, отсюда
Недалеко—четыре дня ходьбы.
Онъ ждетъ лишь приказанья, чтобы къ вашимъ
Войскамъ примкнуть. И приказанье я
Отдамъ ему, какъ только мы сойдемся.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Чего желаетъ канцлеръ?

ВРАНГЕЛЬ (*значительно*).

Тутъ пришло
Двѣ дюжины полковъ—все бравыхъ шведовъ;
И я за нихъ своею головой
Отвѣтствую. А такъ какъ вѣдь возможно,
Что это все фальшивою игрой
Окажется, то...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Господинъ полковникъ!

ВРАНГЕЛЬ (*спокойно продолжая*).

То долженъ я настаивать на томъ,
Чтобы порвалъ теперь же герцогъ Фридландъ
Всѣ связи съ императоромъ—порвалъ
Рѣшительно и формѐнно; иначе
Ни одного солдата получить
Не можетъ онъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ чемъ требованье? Ясно
И коротко скажите.

ВРАНГЕЛЬ.

Вы должны
Испанскіе полки, гдѣ императоръ
Имѣетъ вѣрныхъ слугъ—обезоружить;
Взять Прагу, и ее, а вмѣстѣ съ ней
И пограничный Эгеръ, выдать шведамъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вы требуете много! Прагу вамъ!
Ну, Эгеръ—пусть! Но Прагу!... Не согласенъ.
Готовъ я дать всѣ гарантіи вамъ,
Какія вы разумно захотите
Потребовать... Но Прагу... да и всю
Богемію—самъ защитить смогу я.

ВРАНГЕЛЬ.

Сомнѣнья нѣтъ. Но рѣчь у насъ идетъ
Не объ одной защитѣ. Мы желаемъ,
Чтобъ и людей, и деньги наши мы
Потратили недаромъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Справедливо.

ВРАНГЕЛЬ.

И до тѣхъ поръ, пока не возмѣстятъ
Издержки намъ, у насъ въ залогѣ Прага
Останется.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Такъ мало, значитъ, намъ
Вы вѣрите?

ВРАНГЕЛЬ *(встаетъ)*

Шведъ, ваша свѣтлость, долженъ
Быть остороженъ съ нѣмцемъ. Насъ сюда
Изъ-за моря Балтійскаго призвали;
Отъ гибели конечной мы спасли,
Имперію; запечатлѣли кровью
Своею мы священное ученье
Евангелья, свободу вѣры. Но—
Уже теперь благодѣянья нѣмцы
Не чувствуютъ, а только тяготу.
На пришлецовъ враждебными глазами
Въ имперіи глядятъ, и насъ домой,
Въ свои лѣса, охотно бъ съ горстью денегъ
Отправили. Нѣтъ—не за серебро
И золото, Іудину награду,
Оставили теперь на полѣ битвы
Мы короля; нѣтъ—не за серебро
И золото кровь столькихъ славныхъ шведовъ
Здѣсь пролилась! И къ родинѣ поплыть
Мы не хотимъ, украсивъ наши флаги
Лишь лаврами безплодными. Хотимъ
Какъ *граждане* на той землѣ остаться,
Которую король нашъ покорилъ,
Самъ павъ на ней.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

Вы только помогите
Мнѣ общаго врага сломить,—и весь
Прекрасный пограничный край не можетъ
Уйти изъ вашихъ рукъ.

ВРАНГЕЛЬ.

Ну, а когда
Нашъ общій врагъ низвергнутъ будетъ—кто же
Соединитъ насъ новой дружбой? Намъ
Извѣстно, ваша свѣтлость—хоть отъ шведовъ
Должно быть это въ тайнѣ—что у васъ
Секретные идутъ переговоры
Съ саксонцами. Кто намъ порукой въ томъ,
Что жертвой мы не станемъ тѣхъ рѣшеній,
Которыя считаютъ нужнымъ здѣсь
Отъ насъ скрывать?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вашъ канцлеръ выбираетъ
Своихъ людей удачно. Онъ не могъ
Прислать ко мнѣ кого нибудь упорнѣй
И стойче васъ.

(Встаетъ).

Придумать нужно вамъ
Получше что нибудь, полковникъ Врангель.
О Прагѣ рѣчь оставьте.

ВРАНГЕЛЬ.

Герцогъ, здѣсь
Окончилось мое уполномочье.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вамъ передать мою столицу! Нѣтъ,
Нѣтъ, ни за что! Я предпочту скорѣе—
Вернуться къ императору.

ВРАНГЕЛЬ.

Теперь
Не поздно ли?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нѣтъ, и теперь могу я—
Во всякій часъ.

ВРАНГЕЛЬ.

Быть можетъ, дня два-три
Тому назадъ. Теперь ужъ невозможно—
Съ тѣхъ поръ, какъ взятъ Сезина.

(Герцогъ въ смущеніи).

Герцогъ, мы
Увѣрены, что дѣйствуете съ нами
Вы искренно—съ *вчерашняго* мы дня
Увѣрены. И такъ какъ намъ порукой
И за *войска* вотъ этотъ документъ,
То ужъ ничто не можетъ быть преградой
Довѣрію. И изъ-за Праги намъ
Порвать союзъ не слѣдуетъ. Мой канцлеръ
Довольствоваться будетъ, взявъ Альтштадтъ,
И Градчинскій кварталъ, а также Малый
Оставитъ вамъ. Но прежде, чѣмъ воротъ
Намъ не отворитъ Эгеръ, о союзѣ
И думать мы не станемъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Значитъ, вамъ
Я—вѣрь, а вы—мнѣ можете не вѣрить?.
О вашемъ предложеньи я еще
Подумаю.

ВРАНГЕЛЬ.

Не слишкомъ долго только—
Я долженъ васъ просить. Второй ужъ годъ
Вѣдь тянутся переговоры. Если
И въ этотъ разъ они опять ничѣмъ
Не кончатся, считать ихъ будетъ канцлеръ
Ужъ навсегда поконченными.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вы
Настойчивы не въ мѣру. Шагъ подобный
Не дѣлаютъ, не обсудивъ его
Со всѣхъ сторонъ.

ВРАНГЕЛЬ.

Онъ долженъ быть обсуженъ,
Какъ только зародилась мысль о немъ.
При быстромъ исполненьи только, герцогъ,
Повѣрьте мнѣ, его удача ждетъ.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Валленштейнъ, Илло и Терцки *возвращаются.*

ИЛЛО.

Покончено?

ТЕРЦКИ.

Договорились?

ИЛЛО.

Вышелъ
Отсюда шведъ совсѣмъ довольный. Да,
Вы съ нимъ сошлись.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Послушайте, покамѣстъ
Нѣтъ ничего рѣшеннаго—и я,
Все взвѣсивши, предпочитаю лучше
Не дѣйствовать.

ТЕРЦКИ.

Какъ! Что произошло?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Жить милостью надменныхъ этихъ шведовъ!
Нѣтъ, не могу!

ИЛЛО.

Да развѣ какъ бѣглецъ
Ты молишь ихъ о помощи? Вѣдь больше
Ты имъ даешь, чѣмъ получаешь съ нихъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

А помните вы участь конетабля
Бурбонскаго, продавшаго себя
Врагамъ народа своего и раны
Нанесшаго отечеству?.. Ему
Наградою было одно проклятье;
Презрѣніе и ненависть людей
Чудовищно преступному дѣянью
Явились заслуженной карой.

ИЛЛО.

Но—
Что общаго съ тобою?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вѣрность каждый
Изъ насъ, людей, чтитъ такъ, какъ своего
Ближайшаго родного; въ каждомъ чувство,
Что онъ рожденъ сражаться за нее.
Враждебность сектъ, слѣпая ярость партій,
И старый гнѣвъ, и зависть—миромъ все
Кончается; тѣ, что стремятся дико
Другъ друга истреблять,—идутъ, сплотясь,
Гнать *общаго* врага людского рода,
Который вдругъ, какъ хищный дикій звѣрь!
Врывается въ надежную ограду,
За коею укрылся человѣкъ;
Мы собственнымъ благоразумьемъ слабо
Защищены; лишь на челѣ у насъ
Охрану глазъ природа помѣстила;
Затылокъ беззащитный охранять
Должна одна неподкупная вѣрность.

ТЕРЦКИ.

Не думай хуже о себѣ, чѣмъ врагъ,
Такъ радостно тебѣ дающій руку,
Чтобъ дѣйствовать совмѣстно. Этотъ Карлъ,
Династіи, здѣсь царствующей, дядя,
Ея родоначальникъ—онъ не такъ
Былъ щекотливъ: онъ принялъ конетабля
Съ раскрытыми объятьями. Лишь то,
Что выгодно, всѣмъ міромъ управляетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Прежніе. Графиня Терцки.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Кто васъ позвалъ? Для женщинъ нѣтъ здѣсь дѣлъ.

ГРАФИНЯ.

Я прихожу поздравить. Слишкомъ рано
Я, можетъ быть пришла? Надѣюсь—нѣтъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Употреби свое вліянье, Терцки—
Вели уйти...

ГРАФИНЯ.

Одинъ король же
Былъ мною данъ Богеміи.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Объ этомъ
Молчать бы вамъ!

ГРАФИНЯ *(остальнымъ).*

Ну, говорите жъ, какъ
Идутъ у насъ дѣла?

ТЕРЦКИ.

Не хочетъ герцогъ.

ГРАФИНЯ.

Не хочетъ онъ, когда онъ долженъ?..

ИЛЛО.

Вашъ
Теперь чередъ. Попробуйте. Я кончилъ,
Какъ скоро рѣчь о вѣрности зашла,
О совѣсти.

ГРАФИНЯ.

Возможно ли! Въ то время,
Когда еще лежало все вдали,
Когда еще передъ тобой тянулась
Дорога безконечная—ты былъ
Рѣшимости и мужества исполненъ.
И вотъ теперь, когда уже мечта
Становится дѣйствительностью, близко
Ея осуществленье, за успѣхъ
Порука есть—ты начинаешь медлить?
Ты, стало быть, лишь въ замыслахъ храбрецъ,

А въ дѣлѣ трусъ? Прекрасно! Дай возможность
Своимъ врагамъ быть правыми! Они
Того и ждутъ. Что *замыселъ* имѣлъ ты—
Они тому охотно вѣрятъ; онъ
Печатями и письмами твоими
Докажется тебѣ. Но въ то, чтобъ могъ
Ты *выполнить* его, никто не вѣритъ:
Иначе, согласись, они тебя
Боялись бы и уважали... Просто
Не вѣрится! Теперь, когда ужъ ты
Зашелъ такъ далеко, когда извѣстно
Твоимъ врагамъ все худшее, когда
Признать тебя уже свершившимъ дѣло
Сбираются,—ты хочешь отступить
И потерять плоды работы! Замыслъ—
Простое преступленіе; но онъ,
Исполненный—безсмертная заслуга!
И въ случаѣ удачи, за него
Прощается; исходъ—какой бы ни былъ—
Въ глазахъ людей есть божій приговоръ.

КАМЕРДИНЕРЪ *(входитъ).*

Полковникъ Максъ Пикколомини.

ГРАФИНЯ *(быстро).*

Просятъ,
Скажите, подождать.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Принять его
Я не могу теперь; въ другое время.

КАМЕРДИНЕРЪ.

Полковникъ проситъ только двухъ минутъ—
По дѣлу неотложному...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Кто знаетъ,
Съ чѣмъ онъ пришелъ? Желательнаго его
Мнѣ выслушать.

ГРАФИНЯ *(смѣясь).*

Да, для *него*, быть можетъ,
То дѣло неотложное. Но ты
Повременить съ нимъ можешь.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что же это?

ГРАФИНЯ.

Узнаешь ты впослѣдствіи; теперь
Нужнѣйшее—вамъ съ Врангелемъ покончить.

(Камердинеръ уходитъ).

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Когда бъ еще остался выборъ мнѣ,
Нашелся бы другой исходъ—помягче,
Я и теперь еще не прочь бы былъ
Его принять и крайности избѣгнуть.

ГРАФИНЯ.

Коль это все, чего желаешь ты,
То предъ тобой открытая дорога.
Ты Врангеля отправь домой; забудь
Всѣ старыя надежды; уничтоживъ
Жизнь прошлую свою, рѣшись начать
Жизнь новую. И добродѣтель можетъ
Имѣть своихъ героевъ, точно такъ,
Какъ счастіе, какъ слава. Съѣзди въ Вѣну,
Тамъ бросься къ императорскимъ ногамъ;
Возьми съ собой какъ можно больше денегъ
И заяви, что это ты хотѣлъ
Лишь испытать своихъ служащихъ вѣрность,
А шведовъ—подурачить только.

ИЛЛО.

Нѣтъ,—
И это слишкомъ поздно. Слишкомъ много
Ужъ знаютъ тамъ. Все кончилось бы тѣмъ,
Что голову понесъ бы онъ на плаху.

ГРАФИНЯ.

Я этого не опасаюсь. Нѣтъ
Такихъ уликъ, чтобъ обвинить законно
Его могли, а произволъ они
Не пустятъ въ ходъ. Отпущенъ будетъ герцогъ
Спокойно и безъ шума. Вижу я,
Какъ это все устроится. Прибудетъ
Сюда король венгерскій, и тогда,
Само собой, уѣхать долженъ герцогъ:
Окажутся тутъ объясненья всѣ
Излишними. Король присягу приметъ
Отъ арміи, и снова все пойдетъ
Обычной колеей. Уѣдетъ герцогъ
Изъ лагеря, но въ замкахъ у него
Жизнь закипитъ: сейчасъ начнетъ онъ строить,
Охотиться, заводскихъ лошадей
Пріобрѣтать, онъ штатъ себѣ придворный
Соорудитъ; онъ будетъ награждать
Ключами золотыми, будетъ пышный
Открытый столъ держать въ своемъ дворцѣ;
Ну, словомъ, онъ—въ миніатюрномъ видѣ—
Большой король! А такъ какъ онъ съумѣлъ
Себя на то обречь благоразумно,
Чтобъ никогда не пользоваться впредь
Дѣйствительнымъ значеньемъ, то не будутъ
Ему мѣшать казаться всѣмъ, чѣмъ онъ
Казаться пожелаетъ; и по виду
Останется онъ до могилы—все
Большой король!.. Такимъ-то вотъ порядкомъ
И сдѣлается герцогъ нашъ однимъ
Изъ новыхъ тѣхъ людей, которыхъ счастье
Военное возноситъ высоко,
Минутною и жалкой креатурой
Той милости двора, что создаетъ
Весьма легко бароновъ, графовъ, принцевъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(встаетъ въ сильномъ волненіи).*

Благія силы! Укажите мнѣ

Какой есть путь для выхода изъ этой
Мучительной тревоги; но *такой*
Откройте путь, которымъ въ состояньи
Я слѣдовать... Подобно болтунамъ,
Играющимъ хвастливо въ добродѣтель,
Героямъ на словахъ я не могу
Разогрѣвать себя своею волей
И мыслями; я не могу, когда
Ко мнѣ спиной фортуна повернулась.
Нахально ей сказать: ступай, въ тебѣ
Мнѣ нѣтъ нужды!... Пусть только перестану
Я дѣйствовать—и уничтоженъ я.
Чтобъ избѣжать рѣшительнаго шага,
Послѣдняго, не устрашился бъ я
Опасностей и жертвъ. Но погрузиться
Въ ничтожество, но кончить мелко такъ
Тому, кто былъ вначалѣ столь великимъ,
Но допустить, чтобъ міръ смѣшалъ меня
Съ презрѣнными твореньями, которыхъ
И создаетъ и губитъ день одинъ—
Нѣтъ, пусть скорѣй и міромъ и потомствомъ
Названье произносится мое
Съ глубокимъ отвращеньемъ; имя Фридландъ
Пусть лозунгомъ останется для дѣлъ,
Проклятія достойныхъ.

ГРАФИНЯ.

Что жъ такого
Противнаго природѣ въ этомъ всемъ?
Я не пойму—скажи... О, умоляю,
Не позволяй затмить свой свѣтлый духъ
Видѣніямъ зловѣщимъ суевѣрья!
Ты обвиненъ въ измѣнѣ—справедливо,
Иль нѣтъ—теперь вопросъ не въ этомъ. Ты
Погибъ, когда не поспѣшишь немедля
Воспользоваться властью, что еще
Въ твоихъ рукахъ... Да гдѣ же есть созданье
Столь мирное, чтобъ жизнь свою оно
Изъ жизненныхъ всѣхъ силъ не защищало?
Гдѣ смѣлый шагъ, который не могли бъ
Мы оправдать всегда самозащитой?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Давно ль ко мнѣ былъ этотъ Фердинандъ
Такъ милостивъ! Цѣнилъ меня высоко,
Любилъ меня, и былъ я ближе всѣхъ
Его душѣ. Какого онъ монарха
Чтилъ какъ меня?... И вотъ—такой конецъ!

ГРАФИНЯ.

Коль съ вѣрностью такой хранишь ты память
О милостяхъ малѣйшихъ, какъ же могъ
Ты позабыть жестокія обиды?
Ужли должна напомнить я тебѣ,
Чѣмъ наградилъ тебя онъ въ Регенсбургѣ
За преданную службу? Чтобъ его
Величіе возвысить, всѣ сословья
Имперіи ты оскорбилъ; навлекъ
Ты на себя вселенной всей проклятья
И ненависть; въ Германіи нигдѣ
Ни одного не находилъ ты друга,
Затѣмъ что жилъ одинъ, для твоего
Владыки-императора. Въ той бурѣ,
Что поднялась противъ тебя тогда,
На сеймѣ регенсбургскомъ, ты держался
Лишь за него—и что жъ! онъ допустилъ
Тебя упасть! Тебя принесъ онъ въ жертву
Надменному баварцу!... Скажешь ты,
Что тяжкую несправедливость эту
Загладили, вновь возвративъ тебѣ
Высокій санъ,—неправда. Доброй воли
Здѣсь не было; тебя одинъ крутой
Законъ необходимости поставилъ
На этотъ постъ, въ которомъ бы тебѣ
Охотно отказали.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Правда, властью
Теперешней не доброй волѣ ихъ
И не его ко мнѣ расположенью
Обязанъ я. И если я ее
Во зло употреблю, не будетъ это
Измѣною довѣрію ко мнѣ.

ГРАФИНЯ.

Довѣріе! Расположенье! Просто—
Ты нуженъ былъ! Поставила тебя
На этотъ постъ необходимость—этотъ
Властитель необузданный, кому
Не надобны названія пустыя,
Ничтожные статисты, для кого
Не *внѣшній видъ*, а только *дѣло* нужно,
Кто выищетъ всегда среди людей
Крупнѣйшаго и лучшаго, вручаетъ
Ему бразды, хотя бы ей пришлось
Извлечь его изъ черни даже;—ею
Поставленъ ты и грамота тебѣ
Подписана. Порода эта долго,
Пока у ней возможность есть, живетъ
Услугами продажныхъ душъ холопскихъ,
Пуская въ ходъ искусства своего
Ничтожныя пружинки. Но чуть только
До крайности дойдутъ у ней дѣла,
И призрачность наружная безсильна
Ей помогать,—все переходитъ въ руки
Могучія природы, власть беретъ
Гигантскій духъ, *себѣ* послушный только,
Не знающій, что значитъ договоръ,
И ставящій другимъ *свои* условья,
Ни отъ кого не принимая ихъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да, это такъ! Стоялъ я передъ ними
Всегда такимъ какимъ я есть; ни въ чемъ
Не обманулъ; скрывать свой образъ мыслей,

Рѣшительный и смѣлый—никогда
Не бралъ труда.

ГРАФИНЯ.

Гораздо больше: страшнымъ
Ты имъ всегда являлся; и неправъ
Совсѣмъ не ты, который постоянно
Былъ вѣренъ самому себѣ, а тѣ,
Которые, страшась тебя, однако
Вручили власть тебѣ же. Правъ всегда
Характеръ тотъ, который не въ разладѣ
Съ самимъ собой; противорѣчье—вотъ
Что дѣлаетъ неправымъ. Былъ ты развѣ
Инымъ, когда ты восемь лѣтъ назадъ
Огонь и мечъ по всей землѣ германской
Съ собою несъ, когда ты страны всѣ
Хлесталъ бичемъ, съ презрѣньемъ относился
Къ имперскимъ всѣмъ законамъ, признавалъ
Одни права—неумолимой силы
И попиралъ нѣмецкихъ всѣхъ владыкъ,
Чтобъ расширять для своего султана
Владычество? Вотъ въ это время имъ
И нужно бы сломить твою надменность,
Призвать тебя къ порядку. Но смотрѣлъ
На выгодное дѣло императоръ
Съ пріятностью и, молча, подтверждалъ
Преступныя дѣянія своею
Печатью императорской. Ужли-жъ
То, что тогда считалось справедливымъ
Лишь потому, что дѣлалъ это все
Ты *для него*, внезапно превратилось
Въ постыдное теперь, когда оно
Направлено *противъ* него?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*встаетъ*).

Признаться,
Я никогда на дѣло не смотрѣлъ
Вотъ съ этой стороны. Да, императоръ
Дѣйствительно творилъ моей рукой
Въ имперіи дѣла, совсѣмъ порядку
Противныя. И герцогскій-то плащъ,
Что я ношу, вѣдь заслуженъ дѣлами
Преступными.

ГРАФИНЯ.

Такъ согласись же ты,
Что межъ тобой и имъ уже и рѣчи
Не можетъ быть о долгѣ, о правахъ;

Рѣшиться все должно теперь лишь силой
И *случаемъ*! Ударилъ часъ тебѣ
Свести итогъ въ великомъ счетѣ жизни.
Небесныя знаменья надъ тобой
Стоятъ побѣдоносно; шлютъ планеты
Тебѣ привѣтъ съ призывомъ: „Часъ настал!"
Ужли же ты всю жизнь свою напрасно
Теченье звѣздъ небесныхъ измѣрялъ,
Слѣдилъ за нимъ при помощи квадранта
И циркуля. На этихъ вотъ стѣнахъ
Изобразилъ и зодіакъ, и глобусъ,
Вокругъ себя поставилъ семь нѣмыхъ,
Таинственныхъ фигуръ владыкъ надъ рокомъ—
Лишь для того, чтобъ развлекать себя
Безплодною игрой? Ужли всѣ эти
Мудреныя работы ни къ чему
Не привели, и въ этой всей наукѣ
Такая пустота, что ей ты самъ
Не придаешь значенья никакого,
И у нея нѣтъ власти надъ тобой
Въ рѣшительный, послѣдній часъ?..

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(во все время этой послѣдней рѣчи ходившій по комнатѣ въ сильномъ умственномъ напряженіи, вдругъ останавливается и перебиваетъ графиню).*

Пошлите
Мнѣ Врангеля и три курьера пусть
Немедленно сѣдлаютъ.

ИЛЛО.

Слава Богу!
(Поспѣшно уходитъ).

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

То дѣйствуетъ злой духъ его и мой.
Его онъ мной караетъ, какъ орудьемъ
Его стремленья къ власти; я готовъ
Къ тому, что ножъ ужъ направляетъ мщенье
Въ грудь и мою. Отрадной жатвы ждать
Не можетъ тотъ, кто самъ посѣялъ зубы
Драконовы. Гдѣ преступленье, тамъ
Подъ сердцемъ у него и ангелъ-мститель,
Злосчастная надежда... Вѣрить мнѣ
Отнынѣ онъ не можетъ; значитъ, также
И мнѣ нельзя назадъ вернуться. Пусть
Свершается то, что должно свершиться.
Рокъ все вершитъ, затѣмъ что сердце въ насъ
Не кто иной, какъ строгій исполнитель
Его предначертаній. *(Къ Терцки).* Приведи
Мнѣ Врангеля въ мой кабинетъ. Курьерамъ
Я самъ скажу, что нужно. Позови
Октавіо ко мнѣ.

(Графинѣ, замѣтивъ ея торжествующій видъ).

Не торжествуйте!
Судьба—ревнивый стражъ господства своего;
Кто преждевременно ликуетъ—на него
Тотъ покушается; ей мы вручаемъ сѣмя;
Несчастье иль успѣхъ взойдутъ—покажетъ время.

(Уходитъ. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Валленштейнъ, Октавіо, Пикколомини. *Скоро затѣмъ* Максъ.

Валленштейнъ.

Онъ пишетъ мнѣ изъ Линца, что онъ боленъ;
Но у меня есть вѣрное извѣстье,
Что въ Фрауэнбергѣ онъ нашелъ пріютъ
У графа Галласа. Вели обоихъ
Арестовать и переслать сюда,
Ко мнѣ. А ты прими сейчасъ начальство
Испанскими полками, постоянно
Приготовленья дѣлай, никогда
Не будь готовъ, и каждый разъ, какъ будутъ
Настаивать, чтобъ шелъ ты на меня,
Ты говори: „да, да, иду"—и съ мѣста
Не трогайся. Я знаю—ты доволенъ
Возможностью въ затѣянной игрѣ
Бездѣйствовать: тутъ ты находишь средство—
На сколько это можно—сохранять

Наружный видъ, къ чему ты и стремишься;
Всѣ крайности—тебѣ не по душѣ.
Вотъ почему я для тебя и выбралъ
Такую роль. На этотъ разъ твое
Бездѣйствіе весьма большую пользу
Мнѣ принесетъ. А если между тѣмъ
Мнѣ счастье улыбнется—самъ ты знаешь,
Что предпринять.

(*Входитъ* Максъ Пикколомини).

Иди же, старый другъ.
Ты долженъ вѣдь уже сегодня ночью
Отправиться. Возьми моихъ коней...
Его (*указывая на Макса*) я здѣсь оставлю...
Ну, довольно;
Безъ долгаго прощанья! Скоро мы—
Я думаю—всѣ свидимся, довольны
И счастливы.

ОКТАВІО (*сыну*).

Съ тобою до отъѣзда
Еще поговорю я. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Валленштейнъ. Максъ Пикколомини.

МАКСЪ (*подходитъ*).

Генералъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не генералъ я больше, если служишь
Ты въ войскѣ императора.

МАКСЪ.

Итакъ,
Ужъ рѣшено—ты оставляешь войско?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Отъ службы императору себя
Я устранилъ.

МАКСЪ.

И ты покинешь войско?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Напротивъ—я надѣюсь, что съ собой
Его свяжу еще тѣснѣй и крѣпче.

(*Садится*).

Да, милый Максъ, открыться предъ тобой
Я не хотѣлъ, покамѣстъ не ударитъ
Часъ дѣйствовать. Для молодой души
Легко понять ея чутьемъ счастливымъ,
Что правота, и съ радостью она
Отстаивать на дѣлѣ убѣжденье
Свое идетъ, когда осталось лишь
Подать примѣръ. Но тамъ, гдѣ предъ душою
Стоятъ два зла, и надо предпочесть
Одно изъ нихъ, тамъ, гдѣ не можетъ сердце
Вполнѣ освободиться отъ борьбы
Межъ чувствами и долгомъ—тамъ мы благомъ
Должны считать, когда закрылся путь
Для выбора, тамъ намъ необходимость—
Спасеніе... Теперь она пришла.
Максъ, не смотри назадъ—теперь ужъ поздно.
Смотри впередъ! Не думай! Будь готовъ
Лишь дѣйствовать... Дворомъ моя погибель
Порѣшена, такъ я хочу его
Предупредить... Союзъ мы заключаемъ
Со шведами. Отличный все народъ
И добрые друзья.

(*Останавливается, ожидая отвѣта Макса*).

Тебя, какъ видно,
Я поразилъ. Не отвѣчай сейчасъ.
Одумайся, приди въ себя сначала—
Даю тебѣ я время.

(*Встаетъ и отходитъ въ глубину. Максъ долго стоитъ неподвижно, поверженный въ сильнѣйшую скорбь. При первомъ его движеніи Валленштейнъ возвращается и останавливается передъ нимъ*).

МАКСЪ.

Генералъ!
Благодаря тебѣ, сегодня сдѣланъ
Я совершеннолѣтнимъ, До сихъ поръ
Я отъ труда избавленъ былъ—дорогу
Самъ находилъ себѣ. Вслѣдъ за тобой
Я шелъ безпрекословно. Чтобъ неложнымъ
Признать свой путь, мнѣ стоило взглянуть
Лишь на тебя. Сегодня я впервые
Тобою предоставленъ самъ себѣ,
И ты меня неволишь сдѣлать выборъ
Между тобой и сердцемъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Максъ, тебя
До этихъ поръ твой рокъ баюкалъ нѣжно,
Ты могъ свой долгъ, играя, исполнять,
Могъ слѣдовать свободно всѣмъ прекраснымъ
Движеніямъ души и поступать
Во всемъ, всегда нераздѣленнымъ сердцемъ.
Такъ долѣе не можетъ быть. Пути
Расходятся враждебно. Долгу съ долгомъ
Приходится бороться. Въ той войнѣ,
Которая между твоимъ монархомъ
И другомъ разгорается теперь,
На сторону того или другого
Ты долженъ стать.

МАКСЪ.

Въ войнѣ! Умѣстно ль такъ
Ее назвать? Война ужасна, правда,
Какъ бичъ небесъ, но такъ же, какъ и онъ,
Она—добро, судьбы опредѣленье;
А въ той войнѣ, съ которой ты идешь
На цезаря его же войскомъ—что же
Въ ней добраго? О, милосердный Богъ!
Какъ все перемѣнилось! Рѣчь такую

Прилично-ль мнѣ держать къ тебѣ—тебѣ,
Свѣтившему, какъ правило всей жизни,
Недвижною полярною звѣздой
Передо мной? О, трещину какую
Ты дѣлаешь мнѣ въ сердцѣ! Неужели
Мнѣ предстоитъ отречься отъ священной
Привычки послушанія тебѣ,
Отъ стараго благоговѣнья, корни
Пустившаго въ моей душѣ... Нѣтъ, нѣтъ!
Не отвращай лица! Всегда я видѣлъ
Въ немъ Божій ликъ, и власти надо мной
Утратить вдругъ оно не можетъ. Чувства
Еще въ твоихъ оковахъ, хоть душа
Уже вольна, вся истекая кровью.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Максъ, выслушай меня!

МАКСЪ.

Оставь, оставь
Свой замыселъ! Смотри—прекраснымъ, чистымъ
Твоимъ чертамъ невѣдомо еще
Злосчастное рѣшенье. Запятнало
Оно одну фантазію твою.
Въ твоихъ глазахъ, исполненныхъ величья,
Царитъ еще невинность. О, отбрось
Прочь отъ себя внушенье злого духа,
Позорное пятно! Пусть станетъ все
Лишь грѣшнымъ сномъ, смущавшимъ добродѣтель,
Подобныя минуты могутъ быть
У всѣхъ людей; но нравственное чувство
Ихъ побѣждать обязано. Нѣтъ, ты
Не кончишь *такъ*. То было бъ поруганьемъ
Передъ людьми всего, что есть въ душѣ
Великаго, всѣхъ мощныхъ чувствъ и мыслей;
То было бъ оправданіемъ толпы,
Не вѣрящей, что благородство можетъ
Въ свободѣ жить и немощи одной
Привыкнувшей ввѣрять себя.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я знаю,
Что свѣтъ меня осудитъ строго; я
Ужъ самъ себѣ то говорилъ, что можешь
Ты мнѣ сказать... Кто жъ дѣлать крайній шагъ
Рѣшается, когда его избѣгнуть
Возможность есть? Но въ этомъ дѣлѣ мнѣ
Нѣтъ выбора. Употребить насилье
Иль выносить его я долженъ! такъ
Сложилось все. И ничего другого
Мнѣ болѣе не остается.

МАКСЪ.

Ну,
Пусть будетъ такъ! Удерживай насильно
Свой постъ въ войскахъ, иди наперекоръ
Велѣньямъ императора, до бунта
Открытаго, коль нужно, доведи—
Я это все хоть одобрять не буду,
Но извиню; и то, что осуждаю,
Я раздѣлю съ тобою. Но—не будь
Измѣнникомъ! Да, произнесъ я слово:
Измѣнникомъ! Измѣна не вина,
Гдѣ храбрую отвагу ослѣпила
Ея же мощь, не пылкій переходъ
Границъ и мѣръ—о, нѣтъ, совсѣмъ иное!
Она черна, черна, какъ самый адъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*мрачно наморщивъ лобъ, но сдерживая себя*).

Максъ, молодость быстра на слово—слово,
Которое, какъ остріе ножа,
Употреблять должны мы осторожно.
Она своей горячей головой
Тѣ вещи измѣряетъ, коихъ мѣра
Лишь въ нихъ самихъ. Не думая, она
Всему даетъ названья: злой иль добрый,
Постыдный иль достойный, и все то,
Что пылкое ея воображенье
Включаетъ въ тѣ неясныя слова,
Она къ вещамъ и къ людямъ примѣняетъ.
Широкъ нашъ мозгъ, но тѣсенъ міръ. Въ мозгу
Весьма легко ужиться мыслямъ рядомъ
Одна съ другой; въ пространствѣ же вещамъ
Приходится не разъ столкнуться сильно
Между собой; гдѣ мѣсто заняла
Одна, съ него должна уйти другая,
Кто вытѣсненъ не хочетъ быть, тотъ долженъ
Самъ вытѣснять. Вездѣ царитъ борьба,
Побѣда же дается только силѣ.
Да, у кого на жизненномъ пути
Желаній нѣтъ, кто не стремится къ цѣли
Какой-нибудь, безвредно тотъ живетъ
Среди огня, какъ саламандръ, и въ чистой
Стихіи онъ самъ остается чистъ.
Я жъ сотворенъ природою изъ грубой
Матеріи; желанія влекутъ
Меня къ землѣ; земля же злому духу
Принадлежитъ, не доброму. Все то,
Что свыше намъ шлютъ божескія силы,
Есть собственность всеобщая; ихъ свѣтъ
Насъ радуетъ, но никого богаче
Не дѣлаетъ, и въ государствѣ ихъ
Владѣтелемъ отдѣльнымъ стать не можетъ
Никто изъ насъ. Желающій добыть
И золота, и драгоцѣнныхъ камней,
Пусть проситъ ихъ у злыхъ и лживыхъ силъ,
Которыя живутъ внѣ свѣта солнца.
Но ничего не вымолишь у нихъ
Безъ жертвъ—и нѣтъ на свѣтѣ человѣка,
Которому уйти бы удалось
Изъ службы имъ, не запятнавши душу.

МАКСЪ *(значительно).*
О, бойся, бойся, этихъ лживыхъ силъ!
Онѣ своихъ не держатъ обѣщаній!
То духи лжи, которые тебя
Коварнымъ обольщеньемъ тащатъ въ бездну.
Не вѣрь ты имъ! Тебя предостеречь
Обязанъ я... О, возвратися къ долгу!
Увѣренъ я, что время не ушло...
Пошли меня скорѣе въ Вѣну... Право,
Прими совѣтъ. Позволь мнѣ примирить
Съ тобою государя. Онъ не знаетъ
Еще тебя, за то *я* знаю! Пусть
Моимъ неомраченнымъ глазомъ взглянетъ
Онъ на тебя—и привезу сюда
Я вновь тебѣ его довѣрье.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Поздно!
Не знаешь ты, что здѣсь произошло.

МАКСЪ.
А если бы и поздно, если бъ дѣло
Такъ далеко зашло, что можешь ты
Отъ гибели спастись лишь преступленьемъ—
Пади! Пади съ достоинствомъ такимъ,
Съ какимъ стоялъ. Сложи съ себя начальство.
Сойди съ арены. Съ блескомъ можешь ты
Съ нея сойти—сойди же и невиннымъ...
Ты для другихъ жилъ много—такъ начни-жъ
Жить для себя! Я за тобою всюду
Послѣдую. Я собственной судьбы
Не разлучу съ твоей судьбою.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Поздно!
Межъ тѣмъ какъ ты теряешь здѣсь слова,
Ужъ много миль, одну вслѣдъ за другою,
Проѣхали гонцы, которыхъ я
Съ приказами отправилъ въ Прагу, въ Эгеръ.
Поэтому рѣшайся. Будемъ мы
Такъ дѣйствовать, какъ должно. Твердымъ шагомъ,
Съ достоинствомъ пойдемъ, куда влечетъ
Меня необходимость. Въ чемъ не хуже
Я дѣйствую, чѣмъ цезарь тотъ, чье имя
Для свѣта равносильно до сихъ поръ
Всему, что есть славнѣйшаго? Войною
Повелъ на Римъ онъ легіоны тѣ,
Что Римъ ему довѣрилъ для защиты.
Сложи онъ мечъ—погибъ бы онъ, какъ я
Погибнулъ бы, себя обезоруживъ.
Я чувствую отчасти духъ его
Въ себѣ. Ты дай его мнѣ счастье тоже—
Все остальное вынесу я самъ.
(Максъ, стоявшій до сихъ поръ въ мучительной внутренней борьбѣ, быстро уходитъ. Валленштейнъ смотритъ ему вслѣдъ съ изумленіемъ и смущеніемъ и погружается въ глубокую задумчивость).

ЯВЛЕНІЕ III.

Валленштейнъ, Терцки, *вслѣдъ затѣмъ* Илло.

ТЕРЦКИ.
Здѣсь только что былъ Максъ Пикколомини?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Гдѣ Врангель?

ТЕРЦКИ.
Онъ уѣхалъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Быстро такъ?

ТЕРЦКИ.
Какъ будто бы сквозь землю провалился.
Едва тебя оставилъ онъ—я вслѣдъ
За нимъ пошелъ—еще съ нимъ нужно было
Поговорить; но онъ уже пропалъ;
Куда и какъ—не могъ никто изъ нашихъ
Мнѣ сообщить. Я думаю, то былъ
Самъ сатана: исчезнуть такъ внезапно
Не можетъ человѣкъ.

ИЛЛО *(входитъ).*
Ужели правда,
Что старика Октавіо ты шлешь
Съ какимъ то порученьемъ?

ТЕРЦКИ.
Какъ! Октавіо?
Не можетъ быть!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Онъ ѣдетъ въ Фрауэнбергъ,
Чтобъ тамъ принять начальство надъ войсками
Испанскими...

ТЕРЦКИ.
Не попусти Господь,
Чтобъ это ты исполнилъ!

ИЛЛО.
Ты вручаешь
Коварному войска, изъ глазъ его
Ты выпустишь какъ разъ теперь, въ минуту
Послѣдняго рѣшенія?

ТЕРЦКИ.
О, нѣтъ,
Ты этого не сдѣлаешь!... Не дѣлай,
Молю тебя!..

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Вы, право, чудаки!

ИЛЛО.
Послушайся совѣтовъ нашихъ только
На этотъ разъ! Не отпускай его.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Да отчего жъ ему не стану вѣрить
На *этотъ разъ,* коль довѣрялъ всегда?
Что сдѣлалъ онъ такого, чѣмъ бы мнѣнье

Мое о немъ разрушилось? Капризъ—
Не мой, а вашъ—ужели вдругъ измѣнитъ
Взглядъ на него, что опытъ стольких лѣтъ
Оправдывалъ? Конечно, нѣтъ. Вѣдь я же
Не женщина!.. Ему я довѣрялъ
До этихъ поръ—такъ и теперь довѣрю.

ТЕРЦКИ.

Но отчего жъ ты именно его
Избралъ? Пошли кого нибудь другого.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Поѣдетъ тотъ, кого я выбралъ. Онъ
Для этого пригоденъ—потому то
И возложилъ я на него...

ИЛЛО.

Тебѣ
Пригоденъ онъ, какъ итальянецъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Знаю
Я хорошо—къ сыну, и къ отцу
Вы никогда пріязни не питали,
Затѣмъ, что я чту ихъ, и люблю,
И видимо даю имъ предпочтенье
Предъ вами и другими, какъ того
Они вполнѣ достойны; потому то
Они бревно у васъ въ глазу... Да *мнѣ*
И замысламъ моимъ какое дѣло
До зависти къ нимъ вашей? Оттого,
Что вы ихъ ненавидите—нисколько
Въ моихъ глазахъ не падаютъ они.
Вы можете другъ друга ненавидѣть
Или любить, какъ вамъ угодно—я
Наклонностей и мнѣній не стѣсняю
кого, но каждому изъ васъ
Я для себя прекрасно знаю цѣну.

ИЛЛО.

Нѣтъ, не поѣдетъ онъ, — хотя бы мнѣ
Пришлось разбить въ его возкѣ колеса.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Умѣрь горячность, Илло!

ТЕРЦКИ.

Квестенбергъ,
Когда здѣсь былъ, водилъ съ нимъ постоянно
Интимную компанью.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Съ моего
И вѣдома, и дозволенья.

ТЕРЦКИ.

Тоже
Извѣстно мнѣ, что Галласъ посылалъ
Къ нему тайкомъ своихъ гонцовъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Неправда!

ИЛЛО.

О, ты слѣпецъ со зрячими глазами!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не потрясешь во мнѣ ты вѣры той,
Которая имѣетъ свой фундаментъ
Въ наукѣ глубочайшей. Если лжетъ
Октавіо, то звѣздная наука
Вся—также ложь: да, мнѣ сама судьба
Дала залогъ, что у меня нѣтъ друга
Вѣрнѣй его.

ИЛЛО.

Ну, а залогъ, что *тотъ*
Залогъ не лжетъ, ты получилъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Есть въ жизни
Мгновенія, когда духъ міровой
Становится къ намъ ближе, чѣмъ бываетъ
Въ другіе дни, и можемъ мы къ судьбѣ
Свободно обращать свои вопросы.
Мгновеніе такое пережить
Пришлось мнѣ въ ночь предъ люценскимъ сраженьемъ.
У дерева стоялъ я, погруженъ
Въ задумчивость и глядя вдаль въ долину.
По лагерю сверкали сквозь туманъ
Огни сторожевые мрачнымъ свѣтомъ;
Безмолвіе ночное нарушалъ
По временамъ лишь шумъ глухой оружья
Да окликъ караула... Въ этотъ часъ
Передъ моимъ душевнымъ созерцаньемъ
Явилася вся жизнь моя—въ быломъ
И въ будущемъ; и духъ, предчувствій полный,
Сплеталъ судьбу, что съ наступленьемъ дня
Меня ждала, съ таинственнымъ грядущимъ.
И говорилъ я самъ себѣ: „Ты здѣсь
Владыкою надъ тысячами! Слѣпо
Они идутъ во слѣдъ твоимъ звѣздамъ,
И все свое, какъ на крупнѣйшій номеръ,
Поставили на голову твою—
Ее одну; въ корабль твоей фортуны
Они вошли съ тобою вмѣстѣ. Но—
Настанетъ день, когда ихъ всѣхъ разсѣетъ
Опять судьба, и вѣрными тебѣ
Останутся немногіе. Узнать бы
Хотѣлось мнѣ, кто мой вѣрнѣйшій другъ
Здѣсь въ лагерѣ. Судьба, отвѣть мнѣ знакомъ!
Вѣрнѣйшимъ мнѣ признаю я того,
Кто первый мнѣ докажетъ завтра утромъ
Свою любовь". И съ этой мыслью я
Заснулъ. Во снѣ я перенесся въ битву.
Былъ страшенъ бой. Подъ пулей палъ мой конь,
Свалился я, и лошади и люди
Съ холоднымъ равнодушіемъ неслись
Черезъ меня: лежалъ я, умирая,
Растоптанный копытами... И вдругъ,
Я чувствую—меня хватаетъ кто то
Спасательной рукою. Это былъ
Октавіо—и быстро я проснулся.

Ужъ разсвѣло. Октавіо стоялъ
Передо мной. „Братъ—онъ сказалъ—не ѣзди
Сегодня ты, какъ дѣлаешь всегда,
На ворономъ; возьми ты лучше лошадь
Надежную, что выбралъ я тебѣ;
Пожалуйста исполни это ради
Любви ко мнѣ; меня предостерегъ
Зловѣщій сонъ!" И только быстротою
Его коня я былъ спасенъ въ тотъ день
Отъ Баннера драгунъ, за мной въ погоню
Помчавшихся. Племянникъ мой скакалъ
На ворономъ—и съ той поры и всадникъ,
И конь его пропали навсегда.

ИЛЛО.

Случайность!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*выразительно*).

Нѣтъ случайностей на свѣтѣ.
И то, что мы считаемъ лишь слѣпой
Игрой судьбы—то именно имѣетъ
Источникъ глубочайшій. Закрѣпилъ
Я подписью своею и печатью:
Октавіо—хранитель-ангелъ мой;
Поэтому,—о немъ ни слова больше.

(Идетъ).

ТЕРЦКИ.

Утѣшенъ я хоть тѣмъ, что Максъ у насъ
Заложникомъ остался.

ИЛЛО.

И ужъ этотъ
Отъ насъ живымъ, ручаюсь, не уйдетъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*остановившись*).

Не то ли вы, что женщины, которымъ
Хоть цѣлый день разумное тверди,
Онѣ къ тому, что разъ сказали, будутъ
Упорно возвращаться. Знайте вы:
Дѣянія и мысли человѣка
Не то, что бѣгъ слѣпой волны; его
Микрокозмъ, міръ душевный—вотъ отъ вѣка
Источникъ ихъ. Не можетъ ничего
Въ нихъ случай измѣнить. Необходимы
Они какъ плодъ древесный. Чуть дошли мы
Въ душѣ у человѣка до зерна—
Ея работа вся для насъ видна.

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сцена въ домѣ Пикколомини.

Октавіо Пикколомини, *готовый къ отъѣзду.* Адъютантъ.

ОКТАВІО.

Что, стража здѣсь?

АДЪЮТАНТЪ.

Она внизу.

ОКТАВІО.

Надѣюсь,
Надежные всѣ люди, адъютантъ?
Въ какомъ полку ихъ взяли?

АДЪЮТАНТЪ.

Въ Тифенбахскомъ.

ОКТАВІО.

То вѣрный полкъ. Пусть во второмъ дворѣ
Они стоятъ спокойно, чтобъ ихъ видѣть
Не могъ никто, пока не позвоню.
Тогда вы домъ сейчасъ же затворите
И строго охраняйте; всякій, вамъ
Попавшійся, пусть будетъ арестованъ.

(Адъютантъ уходитъ).

Надѣюсь я однако обойтись
Безъ ихъ услугъ: вполнѣ въ своихъ разсчетахъ
Увѣренъ я. Но дѣло тутъ идетъ
О службѣ императору. Большая
Пошла игра, и лучше черезчуръ
Себя предостеречь, чѣмъ слишкомъ мало.

ЯВЛЕНІЕ V.

Октавіо Пикколомини. Изолани (*входитъ*).

ИЗОЛАНИ.

Я здѣсь. А кто еще изъ остальныхъ
Придетъ сюда?

ОКТАВІО.

Сперва, графъ Изолани,
Два слова вамъ...

ИЗОЛАНИ.

Что, надо начинать?
На что нибудь уже рѣшился герцогъ?
Мнѣ можете довѣриться. Готовъ
Подвергнуться я испытанью.

ОКТАВІО.

Это
Понадобиться очень можетъ.

ИЗОЛАНИ.

Братъ,
Я не изъ тѣхъ, которые храбрятся
Лишь на словахъ, а къ дѣлу чуть дойдетъ,
Постыдно удираютъ. Герцогъ другомъ
Меня всегда считалъ, и видитъ Богъ—
Я другъ его. Ему я всѣмъ обязанъ,
И можетъ онъ на вѣрности моей
Все созидать.

ОКТАВІО.

Увидимъ!

ИЗОЛАНИ.

Но беречься
Вамъ слѣдуетъ. Такъ думаютъ не всѣ.
Здѣсь многіе еще, какъ мнѣ извѣстно,
Стоятъ за дворъ, и думаютъ они,
Что подписи, съ нихъ взятыя обманомъ
На этихъ дняхъ, не могутъ ни къ чему
Ихъ обязать.

ОКТАВІО.

А, вотъ что! Назовите
Мнѣ тѣхъ господъ, что разсуждаютъ такъ.

ИЗОЛАНИ.

Да чортъ возьми! Такъ думаютъ всѣ нѣмцы.
И Эстергази, Кауницъ, Деодатъ
Открыто заявляютъ, что должны мы
Двору повиноваться.

ОКТАВІО.

Очень радъ.

ИЗОЛАНИ.

Вы рады.

ОКТАВІО.

Да, тому, что императоръ
Имѣетъ здѣсь столь преданныхъ друзей
И вѣрныхъ слугъ.

ИЗОЛАНИ.

Вы шутите! Но право,
Все это—люди недурные.

ОКТАВІО.

Я
Увѣренъ въ томъ. И Господи избави,
Чтобъ я шутилъ! Нѣтъ, я глубоко радъ,
Что дѣло правоты стоитъ такъ твердо.

ИЗОЛАНИ.

Фу, чортъ возьми! Да какъ-же?.. Развѣ вы
Уже не тотъ?.. Да для чего жъ, скажите,
Я здѣсь теперь?

ОКТАВІО.

Чтобъ съ полной прямотой
Мнѣ заявить—чѣмъ быть вы государю
Желаете: врагомъ иль другомъ?

ИЗОЛАНИ (*гордо*).

Я
Отвѣтъ свой дамъ тому, кто вправѣ сдѣлать
Такой вопросъ.

ОКТАВІО.

Вотъ этотъ документъ
Покажетъ вамъ, что я имѣю право.

ИЗОЛАНИ.

Какъ!... Что?... Да, да... самъ императоръ...
Тутъ
Его рука, его печать...

(*Читаетъ*).

„Всѣмъ главнымъ
Начальникамъ войскъ нашихъ исполнять,
Какъ собственныя наши повелѣнья,
Что будетъ имъ указывать нашъ вѣрный,
Любезный генералъ Пикколомини".
Гм... вотъ что! Да... конечно... это такъ...
Я... Генералъ, имѣю честь поздравить!

ОКТАВІО.

Монаршую исполнить волю вы
Согласны ли?

ИЗОЛАНИ.

Но... вы меня застигли
Совсѣмъ врасплохъ... Надѣюсь, время мнѣ
Дадутъ на размышленье...

ОКТАВІО.

Двѣ минуты.

ИЗОЛАНИ.

Но, Боже мой, вѣдь это же вопросъ...

ОКТАВІО.

Весьма простой и ясный. Вы отвѣтить
Должны одно—хотите измѣнить
Иль вѣрнымъ быть слугою государю?

ИЗОЛАНИ.

Ахъ, Боже мой, измѣна!... У кого жъ
Есть рѣчь о ней?

ОКТАВІО.

Есть рѣчь. Измѣнникъ—герцогъ.
Онъ армію передаетъ врагу.
Я васъ прошу и коротко, и ясно
Отвѣтить мнѣ: хотите-ль вы нарушить
Присягу императору? Продать
Себя врагу? Хотите ль?

ИЗОЛАНИ.

Какъ могли вы
Подумать! Мнѣ, мнѣ измѣнить его
Величеству! Сказалъ я развѣ это?
Когда же я сказалъ?

ОКТАВІО.

Пока еще
Не сказано. Я жду—услышу ль это
Отъ васъ теперь.

ИЗОЛАНИ.

Вотъ, вотъ... Я очень радъ
Тому, что вы мнѣ сами подтвердили,
Что не сказалъ я этого...

ОКТАВІО.

Итакъ,
Отъ герцога готовы вы отречься?

ИЗОЛАНИ.

Да, если онъ замыслилъ измѣнить...
Измѣною разорваны всѣ узы.

ОКТАВІО.

И твердо вы рѣшились биться съ нимъ?

ИЗОЛАНИ.

Онъ дѣлалъ мнѣ всегда добро; но если
Онъ негодяй—проклятіе ему!
Покончены всѣ наши счеты!

ОКТАВІО.

Очень
Я радуюсь, что голосу добра
Послушны вы. Сегодня ночью надо
Вамъ выступить безъ шума во главѣ
Всѣхъ легкихъ войскъ; устройте такъ, чтобъ это
Имѣло видъ, какъ будто герцогъ самъ
Велѣлъ идти. Назначенъ сборнымъ пунктомъ
Фрауэнбергъ; тамъ вамъ графъ Галласъ дастъ
Дальнѣйшія распоряженья.

ИЗОЛАНИ.

Будетъ
Исполнено. Но государю вы
Замолвите, какую вы готовность
Нашли во мнѣ.

ОКТАВІО.

Я отзовусь о ней
Съ большою похвалой.

(Изолани идетъ. Входитъ слуга).

Полковникъ Буттлеръ?
Проси.

ИЗОЛАНИ *(возвращается).*

И вы простите тоже мнѣ
За рѣзкости. Ахъ, Господи! Откуда жъ
Мнѣ было знать, какая предо мной
Высокая особа!

ОКТАВІО.

И не думалъ
Сердиться я.

ИЗОЛАНИ.

Я старый весельчакъ,
И если мнѣ, подвыпивши, случалось
Обмолвиться невѣжливымъ словцомъ
На счетъ двора, то умысла дурного
Тутъ не было, какъ вамъ извѣстно.

ОКТАВІО.

Вы
Напрасно безпокоитесь объ этомъ.

(Изолани уходитъ).

Тутъ удалось. Фортуна, окажи
Такую же намъ помощь съ остальными!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ОКТАВІО. БУТТЛЕРЪ.

БУТТЛЕРЪ.

Что приказать угодно, генералъ?

ОКТАВІО.

Привѣтствую васъ у себя какъ гостя
Почтеннаго и друга.

БУТТЛЕРЪ.

Для меня
Честь слишкомъ велика.

(Садятся).

ОКТАВІО.

Вчера на пирѣ
Мой дружескій привѣтъ не встрѣтилъ въ
васъ
Такого же отвѣта; вы конечно
Сочли его формальностью пустой.
Привѣтъ тотъ былъ отъ сердца, пожеланья
Всѣ искренни—затѣмъ что часъ насталъ,
Когда должны соединиться тѣсно
Всѣ честные и добрые.

БУТТЛЕРЪ.

Союзъ,

Возможный лишь для мыслящихъ согласно.

ОКТАВІО.

Всѣ честные согласно мыслятъ. Я
По тѣмъ дѣламъ сужу о человѣкѣ,
Къ которымъ онъ спокойно побужденъ
Натурою своею; потому что
Насиліе слѣпыхъ ошибокъ часто
Съ дороги надлежащей можетъ сбить
И лучшаго... Сюда вы проѣзжали
Чрезъ Фрауэнбергъ. Графъ Галласъ что нибудь
Довѣрилъ вамъ? Скажите, не стѣсняясь.

БУТТЛЕРЪ.

Онъ говорилъ слова,
Лишенныя значенья.

ОКТАВІО.

Слышать это
Прискорбно мнѣ: его совѣтъ для васъ
Полезенъ былъ, и я совѣтъ такой же
Могу вамъ дать.

БУТТЛЕРЪ.

Себѣ напрасный трудъ
Возьмете вы, меня же въ затрудненье
Поставите—такъ дурно оправдать
Довѣріе ко мнѣ.

ОКТАВІО.

Теперь минуты
Нельзя терять. Открыто мы должны
Поговорить. Въ какомъ здѣсь положеньѣ
Находятся дѣла—извѣстно вамъ.
У герцога замышлена измѣна.
Могу сказать вамъ больше: онъ свой планъ
Осуществилъ; въ союзъ съ врагомъ вступилъ онъ
За нѣсколько часовъ; его гонцы
Уже летятъ и къ Эгеру, и къ Прагѣ,
И завтра онъ намѣренъ повести
Войска къ врагамъ. Но герцогъ въ заблужденьѣ:
Здѣсь бодрствуетъ благоразумье, здѣсь
Еще друзей имѣетъ императоръ,
И мощенъ ихъ невидимый союзъ.
Вотъ этимъ высочайшимъ манифестомъ
Объявленъ онъ въ опалѣ; съ войскъ снята
Обязанность ему повиноваться,
Ко всѣмъ благонамѣреннымъ призывъ—
Соединясь, стать подъ мое начальство.
Рѣшайте же, что выберете вы:
За доброе ли дѣло биться съ нами,
Преступныхъ ли злой жребій съ нимъ дѣлить?

БУТТЛЕРЪ *(встаетъ)*.

Его судьба моею будетъ.

ОКТАВІО.

Это
Послѣднее рѣшенье ваше?

БУТТЛЕРЪ.

Да.

ОКТАВІО.

Подумайте, полковникъ Буттлеръ. Время
Имѣете еще. Я схороню
Въ моей груди ненарушимо ваше
Сорвавшееся слово. Взять его
Совѣтую обратно. Изберите
Хорошую дорогу. По дурной
Идете вы.

БУТТЛЕРЪ.

Что вамъ еще угодно
Мнѣ приказать?

ОКТАВІО.

О сѣдинѣ своей
Подумайте! Возьмите ваше слово.

БУТТЛЕРЪ.

Прощайте!

ОКТАВІО.

Какъ! Вашъ добрый, храбрый мечъ
Въ такой борьбѣ вы обнажить хотите?
Въ проклятія хотите превратить
Признательность, заслуженную вами
Сорокалѣтней вѣрностью своей
У Австріи?

БУТТЛЕРЪ *(съ горькимъ смѣхомъ)*.

Признательность австрійской
Династіи! *(Идетъ)*.

ОКТАВІО *(даетъ ему дойти до двери, потомъ зоветъ)*.

Полковникъ Буттлеръ!

БУТТЛЕРЪ.

Что
Прикажете?

ОКТАВІО.

Какъ было дѣло съ графствомъ?

БУТТЛЕРЪ.

Что? Съ графствомъ?

ОКТАВІО.

Да, съ титуломъ графскимъ—я
Хочу сказать.

БУТТЛЕРЪ *(вспыльчиво)*.

Проклятіе!

ОКТАВІО.

Искали
Вѣдь вы его. Но отказали вамъ.

БУТТЛЕРЪ.

Я надъ собой смѣяться не позволю.
Мечъ на-голо!

ОКТАВІО.

Вложите вы его
Въ ножны—и мнѣ спокойно разскажите,
Какъ было это дѣло: а потомъ
Согласенъ я на вызовъ вашъ отвѣтить.

БУТТЛЕРЪ.

Что-жъ! Пусть весь міръ узнаетъ слабость ту,
Которую я самъ себѣ во—вѣки

Не извиню!... Да, я честолюбивъ,
Я никогда не могъ сносить презрѣнье.
Мучительно мнѣ было, что титулъ
И знатное рожденіе для войска
Цѣннѣй заслугъ. Быть ниже равныхъ мнѣ
Я не хотѣлъ. И вотъ, рѣшился сдѣлать
Въ злосчастную минуту этотъ шагъ...
Безумный шагъ! Но столь тяжелой кары
Я за него не заслужилъ. Могли
Мнѣ отказать. Зачѣмъ же боль отказа
Усиливать презрѣньемъ? Старика,
Того, кто былъ всегда слугою вѣрнымъ,
Съ язвительной насмѣшкою топтать?
О низости его происхожденья
Напоминать ему лишь потому,
Что въ слабую минуту онъ забылся?..
Но надѣленъ вѣдь жаломъ тотъ червякъ,
Котораго, шутя, надменно, топчетъ
Злой произволъ.

ОКТАВІО.

Васъ вѣрно кто-нибудь
Оклеветалъ. У васъ есть подозрѣнье—
Кто этотъ врагъ, такъ услужившій вамъ?

БУТТЛЕРЪ.

Мнѣ все равно! Само собой—бездѣльникъ,
Какой-нибудь придворный, членъ старинной
Фамиліи, которому бъ я былъ
Бѣльмомъ въ глазу, испанецъ, злой завистникъ
Достоинства, что я себѣ стяжалъ
Лишь личными заслугами.

ОКТАВІО.

Скажите,
Вашъ этотъ шагъ одобрилъ герцогъ?

БУТТЛЕРЪ.

Онъ
Самъ далъ мнѣ мысль и послѣ съ благородной
Горячностью прямого друга самъ
Былъ за меня ходатаемъ.

ОКТАВІО.

Увѣрены?

БУТТЛЕРЪ.

Я самъ читалъ письмо.

ОКТАВІО *(значительно).*

И я читалъ—но содержанье было
Иное въ немъ.

(Буттлеръ изумленъ).

Случайно у меня
Оно въ рукахъ; я вамъ даю возможность
Своими же глазами подтвердить...

(Даетъ письмо).

БУТТЛЕРЪ.

Что это?... Какъ?..

ОКТАВІО.

Боюсь, полковникъ Буттлеръ,
Что съ вами здѣсь постыдная игра
Разыграна. Вы говорите—герцогъ
Васъ побудилъ на этотъ шагъ. Въ письмѣ жъ
Онъ говоритъ о васъ съ пренебреженьемъ,
Совѣтуетъ министру наказать—
Какъ онъ замѣтилъ—ваше самомнѣнье.

(Буттлеръ прочелъ письмо, его колѣни дрожатъ, онъ хватается за стулъ и садится).

Ничья вражда не гонитъ васъ; никто
Вамъ повредить не хочетъ; оскорбленье
Тяжелое должны вы приписать
Лишь герцогу. И цѣль его понятна:
Отторгнуть васъ намѣревался онъ
Отъ вашего монарха; вашимъ мщеньемъ
Надѣялся достигнуть онъ того,
Чего никакъ не могъ и ждать отъ вашей
Испытаннѣйшей вѣрности въ спокойномъ
Душевномъ состояньѣ. Онъ хотѣлъ
Презрительно васъ обратить въ слѣпое
Орудіе преступныхъ цѣлей. Онъ
Того достигъ. Онъ какъ нельзя удачнѣй
Васъ совратилъ съ хорошаго пути,
Которымъ вы ужъ сорокъ лѣтъ идете.

БУТТЛЕРЪ *(дрожащимъ голосомъ).*

Могу ль найти прощенье у его
Величества?

ОКТАВІО.

И больше императоръ
Содѣлаетъ для васъ. Загладитъ онъ
Обиду ту, что такъ незаслуженно
Нанесена достойному. Тотъ даръ,
Что герцогомъ вамъ данъ съ преступной цѣлью,
Теперь по доброй волѣ государь
За вами утверждаетъ. Полкъ, которымъ
Командуете вы, отнынѣ—вашъ.

БУТТЛЕРЪ *(хочетъ встать и снова падаетъ на стулъ. Въ душѣ его сильное волненье, онъ хочетъ говорить и не можетъ. Наконецъ онъ снимаетъ съ себя шпагу и отдаетъ ее Пикколомини).*

ОКТАВІО.

Что это вы? Опомнитесь!

БУТТЛЕРЪ.

Возьмите.

ОКТАВІО.

Но для чего? Придите же въ себя.

БУТТЛЕРЪ.

Возьмите. Я ужъ больше не достоинъ
Ее носить.

ОКТАВІО.

Примите вновь ее
Изъ рукъ моихъ и постоянно съ честью
Ее употребляйте для борьбы
За правоту.

БУТТЛЕРЪ.

Я измѣнилъ такому
Благому императору!

ОКТАВІО.

Вину
Вы можете загладить. Поспѣшите
Отъ герцога отречься.

БУТТЛЕРЪ.

Отъ него
Отречься мнѣ!

ОКТАВІО.

Какъ! Колебанье?...

БУТТЛЕРЪ (*въ страшномъ раздраженіи*).

Только
Отречься отъ него?... Нѣтъ, смерть ему!

ОКТАВІО.

Послѣдуйте во Фрауэнбергъ за мною.
Всѣ вѣрные тамъ сходятся теперь
У Галласа и Альтрингера. Многихъ
Другихъ еще вернулъ я къ долгу ихъ,
И нынче въ ночь они оставятъ Пильзенъ.

БУТТЛЕРЪ (*ходившій по комнатѣ въ сильномъ волненіи, подходитъ къ Октавіо съ рѣшительностью во взглядѣ*).

Скажите, графъ, о чести говорить
Дозволено ль тому, кто былъ измѣнникъ?

ОКТАВІО.

Дозволено, коль такъ серьезно онъ
Раскаялся.

БУТТЛЕРЪ.

Такъ я прошу оставить
Меня пока на честномъ словѣ здѣсь.

ОКТАВІО.

Что жъ дѣлать вы намѣрены?

БУТТЛЕРЪ.

Оставить
Съ моимъ полкомъ.

ОКТАВІО.

Я довѣряю вамъ.
Но что же вы замыслили? Скажите.

БУТТЛЕРЪ.

На дѣлѣ вы узнаете. Теперь
Не спрашивайте больше. Только вѣрьте!
Вы можете мнѣ вѣрить?... Видитъ Богъ—
Въ моемъ лицѣ останется здѣсь герцогъ
Не съ ангеломъ-хранителемъ своимъ.
Прощайте, графъ!

(*Уходитъ*).

СЛУГА (*приноситъ письмо*).

Какой-то неизвѣстный
Принесъ письмо и тотчасъ же ушелъ.
Для герцога ужъ лошади готовы—
Стоятъ внизу.

ОКТАВІО (*читаетъ*):

„Ускорьте свой отъѣздъ.
Вашъ вѣрный Изолани".—О, когда бы
Я былъ скорѣй внѣ города!... Ужель
Отъ пристани такъ близко намъ крушенье
Еще грозитъ?... Прочь, прочь отсюда! Здѣсь
Я за свою ручаться безопасность
Ужъ не могу... Однако, гдѣ жъ мой сынъ?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Оба Пикколомини.

МАКСЪ (*входитъ въ сильнѣйшемъ волненіи, его глаза дико вращаются, походка шаткая, онъ повидимому не замѣчаетъ отца, который стоитъ въ отдаленіи и съ состраданіемъ смотритъ на него. Онъ ходитъ большими шагами по комнатѣ, потомъ снова останавливается и наконецъ падаетъ на стулъ, устремивъ глаза впередъ*).

ОКТАВІО (*подходитъ къ нему*).

Мой сынъ, я уѣзжаю.
(*Не получая отвѣта, беретъ его за руку*).
Максъ, прощай.

МАКСЪ.

Прощай.

ОКТАВІО.

За мной и ты конечно скоро
Послѣдуешь?

МАКСЪ (*не глядя на него*).

Я за тобою? Нѣтъ,
Твой путь кривой, то не моя дорога.
(*Октавіо выпускаетъ его руку и отступаетъ*).
О, если бъ ты былъ искрененъ и прямъ,
До этого конечно не дошло бы,
Все было бы иначе... Страшный шагъ
Не былъ бы имъ свершенъ, и оставался бъ
Онъ подъ вліяньемъ добрыхъ, въ сѣти злыхъ
Попасться бы не могъ. Зачѣмъ такъ скрытно,
Коварно такъ подстерегать? какъ воръ
И воровства пособникъ тихо красться?
Несчастная двуличность! Мать всѣхъ золъ!
Ты губишь насъ, ты всѣхъ насъ повергаешь
Въ отчаянье! Правдивость—ты одна,
Ты, чистая хранительница міра,
Спасла бы насъ!.. Отецъ! Я не могу
Простить тебя, я не могу.. Обмануть
Я герцогомъ жестоко, но и ты—
Ты поступилъ со мной немногимъ лучше.

ОКТАВІО.

Ахъ, горю твоему, мой милый сынъ,
Прощаю я.

МАКСЪ (*встаетъ и смотритъ на него сомнительнымъ взглядомъ*).

Ужели это правда?
Отецъ, отецъ! Ужли такъ далеко
Ты съ умысломъ подвинулъ это дѣло?
Октавіо, паденіемъ его
Возвышенъ ты. Не по-сердцу мнѣ это.

ОКТАВІО.

Творецъ мой всемогущій!

МАКСЪ.

Горе мнѣ!
Я измѣнилъ свою натуру. Въ душу
Свободную какъ подозрѣнье вдругъ
Войти могло? Надежда, вѣра, честность
Разрушены, затѣмъ что лгало мнѣ
Все то, что я цѣнилъ и чтилъ высоко.
Нѣтъ, нѣтъ, не все! Вѣдь для меня *она*
Еще живетъ, она чиста, правдива,
Какъ небеса. Обманъ вездѣ; вездѣ
Убійство, ядъ, измѣна, лицемѣрье,
Предательство... Единственный пріютъ
Для чистоты въ любви остался нашей,
И въ цѣломъ человѣчествѣ ее,
Ее одну еще не осквернили.

ОКТАВІО.

Максъ, уѣзжай со мной сейчасъ же; вѣрь,
Что лучше такъ...

МАКСЪ.

Какъ! Не простившись съ нею?
Въ послѣдній разъ? нѣтъ, нѣтъ!

ОКТАВІО.

Избавь себя
Отъ неизбѣжной муки разставанья.
Поѣдемъ, Максъ! Поѣдемъ, сынъ мой!
(Хочетъ его увлечь).

МАКСЪ.

Нѣтъ!
Свидѣтель Богъ! я остаюсь!

ОКТАВІО *(настоятельнѣе).*

Поѣдемъ!

Я, твой отецъ, приказываю.

МАКСЪ.

Мнѣ
Приказывать ты можешь то, что въ силахъ
Исполнить человѣкъ. Я остаюсь.

ОКТАВІО.

Во имя императора, послѣдуй
Немедленно за мною.

МАКСЪ.

Нѣтъ, сердцамъ
Повелѣвать не властенъ императоръ...
И хочешь ты похитить у меня
Единое, что мнѣ моимъ несчастьемъ
Оставлено еще—ея слова
Любви и состраданья? Неужели
Жестокое исполнить долженъ я
Съ жестокостью? То, что неотвратимо,
Свершить неблагородно: отъ нея
Бѣжать тайкомъ, какъ трусъ, какъ недостойный?
Нѣтъ, пусть она увидитъ скорбь мою,
Страданія, пускай услышитъ стоны
Растерзанной души и обо мнѣ
Прольетъ слезу... О, люди, вы жестоки!
Но въ ней нашелъ я ангела. Она
Спасетъ мой духъ отъ бѣшеныхъ мученій
Ужаснаго отчаянья и скорбь
Смертельную залѣчитъ кротко, нѣжно
Словами утѣшенья.

ОКТАВІО.

У тебя
Не хватитъ силъ разстаться съ ней. О, сынъ мой,
Идемъ со мной! Спаси ты чистоту
Своей души!

МАКСЪ.

Не трать рѣчей напрасно!
Я слѣдую лишь сердцу моему,
Которому я вѣрю безусловно.

ОКТАВІО (*внѣ себя, дрожа*).

Максъ! Максъ! Когда бъ постигнуло меня
Страшнѣйшее изъ всѣхъ несчастій... если бъ
Ты, ты... мой сынъ... родная кровь моя...
Мнѣ страшно и подумать... ты рѣшился
Продать себя измѣннику и честь
Фамиліи всей нашей опозорить
Такимъ клеймомъ... то содрогнулся бъ міръ
Отъ ужаса, увидѣвъ въ дикой битвѣ,
Что сына мечъ покрыла кровь отца.

МАКСЪ.

О, еслибъ ты о людяхъ лучше думалъ,
Конечно ты и лучше бъ поступалъ!
Несчастное сомнѣнье! Подозрѣнье
Проклятое! Нѣтъ для него ни въ чемъ
Ни прочности, ни твердости; все шатко,
Гдѣ вѣры нѣтъ.

ОКТАВІО.

Пусть сердцу твоему
Довѣрю я—въ твоей ли будетъ власти
Всегда ему быть вѣрнымъ.

МАКСЪ.

Ты не могъ
То заглушить, что мнѣ твердило сердце.
Не заглушить и герцогу.

ОКТАВІО.

Ахъ, Максъ!
Не суждено ужъ никогда увидѣть
Мнѣ твоего возврата!..

МАКСЪ.

Никогда
Меня ты не увидишь недостойнымъ
Тебя, отецъ.

ОКТАВІО.

Я ѣду въ Фрауэнбергъ.
Тебѣ здѣсь оставляю паппенгеймцевъ,
Останутся здѣсь также и полки
Тосканскій, Лотарингскій, Тифенбаха,
Чтобъ охранять тебя; они тебѣ
Всѣ преданы, они вѣрны присягѣ
И лучше согласятся храбро пасть
Въ сраженіи, чѣмъ малодушно кинуть
Вождя и честь.

МАКСЪ.

Спокоенъ будь вполнѣ:
Я или здѣсь разстанусь съ жизнью въ битвѣ,
Иль выведу изъ Пильзена войска.

ОКТАВІО (*собираясь уходить*).

Прощай, мой сынъ!

МАКСЪ.

Прощай!

ОКТАВІО.

Какъ! Передъ разлукой
Хотя бъ одинъ любовный взглядъ, одно
Пожатіе руки! Кровава будетъ
Война, намъ предстоящая; исходъ
Сомнителенъ, закрытъ... Съ тобой бывало
Не такъ мы разставались. Неужели
И правду у меня нѣтъ больше сына?

(*Максъ падаетъ въ его объятья; они долго и молча остаются въ этомъ положеніи, потомъ уходятъ въ различныя стороны*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Залъ у герцогини Фридландъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графиня Терцки, Тэкла, *фрейлина фонъ* Нейбруннъ; *двѣ послѣднія заняты рукодѣльемъ).*

ГРАФИНЯ.

Что жъ, ни о чемъ ты не имѣешь, Тэкла,
Меня спросить? Такъ, ровно ни о чемъ?
Я ужъ давно жду отъ тебя хоть слова.
Ужели же ты въ силахъ долго такъ
Не произнесть ни разу имя Макса?
Иль, можетъ быть, я лишняя теперь,
И путь иной для сообщенья найденъ?
Признайся мнѣ, племянница—его
Ты видѣла?

ТЭКЛА.

Нѣтъ, ни вчера, ни нынче
Не видѣла.

ГРАФИНЯ.

И ничего о немъ
Не слышала? Скажи мнѣ все.

ТЭКЛА.

Ни слова
Не слышала.

ГРАФИНЯ.

И что же, можешь быть
Спокойна такъ!

ТЭКЛА.

Вполнѣ спокойна.

ГРАФИНЯ.

Нейбруннъ,
Оставьте насъ.
(Фрейлина уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Графиня. Тэкла.

ГРАФИНЯ.

Не нравится мнѣ очень,
Что вздумалъ онъ молчать какъ разъ теперь...

ТЭКЛА.

Какъ разъ теперь?

ГРАФИНЯ.

Когда ужъ все онъ знаетъ!
Теперь-то объясниться часъ насталъ.

ТЭКЛА.

Чтобъ я могла понять васъ, говорите,
Пожалуйста, яснѣе.

ГРАФИНЯ.

Для того-то
Я Нейбруннъ удалила. Тэкла, ты
Ужъ не дитя. Ты любишь,—значитъ, сердце
Твое вполнѣ созрѣло; гдѣ любовь,
Тамъ смѣлый духъ, и эта смѣлость духа
Доказана тобою. Ты своимъ
Характеромъ къ отцу подходишь ближе,
Чѣмъ къ матери. Поэтому ты въ силахъ
То высказать, чего бы не могла
Она снести.

ТЭКЛА.

Прошу васъ кончить это
Вступленіе. Оно страшнѣй всего.
Скажите мнѣ, въ чемъ дѣло? Будь что будетъ—
Я не боюсь. Скажите коротко.

ГРАФИНЯ.

Но только не пугайся...

ТЭКЛА.

Говорите-жъ!

Валленштейнъ.

Портретъ Ванъ-Дейка въ старой мюнхенской Пинакотекѣ.

ГРАФИНЯ.

Зависитъ отъ тебя
Большую оказать отцу услугу...

ТЭКЛА.

Зависитъ отъ *меня?* Но что же я
Могу?..

ГРАФИНЯ.

Тебя Пикколомини любитъ;
Ты можешь неразрывно привязать
Его къ отцу.

ТЭКЛА.

Причемъ тутъ я? Привязанъ
И безъ того онъ неразрывно.

ГРАФИНЯ.

Былъ
До этихъ поръ.

ТЭКЛА.

Но почему жъ мѣняться
Ему теперь, такимъ же не пребыть
И навсегда?

ГРАФИНЯ.

Онъ точно также преданъ
И императору.

ТЭКЛА.

Не больше, чѣмъ
То долгъ и честь ему повелѣваютъ.

ГРАФИНЯ.

Намъ нужны доказательства теперь
Лишь отъ любви его, а не отъ чести.
Долгъ, честь! Слова, что можно толковать
На всѣ лады!... Но смыслъ ихъ настоящій
Ты объяснить должна ему теперь;
Его любовь ему пусть растолкуетъ,
Въ чемъ честь его.

ТЭКЛА.

Что это значитъ?

ГРАФИНЯ.

То,
Что долженъ онъ отъ кесаря отречься,
Иль отъ тебя.

ТЭКЛА.

Онъ за моимъ отцомъ
Въ жизнь частную послѣдуетъ охотно.
Вѣдь самъ же онъ—вы слышали—сказалъ
Что очень бы желалъ сложить оружье.

ГРАФИНЯ.

Сложить его не долженъ онъ; обязанъ
Поднять его за твоего отца.

ТЭКЛА.

За моего отца онъ кровью, жизнью
Пожертвуетъ охотно, если съ нимъ
Несчастіе случится.

ГРАФИНЯ.

Ты не хочешь
Меня понять. Такъ слушай. Твой отецъ
Отпалъ отъ императора, намѣренъ
Онъ съ арміей своею перейти
Въ союзъ съ врагомъ...

ТЭКЛА.

О, мать моя!

ГРАФИНЯ.

Чтобъ войско
За нимъ увлечь, примѣръ великій нуженъ.
Отецъ и сынъ Пикколомини войскомъ
Высоко почитаются; они
Въ немъ мнѣнія и мысли направляютъ
По своему, и образъ дѣйствій ихъ
Все порѣшитъ. Черезъ посредство сына
Увѣрены мы будемъ и въ отцѣ...
Поэтому—ты поняла—все дѣло
Въ твоихъ рукахъ...

ТЭКЛА.

О, матушка моя
Несчастная! Какой ударъ смертельный
Тебѣ грозитъ! Не вынесетъ она...

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, подчинитъ ее необходимость.
Повѣрь, ее я знаю: для ея
Трепещущаго сердца страшно только
Далекое, грядущее; но то,
Что свершено и что неизмѣнимо,
Она снесетъ покорно.

ТЭКЛА.

О, мои
Тяжелыя предчувствія!... Свершилось!
Вотъ, вотъ она, холодная рука
Судьбы неумолимой! Разрушенье
Всѣхъ свѣтлыхъ упованій!... Это я
Предвидѣла. Да, съ первой же минуты
Пріѣзда моего, сказало мнѣ
Тревожное предчувствіе, что звѣзды
Насчастія надъ головой моей...
Но отчего меня тревожатъ мысли
Лишь о себѣ?.. О, матушка моя,
О, матушка!..

ГРАФИНЯ.

Приди въ себя. Что пользы
Въ твоихъ слезахъ и стонахъ? Сохрани
Родителю ты преданнаго друга,
Себѣ самой—возлюбленнаго,—и
Устроиться еще все можетъ мирно
И счастливо...

ТЭКЛА.

И счастливо? Когда
Разлучены мы съ нимъ навѣки будемъ?
Увы! О томъ и рѣчи ужъ теперь
Не можетъ быть.

ГРАФИНЯ.

Тебя онъ не оставитъ;
Не въ силахъ онъ тебя оставить.

ТЭКЛА.

О,
Несчастный другъ!

Валленштейнъ.

Портретъ Ванъ-Дейка въ старой мюнхенской Пинакотекѣ.

ГРАФИНЯ.

Коли тебя онъ любитъ
Дѣйствительно, то приметъ онъ свое
Рѣшеніе тотчасъ же.

ТЭКЛА.

Что тотчасъ же
Рѣшится онъ—не сомнѣвайтесь въ томъ.
Рѣшеніе? Здѣсь мѣсто есть рѣшенью?

ГРАФИНЯ.

Приди въ себя. Я слышу—мать идетъ.

ТЭКЛА.

Какъ вынести мнѣ встрѣчу?

ГРАФИНЯ.

Успокойся.

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежніе. Герцогиня.

ГЕРЦОГИНЯ.

Кто это былъ съ тобою здѣсь, сестра?
Я слышала живой и громкій говоръ.

ГРАФИНЯ.

Здѣсь только мы.

ГЕРЦОГИНЯ.

Я такъ пуглива!.. Чуть
Малѣйшій шумъ—мнѣ чудится, что вѣстникъ
Несчастія является... Сестра,
Не можешь ли сказать мнѣ, въ положеньѣ
Какомъ дѣла? Исполнитъ ли мой мужъ
Желанье императора? Пошлетъ-ли
Полкъ конный къ кардиналу? Квестенбергъ
Съ хорошимъ ли отвѣтомъ имъ отпущенъ?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, это онъ не сдѣлалъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

О, тогда
Все кончено! Я худшее предвижу.
Они его уволятъ... Снова все
Устроится, какъ было въ Регенсбургѣ.

ГРАФИНЯ.

Тому не быть. На этотъ разъ—не быть.

На этотъ счетъ ты можешь быть спокойна.
(Тэкла, въ сильномъ волненіи, кидается къ матери и съ плачемъ обнимаетъ ее).

ГЕРЦОГИНЯ.

Желѣзный, непреклонный человѣкъ!
О, сколько мнѣ въ несчастномъ этомъ бракѣ
И вынести, и выстрадать пришлось!
Какъ будто бы прикованная цѣпью
Къ пылающимъ колесамъ, что весь вѣкъ,
Безъ устали, впередъ несутся быстро—
Я съ нимъ вела жизнь, полную тревогъ
Мучительныхъ, и влекъ онъ постоянно
Меня съ собой по краю страшныхъ безднъ,
Съ опасностью, въ своемъ ошеломленьѣ,
Низринуться туда!.. Нѣтъ, нѣтъ, не плачь,
Мое дитя! Въ моихъ страданьяхъ видѣть
Дурное предвѣщанье для себя
И ими отравлять свои надежды
На будущность свою—ты не должна,
На свѣтѣ нѣтъ второго Валленштейна,
И матери твоей судьба тебя,
Дитя мое, не бойся не постигнетъ.

ТЭКЛА.

О, матушка, родимая, бѣжимъ!
Скорѣй, скорѣй. Здѣсь намъ не мѣсто!.. Съ каждой
Минутою родится здѣсь для насъ
Какой нибудь ужасный новый призракъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Дитя мое, твой жребій будетъ, вѣрь,
Спокойнѣе!.. И у меня вѣдь были
Съ твоимъ отцомъ дни свѣтлые. Люблю
До этихъ поръ я вспоминать о первыхъ
Годахъ, когда онъ съ радостной душой
Стремился жить, и честолюбье было
Въ немъ кротко согрѣвающимъ огнемъ,
Не пламенемъ пожара. Императоръ
Его любилъ и довѣрялъ ему.
И что бы онъ ни дѣлалъ, удавалось
Ему всегда. Но съ бѣдственнаго дня,
Когда онъ былъ низвергнутъ въ Регенсбургѣ
Съ высотъ своихъ, въ немъ поселился духъ
Суровый, подозрительный, неровный,
Въ самомъ себѣ замкнутый; отъ него
Бѣжалъ покой; разставшись съ свѣтлой вѣрой
И въ собственную силу, и въ свою
Старинную фортуну, обратилъ
Все сердце онъ къ таинственной и мрачной
Наукѣ той, въ которой не обрѣлъ
Еще никто изъ близкихъ съ нею счастья.

ГРАФИНЯ.

Своими ты глазами смотришь... Но
Умѣстны ли *такіе* разговоры,
Когда его мы ожидаемъ? Онъ,
Вы знаете, здѣсь скоро будетъ. Можно-ль,
Чтобъ онъ нашелъ въ такомъ разстройствѣ васъ?

ГЕРЦОГИНЯ.

Да... дочь моя, утри ты слезы. Встрѣтить
Спѣши отца съ лицомъ веселымъ... Вотъ,
Смотри, твой бантъ распущенъ. Надо тоже
И волосы поправить... Ну, не плачь,
Не омрачай свой милый взглядъ слезами...
Что я еще сказать хотѣла?.. Да..
Да, этотъ Максъ Пикколомини славный,
Достойный дворянинъ...

ГРАФИНЯ.

Вполнѣ, сестра.

ТЭКЛА *(тревожно графинѣ).*

Я... тетушка... меня вы извините...
Я ухожу...

ГРАФИНЯ.

Куда же? Вѣдь отецъ
Сейчасъ придетъ.

ТЭКЛА.

Его теперь увидѣть
Я не могу.

ГРАФИНЯ.

Но вѣдь замѣтитъ онъ
Отсутствіе твое, навѣрно спроситъ
Онъ о тебѣ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Зачѣмъ уходишь ты?

ТЭКЛА.

Не въ силахъ я съ нимъ видѣться.

ГРАФИНЯ *(герцогинѣ).*

Ей стало
Нехорошо.

ГЕРЦОГИНЯ.

Что, милая, съ тобой?
(Обѣ слѣдуютъ за Тэклой и стараются ее удержать; Валленштейнъ входитъ, бесѣдуя съ Илло).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежніе. Валленштейнъ. Илло.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что, въ лагерѣ спокойно?

ИЛЛО.

Все спокойно.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Чрезъ нѣсколько часовъ ужъ можетъ быть
Изъ Праги вѣсть, что этою столицей
Владѣемъ мы; тогда мы сбросимъ маску
И сообщимъ стоящимъ здѣсь войскамъ
О сдѣланной попыткѣ, вмѣстѣ съ этимъ—

И о ея удачѣ. А примѣръ
Все дѣлаетъ на свѣтѣ. Человѣкъ—
Созданье переимчивое; стадо
Идетъ за тѣмъ, кто впереди его.
Вѣдь пражскія войска одно лишь знаютъ,
Что пильзенцы на нашей сторонѣ,
А пильзенцы намъ присягнутъ, узнавши,
Что пражскія имъ подали примѣръ.
Ты говоришь, что Буттлеръ къ намъ открыто
Уже присталъ?

ИЛЛО.

Да, добровольно онъ,
Не призванный другими, предлагаетъ
Тебѣ свой полкъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я вижу—не должны
Мы довѣрять всѣмъ голосамъ, что̀ въ сердцѣ
У насъ встаютъ, остерегая насъ.
Духъ лжи не ра̀зъ, чтобъ вызвать заблужденье,
Удачно голосъ правды перенявъ,
Оракулы обманчивые сѣетъ.
Вотъ такъ и мнѣ прощенія просить
Приходится у Буттлера—такого
Достойнѣйшаго мужа въ томъ, что былъ
Въ душѣ къ нему несправедливъ. Да чувство,
Съ которымъ я не въ силахъ совладать—
Назвать его не хочется мнѣ страхомъ—
Проскальзываетъ въ душу мнѣ, когда
Онъ близъ меня, и свѣтлыя движенья
Пріязни подавляетъ... И вотъ онъ,
Тотъ праведный, которому не вѣрить
Совѣтуетъ мой умъ—ко мнѣ теперь
Является съ залогомъ первымъ счастья.

ИЛЛО.

И можешь быть увѣренъ, что его
Почтенному примѣру въ нашемъ войскѣ
Послѣдуютъ всѣ лучшіе.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Теперь
Иди и мнѣ сейчасъ же Изолани
Пошли сюда. Еще на-дняхъ ему
Я оказалъ хорошую услугу.
Хочу теперь начать съ него... Ступай.
(Илло уходитъ; остальные подвигаются на авансцену).

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

А, здѣсь и мать и дочка дорогая!
Поодтохнуть мнѣ хочется отъ дѣлъ...
Хоть часъ одинъ желалъ я безмятежно
Въ родномъ кругу провесть.

ГРАФИНЯ.

Уже давно
Мы, какъ теперь, не собирались вмѣстѣ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(тихо графинѣ).*

Что жъ, можно ль мнѣ съ ней говорить? Она
Готова ли уже?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, не готова.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ну, дѣвочка моя, поди сюда̀,
Присядь ко мнѣ. Я слышалъ—добрый геній
Твои уста избралъ пріютомъ. Мнѣ
Хвалила мать твое искусство: полонъ
Гармоніею нѣжный голосъ твой,
Чарующею душу. Этотъ голосъ
И нуженъ мнѣ теперь, чтобъ разогнать
Злыхъ демоновъ, надъ головой моею
Носящихся на черныхъ крыльяхъ...

ГЕРЦОГИНЯ.

Спой,
Дитя мое. Гдѣ лютня? Дай услышать
Отцу твое искусство...

ТЭКЛА.

Боже мой!
О, матушка!..

ГЕЦОГИНЯ.

Ну Т й; порадуй
Скорѣй отца.

ТЭКЛА.

Я не могу... нѣтъ силъ...

ГРАФИНЯ.

Племянница, что это?..

ТЭКЛА *(ей).*

Пощадите!
Пѣть... пѣть теперь... когда душа моя
Удручена такой тяжелой скорбью!..
Пѣть передъ нимъ, который мать мою
Кидаетъ въ гробъ!..

ГЕРЦОГИНЯ.

Что жъ это, Тэкла, прихоть,
Уже ли же твой ласковый отецъ
Желаніе здѣсь выразилъ напрасно?

ТЭКЛА.

О, Господи, гдѣ силы я возьму!..
(Беретъ лютню дрожащими руками, душа ся въ сильнѣйшемъ волненіи, и въ ту минуту, какъ приходится начинать, она вздрагиваетъ, отбрасываетъ инструментъ и быстро уходитъ).

ГЕРЦОГИНЯ.

Дитя мое!.. Она больна!..

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что съ нею?
Случается ли это часто?

ГРАФИНЯ.

Ну,
Коли она ужъ выдала предъ вами
Себя сама, то не зачѣмъ и мнѣ
Еще молчать.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что это значитъ?

ГРАФИНЯ.

Любитъ
Она его.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Кого?

ГРАФИНЯ.

Пикколомини.
И этого не замѣчалъ ни ты,
Ни ты, сестра?

ГЕРЦОГИНЯ.

О, если только этимъ
Удручена была ея душа,
Будь надъ тобой благословенье божье,
Мое дитя. За выборъ твой краснѣть
Ты не должна.

ГРАФИНЯ.

Поѣздка эта... Если
Не съ умысломъ устроилъ ты ее,
То лишь себя вини ты. Надо было
Другого провожатаго избрать.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Онъ знаетъ ли объ этомъ?

ГРАФИНЯ.

Онъ въ надеждѣ
Быть мужемъ ей.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ надеждѣ—мужемъ... *ей*?
Съ ума сошелъ, какъ видно, мальчикъ!

ГРАФИНЯ.

Это
Самой бы ей услышать отъ тебя!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Дочь Фридланда замыслилъ взять онъ въ жены!
Мысль не дурна, мнѣ нравится! Въ своихъ
Желаніяхъ летаетъ онъ не низко.

ГРАФИНЯ.

Къ нему всегда такъ милостивъ ты былъ,
Что...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Наконецъ, онъ сдѣлаться желаетъ
Наслѣдникомъ моимъ!... Да, правда, я
Его люблю, цѣню его, но въ этомъ
Что общаго есть съ дочерью моей,
Съ ея рукой? Ужели благосклонность
Доказывать нельзя ничѣмъ инымъ,
Какъ дочерью, единственнымъ ребенкомъ?

ГЕРЦОГИНЯ.

Его душа прекрасная, его
Возвышенныя чувства...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Дали право
Ему владѣть моимъ лишь сердцемъ, но
Не дочерью моею.

ГЕРЦОГИНЯ.

Санъ высокій
И доблестные предки...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Предки! Вздоръ!
Онъ подданный, а зятя поищу я
На тронахъ европейскихъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

О, мой другъ!
Не будемъ мы стараться возноситься
Ужъ слишкомъ высоко, чтобъ не пришлось
Потомъ упасть ужъ черезчуръ глубоко.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ! Я затѣмъ цѣной такихъ трудовъ
Въ высь поднялся, затѣмъ вознесся выше
Людской толпы, чтобъ въ жизни роль свою
Великую закончить жалкой связью
Съ такой родней? Затѣмъ ли я...

(Вдругъ спохватившись).

Она—
Единое, что по себѣ оставлю
Я на землѣ; на головѣ ея
Корону я хочу увидѣть, или—
Не жить... Все, все на карту ставлю я,
Лишь для того, чтобъ *ей* добыть величье
Безмѣрное; да, въ этотъ самый часъ,
Когда мы здѣсь бесѣдуемъ...

(Снова спохватившись)

И что же?
Мнѣ, какъ отцу съ чувствительной душой,
Соединить совсѣмъ ужъ по мѣщански
Два любящія сердца? И теперь
Такъ поступить, теперь, какъ разъ въ то время,
Когда хочу я увѣнчать свое
Оконченное дѣло!... Нѣтъ, въ ней вижу
Я свой клейнодъ, хранимый много лѣтъ,
Послѣднее, цѣннѣйшее богатство
Моей казны. И не отдамъ ее
Дешевле я, какъ за монаршій скипетръ.

ГЕРЦОГИНЯ.

О, мой супругъ! Ты строишь, строишь, вплоть
До облаковъ, и продолжаешь строить,
Не думая, что твой фундаментъ малъ
И слишкомъ слабъ, чтобъ вынесть это зданье
Столь шаткое.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(графинѣ).*

Ты сообщила ей,
Гдѣ для нея избралъ я пребыванье
На будущее время?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ еще.
Скажи ей самъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Какъ! Мы не возвратимся
Въ Каринтію?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Нѣтъ.
ГЕРЦОГИНЯ.
Стало быть, въ одну
Изъ остальныхъ земель твоихъ?
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Опасно
Въ нихъ будетъ жить.
ГЕРЦОГИНЯ.
Опасно? Въ тѣхъ земляхъ,
Которыми владѣетъ императоръ?
И подъ его защитой?
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
На нее
Надежды нѣтъ супругѣ Валленштейна.
ГЕРЦОГИНЯ.
О, Боже мой, ужели ты зашелъ
Такъ далеко?
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Въ Голландіи найдете
Вы свой пріютъ.
ГЕРЦОГИНЯ.
Какъ! Посылаешь насъ
Ты въ землю лютеранскую?
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
И будетъ
Туда сопровождать васъ герцогъ Францъ
Фонъ-Лауэнбургъ.
ГЕРЦОГИНЯ.
Фонъ-Лауэнбургъ? Другъ шведовъ,
Врагъ кесаря?
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Всѣ кесаря враги
Ужъ не мои.
ГЕРЦОГИНЯ *(съ ужасомъ смотритъ на мужа и графиню).*
Такъ значитъ, это правда?
Свершилось? Ты низверженъ? Ты лишенъ
Начальства надъ войсками?... О Создатель!
ГРАФИНЯ *(тихо герцогу).*
Не станемъ мы разувѣрять ее.
Ты видишь самъ—не перенесть ей правды.

ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніе. Графъ Терцки.

ГРАФИНЯ.
Мой мужъ! Что съ нимъ? Онъ въ ужасѣ
такомъ,
Какъ будто бы увидѣлъ привидѣнье!
ТЕРЦКИ *(тихо Валленштейну, отведя его въ сторону).*
Ты приказалъ кроатамъ ѣхать?
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Нѣтъ,
Я ничего не знаю.
ТЕРЦКИ.
А! Измѣна!
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Какъ?
ТЕРЦКИ.
Нынче въ ночь уѣхали они,
И тоже егеря. Кругомъ въ селеньяхъ
Нѣтъ ни души.
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
А Изолани?
ТЕРЦКИ.
Ты
Вѣдь самъ его отправилъ.
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Я?
ТЕРЦКИ.
Неправда?
Не ты послалъ? И тоже Деодатъ
Отправленъ не тобой? Исчезли оба!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Илло. Прежніе.

ИЛЛО.
Сказалъ тебѣ графъ Терцки?
ТЕРЦКИ.
Знаетъ все.
ИЛЛО.
И то, что Марадасъ, Гецъ, Эстергази,
И Кауницъ, и Колалто—всѣ тебя
Оставили.
ТЕРЦКИ.
Проклятіе!
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(дѣлаетъ знакъ).*
Молчите!
ГРАФИНЯ *(издали тревожно наблюдавшая за ними, подходитъ).*
Но что же здѣсь случилось, Боже мой?
Что?...
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(собираясь уходить).*
Ничего. Намъ надо удалиться.
ТЕРЦКИ *(слѣдуя за нимъ).*
Тереза, успокойся, ничего
Нѣтъ важнаго.
ГРАФИНЯ *(удерживая его).*
Да развѣ я не вижу,
Что съ вашихъ щекъ, смертельно поблѣд-
нѣвшихъ,
Отхлынула вся кровь, что даже братъ
Старается спокойнымъ притвориться?
ПАЖЪ *(входитъ).*
Графъ Терцки, къ вамъ явился адъютантъ.
(Уходитъ).

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*уходящему Терцки*).
Узнай, съ чѣмъ онъ. (*Къ Илло*). Случиться
такъ секретно
Все это не могло безъ мятежа.
Кто у воротъ поставленъ въ караулѣ?

ИЛЛО.
Солдаты Тифенбаха.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Ихъ смѣнить
Немедленно и Терцки гренадеровъ
Поставить тамъ... Послушай! У тебя
Есть свѣдѣнья о Буттлерѣ?

ИЛЛО.
Да, видѣлъ
Я Буттлера. Сейчасъ онъ будетъ здѣсь.
Вотъ на него ты можешь положиться.
(*Илло идетъ, Валленштейнъ хочетъ слѣдовать за нимъ*).

ГРАФИНЯ.
Не отпускай, сестра, его! Не дай
Ему уйти... Какое-то несчастье...

ГЕРЦОГИНЯ.
О, Господи! Да чтожъ произошло?
(*Схватываетъ его за руку*).

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*стараясь освободиться*).
Пустите же!... Прошу васъ, успокойтесь!
Любезная жена моя, сестра!
Мы въ лагерѣ! А здѣсь вѣдь это дѣло
Обычное: гроза и солнца блескъ
Смѣняются другъ другомъ очень быстро;
Руководить столь буйною толпой—
Тяжелый трудъ, и никогда покоемъ
Не можетъ наслаждаться главный вождь.
Коль долженъ *я* остаться, то уйдите
Отсюда вы: съ работою мужчинъ
Не вяжутся совсѣмъ стенанья женщинъ.
(*Идетъ. Терцки возвращается*).

ТЕРЦКИ.
Останься здѣсь. Изъ этого окна
Увидимъ все.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*графинѣ*).
Графиня, уходите!

ГРАФИНЯ.
Нѣтъ, ни за что!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Я требую.

ТЕРЦКИ (*отводитъ ее въ сторону и многозначительно указываетъ на герцогиню*).
Тереза!

ГЕРЦОГИНЯ.
Идемъ, сестра, коли онъ приказалъ.
(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ. ТЕРЦКИ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*подходитъ къ окну*).
Ну, что же тамъ?

ТЕРЦКИ.
Все войско суетится,
И бѣготня повсюду. Никому
Причина неизвѣстна. Мрачно, молча,
Таинственно подъ знамена свои
Сбираются полки. У тифенбахцевъ
Зловѣщій видъ. Валлонскій только полкъ
Сторонится отъ всѣхъ, замкнулъ свой лагерь,
Туда не допускаетъ никого
И держится, какъ и всегда, спокойно.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Пикколомини съ ними ли?

ТЕРЦКИ.
Его
Нельзя найти, хотя повсюду ищутъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Съ какими же вѣстями адъютантъ?

ТЕРЦКИ.
Его сюда мои полки послали,
Чтобъ вновь тебѣ присягу повторить
Въ ихъ вѣрности; съ воинственною жаждой
Они теперь призыва къ битвѣ ждутъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Но какъ могла тревога вспыхнуть въ станѣ?
Вѣдь было рѣшено, чтобъ ничего
Не знать войскамъ, пока удачей въ Прагѣ
Не кончится попытка наша.

ТЕРЦКИ.
Ахъ,
Зачѣмъ ты мнѣ не вѣрилъ? Заклинали
Вѣдь мы тебя не дальше, какъ вчера,
Не выпускать изъ города пройдоху
Октавіо,—а ты же самъ ему
Далъ лошадей для бѣгства.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Та же пѣсня!
Разъ навсегда—ни слова больше мнѣ
Объ этомъ подозрѣніи нелѣпомъ!

ТЕРЦКИ.
Ты также Изолани довѣрялъ—
И что же? Онъ тебя покинулъ первый.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Еще вчера я вытащилъ его
Изъ нищеты. Богъ съ нимъ! На благодарность
Разсчитывалъ я развѣ?

ТЕРЦКИ.
Таковы
И всѣ они; одни съ другими схожи.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
И можно ли винить его за то,

Что онъ ушелъ? Ушелъ онъ вслѣдъ за богомъ,
Которому всю жизнь свою служилъ—
За карточнымъ столомъ. Онъ былъ въ союзѣ
Съ фортуною моею, и союзъ
Порвалъ онъ съ ней, а вовсе не со мною.
Что *я* ему, и что *онъ* мнѣ? Я былъ
Лишь кораблемъ, куда свои надежды
Онъ нагрузилъ и на которомъ плылъ
Довѣрчиво впередъ въ открытомъ морѣ.
И вотъ теперь онъ видитъ, что корабль
Въ опасности среди подводныхъ камней—
И поскорѣй спасаетъ свой товаръ.
Какъ птица безъ труда кидаетъ вѣтку
Радушную, гдѣ свито ей гнѣздо,
Такъ съ легкою душою улетаетъ
Онъ отъ меня. Узъ личныхъ никакихъ
Межъ нами не расторгнуто. Достоинъ
Обмана тотъ, кто у пустыхъ людей
Отыскиваетъ сердце. Жизнь чертами,
Которыя стираются легко,
На гладкомъ лбу слѣды свои рисуетъ.
Ничто не западаетъ въ глубь сердецъ
Такихъ людей, веселый нравъ приводитъ
Въ движенье легковѣсную ихъ кровь,
Но нѣтъ души, чтобъ согрѣвать собою
Ихъ внутренность.

ТЕРЦКИ.

А я такъ гладкимъ лбамъ
Охотнѣй довѣряю, чѣмъ носящимъ
Глубокія морщины на себѣ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Валленштейнъ, Терцки. Илло *вбѣгаетъ въ бѣшенствѣ.*

ИЛЛО.

Измѣна, бунтъ!

ТЕРЦКИ.

Еще какая новость?

ИЛЛО.

Когда я тифенбахцамъ приказалъ,
Чтобъ сдали постъ они другимъ... мерзавцы,
Забывши долгъ...

ТЕРЦКИ.

Ну?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что жъ они?

ИЛЛО.

Они
Отвѣтили отказомъ мнѣ.

ТЕРЦКИ.

Сейчасъ же
Ихъ разстрѣлять! Иди, распорядись!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Умѣрьте пылъ!.. Какая же причина
Отказа ихъ?

ИЛЛО.

Никто, по ихъ словамъ,
Повелѣвать не вправѣ ими, кромѣ
Октавіо Пикколомини.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что?
Что ты сказалъ?

ИЛЛО.

Онъ это приказанье
Имъ предъявилъ—подписано оно
Рукою императора...

ТЕРЦКИ.

Ты слышишь, герцогъ?
Рукою императора..

ИЛЛО.

Вчера
Полковники уѣхали, согласно
Его распоряженью.

ТЕРЦКИ.

Слышишь ты?

ИЛЛО.

Уѣхали отсюда и Караффа,
И Монтекукули, и шесть еще
Начальниковъ, которыхъ за собою
Послѣдовать онъ убѣдилъ. Приказъ,
Какъ я узналъ, давно ужъ императоръ
Вручилъ ему, и онъ еще на дняхъ
Условился объ этомъ съ Квестенбергомъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(опускается на стулъ и закрываетъ лицо руками).*

ТЕРЦКИ.

О, отчего ты не повѣрилъ мнѣ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежніе, Графиня.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ больше силъ... нѣтъ больше силъ тревогу
Переносить. Я Богомъ васъ молю—
Скажите, что произошло?

ИЛЛО.

Отпали
Отъ насъ полки. Старикъ Пикколомини—
Измѣнникъ.

ГРАФИНЯ.

О, предчувствіе мое!
(Быстро уходитъ).

ТЕРЦКИ.

Да, еслибъ мнѣ повѣрили!.. Ты видишь,
Какъ лгали всѣ твои свѣтила.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Нѣтъ,
Свѣтила мнѣ не лгали. *Это* дѣло
Свершилось вопреки теченью звѣздъ
И року. Да, наука звѣздъ правдива,
Но лживая душа умѣетъ внесть
Обманъ и ложь и въ праведное небо.
Пророчество свѣтилъ все почіетъ
На истинѣ одной; но гдѣ природа
Вдругъ выступитъ изъ колеи своей,
Тамъ всякая наука станетъ ложью.
Коль было суевѣрьемъ то, что я
Не осквернилъ подобнымъ подозрѣньемъ
Собрата-человѣка,—никогда
Не буду я краснѣть за эту слабость.
Религіей проникнутъ и инстинктъ
Животнаго; дикарь—и тотъ не станетъ
Дѣлить свою трапезу съ жертвой той,
Которой грудь пронзить ножемъ намѣренъ.
Поступокъ твой, Октавіо, совсѣмъ
Поступокъ не геройскій. Пораженье
Нанесено не моему уму
Твоимъ умомъ; здѣсь гнусная побѣда
Одержана твоей кривой душой
Надъ честною моею. Никакого
Щита въ бою не встрѣтилъ твой ударъ
Разбойничій; его направилъ подло
Ты въ грудь не защищенную; гдѣ врагъ
Съ оружіемъ такимъ, тамъ я ребенокъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Прежніе. Буттлеръ.

ТЕРЦКИ.

Смотрите-ка! Вотъ Буттлеръ! Есть у насъ
Еще друзья!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(идетъ къ нему съ распростертыми объятіями и сердечно обнимаетъ его).*

Приди, соратникъ старый,
Ко мнѣ на грудь! Лучъ солнца золотой
Въ весенній день не такъ отраденъ сердцу,
Какъ друга видъ въ подобные часы.

БУТТЛЕРЪ.

Мой генералъ, я прихожу...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(опираясь на его плечо).*

Извѣстно
Уже тебѣ? Старикъ мнѣ измѣнилъ
И служитъ императору. Что скажешь
На это ты? Вѣдь цѣлыхъ тридцать лѣтъ
Съ нимъ прожили мы неразлучно; спали
Мы на одной постели; пили мы
Изъ одного стакана; раздѣляли
Одинъ кусокъ; онъ былъ опорой мнѣ
Такою же, какою здѣсь мнѣ служитъ
Твое плечо... И вотъ въ тотъ самый часъ,
Когда ему съ довѣрчивой любовью
Я отдавалъ всю душу, онъ, понявъ,
Гдѣ выгода, и улучивъ коварно
Удобную минуту, въ сердце мнѣ
Медлительно вонзаетъ ножъ!...
(Прячетъ лицо на груди Буттлера).

БУТТЛЕРЪ.

Забудьте
Измѣнника!.. Скажите, что теперь
Намѣрены вы дѣлать?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Правда, правда!
Богъ съ нимъ! Еще богатъ друзьями я.
Вѣдь такъ? Судьба еще не разлюбила
Меня, коли она послала мнѣ
Столь преданное сердце въ ту жъ минуту,
Какъ лживую личину сорвала
Съ коварнаго. Не будетъ больше рѣчи
У насъ о немъ. Не думай ты, что мнѣ
Разлука съ нимъ прискорбна; нѣтъ, мнѣ только
Его обманъ прискорбенъ: я любилъ,
Я высоко цѣнилъ отца и сына.
Но Максомъ я былъ истинно любимъ,
И онъ-то, онъ не измѣнилъ... Довольно,
Довольно ужъ объ этомъ... Время намъ
Нельзя терять. Я каждую минуту
Здѣсь жду гонца, котораго ко мнѣ
Изъ Праги шлетъ графъ Кински; что съ собою
Онъ ни везетъ—нельзя, чтобъ онъ попалъ
Къ мятежникамъ. Поэтому пошлите
Сейчасъ къ нему на встрѣчу вы гонца
Надежнаго, чтобъ тайною дорогой
Его ко мнѣ провезъ онъ.
(Илло хочетъ уходить).

БУТТЛЕРЪ *(удерживая его, Валленштейну).*

Генералъ,
Кого вы ожидаете?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Курьера.
Съ извѣстіемъ, какъ въ Прагѣ удалось
Покончить все.

БУТТЛЕРЪ.

Гм... гм...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что это значитъ?

БУТТЛЕРЪ.

Вы, стало быть, не знаете...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Чего?

БУТТЛЕРЪ.

Чѣмъ въ лагерѣ надѣлана тревога?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Чѣмъ?

БУТТЛЕРЪ.
Вашъ курьеръ...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Ну, чтожъ?

БУТТЛЕРЪ.
Онъ здѣсь.

ТЕРЦКИ И ИЛЛО.
Онъ здѣсь?

БУТТЛЕРЪ.
Ужъ нѣсколько часовъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
И я объ этомъ
Совсѣмъ не зналъ!...

БУТТЛЕРЪ.
Онъ стражей схваченъ былъ...

ИЛЛО *(топая ногой)*.
Проклятіе!

БУТТЛЕРЪ.
Его письмо открыли,
И въ лагерѣ оно теперь пошло
По всѣмъ рукамъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(тревожно)*.
А содержанье, Буттлеръ,
Извѣстно вамъ?

БУТТЛЕРЪ *(уклончиво)*.
Объ этомъ попрошу
Не спрашивать.

ТЕРЦКИ.
О, Илло, горе, горе!
Все рушится!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Хочу я *все* узнать.
Я худшее готовъ услышать. Прага
Потеряна? Да? Безъ утайки все
Скажите мнѣ.

БУТТЛЕРЪ.
Потеряна. Въ Будвейсѣ,
И въ Брюннѣ, и въ Знаимѣ, и въ Браунау,
И въ Таборѣ, и въ Кениггрецѣ—всѣми

Полками вы оставлены; они
Вновь кесарю на вѣрность присягнули,
А сами вы, и Кински, Терцки, Илло
Объявлены въ опалѣ.
(Терцки и Илло въ страхѣ и бѣшенствѣ. Валленштейнъ остается твердымъ и спокойнымъ).

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(помолчавъ).*
Рѣшено!...
Я очень радъ тому. Мгновенно исцѣлился
Я отъ сомнѣнья мукъ—всѣ улетѣли прочь!
Свободна снова грудь, и умъ мой просвѣтился.
Гдѣ звѣзды Фридланда горятъ—должна быть ночь.
Безъ твердой смѣлости, колеблясь предъ рѣшеньемъ,
Я мечъ свой обнажалъ, пока передо мной
Былъ выборъ... Но теперь пришелъ конецъ сомнѣньямъ,
Необходимости я подчиненъ одной—
За голову свою, за жизнь иду на бой.
(Уходитъ. Всѣ слѣдуютъ за нимъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ГРАФИНЯ ТЕРЦКИ *(входитъ изъ сосѣдней комнаты).*

Нѣтъ, долѣе я выносить не въ силахъ...
Но гдѣ они?... Все пусто здѣсь... Они
Оставили меня одну въ такой смертельной
Тревогѣ.. Я должна передъ сестрой
Притворствовать,спокойною казаться,
И муки всѣ хранить въ моей груди,
Страдающей безмѣрно... Нѣтъ, не въ силахъ
Я вынести... О, если суждено,
Чтобъ пали мы, чтобъ онъ явился къ шведамъ
Несчастнымъ бѣглецомъ и бѣднякомъ,
Не чтимымъ ихъ союзникомъ, ведущимъ
Торжественно вслѣдъ за собой ряды
Могучихъ войскъ; чтобъ памятникомъ жалкимъ
Сраженнаго величья, какъ пфальцграфъ,
Пришлось намъ всѣмъ изъ края въ край скитаться—
Нѣтъ, нѣтъ, дожить до страшныхъ этихъ дней
Я не хочу! И еслибъ *онъ* могъ вынесть
Паденіе такое, у меня
Не хватитъ силъ несчастнаго увидѣть
Такъ глубоко упавшимъ съ высоты.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ГРАФИНЯ. ГЕРЦОГИНЯ. ТЭКЛА.

ТЭКЛА *(удерживая герцогиню).*
О, матушка, останьтесь у себя...

ГЕРЦОГИНЯ.
Нѣтъ! Отъ меня какую-то здѣсь тайну
Ужасную скрываютъ... Отчего
Старательно, я вижу, избѣгаетъ
Меня сестра и отъ тревоги мѣста
Найти себѣ не можетъ? Отчего
Ты въ ужасѣ? Что значатъ эти знаки
Безмолвные, которыми тайкомъ
Обмѣниваться стали вы другъ съ другомъ?

ТЭКЛА.
Вамъ это все лишь кажется.

ГЕРЦОГИНЯ.
Сестра,
Хочу я знать.

ГРАФИНЯ.
Дѣйствительно, что пользы
Отъ ней скрывать? Какъ будто бы секретъ
Возможенъ здѣсь... Вѣдь рано ли, иль поздно
Должна она все это и узнать
И перенесть. Теперь совсѣмъ не время
Дать слабости власть надъ собою. Намъ
Теперь нужны и мужество и твердость,
Должны теперь мы пріучать себя
Быть сильными. И потому пусть лучше
Ея судьба рѣшится въ двухъ словахъ.
Сестра, тебя здѣсь вводятъ въ заблужденье;
Ты думаешь—низложенъ герцогъ; нѣтъ,
Нѣтъ, герцогъ не низложенъ... онъ...

ТЭКЛА *(подходя къ графинѣ).*
Ты хочешь
Ее убить?

ГРАФИНЯ.
Онъ...

ТЭКЛА *(обнимая мать).*
Матушка, крѣпись!

ГРАФИНЯ.
Онъ поднялъ бунтъ, намѣренъ былъ съ врагами
Вступить въ союзъ, но армія его
Оставила,—и проигралъ онъ дѣло.
(Герцогиня шатается и въ обморокъ падаетъ на руки своей дочери).

Большая зала въ домѣ герцога Фридланда.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*въ панцырѣ*).

Октавіо, достигнулъ цѣли ты!
Покинутъ я почти какъ былъ покинутъ
Въ тотъ день, когда я вышелъ одинокъ
Изъ сейма государей въ Регенсбургѣ.
Въ ту пору мнѣ одинъ остался другъ—
Я самъ; но что способенъ человѣкъ
Одинъ свершить—вамъ это я на дѣлѣ
Ужъ доказалъ. У дерева могли
Вы отрубить его нарядъ вѣтвистый—
И я стою, какъ обнаженный пень!
Но творческая сила въ сердцевинѣ
Его живетъ, и изъ ея ростковъ
Родится цѣлый міръ. Уже однажды
Я, я *одинъ*, съумѣлъ вамъ замѣнить
Всю армію; подъ силой шведовъ ваши
Растаяли войска; на Лехѣ палъ
Послѣдняя опора ваша—Тински;
Баварію, какъ бурная рѣка,
Опустошалъ Густавъ, и въ Вѣнѣ кесарь
Въ своемъ дворцѣ дрожалъ. Добыть солдатъ
Былъ трудъ большой и дорогой: вѣдь масса
Стремится вслѣдъ за счастьемъ... И тогда
Отчаянные взоры обратили
Вы на меня—помощника въ бѣдѣ!
И гордость Императора склонилась
Предъ тѣмъ, кого онъ тяжко оскорбилъ.
Я призванъ былъ, чтобъ творческое слово
Произнести и въ лагери пустые
Собрать людей. И это сдѣлалъ я.
Забили барабаны. Полетѣло
По свѣту имя грозное мое,
Какъ богъ войны. Плугъ, мастерскія были
Покинуты; все шумною толпой
Сбиралось вкругъ знаменъ давно знакомыхъ,
Увѣнчанныхъ надеждой... И теперь
Я чувствую себя опять такимъ же,
Какъ въ оны дни... Создатель тѣла,—духъ,
И Валленштейнъ наполнитъ снова лагерь
Вокругъ себя. Ведите на меня
Свои полки! Одерживать побѣды
Привыкли всѣ они, идя за мной—
Не надо мной!.. Вы разлучили члены
И голову—увидите теперь,
Гдѣ въ тѣлѣ томъ жила душа.

(*Входятъ* Илло и Терцки).

Мужайтесь,
Мои друзья, мужайтесь! Мы еще
Во прахѣ не лежимъ. Твои, графъ Терцки,
Всѣ пять полковъ и Буттлеръ со своими
Безстрашными отрядами еще
На нашей сторонѣ. А завтра къ намъ
Примкнетъ еще шестнадцать тысячъ шведовъ.
Не больше силъ имѣлъ я девять лѣтъ
Тому назадъ, когда войска я двинулъ.
Чтобъ кесарю Германію добыть.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Прежніе. Нейманъ (*отводитъ графа Терцки въ сторону*).

ТЕРЦКИ (*Нейману*).

Что нужно вамъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какое дѣло, Нейманъ?

ТЕРЦКИ.

Здѣсь десять паппенгеймскихъ кирасиръ—
Отъ имени полка пришли съ тобою
Поговорить.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*Нейману быстро*).

Зови ихъ.

(*Нейманъ уходитъ*).

Кой-чего
Отъ этого мы можемъ ждать. Замѣтьте—
Они еще колеблются, и ихъ
Привлечь къ себѣ имѣю я надежду.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Валленштейнъ. Терцки. Илло. Десять кирасировъ, *предшествуемые* ефрейторомъ, *входятъ, по командѣ останавливаются во фронтъ передъ герцогомъ и отдаютъ ему честь*.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*нѣсколько минутъ смотритъ на нихъ, потомъ ефрейтору*).

Ты мнѣ знакомъ. Изъ Брюггена вѣдь ты
Во Фландріи. Ты Мерси.

ЕФРЕЙТОРЪ.

Генрихъ Мерси.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Разъ гессенцы отрѣзали тебя
Отъ твоего полка, но ты пробился
Сквозь тысячи, имѣя при себѣ
Сто восемьдесятъ человѣкъ.

ЕФРЕЙТОРЪ.

Такъ точно,
Мой генералъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

За этотъ подвигъ ты
Что получилъ?

ЕФРЕЙТОРЪ

Ту честь, которой самъ я
Просилъ—вступить въ вашъ корпусъ, генералъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*обращается къ другому*).
Ты былъ въ числѣ охотниковъ, которыхъ
На Альтенбергъ послалъ я, чтобъ у шведовъ
Отбить ихъ батарею.

ВТОРОЙ КИРАСИРЪ.

Точно такъ,
Мой генералъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Съ кѣмъ разъ поговорилъ я,
Того ужъ не забуду... Ну, зачѣмъ
Явились вы?

ЕФРЕЙТОРЪ (*командуя*).
На караулъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*третьему*).
Ты Рисбекъ,
Кельнъ—родина твоя.

ТРЕТІЙ КИРАСИРЪ.

Такъ точно—Рисбекъ
Изъ Кельна.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Шведскій генералъ Дюбальдъ
Тобой былъ взятъ и въ нюренбергскій лагерь
Къ намъ привезенъ.

ТРЕТІЙ КИРАСИРЪ.

Не мною, генералъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да, правда, я ошибся—это сдѣлалъ
Твой старшій братъ. Вѣдь у тебя еще
И младшій былъ. Онъ гдѣ?

ТРЕТІЙ КИРАСИРЪ.

Онъ, ваша свѣтлость,
Подъ Ольмюцомъ, съ своимъ полкомъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*ефрейтору*).
Ну, что жъ?
Я слушаю.

ЕФРЕЙТОРЪ.

Пошла ходить межъ нами
Бумага императора—приказъ...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*перебивая*).
Кто выбралъ васъ?

ЕФРЕЙТОРЪ.

По жребію былъ выбранъ
Одинъ изъ каждой роты...

ВАЛЛЕНШТВЙНЪ.

Къ дѣлу! Ну,
Чтожъ далѣе?

ЕФРЕЙТОРЪ.

Пошла ходить межъ нами
Бумага императора—приказъ,
Чтобъ армія тебя не признавала
Начальникомъ отнынѣ, какъ врага,
Измѣнника отечества...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И какъ же
Рѣшили вы

ЕФРЕЙТОРЪ.

Исполненъ ужъ приказъ
Товарищами нашими въ Браунау,
Будвейсѣ, Ольмюцѣ и Прагѣ; къ нимъ
Примкнули тифенбахцы и тосканцы.
Но мы не вѣримъ, чтобъ ты былъ врагомъ,
Измѣнникомъ отечества; все это
Считаемъ мы за сказки, за обманъ,
За выдумку испанскую.

(*Сердечно*).

Ты долженъ
Намъ самъ сказать, что у тебя въ виду:
До этихъ поръ вѣдь ты со всѣми нами
Былъ искрененъ, питаемъ мы къ тебѣ
Довѣрье безграничное; не нужно
Посредника межъ нами и тобой—
Межъ честными солдатами и честнымъ
Начальникомъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я узнаю моихъ
Любимыхъ паппенгеймцевъ.

ЕФРЕЙТОРЪ.

И приходитъ
Теперь твой полкъ вотъ что тебѣ сказать:
Коли твое намѣренье въ томъ только,
Чтобъ удержать фельдмаршальскій свой жезлъ,
Врученный императоромъ, по праву
Тебѣ принадлежащій, и служить
Отечеству, какъ честный полководецъ—
То мы твои и будемъ защищать
Тебя отъ всѣхъ въ твоемъ законномъ правѣ.
Пусть отъ тебя другіе всѣ полки
Отложатся—мы не измѣнимъ, жизнью
Мы за тебя пожертвуемъ: нашъ долгъ—
Скорѣе пасть, чѣмъ дать тебѣ погибнуть.
Но если справедливо то, о чемъ
Написано въ бумагѣ, если правда—
Храни Господь!—что хочешь ты къ врагу

Предательски насъ повести,—ну, тоже
И мы тебя оставимъ, и приказъ
Исполнимъ императорскій.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ребята,
Послушайте...

ЕФРЕЙТОРЪ.

Не надо много словъ.
Скажи намъ да иль нѣтъ—и съ насъ довольно.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Послушайте. Я знаю—люди вы
Разумные, своимъ умомъ живете,
Не слѣдуя за стадомъ. Потому
Я васъ всегда—какъ вамъ самимъ извѣстно—
И отличалъ средь войсковой толпы
Съ особеннымъ почетомъ. Полководецъ
Сосчитываетъ только знамена;
Свои ряды окинувъ быстрымъ взглядомъ,
Отдѣльныхъ лицъ не замѣчаетъ онъ,
Желѣзному его приказу слѣпо
И строго повинуются; цѣнить
Не можетъ человѣкъ здѣсь человѣка.
Но съ вами я, какъ знаете вы, такъ
Не поступалъ; я видѣлъ, что съ сознаньемъ
Самихъ себя вы дѣлали свою
Суровую работу; мнѣ серьезно
Свѣтила человѣческая мысль
Изъ вашихъ глазъ—и какъ къ свободнымъ людямъ
Я относился къ вамъ, я признавалъ
За вами право собственнаго мнѣнья.

ЕФРЕЙТОРЪ.

Да, генералъ, ты постоянно былъ
Къ намъ очень добръ, насъ чтилъ своимъ довѣрьемъ
И милостью своею отличалъ
Отъ всѣхъ полковъ. За то и мы, какъ видишь,
За всей толпой не слѣдуемъ, хотимъ
Тебѣ служить. Скажи одно лишь слово—
Достаточно намъ слова твоего—
Что у тебя нѣтъ мысли объ измѣнѣ,
Что войско ты не хочешь весть къ врагу.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мнѣ, мнѣ, друзья, измѣна! Императоръ
Моимъ врагамъ меня приноситъ въ жертву.
Я долженъ пасть, коль не спасутъ меня
Надежныя войска мои. Откроюсь
Я вамъ во всемъ, и сердце ваше пусть
Твердынею моею будетъ. Знайте-жъ:
Вотъ въ эту грудь и въ голову сѣдую
Направлены удары. Вотъ она,
Признательность испанцевъ! Вотъ отплата
За страшные, смертельные бои
На Старой Крѣпости, на люценскихъ равнинахъ!
Для этого оружью партизанъ
Мы безъ брони грудь нашу подставляли;
Для этого служили ложемъ намъ
Замершая земля и твердый камень;
Была ль рѣка, которой быстрота
Сдержала бъ насъ? нашелся ль лѣсъ, который
Сочли бы мы непроходимымъ? Нѣтъ--
За Мансфельдомъ, по всѣмъ кривымъ дорогамъ,
Которыми бѣжалъ онъ, мы гнались
Безъ устали; жизнь наша превратилась
Въ сплошной походъ; какъ вѣтра буйный шумъ,
Лишенные пріюта, проносились
Мы по землямъ, взволнованнымъ войной.
И вотъ теперь, когда неблагодарный,
Проклятьями обремененный трудъ
Свершили мы, когда неутомимой
И вѣрною рукою наконецъ
Свергаемъ мы войны тяжелой бремя—
Теперь, друзья, нашъ царственный юнецъ
Подпишетъ миръ, имъ столь легко добытый,
И въ свѣтлыя ребяческія кудри
Вплететъ себѣ оливковую вѣтвь,
Которая должна, какъ украшенье,
Покоиться на *нашей* головѣ!

ЕФРЕЙТОРЪ.

Нѣтъ, этому не быть, пока мы въ силахъ
Препятствовать. Никто другой, какъ ты,
Жестокую войну покончить долженъ,
Которую такъ доблестно ты велъ.
Мы за тобой пошли на поле смерти
Кровавое, и ты, никто другой,
Насъ поведешь съ веселымъ сердцемъ снова
Въ прекрасныя поля, гдѣ только миръ
И благодать, и будемъ мы съ тобою
Дѣлить плоды работы многихъ лѣтъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ! Мните вы, что наконецъ прійдется
На старости вамъ пожинать плоды?
Напрасная надежда! Не увидѣть
Вамъ никогда конца войны; она
Пожретъ насъ всѣхъ. У Австріи жить въ мирѣ
Желанья нѣтъ; и только потому

Я долженъ пасть, что добиваюсь мира.
Что Австріи за дѣло до того,
Что долгая война и губитъ войско,
И миръ опустошаетъ? Объ одномъ
Заботится она—все расширяться
И новыя влацѣнья добывать...
Вы тронуты... Гнѣвъ благородный, вижу,
Въ воинственныхъ глазахъ сверкаетъ... О,
Когда бъ мой духъ могъ оживить васъ снова
Отвагою, какъ нѣкогда онъ васъ
Велъ на поля сраженья!... Вы хотите
Мнѣ помогать, оружьемъ защищать
Мои права—великодушно это!
Но думать вамъ не слѣдуетъ, что вы,
Такая горсть, покончить дѣло въ силахъ;
Нѣтъ, въ жертву принесли бы вы себя
За вашего начальника безплодно.

(Довѣрчиво).

Вы вѣрною дорогою должны
Пойти впередъ, искать друзей. Шведъ помощь
Намъ предложилъ, воспользуемся ею
Для виду мы, пока настанетъ день,
Когда, равно врагамъ обоимъ страшны,
Мы заключимъ въ своихъ рукахъ судьбы
Европы всей, и тихій миръ, прекрасно
Увѣнчанный, изъ лагерей своихъ
Преподнесемъ утѣшенному свѣту.

ЕФРЕЙТОРЪ.

Такъ стало быть, для виду только ты
Въ сношеніяхъ со шведомъ? Не измѣнишь
Ты кесарю? Насъ въ шведовъ обратить
Не думаешь? Намъ отъ тебя вѣдь надо
Услышать только это.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что мнѣ шведъ?
Какъ мрачный адъ его я ненавижу
И съ помощью Господнею его
За Балтику прогнать надѣюсь скоро.
О цѣломъ лишь пекусь я. У меня
Вѣдь сердце есть, мнѣ больно видѣть муки
Нѣмецкаго народа. Вы, друзья,
Сословія простого; но по мыслямъ
Не просты вы, и больше всѣхъ другихъ
Мнѣ кажетесь достойными, чтобъ съ вами
Поговорилъ я по душѣ. Такъ вотъ что
Я вамъ скажу. Уже пятнадцать лѣтъ
Горитъ война, и до сихъ поръ нѣтъ рѣчи
Нигдѣ о перемирьи. Шведъ и нѣмецъ,
Папистъ и лютеранинъ—ни одинъ
Не хочетъ уступить другъ другу! Руки
Всѣ подняты одна противъ другой!
Все партіи и партіи, судьи же—
Ни одного! Скажите, чѣмъ и какъ
Окончится все это? Кто тотъ узелъ
Распутаетъ, который, самъ себя
Запутывая съ каждымъ днемъ все больше,
Растетъ, растетъ?... Онъ долженъ быть разрубленъ.
Я чувствую, что дѣло это мнѣ
Вручаетъ рокъ,—и помощь ваша будетъ
Ручательствомъ успѣха для меня.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ПРЕЖНІЕ. БУТТЛЕРЪ.

БУТТЛЕРЪ *(горячо).*

Вотъ это ужъ совсѣмъ неладно, герцогъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что?

БУТЛЛЕРЪ.

Это намъ конечно повредитъ
У всѣхъ благонамѣренныхъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да что же?

БУТТЛЕРЪ.

Вѣдь это ужъ совсѣмъ открытый бунтъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Но что же, что?...

БУТТЛЕРЪ.

Полками графа Терцки
Срываются со всѣхъ знаменъ орлы
Имперскіе и ставятся въ замѣну
Твои гербы.

ЕФРЕЙТОРЪ *(кирасирамъ).*

Направо, маршъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Проклятье
И этому совѣту, и тому,
Кто далъ его.

(Уходящимъ кирасирамъ).

Ребята! Погодите...
Ошибка тутъ... Послушайте... Сейчасъ
Я строго накажу... Остановитесь!...
Не слушаютъ... *(Къ Илло).* Спѣши за ними вслѣдъ,
Уговори... Во чтобы то ни стало,
Заставь сюда вернуться.

(Илло поспѣшно уходитъ).

Это намъ
Погибелью грозитъ... Ахъ, Буттлеръ, Буттлеръ,
Вы злой мой духъ! Какъ вы могли при нихъ
Мнѣ объявить объ этомъ!... Все прекрасно
Уже пошло, на половину я
Ужъ ихъ склонилъ... О, бѣшенные люди
Съ ихъ рвеньемъ необдуманнымъ!... Судьба,
Жестоко ты смѣешься надо мною!
Не ненависть и мщеніе враговъ—
Услужливость друзей меня погубитъ!...

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Прежніе. Герцогиня *вбѣгаетъ; за нею слѣдуютъ* Тэкла *и* графиня; *потомъ* Илло.

ГЕРЦОГИНЯ.

О, Альбрехтъ, что ты сдѣлалъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ну, мнѣ это
Еще недоставало!

ГРАФИНЯ.

Братъ, прости!
Я больше не могла—онѣ все знаютъ!

ГЕРЦОГИНЯ.

О, что ты сдѣлалъ!...

ГРАФИНЯ *(мужу).*

Неужели все
Потеряно? Надежды нѣтъ?

ТЕРЦКИ.

Все. Прага
Въ рукахъ у императора. Полки
Вновь принесли присягу.

ГРАФИНЯ.

О, коварный
Октавіо!... А Максъ—онъ тоже тамъ?

ТЕРЦКИ.

Гдѣ жъ быть ему? Онъ тоже къ государю
Съ отцомъ ушелъ.

(Тэкла бросается въ объятья матери и скрываетъ лицо на ея груди).

ГЕРЦОГИНЯ.

Несчастное дитя!
Несчастнѣйшая мать!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(отойдя въ сторону съ Терцки).*

Вели скорѣе
На задній дворъ дорожный экипажъ
Подать,чтобъ ихъ увезть отсюда. Въ Эгеръ
Ихъ Шерзенбергъ проводитъ—на него
Могу я положиться. Мы за ними
Послѣдуемъ.

(возвратившемуся Илло).

Не могъ ихъ воротить?

ИЛЛО.

Ты слышишь шумъ? Весь паппенгеймскій
корпусъ
Идетъ сюда. Всѣ кличутъ своего
Полковника; кричатъ, что онъ здѣсь въ
замкѣ,
Что силою его ты держишь, что
Коли его не выпустишь, съумѣютъ
Оружіемъ они освободить.

(Всѣ изумлены).

ТЕРЦКИ.

Какъ быть теперь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не говорилъ я развѣ?
О, сердце вѣщее мое! Онъ здѣсь,
Онъ вѣренъ мнѣ, онъ измѣнить не могъ—
Я въ этомъ никогда не сомнѣвался.

ГРАФИНЯ.

Коли онъ здѣсь—мы спасены. Я знаю,
Чѣмъ приковать его навѣки къ намъ.

ТЕРЦКИ.

Нѣтъ, этого не можетъ быть. Подумай!
Старикъ-отецъ намъ измѣнилъ—ушелъ
Онъ къ кесарю; такъ какъ же можно сыну
Осмѣлиться остаться?

ИЛЛО *(Валленштейну).*

Лошадей
Охотничьихъ, которыхъ подарилъ ты
Ему на дняхъ, еще часа два три
Тому назадъ на площади я видѣлъ.

ГРАФИНЯ *(Тэклѣ).*

О, значитъ, онъ недалеко!

ТЭКЛА *(взглянувъ на дверь вскрикиваетъ).*

Вотъ онъ!

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Прежніе. Максъ Пикколомини.

МАКСЪ *(выходя впередъ).*

Да, да, вотъ онъ! Я былъ не въ силахъ
дольше
Вкругъ этого дворца бродить тайкомъ,
И прятаться отъ всѣхъ, подстерегая
Удобную минуту... Больше силъ
Нѣтъ у меня на это ожиданье,
На столько мукъ...

(Подходя къ Тэклѣ, которая кинулась въ объятья матери).

О, кроткій ангелъ мой!
Не отвращай своихъ небесныхъ взоровъ!
Взгляни сюда! Не бойся никого!
Предъ всѣми здѣсь открой свободно тайну—
Пусть отъ тебя услышатъ всѣ, кто хочетъ,
Что любимъ мы другъ друга. Для чего
Еще скрывать? Вѣдь тайна—для счастли-
выхъ;
Несчастью безнадежному покровъ
Не надобенъ; и дѣйствовать свободно
При сотняхъ солнцъ дозволено ему.

(Замѣчаетъ, что графиня радостно смотритъ на Тэклу).

Нѣтъ, тетушка-графиня, не смотрите
Вы на меня съ надеждой. Я пришелъ
Не съ тѣмъ, чтобъ оставаться... Нѣтъ, про-
ститься
Я прихожу. Все кончено... Тебя,
О, милая, я долженъ, долженъ кинуть...
Да, долженъ я... Но ненависть твою
Я не могу унесть съ собою... Тэкла,

О, подари одинъ мнѣ только взглядъ
Участія, скажи, что ненавидѣть
Не будешь ты несчастнаго... Скажи!
(Беретъ ея руку, въ сильномъ волненіи).
О, Боже мой, о, Боже! Я не въ силахъ,
Я не могу уйти... я не могу
Оставить эту руку... Тэкла, Тэкла,
Скажи же мнѣ, что состраданье есть
Въ твоей душѣ, и поняла ты ясно,
Что дѣйствовать иначе мнѣ нельзя.
(Тэкла избѣгая его взглядовъ, указываетъ рукою на своего отца; онъ поворачивается къ герцогу, котораго только что замѣтилъ).
Ты здѣсь?... Сюда пришелъ я не для встрѣчи
Съ тобой. Мой взоръ не долженъ былъ тебя
Ужъ никогда увидѣть. Прихожу я
Лишь для нея одной. Хочу я быть
Оправданнымъ лишь этимъ милымъ сердцемъ.
До прочаго всего мнѣ дѣла нѣтъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И кажется тебѣ, что я на столько
Ужъ поглупѣлъ, чтобъ дать тебѣ уйти
И разыграть чувствительную сцену
Съ тобою здѣсь? Безчестно измѣнилъ
Мнѣ твой отецъ; ты для меня отнынѣ
Не болѣе, какъ сынъ его, и я
Изъ рукъ тебя не выпущу. Не думай,
Что стану чтить я дружбу старыхъ лѣтъ,
Которую такъ гнусно онъ нарушилъ.
Пора любви минула, нѣтъ уже
И нѣжной деликатности; смѣнили
Ихъ ненависть и мщенье. Быть такимъ
Чудовищемъ, какъ онъ, и я способенъ.

МАКСЪ.

Располагать ты мною можешь—я
Въ твоихъ рукахъ. Но хорошо ты знаешь,
Что гнѣва твоего я не страшусь
И не хочу бороться съ нимъ. Ты знаешь,
Что здѣсь меня удерживаетъ.
(Беретъ Тэклу за руку).
Вотъ,
Смотри! Хотѣлъ я быть тебѣ обязанъ
Всѣмъ въ жизни, всѣмъ! Хотѣлъ изъ рукъ твоихъ
Отеческихъ принять судьбу блаженныхъ.
Ты рушилъ всѣ надежды; но тебѣ
До этого нѣтъ дѣла. Равнодушно
Ты топчешь въ прахъ все счастье близкихъ. Богъ,
Которому ты служишь—Богъ не мира
И жалости. Стихіею слѣпой,
Бездушною, съ которой невозможенъ
Союзъ людей, ты слѣдовать привыкъ
Лишь одному—влеченьямъ дикимъ сердца.
И горе тѣмъ, кто, обольстясь твоимъ
Радушіемъ гостепріимнымъ, строитъ
Себѣ на немъ пріютъ надежный... Вдругъ,
Нежданно закипаетъ пламя въ безднѣ
Обманчивой, и бѣшенный потокъ,
Исторгнувшись оттуда съ грознымъ шумомъ,
Уноситъ все, что создалъ человѣкъ
Своимъ трудомъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Изобразилъ ты этимъ
Мнѣ своего отца. Да, это все—
Въ *его* душѣ, душѣ коварной, черной
Предателя. О, какъ обманутъ я
Искусствомъ преисподней! Бездна ада
Послала мнѣ на гибель своего
Хитрѣйшаго, фальшивѣйшаго духа,
Какъ преданнаго друга... У кого
Возможность есть бороться съ адской силой?...
И василиска я прижалъ къ груди,
Питалъ его своей сердечной кровью,
И досыта впивался онъ въ сосцы
Моей любви. Ни тѣни подозрѣнья
Я не имѣлъ, широко раскрывалъ
Предъ нимъ ворота мысли и забросилъ
Ключъ мудрой осторожности. Средь звѣздъ,
Въ пространствѣ необъятномъ міра взоръ мой
Искалъ врага, а онъ самимъ же мною
Былъ спрятанъ въ сердцѣ сердца моего.
Будь я для Фердинанда тѣмъ, чѣмъ этотъ
Октавіо былъ для меня—ему
Я никогда войны не объявилъ бы,
Не могъ бы сдѣлать это. Для меня
Онъ былъ не другъ — владыка только строгій;
Не вѣрности моей ввѣрялся онъ.
Война межъ насъ велась уже въ ту пору,
Когда вложилъ въ мои онъ руки жезлъ
Фельдмаршальскій: война ведется вѣчно
Межъ хитростью и подозрѣньемъ; миръ
Возможенъ лишь межъ вѣрой и довѣрьемъ.
О, кто довѣрье отравляетъ, тотъ
У матери во чревѣ убиваетъ
Грядущее рожденіе!

МАКСЪ.

Отца
Передъ тобой я защищать не стану—
Къ несчастью, невозможно это мнѣ.
Свершаются ужасныя дѣянья;
Въ цѣпь тѣсную и страшную, одно
Вслѣдъ за другимъ, влекутся преступленья.
Но какъ же *мы*, которыхъ обвинить
Нельзя ни въ чемъ—какъ *мы* попали въ этотъ
Кругъ бѣдствія и зла? Кому *мы* вѣрность
Нарушили? И почему отцовъ
Двойное преступленье насъ, невинныхъ,
Какъ двѣ змѣи, обвило? Почему

Отцовъ вражда и ненависть жестоко
Насъ, любящихъ, разъединяетъ?
(Обнимаетъ Тэклу съ отчаяніемъ).

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ
(безмолвно и пристально смотрѣвшій на него, подходитъ).

Максъ,
Не уѣзжай. Останься, Максъ, со мною!..
Ты помнишь ли, какъ привели тебя,
Тогда почти дитя, въ мою палатку
Подъ Прагой въ зимнемъ лагерѣ; къ зимѣ
Нѣмецкой ты еще былъ непривыченъ;
Рука твоя окоченѣла вся
На знамени тяжеломъ—съ нимъ разстаться
Ты, мужъ душой, не захотѣлъ... Тогда
Я взялъ тебя, покрылъ своей шинелью,
Я сдѣлался твоею нянькой, я
Услуживать тебѣ не постыдился,
Съ заботливостью женской за тобой
Ухаживалъ—пока, согрѣтый мною,
У сердца моего ты вновь въ себѣ
Не ощутилъ біенья юной жизни...
Съ тѣхъ поръ, скажи, перемѣнился-ль я?
Богатыми я сдѣлалъ много тысячъ,
Ихъ надѣлялъ землями, награждалъ
Почетными мѣстами ихъ,—тебя-же,
Тебя *любилъ*, и самого себя,
И сердце все мое тебѣ я отдалъ.
Всѣ остальные были для меня
Чужіе, ты—родной въ моемъ семействѣ...
Нѣтъ, милый Максъ, меня не кинешь ты,
Нѣтъ, это невозможно... Не могу я
И не хочу повѣрить, что меня
Оставитъ Максъ...

МАКСЪ.

О, Боже мой!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я съ дѣтскихъ
Твоихъ шаговъ хранилъ и велъ тебя.
Что сдѣлалъ твой отецъ, чего бъ я тоже
Не сдѣлалъ, и съ избыткомъ, для тебя?
Я окружилъ тебя густою сѣтью
Моей любви—коль можешь, рви ее!
Да, связанъ ты со мною всякой нитью
Душевною, прикованъ ты ко мнѣ
Священнѣйшими узами, какими
Природа можетъ съединять людей...
Что жъ, поѣзжай, оставь меня! Будь вѣрнымъ
Слугою императора; пусть онъ
Какой нибудь цѣпочкой золотою,
Своимъ Руномъ бараньимъ наградитъ
Тебя за то, что пренебрегъ ты чувствомъ
Священнѣйшимъ, что ни во что тобою
Поставленъ юности твоей отецъ и другъ.

МАКСЪ *(въ сильной внутренней борьбѣ).*

О, Боже мой!.. Что жъ дѣлать?.. Я обязанъ...
Присяга... долгъ...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Присяга, долгъ! Кому?
Кто ты? Когда неправо поступаю
Я съ кесаремъ, то это не твоя—
Моя вина. Принадлежишь ты развѣ
Вполнѣ себѣ? На столько ли себѣ
Ты господинъ, на столько ли свободенъ—
Какъ я—чтобъ быть творцомъ всѣхъ дѣлъ своихъ?
Ты—отпрыскъ *мой*, и *я* твой императоръ.
Принадлежать, повиноваться мнѣ—
Вотъ честь твоя, вотъ твой законъ природы.
И если бы планета, гдѣ живешь
И дышишь ты, сошла съ своей дороги
И, въ пламени вдругъ ринувшись на міръ
Сосѣдній съ ней, зажгла его пожаромъ—
Не могъ бы ты, хотя бы не хотѣлъ,
Не слѣдовать за ней; въ неодолимомъ
Стремленіи ты былъ бы унесенъ
Съ ея кольцомъ, со всѣмъ, на ней живущимъ!..
Твоя вина не будетъ велика
Въ моей борьбѣ; не порицанье свѣта
Заслужишь ты—похвалитъ онъ тебя,
Что предпочелъ ты всѣмъ на свѣтѣ друга.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ПРЕЖНІЕ. НЕЙМАНЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что нужно?

НЕЙМАНЪ.

Паппенгеймцы, генералъ,
Всѣ спѣшились, идутъ сюда... рѣшились
Съ мечомъ въ рукѣ взять приступомъ вашъ домъ...
Освободить желаютъ графа Макса.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(къ Терцки).*

Немедленно вели цѣпь протянуть
И выдвинуть орудія. Картечью
Я встрѣчу ихъ. *(Терцки уходитъ).* Мнѣ, мнѣ съ мечомъ въ рукѣ
Предписывать!.. Поди, скажи имъ, Нейманъ,
Что мой приказъ—сейчасъ же уходить
И дома ждать безмолвно и въ порядкѣ,
Какъ будетъ мнѣ угодно поступать!
(Нейманъ уходитъ. Илло подошелъ къ окну).

ГРАФИНЯ.

Пусти его отсюда! Умоляю—
Пусти его!

ИЛЛО *(у окна).*

Смерть и проклятье!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что?..

ИЛЛО.
Взбираются на ратушу, ужъ крыша
Разобрана... наводятъ пушки къ намъ...
МАКСЪ.
Безумные!
ИЛЛО.
Намѣрены, какъ видно,
Сюда стрѣлять...
ГЕРЦОГИНЯ И ГРАФИНЯ.
О, Господи!
МАКСЪ *(Валленштейну).*
Дозволь
Спуститься къ нимъ, уговорить...
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Ни шагу!
МАКСЪ *(указывая на Тэклу и герцогиню).*
Но жизнь обѣихъ ихъ и жизнь твоя
Въ опасности!..
(Входитъ Терцки).
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Съ чѣмъ ты вернулся, Терцки?

ЯВЛЕНІЕ XX.

ПРЕЖНІЕ. ТЕРЦКИ.

ТЕРЦКИ.
Съ посланіемъ отъ вѣрныхъ намъ полковъ:
Отваги ихъ ничѣмъ не сдержишь дольше.
Они усердно просятъ, чтобы имъ
Дозволили атаковать. Ворота
И Пражскія, и Мельницы, уже
У нихъ въ рукахъ, и еслибъ разрѣшенье
Ты имъ послалъ, то на врага они
Ударили бы съ тылу въ городъ скоро
Загнали бы его и въ тѣснотѣ
Непроходимыхъ улицъ одолѣли бъ
Безъ всякаго труда.
ИЛЛО.
О, разрѣши!
Не дай остыть ихъ пламенному рвенью!
Полкъ Буттлера намъ тоже вѣренъ. Мы
Здѣсь въ большинствѣ, врага мы опрокинемъ
И въ Пильзенѣ покончимъ сразу бунтъ.
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Такъ этотъ городъ станетъ полемъ битвы,
И братская вражда, съ огнемъ въ очахъ,
По улицамъ его помчится шумно?
Такъ дѣло предоставить долженъ я
Рѣшенію неистовства, глухого
Къ словамъ вождя? Для честной битвы здѣсь
Нѣтъ мѣста; здѣсь для бойни только мѣсто.
Разнузданныхъ злыхъ фурій укротить
Въ ихъ бѣшенствѣ не въ состояньи голосъ
Властителя... Ну, что жъ! Пусть будетъ такъ!
Обдумывалъ и долго—пусть рѣшится
Все быстро и кроваво. *(Максу).* Ну, такъ какъ
Поступишь ты? Не хочешь ли со мною
Помѣряться? Уйти ты воленъ. Стань
Противъ меня, веди своихъ въ сраженье;
Война тебѣ знакома; кой-чему
Ты у меня, я знаю, научился;
Съ противникомъ такимъ сразиться я
Не постыжусь, и случая такого
Прекраснаго ты въ жизни не найдешь,
Чтобъ заплатить мнѣ за мои уроки.
ГРАФИНЯ.
О, Боже мой! Ужли у васъ зашло
Такъ далеко, Максъ, Максъ, и это въ силахъ
Ты вынести?
МАКСЪ.
Я слово далъ—полки,
Которые мнѣ ввѣрены, доставить
Отсюда къ императору; его
Я иль сдержу, или погибну. Больше
Не требуетъ мой долгъ. Пока могу
Избѣгнуть я—съ тобой не буду драться.
Твоя глава, хоть и глава врага,
Все для меня священной остается.
(Два выстрѣла. Илло и Терцки подбѣгаютъ къ окну).
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Что это тамъ?
ТЕРЦКИ.
Упалъ онъ...
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Кто упалъ?
ИЛЛО.
Отъ пули тифенбахцевъ...
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Кто же?
ИЛЛО.
Нейманъ,
Котораго послалъ ты...
ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(въ бѣшенствѣ).*
Смерть и адъ!..
Такъ я ужъ самъ...
(Хочетъ идти).
ТЕРЦКИ.
Себя отдать ты хочешь
Ихъ бѣшенству слѣпому?
ГЕРЦОГИНЯ И ГРАФИНЯ.
Ради Бога,
Не выходи!..
ИЛЛО.
Останьтесь, генералъ—
Минута неудобна..
ГРАФИНЯ.
О, не дайте
Ему уйти!..

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Пустите!

МАКСЪ.

Не теперь...
Повремени... кровавая расправа
Ихъ довела до бѣшенства. Пускай
Раскаятся сперва...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Прочь! Слишкомъ долго
И безъ того я медлилъ. Смѣлость ихъ
Преступная могла здѣсь проявиться
Лишь потому, что моего лица
Не видѣли они. Пусть передъ ними
Я появлюсь, пусть голосъ мой они
Услышатъ, и... *Мое* вѣдь это войско,
Я ихъ глава, верховный вождь, предъ кѣмъ
Они дрожатъ. Посмотримъ, можно ль будетъ
Имъ не узнать уже того лица,
Что въ mракѣ битвъ свѣтило имъ, какъ солнце!
Оружія не нужно. На балконъ
Къ бунтовщикамъ мнѣ только стоитъ выйти—
И укрощенный въ нѣсколько минутъ
Духъ мятежа, ручаюсь вамъ, вернется
Опять въ русло покорности слѣпой.

(Уходитъ. Илло, Терцки и Буттлеръ слѣдуютъ за нимъ).

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ГРАФИНЯ, ГЕРЦОГИНЯ, МАКСЪ *и* ТЭКЛА.

ГРАФИНЯ *(герцогинѣ).*

Они его увидятъ—есть надежда
Еще, сестра.

ГЕРЦОГИНЯ.

Надежда! У меня
Всѣ рушились!

МАКСЪ *(въ концѣ послѣдняго явленія стоявшій вдали въ сильной внутренней борьбѣ, подходитъ).*

Быть въ этомъ положеньѣ
Нѣтъ больше силъ. Сюда явился я
Съ рѣшимостью неколебимой въ сердцѣ;
Казалось мнѣ, что поступаю я
Правдиво, безупречно—и предъ вами
Стою теперь, какъ ненавистный, злой,
Безчеловѣчно жесткій, заслужившій
Проклятіе и отвращенье всѣхъ,
Кто дорогъ мнѣ; я вижу въ тяжкой скорби
Возлюбленныхъ, которымъ счастье дать
Могу своимъ единымъ словомъ. Сердце
Во мнѣ возмущено; въ моей груди
Два голоса враждебно спорятъ. Тьмою
Я окруженъ, и надлежащій путь
Найти ужъ не умѣю... Правду, правду
Ты мнѣ сказалъ, отецъ мой; слишкомъ я
На собственное сердце положился!
Мучительно колеблюсь, и какъ быть—
Не знаю.

ГРАФИНЯ.

Вы не знаете? Вамъ сердце
Отвѣтъ не подсказало? Ну, такъ *я,*
Я вамъ скажу. Отецъ вашъ низко, гнусно
Намъ измѣнилъ, опасности подвергъ
Жизнь герцога, насъ всѣхъ въ позоръ низринулъ.
Изъ этого вамъ ясно, какъ должны
Вы поступить, вы, сынъ его: загладить
Свершенную имъ низость, дать примѣръ
Благочестивой вѣрности, чтобъ имя
Пикколомини въ Валленштейновъ родъ
Не перешло, нося клеймо позора
И вѣчнаго проклятія.

МАКСЪ.

Но гдѣ жъ,
Гдѣ правда та, которой голосъ долженъ
Быть мнѣ руководителемъ? Мы всѣ
Волнуемы желаньями, и страстью.
О, еслибы здѣсь ангелъ снизошелъ
Ко мнѣ съ небесъ и чистою рукою
Въ источникѣ чистѣйшемъ свѣта мнѣ
То почерпнулъ, что честно и нелживо!
(Смотритъ на Тэклу).
Но что же я? Зачѣмъ еще мнѣ ждать,
Звать ангела? Вѣдь онъ передо мною!
(Подходитъ къ ней и обнимаетъ ее).
Да, пусть вотъ это сердце, гдѣ живетъ
Святая чистота, непогрѣшимость,
Рѣшаетъ все. Пускай мнѣ дастъ отвѣтъ
Твоя любовь, которая вѣдь можетъ
Счастливить лишь счастливыхъ и бѣжитъ
Отъ тѣхъ, кого содѣлало несчастье
Виновными. Скажи, любить меня
Ты можешь ли, когда я здѣсь останусь?
Скажи: могу—и я навѣки вашъ.

ГРАФИНЯ *(значительно).*

Подумайте...

МАКСЪ *(перебивая).*

Не думай. Отвѣчай,
Какъ чувствуешь.

ГРАФИНЯ.

Подумайте о вашемъ
Отцѣ...

МАКСЪ *(перебиваетъ ее).*

Вопросъ мой обращенъ не къ вамъ!
Дочь Фридланда—къ тебѣ, къ тебѣ, мой ангелъ

Возлюбленный! Будь о коронѣ рѣчь—
Могла бы ты вопросъ благоразумно
Обдумывать: но дѣло здѣсь идетъ
О благѣ друга твоего, о счастьѣ
Той тысячи героевъ-храбрецовъ,
Которые возьмутъ его поступокъ
За образецъ. Что жъ дѣлать мнѣ? Нарушить
Присягу императору и долгъ?
Послать отцеубійцу-пулю въ лагерь
Октавіо? Вѣдь пуля, изъ ствола
Разъ вылетѣвъ, перестаетъ быть мертвымъ
Орудіемъ; она живетъ; въ нее
Вошелъ злой духъ, а мстящія злодѣйству
Эринніи на пагубнѣйшій путь
Летящую коварно направляютъ.

ТЭКЛА.

О, Максъ!...

МАКСЪ (*перебиваетъ ее*).

Нѣтъ, нѣтъ, въ рѣшеніи своемъ
Не торопись. Тебя я знаю. Сердцу
Прекрасному тяжелый самый долгъ
Покажется легко и самымъ спѣшнымъ.
Великаго не нужно. Соверши
Лишь чисто человѣческое; вспомни,
Чѣмъ для меня былъ герцогъ съ юныхъ лѣтъ,
Подумай, какъ воздалъ ему за это
Отецъ мой... О, и струны тѣ души,
Которыя прекрасно и свободно
Звучатъ въ ней заставляютъ благодарность
И дружеская вѣрность—и онѣ
Священная религія для сердца.
Тѣмъ варварамъ, которые ее
Постыдно оскверняютъ, мститъ природа
Безжалостно. Взвѣсь, милая, все, все,
И предоставь сказать рѣшенье сердцу.

ТЭКЛА.

О, сердце у тебя уже давно
Рѣшило все. Его движеньямъ первымъ
Послѣдуй, другъ.

ГРАФИНЯ.

Несчастная!

ТЭКЛА.

Могло-ль
Быть честнымъ то, что этимъ чистымъ сердцемъ
Не сразу ощутилось? Да, иди
И исполняй свой долгъ. Тебя *я* буду
Всегда любить; какъ ни поступишь ты—
Все будетъ благородно и достойно
Тебя вполнѣ. Но не должно смущать
Раскаянье прекраснаго покоя
Твоей души.

МАКСЪ.

Такъ долженъ навсегда
Покинуть я тебя, съ тобой разстаться!

ТЭКЛА.

Себѣ не измѣняя, остаешься
Ты вѣренъ мнѣ. Насъ разлучаетъ рокъ,
Но нашими сердцами неразрывно
Мы связаны. Кровавою враждой
Разведены дома Пикколомини
И Фридланда; но мы своимъ домамъ
Теперь уже чужіе... Уходи же.
Спѣши! Спѣши то правое, за что
Ты борешься, съ злосчастнымъ нашимъ дѣломъ
Разъединить. На нашей головѣ
Небесное проклятье. На погибель
Она обречена. Вина отца
Погубитъ и меня. Не сокрушайся
Напрасно обо мнѣ. Моя судьба—
Я чувствую—должна рѣшиться скоро.

(Максъ въ сильномъ волненіи обнимаетъ ее. За сценой слышны громкіе, дикіе, далеко разносящіеся крики: «Vivat Ferdinandus!», сопровождаемые военной музыкой. Максъ и Тэкла неподвижно держатъ другъ друга въ объятіяхъ).

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Прежніе. Терцки.

ГРАФИНЯ (*идя къ нему на встрѣчу*).

Что сдѣлалось? Что значатъ эти крики?

ТЕРЦКИ.

Все кончено—и все погибло.

ГРАФИНЯ.

Какъ?
Они не усмирились, и увидя
Его передъ собой?

ТЕРЦКИ.

Нѣтъ, тщетно все!

ГРАФИНЯ.

Но—слышу я—несутся крики vivat!

ТЕРЦКИ.

Да, кесарю.

ГРАФИНЯ.

Измѣнники!

ТЕРЦКИ.

Они
И говорить его не допустили.
Чуть только рѣчь онъ начиналъ—тотчасъ
Его перебивала съ дикимъ шумомъ
Ихъ музыка... Вотъ самъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Прежніе, Валленштейнъ, Илло и Буттлеръ, *потомъ* **кирасиры.**

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Терцки!

ТЕРЦКИ.

Князь!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Распорядись, чтобъ выступить сегодня
Готовились полки всѣ наши. Мы
До вечера оставимъ Пильзенъ.

(Терцки уходитъ).

Буттлеръ!

БУТТЛЕРЪ.

Что приказать угодно?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ Эгеръ вы
Сейчасъ гонца пошлите къ коменданту.
Онъ вашъ землякъ и близкій другъ. Ему
Напишете, чтобъ былъ готовъ онъ завтра
Насъ въ крѣпости принять. А сами вы
Съ своимъ полкомъ пойдете вслѣдъ за нами.

БУТТЛЕРЪ.

Исполню все.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(разъединяетъ Макса и Тэклу, которые во время этого разговора стояли обнявшись).*

Разстаньтесь!

МАКСЪ.

Боже мой!

(Кирасиры съ обнаженными мечами входятъ въ залу и останавливаются на заднемъ планѣ. Въ это же время снизу доносятся звуки паппенгеймскаго марша, которые какъ будто зовутъ Макса).

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(кирасирамъ).*

Вотъ онъ. Его я не держу здѣсь больше.
Свободенъ онъ.

(Стоитъ, отвернувшись и такъ, что Максъ не можетъ подойти ни къ нему, ни къ Тэклѣ).

МАКСЪ.

Меня ты ненавидишь,
И гнѣвно отгоняешь отъ себя.
Насильственно любви старинной узы
Расторгнутся—не мягкою рукой
Развяжутся онѣ, и ты, ты хочешь
Мучитеьность разрыва для меня
Усугубить... Жить безъ тебя—ты—знаешь—
Еще не научился я... Иду
Въ пустыню я, и все, что въ этой жизни
Мнѣ дорого, я оставляю здѣсь...
Молю тебя, не отвращай сурово
Глазъ отъ меня! Дай разъ еще взглянуть
Въ твое лицо, мнѣ вѣчно дорогое
И чтимое!... Не оттолкни меня!
(Хочетъ взять его руку. Валленштейнъ отдергиваетъ ее. Онъ обращается къ графинѣ).
Ужели я не встрѣчу состраданья
Ни въ чьемъ здѣсь взорѣ?... Тетя Терцки...
(Она отворачивается отъ него, онъ обращается къ герцогинѣ).

Мать
Почтенная...

ГЕРЦОГИНЯ.

Идите, графъ, идите,
Куда зоветъ васъ долгъ. Такимъ путемъ
Со временемъ вы станете и другомъ,
И ангеломъ-хранителемъ для насъ
У трона императора.

МАКСЪ.

Хотите
Надежду вы подать мнѣ, помѣшать
Уйти отсель въ отчаяньѣ безмѣрномъ...
О, для чего обманывать меня
Несбыточной мечтою?... Несомнѣнно
Несчастіе мое, и небо я
Благодарю, дающее мнѣ средство
Его покончить разомъ.

(Снова слышна военная музыка. Зала наполняется все больше и больше вооруженными солдатами. Максъ замѣчаетъ между ними Буттлера).

Буттлеръ, вы,
Вы тоже здѣсь?... И тоже не хотите
Идти за мной?... Что жъ! Оставайтесь здѣсь
И новому властителю вѣрнѣе,
Чѣмъ прежнему, служите... Но у васъ
Беру я обѣщанье—быть усерднымъ
Защитникомъ ему и жизнь его
Беречь ненарушимо. Дайте руку,
Что будете.

(Буттлеръ не даетъ руки).

Лежащею на немъ
Монаршею опалой отдается
Священная глава на произволъ
Разбойнику любому, если хочетъ
Награду взять за пролитую кровь.
Теперь-то онъ въ заботахъ нѣжныхъ друга,
И въ преданномъ участіи любви
Нуждается—а уходя, я вижу
Вокругъ него...

(Устремляетъ подозрительные взоры на Илло и Буттлера).

ИЛЛО.

Измѣнника ищите
Вы въ лагерѣ у своего отца

И Галласа. Здѣсь остается только
Еще *одинъ*. Ступайте. Этимъ насъ
Отъ гнуснаго избавите. Ступайте.

(Максъ пытается еще разъ приблизиться къ Тэклѣ. Валленштейнъ не допускаетъ. Онъ стоитъ въ нерѣшительности, полный скорби. Между тѣмъ зала продолжаетъ наполняться, и звуки трубъ становятся все настойчивѣе и чаще).

МАКСЪ.

Труби! Труби! О, еслибъ это былъ
Звукъ шведскихъ трубъ, и я отсюда прямо
Отправился бъ на поле смерти, и
Всѣ тѣ мечи, что наголо я вижу
Передъ собой, пронзили бъ грудь мою!
Что нужно вамъ? Пришли вы, чтобъ отсюда
Меня увлечь?... Не дайте мнѣ дойти
До полнаго отчаянья!... Быть можетъ,
Раскаяться придется вамъ...

(Зала вся переполнена солдатами).

Еще!...
На тяжесть громоздится быстро тяжесть,
И массой ихъ подавленный, все вглубь
Спускаюсь я... Подумайте, что дѣлать
Рѣшились вы... Въ вожди избрать себѣ того,
Кто впалъ въ отчаянье—разумно-ли? Вы нынѣ
Меня влечете прочь отъ счастья моего—
Я обрекаю васъ отмщенія богинѣ.
Меня избрали вы на пагубу себѣ.
Тотъ, кто пойдетъ за мной—готовься пасть въ борьбѣ.

(Идетъ къ дверямъ, между кирасирами начинается шумное движеніе. Они окружаютъ его и слѣдуютъ за нимъ съ дикими криками Валленштейнъ остается неподвижнымъ Тэкла падаетъ на руки матери. Занавѣсъ опускается).

П. Вейнбергъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(**Въ домѣ бургомистра Эгера**).

ЯВЛЕНІЕ I.

БУТТЛЕРЪ *(только что вошелъ).*

Онъ здѣсь. Сюда онъ приведенъ судьбою.
Упалъ топоръ. Какъ тотъ подъемный мостъ,
Что передъ нимъ при въѣздѣ опустился,
И вслѣдъ затѣмъ опять поднялся вверхъ—
Отрѣзаны ему пути къ спасенью.
Лишь до сихъ поръ, не далѣе, Фридландъ!
Такъ говоритъ ему судьбы богиня.
Твой метеоръ въ Богеміи взошелъ,
Блестящій путь на небѣ очертивъ,
И долженъ здѣсь въ Богеміи угаснуть.
Отъ прежняго ты знамени отрекся
И прежнему ты счастью вѣришь слѣпо.
Съ тѣмъ, чтобъ войну въ имперію внести,
Священныхъ Ларъ предать уничтоженью—
Преступную вооружилъ ты руку.
Но, берегись! Духъ безпощадный мести
Влечетъ тебя, и месть—твоя погибель.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Буттлеръ. Гордонъ.

ГОРДОНЪ.

Вы это, Буттлеръ? Какъ хотѣлось мнѣ
Узнать отъ васъ всю правду! Неужели
Измѣнникомъ и бѣглецомъ сталъ герцогъ,
И голова его оцѣнена?
Васъ, генералъ, молю я, разскажите,
Какъ въ Пильзенѣ произошло все это?

БУТТЛЕРЪ.

Письмо мое, которое съ гонцомъ
Я вамъ послалъ, вы получили?

ГОРДОНЪ.

Да,
И въ точности исполнилъ приказанье:
Ему открылъ я крѣпость, не колеблясь —
Затѣмъ, что вамъ повиноваться слѣпо
Мнѣ повелѣлъ въ указѣ императоръ.
Но я прошу прощенія. Едва
Я увидалъ его, какъ—усомнился.
Воистину, не такъ какъ осужденный,
Фридландскій герцогъ въ городъ нашъ вступилъ.
Чело его блистало, какъ въ быломъ,
Величіемъ вождя, повиновенье
Внушая всѣмъ. Попрежнему спокойно
Онъ выслушалъ служебный мой докладъ.
Въ сознаніи вины иль неудачи
Заискиваютъ люди, и къ ничтожнымъ
Склоняется низвергнутая гордость,
Но скупо лишь, съ достоинствомъ обычнымъ

Меня дарилъ онъ словомъ похвалы,
Какъ господинъ слуги усердье хвалитъ.

БУТТЛЕРЪ.

Случилось все, какъ я писалъ вамъ. Войско
Врагамъ продавъ, онъ Эгеръ имъ и Прагу
Хотѣлъ отдать. Когда распространился
Объ этомъ слухъ, то всѣ его полки
Покинули его—за исключеньемъ
Пяти полковъ, пришедшихъ съ графомъ Терцки
За нимъ сюда. Но голова его
Оцѣнена: кто государю вѣренъ—
Обязанъ взять его живымъ иль мертвымъ.

ГОРДОНЪ.

Измѣнникомъ сталъ этотъ мужъ великій!
Что наша власть земная! Говорилъ я:
Не быть добру! Могущество его
И темная таинственная сила—
Они ловушкой стали для него.
Вѣдь человѣкъ въ желаніяхъ границы
Не можетъ знать. Но заключенъ въ границахъ
Бываетъ онъ закономъ и стезею
Протоптанной обычаемъ, а князь
Былъ облеченъ неслыханною властью,
Поставившей его съ монархомъ рядомъ,
И гордый духъ склоняться разучился.
Какъ жаль его! Гдѣ палъ подобный мужъ—
Тамъ устоять никто бы не былъ въ силахъ.

БУТТЛЕРЪ.

Помедлите со словомъ сожалѣнья.
Покуда онъ еще внушаетъ страхъ.
Находятся въ пути на Эгеръ шведы
И быстро съ нимъ они соединятся,
Коль скоро мы тому не помѣшаемъ.
Но этого быть не должно. Отсюда
Онъ болѣе не выйдетъ на свободу.
Его схватить обязывался честью
И жизнью я, и въ этомъ трудномъ дѣлѣ
На ваше я содѣйствіе надѣюсь.

ГОРДОНЪ.

Зачѣмъ до этого я дожилъ дня!
Изъ рукъ его я принялъ это званье,
Онъ самъ вручилъ начальство мнѣ надъ замкомъ,
Который стать его тюрьмою долженъ.
Подвластные имѣть не могутъ волю,
Лишь тотъ, кто самъ свободенъ и могучъ—
Влеченью чувствъ сердечныхъ уступаетъ.
Жестокаго закона мы—орудья:
Повиновенье—добродѣтель низшихъ.

БУТТЛЕРЪ.

Не сѣтуйте, что связаны во власти.
Великая свобода къ заблужденьямъ
Большимъ ведетъ, но узкій долга путь
Зато вполнѣ бываетъ безопасенъ.

ГОРДОНЪ.

Сказали вы, что всѣми онъ покинутъ?
Но тысячи людей онъ осчастливилъ,
По царски онъ великодушенъ былъ,
Для всѣхъ была рука его открыта.
(Искоса глядя на Буттлера).
Изъ праха онъ не одного возвысилъ,
Далъ званіе и власть ему, и все же
Не пріобрѣлъ *ни одного* онъ друга,
Который сталъ бы нынѣ за него.

БУТТЛЕРЪ.

Тутъ есть одинъ, притомъ еще нежданный.

ГОРДОНЪ.

Я милостей не видѣлъ отъ него.
Едва ли онъ на высотѣ величья
И вспоминалъ о другѣ дѣтскихъ лѣтъ.
Я удаленъ былъ службою отъ князя,
И онъ меня изъ виду потерялъ.
Здѣсь въ крѣпости, отъ милостей вдали,
Свободное въ тиши сберегъ я сердце.
Когда меня онъ сдѣлалъ комендантомъ—
Свой долгъ еще онъ исполнялъ усердно,
И не его довѣрье я нарушу,
Когда теперь блюсти я буду свято
То, что моей онъ вѣрности довѣрилъ.
(Помолчавъ, со скорбью).
Когда слова всѣ ваши справедливы,
Коль скоро онъ—измѣнникъ государю
И своему владыкѣ, если продалъ
Войска свои и крѣпости открыть
Намѣренъ былъ Имперіи врагамъ—
Нѣтъ для него спасенья! Но скорблю я
О томъ, что мнѣ, *мнѣ* суждено судьбою
Орудіемъ его паденья стать.
Вѣдь при дворѣ въ Бургау мы пажами
Служили съ нимъ, но старше я, чѣмъ онъ.

БУТТЛЕРЪ.

Я знаю.

ГОРДОНЪ.

Да, тому уже—лѣтъ тридцать
Но и тогда духъ смѣлый проявлялъ
Двадцатилѣтній юноша замѣтно.
Не по годамъ созрѣвшій умъ его—
Къ высокому рѣшительно стремился.
Задумчиво онъ проходилъ межъ насъ,
Любя уединеніе, и чуждый
Ребяческимъ увеселеньямъ нашимъ.
Но иногда, въ порывѣ вдохновенья,
Вдругъ изъ груди безмолвной вырывался
Исполненный столь дивнаго значенья,
Сіяющій и смѣлый мысли лучъ—
Что на него взирая съ изумленьемъ,
Не знали мы, кто говоритъ устами
Его въ тотъ мигъ: безуміе иль богъ?

БУТТЛЕРЪ.

Тамъ на окнѣ однажды задремавъ,
Онъ съ высоты свалился двухсаженной,

И невредимъ остался. Съ той поры
Припадки въ немъ безумья замѣчались.

ГОРДОНЪ.

Онъ съ той поры задумываться сталъ
И принялъ католичество. Чудесно
Онъ дивнымъ былъ спасеньемъ измѣненъ,
И съ гордою отвагою понесся
Безстрашно онъ стезею скользкой жизни.
Позднѣй судьба разъединила насъ.
Онъ шелъ впередъ путемъ отважнымъ славы:
Сталъ графъ, и князь, и герцогъ, и диктаторъ.
А я глядѣлъ —и голова кружилась,
Но этого ему казалось мало.
Къ вѣнцу простеръ онъ руку—и стремится
На вѣрную погибель...

БУТТЛЕРЪ.

Тише! онъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Валленштейнъ *въ бесѣдѣ съ* бургомистромъ Эгера. Тѣ же.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вы городомъ свободнымъ были прежде?
Но почему у васъ лишь половину
Орла въ гербѣ—не цѣльнаго я вижу?

БУРГОМИСТРЪ.

Свободнымъ былъ нашъ городъ, но заложенъ
Богеміи онъ двѣсти лѣтъ назадъ.
Отрубленъ низъ орла до той поры,
Когда за насъ имперія дастъ выкупъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Свободными вы сдѣлаться достойны.
Мужайтесь лишь, смутителямъ не вѣрьте.
Какую подать съ васъ берутъ?

БУРГОМИСТРЪ.

Такую,

Что мы съ трудомъ справляемся. Притомъ
И гарнизонъ содержимъ также мы.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вы будете облегчены. Скажите,
Есть протестанты въ городѣ? Да, да...
Мнѣ вѣдомо... Здѣсь въ крѣпости укрылось
Немало ихъ—сознайтесь откровенно.
И сами вы... не правда ль?

(Пристально глядитъ на него. Бургомистръ пугается).

Не пугайтесь.
Іезуитовъ ненавижу я,
И, если бъ могъ—изгналъ бы ихъ совсѣмъ я.
Миссалъ или-же Библія—едино
Все для меня, я это доказалъ,
Въ Глогау самъ евангелистамъ церковь
Построилъ я. Скажите, какъ зовутъ
Васъ, бургомистръ?

БУРГОМИСТРЪ.

Пахгельбель, ваша свѣтлость.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Такъ слушайте, и сохраните втайнѣ
Все то, что вамъ довѣрить я хочу.

(Положивъ ему руку на плечо, съ нѣкоторой торжественностью).

Да, бургомистръ, настали времена,
Когда должны пророчества свершиться;
Стоящіе на высотѣ—падутъ,
А низшіе возвысятся. Но втайнѣ
Храните все... Пришелъ уже конецъ
Испанскому владычеству двойному,
Готовится во всемъ порядокъ новый.
Видали вы на небѣ три луны?

БУРГОМИСТРЪ.

Да, съ ужасомъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Двѣ крайнихъ удлиннились,
Преобразясь въ кровавые кинжалы,
Лишь средняя луна осталась свѣтлой.

БУРГОМИСТРЪ.

Относится должно быть это къ туркамъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ничуть. Въ крови зайдутъ два государства
На западѣ и на востокѣ—вскорѣ.
И устоитъ лишь вѣра лютеранъ.

(Замѣтивъ Гордона и Буттлера).

Мы сильную пальбу отсюда влѣво
Дорогою слыхали въ эту ночь,
А въ крѣпости вы слышали ее?

ГОРДОНЪ.

Да, генералъ. Къ намъ вѣтеръ доносилъ
Шумъ выстрѣловъ по направленью съ юга.

БУТТЛЕРЪ.

Изъ Вейдена иль изъ Нейштадта.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Путь,
Какимъ идутъ къ намъ шведы. Какъ великъ
Вашъ гарнизонъ?

ГОРДОНЪ.

Владѣющихъ оружьемъ
Сто восемьдесятъ только человѣкъ.
Другіе—инвалиды.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ Іохимсталѣ
Всѣхъ сколько же?

ГОРДОНЪ.

Охраною отъ шведовъ—
Туда послалъ стрѣлковъ двѣ сотни я.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Хвалю за осторожность. Укрѣпленья
Возводятся, замѣтилъ я при въѣздѣ?

ГОРДОНЪ.

Рейнграфъ тѣснитъ насъ очень. Потому
Я наскоро возвелъ два бастіона.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вы служите усердно государю,
И вами я доволенъ, подполковникъ.

(Буттлеру).

Снять въ Іохимсталѣ постъ и остальные,
Что высланы повсюду противъ шведовъ.

(Гордону).

Подъ вѣрною охраной оставляю
Вамъ, комендантъ, жену, сестру и дочь.
Но самъ не остаюсь: я жду лишь писемъ,
Чтобъ съ первою зарей оставить крѣпость,
И увести съ собою всѣ полки.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же. Графъ Терцки.

ТЕРЦКИ.

Счастливая и радостная вѣсть!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Съ чѣмъ ты пришелъ?

ТЕРЦКИ.

Сражались подъ Нейштадтомъ,
И шведами одержана побѣда.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что слышу я? Откуда вѣсть такая?

ТЕРЦКИ.

Ее принесъ изъ Тиршенрейта пахарь.
Бой начался ужъ по заходѣ солнца.
Отряду войскъ имперскихъ изъ Тахау
Ворваться въ лагерь шведскій удалось.
Сражались два часа, и полегло

До тысячи имперскихъ. Ихъ полковникъ
Погибъ въ бою. Вотъ все, что я узналъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Но какъ могли имперцы тамъ явиться?
Вѣдь Альтрингеръ—имѣть онъ долженъ крылья—
Вчера еще въ четырнадцати миляхъ
Оттуда онъ стоялъ, а въ Фраунбергѣ
Свои войска еще сбираетъ Галласъ,
Но не собралъ. Ужели же Сюисъ
На этотъ шагъ рѣшился! Быть не можетъ.
(Появляется Илло).

ТЕРЦКИ.

Узнаемъ все немедля. Вотъ идетъ
Ликующій сюда поспѣшно Илло.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. Илло.

ИЛЛО *(Валленштейну).*

Тамъ верховой. Тебя онъ хочетъ видѣть.

ТЕРЦКИ.

Извѣстье о побѣдѣ подтвердилось?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Съ чѣмъ присланъ онъ? Откуда?

ИЛЛО.

От Рейнграфа,
А что привезъ—могу сказать заранѣ.
Лишь за пять миль стоятъ отсюда шведы,
И Пикколомини вблизи Нейштадта
На нихъ съ полкомъ своимъ ударилъ коннымъ.
Произошла ужасная рѣзня,
Но численность въ концѣ преодолѣла:
На мѣстѣ всѣ остались паппенгеймцы,
А также Максъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Гдѣ тотъ гонецъ? Ведите
Меня къ нему.
(Вбѣгаетъ дѣвица Нейбруннъ, за нею—нѣсколько слугъ, пробѣгающихъ черезъ сцену).

НЕЙБРУННЪ.

На помощь! Помогите!

ИЛЛО И ТЕРЦКИ.

Что тамъ?

НЕЙБРУННЪ.

Княжна...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ И ТЕРЦКИ.

Узнала?

НЕЙБРУННЪ.

Умираетъ!
(Убѣгаетъ. Валленштейнъ, Терцки и Илло слѣдуютъ за нею).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Бутллеръ. Гордонъ.

ГОРДОНЪ.

Скажите мнѣ, что здѣсь произошло?

БУТТЛЕРЪ.

Возлюбленнаго дочь его лишилась.
Максъ Пикколомини погибъ въ бою.

ГОРДОНЪ.

Несчастная княжна!

БУТТЛЕРЪ.

Слыхали вы,
Что Илло здѣсь разсказывалъ о шведахъ,
Которые идутъ сюда съ побѣдой?

ГОРДОНЪ.

Все слышалъ я.

БУТТЛЕРЪ.

Полковъ двѣнадцать ихъ.
И пять еще по близости стоятъ
Для охраненья герцога. У насъ же
Одинъ мой полкъ и гарнизонъ, въ которомъ
Нѣтъ и двухсотъ вооруженныхъ.

ГОРДОНЪ.

Такъ.

БУТТЛЕРЪ.

Немыслимо съ такимъ отрядомъ малымъ
Столь важнаго преступника стеречь.

ГОРДОНЪ.

Я вижу самъ.

БУТТЛЕРЪ.

Толпа обезоружитъ
Всю эту горсть, освободитъ его...

ГОРДОНЪ.

Да, этого намъ опасаться надо.

БУТТЛЕРЪ *(помолчавъ).*

Узнайте же: своею головою
За голову его я отвѣчаю.
И слово я, во чтобы то ни стало,
Свое сдержу. Когда его живымъ
Сберечь нельзя, то мертвый—не опасенъ.

ГОРДОНЪ.

Я понялъ ли?... О, Боже, вы могли бы?.

БУТТЛЕРЪ.

Онъ жить не долженъ.

ГОРДОНЪ.

Вы могли бъ рѣшиться?

БУТТЛЕРЪ.

Вы или я. Онъ не увидитъ утра.

ГОРДОНЪ.

Его убить хотите вы?

БУТТЛЕРЪ.

Убить.

ГОРДОНЪ.

Онъ вѣритъ намъ!

БУТТЛЕРЪ.

Таковъ злой рокъ его.

ГОРДОНЪ.

Священную особу полководца!

БУТТЛЕРЪ.

Онъ *былъ* имъ.

ГОРДОНЪ.

Въ томъ грѣху не оправданье.
Гдѣ судъ надъ нимъ?

БУТТЛЕРЪ.

Да будетъ казнь—судомъ.

ГОРДОНЪ.

Не правосудье, но убійство это:
Преступнѣйшимъ дозволена защита.

БУТТЛЕРЪ.

Вина—ясна, судьей былъ императоръ,
Лишь приговоръ его мы исполняемъ.

ГОРДОНЪ.

Не слѣдуетъ спѣшить намъ съ исполненьемъ
Кроваваго приказа. Можно слово
Обратно взять, но жизни—не вернуть.

БУТЛЛЕРЪ.

Монархи всѣ поспѣшность въ службѣ цѣнятъ.

ГОРДОНЪ.

Но честный мужъ не служитъ палачомъ.

БУТТЛЕРЪ.

Отважныхъ дѣлъ храбрецъ не побоится.

ГОРДОНЪ.

Онъ жизнь отдастъ, но совѣсть сохранитъ.

БУТТЛЕРЪ.

Ужели же онъ выйдетъ на свободу
И злой войны неугасимый факелъ
Опять зажжетъ?

ГОРДОНЪ.

Свободу отнимите—
Не жизнь его. Кровавою рукой
Вы ангела пощады не дерзайте
Предупреждать.

БУТТЛЕРЪ.

Будь войско не разбито—
Тогда бъ его живымъ я захватилъ.

ГОРДОНЪ.

Зачѣмъ открылъ ему я крѣпость?

БУТТЛЕРЪ.

Губитъ
Его судьба, тутъ мѣсто ни причемъ.

ГОРДОНЪ.

Я палъ бы здѣсь, отстаивая замокъ!

БУТТЛЕРЪ.

И—тысячи другихъ.

ГОРДОНЪ.

Во имя долга.
Такая смерть—краса и честь бойцу.
Но проклято природою убійство.

БУТТЛЕРЪ (*показывая бумагу*).

Вотъ и указъ: его схватить велитъ онъ,
Относится онъ къ намъ обоимъ вмѣстѣ.
И если бъ мы виновны оказались,
Что князь бѣжалъ—отвѣтственность берете
Вы на себя?

ГОРДОНЪ.

О, Боже! Я? Безсильный!

БУТТЛЕРЪ.

Ее за все на васъ я возлагаю.
Что ни случись—вы будете въ отвѣтѣ.

ГОРДОНЪ.

Великій Богъ!

БУТТЛЕРЪ.

Такъ средство укажите,
Чтобъ выполнить велѣнье государя.
Я взять его, не убивать хочу.

ГОРДОНЪ.

Грядущее предвижу, какъ и вы,
Но у меня иначе сердце бьется.

БУТТЛЕРЪ.

Когда погибнетъ герцогъ—Терцки съ Илло
Жить не должны.

ГОРДОНЪ.

Ну, этихъ мнѣ не жаль,
Не звѣзды ихъ, но злое сердце губитъ.
Они страстей губительныхъ зародышъ
Посѣяли въ груди его спокойной,
И съ рвеніемъ, проклятія достойнымъ,
Взростили плодъ. За это злое дѣло
Пускай же имъ воздастся по заслугамъ.

БУТТЛЕРЪ.

Они ему предшествуютъ и въ смерти.
Весь планъ уже условленъ. Нынѣ въ ночь
За ужиномъ хотѣли мы живыми
Ихъ захватить и въ крѣпость заключить.
Но такъ—быстрѣй. Теперь иду немедля,
Чтобъ нужныя распоряженья сдѣлать.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же. Илло. Терцки.

ТЕРЦКИ.

Теперь пойдетъ по новому! Примкнутъ
Съ зарей двѣнадцать тысячъ храбрыхъ шведовъ,
Тогда—идемъ на Вѣну! Старина,
Развеселись, не дѣлай кислой рожи
При радостномъ извѣстіи такомъ!

ИЛЛО.

Предписывать условія—нашъ чередъ,
И мстить теперь предателямъ безстыднымъ

И—первый—Пикколомини возмездье
Ужъ получилъ. Да будетъ такъ со всѣми,
Кто намъ вредить попробуетъ! Тяжелъ
Такой ударъ въ годахъ его преклонныхъ.
Онъ хлопоталъ всю жизнь изъ за того,
Чтобъ княжескимъ свой графскій сдѣлать домъ
И потерялъ единственнаго сына.

БУТТЛЕРЪ.

Жаль юношу съ геройскою душою!
Самъ герцогъ былъ замѣтно потрясенъ.

ИЛЛО.

Послушай, другъ. Вотъ что мнѣ было въ князѣ
Не по сердцу, и вызывало ссоры:
Предпочиталъ онъ этихъ итальянцевъ.
Вотъ и теперь, клянусь душой моей,
Онъ лучше бъ всѣхъ насъ мертвыми увидѣлъ,
Лишь только бъ Макса къ жизни воскресить.

ТЕРЦКИ.

Молчи, молчи! Оставь въ покоѣ мертвыхъ!
Все дѣло въ томъ: кто перепьетъ кого?
Твой полкъ вѣдь насъ сегодня угощаетъ,
Мы проведемъ ночь карнавала славно,
А на зарѣ—съ бокалами въ рукахъ
Привѣтствовать вступленье шведовъ будемъ.

ИЛЛО.

Сегодняшнимъ мы насладимся днемъ,
А въ будущемъ—хлопотъ еще не мало.
Я не вложу меча, покуда кровью
Австрійскою не обагрится онъ.

ГОРДОНЪ.

Какая рѣчь! Не стыдно ль вамъ, фельдмаршалъ?
За что вражда такая къ государю?

БУТТЛЕРЪ.

Не увлекайтесь первою побѣдой:
Измѣнчиво Фортуны колесо,
И все жъ силенъ покуда императоръ.

ИЛЛО.

Есть у него солдаты, не вожди.
Неопытенъ венгерскій Фердинандъ
Въ военномъ дѣлѣ. Галласъ—неудачникъ,
И до сихъ поръ войска свои губилъ.
А этотъ змѣй Октавіо ужалитъ
Изподтишка,—въ открытомъ же бою
Не стать ему лицомъ къ лицу съ Фридландомъ.

ТЕРЦКИ.

Насъ ждетъ успѣхъ. Не отвернется счастье
Отъ герцога. Всѣмъ вѣдомо: австрійцевъ
Лишь Валленштейнъ вести къ побѣдѣ можетъ.

ИЛЛО.

Большую рать онъ вскорѣ соберетъ,
Народъ къ нему стекается, влекомый
Знаменъ его испытанною славой.
Вернутся дни блестящіе, и онъ,
Какъ и въ быломъ, могущественнымъ станетъ
И въ дуракахъ окажутся всѣ тѣ,
Которые покинули его!
Друзьямъ своимъ онъ земли раздаетъ
И преданность по царски награждаетъ.
(Гордону).
Онъ вспомнитъ и про васъ, перемѣститъ
Изъ стараго гнѣзда на высшій постъ,
Гдѣ ярко вѣрность ваша засіяетъ.

ГОРДОНЪ.

Доволенъ я, и къ высшему не рвусь,
Чѣмъ выше мы стоимъ—тѣмъ ближе бездна.

ИЛЛО.

Кончаются обязанности ваши:
Вѣдь назарѣ вступаютъ въ крѣпость шведы.
Идемъ, пора за столъ садиться. Терцки,
Какъ думаешь, не освѣтить ли городъ
Въ честь шведовъ намъ? А кто не пожелаетъ—
Зажечь огней—испанецъ и предатель!

ТЕРЦКИ.

Оставь. Едва ль доволенъ будетъ герцогъ.

ИЛЛО.

Что? Въ городѣ не мы ли—господа?
Издѣсь никто не долженъ быть имперскимъ.
Итакъ, Гордонъ, спокойной ночи. Нынче
Въ послѣдній разъ пошлете вы патрули,
А къ десяти—ключи вручите князю.
Затѣмъ—конецъ и вашей службы всей:
Съ зарею дня вступаютъ въ крѣпость шведы.

ТЕРЦКИ *(уходя, Буттлеру).*

А вы на пиръ?

БУТТЛЕРЪ.

Я во-время поспѣю.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Буттлеръ. Гордонъ.

ГОРДОНЪ *(смотря имъ вслѣдъ).*

Несчастные! Предчувствіе имъ чуждо.
Ослѣплены, побѣду торжествуя,
Они идутъ въ разставленную сѣть.
Но я о нихъ не сожалѣю. Илло—
Злодѣй высокомѣрный, и наглецъ,
И крови императора онъ жаждетъ.

БУТТЛЕРЪ.

Исполните приказъ его. Патрули
Пошлите вы, и охраняйте крѣпость.
Когда пройдутъ они—закрыть ворота,
Я ихъ запру, чтобъ въ городѣ не знали.

ГОРДОНЪ.
О, не спѣшите такъ! Скажите прежде.
БУТТЛЕРЪ.
Вы слышали? Съ зарей здѣсь будутъ шведы,
И ночь одна—еще покуда наша.
Проворенъ врагъ, но мы проворнѣй будемъ.
Простите.
ГОРДОНЪ.
Я недоброе читаю
Въ глазахъ у васъ, но обѣщайте мнѣ...
БУТТЛЕРЪ.
День отсіялъ, нисходитъ грозный вечеръ,
Ослѣплены—они не знаютъ страха.
И предаетъ намъ беззащитныхъ въ руки
Несчастная звѣзда ихъ. Посреди
Безумства опьяненія—мгновенно
Ударъ клинка нить жизни ихъ разрѣжетъ.
Искусенъ былъ въ наукѣ чиселъ князь,
И съ издавна все вычислять умѣя,
Живыхъ людей, какъ въ шахматной игрѣ,
Передвигалъ, переставлялъ — своимъ согласно цѣлямъ.
Достоинствомъ и честью, доброй славой
Чужою онъ безсовѣстно игралъ;
Все вычислялъ, и наконецъ въ разсчетахъ
Запутавшись—и жизнь онъ просчиталъ.
ГОРДОНЪ.
Забудь его ошибки, но припомни
Величіе души и доброту,
И всѣ черты, достойныя любви,
И всѣ его великія дѣянья,
Пускай они, какъ ангелъ милосердья,
Удержатъ мечъ, тобою занесенный.
БУТТЛЕРЪ.
Нѣтъ, поздно! Чувство жалости мнѣ чуждо,
Кровавыя питать я долженъ мысли...
Я не враждой руководимъ, Гордонъ.
Пусть не люблю я герцога: причины
Любить его—нѣтъ у меня, но все же
Меня влечетъ къ убійству не вражда,
Но рокъ его. Несчастьемъ я влекомъ,
Стеченіемъ событій роковымъ,
И человѣкъ напрасно мнитъ, что можетъ
Онъ поступать свободно. Онъ—игрушка
Слѣпой судьбы—ему необходимость
Изъ собственныхъ желаній создающей.
И если бы проснулась въ сердцѣ жалость—
Что изъ того? Его убить я долженъ.
ГОРДОНЪ.
О, если въ васъ заговорило сердце—
Послушайтесь его! То—Божій гласъ,
Дѣла людей—лишь разума разсчеты.
Вамъ не найти въ кровавомъ дѣлѣ счастья,
Кровь не даетъ намъ добраго плода.
Вы строите на ней свое величье?
Напрасный трудъ! Порой убійство любятъ
Властители, убійцу жъ—никогда.
БУТТЛЕРЪ.
Не знаете; не спрашивайте вы!
Зачѣмъ враги такъ быстро побѣдили
И къ намъ спѣшатъ? На милость государя
Его бы я охотно предоставилъ,
Я крови не хочу, онъ могъ бы жить—
Но я сдержать обязанъ клятву чести,
И умереть онъ долженъ. Если онъ
Бѣжитъ отъ насъ—на вѣкъ я обезчещенъ.
ГОРДОНЪ.
О, чтобъ спасти такого человѣка—
БУТТЛЕРЪ.
Что?
ГОРДОНЪ.
Принести себя возможно къ жертву.
Великодушнымъ будьте! Въ дѣлѣ чести
Намъ сердце—судъ, не мнѣніе другихъ.
БУТТЛЕРЪ *(холодно и гордо).*
На высотѣ величья герцогъ, я же—
Ничтожество, хотите вы сказать?
Не все ль равно для міра: опозоритъ
Иль славою себя покроетъ низшій,
Лишь спасся бъ онъ—стоящій высоко?
Но каждый самъ цѣнить себя умѣетъ,
И я воленъ себѣ назначить цѣну.
Нѣтъ на землѣ изъ высшихъ никого,
Съ кѣмъ на ряду себя я презиралъ бы,
Насъ дѣлаетъ лишь собственная воля
Великими иль малыми. Своей
Покоренъ я, и значитъ—онъ умретъ.
ГОРДОНЪ.
Увы! Скалу пытался я растрогать!
Нѣтъ, даровалъ вамъ жизнь не человѣкъ,
Вамъ помѣшать не въ силахъ я, но Богъ
Его отъ рукъ убійцы да избавитъ.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

(Комната герцогини).

ТЭКЛА *лежитъ въ креслѣ, блѣдная съ закрытыми глазами.* ГЕРЦОГИНЯ и ФРЕЙЛЕЙНЪ НЕЙБРУННЪ *хлопочутъ возлѣ нея.* ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *въ разговорѣ съ* ГРАФИНЕЮ ТЕРЦКИ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.
Но какъ могла узнать она такъ скоро?
ГРАФИНЯ.
Предчувствіе несчастья было въ ней.
Ее смутилъ о битвѣ слухъ, въ которой
Имперскихъ войскъ полковникъ былъ убитъ,
Замѣтила я это. Въ волненіи,
Тутъ кинулась гонцу она на встрѣчу

И быстрыми вопросами своими
Успѣла вырвать тайну у него.
Хватились мы, но поздно! Безъ сознанья
Тамъ на рукахъ гонца она лежала.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ поразилъ ударъ ее нежданно!
Несчастное дитя! Но что же съ нею?
Не лучше ль ей?
(Обращается къ герцогинѣ).

ГЕРЦОГИНЯ.

Она глаза открыла.

ГРАФИНЯ.

Она жива!

ТЭКЛА *(озараясь).*

Гдѣ я?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Приди въ себя
Будь мужественной, Тэкла, дочь моя.
Вотъ на тебя глядитъ съ любовью мать,
И твой отецъ тебя въ объятьяхъ держитъ.

ТЭКЛА *(приподнимаясь).*

Гдѣ онъ? Его здѣсь нѣтъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Кто, дочь моя?

ТЭКЛА.

Тотъ, кто принесъ извѣстье роковое.

ГЕРЦОГИНЯ.

О немъ, дитя, не думай. Этотъ образъ
Старайся ты изъ памяти изгнать.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Пусть выскажетъ она печаль свою,
Пусть выплачетъ — и плачьте съ нею вмѣстѣ.
Великую она узнала скорбь,
Но вынести съумѣетъ. Сердце Тэклы
По мужеству отцовскому равно.

ТЭКЛА.

Я не больна, подняться я могу.
Что жъ плачетъ мать? Ее я напугала.
Теперь прошло. Я прихожу въ себя.
(Она встала и осматривается).
Гдѣ онъ? Зачѣмъ скрывать его? Довольно
Есть силъ во мнѣ, чтобъ выслушать его.

ГЕРЦОГИНЯ.

О, нѣтъ! Несчастья вѣстникъ—онъ не долженъ
Тебѣ во вѣкъ являться на глаза.

ТЭКЛА.

Отецъ!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Дитя мое!

ТЭКЛА.

Я не слаба
И вскорѣ я оправлюсь, но одну
Исполните вы просьбу...

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Говори.

ТЭКЛА.

Дозвольте мнѣ послать за этимъ шведомъ,
Наединѣ принять и разспросить.

ГЕРЦОГИНЯ.

О, низачто!

ГРАФИНЯ *(брату).*

Нельзя. Не соглашайся.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Зачѣмъ, дитя, его ты хочешь видѣть?

ТЭКЛА.

Спокойнѣе я буду, все узнавъ.
Къ чему скрывать? Я вижу мать желаетъ
Щадить меня. Я не хочу пощады,
Все самое ужасное—я знаю,
И худшаго услышать не могу.

ГРАФИНЯ И ГЕРЦОГИНЯ *(Валленштейну).*

Не разрѣшай.

ТЭКЛА.

Ударъ меня сразилъ.
Я выдала себя при постороннемъ,
Онъ слабости моей свидѣтель былъ,
Я у него лежала на рукахъ,—
И этого стыжусь. Должна во мнѣньи
Прибывшаго себя возстановить я:
Пусть обо мнѣ не думаетъ онъ дурно.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Она права, и просьбу я исполню.
(Къ Нейбруннъ).
Введите къ намъ гонца.
(Нейбруннъ уходитъ).

ГЕРЦОГИНЯ.

Я—мать твоя,
И я хочу при разговорѣ быть.

ТЭКЛА.

Я лучше бъ съ нимъ наединѣ осталась.
Тѣмъ большую тогда явлю я твердость.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Пусть будетъ такъ. Пускай наединѣ
Останутся они. Бываютъ скорби,
Когда въ себѣ лишь помощь мы находимъ.
Кто духомъ твердъ—увѣренъ тотъ въ себѣ.
Не у другихъ—въ своей груди она
Достаточно найдетъ душевной силы
Чтобъ вынести ударъ. Есть твердость духа
У дочери моей: пускай же видятъ
Не женщину, но героиню въ ней.
(Хочетъ идти).

ГРАФИНЯ *(удерживая его).*

Куда же ты? Мнѣ Терцки говорилъ,
Что поутру ты ѣдешь, но оставить
Насъ хочешь здѣсь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Подъ вѣрною охраной.

ГРАФИНЯ.

Возьми съ собой и насъ. Не заставляй
Съ мучительной тревогой выжидать

Исхода здѣсь, въ уединеньѣ мрачномъ.
Ударъ уже упавшій—снесть легко,
Но неизвѣстность, муки ожиданья—
Намъ кажутся ужасными вдвойнѣ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какой ударъ? Веди другія рѣчи,
Надеждами я льщу себя иными.

ГРАФИНЯ.

Дозволь тогда съ тобою ѣхать намъ,
Не оставляй предчувствіямъ на жертву:
Мнѣ тяжело дышать подъ этимъ сводомъ
И холодомъ гробницы вѣетъ онъ.
Не выразить,—какое отвращенье
Внушилъ мнѣ этотъ замокъ! Увези
Отсюда насъ. Племянница, сестра,
И вы просить его мнѣ помогите.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я измѣню дурныя предвѣщанья,
Оставивъ здѣсь все то, что я люблю.

НЕЙБРУННЪ (*возвращается*).

Явился шведъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ее наединѣ
Оставьте съ нимъ.

(*Уходитъ*).

ГЕРЦОГИНЯ.

Смотри, какъ ты блѣднѣешь,
Съ нимъ говорить не въ силахъ ты, дитя,
Пойдемъ со мной.

ТЭКЛА.

Нейбруннъ вблизи побудетъ.

(*Герцогиня и графиня уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

ТЭКЛА. ШВЕДСКІЙ КАПИТАНЪ. НЕЙБРУННЪ.

КАПИТАНЪ (*почтительно*).

Прошу у васъ прощенія, княжна...
Обмолвился неосторожно я...
Но какъ я могъ?

ТЭКЛА (*съ видомъ, полнымъ достоинствомъ*).

Меня въ моей печали
Вы видѣли. Несчастная случайность
Васъ, бывшаго донынѣ постороннимъ,
Вмигъ сдѣлала повѣреннымъ моимъ.

КАПИТАНЪ.

Боюсь, что видъ мой ненавистенъ вамъ.
Я произнесъ то горестное слово...

ТЭКЛА.

На мнѣ—вина: я вызвала его.
Лишь голосомъ судьбы моей вы были,
Но ужасъ мой прервалъ повѣствованье,
Я васъ прошу, докончить...

КАПИТАНЪ (*нерѣшительно*).

Княжна
Возобновитъ разсказъ мой вашу горесть.

ТЭКЛА.

Нѣтъ, я тверда, хочу я твердой быть.
Какъ началось сраженье? говорите!

КАПИТАНЪ.

Стояли мы по близости Нейштадта,
И лагерь нашъ былъ слабо укрѣпленъ;
Мы приступа не ждали, но съ закатомъ
Пыль тучею отъ лѣса поднималась,
И тотчасъ же развѣдчики промчались,
Крича:—враги!—Едва лишь мы успѣли
Вскочить въ сѣдло—какъ паппенгеймскій полкъ
На всемъ скаку пронесся чрезъ окопы;
Стремительно промчался онъ затѣмъ
И черезъ ровъ—нашъ лагерь окружавшій,
Съ отвагой безразсудною далеко
Оставилъ онъ пѣхоту позади:
Вслѣдъ за вождемъ своимъ неустрашимымъ
Неслись впередъ безстрашно паппенгеймцы.

(*Тэкла вздрагиваетъ, капитанъ умолкаетъ, но она дѣлаетъ ему знакъ продолжать*).

И спереди, и съ фланговъ окруживъ
Ихъ конницею всею, оттѣснили
Мы снова ихъ ко рву, пѣхота наша,
Построившись поспѣшно, лѣсомъ копій
Ихъ встрѣтила: заключены въ тѣснинѣ,
Они впередъ прорваться не могли
И отступить не въ состояньи были.
Тогда Рейнграфъ вождю ихъ предложилъ
Условія почетной сдачи,—но
Полковникъ Пикколомини...

(*Тэкла, пошатнувшись, опирается о стулъ*).

Замѣтный
Среди другихъ по длиннымъ волосамъ,
Которые виднѣлись изъ подъ шлема
И на скаку отъ вѣтра развѣвались—
Горячему коню далъ первый шпоры
И перепрыгнулъ ровъ, а вслѣдъ за нимъ—
И полкъ его. Но тутъ—судьба свершилась
Конь, получивъ ударъ копьемъ, взвился
И, обезумѣвъ, сбросилъ далеко
Онъ всадника,—а вслѣдъ неудержимо
Вся конница промчалась чрезъ него.

(*Тэкла, внимавшая съ возрастающимъ ужасомъ его словамъ, начинаетъ сильно дрожать и готова упасть. Нейбруннъ ее поддерживаетъ*).

НЕЙБРУННЪ.

О, милая княжна!

КАПИТАНЪ *(взволнованный).*

Я удаляюсь.

ТЭКЛА.

Прошло теперь. Кончайте вашъ разсказъ.

КАПИТАНЪ.

Съ паденіемъ вождя—его солдатъ
Отчаянье и ужасъ охватили.
Не думая о собственномъ спасеньѣ,
Они дрались, какъ бѣшеные тигры.
Упорное сопротивленье ихъ
И нашихъ въ свой чередъ ожесточило:
Окончился кровопролитный бой
Лишь съ гибелью послѣдняго солдата.

ТЭКЛА *(дрожащимъ голосомъ).*

А гдѣ же?... Гдѣ?... Вы не договорили...

КАПИТАНЪ *(послѣ краткаго молчанія).*

Сегодня онъ съ зарею погребенъ.
Двѣнадцать юношей родовъ знатнѣйшихъ
Несли его, и войско провожало.
Поверхъ вѣнка изъ лавровъ возложилъ
На гробъ Рейнграфъ свой мечъ побѣдоносный,
И не безъ слезъ онъ преданъ былъ землѣ.
На опытѣ извѣстны многимъ стали
Величіе души его и мягкость.
Удѣлъ его растрогалъ всѣхъ. Рейнграфъ
Желалъ его спасти, но—безуспѣшно:
Какъ говорятъ, онъ умереть желалъ.

НЕЙБРУННЪ *(Тэклѣ, которая закрыла лицо).*

О, милая княжна, лицо откройте!
Зачѣмъ, зачѣмъ настаивали вы?

ТЭКЛА.
Гдѣ онъ похороненъ?

КАПИТАНЪ.
Вблизи Нейштадта,
Поставленъ гробъ въ капеллѣ монастырской,
Пока отецъ извѣстья не пришлетъ.

ТЭКЛА.
Чей монастырь?

КАПИТАНЪ.
Святой Екатерины.

ТЭКЛА.
Какъ далеко отсюда онъ?

КАПИТАНЪ.
Миль семь.

ТЭКЛА.
Гдѣ путь лежитъ?

КАПИТАНЪ.
Минуя Тиршенрейтъ
И Фалькенбергъ, чрезъ шведскіе посты.

ТЭКЛА.
Кто командиръ?

КАПИТАНЪ.
Полковникъ Секкендорфъ.

ТЭКЛА
(подойдя къ туалетному столу, вынимаетъ кольцо).
Вы видѣли меня въ моей печали
И на нее откликнулись вы сердцемъ.
Примите же на память той минуты...
(подаетъ ему кольцо).
Идите и оставьте насъ.

КАПИТАНЪ *(пораженный).*
Княжна!

(Тэкла молча даетъ ему знакъ уйти. Онъ колеблется и хочетъ заговорить. Нейбруннъ повторяетъ движеніе Тэклы. Онъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тэкла. Нейбруннъ.

ТЭКЛА.
Теперь, Нейбруннъ, ту преданность яви,
Въ которой ты клялась мнѣ. Будь моею
Подругою и спутницею вѣрной.
Мы ѣдемъ въ ночь.

НЕЙБРУННЪ.
Куда?

ТЭКЛА.
Одно лишь мѣсто
Осталось въ мірѣ цѣломъ: тамъ, гдѣ онъ
Похороненъ, тамъ, гдѣ его могила.

НЕЙБРУННЪ.
Зачѣмъ, княжна, стремитесь вы туда?

ТЭКЛА.
Несчастная! Зачѣмъ? Когда бъ любила—
Такой вопросъ не задала бы ты!
Тамъ, тамъ все то, что отъ него осталось,
И для меня то мѣсто—цѣлый міръ.
О, не держи меня! Къ побѣгу надо
Готовиться; подумаемъ о средствахъ.

НЕЙБРУННЪ.
Подумайте вы объ отцовскомъ гнѣвѣ.

ТЭКЛА.
Мнѣ болѣе ничей не страшенъ гнѣвъ.

НЕЙБРУННЪ.
А судъ людской? А злыя нареканья?

ТЭКЛА.
Ищу того, кого ужъ нѣтъ на свѣтѣ.
И развѣ я стремлюсь въ его объятья?
Съ нимъ рядомъ лечь въ могилу я хочу.

НЕЙБРУННЪ.
Двѣ женщины безсильныхъ, беззащитныхъ...

ТЭКЛА.
Вооружась, я защищу тебя.

НЕЙБРУННЪ.
Во тьмѣ ночной...

ТЭКЛА.
Она укроетъ насъ.—

НЕЙБРУННЪ.
Въ такую непогоду...

ТЭКЛА.
Мягко ль было
Подъ конскими копытами ему?

НЕЙБРУННЪ.
О, Боже мой! Но шведскіе отряды?
Не пустятъ насъ!

ТЭКЛА.
Враги—такіе жъ люди,
Несчастію—вездѣ свободный доступъ.

НЕЙБРУННЪ.
А дальній путь?

ТЭКЛА.
Ужель считаетъ мили,
Спѣша къ святынѣ дальней, пилигримъ?

НЕЙБРУННЪ.
Какъ выбраться изъ города возможно?

ТЭКЛА.
Откроетъ двери золото. Иди.

НЕЙБРУННЪ.
Узнаютъ насъ.

ТЭКЛА.
Въ страдалицѣ, бѣглянкѣ,—
Дочь герцога Фридланда—кто узнаетъ?

НЕЙБРУННЪ.
А гдѣ найти для бѣгства намъ коней?

ТЭКЛА.
Конюшій мой найдетъ ихъ. Позови
Его сюда.

НЕЙБРУННЪ.
Безъ князя онъ рѣшится ль?

ТЭКЛА.
Исполнитъ все. Не медли же. Иди.
НЕЙБРУННЪ.
А ваша мать? Что будетъ съ ней, когда
Откроется исчезновенье ваше?
ТЭКЛА (*опомнившись, со взглядомъ, полнымъ скорби*).
О, матушка!
НЕЙБРУННЪ.
Она страдала много,
Ужель еще ударъ ее сразитъ?
ТЭКЛА.
Ее спасти я отъ него не властна.
НЕЙБРУННЪ.
Обдумайте, что дѣлать вы хотите.
ТЭКЛА.
Обдумала я все, что было можно.
НЕЙБРУННЪ.
Что станется, скажите, съ вами тамъ?
ТЭКЛА.
Тамъ просвѣтитъ Всевышній сердце мнѣ.
НЕЙБРУННЪ.
Княжна, полно тревоги сердце ваше,
А этотъ путь къ спасенью не ведетъ.
ТЭКЛА.
Къ глубокому—какой обрѣлъ и онъ!
Спѣши, ни слова болѣе! Сама
Не знаю я: съ неудержимой силой—
Что такъ влечетъ меня къ его могилѣ?
Но станетъ мнѣ сейчасъ же легче тамъ.
Печали гнетъ, сжимающей мнѣ душу—
Спадетъ съ нея,—и слезы потекутъ.
Иди! Давно бъ могли мы быть въ дорогѣ.
Покоя не узнаю я, покуда
Изъ этихъ стѣнъ не вырвусь я. Онѣ
Обрушиться готовы на меня,
И мрачный духъ меня отсюда гонитъ.
Мнѣ кажется: весь замокъ населенъ
Безплотными и блѣдными тѣнями,
И болѣе—въ толпѣ ихъ все растущей—
Мнѣ мѣста нѣтъ! Рой призраковъ зловѣщій
Изъ этихъ стѣнъ меня, живую, гонитъ.
НЕЙБРУННЪ.
Вы такъ меня пугаете, княжна,
Что я сама боюсь тутъ оставаться.
Немедленно иду за Розенбергомъ.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТЭКЛА.

Душа его зоветъ меня, и всѣ,
Кто палъ въ бою, чтобъ за него отмстить—
Винятъ меня въ постыдномъ промедленьѣ.
При жизни онъ вождемъ ихъ былъ, и въ смерти
Они пошли за нимъ. Простые люди
Такъ сдѣлали. А я—я буду жить?

Украсившій твой гробъ вѣнокъ лавровый—
И для меня сплетаетъ рокъ суровый.
Что жизнь, когда любви померкнулъ свѣтъ?
Прочь эту жизнь—съ тѣхъ поръ какъ больше нѣтъ
Въ ней главнаго! Сіяющій и новый—
Забрежжилъ мнѣ иного дня разсвѣтъ,
Когда тебя впервые увидала.
О двухъ часахъ блаженныхъ я мечтала,
И съ робостью благоговѣйной я
Вступала въ міръ, гдѣ ты стоялъ у входа,
И сотни солнцъ, блистали съ небосвода.
Ты—свѣтлый духъ: къ вершинамъ бытія
Отъ сказочнаго дѣтства золотого—
Вмигъ вознеслась съ тобой чудесно я.
И райскаго блаженства неземного
Исполнилась я съ этихъ поръ
Въ глубь сердца твоего упалъ мой первый взоръ.
(*Послѣ раздумья продолжаетъ съ отчаяніемъ*).
Но злобный рокъ суровою рукой
Беретъ его, бросаетъ подъ копыта
Несущихся коней, и все разбито:
Прекраснаго таковъ удѣлъ земной.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТЭКЛА. НЕЙБРУННЪ. РОЗЕНБЕРГЪ.

НЕЙБРУННЪ.
Вотъ онъ, княжна. Готовъ онъ все исполнить.
ТЭКЛА.
Ты, Розенбергъ, доставишь намъ коней?
РОЗЕНБЕРГЪ.
Достану.
ТЭКЛА.
Самъ ты ѣдешь вмѣстѣ съ нами?
РОЗЕНБЕРГЪ.
Хотя бъ на край вселенной, ваша свѣтлость.
ТЭКЛА.
Но къ герцогу тебѣ нельзя вернуться.
РОЗЕНБЕРГЪ.
Останусь я при васъ.
ТЭКЛА.
Я дамъ награду
И новую тебѣ доставлю службу.
А можешь ли неузнанными вывесть
Обѣихъ насъ изъ крѣпости.

РОЗЕНБЕРГЪ.

Могу.

ТЭКЛА.

Когда же ѣхать можно?

РОЗЕНБЕРГЪ.

Хоть сейчасъ.

Нашъ путь—куда?

ТЭКЛА.

Скажи ему, Нейбруннъ.

НЕЙБРУННЪ.

Въ Нейштадтъ.

РОЗЕНБЕРГЪ.

Иду, и всѣмъ распоряжусь.

(Уходитъ).

НЕЙБРУННЪ.

Сюда идетъ мать ваша.

ТЭКЛА.

Боже правый!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тэкла. Нейбруннъ. Герцогиня.

ГЕРЦОГИНЯ.

Ушелъ онъ. Ты мнѣ кажешься спокойнѣй.

ТЭКЛА.

Спокойна я. Дозвольте лечь скорѣе
Мнѣ, матушка, и мнѣ Нейбруннъ оставьте;
Я въ отдыхѣ нуждаюсь.

ГЕРЦОГИНЯ.

Отдохни,
Дитя мое. Мнѣ легче на душѣ,
Теперь отца могу я успокоить.

ТЭКЛА.

Спокойной ночи, матушка!

(Кидается ей на грудь и въ сильномъ волненіи обнимаетъ ее).

ГЕРЦОГИНЯ.

Дитя,
Ты все еще въ волненьи... Ты дрожишь;
И чувствую близъ сердца моего
Въ груди твоей какъ сильно сердце бьется.

ТЭКЛА.

Оно во снѣ найдетъ успокоенье.
Покойной ночи, матушка, прости!

(Въ то время, какъ она освобождается изъ объятій матери, занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Комната Буттлера.

ЯВЛЕНІЕ I.

Буттлеръ, Маіоръ Геральдинъ.

БУТТЛЕРЪ.

Лихихъ драгунъ двѣнадцать изберите
И копья имъ раздайте. Все должно
Безъ выстрѣла свершиться. Близъ столовой
Укройте ихъ; когда жъ дадутъ дессертъ—
Ворвитесь въ залъ, крича:—кто вѣренъ здѣсь
Имперіи?—Я опрокину столъ.
Тогда сейчасъ бросайтесь на обоихъ,
Разите ихъ. Всѣ двери на запорѣ
И замокъ охраняется—затѣмъ
Чтобъ слухъ о томъ до князя не достигъ.
Ступайте же. Позвали ль капитана
Вы Деверу и Макдональда?

ГЕРАЛЬДИНЪ.

Оба
Сейчасъ придутъ.

(Уходитъ).

БУТТЛЕРЪ.

Откладывать опасно,
Пристать къ нему готовы горожане:
Безуміе весь городъ охватило,
И въ герцогѣ всѣ видятъ князя мира,
Съ которымъ вѣкъ вернется золотой.
Оружіе успѣлъ раздать совѣтъ,
И сотни ихъ ужъ предлагали князю
Служить ему охраною. Такъ значитъ
Мы дѣйствовать немедленно должны,
Грозятъ враги извнѣ намъ и внутри.

ЯВЛЕНІЕ II.

Буттлеръ. Деверу. Макдональдъ.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Мы, генералъ, явились.

ДЕВЕРУ.

А лозунгъ что?

БУТТЛЕРЪ.

Да здравствуетъ нашъ императоръ!

ОБА *(отступая).*

Какъ?

БУТТЛЕРЪ.

Да здравствуетъ австрійскій домъ!

ДЕВЕРУ.

Но развѣ
Не герцогу мы въ вѣрности клялись?

МАКДОНАЛЬДЪ.

Не для его ль охраны мы явились?

БУТТЛЕРЪ.

Намъ охранять измѣнника, врага
Отечества?

ДЕВЕРУ.

Не ты ли убѣждалъ насъ
Ему служить?

МАКДОНАЛЬДЪ.

Отъ Эгера сюда
Ты слѣдовалъ за нимъ.

БУТТЛЕРЪ.

Я сдѣлалъ это,
Чтобъ тѣмъ его вѣрнѣе погубить.

ДЕВЕРУ.

Ага! Вотъ какъ!

МАКДОНАЛЬДЪ.

Тогда—совсѣмъ другое.

БУТТЛЕРЪ *(къ Деверу)*.

Презрѣнный! Такъ легко ты измѣняешь
И знамени и долгу?

ДЕВЕРУ.

Чортъ возьми!
Я слѣдую лишь твоему примѣру.
Мнѣ думалось: коль скоро негодяемъ
Ты можешь быть, то почему жъ не я?

МАКДОНАЛЬДЪ.

Раздумывать—твое, не наше дѣло,
Ты генералъ и отдаешь приказы,
А мы съ тобой пойдемъ хоть въ самый адъ.

БУТТЛЕРЪ *(смягчаясь)*.

Ну, ладно! Мы другъ друга понимаемъ?

МАКДОНАЛЬДЪ.

Я думаю.

ДЕВЕРУ.

Мы—воины фортуны,
Кто больше дастъ—тому и служимъ.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Такъ.

БУТТЛЕРЪ.

Вы честными должны теперь остаться.

ДЕВЕРУ.

Съ охотою.

БУТТЛЕРЪ.

И счастія достигнуть.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Вдвойнѣ охотно.

БУТТЛЕРЪ.

Слушайте меня.

ОБА.

Мы слушаемъ.

БУТТЛЕРЪ.

Указъ шлетъ императоръ,
Чтобъ герцога живымъ иль мертвымъ взять.

ДЕВЕРУ.

Таковъ указъ.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Ну, да, живымъ иль мертвымъ.

БУТТЛЕРЪ.

Имѣніе и деньги тотъ получитъ,
Кто выполнитъ задуманное дѣло.

ДЕВЕРУ.

Оно звучитъ недурно. Обѣщанья
Идущія *оттуда*—хорошо
Звучатъ всегда, но мы имъ знаемъ цѣну
Пожалуютъ цѣпочкой золотою,
Хромымъ конемъ, пергаментомъ быть можетъ,
Иль чѣмъ нибудь подобнымъ. Нѣтъ, щедрѣе
Намъ платитъ князь.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Онъ щедръ.

БУТТЛЕРЪ.

Теперь ему
Пришелъ конецъ: звѣзда его затмилась.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Навѣрно ли?

БУТТЛЕРЪ.

Я въ этомъ вамъ порукой.

ДЕВЕРУ.

Такъ счастіе покинуло его?

БУТТЛЕРЪ.

Навѣкъ. Онъ бѣденъ такъ же, какъ и мы.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Какъ мы?

ДЕВЕРУ.

Тогда пора его оставить,
Другъ Макдональдъ.

БУТТЛЕРЪ.

Ужъ двадцать тысячъ войска
Оставили его, но мы, товарищъ,
На большее рѣшимся: мы должны
Убить его.

ОБА *(отступая)*.

Убить?

БУТТЛЕРЪ.

Ну, да, убить.
Мой выборъ палъ на васъ двоихъ.

ОБА.

На насъ?

БУТТЛЕРЪ.

На васъ, на капитановъ Макдональда
И Деверу.

ДЕВЕРУ *(помолчавъ)*.

Другого избери.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Другого, да.

БУТТЛЕРЪ *(къ Деверу)*.

Боишься, трусъ? Межъ тѣмъ
Ты загубилъ душъ тридцать.

ДЕВЕРУ.

На вождя
Какъ подниму я руку, посуди!

МАКДОНАЛЬДЪ.
Мы въ вѣрности клялись ему.

БУТТЛЕРЪ.
Измѣной
Освободилъ и васъ отъ клятвы онъ.

ДЕВЕРУ.
Нѣтъ, генералъ, оно ужъ слишкомъ гнусно.

МАКДОНАЛЬДЪ.
Онъ правъ, у насъ вѣдь тоже совѣсть есть!

ДЕВЕРУ.
Вѣдь если бы онъ не былъ полководцемъ!
Привыкли мы ему повиноваться
И чтить его.

БУТТЛЕРЪ.
Такъ вотъ помѣха въ чемъ!

ДЕВЕРУ.
Я всякаго, кого ни пожелаешь—
Готовъ убить. Потребуй императоръ—
Мечомъ своимъ и собственному сыну
Я роспоролъ бы внутренность. Но, видишь,
Мы—воины, и намъ убить вождя—
Такое преступленіе и грѣхъ,
Какихъ монахъ не могъ бы ни одинъ
Намъ отпустить.

БУТТЛЕРЪ.
Я—папа твой, и грѣхъ
Я отпустить готовъ тебѣ. Рѣшайся.

ДЕВЕРУ (*стоитъ въ раздумьи*).
Нельзя.

МАКДОНАЛЬДЪ.
Никакъ нельзя.

БУТТЛЕРЪ.
Тогда ступайте,
И мнѣ сейчасъ пришлите Песталуцца.

ДЕВЕРУ (*останавливается*).
Гмъ! Песталуццъ!

МАКДОНАЛЬДЪ.
Онъ для чего тебѣ?

БУТТЛЕРЪ.
Когда вы не желаете—найдется
Достаточно другихъ...

ДЕВЕРУ.
Нѣтъ, если пасть
Должно ему, то заслужить награду
Не хуже мы съумѣемъ, чѣмъ другіе.
Какъ думаешь, товарищъ Макдональдъ?

МАКДОНАЛЬДЪ.
Да, если пасть онъ долженъ и падетъ—
Не уступлю я дѣло Песталуццу.

ДЕВЕРУ (*послѣ нѣкотораго раздумья*).
Когда же пасть онъ долженъ?

БУТТЛЕРЪ.
Въ эту ночь.
Здѣсь у воротъ съ зарею будутъ шведы.

ДЕВЕРУ.
Ты, генералъ, за все въ отвѣтѣ будешь?

БУТТЛЕРЪ.
Въ отвѣтѣ я за все.

ДЕВЕРУ.
Но императоръ
Достаточно ль опредѣленно ясно
Самъ изъявилъ свою на это волю?
Примѣры есть, когда убійство любятъ,
Убійцу же караютъ.

БУТТЛЕРЪ.
Тѣмъ указомъ
Возвѣщено: живымъ иль мертвымъ! Взять
Его живымъ—немыслимо, такъ значитъ...

ДЕВЕРУ.
Онъ будетъ мертвъ. Но какъ къ нему про-
никнуть?
Вѣдь Терцкаго солдаты городъ весь
Наполнили.

МАКДОНАЛЬДЪ.
А съ Терцкимъ также Илло.

БУТТЛЕРЪ.
Мы съ этихъ двухъ понятно и начнемъ.

ДЕВЕРУ.
Какъ? И оні погибнутъ?

БУТТЛЕРЪ.
Раньше всѣхъ.

МАКДОНАЛЬДЪ.
Ну, Деверу, кровавый будетъ вечеръ!

ДЕВЕРУ.
Кому же далъ ты порученье это?
Назначь меня.

БУТТЛЕРЪ.
Маіору Геральдину,
Справляется сегодня карнавалъ,
И потому здѣсь въ замкѣ будетъ ужинъ.
Мы окружимъ сидящихъ за столомъ
И кинемся на нихъ. При этомъ будутъ
И Песталуццъ и Лесли.

ДЕВЕРУ.
Генералъ!
Постой, тебѣ вѣдь это все равно!
Дозволь занять мнѣ мѣсто Геральдина.

БУТТЛЕРЪ.
Но съ герцогомъ вдвойнѣ опасность меньше.

ДЕВЕРУ.
Опасный? Чортъ! послушай, генералъ,
Ты за кого меня считаешь? Герцогъ
Внушаетъ страхъ мнѣ взоромъ, не мечомъ.

БУТТЛЕРЪ.
Какъ повредитъ тебѣ онъ можетъ взоромъ?

ДЕВЕРУ.
О, тысяча чертей! Тебѣ извѣстно,
Что я не трусъ, но, видишь, нѣтъ недѣли,
Какъ мнѣ послалъ онъ двадцать золотыхъ
Съ тѣмъ, чтобъ камзолъ себѣ купилъ я
теплый.
Когда жъ меня съ копьемъ увидитъ онъ

И вслѣдъ за тѣмъ взоръ на камзолъ опустить,—
То, видишь, я... Чортъ, побери меня,
Хоть я не трусъ...

БУТТЛЕРЪ.

И такъ изъ за камзола
Его, бѣднякъ, пронзить страшишься ты?
Но герцогская мантія, которой
Пожаловалъ его самъ императоръ,—
Еще теплѣй камзола. За нее же
Чѣмъ платитъ онъ? Измѣной, мятежемъ!

ДЕВЕРУ.

А что жъ? Ты правъ! Ну, къ чорту благодарность.
Я, я убью его...

БУТТЛЕРЪ.

А если совѣсть
Ты усмирить желаешь, то предъ тѣмъ
Сними камзолъ,—и все легко сойдетъ.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Еще кой что намъ слѣдуетъ обдумать.

БУТТЛЕРЪ.

Что слѣдуетъ обдумать, Макдональдъ?

МАКДОНАЛЬДЪ.

Оружіе въ борьбѣ съ нимъ не поможетъ.
Онъ закаленъ, и не боится ранъ.

БУТТЛЕРЪ *(горячась)*.

Что можетъ онъ?...

МАКДОНАЛЬДЪ.

Отъ пули и меча
Завороженъ бѣсовскою онъ силой,
Я говорю, что онъ *непроницаемъ*.

ДЕВЕРУ.

Такого же знавалъ я въ Ингольштадтѣ,
Желѣзную совсѣмъ имѣлъ онъ кожу:
Пришлось его прикладами добить.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Вотъ что хочу я сдѣлать.

ДЕВЕРУ.

Говори.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Въ обители доминиканца знаю
Я одного изъ нашей стороны,
Онъ окропитъ святою мнѣ водою
Копье и мечъ, и накрѣпко оружье
Благословитъ. Отъ самыхъ сильныхъ чаръ
Оно всегда, я слышалъ, помогаетъ.

БУТТЛЕРЪ.

Такъ, Макдональдъ, и сдѣлай. Ну, ступайте!
Возьмите же изъ вашего полка
Вы двадцать—тридцать сильныхъ молодцовъ
И присягнуть заставьте ихъ. Когда
Одиннадцать пробьетъ, и свой обходъ
Уже закончатъ первые патрули—
Ведите ихъ, возможно тише, къ замку,
Я буду самъ по близости.

ДЕВЕРУ.

Но какъ же
Пробьемся мы сквозь тѣ отряды стражи,
Которые во внутреннемъ дворѣ?

БУТТЛЕРЪ.

Извѣстно мнѣ расположенье замка,
Я проведу васъ въ заднія ворота,
Хранимыя однимъ лишь часовымъ.
Мой чинъ и должность право мнѣ даютъ
Во всякій часъ входить свободно къ князю.
Пройдя впередъ, я часовому въ горло
Кинжалъ воткну, и путь открою вамъ.

ДЕВЕРУ.

Но наверху въ опочивальню князя
Какъ мы войдемъ, не разбудивъ людей,
Которые навѣрно шумъ поднимутъ?
Вѣдь онъ сюда прибылъ съ большою свитой.

БУТТЛЕРЪ.

Помѣщены въ пристройкѣ правой слуги,
Онъ ненавидитъ шумъ, и занимаетъ
Совсѣмъ одинъ все лѣвое крыло.

ДЕВЕРУ.

Когда бы все минуло, Макдональдъ!
Свидѣтель чортъ, мнѣ на душѣ неладно.

МАКДОНАЛЬДЪ.

И также мнѣ. Великій человѣкъ!
Мы прослывемъ злодѣями повсюду.

БУТТЛЕРЪ.

Окружены почетомъ и богатствомъ,
Вы можете смѣяться надъ молвой.

ДЕВЕРУ.

Придется ль быть въ почетѣ—сомнѣваюсь.

БУТТЛЕРЪ.

Напрасная тревога! Фердинанду
Спасите вы и царство, и вѣнецъ,
Не можетъ быть ничтожною награда.

ДЕВЕРУ.

Такъ онъ хотѣлъ лишить его престола?

БУТТЛЕРЪ.

Ну, да. Отнять его вѣнецъ и жизнь.

ДЕВЕРУ.

И съ нимъ палачъ покончитъ, если бъ въ Вѣну
Его живымъ доставить удалось.

БУТТЛЕРЪ.

Ему судьбы не избѣжать подобной.

ДЕВЕРУ.

Идемъ же, другъ. Пусть онъ умретъ, какъ вождь,
Отъ рукъ солдатъ пусть съ честью онъ погибнетъ.

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

(Комната, примыкающая къ галлереѣ, которая далеко уходитъ въ глубину).

[В]алленштейнъ *сидитъ у стола; передъ [н]имъ шведскій капитанъ. Вскорѣ затѣмъ входитъ* **графиня Терцки.**

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

[П]ривѣтъ снесите вашему вождю.
[С]очувствую вполнѣ его удачамъ,
[И] если вамъ выказываю радость
[М]еньшую, чѣмъ требуетъ побѣда—
[В]иной тому не дружбы недостатокъ.
[С]оединились наши двѣ судьбы.
[П]ростите же. За трудъ благодарю.
[В]ы явитесь и я открою крѣпость.

(Капитанъ уходитъ. Валленштейнъ продолжаетъ сидѣть, облокотясь на руку, погруженный въ глубокое раздумье. Графиня входитъ и долго, незамѣченная имъ, стоитъ передъ герцогомъ. Наконецъ онъ дѣлаетъ движеніе, замѣчаетъ ее и тотчасъ принимаетъ спокойный видъ).

Ты отъ нея? Ей лучше? Что она?

ГРАФИНЯ.

Принявъ гонца, она спокойнѣй стала,
Сказала мнѣ сестра. Теперь она
Уже легла въ постель.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Смягчится вскорѣ
Отчаянье ея. Она заплачетъ.

ГРАФИНЯ.

Братъ! И тебя не прежнимъ нахожу.
Я думаю, что болѣе веселымъ
Ты станешь, вѣсть услышавъ о побѣдѣ.

Останься твердъ, и поддержи въ насъ бодрость,
Молю тебя. Ты—свѣтъ и солнце наше!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Спокойна будь. Я твердъ. Но гдѣ супругъ твой?

ГРАФИНЯ.

Онъ приглашенъ на праздникъ вмѣстѣ съ Илло.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(встаетъ и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ).

Настала ночь глубокая. Въ покои
Свои ступай.

ГРАФИНЯ.

Не отсылай меня.
Дозволь побыть съ тобою.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(подойдя къ окну).*

Въ небесахъ
Тревожное движенье происходитъ,
И пó вѣтру на башнѣ вьется знамя.
Съ поспѣшностью несутся въ небѣ тучи,
И серпъ луны колеблется, трепещетъ,
Неясный свѣтъ во мракѣ ночи блещетъ,
Но не видать свѣтилъ. Кассіопея
Струитъ одна какой то тусклый блескъ.
Тамъ долженъ быть Юпитеръ, но его
Окутываетъ мракъ небесъ ненастныхъ.

(Погружается въ раздумье и пристально смотритъ на небо).

ГРАФИНЯ.

О чемъ твое раздумье?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мнѣ сдается,
Что если бы его увидѣлъ я,
То легче бы мнѣ сдѣлалось на сердцѣ,
Онъ въ жизни мнѣ сіялъ, и укрѣплялся
Я духомъ вновь при взглядѣ на него.

(Молчаніе).

ГРАФИНЯ.

Его опять увидишь ты.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

(впавшій опять въ задумчивость, быстро обращается къ графинѣ).

Его?
Нѣтъ, никогда.

ГРАФИНЯ.

Но почему?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Онъ—тамъ.
Онъ прахомъ сталъ.

ГРАФИНЯ.

О комъ ты говоришь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Счастливѣй—онъ. Все въ жизни онъ покончилъ,
Нѣтъ для него грядущаго; сѣтей
Ему судьба не разставляетъ больше,
И жизнь его гладка, свѣтла, на ней
Ни одного нѣтъ темнаго пятна,
Не угрожаетъ бой часовъ бѣдою;
Онъ выше всѣхъ желаній и тревогъ,
Измѣнчивымъ планетамъ не подвластенъ.
Да, счастливъ онъ, межъ тѣмъ какъ мы не знаемъ,
Что намъ несетъ и что сулитъ грядущій,
Окутанный покровомъ темнымъ часъ.

ГРАФИНЯ.

Ты говоришь о Максѣ? Какъ онъ умеръ?
Я встрѣтила гонца, входя къ тебѣ.

(Валленштейнъ движеніемъ руки проситъ ее замолчать).

Къ минувшему не обращай ты взора,
Смотри впередъ—гдѣ свѣтлый день сіяетъ
И радуйся побѣдѣ, забывая,
Какой цѣною куплена она.
Вѣдь друга ты теряешь не сегодня:
Простясь съ тобой, онъ умеръ для тебя.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я вынесу ударъ, я знаю это.
Чего снести не сможетъ человѣкъ?
Отъ высшаго и низшаго отвыкнуть
Съумѣетъ онъ, надъ нимъ всевластно время,
Но знаю я, чего я въ немъ лишился.
Завялъ цвѣтокъ, что красилъ жизнь мою,
Она теперь безцвѣтна, холодна—
Лежитъ передо мной. Пока стоялъ
Онъ близъ меня, какъ молодость моя—
Дѣйствительность онъ превращалъ въ мечту
И дымкою разсвѣта золотистой
Все грубое и рѣзкое скрывалъ.
И образы вседневной жизни нашей
Безцвѣтные и плоскіе—въ лучахъ
Любви его—чудесно оживали.
Чего бы я въ грядущемъ ни достигъ—
Прекрасное погибло безъ возврата.
Другъ истинный—всего дороже: счастье
Онъ создаетъ, и раздѣляя съ нами,
Онъ счастіе тѣмъ самымъ умножаетъ.

ГРАФИНЯ.

Изъ собственнаго сердца черпай силы,
Которыхъ въ немъ достаточно для жизни.
Въ умершемъ любишь добродѣтель ты,
Привитую, взрощенную тобою.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(идетъ къ двери).*

Въ столь поздній часъ кто потревожилъ насъ?
А, комендантъ—съ ключами крѣпостными.
Иди, сестра, оставь насъ. Полночь скоро,

ГРАФИНЯ.

Сегодня мнѣ такъ тяжко разставаться
Съ тобою, братъ, и страхъ меня томитъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Страхъ? Почему?

ГРАФИНЯ.

Покинуть насъ поспѣшно
Ты можешь въ ночь, и пробудясь съ зарей,
Мы не найдемъ тебя.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Воображенье!

ГРАФИНЯ.

Давно уже душа моя томится
Зловѣщими предчувствіями! Ихъ
Я на яву стараюсь побороть,
Но въ ночь они мучительными снами
Смущенное тревожатъ сердце мнѣ.
Вчера ты мнѣ приснился; за столомъ
Въ блистательномъ уборѣ возсѣдалъ
Ты съ первою супругою твоею.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Твой сонъ сулитъ желаній исполненье:
Тотъ бракъ—начало счастья моего.

ГРАФИНЯ.

А нынче мнѣ привидѣлось: какъ будто
Къ тебѣ сюда взошла я, но при входѣ
Исчезло все, и увидала я
Лишь монастырь картезіанскій тотъ,
Что въ Гитчинѣ тобою былъ построенъ
И гдѣ желалъ ты быть похороненнымъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Намъ снится то, что занимаетъ мысли.

ГРАФИНЯ.

Не вѣришь ты, что въ сновидѣньяхъ насъ
Пророческій остерегаетъ голосъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Подобные бываютъ голоса,
Сомнѣній нѣтъ. Но голосомъ предчувствій
Я не хотѣлъ назвать бы тѣ изъ нихъ,
Которые лишь о *неотвратимомъ*
Вѣщаютъ намъ. Какъ солнца обликъ свѣтлый
Рисуется въ туманѣ раньше, чѣмъ
Взошло оно—событіямъ великимъ
Предшествуютъ ихъ духи. Заключаетъ
День нынѣшній въ себѣ—грядущій день.
Смерть Генриха четвертаго всегда
Особыя во мнѣ рождала мысли.
За много дней предъ тѣмъ какъ Равальякъ
Взялъ въ руки ножъ—почувствовалъ король
Въ груди своей холодный призракъ стали.
Взволнованный покинулъ онъ дворецъ,
Обрядъ коронованія супруги—
Звучалъ ему заупокойнымъ звономъ,
Въ предчувствіи онъ слышалъ шумъ шаговъ,
Которые по улицамъ Парижа
Какъ будто бы вездѣ его искали.

ГРАФИНЯ.

Ну, а теперь предчувствіе молчитъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да. Успокойся.

ГРАФИНЯ (*погруженная въ мрачное раздумье*).

Снилось мнѣ еще,
Что за тобой въ волненьи я бѣжала,
А ты спѣшилъ по длиннымъ переходамъ,
Чрезъ цѣлый рядъ громадныхъ залъ, которымъ,
Казалось мнѣ, не будетъ и конца,—
И съ грохотомъ захлопывались двери.
Едва дыша, бѣжала я, не въ силахъ
Тебя догнать. Внезапно позади
Холодная рука меня схватила—
Ты это былъ, ты далъ мнѣ поцѣлуй,
И красный сводъ вознесся вдругъ надъ нами.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Припомнился тебѣ коверъ мой красный.

ГРАФИНЯ (*пристально глядитъ на него*).

Что если бы до этого дошло?
Что если бъ ты, стоящій предо мною
Въ разцвѣтѣ силъ?...

(*рыдая падаетъ въ его объятія*).

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Указа государя
Страшишься ты? Но буквою убить
Не можетъ онъ, а рукъ онъ не найдетъ.

ГРАФИНЯ.

А если бъ и нашелъ—мое рѣшенье
Я приняла. Я при себѣ ношу
То, что должно мнѣ утѣшенье дать.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ. ГОРДОНЪ, *потомъ* КАММЕРДИНЕРЪ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Спокоенъ городъ?

ГОРДОНЪ.

Въ городѣ спокойно.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мнѣ музыка слышна, и замокъ весь
Горитъ въ огняхъ. Кто это веселится?

ГОРДОНЪ.

Фельдмаршалу и графу Терцки пиръ
Дается тамъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (*про себя*).

По случаю побѣды,
Они всегда умѣли веселиться
Лишь за столомъ.

(*Звонитъ. Входитъ каммердинеръ*).

Раздѣнь меня, я лягу.
(Беретъ ключи).
Отъ всѣхъ враговъ мы безопасны нынѣ,
И съ вѣрными друзьями затворились.
Иль всѣми я обманутъ, иль черты
Подобныя не могутъ быть личиной
Притворщика.
(Каммердинеръ снимаетъ съ него мантію, знаки отличія и шарфъ).
Постой, что тамъ упало?

КАММЕРДИНЕРЪ.

Разорвалась цѣпь золотая.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Долго
Служила мнѣ она. Подай сюда.
(Разсматриваетъ цѣпь).
Эрцгерцогомъ еще въ войнѣ Фріульской,
Какъ милости высокой первый знакъ—
Пожаловалъ ее мнѣ императоръ.
До нынѣшняго дня я по привычкѣ,
А можетъ быть—изъ суевѣрья тоже,
Носилъ ее, какъ счастья талисманъ,
Чтобъ приковать измѣнчивое счастье,
Котораго онъ былъ залогомъ первымъ.
Да будетъ такъ. Отнынѣ мы должны
Завоевать себѣ другое счастье:
Мой талисманъ свою утратилъ силу.

(Каммердинеръ, взявъ платье, уходитъ. Валленштейнъ, пройдясь по комнатѣ, останавливается передъ Гордономъ).

Какъ близко мнѣ становится былое?
Себя опять въ Бургау вижу я,
Гдѣ были мы пажами при дворѣ.
Мы ссорились нерѣдко; ты, добра
Желая мнѣ, читалъ нравоученья,
Бранилъ меня за то, что безгранично
Къ высокому стремился я, лелѣя
Въ душѣ своей отважныя мечты.
Ты восхвалялъ посредственность златую.
И что жъ дала тебѣ такая мудрость?
Состарясь преждевременно, во мракѣ
Угасъ бы ты—когда бъ не озарило
Тебя моихъ великихъ звѣздъ сіянье.

ГОРДОНЪ.

О, ваша свѣтлость! Къ пристани безъ страха
Ведетъ рыбакъ ладью свою, увидѣвъ
Крушеніе большого корабля.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ты, старина, у пристани надежной?
Я—нѣтъ. Ношусь съ неослабѣвшимъ духомъ,
Исполненъ силъ, по жизненнымъ волнамъ.
Надежду все еще зову богиней.
Духъ—вѣчно молодъ. Если стану рядомъ
Съ тобою я, могу сказать я смѣло:
Надъ головой моей непосѣдѣвшей
Десятки лѣтъ безслѣдно пронеслись.
(Большими шагами ходитъ по комнатѣ, затѣмъ останавливается противъ Гордона по другую сторону сцены).
Кто счастіе невѣрнымъ называетъ?
Оно всегда мнѣ оставалось вѣрнымъ.
Возвысивши съ любовью надъ толпой,
Оно легко, съ божественною силой
Вело меня по жизненнымъ ступенямъ.
Въ судьбѣ моей все такъ же необычно,
Какъ въ линіяхъ руки моей. Кто смѣетъ
И жизнь мою судить по общей мѣркѣ?
Теперь кажусь я павшимъ глубоко,
Но близко возвышенье. За отливомъ
Идетъ опять могучихъ волнъ приливъ.

ГОРДОНЪ.

Пословица на память мнѣ приходитъ:
День не хвали до наступленья ночи!—
Не въ счастіи питать надежду можно;
Несчастію ниспослана она,
Страхъ осѣнять чело счастливыхъ долженъ,
Всегда судьбы колеблются вѣсы.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(съ улыбкою).*

Я прежняго Гордона узнаю.
Мнѣ вѣдомо: непрочно все земное
И платятъ всѣ враждебнымъ силамъ дань.
Язычникамъ извѣстно это было,
Себя они страданью обрекали,
Чтобъ усмирить завистливыхъ боговъ,
И приносились жертвы предъ Тифономъ.
(Помолчавъ, тихо и серьезно).
И я принесъ имъ жертву. Палъ любимый,
Мой лучшій другъ, и—по моей винѣ.
И счастіе не можетъ никакое
Такъ радовать меня—какъ опечалилъ
Меня ударъ. Умилостивленъ рокъ
Завистливый, берущій жизнь за жизнь.
Надъ головой невинной разразился
Ударъ молніеносный, угрожавшій
Меня собой во прахъ испепелить.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. Сени.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не Сени ли идетъ? И такъ взволнованъ!
Что привело тебя въ столь поздній часъ?

СЕНИ.

Страхъ за тебя, свѣтлѣйшій.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Что такое?

СЕНИ *(возвышая голосъ).*

Спасайся, князь, до наступленья утра!
Не довѣряйся шведамъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Почему?

СЕНИ.

Не ожидай прихода шведовъ. Близкой
Грозятъ бѣдой коварные друзья
И знаменья зловѣщи. Близко, близко
Тебѣ грозитъ погибельная сѣть.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ты грезишь? Ты отъ страха обезумѣлъ?

СЕНИ.

Нѣтъ, не пустой тревогой я обманутъ.
Пойдемъ, прочти въ созвѣздьяхъ. Угрожаютъ
Бѣдой тебѣ коварные друзья.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Они—моихъ несчастій всѣхъ причина.
Но предостереженье опоздало.
Мнѣ болѣе свѣтила не нужны.

СЕНИ.

Пойдемъ, взгляни. Повѣрь глазамъ своимъ.
Зловѣщій знакъ въ жилищѣ жизни виденъ,
И близкій врагъ, скрываясь за лучами
Звѣзды твоей—тебя подстерегаетъ.
Остерегись; язычникамъ не вѣрь,
Они—враги священной церкви нашей.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(улыбаясь)*.

Вотъ почему заговорилъ оракулъ!
Припоминаю: съ шведами союзъ
Не нравился тебѣ. Ступай, Баптисто,
И спать ложись. Не страшны эти знаки.

ГОРДОНЪ *(сильно взволнованный этимъ разговоромъ, Валленштейну)*.

Свѣтлѣйшій князь, могу ль я говорить?
Изъ недостойныхъ устъ порой исходитъ
Спасенья рѣчь.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Свободно говори.

ГОРДОНЪ.

Свѣтлѣйшій князь, а если страхъ его—
Не призрачный, а промыселъ Господень
Вѣщаетъ въ немъ—для вашего спасенья?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ горячкѣ—вы: какъ тотъ, такъ и другой.
Какое зло мнѣ могутъ сдѣлать шведы?
Ихъ выгода—искать со мной союза.

ГОРДОНЪ.

Но если бы ихъ самое прибытье
Ускорило погибель, что витаетъ
Надъ головою вашей, чуждой страха?..

(Падаетъ на колѣни).

Еще есть время, герцогъ...

СЕНИ *(также становясь на колѣни)*.

О, послушай,
Его послушай!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Время? Для чего?
Но, встаньте, я приказываю встаньте.

ГОРДОНЪ *(встаетъ)*.

Рейнграфъ еще далеко. Прикажите—
И для него я крѣпость затворю.
Пусть осадить попробуетъ: скорѣе
Онъ здѣсь падетъ со всѣмъ своимъ отрядомъ,
Чѣмъ твердость въ насъ и мужество осилитъ.
Узнаетъ онъ: что можетъ горсть героевъ,
Героемъ предводимая—свершить,
Желающимъ загладить свой проступокъ.
Растроганный, смягчится императоръ,
Онъ къ милости всегда душою склоненъ.
Вернувшійся съ раскаяньемъ Фридландъ—
Поднимется на высшую ступень,
Чѣмъ онъ стоялъ до своего паденья.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ *(смотритъ на него съ выраженіемъ отчужденія и удивленія, затѣмъ говоритъ, выказывая сильное внутреннее волненіе)*.

Гордонъ! Зашли въ усердьѣ вы далеко,
Но другу дѣтства извиняю я.
Кровь пролилась, Гордонъ и мнѣ простить
Не можетъ императоръ. Если бъ даже
Онъ и простилъ—я не приму прощенья.
Но если бъ я предвидѣлъ, что все это
Любимаго мнѣ будетъ стóить друга,
И, какъ теперь, во мнѣ вѣщало сердце—
Я можетъ быть раздумалъ бы... Возможно!
А можетъ быть—и нѣтъ. Зато теперь
Что мнѣ щадить? Начало—слишкомъ важно,
Чтобъ кончиться ничѣмъ оно могло.
Пускай же все идетъ своимъ порядкомъ.

(Подходитъ къ окну).

Настала ночь, и въ замкѣ все затихло.
Свѣти мнѣ.

(Каммердинеръ, который тѣмъ временемъ безшумно вошелъ и съ видимымъ участіемъ слѣдилъ издали за разговоромъ, въ сильномъ волненіи падаетъ къ ногамъ герцога).

Какъ? И ты о томъ же просишь?
Но знаю я, зачѣмъ желаешь мира
Ты между мной и государемъ. Бѣдный!
Есть у него въ Каринтіи земля,
И вотъ ее онъ потерять боится
За то, что мнѣ служилъ. Но неужели
Такъ бѣденъ я, что болѣе не въ силахъ
Служителю утрату возмѣстить?
Я никого неволить не хочу;
Коль скоро полагаешь ты, что счастьемъ
Покинутъ я—оставь меня и ты.
Въ послѣдній разъ раздѣнь меня сегодня,

А тамъ идти ты можешь къ государю.
Теперь, Гордонъ, покойной ночи. Нынче
Я думаю, что долго буду спать:
Измученъ я волненьемъ дней послѣднихъ.
Пускай меня не будятъ слишкомъ рано.

(Уходитъ. Каммердинеръ свѣтитъ, Сени идетъ вслѣдъ за нимъ. Гордонъ остается въ темнотѣ, провожая герцога глазами, покуда тотъ не исчезаетъ за поворотомъ крайней аллереи. Онъ жестами выражаетъ свое отчаяніе и прислоняется къ одной изъ колоннъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Оордонъ. Буттлеръ *(сначала за сценой).*

БУТТЛЕРЪ.

Гстаньтесь тутъ, покуда знакъ подамъ.

ГОРДОНЪ.

Да, это онъ! ведетъ убійцъ.

БУТТЛЕРЪ.

Огни
Погашены, все спитъ глубокимъ сномъ.

ГОРДОНЪ.

Что сдѣлать мнѣ? Спасти его пытаться?
Домашнихъ всѣхъ и стражу разбудить?

БУТТЛЕРЪ *(появляясь въ глубинѣ).*

Изъ галлереи, что въ герцога ведетъ
Опочивальню, виденъ свѣтъ.

ГОРДОНЪ.

Но этимъ
Я не нарушу ль вѣрность государю?
А если онъ, освободясь, бѣжитъ
И тѣмъ враговъ могущество усилитъ—
Не на себя ль послѣдствія несчастья
Я навлеку?

БУТТЛЕРЪ *(приближаясь).*

Стой! Кто то говоритъ!

ГОРДОНЪ.

Нѣтъ, лучше пусть рѣшаютъ небеса.
Мнѣ ль быть судьей въ такомъ великомъ дѣлѣ?
Погибнетъ онъ—не я его убійца,
А если онъ спасется, я—спаситель.
И долженъ быть за все въ отвѣтѣ я.

БУТТЛЕРЪ *(выходя).*

Я знаю голосъ.

ГОРДОНЪ.

Буттлеръ!

БУТТЛЕРЪ.

А, Гордонъ,
Зачѣмъ вы здѣсь? Иль герцогъ отпустилъ
Такъ поздно васъ?

ГОРДОНЪ.

Рука у васъ въ повязкѣ?

БУТТЛЕРЪ.

Я раненъ былъ. Ужъ дрался этотъ Илло
Отчаянно, пока не палъ на мѣстѣ.

ГОРДОНЪ *(вздрогнувъ).*

Убили ихъ?

БУТТЛЕРЪ.

Свершилось. Герцогъ легъ?

ГОРДОНЪ.

О, Буттлеръ!

БУТТЛЕРЪ *(настойчиво).*

Говорите! Онъ въ постели?
Недолго все остаться можетъ втайнѣ.

ГОРДОНЪ.

Онъ не умретъ! Не вы его убьете!
Вѣдь небеса отвергли вашу руку:
Вы ранены.

БУТТЛЕРЪ.

Моей руки не нужно.

ГОРДОНЪ.

Виновные погибли, правосудье
Свершилося: съ него довольно жертвъ.

(Каммердинеръ проходитъ по галлереѣ, приложивъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія).

Онъ спитъ, святого сна не убивайте!

БУТТЛЕРЪ.

Нѣтъ, на яву падетъ онъ.

ГОРДОНЪ.

Духъ его
Еще къ земному слишкомъ тяготѣетъ:
Онъ не готовъ предъ господомъ явиться.

БУТТЛЕРЪ.

Богъ милосердъ.

(Хочетъ идти).

ГОРДОНЪ.

Хоть ночь ему оставьте!

БУТТЛЕРЪ.

Мгновеніе одно насъ выдать можетъ.

ГОРДОНЪ.

Одинъ лишь часъ!

(Удерживаетъ его).

БУТТЛЕРЪ.

Пустите! Что за польза
Въ отсрочкѣ краткой?

ГОРДОНЪ.

Время—богъ чудесъ!
Въ теченье часа тысячи песчинокъ
Вращаются, съ такой же быстротой
И помыслы роятся въ человѣкѣ!
Одинъ лишь часъ! Все можетъ измѣниться
И въ васъ, и въ немъ. Придти извѣстье можетъ,
Спасти его—нисполанное небомъ—

Нежданное счастливое событье!
Чего свершить не можетъ часъ одинъ?

БУТТЛЕРЪ.

Напомнилъ ты, что дороги минуты.
(Топаетъ ногой).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Макдональдъ. Деверу *съ аллебардщиками, затѣмъ* **каммердинеръ. Тѣ же.**

ГОРДОНЪ *(бросаясь между Буттлеромъ и ими).*

Нѣтъ, извергъ! Ты по моему лишь трупу
Пройдешь къ нему! Я пережить злодѣйство
Не въ состояньи.

БУТТЛЕРЪ *(отстраняя его).*

Слабоумный старецъ!
(Издали слышенъ звукъ трубъ).

МАКДОНАЛЬДЪ И ДЕВЕРУ.

То шведскіе сигналы! Подступаетъ
Къ воротамъ шведъ. Спѣшимъ туда.

ГОРДОНЪ.

О, Боже!

БУТТЛЕРЪ.

Скорѣй! На постъ вашъ, комендантъ!
(Гордонъ убѣгаетъ).

КАММЕРДИНЕРЪ *(поспѣшно входитъ).*

Кто смѣетъ
Здѣсь такъ шумѣть? Молчите! Герцогъ спитъ.

ДЕВЕРУ *(громовымъ голосомъ).*

Теперь какъ разъ пора шумѣть!

КАММЕРДИНЕРЪ *(съ крикомъ).*

На помощь!
Убійцы!

БУТТЛЕРЪ.

Съ нимъ покончить!

КАММЕРДИНЕРЪ *(заколотый Деверу, падаетъ у входа на галлерею).*

Іисусе!
Марія-Дѣва!

БУТТЛЕРЪ.

Выломайте двери!

(Идутъ въ галлерею черезъ трупъ. Слышно, какъ одна за другою падаютъ двѣ двери. Глухой шумъ, звонъ оружія, затѣмъ вдругъ—полная тишина).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Графиня Терцки *(со свѣчею).*

Пуста ея опочивальня: нѣтъ
Ея нигдѣ, исчезла и Нейбруннъ,
Которая была при ней. Бѣжала?...
Куда могла бѣжать она? Погоню
Послать скорѣй! Всѣхъ въ домѣ разбудить!
Какъ вынесетъ вѣсть роковую герцогъ?
Когда бъ мой мужъ уже вéрнулся съ пира!
Заснулъ ли герцогъ? Показалось мнѣ,
Что голоса я слышу и шаги...
Пойду туда, прислушаюсь у входа.
Чу! кто спѣшитъ по лѣстницѣ наверхъ

ЯВЛЕНІЕ IX.

Графиня. Гордонъ, *потомъ* **Буттлеръ.**

ГОРДОНЪ *(вбѣгаетъ задыхаясь).*

Ошибка—все. Не шведы это!... Буттлеръ!
Вы не пойдете дальше! Боже правый!
Но гдѣ же онъ?
(Замѣтивъ графиню).
Скажите мнѣ, графиня...

ГРАФИНЯ.

Изъ крѣпости пришли вы? Гдѣ мой мужъ?

ГОРДОНЪ *(ужаснувшись).*

Вашъ мужъ? Меня не спрашивайте вы.
Идите.
(Хочетъ идти).

ГРАФИНЯ *(удерживая его).*

Нѣтъ, не раньше чѣмъ ...н

ГОРДОНЪ *(торопливо).*

Но этотъ мигъ рѣшаетъ участь міра.
Идите, ради Господа... Покуда
Мы говоримъ—о Боже!..
(Громко кричитъ).
Буттлеръ! Буттлеръ!

ГРАФИНЯ.

Онъ въ крѣпости—съ моимъ супругомъ вмѣстѣ.
(Буттлеръ показывается изъ галлереи).

ГОРДОНЪ *(замѣтивъ его).*

Ошибка—все! Не шведы ворвались—
Имперскія войска проникли въ крѣпость,
И генераломъ Пикколомини
Я посланъ къ вамъ—сказать, что онъ прибудетъ.
Вы не пойдете дальше...

БУТТЛЕРЪ.

Слишкомъ поздно.

ГОРДОНЪ (*пошатнувшись, прислоняется къ стѣнѣ*).

О, милссердный Богъ!

ГРАФИНЯ (*охваченная предчувствіемъ*).

Что слишкомъ поздно?
Кто будетъ здѣсь? Сюда ворвался въ Эгеръ
Октавіо? Предательство! Гдѣ герцогъ?
(*Спѣшитъ къ выходу*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же. Сени, *потомъ* бургомистръ. Пажъ. Каммерфрау. Слуги *испуганно бѣгутъ черезъ сцену*.

СЕНИ (*выходя изъ галлереи, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ*).

Кровавое, чудовищное дѣло!

ГРАФИНЯ.

Что, что случилось?

ПАЖЪ.

Страшная картина!

ГРАФИНЯ.

Скажите мнѣ!

СЕНИ.

Какъ можете еще
Вы спрашивать? Здѣсь герцогъ палъ убитый,
А вашъ супругъ лежитъ зарѣзанъ въ замкѣ.
(*Графиня стоитъ окаменѣвъ*).

КАММЕРФРАУ (*вбѣгаетъ*).

На помощь къ герцогинѣ!

БУРГОМИСТРЪ (*входитъ испуганный*).

Что за крики
Отчаянья всѣхъ въ домѣ разбудили?

ГОРДОНЪ.

Проклятье дому вашему во вѣкъ!
Въ немъ князь убитъ.

БУРГОМИСТРЪ.

Помилуй Богъ!
(*Удаляется*).

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Бѣгите!
Всѣхъ перебьютъ.

ВТОРОЙ СЛУГА (*тащитъ серебряную утварь*).
Сюда! Внизу закрыты
Всѣ выходы.

(*За сценой крикъ*: Дорогу генералу! *При этихъ словахъ графиня выходитъ изъ своей неподвижности и спѣшитъ уйти. Голосъ за сценой*. Солдатъ къ дверямъ. Народа не впускайте!).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же *безъ* графини. Октавіо Пикколомини *входитъ со свитою. Изъ галлереи появляются* Макдональдъ *и* Деверу *съ аллебардщиками. Тѣло Валленштейна. завернутое въ красное сукно, проносятъ въ глубину сцены*.

ОКТАВІО (*быстро входя*).

Не можетъ быть того! Не вѣрю! Буттлеръ
И вы Гордонъ, скажите мнѣ, что *нѣтъ*.

(*Гордонъ молча указываетъ рукою на тѣло герцога. Октавіо оглядывается и стоитъ, пораженный ужасомъ*).

ДЕВЕРУ (*Буттлеру*).

Вотъ цѣпь Руна, а вотъ и шпага князя.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Прикажете ль, чтобъ кабинетъ его..

БУТТЛЕРЪ (*указывая на Октавіо*).

Вотъ кто одинъ приказывать здѣсь властенъ.

(*Деверу и Макдональдъ почтительно отступаютъ. Всѣ молча расходятся. На сценѣ остаются только Буттлеръ, Октавіо и Гордонъ*).

ОКТАВІО (*Буттлеру*).

На этомъ ли рѣшили мы, прощаясь?
Богъ правосудный! Въ гнусномъ злодѣяньѣ
Я не причемъ. Рука моя чиста.

БУТТЛЕРЪ.

Она чиста. Мою употребили
На это вы.

ОКТАВІО.

Употребилъ во зло
Монаршее велѣнье ты, проклятый.
Ты именемъ священнымъ государя
Кровавое убійство совершилъ.

БУТТЛЕРЪ *(спокойно).*

Исполнилъ я лишь приговоръ монарха.

ОКТАВІО.

Проклятіемъ владыкъ бываетъ тотъ,
Кто въ ихъ слова жизнь грозную влагаетъ
И мысли мимолетныя спѣшитъ
Съ дѣяніемъ сковать непоправимымъ.
Зачѣмъ спѣшилъ повиноваться ты?
Зачѣмъ не могъ тому, кто милосердъ—
Для милости дать времени? Оно—
Нашъ добрый ангелъ. Быстро выполняетъ
Свой приговоръ лишь неизмѣнный Богъ.

БУТТЛЕРЪ.

За что упрекъ и въ чемъ вина моя?
Отъ грознаго врага страну избавивъ,
Хорошее я дѣло совершилъ,
И требую награды. Межъ моими
И вашими поступками—одна
Есть разница: стрѣлу вы отточили,
А я—спустилъ. Посѣяли вы кровь,
И всходы васъ кровавые пугаютъ.
Я зналъ всегда, что́ дѣлаю, и самъ
Я никакихъ послѣдствій не пугаюсь.
Дадите ль вы еще мнѣ порученье?
Я ѣду въ Вѣну съ тѣмъ, чтобы сложить
Окровавленный мечъ къ подножью трона
И выслушать слова благоволенья,
Которыхъ ждать отъ праваго судьи
Повиновенье быстрое должно.
(Уходитъ).

— —

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же *безъ Буттлера.* Графиня Терцки *входитъ блѣдная и убитая. Она говоритъ слабо, медленно и безстрастно.*

ОКТАВІО *(встрѣчая ее).*

Графиня Терцки! Вотъ каковъ конецъ!
Послѣдствіе дѣяній злополучныхъ...

ГРАФИНЯ.

Плодъ вашихъ дѣлъ! Скончался герцогъ.
Мужъ мой
Палъ отъ убійцъ, и при смерти—сестра.
Племянница исчезла. Этотъ домъ
Блистательный и пышный—опустѣлъ,
Изъ всѣхъ дверей бѣгутъ въ смятеньи
слуги.
Послѣдней я осталась, заперла
Я въ домѣ все, и приношу ключи.

ОКТАВІО *(скорбно).*

Мой домъ, графиня, также опустѣлъ.

ГРАФИНЯ.

Кому еще погибнуть суждено?
Кто обреченъ мученьямъ? Умеръ князь:
Довольствоваться можетъ императоръ
Возмездіемъ подобнымъ. Пощадите
Хоть старыхъ слугъ. Въ вину имъ не вмѣ-
няйте
Ихъ вѣрности и преданной любви.
Сраженъ былъ братъ судьбою слишкомъ
быстро,
Онъ не успѣлъ ихъ участь обезпечить.

ОКТАВІО.

Кто говоритъ о мести? О мученьяхъ?
Тяжелый грѣхъ былъ тяжело наказанъ.
Наслѣдуетъ, по волѣ государя,
Дочь отъ отца—заслуги лишь и славу,
Несчастье чтя, съ любовью раскрываетъ
Объятья вамъ свои императрица.
Откиньте страхъ; довѣрчиво предайтесь
Вы милости монаршей.

ГРАФИНЯ *(собираетъ послѣднія силы и говоритъ съ одушевленіемъ и благородствомъ).*

Предаюсь
Я милости сильнѣйшаго владыки.
Но гдѣ найдетъ себѣ успокоенье
Прахъ герцога? Близъ Гитчина основанъ
Былъ монастырь картезіанскій имъ,
Тамъ съ первою графиней Валленштейнъ,
Которой онъ обязанъ первымъ счастьемъ—
Признательный, хотѣлъ онъ рядомъ лечь.
Дозвольте тамъ похоронить его.
И для останковъ моего супруга
Прошу такой же милости. Владѣлецъ
Имѣній нашихъ—императоръ. Просимъ
Лишь гроба мы близъ гроба нашихъ пред-
ковъ.

ОКТАВІО.

Графиня! Вы дрожите? Поблѣднѣли?
Какъ мнѣ понять подобныя слова?

ГРАФИНЯ.

Вы думать не могли, чтобъ пережить

Паденье дома нашего могла я.
Въ могуществѣ своемъ дерзали руку
Мы простирать къ коронѣ королевской...
Не удалось,—но мы по царски мыслимъ:
Свободную, рѣшительную смерть
Мы предпочтемъ безславной жизни. Ядъ
Я приняла...

ОКТАВІО.

На помощь!

ГРАФИНЯ.

Слишкомъ поздно!
Судьба моя свершится черезъ мигъ.
(Уходитъ).

ГОРДОНЪ.

О, домъ убійствъ и ужаса!
(Входитъ курьеръ съ письмомъ).

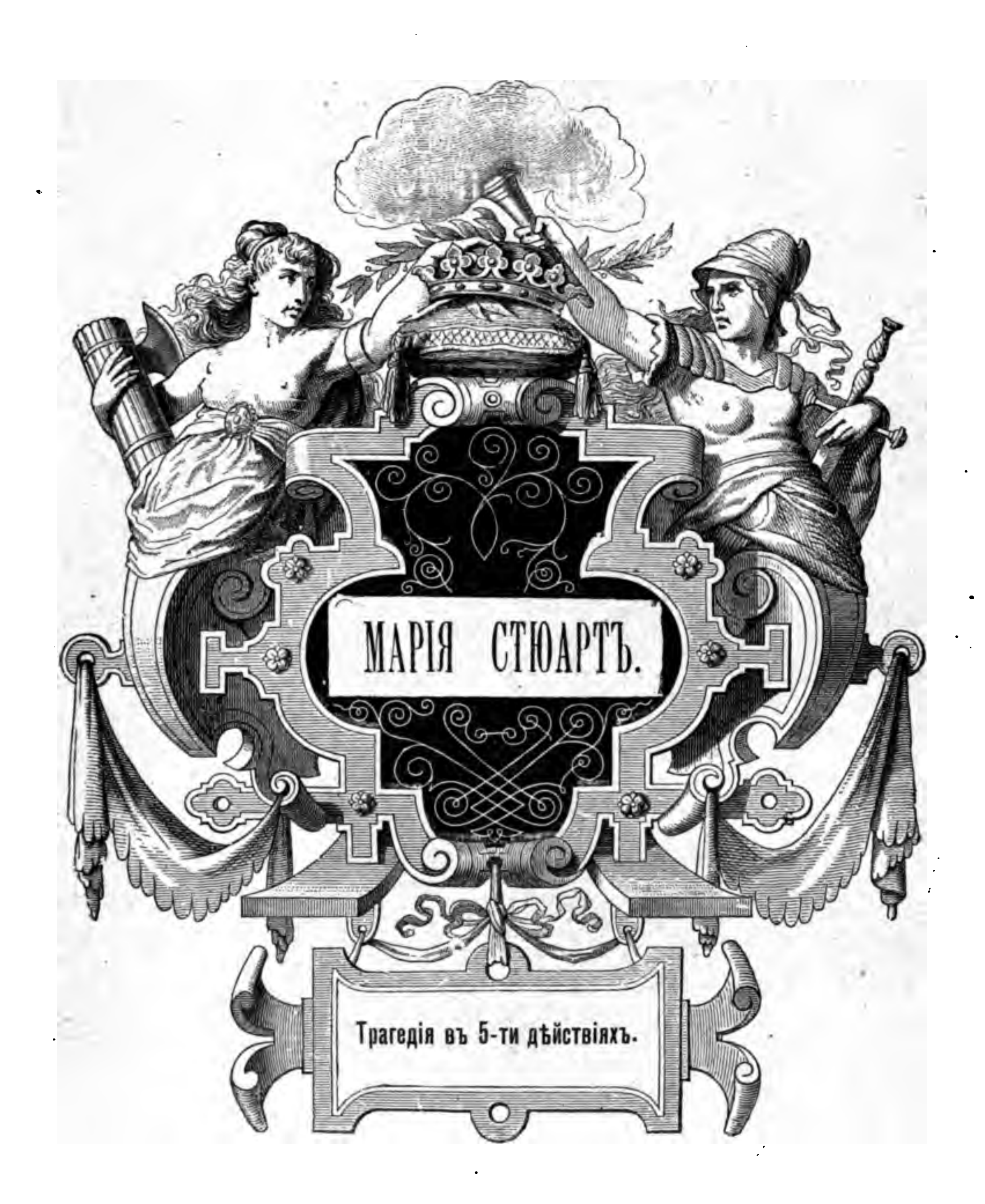
ГОРДОНЪ *(идетъ къ нему на встрѣчу).*
Что это?
Посланіе съ имперскою печатью?

(Читаетъ надпись и со взоромъ упрека передаетъ письмо Октавіо).

Вамъ: *князю* Пикколомини.

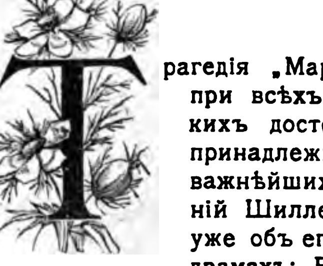
(Октавіо вздрагиваетъ въ ужасѣ и съ горестью поднимаетъ глаза къ небу).
(Занавѣсъ).

О. Чюмина.


МАРІЯ СТЮАРТЪ.
Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.

МАРІЯ СТЮАРТЪ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.



Трагедія „Марія Стюартъ“, при всѣхъ своихъ высокихъ достоинствахъ, не принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ произведеній Шиллера: не говоря уже объ его юношескихъ драмахъ: „Разбойникахъ“ и „Донъ-Карлосѣ“, поэтъ не отдалъ ей и пятой доли того напряженія творчества, какое положилъ онъ на „Валленштейна“, непосредственно ей предшествовавшаго, и не вложилъ въ нее столько собственной души и сердца, какъ въ „Орлеанскую Дѣву“, которая непосредственно за нею слѣдовала. Но исторія возникновенія этой трагедіи и довольно продолжительна и весьма поучительна. До поступленія въ „Военную Академію“ Карла Евгенія, Шиллеръ не имѣлъ никакого понятія объ исторіи; въ академіи преподаваніе этого предмета было сперва поручено ректору людвигсбургской школы Яну, но уже въ 1772 г. оно перешло въ руки молодого учителя Іог. Готтлиба Шотта, который не безъ основанія считался талантливымъ преподавателемъ, и патетическимъ, нѣсколько театральнымъ разсказомъ о несчастной судьбѣ юнаго Конрадина *или Маріи Стюартъ* старался извлекать слезы изъ глазъ своихъ слушателей. Юный Шиллеръ не выдвигался среди учениковъ Шотта, такъ какъ вообще во время своего пребыванія въ педагогической теплицѣ герцога Вюртембергскаго, по разнообразнымъ причинамъ (см. его біографію), учился только посредственно. Но нѣтъ сомнѣнія, что краснорѣчивый разсказъ учителя глубоко запалъ въ его впечатлительную душу, и такъ какъ онъ очень рано мечталъ о сочиненіи театральныхъ пьесъ, то весьма возможно, что онъ тогда же думалъ о судьбѣ казненной королевы, какъ о прекрасномъ сюжетѣ для трагедіи. Но это только предположеніе, не особенно смѣлое, зато и не плодотворное: если и были у мальчика Шиллера такія мысли, на этотъ разъ изъ нихъ ничего не вышло.

Проходитъ нѣсколько лѣтъ; Шиллеръ, уже авторъ „Разбойниковъ“ и „Фіеско“, полный вѣры въ свои силы, несмотря на нѣкоторыя разочарованія и стѣсненное матеріальное положеніе, ищетъ сюжета для новой драмы и останавливается на *Маріи Стюартъ*. 9 декабря 1782 года онъ пишетъ изъ Бауэрнбаха, гдѣ г-жа ф. Вольцогенъ предоставила ему покойное убѣжище, своему пріятелю мейнингенскому библіотекарю Рейнгольду: „Пришлите мнѣ историческихъ книгъ для моей Маріи Стюартъ. Камбденъ (Анналы царствованія Елизаветы, изд. въ 1615 г.)—прекрасная книга; но было бы хорошо, еслибъ я имѣлъ возможно-бóльшее число пособій“. Въ концѣ февраля 1783 г. Шиллеръ уже условливается съ лейпцигскимъ книгопродавцемъ Вейгандомъ относительно печатанія своей будущей трагедіи, изображающей судьбу шотландской королевы. Но и на этотъ разъ планъ остался безъ исполненія, такъ какъ поэтъ былъ отвлеченъ творческой работой надъ другимъ сюжетомъ („Донъ Карлосъ“); если для Маріи Стюартъ и было что-нибудь написано, эти наброски пропали безслѣдно.

Проходитъ еще 16 плодотворныхъ лѣтъ; Шиллеръ—уже прославленный, великій поэтъ, близкій другъ и сотрудникъ Гете; его скитанія и умственныя, и физическія уже совсѣмъ окончились, и онъ живетъ спокойно въ Іенѣ, въ кругу возлюбленной

Марія Стюартъ въ молодости.

Современный портретъ художника изъ школы Франсуа Клуэ. Находится въ Галлереѣ кн. Чарторійскаго въ Парижѣ.

семьи, всецѣло отдавшись творчеству; какъ будто чувствуя, что ему недолго остается жить, онъ усиленно спѣшитъ работать и безъ отдыха переходитъ отъ одного обширнаго труда къ другому. Окончивъ въ началѣ 1799 г. „Смерть Валленштейна", онъ немедленно ищетъ сюжета для новой драмы. Теперь онъ думаетъ остановиться на чемъ нибудь вымышленномъ; 19 марта онъ пишетъ Гете: „Я пресытился солдатами, героями и властителями". Нѣкоторое время онъ обдумывалъ планъ „Мессинской невѣсты"; но уже въ апрѣлѣ онъ оставилъ его ради Маріи Стюартъ и энергично принялся за подготовительныя работы.

Весьма важенъ для пониманія трагедіи вопросъ: почему Шиллеръ такъ легко разстался съ этимъ сюжетомъ въ 1783 г., и почему онъ, не смотря на свое пресыщеніе *героями и властителями*, съ такой энергіей взялся за него теперь, въ 1799 г.?

Великія политическія событія послѣднихъ годовъ XVIII в. имѣли сильное вліяніе на міровоззрѣніе даже такого ненавистника политики, какъ Гете. Шиллеръ былъ живѣй и впечатлительнѣй своего друга, и пережитыя имъ революція и директорія подѣйствовали на него очень сильно. Шиллеръ былъ отъ юности горячимъ проповѣдникомъ дѣятельной любви къ человѣчеству, *гуманистомъ* въ лучшемъ значеніи этого слова; таковымъ же оставался онъ и до конца дней своихъ. Но его политическія убѣжденія не могли не измѣниться подъ вліяніемъ событій. Въ 1783 г. онъ былъ пылкимъ либераломъ и демократомъ, и несчастная судьба шотландской королевы, возбуждавшая его жалость „по человѣчеству", не воодушевила его настолько, чтобы создать изъ нея трагедію. Жалко, конечно, женщину, которая, нагрѣшивъ въ дни юности по легкомыслію и женской страстности, расплачивается за это 19-лѣтнимъ плѣномъ и наконецъ эшафотомъ; интересна эпоха, когда религіозная борьба жестоко волнуетъ народы и служитъ канвою для сильныхъ страстей властителей, поэтична фигура заключенницы, которая изъ тюрьмы внушаетъ пылкую привязанность и колеблетъ троны; трогательна смерть наслѣдницы двухъ коронъ, которая, послѣ всѣхъ грѣховъ своихъ и долгихъ лѣтъ страданія, сумѣла проявить на послѣднемъ судѣ столько ума и силы воли, а передъ плахой—столько геройскаго самообладанія, женскаго изящества и доброты. Но Марія Стюартъ, фанатически преданная католицизму, способная къ энергичной борьбѣ только за личное благосостояніе и власть, Марія Стюартъ, дѣятельность которой была такъ опасна для свободы англійскаго народа, что ея казнь была отпразднована въ Лондонѣ и др. городахъ, какъ національное торжество, не могла быть *героиней* Шиллера въ началѣ 80-хъ годовъ; не могъ онъ вложить въ уста ея свои вольнолюбивыя и высокогуманныя мечты; опиравшаяся на народную волю Елизавета должна была быть ему симпатичнѣе.

Не то было въ 1799 г. Событія послѣдняго десятилѣтія значительно разочаровали Шиллера въ добросердечіи и разумности народныхъ движеній; онъ разочаровался и въ вожакахъ народа и въ особенности въ „людяхъ успѣха"; искусство управлять толпой онъ склоненъ теперь отождествлять съ отсутствіемъ нравственнаго чувства, попросту сказать, съ безсовѣстностью, и того, кто для достиженія общаго благосостоянія ссылается на желаніе народа и „общее благо", онъ готовъ признать безчеловѣчнымъ эгоистомъ и лицемѣромъ. Теперь онъ думаетъ, что кто изъ разсчета и ненависти отнимаетъ жизнь у своего ближняго, для того нѣтъ никакихъ извиненій; предполагаемое *общее благо*—только бесчестная маска, и жертва такого человѣка заслуживаетъ всеобщей симпатіи.

Вотъ отчего теперь, почти при началѣ творческой работы Шиллера, Елизавета—въ его глазахъ „царственная лицемѣрка", съ которой онъ хочетъ сорвать маску величія; ея жертва, Марія Стюартъ—грѣшная, но живая и добрая женщина, возбуждающая симпатію поэта; возвышенныхъ *идейныхъ* монологовъ говорить она не будетъ; но она будетъ жить и страдать, страданіемъ искупитъ вину свою и умретъ, примиривъ зрителя съ собой и возвысивъ его вѣру въ человѣка. Эпоха реформаціонной борьбы, когда фанатизмъ дѣлаетъ увлекающихся людей убійцами (у Шиллера Мортимеръ), а спокойныхъ и разумныхъ безжалостными притѣснителями (Берлей), сильно напоминаетъ ему борьбу революціонную, въ такой же степени озлоблявшую и отдѣльныхъ лицъ и цѣлые народы. Но гуманистъ и идеалистъ Шиллеръ увѣренъ, что это дѣйствіе скоропреходящее, что въ массѣ общества добрые инстинкты должны взять верхъ надъ злыми, и устами Шрусбэри, представителя общественной совѣсти (IV дѣйствіе, явл. 9), убѣждаетъ Елизавету не разсчитывать на продолжительность народной злобы и мстительности: пройдетъ возбужденіе, и тираны и насильники всѣхъ родовъ и видовъ бу-

Марія Стюартъ.

Современный портретъ художника изъ школы Франсуа Клуэ. Находится въ Петербургскомъ Эрмитажѣ.

дутъ внушать только отвращеніе. Вотъ, по нашему мнѣнію, главная причина, почему этотъ давно покинутый сюжетъ показался Шиллеру теперь особенно привлекательнымъ и почему онъ съ такой энергіей принялся за работу.

Подготовительныя работы поэта состояли въ перечитываніи старыхъ пособій—главнымъ образомъ Камбдена—и чтеніи новыхъ*). Собирая черты нравовъ эпохи и интересныя въ художественномъ отношеніи подробности событій изъ разнообразныхъ источниковъ, во всемъ важнѣйшемъ Шиллеръ слѣдовалъ сравнительно новому, популярному изслѣдованію Архенгольца **), который разсказываетъ дѣло такъ:

Отецъ Маріи Стюартъ, шотландскій король Іаковъ V, умеръ въ 1542 г., черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія своей несчастной дочери. Регентшей Шотландіи была объявлена его вдова, тоже Марія, урожденная Гизъ, сестра тѣхъ Гизовъ, которые стояли во Франціи во главѣ непримиримыхъ католиковъ. Регентша убѣдила шотландскій парламентъ, раздраженный недавней войною съ Англіей, согласиться на бракъ ея дочери съ наслѣднымъ принцемъ французскимъ Францискомъ. Пятилѣтняя Марія Стюартъ была поэтому отправлена во Францію и воспитана въ роскошной обстановкѣ веселаго и утонченно-чувственнаго двора Екатерины Медичи. 15 лѣтъ она была обвѣнчана съ дофиномъ, юношей слабаго здоровья, горячо любившимъ свою красавицу невѣсту. По совѣту кардинала Гиза, Францискъ и Марія приняли титулъ короля и королевы англійскихъ на томъ основаніи, что Марія приходилась внучкой старшей сестрѣ Генриха VIII; Елизавету же католики считали рожденною внѣ брака и потому не имѣющею правъ на англійскую корону. Въ 1559. г. Францискъ вступилъ на престолъ французскій, но умеръ, не процарствовавъ и полныхъ 2 хъ лѣтъ. Преемникомъ его былъ его младшій братъ Карлъ IX, за малолѣтствомъ котораго Франціей управляла Екатерина Медичи. Марія не поладила съ своею свекровью и рѣшила вернуться въ Шотландію, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ умерла регентша, ея мать. Со слезами покидала 19-лѣтняя королева берега милой Франціи и переѣзжала на забытую родину. Народъ принялъ ее торжественно и радостно, и она водворилась въ Эдинбургѣ. Но ликованіе шотландцевъ было не продолжительно: на сцену выступилъ религіозный вопросъ; вельможи протестанты подвергали королеву всевозможнымъ униженіямъ изъ-за ея преданности католицизму. Марія старалась смягчить ихъ своею уступчивостью, но тщетно; ненависть къ королевѣ-католичкѣ росла съ каждымъ днемъ; а явная симпатія Маріи къ Франціи и легкость нравовъ, господствовавшая при ея дворѣ, значительно усиливали это чувство. Марія пыталась сблизиться съ Елизаветой и искала свиданія съ нею, но Елизавета, не отказываясь, откладывала его на неопредѣленное время. Марія послала къ ней преданнаго рыцаря Джемса Мельвиля, который по возвращеніи убѣждалъ свою королеву ни въ какомъ случаѣ не довѣрять ласковымъ словамъ Елизаветы.

Единственнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ находилась Марія Стюартъ, былъ новый бракъ. Въ виду своихъ притязаній на англійскій престолъ, который она надѣялась занять по смерти Елизаветы, Марія не хотѣла выходить замужъ безъ одобренія англійской королевы, какъ своей старшей родственницы, и просила ее высказать свое мнѣніе относительно сватовства Карла, эрцгерцога австрійскаго. Елизавета отказала въ своемъ согласіи и предложила въ мужья Маріи своего любовника лорда Дудлея (впослѣдствіи графа Лейчестера). Считая такой бракъ для себя униженіемъ, Марія отвѣтила гнѣвнымъ отказомъ, а такъ какъ Елизавета послѣдовательно отвергала всѣхъ иностранныхъ принцевъ, сватавшихся за Марію, королева шотландская отдала руку своему дальнему родственнику, 20-лѣтнему красавцу, Генриху Стюарту, лорду Дарнлею, который, какъ внукъ младшей сестры Генриха VII, тоже имѣлъ притязанія на англійскій престолъ. Дарнлей былъ тоже католикомъ, и этотъ бракъ еще больше раздражилъ шотландскихъ протестантовъ. Нѣсколько могущественныхъ вельможъ возстали противъ *короля Генриха* (Марія дала ему этотъ ти-

---

*) Изъ того, съ чѣмъ онъ познакомился вновь, особенно много дала ему книга Брантома (Pierre de Bourdeilles de Brantôme), Vie des dames illustres, явившаяся впервые послѣ смерти автора (1614 г.) и потомъ перепечатанная не одинъ разъ въ полномъ собраніи его сочиненій (въ Гаагѣ въ 15 т. въ 1740 г., въ Парижѣ въ 8 т. 1787 и пр.). Брантомъ явно на сторонѣ Маріи Стюартъ. Повліяли на него и общіе курсы *Юма и Робертсона* и др. (Подробнѣе см. объ этомъ Дюнтцера: Henrich Düntzer, Erläuterungen zu den deutschen Klassiken. 48 и 49 B. 4-te Aufl. Lpzg. 1892, стр. 1—50).

**) Archenholz, Geschichte der Königin Elisabeth von England въ Hist Kalender für Damen, 1790, 1—189.

Сэръ Робертъ Дэдлей, лордъ Денби, графъ Лейстеръ (Лейчестеръ).
Портретъ неизвѣстнаго художника въ Національной Портретной Галлереѣ въ Лондонѣ.

тулъ, не испросивъ на то согласія парламента), но, несмотря на поддержку Елизаветы, были разбиты и бѣжали въ Англію. Дарнлей, оказавшійся безпутнымъ мальчишкой, не могъ надолго удержать сердце Маріи: не прошло и года, какъ она совсѣмъ охладѣла къ мужу и увлеклась пѣвцомъ Риціо, котораго сдѣлала своимъ тайнымъ секретаремъ. Дарнлей составилъ заговоръ противъ этого любимца и, ворвавшись къ женѣ съ своими родственниками Дугласами, убилъ его на глазахъ Маріи, которая тогда находилась на 6-мъ мѣсяцѣ беременности. Послѣ этой ужасной сцены заговорщики подвергли Марію заключенію, требуя, чтобы она объявила имъ помилованіе. Марія не соглашалась, но, *повидимому*, примирилась съ мужемъ и при его содѣйствіи бѣжала въ Дёнбаръ. Оттуда она собрала войско и пошла на Эдинбургъ; заговорщики принуждены были скрыться въ Англію. Но скоро королева забыла все пережитое ею, въ своемъ новомъ увлеченіи графомъ Ботвеллемъ, и простила всѣмъ своимъ врагамъ, кромѣ мужа: она избѣгала сношеній съ нимъ и старалась всячески унизить его. Дарнлей думалъ удалиться во Францію или въ Испанію, но почему-то отложилъ на время свой отъѣздъ и отправился въ Глазго, гдѣ заболѣлъ какой-то странной болѣзнью, носившей признаки отравленія *). Марія внезапно выказала большую заботливость объ немъ, пріѣхала къ нему сама и настояла, чтобы онъ вернулся въ Эдинбургъ и поселился недалеко отъ города въ уединенномъ домикѣ (въ Kirk of Field), гдѣ больной могъ пользоваться необходимымъ для него покоемъ. Королева провела тамъ нѣсколько ночей, но съ 9-го на 10-е февраля 1567 г. она ночевала у себя во дворцѣ. Въ эту ночь жилище Дарнлея было взорвано. Публику хотѣли убѣдить, что взрывъ произошелъ случайно, но тѣло короля носило явные слѣды насильственной смерти, и народъ громко называлъ Ботвелля и Марію убійцами. По требованію отца Дарнлея, лорда Леннокса, было назначено по этому дѣлу слѣдствіе, но оно велось небрежно и пристрастно, а на судъ Ботвелль явился съ толпою своихъ приверженцевъ и былъ оправданъ. Уже 15 мая того же 1567 г. происходила свадьба Маріи съ Ботвеллемъ, который ради этого развелся съ своею молодой женою. Чтобы оправдать эту поспѣшность, была разыграна такая комедія: Ботвелль похитилъ королеву на дорогѣ и будто бы насильно привезъ ее въ свой замокъ, гдѣ она и переночевала, послѣ чего нѣсколько лордовъ подписали заявленіе, что, при существующихъ обстоятельствахъ, они считаютъ бракъ королевы съ Ботвеллемъ необходимымъ. Но Ботвелль и послѣ свадьбы обращался съ королевой, какъ съ плѣнницей, и его самоуправство заставило шотландцевъ опасаться за жизнь наслѣдника престола Іакова (род. 19 іюля 1566 г.), который, находясь при матери, былъ во власти Ботвелля. Лорды составили лигу и внезапно напали на Бортвикъ, гдѣ находились Марія и Ботвелль; но тѣмъ удалось бѣжать въ Дёнбаръ. Лорды вступили въ Эдинбургъ и обвинили Ботвелля въ убійствѣ Дарнлея, въ насиліи надъ королевой и въ замыслѣ на жизнь Іакова. Ботвелль собралъ своихъ приверженцевъ и приготовился, по возможности, къ битвѣ; но до нея дѣло не дошло: ему разрѣшили удалиться безпрепятственно (онъ уѣхалъ въ Данію), а королевѣ предложили вернуться въ Эдинбургъ, гдѣ обѣщали обращаться съ ней почтительно и покорно. Но это обязательство исполнено не было: захвативъ королеву, лорды вмѣсто столицы отвезли ее въ замокъ Лохлевинъ и тамъ принудили подписать отреченіе отъ престола въ пользу сына. Этимъ они не удовольствовались: королеву обвинили въ прелюбодѣяніи и въ убійствѣ мужа, приговорили къ строгому заключенію, и парламентъ утвердилъ этотъ приговоръ. Но Маріи удалось, при помощи 18-лѣтняго Джорджа Дугласа, бѣжать въ Гамильтонъ; здѣсь она объявила подписанное ею отреченіе недѣйствительнымъ и собрала вокругъ себя до 6000 приверженцевъ, которыхъ однако парламентское войско, подъ начальствомъ регента, лорда Муррея, обратило въ бѣгство. Тогда Марія, несмотря на увѣщанія многихъ преданныхъ ей людей, приняла роковое рѣшеніе искать защиты у Елизаветы. Вильямъ Сесиль (лордъ Бёрлей), издали руководившій дѣйствіями враговъ Маріи, былъ очень доволенъ такимъ ея намѣреніемъ: онъ находилъ, что протестантамъ чрезвычайно выгодно имѣть претендентку въ своей власти. Марія, переправившись въ предѣлы Англіи, написала Елизаветѣ трогательное письмо, въ которомъ умоляла ее о свиданіи, но Сесиль доказывалъ, что дѣвственной королевѣ неприлично вступать въ личныя сношенія съ жен-

*) На самомъ дѣлѣ это была оспа. Здѣсь изложеніе Архонгольца не точно: нѣкоторые факты искажены и освѣщены невыгодно для Маріи.

Королева Елизавета.
Портретъ неизвѣстнаго художника **въ** Національной Портретной Галлереѣ **въ** Лондонѣ.

щиной, обвиняемой въ прелюбодѣяніи и мужеубійствѣ, пока она не оправдается передъ англійскими комиссарами. Марія отказалась унизить себя такимъ подчиненіемъ авторитету чиновниковъ, но Сесиль придумалъ другую уловку: ей предложили выступить обвинительницей ея враговъ, и процессъ начался въ Іоркѣ; когда дѣло стало принимать благопріятный для Маріи оборотъ, судъ перенесли въ Вестминстеръ и значительно измѣнили составъ судей. Такъ какъ Марія не соглашалась отказаться отъ своихъ правъ на англійскую корону, ее переводили все дальше и дальше въ глубь страны, а процессъ ея тянули умышленно. Въ это время герцогъ Норфолькъ, первый пэръ Англіи, бывшій въ началѣ предсѣдателемъ комиссіи, которая разбирала дѣло Маріи, вступилъ въ сношенія съ плѣнной королевой и составилъ въ ея пользу обширный заговоръ. Франція, Испанія, англійскіе католики, даже самъ Лейчестеръ (изъ личныхъ видовъ) сочувствовали его плану освободить Марію и жениться на ней. Но Елизавета узнала объ этомъ заблаговременно и заключила Норфолька и его главныхъ приверженцевъ въ Тоуэръ. Графы Нортѣмберлендъ и Вестморлендъ подняли однако знамя возстанія, но оно было быстро подавлено. Тогда вмѣшался въ дѣло папа Пій V; онъ издалъ буллу о лишеніи Елизаветы королевскаго трона. Парламентъ отвѣтилъ на это такимъ постановленіемъ: онъ объявилъ измѣнникомъ и врагомъ Англіи всякаго, кто при жизни королевы Елизаветы предъявитъ свои права на престолъ ея или будетъ сочувствовать такому предъявленію. Такъ какъ Франція не вступалась за Марію Стюартъ (въ это время шли переговоры о бракѣ герцога Анжуйскаго съ Елизаветою), то вновь составился заговоръ, разсчитывавшій на помощь папы и Испаніи; но и объ немъ Елизавета узнала заблаговременно, и нѣкоторые его участники, въ томъ числѣ и Норфолькъ, были казнены, а епископъ Росскій бѣжалъ во Францію. Послѣ этого надзоръ за Маріей сталъ еще строже. Прошло нѣсколько лѣтъ сравнительно спокойныхъ, но Елизавета всегда находилась подъ страхомъ возстанія католиковъ, для которыхъ знаменемъ и поводомъ служила Марія, не терявшая надежды на благопріятную перемѣну въ судьбѣ своей. Въ апрѣлѣ 1584 г. былъ казненъ Трокмортонъ, заподозрѣнный въ заговорѣ въ пользу Маріи; на эшафотѣ онъ признался въ сношеніяхъ съ испанскимъ посланникомъ Мендозой, который долженъ былъ содѣйствовать ему въ осуществленіи плана герцога Гиза относительно низверженія Елизаветы и протестантизма. Въ 1585 г. казненъ членъ нижней палаты Парри, обвиненный въ подобныхъ же замыслахъ; Марія не безъ основанія была заподозрѣна въ сношеніяхъ съ нимъ. Тогда лордъ Шрусбэри, бывшій цѣлыя 15 лѣтъ весьма снисходительнымъ тюремщикомъ для Маріи, былъ замѣненъ пуританиномъ Полетомъ, а парламентъ въ 1586 г. издалъ билль, лишавшій навсегда правъ на престолъ того, кто подстрекалъ подданныхъ къ возстанію или къ покушенію на особу царствующаго государя. Немного спустя послѣ этого въ Англію явился изъ Реймса *) молодой офицеръ Саважъ, давшій торжественный обѣтъ убить Елизавету, и вступилъ въ соглашеніе съ богатымъ фанатикомъ Бабингтономъ, который взялся къ назначенному сроку освободить Марію и поднять возстаніе въ разныхъ городахъ. Марія знала объ этомъ и была въ сношеніяхъ съ заговорщиками. Когда и эта отчаянная попытка не удалась, всѣ бумаги плѣнницы были отобраны, и слуги ея и секретари арестованы, а ее перевели въ укрѣпленный замокъ Фотерингей, въ 15 часахъ ѣзды отъ Лондона. Народъ, раздраженный частыми покушеніями, громко требовалъ смерти Маріи; министры Елизаветы доказывали необходимость такой мѣры; Лейчестеръ совѣтовалъ отравить шотландскую королеву. Наконецъ, рѣшено было судить ее, на основаніи парламентскаго билля, въ комиссіи изъ 40 знатнѣйшихъ присяжныхъ и 5 верховныхъ судей. Марія сперва гордо отказалась отвѣчать, такъ какъ не могла признать компетентность какого бы то ни было суда надъ собою; но когда ей замѣтили, что этимъ она лишаетъ себя единственнаго случая оправдаться, она согласилась говорить, хотя и продолжала настаивать на незаконности суда. Ее обвиняли въ соучастіи съ Саважемъ и Бабингтономъ на основаніи ея писемъ, признанія заговорщиковъ передъ казнью и показаній ея секретарей Но (Nau) и Кэрля (Curle; ей не дали очной ставки съ ними, несмотря на ея требованія). Безъ совѣтниковъ и адвокатовъ она защищалась съ большой энергіей и достоинствомъ. Она призналась въ сношеніяхъ съ представителями иностранныхъ государствъ, въ своихъ

*) Тамъ была семинарія для англійскихъ католиковъ, содержимая кард. Гизомъ.

домогательствахъ свободы и даже короны, даже въ сношеніяхъ съ заговорщиками, но отрицала какое-либо свое участіе въ покушеніяхъ на жизнь Елизаветы. 25 октября 1586 г. судъ приговорилъ Марію къ смертной казни главнымъ образомъ за злоумышленіе на жизнь королевы; парламентъ утвердилъ этотъ приговоръ и подалъ королевѣ прошеніе о скорѣйшемъ его исполненіи. Марія Стюартъ выслушала приговоръ спокойно: „Послѣ столькихъ страданій, сказала она, смерть для меня желанный избавитель. Я горжусь тѣмъ, что протестанты требуютъ моей крови и что я такимъ образомъ умираю мученицей за вѣру". Послѣ объявленія приговора съ ней перестали обращаться, какъ съ коронованной особой, и вынесли тронъ изъ ея пріемной залы. Марія написала послѣднее письмо Елизаветѣ; она не старалась отклонить казни, но просила нѣкоторыхъ милостей: 1) Тѣло ея должно быть отправлено для погребенія во Францію. 2) При смерти ея должны присутствовать ея слуги (которымъ она испрашивала позволеніе безпрепятственно уѣхать, куда они захотятъ, съ ея предсмертными подарками), чтобы они могли засвидѣтельствовать, что она умерла доброй католичкой. 3) Ее долженъ напутствовать католическій священникъ. На это письмо отвѣта не было получено.

Начался 1587 годъ. Ходили слухи о новыхъ заговорахъ, о приближеніи испанскаго флота, о высадкѣ французской арміи подъ предводительствомъ Гиза. Напуганная чернь требовала исполненія приговора, а въ то же время католическія державы ходатайствовали о помилованіи. Елизавета очень ясно намекала, что лица, стерегущія Марію, могли бы посредствомъ яда избавить свою государыню отъ затруднительнаго положенія, но Полетъ съ негодованіемъ отказался отъ этой чести. Наконецъ, королева подписала приказъ о казни и велѣла статсъ-секретарю Девисону приложить къ нему государственную печать, но не дала прямого приказанія о немедленномъ исполненіи. Члены тайнаго совѣта, видя ея колебанія и страхъ, рѣшили взять дѣло на себя: не внесли, какъ того требовалъ обычай, снова запроса королевѣ, а послали приказъ шерифу и поручили графамъ Кенту и Шрусбэри наблюсти за исполненіемъ казни. Марія, когда ей 7 февраля объявили о наступленіи смертнаго часа, быстро овладѣла собой и въ послѣднія минуты выказала поразительное самообладаніе; утромъ 8 февраля она отказалась отъ напутствія протестантскаго пастора, ласково простилась съ своими слугами, и, громко поручивъ свою душу Богу, приняла ударъ палача. Узнавъ о совершившейся казни, Елизавета сочла нужнымъ разыграть ужасную комедію: она сдѣлала видъ, будто это произошло противъ ея воли, рыдала, надѣла трауръ; Бёрлею она выразила сильное неудовольствіе, Девисона же засадила въ Тоуэръ, а по освобожденіи разорила и огромнымъ штрафомъ; но немногихъ она обманула этимъ лицемѣріемъ. Архенгольцъ заключаетъ свое повѣствованіе такой оцѣнкой Маріи Стюартъ: „Гумманность склоняетъ насъ набросить завѣсу на ея прошлое и приписать ея проступки скорѣй ея несчастному положенію, чѣмъ природнымъ наклонностямъ. Страданія ея, какъ своею силою, такъ и продолжительностью далеко превосходятъ тѣ трагическія несчастія, которыя создаетъ фантазія драматическаго поэта для возбужденія состраданія зрителей. Если мы всесторонне разсмотримъ ихъ, мы навѣрное почувствуемъ желаніе забыть ошибки несчастной королевы и дать волю слезамъ".

Таковъ въ сокращеніи разсказъ Архенгольца, который легъ въ основу глубоко трогательной и гуманной драмы Шиллера. Участіе Маріи въ убійствѣ Дарнлея и преступную страсть ея къ Ботвеллю поэтъ принялъ за фактъ (хотя одно изъ важнѣйшихъ его пособій—книга Брантома: Vie des dames illustres—считаетъ это клеветою), такъ какъ съ его точки зрѣнія только это дѣлало Марію трагическою героинею, ибо такимъ образомъ ея долгія страданія и самая смерть являлись искупленіемъ содѣяннаго ею преступленія.

Исходя изъ этой идеи, Шиллеръ повелъ свою творческую работу съ изумительной энергіей. Уже въ іюнѣ 1799 г. онъ изготовилъ планъ и набросалъ скелетъ пьесы, а 24 іюля того-же года написанъ весь первый актъ и начатъ второй; 9 августа Шиллеръ пишетъ Кернеру, что важнѣйшая треть работы окончена; дѣйствительно, 26 августа дописанъ второй актъ и приступлено къ обработкѣ третьяго и, если бы дѣло пошло далѣе такимъ же образомъ, Шиллеръ исполнилъ бы свое первоначальное намѣреніе: совсѣмъ закончить пьесу къ концу зимы. Но здѣсь начались разнообразныя задержки и препятствія: другія спѣшныя и срочныя работы (Musenalmanach и пр.), рожденіе дочери, болѣзнь жены, переѣздъ въ Веймаръ, наконецъ, собственная серьез-

ная болѣзнь. Все же 9 іюня 1800 г. трагедія была совсѣмъ отдѣлана и *черезъ пять дней* поставлена на веймарскую сцену. Пьеса имѣла успѣхъ, но не совсѣмъ въ томъ объемѣ, какъ мечталъ авторъ, глубоко полюбившій свой сюжетъ во время напряженной работы надъ нимъ, а англійскій переводъ, о возможно скорѣйшемъ появленіи котораго усиленно хлопоталъ Шиллеръ, совсѣмъ потерпѣлъ неудачу. Только съ середины XIX ст. Марія Стюартъ пользуется на всѣхъ европейскихъ сценахъ той славой, которую заслуживаетъ она и по идеѣ и по геніальному ея исполненію.

Неудача англійскаго перевода этой трагедіи вполнѣ удовлетворительно объясняется національными предразсудками заламанскихъ современниковъ Шиллера; а сравнительно малый успѣхъ пьесы на континентѣ Европы въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка долженъ быть приписанъ главнымъ образомъ той чрезмѣрной строгости, съ которой тогда относились къ „искаженіямъ фактовъ“ въ художественныхъ произведеніяхъ, не отказавшихся отъ исторической почвы и не переходившихъ въ область чудеснаго. Всякій, кто выучилъ въ средней школѣ, что Марія Стюартъ пробыла въ англійскомъ плѣну почти 19 лѣтъ, что во время суда и казни ей было 44 года, что она уже давно потеряла свою пресловутую красоту, отяжелѣла и тѣломъ и духомъ и не только не могла увлекать другихъ, но и сама не могла увлекаться, считалъ своимъ долгомъ пожимать плечами при видѣ такихъ „анахронизмовъ“, при видѣ того, какъ героиня рѣзвится на сценѣ, подобно ребенку и живетъ сердцемъ вопреки разсудку и всякимъ разсчетамъ. Только тогда, когда образованная публика отрѣшилась отъ этой немного наивной придирчивости, а историческая критика разобрала мотивы поэтическаго пересозданія такъ наз. міровыхъ событій, Марію Стюартъ оцѣнили по достоинству.

По поводу постановки Маріи Стюартъ на Берлинской сценѣ Шиллеръ писалъ Иффланду, что Маріи должно быть 25 лѣтъ, а Елизаветѣ не больше 30, тогда какъ онъ прекрасно зналъ, что во время этого вымышленнаго имъ свиданія англійской королевѣ должно было быть 53 года. Нужно ли объяснять, что обѣихъ королевъ онъ желалъ вывести на сцену въ полномъ цвѣтѣ ихъ молодости и пылкихъ страстей, что его героиня должна была предстать передъ зрителемъ во всемъ своемъ очарованіи, сознательной гордости красотой и молодостью, во всей юной добротѣ и горячей вспыльчивости, въ порывахъ то горячаго отчаянія, то свѣтлой жизнерадостности? Ради полноты развитія художественной идеи поэтъ смѣло создалъ рядъ мотивовъ, лицъ и сценъ, не существовавшихъ въ дѣйствительности, сконцентрировалъ къ 3-мъ днямъ событія, отстоявшія другъ отъ друга за нѣсколько лѣтъ (сватовство анжуйскаго принца за Елизавету происходило за 5 лѣтъ) или мѣсяцевъ (между объявленіемъ приговора и казнью прошло болѣе 3-хъ мѣсяцевъ) и создалъ почти изъ ничего небывалое по ужасному трагизму положеніе мужчины, полугероя пьесы, который провожаетъ на плаху любимую и любящую его женщину (дѣйствіе V, явл. 10-е); а въ заключительной сценѣ онъ для побѣдоносной лицемѣрки Елизаветы устроилъ такую нравственную казнь, что въ сравненіи съ нею *ничто* всѣ страданія его несчастной героини.

Одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ (Гарнакъ) справедливо замѣчаетъ, что въ „Маріи Стюартъ“ нѣтъ трагическаго конфликта, такъ какъ героиня борется не сама съ собой, а только со внѣшними обстоятельствами. Но самъ же онъ долженъ признать, что несмотря на этотъ недостатокъ и несмотря на увѣренность зрителя въ неизбѣжной гибели Маріи, трагедія отъ начала до конца смотрится съ глубокимъ, душу захватывающимъ интересомъ, и каждая новая сцена развиваетъ и подвигаетъ впередъ трагическое дѣйствіе*). Дѣло въ томъ, что законы античной трагедіи не вполнѣ примѣнимы къ новой исторической драмѣ, задачи которой выходятъ далеко за предѣлы индивидуальнаго паѳоса. Такъ и въ „Маріи Стюартъ“ борьба двухъ женщинъ разыгрывается на широкой аренѣ борьбы двухъ міровъ: католическаго и протестантскаго; побѣда здороваго протестантизма несомнѣнна, но художникъ-мыслитель воспроизводитъ передъ нами съ великимъ искусствомъ и поэтическую, человѣчески трогательную сторону гибнущаго католицизма.

Въ отношеніи формы Марія Стюартъ представляетъ крупный шагъ впередъ по сравненію даже съ трилогіей о Валленштейнѣ. Языкъ пьесы отъ перваго стиха до

---

*) Въ этомъ отношеніи очень поучительно сравнить драму Шиллера съ почти современной трагедіей Альфіери *Maria Stuarda*, которая при всѣхъ своихъ достоинствахъ даже и читается не легко, такъ какъ въ ней монологи и діалоги поглощаютъ дѣйствіе.

послѣдняго—характерный языкъ Шиллера, характерный своимъ внутреннимъ паѳосомъ и, такъ сказать, своимъ задушевнымъ благородствомъ; но въ этихъ неизбѣжныхъ предѣлахъ каждое дѣйствующее лицо говоритъ сообразно своему характеру и положенію; не только холодный, сдержанный, часто двусмысленный, почти *змѣиный* языкъ Елизаветы рѣзко отличается отъ искренняго, то грустнаго, то исполненнаго оскорбленнаго достоинства и только въ концѣ „свиданія королевъ" язвительно-побѣдоноснаго тона Маріи; не только рѣчь Мортимера выдается изо всѣхъ своею страстностью, а въ 6-мъ явл. III акта—полубезумнымъ патологическимъ возбужденіемъ, но и энергичная суровая рѣчь Бёрлея рѣзко отличается отъ ворчливаго, иногда грубаго, но въ сущности добродушнаго способа выраженія сэра Полета и отъ ловкой, гибкой, какъ шпага, рѣчи Лейчестера. Только одинъ Шрусбери говоритъ такъ, какъ говорилъ бы самъ поэтъ на его мѣстѣ; но и въ его тонѣ безъ натяжки подмѣчается типичный оттѣнокъ старческаго спокойствія.

Слѣдуя примѣру Шекспира, Шиллеръ еще въ „Валленштейнѣ" началъ вставлять риѳмованные стихи среди бѣлыхъ. Въ „Маріи Стюартъ" онъ прибѣгаетъ къ этому средству поднимать тонъ значительно чаще и риѳмуетъ, большею частью съ промежутками, цѣлые монологи, произносимые въ состояніи сильнаго душевнаго возбужденія. Выраженіе чувствъ героини въ 1-мъ явленіи III дѣйствія такое же высокопоэтическое созданіе, какъ знаменитый монологъ „Орлеанской Дѣвы": „Ахъ почто за мечъ воинственный".

А. Кирпичниковъ.

Сэръ Вильямъ Сесиль, лордъ Бэрлей.

Портретъ Марка Гарарда.

МАРІЯ СТЮАРТЪ.

МАРІЯ СТЮАРТЪ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Дѣйствующія лица:

Елизавета, королева англійская.

Марія Стюартъ, королева щотландская, заключена въ англійскую тюрьму.

Робертъ Дэдлей, графъ Лейстеръ.

Георгъ Толботъ, графъ Шрусбэри.

Вильямъ Сесиль, баронъ Бэрлей, государственный казначей.

Графъ Кентъ.

Вильямъ Девисонъ, государственный секретарь.

Амьясъ Полетъ, рыцарь, стражъ Маріи.

Мортимеръ, его племянникъ.

Графъ Обепинъ, французскій посланникъ.

Графъ Бельевръ, чрезвычайный посолъ Франціи.

О'Келли, другъ Мортимера.

Дрэджонъ Друри, второй стражъ Маріи.

Мельвиль, ея дворецкій.

Бургоэнъ, ея врачъ.

Анна Кеннеди, ея кормилица.

Маргарита Кэрлъ, ея каммерфрау.

Шерифъ графства.

Офицеръ королевской стражи.

Французскіе и англійскіе кавалеры.

Драбанты.

Придворные служители королевы англійской.

Слуги и служанки королевы шотландской.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Замокъ Фотрингей.— Комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Кеннеди, *кормилица королевы шотландской, въ горячей борьбѣ съ* **Полетомъ**, *пытающимся открыть шкапъ.* **Дрэджонъ Друри**, *его помощникъ, съ ломомъ въ рукахъ.*

КЕННЕДИ.

Что жъ это, сэръ! Богъ знаетъ, до чего
Становитесь вы дерзки! Прочь отъ шкапа!

ПОЛЕТЪ.

Чья эта вещь? Ее швырнули сверху—
Садовника хотѣли подкупить.
Спасенья нѣтъ отъ бабьяго лукавства!
Ужъ какъ смотрю, ужъ какъ усердно роюсь,
А что ни день—то новая находка,
За кладомъ кладъ.

(Возится у шкапа).

Вѣдь не одно же это
Лежало здѣсь.

КЕННЕДИ.

Прочь, наглый человѣкъ!
Здѣсь тайны госпожи моей.

ПОЛЕТЪ.

Вотъ ихъ-то
И нужно мнѣ.

(Вынимаетъ рукописи).

КЕННЕДИ.

Ничтожныя бумаги,

Пустячное писанье, чтобъ досугъ
Неволи сократить.

ПОЛЕТЪ.

Въ досугѣ праздномъ
Поживу сатана себѣ находитъ.

КЕННЕДИ.

Бумаги все французскія.

ПОЛЕТЪ.

Тѣмъ хуже:
Для Англіи—на вражьемъ языкѣ.

КЕННЕДИ.

Наброски писемъ къ вашей королевѣ.

ПОЛЕТЪ.

Я и представлю... Э! сверкнуло что-то.
(Нажимаетъ пружинку у потайного ящика и вынимаетъ драгоцѣнный уборъ).
Начальникъ королевскій! И каменья
И лиліи французскія. Спрячь, Друри,
Туда же, гдѣ и прочія находки.
(Друри уходитъ).

КЕННЕДИ.

О, гнусное насиліе!

ПОЛЕТЪ.

Пока
Хоть малостью она владѣетъ—въ оба
Гляди за ней: все, все въ ея рукахъ
Въ оружіе способно превратиться.

КЕННЕДИ.

Сэръ, будьте милосердны: не берите
Послѣдняго, что краситъ наши дни.
Хоть отблескомъ величія былого
Потѣшить взоръ—и то уже отрада
Страдалицѣ обобранной!

ПОЛЕТЪ.

Что взято—
Не пропадетъ и въ цѣлости ей будетъ
Возвращено.

КЕННЕДИ.

Кто можетъ догадаться,
Что эта голь—жилище королевы?
Гдѣ надъ ея сидѣньемъ балдахинъ?
На грубый полъ не вынуждена развѣ
Ступать она ногой, ковры топтавшей?
Посуду оловянную къ столу
Ей подаютъ такую, что съ нея
Не стала бъ ѣсть послѣдняя дворянка.

ПОЛЕТЪ.

Вотъ такъ она супруга угощала,
Какъ въ Стерлинѣ жила,—самой же сладко
Съ дружкомъ пилось изъ кубковъ золотыхъ.

КЕННЕДИ.

Хоть плохенькое бъ зеркальце ей дали!

ПОЛЕТЪ.

Когда глядитъ на свой тщеславный образъ,
Она мечты опасныя питаетъ.

КЕННЕДИ.

И книгъ-то нѣтъ, чтобъ умъ занять.

ПОЛЕТЪ.

Зато
Есть Библія—для умягченья сердца.

КЕННЕДИ.

Отобрана и лютня даже.

ПОЛЕТЪ.

Лютня
Была нужна ей для любовныхъ пѣсенъ.

КЕННЕДИ.

И это—жребій той, что въ колыбели
Была ужъ королевой! что взросла
И въ роскоши и въ нѣгѣ Медичисовъ!
Власть отняли—довольно бы: неужто
И эта мишура глаза вамъ колетъ?
Въ несчастьи благородная душа
Лишь пуще закаляется; но больно,
Когда пустыхъ утѣхъ тебя лишаютъ.

ПОЛЕТЪ.

Въ нихъ все и зло для суетнаго сердца:
Смиренному раскаянью помѣха.
Грѣхи привольной жизни искупить
Возможно лишь нуждой да униженьемъ.

КЕННЕДИ.

Пусть въ юности она и провинилась—
Суди ее за то Господь и совѣсть;
Но въ Англіи судьи надъ нею нѣтъ.

ПОЛЕТЪ.

Судъ будетъ тамъ, гдѣ было преступленье.

КЕННЕДИ.

Въ оковахъ—преступленье?

ПОЛЕТЪ.

И въ оковахъ
Она сумѣла руку протянуть,
Чтобъ факелъ смуты бросить въ государство
И противъ королевы—да хранитъ
Ее Господь!—убійцъ направить шайку.
Да развѣ не изъ этихъ стѣнъ послала
Она злодѣя Парри съ Бебингтономъ
На гнусное цареубійство? Развѣ
Затворы эти не дали опутать
Ей сердце благородное Норфолька?
Ея вина, что лучшая въ отчизнѣ
Подъ топоромъ скатилась голова;
Но это вразумило ли безумцевъ,
Готовыхъ за нее въ огонь и въ воду?
На плахѣ—груды жертвъ, все за нее же,—
И будетъ такъ, пока она не станетъ
Сама своихъ злодѣйствъ кровавой жертвой.
Будь проклятъ день, когда Еленѣ этой
Радушно дверь къ себѣ мы распахнули!

КЕННЕДИ.

Радушно дверь вы распахнули? ей?
Несчастной, что, гонимая, явилась
О помощи молить, искать защиты
У родственнаго сердца, но едва

На берегъ вашъ ступила, увидала
Себя въ плѣну, внѣ сана и закона,
И дней своихъ расцвѣтъ влачитъ съ тѣхъ поръ
Въ безжалостно-суровомъ заключеньи!
Той, что испить всю чашу горькой доли,
Какъ жалкую воровку, заставляютъ,
И требуютъ на судъ, и приговоръ
На жизнь и смерть выносятъ—королевѣ!

ПОЛЕТЪ.

Въ нашъ край она явилась, какъ убійца;
Народъ ее прогналъ, лишивъ престола,
Такъ тяжко опозореннаго ею.
Явилась заговорщицей она,
Маріею Испанскою явилась,
Чтобъ, Англію заливъ ручьями крови,
Ввести въ ней католичество насильно
И головой ее французу выдать.
Зачѣмъ же эдинбургскій договоръ
Отвергнула она—не захотѣла
На Англію оставить притязанья
И почеркомъ пера себѣ открыть
Дорогу изъ тюрьмы? Нѣтъ, ей, какъ видно,
Претерпѣвать обиды въ заточеньи
Пріятнѣй, чѣмъ отъ призрачнаго блеска
Столь милаго ей сана отказаться.
А почему пріятнѣй? потому,
Что жить она безъ происковъ не можетъ,
Упорно въ силу чаръ нечистыхъ вѣритъ
И козни здѣсь украдкою сплетая,
Заполонить надѣется весь островъ.

КЕННЕДИ.

Смѣетесь, сэръ,—къ жестокости хотите
Обидное глумленіе прибавить!
Надѣется! она-то, что, живьемъ
Въ застѣнкѣ погребенная, не слышитъ
Ни звука утѣшенья, ни привѣта
Отъ родины возлюбленной! Она,
Что, кромѣ надзирателей угрюмыхъ,
Лица-то человѣчьяго не видитъ!
Надѣется, когда на-дняхъ приставленъ
Къ ней новый стражъ—вашъ родичъ неприступный!
Когда второй рѣшеткой оградили...

ПОЛЕТЪ.

Нѣтъ отъ ея лукавства огражденья.
Быть-можетъ, эти прутья ужъ давно
Подпилены, а этотъ полъ и стѣны,
Хоть прочныя на видъ, уже прорыты—
И стоитъ мнѣ уснуть, какъ тутъ и гости?
Воистину проклятый долгъ—стеречь
Крамольницу коварную! Отъ страха
Всю ночь безъ сна мятусь, какъ духъ скорбящій,—
И стражу провѣряю, и замковъ
Испытываю крѣпость, и подумать
Боюсь о томъ, что принесетъ мнѣ утро.
Однимъ я утѣшаюсь: есть надежда,
Что этому конецъ настанетъ скоро;
Иначе бы я лучше согласился
Толпу чертей стеречь у входа въ адъ,
Чѣмъ эту бунтовщицу-королеву.

КЕННЕДИ.

Вотъ и она.

ПОЛЕТЪ.

Съ распятіемъ въ рукахъ
Съ мірскими вожделѣніями въ сердцѣ!

ЯВЛЕНІЕ II.

МАРІЯ, *подъ покрываломъ, съ распятіемъ въ рукахъ*. ТѢ ЖЕ.

КЕННЕДИ *(спѣша къ ней навстрѣчу)*.

Насъ топчатъ, государыня! Ихъ звѣрству
Не стало ужъ границъ: за мукой мука,
Обида за обидой громоздятся
На голову вѣнчанную твою.

МАРІЯ.

Мужайся! Что случилось?

КЕННЕДИ.

Ты не видишь?
Взломали ящикъ твой; твои бумаги,
Единственное, спрятанное нами,
Сокровище—остатокъ твоего
Французскаго вѣнчальнаго убора—
Въ его рукахъ. Отнынѣ у тебя
Нѣтъ ничего изъ знаковъ королевскихъ!
Обобрана до тла.

МАРІЯ.

Спокойнѣй, Анна.
Не этой мишурой я королева.
Насъ могутъ унижать, но не унизить.
Ко многому я въ Англіи привыкла—
Стерплю и это. Сэръ, вы завладѣли
Насильно тѣмъ, что я сама хотѣла
Сегодня же отдать вамъ добровольно.
Въ бумагахъ этихъ вы письмо найдете
Къ сестрѣ моей державной: дайте слово,
Что попадетъ оно къ ней прямо, мимо рукъ
Предательскихъ Бэрлея.

ПОЛЕТЪ.

Тамъ увидимъ.

МАРІЯ.

Я не желаю, сэръ, отъ васъ таиться.
Въ письмѣ прошу я милости великой—
Бесѣды съ той, которую ни разу
Не видѣла въ глаза. Меня позвали
На судъ мужчинъ; но ихъ признать за равныхъ
Себѣ я не могла, къ нимъ не могла я
Съ довѣрьемъ отнестись. Съ Елизаветой
У насъ одинъ и полъ, и родъ, и санъ—

И ей одной могла бы я открыться,
Какъ женщинѣ, сестрѣ и королевѣ.

ПОЛЕТЪ.

Но жребій свой и честь свою, милэди,
Ввѣряли зачастую вы мужчинамъ,
И менѣе достойнымъ уваженья.

МАРІЯ.

Прошу еще, какъ милости, другого,
Въ чемъ отказать безчеловѣчно было бъ.
Давно уже я радости духовной
Не вѣдаю—давно не пріобщалась
Я Тайнъ Святыхъ. Лишившая меня
Свободы и вѣнца не пожелаетъ
Еще и къ небесамъ закрыть мнѣ доступъ.

ПОЛЕТЪ.

Коль пожелаете, деканъ нашъ здѣшній...

МАРІЯ *(быстро перебивая его).*

Моей мнѣ вѣры нуженъ духовникъ.
И стряпчій нуженъ мнѣ съ писцомъ, чтобъ волю
Послѣднюю мою удостовѣрить.
Уныніе и тягость заточенья
Подтачиваютъ жизнь мою замѣтно.
Немного ужъ, боюсь, ея осталось—
И думами къ развязкѣ неизбѣжной
Все чаще обращаюсь я.

ПОЛЕТЪ.

Похвально.
Вамъ именно къ лицу такія думы.

МАРІЯ.

И кто меня увѣритъ, что кручины
Медлительной работы не ускоритъ
Проворная рука? Хочу теперь же
Я сдѣлать завѣщаніе, хочу
Распорядиться тѣмъ, что у меня
Не отнято еще.

ПОЛЕТЪ.

Вы въ полномъ правѣ.
У королевы англійской желанья
Разбогатѣть добычей вашей—нѣтъ.

МАРІЯ.

Разлучена я съ тѣми, что служили
Мнѣ преданно и вѣрно: гдѣ они?
Безъ ихъ услугъ я обойдусь, конечно;
Но каково живется имъ, несчастнымъ?

ПОЛЕТЪ.

О нихъ ужъ позаботились.
(Хочетъ идти).

МАРІЯ.

Какъ, сэръ?
Уходите? И нынче не хотите
Отъ гнета неизвѣстности избавить
Тревогами истерзанное сердце?
Меня вы такъ усердно сторожите,
Что я совсѣмъ отторгнута отъ міра,
И ни одна сквозь эти стѣны вѣсть
Ко мнѣ не долетаетъ. Минулъ мѣсяцъ—
Томительный и тягостный, съ тѣхъ поръ,
Какъ сорокъ комиссаровъ въ этомъ замкѣ
Напали на меня и съ непристойной
Поспѣшностью поставили нежданно
Передъ судомъ, какого не бывало;
И мнѣ, ошеломленной, беззащитной,
Опутанной тенетами вопросовъ,—
На память, наобумъ, безъ передышки,
Пришлось давать отвѣты: какъ видѣнья,
Они, едва явившись, исчезали.
Со дня того никто передо мною
Не раскрываетъ рта—и я напрасно
Пытаюсь въ вашихъ взглядахъ прочитать,
Что побѣдить должно: моя ль невинность,
Друзей моихъ упорныя страданья,—
Иль скопище враговъ ожесточенныхъ?
Не мучьте же, повѣдайте—чего
Бояться мнѣ? на что мнѣ уповать?

ПОЛЕТЪ *(послѣ нѣкотораго молчанія).*

Покончите разсчеты съ небесами.

МАРІЯ.

На милость ихъ надѣюсь я—и также
Надѣюсь на людское правосудье.

ПОЛЕТЪ.

Въ послѣднемъ не должны вы сомнѣваться.

МАРІЯ.

Судъ надо мной оконченъ, сэръ?

ПОЛЕТЪ.

Не знаю.

МАРІЯ.

Осуждена?

ПОЛЕТЪ.

Не знаю ничего,
Милэди.

МАРІЯ.

Здѣсь въ дѣлахъ не любятъ мѣшкать.
Нежданный судъ—быть можетъ, и нежданный
Убійца припасенъ уже?

ПОЛЕТЪ.

Считайте,
Что такъ оно и есть: тогда убійца
Васъ въ лучшемъ настроеніи застанетъ,
Чѣмъ вы теперь.

МАРІЯ.

Не удивлюсь я, сэръ,
Какое бы ни изрекли рѣшенье
Въ Вестминстерѣ, гдѣ ненависть Бэрлея
И рвеніе Гаттона все вершаютъ;
И мнѣ ли ужъ не знать, на что способна
Отважиться сестрица-королева!

ПОЛЕТЪ.

Владыкамъ нашей Англіи и не съ чѣмъ
Считаться, кромѣ совѣсти своей
Да своего парламента; и что
Коронный судъ постановилъ безъ страха,—

Осуществить корона не замедлитъ
Передъ лицомъ всѣхъ странъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же. Мортимеръ, *племянникъ Полета, входитъ и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на королеву, направляется къ Полету.*

МОРТИМЕРЪ.

Васъ ищутъ, дядя.
(Такъ же и удаляется. Королева съ негодованіемъ это замѣчаетъ и удерживаетъ Полета, который хочетъ слѣдовать за племянникомъ).

МАРІЯ.

Еще одна къ вамъ просьба, сэръ. Отъ васъ,
Когда вамъ говорить со мною нужно,
Я многое стерплю: я чту вашъ возрастъ,
Но юноши задорная кичливость
Противна мнѣ. Пожалуйста, избавьте
Меня отъ грубыхъ выходокъ его.

ПОЛЕТЪ.

Что вамъ противно въ немъ, то мнѣ въ немъ цѣнно,
Онъ не изъ тѣхъ, конечно, ротозѣевъ,
Что таютъ отъ притворныхъ женскихъ слезъ.
Онъ странствовалъ, былъ въ Реймсѣ и въ Парижѣ
И вѣрнымъ сыномъ Англіи вернулся.
Искусство ваше здѣсь безсильно, лэди.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Марія. Кеннеди.

КЕННЕДИ.

Грубьянъ посмѣлъ сказать въ лицо вамъ это
О, тяжкій крестъ!

МАРІЯ *(погруженная въ раздумье).*

Въ дни славы черезчуръ
Охотно мы прислушивались къ лести:
Не справедливо ль, добрая Кеннеди,
Чтобъ мы и укоризны безпощадной
Послушали?

КЕННЕДИ.

Какъ, лэди дорогая?
Ужъ такъ смирились вы? такъ пали духомъ?
А до сихъ поръ веселостью своею
Меня же утѣшали! Я вѣдь больше
На ваше легкомысліе ворчала,
Чѣмъ на печаль.

МАРІЯ.

Я узнаю ее:
То короля Дарнлея тѣнь изъ гроба,
Кровавая и гнѣвная, встаетъ—
И лишь тогда грозить мнѣ перестанетъ,
Когда всѣхъ бѣдъ моихъ свершится мѣра.

КЕННЕДИ.

Къ чему такими мыслями...

МАРІЯ.

Ты, Анна,
Забывчива, а я не забываю.
Сегодня злополучнаго дѣянья
Опять ужъ годовщина: этотъ день
Я провожу въ постѣ и покаяньи.

КЕННЕДИ.

Отправьте на покой зловѣщій призракъ.
Вы долгъ свой уплатили долголѣтнимъ
Раскаяньемъ и подвигомъ страданій.
Вы прощены и церковью, которой
Ключъ отпущенья данъ, и небесами.

МАРІЯ.

Прощенный грѣхъ подъ пеленой кровавой
Встаетъ изъ чуть засыпанной могилы!
Супруга тѣнь, взывающую къ мести,
Не усмиритъ ни звонъ колоколовъ,
Ни пастырской руки благословенье.

КЕННЕДИ.

Не вы его убили, а другіе!

МАРІЯ.

Но я объ этомъ знала. Я дала
Свершиться злодѣянію и лаской
Несчастнаго въ ловушку заманила.

КЕННЕДИ.

То—молодости грѣхъ. Тогда въ такомъ
Вы были нѣжномъ возрастѣ!

МАРІЯ.

Да, въ нѣжномъ,—
Но грузъ я на него взвалила тяжкій.

КЕННЕДИ.

Ввела васъ въ гнѣвъ жестокая обида
И наглая заносчивость того,
Кого своей любовью, какъ десницей
Божественной, изъ мрака вы исторгли,
Къ престолу провели покоемъ брачнымъ
И блескомъ красоты своей, въ вѣнцѣ
Наслѣдственнаго сана, озарили.
Да могъ ли онъ забыть все то, чѣмъ вашей
Любви великодушной былъ обязанъ?
И что жъ? Забылъ! забылъ, неблагодарный!
Своею подозрительностью низкой
Онъ грубо вашу нѣжность оскорбилъ
И опостылѣлъ вамъ. Обманъ лукавый
Разсѣялся—и вы въ негодованьи
Бѣжали изъ объятій нечестивца,

Съ презрѣньемъ оттолкнувъ его... а онъ?
Старался ли онъ вашу благосклонность
Вновь заслужить? молилъ ли о прощеньи?
У вашихъ ногъ, въ раскаяньи сердечномъ,
Исправиться давалъ ли клятву? Нѣтъ!
Упорно, омерзительный, пытался
Разыгрывать владыку той, чьихъ рукъ
Созданьемъ былъ. На вашихъ же глазахъ
Велѣлъ пронзить онъ вашего любимца,
Пѣвца-красавца Рицціо: вы кровью
Отмстили за кровавое дѣянье

МАРІЯ.

И кровью же на мнѣ оно отмстится.
Утѣшила меня ты—приговоромъ!

КЕННЕДИ.

Потворствуя убійству мужа, были
Вы внѣ себя, собой вы не владѣли.
Слѣпая страсть лишила васъ разсудка:
Съ надменной необузданностью мужа
Господствовалъ надъ вами обольститель
Безсовѣстный—губительный Ботвель;
Смущая духъ вашъ зельемъ приворотнымъ
Да дьявольскими чарами своими,
Онъ распалялъ...

МАРІЯ.

Его мужская воля
Съ безволіемъ моимъ—вотъ всѣ и чары.

КЕННЕДИ.

Да нѣтъ же, говорю! Всѣхъ духовъ тьмы
Онъ долженъ былъ призвать къ себѣ на помощь,
Чтобъ свѣтлый умъ вашъ помутить,—и вы
Заткнули для совѣтовъ добрыхъ уши,
Закрыли на приличіе глаза.
Пропалъ и слѣдъ застѣнчивости милой;
Смиренной добродѣтели румянецъ
Огнемъ мятежной похоти смѣнился.
Вы сбросили съ себя одежду тайны,
И смѣлая порочность побѣдила
Врожденную стыдливость вашу: дерзко
Тщеславились вы слабостью своею.
Торжественно несли передъ собой
По городу мечъ королей шотландскихъ
Убійцѣ вы дозволили—подъ громъ
Проклятій возмущеннаго народа;
Войсками оцѣпили вы парламентъ
И судей—въ самомъ храмѣ правосудья—
Безстыднымъ скоморошествомъ склонили
Виновнаго въ убійствѣ оправдать.
Потомъ... потомъ... О Господи!

МАРІЯ.

Кончай же:
Потомъ ему же руку протянули
Предъ алтаремъ...

КЕННЕДИ.

О, пусть навѣки будетъ
Безмолвіемъ покрытъ поступокъ этотъ—
Чудовищный поступокъ, безпримѣрный,
Въ конецъ погибшей женщины достойный
Но вы вѣдь не погибшая, я знаю.
Я вырастила васъ; вы мягкимъ сердцемъ
Надѣлены, стыду вполнѣ доступнымъ:
Единственный порокъ его—безпечность.
Еще разъ говорю: есть злые духи,
Которые въ груди не защищенной
Пріютъ себѣ мгновенно обрѣтаютъ,
Ужасное въ насъ что-то производятъ
И, отлетая въ адъ, смятенье сѣютъ
Въ поруганномъ святилищѣ души.
Ни разу послѣ этого поступка
Не прегрѣшили вы: я въ томъ ручаюсь.
Такъ поднимите жъ голову и сами
Съ собою примиритесь. Если въ чемъ
И нужно вамъ покаяться—не здѣсь
Вы провинились. Ни Елизавета,
Ни англійскій парламентъ—вамъ не судьи.
Пусть угнетаютъ васъ—за ними сила;
Но передъ ихъ судомъ лицепріятнымъ
Вы можете предстать со всей отвагой
Невинности.

МАРІЯ.

Кто тамъ?
(Въ дверяхъ показывается Мортимеръ).

КЕННЕДИ.

Племянникъ. Вамъ бы
Къ себѣ уйти.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. Мортимеръ *робко входитъ.*

МОРТИМЕРЪ *(кормилицѣ).*

Постойте у порога
Я долженъ съ королевой говорить.

МАРІЯ *(многозначительно).*

Ты здѣсь нужна мнѣ, Анна.

МОРТИМЕРЪ.

О, милэди!
Напрасный страхъ. Узнайте, кто я.
(Подаетъ ей письмо).

МАРІЯ *(при видѣ письма, пораженная, отступаетъ).*

А!
Что это?

МОРТИМЕРЪ *(кормилицѣ).*

Госпожа Кеннеди, будьте
Насторожѣ, чтобъ не вошелъ мой дядя.

МАРІЯ *(кормилицѣ).*

Иди! иди! Что сказано, то дѣлай.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Мортимеръ. Марія.

МАРІЯ.

Изъ Франціи! отъ дяди-кардинала!

(Читаетъ).

„Довѣрьтесь предъявителю письма:
„Изъ англійскихъ друзей, вашъ другъ вѣрнѣйшій—
„Сэръ Мортимеръ".

(Съ изумленіемъ смотритъ на Мортимера).

Возможно ль! Вы не призракъ?
Такъ быстро нахожу себѣ я друга—
А мнѣ уже казалось, что забыта
Всѣмъ міромъ я,—и кто же это! Вы,
Чей дядя—мой тюремщикъ неусыпный,
Мой злѣйшій врагъ...

МОРТИМЕРЪ *(бросаясь на колѣни).*

Простите, королева,
Мнѣ эта ненавистная личина
Не дешево далась, но лишь подъ нею
Сюда я могъ проникнуть—принести
Вамъ помощь и свободу.

МАРІЯ.

Встаньте, сэръ,
Меня ошеломили вы. И сразу

От полнаго отчаянья къ надеждѣ
Я перейти не въ силахъ. Говорите.
Чтобъ счастью своему повѣрить, надо
Постичь его.

МОРТИМЕРЪ *(встаетъ).*

Намъ дороги минуты.
Сейчасъ опять прійдетъ сюда мой дядя,
А съ нимъ и ненавистный человѣкъ;
Но, прежде чѣмъ извѣстіемъ ужаснымъ
Они ударъ вамъ нанесутъ,—узнайте,
Какъ небеса даруютъ вамъ спасенье.

МАРІЯ.

Оно—въ ихъ всемогуществѣ чудесномъ.

МОРТИМЕРЪ.

Съ себя начать дозвольте, королева.

МАРІЯ.

Я слушаю.

МОРТИМЕРЪ.

Мнѣ было двадцать лѣтъ,
Когда, возросшій въ правилахъ суровыхъ
И въ безпощадной ненависти къ папству,—
Я увлеченъ былъ страстнымъ любопытствомъ
На материкъ. Оставивъ за собою
И душныя молельни пуританъ
И родину, вдоль Франціи поспѣшно
Проѣхалъ я: всѣмъ существомъ я рвался
Къ прославленной Италіи. Настали
Дни праздника великаго. Дороги
Кишѣли богомольцами; вѣнкомъ
Былъ набожно украшенъ каждый образъ:
Весь Божій людъ, казалось мнѣ, пустился
Въ путь къ царствію небесному. Я также
Подхваченъ былъ стремительнымъ потокомъ—
И очутился вдругъ въ предмѣстьяхъ Рима.
О, что со мною сталось, королева,
Когда ряды колоннъ и арокъ стройныхъ
Навстрѣчу мнѣ, какъ въ сказкѣ, поднялись—
И замеръ я, безъ разума и воли,
Въ величественныхъ нѣдрахъ Колизея,
Какъ будто силой творческаго духа
Въ обитель свѣтлыхъ чаръ перенесенный,
Чужда была мнѣ власть искусства: церковь,
Въ которой я воспитанъ, ненавидитъ
Все то, что нашимъ чувствамъ льститъ; она
Не терпитъ никакихъ изображеній,
Безплотное лишь слово почитая.
А что еще потомъ со мною сталось,
Когда вошелъ я въ храмъ—въ одинъ, въ другой,—
И хлынули небесныхъ звуковъ волны,
И на стѣнахъ, и въ куполѣ, повсюду
Вдругъ выступили образы живые,
И вся краса и все величье міра
Предстало въявь моимъ очамъ прозрѣвшимъ!
Когда я самъ увидѣлъ всю святыню—
И ангельскаго лика славословье.
И Рождество Христа, и Богоматерь,
И Троицу Святую, и Господне,
Въ сіяньи неземномъ, преображенье!
Когда я, наконецъ, увидѣлъ папу—
Увидѣлъ какъ торжественно и пышно
Обѣдню онъ служилъ и какъ народы
Благословлялъ! Что передъ этимъ блескомъ—
Блескъ золота и камней драгоцѣнныхъ,
Которымъ насъ дивятъ цари земные!
На немъ одномъ небесный свѣтъ почіетъ;
Его обитель—рай обѣтованный:
Все—не отъ міра въ ней.

МАРІЯ.

О, пощадите!
Умолкните! Не разстилайте больше
Ковра живыхъ цвѣтовъ передо мною.
Я на чужбинѣ здѣсь, я здѣсь въ тюрьмѣ.

МОРТИМЕРЪ.

Со мною было то же, королева!
Но пробилъ часъ, моя тюрьма разверзлась.
И духъ освобожденный—новой жизни
Привѣтствуетъ прекрасную зарю.
Поклялся я со злобою отречься
Отъ узкаго и мрачнаго ученья
И, замѣнивъ вѣнокъ увядшій свѣжимъ,
Къ ликующимъ ликуя пріобщиться.
Нашелъ я тамъ шотландцевъ благородныхъ,
Съ веселыми французами сошелся,
И, вотъ, мы всѣ—у кардинала Гиза,
У вашего достойнѣйшаго дяди.
О, что за человѣкъ! И твердъ и ясенъ,
И величавъ! Поистинѣ, рожденъ
Повелѣвать умами! Первообразъ
Іерарха именитаго--князь церкви,
Какого я не выдавалъ донынѣ!

МАРІЯ.

Лицомъ къ лицу съ великимъ человѣкомъ,
Съ моимъ руководителемъ безцѣннымъ,
Стояли вы—и что же? Продолжайте!
Попрежнему онъ помнитъ обо мнѣ?
Судьба къ нему все такъ же благосклонна
И путь его цвѣтами усыпаетъ?
Все та же онъ твердыня церкви нашей?

МОРТИМЕРЪ.

Самъ, дивный, снизошелъ онъ до того,
Чтобъ свѣтомъ вѣры истинной разсѣять
Души моей тревожныя сомнѣнья.
Онъ мнѣ внушилъ, что мудрствуя лукаво,
Блуждаемъ мы во мракѣ безпросвѣтномъ,—
Что должно намъ глазами видѣть то,
Во что должны увѣровать мы сердцемъ,—
Что церкви нуженъ видимый глава,—

Что благодатью Праведнаго Духа
Осѣнены святыхъ отцовъ соборы.
Слѣда отъ дѣтскихъ бредней не осталось
Передъ его умомъ побѣдоноснымъ,
Передъ его плѣнительною рѣчью;
Вернулся я, блуждавшій, въ лоно церкви,
А заблужденья всѣ вручилъ ему.

МАРІЯ.

Такъ вы одинъ изъ тысячей счастливцевъ,
Которыхъ онъ небесной силой слова,
Съ Наставникомъ Нагорнымъ соревнуя,
Восхитилъ и направилъ къ жизни вѣчной?

МОРТИМЕРЪ.

Но вскорѣ онъ отозванъ былъ по службѣ
Во Францію, меня же въ Реймсъ послалъ,
Гдѣ пастырей для Англіи усердно
Воспитываетъ общество Іисуса.
Тамъ я Моргана доблестнаго встрѣтилъ,
А вмѣстѣ съ нимъ и вѣрнаго Леолея
И Росскаго епископа: всѣ трое
Въ чужомъ краю влачили дни изгнанья,
Съ такими-то почетными людьми
Я сблизился—и въ вѣрѣ укрѣпился.
Однажды у епископа въ покояхъ
Мой взоръ былъ привлеченъ портретомъ женскимъ,
Который такъ глубоко взволновалъ
Меня своею прелестью печальной,
Что отъ него не могъ я оторваться.
И мнѣ сказалъ тогда ученый пастырь:
„Смотрите съ умиленьемъ, не смущаясь,
„На образъ этой женщины, изъ всѣхъ,
„Что въ мірѣ есть, прекраснѣйшей, но также
„Всѣхъ болѣе достойной сожалѣнья.
„Страдалица за вѣру! и страдаетъ
„Она въ отчизнѣ вашей“.

МАРІЯ.

О, праведникъ!
Нѣтъ, не всего лишилась я, когда
Въ несчастьи сберегла такого друга.

МОРТИМЕРЪ.

Потомъ, съ ужасной силой краснорѣчья,
Описывать онъ муки ваши началъ
И кровожадность вашихъ палачей;
По вашей родословной онъ наглядно
Мнѣ показалъ происхожденье ваше
Изъ дома вѣнценоснаго Тюдоровъ
И убѣдилъ меня, что возсѣдать
На англійскомъ престолѣ вамъ бы должно,
А не поддѣльной этой, зачатой
На ложѣ любострастья, королевѣ,
Которую и самъ отецъ законнымъ
Ребенкомъ не призналъ. Но я ужъ сразу
Хотѣлъ всѣ доказательства исчерпать:
Къ извѣстнымъ правовѣдамъ обращался,
Гербовники изслѣдовалъ усердно—
И силу притязаній вашихъ все
Безспорно подтвердило мнѣ. Я знаю
Доподлинно теперь, что ваше право
На Англію—все преступленье ваше;
Что вамъ принадлежитъ то государство,
Гдѣ васъ томятъ въ безвинномъ заточеньи.

МАРІЯ.

О, право злополучное! Оно
Всѣхъ бѣдъ моихъ единственный источникъ.

МОРТИМЕРЪ.

И вдругъ я узнаю, что ужъ не Толботъ,
А дядя мой—блюститель вашихъ узъ!
Я въ этомъ усмотрѣлъ Небесный Промыслъ,
Услышалъ зовъ судьбы, предназначавшей
Моей рукѣ освобожденье ваше.
Сердца друзей ликуютъ. Кардиналъ
Меня, съ благословеньемъ, подвергаетъ
Мучительному искусу притворства.
Тотчасъ и планъ готовъ, я возращаюсь—
И десять дней ужъ здѣсь, какъ вамъ извѣстно.
(Останавливается).
Здѣсь васъ увидѣлъ я—васъ, королева!
Не вашъ портретъ! Какую драгоцѣнность
Скрываетъ этотъ замокъ! Не тюрьма!
Убѣжище богини—лучезарнѣй
Вестминстерскихъ палатъ! Какое счастье
Однимъ хоть съ вами воздухомъ дышать!
Еще бы той—не прятать васъ ревниво!
Воспрянула бъ вся наша молодежь,
Ничей бы мечъ въ ножнахъ не залежался,
И, голову поднявъ, какъ богатырь,
Мятежъ по мирнымъ пажитямъ прошелъ бы,
Когда бъ узрѣлъ воочію британецъ
Владычицу свою!

МАРІЯ.

Ахъ, только надо,
Чтобъ на нее онъ и смотрѣлъ, какъ вы!

МОРТИМЕРЪ.

Достаточно, какъ я, быть очевидцемъ
Однихъ страданій вашихъ: очевидцемъ
Той кротости и твердости высокой,
Съ какою незаслуженное бремя
Несете вы. Иль въ тяжкихъ испытаньяхъ
Перестаете быть вы королевой?
Иль ваша красота въ темницѣ меркнетъ?
Вы лишены всего, что краситъ жизнь,—
Но намъ и свѣтъ и жизнь дарите щедро.
Ни разу не входилъ я въ эту дверь,
Чтобъ скорбью раздираемое сердце
Восторгомъ лицезрѣнья не пылало!...
Но грозно приближается развязка—
И все растетъ опасность: дольше медлить
Не вправѣ я—молчать не вправѣ дольше...

МАРІЯ.

Такъ приговоръ произнесенъ? Смѣлѣе!
Не бойтесь за меня!

МОРТИМЕРЪ.

Произнесенъ.
Рѣшеньемъ сорока двухъ голосовъ
Вы признаны виновной. И палаты
И граждане—всѣ жаждутъ вашей кары.
Лишь медлитъ королева; но не милость,
Не жалость это—нѣтъ!—разсчетъ коварный:
Ей нужно, чтобъ принудили ее.

МАРІЯ *(съ рѣшимостью)*.

Сэръ Мортимеръ! Меня извѣстье ваше
Ни удивить, ни испугать не можетъ:
Давно ужъ я предчувствовала это.
Я знаю тѣхъ, кто осудилъ меня;
А послѣ всѣхъ обидъ перенесенныхъ
Мнѣ ль ожидать свободы! и не ясно ль,
Къ чему все это клонится? Хотятъ
Держать меня до смерти въ заточеньи—
И месть мою, права мои навѣки
Со мной похоронить во тьмѣ тюремной.

МОРТИМЕРЪ.

Нѣтъ, королева, нѣтъ! о, нѣтъ! На этомъ
Отнюдь не успокоится тиранство:
Наполовину сдѣланное дѣло—
Не дѣло для него. Живете вы,
Живетъ и страхъ въ душѣ Елизаветы.
Вы и въ тюрьмѣ ей вѣчная угроза:
Лишь ваша смерть престолъ за ней упрочитъ.

МАРІЯ.

На плахѣ всенародно опозорить
Дерзнула бы она мое чело
Вѣнчанное?

МОРТИМЕРЪ.

Дерзнетъ. Не сомнѣвайтесь.

МАРІЯ.

Величіе державное она
Такъ уронить рѣшилась бы? А месть—
Месть Франціи?

МОРТИМЕРЪ.

Бракъ съ герцогомъ Анжуйскимъ
Навѣки устранитъ опасность эту.

МАРІЯ.

Но развѣ за меня король испанскій
Не поднялъ бы оружія тотчасъ же?

МОРТИМЕРЪ.

Ей цѣлый свѣтъ въ оружіи не страшенъ,
Пока она въ согласіи съ народомъ.

МАРІЯ.

И духу бы хватило у нея
Британцамъ это зрѣлище устроить?

МОРТИМЕРЪ.

Британцы приглядѣлись ужъ, милэди,
Какъ жены вѣнценосныя съ престола
На плаху переходятъ. Этотъ путь
Свершила мать самой Елизаветы,
За ней же вслѣдъ—Екатерина Говардъ.
И Анна Грей вѣнецъ носила также.

МАРІЯ *(послѣ нѣкотораго молчанія)*.

Нѣтъ, Мортимеръ! То—ложный страхъ: онъ созданъ
Заботливостью преданнаго сердца.
Не плахи, сэръ, боюсь я. Навсегда
Раздѣлаться съ соперницей опасной
Властительница Англіи сумѣетъ
Инымъ путемъ—безъ шума и огласки.
Скорѣй, чѣмъ для меня палачъ найдется,—
Дастъ подкупить себя простой убійца.
Вотъ что меня приводитъ въ трепетъ, сэръ!
Я не могу дотронуться до кубка
Безъ мысли ужасающей, что это—
Моей сестрицы нѣжной подношенье.

МОРТИМЕРЪ.

Но пусть же не коснется жизни вашей
Ни явное, ни тайное убійство!
Двѣнадцать знатныхъ юношей вступили
Со мной въ союзъ—и, чтобъ Отецъ Небесный
Далъ силу имъ васъ увезти изъ замка,—
Святыхъ даровъ сегодня пріобщились.
Нашъ умыселъ и графу Обепину,
Французскому посланнику, извѣстенъ:
Самъ принялъ онъ участье въ заговорѣ—
И заговоръ созрѣлъ въ его дворцѣ.

МАРІЯ.

О, сэръ! я трепещу... но этотъ трепетъ
Не къ радости. Пронзило сердце мнѣ
Зловѣщее предчувствіе. Вы что
Задумали? Гдѣ разумъ вашъ? Забыли
Про участь Бебингтона и Тишбэрна,
Чьи головы на лондонскомъ мосту
Въ угрозу населенью красовались?
Про участь тѣхъ—а имъ и счетъ потерянъ!—
Что смерть нашли въ отчаянной попыткѣ
И лишь мои отяготили узы?
Бѣги, злосчастный юноша! бѣги
Отъ страшныхъ чаръ, пока еще не поздно,—
Пока Бэрлей объ этомъ не провѣдалъ
И къ вамъ не ввелъ предателя! Бѣги,
Скорѣй бѣги! Никто еще донынѣ
Изъ ревностныхъ друзей Маріи Стюартъ
Не вѣдалъ счастья.

МОРТИМЕРЪ.

Не страшитъ меня
Ни участь Бебингтона и Тишбэрна,
Чьи головы на лондонскомъ мосту
Въ угрозу населенью красовались,
Ни участь тѣхъ—пусть имъ и счетъ потерянъ!
Что смерть нашли въ отчаянной попыткѣ:

Нашли они и вѣчную въ ней славу
И счастье умереть за васъ.

МАРІЯ.

Напрасно!
Ни сила не спасетъ меня, ни хитрость.
Врагъ бодрствуетъ—и власть въ его рукахъ.
Не Полетъ со своими сторожами
Моей тюрьмы ворота охраняетъ:
Вся Англія! И лишь по доброй волѣ
Елизаветы могутъ распахнуться
Они передо мной.

МОРТИМЕРЪ.

О, никогда!

МАРІЯ.

Есть человѣкъ—единственный на свѣтѣ,—
Что отворить немедленно ихъ могъ бы.

МОРТИМЕРЪ.

Такъ назовите же...

МАРІЯ.

Графъ Лейстеръ.

МОРТИМЕРЪ (*отступаетъ, пораженный*).

Лейстеръ!
Графъ-Лейстеръ! вашъ гонитель кровожадный—
Елизаветинъ другъ—и онъ...

МАРІЯ.

Да, онъ—
И только онъ, коль есть еще спасенье.
Ступайте же! Во всемъ ему откройтесь;
А чтобъ онъ зналъ, что я васъ посылаю,—
Вотъ вамъ письмо. Здѣсь мой портретъ.

(*Вынимаетъ спрятанную на груди бумагу; Мортимеръ отступаетъ и не рѣшается взять*).

Возьмите.
Давно ужъ приготовила я это,

Чтобъ передать ему,—но дядя вашъ
Связалъ меня своимъ надзоромъ строгимъ.
Васъ ниспослалъ мнѣ ангелъ...

МОРТИМЕРЪ.

Королева...
Вы задали загадку... Объясните...

МАРІЯ.

Графъ Лейстеръ вамъ загадку разгадаетъ.
Въ довѣрчивости вашей убѣдившись,
Довѣрится и онъ... Кто тамъ?

КЕННЕДИ (*входитъ поспѣшно*).

Сэръ Полетъ
И кто-то изъ придворныхъ.

МОРТИМЕРЪ.

Лордъ Бэрлей.
Спокойнѣй, королева! Не теряйтесь,
Съ какою бы онъ вѣстью не явился.
(*Уходитъ въ боковую дверь. Кеннеди слѣдуетъ за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Марія. Лордъ Бэрлей, *государственный казначей Англіи, и* **рыцарь Полетъ.**

ПОЛЕТЪ.

Объ участи своей желали вы
Знать истину; вамъ истину его
Сіятельство милордъ Бэрлей приноситъ.
Примите же ее со всѣмъ смиреньемъ.

МАРІЯ.

Съ достоинствомъ невинности, конечно.

БЭРЛЕЙ.

Я отъ суда къ вамъ посланъ.

МАРІЯ.

Лордъ Бэрлей
Сталъ языкомъ служить тому суду,
Которому служилъ умомъ донынѣ.

БЭРЛЕЙ.

Вы говорите такъ, какъ будто вамъ
Извѣстенъ приговоръ.

МАРІЯ.

Его приноситъ
Мнѣ лордъ Бэрлей: онъ мнѣ извѣстенъ, значитъ.
Но—къ дѣлу сэръ.

БЭРЛЕЙ.

Вы подчинились, лэди,
Суду сорока-двухъ...

МАРІЯ.

Простите, лордъ,—
Но вашу рѣчь мнѣ въ самомъ же началѣ
Приходится прервать. Я подчинилась,
Сказали вы, суду сорока-двухъ?
Не подчинялась вовсе. Не могла
Никакъ я подчиниться, не могла
Свой санъ, достоинство народа, сына
И всѣхъ монарховъ—уронить такъ низко.
По основнымъ законамъ вашимъ, судьи
Должны быть подсудимому равны.
А кто жъ въ моемъ судилищѣ мнѣ равенъ?
Лишь короли—мнѣ пэры.

БЭРЛЕЙ.

Обвиненье
По пунктамъ выслушали вы, на судъ
Явились...

МАРІЯ.

Да, оберегая честь,
На силу справедливости надѣясь,—
Я поддалась Гаттонову коварству
И выслушать рѣшилась обвиненье,
Чтобъ отразить его побѣдоносно.
Я должное по сану воздавала
Вельможамъ, но не судьямъ; вашихъ лордовъ
Я судьями своими не считаю.

БЭРЛЕЙ.

Считаете иль нѣтъ, милэди, это—
Пустая лишь формальность, отъ которой
Не можетъ ходъ суда остановиться.
Вдыхая воздухъ Англіи, подъ кровомъ
Ея благоволительныхъ законовъ,
Вы и властямъ ея подчинены.

МАРІЯ.

Я англійской тюрьмы вдыхаю воздухъ:
Не это ли—жить въ Англіи, подъ кровомъ
Ея благоволительныхъ законовъ?
Я ихъ почти не знаю. Никогда
Я не нуждалась въ нихъ! Я къ вамъ явилась
Не англійской гражданкой, а свободной,
Иного государства, королевой.

БЭРЛЕЙ.

Не думаете ль вы, что въ этомъ званьи
Лежитъ неограниченное право
Въ чужой странѣ раздоръ кровавый сѣять?
Что было бъ съ государствомъ, если бъ въ немъ
Ѳемиды мечъ карающій равно
Не тяготѣлъ надъ головой виновной
И царственнаго гостя и бродяги!

МАРІЯ.

Отъ кары я не уклоняюсь вовсе;
Я отвергаю судей вашихъ.

БЭРЛЕЙ.

Судей!
Да, почему жъ, милэди? Развѣ это—
Случайные отверженцы народа,
Безстыдные, продажные сутяги,
Готовые служить по доброй волѣ
Орудіями пытки? Развѣ это—
Не лучшіе державы нашей люди,
Ужъ потому правдивые, что имъ

Нѣтъ надобности лгать,—что имъ невѣдомъ
Ни рабскій страхъ передъ верховной властью,
Ни подкупъ вѣроломный? Развѣ это—
Не тѣ, что справедливо и свободно
Народомъ благодарнымъ управляютъ,—
Чьи имена произнести лишь стоитъ,
Чтобъ всякое злорѣчіе умолкло?
Кто во главѣ? Благочестивый пастырь,—
Кентербэрійскій примасъ,—мудрый Толботъ,
Хранитель государственной печати,
И мореходныхъ силъ начальникъ—Говардъ!
Достойнѣйшимъ вельможамъ государства
Поручено рѣшить державный споръ:
Что жъ большее возможно было сдѣлать
Властительницѣ Англіи? Вражда
Партійная, допустимъ, увлекла бы
Отдѣльныхъ лицъ; но мыслимо ль, чтобъ сорокъ
Избранниковъ слились единодушно
Въ пристрастномъ приговорѣ?

МАРІЯ (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Въ изумленьи
Склоняюсь я предъ силой устъ, всегда
Мнѣ бѣдствія вѣщавшихъ... Ужъ такой ли
Невѣжественной женщинѣ, какъ я,
Съ испытаннымъ витіей состязаться!
Да, если бъ ваши лорды были въ правду
Такими, какъ рисуете вы ихъ,—
Пришлось бы мнѣ умолкнуть и навѣки
Съ завѣтными мечтаньями проститься.
Но имена, которыя, милордъ,
Вы славите, величіе которыхъ
Должно бы раздавить меня,—я вижу:
Тѣ имена совсѣмъ иныя роли
На сценѣ исторической играютъ.
Я вижу, какъ высокое дворянство,
Величественный англійскій сенатъ,—
Угодничаетъ Генриху Восьмому,
Двоюродному дѣду моему,
Не хуже, чѣмъ невольники сераля
Султану своенравному; я вижу,
Какъ доблестная верхняя палата,
Въ продажности не уступая нижней,
По приказанью свыше отмѣняетъ
Едва провозглашенные законы,
Возсоздаетъ расторгнутые браки
И дочерей своихъ монарховъ нынче
Лишаетъ правъ наслѣдства, признаетъ
Внѣ брачныхъ узъ рожденными, а завтра
Возводитъ на родительскій престолъ.
Я вижу, какъ достойнѣйшіе лорды,
При *четырехъ* правленіяхъ поспѣшно
Мѣняя убѣжденія, мѣняютъ
Четыре раза вѣру...

БЭРЛЕЙ.

Если чужды
Законы наши вамъ, то хорошо
Знакомы наши бѣдствія.

МАРІЯ.

И это—
Мой судъ!—Лордъ казначей! Я къ вамъ хочу
Быть справедливой: будьте жъ справедливы
И вы ко мнѣ!—Вы, говорятъ, престолу
И родинѣ желаете добра;
Вы неподкупны, бдительны, усердны...
Охотно вѣрю я. Не личной пользѣ,
А выгодѣ страны и государя
Вы служите. Поэтому и надо
Вамъ, благодарный лордъ, остерегаться,
Чтобъ пользу государства не принять
За справедливость. Я не сомнѣваюсь,
Что на судѣ вы возсѣдали рядомъ
Съ такими жъ благородными людьми.
Но кто же эти люди? *Пуритане!*
Объ Англіи ревнуя, изрекаютъ
Они свой приговоръ—кому же?—мнѣ,
Шотландской королевѣ, католичкѣ!
Издревле говорится: отъ британца
Шотландецъ справедливости не жди,
Вотъ, почему и дѣдовскій обычай
Шотландцу и британцу запрещаетъ
Свидѣтелями быть другъ противъ друга.
Не случаемъ—нуждою созданъ этотъ
Диковинный законъ. Глубокій смыслъ
Въ обычаяхъ былыхъ временъ таится—
И мы должны ихъ уважать, милорды.
Двѣ пылкія народности природа
Забросила на доску въ океанѣ,
Не равно размѣстила ихъ на ней
И за нее велѣла имъ бороться.
Лишь узкій Твидъ прорылъ черту раздѣла
Межъ двухъ мятежныхъ силъ—и кровь борцовъ
Съ его струями смѣшивалась часто.
Десятое ужъ минуло столѣтье,
Какъ, рукъ не отнимая отъ мечей,
Съ двухъ береговъ грозятъ они другъ другу.
Ни разу врагъ на Англію не грянулъ
Безъ помощи шотландца; города
Шотландіи ни разу не пылали
Въ войнѣ междоусобной, чтобъ съ огнивомъ
Не поспѣшилъ къ пожару англичанинъ,—
И не угаснетъ злоба ихъ, пока
Ихъ въ братьевъ не сольетъ *одинъ* парламентъ
И островомъ не будетъ управлять
Одинъ верховный жезлъ.

БЭРЛЕЙ.

И это благо—
Въ рукахъ одной изъ Стюартовъ, не такъ ли?

МАРІЯ.

Что отпираться мнѣ! Да, признаюсь,
Мечтала я радушно и привольно

Два доблестныя племени подъ сѣнью
Оливковыхъ вѣтвей объединить.
Не думала я жертвой стать ихъ злобы:
Ихъ зависть вѣковую, смертный пылъ
Исконнаго раздора ихъ навѣки
Я потушить надѣялась; какъ Ричмондъ,
Державный предокъ мой, связалъ двѣ розы
Цѣной борьбы кровавой,—сочетать
Замыслила я мирно двѣ короны.

БЭРЛЕЙ.

Плохой вы путь для этого избрали:
Хотѣли вы зажечь все государство
И черезъ пламя смутъ достичь престола.

МАРІЯ.

Я не хотѣла этого! клянусь
Владыкой Всемогущимъ, не хотѣла!
Когда же это было? гдѣ улики?

БЭРЛЕЙ.

Не спорить я пришелъ сюда—и споровъ
Не можетъ быть ужъ больше между нами.
Признали сорокъ судей противъ двухъ,
Что вами прошлогодній актъ нарушенъ—
И подлежите вы законной карѣ.
Тамъ сказано: „Коль смута въ королевствѣ
„Произойдетъ отъ имени и въ пользу
„Искателя короны,—таковаго
„Предать суду и, буде онъ виновнымъ
„Окажется, подвергнуть смертной казни".
Теперь для насъ ужъ ясно...

МАРІЯ.

Лордъ Бэрлей!
Не сомнѣваюсь я, что на погибель
Мнѣ созданный законъ меня же долженъ
И поразить. Пощады быть не можетъ,
Когда изъ устъ, законъ провозгласившихъ,
И приговоръ надъ жертвой раздается.
Не станете же, лордъ, вы отрицать,
Что предрѣшенъ мой жребій этимъ актомъ!

БЭРЛЕЙ.

Предостеречь хотѣли васъ; вы сами
Законъ себѣ въ ловушку обратили.
На бездну указали вамъ—зачѣмъ же
Въ нее вы устремились? Вы сошлись
Съ предателемъ отчизны Бебингтономъ
И съ шайкою убійцъ: про все вы знали
И всѣмъ руководили изъ темницы.

МАРІЯ.

Когда же я могла? и какъ могла я?
Пусть въ этомъ уличатъ меня.

БЭРЛЕЙ.

Улики
Предъявлены вамъ были на судѣ.

МАРІЯ.

Невѣдомо кѣмъ сдѣланные списки!
Пусть принесутъ мнѣ письма, пусть докажутъ,
Что именно я такъ и говорила,
Какъ на судѣ читали,—слово въ слово.

БЭРЛЕЙ.

Самъ Бебингтонъ сознался передъ смертью,
Что списки эти вѣрны.

МАРІЯ.

Такъ зачѣмъ же
Намъ очной ставки не дали? Зачѣмъ
Извлечь его изъ міра поспѣшили,
Не допросивъ лицомъ къ лицу со мною?

БЭРЛЕЙ.

И тѣ, что были вашими писцами—
И Кэрлъ и Но—подъ клятвой показали,
Что съ вашихъ словъ записано все это.

МАРІЯ.

Такъ я осуждена по наговору
Своихъ же слугъ? и судъ повѣрилъ людямъ
Свою же государыню предавшимъ?
Повѣрилъ тѣмъ, кто вѣрности обѣтъ
Нарушилъ этимъ самымъ показаньемъ?

БЭРЛЕЙ.

Не вы ль шотландца Кэрла восхваляли
За преданность и честность?

МАРІЯ.

Да, я знала
Его такимъ; но для того, чтобъ честность
Людскую испытать, довольно часа
Опасности. Онъ могъ, подъ страхомъ пытки,
И показать и подтвердить подробно,
Чего и самъ не зналъ. Свое спасенье
Онъ видѣлъ въ этой лжи, не видя въ ней
Особаго вреда для королевы.

БЭРЛЕЙ.

Онъ далъ намъ добровольную присягу.

МАРІЯ.

Но не при мнѣ!—Какъ, сэръ? Вѣдь два
Свидѣтеля въ живыхъ еще! Пускай же
Они вотъ здѣсь, передо мной, въ глаза
Мнѣ скажутъ то же самое! За что
Отказывать мнѣ въ милости и въ правѣ,
Въ которыхъ нѣтъ отказа и убійцѣ?
Мнѣ Толботъ говорилъ, что по закону,
Который въ это царствованье изданъ,—
Допросу подвергаются совмѣстно
И обвиняемый и обвинитель.
Вѣдь такъ? я не ослышалась? Сэръ Полетъ?
Всегда цѣнила я правдивость вашу.
Удостовѣрьте же ее—скажите
По совѣсти: ошиблась я? такого
Нѣтъ въ Англіи закона?

ПОЛЕТЪ.

Есть, миледи.
Такъ по закону слѣдуетъ. Отъ правды
Отречься не посмѣю.

МАРІЯ.

Ну, милордъ?
Когда законъ мнѣ въ пагубу—всей силой
Обрушиться онъ долженъ на меня:

Зачѣмъ же вы обходите законы,
Когда они-мнѣ въ пользу? Отвѣчайте!
Изъ-за чего меня лишили раньше
Законной очной ставки съ Бебингтономъ?
Да и теперь—съ обоими писцами?

БЭРЛЕЙ.

Не горячитесь, лэди. Не одни
Сношенья съ Бебингтономъ...

МАРІЯ.

Лишь за это
Грозитъ мнѣ мечъ закона—оправдаться
Лишь въ этомъ я должна. Не уклоняйтесь,
Милордъ, отъ разговора. Не хитрите.

БЭРЛЕЙ.

Доказано еще, что и съ Мендозой,
Посланникомъ испанскимъ вы сносились...

МАРІЯ *(съ живостью)*.

Не уклоняйтесь, сэръ!

БЭРЛЕЙ.

Что вы пытались
Воззваньями низвергнуть нашу вѣру,
Монарховъ европейскихъ побуждали
Поднять за васъ оружіе...

МАРІЯ.

Такъ что же?
Я этого не дѣлала. Однако,
Допустимъ, что и дѣлала... Милордъ!
Меня въ тюрьмѣ здѣсь держатъ—въ нарушенье
Всѣхъ правъ международныхъ. Не съ мечомъ
Явилась я, а съ просьбой, на священныхъ
Правахъ гостепріимства отдалась
Я въ родственныя руки королевы—
И обрѣла насилье и оковы,
Гдѣ обрѣсти надѣялась защиту...
Въ чемъ долгъ мой передъ Англіей, скажите?
Чѣмъ связана я въ замыслахъ своихъ?
Я пользуюсь лишь правомъ понужденья,
Когда порвать стараюсь эти узы,
Испытываю силу противъ силы
И, требуя защиты, кличъ мятежный
Ко всѣмъ державамъ шлю. Имѣю право
Я пользоваться всѣмъ, что допускаетъ
Законная, открытая война.
Убійство лишь одно—изъ-за угла
Кровавое дѣяніе—противно
И гордости и совѣсти моей.
Убійство лишь меня и обезчестить
И запятнать могло бы... „Обезчестить"—
Я говорю, но вовсе не заставить
Судебному рѣшенью подчиниться;
И это потому, что между мной
И Англіей—не право, а настилье.

БЭРЛЕЙ *(многозначительно.*

Оставьте право сильнаго, милэди:
Для узниковъ невыгодно оно.

МАРІЯ.

Пусть сила вся за нею! пусть погибну
Я жертвой безопасности ея!
Но пусть же и признаетъ, что она
Воспользовалась силой, а не правомъ,—
Противницу готовясь уничтожить,
Пусть точитъ мечъ не именемъ закона
И грубаго насилія безстыдство
Подъ пеленою святости не прячетъ!

Пусть шутовствомъ не будетъ міръ обманутъ!
Убить меня—въ ея, конечно, власти;
Но власти нѣтъ у ней—меня судить.
Не сочетать съ плодами злодѣянья
Невинности священнаго сіянья:
На правду пусть отважится она
И явится—какою создана!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Бэрлей. Полетъ.

БЭРЛЕЙ.

Упорствуетъ—и будетъ, рыцарь Полетъ,
Упорствовать до всходней эшафота:
Гордыней, какъ броней, одѣто сердце.
Сразилъ ли приговоръ ее? въ глазахъ
Сверкнула ли слезинка? измѣнился ль
Обычный цвѣтъ лица? И о пощадѣ—
Хотя бъ единый звукъ! Ей хорошо
Извѣстна нерѣшимость королевы,
Чѣмъ больше мы боимся, тѣмъ смѣлѣе
Становится она.

ПОЛЕТЪ.

Лордъ казначей!
Исчезнетъ это дерзкое упорство
Въ тотъ мигъ, когда къ нему исчезнетъ поводъ.
Не съ полною—осмѣлюсь ли сказать?—
Пристойностью велось все это дѣло.
Напрасно Бебингтона и Тишбэрна
Не привели на очную къ ней ставку—
Да и писцовъ обоихъ также.

БЭРЛЕЙ *(поспѣшно).*

Нѣтъ!
Нѣтъ, рыцарь Полетъ! Мыслимо ли это
При томъ, какъ ей покорствуютъ сердца,
И что она слезами сдѣлать можетъ!
Едва пришлось бы Кэрлу передъ нею
Произнести рѣшающее слово—
Онъ струсилъ бы и отъ всего бъ отрекся.

ПОЛЕТЪ.

А лучше ли, что Англіи враги
Наполнятъ міръ злорадною молвою—
И праздникъ лучезарный правосудья
Окажется лишь грубымъ злодѣяньемъ?

БЭРЛЕЙ.

Вотъ, что и королеву удручаетъ...
Ахъ, если бъ это злостное созданье
Сошло въ могилу раньше, чѣмъ ступило
На берегъ нашъ!

ПОЛЕТЪ.

Я говорю: аминь.

БЭРЛЕЙ.

Иль здѣсь, въ тюрьмѣ, недугъ ее извелъ бы!

ПОЛЕТЪ.

Отъ многихъ бы избавились мы бѣдствій.

БЭРЛЕЙ.

А, все-же, и тогда бы насъ считали
Убійцами.

ПОЛЕТЪ.

Навѣрное. Людей
По-своему, вѣдь, думать не заставишь.

БЭРЛЕЙ.

Но не было бъ уликъ—и шуму меньше.

ПОЛЕТЪ.

Пусть поднимаютъ шумъ! Не громогласной
Хулой вредитъ молва, а справедливой.

БЭРЛЕЙ.

Увы! и справедливости святой
Нѣтъ отъ хулы защиты. Общій голосъ—
Всегда за пострадавшаго, а зависть
Не знаетъ къ побѣдителю пощады.
Судейскій мечъ мужчину украшаетъ,
Но нетерпимъ у женщины въ рукѣ.
Гдѣ женщина замѣшана другая,
Тамъ женской справедливости не вѣрятъ.
Напрасно мы по совѣсти судили:
Помилованья правомъ обладая,
Должна она воспользоваться имъ.
И думать ей нельзя—закону дать
Идти своей дорогой безпощадной.

ПОЛЕТЪ.

Итакъ...

БЭРЛЕЙ.

Итакъ—ей жизнь оставить? Нѣтъ!
Не смѣетъ жить она! Не жить ей дольше!
Вотъ это и тревожитъ королеву
И сна ее лишаетъ... Я читаю
Въ ея глазахъ борьбу ея души.
Уста боятся высказать желанье,
Но спрашиваетъ взглядъ краснорѣчивый:
„Межъ слугъ моихъ неужто не найдется
„Ни одного, который бы меня
„Отъ тягостнаго выбора избавилъ—
„Дрожать ли на престолѣ въ вѣчномъ страхѣ,
„Иль кровную свою и королеву
„Предать сѣкирѣ...“

ПОЛЕТЪ.

Что судьба рѣшила—
Того не избѣжишь и не измѣнишь.

БЭРЛЕЙ.

Прекрасно бы могло все измѣниться—
Такъ королева думаетъ,—когда бъ
Внимательнѣй къ ней слуги относились.

ПОЛЕТЪ.

Внимательнѣй?

БЭРЛЕЙ.

Когда бъ они умѣли

Нѣмыя приказанья понимать,
Какъ слѣдуетъ...

полетъ.

Нѣмыя приказанья?

бэрлей.

Когда бъ ту ядовитую змѣю,
Того врага, что имъ подъ стражу отданъ,—
Не берегли они, какъ драгоцѣнность
Священную...

полетъ (*многозначительно*).

Какъ драгоцѣнность—имя
И славу королевы мы должны
Блюсти отъ запятнанія—и въ этомъ
Предѣла, сэръ, нѣтъ бдительности нашей.

бэрлей.

Когда, на смѣну Шрусбэри, былъ призванъ
Смотрѣть за этой лэди рыцарь Полетъ,—
Рѣшили всѣ тогда...

полетъ.

Надѣюсь, сэръ—
Рѣшили всѣ, что для тягчайшей службы
Чистѣйшія понадобились руки.
Богъ видитъ, ни за что бы на себя
Я должности не принялъ полицейской,
Когда бъ не убѣжденіе, что здѣсь
Изъ англичанъ—достойнѣйшаго мѣсто.
Не поселяйте жъ мысль во мнѣ, что этимъ
Обязанъ я чему-нибудь иному,
А не моей, донынѣ чистой, славѣ.

бэрлей.

Проходитъ слухъ: больна—все чахнетъ, чахнетъ,—
И тихо, наконецъ, отходитъ въ вѣчность...
Такъ въ памяти людей она умретъ,
И ваша слава—та же.

полетъ.

Но не совѣсть.

бэрлей.

Своей рукой помочь намъ не хотите—
Чужую не отклоните, конечно...

полетъ (*перебивая его*).

Убійца и къ порогу не посмѣетъ
Приблизиться, пока она моими
Пенатами хранима. Жизнь ея
Священна для меня—священна такъ же,
Какъ голова британской королевы.
Вы—судъ ея! Судите! Осуждайте!
Ударилъ часъ—пускай приходитъ плотникъ,
Съ пилою, съ топоромъ,— подмостки строитъ...
Шерифу, палачу—ворота настежъ...
Но знайте, что, пока подъ этой кровлей
Ей суждено быть узницей моей,—
Нѣтъ хода злу ни отъ нея, ни къ ней!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Вестминстерскій дворецъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графъ Кентъ *и* **сэръ Вильямъ Девисонъ** *встрѣчаются.*

ДЕВИСОНЪ.

А, это вы, милордъ? Уже съ турнира—
И празднеству конецъ?

КЕНТЪ.

Какъ, неужели
Вы не были на рыцарской потѣхѣ?

ДЕВИСОНЪ.

Не удосужился.

КЕНТЪ.

Тогда вы, сэръ,
Прекраснѣйшаго зрѣлища лишились.
Художество замыслило его,
Изящество—исполнило. Тамъ было
Представлено, изволите ли видѣть,
Какъ чистую твердыню Красоты
Взять приступомъ пытается Желанье.
Твердыню королевы защищали
Лордъ маршалъ, сенешаль, судья верховный
И десять рыцарей; а кавалеры
Французскіе на приступъ шли. Сначала
Герольдъ отъ нихъ явился, мадригаломъ
Бросая вызовъ замку; отвѣчалъ
На это канцлеръ съ вала крѣпостного.
Потомъ стрѣльба открылась—и цвѣты
Въ струяхъ благоуханныхъ полетѣли
Изъ крохотныхъ орудій... Безуспѣшно!
Всѣ приступы отбиты—и Желанье
Отринуто.

ДЕВИСОНЪ.

Недобрая примѣта
Для сватовства французскаго.

КЕНТЪ.

Ну, полно!
Вѣдь, это было въ шутку. А на дѣлѣ,
Увѣренъ я, не устоитъ твердыня.

ДЕВИСОНЪ.

Увѣрены вы, вы сэръ? Я сомнѣваюсь

КЕНТЪ.

Покончено уже съ труднѣйшимъ пунктомъ—
И Франція принять его согласна.
Закрытою часовнею супругъ
Для требъ своихъ довольствоваться долженъ,
Открыто жъ государственную вѣру
Обязанъ признавать и охранять.
Увидѣли бы вы восторгъ народный,
Когда объ этомъ вѣсть распространилась!
Для англичанъ кошмаромъ вѣчнымъ было,
Что можетъ умереть она бездѣтной
И, если на престолѣ будетъ Стюартъ,
Вся Англія—опять въ оковахъ папства.

ДЕВИСОНЪ.

Пустое опасенье; *ей*—къ вѣнцу
Дорога, Стюартъ—къ смерти.

КЕНТЪ.

Королева
Къ намъ жалуетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. Елизавета, *которую ведетъ* Лейстеръ, Графъ Обепинъ, Бельевръ, графъ Шрусбэри, лордъ Бэрлей *и другіе французскіе и англійскіе кавалеры—входятъ.*

ЕЛИЗАВЕТА *(Обепину).*

Я сожалѣю, графъ,
Что этихъ благородныхъ кавалеровъ
Любезное влеченье оторвало
Отъ блеска сенжерменскаго двора.
Не въ силахъ я придумывать такія
Плѣнительно-роскошныя забавы,
Какъ царственная мать отчизны вашей.
Привѣтливый народъ, съ благоговѣньемъ
Тѣснящійся вокругъ моихъ носилокъ,
Когда бы я и гдѣ бы ни явилась,—
Вотъ зрѣлище, какое чужеземцамъ
Могу я не безъ гордости доставить.
Цвѣтникъ придворныхъ дамъ Екатерины
Своей красой затмилъ бы и меня
И неблестящія мои заслуги.

ОБЕПИНЪ.

Единственную даму чужеземцу
Являетъ дворъ вестминстерскій; но все,
Что восхищаетъ насъ въ прекрасномъ полѣ,
Она въ себѣ единой совмѣстила.

БЕЛЬЕВРЪ.

Теперь у государыни великой
Мы просимъ дозволенія проститься
И принца—брата нашего монарха—
Обрадовать давно желанной вѣстью.
Сердечнымъ нетерпѣніемъ сгорая,
Покинулъ онъ столицу и въ Амьенѣ
Ждетъ вѣстниковъ блаженства своего.
Гонцы его до самаго Кале
Разставлены, чтобъ скоролетной птицей
До жаждущаго слуха долетѣло
Согласіе изъ устъ твоихъ державныхъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Нѣтъ, графъ, ужъ не настаивайте больше.
Я повторяю вамъ: теперь не время,
Ликуя, зажигать свѣтильникъ брачный.
Омрачено надъ этимъ краемъ небо—
И больше мнѣ къ лицу глубокій трауръ,
Чѣмъ пышныя вѣнчальныя одежды.

БЕЛЬЕВРЪ.

Дай только обѣщанье, королева:
До лучшихъ дней мы будемъ терпѣливы.

ЕЛИЗАВЕТА.

Мы—сана королевскаго рабы,—
Намъ слѣдовать нельзя влеченьямъ сердца.
Моей мечтой всегдашней было—жизнь
Въ безбрачіи окончить; а для славы
Довольно мнѣ, чтобъ надъ моей могилой
Могъ каждый прочитать: „Почіетъ въ мірѣ
„Здѣсь королевы-дѣвственницы прахъ".
Но подданнымъ моимъ иное нужно.
Они о той порѣ ужъ помышляютъ,
Когда меня не станетъ; мало имъ
Что этотъ край *теперь* обиленъ счастьемъ:
Я для него и въ будущемъ должна
Пожертвовать собою, высшимъ благомъ
Пожертвовать—своей дѣвичьей волей,—
Супругу-властелину подчиниться.
Итакъ, въ глазахъ народа, я—не больше,
Какъ женщина; а думалось мнѣ, будто
Я правлю имъ, какъ мужъ и государь.
Кто естества противится законамъ,
Тотъ неугоденъ Господу—я знаю;
И похвала по праву подобаетъ
Тѣмъ изъ монарховъ англійскихъ, что настежъ
Монастырей ворота распахнули
И сотни жертвъ святошества слѣпого
Къ естественному долгу обратили...
Но, если королева дни свои
Не въ праздномъ созерцаніи проводитъ,
А въ неуклонно-строгомъ исполненьи
Тягчайшаго изъ жребіевъ земныхъ,—
Она-то ужъ могла бы быть изъята
Изъ общаго велѣнія, которымъ
Одна людского рода половина
Во власть другой отъ вѣка предается...

ОБЕПИНЪ.

Ты на своемъ престолѣ, королева,
Прославила всѣ доблести—и роду,
Тобою вознесенному, осталось
Лишь слѣдовать примѣру твоему.
Согласенъ я, нѣтъ въ мірѣ человѣка,
Который бы заслуживалъ, чтобъ въ жертву
Ему ты принесла свою свободу.
Однако, если имя, санъ, отвага
И красота кому-либо изъ смертныхъ
На эту честь могли бы дать надежду,—
Тогда...

ЕЛИЗАВЕТА.

Безспорно, господинъ посолъ,
Гордиться должно мнѣ союзомъ брачнымъ
Съ французскимъ королевичемъ. Не скрою,
Что, если мнѣ придется уступить
Народному желанью, неизмѣнно
Придется уступить и покориться—
А для борьбы найду ль въ себѣ я силы?—
Не скрою: нѣтъ въ Европѣ государя,
Которому бы съ меньшей неохотой
Я отдала—что мнѣ всего дороже—
Свою свободу: этого признанья
Довольно съ васъ.

БЕЛЬЕВРЪ.

Прекраснѣйшей надеждой
Ты насъ даришь, но лишь одной *надеждой*;
А господинъ мой большаго желаетъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Чего же онъ желаетъ?

(Снимаетъ съ пальца кольцо и задумчиво смотритъ на него).

Королевѣ
Одинъ удѣлъ съ гражданкою простою!
Такой же долгъ—и знакъ его такой же:
Кольцо куетъ союзъ и обрекаетъ
Такому жъ подчиненью, а изъ колецъ
Куется цѣпь.—Вотъ мой подарокъ принцу.
Кольцо—еще не цѣпь, я имъ еще
Не связана; но можетъ изъ кольца
Стать обручемъ—тогда меня и свяжетъ.

БЕЛЬЕВРЪ *(принимая кольцо, становится на колѣни).*

Отъ имени его, склоняясь долу,
Пріемлю даръ великой королевы
И руку государыни моей
Почтительно лобзаю.

ЕЛИЗАВЕТА *(графу Лейстèру, на котораго она во время послѣдней рѣчи пристально смотрѣла).*

Лордъ, позвольте!

(Снимаетъ съ него голубую ленту и надѣваетъ ее на Бельевра).

Вотъ этотъ знакъ на принца возложите,
Какъ я на васъ его же возлагаю,
По орденскому чину и присягѣ:
„Honni soit qui mal y pense".—Межъ двухъ
Народовъ да исчезнетъ подозрѣнье—
И узами довѣрія навѣки
Въ одну да совмѣстятся двѣ короны.

ОБЕПИНЪ.

Могучая властительница, нынче—
День радости! О, если бы онъ былъ
Такимъ для всѣхъ—и ни одинъ страдалецъ
Въ твоей странѣ не горевалъ бы! Милость
Сіяетъ на лицѣ твоемъ: пускай бы
Хоть лучъ ея живительнаго свѣта
Упалъ на злополучнѣйшую въ мірѣ
Изъ женъ вѣнчанныхъ, близкую равно
И Франціи и Англіи...

ЕЛИЗАВЕТА.

Нѣтъ, графъ!
Двухъ дѣлъ вполнѣ различныхъ сочетать
Не будемъ. Если Франція желаетъ
Со мной чистосердечнаго союза—
Ей надлежитъ дѣлить мои заботы
И дружбой не дарить моихъ враговъ.

ОБЕПИНЪ.

Но ты ее сама бы осудила,
Когда бъ она въ союзѣ вожделѣнномъ
Забыла малодушно о несчастной—
Своей единовѣрной и вдовѣ
Монарха своего... Одна ужъ честь...
Одна ужъ человѣчность...

ЕЛИЗАВЕТА.

Въ этомъ смыслѣ
Сумѣю оцѣнить я безпристрастно
Ходатайство ея. На васъ—долгъ дружбы,
А мнѣ быть королевой предоставьте.

(Отдаетъ поклонъ французскимъ кавалерамъ, которые вмѣстѣ съ прочими лордами почтительно удаляются).

ЯВЛЕНІЕ III.

Елизавета. Лейстеръ. Бэрлей Толботъ. *(Королева садится).*

БЭРЛЕЙ.

Исполненная славы королева!
Сегодня ты народа своего
Горячія желанья увѣнчала.
Отнынѣ лишь мы радость обрѣтаемъ
Въ счастливыхъ дняхъ, дарованныхъ тобою;
Отнынѣ лишь безтрепетно глядѣть
Въ мятежное грядущее мы можемъ.
Но край гнететъ еще одна забота—
Еще одна нужна народу жертва.
Не поскупись—и Англіи навѣки
Упрочишь благоденствіе.

ЕЛИЗАВЕТА.

Чего же
Любезный мой народъ еще желаетъ?
Я слушаю, милордъ.

БЭРЛЕЙ.

Онъ головы
Маріи Стюартъ жаждетъ. Если хочешь
Ты своему народу обезпечить
Великолѣпный даръ своей свободы
И правды свѣтъ, не дешево добытый,—
Ей жить нельзя! Чтобъ не пришлось намъ вѣчно
За жизнь твою безцѣнную дрожать—
Погибнуть долженъ врагъ! Тебѣ извѣстно,
Что нѣтъ единомыслія въ британцахъ,—
Что римскаго язычества не мало
Здѣсь тайныхъ почитателей найдется:
Всѣ замысловъ исполнены враждебныхъ,
Стоятъ горою всѣ за эту Стюартъ—
И братья лотарингскіе, враги
Исконные твои,—въ союзѣ съ ними.
Они, пылая злобой, поклялись
На жизнь и смерть вести войну съ тобою
Нечистыхъ силъ оружіемъ коварнымъ.
Епископскій вертепъ—ихъ арсеналъ:
Тамъ молнію куютъ они, тамъ учатъ
Они цареубійству, къ намъ оттуда
Мечтателей опасныхъ шлютъ они
Подъ разными личинами; ужъ третій

Убійца появляется оттуда—
И безъ конца все новые враги
Тайкомъ ползутъ изъ этой гнусной ямы.
А фурія кровавой смуты этой,
Что предаетъ любовному огню
Весь островъ твой,—та въ замкѣ Фотрингейскомъ
Пріютъ себѣ нашла: изъ-за нея
На льстивыя надежды тароватой,
Вся молодежь стремится къ вѣрной смерти.
Ее освободить— ихъ кличъ военный;
Ее на твой престолъ возвесть—ихъ цѣль.
Вѣдь это лотарингское отродье
Твоихъ священныхъ правъ не признаетъ:
Для нихъ ты—похитительница власти,
Вѣнчанная лишь случаемъ счастливымъ.
Что королевой англійской рѣшилась
Безумная подписываться—это
По ихъ же настоянію. Ни съ нею,
Ни съ кровными ея нѣтъ примиренья!
Прими ударъ—иль нанеси его:
Съ живою—ты мертва! жива—лишь съ мертвой!

ЕЛИЗАВЕТА.

Печальный долгъ избрали вы, милордъ!
Вашъ честный пылъ мнѣ хорошо извѣстенъ;
Я знаю, что испытанная мудрость
Въ васъ говоритъ; но къ мудрости свирѣпой
Я ненависть глубокую питаю.
Совѣта жду отъ васъ я подобрѣе.
А *вы* какого мнѣнья, благородный
Лордъ Шрусбэри?

ТОЛБОТЪ.

Достойную оцѣнку
Дала ты сердцу вѣрному Бэрлея...
Но и въ моей груди—хотя уста
Не столь краснорѣчивы—бьется сердце,
Пылающее вѣрностью не меньшей.
Пошли тебѣ Всевышній долголѣтье—
Народу твоему на утѣшенье
И на продленье мира въ государствѣ!
Такихъ прекрасныхъ дней нашъ край не видѣлъ
Съ тѣхъ поръ, какъ правятъ имъ его монархи.
Но да не купитъ же цѣною славы
Онъ счастья своего! По крайней мѣрѣ,
Пусть Толбота закроются глаза
До дня того, когда случится это!

ЕЛИЗАВЕТА.

Намъ славу запятнать—избави Боже!

ТОЛБОТЪ.

Тогда изобрѣсти иное средство
Спасти свою державу. Казнь Маріи—
Неправедное средство. Ты не можешь
Рѣшать судьбу не подданной своей.

ЕЛИЗАВЕТА.

Такъ мой совѣтъ верховный и парламентъ,
По-вашему, ошиблись? Всѣ суды,
За мной единогласно это право
Признавшіе,—въ ошибку впали также?

ТОЛБОТЪ.

Судъ большинства—еще не правый судъ.
Нашъ островъ—не вселенная, парламентъ—
Не родъ людской. Что Англія—теперь,—
Не будетъ тѣмъ она при нашихъ внукахъ,
Какъ тѣмъ же не была при дѣдахъ нашихъ.
Какъ въ склонностяхъ непостоянны люди,
Такъ возстаетъ и падаетъ ихъ мнѣній
Превратная волна. Не говори,
Что ты необходимости печальной
И голосу народному послушна.
Лишь пожелай—и въ каждое мгновенье
Ты можешь убѣдиться, что вполнѣ
Твоя свободна воля. Попытайся,
Скажи тому же самому народу,
Что крови ты гнушаешься, что *хочешь*
Ты жизнь спасти сестрѣ,—тѣмъ, кто тебѣ
Совѣтуетъ иное, покажи
Всю справедливость царственнаго гнѣва:
Разсѣется, какъ дымъ, необходимость—
И правое неправымъ станетъ явно.
Сама судить должна ты—и одна.
Опоры въ этомъ гибкомъ тростникѣ
Ты не найдешь; но можешь безъ боязни
Довѣриться сердечному влеченью.
Не строгостью суровою наполнилъ
Создатель сердце женщины,—и тѣ,
Что, положивъ основу государству,
Рѣшились допустить къ браздамъ правленья
И женщину,—тѣ ясно показали,
Что первое въ отчизнѣ нашей мѣсто
Не строгости, а доблести монаршей.

ЕЛИЗАВЕТА.

Горячаго защитника, однако,
Мой личный врагъ и врагъ моей державы
Находитъ въ графѣ Шрусбэри! Но мнѣ
Дороже тѣ совѣтники, которымъ
Мое благополучіе дороже.

ТОЛБОТЪ.

Защитника ей не дали. Никто
И слова за нее сказать не смѣетъ
Изъ страха прогнѣвить тебя. Дозволь же
Хоть старику, въ преддверіи могилы
Свободному отъ суетныхъ разсчетовъ,
Защитникомъ отверженной явиться.
Да не пройдетъ молва, что состраданье
Не раскрывало устъ въ твоемъ совѣтѣ,—
Что лишь себялюбивое пристрастье
Имѣло голосъ въ немъ. Все на нее
Обрушилось; ты и сама ни разу
Лица ея не видѣла; ничто
Не говоритъ въ тебѣ за чужестранку.

Я отъ вины ея не избавляю.
Толкуютъ, что она убійству мужа
Способствовала, будто. Тяжкій грѣхъ!
Но это въ дни недобрые случилось,
Въ дни ужасовъ междоусобной брани,—
Когда пришлось ей, слабой, окруженной
Мятежными вассалами, упасть
Въ объятія сильнѣйшаго—подъ властью,
Богъ вѣдаетъ, какихъ могучихъ чаръ!
Вѣдь женщина—непрочное созданье.

ЕЛИЗАВЕТА.

Нашъ полъ не слабъ. Въ немъ сильныхъ душъ не мало.
Рѣчамъ о женской слабости не мѣсто
Въ присутствіи моемъ.

ТОЛБОТЪ.

Суровый искусъ
Несчастья ты прошла. Жизнь на *тебя*
Не свѣтлой стороной своей смотрѣла.
Не тронъ передъ собою, а могилу
У ногъ своихъ ты видѣла. Вудстокъ
Да мрачный Тоуеръ—вотъ, гдѣ бремя долга
Училъ тебя нести путемъ страданій
Заботливый отецъ отчизны нашей.
Льстецы къ тебѣ туда не проникали...
Вдали отъ суетнаго шума, рано
Привыкла углубляться ты въ себя
И познавать, что цѣнно въ этомъ мірѣ.
Несчастную не спасъ Господь. Ребенкомъ—
Она уже во Франціи, въ чертогахъ
Веселья безразсуднаго. Въ чаду
Придворнаго разгула былъ ей чуждъ
Суровый голосъ правды. Лучезарнымъ
Порокомъ ослѣпленная, она
Губительной стремнины стала жертвой.
Владѣя красоты тщеславнымъ даромъ,
Она вокругъ всѣхъ женщинъ затмевала—
И внѣшностью не менѣе, чѣмъ родомъ...

ЕЛИЗАВЕТА.

Опомнитесь, лордъ Шрусбэри! Вѣдь мы
Не въ шутовскомъ совѣтѣ. Каковы же
Должны быть эти прелести, когда
Воспламенить онѣ способны старца!—
Лордъ Лейстеръ! Вы одинъ изъ насъ молчите.
Иль то, что дѣлаетъ его такимъ
Краснорѣчивымъ,—васъ лишаетъ рѣчи?

ЛЕЙСТЕРЪ.

Молчу отъ изумленья, королева,
Что страхами твой слухъ переполняютъ,—
Что сказки, повергающія въ трепетъ
Довѣрчивую чернь твоей столицы,
Вторгаются въ верховный твой совѣтъ
И властвуютъ надъ мудрыми мужами.
Глубоко пораженъ я, сознаюсь,
Что эта королева безъ владѣній,
Которой не по силамъ было даже
Свой жалкій тронъ сберечь,—своихъ вассаловъ
Посмѣшище, своей страны отребье,—
Теперь, въ плѣну, страшилищемъ вдругъ стала!
Да что жъ тебя страшитъ? О Боже правый!
Что о своихъ правахъ она вѣщаетъ
На Англію? Что Гизы королевой
Тебя не признаютъ? Но развѣ можетъ
Ослабить голосъ Гизовъ тѣ права,
Которыя дало тебѣ рожденье
И закрѣпилъ парламентъ за тобою?
Послѣдней волей Генриха, безмолвно,
Не лишена ль она державной власти?
Иль Англія отъ счастья новой вѣры
Въ объятія папистки устремится?
Любимую монархиню убійцѣ
Дарнлея предпочтетъ? Чего хотятъ
Безумные тѣ люди, что изводятъ
Преемницей тебя, еще живую,
И, внѣ-себя, ждутъ не дождутся, скоро ль
Своимъ замужствомъ ты—и государство
И церковь отъ опасности спасешь?
Воочію ты развѣ не сіяешь
Расцвѣтомъ бодрой юности, а та
Къ могилѣ цвѣтъ свой вянущій не клонитъ?
О, вѣрь мнѣ, вѣрь,—я твердо уповаю,—
И безъ того Господь тебя надолго
Сподобитъ прахъ несчастной попирать:
Зачѣмъ же рыть тебѣ самой могилу...

БЭРЛЕЙ.

Графъ Лейстеръ не всегда судилъ такъ мягко.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Да, на судѣ за смерть я подалъ голосъ;
Но здѣсь—я въ государственномъ совѣтѣ.
О выгодѣ здѣсь рѣчь, а не о правѣ.
Теперь ли намъ питать къ ней страхъ, когда
И Франціей, единственной опорой,
Покинута она,—когда рѣшилась
Ты сына королевскаго своею
Рукою осчастливить и даруешь
Надежду намъ на царственную отрасль?
Зачѣмъ же умертвить ее хотятъ?
Она уже мертва. Презрѣнье—смерть
Вѣрнѣйшая. Смотри, чтобъ къ новой жизни
Ее не воскресило состраданье!
Вотъ мой совѣтъ: оставить въ полной силѣ
Произнесенный смертный приговоръ,
Но пусть живетъ она—подъ занесенной
Сѣкирой пусть живетъ; а чуть кто-либо
Оружіе подниметъ за нее—
Въ тотъ самый мигъ пусть падаетъ сѣкира!

ЕЛИЗАВЕТА.

Я выслушала мнѣнья ваши, лорды.

Примите за усердіе мою
Признательность. Наставникъ нашъ Небесный
Поможетъ мнѣ изъ доводовъ свой выборъ
Остановить на лучшемъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же. Рыцарь Полетъ *съ* Мортимеромъ.

ЕЛИЗАВЕТА.
Вотъ и Полетъ.
Что новаго у васъ, почтенный сэръ?

ПОЛЕТЪ.
Свѣтлѣйшая владычица! Недавно
Вернувшійся съ чужбины мой племянникъ
Къ стопамъ твоимъ смиренно припадаетъ
И въ юношеской вѣрности клянется.
Прими же благосклонно эту дань
И данника расцвѣтъ согрѣй лучами
Щедротъ своихъ.

МОРТИМЕРЪ *(опускается на одно колѣно)*.
Да сохранитъ надолго
Всевышній госпожу мою! да будетъ
Чело ея увѣнчано и счастьемъ
И славой!

ЕЛИЗАВЕТА.

Встаньте. Поздравляю васъ
Съ прибытіемъ въ отчизну. Вамъ не мало
Постранствовать пришлось; вы побывали
Во Франціи и въ Римѣ, жили въ Реймсѣ:
Повѣдайте же мнѣ, какія козни
Готовятъ намъ враги?

МОРТИМЕРЪ.

Да ниспошлетъ
Господь на нихъ смятеніе—и стрѣлы,
Направленныя противъ королевы,
Да обратитъ на грудь стрѣльцовъ самихъ же!

ЕЛИЗАВЕТА.

Тамъ дѣйствуютъ Морганъ и вѣроломный
Епископъ Росскій: видѣли вы ихъ?

МОРТИМЕРЪ.

Я видѣлъ всѣхъ изгнанниковъ шотландскихъ,
Что въ Реймсѣ противъ насъ злоумышляютъ,—
И вкрался къ нимъ въ довѣріе, желая
Какъ можно больше вывѣдать.

ПОЛЕТЪ.

Его
Шифрованными письмами снабдили
Къ шотландской королевѣ: эти письма
Онъ вѣрною рукою отдалъ намъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Что жъ противъ насъ они злоумышляютъ?

МОРТИМЕРЪ.

Какъ громомъ, поразило ихъ извѣстье,
Что Франція, въ союзъ вступая съ нами,
Ужъ больше ей защитницей не будетъ.
Теперь всѣ ихъ надежды на одну
Испанію.

ЕЛИЗАВЕТА.

И Вальсингемъ такъ пишетъ.

МОРТИМЕРЪ.

А въ день отъѣзда моего была
Получена тамъ булла папы Сикста,
Которую въ тебя изъ Ватикана
Недавно онъ метнулъ. Ее на островъ
Доставятъ вслѣдъ за мной.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Такія стрѣлы
Для Англіи ужъ не опасны.

БЭРЛЕЙ.

Опасно все въ рукахъ у изувѣровъ.

ЕЛИЗАВЕТА (*пытливо смотритъ на Мортимера*).

Васъ обвиняютъ въ томъ, что посѣщали
Вы реймскія училища и даже
Отъ вѣры отреклись?

МОРТИМЕРЪ.

Скрывать не стану;
Рѣшился я прибѣгнуть и къ притворству—
Такъ увлеченъ я былъ горячимъ рвеньемъ
Служить тебѣ.

ЕЛИЗАВЕТА (*Полету, который подноситъ ей пакетъ*).

А это что?

ПОЛЕТЪ.

Письмо
Шотландской королевы.

БЭРЛЕЙ (*быстро хватая пакетъ*).

Мнѣ!

ПОЛЕТЪ (*отдаетъ пакетъ королевѣ*).

Простите,
Лордъ казначей. Она мнѣ приказала
Лишь въ собственныя руки королевы
Отдать письмо. Меня она считаетъ
Своимъ врагомъ. Я врагъ ея пороковъ—
Не болѣе. Что не противно долгу,
Всегда я для нея готовъ исполнить.

(*Королева взяла письмо. Пока она читаетъ, Мортимеръ и Лейстеръ украдкой обмѣниваются нѣсколькими словами*).

БЭРЛЕЙ (*Полету*).

Что можетъ заключать въ себѣ письмо!
Пустыя причитанья, отъ которыхъ
Отзывчивое сердце королевы
Мы охранять должны.

ПОЛЕТЪ.

Что заключаетъ
Въ себѣ письмо—я знаю отъ нея же:
Ходатайство дозволить ей предстать
Передъ лицомъ монаршимъ.

БЭРЛЕЙ.

Никогда!

ПОЛЕТЪ.

А почему? Чѣмъ просьба незаконна?

БЭРЛЕЙ.

Дозволить ей, крамольницѣ-убійцѣ,
Монаршей крови жаждущей,—предстать
Передъ лицомъ монаршимъ? Трудно, рыцарь,
Быть преданнымъ монархинѣ слугою,
Въ предательскихъ совѣтахъ изощряясь.

ПОЛЕТЪ.

Такъ, если бы, въ порывѣ доброты
И кротости сердечной королева
Сказала „да",—вы все-же, „нѣтъ" сказали бъ?

БЭРЛЕЙ.

Она осуждена! Надъ ней сѣкира.
Достоинству державному противно
Добычу смерти видѣть. Приговоръ
Утратитъ силу, если королева
Къ ней подойдетъ. За королевой—милость...

ЕЛИЗАВЕТА (*прочитавъ письмо, вытираетъ слезы*).

Что—человѣкъ! что—счастіе земное!

Вотъ, чѣмъ кончаетъ эта королева,
Которая такъ гордо начала,
Древнѣйшимъ изъ престоловъ христіанскихъ
Могла владѣть и въ мысляхъ три короны
На головѣ своей уже носила!
И эта рѣчь! Совсѣмъ не та, что прежде,—
Когда она, гербъ Англіи присвоивъ,
Среди льстецовъ придворныхъ величалась
Двухъ островов британскихъ королевой...
Прошу у васъ прощенія, милорды:
Отъ жалости и скорби сердцу больно,
И кровью обливается оно
При мысли, что земное такъ непрочно,—
о рокъ, для всѣхъ равно неумолимый,
И надо мной несется грозной тучей.

ТОЛБОТЪ.

О, королева! Сердца твоего
Коснулся Богъ: не отвергай призыва!
Тяжка вина—тяжка за то и кара,—
Пора съ жестокимъ искусомъ покончить.
Дай руку ей, у ногъ твоихъ лежащей!
Какъ свѣтлое небесное видѣнье,
Сойди въ могильный мракъ ея тюрьмы...

БЭРЛЕЙ.

Будь тверже, государыня: не слѣдуй
Похвальному порыву состраданья,
Влекущему тебя на ложный путь,—
И не лишай сама себя свободы
Свершить необходимое. Простить
Не можешь ты ее, спасти *не можешь:*
Такъ не давай же тяжкому укору
Пасть на тебя, что, будто видомъ жертвы
Ты въ торжествѣ злорадномъ упивалась.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Останемся въ границахъ должныхъ, лорды.
Для мудраго исхода королевѣ
Совѣты посторонніе не нужны.
Бесѣда королевъ и ходъ суда—
Что общаго? Осуждена Марія
Закономъ, а не волею монаршей.
Сердечному внушенію холодный
Разсудокъ подчинить—вотъ, что достойно
Возвышенной души Елизаветы,
Когда законъ такъ строгъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Довольно, лорды.
Изыщемъ средство мы воздать, что надо,
И сердцу и разсудку. А теперь
Оставьте насъ.
(Лорды уходятъ. Когда Мортимеръ уже въ дверяхъ, она его останавливаетъ).
Сэръ Мортимеръ! Два слова.

ЯВЛЕНІЕ V.

Елизавета. Мортимеръ.

ЕЛИЗАВЕТА *(смѣривъ его пытливымъ взоромъ).*

Я замѣчаю въ васъ отважный духъ
И рѣдкое для вашихъ лѣтъ умѣнье
Владѣть собой. Кто превзошелъ такъ рано
Мудреное искусство притворяться,
Тотъ—зрѣлый мужъ,—и годы испытаній
Въ грядущемъ для него сокращены.
Широкій путь судьба вамъ открываетъ—
Я это предвѣщаю вамъ и, къ счастью,
Могу сама пророчество исполнить.

МОРТИМЕРЪ.

Владычица! Какія силы будутъ
И есть во мнѣ—тебѣ ихъ отдаю.

ЕЛИЗАВЕТА.

Вы Англіи враговъ теперь узнали.
Ихъ ненависть ко мнѣ непримирима—
И нѣтъ конца ихъ замысламъ кровавымъ.
Хранилъ меня донынѣ Всемогущій;
Но мой вѣнецъ колеблется, пока
Въ живыхъ *она*—ихъ идолъ, ихъ надежда.

МОРТИМЕРЪ.

Прикажешь ты—и нѣтъ ея.

ЕЛИЗАВЕТА.

Ахъ, сэръ!
Я думала, что ужъ достигла цѣли,—
А я стою все тамъ же, гдѣ стояла.
Хотѣла я, чтобъ дѣйствовалъ законъ,
Моя жъ рука была бъ чиста отъ крови.
Объявленъ приговоръ. Что мнѣ въ томъ пользы?
Онъ долженъ быть исполненъ, Мортимеръ!
Все зло на мнѣ. Я за него въ отвѣтѣ
И видъ добра придать ему не въ силахъ.

МОРТИМЕРЪ.

Что значитъ видъ въ безспорно-правомъ дѣлѣ!

ЕЛИЗАВЕТА.

Не знаете вы свѣта, рыцарь. Кто
Чѣмъ кажется, того всѣ такъ и судятъ;
А кто что есть—на то судьи не сыщешь.
Въ своихъ правахъ кого увѣрю я!
И что же дѣлать мнѣ—какъ не стараться,
Чтобъ все мое участье въ этой смерти
Навѣки подъ сомнѣніемъ осталось!
Въ такихъ, по виду двойственныхъ, дѣлахъ
Одно спасенье—мракъ. Изъ всѣхъ шаговъ
Найхудшій тотъ, въ которомъ сознаются.
Что скрыто—никогда чужимъ не станетъ.

МОРТИМЕРЪ *(пытливо).*

Тогда всего бы лучше...

ЕЛИЗАВЕТА *(быстро).*

Да, конечно,

Всего бы лучше... О, мой добрый ангелъ
Внушилъ вамъ это слово! Продолжайте!
Скажите все, достойный сэръ! На дѣло
Вы смотрите серьезно, въ суть его
Вникаете,—совсѣмъ не то,
Что дядя вашъ...

МОРТИМЕРЪ (*ошеломленный*).

Ты рыцарю открыла
Свое желанье?

ЕЛИЗАВЕТА.

Да—и сожалѣю.

МОРТИМЕРЪ.

На старика не сѣтуй. Въ немъ ужъ прежней
Рѣшительности нѣтъ. Для дерзкихъ дѣлъ
Нужна и дерзость юноши.

ЕЛИЗАВЕТА (*быстро*).

Посмѣю ль...

МОРТИМЕРЪ.

Рука—твоя! спасай свое лишь имя.

ЕЛИЗАВЕТА.

Придетъ ли утро, сэръ, когда меня
Разбудитъ ваша вѣсть: „Марія Стюартъ,
„Твой злѣйшій врагъ, скончалась этой ночью"?

МОРТИМЕРЪ.

Недолго ждать.

ЕЛИЗАВЕТА.

Сойдетъ ли сонъ спокойный
На голову усталую мою?

МОРТИМЕРЪ.

Твоя боязнь исчезнетъ съ новолуньемъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Всего благого, сэръ. Не огорчайтесь,
Что я должна заимствовать у ночи
Покровъ для благодарности моей.
Молчанье—богъ счастливыхъ. Наши узы—
Тѣснѣй, когда ихъ тайна заключаетъ.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

МОРТИМЕРЪ (*одинъ*).

Прочь—лживое, коварное созданье!
Давно ужъ ты въ обманѣ изощрилась—
Извѣдай же теперь его сама.
Предать тебя—не доброе ли дѣло!
Похожъ ли на убійцу я? Открыла ль
Ты на лицѣ моемъ печать злодѣйства?
Довѣрься лишь *моей* рукѣ—*свою* же
Попридержи. Являй себя въ поддѣльномъ
Сіяньи милосердія: пока
Ты отъ меня ждешь помощи преступной,
Успѣемъ мы свое подвинуть дѣло.
Сулишь мнѣ возвышенье... издалёка
Манишь меня наградой драгоцѣнной...
Да хоть бы ты сама была наградой—
Убогая! что дать мнѣ можешь ты?
Не для меня приманки суеты...
Лишь возлѣ той—вся сладость упоенья:
Тамъ—царство грезъ, тамъ — рай самозабвенья,
Тамъ—свѣтлый храмъ нѣжнѣйшей красоты!
Она живитъ небесными лучами,
А ты щедра лишь мертвыми дарами.
Того, что жизнь намъ краситъ на землѣ,
Что властвуетъ надъ пылкими сердцами,
Вѣнца любви на женственномъ челѣ,—
Ты, женственности чуждая, не знала
И счастья никому не даровала!...
Я Лейстера съ письмомъ дождаться долженъ.
Не по душѣ мнѣ порученье это—
Не по душѣ и этотъ царедворецъ!
Я самъ могу спасти ее, одинъ:
Въ опасности мнѣ высшая отрада—
Мнѣ одному и слава и награда!
(*Хочетъ идти и встрѣчается съ Полетомъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Мортимеръ. Полетъ.

ПОЛЕТЪ.

О чемъ шла рѣчь у васъ?

МОРТИМЕРЪ.

Такъ, ни о чемъ...
Особенномъ...

ПОЛЕТЪ.

Послушай, Мортимеръ!
На гладкую и скользкую дорогу
Ступаешь ты. Монарховъ благосклонность
Заманчива—почета жаждетъ юность...
Борись, пока не поздно, съ этой жаждой!..

МОРТИМЕРЪ.

Не вами ль, сэръ, я ко двору представленъ?

ПОЛЕТЪ.

Да, лучше бы мнѣ этого не дѣлать.
Но при дворѣ мы честь свою стяжали.
Будь твердъ, племянникъ! Бойся переплаты!
Отъ совѣсти не прячься!

МОРТИМЕРЪ.

Что за мысли!
Чего боитесь вы?

ПОЛЕТЪ.

Какихъ бы благъ
Тебѣ не посулила королева—
Не довѣряй рѣчамъ ея лукавымъ:
Чуть ты свое исполнишь—отречется

И, чтобъ себя очистить, отомстить
Тебѣ за то кровавое дѣянье,
Которое сама же и внушила.

МОРТИМЕРЪ.

Кровавое дѣянье, вы сказали?

ПОЛЕТЪ.

Довольно притворяться! Я, вѣдь, знаю,
На что тебя склоняла королева:
Отъ юности твоей честолюбивой
Ждетъ большаго она, чѣмъ отъ моей
Закоренѣлой старости. И что же?
Ты обѣщалъ? ты обѣщалъ ей?

МОРТИМЕРЪ.

Дядя!

ПОЛЕТЪ.

Будь проклятъ, если такъ! и я отнынѣ...

ЛЕЙСТЕРЪ *(входитъ).*

Прошу прощенья, сэръ. Два слова долженъ
Я вашему племяннику сказать.
По волѣ и по милости монаршей,
Ему теперь порученъ полноправный
Надзоръ за лэди Стюартъ. Королева
Надѣется, что честнымъ исполненьемъ...

ПОЛЕТЪ.

Надѣется? Пускай!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Что вы сказали?

ПОЛЕТЪ.

Надѣется—ея на то и воля;
А я, милордъ, лишь на себя надѣюсь
Да на свои открытые глаза.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Лейстеръ. Мортимеръ.

ЛЕЙСТЕРЪ *(удивленный).*

Что рыцаря встревожило?

МОРТИМЕРЪ.

Не знаю...
Нежданное довѣрье королевы...

ЛЕЙСТЕРЪ *(пытливо смотря на него).*

Возможно ль вамъ довѣриться?

МОРТИМЕРЪ *(также).*

Такой же
И я вамъ задаю вопросъ, лордъ Лейстеръ.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Вы что-то мнѣ сказать хотѣли тайно.

МОРТИМЕРЪ.

Я долженъ знать, могу ли я рѣшиться.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Кто мнѣ за васъ поручится? На это
Прошу не обижаться. Здѣсь, я вижу,
Вы носите двоякую личину.
Одна—не настоящая, понятно,
Какая жъ настоящая?

МОРТИМЕРЪ.

Такимъ же
И вы мнѣ представляетесь, лордъ Лейстеръ.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Кто жъ первый оказать довѣрье долженъ?

МОРТИМЕРЪ.

Кто можетъ это сдѣлать съ меньшимъ риcкомъ.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Такъ, значитъ, вы!

МОРТИМЕРЪ.

Нѣтъ, вы! Всесильный лордъ,
Вы можете меня единымъ словомъ
Повергнуть въ прахъ; а *я* вполнѣ безвреденъ
Для вашего и званья и значенья.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Напрасно вы такъ думаете, сэръ.
Во всемъ иномъ силенъ я, но не въ дѣлѣ,
Гдѣ долженъ положиться я вполнѣ
На вашу вѣрность: здѣсь я изъ придворныхъ
Слабѣе всѣхъ; здѣсь гнуснаго извѣта
Достаточно для гибели моей.

МОРТИМЕРЪ.

Ужъ если съ высоты своей лордъ Лейстеръ
Снисходитъ до признанія такого,
То о себѣ самомъ повысить мнѣнье
Отваживаюсь я—и подаю
Примѣръ великодушія.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Начните—
За вами я послѣдую.

МОРТИМЕРЪ *(поспѣшно вынимая письмо).*

Вотъ вамъ
Посланье отъ шотландской королевы.

ЛЕЙСТЕРЪ *(стремительно схватываетъ письмо).*

Потише, сэръ!.. Что вижу! Ахъ! Портретъ!
(Цѣлуетъ портретъ и смотритъ на него въ безмолвномъ восторгѣ).

МОРТИМЕРЪ *(зорко наблюдавшій за нимъ во время чтенія письма).*

Милордъ, я вѣрю вамъ.

ЛЕЙСТЕРЪ *(бѣгло пробѣжавъ письмо).*

Сэръ Мортимеръ!
Что—здѣсь, въ письмѣ,—вы знаете?

МОРТИМЕРЪ.

Не знаю.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Ну, вамъ она довѣрилась, конечно?

МОРТИМЕРЪ.

Ни въ чемъ не довѣрялась мнѣ она.
Отъ *васъ*, она сказала, получу я
Разгадку той загадки, что графъ Лейстеръ,

Елизаветы взысканецъ, Маріи
Открытый врагъ, одинъ изъ судей даже,—
Тотъ самый человѣкъ, въ которомъ ищетъ
Защиты королева... И, однако жъ,
Такъ быть должно: о вашихъ чувствахъ къ ней
Вашъ взоръ мнѣ говоритъ ужъ слишкомъ ясно.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Но почему вы приняли такое
Въ ея судьбѣ горячее участье?
И чѣмъ ея довѣріе стяжали?

МОРТИМЕРЪ.

На это я, милордъ, отвѣтъ короткій
Могу вамъ дать: отрекся я отъ вѣры
И съ Гизами въ союзѣ состою;
Письмо же кардинала послужило
Мнѣ грамотой вѣрительной.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Что вѣру
Перемѣнили вы—я это слышалъ
И довѣрять ужъ съ той поры вамъ началъ.
Вотъ вамъ рука. Простите за сомнѣнье.
Я вынужденъ себя оберегать
Отъ злобы Вальсингема и Бэрлея.
Тайкомъ они мнѣ сѣти разставляютъ—
И вы могли явиться ихъ созданьемъ,
Орудіемъ, приманкой у ловушки.

МОРТИМЕРЪ.

Какъ мелко здѣсь шагаетъ лордъ великій!
Графъ, мнѣ васъ жаль!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Съ восторгомъ я бросаюсь
На дружескую грудь, гдѣ, наконецъ,
Могу отъ тяжкихъ путъ освободиться.
Пусть васъ не удивляетъ, сэръ, что сердцемъ
Такъ скоро я къ Маріи измѣнился.
Къ ней злобы не питалъ я никогда—
Власть времени возстала между нами.
Вы знаете, она была довно
Мнѣ предназначена—гораздо раньше,
Чѣмъ руку отдала свою Дарнлею,—
Когда еще ей слава улыбалась,
Я холодно отринулъ это счастье—
И вотъ теперь, въ тюрьмѣ, у ложа смерти
Ищу ее съ опасностью для жизни.

МОРТИМЕРЪ.

Вотъ, что великодушіемъ зовется!

ЛЕЙСТЕРЪ.

А между тѣмъ, дѣла пошли иначе.
Меня, честолюбиваго, ни юность
Ни красота не трогали: мечталъ
О бракѣ я съ британской королевой.

МОРТИМЕРЪ.

Она же васъ изъ всѣхъ и отличила.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Да сэръ, казалось такъ... Теперь же, послѣ
Десятка лѣтъ упорныхъ домогательствъ
И гнета ненавистнаго—о сэръ!
О благородный сэръ!—нѣтъ силъ... я долженъ
Дать волю негодующему сердцу!..
Счастливцемъ я слыву... А знали бъ люди
Какимъ цѣпямъ завидуютъ они!
Сэръ, десять горькихъ лѣтъ ея тщеславью
Я жертвы приносилъ, рабомъ покорнымъ
Былъ передъ ней, султаншей своенравной,
Игрушкою младенческихъ причудъ,—
То съ нѣжностью обласканъ, то отвергнутъ
Съ холодною надменностью, ровно
И милостью и строгостью измученъ,
У ревности стоглазой подъ дозоромъ,
Допросами опутанъ, какъ мальчишка,
Обруганъ, какъ холопъ... О сэръ, нѣтъ словъ,
Чтобъ выразить весь этотъ ужасъ адскій!

МОРТИМЕРЪ.

Мнѣ жаль васъ, графъ!

ЛЕЙСТЕРЪ.

И, наконецъ, у цѣли—
Теряю все! Является другой—
И гдѣ они, плоды моихъ стараній?
Годами завоеваннаго права
Меня лишаетъ юноша смазливый!
Я вынужденъ покинуть тѣ подмостки,
Гдѣ первымъ я блисталъ. Не только руку
Пришлецъ грозитъ отнять, но все ея
Ко мнѣ благоволеніе: она,
Вѣдь, женщина, а онъ любви достоинъ.

МОРТИМЕРЪ.

Онъ сынъ Екатерины. Изучалъ
Искусство лести онъ въ хорошей школѣ.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Такъ рушатся мои надежды.
Въ крушеньи счастья моего ищу я
Спасительной доски и взоры къ первой,
Прекраснѣйшей надеждѣ обращаю.
Опять Маріи образъ лучезарный
Возсталъ передо мной; опять и юность
И красота въ права свои вступили:
Уже не честолюбіе, а сердце
Сравнило ихъ—и стало мнѣ понятно,
Какую драгоцѣнность я утратилъ,
Я съ ужасомъ гляжу на тѣ страданья,
Въ которыя повергнута она—
Моей виной повергнута. Въ душѣ
Воспрянула и бодрствуетъ надежда,
Что я еще могу ее спасти
Могу еще назвать ее своею.
Мнѣ вѣрная рука теперь поможетъ
Открыть ей измѣнившееся сердце.
А изъ письма вотъ этого я вижу,

Что я прощенъ и что она сама
Наградою мнѣ будетъ за спасенье.

МОРТИМЕРЪ.

Но о спасеньи вы и не старались.
Вы осудить позволили ее
И сами же приговорили къ смерти!
Понадобилось чудо. Нужно было,
Чтобъ я, ея тюремщика племянникъ,
Прозрѣвъ душой, свѣтъ истины увидѣлъ,—
Чтобъ небо уготовало ей въ Римѣ
Нежданнаго спасителя: иначе
Она бы къ вамъ дороги не нашла.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Ахъ, сэръ, чего мнѣ стоило все это!
Тогда же я узналъ о перемѣнѣ
Ея тюрьмы—о томъ, что подъ строжайшимъ
Она у дяди вашего надзоромъ!
Къ ней всѣ пути преграждены мнѣ были;
Я долженъ былъ передъ глазами свѣта
Попрежнему преслѣдовать ее.
Не думайте, однако, чтобъ до плахи
Я допустилъ несчастную! Нѣтъ, я
Надѣялся и все еще надѣюсь
Избѣгнуть страшной крайности—пока
Спасти ее не явится возможность.

МОРТИМЕРЪ.

Явилась ужъ она, явилась!.. Лейстеръ!
На ваше прямодушное довѣрье
Не смѣю я такимъ же не отвѣтить.
На мнѣ лежитъ ея освобожденье:
За этимъ я и въ Англію вернулся—
Ужъ приняты всѣ мѣры—а при вашемъ
Содѣйствіи могущественномъ полный
Успѣхъ намъ обезпеченъ.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Что такое?
Мнѣ страшно слушать васъ. Какъ? вы хотите...

МОРТИМЕРЪ.

Насильно растворить ея темницу!
Я не одинъ—насъ много—все готово...

ЛЕЙСТЕРЪ.

Сообщники! наперсники! О, горе!
Чему вы подвергаете меня!
И тѣхъ въ *мою* вы тайну посвятили?

МОРТИМЕРЪ.

Не безпокойтесь. Планъ безъ васъ составленъ,—
И былъ бы онъ, милордъ, безъ васъ исполненъ,—
Когда бъ она не пожелала *вамъ*
Обязанною быть своимъ спасеньемъ.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Такъ, значитъ, вы ручаетесь, что имя
Мое здѣсь упомянуто не будетъ?

МОРТИМЕРЪ.

Не будетъ, нѣтъ. Но что за колебанье,
Когда вамъ вѣсть о помощи приносятъ!
Вы для себя спасти хотите Стюартъ,
Нежданно, вдругъ, находите друзей,
Вамъ небеса всѣ средства посылаютъ—
И больше вы являете сомнѣнья,
Чѣмъ радости?

ЛЕЙСТЕРЪ.

Тутъ силой не возьмете.
Опасенъ рискъ.

МОРТИМЕРЪ.

И медленность опасна!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Не стоитъ рисковать, я говорю.

МОРТИМЕРЪ (*съ горечью*).

Кто хочетъ *обладать*—тому не стоитъ!
Мы лишь *спасти* хотимъ—и потому
Въ насъ нѣтъ и колебаній.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Слишкомъ пылки
Вы, юноша, въ такомъ опасномъ дѣлѣ.

МОРТИМЕРЪ.

Вы холодны не въ мѣру въ дѣлѣ чести.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Я вижу: мы окружены сѣтями.

МОРТИМЕРЪ.

Я чувствую рѣшимость ихъ прорвать.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Рѣшимость эта—явное безумство.

МОРТИМЕРЪ.

Не доблесть, лордъ, и эта осторожность.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Васъ участь Бебингтона соблазнила?

МОРТИМЕРЪ.

Какъ васъ не соблазнилъ Норфолька подвигъ.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Къ вѣнцу Норфолькъ съ невѣстой не пошелъ.

МОРТИМЕРЪ.

Онъ показалъ, что былъ ея достоинъ.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Погибнуть намъ—увлечь ее съ собою.

МОРТИМЕРЪ.

Щадить себя—отречься отъ нея.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Не внемля ни совѣтамъ, ни разсудку,
Себя отъ дикой ярости не помня,—
Хотите вы низвергнуть все, что было
Направлено по вѣрному пути.

МОРТИМЕРЪ.

И этотъ вѣрный путь проложенъ *вами*?
Какую пользу *вы* ей принесли?
А если бъ, повинуясь королевѣ,
Увѣренной въ моемъ повиновеньи,

И въ правду оказался я такимъ
Бездѣльникомъ, чтобъ умертвить Марію:
Чѣмъ помѣшать могли бы вы мнѣ въ этомъ?

ЛЕЙСТЕРЪ (*пораженный*).

Такой приказъ ужасный? королева?

МОРТИМЕРЪ.

Она во мнѣ ошиблась, какъ Марія
Ошиблась въ васъ.

ЛЕЙСТЕРЪ.

И вы ей обѣщали?
Вы обѣщали ей?

МОРТИМЕРЪ.

Я эту руку
Ей предложилъ, чтобъ не нашлась другая.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Прекрасно поступили. Передъ нами
Широкій путь. Пока она въ надеждѣ
На вашу смертоносную услугу,
Марія въ безопасности—и мы
Выигрываемъ время.

МОРТИМЕРЪ (*нетерпѣливо*).

Нѣтъ, теряемъ!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Она на васъ разсчитываетъ: значитъ,
Ничто ей не мѣшаетъ передъ свѣтомъ
Казаться милосердною. Быть-можетъ,
Мнѣ хитростью удастся какъ-нибудь
Свести ее съ соперницей—а это
Связать должно ей руки. Правъ Бэрлей:
Лишь встрѣтятся онѣ—нѣтъ приговора!..
Да, я рѣшилъ—употреблю всѣ силы...

МОРТИМЕРЪ.

Чего жъ добьетесь вы? Когда она
Увидитъ, что во мнѣ ошиблась горько,
Когда въ живыхъ останется Марія,—
Измѣнится ли кто-нибудь? Свободной
Не быть ей никогда. Легчайшій жребій,
Что предстоитъ ей,—вѣчная темница.
Придется же вамъ кончить смѣлымъ шагомъ:
Такъ отчего жъ съ него и не начать?
У васъ большая власть; а стоитъ вамъ
Вооружить вассальное дворянство—
И войско есть. Въ домахъ высокородныхъ
И Говарда и Перси, хоть скатились
Ихъ головы, еще героевъ много—
И только ждутъ они, чтобъ мощный лордъ
Благой примѣръ имъ подалъ. Прочь притворство!
Вамъ дѣйствовать открыто подобаетъ.
Какъ рыцарь, за возлюбленную встаньте
И доблестно боритесь за нее!
Вы—господинъ британской королевы,
Лишь стать имъ пожелайте. Заманите
Ее къ себѣ, въ любой изъ вашихъ замковъ:
Она за вами слѣдовала часто.
Тамъ покажите ей себя мужчиной!
Заговорите съ ней, какъ властелинъ!
Подъ стражей, подъ замкомъ ее держите—
Пока она не дастъ свободы Стюартъ!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Я пораженъ... я въ ужасѣ... Куда
Влечетъ васъ сумасбродство? Вы, какъ будто,
Не знаете, что въ Англіи творится?
Не знаете, какъ тѣсно при дворѣ
Умы связало женское правленье?
Гдѣ нашъ былой геройскій духъ? ищите!
Все подъ ключомъ у женщины—и крылья
Обрѣзаны у всякаго геройства.
Довѣрьтесь мнѣ. Безумно не рискуйте.
Сюда идутъ. Скорѣй!

МОРТИМЕРЪ.

Марія ждетъ!
Съ пустыми ль утѣшеньями къ ней долженъ
Вернуться я?

ЛЕЙСТЕРЪ.

Въ моей любви до гроба
Снесите клятву ей.

МОРТИМЕРЪ.

Снесите сами!
Служить ея спасенію—не значитъ
У васъ въ гонцахъ любовныхъ состоять.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЕЛИЗАВЕТА. ЛЕЙСТЕРЪ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Здѣсь кто-то былъ? вы съ кѣмъ-то говорили?

ЛЕЙСТЕРЪ (*быстро и испуганно оборачиваясь на ея слова*).

Сэръ Мортимеръ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Что съ вами, лордъ? Въ какомъ
Смущеньи вы!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Твоя вина! Такою
Тебя я никогда еще не видѣлъ.
Гляжу—не оторваться... Ахъ!

ЕЛИЗАВЕТА.

О чемъ
Вздыхаете?

ЛЕЙСТЕРЪ.

Ужъ мнѣ ли не вздыхать!
Любуюсь на красу твою—и снова
Душа полна невыразимой мукой
Грозящаго лишенія.

ЕЛИЗАВЕТА.

Чего же
Лишаетесь вы?

ЛЕЙСТЕРЪ.

Сердца твоего,
Тебя самой, безцѣнная, лишаюсь.
Въ объятьяхъ мужа юнаго ты вскорѣ
Счастливою почувствуешь себя
И любящее сердце безъ раздѣла
Отдашь ему. Онъ—королевской крови,
Я—нѣтъ; но знай—весь міръ пусть это слышитъ,—
Боготворить, какъ я боготворю,
Никто тебя изъ смертныхъ неспособенъ.
Женихъ твой не видалъ тебя ни разу,
Лишь славы блескъ въ тебѣ любить онъ можетъ,—
А я *тебя* люблю. Будь ты простою,
Бѣднѣйшею пастушкою, будь я
Изъ вѣнценосцевъ міра величайшимъ,—
До бѣдности твоей я снизошелъ бы,
Чтобъ положить вѣнецъ къ твоимъ ногамъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Жалѣй, а не брани меня, Дэдлей!
Совѣтоваться съ сердцемъ я не смѣю.
Увы, оно избрало бы иное!
Завидно мнѣ, какъ женщины другія
Свободно возвышаютъ все, что любятъ.
Какое было бъ счастье—возложить
Вѣнецъ свой на того, кто всѣхъ дороже!..
Могла же по сердечному влеченью
Своей рукой распоряжаться Стюартъ:
Все дозволялось ей; она успѣла
Испить всю чашу радостей.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Зато
Теперь испить дано ей чашу бѣдствій.

ЕЛИЗАВЕТА.

Не слушала она людского мнѣнья.

Легко ей было жить, не зная гнета,
Какому я подвергнула себя.
Я предъявить не меньшія могла бы
Права на жизнь, на радости земныя,—
Но предпочла державныя заботы:
Она же всѣхъ мужчинъ заполонила,
Стараясь только женщиною быть.
У ногъ ея—и юноша и старецъ.
Мужчины таковы! всѣ—сластолюбцы;
Спѣшатъ на зовъ пустѣйшихъ наслажденій,
А что почтить должны—того не цѣнятъ.
Помолодѣлъ, вѣдь, даже старый Толботъ,
Чуть рѣчь завелъ о прелестяхъ ея!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Прости ему: за нею надзирая,
Онъ хитрою былъ лестью одураченъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Да правда ли, что такъ она красива?
Ужъ столько я наслышалась объ этомъ,
Что мнѣ самой провѣрить захотѣлось.
Портреты льстятъ, а описанья лгутъ:
Лишь на свои глаза я полагаюсь.
Что странно такъ глядите вы?

ЛЕЙСТЕРЪ.

Тебя
Я мысленно съ Маріей ставлю рядомъ.
Желалъ бы я, признаться, такъ устроить,—
Совсѣмъ тайкомъ устроить, чтобъ со Стюартъ
Лицомъ къ лицу сошлась ты! Вотъ, когда
Вкусила бы ты полную побѣду!
Пускай бы, пристыженная, своими
Глазами убѣдилась—а вѣдь зорки
У зависти глаза!—какъ ты ее
Въ наружномъ благородствѣ превосходишь,—
Не говоря уже о томъ, насколько
Въ душевныхъ добродѣтеляхъ ты выше.

ЕЛИЗАВЕТА.

Она моложе возрастомъ.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Моложе!
По виду—нѣтъ. Конечно, изстрадалась!
Поблекнуть раньше времени могла.
Но горшей для нея обидой будетъ
Соперницу невѣстою увидѣть:
Похоронивъ всѣ лучшія надежды,
Воочію увидѣть, какъ идешь
Навстрѣчу къ счастью ты—идешь невѣстой
Наслѣдника французскаго престола!
Недаромъ вѣдь своимъ французскимъ бракомъ
Такъ чванилась она—да и теперь
За помощью къ французамъ же стучится.

ЕЛИЗАВЕТА *(небрежно)*.

Давно уже мнѣ этимъ докучаютъ.

ЛЕЙСТЕРЪ *(живо)*.

Какъ милости, она свиданья жаждетъ—
А ты его ей въ кару обрати!
Вольна ты возвести ее на плаху;
Но это будетъ ей куда же легче,
Чѣмъ отъ тебя такое пораженье
Перенести... Убьешь ее ты этимъ,
Какъ и тебя убить она хотѣла.
За красоту твою въ сіяньи дивномъ
Сердечной чистоты и доброй славы,
Которую въ чаду утѣхъ любовныхъ
Отринула она,—на красоту,
Величіемъ твоей державной власти
И нѣжностью невѣстиной твоей
Вѣнчанную, ей бросить взглядъ довольно,
Чтобъ часъ ея уничтоженья пробилъ.
Да вотъ теперь—гляжу я на тебя—
Ты никогда еще во всеоружьи
Побѣдной красоты такъ не блистала.
Ты и меня, нежданно появившись,
Какъ свѣтлое видѣнье, озарила.
Ахъ, если бъ ты сейчасъ—вотъ, какъ ты есть,—
Предстала передъ нею: не дождешься
Для этого ты лучшаго мгновенья...

ЕЛИЗАВЕТА.

Сейчасъ. . Нѣтъ, нѣтъ... Нѣтъ, Лейстеръ, не сейчасъ...
Нѣтъ, я должна обдумать хорошенько...
Съ Бэрлеемъ я хотѣла бы...

ЛЕЙСТЕРЪ.

Съ Бэрлеемъ!
Для пользы государственной онъ въ жертву
Все принести готовъ; но вѣдь имѣетъ
Свои права и женственность твоя.
Здѣсь дѣло не политики, а сердца...
Да и хвалу общественнаго мнѣнья
Стяжать себѣ великодушнымъ шагомъ—
Прямая политическая мудрость!
Потомъ отъ ненавистнаго врага
Избавиться ты можешь, какъ угодно.

ЕЛИЗАВЕТА.

Мнѣ родственницу было бъ непристойно
Застать въ уничиженьи. Говорятъ,

Живетъ она совсѣмъ не королевой,—
И видъ ея служилъ бы мнѣ укоромъ.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Да ты ея порога не увидишь.
Но случай есть—послушайся совѣта!—
Назначена охота на сегодня,
И ѣхать надо мимо Фотрингея:
Марія тамъ прогуливаться можетъ,
Ты явишься, какъ будто, невзначай—
Чтобъ не было и тѣни подготовки!
Заговоришь—прекрасно; не захочешь—
Пройдешь—и кончено.

ЕЛИЗАВЕТА.

Ну, эта шалость
Ужъ ваша будетъ, Лейстеръ,—не моя.
Сегодня я вамъ отказать не въ силахъ.
Изъ подданныхъ моихъ сегодня, каюсь,
Больнѣе всѣхъ обижены вы мною.
(Нѣжно смотря на него).
Пусть это лишь одна причуда ваша!
Но въ томъ и выражается любовь,
Чтобъ дозволять вполнѣ непринужденно,
Къ чему она сама неблагосклонна.

(Лейстеръ бросается къ ея ногамъ. Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Часть парка, на первомъ планѣ засаженная деревьями; въ глубинѣ открытый видъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Марія *быстро выбѣгаетъ изъ-за деревьевъ.* Анна Кеннеди *медленно слѣдуетъ за нею.*

КЕННЕДИ.

Летите, какъ на крыльяхъ, вы,—мнѣ, право,
За вами не поспѣть. Остановитесь.

МАРІЯ.

Новой свободой мнѣ дай насладиться!
Дѣтство я вспомнила—вспомни и ты:
Птицей хочу я по лугу носиться—
Мять шаловливо траву и цвѣты.
Правда ль, что я не въ тюрьмѣ безотрадной?
Что надо мною не сводъ гробовой?
Дай же упиться мнѣ вольно и жадно
Воздуха райскаго чистой струей!

КЕННЕДИ.

О, лэди дорогая! лишь немного
Раздвинулась тюрьма—не обольщайтесь:
Лишь стѣнъ, въ которыхъ мы заключены,
За этими деревьями не видно.

МАРІЯ.

Хвала тебѣ за то, листва густая!
Свободною, счастливою опять
Хочу себя я чувствовать, мечтая:
Зачѣмъ же сонъ мой сладкій прерывать!
Не вѣрить мнѣ лазурному простору?
Преградами не скованному взору
Безбрежнаго раздолья не обнять...
За цѣпью горъ, за пеленой тумана,
Лежатъ мои владѣнья, а гряда
Жемчужныхъ облаковъ спѣшитъ туда,
Гдѣ Франція,—на лоно океана.

Кто въ поднебесьи сопутствовалъ вамъ,
Моря воздушнаго быстрымъ пловцамъ?
Кланяйтесь дѣвичьихъ дней моихъ краю:
Здѣсь я въ плѣну и въ цѣпяхъ изнываю —
Съ кѣмъ, кромѣ васъ, я поклонъ передамъ!
Путники неба, свободны вездѣ вы—
Что вамъ и милость и гнѣвъ королевы!

КЕННЕДИ.

Ахъ, лэди дорогая! отъ восторга
И вправду вы мечтательницей стали:
Вотъ, каково отвыкнуть отъ свободы!

МАРІЯ.

Видишь рыбакъ свой челнокъ снаряжаетъ!
Эта скорлупка меня бы спасла—
Живо бы къ вѣрнымъ друзьямъ принесла...
Много ли ловлей бѣднякъ добываетъ!
Щедро бы я нагрузила челнокъ—

Было бы рыбы хозяину вволю:
Лучшую старый изведалъ бы долю—
Только бы онъ увезти меня могъ!

КЕННЕДИ.

Пустыя ожиданія! Смотрите:
Хоть издали, но зорко наблюдаютъ.
Безжалостный запретъ съ дороги нашей
Сметаетъ все сочувственное намъ.

МАРІЯ.

Нѣтъ, Анна. Не напрасно отворилась
Моей темницы дверь. Я твердо вѣрю,
Что маленькая милость предвѣщаетъ
Большое счастье мнѣ: увидишь, Анна.
Заботливости любящей руки
Обязана я этимъ; въ этомъ вижу
Я Лейстера могучее вліянье.
Такъ, плѣнъ мой постепенно ослабляя,
Отъ малаго къ великому хотятъ
Вести меня—хотятъ, чтобъ, шагъ за шагомъ,
Могла я, наконецъ, дойти до той,
Что навсегда мои расторгнетъ узы.

КЕННЕДИ.

Теряюсь я въ противорѣчьи этомъ!
Вчера еще вамъ смертью угрожали,
А нынче вдругъ дарятъ такой свободой...
Я слышала, и съ тѣхъ снимаютъ цѣпи,
Кому свободу вѣчную готовятъ.

МАРІЯ.

Слышишь ты рогъ? По лугамъ и по нивамъ
Мощно пронесся охотничій кличъ.
Ахъ, что со мной! На конѣ бы ретивомъ
Взвиться и поѣздъ веселый настичь!
Слышишь ты? Снова... О сладкіе звуки,
Сколько вы мнѣ причиняете муки!
Съ жаднымъ восторгомъ внимала я вамъ,
Мчась по нагорнымъ гайлендскимъ полямъ,—
Внемлю съ восторгомъ и въ тяжкой разлукѣ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Полетъ. Тѣ же.

ПОЛЕТЪ.

Ну, вы теперь довольны мной, милэди?
Хоть разъ я заслужилъ спасибо ваше?

МАРІЯ.

Какъ, рыцарь? вы... я васъ должна за это
Благодарить?

ПОЛЕТЪ.

А почему бы нѣтъ!
Я былъ у королевы и вручилъ
Посланье ваше.

МАРІЯ.

Вы письмо вручили?
Вручили ей дѣйствительно? И то,
Что вотъ теперь я пользуюсь свободой,—
Плодъ моего письма?

ПОЛЕТЪ.

Не только это.
И къ большему еще вы приготовьтесь.

МАРІЯ.

И къ большему? Что вы сказать хотите?

ПОЛЕТЪ.

Вы слышите рога?

МАРІЯ *(отступая, какъ бы въ предчувствіи).*

Боюсь я, сэръ!

ПОЛЕТЪ.

Монархиня охотиться изволитъ—
И вы сейчасъ увидите ее.

КЕННЕДИ *(спѣша къ трепещущей и едва держащейся на ногахъ Маріи).*

О, лэди! Дурно вамъ?

ПОЛЕТЪ.

Ну, что же?
Не этого ль просили вы? И просьба
Исполнена скорѣй, чѣмъ вы мечтали.
Вы были на языкъ всегда проворны:
Явите жъ краснорѣчіе свое—
Ужъ тутъ вамъ всласть наговориться можно.

МАРІЯ.

О, почему вы раньше не сказали?
Сейчасъ не въ силахъ я—нѣтъ, не сейчасъ.
Чего, какъ высшей милости, ждала я—
Теперь меня страшитъ, пугаетъ... Анна!
Сведи меня домой, чтобъ я могла
Оправиться, придти въ себя...

ПОЛЕТЪ.

Останьтесь.
Вы здѣсь ее обязаны дождаться.
Да, страшно, очень страшно вамъ, я вѣрю,
Лицомъ къ лицу съ судьею очутиться.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и графъ Шрусвери.

МАРІЯ.

Не потому! Клянусь, иное чувство...
Ахъ, благородный Шрусбэри! Вы—ангелъ,
Ниспосланный мнѣ съ неба. Не могу
Съ ней встрѣтиться. Избавьте же, избавьте
Меня отъ ненавистнаго свиданья...

ШРУСБЭРИ.

Спокойнѣй, королева! Соберите
Всю мощь передъ рѣшительной минутой.

МАРІЯ.
Я этого ждала, себя годами
Я къ этому готовила,—все то,
Чѣмъ тронуть, умилить ее хотѣла,—
Самой себѣ не разъ пересказала
И записала въ памяти своей!
Забыла сразу все, все сразу стерлось,
И въ этотъ мигъ душа полна однимъ—
Полна моихъ страданій жгучей болью.
Смертельной злобой къ ней пылаетъ сердце,
Все доброе покинуло меня—
И, космами змѣиными кивая,
Вокругъ меня толпятся духи ада.

ШРУСБЭРИ.
Смирите возмутившуюся кровь,
Смягчите горечь сердца! Злобу къ злобѣ
Навстрѣчу посылать—плохое дѣло.
Что часъ—то и законъ: и противъ воли
Приходится ему повиноваться!
За нею власть и сила—покоритесь!

МАРІЯ.
Чтобъ я ей покорилась? Никогда!

ШРУСБЭРИ.
А надобно. Съ ней въ разговорѣ будьте
Почтительны, спокойны,—воззовите
Къ ея великодушію,—но только
Ни слова о правахъ: теперь не время.

МАРІЯ.
Себѣ же я и вымолила гибель—
И въ кару мнѣ молитва обратилась.
Нельзя намъ съ нею видѣться, нельзя!
Не быть добру отъ этого свиданья!
Скорѣй вода съ огнемъ сольется нѣжно,
Скорѣй лизать ягненокъ тигра станетъ...
Ужъ слишкомъ тяжела моя обида,
Ужъ слишкомъ тяжела ея вина,—
Нѣтъ, никогда намъ съ ней не примириться!

ШРУСБЭРИ.
Вы хоть въ лицо сначала ей взгляните!
Я видѣлъ, какъ отъ вашего письма
Глаза ея наполнились слезами.
Нѣтъ, не черства она—лишь проявите
Побольше къ ней довѣрія. Затѣмъ
И поспѣшилъ сюда я раньше прочихъ,
Чтобъ васъ предупредить и успокоить.

МАРІЯ (*схвативъ его руку*).
Вы были мнѣ всегдашнимъ другомъ, Толботъ,—
Ахъ, если бы оставили меня
Подъ вашимъ попечительнымъ надзоромъ!
Жестоко это, Шрусбэри,—жестоко!

ШРУСБЭРИ.
Забудьте все. Лишь думайте о томъ,
Какъ показать смиреніе при встрѣчѣ.

МАРІЯ.
А злой мой духъ, Бэрлей, онъ съ нею также?

ШРУСБЭРИ.
Графъ Лейстеръ съ нею—больше никого.

МАРІЯ.
Лордъ Лейстеръ здѣсь?

ШРУСБЭРИ.
Его не опасайтесь.
Онъ вамъ не врагъ. Вѣдь онъ-то и устроилъ
Свиданье ваше.

МАРІЯ.
Ахъ, я это знала—
Прекрасно знала!

ШРУСБЭРИ.
Что?

ПОЛЕТЪ.
Вотъ королева!
(*Шрусбэри и Полетъ отходятъ въ сторону. Марія стоитъ, поддерживаемая Кеннеди*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ. ЕЛИЗАВЕТА. ГРАФЪ ЛЕЙСТЕРЪ. СВИТА.

ЕЛИЗАВЕТА (*Лейстеру*).
Что за помѣстье?

ЛЕЙСТЕРЪ.
Замокъ Фотрингей.

ЕЛИЗАВЕТА (*Шрусбэри*).
Отправьте раньше свиту нашу въ Лондонъ.
На улицахъ и людно такъ и шумно—
Мы въ этомъ тихомъ паркѣ пріютимся.
(*Толботъ удаляетъ свиту. Елизавета, продолжая говорить съ Лейстеромъ, не сводитъ глазъ съ Маріи*).
Ужъ черезчуръ меня народъ мой любитъ,
Не знаетъ мѣры онъ въ своихъ восторгахъ;
Такъ чтутъ боговъ—людей такъ чтить нельзя.

МАРІЯ (*все время безсильно опиравшаяся на кормилицу,—выпрямляется; но, встрѣтивъ напряженный взглядъ Елизаветы, дрожитъ и снова падаетъ въ объятія кормилицы*).
О Боже, ни одной черты сердечной!

ЕЛИЗАВЕТА.
А эта лэди—кто?
(*Общее молчаніе*).

ЛЕЙСТЕРЪ.
Мы въ Фотрингеѣ,
Монархиня...

ЕЛИЗАВЕТА (*притворяясь удивленной и пораженной, сурово смотритъ на Лейстера*).
Да кто жъ посмѣлъ, Лордъ Лейстеръ!

ЛЕЙСТЕРЪ.
Свершилось, королева... Провидѣньемъ

Стопы твои направлены сюда:
Такъ суждено—и пусть восторжествуетъ
Въ тебѣ великодушiе и милость.

ШРУСБЭРИ.

Дозволь намъ, вѣнценосная жена,
Твой благосклонный взоръ привлечь къ несчастной,
Въ смятенiи нѣмомъ оцѣпенѣвщей
Передъ твоей особой.
(Марiя овладѣваетъ собою и хочетъ подойти къ Елизаветѣ, но на полдорогѣ останавливается, безмолвно дрожа; во всей ея наружности сказывается сильная душевная борьба).

ЕЛИЗАВЕТА.

Какъ, милорды?
Кто жъ говорилъ изъ васъ объ угнетенной?
Передъ собой гордячку вижу я,
Несчастьемъ не смягченную нимало.

МАРIЯ.

Пусть будетъ такъ: снесу и это—пусть.
Отринь, душа, безсильную гордыню!
Кто я сама, чего я натерпѣлась—
Забуду все: повергнусь передъ нею,
Виновницею узъ моихъ позорныхъ.
(Обращается къ королевѣ).
Сестра, вы небомъ взысканы! На вашей
Счастливой головѣ—вѣнецъ побѣды.
Склоняюсь передъ Тѣмъ, Кто васъ вознесъ.
(Падаетъ на колѣни).
Но будьте же равно великодушны
И вы, сестра! Подайте руку мнѣ,
Постыдно передъ вами распростертой!
Десницей королевской извлеките
Изъ пропасти меня!

ЕЛИЗАВЕТА *(отступая).*

Вотъ, лэди Стюартъ,
Вполнѣ вамъ подобающее мѣсто!
Не допустилъ Создатель милосердный,
Чтобъ я у вашихъ ногъ лежала такъ же,
Какъ вы теперь лежите у моихъ.

МАРIЯ *(съ возрастающимъ чувствомъ).*

Подумайте, какъ бренно все земное!
Есть божества, карающiя гордость!
Почтите ихъ, побойтесь ихъ—они,
Они меня повергли передъ вами.
Въ лицѣ моемъ, при постороннихъ людяхъ,
Себѣ воздайте честь—не оскверняйте
Безчестьемъ кровь Тюдоровъ, что течетъ
Въ моихъ и вашихъ жилахъ... Боже правый!
Не стойте жъ такъ сурово, неприступно,—
Не стойте, какъ скала, въ которой тщетно
Опоры ищетъ гибнущiй пловецъ.
И жизнь моя и участь—все зависитъ
Отъ силы словъ и слезъ моихъ: коснитесь
Моей души, чтобъ тронула я вашу!
Отъ взора леденящаго она,
Въ себѣ самой замкнувшись, цѣпенѣетъ:
Въ глаза мои глядитъ холодный ужасъ—
И нѣтъ во мнѣ ни слезъ, ни словъ молящихъ.

ЕЛИЗАВЕТА *(холодно и строго).*

Въ чемъ дѣло, лэди Стюартъ? Вы хотѣли
Со мною говорить. Я забываю
О тяжко-оскорбленной королевѣ,
Чтобъ выполнить священный долгъ сестры,
И васъ дарю желаннымъ утѣшеньемъ.
Сердечному влеченью отдаваясь,
Рѣшаюсь я на шагъ, почти преступный:
Вѣдь вамъ не безызвѣстно, что отъ васъ
Подосланы ко мнѣ убiйцы были.

МАРIЯ.

Съ чего же мнѣ начать? какъ мнѣ слова
Умнѣй расположить, чтобъ прямо въ сердце
Они проникли къ вамъ, не оскорбляя?
О Боже, ниспошли мнѣ силу рѣчи
И жало отними у языка!
Иль въ правду я не въ силахъ защищаться,
Не нанося вамъ тяжкихъ оскорбленiй,—
Чего совсѣмъ, совсѣмъ я не желаю?..
Со мной вы поступили незаконно.
Такая же, какъ вы, я королева—
А вы меня держали въ заточеньи.
Просительницей къ вамъ явилась я—
А вы, презрѣвъ и долгъ гостепрiимства
И долгъ международный, заключенью
Подвергнули меня; безчеловѣчно
Лишенная друзей и слугъ любимыхъ,
Обречена я скудости постыдной,
Позорному суду я предана...
Сказала я—и кончено! Навѣки
Забыто все, что выстрадала я.
Взгляните жъ, какъ судьба играетъ нами!
Безвинны вы—и я безвинна также;
Лукавый духъ встаетъ изъ преисподней,
Чтобъ распалить въ сердцахъ у насъ вражду,
Что насъ еще дѣтьми разъединила.
Она росла, какъ мы,—а злые люди
Старались раздувать ея дыханье,
Безумные ревнители совали
Кинжалъ и мечъ въ непрошенныя руки.
Таковъ ужъ королей проклятый жребiй,
Что, сами во враждѣ, они терзаютъ
Враждой весь мiръ и фурiямъ раздора
Его на истребленье отдаютъ.
Теперь чужихъ рѣчей нѣтъ между нами—
(Довѣрчиво подходитъ къ ней и говоритъ мягко).
И мы теперь стоимъ другъ передъ другомъ.
За вами рѣчь, сестра. Въ чемъ я виновна —
Скажите мнѣ: я не боюсь расплаты.
Ахъ, если бъ вы тогда склонили слухъ,
Когда я взгляда вашего искала!

Не такъ бы все и было, какъ теперь,
И не было бъ въ такомъ печальномъ мѣстѣ
Такой печальной встрѣчи между нами.

ЕЛИЗАВЕТА.

Звѣздѣ своей обязана я тѣмъ,
Что на груди змѣю не отогрѣла.
Кляните не судьбу—себя кляните,
Свое, грѣхомъ запятнанное сердце,
Свою честолюбивую родню.
Ни въ чемъ вражда не проявилась наша,
А возвѣстилъ ее вашъ дядя—гордый,
Властолюбивый пастырь, что безстыдно
Ко всѣмъ вѣнцамъ протягиваетъ руку:
Онъ васъ прельстилъ принять мой гербъ, присвоить
Державный титулъ мой, на жизнь и смерть
Въ кровавую борьбу вступить со мною...
Кого не призывалъ онъ на меня!
И языки поповъ, и мечъ народовъ,
И грозное оружье изувѣрства,—
И даже здѣсь, въ моемъ пріютѣ мирномъ,
Сумѣлъ раздуть онъ пламя возмущенья...
Но Богъ со мной—и гордый пастырь долженъ
Постыдно отступить: ударъ, моей
Грозившій головѣ,—упалъ на вашу!

МАРІЯ.

Въ рукахъ Господнихъ я. Такимъ злодѣйствомъ
Вы власть свою превысить не дерзнете...

ЕЛИЗАВЕТА.

Кто жъ помѣшаетъ мнѣ? Вашъ дядя подалъ
Примѣръ всѣмъ повелителямъ державнымъ,
Какъ слѣдуетъ съ врагами примиряться.
За мной—Варѳоломеевская ночь!
Что мнѣ родство? что мнѣ права народовъ?
Нерасторжимыхъ узъ не знаетъ церковь:
Предательство, цареубійство—все
Дозволено съ ея благословенья.
Я пастырей лишь вашихъ ученица.
Кто могъ бы поручиться мнѣ за васъ,
Когда бъ я вамъ свободу даровала?
И гдѣ для вашей вѣрности летучей
Такой замокъ нашла бы я, чтобъ ключъ
Апостола Петра его не отперъ?
Насиліе—одна моя ограда,—
Союза нѣтъ съ исчадіемъ змѣинымъ.

МАРІЯ.

О, это все—послѣдствія печальной,
Суровой подозрительности вашей!
Всегда во мнѣ вы видѣли врага,
Всегда во мнѣ вы видѣли чужую.
Когда бы вы меня, какъ подобаетъ,
Наслѣдницей своей провозгласили,—
Признательность, любовь, родство и дружбу
Во мнѣ пріобрѣли бы.

ЕЛИЗАВЕТА.

Ваша дружба—
Далеко, лэди Стюартъ, домъ вашъ—папство,
Монахъ—вашъ братъ... И васъ провозгласить
Наслѣдницей? Искусная ловушка!
Чтобъ мой народъ вы обойти успѣли
Еще при мнѣ? чтобъ, хитрая Армида,
Вы благородныхъ юношей страны
Любовными опутали сѣтями?
Чтобъ новое свѣтило привлекло
Всю Англію, а я...

МАРІЯ.

Царите съ миромъ!
Отъ всякихъ правъ на это государство
Я навсегда отказываюсь. Ахъ!
Душѣ не воспарить на смятыхъ крыльяхъ,
Великое меня ужъ не прельщаетъ,—
Порадуйтесь, я только тѣнь Маріи.
Мой благородный пылъ угасъ въ темницѣ—
И большаго не сдѣлать вамъ со мною:
Въ расцвѣтѣ силъ вы извели меня.
Кончайте же, сестра! Произнесите
То слово, для котораго пришли вы.
Не для того жъ вы здѣсь, чтобъ, торжествуя,
Надъ жертвою своею насмѣяться!
Конечно, нѣтъ... Произнесите жъ слово!
Скажите мнѣ: „Свободны вы, Марія!
„Извѣдали вы мощь мою—отнынѣ
Мое великодушіе цѣните“,
Скажите лишь! какъ даръ, изъ вашихъ рукъ
И жизнь свою приму я и свободу,
Лишь слово—и покончены всѣ счеты.
Я такъ ждала его... О, не томите!
Не кончите вы этимъ—горе вамъ!
Вѣдь, если вы отсюда не уйдете,
Съ желаннымъ на устахъ благословеньемъ,
Сестра! за этотъ островъ изобильный,
За всѣ, что прилегаютъ къ морю, земли,—
Не пожелала бъ я здѣсь передъ вами
Стоять, какъ вы передо мной стоите!

ЕЛИЗАВЕТА.

Достаточно ль вамъ этого урока?
Покончено ли съ кознями у васъ?
Убійцъ попутныхъ больше не найдется?
Для подвига печальнаго—въ запасѣ
Нѣтъ больше удальца? Да, лэди Стюартъ,—
Покончено со всѣмъ. Въ моихъ владѣньяхъ
Не совратить вамъ больше никого.
Міръ поглощенъ заботами иными.
Едва ли кто-нибудь польстится вашимъ...
Четвертымъ мужемъ стать: вѣдь женихи
У васъ, какъ и мужья, живутъ не долго

Марія *(дрожа).*

Сестра! сестра! О Господи, смири!

Елизавета *(долго смотритъ на нее съ гордымъ презрѣніемъ).*

Такъ вотъ онѣ, тѣ прелести, лордъ Лейстеръ,
Которыми не можетъ ни одинъ
Мужчина безопасно любоваться!
И ихъ-то блескъ всѣхъ женщинъ затмеваетъ?
Не дорого жъ купить такую славу!
Чтобъ красотой *всеобщей* стать—довольно
Быть *общею* для *всѣхъ*!

Марія.

Нѣтъ больше силъ!

Елизавета *(съ язвительнымъ смѣхомъ).*

Теперь вы настоящее лицо
Открыли намъ, а то была личина.

Марія *(пылая гнѣвомъ, но съ благороднымъ достоинствомъ).*

Была грѣшна я смолоду, какъ всѣ.
Меня прельщала власть—я не таилась,
Не пряталась,—по-королевски, честно
Мишурный блескъ во всемъ я презирала.
Все худшее мое извѣстно міру—
Могу сказать: я лучше, чѣмъ слыву.
Но горе вамъ, когда съ дѣяній вашихъ
Молва сорветъ почетный плащъ, которымъ
Неугасимый пылъ утѣхъ запретныхъ
Вы лживо прикрываете! Не скромность
Досталась вамъ отъ матери въ наслѣдство:
Извѣстно, вѣдь, какая добродѣтель
На плаху Анну Боллейнъ привела.

Шрусбэри *(становится между обѣими королевами).*

О Боже, Боже праведный! Да гдѣ же
Смиренье и покорность ваша, лэди?

Марія.

Смиренье гдѣ? Я вытерпѣла все,
Что вытерпѣть возможно человѣку.
Оставь меня, безропотность овечья!
На небеса—терпѣнье неземное!
Оковы прочь—и выходи на свѣтъ
Давно въ душѣ таящаяся злоба!
А ты, что василиску далъ, для мести,
Мертвящій взглядъ,—языкъ мой ядовитой
Стрѣлой снабди...

Шрусбэри.

О, внѣ себя она!
Прости ее, утратившую разумъ!

(Елизавета, онѣмѣвшая отъ гнѣва, бросаетъ на Марію яростные взгляды).

Лейстеръ *(сильно встревоженный, старается увести Елизавету).*

Не слушай бѣсноватую! уйди
Отъ мѣста злополучнаго скорѣе!

Марія.

Ублюдкомъ оскверненъ престолъ британскій!
Кривлякой лицемѣрной одураченъ
Довѣрчивый народъ! Будь право здѣсь
Не попрано, теперь бы *вы* лежали
Во прахѣ—потому, что я король!

(Елизавета поспѣшно уходитъ; лорды слѣдуютъ за нею въ величайшемъ смущеніи).

Явленіе V.

Марія. Кеннеди.

Кеннеди.

Что сдѣлали вы—ахъ! она кипитъ!

Марія *(все еще внѣ себя).*

Она кипитъ—и въ сердцѣ смерть уноситъ!
(Бросаясь на шею Кеннеди).
Какъ хорошо мнѣ, Анна! Наконецъ-то,
За годы униженій и страданій,—
Отрадный мигъ возмездья и побѣды!
Какъ будто я съ души свалила гору—
Вонзила ножъ во вражескую грудь.

Кеннеди.

Несчастная! Васъ ярость увлекаетъ:
Не заживитъ забвенье эту рану.
Въ ея рукахъ всѣ молніи, а вы
Надъ ней, надъ королевой, надругались
Въ присутствіи любовника!

Марія.

Она
При Лейстерѣ унижена! Онъ видѣлъ,
Свидѣтелемъ онъ былъ моей побѣды!
Когда я съ высоты ее свергала,
Онъ тутъ стоялъ—онъ мнѣ служилъ опорой!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Мортимеръ.

КЕННЕДИ.

О, сэръ! что было здѣсь...

МОРТИМЕРЪ.

Я слышалъ все.
(Дѣлаетъ знакъ кормилицѣ, чтобы она отправилась на свое мѣсто. Все существо его выражаетъ бурное, страстное настроеніе).
Ты побѣдила! въ грязь ее втоптала!
Она была преступницей, а ты
Монархиней была. Я очарованъ
Рѣшимостью твоей. Мнѣ въ этотъ мигъ
Ты кажешься богиней свѣтозарной.

МАРІЯ.

Сэръ, видѣлись вы съ Лейстеромъ? вручили
Ему письмо, подарокъ? Говорите!

МОРТИМЕРЪ *(смотря на нее пылающимъ взоромъ).*

О, какъ ты въ гнѣвѣ царственномъ сіяла!
Какъ освѣтилъ онъ прелести твои!
Изъ женщинъ ты прекраснѣйшая въ мірѣ.

МАРІЯ.

Прошу васъ, сэръ,—не мучьте! говорите!
Что лордъ сказалъ? какія есть надежды?

МОРТИМЕРЪ.

Кто? онъ? Да это жалкій трусъ! Оставьте
Надежды на него—пренебрегите.
Забудьте!

МАРІЯ.

Что вы, сэръ!

МОРТИМЕРЪ.

Онъ васъ спасетъ!
Спасетъ васъ для себя! *Онъ—васъ*! И онъ
Посмѣетъ? онъ? Сначала пусть за это
На жизнь и смерть поборется со мною!

МАРІЯ.

Письма вы не вручили? О, тогда
Все кончено!

МОРТИМЕРЪ.

Трусъ любитъ жизнь. Кто хочетъ
Спасти тебя, назвать тебя своею,—
Тотъ долженъ быть готовъ неустрашимо
Въ объятья смерти пасть.

МАРІЯ.

Такъ, значитъ, онъ
Помочь не хочетъ мнѣ?

МОРТИМЕРЪ.

О немъ довольно!
Что можетъ сдѣлать онъ? на что онъ нуженъ?
Я, я спасу тебя! одинъ спасу!

МАРІЯ.

Ахъ, гдѣ ужъ вамъ спасти!

МОРТИМЕРЪ.

Не обольщайтесь:
Вчерашнее вчерашнимъ и осталось,
А нынче—ужъ иное. Изъ того,
Какъ вы теперь разстались съ королевой,
Чѣмъ кончилась бесѣда ваша,—ясно,
Что все для васъ потеряно, что всѣ
Пути вамъ къ милосердію закрыты.
Теперь ужъ время *дѣйствовать* настало—
И очередь теперь ужъ за *отвагой:*
Мы наново рискнуть принуждены—
Свободной стать до утра вы должны.

МАРІЯ.

Какъ, въ эту ночь? Да развѣ есть возможность...

МОРТИМЕРЪ.

Послушайте, что рѣшено у насъ.
Мы собрались въ часовнѣ потаенной
На исповѣдь. Священникъ отпустилъ
Намъ всѣ грѣхи—и тѣ, что совершили,
И тѣ, что совершить еще мы можемъ.
Въ послѣдній разъ мы приняли причастье—
Въ послѣдній путь готовы мы теперь

МАРІЯ.

Ужасныя приготовленья!

МОРТИМЕРЪ.

Ночью
Проникнемъ въ замокъ мы. Ключи ужъ взяты.
Убьемъ всѣхъ сторожей—тебя жъ похитимъ.
Въ живыхъ никто не долженъ оставаться.
Чтобъ ни одна душа не разсказала
О томъ, какъ ты похищена была.

МАРІЯ.

А Друри, Полетъ,—старшіе надъ стражей?
Скорѣй они послѣдней каплей крови...

МОРТИМЕРЪ.

Ихъ первыхъ мой кинжалъ уложитъ на смерть.

МАРІЯ.

Вы—дядю своего? отца второго?

МОРТИМЕРЪ.

Убью его. Своей рукой убью.

МАРІЯ.

О, страшное злодѣйство!

МОРТИМЕРЪ.

Всѣ злодѣйства
Намъ прощены заранѣе. Отнынѣ,
Что есть на свѣтѣ худшаго, могу
Все сдѣлать—и *хочу!*

МАРІЯ.

О, ужасъ! ужасъ!

МОРТИМЕРЪ.

Хоть доведись убить Елизавету—
Я на дарахъ святыхъ далъ клятву эту.

МАРІЯ.

Все кровь и кровь! и все изъ-за меня!

МОРТИМЕРЪ.

Что жизни мнѣ людскія безъ тебя
И безъ любви твоей! Пускай порвутся
Всѣ узы мірозданія! пускай
Второй потопъ поглотитъ все живое!
Я отъ тебя не отрекусь, пока
Не протекутъ надъ нами всѣ вѣка!

МАРІЯ *(отступая).*

О Боже! эти рѣчи, сэръ... и взгляды...
Я васъ боюсь, бѣжать отъ васъ готова.

МОРТИМЕРЪ *(съ блуждающимъ взоромъ, какъ бы въ тихомъ помѣшательствѣ).*

Жизнь—мигъ одинъ,—такой же мигъ и смерть.
Влеките же въ Тибэрнъ меня, чтобъ тѣло
Клещами раскаленными терзать,—
(стремительно приближается къ ней съ раскрытыми объятіями)
Лишь горячо-любимую обнять...

МАРІЯ *(отступая).*

Безумный, прочь!

МОРТИМЕРЪ.

Къ твоей груди, къ твоимъ
Устамъ—съ лобзаньемъ страстнымъ...

МАРІЯ.

Ради Бога,
Уйти лишь мнѣ позвольте!

МОРТИМЕРЪ.

Тотъ безумецъ,
Кто Господомъ ниспосланное счастье
Въ объятіяхъ не можетъ удержать!
Спасу тебя—хоть сотнями считать
Пришлось бы мнѣ загубленныя жизни,—
Спасу, хочу спасти, но—Богъ свидѣтель!—
Хочу потомъ и обладать тобой.

МАРІЯ.

О, сжалится ли небо надо мной!
Пощады рокъ безжалостный не знаетъ—
Изъ бездны въ бездну онъ меня бросаетъ.
Иль мой удѣлъ—воспламенять въ крови
Неистовство и злобы и любви?

МОРТИМЕРЪ.

О, да! любовь моя равна ихъ злобѣ.
Они тебя рѣшили обезглавить—
Перерубить сѣкирой эту шею,
Сверкающую снѣжной бѣлизной:
Отдай же на алтарь любви живой,
Чему должно стать жертвой злобы вражьей!
Въ обитель чаръ, ужъ не твоихъ отнынѣ,—
Влюбленнаго счастливца призови!
Надъ пеленой волосъ твоихъ прекрасныхъ
Витаетъ смерть: какъ рабскими цѣпями,
Обвей меня шелковыми кудрями!

МАРІЯ.

Что слушать я должна! О, сэръ, ужъ если
Не голову вѣнчанную мою,
То хоть мои страданія почтите!

МОРТИМЕРЪ.

Гдѣ твой вѣнецъ? и много ль у тебя
Осталось отъ величія земного?
Произнеси властительное слово:
Откликнутся ли вѣрные друзья?
Лишь прелести свои ты сохранила,
Жива лишь красоты небесной сила:
Отважиться могу, на что хочу,—
Могу пойти навстрѣчу палачу.

МАРІЯ.

О, гдѣ жъ отъ изступленнаго спасенье?

МОРТИМЕРЪ.

За дерзкую услугу—дерзкій счетъ!
Вѣдь кровь свою смѣльчакъ не даромъ льетъ!

А жизни цѣль—не жизнью ль наслажденье?
Безумецъ тотъ, кто жизнь напрасно тратитъ!
Сперва хочу на пламенной груди...
(Крѣпко прижимаетъ ее къ себѣ).

МАРІЯ.

Отъ своего ль спасителя должна
Искать защиты я и звать на помощь?

МОРТИМЕРЪ.

Ты не безчувственна. Молва тебя
Не въ строгости холодной упрекаетъ.
Къ тебѣ мольбы не тщетно шлютъ сердца:
Ласкала же ты Рицціо-пѣвца!
Когда Ботвель—и тотъ преуспѣваетъ...

МАРІЯ.

Наглецъ!

МОРТИМЕРЪ.

Онъ оскорблялъ тебя и мучилъ—
И передъ нимъ дрожала ты, любя!
О, если такъ плѣняетъ страхъ тебя,—
Клянусь всѣмъ сонмомъ адскихъ силъ...

МАРІЯ.

Пустите!
Вы въ ярости... О всемогущій Боже!

МОРТИМЕРЪ.

Передо мной дрожать ты будешь тоже!

КЕННЕДИ *(вбѣгая).*

Идутъ. Вооруженными людьми
Наполненъ садъ.

МОРТИМЕРЪ *(оставляя Марію и хватаясь за мечъ).*

Не дамъ тебя въ обиду!

МАРІЯ.

О Анна, защити! Онъ самъ не свой!
Куда мнѣ, злополучнѣйшей, укрыться?
Какому мнѣ угоднику молиться?
Насиліе иль смерть—вотъ выборъ мой!
(Убѣгаетъ къ дому, Кеннеди за ней).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Мортимеръ. Полетъ *и* Друри *спѣшатъ въ сильномъ смятеніи. Черезъ сцену пробѣгаетъ стража.*

ПОЛЕТЪ.

Ворота на запоръ! мосты наверхъ!

МОРТИМЕРЪ.

Что это значитъ, дядя?

ПОЛЕТЪ.

Гдѣ убійца?
Въ подпольную тюрьму ее скорѣе!

МОРТИМЕРЪ.

Что съ вами? что случилось?

ПОЛЕТЪ.

Королева!
Неслыханная, дьявольская дерзость!
Проклятый родъ!

МОРТИМЕРЪ.

Какая королева?

ПОЛЕТЪ.

Британская! Убита на дорогѣ.
(Бѣжитъ къ дому).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Мортимеръ, *потомъ* О'Келли.

МОРТИМЕРЪ.

Что это—сумашествіе? Иль вправду
Здѣсь кто-то пробѣгалъ сейчасъ, кричалъ:
„Убита королева?“ Нѣтъ! Нѣтъ, это мнѣ
Пригрезилось. Въ бреду мнѣ показалось
Дѣйствительностью то, что съ отвращеньемъ
Я въ помыслахъ ношу. Кто тамъ? О'Келли!
Въ смятеніи!

О'КЕЛЛИ *(вбѣгая).*

Бѣгите, Мортимеръ!
Бѣгите! Все погибло.

МОРТИМЕРЪ.

Что погибло?

О'КЕЛЛИ.

Разспросите потомъ. Скорѣй бѣгите!

МОРТИМЕРЪ.

Да что жъ произошло?

О'КЕЛЛИ.

Соважъ, безумецъ,
Нанесъ ударъ.

МОРТИМЕРЪ.

Такъ правда?

О'КЕЛЛИ.

Правда, правда.
Спасайтесь же скорѣй!

МОРТИМЕРЪ.

Она убита—
Марія на престолъ тогда вступаетъ!

О'КЕЛЛИ.

Убита? Кто сказалъ вамъ?

МОРТИМЕРЪ.

Вы!

О'КЕЛЛИ.

Жива!

А я и вы—мы всѣ умремъ.

МОРТИМЕРЪ.

Жива!

О'КЕЛЛИ.

Убійца въ плащъ попалъ и былъ тотчасъ же
Обезоруженъ Толботомъ.

МОРТИМЕРЪ.

Жива!

О'КЕЛЛИ.

Жива—на гибель нашу. Поспѣшимте,
Паркъ оцѣпленъ уже.

МОРТИМЕРЪ.

Кто совершилъ
Безумство это?

О'КЕЛЛИ.

Барнабитъ тулонскій.
Въ часовнѣ онъ—замѣтили? глубоко
Задумавшись, сидѣлъ, пока монахъ
Намъ толковалъ проклятіе, которымъ
Отлучена отъ церкви королева.
Ближайшаго, кратчайшаго достигнуть
Замыслилъ онъ: замыслилъ церковь Божью
Освободить однимъ ударомъ смѣлымъ—
Стяжать себѣ страдальческій вѣнецъ.
Свой изувѣрскій замыселъ онъ только
Духовнику открылъ, а въ исполненье
Привелъ его на лондонской дорогѣ.

МОРТИМЕРЪ *(послѣ долгаго молчанія)*.

Жестокій рокъ преслѣдуетъ тебя,
Несчастная! Теперь—о, да!—теперь ужъ смерти
Тебѣ не избѣжать. Твое паденье
Самъ ангелъ твой тебѣ уготовляетъ.

О'КЕЛЛИ.

Куда же, Мортимеръ, направить бѣгство
Хотите вы? Я къ сѣвернымъ лѣсамъ
Себѣ намѣтилъ путь.

МОРТИМЕРЪ.

Бѣгите съ Богомъ!
Я остаюсь. Быть можетъ, я сумѣю
Спасти ее... а нѣтъ—въ могилу съ нею!

(Уходятъ въ разныя стороны).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Прихожая.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графъ Обепинъ, Кентъ и Лейстеръ.

ОБЕПИНЪ.

Какъ чувствуетъ себя теперь ея
Величество? Я не могу, милорды,
Опомниться отъ ужаса. И какъ
Случилось это? какъ могло случиться
Среди народа вѣрнаго?

ЛЕЙСТЕРЪ.

Народъ
Здѣсь ни при чемъ. Виновникъ покушенья—
Соотчичъ вашъ.

ОБЕПИНЪ.

Помѣшанный!

КЕНТЪ.

Папистъ,
Графъ Обепинъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. Бэрлей, *разговаривающій съ* Девисономъ.

БЭРЛЕЙ.

Тотчасъ же изготовить
Приказъ о смертной казни, приложить
Печать и поднести на утвержденье.
Ступайте! Время дорого.

ДЕВИСОНЪ.

Все будетъ
Исполнено.

(Уходитъ).

ОБЕПИНЪ *(идя на встрѣчу Бэрлею).*

Милордъ, всѣмъ сердцемъ я
Восторгъ страны британской раздѣляю.
Хвала Тому, Кто дерзостную руку
Отъ головы вѣнчанной отвратилъ!

БЭРЛЕЙ.

Хвала Тому, Кто вражескую злобу
Покрылъ стыдомъ!

ОБЕПИНЪ.

Да будетъ проклятъ Богомъ
Проклятое дѣянье совершившій!

БЭРЛЕЙ.

И онъ—и вѣроломный подстрекатель!

ОБЕПИНЪ *(Кенту).*

Просилъ бы я покорно вашу свѣтлость
Меня ея величеству представить,
Чтобъ могъ я государя моего
Къ ея стопамъ повергнуть поздравленья...

БЭРЛЕЙ.

Напрасный трудъ, графъ Обепинъ.

ОБЕПИНЪ *(искательно).*

Свой долгъ
Я знаю, лордъ Бэрлей.

БЭРЛЕЙ.

Вашъ долгъ—какъ можно
Скорѣй оставить островъ.

ОБЕПИНЪ *(отступаетъ, пораженный).*

Что такое?
Какъ долженъ я понять?

БЭРЛЕЙ.

Священнымъ званьемъ
Ограждены вы нынче, но не завтра.

ОБЕПИНЪ.

Да въ чемъ же преступленіе мое?

БЭРЛЕЙ.

Назвать его—лишить васъ оправданья.

ОБЕПИНЪ.

Въ правахъ посла, надѣюсь...

БЭРЛЕЙ.

Не находитъ
Защиты государственный преступникъ.

ЛЕЙСТЕРЪ И КЕНТЪ.

Что? что?

ОБЕПИНЪ.

Милордъ, обдумайте сначала...

БЭРЛЕЙ.

Написанный рукою вашей паспортъ
Былъ найденъ при убійцѣ.

КЕНТЪ.

Да возможно ль!

ОБЕПИНЪ.

Я паспортовъ не мало выдаю:
Что въ мысляхъ у кого—почемъ я знаю!

БЭРЛЕЙ.

На исповѣди былъ онъ въ вашемъ домѣ.

ОБЕПИНЪ.

Мой домъ открытъ.

БЭРЛЕЙ.

Для всякаго врага
Британіи.

ОБЕПИНЪ.

Я требую дознанья.

БЭРЛЕЙ.

Дознанье васъ погубитъ—берегитесь!

ОБЕПИНЪ.

Монархъ мой оскорбленъ въ моей особѣ—
Онъ разорветъ союзный договоръ.

БЭРЛЕЙ.

Который ужъ разорванъ королевой!
Готовившійся бракъ не состоится.
Лордъ Кентъ! На васъ обязанность лежитъ
Въ сохранности доставить графа къ морю.
Толпа освирѣпѣлая напала
На домъ его, гдѣ цѣлый арсеналъ
Оружія нашла, и угрожаетъ
Покончить съ нимъ при первомъ появленьи.
Укройте же его, пока не стихнетъ
Народный гнѣвъ: вы за него въ отвѣтѣ.

ОБЕПИНЪ.

Я ухожу—я покидаю край,
Гдѣ межнароднымъ правомъ помыкаютъ
И шутятъ договорами,—но кровью
Монарху моему отчетъ дадите...

БЭРЛЕЙ.

Пусть только онъ пожалуетъ за нимъ!
(Кентъ и Обепинъ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Лейстеръ и Бэрлей.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Такъ сами развязали вы тотъ узелъ,
Что вами же завязанъ былъ съ такимъ
Непрошеннымъ усердіемъ. За это
Вамъ Англія не будетъ благодарна.
Могли бы вы, милордъ, и не трудиться.

БЭРЛЕЙ.

Трудился я, милордъ, съ благою цѣлью.
Господь судилъ иначе. Счастливъ тотъ,
Кто въ худшемъ упрекнуть себя не можетъ.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Привыкли мы къ таинственному виду
Сесиля—истребителя крамолы.
Теперь, милордъ, вамъ полное раздолье.
Совершено ужасное злодѣйство—
И тайною окутаны злодѣи.
Воспрянетъ инквизиція теперь,
Слова и взгляды взвѣшиваться будутъ—
Придется отвѣчать за мысли даже.
Вы—первый мужъ, вы—Атласъ государства,—
Весь грузъ его несете на плечахъ.

БЭРЛЕЙ.

Я—ученикъ, а вы, милордъ, учитель:
Такихъ побѣдъ, какую вы стяжали
Волшебнымъ краснорѣчіемъ своимъ,—
Мнѣ никогда стяжать не удавалось.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Что этимъ вы, милордъ, сказать хотите?

БЭРЛЕЙ.

Не вы ли за спиной моей сумѣли
Направить королеву въ Фотрингей?

ЛЕЙСТЕРЪ.

За вашею спиною? Да когда же,
Когда въ своихъ дѣлахъ я укрывался
Отъ вашего лица?

БЭРЛЕЙ.

Вы въ Фотрингей
Заманивать бы стали королеву?
Конечно, нѣтъ! *Она* васъ заманила!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Что за намеки, лордъ?

БЭРЛЕЙ.

Въ чудесной роли
Заставили ее вы отличиться!
Блестящимъ торжествомъ вознаградили
Вы чистую довѣрчивость ея!
Добрѣйшая душа—и надъ тобою
Могли съ такимъ безстыдствомъ насмѣяться!
Предать тебя могли такъ безпощадно!
Такъ вотъ они, тѣ доблестныя чувства,
Что вами вдругъ въ совѣтѣ овладѣли!
Вотъ почему вдругъ Стюартъ обратилась
Въ ничтожнаго врага, чьей кровью даже

Пятнать себя не стоитъ! Тонкій планъ!
И тонко заостренъ! Но, къ сожалѣнью,
Перетонченъ не въ мѣру—оттого-то
И остріе сломалось!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Негодяй!
Немедленно за мною! У престола
Монархини вы мнѣ отвѣтъ дадите.

БЭРЛЕЙ.

Тамъ встрѣтимся мы, лордъ. Но берегитесь,
Чтобъ вамъ не измѣнило краснобайство!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лейстеръ *одинъ, потомъ* Мортимеръ.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Я выслѣженъ, открытъ,—какъ могъ несчастный
Напасть на слѣдъ? Бѣда мнѣ, если онъ
Уликами владѣетъ! Если только
Узнаетъ королева про мои
Сношенія съ Маріей—о, какимъ же
Преступникомъ явлюсь я передъ нею!
Въ какое вѣроломство обратится
Свѣтъ мой—злополучное старанье

Елизавета.

Устроить встрѣчу ихъ! Не очевидно ль,
Что я надъ нею злостно насмѣялся
И предалъ ненавистному врагу?
Не можетъ мнѣ простить она, не можетъ!
Все, все тогда должно ей показаться
Заранѣе разсчитаннымъ: бесѣды
Язвительный конецъ, побѣдоносный,
Жестокій смѣхъ противницы и даже—
О, безъ сомнѣнья, такъ!—и даже эта
Ужасная, кровавая рука,
Орудіе чудовищнаго рока,
Какъ будто бы направленное мною!
Не вижу я спасенья... А! кто тамъ?

МОРТИМЕРЪ (*выходитъ въ сильной тревогѣ и робко озираясь*).

Графъ Лейстеръ! это вы? Мы здѣсь одни?

ЛЕЙСТЕРЪ.

Несчастный, прочь! Что нужно вамъ?

МОРТИМЕРЪ.

Открыты—
И мы и вы открыты—берегитесь!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Прочь, прочь отсюда!

МОРТИМЕРЪ.

Свѣдали, что тайно
У графа Обепина мы сходились...

ЛЕЙСТЕРЪ.

А мнѣ-то что!

МОРТИМЕРЪ.

И что на этихъ сходкахъ
Присутствовалъ убійца...

ЛЕЙСТЕРЪ.

Ваше дѣло!
Наглецъ! да какъ же вы посмѣли впутать
Меня въ свою кровавую затѣю?
Расплачивайтесь сами за нее!

МОРТИМЕРЪ.

Да выслушайте, графъ!

ЛЕЙСТЕРЪ *(въ сильномъ гнѣвѣ).*

Ступайте къ чорту!
Вотъ привязался! Прочь! Я васъ не знаю—
Съ убійцами не вѣдаюсь!

МОРТИМЕРЪ.

Упорно
Не слушаете вы. Предостеречь
Пришелъ я: все о васъ извѣстно.

ЛЕЙСТЕРЪ.

А!

МОРТИМЕРЪ.

Лордъ казначей былъ тамъ, едва свершилось
Дѣянье злополучное. Строжайшій
Произвели у королевы обыскъ.
И отыскали...

ЛЕЙСТЕРЪ.

Что?

МОРТИМЕРЪ.

Къ вамъ начатое
Письмо ея.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Несчастная!

МОРТИМЕРЪ.

Она
Взываетъ къ вамъ, чтобъ вы сдержали слово,
Вновь руку обѣщаетъ вамъ свою,
И тутъ же о портретѣ...

ЛЕЙСТЕРЪ.

Смерть и мука!

МОРТИМЕРЪ.

Письмо въ рукахъ Бэрлея.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Я пропалъ!

(Въ продолженіе слѣдующей рѣчи Мортимеръ въ отчаяніи ходитъ взадъ и впередъ).

МОРТИМЕРЪ.

Ловите мигъ! Опережайте тучу!
Спасайте и *себя* и *королеву*—
Не брезгайте ничѣмъ, чтобъ оправдаться
И худшаго исхода избѣжать!
Я ничего не въ силахъ сдѣлать больше:
Товарищи разсѣяны, распался
Весь нашъ союзъ. Въ Шотландію спѣшу я—
За новыми союзниками. Вашъ
Теперь чередъ: вооружитесь всѣмъ
Вліяніемъ, всей дерзостью...

ЛЕЙСТЕРЪ *(останавливается — и потомъ, сообразивъ).*

Я такъ
И сдѣлаю...

(идетъ къ двери, отворяетъ ее и зоветъ).

Сюда, драбанты!

(Офицеру, вошедшему съ вооруженной стражей).

Вотъ
Преступникъ государственный: на вашей
Отвѣтственности онъ—блюдите зорко!
Гнуснѣйшій заговоръ открытъ—объ этомъ
Я самъ несу извѣстье королевѣ.

(Уходитъ).

МОРТИМЕРЪ *(сначала стоитъ, оцѣпенѣвшій отъ изумленія, но скоро овладѣваетъ собой и смотритъ вслѣдъ Лейстеру съ глубокимъ презрѣніемъ).*

Мерзавецъ!.. Ахъ! я подѣломъ наказанъ:
Нашелъ же я кому довѣрить тайну!
По моему затылку онъ пройдетъ—
Мое паденье мостъ ему построитъ.
Спасайся же, коль такъ! Тебѣ во вредъ
Намека я не сдѣлаю, бѣдняга,—
Союза мнѣ съ тобой и въ смерти нѣтъ:
Для дряни жизнь—единственное благо!

(Офицеру, который приближается, чтобы взять его подъ стражу).

Что надобно холопу отъ меня?
Смѣюсь я надъ тобой—свободенъ я!

(Выхватываетъ кинжалъ).

ОФИЦЕРЪ.

Злодѣй вооруженъ—обезоружьте!

(Кидаются на него, онъ обороняется).

МОРТИМЕРЪ.

Свободенъ я—могу раскрыть я сердце
И развязать языкъ съ послѣднимъ вздохомъ!
Проклятье вамъ, отъ истиннаго Бога,
Отъ истинной монархини бѣжавшимъ!
Погибель вамъ, Небесную Марію
Въ лицѣ земной предавшимъ вѣроломно—
Для той, чье незаконное рожденье...

ОФИЦЕРЪ.

Кого поноситъ онъ! Скорѣй схватите!

МОРТИМЕРЪ.

Любимая! Не давъ тебѣ свободы,
Я дамъ тебѣ хоть мужества примѣръ,
Молись же за меня, мой ангелъ, Богу
И вознеси съ собой къ его чертогу!

(Закалывается и падаетъ на руки стражи).

Комната королевы.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЕЛИЗАВЕТА *съ письмомъ въ рукахъ.* БЭРЛЕЙ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Такъ провести меня! Такъ наглумиться!
Предатель! Съ торжествомъ меня представить

Любовницѣ! Когда нибудь была ли
Такъ женщина обманута, Бэрлей?

БЭРЛЕЙ.

Я до сихъ поръ понять не въ состояньи,
Какъ удалось ему—какая сила,
Какое чародѣйство помогло—
Затмить Елизаветы свѣтлый разумъ!

ЕЛИЗАВЕТА.

Смертельный стыдъ! Какъ долженъ онъ смѣяться
Надъ слабостью моей! Ее унизить
Старалась я въ то время, какъ сама
Была ея посмѣшищемъ!

БЭРЛЕЙ.

Ты видишь,
Какъ *мой* совѣтъ былъ вѣренъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

О, жестоко
Приходится платиться мнѣ за то,
Что не вняла я мудрому совѣту!
Но и *ему* могла ли я не вѣрить?
Могла ли я въ горячихъ этихъ клятвахъ
Подозрѣвать ловушку? На кого же
Могу я положиться, если *онъ*—
Обманщикъ!/тотъ, кто мною былъ возвышенъ
Надъ высшими,—кто сердцу моему
Сталъ ближе всѣхъ,—кому я позволяла
Распоряжаться здѣсь, какъ господину,
Какъ королю!

БЭРЛЕЙ.

А онъ уже давно
Обрекъ тебя на жертву самозванкѣ!

ЕЛИЗАВЕТА.

Она заплатитъ кровью мнѣ!... Скажите,
Написанъ приговоръ?

БЭРЛЕЙ.

По твоему
Велѣнію готовъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Нѣтъ ей пощады!
Онъ долженъ увидать ея погибель
И вслѣдъ за ней погибнуть самъ. Изъ сердца
Изгнала я его: любовь угасла—
И местью лишь одной оно пылаетъ.
Какъ высоко стоялъ онъ—такъ же низко
И глубоко падетъ,—и да послужитъ
Онъ памятникомъ строгости моей,
Какъ слабости моей служилъ примѣромъ.
Пусть въ Тоуеръ заключатъ его—изъ пэровъ
Судей назначу я: онъ долженъ быть
Судимъ со всею строгостью.

БЭРЛЕЙ.

Къ тебѣ
Ворвется онъ, оправдываться станетъ...

ЕЛИЗАВЕТА.

Какъ можетъ оправдаться онъ? Да развѣ
Письмо его—не тяжкая улика?
Какъ Божій день, ясна его виновность.

БЭРЛЕЙ.

При добротѣ и мягкости твоей,
Одинъ ужъ видъ его, одно его
Присутствіе всесильное...

ЕЛИЗАВЕТА.

Навѣки
Измѣна разлучила насъ, навѣки!
Приказъ не допускать его ко мнѣ
Вы отдали?

БЭРЛЕЙ.

Приказано.

ПАЖЪ (*входитъ*).

Лордъ Лейстеръ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Безсовѣстный! Я не желаю видѣть.
Скажите, что я видѣть не желаю.

ПАЖЪ.

Я этого сказать не смѣю лорду—
И онъ бы не повѣрилъ мнѣ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Онъ *такъ*
Возвышенъ мной, что даже и прислуга
Его боится больше, чѣмъ меня.

БЭРЛЕЙ (*пажу*).

Монархиня ему не дозволяетъ
Являться къ ней.

(Пажъ уходитъ въ нерѣшимости).

ЕЛИЗАВЕТА.

Но, если бъ можно было...
Ахъ, если бы сумѣлъ онъ оправдаться!...
Вдругъ это все окажется ловушкой,
Которую разставила Марія,
Чтобъ разлучить меня съ вѣрнѣйшимъ другомъ?
На плутни вѣдь ловка она! Что, если
Она письмомъ хотѣла заронить
Мнѣ въ душу подозрѣніе—и этимъ
Его, ей ненавистнаго, въ бѣду
Повергнуть...

БЭРЛЕЙ.

Государыня, помедли...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же. Лейстеръ.

ЛЕЙСТЕРЪ (*съ силою распахиваетъ дверь и входитъ съ повелительной осанкой*).

Гдѣ тотъ наглецъ, что входъ мнѣ воспрещаетъ
Въ покои государыни моей?

ЕЛИЗАВЕТА.

А, дерзкій!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Мнѣ—отказывать въ пріемѣ?
Ужъ если можетъ видѣть королеву
Какой-нибудь Бэрлей, то я—подавно!

БЭРЛЕЙ.

Являете вы, лордъ, большую смѣлость,
Сюда безъ позволенія врываясь.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Являете вы, лордъ, большую дерзость,
Здѣсь голосъ возвышая! Позволенье!
Нѣтъ при дворѣ такого человѣка,
Изъ чьихъ бы устъ графъ Лейстеръ позволенья
Иль запрещенья ждалъ!
(Смиренно подходитъ къ Елизаветѣ).
Изъ устъ моей
Монархини услышать я желаю...

ЕЛИЗАВЕТА *(не глядя на него).*

Прочь съ глазъ моихъ, презрѣнный!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Не мою
Елизавету кроткую, а лорда—
Исконнаго врага—я слышу въ этихъ
Неласковыхъ словахъ... Я обращаюсь
Къ *моей* Елизаветѣ: ты склонила
Свой слухъ къ нему—я требую того же.

ЕЛИЗАВЕТА.

Что низкій человѣкъ сказать мнѣ можетъ?
Усилить преступленье? отпереться?

ЛЕЙСТЕРЪ.

Сперва пусть этотъ лишній удалится.
Уйдите, лордъ. При нашемъ разговорѣ
Свидѣтелей не нужно намъ. Ступайте.

ЕЛИЗАВЕТА.

Останьтесь. Я приказываю вамъ!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Для третьяго нѣтъ мѣста между нами!
Я дѣло съ обожаемой моей
Монархиней имѣю, за свои
Права стою—священныя права!—
И требую, чтобъ лордъ отсюда вышелъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Приличны вамъ заносчивыя рѣчи!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Еще бы—нѣтъ,—когда я тотъ счастливецъ,
Что взысканъ благосклонностью твоею,
Что вознесенъ надъ нимъ и надъ другими!
Даръ сердца твоего—мой санъ высокій,
А что любовь дала мнѣ—я, клянусь,
Сумѣю отстоять цѣною жизни!
Пусть онъ уйдетъ—и двухъ минутъ довольно,
Чтобъ намъ понять другъ друга.

ЕЛИЗАВЕТА.

Не удастся
Вамъ хитростью меня заговорить.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Заговорить тебя болтунъ лишь можетъ.
Я къ сердцу твоему взываю прямо—
И въ томъ, къ чему отважился прибѣгнуть,
Довѣрясь благосклонности твоей,—
Желаю передъ нимъ же оправдаться:
Не признаю суда я надъ собою
Иного, какъ твое расположенье!

ЕЛИЗАВЕТА.

Безстыдный! Да вѣдь этого суда
Вы и должны бояться. Покажите
Письмо, милордъ!

БЭРЛЕЙ.

Извольте!

ЛЕЙСТЕРЪ *(пробѣгаетъ письмо, не теряя самообладанія).*

Почеркъ Стюартъ!

ЕЛИЗАВЕТА.

Прочтите и умолкните!

ЛЕЙСТЕРЪ *(прочитавъ спокойно).*

Не скрою,
Что видимость—въ улику мнѣ; но развѣ
Судить меня по видимости будутъ?

ЕЛИЗАВЕТА.

Отвергнете ли вы, что находились
Въ сношеніяхъ со Стюартъ, получили
Ея портретъ, поддерживали въ ней
Надежду на свободу?

ЛЕЙСТЕРЪ.

Если бъ я
Себя виновнымъ чувствовалъ, легко бы
Мнѣ было опровергнуть показанье
Врага непримиримаго! Но совѣсть
Моя чиста: написана здѣсь правда—
Я сознаюсь.

ЕЛИЗАВЕТА

А, то-то же, несчастный!

БЭРЛЕЙ.

Его уста его же осуждаютъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Прочь съ глазъ моихъ! Въ тюрьму, измѣнникъ! въ Тоуеръ!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Я не измѣнникъ. Я лишь въ томъ виновенъ,
Что дѣйствовалъ тайкомъ. Но было честно
Намѣренье мое: оно служило
Врагу на испытанье и на гибель.

ЕЛИЗАВЕТА.

Нелѣпая увертка!

БЭРЛЕЙ.

Какъ, милордъ?
Серьезно вы надѣетесь...

ЛЕЙСТЕРЪ.

Я велъ

Опасную игру—я это знаю—
И на нее рискнуть изъ всѣхъ предворныхъ
Одинъ графъ Лейстеръ могъ. Извѣстно міру,
Какъ ненавижу я Марію Стюартъ.
Тотъ санъ, которымъ облеченъ я, то
Довѣріе, которымъ удостоенъ
Я съ высоты престола,—въ чистотѣ
Намѣреній моихъ не допускаютъ
И тѣни подозрѣнья. Кто отъ прочихъ
Твоимъ благоволеньемъ отличенъ—
Тотъ, исполняя долгъ свой, можетъ смѣло
Идти своимъ путемъ.

БЭРЛЕЙ.

Такъ почему же
Молчали вы, когда все было чисто?

ЛЕЙСТЕРЪ.

Привыкли пустословить, лордъ, вы раньше,
Чѣмъ дѣйствовать,—и о дѣлахъ своихъ
Вы сами же звоните. Это—*вашъ*
Обычай, лордъ. Мой—дѣйствовать сначала,
Потомъ ужъ говорить.

БЭРЛЕЙ.

Молчать-то вамъ
Нельзя теперь—вотъ вы и говорите.

ЛЕЙСТЕРЪ.

А вы-то какъ расхвастались чудеснымъ,
Неслыханнымъ дѣяньемъ—королеву
Свою спасли, измѣну обличили!
Все знаете, ничто не ускользаетъ
Отъ взора проницательнаго,—такъ
Вамъ кажется... Несчастный хвастунишка!
Гдѣ жъ ваша прозорливость? На свободѣ
Сегодня же была бъ Марія Стюартъ,
Когда бъ не я...

БЭРЛЕЙ.

Какъ, вы...

ЛЕЙСТЕРЪ.

Да, я, милордъ.
Довѣрясь Мортимеру, королева
Во всемъ ему открылась и зашла
Такъ далеко, что даже порученье
Кровавое дала насчетъ Маріи,
Отринутое Полетомъ брезгливо.
Не правда? Говорите!
(Королева и Бэрлей переглядываются, пораженные).

БЭРЛЕЙ.

Какъ вы *это*
Могли узнать?

ЛЕЙСТЕРЪ.

Неправда? Ну, милордъ?
Во всѣ глаза глядѣли вы, не видя,
Что этотъ Мортимеръ васъ обошелъ,
Что ярый онъ папистъ, орудье Гизовъ,
Созданье Стюартовъ, мечтатель дерзкій,
Явившійся сюда за тѣмъ, чтобъ Стюартъ
Свободу дать, убивши королеву...

ЕЛИЗАВЕТА *(въ крайнемъ изумленіи).*

Какъ, этотъ Мортимеръ!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Черезъ него-то
Марія и вошла со мной въ сношенья—
На этомъ-то пути и завязалось
Знакомство между нами. Изъ тюрьмы
Сегодня же похитили бъ Марію—
Онъ только что мнѣ самъ признался въ этомъ;
Я задержать велѣлъ его, а онъ
Въ отчаяньи отъ неудачи тутъ же
И умертвилъ себя.

ЕЛИЗАВЕТА.

Обманъ ужасный,
Чудовищный... Какъ, этотъ Мортимеръ!

БЭРЛЕЙ.

И вотъ сейчасъ? вслѣдъ за моимъ уходомъ?

ЛЕЙСТЕРЪ.

Мнѣ лично очень жаль, что такъ съ собою
Покончилъ онъ. Вполнѣ бы оправдало
Меня его свидѣтельство, сняло бы
Съ меня всѣ подозрѣнья. Для того-то
И переданъ онъ былъ судебной власти,
Чтобъ слѣдствіе строжайшее мою
Невинность всенародно подтвердило.

БЭРЛЕЙ.

Онъ умертвилъ себя, вы говорите?
Онъ самъ? не вы его?

ЛЕЙСТЕРЪ.

Какая дерзость!
Пусть выслушаютъ стражу!
(Идетъ къ двери и кличетъ. Входитъ офицеръ тѣлохранителей).

Доложите
Монархинѣ, какъ было съ Мортимеромъ.

ОФИЦЕРЪ.

Въ прихожей былъ на стражѣ я, когда
Вдругъ отворилась дверь—и лордъ поспѣшно
Схватить велѣлъ мнѣ рыцаря, сказавши,
Что это государственный преступникъ.
На нашихъ же глазахъ пришелъ онъ въ ярость,
Проклятьями осыпалъ королеву
И, выхвативъ кинжалъ, имъ закололся;
Мы только подхватить его успѣли.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Прекрасно, сэръ. Вы можете идти.
Монархинѣ извѣстно все, что надо.
(Офицеръ уходитъ).

ЕЛИЗАВЕТА.

Какая бездна низостей!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Ну, кто же,
Кто спасъ тебя? Милордъ Бэрлей? Опасность,

Грозившую тебѣ, предвидѣлъ онъ?
И *онъ* ли отъ нея тебя избавилъ?
Хранителемъ твоимъ былъ вѣрный Лейстеръ!

БЭРЛЕЙ.

А Мортимеръ-то кстати умеръ, графъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Что мнѣ сказать! И вѣрю и не вѣрю.
То думается мнѣ—вы виноваты,
То думается—нѣтъ. О, сколько горя
Познала я отъ этой ненавистной!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Теперь—ей смерть. Я самъ стою за это.
Совѣтовалъ тебѣ я приговора
Не исполнять, пока убійца новый
Не явится: свершилось—значитъ долженъ
И приговоръ суда свершиться также.

БЭРЛЕЙ.

И это вы совѣтуете! вы!

ЛЕЙСТЕРЪ.

Какъ ни противна мнѣ такая крайность,
Я вижу, что для счастья королевы
Не обойтись намъ безъ кровавой жертвы;
И потому ходатайствую я,
Чтобъ изготовленъ былъ приказъ тотчасъ же.

БЭРЛЕЙ (*королевѣ*).

А если лордъ правдиво и серьезно
Такъ думаетъ—ходатайствую я,
Чтобъ было исполненье приговора
Поручено ему же.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Мнѣ?

БЭРЛЕЙ.

Да, вамъ.
Вѣдь, съ васъ еще не снято подозрѣнье,
Что вы ее любили; но исчезнетъ
Оно вполнѣ, когда ее вы сами
Прикажете казнить.

ЕЛИЗАВЕТА (*пристально смотря на Лейстера*).

Лордъ хорошо
Совѣтуетъ. Такъ быть должно—такъ будетъ.

ЛЕЙСТЕРЪ.

Надѣюсь я, легко мой санъ высокій
Избавилъ бы меня отъ порученья,
Которымъ возгордиться можетъ развѣ
Какой-нибудь Бэрлей. Стоя такъ близко,
Какъ я стою, къ монархинѣ своей,—
Нельзя служить глашатаемъ несчастья.
Но, чтобъ свое усердье доказать,
Чтобъ быть своей монархинѣ угоднымъ,—
Я правомъ положенья поступаюсь
И ненавистный долгъ готовъ исполнить.

ЕЛИЗАВЕТА.

Пусть лордъ Бэрлей его раздѣлитъ съ вами.

(*Бэрлею*).

Я жду приказа, лордъ. Поторопитесь.
(*Бэрлей уходитъ. Снаружи доносится шумъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и графъ Кентъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Что тамъ, лордъ Кентъ? Чѣмъ городъ такъ взволнованъ.
Случилось что-нибудь?

КЕНТЪ.

Народъ толпами
Дворецъ твой окружаетъ, королева,
И требуетъ, чтобъ ты ему явилась.

ЕЛИЗАВЕТА.

Чего же отъ меня народъ мой хочетъ?

КЕНТЪ.

Весь Лондонъ потрясенъ молвой зловѣщей,
Что жизнь твоя въ опасности, что рыщутъ
Подосланные папою убійцы;
Католиками, будто, заговоръ
Составленъ—изъ темницы вырвать Стюартъ
И возвести ее на твой престолъ.
Всѣмъ этимъ слухамъ чернь охотно вѣритъ,
Бѣснуется, грозитъ—и можетъ только
Одно ее смирить: чтобъ голова
Крамольницы сегодня же скатилась.

ЕЛИЗАВЕТА.

Неужто же хотятъ меня принудить?

КЕНТЪ.

Они рѣшили съ мѣста не сходить,
Пока ты не подпишешь приговора.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Бэрлей *и* Девисонъ *съ бумагой*. Тѣ же.

ЕЛИЗАВЕТА.

Что это, Девисонъ?

ДЕВИСОНЪ (*подходитъ съ важностью*).

По твоему
Велѣнью...

ЕЛИЗАВЕТА.

Что?
(*Протягиваетъ руку къ бумагѣ, вздрагиваетъ и отступаетъ*).
О! Боже!

БЭРЛЕЙ.

Гласъ народа—
Гласъ Божій, королева: повинуйся.

ЕЛИЗАВЕТА (*нерѣшительно, борясь сама съ собой*).

О лорды! Кто же мнѣ навѣрно скажетъ,
Дѣйствительно ли голосъ всенародный,
Всеобщій слышу я? Подумать страшно,
Что стоитъ мнѣ толпы исполнить волю,
Какъ голосъ я совсѣмъ иной услышу,—
Что тотъ же самый—да!—тотъ самый голосъ,
Который мнѣ теперь внушаетъ это,
Меня жъ потомъ за это и осудитъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и графъ Шрусбэри.

ШРУСБЭРИ *(входитъ въ сильномъ волненіи).*
Торопятъ, государыня, тебя.
О, будь тверда! держись, не поддавайся.
(Замѣтивъ Девисона съ бумагой въ рукахъ).
Иль это ужъ свершилось? Въ самомъ дѣлѣ?
Въ его рукахъ зловѣщій листъ я вижу.
О, лучше бъ государынѣ моей
Онъ на глаза теперь не попадался!

ЕЛИЗАВЕТА.
Меня хотятъ принудить, благородный
Мой Шрусбэри!

ШРУСБЭРИ.
Да кто жъ на это властенъ?
Ты—госпожа,—величіе свое
Здѣсь именно должна ты обнаружить.
Заставь умолкнуть эти голоса
Суровые, дерзающіе волю
Монаршую насиловать, монаршимъ
Рѣшеньемъ управлять. Объятый страхомъ,
Народъ не отличаетъ лжи отъ правды;
Ты также внѣ себя отъ раздраженья:
Ты—человѣкъ, судить теперь не можешь.

БЭРЛЕЙ.
Судить и не понадобится вовсе:
Судебный приговоръ ужъ *состоялся*—
И надо лишь теперь его *исполнить*!

КЕНТЪ *(при входѣ Шрусбэри ушедшій, возвращается).*
Смятеніе въ народѣ возрастаетъ—
И сдерживать его ужъ невозможно.

ЕЛИЗАВЕТА *(Шрусбэри).*
Вы видите, что дѣлаютъ со мною.

ШРУСБЭРИ
Отсрочки лишь прошу. Покой и счастье
Всей жизни для тебя рѣшаетъ подпись.
Ты много лѣтъ надъ этимъ размышляла:
Неужто же мгновенью одному
Ты дашь себя увлечь въ порывѣ бурномъ?
Вооружись терпѣніемъ и выжди
Спокойнѣе минуту.

БЭРЛЕЙ *(горячо).*
Выжидай,
Высматривай, высчитывай—пока
Въ огнѣ все государство не увидишь,
Пока рукѣ злодѣйской не удастся
Навѣрно нанести ударъ смертельный.
Три раза отводилъ его Господь;
Сегодня онъ тебя уже коснулся:
Надѣяться и въ будущемъ на чудо—
Не искушать ли Бога это значитъ?

ШРУСБЭРИ.
Тотъ Богъ, что чудодѣйственной десницей
Тебя четыре раза оградилъ,
Что старческой рукѣ далъ нынче силу
Побѣды надъ злодѣемъ изступленнымъ,
Тотъ Богъ—оплотъ надежный! Я не стану
На голосъ правосудія ссылаться:
Теперь еще не время—въ этой бурѣ
Его и не услышишь ты. Лишь знай!
Трепещешь ты передъ живой Маріей;
Но не живой тебѣ бояться надо,
А мертвой—обезглавленной! Возстанетъ
Она богиней распрей изъ могилы,
Какъ мщенья духъ, весь островъ облетитъ—
И вѣрныя сердца тебѣ измѣнятъ!
Теперь ее британецъ *ненавидитъ*,
Но будетъ *мстить* за мертвую тебѣ же!
И не врага своей исконной вѣры,
А правнучку лишь королей своихъ
Тогда онъ въ ней, оплаканной, вспомянетъ!
Недолго перемѣны ждать. Пройдись
По Лондону, когда Маріи Стюартъ
Прольется кровь, явись тогда народу,
Который вкругъ тебя съ такимъ восторгомъ
Толпился до сихъ поръ,—и ты иную
Британію, иной народъ увидишь;
Произойдетъ же это оттого,
Что свѣтлой справедливостью, тебѣ
Сердца твоихъ британцевъ покорившей,—
Окружена ужъ ты не будешь! *Страхъ*,
Съ тиранствомъ неразлучный, какъ зараза
Пройдетъ твоимъ трепещущимъ предтечей—
И улица за улицею будетъ
Пустѣть передъ тобою. Ты дошла
До крайняго, послѣдняго предѣла:
Чья жъ можетъ голова еще держаться,
Когда и та, священная, упала!

ЕЛИЗАВЕТА.
Ахъ, Шрусбэри! Вы жизнь спасли мнѣ нынче,
Отъ сердца отвели ударъ кинжала...
Зачѣмъ остановили вы его?
Конецъ насталъ бы всякимъ пререканьямъ—
И я, не угнетаемая больше
Сомнѣньями, невинная, сошла бы
Въ могилу безмятежную! По правдѣ,
Устала я отъ жизни и отъ власти!
Ужъ если пасть одна изъ насъ *должна*,
Чтобъ жить могла другая,—а иначе,

Я это сознаю, и быть не можетъ,—
Такъ почему жъ не *мнѣ* посторониться?
Народу я вѣнецъ свой возвращаю—
Пусть выбираетъ самъ. Свидѣтель Богъ,
Не для себя жила я—для народа;
И, если онъ, при этой льстивой Стюартъ,
Юнѣйшей государынѣ, увидѣть
Надѣется счастливѣйшіе дни,—
Охотно я престолъ покину этотъ
И удалюсь подъ мирный кровъ Вудстока,
Гдѣ скромно протекла моя весна—
Гдѣ я, вдали отъ ложнаго величья,
Въ себѣ самой величье обрѣтала...
И вовсе я не рождена для власти!
Властитель, если требуется, долженъ
Жестокимъ быть, а я мягкосердечна.
При первой же обязанности тяжкой
Я чувствую безсиліе свое.

БЭРЛЕЙ.

Ну, если мнѣ приходится такія
Совсѣмъ не королевскія слова
Отъ королевы слышать,—я считаю,
По совѣсти, дальнѣйшее молчанье
Измѣною и родинѣ и долгу.
Народъ свой больше, чѣмъ себя, ты любишь—
Ты это говоришь, такъ и на дѣлѣ
Намъ это докажи! Не избирай
Спокойствія себѣ, всѣ треволненья
На долю государства оставляя.
А церковь? съ ней что будетъ? Пусть со Стюартъ
Вернется къ намъ былое изувѣрство?
Пусть снова здѣсь господствуютъ монахи?
Легаты пусть являются изъ Рима—
И храмовъ насъ лишаютъ и монарховъ
Развѣнчиваютъ нашихъ? *Ты* въ отвѣтѣ
За души вѣрноподданныхъ твоихъ:
Погибнуть ли, спастись ли имъ—зависитъ
Все отъ того, какъ ты сама поступишь.
Здѣсь жалости чувствительной нѣтъ мѣста—
Ничтожно все передъ народнымъ благомъ.
Пусть Шрусбэри спасъ жизнь тебѣ сегодня:
Я Англію спасаю—это больше!

ЕЛИЗАВЕТА.

Теперь одна остаться я хочу.
Не у людей должна въ столь важномъ дѣлѣ
Совѣта я искать и утѣшенья.
Есть вышній Судія надъ всѣми нами:
Чему меня научитъ Онъ, то я
И сдѣлаю... Милорды, вы свободны!

(Девисону).

По близости останетесь вы, сэръ!

(Лорды уходятъ. Одинъ Шрусбэри остается еще нѣсколько мгновеній передъ королевой, многозначительно глядя на нее; потомъ онъ уходитъ съ выраженіемъ глубочайшей скорби).

ЯВЛЕНІЕ X.

ЕЛИЗАВЕТА *(одна).*

О, рабскій гнетъ служенія народу!
Позорное холопство... Какъ устала
Я этому кумиру поклоняться,
Котораго въ душѣ такъ презираю!
Когда жъ мой тронъ свободнымъ трономъ станетъ!
Должна я чтить общественное мнѣнье,
Чтобъ отъ толпы стяжать хвалы пустыя,—
Угодничать должна я передъ чернью,
Которой лишь фиглярство любо... О!
Тотъ не король еще, кто всѣмъ по нраву
Обязанъ быть: король лишь тотъ, кому
Въ дѣлахъ ничье не нужно одобренье.
Зачѣмъ старалась быть я справедливой?
Зачѣмъ такую ненависть всю жизнь
Питала къ произволу? Не затѣмъ ли,
Чтобъ въ первый разъ, когда прибѣгнуть надо
Къ насилію,—связать себѣ же руки!
Будь я такой тиранкой, какъ Марія
Испанская, предмѣстница моя,—
Я царственную кровь безъ порицанья
Теперь пролить могла бъ. Но развѣ жребій
Быть вѣчно справедливою—сама
Я выбрала себѣ? Необходимость
Всесильная, которой и монархи
Покорствуютъ въ своей свободной волѣ,—
Она мнѣ эту доблесть навязала...
Въ кольцѣ враговъ, я на престолѣ спорномъ
Лишь милостью народною держусь.
Меня всѣ европейскія державы
Стремятся уничтожить. Безъ пощады
Мнѣ на голову шлетъ проклятья папа,
Французы предаютъ меня лобзаньемъ
Іудинымъ—и на моряхъ испанцы
Грозятъ мнѣ смертоносною войною.
Такъ и борюсь я съ цѣлымъ свѣтомъ, всѣми
Покинутая женщина! Храня
Права свои, величіемъ державнымъ
Должна я прикрывать ихъ наготу
И то пятно рожденія, которымъ
Отецъ меня навѣки обезчестилъ.
Напрасное старанье! Вражья злоба
Открыла ужъ его—и эту Стюартъ
Мнѣ выставила призракомъ зловѣщимъ.
Нѣтъ! надо же покончить съ этимъ страхомъ!
Покоя жажду я! Она меня,
Какъ фурія, преслѣдуетъ—судьбою
Прикована ко мнѣ, какъ духъ-мучитель.
Гдѣ радость я растила и надежду—
Легла мнѣ на пути ехидна эта.
Съ возлюбленнымъ меня разъединила,
Лишила жениха. *Маріей Стюартъ*
Зовется все, что мнѣ бѣду несетъ.
Когда въ живыхъ ея не станетъ больше,

Свободна стану я, какъ воздухъ горный!
(Молчаніе).
Какъ злобно на меня она смотрѣла—
Пронзить меня была готова взглядомъ!
Безсильная! Оружіе мое
Получше твоего: разитъ навѣрно—
Спасенья нѣтъ тебѣ!
(Быстрыми шагами подходитъ къ столу и хватаетъ перо).
Такъ я ублюдокъ?
Несчастная! Я буду имъ, пока
Лишь *ты* живешь и дышишь. Всѣ сомнѣнья
Въ правахъ моихъ наслѣдственныхъ исчезнутъ
Въ тотъ самый мигъ, когда исчезнешь *ты*,
Ужъ выбора не будетъ для британцевъ,
И я тогда—рожденная законно!
(Быстрымъ и твердымъ почеркомъ подписываетъ бумагу, потомъ роняетъ перо и отступаетъ съ выраженіемъ ужаса. Спустя нѣкоторое время, звонитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЕЛИЗАВЕТА. ДЕВИСОНЪ.

ЕЛИЗАВЕТА.
А гдѣ другіе лорды?

ДЕВИСОНЪ.
Успокоить
Народъ пошли. Едва лишь показался
Лордъ Шрусбэри, какъ сотни голосовъ
Вскричали: „Вотъ онъ! вотъ—что королеву
Сегодня спасъ! Послушаемъ, что скажетъ
Честнѣйшій мужъ Британіи!"—И Толботъ
Повелъ къ народу рѣчь. Его за буйство
Онъ мягко укорялъ, но говорилъ
Такъ сильно, убѣдительно, что сразу
Притихло все—и площадь опустѣла.

ЕЛИЗАВЕТА.
Толпа непостоянная! по вѣтру
Безпомощно клонящійся тростникъ!
Бѣда тому, кто ищетъ въ немъ опоры.
Прекрасно, сэръ. Вы можете идти.
(Въ то время, какъ тотъ направляется къ двери).
А этотъ листъ. . Сэръ Девисонъ, возьмите..
Я вамъ его вручаю..

ДЕВИСОНЪ *(бросивъ взглядъ на бумагу, въ испугѣ).*
Королева!
Подписано уже... Такъ ты рѣшилась?

ЕЛИЗАВЕТА.
Обязана была я подписать.
Я такъ и поступила. Листъ бумаги—
Еще вѣдь не рѣшеніе, а подпись—
Еще не казнь.

ДЕВИСОНЪ.
Твоя подъ *этимъ* подпись
Рѣшаетъ все, казнитъ, бьетъ прямо въ цѣль,
Какъ молнія крылатая. Вѣдь это—
Приказъ твой комиссарамъ и шерифу!
Приказъ безотлагательно явиться
Къ шотландской королевѣ, объявить
Ей смертный приговоръ и съ ней покончить,
Едва свѣтать начнетъ!

ЕЛИЗАВЕТА.
Да, сэръ. Господь
Влагаетъ въ ваши немощныя руки
Судьбу великой важности. Молитесь,
Чтобъ мудростью своею просвѣтилъ
Онъ разумъ вашъ. Я ухожу. На васъ
Возложенъ долгъ—и я вамъ довѣряю.
(Хочетъ идти).

ДЕВИСОНЪ *(преграждая ей путь).*
Нѣтъ, королева! Нѣтъ! Не уходи,
Пока не скажешь мнѣ, чего ты хочешь.
Нужна ли мудрость здѣсь еще иная,
Какъ не буквально слѣдовать приказу?
Ты для того ль вручаешь мнѣ бумагу,
Чтобъ я ее немедленно исполнилъ?

ЕЛИЗАВЕТА.
Какъ ваше разумѣнье вамъ подскажетъ...

ДЕВИСОНЪ *(быстро и испуганно прерывая ее).*
Нѣтъ, не мое! Избави Богъ! Вся мудрость
Моя въ повиновеньи. Твой слуга
Самъ ничего усматривать не смѣетъ.
Малѣйшій промахъ здѣсь въ цареубійство,
Въ безмѣрное несчастье обратился бъ.
Дозволь же мнѣ въ великомъ этомъ дѣлѣ
Безвольнымъ быть орудіемъ твоимъ.
Скажи опредѣленно мнѣ и ясно,
Что дѣлать съ этимъ смертнымъ приговоромъ?

ЕЛИЗАВЕТА.
Отвѣтъ въ его названьи.

ДЕВИСОНЪ.
Значитъ, надо
Исполнить поскорѣй?

ЕЛИЗАВЕТА *(нерѣшительно).*
Я *не сказала*—
И эта мысль меня приводитъ въ трепетъ.

ДЕВИСОНЪ.
Такъ хочешь ты, чтобъ я сберегъ его?

ЕЛИЗАВЕТА *(быстро).*
На собственный вашъ страхъ! И вы въ отвѣтѣ.

ДЕВИСОНЪ.
Въ отвѣтѣ? я? О Боже мой! Скажи,
Чего же ты желаешь?

ЕЛИЗАВЕТА *(нетерпѣливо).*
Я *желаю*,
Чтобъ мнѣ о злополучномъ этомъ дѣлѣ
Не приходилось думать, чтобъ въ покоѣ
Оставили меня—и навсегда.

ДЕВИСОНЪ.

Лишь слово, королева! О, лишь слово:
Какъ быть съ бумагой этой?

ЕЛИЗАВЕТА.

Я сказала—
И больше не тревожьте вы меня.

ДЕВИСОНЪ.

Сказала ты? Когда же ты сказала?
Благоволи припомнить...

ЕЛИЗАВЕТА (*топнувъ ногой*).

Нестерпимый!

ДЕВИСОНЪ.

Имѣй же снисхожденіе ко мнѣ!
Здѣсь вновь я! Мнѣ чуждъ языкъ придворный—
Въ совсѣмъ иныхъ условіяхъ я выросъ.
Вооружись терпѣньемъ! Для раба
Покорнаго не поскупись на слово,
Чтобъ понялъ онъ обязанность свою...
(Подходитъ къ ней съ умоляющимъ видомъ; она поворачивается къ нему спиною; онъ стоитъ въ отчаяньи, потомъ говоритъ рѣшительно).
Возьми ее! возьми ее обратно!
Она мнѣ руки жжетъ. Пускай послужитъ
Другой тебѣ въ ужасномъ этомъ дѣлѣ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Исполните служебный долгъ.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Девисонъ; *потомъ, сейчасъ же*, Бэрлей.

ДЕВИСОНЪ.

Уходитъ!
А я стою безъ помощи, въ сомнѣньи,
Съ проклятою бумагою... Что дѣлать?
Куда дѣвать? Сберечь ли? Передать ли?
(Входящему Бэрлею).
Какъ хорошо, что вы пришли, милордъ!
Вы ко двору ввели меня. Отставки
Прошу у васъ теперь. Я эту должность,
Не зная всей отвѣтственности, принялъ.
Позвольте мнѣ вернуться въ неизвѣстность,
Откуда вышелъ я. Здѣсь я негоденъ.

БЭРЛЕЙ.

Что съ вами, сэръ? Оправьтесь, успокойтесь.
Гдѣ приговоръ? Звала васъ королева.

ДЕВИСОНЪ.

Оставила меня въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ.
О, мнѣ совѣтъ вашъ нуженъ! ваша помощь!
Я адскія испытываю муки.
Вотъ приговоръ—подписанный...

БЭРЛЕЙ (*живо*).

Неужто?
Давайте же! Скорѣй!

ДЕВИСОНЪ.

Не смѣю.

БЭРЛЕЙ.

Что?

ДЕВИСОНЪ.

Она свое желаніе не ясно...

БЭРЛЕЙ.

Не ясно! Подписала же. Давайте!

ДЕВИСОНЪ.

И долженъ я исполнить!... и *не* долженъ...
О Господи! что жъ, наконецъ, я долженъ?

БЭРЛЕЙ (*настаивая сильнѣе*).

Должны сейчасъ, немедленно исполнить.
Давайте! А промедлите—пропали.

ДЕВИСОНЪ.

Пропалъ, когда не въ мѣру поспѣшу.

БЭРЛЕЙ.

Глупецъ! Вы не въ своемъ умѣ. Давайте!
(Вырываетъ у него бумагу и съ нею уходитъ).

ДЕВИСОНЪ (*спѣша за нимъ*).

Что дѣлаете вы? Остановитесь!
Милордъ! милордъ! Вы губите меня!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Кеннеди, *одѣтая въ глубокій трауръ, съ заплаканными глазами и съ видомъ большой, но тихой скорби, запечатываетъ бумаги и письма. Печаль часто прерываетъ ея занятіе, и по временамъ замѣтно, что она тихо молится.* Полетъ и Друри, *также въ черныхъ одеждахъ, входятъ; за ними слѣдуетъ множество* служителей, *которые вносятъ золотые и серебряные сосуды, зеркала, картины и прочіе предметы роскоши и заполняютъ ими глубину комнаты. Полетъ передаетъ кормилицѣ шкатулку съ драгоцѣнностями и листъ бумаги, при чемъ показываетъ знаками, что это опись содержимаго шкатулки. При видѣ этихъ сокровищъ скорбь кормилицы возобновляется; она впадаетъ въ глубокую печаль, въ то время какъ остальные опять тихо удаляются. Входитъ* Мельвиль.

КЕННЕДИ *(вскрикиваетъ, какъ только завидѣла его).*

Мельвиль! Опять я вижу васъ, опять!

МЕЛЬВИЛЬ.

Да, вѣрная Кеннеди, вотъ опять
Мы свидѣлись.

КЕННЕДИ.

И послѣ долгой, долгой,
Мучительной разлуки!

МЕЛЬВИЛЬ.

И такая
Несчастная, мучительная встрѣча!

КЕННЕДИ.

О Боже! вы пришли...

МЕЛЬВИЛЬ.

Въ послѣдній разъ,
Навѣки съ государыней проститься.

КЕННЕДИ.

Теперь лишь, наконецъ,—теперь, въ день смерти,

Разрѣшено побыть ей со своими—
Что ей уже давно не разрѣшалось!
О дорогой мой сэръ! Я не хочу
Разспрашивать, какъ вамъ жилось,—не стану
Перечислять тѣ муки, что на долю
Намъ выпали съ тѣхъ поръ, какъ мы насильно
Разлучены: еще найдется время!
Мельвиль, Мельвиль! Чего мы дождались
И до чего мы дожили!

МЕЛЬВИЛЬ.

Не будемъ
Разстраивать другъ друга! До могилы
Не осушу я слезъ, не прояснятся
Улыбкой эти щеки, не сниму
Я съ плечъ своихъ одежды этой черной
Скорбѣть я буду вѣчно! Но сегодня
Рѣшился я быть твердымъ. Обѣщайте
И вы умѣрить скорбь свою—и если
Отчаянью другіе предадутся,
То пусть хоть *мы* проявимъ бодрость духа—
Пойдемъ передъ страдалицей, служа
Ей посохомъ въ борьбѣ ея послѣдней.

КЕННЕДИ.

Мельвиль, вы въ заблужденьи: наша помощь
Ей не нужна, чтобъ стойко встрѣтить смерть,
Она сама насъ твердости научитъ.
Не бойтесь за нее! Марія Стюартъ
Умретъ, какъ королева-героиня.

МЕЛЬВИЛЬ.

А съ твердостью ль, скажите, ею вѣсть
О смерти принята? Я слышалъ, будто
Къ ней вовсе не была она готова.

КЕННЕДИ.

Да, вовсе не была. Иные страхи
Тревожили ее. Не смерть грозила—
Грозилъ освободитель. Посулили
Свободу намъ сегодня. Мортимеръ
Далъ слово въ эту ночь побѣгъ устроить—
И, внѣ себя отъ страха и надежды,
Въ сомнѣніи, возможно ли довѣрить
Заносчивому юношѣ и честь
Свою и вѣнценосную особу,—
Безъ сна, ждала разсвѣта королева.
Вдругъ—въ замкѣ шумъ, удары молотковъ.
Мы думаемъ, что это—вѣсть свободы,—
И ужъ полны надеждою, и мощно
Въ насъ къ жизни пробуждается стремленье...
Но, вотъ, идутъ... къ намъ въ дверь... сэръ Полетъ входитъ
И говоритъ... что... плотники помостъ
Подъ нами воздвигаютъ...
(*Отворачивается, охваченная сильною скорбью*).

МЕЛЬВИЛЬ.

Боже правый!
Но какъ перенесла Марія эту
Ужасную замѣну?

КЕННЕДИ (*послѣ паузы, во время которой она опять нѣсколько овладѣла собой*).

Постепенно
Нельзя проститься съ жизнью! Сразу, быстро,
Въ одно мгновенье долженъ переходъ
Отъ временнаго къ вѣчному свершиться—
И госпожу мою Господь сподобилъ
Съ рѣшимостью душевной въ ту минуту
Отвергнуть всѣ земныя упованья
И съ вѣрой пріобщиться къ небесамъ.
Хотя бы слѣдъ боязни малодушной!
Хотя бы слово жалобы! Ничѣмъ
Себя не постыдила королева...
И, лишь когда услышала о подлой
Измѣнѣ Лейстера, о злополучной
Судьбѣ того, кто въ доблестномъ порывѣ
Принесъ ей въ жертву жизнь свою,—когда
Увидѣла нѣмое горе старца,
Котораго послѣдняя надежда
Изъ-за нея угасла: лишь тогда
Заплакала. Не собственная участь—
Чужое горе вызвало тѣ слезы.

МЕЛЬВИЛЬ.

А гдѣ она теперь? Къ ней отвести
Вы можете меня?

КЕННЕДИ.

Остатокъ ночи
Въ молитвѣ провела, потомъ съ друзьями
Простилась письменно и напослѣдокъ
Сама же написала завѣщанье.
Подъ утро захотѣла отдохнуть—
Предсмертнымъ сномъ забылась ненадолго.

МЕЛЬВИЛЬ.

Есть кто при ней?

КЕННЕДИ.

Лейбъ-медикъ Бургоэнъ
И женщины.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же *и* МАРГАРИТА КЭРЛЪ.

КЕННЕДИ.

Съ какою вѣстью, миссисъ?
Проснулась госпожа?

КЭРЛЪ (*отирая слезы*).

Одѣта. Васъ
Зоветъ.

КЕННЕДИ.

Иду.
(*Мельвилю, который хочетъ за нею слѣдовать*).
Побудьте здѣсь, а я
Предупрежу ее.
(*Уходитъ во внутреннія комнаты*).

КЭРЛЪ.

Мельвиль! Маститый
Домоправитель нашъ!

МЕЛЬВИЛЬ.

Да, это я.

КЭРЛЪ.

Погибъ нашъ домъ—на что ему правитель!
Вы прибыли изъ Лондона, Мельвиль:
Что скажете о мужѣ мнѣ?

МЕЛЬВИЛЬ.

Толкуютъ,
Что выйдетъ изъ темницы онъ, какъ только...

КЭРЛЪ.

Какъ только государыни не станетъ?
О, низкій, омерзительный предатель!
Вѣдь, онъ же, говорятъ, и погубилъ
Ее своимъ свидѣтельствомъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Да, правда.

КЭРЛЪ.

Будь проклятъ онъ до самой преисподней!
Солгалъ онъ...

МЕЛЬВИЛЬ.

Лэди Кэрлъ! Смотрите, такъ ли.

КЭРЛЪ.

Я присягнуть передъ судомъ готова,
Въ глаза ему готова повторить,
Всѣмъ уши прокричать,—что умираетъ
Невинною она...

МЕЛЬВИЛЬ.

О, дай-то Боже!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Бургоэнъ. *Потомъ* Анна Кеннеди.

БУРГОЭНЪ *(замѣчаетъ Мельвиля).*
Мельвиль!

МЕЛЬВИЛЬ *(обнимая его).*

О, Бургоэнъ!

БУРГОЭНЪ *(Маргаритѣ Кэрлъ).*

Налейте кубокъ
Вина для госпожи! Поторопитесь!

(Кэрлъ уходитъ).

МЕЛЬВИЛЬ.

Какъ, развѣ королевѣ дурно стало?

БУРГОЭНЪ.

Обманута она подъемомъ духа
И думаетъ, что пищи ей не нужно;
Но предстоитъ ей тяжкая борьба—
И не должны враги ея хвалиться,
Что смертный страхъ ей обезцвѣтилъ щеки,—
Когда природу слабость побѣдитъ.

МЕЛЬВИЛЬ *(входящей кормилицѣ).*
Могу идти?

КЕННЕДИ.

Сама сейчасъ здѣсь будетъ.
Я вижу удивленье въ вашихъ взорахъ—
Какъ будто вы спросить меня хотите:
Что значитъ эта роскошь въ домѣ смерти?
О, сэръ, живя, терпѣли мы нужду—
Со смертью лишь вернулся къ намъ избытокъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же. Двѣ другія каммерфрау *Маріи, также въ траурѣ. При видѣ Мельвиля, онѣ разражаются слезами.*

МЕЛЬВИЛЬ.

Что вижу я еще! Какая встрѣча!
Гертруда! Розамунда!

ОДНА ИЗЪ КАММЕРФРАУ.

Отослала
Насъ отъ себя. Въ послѣдній разъ желаетъ
Побыть на единѣ въ бесѣдѣ съ Богомъ.
(Входятъ еще двѣ прислужницы—такъ же, какъ и прежнія, въ траурѣ—безмолвно выражающія свою скорбь).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Маргарита Кэрлъ. *Она приноситъ золотой кубокъ съ виномъ и ставитъ его на столъ; сама же, блѣдная и дрожащая, хватается за стулъ).*

МЕЛЬВИЛЬ.

Что съ вами, миссисъ? Что напугало?

КЭРЛЪ.

О Боже!

БУРГОЭНЪ.

Что случилось?

КЭРЛЪ.

Что сейчасъ
Мнѣ довелось увидѣть!

МЕЛЬВИЛЬ.

Успокойтесь!
Скажите, что такое?

КЭРЛЪ.

Съ этимъ кубкомъ
Всходила я по лѣстницѣ большой,
Что въ нижній залъ ведетъ... Дверь отворилась...
А тамъ... а тамъ... О Боже!

МЕЛЬВИЛЬ.

Что же тамъ-то?

КЭРЛЪ.

Весь залъ затянутъ чернымъ, посрединѣ—

Подъ чернымъ же сукномъ—большой помостъ
И плаха тоже черная, а рядомъ
Подушка и топоръ—блестящій, острый...
И множество людей вокругъ помоста—
Глаза у всѣхъ кровавой жертвы жаждой
Такъ и горятъ...

ЖЕНЩИНЫ.

О Боже, къ нашей лэди
Будь милостивъ!

МЕЛЬВИЛЬ.

Сдержитесь! Вотъ она.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же. Марія. *Она одѣта въ бѣлое праздничное платье, на шейной цѣпочкѣ изъ мелкихъ шариковъ—Agnus Dei; къ поясу привѣшены четки; въ рукѣ распятіе, на головѣ діадема; большое черное покрывало откинуто назадъ. При появленіи ея, присутствующіе разступаются на обѣ стороны и выражаютъ сильнѣйшую скорбь. Мельвиль невольнымъ движеніемъ опускается на колѣни.*

МАРІЯ (*со спокойнымъ величіемъ оглядываетъ окружающихъ*).

О чемъ скорбите вы? изъ-за чего
Вы плачете? Вамъ радоваться бъ надо,
Что къ цѣли мукъ моихъ я приближаюсь,
Что узы разрѣшаются мои,
Темница раскрывается—и, въ славѣ,
На ангельскихъ крылахъ, къ свободѣ вѣчной
Возносится душа. Когда во власти
Надменнаго врага я находилась,
Претерпѣвая то, что непристойно
Претерпѣвать великой королевѣ,—
Тогда бы вамъ оплакивать меня!—
Цѣлительница-смерть, мой другъ суровый,
Идетъ ко мнѣ! Позоръ мой покрываетъ
Она своими черными крылами.
Какъ низко человѣкъ ни упадетъ—
Послѣдній вздохъ его облагородитъ.
Опять на головѣ своей вѣнецъ
Я чувствую—и гордостью былою
Пылаетъ благородная душа!
(*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ дальше*).
Мельвиль! Вы здѣсь? Нѣтъ, сэръ! не надо—встаньте!
Вы къ вашей государынѣ явились
На торжество, а не на смерть! Судьбою
Ниспослано мнѣ счастье, о какомъ
И не мечтала я: не безраздѣльно
Моей посмертной славой овладѣютъ
Враги мои—нѣтъ, все-жъ, хоть одного
Я друга обрѣла, единовѣрца,
Свидѣтеля минутъ моихъ послѣднихъ...
Скажите же мнѣ, рыцарь благородный,
Какъ вамъ жилось донынѣ въ этой вражьей,
Неласковой странѣ? Душою часто
Болѣла я за васъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Скорбь о тебѣ,
О томъ, что я тебѣ служить безсиленъ,—
Вотъ, что меня въ разлукѣ угнетало.

МАРІЯ.

Что дѣлаетъ Дидье, мой казначей?
Но нѣтъ его, должно-быть, ужъ на свѣтѣ?
Вѣдь онъ былъ очень старъ, слуга мой вѣрный.

МЕЛЬВИЛЬ.

Живетъ еще. Господня воля, видно,
Чтобъ молодость твою онъ схоронилъ.

МАРІЯ.

Ахъ, если бы еще другое счастье
Мнѣ выпало на долю передъ смертью—
Прижать къ груди кого-нибудь изъ кровныхъ!
Но умереть среди чужихъ должна я—
Ихъ слезы лишь придется мнѣ увидѣть!..
Мельвиль, я въ ваше преданное сердце
Послѣднія влагаю пожеланья.
Благословляю зятя моего,
Всехристіаннѣйшаго государя,
А съ нимъ и весь державный домъ французскій.
Благословляю дядю-кардинала
И Генриха, кузена дорогого.
Благословляю давшаго и мнѣ
Свое благословеніе—святого
Намѣстника Христа. Благословляю
Монарха всѣхъ католиковъ, который
Съ такимъ великодушіемъ свою
Защиту предложилъ мнѣ и возмездье...
Ихъ всѣхъ упомянула я въ духовной:
Дары моей любви—какъ ни бѣдны—
Не меньше оттого цѣнимы будутъ.
(*Обращаясь къ своимъ прислужницамъ*).
Васъ царственному брату поручаю;
О васъ онъ позаботится и дастъ
Въ своихъ земляхъ вамъ новую отчизну.
И вотъ моя послѣдняя къ вамъ просьба:
Не оставайтесь въ Англіи, чтобъ сердце
Надменное свое несчастьемъ вашимъ
Не потѣшалъ британецъ,—онъ не долженъ
Во прахѣ видѣть *тѣхъ*, кто *мнѣ* служилъ.
Распятіемъ Христовымъ обѣщайтесь—
Въ тотъ самый день, когда меня не станетъ,
Покинуть злополучную страну.

МЕЛЬВИЛЬ (*прикасаясь къ распятію*).

Клянусь тебѣ за всѣхъ!

МАРІЯ.

Чѣмъ я еще—
Обобранная, бѣдная—владѣла,
Чѣмъ въ правѣ я была распоряжаться,—
Все то я между вами подѣлила.
Уважутъ же, надѣюсь я, мое
Послѣднее желанiе. И то,
Въ чемъ я на казнь иду,—все ваше также..
Еще разъ блескъ земной хочу извѣдать
Я на пути къ обители небесной!
(Прислужницамъ-дѣвушкамъ).
Алиса, Розамунда и Гертруда,
Дарю мои вамъ жемчуги и платья:
Вы молоды—и вамъ наряды любы.
Твои права всѣхъ больше, Маргарита,
На доброту мою—вѣдь я тебя
Несчастнѣйшей изъ всѣхъ здѣсь оставляю.
Что я тебѣ не мщу за мужа—въ этомъ
Ты изъ моей духовной убѣдишься.
Тебя жъ, о Анна вѣрная моя,—
Тебя ни цѣнность золота, ни пышность
Камней не соблазняетъ: всѣхъ сокровищъ
Тебѣ дороже память обо мнѣ.
Возьми платокъ! Надъ нимъ я для тебя же
Часы моей невзгоды коротала,
Струи горючихъ слезъ въ узоръ вплетая.
Ты имъ глаза завяжешь мнѣ, когда
Дойдетъ ужъ до того.. Я отъ своей
Кормилицы принять желаю эту
Послѣднюю услугу.

КЕННЕДИ.

О Мельвиль!
Нѣтъ силъ моихъ!

МАРІЯ.

Приблизьтесь всѣ! Примите
Послѣднее прощанiе мое.
(Протягиваетъ руку; всѣ по очереди падаютъ передъ нею на колѣни и цѣлуютъ руку, обливаясь горькими слезами).
Прощайте, *Маргарита* и *Алиса*...
Благодарю васъ, *Бургоэнъ*, за службу...
Какъ губы горячи твои, *Гертруда*...
Да, много ненавидѣли меня,
Но много и любили... Пусть Гертруда
Найдетъ себѣ съ хорошимъ мужемъ счастье—
Любви ея сердечко жаждетъ страстно...
Ты, *Берта*, избрала наилучшiй жребiй—
Желаешь быть невѣстою Христовой:
О, поспѣши исполнить свой обѣтъ!
Земныя блага—ложь,—съ тебя довольно
Примѣра королевы... Все! Прощайте!
Прощайте всѣ! Прощайте навсегда!

(Поспѣшно отворачивается отъ нихъ; всѣ, кромѣ Мельвиля, уходятъ).

ЯВЛЕНIЕ VII.

МАРІЯ. МЕЛЬВИЛЬ.

МАРІЯ.

Со всѣмъ земнымъ покончено. Надѣюсь,
Ни передъ кѣмъ я не должница здѣсь...
Одно еще, Мельвиль, гнететъ мнѣ душу
И вознестись препятствуетъ ей къ небу
Въ свободномъ ликованiи.

МЕЛЬВИЛЬ.

Откройся
И сердце облегчи передо мною—
Довѣрь заботу преданному другу.

МАРІЯ.

Я на порогѣ вѣчности стою
И скоро передъ Вышнимъ Судiею
Должна предстать; но съ Преблагимъ еще
Не примирилась я. Мнѣ отказали
Въ духовникѣ моемъ. Дары святые
Изъ рукъ еретика я отвергаю.
Я умереть желаю въ лонѣ церкви,
Которая одна даетъ блаженство!

МЕЛЬВИЛЬ.

Пусть сердце успокоится твое.
Для неба и желанiя довольно,
Когда ты невольна его исполнить.
Тиранство намъ лишь связываетъ руки—
Молитва же идетъ свободно къ Богу.
Не въ словѣ жизнь, а въ вѣрѣ.

МАРІЯ.

Ахъ, Мельвиль!
Самимъ собою жить не можетъ сердце.
Земной залогъ еще для вѣры нуженъ,
Чтобъ ей вполнѣ небесное усвоить.
Вѣдь для того и Богъ сталъ человѣкомъ,
Таинственно облекши зримой плотью
Незримые небесные дары...
Лишь церковью—великою, святою,—
Какъ лѣстницей, мы къ небесамъ восходимъ.
Вселенской, католической она
Зовется потому, что вѣру нашу
Всеобщая лишь вѣра укрѣпляетъ.
Гдѣ тысячи сливаются въ молитвѣ,
Тамъ пламенемъ горитъ сердечный пылъ—
И къ небу духъ взлетаетъ, окрыленный...
Счастливцы тѣ, чьи розныя молитвы
Въ одну соединяетъ домъ Господень!
У алтаря, украшеннаго ярко,
Сверкаютъ свѣчи, колоколъ звонитъ,
Дымъ отъ кадильницъ стелется, епископъ,
Въ лилейномъ облаченiи, беретъ—
Благословляетъ чашу,—возвѣщаетъ
О таинствѣ великомъ и толпу,
Восторженно-покорную, къ подножью
Господню повергаетъ... Я одна

Исторгнута—благословенье неба
Ко мнѣ одной не проникаетъ...

МЕЛЬВИЛЬ.

Нѣтъ!
Оно ужъ проникаетъ! близко, близко!
Довѣрься Всемогущему: гдѣ вѣра—
Тамъ прорасти изсохшій посохъ можетъ!
И Тотъ, Кто изъ скалы извлекъ источникъ,
Алтарь воздвигнуть можетъ и въ темницѣ—
Земное подкрѣпленье въ *этомъ* кубкѣ
Въ единый мигъ небеснымъ можетъ сдѣлать.

(*Приподнимаетъ кубокъ, стоящій на столѣ*).

МАРІЯ.

Мельвиль! Боюсь понять... О, понимаю!
Нѣтъ пастыря, нѣтъ церкви, нѣтъ причастья...
Но говоритъ Спаситель: „Гдѣ во имя
„Мое сойдутся двое—тамъ и я".
Что пастырю въ уста влагаетъ силу
Небеснаго глагола? Чистота
Души его и жизни. *Вы*, вы—пастырь
Здѣсь для меня, хотя не посвященный,—
Вы принесли мнѣ миръ, посолъ Господень.
Вамъ—исповѣдь послѣдняя моя,
И мнѣ изъ вашихъ устъ — глаголъ спасенья.

МЕЛЬВИЛЬ.

Такъ знай же, королева: если ты
Исполнена горячаго влеченья,
То Богъ тебя утѣшить можетъ чудомъ.
Сказала ты, что пастыря здѣсь нѣтъ,
Нѣтъ церкви, нѣтъ причастья? Ты ошиблась.
И пастырь есть—и Милосердный съ нами.

(*При этихъ словахъ онъ обнажаетъ голову; въ то же время онъ показываетъ ей св. дары въ золотой чашѣ*).

Я—пастырь твой. Семь посвященій принялъ
Я для того, чтобъ отпустить твои
Грѣхи въ послѣдній разъ, чтобъ возвѣстить

Душевный миръ тебѣ въ пути послѣднемъ,—
И вотъ дары святые: эту чашу
Тебѣ святой отецъ нашъ посылаетъ.

МАРІЯ.

О, значитъ, я и на порогѣ смерти,
Не лишена небеснаго блаженства!
Какъ духъ Святой на облакѣ нисходитъ,
Какъ нѣкогда апостолъ изъ темницы
Освобожденъ былъ ангеломъ—ему
Преграды нѣтъ ни въ стражѣ ни въ затворахъ,
Онъ властно проникаетъ сквозь ворота
И узника привѣтствуетъ, сіяя,—
Такъ и ко мнѣ является нежданно
Посолъ небесъ, когда ни одного
Спасителя земного не осталось!
Служитель *мой* когда-то, вы теперь—
Всевышняго служитель и святой
Глаголъ его! Какъ предо *мной* колѣни
Склоняли раньше вы, такъ передъ вами
Теперь во прахѣ я лежу.

(*Склоняется передъ нимъ ницъ*).

МЕЛЬВИЛЬ (*осѣнивъ ее крестнымъ знаменіемъ*).

Во имя
Отца и Сына и Святого Духа!
Марія, королева! Испытала ль
Ты глубину души своей? Клянешься ль
Всю правду исповѣдать Богу правды?

МАРІЯ.

Передъ тобой и Господомъ открыта
Душа моя.

МЕЛЬВИЛЬ.

Какой же грѣхъ лежитъ
На совѣсти твоей съ тѣхъ поръ, какъ съ Богомъ
Въ послѣдній разъ ты примирилась?

МАРІЯ.

Въ сердцѣ
Питала я и ненависть и зависть—
И грудь моя горѣла жаждой мести.
Я, грѣшница, ждала прощенья свыше
И не могла соперницѣ простить.

МЕЛЬВИЛЬ.

Раскаялась ты въ томъ? и съ этимъ міромъ
Разстаться примиренной неуклонно
Рѣшилась ты?

МАРІЯ.

Да, это такъ же вѣрно,
Какъ то, что я надѣюсь на прощенье.

МЕЛЬВИЛЬ.

Еще какимъ грѣхомъ отягчена
Душа твоя?

МАРІЯ.

Ахъ, я Господню благость
Стократъ сильнѣй, чѣмъ *злобой*, оскорбила
Грѣховною *любовью*: въ ослѣпленьи
Я суетное сердце отдала
Тому, кѣмъ зло обманута была!

МЕЛЬВИЛЬ.

Раскаялась вполнѣ? и сердце къ Богу
Отъ лживаго кумира обратила?

МАРІЯ.

Я въ жизнь борьбы не вѣдала труднѣй—
Но больше нѣтъ на мнѣ земныхъ цѣпей.

МЕЛЬВИЛЬ.

О чемъ еще къ тебѣ взываетъ совѣсть?

МАРІЯ.

Кровавый грѣхъ, давно ужъ совершенный,
Давно ужъ исповѣданный, грозитъ
Мнѣ и теперь, въ послѣднее мгновенье,
Какъ мрачное у райскихъ вратъ видѣнье.
Супруга-короля я умертвить
Дозволила, обманщику-убійцѣ
И сердце я и руку отдала.
Всѣ кары на себя я налагала,
Но совѣсть ни на мигъ не умолкала.

МЕЛЬВИЛЬ.

Иныхъ неисповѣданныхъ грѣховъ
На сердцѣ не имѣешь?

МАРІЯ.

Все, что было
На сердцѣ у меня,—тебѣ извѣстно.

МЕЛЬВИЛЬ.

О близости Всевѣдущаго помни!
Не забывай о тяжкой карѣ церкви
За исповѣдь неполную. Вѣдь это—
Святого Духа искусъ—смертный грѣхъ!

МАРІЯ.

Пусть такъ Господь въ борьбѣ моей послѣдней
Побѣду мнѣ даруетъ, какъ душой
Чиста я въ этотъ мигъ передъ тобой.

МЕЛЬВИЛЬ.

Какъ, ты таишь отъ Бога преступленье,
Которое въ тебѣ караютъ люди?
Молчишь ты объ участіи въ измѣнѣ,
Что Парри съ Бебингтономъ совершили?
Ты временную смерть за то стяжала:
Такъ хочешь ты и вѣчную стяжать?

МАРІЯ.

Я въ вѣчность отойти уже готова,
Сейчасъ предъ Судіей предстану я;
Но говорю и подтверждаю снова:
Вся исповѣдь окончена моя.

МЕЛЬВИЛЬ.

Обдумай хорошенько. Сердце лживо.
Улики избѣгая, можетъ-статься,
Ты избѣгала выговорить *слово*,
Но *волею* участвовала въ дѣлѣ?
Такъ знай, что не обманешь ты ничѣмъ
Въ душѣ твоей недремлющее око!

МАРІЯ.

Просила я всѣхъ вѣнценосныхъ братьевъ

Меня освободить отъ узъ позорныхъ,—
Но никогда, ни помысломъ ни дѣломъ,
На жизнь врага не посягала.

МЕЛЬВИЛЬ.

Значитъ,
Писцы твои невѣрно показали?

МАРІЯ.

Какъ я сказала, такъ и есть. А что
Показывали тѣ—Господь разсудитъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

И значитъ, убѣжденная въ своей
Невинности, вступаешь ты на плаху?

МАРІЯ.

Мнѣ въ смерти незаслуженной Господь
За прежній тяжкій грѣхъ шлетъ искупленье.

МЕЛЬВИЛЬ *(благословляетъ ее).*

Такъ искупи же грѣхъ тотъ умирая!
Пади предъ алтаремъ покорной жертвой!
Кровь искупаетъ кровь. Въ своихъ дѣлахъ,
Какъ слабое созданье, ты грѣшила—
Невѣдома жъ земныхъ соблазновъ сила
Душѣ, преображенной въ небесахъ.
И, данною мнѣ властью разрѣшенья,
Я всѣ твои прощаю прегрѣшенья.

(Подаетъ ей св. дары).

Прими Христово тѣло—за тебя
Пожертвовалъ онъ имъ.

(Беретъ со стола кубокъ, безмолвно освящаетъ его и также подаетъ ей. Она колеблется и отводитъ кубокъ рукою).

Прими и кровь
Христову—за тебя ее Онъ пролилъ.
Прими! Тебѣ шлетъ папа эту милость!
Должна священнымъ правомъ королей
Воспользоваться ты и передъ смертью.

(Она принимаетъ кубокъ).

Ты, плотью облеченная, теперь
Таинственно соединилась съ Богомъ.
Такъ въ мірѣ вѣчной радости, сіяя,
Какъ ангелъ свѣтозарной чистоты,
Навѣки съ нимъ соединишься ты.

(Ставитъ кубокъ обратно. Заслышавъ шумъ, онъ покрываетъ голову и идетъ къ двери. Марія остается на колѣняхъ и тихо молится).

МЕЛЬВИЛЬ *(возвращается).*

Еще одно тебя ждетъ испытанье.
Достаточно ль сильна ты для того,
Чтобъ одолѣть въ себѣ движенье злобы?

МАРІЯ.

Я не боюсь ея возврата. Злобу,
Какъ и любовь, я Богу отдала.

МЕЛЬВИЛЬ.

Такъ приготовься же: сюда лордъ Лейстеръ
И лордъ Бэрлей идутъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же. Бэрлей, Лейстеръ и Полетъ.

Лейстеръ остается совсѣмъ въ глубинѣ, не подымая глазъ. Бэрлей, наблюдая за его настроеніемъ, становится между нимъ и королевой.

БЭРЛЕЙ.

Я, лэди Стюартъ,
Явился, чтобъ послѣднія велѣнья
Принять отъ васъ.

МАРІЯ.

Благодарю, милордъ!

БЭРЛЕЙ.

Желаетъ государыня, чтобъ вамъ
Ни въ чемъ доступномъ не было отказа.

МАРІЯ.

Все записала я—и завѣщанье
Вручила сэру Полету: прошу,
Чтобъ въ точности исполнено все было.

БЭРЛЕЙ.

Объ этомъ не тревожьтесь.

МАРІЯ.

И прошу,
Чтобъ слугъ моихъ свободно отпустили
Въ Шотландію иль Францію—куда
Свой путь они направить пожелаютъ.

БЭРЛЕЙ.

На этотъ счетъ не безпокойтесь также.

МАРІЯ.

А такъ какъ прахъ мой будетъ здѣсь лежать,
Въ землѣ не освященной, то хоть сердце
Мое пускай служитель этотъ вѣрный
Во Францію, къ роднымъ, отвезъ бы... Ахъ!
Всегда оно тамъ было.

БЭРЛЕЙ.

Такъ и будетъ.
А что еще...

МАРІЯ.

Британской королевѣ
Поклонъ сестры снесите отъ меня.
Я смерть свою прощаю ей, скажите,
И у нея въ горячности вчерашней
Съ раскаяньемъ прошу теперь прощенья:
Да сохранитъ ее Отецъ Небесный—
И счастливо да царствуетъ она!

БЭРЛЕЙ.

Вы доброму совѣту не хотите
Послѣдовать? Деканъ не нуженъ вамъ?

МАРІЯ.

Ужъ съ Богомъ примирилась я... Сэръ Полетъ!
Безвинно я вамъ горе причинила—
Опоры я лишила вашу старость...

О, дайте хоть надежду мнѣ, что злобой
Вы поминать не будете меня...

полетъ (*подаетъ ей руку*).
Да подкрѣпитъ васъ Богъ! Почiйте съ миромъ!

ЯВЛЕНIЕ IX.

Тѣ же. Анна Кеннеди *и другiя* прислужницы *королевы врываются съ выраженiемъ ужаса; за ними слѣдуетъ* шерифъ, *съ бѣлымъ жезломъ въ рукѣ, а позади, въ остающуюся отворенною дверь, видны* вооруженные люди.

МАРIЯ.
Что Анна? что съ тобой?... А, часъ ударилъ!
Вотъ, и шерифъ—чтобъ насъ вести на казнь.
Пора кончать. Прощайте всѣ! Прощайте!

(*Женщины въ сильной горести повисаютъ у нея на шеѣ; она—Мельвилю*).

Достойный сэръ! вы, съ вѣрной Анной вмѣстѣ,
Проводите меня въ послѣднiй путь.
Надѣюсь я, милордъ, что эту милость
Даруете вы мнѣ?

БЭРЛЕЙ.
На это я
Невластенъ.

МАРIЯ.
Какъ? Вы мнѣ въ ничтожной просьбѣ
Откажете? Имѣйте уваженье
Хоть къ полу моему! Да кто жъ, иначе,
Въ послѣднiй разъ услужитъ мнѣ? Не можетъ,
Не можетъ быть сестры моей желаньемъ,
Чтобъ женщина была оскорблена
Въ моемъ лицѣ, чтобъ грубыми руками
Ко мнѣ палачъ—мужчина—прикоснулся!

БЭРЛЕЙ.
Нельзя изъ вашихъ женщинъ ни одной
Взойти на эшафотъ—ихъ крики, вопли...

МАРIЯ.
Ахъ, ничего подобнаго не будетъ!
Я отвѣчаю вамъ за твердость Анны.
О, сжальтесь, сэръ! въ послѣднiй мигъ меня
Съ кормилицей моей не разлучайте!
Я на ея рукахъ вступила въ жизнь;
Пускай своею нѣжною рукою
Меня ужъ и на смерть она проводитъ.

полетъ (*Бэрлею*).
Дозвольте!

БЭРЛЕЙ.
Такъ и быть.

МАРIЯ.
На этомъ свѣтѣ
Мнѣ больше ничего не остается...

(*Беретъ и цѣлуетъ распятiе*).

Владыка мой! Спаситель! Искупитель!
Какъ распростеръ Ты руки на крестѣ—
Такъ надъ своей рабой простри ихъ нынѣ!

(*Поворачивается, чтобы идти. Въ это мгновенiе взглядъ ея падаетъ на графа Лейстера, который, при ея уходѣ, невольно вздрогнулъ и поднялъ на нее глаза. При видѣ его, Марiя дрожитъ, колѣна ея подгибаются, она готова упасть; тогда графъ Лейстеръ подхватываетъ и поддерживаетъ ее. Она нѣкоторое время строго и безмолвно смотритъ на него, онъ не въ состоянiи выдержать ея взглядъ; наконецъ она говоритъ*).

МАРIЯ.
Вы слово твердо держите, графъ Лейстеръ.
Не вы ль свою мнѣ руку обѣщали,
Чтобъ вывести меня изъ заточенья,—
И вотъ она!

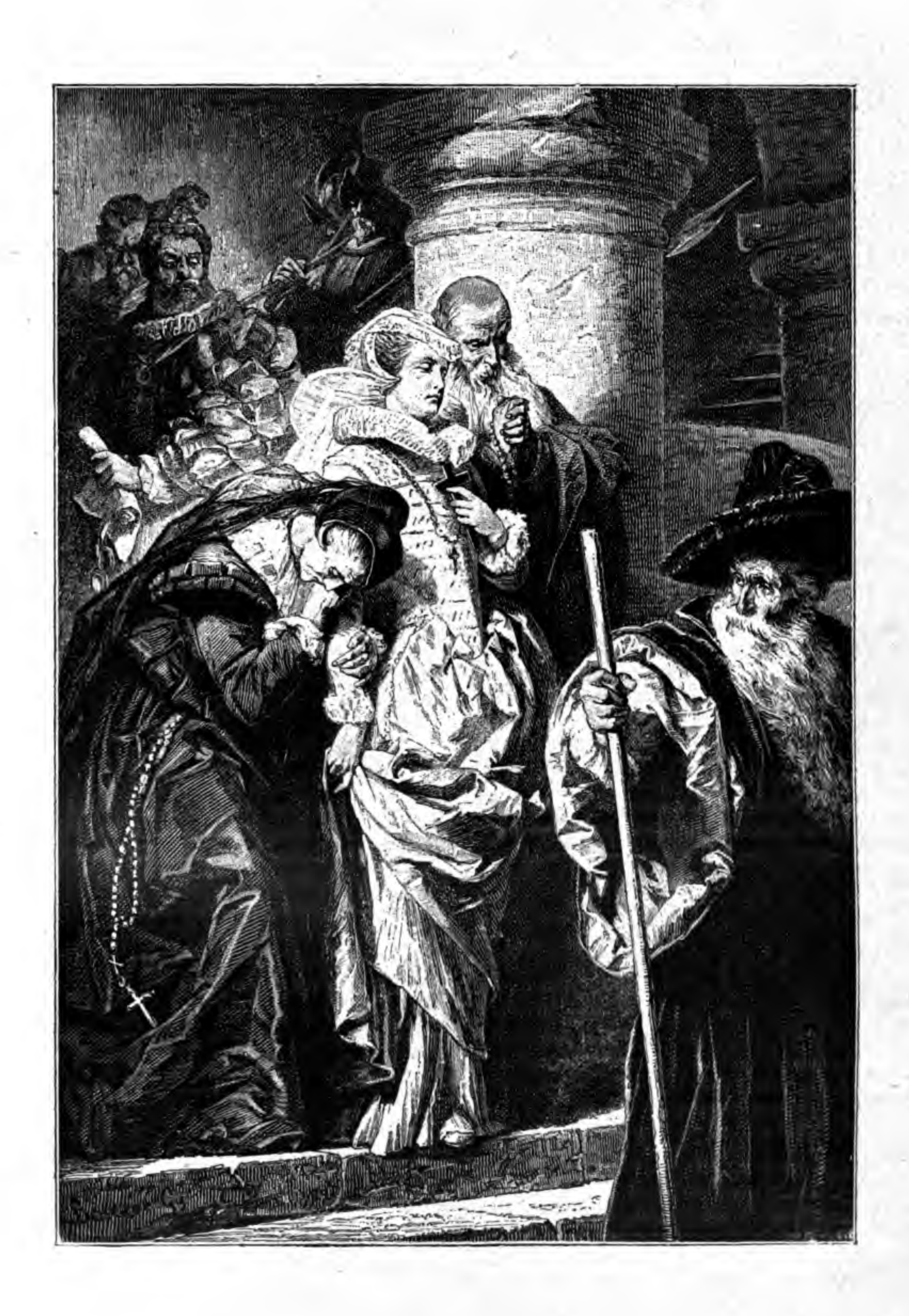
(*Онъ стоитъ, какъ уничтоженный. Она кротко продолжаетъ*).

Да, Лейстеръ, не одну
Свободу мнѣ рука сулила ваша!
Вѣдь я, на вашу руку опираясь,
Извѣдала бы радость новой жизни—
И не было бъ цѣны моей свободѣ.
Теперь, съ землей готовая разстаться
И стать на небесахъ блаженнымъ духомъ,
Для плотскихъ искушенiй недоступнымъ,—
Теперь могу я, Лейстеръ, не краснѣя,
Признаться въ слабости былой. Прощайте—
И, если въ силахъ, счастливо живите!
Двухъ королевъ руки вы домогались,
Отвергли нѣжно любящее сердце
И гордому пожертвовали имъ.
У ногъ Елизаветы ваше мѣсто!
Да не послужитъ въ кару вамъ почетъ—
А я съ землей свела послѣднiй счетъ!

(*Уходитъ; шерифъ идетъ передъ нею, Мельвиль и кормилица—по бокамъ. Бэрлей и Полетъ слѣдуютъ за ними; остальные, рыдая, провожаютъ Марiю взглядомъ, пока видятъ ее,—потомъ расходятся черезъ двѣ другiя двери*).

ЯВЛЕНIЕ X.

ЛЕЙСТЕРЪ (*оставшiйся одинъ*).
Я живъ еще! И жить еще я въ силахъ!
И на меня не рухнетъ эта кровля!
И нѣдра не раскроются земныя,



Чтобъ безъ слѣда злосча́стнѣйшее въ мірѣ
Созданье поглотить! Что я утратилъ!
Какую я жемчужину отбросилъ!
Какимъ небеснымъ счастьемъ пренебрегъ!
Какъ просвѣтленный духъ, она уходитъ,
Меня съ клеймомъ проклятья оставляя.
Не твердо ль я рѣшилъ преодолѣть
Сердечное движенье и безстрастно
На казнь ея позорную глядѣть?
Иль стыдъ воскресъ во мнѣ? иль снова сѣть
Любви меня опутываетъ властно?!..
Отверженецъ! Тебѣ ужъ не подъ стать
По-женски состраданье изливать!
Не по цвѣтамъ твой путь—надъ черной бездной:
Грудь долженъ ты одѣть броней желѣзной,
Чело—скалой незыблемой поднять!
Чтобъ не было безплодно злодѣянье —
Кончай его! Умолкни состраданье!
Глаза, камнями будьте! Я хочу
Въ безстрастности быть равнымъ палачу!

(*Рѣшительно идетъ къ двери, въ которую вышла Марія, но на полпути останавливается*).

Не двинуться! не двинуться отъ страха!
Нѣтъ силъ! нѣтъ силъ! Тамъ смерть ея, тамъ плаха,—
И я увижу... Чу! Что это? что?
Они уже вошли... Здѣсь, подо мною,
Готовится кровавое дѣянье...
Я слышу голоса... Прочь, прочь отсюда—
Прочь изъ-подъ крова ужаса и смерти!

(*Хочетъ убѣжать въ другую дверь, но находитъ ее запертою и бросается назадъ*).

Какою же я силою прикованъ?
Иль долженъ слышать я, что страшно видѣть...
Деканъ заговорилъ... Увѣщеваетъ...
Прервала... Чу! Молитву произноситъ...
Все смолкло вдругъ... Какъ тихо!.. Лишь одни
Рыданья женщинъ слышны... Раздѣваютъ...
Чу! Это что?.. Придвинули скамейку...
Колѣнями склонилась на подушку...
А головой... а головой склонилась...

(*Произнеся эти слова съ возрастающимъ ужасомъ, онъ умолкаетъ и внезапно, съ судорожнымъ движеніемъ, падаетъ безъ чувствъ; въ то же время снизу доносится гулъ голосовъ, долго не прекращающійся*).

Вторая комната четвертаго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Елизавета (*выходитъ изъ боковой двери; ея поступь и всѣ движенія выражаютъ сильнѣйшее безпокойство*).

Все—никого... Все—никакихъ извѣстій...
Иль вечеръ не сойдетъ на землю нынче?
Иль солнце въ небесахъ остановилось?
И нѣтъ конца ужасной этой пыткѣ!
Свершилось? Или нѣтъ? И то и это
Страшитъ меня—спросить же я не смѣю!
Не кажутъ глазъ ни Лейстеръ, ни Бэрлей,
Обязанные быть при исполненьи...
Уѣхали они—тогда свершилось:
Стрѣла взвилась—летитъ, летитъ,—попала
Я не могла бъ цѣною государства
Остановить ее теперь... Кто здѣсь?

ЯВЛЕНІЕ XII.

Елизавета. Пажъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Одинъ вернулся ты? А гдѣ же лорды?

ПАЖЪ.

Лордъ Лейстеръ съ лордомъ казначеемъ...

ЕЛИЗАВЕТА (*въ сильнѣйшемъ нетерпѣніи*)

Гдѣ?

ПАЖЪ.

Не въ Лондонѣ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Не въ Лондонѣ? Такъ гдѣ же?

ПАЖЪ.

Мнѣ этого никто не могъ сказать.
Поспѣшно и украдкой до разсвѣта
Покинули столицу оба лорда.

ЕЛИЗАВЕТА (*внезапно оживившись*).

Я—королева Англіи!

(*Шагая взадъ и впередъ въ величайшемъ возбужденіи*).

Ступай!
И позови ко мнѣ... Нѣтъ, оставайся!...
Она мертва! Теперь на этомъ свѣтѣ
Просторно мнѣ... Но отчего жъ дрожу я?
Чего боюсь? Мой страхъ земля прикроетъ—
И кто жъ меня посмѣетъ обвинить!..
Ты здѣсь еще?.. Ступай—и чтобъ сейчасъ же
Явился Девисонъ сюда... Послать
За графомъ Шрусбэри... Да вотъ и онъ!

(*Пажъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Елизавета. Графъ Шрусбэри.

ЕЛИЗАВЕТА.

Привѣтъ мой вамъ, достойный лордъ! Съ какими
Вѣстями къ намъ пожаловали вы?
Не думаю, чтобъ васъ сюда такъ поздно
Пустое что-нибудь могло направить.

ШРУСБЭРИ.

Великая монархиня! Всѣмъ сердцемъ
Заботясь о твоей державной славѣ,
Опять я посѣтилъ сегодня Тоуеръ,
Гдѣ Кэрлъ и Но сидятъ—писцы Маріи:
Правдивость показаній ихъ провѣрить
Еще разъ я хотѣлъ. Смотритель башни—
Растерянный, смущенный—преграждаетъ
Мнѣ къ узникамъ дорогу: лишь угрозой
Я впуска добиваюсь... Боже, Боже!
Какое мнѣ тамъ зрѣлище явилось!
Всклокоченный, съ безумными глазами,
Какъ духовъ тьмы истерзанная жертва,—
Лежалъ шотландецъ Кэрлъ въ своей постели...
Какъ только разглядѣлъ меня несчастный—
Бросается мнѣ въ ноги и, крича,
Колѣни обнимая, извиваясь,
Какъ червь, передо мною,—заклинаетъ
Сказать ему, что сталось съ королевой:
О смертномъ приговорѣ слухъ проникъ
И въ подземелье Тоуера... Когда жъ
Онъ отъ меня узналъ, что это правда
И что рѣшилъ судьбу Маріи Стюартъ
Его доносъ,—вскочилъ онъ, разъяренный,
Товарища съ невѣроятной силой
Безумія съ постели скинулъ на полъ
И сталъ душить. Изъ цѣпкихъ рукъ бѣднягу
Съ трудомъ ссвободили мы. Тогда
Онъ обратилъ всю ярость на *себя*
И, кулаками въ грудь стуча, проклятья
На головы обоихъ призывая,—
Сознался въ лжесвидѣтельствѣ, въ поддѣлкѣ
Тѣхъ злополучныхъ писемъ къ Бебингтону,
Что выдавалъ за подлинныя онъ:
Писалъ онъ подъ диктовку королевы,
По наущенью Но,—совсѣмъ другое.
Потомъ къ окну онъ бѣшено рванулся
И, распахнувъ его, такъ сталъ кричать,
Что подъ окно вся улица сбѣжалась:
Кричалъ, что онъ—писецъ Маріи Стюартъ,
Тотъ извергъ, что ее оклеветалъ,—
Что проклятъ онъ, что онъ клятвопреступникъ!

ЕЛИЗАВЕТА.

Онъ не въ своемъ умѣ, вы говорите.
Безумнаго, помѣшаннаго рѣчи
Не значатъ ничего.

ШРУСБЭРИ.

Ужъ много значитъ
Безуміе его! О королева,
Дозволь тебя молить не торопиться:
Пусть новое произведутъ дознанье.

ЕЛИЗАВЕТА.

Я прикажу—вамъ въ угожденье, графъ,—
Хотя сама увѣрена, что пэры
Судить бы опрометчиво не стали;
Но, чтобы успокоить васъ, пусть будетъ
По-вашему: еще не поздно, къ счастью!
На нашу честь монаршую ни въ чемъ
Пасть не должно и тѣни подозрѣнья!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Девисонъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Приказъ, что вамъ передала я, сэръ,—
Гдѣ онъ?

ДЕВИСОНЪ (*въ величайшемъ изумленіи*).

Приказъ?

ЕЛИЗАВЕТА.

Вчера же вамъ врученный
На сохраненье...

ДЕВИСОНЪ.

Мнѣ на сохраненье?

ЕЛИЗАВЕТА.

Народъ просилъ, молилъ меня объ этомъ—
Что оставалось мнѣ! Я подчинилась,
Бумагу поневолѣ подписала
И въ руки вамъ тотчасъ же отдала:
Хотѣла выиграть время я. Надѣюсь,
Слова мои вы помните... Подайте жъ!

ШРУСБЭРИ.

Подайте, сэръ! Дѣла пошли иначе—
И слѣдствіе должно возобновиться.

ДЕВИСОНЪ.

Возобновиться?.. Боже милосердый!

ЕЛИЗАВЕТА.
Не размышляйте долго. Гдѣ бумага?

ДЕВИСОНЪ (*въ отчаяніи*).
Конецъ мой! Смерть!

ЕЛИЗАВЕТА (*поспѣшно перебивая его*).
Я не хочу и думать...

ДЕВИСОНЪ.
О, я погибъ! Нѣтъ у меня бумаги!

ЕЛИЗАВЕТА.
Какъ—нѣтъ?

ШРУСБЭРИ.
Отецъ Небесный!

ДЕВИСОНЪ.
У Бэрлея
Въ рукахъ она—вчера еще...

ЕЛИЗАВЕТА.
Несчастный!
Вы такъ-то повинуетесь? Не я ли
Вамъ настрого хранить ее велѣла?

ДЕВИСОНЪ.
Ты не велѣла мнѣ...

ЕЛИЗАВЕТА.
Такъ ты еще
Во лжи меня, презрѣнный, обвиняешь?
Когда же я бумагу приказала
Отдать Бэрлею?

ДЕВИСОНЪ.
Не въ опредѣленныхъ,
Не въ ясныхъ выраженіяхъ... однако...

ЕЛИЗАВЕТА.
Бездѣльникъ! *Истолковывать* ты смѣешь
Слова мои? Свой собственный, кровавый
Въ нихъ смыслъ влагать? О, если приключится
Бѣда отъ твоего самоуправства—
Ты за него поплатишься мнѣ жизнью!
Вы видите, какъ имя, графъ, мое
Во зло употребляютъ.

ШРУСБЭРИ.
Вижу... Боже!

ЕЛИЗАВЕТА.
Что вы сказали?

ШРУСБЭРИ.
Если въ этомъ дѣлѣ
Сквайръ дѣйствовалъ на собственный свой страхъ,
Безъ твоего на то намека даже,—
Онъ подлежитъ суду—за то, что имя
Твое имъ обезславлено навѣки.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же, Бэрлей, *подъ конецъ* Кентъ.

БЭРЛЕЙ (*преклоняетъ одно колѣно передъ королевой*).
Да здравствуетъ монархиня моя—
И всѣ враги Британіи да сгинутъ,
Какъ эта Стюартъ сгинула!

(Шрусбэри закрываетъ лицо руками. Девисонъ въ отчаяніи ломаетъ руки).

ЕЛИЗАВЕТА.
Скажите:
Приказъ о смертной казни отъ *меня*
Вы получили?

БЭРЛЕЙ.
Нѣтъ, отъ Девисона,
Владычица моя.

ЕЛИЗАВЕТА.
И Девисонъ
Сослался на меня?

БЭРЛЕЙ.
Нѣтъ! Не ссылался..

ЕЛИЗАВЕТА.
И, все-жъ, поторопились вы исполнить,
Желанья моего не зная даже?
Судебный приговоръ былъ справедливъ,
Поставить намъ въ вину его не могутъ;
Но посягать на наше милосердье
Никто вамъ не далъ права—и за это
Вы навсегда изгнанью предаетесь!
(Девисону).
А васъ ждетъ судъ строжайшій: дерзновенно
Вы власть свою превысили—залогъ
Священный сохранить вы не сумѣли.
Пусть въ Тоуеръ отведутъ его и судятъ
На жизнь и смерть—я этого желаю!
Мой благородный Толботъ! Въ васъ одномъ
Правдиваго совѣтника нашла я—
Такъ будьте жъ мнѣ наставникомъ и другомъ..

ШРУСБЭРИ.
Не изгоняй друзей своихъ вѣрнѣйшихъ,
Не заключай въ темницу для тебя
Старавшихся, изъ-за тебя молчащихъ!..
А мнѣ дозволь вручить тебѣ печать,
Которую двѣнадцать лѣтъ хранилъ я,
Довѣріемъ монаршимъ облеченный.

ЕЛИЗАВЕТА *(озадаченная)*.

Нѣтъ, Шрусбэри! нѣтъ, вы меня теперь
Не бросите...

ШРУСБЕРИ.

Прости, я слишкомъ старъ—
И правая рука моя ужъ больше
Не въ силахъ такъ сгибаться, чтобъ печать
Прикладывать къ твоимъ дѣяньямъ новымъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Кто жизнь мнѣ спасъ—меня же и бросаетъ!

ШРУСБЭРИ.

Не много сдѣлалъ я—не удалось
Мнѣ лучшаго спасти въ тебѣ. Живи же
И счастливо владычествуй отнынѣ!
Противница мертва. Тебѣ бояться
Ужъ нечего—какъ нечего тебѣ
И уважать. *(Уходитъ).*

ЕЛИЗАВЕТА *(входящему графу Кенту).*

Пусть явится графъ Лейстеръ.

КЕНТЪ.

Графъ Лейстеръ у тебя прощенья проситъ:
Онъ только-что во Фрнацію отплылъ.

(Она сдерживаетъ себя и остается по виду спокойною. Занавѣсъ падаетъ).

В. Лихачовъ.

ОРЛЕАНСКАЯ
ДѢВА.

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

I.

Исторія Орлеанской дѣвы была заключительнымъ эпизодомъ такъ называемой Столѣтней войны между Англіей и Франціей. Эта война возникла по поводу вопроса о французскомъ престолонаслѣдіи, которое стало спорнымъ послѣ смерти послѣдняго изъ рода Капетинговъ, Карла IV, въ 1328 г. Англійскіе Плантагенеты, считавшіе свое родство съ покойнымъ болѣе близкимъ, чѣмъ родство унаслѣдовавшаго французскій престолъ рода Валуа, пустили въ ходъ силу оружія и одержали рядъ славныхъ побѣдъ. Съ особымъ ожесточеніемъ война возобновилась въ началѣ XV в., чему содѣйствовали съ одной стороны—энергія тогдашняго англійскаго короля Генриха V (изъ вѣтви Ланкастеръ), съ другой—вялость и слабоуміе его современника на французскомъ престолѣ, Карла VI. Пользуясь неспособностью короля, оба могущественнѣйшихъ его вассала, герцоги Орлеанскій и Бургундскій, разоряли страну своими раздорами и лишали ее возможности успѣшно противодѣйствовать вторженію иноземцевъ. Дѣлами управляла королева Изабелла Баварская, извѣстная своею развратною жизнью. Ея правленію наступилъ конецъ, когда младшій изъ сыновей короля, позднѣйшій Карлъ VII, послѣ смерти своихъ старшихъ братьевъ, былъ объявленъ наслѣдникомъ (дофиномъ); разгнѣванная, она примкнула къ бургундской партіи и вмѣстѣ съ ней вступила въ переговоры съ Генрихомъ V. Попытка дофина примириться съ герцогомъ Бургундскимъ кончилась неудачей: во время свиданія герцогъ былъ убитъ, какъ утверждали его приверженцы, приближеннымъ дофина, Дю-Шателемъ. Тогда сынъ убитаго Филиппъ Добрый заключилъ съ Генрихомъ формальный договоръ (въ 1420 г.), къ которому, по наущенію королевы Изабеллы, присоединился также и слабоумный король; согласно этому договору, Генрихъ V долженъ былъ жениться на дочери Карла VI и быть регентомъ, а по смерти Карла VI—королемъ Франціи, между тѣмъ какъ дофинъ объявлялся лишеннымъ права престолонаслѣдія.—Два года спустя оба короля почти одновременно скончались; по распоряженію герцога Бедфордскаго, котораго Генрихъ V назначилъ регентомъ Франціи, малолѣтній сынъ послѣдняго (отъ французской принцесссы), Генрихъ VI Ланкастеръ, былъ объявленъ французскимъ королемъ. Вся Франція къ сѣверу отъ Луары была во власти англичанъ; намѣреваясь завоевать и югъ, они въ 1428 г. подъ начальствомъ графа Салисбюри осадили Орлеанъ.

Въ этомъ положеніи находились дѣла въ тотъ моментъ, съ котораго начинается трагедія Шиллера. Дальнѣйшій ходъ событій былъ слѣдующій.

Въ лотарингской деревнѣ Домреми, близъ Вокулера, жилъ крестьянинъ Яковъ д'Аркъ, имѣвшій троихъ сыновей и двухъ дочерей. Старшей изъ послѣднихъ, Іоаннѣ, было тогда

18 лѣтъ; явившись къ коменданту Вокулера, Роберту де Бодрикуръ, она сказала ему, что имѣетъ порученіе отъ Бога къ дофину, и попросила его отвести ее къ нему. Бодрикуръ послѣ долгаго колебанія исполнилъ ея желаніе. Пріобрѣвъ довѣріе дофина чудесными откровеніями и умными совѣтами, она уговорила его отправить войско на помощь осажденному Орлеану подъ ея начальствомъ и въ сопровожденіи лучшихъ французскихъ военачальниковъ, Ла Гира и побочнаго сына герцога Орлеанскаго (поздн. графа Дюнуа). Экспедиція имѣла успѣхъ; осада была снята. Тогда Іоанна—Орлеанская дѣва, какъ ее отнынѣ называли—приступила къ новой части своей задачи: доставить дофину доступъ въ Реймсъ, занятый англичанами, чтобы онъ тамъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, возложилъ на свою голову корону французскихъ королей. Несмотря на всѣ трудности и препятствія, и эта задача была выполнена успѣшно: 17 іюля 1428 г. состоялась торжественная коронація Карла VII въ Реймсѣ.

До этого момента поэтъ, вообще говоря, придерживается историческаго хода событій (до 11 сцены IV дѣйствія); все дальнѣйшее—его собственное созданіе. Въ дѣйствительности же произошло слѣдующее. Послѣ Реймскаго торжества въ образѣ дѣйствій Іоанны, до тѣхъ поръ опредѣленномъ и рѣшительномъ, происходитъ переломъ. Ея миссія, по ея собственному признанію, была кончена, и она мечтала о томъ, чтобы вернуться на родину, къ своей прежней жизни скромной пастушки; все же начатое дѣло освобожденія Франціи отъ иноземцевъ не давало ей разстаться съ дѣятельностью, въ которой ея успѣхи были такъ велики и чудесны. Она настаивала на томъ, чтобы король отправился съ войскомъ противъ Парижа; король медлилъ, врагъ успѣлъ укрѣпиться, и когда войско наконецъ явилось, то было уже поздно: несмотря на героизмъ Іоанны городъ взятъ не былъ. Эта первая неудача значительно подорвала ея обаяніе. Она участвовала еще въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, отчасти съ значительнымъ успѣхомъ, но прежняго блеска уже не было. Вскорѣ во время осады гор. Компіень бургундцами, она была взята въ плѣнъ и выдана англичанамъ. Тѣ ее привлекли къ суду за колдовство; она держала себя съ большимъ достоинствомъ, но ея врагамъ, во власти которыхъ она находилась, не трудно было найти ее виновной по всѣмъ правиламъ тогдашней казуистики, и освободительница Франціи погибла смертью „вѣдьмы“, на кострѣ.

II.

Когда Шиллеръ въ 1800 г., непосредственно послѣ окончанія своей „Маріи Стюартъ“, принялся за этотъ новый сюжетъ изъ той же англійской исторіи, онъ естественно сосредоточилъ свое вниманіе на послѣднемъ актѣ кровавой драмы—на постыдной для обѣихъ націй смерти оклеветанной героини. Онъ началъ серьезно изучать процессы вѣдьмъ, читая для этого много старинныхъ сочиненій; но чѣмъ болѣе онъ углублялся въ эту мрачную область, тѣмъ болѣе онъ отчаивался въ возможности извлечь изъ нея мотивы, достойные идеаловъ его эпохи. Въ концѣ концовъ онъ рѣшился поступить такъ, какъ онъ поступилъ уже однажды въ „Донъ Карлосѣ“—а именно, рѣшительно порвать съ исторической традиціей и дать своей героинѣ свѣтлую кончину на полѣ сраженія. Но ему, все-таки, не сразу удалось освободиться отъ раздирающихъ картинъ первоначальной концепціи: еще въ концѣ 1801 г., когда трагедія въ ея нынѣшнемъ видѣ была уже готова, онъ мечталъ о томъ, чтобы обработать ее вторично.

Подготовительныя работы заняли все лѣто 1800 г., проведенное поэтомъ въ Веймарѣ; благодаря богатой веймарской библіотекѣ, ему удалось ознакомиться съ исторіей Іоанны по первоисточникамъ и дать своему художественному зданію очень широкое и прочное культурноисторическое основаніе. Осенью онъ началъ поэтическую разработку сюжета, представлявшаго, особенно въ началѣ, большія трудности. Съ одной стороны, не легко было, на мѣстѣ устраненной исторической дѣйствительности, создать новую, не менѣе жизненную—тѣмъ болѣе для поэта-идеалиста: „я такъ мало вижу внѣшній міръ“, писалъ онъ по этому поводу Гете, „такъ слабо испытываю его воздѣйствіе, что у меня всегда требуется особый методъ и значительная трата времени для того, чтобы оживить мой сюжетъ“. Съ другой стороны, разнообразіе и равбросанность дѣйствія мало благопріятствовали его драматической обработкѣ по понятіямъ неогуманистической эпохи, которая, хотя и порвала съ драматическими недоразумѣніями французскаго классицизма, однако уже въ силу сценическихъ условій не могла вер-

нуться къ разнузданной свободѣ Шекспировскаго театра. Пришлось идти на компромиссъ. „Орлеанская дѣва", писалъ онъ Кернеру, не выноситъ такого тѣснаго корсета, какъ „Марія Стюартъ": по размѣру и числу листовъ она будетъ меньше этой послѣдней, но драматическое дѣйствіе въ ней шире, его движеніе смѣлѣе и вольнѣе. Каждый сюжетъ требуетъ своей формы; искусство состоитъ въ томъ, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ найти подходящую. Идея трагедіи должна быть всегда подвижной и гибкой".

Въ апрѣлѣ 1801 г. трагедія была готова. Шиллеръ старательно скрывалъ предметъ своей работы отъ всѣхъ, кромѣ самыхъ интимныхъ друзей; „я уже испыталъ неудовольствіе", оправдывался онъ въ письмѣ къ своему издателю, „что въ публикѣ судили и рядили о моемъ „Валленштейнѣ" и „Маріи Стюартъ" еще въ то время, когда я работалъ надъ ними, такъ что мой трудъ мнѣ едва не опротивѣлъ"; что же касается „Орлеанской дѣвы", то тутъ положеніе было особенно опасно—въ чемъ поэтъ не замедлилъ убѣдиться, какъ только готовая поэма оставила умственную лабораторію ея творца и созрѣлъ докучливый вопросъ объ ея представленіи.

III.

Романтическая героиня вѣковой борьбы двухъ передовыхъ націй въ Европѣ занимала слишкомъ видное мѣсто во всемірной исторіи, чтобы не сдѣлаться рано предметомъ вниманія со стороны историковъ и поэтовъ; при этомъ неудивительно, что французы выставляли ее вдохновенной пророчицей, англичане же—распутницей и колдуньей. Клеветы англичанъ не запятнали, однако, ея славы, даже Шекспиръ, у котораго она (въ „Генрихѣ VI"), въ противорѣчіи съ исторіей, выставлена въ самомъ непривлекательномъ видѣ, не могъ ей серьезно повредить. Жестокій ударъ былъ ей нанесенъ въ серединѣ XVIII вѣка, и притомъ французомъ: Вольтеръ увѣнчалъ свои насмѣшки надъ церковью и королевской властью скабрезно-сатирической поэмой, героиней которой онъ избралъ лотарингскую пастушку, умершую по внушенію своего Бога за своего короля. Конечно, колдуньей Вольтеръ свою Pucelle не изобразилъ, за то другая затронутая Шекспиромъ черта была развита тѣмъ обстоятельнѣе: тогдашняя публика любила все пикантное и была благодарна тѣмъ, кто ей доставлялъ это удовольствіе. Объ исторической достовѣрности авторъ, понятно, не заботился.

Благодаря успѣху Вольтеровской „Pucelle d'Orleans" память Іоанны была покрыта толстымъ слоемъ грязи; самъ Шиллеръ сознавался, что „Вольтеръ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для того, чтобы какъ можно болѣе затруднить задачу своего преемника"; объ его возбужденіи противъ французскаго сатирика свидѣтельствуетъ стихотвореніе „Орлеанская Дѣва" (см. т. I стр. 134), напечатанное имъ въ томъ же 1801 г. Дѣйствительно, въ Германіи просвѣтительная подпочва, выростившая эпигоновъ Фридриха Великаго, далеко не вездѣ была покрыта черноземомъ неогуманизма; особенно среди знати, главной посѣтительницы придворныхъ театровъ, тенденціи и идеи просвѣтительной эпохи въ ихъ отрицательномъ, сатирическомъ проявленіи были очень популярны. Спеціально вольтеровскую Pucelle дворъ веймарскаго герцога зналъ „почти что наизусть"; герцогъ былъ удивленъ, что поэтъ-идеалистъ могъ взяться за такой „крайне двусмысленный сюжетъ" и выразилъ желаніе „предварительно освидѣтельствовать новую Pucelle". Шиллеръ послалъ ему рукопись; герцогъ признался, что трагедія „несмотря на ея полное несогласіе съ его вкусами произвела на него неожиданное дѣйствіе", все же онъ не счелъ возможнымъ допустить ее къ представленію на придворной сценѣ и поэту пришлось отъ этой мысли отказаться. Честь первой постановки трагедіи принадлежитъ не придворному, а городскому театру: 18 сентября 1801 г. „Орлеанская дѣва" была поставлена въ Лейпцигѣ, въ присутствіи поэта, его супруги и друзей. Это представленіе было для поэта настоящимъ торжествомъ: уже послѣ перваго акта зрительная зала огласилась дружными и повторенными криками „да здравствуетъ Фридрихъ Шиллеръ!"; по окончаніи представленія толпившаяся передъ театромъ публика встрѣтила поэта съ обнаженной головой и провожала его въ почтительномъ, почти благоговѣйномъ молчаніи. Поэтъ имѣлъ полное право приписать этотъ успѣхъ исключительно себѣ и своему генію: силы лейпцигскаго театра были тогда очень слабы, декораціи и прочая обстановка ниже всякой критики.

Побѣда „Орлеанской дѣвы" благодаря обстоятельствамъ, при которыхъ она была одержана, получила общее принципіальное значеніе. Это была побѣда положительныхъ

началъ неогуманизма надъ отрицательными тенденціями просвѣтительной эпохи. Культурное значеніе этой послѣдней ничуть этимъ не умаляется; она была необходима какъ эпоха борьбы съ убожествомъ эпигоновъ реформаціонной и контръ-реформаціонной эпохи. Но съ нарожденіемъ неогуманизма ея задача была исполнена; настало время новыхъ идеаловъ, а таковыми были—возрожденная античность и гуманизированное христіанство. Въ лицѣ „Орлеанской дѣвы" побѣдили именно они; побѣда эта была такъ полна, что намъ въ настоящее время трудно представить себѣ Іоанну д'Аркъ въ томъ видѣ, въ какомъ ее зналъ и смаковалъ веймарскій герцогъ. Вольтеровская Pucelle предана заслуженному забвенію; кто нынѣ вспоминаетъ объ освободительницѣ Франціи, тотъ—быть можетъ самъ того не сознавая—видитъ ее такой, какой ее изобразилъ Шиллеръ.

IV.

Идеалами неогуманизма были, сказали мы только что, возрожденная античность и гуманизированное христіанство; былъ у него, однако, и третій и, пожалуй, главный—*природа*. Замѣтно ли ея вліяніе на „Орлеанской Дѣвѣ?"

Если отожествлять природу съ дѣйствительностью—то, конечно, нѣтъ. Уже сама идея трагедіи лежитъ внѣ міра видимости; мы въ атмосферѣ чуда. Эта идея, въ свою очередь, повліяла на развязку. Конечно, говорить о тѣсной причинной связи тутъ не приходится; утверждать, что геніальный поэтъ не могъ бы послѣдовательно провести свою идею и черезъ судьбу исторической Іоанны, что Іоанна—мученица на кострѣ не могла бы, въ изображеніи геніальнаго поэта, произвести на зрителей такое же чистое примиряющее впечатлѣніе, какъ и Іоанна—героиня на полѣ брани — это значило бы судить слишкомъ опрометчиво о предѣлахъ поэтическаго творчества. Но фактъ тотъ, что Шиллеръ не видѣлъ для себя возможности заключить свою идею въ историческую судьбу своей героини; для того, чтобы эта возможность открылась, нужно было, чтобы „историческій" XIX вѣкъ явился на смѣну „философскому" XVIII-ому.

Не мало уклоненій отъ дѣйствительности и въ первыхъ четырехъ актахъ. Вымышленъ Ліонель, играющій такую роковую роль въ судьбѣ Іоанны; вымышленъ Раймондъ и вообще вся семья героини; королева Изабелла, всѣми забытая, не принимала активнаго участья въ войнѣ; примиреніе дофина съ герцогомъ Бургундскимъ было желаніемъ Іоанны, но не состоялось; знакомство дофина съ Агнесою Сорель началось лишь позже, его же вдохновительницей въ борьбѣ съ Англіей была его молодая супруга;—мы не говоримъ здѣсь о такихъ уклоненіяхъ, которыя могутъ быть результатомъ недосмотра—въ родѣ того, что гор. Шинонъ помѣщенъ къ сѣверу отъ Лауры, или что смерть Сантраля и Салисбюри опредѣлена хронологически неправильно.—Важнѣе, пожалуй, то, что историческая вѣрность не соблюдена и въ характеристикахъ. Отчасти тутъ виною былъ сюжетъ: дѣйствующія лица трагедіи извѣстны намъ, понятно, лишь по свидѣтельствамъ ихъ современниковъ, средневѣковыхъ хронистовъ, а они характеризовать не умѣли. Но даже то, что они намъ сообщаютъ, т. е. голые факты, дѣянія и событія—не уживается съ характеристиками Шиллера; оставляя въ сторонѣ мелочи, можно сказать, что дофинъ не былъ тѣмъ симпатичнымъ мечтателемъ, архіепископъ—тѣмъ преданнымъ своему святому дѣлу пастыремъ, герцогъ Бургундскій—тѣмъ впечатлительнымъ и благороднымъ рыцаремъ, какими ихъ изобразилъ поэтъ. Съ другой стороны, правда, и Изабелла не была тѣмъ извергомъ, какимъ она является въ Шиллеровской трагедіи; что же касается Тальбота, этого фанатика-вольнодумца, отрицающаго чудо до самой смерти—то можно не безъ основанія спросить, не есть ли побѣда надъ нимъ Іоанны символъ побѣды неогуманизма надъ идеалами просвѣтительной эпохи, не говоритъ ли порой устами врага Іоанны авторъ пресловутой Pucelle.

Итакъ, ни въ фабулѣ, ни въ характеристикахъ дѣйствительность не соблюдена; стоитъ ли, послѣ этого, говорить о слогѣ, о построеніи рѣчей и діалоговъ? Понятно, что ни мѣстный колоритъ, ни характеръ времени не выдержаны: выдержать ихъ не было никакой возможности.

Если, такимъ образомъ, понимать природу въ смыслѣ натурализма, то придется сказать, что она въ нашей трагедіи отсутствуетъ; но въ томъ то и дѣло, что XVIII вѣкъ понималъ ее не такъ. Это былъ вѣкъ философскій; нѣмецкая же философія всегда была склонна къ построеніямъ, всегда предпочитала синтезъ анализу. Поэтъ лишь облекалъ въ плоть и кровь творенія мысли; его сила состоитъ въ томъ, что онъ дѣ-

лаетъ это захватывающе, что его образы, заимствованные не изъ земного міра, представляются намъ не отрицаніемъ, а лишь усовершенствованіемъ природы, устраненіемъ изъ нея всего случайнаго, ирраціональнаго, пассивнаго и идеализаціи ея существенныхъ, раціональныхъ, активныхъ началъ. Эти усовершенствованныя существа живутъ, понятно, болѣе интенсивной жизнью, чѣмъ мы; окружающая ихъ атмосфера идеи дѣйствуетъ на нихъ какъ чистый кислородъ, удесятеряя энергію эволюціи, и эта ея способность идетъ навстрѣчу требованіямъ драматической техники. „Планъ Донъ-Карлоса", говоритъ самъ поэтъ въ своихъ „письмахъ" объ этой трагедіи, „требовалъ, чтобы маркизъ Поза завоевалъ безграничное довѣріе короля; но для этого чрезвычайнаго дѣйствія экономія трагедіи предоставляла мнѣ только одну сцену". То же быстрое развитіе видимъ мы и въ „Орлеанской Дѣвѣ"; это касается особенно той сцены, которая во многихъ отношеніяхъ является параллельной только что указанной—сцены обращенія герцога Бургундскаго Іоанной. Она стала мишенью самыхъ ожесточенныхъ нападокъ критики, искавшей натурализма тамъ, гдѣ ему не было мѣста.

V.

Сцена обращенія наводитъ насъ на вторую тему настоящаго разсужденія. Второй изъ воплощенныхъ въ нашей трагедіи идеаловъ неогуманистической эпохи—*возрожденную античность*. Разсматриваемая сцена задумана и исполнена въ античномъ духѣ; ея предположеніе, безъ котораго она въ принципѣ неестественна и непонятна—*переубѣдимость* человѣка, его непосредственная подчинимость разумнымъ доводамъ другого человѣка. Въ этомъ отношеніи сцена обращенія герцога Іоанной знаменуетъ прогрессъ даже въ сравненіи съ параллельными сценами въ „Донъ-Карлосѣ" (обращеніе Филиппа II Позой) и „Валленштейнѣ" (обращеніе Бутлера графомъ Октавіо): Поза и Октавіо только перенастраиваютъ, Іоанна переубѣждаетъ.

Дѣйствительно, въ смыслѣ силы античнаго вліянія „Орлеанская дѣва" была второй ступенью въ той лѣстницѣ, третьей и послѣдней ступенью которой была „Мессинская невѣста". Стремленіе къ античности, этотъ лозунгъ неогуманизма, было естественнымъ послѣдствіемъ его стремленія къ природѣ; причинную связь, истинную и неразрушимую, установилъ еще Руссо, объясняя превосходство древнихъ писателей тѣмъ, что они „ближе къ природѣ". Другъ Шиллера, великій Гете, именно тогда ее усиленно изучалъ; незадолго до „Орлеанской дѣвы" онъ воздвигъ памятникъ сочетанію эллинскаго и германскаго генія въ роскошно обставленной свадьбѣ Фауста и Елены, образующей третій актъ второй части трагедіи; желая придать этому акту по возможности античный характеръ, онъ замѣнилъ даже традиціонный бѣлый стихъ античнымъ триметромъ. Онъ читалъ этотъ актъ Шиллеру, и мы знаемъ, что это чтеніе произвело на Шиллера глубокое впечатлѣніе; желая въ свою очередь вникнуть въ тайны античной метрики, онъ сталъ изучать лучшее въ то время руководство по этому предмету. Результатомъ было то, что и въ „Орлеанской дѣвѣ" двѣ сцены (II, 6 и 7) были написаны триметрами.

Это, впрочемъ, мелочь, о которой, къ слову сказать, русскіе читатели не въ состояніи даже судить, такъ какъ Жуковскій перевелъ соотвѣтственныя сцены отчасти александрійскими стихами, отчасти безцензурными шестистопными ямбами. Важнѣе то, что поэтъ, отчаявшись въ возможности воспроизвести средневѣковую дѣйствительность, ввелъ отчасти на ея мѣсто дѣйствительность античную, гораздо болѣе близкую его сердцу.

Это касается прежде всего самаго характера драмы, имѣющей своимъ предположеніемъ возможность *непосредственнаго* вмѣшательства Божьяго промысла въ человѣческія дѣла. Конечно, поскольку совершающееся чудо есть чудо христіанское, мы имѣемъ христіанскую, католическую трагедію, и какъ о таковой, о ней рѣчь будетъ ниже. Но сейчасъ сказанное относится лишь къ спеціальному характеру *этого* чуда; роль же чуда, какъ таковаго, въ экономіи трагедіи, сближаетъ „Орлеанскую дѣву" съ античной драмой и самъ поэтъ это прекрасно сознавалъ. „На мой послѣдній актъ, писалъ онъ Гете, я возлагаю большія надежды... моя героиня является въ немъ... оставленной *богами*, вслѣдствіе чего ея самостоятельность и ея внутреннее право на роль пророчицы выступаютъ сильнѣе. Заключеніе предпослѣдняго акта очень эффектно; *гремящій deus ex machina* несомнѣнно произведетъ должное дѣйствіе". Въ томъ же духѣ ему писалъ его другъ Гешенъ послѣ одного изъ лейпцигскихъ представленій: въ „Орлеанской дѣвѣ" онъ нашелъ то, что было у грековъ

и чего дотолѣ не зналъ театръ новыхъ народовъ: совмѣстное дѣйствіе небесныхъ силъ съ человѣческими.

Какъ видно изъ словъ самого поэта, античный характеръ пьесы особенно разительно сказывается въ заключеніи четвертаго акта. Іоанна сознаетъ себя виновной— не въ томъ, въ чемъ ее обвиняетъ отецъ, а въ другомъ, о чемъ знаетъ только небо и она. Дюнуа въ эту тайну не посвященъ, обвиненіе же черни презираетъ; въ порывѣ благородства онъ всему міру бросаетъ перчатку: „кто отважится ее назвать виновной?“ На его вызовъ отвѣчаетъ „сильный ударъ грома“. Мы можемъ указать оригиналъ этой безпримѣрной въ христіанской трагедіи *) сцены: въ VIII пѣснѣ Иліады Зевсъ рѣшилъ наказать Агамемнона пораженіемъ; всѣ бѣгутъ съ поля брани, одинъ молодой Діомедъ мечтаетъ о сопротивленіи

думалъ онъ крѣпкую думу
Вновь на троянцевъ коней обратить и на битву ихъ вызвать.
Трижды задумалъ ту думу съ собою онъ самъ размышляя:
Трижды съ Идейскихъ высотъ ему громомъ отвѣтилъ владыка
Зевсъпромыслитель, троянцамъ счастливый исходъ посылая.

Дѣйствительно, Иліада, эта поэма войны, была во многихъ отношеніяхъ образцомъ поэта. Его воинственная дѣва, задавшаяся цѣлью истреблять все британское на французской почвѣ и дѣйствующая при этомъ съ постоянствомъ и безсознательностью стихійной силы, имѣла своимъ естественнымъ первообразомъ гомеровскаго Ахилла, и поэтъ не остановился передъ прямымъ— правда, творчески-геніальнымъ—заимствованіемъ мотивовъ изъ подвиговъ Ахилла въ 21—22 пѣсняхъ Иліады. Такова встрѣча Ахилла съ Ликаономъ, „романтическій“ характеръ которой вызывалъ удивленіе Бѣлинскаго; попавъ безоружнымъ въ руки Ахиллу, онъ молитъ его о пощадѣ, обѣщая за себя богатый выкупъ. Шиллеръ, впрочемъ, воспроизвелъ точно не эту просьбу, а параллельную въ VI пѣснѣ, гдѣ троянецъ Адрастъ такъ молитъ Менелая **):

О пощади, Менелай; ты выкупъ достойный получишь.
Много, вѣдь, скрыто сокровищъ въ богатомъ родителя домѣ,
Золото, мѣдь и желѣзо искусной, надежной работы.
Съ радостью дастъ мой отецъ тебѣ выкупъ несмѣтный, узнавши,
Что я живымъ сохраненъ у судовъ быстроходныхъ ахейскихъ.

Но отъ Ахилла онъ слышитъ суровый отвѣтъ:

Нынѣ жъ никто не избѣгнетъ кончины, кого только боги
Въ руку мою отдадутъ предъ стѣной Иліона высокой.

Затѣмъ слѣдуютъ единственныя въ своемъ родѣ слова:

Другъ мой! умри же и ты. И зачѣмъ же такъ жалостно плакать?
Умеръ Патроклъ—богатырь, а тебя онъ былъ много храбрѣе.
Видишь, каковъ я собой? Посмотри: и могучъ и прекрасенъ;
Доблестный мужъ мой отецъ, родила же богиня морская;
Все же и мнѣ суждена неизбѣжная скорая гибель.
Близокъ тотъ часъ—на разсвѣтѣ-ль, иль въ полдень, иль въ вечеръ прохладный,
Часъ, когда врагъ у Ахилла любезную душу исторгнетъ,
Браннымъ копьемъ поразивъ, или мѣткой стрѣлою настигнувъ.

Со всей этой сценой—и особенно съ приведеннымъ въ точномъ переводѣ мѣстомъ, прошу сравнить встрѣчу Іоанны съ Монгомери (д. II, явл. 6 и 7), причемъ заслуживаетъ вниманія и то, что именно эта встрѣча изображена у Шиллера, какъ было сказано выше, не обычными бѣлыми стихами, а заимствованными изъ греческой трагедіи триметрами.

Другое, не менѣе разительное и эффектное подражаніе Иліадѣ мы находимъ въ третьемъ дѣйствіи. У Гомера Аполлонъ, чтобы дать отдыхъ бѣгущимъ троянцамъ, беретъ на себя видъ троянца Агенора и притворнымъ бѣгствомъ завлекаетъ Ахилла въ отдаленное мѣсто троянской равнины; достигши своей цѣли, онъ открывается герою въ насмѣшливой рѣчи, заключая словами:

*) «Зимняя сказка» Шекспира—не исключеніе: это по сюжету и обстановкѣ античная драма.

**) При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что заимствованіе въ подлинникѣ Шиллера еще очевиднѣе, чѣмъ въ переводѣ Жуковскаго.

„меня же ты не убьешь: не суждено это тебѣ". Съ этой сценой надлежитъ сравнить д. III явл. 9 у Шиллера, гдѣ злой духъ въ образѣ Тальбота завлекаетъ Іоанну въ уединеніе и тамъ ей точно такъ же открывается. Правда, у Шиллера этотъ „черный рыцарь" имѣетъ еще другую цѣль: онъ предостерегаетъ Іоанну отъ слѣдующаго единоборства, которое будетъ для нея роковымъ (единоборство съ Ліонелемъ). Но и этотъ мотивъ заимствованъ: и Ахиллъ знаетъ, что бой съ Гекторомъ будетъ для него роковымъ, только сказалъ это ему не Аполлонъ, а его мать. Вообще образъ Іоанны-*воительницы* вызванъ сравненіемъ съ Гомеромъ: историческая Іоанна лично не пролила ни капли крови.

Мы вынуждены, чтобъ не затягивать нашего разсужденія, оборвать настоящую тему и оставить въ сторонѣ тѣ многочисленныя подражанія въ частностяхъ, которыя можно бы привести; но и сказаннаго довольно, чтобы иллюстрировать вліяніе Иліады на „Орлеанскую дѣву" и заставить насъ признать въ возрожденной античности существенный элементъ этой послѣдней.

VI.

Но, разумѣется, не этотъ элементъ заставилъ Шиллера назвать свою поэму— „*романтической* трагедіей"; такое наименованіе дано ей потому, что въ центрѣ событій стоитъ *чудо*—христіанское, средневѣковое чудо.

Не всѣ современники Шиллера могли примириться съ этимъ вторженіемъ надземнаго міра въ земныя дѣла; просвѣтительная закваска была сильна въ тогдашней интеллигенціи, и знаменитый актеръ Шредеръ, прочитавъ трагедію въ рукописи, вернулъ ее автору со словами, что все чудесное слѣдовало бы, по его мнѣнію, устранить. „Это даже не такъ трудно: явленіе Богородицы во снѣ могло имѣть на дѣвушку такое же точно дѣйствіе, и т. д. Только катастрофу пришлось бы измѣнить". Въ новѣйшее время, наоборотъ, была сдѣлана попытка найти въ „Орлеанской дѣвѣ" не только христіанскую и католическую, но даже католическо-ортодоксальную идею. Эта попытка тоже должна быть признана неудачной; христіанство „Орлеанской дѣвы", какъ было сказано выше—христіанство гуманизированное.

Гонимый врагами и томимый сомнѣніями—очень понятными при развратной жизни его матери—дофинъ поручаетъ Богу свое королевство съ просьбой даровать его ему лишь въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно сынъ покойнаго короля *). Въ отвѣтъ на эту смиренную молитву, Богородица даетъ дофину спасительницу въ лицѣ непорочной дѣвы. Она поручаетъ ей провести дофина въ Реймсъ и тамъ вѣнчать его на королевство; чудесное помазаніе на исконномъ мѣстѣ коронованія французскихъ королей смоетъ съ чела дофина пятно, наложенное на него распутствомъ его матери. Вотъ почему съ коронованіемъ въ Реймсѣ миссія дѣвы кончена; если бы цѣлью ея возстанія было освобожденіе Франціи, то остановиться въ Реймсѣ она бы не могла. Но нѣтъ: гуманизированное христіанство не допускаетъ мысли о французскомъ Богѣ.

Итакъ, Іоанна имѣетъ дѣйствительно порученіе отъ Бога, а не только воображаетъ, что имѣетъ его; но успѣхъ его исполненія поставленъ въ зависимость отъ одного условія: отдавшись вся своему долгу, она *не должна знать земной любви*. Этому условію она удовлетворяетъ вполнѣ: правда, ее любитъ Раймондъ, но она видитъ въ немъ только друга дѣтства, не болѣе, и благосклонна къ нему безъ любви. Зато съ момента избранія ее наполняетъ чудесная сила. Эта сила сказывается, прежде всего, въ знаніи, поскольку это знаніе стоитъ въ связи съ ея миссіей: она открываетъ дофину содержаніе его тайной молитвы; она находитъ вѣрный путь во вражескую стоянку; она сказывается, затѣмъ, въ непреодолимомъ обаяніи, которымъ она покоряетъ всѣ сердца и, покоряя, облагораживаетъ; она сказывается, въ третьихъ, и въ неукротимой физической мощи: она всѣхъ побѣждаетъ въ единоборствѣ, начиная простыми воинами, продолжая рыцарями въ родѣ Монгомери и кончая вождями. Осо-

*) Это—содержаніе *третьей* молитвы короля, повторенія которой онъ не хочетъ услышать отъ дѣвы (д. I, явл. 10); зрителю, незнакомому съ исторіей, она поэтому остается неизвѣстной. Очевидно, лишь желаніе соблюсти благопристойность заставило поэта допустить такую неясность относительно столь существеннаго для трагедіи момента; у него встрѣчается, кромѣ этого мѣста, всего одинъ только намекъ на сомнительное происхожденіе дофина—намекъ настолько туманный, что будетъ небезполезнымъ разъяснить его здѣсь. Въ присутствіи англійскихъ вождей королева Изабелла даетъ волю своей ненависти противъ сына. «Мнѣ, мнѣ его просить?»—восклицаетъ она: «Скорѣй погибну! Скорѣй, чѣмъ дать ему престолъ наслѣдный..» Тальботъ насмѣшливо продолжаетъ: «.. Вы честь свою готовы посрамить» (д. II, явл. 2).

бенно плѣнительно и благодарно для поэта, конечно, второе проявленіе: всѣ, съ кѣмъ только соприкасается Іоанна, точно озарены ореоломъ чуда. Слабость стала смиреніемъ, отвага доблестью; любовь освящена; вражда, зависть, злопамятство исчезли: всѣ чувствуютъ, что среди нихъ витаетъ святыня, и это чувство заставляетъ каждаго стряхнуть съ себя земное, уподобиться душою той, которая своимъ прикосновеніемъ все преображаетъ. Она, смиренная и величавая, побѣдоносно совершаетъ свой свыше начертанный путь. Орлеанъ освобожденъ, враги разбиты, отшатнувшіеся друзья вновь примирены; предстоитъ послѣдній бой передъ стѣнами Реймса. Въ минуту отдыха между обоими великими подвигами мірская суета искушаетъ Іоанну. Благодарный дофинъ (д. III явл. 4) возводитъ ее въ дворянство... Предоставляемъ читателю судить о томъ, можетъ ли принятіе Іоанной этого дара считаться началомъ ея паденія, какъ это полагаетъ одинъ критикъ; не забудемъ, что, сопротивляясь, она бы лишила короля его неотъемлемаго права. Серьезнѣе приступъ любви: оба первыхъ паладина, Дюнуа и Ля Гиръ, просятъ ея руки. Король, архіепископъ, Агнеса убѣждаютъ ее остановить свой выборъ на одномъ изъ нихъ. Ей грустно: зачѣмъ они торопятся разбить сосудъ Божьей благодати? Приступъ отраженъ; пока земныя чувства не имѣютъ власти надъ сердцемъ Іоанны.

Великій Тальботъ палъ; подъ его образомъ злой духъ смущаетъ Іоанну, подготовляя роковую для нея встрѣчу съ Ліонелемъ. Происходитъ поединокъ между этимъ послѣднимъ и Іоанной (подробности котораго, къ слову сказать, опять заимствованы изъ Иліады, а именно изъ III пѣсни). Іоанна торжествуетъ — но только до тѣхъ поръ, пока ея взоръ не встрѣчается со взоромъ обезоруженнаго врага. Этотъ взоръ молніей ударяетъ въ неподготовленное сердце дѣвственницы; теперь все кончено, чудо исчезло, земная любовь разбила сосудъ Божьей благодати. Ліонель безъ труда вырываетъ мечъ у слабой дѣвушки; раненая, она лишается чувствъ при приближеніи своихъ защитниковъ.

Слѣдующее, четвертое дѣйствіе переноситъ насъ въ Реймсъ; для Іоанны наступаетъ мучительное время — промежутокъ между виной и карой. Оно вдвойнѣ мучительно тѣмъ, что всѣ считаютъ ее носительницею того чуда, которое, какъ она понимаетъ, исчезло; она чувствуетъ себя самозванкой, ей хотѣлось бы домой къ своимъ; ей ненавистно, что Агнеса видитъ въ ней строгую дѣвственницу, что Дюнуа и Ля Гиръ навязываютъ ей ея хоругвь — ту славную хоругвь Богородицы, которую она такъ бодро несла въ столькихъ сраженіяхъ и которая ей теперь и тяжела и страшна; точно во снѣ мелькаютъ предъ ней знакомые облики ея сестеръ и зятьевъ... Но нѣтъ, это не сонъ: они пришли посмотрѣть на ея торжество, она среди нихъ; ужъ не было ли скорѣе все остальное сномъ—ея подвиги, ея величіе? Иллюзія продолжается не долго; ее требуютъ, ее хотятъ наградить всенародно; король, не знающій мѣры своей благодарности, готовъ признать въ ней святую, ангела Божьяго, свыше явившагося къ людямъ. Все мучительнѣе дѣлается разладъ между ея внутреннимъ униженіемъ и внѣшнимъ блескомъ; въ этомъ разладѣ даже палачъ является избавителемъ. И этотъ палачъ предстаетъ передъ нею въ лицѣ ея отца; для него, темнаго, суевѣрнаго человѣка, совершенно ясно, что все происшедшее— не что иное какъ колдовство; онъ желаетъ самъ предать смерти тѣло свой дочери, чтобы спасти ея душу. Конечно, спроси онъ ее, колдунья ли она — она смѣло могла бы отвѣтить „нѣтъ!" но вопросы какъ его, такъ и окружающихъ таковы, что оправданіе невозможно. „Ты чиста?" „Ты невинна" „Ты можешь отрицать, что врагъ въ твоемъ сердцѣ?" Она знаетъ, что она не соблюла обѣта нравственной чистоты, что она провинилась передъ Богомъ, что врагъ Франціи овладѣлъ ея сердцемъ; зная это, она молчитъ. А тѣмъ временемъ небесный громъ свидѣтельствуетъ о гнѣвѣ Того, Чью волю она нарушила; одинъ за другимъ, ея друзья оставляютъ ее, она бѣжитъ съ вѣрнымъ товарищемъ своего дѣтства Раймондомъ.

Такова кара; искупленіе и награду приноситъ пятое дѣйствіе. Подобно отшельникамъ былыхъ временъ, Іоанна скитается въ лѣсу, питаясь дикими кореньями; но ея вина этимъ не искуплена. Для этого нужно, чтобы она вновь увидѣла того, кто пробудилъ земныя чувства въ ея сердцѣ, и въ его присутствіи, имѣя свободу выбора между его любовью и смертью, отвергла первую, заглушила въ себѣ все то, что сдѣлало ее виновной. Тогда прежняя благодать къ ней возвращается, а съ нею и та чудесная, неземная сила, которая дѣлала ее героиней. Иллюзія опять получается полная; что за прекрасная, захватывающая сцена это 11-е явленіе! Іоанна въ цѣпяхъ, рядомъ съ

ней Изабелла, готовая пронзить ее кинжаломъ въ случаѣ пораженія англичанъ; солдатъ съ вышки передаетъ перипетіи рѣшающаго сраженія. Душа Іоанны отражаетъ его разсказъ, она тамъ, среди своихъ, на полѣ брани. И полнѣе, и полнѣе, подъ дѣйствіемъ то радости, то страха, вливается въ ея грудь небесная сила; наконецъ, въ моментъ крайней опасности ея государя, она вскакиваетъ, разрываетъ цѣпи, разбиваетъ дверь башни, мчится къ своимъ... Опять чудо торжествуетъ, опять его ореолъ сіяетъ надъ Іоанной—да, но надъ умирающей. Она исполнила свой подвигъ; даровавъ рѣшительную побѣду своимъ, она справдана и можетъ съ честью сложить свою славную хоругвь у ногъ своей небесной Владычицы.

Такова идея „Орлеанской дѣвы". Былъ ли правъ Гете, когда онъ, по прочтеніи ея, объявилъ ее лучшимъ произведеніемъ своего друга,—мы не знаемъ; но несомнѣнно, что въ душѣ каждаго одареннаго чувствомъ читателя бываютъ настроенія, когда она кажется ему таковымъ.

Ѳ. Зѣлинскій.

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

Дѣйствующія лица:

Карлъ Седьмой, король Французскій.
Королева Изабелла, или Изабо, его мать.
Агнеса Сорель.
Филиппъ Добрый, герцогъ Бургундскій.
Графъ Дюнуа.
Ля Гиръ.
Дю Шатель.
Архіепископъ Реймсскій.
Шатильонъ, бургундскій рыцарь.
Рауль, лотарингскій рыцарь.
Тальботъ, главный вождь англичанъ.
Ліонель, Фастольфъ — англійскіе вожди.
Монгомери, валліецъ.
Французскіе, бургундскіе, англійскіе рыцари.
Чиновники орлеанскіе.
Англійскій герольдъ.
Тибо Д'Аркъ, земледѣлецъ.
Алина, Луиза, Іоанна — его дочери.
Этьенъ, Арманъ, Раймондъ — ихъ женихи.
Бертрандъ, поселянинъ.
Черный рыцарь.
Угольщикъ.
Его жена.
Пажи. — Солдаты. Народъ. Придворные. — Епископы.—Маршалы.—Чиновники. Дамы, дѣти и пр.

Дѣйствіе происходитъ въ 1430 году.

ПРОЛОГЪ.

Сельское мѣсто; впереди на правой сторонѣ часовня и въ ней образъ Богоматери; на лѣвой сторонѣ высокій, вѣтвистый дубъ.

Тиво Д'Аркъ, Этьенъ, Арманъ, Раймондъ, Алина, Луиза, Іоанна, *потомъ* Бертрандъ.

ТИВО.

Такъ, добрые сосѣди, нынче мы
Еще французы, граждане, свободно
Святой землей отцовъ своихъ владѣемъ;
А завтра... какъ узнать? чьи мы? что наше?
Во всѣхъ мѣстахъ пришелецъ торжествуетъ;
Вездѣ враговъ знамена; ихъ конями
Истоптаны отеческія нивы;
Парижъ врата ихъ войскамъ отворилъ,
И древняя корона Дагоберта
Досталася въ добычу иноземцу;
Внукъ королей безъ трона, безъ пріюта,
Скитается въ своей землѣ, какъ странникъ;
Знатнѣйшій перъ, ближайшій изъ родныхъ,
Противъ него съ врагами въ заговорѣ;
Родная мать ему готовитъ гибель;
Деревни, города пылаютъ; тихо
Еще у насъ въ долинахъ... но дойдетъ—
Дойдетъ и къ намъ гроза опустошенья.
Итакъ, друзья, пока еще есть воля,
Я дочерей хочу пристроить съ Богомъ;
Для женщины противъ временъ опасныхъ
Необходимъ заботливый защитникъ;
А съ кѣмъ любовь, тому въ бѣдахъ легко.
Этьенъ, тебѣ понравилась Алина;
У насъ поля сосѣдственно граничатъ;
Сердца же заодно.. такой союзъ
Угоденъ Богу. Ты Арманъ, ни слова;
А ты глаза, Луиза, опустила...
Друзья, друзья, вы встрѣтились сердцами—
Не мнѣ васъ разлучать. Къ чему богатство?
Кто въ наши дни богатъ? Теперь все наше
До перваго врага или пожара;
Теперь одинъ спасительный пріютъ:
Грудь вѣрная испытаннаго мужа.

ЛУИЗА.

Арманъ!

АРМАНЪ (*подавая ей руку*).

Твой навсегда.

ЛУИЗА.

А ты, сестра?

ТИВО.

На каждую дамъ тридцать десятинъ,
И огородъ, и дворъ, и стадо—Богъ
Благословилъ меня, благословитъ
И васъ,

АЛИНА.

Утѣшь отца, сестра Іоанна,
Пусть въ этотъ день устроится три счастья.

ТИВО.

Подите; завтра мы сыграемъ свадьбу,
И пиръ на всю деревню; приготовьте,
Что надобно.
(Алина, Луиза, Арманъ и Этьенъ уходятъ).
Твои, Жаннета, сестры
Выходятъ замужъ, ихъ судьба счастлива,
При старости онѣ мое веселье;
Одна лишь ты мнѣ горе и печаль.

РАЙМОНДЪ.

Сосѣдъ, на что Жаннету огорчать?

ТИВО (*указывая на Раймонда*).

Вотъ юноша прекрасный, честный· съ нимъ

Никто у насъ въ деревнѣ не сравнится;
Тебѣ онъ отдалъ душу: три весны,
Какъ онъ, задумчивый, съ желаньемъ тихимъ,
Съ безропотнымъ, покорнымъ постоянствомъ
Вздыхаетъ по тебѣ; а ты молчишь,
Ты холодно сама въ себѣ таишься;
И ни одинъ изъ нашихъ поселянъ
Улыбкою твоею не утѣшенъ.
Смотрю: ты въ полнотѣ прекрасной жизни;
Пора надеждъ, весна твоя пришла;
Цвѣтешь... но я напрасно ожидаю,
Чтобы любовь въ душѣ твоей созрѣла;
Прискорбно это мнѣ. Боюсь, но вижу,
Что надъ тобой ошиблася природа;
Я не люблю души холодной, черствой,
Безчувственной въ порѣ прекрасной чувства.

РАЙМОНДЪ.

Не принуждай ее, мой честный Аркъ.
Любовь моей Іоанны есть прекрасный
Небесный плодъ: прекрасное свободно;
Оно медлительно и тайно зрѣетъ.
Теперь ея веселье жить въ горахъ;
Къ намъ въ хижины, жилища суеты,
Съ вершины ихъ она сходить боится.
Нерѣдко я съ благоговѣньемъ тихимъ
Изъ дола вслѣдъ за ней смотрю, когда
Она одна, въ величіи надъ стадомъ
Стоитъ и взоръ склоняетъ въ размышленьи
На мелкія обители земныя.
Я вижу въ ней тогда знаменованье
Чего-то высшаго, и часто мнится,
Что изъ другихъ временъ пришла она.

ТИБО.

А это мнѣ противно! для чего
Чуждаться ей своихъ сестеръ веселыхъ?
Всегда встаетъ до раннихъ пѣтуховъ,
Чтобы бродить по высотамъ пустыннымъ;
И въ страшный часъ — въ который человѣкъ
Довѣрчивѣй тѣснится къ человѣку
Украдкою, какъ птица, другъ развалинъ,
Въ туманное жилище привидѣній,
Въ ночную тьму бѣжитъ, чтобъ горный вѣтеръ
Подслушивать на темномъ перекресткѣ.
Зачѣмъ она всегда на *этомъ* мѣстѣ!
Зачѣмъ *сюда* гонять ей стадо? Часто
Видалъ я, какъ она часъ цѣлый въ думѣ
Подъ этимъ деревомъ друидовъ, гдѣ
Боится быть счастливое созданье,
Сидитъ недвижима... а здѣсь не пусто;
Здѣсь водится недобрый съ давнихъ лѣтъ;
У стариковъ ужасныя преданья
Сохранены объ этомъ старомъ дубѣ;
И часто шумъ какихъ-то голосовъ
Намъ слышится въ его печальныхъ вѣтвяхъ.
Меня вела дорога мимо дуба,
Однажды мнѣ случилось запоздать,
И вдругъ, мнѣ видится: подъ нимъ сидитъ
Туманное, а что?.. не знаю! тихо
Иссохшею рукой приподняло
Широкую одежду, и меня
Какъ будто бы манило... сотворивъ
Молитву, я бѣжалъ скорѣе прочь.

РАЙМОНДЪ *(указывая на образъ въ часовнѣ).*

Не вѣрю я; не козни сатаны,
А чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы
Ее всегда приводитъ въ это мѣсто.

ТИБО.

Нѣтъ, нѣтъ! и сны и страшныя видѣнья
Меня, мой другъ, тревожатъ не напрасно;
Три ночи я все вижу, будто въ Реймсѣ
Она сидитъ на королевскомъ тронѣ;
Семь яркихъ звѣздъ вѣнцемъ на головѣ;
Въ ея рукѣ какой-то чудный скипетръ,
И изъ него три бѣлыя лилеи,
И я—ея отецъ—и обѣ сестры,
И герцоги, и графы, и прелаты,
И самъ король предъ нею на колѣнахъ...
Моей ли хижинѣ такая слава?
Нѣтъ, это не къ добру; то знакъ паденья;
Иносказательно мнѣ этотъ сонъ
Ея души изобразилъ надменность;
Убожества она стыдится; Богъ
Ей даровалъ богатство красоты,
Ее щедрѣй всѣхъ нашихъ поселянокъ
Благословилъ чудесными дарами...
И гордость грѣшная зашла къ ней въ душу;
А гордостью и ангелы погибли,
И ею врагъ въ свои насъ ловитъ сѣти.

РАЙМОНДЪ.

Но кто жъ скромнѣй, кто непорочнѣй въ нравахъ
Твоей смиренной Іоанны? Старшимъ
Сестрамъ она съ веселымъ сердцемъ служитъ;
Въ селѣ у насъ она всѣхъ выше... правда,
Но гдѣ найдешь работницу прилежнѣй?
Бывалъ ли ей и низкій трудъ противенъ?
Ты видишь, подъ ея рукой чудесно
Твои стада и жатвы процвѣтаютъ;
На все, къ чему она коснется, сходитъ
Непостижимое благословенье.

ТИБО.

Непостижимое... такъ, правда! ужасъ
Объемлетъ при такомъ благословеньи.
Ни слова; я молчу; молчать мнѣ должно...
Мнѣ ль вызывать на судъ свое дитя?
Могу лишь остеречь; могу молиться;
Но остеречь мой долгъ... Оставь сей дубъ;

Не будь одна; не рой кореньевъ въ полночь;
Не составляй изъ сока ихъ питья,
И не черти въ пескѣ волшебныхъ знаковъ.
Намъ въ области духовъ легко проникнуть;
Насъ ждутъ они и молча стерегутъ,
И тихо внемля, въ буряхъ вылетаютъ.
Не будь одна: въ пустынѣ искуситель
Передъ самимъ Создателемъ явился.
(Бертрандъ входитъ съ шлемомъ въ рукахъ).

РАЙМОНДЪ.

Молчи, идетъ Бертрандъ; онъ возвратился
Изъ города. Но что несетъ онъ?

БЕРТРАНДЪ.

Вы
Дивитесь, что съ такимъ добромъ я къ вамъ
Являюсь?

ТИБО.

Подлинно; откуда взялъ
Ты этотъ шлемъ? На что знакъ бѣдъ и смерти
Принесъ ты къ намъ въ жилище тишины?
(Іоанна, которая до сихъ поръ не принимала никакого участія въ томъ, что вокругъ нея происходило, становится внимательнѣе и подходитъ ближе).

БЕРТРАНДЪ.

И самъ едва могу я объяснить,
Какъ мнѣ достался онъ. Я покупалъ
Желѣзныя издѣлья въ Вокулерѣ;
На площади толпилась тьма народа
Вкругъ бѣглецовъ, лишь только прибѣжавшихъ
Съ недоброю изъ Орлеана вѣстью;
Весь городъ былъ въ волненьи; сквозь толпу
Съ усиліемъ я продирался... вдругъ
Цыганка смуглая со мной столкнулась;
Въ рукахъ у ней былъ этотъ шлемъ; она,
Пронзительно въ глаза мнѣ посмотрѣвъ,
Сказала: ты, я знаю, ищешь шлема;
Вотъ шлемъ, не дорогъ онъ, возьми.—На что?
Я отвѣчалъ ей; къ латникамъ пойди;
Я земледѣлецъ, мнѣ нѣтъ нужды въ шлемѣ.—
Но я никакъ не могъ отговориться;
Возьми, возьми! она одно твердила:
Теперь для головы стальная кровля
Пріютнѣе всѣхъ каменныхъ палатъ.
И такъ изъ улицы одной въ другую
Она за мной гналася съ этимъ шлемомъ.
Я посмотрѣлъ; онъ былъ красивъ и свѣтелъ;
Былъ рыцарской достоинъ головы;
Я взялъ его, чтобъ ближе разглядѣть;
Но между тѣмъ, какъ я стоялъ въ сомнѣньи,
Она изъ глазъ моихъ, какъ сонъ, пропала:
Ее толпой народа унесло...
И этотъ шлемъ въ моихъ рукахъ остался.

ІОАННА *(ухватясь за него поспѣшно).*

Отдай мнѣ шлемъ.

БЕРТРАНДЪ.

На что? Такой нарядъ
Не дѣвичьей назначенъ головѣ.

ІОАННА *(вырывая шлемъ).*

Отдай, онъ мой, и мнѣ принадлежитъ.

ТИБО.

Іоанна, что съ тобой?

РАЙМОНДЪ.

Оставь ее;
Въ ней мужествомъ наполнена душа,
И ей уборъ воинственный приличенъ,
Ты помнишь самъ, какъ прошлою весной
Она въ горахъ здѣсь волка одолѣла,
Ужаснаго для стадъ и пастуховъ.
Одна, одна, душою львица, дѣва
Чудовище сразила, и ягненка
Исторгнула изъ челюстей кровавыхъ.
Чью бъ голову сей шлемъ ни украшалъ,
Но ей приличнѣй онъ.

ТИБО.

Бертрандъ, какая
Бѣда еще случилась? Что сказали
Бѣжавшіе изъ Орлеана?

БЕРТРАНДЪ.

Боже,
Помилуй короля и нашъ народъ!
Мы въ двухъ большихъ сраженіяхъ разбиты;
Враги въ срединѣ Франціи; все взято
До самыхъ береговъ Луары; войска
Со всѣхъ сторонъ сошлись подъ Орлеанъ,
И страшная осада началася.

ТИБО.

Какъ! сѣверъ весь уже опустошенъ,
А хищникамъ все мало; къ югу мчатся
Съ войной...

БЕРТРАНДЪ.

Безчисленный снарядъ осадный
Со всѣхъ сторонъ придвинутъ къ Орлеану.
Какъ лѣтомъ пчелъ волнующійся рой,
Слетаяся, жужжитъ кругомъ улья,
Какъ саранча, на нивы темной тучей
Обрушившись, кипитъ необозримо:
Такъ Орлеанъ безчисленно народы
Осыпали, въ одно столпившись войско;
Отъ множества племенъ разноязычныхъ
Наполненъ станъ глухимъ, невнятнымъ шумомъ;

И всѣхъ своихъ землевластитель герцогъ
Бургундскій въ строй съ пришельцами поставилъ:
Изъ Литтиха, изъ Генего, изъ Гента,
Богатаго и бархатомъ и шелкомъ,
Изъ мирнаго Брабанта, изъ Намура,
Изъ городовъ Зеландіи приморскихъ.
Блистающихъ опрятностью веселой,
Отъ пажитей голландскихъ, отъ Утрехта.
Отъ сѣверныхъ Фризландіи предѣловъ,
Подъ знамена могущаго Бургунда
Сошлись полки разрушить Орлеанъ.

ТИБО.

О горестный, погибельный раздоръ;
На Францію оружіе французовъ!

БЕРТРАНДЪ.

И бронею покрывшись, Изабелла,
Мать короля, князей Баварскихъ племя,
Примчалась въ станъ враговъ, и разжигаетъ
Ихъ хитрыми словами на погибель
Того, кто жизнь пріялъ у ней подъ сердцемъ.

ТИБО.

Сразн ее проклятіемъ Господь!
Богоотступница, погибнешь ты!
Какъ нѣкогда Іезавель погибла.

БЕРТРАНДЪ.

Заботливо осадой управляетъ
Рушитель стѣнъ, ужасный Салисбури;
Съ нимъ Ліонель, боецъ съ душой звѣриной;
И вождь Тальботъ, одинъ судьбу сраженій
Свершающій убійственнымъ мечемъ;
Они клялись, въ отвагѣ дерзновенной,
Всѣхъ нашихъ дѣвъ предать на посрамленье,
Сразить мечемъ, кто встрѣтится съ мечемъ.
Придвинуты къ стѣнамъ четыре башни,
И, городомъ владычествуя грозно,
Съ ихъ высоты убійства жаднымъ окомъ,
Невидимый, считаетъ Салисбури,
На улицахъ поспѣшныхъ пѣшеходовъ.
Ужъ много бомбъ упало въ городъ; церкви
Въ развалинахъ, и самъ великолѣпный
Храмъ Богоматери грозитъ паденьемъ.
Безчисленны подкопы подъ стѣнами;
Весь Орлеанъ стоитъ теперь надъ бездной
И робко ждетъ, что вдругъ подъ нимъ она,
Гремящая, разверзнется и вспыхнетъ.

(Іоанна слушаетъ съ великимъ, безпрестанно усиливающимся вниманіемъ и наконецъ надѣваетъ на голову шлемъ).

ТИБО.

Но гдѣ Сантраль? Что сдѣлалось съ Ля Гиромъ?
Гдѣ Дюнуа, отечества надежда?
Съ побѣдою впередъ стремится врагъ—
А мы объ нихъ не знаемъ и не слышимъ.
И что король? Уже ль онъ равнодушенъ
Къ потерѣ городовъ, къ бѣдамъ народа?

БЕРТРАНДЪ.

Король теперь съ дворомъ своимъ въ Шинонѣ;
Людей взять негдѣ, всѣ полки разбиты.
Что смѣлый вождь? Что рыцарей отважность,
Когда нѣтъ силъ, когда все войско въ страхѣ?
Насъ Богъ казнитъ; ниспосланный Имъ ужасъ
Къ безстрашнѣйшимъ запалъ глубоко въ душу;
Все скрылося; всѣ вызовы напрасны;
Какъ робкія бѣгутъ къ заградамъ овцы,
Послышавши ужасный волчій вой,
Такъ, древней чести измѣнивъ, французы
Спѣшатъ искать защиты въ крѣпкихъ замкахъ.
Едва одинъ нашелся храбрый рыцарь:
Онъ слабый полкъ собралъ и къ королю
Съ шестнадцатью знаменами идетъ.

ІОАННА *(поспѣшно).*

Кто этотъ рыцарь?

БЕРТРАНДЪ.

Бодрикуръ; но трудно
Отъ поисковъ врага ему укрыться:
Двѣ арміи преслѣдуютъ его.

ІОАННА.

Но гдѣ же онъ? Скажи скорѣй, что слышно?

БЕРТРАНДЪ.

На переходъ одинъ отъ Вокулера
Стоитъ онъ лагеремъ.

ТИБО.

Молчи, Іоанна;
Ты говоришь о томъ, чего не смыслишь.

БЕРТРАНДЪ.

Увѣрившись, что врагъ неодолимъ,
И помощи отъ короля не чая—
Чтобы спастись отъ ига иноземцевъ,
И сохранить себя законной власти—
Рѣшилися граждане Вокулера
Могущему Бургунду покориться,
Но съ тѣмъ, чтобъ онъ ихъ принялъ договоръ:
Чтобъ возвратилъ насъ древнему престолу,
Какъ скоро миръ опять межъ ними будетъ.

ІОАННА *(вдохновенно).*

Съ кѣмъ договоръ? Ни слова о покорствѣ!
Спаситель живъ; грядетъ, грядетъ Онъ въ силѣ!..
Могущій врагъ падетъ подъ Орлеаномъ:
Исполнилось! для жатвы онъ созрѣлъ!..

Своимъ серпомъ вооружилась дѣва;
Пожнетъ она кичливыя надежды;
Сорветъ съ небесъ продерзостную славу,
Взнесенную безумцами къ звѣздамъ...
Не трепетать! впередъ! не пожелтѣетъ
Еще на нивѣ класъ, и кругъ луны
На небесахъ еще не совершится—
А ни одинъ уже британскій конь
Не будетъ пить изъ чистыхъ водъ Луары.

БЕРТРАНДЪ.

Ахъ! въ наши дни чудесъ ужъ не бываетъ.

ІОАННА.

Есть чудеса!.. Взовьется голубица
И налетитъ съ отважностью орла
На ястребовъ, терзающихъ отчизну;
И низразитъ она сего Бургунда
Цареотступника, сего Тальбота,
Сторукаго громителя небесъ
Съ ругателемъ святыни Салисбури;
И побѣгутъ толпы островитянъ,
Затрепетавъ, какъ агнцы, передъ нею...
Господь съ ней будетъ! Богъ всесильный брани
Пошлетъ свое дрожащее созданье:
Творецъ земли себя въ смиренной дѣвѣ
Явитъ землѣ... *зане Онъ Всемогущій*!

ТИБО.

Какой въ ней духъ пророчитъ?

РАЙМОНДЪ.

Этотъ шлемъ
Воинственно воспламенилъ въ ней душу;
Взгляните на нее: глаза какъ звѣзды,
И все лицо ея преобразилось.

ІОАННА.

Какъ! древнему престолу пасть? Странѣ,
Избранной славою, подъ вѣчнымъ солнцемъ
Прекраснѣйшей, счастливому Эдему,
Странѣ, Творцу любезной, какъ зѣница
Его очей, рабою быть пришельца?...
Здѣсь рухнула невѣрныхъ сила; здѣсь
Былъ первый крестъ, спасенья знакъ, воздвигнутъ;
Здѣсь прахъ лежитъ Святаго Людовика;
Іерусалимъ отсюда завоеванъ..

БЕРТРАНДЪ.

Вы слышите?... Откуда вдругъ открылся
Такой ей свѣтъ?... О! дочерью чудесной,
Сосѣдъ, тебя Господь благословилъ.

ІОАННА.

Намъ не имѣть властителей законныхъ,
Воспитанныхъ единымъ съ нами небомъ?
Для насъ король нашъ долженъ умереть,
Неумирающій, защитникъ плуга,
Хранитель стадъ, плодотворитель нивъ,
Невольникамъ дарующій свободу,
Скликающій предъ тронъ свой наши грады,
Покровъ безсилія, гроза злодѣйства;
Безъ зависти возвышенный надъ міромъ,
И человѣкъ и ангелъ утѣшенья
На вражеской землѣ?... Престолъ законныхъ
Властителей и въ пышности своей
Для слабаго пріютъ; при немъ на стражѣ
И Власть и Милость; стать предъ нимъ боится
Виновный; предъ него съ надеждой правый
Идетъ въ лицо судьи смотрѣть безъ страха...
Но царь-пришлецъ, чужой страны питомецъ,
Предъ кѣмъ отцовъ священный прахъ не скрытъ
У насъ въ землѣ, земли не взлюбитъ нашей.
Кто нашимъ юношамъ товарищъ не былъ,
Кому языкъ нашъ въ душу не бѣжитъ,
Тотъ будетъ ли для насъ отецъ въ коронѣ?

ТИБО.

Да защититъ Всевышній короля
И Францію! Намъ, мирнымъ поселянамъ,
Мечъ незнакомъ; намъ браннаго коня
Не укротить; мы будемъ ждать смиренно,
Кого намъ дастъ владыкою побѣда!
Сраженія успѣхъ есть Божій судъ.
Король нашъ тотъ, кто былъ мѵропомазанъ
Въ священномъ Реймсѣ, кто пріялъ державу
Надъ древними гробами Сенъ-Дени...
Друзья, пора къ работѣ; помни каждый
Ближайшій долгъ свой; пусть князья земные
Земную власть по жеребью берутъ!
А намъ смотрѣть въ тиши на разрушенье:
Покорной намъ земли оно не тронетъ;
Пускай пожжетъ селенья наши пламень,
Пускай кони притопчутъ наши нивы—
Съ младой весной взойдетъ младая жатва,
А низкія легко возстанутъ кровли.

(Всѣ, кромѣ Іоанны, уходятъ).

ІОАННА *(долго стоитъ въ задумчивости).*

Простите вы, холмы, поля родные;
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости;
Съ Іоанной вамъ ужъ болѣ не видаться,
Навѣкъ она вамъ говоритъ прости!
Друзья-луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать;
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной.
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечный,
Иду отъ васъ, и не приду къ вамъ вѣчно.
Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вамъ оградой...
Безъ пастыря бродить вы суждены,
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавыя войны.

Такъ вышнее назначило избранье;
Меня стремитъ не суетныхъ желанье.
Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ пророку нисходилъ,
Кто на царя воздвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣпилъ—
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя—
Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
„Иди о Мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!
„Надѣть должна ты латы боевыя,
„Въ желѣзо грудь младую заковать;
„Страшись надеждъ, не знай любви земныя,
„Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
„Не быть тебѣ душой семьи родныя;
„Цвѣтущаго младенца не ласкать...
„Но въ битвахъ Я главу твою прославлю;
„Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.
„Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
„И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ—
„Возьмешь мою ты орифламму въ длани,
„И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ;
„Поставишь ихъ надменной власти грани,
„Преобратишь во плачъ побѣдный гласъ,
„Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,
„И Карла въ Реймсъ введешь принять корону".
Мнѣ обѣщалъ Небесный извѣщенье,
Исполнилось... и шлемъ сей посланъ Имъ.
Какъ бранный огнь его прикосновенье,
Съ нимъ мужество, какъ Божій херувимъ...
Въ кипящій бой несетъ души стремленье,
Какъ буря, пылъ ея неукротимъ...
Се битвы кличъ! полки съ полками стали!
Взвились кони и трубы зазвучали!

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дюнуа, Дю Шатель.

ДЮНУА.

Нѣтъ! долѣ не стерплю; пора покинуть
Намъ короля, который самъ безславно
Себя покинулъ. Кровь бунтуетъ въ жилахъ,
И душу всю я выплакать готовъ,
Смотря на бѣдную отчизну... Боже!
Разбойники мечами города,
Старинныя жилища чести, дѣлятъ,
И выдаютъ ихъ ржавые ключи
Съ покорностью врагу. . а мы, мы здѣсь
Въ бездѣйствіи покоя расточаемъ
Священные спасенія часы.
Лишь вѣсть пришла, что Орлеанъ въ осадѣ—
Спѣшу свою Нормандію покинуть,
Лечу сюда въ надеждѣ, что король,
Готовый въ бой, полки ужъ вывелъ въ поле...
Но что жъ? Онъ окруженъ толпой шутовъ;
Въ кругу своихъ безпечныхъ трубадуровъ
Заботится разгадывать загадки,
И лишь пиры даетъ своей Агнесѣ.
Какъ будто все спокойно!... Конетабль,
Терпѣнье потерявъ, уже рѣшился
Разстаться съ нимъ... и я, и я разстанусь;
Пора судьбѣ на власть его предать.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Но вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и король Карлъ.

КОРОЛЬ.

Друзья, скажу вамъ новость;
Нашъ конетабль прислалъ мнѣ мечъ свой; онъ...
Онъ просится въ отставку... въ добрый часъ!
Брюзгливецъ мнѣ ужъ сдѣлался несносенъ;
Все не по немъ, лишь онъ одинъ все знаетъ.

ДЮНУА.
Ахъ! твердый мужъ безцѣненъ въ наше
время;
Разстаться съ нимъ мнѣ было бъ тяжело.
КОРОЛЬ.
Другъ Дюнуа привыкъ противорѣчить...
Но самъ же ты всегда съ нимъ былъ въ
раздорѣ.
ДЮНУА.
Я признаюсь: онъ гордъ, досаденъ, скученъ;
Вѣкъ ничего онъ кончить не умѣлъ...
Но въ пору онъ узналъ свое искусство:
Онъ прочь идетъ, когда остаться—стыдъ.
КОРОЛЬ.
Я вижу, ты въ своемъ веселомъ нравѣ;
Смущать его не стану... Дю Шатель,
Король Рене прислалъ ко мнѣ пословъ...
Они пѣвцы, ихъ имя знаменито;
Ихъ угостить хочу великолѣпно,
И каждому по цѣпи золотой...
(Къ Дюнуа).
Къ чему твой смѣхъ?
ДЮНУА.
Ты цѣпи золотыя
Куешь словами.
ДЮ ШАТЕЛЬ.
Государь, твоя
Казна ужъ вся давно истощена,
И денегъ нѣтъ...
КОРОЛЬ.
Найди; пѣвецъ высокій
Безъ почести отселѣ не пойдетъ;
Для насъ при немъ нашъ мертвый жезлъ
цвѣтетъ:
Онъ жизни вѣтвь безсмертно-молодую
Вплетаетъ въ нашъ безжизненный вѣнецъ;
Властителю совластвуетъ пѣвецъ:
Переселясь въ обитель неземную,
Изъ легкихъ сновъ себѣ онъ зиждетъ тронъ;
Пусть объ руку идетъ съ монархомъ онъ:
Они живутъ на высотахъ созданья.
ДЮ ШАТЕЛЬ.
О государь, до сихъ поръ я щадилъ
Твой слухъ; для насъ была еще надежда;
Но все сказать велитъ необходимость:
Не о дарахъ намъ думать, нѣтъ! о томъ,
Гдѣ завтра хлѣбъ найти себѣ насущный.
Растрачено все золото твое,
И наши всѣ сокровищницы пусты;
Съ роптаньемъ ждетъ условной платы вой-
ско,
Грозясь твои покинуть знамена;
Не въ силахъ я твой королевскій домъ
И скудною рукою содержать.
КОРОЛЬ.
Но развѣ намъ ужъ средства не осталось?
Отдай въ залогъ, что можно заложить.

ДЮ ШАТЕЛЬ.
Все, государь, напрасно: на три года
Доходы всѣ впередъ заложены.
ДЮНУА.
А срокъ придетъ... ни денегъ, ни залоговъ!
КОРОЛЬ.
Еще у насъ земель богатыхъ много.
ДЮНУА.
Пока щадитъ ихъ Богъ и мечъ Тальбота;
Но Орлеанъ въ осадѣ; сдайся онъ—
Тогда паси овецъ съ своимъ Рене.
КОРОЛЬ.
На счетъ Рене ты любишь умъ острить;
Но этотъ твой безобластный король
Мнѣ въ даръ прислалъ сокровище безцѣнно.
ДЮНУА.
Избави Богъ! не право ль на Неаполь?
Несчастный даръ, оно въ цѣнѣ упало
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пасетъ своихъ
овецъ.
КОРОЛЬ.
То ясная забава, шутка, праздникъ,
Который онъ душѣ своей готовитъ;
Средь ужасовъ существенности мрачной,
Онъ сотворилъ невинный, чистый міръ;
Онъ царское, великое замыслилъ:
Призвать назадъ то время старины,
Тѣ дни любви, когда любовь вздымала
Грудь рыцарей великимъ и прекраснымъ,
Когда въ судѣ присутствовали жены,
Суровое смягчая нѣжнымъ чувствомъ.
Въ сихъ временахъ живетъ незлобный ста-
рецъ;
И въ той красѣ, какой они плѣняютъ
Насъ въ дѣдовскихъ преданіяхъ, въ древ-
нихъ пѣсняхъ—
Какъ Божій градъ на свѣтлыхъ облакахъ,
Онъ мыслитъ ихъ переселить на землю.
Онъ учредилъ верховный *Судъ любви*,
Гдѣ рыцарей дѣла судимы будутъ,
Гдѣ чистыхъ женъ святое будетъ царство,
Гдѣ чистая любовь для насъ воскреснетъ—
И онъ меня избралъ царемъ любви.
ДЮНУА.
Не столько я еще забытъ природой,
Чтобъ отвергать владычество любви;
Я сынъ ея, она дала мнѣ имя,
И въ областяхъ любви мое наслѣдство;
Моимъ отцомъ былъ Орлеанскій принцъ—
Онъ не встрѣчалъ красавицъ непреклон-
ныхъ;
За то не зналъ и крѣпкихъ вражьихъ зам-
ковъ.
Ты хочешь быть царемъ любви по праву?
Храбрѣйшимъ будь изъ храбрыхъ. Въ ста-
рыхъ книгахъ
Случилось мнѣ читать, что неразлучны

Любовь и рыцарская бодрость были;
Не пастухи, слыхалъ я, а герои
За круглый столъ садились въ древни годы.
Лишь тотъ, чья грудь защитой красотѣ,
Беретъ ея награду... Мѣсто боя
Передъ тобой—сразись за тронъ наслѣдный;
Опасность ждетъ—стань съ рыцарскимъ мечемъ
За честь вѣнца, за славу женъ прекрасныхъ.
Когда жъ, сломивъ враговъ, изъ ихъ когтей
Кровавую корону смѣло вырвешь—
Тогда твой часъ, тогда царю прилично
Вѣнцомъ любви чело свое украсить.

КОРОЛЬ (*вошедшему пажу*).
Что скажешь?

ПАЖЪ.
Ждутъ гонцы изъ Орлеана.

КОРОЛЬ.
Впусти.
(*Пажъ уходитъ*).
Они пришли просить защиты...
Что отвѣчать? И самъ я беззащитенъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ. ОРЛЕАНСКІЕ ЧИНОВНИКИ.

КОРОЛЬ.
Какую вѣсть, граждане Орлеана,
Вы принесли? Что мой надежный городъ?
Все такъ же ли съ отважнымъ постоянствомъ
Упорную осаду отражаетъ?

ЧИНОВНИКЪ.
Ахъ! государь, мы въ крайности; погибель
Часъ отъ часу неизбѣжимѣй; сбиты
Всѣ внѣшнія твердыни; каждый приступъ
Лишаетъ насъ и войска и земли;
Ужъ на стѣнахъ защитники рѣдѣютъ;
Всечасно въ бой выходитъ рать; но съ боя
Немногіе приходятъ въ городъ; скоро
Постигнетъ насъ бѣда ужаснѣй—голодъ.
Въ такой бѣдѣ высокій Рошепьеръ,
Намѣстникъ мой, обычаемъ стариннымъ,
Съ врагомъ вступилъ въ послѣдній договоръ:
Чтобъ городъ сдать черезъ двѣнадцать дней,
Когда къ нему не подоспѣетъ войска,
Могущаго осаду отразить.
(*Дюнуа показываетъ досаду*).

КОРОЛЬ.
Двѣнадцать дней! какъ мало!

ЧИНОВНИКЪ.
Непріятель
Насъ пропустилъ, и мы пришли тебя
О помощи спасительной молить.
Будь жалостливъ, не медли, государь,
Иль Орлеанъ для Франціи погибнетъ.

ДЮНУА.
Возможно ль... Какъ Сантраль могъ согласиться
На гнусный этотъ договоръ?

ЧИНОВНИКЪ.
О нѣтъ!
Никто не смѣлъ о сдачѣ и помыслить,
Пока былъ живъ Сантраль великодушный.

ДЮНУА.
Его ужъ нѣтъ?

ЧИНОВНИКЪ.
Сражаясь на стѣнѣ,
За короля онъ съ честію погибъ.

КОРОЛЬ.
Сантраль погибъ! Ахъ, въ немъ одномъ погибло
Мнѣ войско храбрыхъ.
(*Входитъ рыцарь и говоритъ тихо съ Дюнуа, который показываетъ изумленіе и негодованіе*).
Что еще случилось?

ДЮНУА.
Къ тебѣ прислалъ Дугласъ: его шотландцы
Волнуются, грозятся отступить,
Когда не дашь задержанной имъ платы.

КОРОЛЬ (*къ Дю Шателю*).
Ты слышишь?

ДЮ ШАТЕЛЬ (*пожимая плечами*).
Что могу я?

КОРОЛЬ.
Обѣщай;
Продать, что есть, въ залогъ полъ-королевства.

ДЮ ШАТЕЛЬ.
Напрасно все: они словамъ не вѣрятъ.

КОРОЛЬ.
Они мое надежнѣйшее войско,
Уже ль теперь, теперь меня покинутъ?

ЧИНОВНИКЪ (*на колѣняхъ*).
О, государь, спаси твой Орлеанъ!

КОРОЛЬ (*въ отчаяніи*).
Могу ль родить вамъ войско изъ земли?
Въ моей рукѣ созрѣетъ ли вамъ жатва?
Вотъ грудь моя; мое пусть вырвутъ сердце;
Пусть выбьютъ изъ него монету; жизнью
Готовъ купить вамъ золото и войско.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Агнеса *съ ларчикомъ въ рукахъ.*

КОРОЛЬ *(бѣжитъ къ ней на встрѣчу).*

Агнеса, ты ль? Приди, мой утѣшитель;
Дай руку мнѣ въ ужасный часъ бѣды;
Отчаянье въ мою тѣснится душу;
Но ты моя... не все еще погибло.

АГНЕСА.

О, государь!
(Смотря на предстоящихъ въ смятеніи).
Что слышу?... Дюнуа,
Уже ли?

ДЮНУА.

Правда.

АГНЕСА.

Какъ! такая крайность?
Солдатамъ платы нѣтъ, бунтуетъ войско?

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Все правда.

АГНЕСА *(отдавая ему ларчикъ).*

Вотъ вамъ деньги: здѣсь мои
Алмазы; серебро мое расплавьте
Въ монету; замки всѣ мои въ залогъ;
Въ залогъ мои прованскія помѣстья;
Все въ золото, чтобъ войско успокоить!
Скорѣй бѣги, не медли, Дю Шатель.

КОРОЛЬ.

Что, Дюнуа? Что, Дю Шатель? Еще ли
Я бѣденъ? Нѣтъ... Взгляните на нее:
Она со мной породою равна;
Кровь Валуа не благороднѣй крови
Ея отцовъ; престола украшеньемъ
Была бъ она... но ей престолъ не лестенъ,
Моею быть— одно ея желанье.
Дарами ль я ее осыпалъ?... Нѣтъ!
Весенній первый цвѣтъ иль рѣдкій плодъ—
Вотъ всѣ мои дары... Все въ жертву мнѣ,
И ничего на жертву отъ меня.
И что жъ теперь?... Послѣднее ввѣряетъ
Она моей обманчивой судьбѣ.

ДЮНУА.

Она тебѣ въ безумствѣ не уступить;
Она свое въ горящій домъ бросаетъ,
И бочку Данаидъ наполнить мыслитъ;
Тебя ей не спасти, себя лишь вмѣстѣ
Съ тобою погубить.

АГНЕСА.

Не вѣрь ему;
Онъ жертвовалъ тебѣ стократно жизнью...
Ему ль дрожать за золото мое?
И не давно ль тебѣ съ веселымъ сердцемъ
Я отдала все то, что драгоцѣннѣй
И золота и перловъ? Мнѣ ли нынѣ
Лишь для себя спасать земное счастье?
Пойдемъ, всѣ лишнія убранства жизни
Отбросимъ прочь... О другъ! дай мнѣ примѣромъ
Высокаго пожертврванья быть;
Преобрати свой дворъ въ военный станъ,
И золото въ желѣзо; брось отважно
Все, все за твой обиженный вѣнецъ.
Пойдемъ! бѣды и бѣдность пополамъ;
Пора намъ сѣсть на браннаго коня;
Пусть солнце льетъ свой жаръ на нашу грудь;
Пусть кровлею намъ будутъ облака;
Пусть будетъ намъ подушкой острый камень.
Безропотно снесетъ суровый ратникъ
Свою бѣду, когда король примѣръ
И твердости и самоотверженья.

КОРОЛЬ *(усмѣхаясь).*

Итакъ, должно обѣщанное сбыться:
Давно, давно монархиня въ Клермонѣ
Въ пророческомъ жару мнѣ предсказала,
Что женщина сразитъ моихъ враговъ,
И мой престолъ наслѣдный завоюетъ.
Я мнилъ ее найти въ британскомъ станѣ,
Ея искалъ я въ материнскомъ сердцѣ...
Но здѣсь она, спасительница славы;
Въ священный Реймсъ за нею мы пойдемъ;
Побѣду дастъ любовь моей Агнесы.

АГНЕСА.

Ты побѣдишь мечемъ своихъ друзей.

КОРОЛЬ.

Раздоръ враговъ другая намъ надежда.
Уже молва мнѣ вѣрная сказала,
Что охладѣлъ къ союзу англичанъ
Мой родственникъ Бургундскій герцогъ; скоро
Узнаю все; къ Филиппу я Ля Гира
Послалъ, чтобъ онъ озлобленнаго пера
Склонилъ на миръ и дружбѣ возвратилъ.
Всечастно жду отвѣта.

ДЮНУА *(смотря въ окно).*

Рыцарь здѣсь;
Сейчасъ сошелъ съ коня онъ у крыльца.

КОРОЛЬ.

Желанный гость!... Друзья, теперь рѣшится
Къ побѣдѣ ль намъ итти, иль уступить?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. Ля Гиръ.

КОРОЛЬ.

Скажи, Ля Гиръ, надежда или смерть?
Чего намъ ждать? Скорѣй, двумя словами!

ЛЯ ГИРЪ.

Твой мечъ—вотъ вся теперь для насъ надежда.

КОРОЛЬ.
И такъ непримиримъ надменный герцогъ!
Но что же онъ тебѣ сказалъ въ отвѣтъ?
ЛЯ ГИРЪ.
Еще не давъ произнести мнѣ слова,
Потребовалъ онъ съ гордостью, чтобъ выданъ
Былъ Дю Шатель: онъ мыслитъ и понынѣ,
Что Дю Шатель убилъ его отца.
КОРОЛЬ.
Когда жъ такой постыдный договоръ
Отвергнемъ мы...
ЛЯ ГИРЪ.
Тогда и миръ отвергнутъ.
КОРОЛЬ.
И ты мое исполнилъ повелѣнье?
Сказалъ, что я готовъ съ нимъ на мосту
У Монтеро, гдѣ палъ его отецъ,
Сразиться?...
ЛЯ ГИРЪ.
Я твою перчатку бросилъ;
Я объявилъ, что ты, забывъ свой санъ,
Идешь съ нимъ въ бой на жизнь и смерть, какъ рыцарь.
Но гордо онъ отвѣтствовалъ: нѣтъ нужды
Сражаться мнѣ за то, что ужъ мое.
Когда же Карлъ столь жадничаетъ боя,
То пусть найдетъ меня подъ Орлеаномъ:
У стѣнъ его я завтра съ войскомъ буду.
Такъ отвѣчалъ съ презрительнымъ онъ смѣхомъ.
КОРОЛЬ.
Но что жъ? Уже ль въ парламентѣ моемъ
Совсѣмъ умолкъ священный голосъ правды?
ЛЯ ГИРЪ.
Нѣмѣетъ онъ предъ дерзкимъ буйствомъ партій;
Парламентомъ и ты и весь твой родъ
Отрѣшены на вѣки отъ престола.
ДЮНУА.
Безумное властительство толпы!
КОРОЛЬ.
Но видѣлся ль ты съ матерью моею?
ЛЯ ГИРЪ.
Съ твоею матерью?...
КОРОЛЬ.
Что королева?
ЛЯ ГИРЪ.
Скажу ли все?... Былъ день коронованья,
Когда вошелъ я въ Сенъ-Дени; граждане,
Какъ на тріумфъ, разубраны всѣ были;
Я видѣлъ рядъ торжественныхъ воротъ—
И въ нихъ вступалъ съ надменностью британецъ;
Усыпанъ былъ цвѣтами путь; и, словно
Спасеніе отчизны торжествуя,
Рукоплескалъ народъ за колесницей.
АГНЕСА.
Рукоплескалъ... предавши короля,
И растерзавъ отеческое сердце!
ЛЯ ГИРЪ.
Таясь въ толпѣ, я видѣлъ, какъ Ланкастеръ,
Дитя, сидѣлъ на королевскомъ тронѣ
Святаго Лудвига, какъ близъ него
Стояли гордые Бедфордъ и Глостеръ,
Какъ нашъ Филиппъ, Бургундскій герцогъ, братъ твой,
Произносилъ предъ нимъ обѣтъ подданства.
КОРОЛЬ.
Невѣрный братъ! предатель нашей чести!
ЛЯ ГИРЪ.
Ребенокъ оробѣлъ и спотыкнулся,
Входя на тронъ по ступенямъ высокимъ.
„Недобрый знакъ!“ послышалось въ народѣ,
И поднялся отвсюду громкій хохотъ.
Но что же?... Вдругъ твоя родная мать...
О, вѣчный стыдъ!... приблизилась... скажу ли?
КОРОЛЬ.
Скажи.
ЛЯ ГИРЪ.
И на руки схвативъ младенца,
Его сама на тронъ твой посадила.
КОРОЛЬ.
О, сердце матери!
ЛЯ ГИРЪ.
Бургундцы сами,
Грабители, привыкшіе къ убійству,
При видѣ семъ зардѣлись отъ стыда.
Но что жъ она?... Взглянувши на толпу,
Сказала вслухъ: Французы, я для васъ
Больную вѣтвь здоровою смѣнила;
Для васъ навѣкъ отвергнула я сына,
Исчадіе безумнаго отца.
ДЮНУА.
Чудовище!
КОРОЛЬ.
Вы слышали, друзья?
Чего жъ вамъ ждать? Спѣшите возвратиться
Въ свой Орлеанъ, и гражданамъ скажите,
Что самъ король ихъ клятвы разрѣшаетъ.
Не у меня спасенья имъ искать,
Пускай идутъ съ покорностью къ бургундцу;
Онъ милостивъ; его прозванье: *Добрый*.
ДЮНУА.
Возможно ли?... Покинуть Орлеанъ?
ЧИНОВНИКЪ.
О, государь, не отнимай отъ насъ
Твоей руки; не отдавай на жертву
Грабительству британцевъ Орлеана;
Въ твоемъ вѣнцѣ онъ самый лучшій перлъ;
Онъ вѣрностью къ законнымъ королямъ
Всегда былъ знаменитъ.

ДЮНУА.

Но развѣ мы
Разбиты?... Мы ль покинемъ поле чести,
За Орлеанъ меча не обнаживъ?
Какъ? Не проливъ ни капли крови, ты
Осмѣлишься ничтожнымъ словомъ вырвать
Изъ сердца Франціи твой лучшій городъ?

КОРОЛЬ.

Довольно кровь лилась; напрасно все;
Рука небесъ на мнѣ отяготѣла;
Вездѣ мои разбиты войска; я
Парламентомъ отвергнутъ; мой Парижъ
И весь народъ врагу рукоплескаютъ;
И кровные преслѣдуютъ меня!
И все мой врагъ,—сама родная мать!...
Мы перейдемъ не медля за Луару;
Не устоять противъ руки небесъ;
Она теперь на насъ за иноземца.

АГНЕСА.

Что слышу?... Мы ль, въ самихъ себѣ отчаясь,
Отечества постыдно отречемся?
Достойно ли тебѣ такое слово?
Нѣтъ, матери чудовищное дѣло
Минутно твой геройскій духъ смутило.
Войди въ себя; будь снова твердый мужъ;
Съ величіемъ бѣдѣ противостань,
И побѣдишь...

КОРОЛЬ *(въ горестной задумчивости).*

Усилія напрасны;
Ужасная свершается судьба
Надъ родомъ Валуа; его самъ Богъ
Отринулъ; мать злодѣйствами погибель
Накликала на мой несчастный домъ;
Отецъ мой былъ безумцемъ двадцать лѣтъ;
Безвременно моихъ трехъ старшихъ братьевъ
Сразила смерть... то Божій приговоръ:
Погибнемъ все шестаго Карла племя.

АГНЕСА.

Въ тебѣ оно воскреснетъ обновленнымъ.
О! вѣрь въ себя! Судьбою не напрасно
Ты, младшій братъ, твоихъ погибшихъ братьевъ
Былъ пережить назначенъ; не напрасно
Ты на престолъ нежданный возведенъ;
Твоя, твоя прекрасная душа
Есть избранный цѣлитель тяжкихъ ранъ,
Отечеству раздоромъ нанесенныхъ;
Пожаръ войны гражданской ты потушишь;
Мнѣ сердце говоритъ: ты дашь намъ миръ,
И Франціи создатель новый будешь.

КОРОЛЬ.

Не я... крутымъ и бурнымъ временамъ
Въ правители сильнѣйшій кормщикъ нуженъ.
Счастливить могъ бы я народъ спокойный—
Но съ дикостью бунтующей не слажу;
Не мнѣ мечемъ кровавымъ разверзать
Себѣ сердца, запершіяся въ злобѣ.

АГНЕСА.

Народъ твой слѣпъ; онъ призракомъ обманутъ;
Сей тяжкій сонъ не можетъ продолжаться;
День недалекъ: пробудится любовь
Къ законнымъ королямъ—въ груди французовъ
Она всегда жива и неизмѣнна—
Пробудятся и ненависть и ревность,
Врожденныя двумъ націямъ противнымъ,
И гордый врагъ своимъ погибнетъ счастьемъ...
Не отходи жъ отъ поприща побѣдъ,
Воюй, борись за каждый шагъ земли;
Обороняй, какъ собственную грудь,
Твой Орлеанъ—скорѣй всѣ переправы
Разрушь, скорѣе всѣ сожги мосты,
Ведущіе за грань твоей державы,
Туда, гдѣ нѣтъ ужъ чести, за Луару.

КОРОЛЬ.

Что могъ, то все я сдѣлалъ; самъ, какъ рыцарь,
Я былъ готовъ на смертный поединокъ
За мой вѣнецъ... но вызовъ мой отвергнутъ.
Я тщетно жизнь моихъ народовъ трачу;
Всѣ города мои валятся въ прахъ.
Иль, матери свирѣпой уподобясь,
Своихъ дѣтей на жертву самъ я брошу?
Нѣтъ, лучше самъ погибну, ихъ спасая!

ДЮНУА.

О Боже! то ль языкъ монарха? Такъ ли
Вѣнецъ свой должно уступать?... Послѣдній
Твой подданный отважно отдаетъ
И кровь и жизнь за мнѣнье, за любовь
И ненависть свою; все жертва партій
Во времена войны междуусобной!
Тогда свой плугъ бросаетъ земледѣлецъ;
Старикъ, дитя, кидаются къ мечу;
И гражданинъ свой городъ, пахарь ниву
Своей рукою жгутъ; и каждый рвется
Тебѣ служить иль вредъ тебѣ нанесть,
Чтобъ отстоять души своей желанье.
Никто не дастъ пощады и не приметъ,
Какъ скоро честь зоветъ и биться должно
За идола иль Бога своего.
И такъ отбрось изнѣженную жалость—
Она душѣ монарха неприлична;
Пускай вина сама свой огнь потушитъ;
Не ты ее безумно воспалилъ.
Народъ за тронъ себя щадить не долженъ,—
Таковъ законъ и вѣчный жребій свѣта;
Иного мы, французы, не признаемъ;

И стыдъ той націи, которой жаль
Все положить за честь свою святую.

КОРОЛЬ *(къ чиновникамъ).*

Подите! вамъ защитой небеса;
А я для васъ ничто.

ДЮНУА.

Да отвратится жъ
Навѣки Богъ побѣды отъ тебя,
Какъ ты отъ Франціи! Когда ты самъ
Себя оставилъ —мы должны разстаться.
Не Англія съ бунтующимъ Бургундцемъ—
Твой робкій духъ тебя сгоняетъ съ трона.
Природный даръ французскихъ королей
Геройство,—ты жъ не мужемъ быть рожденъ.

(Къ чиновникамъ).

Монарха нѣтъ у васъ; но я за вами!
Я затворюсь въ родимый Орлеанъ,
И съ нимъ въ его развалинахъ погибну.

(Хочетъ идти).

АГНЕСА.

О, государь! останови его;
Онъ на словахъ жестокъ, но сердцемъ вѣренъ,
Какъ золото; онъ твой; тебя онъ любитъ;
Онъ за тебя лилъ кровь... прольетъ и нынѣ...
Признайся, Дюнуа, ты далеко
Былъ заведенъ досадой благородной...
А ты прости его суровой дружбѣ...
Ахъ, дайте мнѣ, пока не разгорѣлся
Въ сердцахъ огонь вражды непримиримой,
Завременно быть вашимъ миротворцемъ.
(Дюнуа смотритъ на короля и ждетъ отвѣта).

КОРОЛЬ *(къ Дю Шателю).*

Мы перейдемъ Луару; на суда
Вели скорѣй все нагружать...

ДЮНУА *(поспѣшно Агнесѣ).*

Прости.

(Уходитъ съ чиновниками).

АГНЕСА.

Стой, Дюнуа!... Теперь мы беззащитны!...
Бѣги за нимъ, Ля Гиръ, смягчи его.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Король, Агнеса, Дю Шатель.

КОРОЛЬ.

Ужели тронъ единственное благо?
Ужель разстаться съ нимъ такъ тяжело?
О, нѣтъ! я зло несноснѣйшее знаю:
Игрушкой быть сихъ дерзкихъ, гордыхъ душъ:
Покорствовать; жить милостью вассаловъ;
Отъ грубой ихъ надменности зависѣть—
Вотъ бѣдствіе, вотъ жребій нестерпимый.
Не легче ли судьбѣ своей поддаться?

(Къ Дю Шателю).

Исполни мой приказъ.

ДЮ ШАТЕЛЬ *(на колѣняхъ).*

О, государь!

КОРОЛЬ.

Ни слова! рѣшено, поди.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Нѣтъ! нѣтъ!
Склонись на миръ съ Филиппомъ, государь;
Другого нѣтъ спасенья для тебя.

КОРОЛЬ.

Какой совѣтъ!... Но развѣ ты забылъ,
Что жизнь твоя цѣною примиренья?

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Вотъ голова моя; я за тебя
Не разъ ее носилъ въ сраженье... нынѣ
Я за тебя жъ несу ее на плаху.
Иного средства нѣтъ: предай меня
На произволъ неумолимой злобы;
Пускай вражда въ моей крови потухнетъ.

КОРОЛЬ *(съ горестью).*

Какъ! до того ль дошло?... Мои друзья,
Которымъ вся душа моя открыта,
Мнѣ путь стыда къ спасенью выбираютъ!
Теперь свою всю бѣдность узнаю:
На честь мою довѣренность погибла.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

О, нѣтъ...

КОРОЛЬ.

Молчи! не раздражай меня!
Хотя бы сто престоловъ мнѣ терять—
Я не спасусь погибелію друга...
Исполни то, что я велѣлъ, иди;
Чтобъ на суда немедленно грузились.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Иду.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Король. Агнеса.

КОРОЛЬ.

Не унывай, моя Агнеса,
Есть Франція для насъ и за Луарой.

АГНЕСА.

Какой должна я страшный встрѣтить день!
Король идти въ изгнанье осужденъ;
Семейный домъ покинуть долженъ сынъ,
И съ милою разстаться колыбелью...
О родина; прекрасная земля,
Прости, тебя мы вѣчно не увидимъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же. Ля Гиръ.

АГНЕСА.
Ля Гиръ, ты здѣсь? А Дюнуа?
(*Смотритъ на него пристально*).
Но что?
Сверкаетъ взоръ твой... говори, Ля Гиръ,
Иль новая бѣда?

ЛЯ ГИРЪ.
Бѣды прошли:
Намъ небеса опять благопріятны.

АГНЕСА.
Возможно ль? Какъ?

ЛЯ ГИРЪ (*королю*).
Скорѣе орлеанскихъ
Чиновниковъ вели позвать.

КОРОЛЬ.
Зачѣмъ?

ЛЯ ГИРЪ.
Судьба войны на нашей сторонѣ:
Дано сраженіе; мы побѣдили.

КОРОЛЬ.
Ля Гиръ, меня ты льстишь молвой напрасной.
Мы побѣдили? Нѣтъ, то слухъ невѣрный.

ЛЯ ГИРЪ.
Повѣришь ты чудеснѣйшему скоро.
Но вотъ идетъ архіепископъ; съ нимъ
И Дюнуа.

АГНЕСА.
О, сладкій цвѣтъ побѣды!
Какъ скоро плодъ небесный онъ приноситъ:
Согласіе и миръ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же. Архіепископъ. Дюнуа. Рауль.

АРХІЕПИСКОПЪ.
Графъ, государь,
Забудьте гнѣвъ, другъ другу дайте руку;
Раздору мѣста нѣтъ; за насъ Всевышній.
(*Король и Дюнуа обнимаются*).

КОРОЛЬ.
Друзья, мое сомнѣнье разрѣшите;
Я вѣрю вамъ и вѣрить вамъ страшусь;
Когда и какъ столь быстро перемѣна
Чудесная свершилась?

АРХІЕПИСКОПЪ (*Раулю*).
Говори.

РАУЛЬ.
Шестнадцать было насъ знаменъ; мы шли
Примкнуть къ тебѣ; нашъ храбрый предводитель
Былъ рыцарь Бодрикуръ изъ Вокулера.
Но только мы достигли Фермантонскихъ
Высотъ и въ долъ, Іонной орошенный,
Спустились... вдругъ явился намъ вдали
Равнину всю занявшій непріятель.
Хотимъ назадъ... возвратный путь захваченъ;
Спасенья нѣтъ; побѣда невозможна;
Храбрѣйшіе упали духомъ; ратникъ
Оружіе готовъ былъ кинуть; тщетно,
Совѣтуясь, вожди искали средства
Къ отпору—средства нѣтъ... Но въ этотъ мигъ
Свершается неслыханное чудо:
Изъ глубины густой, дубовой рощи,
Выходитъ къ намъ дѣвица, яркій шлемъ
На головѣ; идетъ, какъ божество,
Прекрасная и страшная на взглядъ,
И темными кудрями по плечамъ
Летаютъ волосы... и вдругъ чело
Сіяніемъ небеснымъ обвилося,
Когда она, приблизившись сказала:
„Что медлите французы? На врага!
„Будь онъ морскихъ песковъ неизчислимѣй...
„За васъ Господь и Дѣва Пресвятая!"
И вмигъ она изъ рукъ знаменоносца
Исторгла знамя; съ нимъ впередъ, и въ страшномъ
Величіи пошла передъ рядами.
Мы, изумясь, безмолвные, невольно
За дивною воительницей вслѣдъ...
И на врага ударили, какъ буря.
Оторопѣвъ, ударомъ оглушенный,
Недвижимый, испуганными смотритъ
Очами онъ на гибельное чудо...
И вдругъ — какъ будто сталъ Господній ужасъ
Ему въ лицо—онъ дрогнулъ и бѣжитъ,
Бросая щитъ и мечъ; и по равнинѣ
Въ единый мигъ все войско разметалось;
Забыто все; невнятенъ кликъ вождей;
Преслѣдуемъ, разимый безъ отпора,
Бѣжитъ онъ, глазъ не смѣя обратить;
Въ рѣку стремглавъ и конь и всадникъ мчатся...
И то была не битва, но убійство;
На мѣстѣ ихъ двѣ тысячи легло,
Но болѣе въ волнахъ рѣки погибло...
А наши всѣ остались невредимы.

КОРОЛЬ.
Неслыханно! чудесно!

АГНЕСА.
Кто она?

РАУЛЬ.
Одинъ король сію узнаетъ тайну.
Пророчицей, посланницею Бога

Она себя зоветъ и обѣщаетъ
До совершенія луны прогнать
Врага и снять осаду Орлеана.
Ей вѣруя, народъ сраженья жаждетъ;
И скоро здѣсь она сама явится.
(Звонъ колоколовъ и шумъ за сценою).
Вы слышите... шумитъ народъ... Она!

КОРОЛЬ *(къ Дю Шателю).*

Введи ее сюда...
(Архіепископу).
Но что мнѣ думать?
Побѣда намъ отъ дѣвы... и когда же?
Когда лишь Богъ одинъ спасти насъ можетъ.
Естественно ль? И гдѣ законъ природы?
Скажи, отецъ, повѣрить ли мнѣ чуду?

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЮ.

Да здравствуетъ спасительница, дѣва!

КОРОЛЬ.

Идетъ.
(Къ Дюнуа).
Займи мое на время мѣсто;
Пророчицу мы опыту подвергнемъ;
Когда съ небесъ ей послано всезнанье—
Она сама откроетъ короля.

— —

ЯВЛЕНІЕ X.

ПРЕЖНІЕ. ІОАННА, *за нею* ЧИНОВНИКИ ОРЛЕАНСКІЕ *и множество* РЫЦАРЕЙ, *которые занимаютъ всю глубину сцены. Съ величіемъ выступаетъ она впередъ и осматриваетъ предстоящихъ одного за другимъ.*

ДЮНУА *(съ важностію).*

Ты ль, дивная...

ІОАННА *(прерываетъ его величественно).*

Ты Бога испытуешь;
Не на своемъ ты мѣстѣ, Дюнуа;
Вотъ тотъ къ кому меня послало небо.
(Рѣшительно приближается къ королю, преклоняетъ передъ нимъ колѣно, потомъ встаетъ и на нѣсколько шаговъ отступаетъ. Дюнуа сходитъ съ мѣста. Король остается одинъ посреди сцены).

КОРОЛЬ.

Мое лицо ты видишь въ первый разъ;
Кто далъ тебѣ такое откровенье?

ІОАННА.

Я видѣла тебя... но только тамъ,
Гдѣ ты никѣмъ незримъ былъ, кромѣ Бога.
(Приближается и говоритъ таинственно).
Ты помнишь ли, что было въ эту ночь?
Тогда, какъ все кругомъ тебя заснуло
Глубокимъ сномъ—не ты ль, покинувъ ложе,
Съ молитвою предъ Господомъ простерся?
Вели имъ выдти... я твою молитву
Тебѣ скажу.

КОРОЛЬ.

Что Богу я повѣрилъ,
Не потаю того и отъ людей.
Открой при нихъ моей молитвы тайну,—
Тогда твое признаю назначенье.

ІОАННА.

Ты произнесъ предъ Богомъ три молитвы;
И первою молилъ ты, чтобъ Всевышній—
Когда твой тронъ стяжаніемъ неправымъ
Иль незаглаженной изъ древнихъ лѣтъ
Виной обремененъ и тѣмъ на насъ
Навлечена губящая война—
Тебя избралъ мирительною жертвой,
И на твою покорную главу
Излилъ за насъ всю чашу наказанья.

КОРОЛЬ *(отступая съ трепетомъ).*

Но кто же ты, чудесная?.. Откуда?
(Всѣ въ изумленіи).

ІОАННА.

Другая же твоя была молитва:
Когда уже назначено Всевышнимъ
Тебя лишить родительскаго трона
И все отнять, чѣмъ праотцы твои,
Вѣнчанные, владѣли въ сей землѣ—
Чтобъ сохранить тебѣ три лучшихъ блага:
Спокойствіе души самодовольной,
Твоихъ друзей и вѣрную Агнесу.
(Король закрываетъ лицо и плачетъ. Движенія изумленія въ толпѣ. Іоанна, помолчавъ, продолжаетъ).
Скажу ль твою послѣднюю молитву?

КОРОЛЬ.

Довольно: вѣрую; сего не можетъ
Единый человѣкъ; съ тобой Всевышній!

АРХІЕПИСКОПЪ.

Откройся жъ намъ, всезнающая, кто ты?
Въ какомъ краю родилась? Кто и гдѣ
Счастливые родители твои?

ІОАННА.

Святый отецъ, меня зовутъ Іоанна;
Я дочь простого пастуха; родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ Тула;
Тамъ стадо моего отца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слыхала часто,
Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
Чтобъ посадить на тронъ нашъ иноземца,
Немилаго народу, какъ столицей
И Франціей властительствовалъ онъ...
И я въ слезахъ молила Богоматерь:
Насъ отъ цѣпей пришельца защитить,
Намъ короля законнаго сберечь.

И близъ села, въ которомъ я родилась,
Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы—
Къ нему толпой приходятъ богомольцы—
И близъ него стоитъ священный дубъ,
Прославленный издревле чудесами;
И я въ тѣни его сидѣть любила,
Пася овецъ—меня стремило сердце—
И всякій разъ, когда въ горахъ пустынныхъ
Случалося ягненку затеряться,
Пропадшаго являлъ мнѣ дивный сонъ,
Когда подъ тѣмъ я дубомъ засыпала.
И разъ—всю ночь съ усердною молитвой,
Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ древомъ—
Пречистая предстала мнѣ; въ рукахъ
Ея былъ мечъ и знамя, но одѣта
Она была, какъ я, пастушкой, и сказала:
„Узнай меня, возстань; иди отъ стада;
„Господь тебя къ иному призываетъ.
„Возьми мое святое знамя, мечъ
„Мой опояшь и имъ неустрашимо
„Рази враговъ народа моего,
„И проведи Помазанника въ Реймсъ,
„И увѣнчай его вѣнцомъ наслѣднымъ".
Но я сказала: мнѣ ль, смиренной дѣвѣ,
Неопытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
На подвигъ гибельный такой дерзать?
„Дерзай—она рекла мнѣ—чистой дѣвѣ
„Доступно все великое земли,
„Когда земной любви она не знаетъ".
Тогда моихъ очей Она коснулась...
Подъемлю взоръ: исполнено все небо
Сіяющихъ, крылатыхъ серафимовъ;
И въ ихъ рукахъ прекрасныя лилеи!
И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голосъ...
И такъ Пречистая три ночи съ ряду
Являлась мнѣ и говорила: „встань,
„Господь тебя къ иному призываетъ".
Но въ третью ночь, Она, явясь во гнѣвѣ,
Мнѣ строгое сіе вѣщала слово:
„Удѣлъ жены—тяжелое терпѣнье;
„Возьми твой крестъ, покорствуй небесамъ;
„Въ страданіи земное очищенье;
„Смиренный здѣсь — возвышенъ будетъ тамъ".
И съ словомъ симъ Она съ себя одежду
Пастушки сбросила, и въ дивномъ блескѣ
Явилась мнѣ Царицею небесъ,
И на меня съ утѣхой поглядѣла,
И медленно на свѣтлыхъ облакахъ
Къ обители блаженства полетѣла.

(Всѣ тронуты. Агнеса въ слезахъ закрываетъ лицо руками).

АРХІЕПИСКОПЪ *(по долгомъ молчаніи).*
Должно молчать передъ глаголомъ неба
Сомнѣніе премудрости земной:
Здѣсь истинѣ событіе свидѣтель;
Единый Богъ подобное творитъ.

КОРОЛЬ.
Достоинъ ли я милости такой?...
Всевидящій, Необольстимый, Ты,
Свидѣтель душъ, въ моей душѣ читаешь.

ІОАННА.
Покорности всегда Господь доступенъ:
Смирился ты,—тебя Онъ возвеличилъ.

КОРОЛЬ.
И такъ, съ врагомъ могу еще бороться?

ІОАННА.
Я Францію во власть твою предамъ.

КОРОЛЬ.
И Орлеанъ не будетъ завоеванъ?

ІОАННА.
Скорѣй назадъ Луара потечетъ.

КОРОЛЬ.
И Реймса я съ побѣдою достигну?

ІОАННА.
По трупамъ ихъ тебя въ него введу.

(Всѣ предстоящіе рыцари, показывая мужество, гремятъ копьями и щитами).

ДЮНУА.
Вели ей стать предъ нашимъ войскомъ; слѣпо
За дивною мы бросимся во слѣдъ.
Намъ вождь ея пророческое око;
А вѣрный ей защитникъ—этотъ мечъ.

ЛЯ ГИРЪ.
Будь міръ на насъ, будь врагъ въ союзѣ съ адомъ—
Не дрогнемъ, стой она лишь впереди;
Мы рады въ бой. Чудесная, веди!
Самъ Богъ побѣдъ пойдетъ съ тобою рядомъ.

КОРОЛЬ.
Такъ, я тебѣ свое ввѣряю войско;
Его вожди твою признаютъ власть.
Прими сей мечъ, сей знакъ верховной силы;
Покинутый строптивымъ полководцемъ—
Его кладу въ достойнѣйшую руку;
И будь отнынѣ ты...

ІОАННА.
Постой, дофинъ;
Орудіе могущества земного
Не совершитъ побѣды. Мечъ другой,
Предъизбранный сразить врага, я знаю.
Чудеснымъ сномъ мнѣ этотъ мечъ указанъ;
Мнѣ вѣдомо то мѣсто, гдѣ онъ скрытъ.

КОРОЛЬ.
Гдѣ?

ІОАННА.

Въ городѣ старинномъ Фьербуа
Кладбище есть святой Екатерины;
На древнемъ томъ кладбищѣ есть палата,
Гдѣ множество набросано оружій—
Военная добыча древнихъ лѣтъ—
Межъ ними скрытъ мой мечъ обѣтованный.
Примѣта жъ: три лилеи золотыя
Изсѣчены на лезвеѣ булатномъ.
Найди сей мечъ—въ немъ сила и побѣда.

КОРОЛЬ.

Немедленно исполнить, Дю Шатель,

ІОАННА.

И бѣлое хочу носить я знамя,
Обшитое пурпурной полосой.
Изобразить на немъ Святую Дѣву
Съ Спасителемъ-Младенцемъ на рукахъ,
И подъ Ея стопами шаръ земной;
Въ ея рукѣ такое было знамя.

КОРОЛЬ.

Исполню все.

ІОАННА (*къ архіепископу*).

Святой архіепископъ,
Моей главы коснись твоей рукою,
И дочь свою, отецъ, благослови.
(*Становится на колѣни*).

АРХІЕПИСКОПЪ.

Не намъ тебя благословлять; тобою
Сошло на насъ благословенье... Съ Богомъ
Гряди; а мы и въ мудрости своей
Слѣпцы.

ПАЖЪ.

Герольдъ отъ графа Салисбури.

ІОАННА.

Введи; Господь приводитъ къ намъ его.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Герольдъ.

КОРОЛЬ.

Кѣмъ посланъ ты, герольдъ? Съ какою
вѣстью?

ГЕРОЛЬДЪ.

Найду ли здѣсь я Карла Валуа?

ДЮНУА.

Презрительный ругатель, какъ дерзаешь
Ты короля законнаго французовъ
Здѣсь на его землѣ не признавать?
Твой санъ тебѣ защита: безъ того...

ГЕРОЛЬДЪ.

Одинъ король законный у французовъ;
Но онъ теперь живетъ въ британскомъ
станѣ.

КОРОЛЬ (*къ Дюнуа*).

Спокойся, другъ... доканчивай, герольдъ!

ГЕРОЛЬДЪ.

Военачальникъ мой, жалѣя крови,
Которая пролита и прольется,
Свой грозный мечъ въ ножнахъ остановилъ;
И гибнущій спасая Орлеанъ,
Съ тобой вступить желаетъ въ договоръ.

КОРОЛЬ.

Въ какой?

ІОАННА.

Позволь мнѣ именемъ твоимъ
Сказать отвѣтъ герольду.

КОРОЛЬ.

Говори,
Тебѣ рѣшить судьбу войны иль мира.

ІОАННА.

Кто говоритъ, герольдъ, въ твоемъ лицѣ?

ГЕРОЛЬДЪ.

Графъ Салисбури, вождь британцевъ.

ІОАННА.

Лжешь,
Герольдъ; одни живые говорятъ;
Итакъ твой вождь здѣсь говорить не мо-
жетъ.

ГЕРОЛЬДЪ.

Но вождь мой живъ—и здравіемъ и силой
Исполненъ онъ врагамъ на истребленье.

ІОАННА.

Вчера былъ живъ—а нынче на зарѣ
Убитъ онъ выстрѣломъ изъ Орлеана,
Когда стоялъ на башнѣ Латурнель.
Смѣешься ты моей чудесной вѣсти:

Но вѣрь не мнѣ—своимъ глазамъ, герольдъ.
Ты, въ лагерь свой вступая, будешь встрѣченъ
Печальными его похоронами.
Теперь скажи: въ чемъ ваше предложенье?

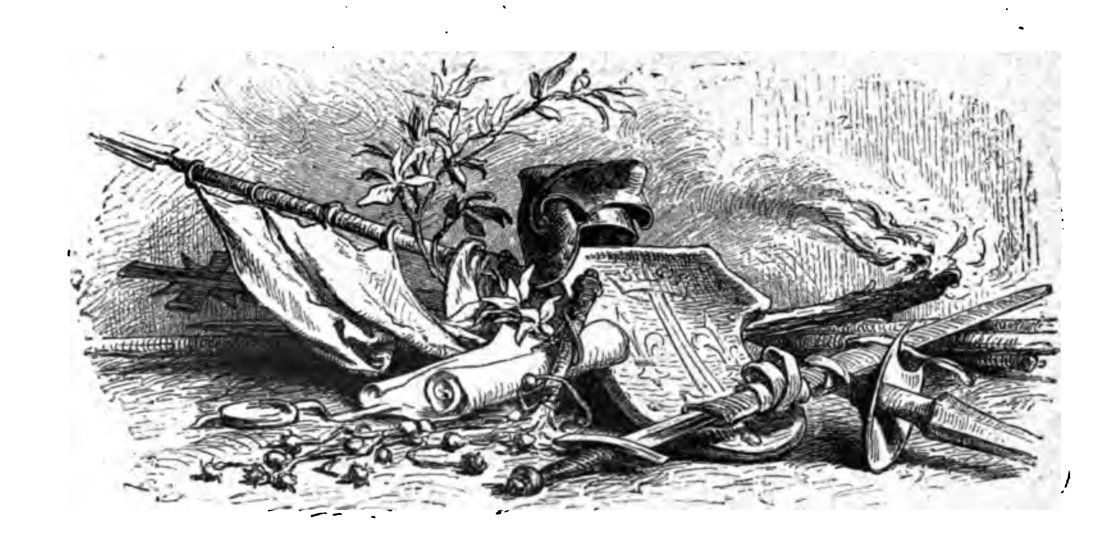
ГЕРОЛЬДЪ.

Когда тебѣ все тайное открыто—
Его сама ты знаешь безъ меня.

ІОАННА.

Но знать его не нужно мнѣ теперь.
Внимай, герольдъ, внимай и повтори
Мои слова британскимъ полководцамъ:
Ты, англійскій король, ты, гордый Глостеръ,
И ты, Бедфордъ, бичи моей страны,
Готовьтесь дать Всевышнему отчетъ
За кровь пролитую; готовьтесь выдать
Ключи градовъ, отъятыхъ вопреки
Святѣйшаго божественнаго права.
Отъ Господа предъизбранная дѣва
Несетъ вамъ миръ иль гибель—выбирайте!
Вѣщаю здѣсь, и вѣдомо да будетъ:
Не вамъ, не вамъ Всевышній завѣщалъ
Святую Францію—но моему
Владыкѣ, Карлу, онъ отъ Бога избранъ:
И вступитъ онъ въ столицу съ торжествомъ,
Любовію народа окруженный...
Теперь, герольдъ, спѣши къ твоимъ вождямъ,
Но знай, когда съ сей вѣстію до стана
Достигнешь ты—ужъ дѣва будетъ тамъ,
Съ кровавою свободой Орлеана.

(Уходитъ; всѣ за нею).



ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Мѣсто, окруженное утесами. Ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Тальботъ. Ліонель. Герцогъ Бургундскій. Фастольфъ. Шатильонъ. Солдаты.

ТАЛЬБОТЪ.

Здѣсь можемъ мы, подъ этими скалами,
Разбить шатры; здѣсь мѣсто безопасно;
Сюда соберемъ скорѣе бѣглецовъ,
Разстроенныхъ внезапностью и страхомъ.
По высотамъ разставить стражу; правда,
Преслѣдовать не будутъ ночью насъ;
Хотя бъ они имѣли крылья—намъ
Нельзя теперь бояться нападенья:
Но все нужна предосторожность; врагъ
Успѣхомъ ободренъ, а мы разбиты.

(Фастольфъ уходитъ съ солдатами).

ЛІОНЕЛЬ.

Разбиты! мы! невѣрная судьба!
Возможно ли постигнуть, чтобъ французъ
Торжествовалъ и насъ бѣгущихъ видѣлъ...
О, Орлеанъ! могила нашей славы.
Честь Англіи погибла предъ тобой!
Постыдное, презрительное бѣгство!
Повѣрятъ ли грядущія лѣта,
Чтобъ женщиной былъ прогнанъ побѣдитель
При Пуатье, Креки и Азинкурѣ?

ГЕРЦОГЪ.

Утѣшимся, не силой человѣка
Разбиты мы, но силой чародѣйства.

ТАЛЬБОТЪ.

Нѣтъ, силой нашего безумства... Герцогъ,
Ужель и ты испуганъ привидѣньемъ?
Но суевѣріе не оправданье
Для робкихъ; первый ты бѣжалъ съ твоими.

ГЕРЦОГЪ.

Но кто же устоялъ? Все побѣжало.

ТАЛЬБОТЪ.

Нѣтъ, прежде всѣхъ твое крыло смѣшалось.
Не вы ли въ лагерь къ намъ вломились съ воплемъ:
„Пропали! адъ за Францію воюетъ!“
И не тогда ль смятенье стало общимъ!

ЛІОНЕЛЬ.

Вы первые бѣжали, это правда.

ГЕРЦОГЪ.

На первыхъ насъ ударилъ непріятель.

ТАЛЬБОТЪ.

Онъ угадалъ, что вы не устоите,
Что робкіе и храбрыхъ увлекутъ.

ГЕРЦОГЪ.

Какъ?... Я ль одинъ виною пораженья?

ЛІОНЕЛЬ.

Свидѣтель Богъ, безъ васъ бы Орлеана
Не потерять намъ...

ГЕРЦОГЪ.

Такъ! но потому,
Что вы безъ насъ его бъ и не видали.
Кто вамъ открылъ во Францію дорогу?
Кто руку вамъ защитную простеръ,
При выходѣ на брегъ враждебно-чуждый?
Кѣмъ Генрихъ вашъ въ Парижѣ коронованъ?
Кто покорилъ ему сердца французовъ?...
Не будь моя могущая рука
Вожатый вашъ—вы дыма бъ не видали,
Встающаго вдали съ французской кровли.

ЛІОНЕЛЬ.

Такъ! будь въ словахъ напыщенныхъ побѣда—
Ты былъ бы здѣсь одинъ завоеватель.

ГЕРЦОГЪ.

Раздражены утратой Орлеана,
Хотите вы всю желчь напрасной злобы
На вѣрнаго союзника пролить.
Но кто жъ у васъ похитилъ Орлеанъ?
Не вы ли? Онъ готовъ былъ покориться—
Кто помѣшалъ?... Корысть и зависть ваша.

ТАЛЬБОТЪ.

Не для тебя его мы осаждали.

ГЕРЦОГЪ.

Уйди я съ войскомъ... чтобъ тогда вы были?

ЛІОНЕЛЬ.

Все то жъ, что въ день побѣды Азинкурской,
Когда съ тобой и съ Франціей одни
Мы сладили.

ГЕРЦОГЪ.

Но цѣну дорогую
За мой союзъ регентъ вашъ заплатилъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Онъ стоитъ намъ теперь еще дороже:
Онъ чести насъ лишилъ предъ Орлеаномъ.

ГЕРЦОГЪ.

Молчи, Тальботъ, иль будешь сожалѣть!
За тѣмъ ли я отечества отрекся,
И на себя навлекъ позоръ измѣны,
Чтобы сносить ругательства пришельцевъ?
Зачѣмъ я здѣсь? За что сражаюсь съ Карломъ?
Когда служить неблагодарнымъ должно—
Вѣрнѣй служить родному королю.

ТАЛЬБОТЪ.

Мы знаемъ: ты въ переговоры съ Карломъ
Уже вступилъ... но вѣрь, что отъ измѣны
Себя мы защитимъ.

ГЕРЦОГЪ.

Великій Боже,
Что слышатъ мнѣ досталось?.. Шатильонъ,
Собрать полки! сей часъ отступимъ...
(Шатильонъ уходитъ).

ЛІОНЕЛЬ.

Съ Богомъ.
Британія всегда торжествовала,
Когда ея надежный мечъ одинъ
Разилъ, не ждавъ союзниковъ невѣрныхъ.
Всякъ за себя сражайся; кровь француза
Съ британскою не породнится кровью.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. Королева Изабелла.

КОРОЛЕВА.

Возможно ли? Что слышу, полководцы?
Какой враждебный духъ васъ обуялъ?
Вы на себя раздоромъ безразсуднымъ
Постыдную накличете погибель,
Въ согласіи теперь спасенье наше...
Останови полки свои, Филиппъ;
А ты, Тальботъ, достойно-славный, руку
Въ знакъ мира дай обиженному другу...
Тебя зову на помощь, Ліонель,
Скажи вождямъ мирительное слово.

ЛІОНЕЛЬ.

Нѣтъ! я молчу; мнѣ все равно; и лучше
Разрознить то, чему нельзя быть вмѣстѣ.

КОРОЛЕВА.

Ужель и здѣсь владычествуетъ адъ,
Столь гибельно смутившій насъ въ сраженьи?

Скажите, кто зачинщикъ былъ? Тальботъ,
Ты ль, выгоду свою пренебрегая,
Достоинство союзника обидѣлъ?
Но что начнешь, союзъ его отринувъ!
Не имъ ли вашъ король на тронѣ нашемъ?
Кого вѣнчалъ, того и развѣнчать
Ему легко. Пускай нахлынетъ вся
Британія на наши берега...
Не побѣдитъ, когда согласны будемъ:
Лишь Франція для Франціи опасна.

ТАЛЬБОТЪ.

Союзника надежнаго я чту;
Но долгъ вождя предателей беречься.

ГЕРЦОГЪ.

Кто пренебрегъ коварно благодарность,
Тому знакомъ и лжи языкъ безстыдный.

КОРОЛЕВА.

Какъ, герцогъ, ты ль забудешь честь, и руку
Подашь рукѣ, еще облитой кровью
Предательски убитаго отца?
Безуміе повѣрить, чтобъ дофинъ,
Къ погибели тобою приведенный,
Тебѣ свой стыдъ простить отъ сердца могъ.
Надъ бездной онъ, и пасть въ нее готовъ...
Ты ль самъ свое творенье уничтожишь?
Здѣсь, здѣсь твои друзья; въ союзѣ тѣсномъ
Съ Британіей спасеніе твое.

ГЕРЦОГЪ.

О мирѣ я съ дофиномъ и не мыслилъ;
Но какъ молчать?... Могу ль снести презрѣнье
И дерзкую хвастливость пришлецовъ?

КОРОЛЕВА.

Не обвиняй горячности минутной.
Прискорбенъ вождь: побѣдой онъ обманутъ;
Въ несчастіи мы всѣ несправедливы.
Спѣши же съ нимъ обняться; примиритесь,
Пока раздоръ еще не разгорѣлся.

ТАЛЬБОТЪ.

Что скажешь, герцогъ? Кто душою правъ,
Тому легко покорствовать разсудку;
Я убѣжденъ совѣтомъ королевы,
Забудь мои поспѣшныя слова,
И руку мнѣ залогомъ дружбы дай.

ГЕРЦОГЪ.

Согласенъ, вотъ рука; необходимость
Велитъ мнѣ гнѣвъ правдивый укротить.
(Даютъ другъ другу руку).

ЛІОНЕЛЬ *(смотря на нихъ, про себя)*.

Надеженъ миръ, подписанный Мегерой.

КОРОЛЕВА.

Въ сраженьи мы разбиты, полководцы,
И счастье не за насъ; но бодрость нашу
Сразитъ ли неуспѣхъ? Пускай дофинъ,
Отчаяся въ защитѣ неба, адъ
Въ сообщники зоветъ... напрасно губитъ
Онъ душу; адъ его не защититъ.
Будь дѣва ихъ вождемъ побѣдоноснымъ,—
За васъ—его разгнѣванная мать.

ЛІОНЕЛЬ.

Нѣтъ, королева, мой совѣтъ: въ Парижъ
Вамъ возвратиться; намъ не нужно женщинъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Такъ; признаюсь, съ тѣхъ поръ, какъ въ станѣ вы,
Намъ ни на что благословенья нѣтъ.

ГЕРЦОГЪ.

Подите; вамъ при войскѣ быть не должно;
На васъ глядитъ неблагосклонно ратникъ.

КОРОЛЕВА *(смотря на каждаго съ изумленіемъ)*.

И ты за нихъ! и ты къ неблагодарнымъ,
Филиппъ, присталъ, ругаться надо мной!

ГЕРЦОГЪ.

Нѣтъ, королева, рать теряетъ бодрость:
Противно ей за васъ идти въ сраженье.

КОРОЛЕВА.

Возможно ль? Васъ едва я примирила—
И вы меня согласны ужъ отречься.
Но знать хочу, въ союзѣ мы иль нѣтъ?
Не за одно ль сражаемся мы дѣло?

ТАЛЬБОТЪ.

Не за одно; мы рыцарски стоимъ
За честь отечества, за наше право.

ГЕРЦОГЪ.

Я за отца убійцамъ отомщаю;
Сыновній долгъ вложилъ мнѣ въ руку мечъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Но, признаюсь, поступки ваши съ сыномъ
И человѣчеству и Божеству
Противны.

КОРОЛЕВА.

Проклятъ будь онъ въ чадахъ чадъ;
Надъ матерью своею онъ ругался.

ГЕРЦОГЪ.

Онъ мстилъ за честь супруга и отца.

КОРОЛЕВА.

Онъ быть дерзнулъ судьей моихъ дѣяній;
Онъ мать свою на ссылку осудилъ.
Мнѣ, мнѣ его простить? Скорѣй погибну!

Скорѣй, чѣмъ дать ему престолъ наслѣдный. .

ТАЛЬБОТЪ.

Вы честь свою готовы посрамить.

КОРОЛЕВА.

Не знаете вы, слабыя сердца,
Что чувствуетъ обиженная мать.
Безъ мѣры я люблю и ненавижу;
Чѣмъ ближе къ сердцу врагъ—и будь онъ сынъ—
Тѣмъ ненависть моя непримиримѣй.
Когда онъ грудь, питавшую его,
Дерзнулъ пронзить въ богоотступной злобѣ:
Сама своей рукою истреблю
Я бытіе, дарованное мною.
Но вы за что ведете съ нимъ войну?
На тронъ его какое ваше право?
Обидой ли, нарушеннымъ ли долгомъ
Онъ на себя навлекъ гоненье ваше?
О нѣтъ! корысть и зависть вашъ законъ.
Но мнѣ онъ сынъ—властна я ненавидѣть.

ТАЛЬБОТЪ.

Такъ, мать свою по мщенью знаетъ онъ.

КОРОЛЕВА.

Ругатели презрѣнные, не вамъ
Правдивый свѣтъ коварствомъ обмануть.
На Францію разбойнически руку
Простерли вы, британцы,—но по праву

Здѣсь шагу нѣтъ земли, подвластной вамъ,
Вы хищники. А ты, Бургундскій герцогъ,
Ты, обезславленный прозваньемъ: *Добрый*,
Не ты ль врагамъ свою отчизну продалъ?
Не ты ль отцовъ наслѣдіе пришельцу,
Грабителю отдалъ на разграбленье?
А все твердитъ языкъ вашъ: справедливость.
О лицемѣры, васъ я презираю.
На мнѣ личины нѣтъ; съ лицомъ открытымъ
Иду на судъ; пусть судитъ свѣтъ... Простите!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тальботъ. Герцогъ. Ліонель.

ТАЛЬБОТЪ.

Вотъ женщина!...

ЛІОНЕЛЬ.

Что дѣлать, полководцы?
Все ль отступать, иль, быстро обратившись,
Рѣшительнымъ ударомъ истребить
Безславіе послѣдняго сраженья?

ГЕРЦОГЪ.

Мы слабы, всѣ разстроены полки;
И ратникомъ владычествуетъ ужасъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Насъ побѣдилъ слѣпой, минутный страхъ—
Внезапное могущество мгновенья;
Но робкаго воображенья призракъ
Исчезнетъ самъ, увидѣнный вблизи;
И мой совѣтъ: съ разсвѣтомъ переправить
Черезъ рѣку все воинство и стать
Въ лицо врагу.

ГЕРЦОГЪ.

Подумайте.

ЛІОНЕЛЬ.

Но, герцогъ,
Что думать здѣсь? Минута драгоцѣнна;
Теперь для насъ одинъ ударъ отважный
Рѣшитъ навѣкъ: безчестье или честь.

ТАЛЬБОТЪ.

Такъ рѣшено, и завтра мы сразимся,
Чтобъ истребить мечту, передъ которой
Все наше войско въ страхѣ цѣпенѣетъ.
Увидимъ мы: Тальботова меча
Осмѣлится ль отвѣдать чародѣйка?
Когда она со мною выйдетъ въ бой—
Тогда однимъ все кончено ударомъ;
Когда же нѣтъ (и, вѣрьте, не посмѣетъ),
Тогда и страхъ волшебный истребленъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Дай мнѣ, Тальботъ, съ ней выдти въ поединокъ.
Не обнаживъ меча, ее живую
Въ виду всего ихъ войска принесу
Въ британскій станъ.

ГЕРЦОГЪ.

Не слишкомъ на себя
Надѣйся, Ліонель.

ТАЛЬБОТЪ.

Сведи насъ Богъ—
Ее ласкать рука моя не станетъ.
Теперь пойдемъ; истраченныя силы
Возобновимъ минутою покоя;
Но только день займется—на сраженье.
(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Темная ночь. Вдали показывается Іоанна *въ шлемѣ, въ панцырѣ; остальная одежда женская; въ рукахъ ея знамя. За нею* Дюнуа, Лягиръ, *множество* рыцарей *и* солдатъ. *Они сперва являются на высотахъ, осторожно пробираются между утесами, потомъ сходятъ на сцену.*

ІОАННА *(окружающимъ ее рыцарямъ. Между тѣмъ безпрестанно подходитъ войско; оно занимаетъ наконецъ всю глубину театра).*

Мы стражу обошли—и вотъ ихъ лагерь;
Намъ мракъ не измѣнилъ; теперь пора
Съ себя сложить покровъ безмолвной ночи:
Пусть въ ужасѣ погибельную близость
Узнаетъ нашу врагъ... Ударьте разомъ
Воскликнувъ: Богъ и дѣва!

СОЛДАТЫ *(гремя оружіемъ).*

Богъ и дѣва!

СТРАЖИ *(за сценою).*

Къ оружію!

ІОАННА.

Огня! зажечь шатры!
Пускай пожаръ удвоитъ ихъ тревогу!
Извлечь мечи! рубить и истреблять!
(Всѣ солдаты обнажаютъ мечи и бѣгутъ за сцену; Іоанна хочетъ за ними слѣдовать).

ДЮНУА *(удерживая ее).*

Іоанна, стой; свое ты совершила;
Мы введены тобой въ средину стана,
И въ руки намъ врага ты предала—

Довольна будь, отъ боя удались,
И намъ оставь кровавую расправу.

ЛЯ ГИРЪ.

Такъ, пролагай для войска путь побѣды;
Неси предъ нимъ святую орифламу;
Но до меча сама не прикасайся;
Чтобъ о тебѣ не вѣдалъ богъ сраженій,
Обманчивъ онъ и слѣпъ и безпощаденъ.

ІОАННА.

Кто путь мнѣ заградитъ? Кто остановитъ
Мной властвующій духъ?... Лети стрѣла,
Куда ее стрѣлокъ послалъ могучій.
Гдѣ гибель, тамъ *должна* Іоанна быть;
Не въ *этотъ часъ*, не *здѣсь* она падетъ;
Ей короля въ коронѣ видѣть должно;
Доколь она *всего* не совершила—
Ея главы не тронетъ вражья сила.
(Уходитъ).

ЛЯ ГИРЪ.

Другъ Дюнуа, пойдемъ за ней; пусть будетъ
Ей наша грудь защитой.
(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Англійскіе СОЛДАТЫ *бѣгутъ чрезъ сцену, потомъ* ТАЛЬБОТЪ.

ОДИНЪ СОЛДАТЪ.

Дѣва! Дѣва!

ДРУГОЙ.

Кто?

ПЕРВЫЙ.

Дѣва въ лагерѣ!

ДРУГОЙ.

Не можетъ быть!
Какъ въ лагерь ей зайти?

ТРЕТІЙ.

На облакахъ
Примчалась, съ ней всѣ бѣсы заодно!
(Множество бѣжитъ чрезъ сцену).
Спасайтеся!... бѣгите!... все пропало.

ТАЛЬБОТЪ *(за ними).*

Куда вы?... Стой! Не видятъ и не слышатъ.
Разрушена покорность, страхъ бунтуетъ:
Какъ будто адъ всѣ ужасы свои
Наслалъ на насъ и вдругъ одно безумство
Постигло всѣхъ; и робкій и безстрашный
Бѣгутъ; врагу отпора нѣтъ; весь лагерь
Внезапная погибель обхватила.
Уже ль во мнѣ одномъ осталась память,
А все вокругъ меня въ чаду безумства?
И такъ опять бѣжать отъ малодушныхъ,
Во всѣхъ бояхъ бѣжавшихъ передъ нами!—
Но кто жъ сія владычица судьбы,
Ужасная рѣшительница битвы,
Дающая и львиную отважность,
И ратный духъ, и силу малодушнымъ?
Обманщица ль подъ маскою геройства
Въ презрѣнный страхъ безстрашныхъ приведетъ?
И женщина ль—о вѣчный стыдъ!—исторгнетъ
Изъ рукъ моихъ награду славы?

СОЛДАТЪ *(бѣжитъ чрезъ сцену).*

Дѣва!
Бѣги! бѣги! спасайся, полководецъ!

ТАЛЬБОТЪ *(гонится за нимъ съ мечемъ и убиваетъ его).*

Безумецъ! вотъ тебѣ мое спасенье!
Никто не смѣй о бѣгствѣ поминать!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сцена открывается. На высотахъ виденъ пылающій англійскій лагерь. Бѣгство и преслѣдованіе; стукъ оружія и громъ барабановъ. Чрезъ нѣсколько времени является МОНГОМЕРИ.

МОНГОМЕРИ.

Куда бѣжать?... Кругомъ враги, вездѣ погибель!
Тамъ вождь разгнѣванный, карающимъ мечемъ
Дорогу заслонивъ, навстрѣчу смерти гонитъ;
А здѣсь ужасная... повсюду, какъ пожаръ
Губительный, она свирѣпствуетъ... И нѣтъ
Защитнаго куста, пещеры темной нѣтъ.
Зачѣмъ переплывалъ я море?... Бѣдный! бѣдный!
Обманутый любимою мечтой, я здѣсь
Искалъ въ бою прекрасной славы... что жъ нашелъ?
Моей судьбы неодолимая рука
Меня въ сей бой на гибель привела... Почто
Не на брегу моей Саверны я теперь,
Въ дому родительскомъ, гдѣ матерь я покинулъ

Въ печали, гдѣ моя цвѣтущая невѣста?

(Іоанна является вдали на утесъ, освѣщенная пламенемъ пожара).

О страхъ!... Что вижу я?... Ужасная идетъ:
Изъ пламени, сіяя грозно, поднялась
Она, какъ мрачное страшилище изъ ада...
Куда спасусь?... За мною огненныя очи
Ужъ погнались; уже бросаетъ на меня
Издалека неизбѣжимыхъ взоровъ сѣть;
Я чувствую, уже волшебный узелъ мнѣ
Опуталъ ноги; я прикованъ къ мѣсту, силы
Для бѣгства нѣтъ; я принужденъ—хоть вся душа
Противится—смотрѣть на смертоносный образъ.

(Іоанна дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и опять останавливается).

Подходитъ... Буду ль ждать, чтобъ грозная ко мнѣ
Приблизилась?... Моля о жизни, обниму
Ея колѣна; можетъ быть, ее смягчу;
Въ ней сердце женщины; слезамъ она доступна.

(Хочетъ итти къ ней навстрѣчу; Іоанна быстрыми шагами къ нему подступаетъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Монгомери. Іоанна.

ІОАННА.

Стой! ты погибъ; британка жизнь тебѣ дала.

МОНГОМЕРИ *(падаетъ предъ нею на колѣни).*

Помедли, грозная; не опускай руки
На беззащитнаго; я бросилъ мечъ и щитъ;
Я предъ тобой обезоруженный, въ слезахъ;
Оставь мнѣ свѣтъ прекрасной жизни; мой отецъ
Богатъ помѣстьями въ цвѣтущей сторонѣ
Валлійской, гдѣ Саверна по густымъ лугамъ
Катитъ веселый свой потокъ; тамъ много нивъ
Обильныхъ у него; и злато и сребро
Онъ дастъ, чтобъ выкупить единственнаго сына,
Когда къ нему дойдетъ молва его неволи.

ІОАННА.

Обманутый, погибшій, въ руку дѣвы ты
Въ неумолимую достался; изъ нея
Ни избавленія, ни выкупа ужъ нѣтъ;
Когда бъ у крокодила ты во власти былъ,
Когда бъ ты трепеталъ подъ тяжкой лапой тигра,
Или дѣтей младыхъ у львицы истребилъ—
Тебѣ осталась бы надежда на пощаду.
Но встрѣча съ дѣвою смертельна... Я вступила
Съ могуществомъ, нездѣшнимъ, строгимъ, недоступнымъ,
Навѣкъ въ связующій-ужасно договоръ:
Все умерщвлять мечемъ, что мнѣ сраженій Богъ
Живущее пошлетъ на встрѣчу роковую.

МОНГОМЕРИ.

Ужасна рѣчь твоя, но взоръ твой ясно-тихъ;
И, зримая вблизи, уже ты не страшна;
Всю душу мнѣ плѣнилъ твой милый, кроткій ликъ...
Ахъ! женской прелестью и нѣжностью твоей
Молю тебя: смягчись надъ младостью моею.

ІОАННА.

Не уповай на нѣжный полъ мой; не зови
Меня ты женщиной. Подобно безтѣлеснымъ
Духамъ, не знающимъ земного сочетанья,
Не пріобщаюсь я породѣ человѣка.
Престань молить... подъ этой броней сердца нѣтъ.

МОНГОМЕРИ.

Душевластительнымъ, святымъ любви закономъ,
Передъ которымъ все смиряется, молю:
Смягчись; на родинѣ меня невѣста ждетъ,
Прекрасная, какъ ты, въ прекрасномъ цвѣтѣ жизни;
И ждетъ она возврата моего въ печали.
О! если ты сама любовь знавала, если
Ждешь счастья отъ любви — не разрывай жестоко
Двухъ сочетавшихся любовію сердецъ.

ІОАННА.

Ты именуешь здѣсь боговъ земныхъ и чуждыхъ,
Нечтимыхъ мной и мной отверженныхъ: вотще
Зовешь любовь, не знаю я объ ней, и вѣчно
Моя душа не будетъ знать ея закона.
Готовься жизнь оборонять—твой часъ насталъ.

МОНГОМЕРИ.

Увы! смягчись моихъ родителей судьбою;
Они ждутъ сына... о своихъ ты вспомни, вѣрно
И день и ночь тоскуютъ по тебѣ.

ІОАННА.

Несчастный! ты родителей напомнилъ мнѣ.
Но сколько здѣсь отъ васъ безчадныхъ матерей!
И сколько чадъ осиротѣлыхъ, и невѣстъ,
Безбрачно овдовѣвшихъ!.. Пусть теперь узнаютъ
И матери британскія, какъ тяжко тратить
Надежду жизни милыхъ чадъ! пусть ваши вдовы
Поймутъ, что значитъ скорбь по милымъ невозвратнымъ.

МОНГОМЕРИ.

Увы! погибну ли на чужѣ, не оплаканъ?

ІОАННА.

Но кто васъ звалъ въ чужую землю — истреблять
Цвѣтущее богатство нивъ, насъ изъ домовъ
Семейныхъ выгонять и пламенникъ войны
Вносить въ спокойное святилище градовъ?..
Мечтали вы, въ надменности души своей,
Свободнодышущимъ французамъ дать неволю,
И Францію великую, какъ челнъ покорный
Пустить во слѣдъ за вашимъ гордымъ кораблемъ...
О, вы безумцы! нашъ державный гербъ прибитъ
Къ престолу Бога; легче вамъ сорвать звѣзду
Съ небесъ, чѣмъ хижину единую похитить
У Франціи нераздѣлимо-вѣчной... Часъ
Возмездія ударилъ; ни одинъ живой
Не проплыветъ въ обратный путь святаго моря,
Сей грани, Божествомъ уставленной межъ нами,
Которую безумно вы переступили.

МОНГОМЕРИ *(опускаетъ ея руку)*.

И такъ погибнуть, смерть ужасную увидѣть?..

ІОАННА.

Умри, другъ... и зачѣмъ такъ робко трепетать
Предъ смертію, предъ неизбѣжною?.. Смотри,
Кто я? Простая дѣва; бѣдною пастушкой
Родилась я; и мечъ былъ чуждъ моей рукѣ,
Привыкнувшей носить невинно-легкій посохъ...
Но вдругъ, отъятая отъ пажитей домашнихъ,
Отъ груди милаго отца, отъ милыхъ сестръ,
Я здѣсь должна... *должна*—не выборъ сердца, голосъ
Небесъ меня влечетъ—на гибель вамъ, себѣ
Не въ радость, призракомъ карающимъ бродить,
Носить повсюду смерть, потомъ... быть жертвой смерти.
И не взойдетъ мнѣ день свиданія съ семьею;
Еще для многихъ васъ погибельна я буду;
И много сотворю вдовицъ; но наконецъ
Сама погибну... и свершу свою судьбу.
Сверши жъ свою и ты... берись за бодрый мечъ,
И бой начнемъ за милую добычу жизни.

МОНГОМЕРИ *(встаетъ)*.

Итакъ, когда ты смертная, когда мечу
Подвластна, какъ и мы,—сразимся; мнѣ, быть можетъ,
За Англію назначено тебѣ отмстить.
Я жребій свой кладу въ святую руку Бога;
А ты, призвавъ на помощь весь свой страшный адъ,
Отступница, дерись со мной на жизнь и смерть.

(Схватываетъ мечъ и щитъ и нападаетъ на нее. Вдали раздается военная музыка. Чрезъ нѣсколько минутъ Монгомери падаетъ).

ІОАННА.

Твой рокъ привелъ тебя ко мнѣ... прости, несчастный!

(Отходитъ отъ него и останавливается въ размышленіи).

О, Благодатная! что ты творишь со мною?
Ты невоинственной рукѣ даруешь силу;
Неумолимостью вооружаешь сердце;
Тѣснится жалость въ душу мнѣ; рука, готовясь
Сразить живущее созданіе, трепещетъ,
Какъ будто храмъ божественный ниспровергая;
Одинъ ужъ блескъ изъятаго меча мнѣ страшенъ...
Но только повелитъ мой долгъ—готова сила;
И неизбѣжный мечъ, какъ нѣкій духъ живой,
Владычествуетъ самъ трепещущей рукой.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ІОАННА. РЫЦАРЬ *съ опущеннымъ забраломъ*.

РЫЦАРЬ.

Ты здѣсь, отступница... Твой часъ ударилъ;
Тебя давно ищу на полѣ ратномъ;
Страшилище, созданье сатаны,
Исчезни; въ адъ сокройся, призракъ адскій.

ІОАННА.

Кто ты?.. Тебя послалъ не добрый ангелъ
На встрѣчу мнѣ... по виду, не простой
Ты ратникъ; мнится мнѣ, ты не британецъ;

Бургундскій гербъ ты носишь на щитѣ,
И мечъ мой самъ склонился предъ тобою.

РЫЦАРЬ.

Проклятая! не княжеской рукѣ
Тебя бы поразить: подъ топоромъ
Презрѣннымъ палача должна бы ты
На плахѣ умереть—не съ честью пасть
Подъ герцогскимъ Бургундіи мечемъ.

ІОАННА.

Итакъ, ты самъ державный этотъ герцогъ?

РЫЦАРЬ *(поднимая забрало)*.

Я!... Трепещи, конецъ твой наступилъ;
Теперь тебѣ не въ помощь чародѣйство;
Лишь робкихъ ты досель одолѣвала—
Мужъ твердый ждетъ тебя...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же. Дюнуа. Ля Гиръ.

ДЮНУА.

Постой, Филиппъ;
Не съ дѣвами, но съ рыцарями бейся;
Мы защищать пророчицу клялися;
Намъ прежде грудь пронзить твой долженъ мечъ.

ГЕРЦОГЪ.

Я не страшусь ни хитрой чародѣйки,
Ни васъ, рабовъ презрѣнныхъ чародѣйства.
Стыдися, Дюнуа; краснѣй, Ля Гиръ;
Унизили вы рыцарскую храбрость;
Вы санъ вождей на санъ оруженосцевъ
Отступницы коварной промѣняли...
Я жду васъ, бьемся... Тотъ въ защитѣ Бога
Отчаялся, кто адъ зоветъ на помощь.
(Обнажаютъ мечи).

ІОАННА *(становится между ними)*.

Стой!

ГЕРЦОГЪ.

Прочь!

ІОАННА.

Ля Гиръ, останови ихъ. Нѣтъ!
Не должно здѣсь французской литься крови;
И не мечемъ рѣшить сей споръ; иное
На небесахъ назначено; я говорю,
Остановитесь; мнѣ внемлите; духу
Покорствуйте, гласящему во мнѣ.

ДЮНУА.

Зачѣмъ ты мой удерживаешь мечъ?
Онъ дать готовъ кровавое рѣшенье;
Готовъ упасть карательный ударъ,
Отмщающій отечества обиду.

ІОАННА.

Ни слова, Дюнуа... Ля Гиръ, умолкни.
Я съ герцогомъ Бургундскимъ говорю.
(Всѣ молчатъ).
Что дѣлаешь, Филиппъ? И на кого
Ты обнажилъ убійства жадный мечъ?
Сей Дюнуа—сынъ Франціи, какъ ты;
Сей храбрый—твой землякъ и сослуживецъ;
И я сама—твоей отчизны дочь!
Всѣ мы, которыхъ ты обрекъ на гибель,
Принадлежимъ тебѣ, тебя готовы
Принять въ объятія, склонить колѣна
Передъ тобой почтительно желаемъ,
И для тебя нашъ мечъ безъ острія.
Въ твоемъ лицѣ, подъ самымъ вражьимъ шлемомъ,
Мы зримъ черты любимаго монарха.

ГЕРЦОГЪ.

Волшебница, ты жертву обольстить
Приманкою сладкорѣчивой мыслишь;
Но не меня тебѣ поймать; мой слухъ
Оборененъ отъ сѣти словъ коварныхъ;
Твоихъ очей пылающія стрѣлы
Отъ твердыхъ латъ души моей отпрянутъ...
Что медлишь, Дюнуа? Сразимся; биться
Оружіемъ должны мы, не словами.

ДЮНУА.

Сперва слова, потомъ удары, стыдно
Бояться словъ; не та же ль это робость,
Свидѣтельство неправды?

ІОАННА.

Насъ не крайность
Влечетъ къ твоимъ стопамъ и не пощады
Съ покорностью мы просимъ... оглянись!
Британскій станъ лежитъ въ кровавомъ пеплѣ,
И поле все покрыли ваши трупы;
Ты всюду громъ трубы французской внемлешь...
Всевышній произнесъ: побѣда наша!
Но лаврами прекраснаго вѣнца
Съ тобою мы готовы подѣлиться...
О! возвратись; врагъ милый, перейди
Туда, гдѣ честь, гдѣ правда и побѣда.
Небесъ посланница, сама я руку
Тебѣ даю; спасительно хочу я
Тебя увлечь въ святое наше братство;
Господь за насъ! всѣ ангелы Его—
Ты ихъ не зришь—за Францію воюютъ;
Лилеями увѣнчаны они;
И бѣлизнѣ сей чистой орифламмы
Подобится святое наше дѣло;
Его символъ: Божественная Дѣва.

ГЕРЦОГЪ.

Прельстительны слова коварной лжи—
Ея жъ языкъ простой языкъ младенца,
И адскій духъ, вселившійся въ нее,
Невинности небесной подражаетъ.

Нѣтъ! страшно ей внимать... Къ чему! мой слухъ,
Я чувствую, слабѣй моей руки.

ІОАННА.

Ты мнишь, что я волшебница, что адъ
Союзникъ мой... не развѣ миротворство,
Прощеніе обидъ, есть дѣло ада?
Согласіе ль изъ тьмы его исходитъ?
Что жъ человѣчески-прекраснѣй, чище
Святой борьбы за родину? Давно ли
Сама съ собой природа въ спорѣ, небо
Съ неправой стороны и адъ за правду?
Когда же то, что я сказала, *свято*,—
Кто могъ внушить его мнѣ, кромѣ неба?
Кто могъ сойти ко мнѣ въ мою долину,
Чтобы душѣ неопытной открыть
Великую властителей науку?
Я предъ лицомъ монарховъ не бывала.,
Языкъ мой чуждъ искусству словъ... но что же?
Теперь тебя должна я убѣдить—
И умъ мой свѣтелъ, зрю дѣла земныя;
Судьба державъ, народовъ и царей
Ясна душѣ младенческой моей;
Мои слова, какъ стрѣлы громовыя.

ГЕРЦОГЪ (*смотритъ на нее съ изумленіемъ*).

Что я? и что со мной?... Какая сила
Мой смутный духъ внезапно усмирила?...
Обманчивъ ли сей трогательный видъ?
Нѣтъ! чувствую, не адскій обольститель
Меня влечетъ; мнѣ сердце говоритъ:
Съ ней Богъ, она небесъ благовѣститель.

ІОАННА.

Онъ тронутъ... такъ, онъ тронутъ; не напрасно
Молила я... лицо его безгнѣвно!
Его глаза миролюбиво-ясны...
Скорѣй... покинуть мечъ... и сердце къ сердцу!
Онъ плачетъ! онъ смиряется... онъ нашъ!

(*И мечъ и знамя выпадаютъ изъ рукъ ея; она бѣжитъ къ герцогу, обнимаетъ его въ сильномъ движеніи; Ля Гиръ и Дюнуа бросаютъ мечи и стремятся въ объятія герцога*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Дворецъ короля Карла въ Шалонѣ на Марнѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дюнуа. Ля Гиръ.

ДЮНУА.

Мы вѣрные друзья и сослуживцы,
Мы за одно вооружились дѣло.
Бѣды и смерть дѣлили дружно мы.
Уже ль теперь любовь разлучитъ насъ,
Превратною судьбой неразлученныхъ?

ЛЯ ГИРЪ.

Принцъ, выслушай.

ДЮНУА.

Ля Гиръ, ты любишь дѣву;
И тайный твой мнѣ замыселъ извѣстенъ.
Я знаю, ты пришелъ сюда просить
У короля Іоанниной руки.
Не можетъ быть, чтобъ храбрости твоей
Онъ отказалъ въ наградѣ заслуженной;
Но знай, Ля Гиръ, чтобъ ею обладать,
Сперва со мной...

ЛЯ ГИРЪ.

Спокойся, Дюнуа.

ДЮНУА.

Не блескомъ я минутной красоты,
Какъ юноша кипящій, очарованъ;
Любви моя упорная душа,
До встрѣчи съ сей чудесною, не знала;
Но здѣсь она, предъизбранная Богомъ
Избавить Францію, моя невѣста;
И ей моя душа при первой встрѣчѣ
Любовію и клятвой отдалася.
Могущій мужъ могущую подругу
Сопутникомъ житейскимъ избираетъ;
Я сильную, пылающую грудь
Хочу прижать ко груди равносильной.

ЛЯ ГИРЪ.

Не мнѣ съ тобой достоинствомъ равняться,
Не мнѣ съ твоей великой славой спорить;
Съ кѣмъ Дюнуа идетъ въ единоборство,
Покорно тотъ безъ боя отступи.
Но вспомни, кто она: дочь земледѣльца.
Приличенъ ли тебѣ такой союзъ?
Кто твой отецъ? и съ кровью королей
Смѣшается ль простая кровь пастушки?

ДЮНУА.

Она небесное дитя святой
Природы, какъ и я; равны мы саномъ.
И принцу ли безславно руку дать
Ей, ангеловъ невѣстѣ непорочной?
Блистательнѣй земныхъ коронъ сіяютъ
Лучи небесъ кругомъ ея главы;—

Невидимы, ничтожны и презрѣнны
Предъ нею всѣ величія земли;
Поставьте тронъ на тронъ, до самыхъ звѣздъ
Воздвигнитесь... но все вамъ не достигнуть
Той высоты, на коей предстоитъ
Намъ въ ангельскомъ величествѣ она.

ЛЯ ГИРЪ.

Пускай рѣшитъ король.

ДЮНУА.

Нѣтъ! ей одной
Рѣшить. Она свободу намъ спасла—
Пускай сама останется свободна.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. Король. Дю Шатель. Шатильонъ. Агнеса.

ЛЯ ГИРЪ.

Вотъ и король.

КОРОЛЬ *(къ Шатильону).*

Онъ будетъ? Онъ готовъ
Меня признать и дать обѣтъ подданства?

ШАТИЛЬОНЪ.

Такъ, государь; въ Шалонѣ всенародно
Желаетъ пасть Филиппъ, Бургундскій герцогъ,
Къ твоимъ стопамъ; и мнѣ онъ повелѣлъ
Привѣтствовать тебя какъ короля,
Законнаго владыку своего;
За мною вслѣдъ онъ скоро самъ здѣсь будетъ.

АГНЕСА.

Онъ близко, день стократъ благословенный!
Желанный день согласія и мира!

ШАТИЛЬОНЪ.

Съ нимъ двѣсти рыцарей; передъ тобой
Готовъ склонить свои колѣна герцогъ:
Но мыслитъ онъ, что ты того не стерпишь,
И родственно прострешь ко брату руки.

КОРОЛЬ.

Моя душа летитъ къ нему на встрѣчу.

ШАТИЛЬОНЪ.

Желаетъ онъ, чтобъ о враждѣ минувшей
Не поминать при первой вашей встрѣчѣ.

КОРОЛЬ.

Минувшее на вѣки позабыто;
Лишь ясные—дни въ будущемъ я вижу.

ШАТИЛЬОНЪ.

За всѣхъ своихъ ходатайствуетъ герцогъ:
Прощеніе безъ исключенья всѣмъ.

КОРОЛЬ.

Всѣмъ! всѣмъ! они опять мое семейство!

ШАТИЛЬОНЪ.

Не исключать и королевы, если
На миръ съ тобой она согласна будетъ.

КОРОЛЬ.

Не я воюю съ ней, она со мною;
Конецъ враждѣ, когда ей миръ угоденъ.

ШАТИЛЬОНЪ.

Двѣнадцать рыцарей залогомъ мира.

КОРОЛЬ.

Мнѣ слово свято.

ШАТИЛЬОНЪ.

Пусть архіепископъ
Предъ алтаремъ присягой обоюдной
Спасительный союзъ сей утвердитъ.
(Посмотрѣвъ на Дю Шателя).
Здѣсь есть одинъ... присутствіемъ своимъ
Онъ возмутитъ свиданья сладость.
(Дю Шатель удаляется молча).

КОРОЛЬ.

Другъ,
Поди; пускай смиритъ Филиппа время;
Дотоль его присутствія чуждайся.
(Смотритъ за нимъ вслѣдъ, потомъ бѣжитъ къ нему и обнимаетъ его).
О, вѣрный другъ, ты болѣе хотѣлъ
За мой покой на жертву принести.

ШАТИЛЬОНЪ *(подавая свитокъ)*

Здѣсь прочія означены статьи.

КОРОЛЬ.

Все напередъ безспорно утверждаю.
Что дорого за друга?—Дюнуа,
Возьми съ собой сто рыцарей избранныхъ
И къ герцогу съ привѣтствіемъ спѣши.
Должны надѣть зеленые вѣнки
Солдаты всѣ для встрѣчи братьевъ; городъ
Торжественно убрать, и звонъ
Колоколовъ пускай провозгласитъ,
Что Франція съ Бургундіей мирится.
Но что?.. Трубятъ!

(Звукъ трубы).

ПАЖЪ *(вбѣгая поспѣшно).*

Бургундскій герцогъ въ городъ.
Вступаетъ.

ДЮНУА.

Рыцари, къ нему на встрѣчу!
(Уходитъ съ Ля Гиромъ и Шатильономъ).

КОРОЛЬ.

Агнеса, плачешь?.. Ахъ! и у меня
Нѣтъ силъ для этой радостной минуты;
Сколь много жертвъ досталось смерти прежде,
Чѣмъ мирно мы увидѣться могли.
Но стихнула свирѣпость бури; день
Смѣнилъ ночную тьму; настанетъ время,
И намъ плоды прекрасные созрѣютъ.

АРХІЕПИСКОПЪ *(смотря въ окно).*

Народъ со всѣхъ сторонъ; и нѣтъ ему
Дороги; на рукахъ его несутъ,
Сорвавъ съ коня; цѣлуютъ платье, шпоры...

КОРОЛЬ.

О добрый мой народъ! огонь во мщеньи!
Огонь въ любви!... Какъ скоро, примиренный,
Онъ позабылъ, что этотъ самый герцогъ
Его отцовъ и чадъ убійцей былъ.
Всю жизнь одна минута поглощаетъ.
Агнеса, укрѣпись; восторгъ твой сильный
Его душѣ быть можетъ укоризной;
Чтобъ здѣсь ничто его не оскорбляло.

ЯВЛЕНІЕ III.

Герцогъ Бургундскій. Дюнуа. Ля Гиръ. Шатильонъ. *Два* рыцаря *изъ свиты герцога и* прежніе. *Герцогъ останавливается въ дверяхъ; король дѣлаетъ движеніе, чтобы къ нему подойти, но герцогъ его предупреждаетъ; онъ хочетъ преклонить колѣна; но король принимаетъ его въ объятія.*

КОРОЛЬ.

Ты насъ предупредилъ; тебѣ навстрѣчу
Хотѣли мы; твои кони крылаты.

ГЕРЦОГЪ.

Они къ стопамъ монарха моего
Несли меня...
(Увидя Агнесу).
Прекрасная Агнеса,
Вы здѣсь?... Позвольте мнѣ обычай нашъ
Аррасскій сохранить; въ моемъ краю
Прекрасный полъ ему не прекословитъ.
(Цѣлуетъ ее въ лобъ).

КОРОЛЬ.

Молва идетъ, что твой блестящій дворъ
Учтивостью обычаевъ отличенъ,
Что онъ любви и красоты столица.

ГЕРЦОГЪ.

Васъ, государь, молва не обманула;
Моя земля отечество красавицъ.

КОРОЛЬ.

Но про тебя молва гласитъ иное:
Что будто ты въ любви непостояненъ,
И вѣрности не вѣришь.

ГЕРЦОГЪ.

Государь,
Невѣріемъ невѣрный и наказанъ;
Заранѣ вы постигли сердцемъ то,
Что поздно мнѣ открыто бурной жизнью.
(Увидя архіепископа, подаетъ ему руку).
Вы здѣсь, отецъ; вы вѣчно тамъ, гдѣ честь.
Благословите; кто васъ хочетъ встрѣтить,
Тотъ праведной стези не покидай.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Благодарю Всевышняго! я радость
Вкусилъ вполнѣ, и свѣтъ готовъ покинуть:
Мои глаза прекрасный день сей зрѣли.

ГЕРЦОГЪ *(Агнесѣ).*

До насъ дошло, что всѣ свои алмазы
Вы отдали, дабы сковать изъ нихъ
Оружіе противъ меня... ужели
Вамъ такъ была нужна моя погибель?
Но споръ нашъ конченъ; все должно найтись,
Что въ немъ утрачено; алмазы ваши
Нашлись; войнѣ вы жертвовали ими—
Ихъ отъ меня примите знакомъ мира.
(Беретъ у одного изъ пришедшихъ съ нимъ ларчикъ и подаетъ его Агнесѣ; она смотритъ въ недоумѣніи на короля).

КОРОЛЬ.

Возьми; то мнѣ залогъ, вдвойнѣ священный,
Прекрасныя любви и примиренья.
(Агнеса плачетъ; король тронутъ; всѣ смотрятъ на нихъ съ чувствомъ).

ГЕРЦОГЪ *(посмотря на всѣхъ, бросается въ объятія къ королю).*

О, государь,
(Въ эту минуту три бургундскіе рыцаря бѣгутъ къ Дюнуа, Ля Гиру и архіепископу и обнимаютъ ихъ. Герцогъ нѣсколько минутъ держитъ короля въ объятіяхъ).
И васъ я могъ отречься?
И вамъ я недругъ былъ?

КОРОЛЬ.

Молчи! ни слова!

ГЕРЦОГЪ.

Я могъ врага вѣнчать короной вашей,
Пришельцу дать обѣтъ подданства, гибель
Законному монарху приготовить!

КОРОЛЬ.

Спокойся; все забыто; этотъ мигъ
Всему, всему замѣна; то была
Судьба или враждебная звѣзда.

КОРОЛЬ.

Заглажу все; повѣрьте, все заглажу;
И вамъ за всѣ страданія воздамъ;
Вся Франція во власти вашей будетъ;
Ни одного села имъ не похитить.

КОРОЛЬ.

Въ союзѣ мы—какой же врагъ опасенъ?

ГЕРЦОГЪ.

О вѣрьте, я спокоенъ сердцемъ не былъ,
Воюя противъ васъ. Когда бъ вы знали...
(Указывая на Агнесу).

Но для чего жъ ее вамъ не прислать?
Ея слезамъ кто бъ могъ не покориться?
Теперь всему конецъ; самъ адъ не властенъ
Насъ разлучить, прижавшихъ сердце къ сердцу;
Узналъ свое теперь я мѣсто; здѣсь,
При васъ свое я странничество кончилъ.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Въ союзѣ вы—и Франція, какъ фениксъ,
Подымется изъ пепла своего;
Загладится войны кровавый слѣдъ;
Сожженныя селенья, города
Блистательнѣй возстанутъ изъ развалинъ,
И жатвою поля зазеленѣютъ.
Но падшіе раздора жертвой—ихъ
Уже не воскресить! и слезы, въ вашей
Враждѣ пролитыя, пролиты *были*
И *будутъ*; расцвѣтетъ *другое* племя,
Но *прежнее* все жертвой бѣдъ увяло...
Пробудятся ль отцы для счастья внуковъ?
Таковъ раздора плодъ: для васъ, монархи,
Урокъ сей; божество меча ужасно;
Его могущества не испытуйте; разъ
Исторгнувшись съ войной, оно уже—
Какъ соколъ, съ вышины на крикъ знакомый
Слетающій къ стрѣлку—не покорится
Напрасному призванью человѣка;
И не всегда къ намъ во-время, какъ нынѣ,
Спасеніе небесное нисходитъ.

ГЕРЦОГЪ.

О государь! при васъ небесный ангелъ.
Но гдѣ жъ она? Что медлитъ?...

КОРОЛЬ.

Гдѣ Іоанна?
Почто въ торжественно-счастливый мигъ
Не видимъ мы создательницы счастья?

АРХІЕПИСКОПЪ.

Ея душѣ противенъ, государь,
Веселый блескъ роскошнаго двора.
Когда ее гласъ Божій не стремитъ
Въ среду людей, застѣнчиво она
Скрывается отъ взоровъ любопытныхъ;
Какъ скоро нѣтъ заботы ей о благѣ
Отечества—она въ бесѣдѣ съ Богомъ;
И всюду съ ней Его благословенье.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ. ІОАННА, *въ панцырѣ, но безъ шлема; на головѣ ея вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ.*

КОРОЛЬ.

Іоанна, ты священницей пришла
Благословить тобою утвержденный
Союзъ.

ГЕРЦОГЪ.

Ужасна ты была въ сраженьи;
Но сколь мила въ спокойной красотѣ!
Іоанна, я исполнилъ свой обѣтъ;
Довольна ль мною ты?

ІОАННА.

Себя, Филиппъ,
Возвысилъ ты смиреніемъ своимъ.
Доселѣ намъ въ пожарномъ блескѣ брани
Являлся ты кометой бѣдоносной:
И благостью теперь ты намъ сіяешь.
(Осматриваясь).
Всѣ рыцари въ торжественномъ собраньи;
И свѣтлая горитъ въ очахъ ихъ радость;
Лишь одного несчастнаго я зрѣла...
Тоскуетъ онъ при общемъ торжествѣ.

ГЕРЦОГЪ.

Кто онъ? Какимъ тяжелымъ преступленьемъ
Обремененъ, чтобъ милости не вѣрить?

ІОАННА.

Дерзнетъ ли онъ приблизиться? Скажи,—
И онъ у ногъ твоихъ. О! доверши
Прекрасный подвигъ твой; нѣтъ примиренія,
Когда душа не вся еще свободна!
Отравой намъ цѣлебное питье,
Когда въ святомъ мирительномъ сосудѣ
Хотя одна есть ненависти капля.
Не можетъ быть обиды столь кровавой,
Чтобъ ты ее въ сей день не позабылъ.

ГЕРЦОГЪ.

Я понимаю.

ІОАННА.

Такъ! и ты простишь;
Не правда ль, другъ?... Войди же, Дю Шатель;
Своихъ враговъ всѣхъ милуетъ Филиппъ;
И ты прощенъ.

ГЕРЦОГЪ.

Что дѣлаешь со мною,
Іоанна?... Знаешь ли, чего ты просишь?

ІОАННА.

Привѣтливо, безъ исключенья, всѣхъ
Зоветъ въ свой домъ гостепріимецъ добрый;
Какъ небеса вселенную свободно,
Такъ друга и врага объемлетъ милость;
Безъ выбора, повсюду блескомъ равнымъ
Въ неизмѣримости сіяетъ солнце;
Всѣмъ жаждущимъ растеніямъ равно
Даетъ свою живую росу небо;
На всѣхъ, для всѣхъ, добро нисходитъ свыше.

ГЕРЦОГЪ.

Не властенъ я упорствовать предъ нею;
Моя душа въ рукахъ ея, какъ воскъ...
Приблизься, Дю Шатель... Не оскорбись,
О тѣнь отца, что руку я свою
Въ сразившую тебя влагую руку;

Не оскорбитеся, вы, боги смерти,
Что измѣнилъ я страшной клятвѣ мщенья;
У васъ, во тьмѣ подземнаго покоя,
Не бьется сердце; тамъ все вѣчно, все
Неизмѣняемо... но все иное
Здѣсь на землѣ, подъ яснымъ блескомъ солнца;
Здѣсь человѣкъ, живымъ влекомый чувствомъ,
Игралище всесильнаго мгновенья.

КОРОЛЬ (*Іоаннѣ*).

О! какъ тебя благодарить, Іоанна?
Прекрасно ты свершила свой обѣтъ;
Ты всю мою судьбу преобразила:
Мои друзья со мной примирены,
Мои враги низринуты во прахъ,
У хищника мои отняты земли,
И все тобой... Что дамъ тебѣ въ награду?

ІОАННА.

Будь въ счастьи человѣкъ, какъ былъ въ несчастьи:
На высотѣ величія земного
Не позабудь, что значитъ другъ въ бѣдѣ:
То испыталъ ты въ горькомъ униженьи;
Къ бѣднѣйшему въ народѣ правосуднымъ
И милостивымъ будь: изъ бѣдной кущи
Тебѣ извелъ спасительницу Богъ...
Вся Франція твою признаетъ власть;
Ты праотцемъ владыкъ великимъ будешь:
Потомки отъ тебя своею славой
Затмятъ твоихъ предшественниковъ славу;
И родъ твой будетъ цвѣсть, доколь любовь

Онъ сохранитъ къ себѣ въ душѣ народа;
Лишь гордостью погибнуть можетъ онъ;
И въ низкой хижинѣ, откуда нынѣ
Спаситель вышелъ твой, таится грозно
Для правнуковъ виновныхъ истребленье.

ГЕРЦОГЪ.

Пророчица, наставленная небомъ,
Когда тебѣ въ грядущемъ тайны нѣтъ,
Скажи и мнѣ о племени моемъ:
Продлится ли величіе его?

ІОАННА.

Филиппъ, я зрю тебя во блескѣ, въ силѣ;
Близъ трона ты, и выше гордый духъ
Стремится возлетѣть; подъ облака
Онъ смѣлое свое возноситъ зданье;
И сильная рука изъ высоты
Строеніе гордыни остановитъ...
Но не страшись, не рушится твой домъ;
Онъ дѣвою для славы сохранится;
И скиптроносные монархи, сильныхъ
Народовъ пастыри, отъ ней родятся;
Могущіе они съ двухъ славныхъ троновъ
Дадутъ законъ и знаемому свѣту
И новому, сокрытому Всевышнимъ
Еще за мглой морей непереплытыхъ.

КОРОЛЬ.

О! если духъ открылъ тебѣ, повѣдай:
Сей дружескій, спасительный союзъ—
Продлится ль онъ, чтобы и внукамъ нашимъ,
Какъ намъ, благотворить?

ІОАННА *(помолчавъ)*.

Владыки міра,
Страшитеся раздора; не будите
Вражды въ ея ужасномъ логовищѣ;
Разсвирѣпѣвъ, не стихнетъ; отъ нея
Ужасное родится поколѣнье;
Она пожаръ пожаромъ зажигаетъ...
Но я молчу... Спокойно въ настоящемъ
Ловите счастіе, а мнѣ оставьте
Грядущее безмолвіемъ закрыть.

АГНЕСА.

Іоанна, ты въ душѣ моей читаешь;
Ты вѣдаешь, хочу ль мірскихъ величій...
Скажи и мнѣ пророческое слово.

ІОАННА.

Небесный духъ являетъ мнѣ одну
Великую всемірнаго судьбину...
Твоя жъ судьба въ твоей душѣ таится.

ДЮНУА.

Но что жъ тебѣ самой назначилъ Богъ?
Откройся намъ, небесная. О! вѣрно
Тебя ждетъ лучшее земное счастье,
Въ награду за твое смиренье.

ІОАННА *(задумчиво и смиренно показавъ на небо)*.

Счастье—
На небесахъ у Вѣчнаго Отца.

КОРОЛЬ.

Повѣрь его монарху твоему;
И почтено твое да будетъ имя
Во Франціи; пускай тебѣ дивятся
Позднѣйшіе потомки... да свершится
Теперь же долгъ мой; на колѣна!
(Іоанна становится на колѣни; король вынимаетъ мечъ и прикасается имъ къ ней).

Симъ
Прикосновеніемъ меча, Іоанна,
Король тебѣ даруетъ благородство;
Возстань, твоя возвышена порода,
И самый прахъ отцовъ твоихъ прославленъ;
Лилея Франціи твой гербъ; знатнѣйшимъ
Отнынѣ будь равна высокимъ саномъ;
Твоя рука будь первому изъ первыхъ
Великою наградой; мнѣ жъ оставь
Тебѣ найти достойнаго супруга.

ДЮНУА.

Моя она; ее и въ низкой долѣ
Я выбралъ сердцемъ—честь не возвышаетъ
Моей любви, ни доблести ея;
Передъ лицомъ монарха моего, я
Въ присутствіи святого мужа церкви,
Готовъ ее наречь моей супругой,
Готовъ подать ей княжескую руку,
Когда мой даръ принять благоволитъ.

КОРОЛЬ.

Неизъяснимая, за чудомъ чудо
Творишь ты... Такъ, я вѣрю, для тебя
Возможно все; ты въ этомъ гордомъ сердцѣ,
Любовію досель непобѣжденномъ,
Любовь произвела.

ЛЯ ГИРЪ.

Краса Іоанны
Есть кроткое души ея смиренье;
Она всего великаго достойна—
Но чужды ей и гордыя желанья,
И почестей блестящая ничтожность;
Простой удѣлъ, любовь простого сердца
Съ моей рукой я предлагаю ей...

КОРОЛЬ.

И ты, Ля Гиръ? Два равныхъ предъ тобою
Соперника по мужеству и сану,
Іоанна... ты враговъ со мной сдружила,
Мой тронъ возвысила; ужель теперь
Меня лишишь друзей моихъ вѣрнѣйшихъ?
Для одного награда; но достойны
Равно награды оба; отвѣчай.

АГНЕСА.

Ея душа внезапностью смутилась,
И дѣвственнымъ стыдомъ она краснѣетъ.
О! дайте ей спроситься съ сердцемъ, тайну
Съ подругой вѣрной раздѣлить, и душу
Передо мной открыть непринужденно;
Теперь мой часъ; какъ нѣжная сестра,
Приблизиться могу я къ строгой дѣвѣ,

Чтобъ женское съ заботливостью женской
Размыслить вмѣстѣ съ ней. Оставьте насъ
Рѣшить наединѣ.

КОРОЛЬ.

Пойдемъ.

ІОАННА.

Постойте;
Нѣтъ, государь, мои пылаютъ щеки
Не пламенемъ смятеннаго стыда:
И то, что я могу сказать ей втайнѣ,
То я скажу и предъ лицомъ мужей...
О, рыцари! своимъ избраньемъ вы
Великую мнѣ дѣлаете честь;
Но развѣ я для суетныхъ величій
Покинула отеческую паству?
Для брачнаго ль вѣнца я грудь младую
Одѣла въ сталь и панцырь боевой?
Нѣтъ, призвана я къ подвигу иному;
Лишь чистою свершится дѣвой онъ;
Я на землѣ воительница Бога;
Я на землѣ супруга не найду.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Быть на землѣ сопутницей супруга
Есть жребій женщины: храня законъ
Природы, Божеству она угодна;
И, совершивъ указанное небомъ
Тебя пославшимъ въ бой, ты броню скинешь,
Ты перейдешь къ судьбѣ своей смиренной,
Покинутой для браннаго меча;
Не дѣвственной рукѣ имъ управлять.

ІОАННА.

Святой отецъ, еще не знаю я,
Куда меня пошлетъ могущій духъ;
Придетъ пора, и онъ не промолчитъ,
И покорюсь тогда его велѣнью;
Теперь же онъ велитъ начатый подвигъ
Свершить: еще монархъ мой не увѣнчанъ;
Еще елей главы его избранной
Не освятилъ; еще онъ не король.

КОРОЛЬ.

Но мы идемъ стезей прямою къ Реймсу.

ІОАННА.

И медлить намъ не должно; врагъ повсюду;
Дорогу намъ онъ мыслитъ заградить;
Но сквозь него промчу къ побѣдѣ васъ.

ДЮНУА.

Когда же все, Іоанна, совершится,
Когда войдемъ съ тобою въ стѣны Реймса,
Склонишь ли ты вниманіе тогда...

ІОАННА.

Когда Господь велитъ, чтобъ я съ побѣдой
Изъ грозныя борьбы со смертью вышла,
Тогда всему конецъ; тогда пастушкѣ
Ужъ мѣста нѣтъ въ обители монарха.

КОРОЛЬ (*взявъ ее за руку*).

Теперь тебѣ лишь голосъ Духа внятенъ;
Любовь молчитъ въ груди, горящей Богомъ;
Но вѣрь, она молчать не вѣчно будетъ;
Утихнетъ брань; побѣда приведетъ
Къ намъ ясный миръ; въ сердца вольется
радость;
Нѣжнѣйшія пробудятся въ нихъ чувства...
Тогда объ нихъ провѣдаешь и ты,
Тогда впервой печали сладкой слезы
Прольютъ твои глаза и будешь сердцемъ,
Исполненнымъ до нынѣ только неба,
Съ любовію искать земного друга;
Всѣхъ нынѣ ты для счастія спасла—
И *одному* тогда ты будешь счастьемъ.

ІОАННА (*посмотрѣвъ на него съ унылымъ негодованіемъ*).

Иль, утомясь божественнымъ явленьемъ,
Ужъ хочешь ты разбить его сосудъ,
И благовѣстницу верховной воли
Низвесть во прахъ ничтожности земной?
О маловѣрные! сердца слѣпыя!
Величіе небесъ кругомъ васъ блещетъ;
Ихъ чудеса предъ вами безъ покрова;
А я для васъ лишь женщина... безумцы!
Но женщинѣ ль подъ бронею желѣзной
Мѣшаться въ бой, водить мужей къ побѣдѣ?
Погибель мнѣ, когда Господне мщенье
Неся въ рукѣ, я суетную душу
Отдамъ любви, отъ Бога запрещенной.
О нѣтъ! тогда мнѣ лучше бъ не родиться;
Ни слова болѣе, не раздражайте
Моей душой владѣющаго Духа;
Одинъ ужъ взоръ желающаго мужа
Есть для меня и страхъ, и оскверненье.

КОРОЛЬ.

Умолкните; ее не преклонить.

ІОАННА.

Вели, вели гремѣть трубѣ военной;
Спокойствіе меня тѣснитъ и мучитъ;
Стремительно зоветъ моя судьба
Меня отъ сей бездѣйственности хладной;
И строгій гласъ твердитъ мнѣ: довершай

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. Рыцарь *вбѣгаетъ поспѣшно*.

КОРОЛЬ.

Что сдѣлалось?

РЫЦАРЬ.

Близъ Марны непріятель;
Онъ строится въ сраженье.

ІОАННА (*вдохновенно*).

Бой и брань!
Теперь душа отъ узъ своихъ свободна...
Друзья, къ мечтамъ; а я устрою войско.
(*Уходитъ поспѣшно*).

КОРОЛЬ (*Ля Гиру*).

Поди за ней. Передъ стѣнами Реймса

Они хотятъ сорвать съ меня корону.

ДЮНУА.

Ихъ мчитъ не мужество, но безнадежной
Свирѣпости отчаянный порывъ.

КОРОЛЬ *(герцогу).*

Филиппъ, тебя я не зову; но часъ
Насталъ минувшее загладить.

ГЕРЦОГЪ.

Будешь
Доволенъ мной.

КОРОЛЬ.

Я самъ дорбгой чести
Хочу идти предъ войсками моими,
Хочу въ виду вѣнчательнаго Реймса
Вѣнецъ мой заслужить. Моя Агнеса,
Твой рыцарь говоритъ тебѣ: *прости!*

АГНЕСА *(подаетъ ему руку).*

Не плачу я; моя душа спокойна;
На небесахъ живетъ моя надежда;
На то ль даны столь явные залоги
Спасенья ихъ, чтобъ послѣ намъ погибнуть?..
Ты побѣдишь; то сердца предвѣщанье;
И въ Реймсѣ намъ назначено свиданье.

Всѣ уходятъ. Сцена перемѣняется; видно открытое поле; на немъ разсыпаны группы деревьевъ; за сценою слышны военные инструменты, выстрѣлы, стукъ оружія; сражающіеся пробѣгаютъ черезъ сцену; наконецъ все тихо; сцена пуста.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТАЛЬБОТЪ *выходитъ раненный, опираясь на* ФАСТОЛЬФА, *за нимъ* СОЛДАТЫ, *скоро потомъ* ЛІОНЕЛЬ.

ТАЛЬБОТЪ.

Подъ этими деревьями, друзья,
Меня оставьте; сами въ бой подите;
Чтобъ умереть, помощникъ мнѣ не нуженъ.

ФАСТОЛЬФЪ.

Несчастный день! враждебная судьба!
(Къ Ліонелю).
Зачѣмъ пришелъ ты, Ліонель? Смотри,
Нашъ храбрый вождь отъ раны умираетъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Да сохранитъ насъ Небо! встань, Тальботъ;
Не время намъ о ранахъ помышлять;
Вели ожить природѣ; одолѣй
Бунтующую смерть.

ТАЛЬБОТЪ.

Напрасно все;
Судьба произнесла; должна погибнуть
Во Франціи Британская держава;
Послѣднее отчаянною битвой
Я истощилъ, чтобъ рокъ сей отвратить;
И здѣсь лежу, разбитъ стрѣлой громовой,
Чтобъ болѣе не встать. Потерянъ Реймсъ,—
Парижъ спасайте.

ЛІОНЕЛЬ.

Нѣтъ для насъ Парижа;
Онъ договоръ съ дофиномъ заключилъ.

ТАЛЬБОТЪ *(срывая съ себя повязку).*

Бѣгите жъ вы, кровавые потоки;
Противно мнѣ смотрѣть на это солнце.

ЛІОНЕЛЬ.

Мнѣ ждать нельзя; Фастольфъ, на этомъ мѣстѣ
Вождю опасно быть; намъ отстоять
Его не можно: насъ тѣснятъ ужасно;
Ряды разстроены; за дѣвой вслѣдъ
Они бѣгутъ—и все, какъ буря, ломятъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Безумство, ты превозмогло; а я
Погибнуть осужденъ. И сами боги
Противъ тебя не въ силахъ устоять.
О гордый умъ, ты, свѣтлое рожденье
Премудрости, верховный основатель
Созданія, правитель міра, что ты?
Тебя несетъ, какъ бурный конь, безумство;
Вотще твоя узда; ты бездну видишь,
И самъ въ нее съ нимъ падаешь невольно;
Будь проклятъ тотъ, кто въ замыслахъ великихъ
Теряетъ жизнь, кто мудро выбираетъ
Себѣ стезю вѣрнѣйшую. Безумству
Принадлежитъ земля.

ЛІОНЕЛЬ.

Тальботъ, тебѣ
Не много здѣсь минутъ осталось; вспомни
О Богѣ...

ТАЛЬБОТЪ.

Если бъ мы разбиты были,
Какъ храбрые отъ храбрыхъ, — намъ отрадой
Была бы мысль, что мы въ рукѣ судьбы,
Играющей землею самовластно;
Но жалкой быть игрушкою мечты...
Иль наша жизнь, вся отданная бурямъ,
Не стоила славнѣйшаго конца?

КОРОЛЬ.

Тальботъ, прости; дань слезъ моихъ тебѣ
Я принесу, какъ другъ твой, послѣ битвы.
Когда останусь цѣлъ... теперь иду;
Еще судьба на полѣ боевомъ
Свой держитъ судъ и жребіи бросаетъ;
Простимся до другого свѣта; кратокъ
Разлуки мигъ за долгую любовь.
(Уходитъ).

ТАЛЬБОТЪ.

Минута кончитъ все; отдамъ землѣ

И солнцу все, что здѣсь во мнѣ сливалось
Въ страданіе и въ радость такъ напрасно;
И отъ могучаго Тальбота, славой
Наполнившаго свѣтъ, на свѣтѣ будетъ
Одна лишь горсть летучей пыли. Такъ,
Весь гибнетъ человѣкъ—и вся намъ прибыль
Отъ тягостной борьбы съ суровой жизнью
Есть убѣжденіе въ небытіи
И хладное презрѣнье ко всему,
Что мнилось намъ великимъ и желаннымъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Король. Герцогъ. Дюнуа. Дю Шатель *и* солдаты *входятъ*.

ГЕРЦОГЪ.

Сраженье рѣшено.

ДЮНУА.

Побѣда наша.

КОРОЛЬ (*замѣтивъ Тальбота*).

Но кто же тамъ, покинутый, лежитъ
Въ бореніи съ послѣднею минутой?
По бронѣ онъ не ратникъ рядовой.—
Скорѣй! помочь, когда еще не поздно!

(*Къ Тальботу приближаются солдаты*).

ФАСТОЛЬФЪ.

Не приближайтесь, прочь! почтенье къ смерти
Того, кто былъ такъ страшенъ вамъ живой!

(*Герцогъ приближается къ нему; Тальботъ, взглянувъ на него, быстро умираетъ*).

ФАСТОЛЬФЪ.

Не подходи, предатель ненавистный!
Твой видъ смутитъ послѣдній взоръ героя.

ДЮНУА.

Тальботъ, погибельный, неодолимый,
Столь малое пространство для тебя,
Котораго желаньямъ исполинскимъ
Всей Франціи обширной было мало!

(*Преклоняетъ мечь передъ королемъ*).

Теперь привѣтствую васъ королемъ;
Дрожалъ вѣнецъ на вашей головѣ,
Пока душа жила еще въ семъ тѣлѣ.

КОРОЛЬ (*посмотрѣвъ молча на мертваго*).

Не мы его сразили—нѣкто высшій!
На землю Франціи онъ легъ, какъ бодрый
Боецъ на щитъ, котораго не выдалъ.
(*Къ воинамъ*).
Возьмите.
(*Трупъ Тальботовъ выносятъ*).
Миръ его великой тѣни;
Здѣсь памятникъ ему достойный будетъ;
Въ срединѣ Франціи, гдѣ онъ геройски
Свой кончилъ путь, покойся прахъ его;
Столь далеко враги не заходили,
И лучшее надгробіе ему
То мѣсто, гдѣ его найдутъ во гробѣ.

ФАСТОЛЬФЪ (*подавая мечь Королю*).

Я плѣнникъ вашъ.

КОРОЛЬ (*возвращая ему мечъ*).

Нѣтъ, рыцарь; и война
Священный долгъ умѣетъ чтить: свободно
Ты своего проводишь полководца...
Но Дю Шатель... моя Агнеса въ страхѣ;
Спѣши ее обрадовать побѣдой;
Скажи, что я и живъ и невредимъ,
Что въ Реймсѣ жду ее къ коронованью,
(*Дю Шатель уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же. Ля Гиръ.

ДЮНУА.

Ты здѣсь, Ля Гиръ? но гдѣ Іоанна?

ЛЯ ГИРЪ.

Какъ?
Она не съ вами? Я ее покинулъ
Въ сраженьи близъ тебя.

ДЮНУА.

Я побѣжалъ
На помощь къ королю; я былъ въ надеждѣ,
Что ты останешься при ней...

ГЕРЦОГЪ.

Недавно
Я видѣлъ самъ въ густой толпѣ враговъ
Ея распущенное знамя...

ДЮНУА.

Боже!
Страшусь я; гдѣ она? Скорѣе къ ней
На помощь. Можетъ быть, ее далеко
Замчало мужество. Одна, быть можетъ,
Она, толпой стѣсняемая, бьется,
И тщетно ждетъ защиты отъ друзей.

КОРОЛЬ.

Спѣшите.

ДЮНУА.

Я бѣгу.

ЛЯ ГИРЪ.

И я.

ГЕРЦОГЪ.

Мы всѣ.
(*Всѣ уходятъ поспѣшно*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Другое мѣсто на полѣ сраженія; утесы, деревья; вдали башни Реймса, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ.

РЫЦАРЬ *въ черномъ панцырѣ, съ опущеннымъ забраломъ.* ІОАННА *преслѣдуетъ его; онъ останавливается.*

ІОАННА.

Коварный, я твою узнала хитрость;
Обманчиво притворнымъ бѣгствомъ ты
Меня сюда увлекъ изъ жаркой битвы,
Чтобы своихъ спасти отъ грозной встрѣчи
Съ моимъ мечемъ; но самъ теперь погибнешь.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Почто за мной ты гонишься? Почто
Такъ бѣшено къ моимъ стопамъ пристала?
Не суждено мнѣ пасть твоей рукой.

ІОАННА.

Противенъ ты душѣ моей, какъ ночь,
Который цвѣтъ ты носишь; истребить
Тебя съ лица земли неодолимо
Влечетъ меня могущее желанье.
Скажи, кто ты? Открой забрало. Если бъ
Предо мною Тальботъ не палъ въ сраженьи,
Тогда бы я сказала: ты Тальботъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Иль смолкнулъ гласъ пророческаго Духа?

ІОАННА.

Нѣтъ, громко онъ вѣщаетъ мнѣ, что здѣсь
Моя бѣда стоитъ съ тобою рядомъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Іоанна д'Аркъ, съ побѣдою до Реймса
Дошла ты—стой! не далѣ! будь довольна
Своимъ вѣнцомъ, и счастье отпусти,
Служившее тебѣ рабомъ покорнымъ;
Не жди, чтобы оно забунтовало;
Ласкаетъ насъ, но вѣрность ненавидитъ,
И никому не служитъ до конца.

ІОАННА.

Почто ты мнѣ велишь съ моей дороги
Сойти, забывъ начатый мною подвигъ?
Свершу его, исполню свой обѣтъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Могущая, ты все ниспровергаешь;
Покоренъ бой тебѣ—но удержись
Отъ боя; мнѣ повѣрь, пока не поздно.

ІОАННА.

Не выпущу меча я изъ руки,
Доколь враги не втоптаны во прахъ.

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ.

Смотри же, тамъ сіяютъ башни Реймса;
Туда твой путь; ты видишь, блещетъ куполъ
Соборныя величественной церкви—
Въ нее вступить ты можешь съ торжествомъ,
Въ ней увѣнчать монарха, свой обѣтъ
Исполнить, но... Іоанна не входи
Въ ту церковь, мнѣ повѣрь и возвратись.

ІОАННА.

Но кто же ты, прельститель двуязычный?
Ты мнишь меня смутить и ужаснуть
Обманчивымъ пророчествомъ...
Постой;

(Черный рыцарь хочетъ уйти; она заступаетъ ему дорогу).

Отвѣтствуй мнѣ, иль гибни...
(Хочетъ ударить въ него мечомъ).

ЧЕРНЫЙ РЫЦАРЬ *(прикасается къ ней рукой, и она остается неподвижна).*

Умерщвляй
Одно лишь смертное.
(Громъ и молнія; рыцарь исчезаетъ).

ІОАННА *(долго молчитъ въ изумленіи, потомъ, опомнившись, говоритъ).*

То былъ не здѣшній,
И не живой... то было привидѣнье,
Враждебный духъ, изникнувшій изъ ада,
Чтобы смутить во мнѣ святую вѣру.
Но мнѣ съ мечемъ владыки моего
Кто страшенъ? Нѣтъ, иду; зоветъ побѣда;
Пусть на меня весь адъ вооружится;
Живъ Богъ—моя надежда не смутится.

(Хочетъ идти; ей навстрѣчу Ліонель).

ЯВЛЕНІЕ X.

ІОАННА. ЛІОНЕЛЬ.

ЛІОНЕЛЬ.

Отступница, готовься въ бой; погибнуть
Одинъ изъ насъ на этомъ мѣстѣ долженъ;
Храбрѣйшіе тобой умерщвлены;
Герой Тальботъ въ объятіяхъ моихъ
Съ великою душой своей разстался;
Отмщу за храбраго, иль будь одна
Для насъ судьба; но пасть ли мнѣ, иль нѣтъ,
Ты прежде знать должна, кого твой рокъ
Съ тобою свелъ,—я Ліонель, послѣдній
Британскій вождь, еще непобѣжденный.

(Нападаетъ на нее; чрезъ минуту она вышибаетъ изъ руки его мечъ).

О счастье! *(Борется съ нею).*

ІОАННА *во время борьбы срываетъ съ него шлемъ, и онъ остается съ непокрытою головою; поднявши мечъ, чтобы его поразить, она говоритъ):*

Умри! Святая Дѣва
Моей рукой тебя приноситъ въ жертву.

(Въ эту минуту ея глаза встрѣчаются съ глазами Ліонеля; пораженная видомъ его, она стоитъ неподвижно, и рука ея опускается)

ЛІОНЕЛЬ.

Что медлишь? Что ударъ твой задержало?
Взявъ честь, возьми и жизнь; я не хочу
Пощады; я въ твоихъ рукахъ.

(Она подаетъ ему знакъ рукою, чтобы онъ бѣжалъ).

Бѣжать
Мнѣ должно? Быть обязаннымъ тебѣ
Презрѣнной жизнію? Скорѣй погибнуть!

ІОАННА (*отвративъ глаза*).

И знать я не хочу, что жизнь твоя
Была въ моихъ рукахъ...

ЛІОНЕЛЬ.

Я ненавижу
Тебя и даръ твой, не хочу пощады;
Не медли, поражай того, кто самъ
Сразить тебя хотѣлъ.

ІОАННА.

Убей меня
И удались.

ЛІОНЕЛЬ.

Что слышу?

ІОАННА (*закрывъ лицо руками*).

Горе мнѣ!

ЛІОНЕЛЬ (*приблизясь къ ней*).

Молва идетъ, что ни одинъ британецъ
Тобой не пощаженъ; за что же мнѣ
Пощада одному?

ІОАННА (*собравшись съ духомъ, поднимаетъ мечъ, чтобы его поразить, но опять, взглянувъ на него, опускаетъ руку*).

Святая Дѣва!

ЛІОНЕЛЬ.

Почто зовешь Святую? О тебѣ
Не вѣдаетъ Она, ты небесами
Отвержена.

ІОАННА (*въ сильнѣйшемъ отчаяніи*).

О горе! горе! что
Я сдѣлала? Нарушенъ мой обѣтъ.

(*Ломаетъ въ горести руки*).

ЛІОНЕЛЬ (*смотритъ на нее съ участіемъ и подходитъ ближе*).

Несчастная, жалѣю о тебѣ;
Ты трогаешь меня; со мной однимъ
Великодушною была ты; сердце
Мое тебя, я чувствую, простило;
Съ участіемъ оно къ тебѣ стремится.
Скажи, кто ты? откуда?

ІОАННА.

Прочь! бѣги!

ЛІОНЕЛЬ.

Мнѣ жаль твоей цвѣтущей красоты,
Жаль младости твоей; твой милый образ
Тѣснится въ душу мнѣ, и я хотѣлъ бы
Тебя спасти, но какъ и чѣмъ спасу?
Поди за мной? оставь союзъ свой страшный
Оставь погибельный свой мечъ.

ІОАННА.

Увы
Носить его я недостойна.

ЛІОНЕЛЬ.

Брос
Его; иди за мной.

ІОАННА (*въ ужасѣ*).

Съ тобой? О небо!

ЛІОНЕЛЬ.

Пойдемъ; еще тебя спасти возможно,
И я тебя спасу... но поспѣши;
Моя душа печалью непонятной
Томится по тебѣ... невыразимымъ
Желаніемъ спасти тебя полна.

(*Беретъ ее за руку, вдали показываются Дюнуа и Ля Гиръ*).

ІОАННА.

О Боже! Дюнуа! Они ужъ близко;
Бѣги, тебя найдутъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Я твой защитник

ІОАННА.

О нѣтъ! Бѣги! Умру, когда погибнешь.

ЛІОНЕЛЬ.

Иль дорогъ я тебѣ?

ІОАННА.

О, Пресвятая!

ЛІОНЕЛЬ.

Увидимся ль? Услышу ль о тебѣ?

ІОАННА.

Нѣтъ, никогда.

ЛІОНЕЛЬ.

Сей мечъ въ залогъ, что я

Тебя найду.

(Вырываетъ изъ рукъ ея мечъ).

ІОАННА.

Ты смѣешь, безразсудный?

ЛІОНЕЛЬ.

Теперь я уступаю силѣ; мы
Увидимся.

(Уходитъ поспѣшно).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Дюнуа. Ля Гиръ. Іоанна.

ЛЯ ГИРЪ.

Она! она!

ДЮНУА.

Іоанна,
Спокойна будь: друзья твои съ тобою.

ЛЯ ГИРЪ.

Не Ліонель ли тамъ бѣжитъ?

ДЮНУА.

Оставь
Его; Іоанна, битва рѣшена;
Реймсъ отворилъ ворота; весь народъ
Бѣжитъ толпой на встрѣчу королю.

ЛЯ ГИРЪ.

Но что она?... Шатается, блѣднѣетъ.

ДЮНУА.

Ты ранена?

(Іоанна падаетъ къ нимъ на руки).

Снять панцырь! Рана
Въ плечѣ и легкая.

ЛЯ ГИРЪ.

Но льется кровь.

ІОАННА.

Пускай она съ моею льется жизнью.

(Лишается памяти).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Богато-убранная зала; колонны обвиты гирляндами изъ цвѣтовъ; вдали слышны флейты и гобои они играютъ во все продолженіе первой сцены.

ЯВЛЕНІЕ I.

ІОАННА *(стоитъ въ задумчивости и слушаетъ, потомъ говоритъ)*.

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ,
И зиждутся изъ вѣтвей пышны входы,
И гордый столбъ обвитъ живымъ вѣнцомъ,
И гости ждутъ вѣнчательнаго пира:
Готовы тронъ, корона и порфира.

И все горитъ единымъ вдохновеньемъ,
И груди всѣмъ подъемлетъ мысль одна,
И счастіе волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что рознила война;
Гордится франкъ своимъ происхожденьемъ,
Какъ будто всѣмъ отчизна вновь дана;
И съ честію примирена корона;
Вся Франція въ собраніи у трона.

Лишь я одна, великаго свершитель,
Ему чужда безчувственной душой;
Ихъ счастія, ихъ славы хладный зритель,
Я прочь отъ нихъ лечу моей мечтой;
Британскій станъ любви моей обитель,
Ищу враговъ желаньемъ и тоской;
Таюсь друзей, бѣгу въ уединенье
Сокрыть души преступное волненье.

Какъ! мнѣ любовію пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?
Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,

Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укоризны?
Скажу ль о томъ сіянью дня?
И стыдъ не истребитъ меня!

(Звуки инструментовъ за сценою сливаются въ тихую, нѣжную мелодію).

Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ,
Милый слышится мнѣ голосъ,
Милый видится мнѣ ликъ.

Возвратися, буря брани!
Загремите, стрѣлы, копья!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душѣ покой!

Тише, звуки! замолчите,
Обольстители души!
Непонятнымъ упоеньемъ
Вы ее очаровали;
Слезы льются отъ печали.

(Помолчавъ съ большею живостью).

Могла ли я его сразить? О какъ
Сразить, узрѣвъ его прекрасный образъ?
Нѣтъ, нѣтъ, себя скорѣй бы я сразила.
Виновна ль я, склонясь душой на жалость?
И грѣхъ ли жалость?... Какъ?... Скажи-жъ, Іоанна,
Была ль къ другимъ ты жалостлива въ битвѣ?
И жалости ль покоренъ былъ твой мечъ,
Когда младый валліецъ предъ тобою
Лежалъ въ слезахъ, вотще моля о жизни?
О, сердце хитрое, ты ль небеса
Всезрящія заманишь въ ослѣпленье?
Нѣтъ, нѣтъ, тебя влекло не сожалѣнье.
Увы! почто дерзнула я примѣтить
Его лица младую красоту?
Несчастная, сей взоръ твоя погибель;
Орудія слѣпаго хочетъ Богъ.
Идти за нимъ должна была ты слѣпо;
Но волю ты дала очамъ узрѣть—
И отъ тебя щитъ Божій отклонился,
И адская тебя схватила сѣть.

(Задумывается, вслушивается въ музыку; потомъ говоритъ).

Ахъ! почто за мечъ воинственный
Я мой посохъ отдала,
И тобою, дубъ таинственный,
Очарована была?
Мнѣ, Владычица, являла Ты
Свѣтъ небеснаго лица;
И вѣнецъ мнѣ обѣщала Ты...
Недостойна я вѣнца.

Зрѣла я небесъ сіяніе,
Зрѣла ангеловъ въ лучахъ...
Но души моей желаніе
Не живетъ на небесахъ.
Грозной силы повелѣніе
Мнѣ ль безсильной совершить?
Мнѣ ли дать ожесточеніе
Сердцу, жадному любить?

Нѣтъ, изъ чистыхъ небожителей
Избирай Твоихъ свершителей;
Съ неприступныхъ облаковъ
Призови Твоихъ духовъ,
Безмятежныхъ, не желающихъ,
Не скорбящихъ, не теряющихъ...
Дѣву съ нѣжною душой
Да минуетъ выборъ Твой.

Мнѣ ль свирѣпствовать въ сраженіи?
Мнѣ ль рѣшить судьбу царей?...
Я пасла въ уединеніи
Стадо родины моей...
Бурный путь мнѣ указала Ты,
Въ домъ царей меня ввела;
Но... лишь гибель мнѣ послала Ты...
Я ль сама то избрала?

ЯВЛЕНІЕ II.

АГНЕСА. ІОАННА.

АГНЕСА *(идетъ въ сильномъ волненіи чувства къ Іоаннѣ, хочетъ броситься къ ней на шею, но, одумавшись, падаетъ передъ ней на колѣна).*

Нѣтъ! нѣтъ! во прахъ передъ тобою...

ІОАННА *(стараясь ее поднять).* Встань,
Агнеса, ты свой санъ позабываешь.

АГНЕСА.

Оставь меня; томительная радость
Меня къ твоимъ ногамъ бросаетъ,—сердце
Предъ Божествомъ излить себя стремится;
Незримаго въ тебѣ боготворю.
Нашъ ангелъ ты; тобою мой властитель
Сюда введенъ; готовъ обрядъ вѣнчанья;
Стоитъ король въ торжественной одеждѣ;
Сбираются кругомъ монарха Перы,
Чтобы нести регаліи во храмъ;
Народъ толпой бѣжитъ къ соборной церкви;
Повсюду кликъ и звонъ колоколовъ...

Кто дастъ мнѣ силъ снести такое счастье?
(Іоанна поднимаетъ ее. Агнеса смотритъ на нее пристально).
Лишь ты одна сурово-равнодушна;
Ты благъ, тобой даруемыхъ, не дѣлишь;
Ты холодно глядишь на нашу радость;
Ты видѣла величіе небесъ
И счастію земному неприступна.
(Іоанна въ сильномъ движеніи схватываетъ ее за руку, потомъ задумчиво опять ее опускаетъ).
О! если бъ ты узнала сладость чувства:
Войны ужъ нѣтъ; сложи твой бранный панцырь,
И грудь открой чувствительности женской...
Моя душа, горящая любовью,
Чуждается тебя вооруженной.

ІОАННА.

Чего ты требуешь?

АГНЕСА.

Обезоружь
Себя, покинь твой мечъ; любовь страшится
Окованной желѣзомъ тяжкимъ груди;
Будь женщина и ты любовь узнаешь.

ІОАННА.

Мнѣ, мнѣ себя обезоружить? Нѣтъ,
Я побѣгу съ открытой грудью въ бой...
На встрѣчу смерти... нѣтъ, тройной булатъ
Пусть будетъ мнѣ защитою отъ вашихъ
Пировъ и отъ меня самой.

АГНЕСА.

Іоанна,
Графъ Дюнуа, великодушный, славный,
Къ тебѣ горитъ святымъ, великимъ чувствомъ;
О! вѣрь мнѣ, быть любовію героя
Удѣлъ прекрасный... но любить героя
Еще прекраснѣе...
(Іоанна отвращается въ сильномъ волненіи).
Ты ненавидишь
Его?... Нѣтъ, нѣтъ, его не любишь ты;
Но ненависть... лишь тотъ намъ ненавистенъ,
Кто милаго изъ нашихъ рукъ исторгнулъ;
Но для тебя нѣтъ милаго; ты сердцемъ
Спокойна... Ахъ! когда бъ оно смягчилось!

ІОАННА.

Жалѣй меня, оплачь мою судьбу.

АГНЕСА.

Чего жъ тебѣ недостаетъ для счастья?
Все рѣшено: отчизна спасена;
Съ побѣдою, торжественно въ свой Реймсъ
Вступилъ король, и слава твой удѣлъ;
Тебя народъ честитъ и обожаетъ;
Во всѣхъ устахъ твоя хвала; ты геній,
Ты божество всѣхъ праздниковъ веселыхъ,
И самъ король не столь въ своей коронѣ
Величественъ, какъ ты.

ІОАННА.

О! если бъ скрыться
Могла во тьмѣ подземной я отъ васъ!

АГНЕСА.

Что слышу? Какъ понять тебя, Іоанна?
И нынѣ кто жъ взглянуть дерзнетъ на свѣтъ,
Когда тебѣ глаза потупить должно?...
Мнѣ, мнѣ краснѣть, мнѣ, низкой предъ тобою,
Не смѣющей и мыслію постигнуть
Величія души твоей прекрасной.
Открою ль все ничтожество мое?
Не славное спасеніе отчизны,
Не торжество побѣдъ, не обновленный
Престола блескъ, не шумный пиръ народа
Мнѣ радости причина; нѣтъ, *одинъ*
Живетъ въ моей душѣ—иному чувству
Въ ней мѣста нѣтъ,—*онъ*, сей боготворимый;
Его народъ привѣтствуетъ; *его*
Бѣгутъ встрѣчать; предъ *нимъ* цвѣты бросаютъ—
И онъ для всѣхъ *единственный*—онъ *мой*.

ІОАННА.

Счастливица, завидую тебѣ;
Ты любишь тамъ, гдѣ любитъ все; ты смѣешь
Свободно, вслухъ изречь свое блаженство;
Передъ людьми его ты не таишь;
Ихъ общій пиръ есть пиръ твоей любви;
И этотъ весь безчисленный народъ,
Ликующій съ тобой въ однѣхъ стѣнахъ—
Прекрасное твое онъ чувство дѣлитъ;
Тебя привѣтствуетъ, тебя вѣнчаетъ;
Ты съ радостью всеобщей заодно;
Твоей душѣ небесный день сіяетъ,
Любовью все твоей озарено.

АГНЕСА *(падая въ ея объятія).*

О радость! мой языкъ тебѣ понятенъ,
Іоанна, ты... любви ты не чужда;
Что чувствую, ты выразила сильно;
И ободренная душа моя
Довѣрчиво тебѣ передается...

ІОАННА *(вырываясь изъ ея объятій).*

Прочь, прочь! бѣги меня; не заражайся
Губительнымъ сообществомъ моимъ;
Поди, будь счастлива; а мнѣ дай скрыть
Во мракъ мой стыдъ, мой страхъ, мое страданье.

АГНЕСА.

Я трепещу; ты мнѣ непостижима;
Но кто жъ тебя постигнулъ? Кто проникъ
Во глубину твоей великой тайны?

Кто можетъ вѣдать, что святому сердцу,
Что чистотѣ души твоей понятно?

ІОАННА.

Нѣтъ, нѣтъ, *ты* чистая, святая *ты*;
Когда бъ въ мою ты внутренность проникла,
Ты бъ отъ меня, какъ отъ врага, бѣжала.

ЯВЛЕНІЕ III.

Іоанна, Агнеса, Дюнуа и Ля Гиръ *со знаменемъ Іоанны.*

ДЮНУА.

Мы за тобой, Іоанна! все готово;
Король тебя зоветъ: въ ряду вельможъ,
Ближайшая къ монарху, ты должна
Предъ нимъ нести святую орифламму.
Онъ признаетъ и хочетъ всенародно
Передъ лицомъ всей Франціи признать,
Что лишь тебѣ одной принадлежитъ
Вся честь сего торжественнаго дня.

ІОАННА.

О Боже! мнѣ предшествовать ему?
Мнѣ передъ нимъ нести святое знамя?

ДЮНУА.

Кому жъ, Іоанна? Чья рука посмѣетъ
Святыни сей коснуться? Это знамя
Носила ты въ сраженьи; имъ должна ты
И торжество побѣдное украсить.

ЛЯ ГИРЪ.

Вотъ знамя; поспѣшимъ; король, вожди
И весь народъ зовутъ тебя, Іоанна.

(Хочетъ подать ей знамя, она отступаетъ съ ужасомъ).

ІОАННА.

Прочь, прочь!

ЛЯ ГИРЪ.

Іоанна, что съ тобой? Трепещешь
Предъ собственнымъ ты знаменемъ своимъ!
Узнай его, оно твое, ты имъ
Побѣду намъ дала; взгляни, на немъ
Сіяетъ ликъ Владычицы Небесной.
(Развертываетъ знамя)

ІОАННА *(въ ужасѣ смотря на знамя).*

Она, Она!... въ такомъ являлась блескѣ
Она передо мной... Смотрите гнѣвомъ
Омрачено Ея чело; и грозно
Сверкаетъ взоръ, къ преступницѣ склоненный.

АГНЕСА.

Ты внѣ себя; опомнись, ты видѣньемъ
Обманчивымъ испугана; тотъ образъ...
Онъ слабый, земной руки созданье;
Сама жъ *Она* небесъ не покидала.

ІОАННА.

О грозная! карать ли ты пришла?
Гдѣ молніи Твои? Пускай сразятъ
Онѣ мою преступную главу.
Разрушенъ нашъ союзъ; я посрамила,
Унизила Твое святое имя.

ДЮНУА.

Что слышу я! какой языкъ ужасный!

ЛЯ ГИРЪ *(къ Дю Шателю).*

Какъ изъяснить ея волненье, рыцарь?

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Я вижу то, чего давно боялся.

ДЮНУА.

Какъ? Что ты говоришь?

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Того открыть,
Что думаю, не смѣю я; но дай Богъ,
Чтобъ было все ужъ кончено, и нашъ
Король ужъ коронованъ былъ.

ЛЯ ГИРЪ.

Іоанна
Иль ужасъ тотъ, который разливала
Ты знаменемъ своимъ, оборотился
Противъ тебя? Узнай его, Іоанна;
Однимъ врагамъ погибельно оно;
Для Франціи оно символъ спасенья.

ІОАННА.

Такъ, такъ, оно спасительно для вѣрныхъ;
Лишь на враговъ оно наводитъ ужасъ.
(Слышенъ маршъ).

ДЮНУА.

Возьми его, возьми; ты слышишь, ходъ
Торжественный ужъ начался; пойдемъ.

(Принуждаетъ ее взять знамя; она беретъ его съ видимымъ отвращеніемъ и уходитъ; весь прочіе за нею).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Площадь передъ каѳедральной церковью.

Вдали множество народа. Бертрандъ, Арманъ, Этьенъ *выходятъ изъ толпы; за ними вскорѣ* Алина *и* Луиза. *Вдали слышенъ маршъ.*

БЕРТРАНДЪ.

Ужъ музыка играетъ; идутъ; скоро
Увидимъ ихъ; но гдѣ бы лучше намъ
Остановиться? Тамъ на площади,
Иль здѣсь на улицѣ, чтобъ посмотрѣть
Но ходъ вблизи?

ЭТЬЕНЪ.

Нѣтъ, сквозь толпу народа
Намъ не пройти; отъ конныхъ и отъ пѣшихъ
Простора нѣтъ; всѣ улицы набиты;
У тѣхъ домовъ есть мѣсто; тамъ увидѣть
Намъ можно все.

АРМАНЪ.

Какая бездна! скажешь,
Что здѣсь вся Франція; и такъ велико
Народное стремленье, что и мы
Изъ Лотарингіи своей далекой
Сюда съ толпой пришли.

БЕРТРАНДЪ.

Да кто же будетъ
Одинъ дремать въ своемъ углу, когда
Великое свершается въ отчизнѣ?
Истратили довольно крови мы,
Чтобъ головѣ законной дать корону,
А нашъ король, нашъ истинный король,
Котораго мы въ Реймсѣ коронуемъ,
Ужель онъ здѣсь быть долженъ встрѣченъ хуже
Парижскаго, который въ Сенъ-Дени
По милости пришельца коронованъ;
Тотъ не французъ, кто въ этотъ славный день
Не будетъ здѣсь съ другими и отъ сердца
Не закричитъ: да здравствуетъ король!

ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніе. Луиза. Алина.

ЛУИЗА.

Сестрица, мы увидимъ здѣсь Іоанну;
Какъ бьется сердце!

АЛИНА.

Мы ее увидимъ
Въ величествѣ и въ почести, и скажемъ:
То наша милая сестра Іоанна.

ЛУИЗА.

Пока меня глаза не убѣдили,
До тѣхъ поръ все не буду вѣрить я,
Чтобъ та, которую всѣ называютъ
Здѣсь Орлеанской дѣвою, была
Сестра Іоанна, безъ вѣсти отъ насъ
Пропавшая.

АЛИНА.

Увидишь и повѣришь.

БЕРТРАНДЪ.

Молчите, идутъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Впереди идутъ музыканты; за ними дѣти въ бѣлыхъ платьяхъ съ вѣнками въ рукахъ; потомъ два герольда; отрядъ воиновъ съ алебардами; чиновники *въ парадныхъ платьяхъ; два* маршала *съ жезлами.* Бургундскій герцогъ *съ мечомъ;* Дюнуа *со скипетромъ; другіе* вельможи, *съ короною, державою, королевскимъ жезломъ; за ними рыцари въ орденскихъ одеждахъ; пѣвчіе съ кадильницами; два* епископа *съ сосудомъ мѵропомазанія;* архіепископъ *съ крестомъ; за нимъ* Іоанна *съ знаменемъ: она идетъ медленными, неровными шагами, наклонивъ голову; ея сестры, увидя ее, знаками показываютъ радость и удивленіе; за Іоанною слѣдуетъ* король *подъ балдахиномъ, который несутъ* бароны; *за королемъ придворные чиновники; потомъ отрядъ воиновъ. Когда всѣ входятъ въ церковь, маршъ умолкаетъ.*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Луиза. Алина. Арманъ. Этьенъ. Бертрандъ.

АЛИНА.

Видѣлъ ли сестру?

АРМАНЪ.

Что шла предъ королемъ, въ богатыхъ латахъ,
Со знаменемъ въ рукахъ?

АЛИНА.

Да; то Іоанна
Сестра

ЛУИЗА.

На насъ она не поглядѣла,
Она не думала, что сестры близко;
Была блѣдна, смотрѣла внизъ, дрожала
Подъ знаменемъ своимъ... мнѣ стало грустно;
Я не могла обрадоваться ей.

АЛИНА.

Теперь мы видѣли Іоанну въ славѣ
И въ почести; но кто бъ могъ то подумать
Въ то время, какъ она у насъ въ горахъ
Пасла овецъ?

ЛУИЗА.

Отцу не даромъ снилось,

Что въ Реймсѣ онъ и мы передъ Іоанной
Стоять съ почтеньемъ будемъ; вотъ та церковь,
Которая привидѣлась ему,
И все сбылось. Но знаешь ли? Отцу
Съ тѣхъ поръ и страшныя видѣнья были...
Ахъ! мнѣ она жалка, мнѣ тяжко видѣть
Ее въ такомъ величіи.

БЕРТРАНДЪ.

Пойдемъ.
Что здѣсь стоять? Не лучше ль протѣсниться
Намъ въ церковь? Тамъ увидимъ весь обрядъ.

АЛИНА.

Пойдемъ; быть можетъ, тамъ съ сестрой Іоанной
Мы встрѣтимся.

ЛУИЗА.

Мы видѣли ее,
Довольно съ насъ, воротимся въ село.

АЛИНА.

Какъ, не сказавъ ни одного ей слова?

ЛУИЗА.

Она теперь не намъ принадлежитъ;
Лишь общество князей и полководцевъ
Прилично ей; на что же намъ тѣсниться
Къ блестящему величеству ея?
И съ нами бывъ, она была не наша.

АЛИНА.

Иль думаешь, что ей насъ будетъ стыдно,
Что насъ она теперь пренебрежетъ?

БЕРТРАНДЪ.

И самъ король насъ не стыдится; онъ
Здѣсь ласково всѣмъ кланялся; хотя
Она теперь стоитъ и высоко,
Но нашъ король все выше.
(*Трубы и литавры въ церкви*).

АРМАНЪ.

Въ церковь! въ церковь!
(Идутъ и пропадаютъ въ толпѣ народа).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тибо *въ черномъ платьѣ, за нимъ* Раймондъ, *который старается удержать его.*

РАЙМОНДЪ.

Воротимся, мой добрый Аркъ, уйдемъ
Отсюда; здѣсь все празднуетъ; твое
Уныніе обидно для веселыхъ...
Чего намъ ждать? Зачѣмъ здѣсь оставаться?

ТИБО.

Ты видѣлъ ли несчастное мое
Дитя? Всмотрѣлся ли въ ея лицо?

РАЙМОНДЪ.

Ахъ! поскорѣй.., прошу тебя, уйдемъ.

ТИБО.

Примѣтилъ ли, какъ робко шла она,
Съ какимъ лицомъ разстроеннымъ и блѣднымъ?
Несчастная, она свой жребій знаетъ...
Но часъ насталъ ее спасти, я имъ
Воспользуюсь.
(*Хочетъ идти*).

РАЙМОНДЪ.

Куда? Чего ты хочешь?

ТИБО.

Хочу ее внезапно поразить,
Хочу ее съ ничтожной славы сбросить,
Хочу ее насильно возвратить
Отверженному ею Богу.

РАЙМОНДЪ.

Ахъ!
Подумай прежде, что ты начинаешь;
Ты самъ свое дитя погубишь,

ТИБО.

Такъ!
Жила бъ душа—пускай погибнетъ тѣло
(*Іоанна выбѣгаетъ изъ церкви безъ знамени; народъ окружаетъ ее, тѣснится къ ней, цѣлуетъ ея платье и препятствуетъ ей приблизиться*).
Смотри, идетъ; на ней лица нѣтъ; ужасъ
Ее изъ церкви гонитъ; Божій судъ
Преслѣдуетъ ее...

РАЙМОНДЪ.

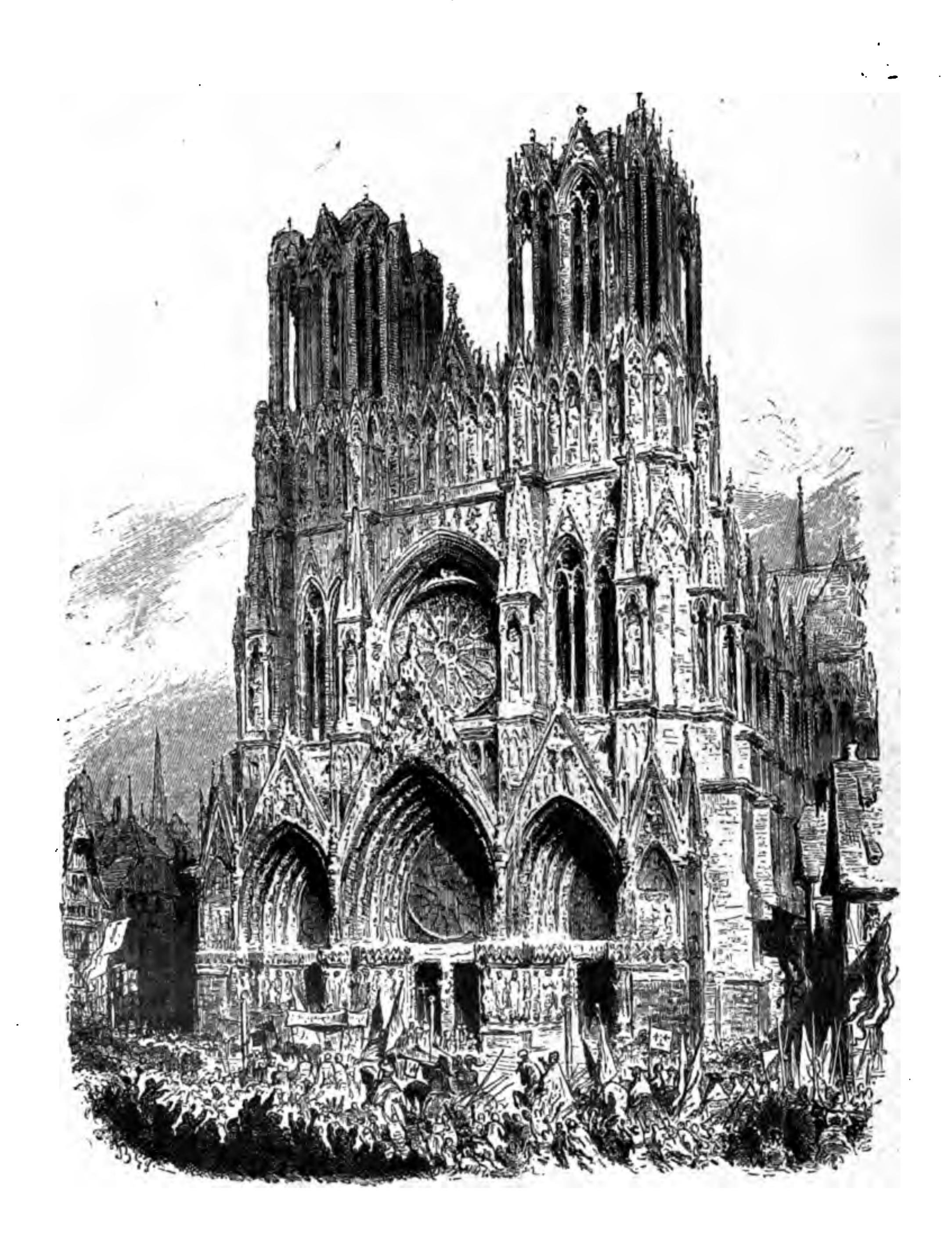
Прости, отецъ;
Съ надеждой я пришелъ и безъ надежды
Уйду; я видѣлъ дочь твою и знаю,
Что для меня навѣкъ она пропала.
(*Уходитъ. Тибо удаляется на противоположную сторону*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Іоанна, народъ, *потомъ ея* сестры.

ІОАННА (*приближаясь*).

Я не могу тамъ оставаться—духи
Преслѣдуютъ меня; органа звукъ,
Какъ громъ, мой слухъ терзаетъ; своды храма
Дрожатъ и пасть готовы на меня;
Хочу вздохнуть подъ вольнымъ небомъ; тамъ
Въ святилищѣ оставила я знамя,
И никогда къ нему не прикоснусь.



Казалось мнѣ, что видѣла я милыхъ
Моихъ сестеръ Луизу и Алину.
Онѣ, какъ сонъ, мелькнули предо-мной...
Ахъ! то была мечта; онѣ далеко,
Далеко; мнѣ ужъ ихъ не возвратить,
Какъ дѣтскаго потеряннаго счастья.

АЛИНА *(выходя изъ толпы)*.

Жаннета!

ЛУИЗА *(подбѣгая къ ней)*.

Милая сестра!

ІОАННА.

О Боже!
Итакъ я видѣла не сонъ; вы здѣсь
Со мной; опять знакомый слышу голосъ;
Опять могу въ степи сей многолюдной
Родную грудь прижать къ печальной груди.

АЛИНА.

Она узнала насъ; она все та же
Добросердечная сестра Жаннета.

ІОАННА.

О милыя! вы изъ какой далекой,
Далекой стороны пришли сюда,
Чтобъ свидѣться со мной; вы мнѣ простили,
Что изъ села я, не сказавшись вамъ,
Ушла, и васъ какъ будто отреклась.

ЛУИЗА.

То воля Божія была.

АЛИНА.

Молва
О чудесахъ твоихъ дошла и къ намъ:
Мы не могли противиться стремленью,
И, родину спокойную покинувъ,
Пришли сюда взглянуть на славный праздникъ,
Пришли твое величіе увидѣть.
Мы не однѣ...

ІОАННА.

Какъ? и отецъ? онъ здѣсь...
Онъ здѣсь... но гдѣ же онъ? Зачѣмъ онъ скрылся?

АЛИНА.

Отца здѣсь нѣтъ.

ІОАННА.

О Боже! нѣтъ!.. уже ли
Свое дитя онъ видѣть не хотѣлъ?
Но съ вами онъ хотя благословенье
Свое прислалъ мнѣ...

ЛУИЗА.

Онъ не зналъ, что мы
Сюда пошли...

ІОАННА.

Не зналъ? Но для чего жъ
Не зналъ онъ?... Вы молчите, вы глаза
Потупили?... Скажите, гдѣ отецъ?

АЛИНА.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты ушла...

ЛУИЗА *(дѣлая ей знаки)*.

Алина!

АЛИНА.

Онъ
Задумчивъ сталъ.

ІОАННА.

Задумчивъ?

ЛУИЗА.

Будь спокойна;
Ты лучше насъ отца, Жанетта, знаешь;
Его всегда предчувствіе тревожитъ.
Но онъ утѣшится, когда мы скажемъ,
Что видѣли тебя, что ты жива
И счастлива.

АЛИНА.

Не правда ли, Жаннета.
Ты счастлива? Чему жъ и быть иному
Въ такой чести, въ такой великой славѣ?

ІОАННА.

Ахъ! счастлива; я съ вами, я вашъ голосъ
Опять услышала; онъ мнѣ напомнилъ
Отечество, домашніе луга;
Тамъ я пасла стада свои безпечно;
Тамъ счастлива была я какъ въ раю...
И не видать ужъ мнѣ такого счастья.
(Скрываетъ лицо на груди Луизы. Арманъ, Этьенъ и Бертрандъ показываются въ отдаленіи и не смѣютъ подойти).

АЛИНА.

Арманъ, Этьенъ, не бойтесь, подойдите;
Сестра узнала насъ; она все такъ же
Смиренна и тиха; и къ намъ теперь
Гораздо ласковѣй, чѣмъ прежде.
(Они приближаются и хотятъ подать ей руку; Іоанна смотритъ на нихъ неподвижными глазами и впадаетъ въ задумчивость, потомъ говоритъ въ изумленіи).

ІОАННА.

Гдѣ я?
Мои друзья, не правда ль? Все то было
Одинъ лишь долгій сонъ? Я въ Домъ-Реми;
Подъ деревомъ друидовъ я заснула;
Теперь проснулася, и вкругъ меня
Знакомыя привѣтливыя лица
Моихъ родныхъ? Объ этихъ короляхъ,
Сраженьяхъ, подвигахъ мнѣ только снилось;
То были тѣни; вкругъ меня онѣ
Носилися подъ тѣмъ волшебнымъ дубомъ;
Иначе какъ зайти вамъ въ Реймсъ? Какъ мнѣ
Самой быть въ Реймсѣ? Нѣтъ, не покидала
Я Домъ-Реми; признайтеся, друзья,
Обрадуйте мнѣ сердце.

ЛУИЗА.

Нѣтъ, мы въ Реймсѣ.
Іоанна, и тебѣ не снилось; ты
Великое свершила наяву;
Опомнись, погляди вокругъ себя,
Дотронься до своихъ блестящихъ латъ.
(Іоанна кладетъ руку на грудь, приходитъ въ себя и вздрагиваетъ).

БЕРТРАНДЪ.

Тебѣ твой шлемъ изъ рукъ моихъ достался.

АРМАНЪ.

Не диво, что тебѣ все это мнится
Чудеснымъ сномъ; какой быть можетъ сонъ
Чудеснѣе того, что ты свершила?

ІОАННА.

Ахъ! убѣжимъ; я съ вами возвращусь
Къ отцу, въ село.

ЛУИЗА.

Такъ, милая, пойдемъ.

ІОАННА.

Они меня здѣсь славятъ безъ заслуги;
Но съ вами я, друзья, была младенцемъ;

Вы слабою меня знавали, вы
Не мыслите меня боготворить,—
Вы любите меня.

АЛИНА.

Ты хочешь бросить
Свое величіе?

ІОАННА.

Хочу, друзья,
Съ себя сорвать уборъ тотъ ненавистный,
Который насъ сердцами разлучилъ;
Хочу опять пастушкой быть смиренной,
Покорною рабою вамъ служить,
И горестнымъ загладить покаяньемъ
Безумное величіе мое.

Трубы.

ЯВЛЕНІЕ X.

Король *выходитъ изъ церкви въ коронѣ и порфирѣ.* Агнеса. Архіепископъ. Герцогъ Бургундскій. Дюнуа. Ля Гиръ. Дю Шатель. Рыцари. Придворные. Народъ.

НАРОДЪ (*кричитъ во время шествія короля*).

Да здравствуетъ король!
(*Гремятъ трубы; по мановенію короля герольды подаютъ знакъ, и все умолкаетъ*).

КОРОЛЬ.

Народъ мой добрый,
Благодарю за вѣрность и любовь.
Мнѣ отдалъ Богъ отцовъ моихъ корону,
Народа мечъ ее завоевалъ;
Еще на ней кровь подданныхъ видна,
Но миръ ее оливою украситъ.
Благодаримъ защитниковъ престола,
А нашимъ всѣмъ врагамъ даемъ прощенье;
Къ намъ милостивъ Господь Всевышній былъ—
И первое будь наше слово: милость.

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ король!

КОРОЛЬ.

Досель незримо
Самъ Богъ вѣнчалъ французскихъ королей,
Но видимо изъ рукъ Его пріяли
Мы свой вѣнецъ.
(*Указывая на Іоанну*).
Народъ передъ тобою
Чудесная посланница небесъ;
Она престолъ законный защищала,
Она разрушила пришельца власть;
Ее пускай народная любовь
Защитницей отечества признаетъ,
Да будетъ ей воздвигнутъ здѣсь алтарь.

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ спасительница-дѣва!
(*Трубы*).

КОРОЛЬ (*къ Іоаннѣ*).

Скажи, когда ты намъ равна породой,
Какое здѣсь тебѣ угодно счастье?
Но, если ты сошла на время съ неба,
Чтобъ насъ спасти подъ видомъ смертной дѣвы,
То просвѣти земныя наши очи;
Преобразись, дай видѣть намъ твой свѣтлый,
Безмертный ликъ, въ какомъ тебя лишь небо
Видало, чтобъ тебя могли мы въ прахѣ
Боготворить.
(*Всеобщее молчаніе; всѣ глядятъ на Іоанну*)

ІОАННА (*вдругъ восклицаетъ*).

О Боже! мой отецъ!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тибо *выходитъ изъ толпы и становится прямо противъ Іоанны.*

МНОЖЕСТВО ГОЛОСОВЪ.

Ея отецъ!

ТИБО.

Такъ, горестный, несчастный
Ея отецъ, пришедшій самъ предать
На судъ свое дитя.

ГЕРЦОГЪ.

Что это значитъ?

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Ужасный свѣтъ увидимъ мы теперь.

ТИБО (*къ королю*).

Ты думаешь: могущество небесъ
Тебя спасло,—ты, государь, обманутъ;
Народъ, ты ослѣпленъ; вы спасены
Искусствомъ адовымъ.
(*Всѣ отступаютъ въ ужасѣ*).

ДЮНУА.

Безумство!

ТИБО.

Нѣтъ!
Безумецъ ты и всѣ вы! Какъ повѣрить,
Чтобы Господь, Создатель, Вседержитель,
Себя явилъ въ такой ничтожной твари?
Увидимъ мы: передъ лицомъ отца
Отважится ль она обманъ свой хитрый,
Которымъ васъ прельстила, подтвердить?
Отвѣтствуй мнѣ во имя Трисвятаго:

Принадлежишь ли ты къ святымъ и чистымъ?

(Всеобщее молчаніе, всѣ глаза устремлены на Іоанну; она стоитъ неподвижно).

АГНЕСА.

Она молчитъ!

ТИБО.

Она должна молчать
Предъ именемъ, предъ коимъ адъ и небо
Безмолвствуютъ. Она святая, небомъ
Намъ посланная? Нѣтъ, на мѣстѣ страшномъ,
Подъ деревомъ волшебнымъ, гдѣ издревле
Нечистый духъ гнѣздится, было все
Придумано; тамъ вѣчность продала
Она врагу, чтобъ славою минутной
Здѣсь, на землѣ, ее онъ возвеличилъ.

ГЕРЦОГЪ.

Ужасно!.. Но отцу повѣрить должно;
Отцу ли дочь свою оклеветать.

ДЮНУА.

Безумецъ, кто жестокому, безумцу,
Губящему дѣтей своихъ, повѣритъ!

АГНЕСА *(къ Іоаннѣ).*

Ахъ! отвѣчай; молю тебя, прерви
Ужасное твое молчанье; мы
Не усомнимся; насъ единымъ словомъ
Изъ устъ твоихъ ты можешь убѣдить;
Но отвѣчай; отвергни клевету;
Скажи, что ты невинна, и повѣримъ.

(Іоанна молчитъ; Агнеса отступаетъ отъ нея съ ужасомъ).

ЛЯ ГИРЪ.

Она испугана; внезапный ужасъ
Сковалъ языкъ ея; самъ Божій ангелъ
Отъ клеветы такой оцѣпенѣетъ...
Приди въ себя, очувствуйся; невинность
Имѣетъ взглядъ непобѣдимо-сильный;
Какъ молнія, сразитъ онъ клевету;
Іоанна, подыми свой чистый взоръ,
Воздвигнися во гнѣвѣ благородномъ,
Чтобъ пристыдить, чтобъ наказать сомнѣнье,
Срамящее святую добродѣтель.

(Іоанна молчитъ; Ля Гиръ, ужаснувшись, отступаетъ; движеніе въ народѣ увеличивается).

ДЮНУА.

Почто дрожитъ народъ? Чего страшатся
Вожди и рыцари? Она невинна.
Я княжескимъ моимъ ручаюсь словомъ;
И здѣсь бросаю я перчатку; кто
Отважется назвать ее виновной!

(Сильный ударъ грома; всѣ трепещутъ).

ТИБО.

Отъ имени гремящаго тамъ Бога
Я говорю: Іоанна, отвѣчай,
Скажи, что ты невинна, что врага
Нѣтъ въ сердцѣ у тебя, и въ клеветѣ
Изобличи отца.

(Другой сильный ударъ; народъ разбѣгается во всѣ стороны).

ГЕРЦОГЪ.

О! защити,
Создатель, насъ! какіе страшные знаки!

ДЮ ШАТЕЛЬ *(королю).*

Уйдите, государь.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Я вопрошаю
Во имя Бога: что велитъ тебѣ
Молчать—твоя невинность иль вина?
Ты слышала гремящій Божій голосъ?
Возьми сей крестъ—когда онъ за тебя.

(Іоанна стоитъ неподвижно; новые сильные удары грома. Король, Агнеса, архіепископъ, герцогъ, Ля Гиръ и Дю Шатель уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

ДЮНУА. ІОАННА.

ДЮНУА.

Іоанна, я назвалъ тебя невѣстой;
Я съ перваго тебѣ повѣрилъ взгляда;
Такъ думаю я и теперь; я вѣрю
Іоаннѣ болѣе, чѣмъ этимъ знакамъ,
Чѣмъ говорящему на небѣ грому.
Понятно мнѣ молчаніе твое:
То благородный гнѣвъ; себя закрывъ
Святой невинностью, ты подозрѣнью
Презрѣнному не хочешь дать отвѣта;
Пренебреги его—но мнѣ откройся;
Я въ чистотѣ твоей не усомнился;
Не говори ни слова; дай лишь руку
Въ залогъ, что ты себя моей рукѣ
И дѣлу правому ввѣряешь смѣло.

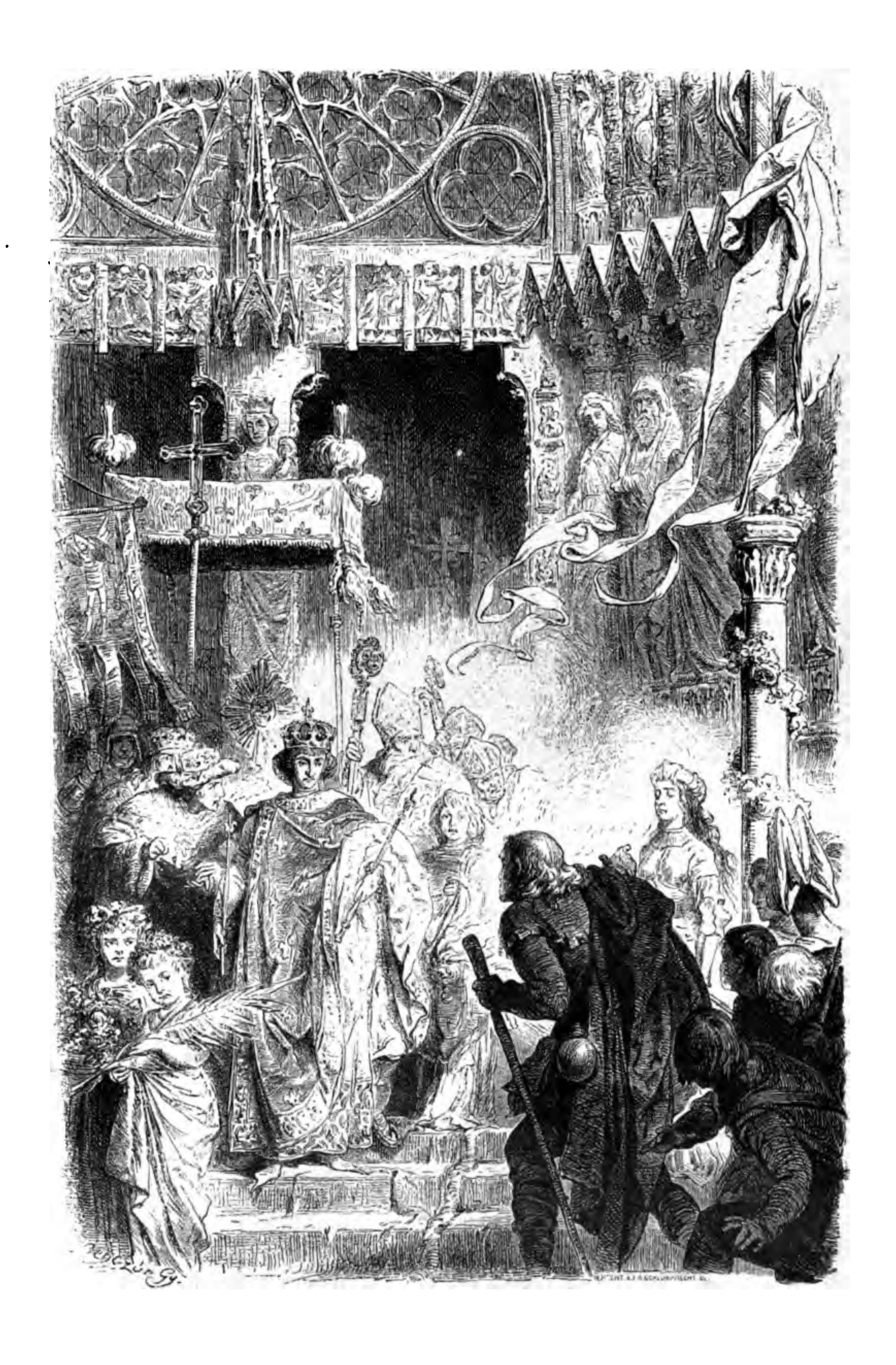
(Онъ подаетъ ей руку; она отворачивается съ трепетомъ; Дюнуа смотритъ на нее въ изумленіи и ужасѣ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ІОАННА, ДЮ ШАТЕЛЬ, ДЮНУА, *потомъ* РАЙМОНДЪ.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Іоанна д'Аркъ, король тебѣ позволилъ
Покинуть Реймсъ; тебѣ отворены



Ворота; не страшись,—никто тебя
Не оскорбитъ; король твоя защита...
Графъ Дюнуа, вамъ быть здѣсь неприлично;
Какой конецъ!...

(Онъ уходитъ; Дюнуа нѣсколько времени молчитъ, потомъ бросаетъ взглядъ на Іоанну и медленно удаляется; Іоанна остается одна; наконецъ является Раймондъ; онъ останавливается въ отдаленіи; смотритъ на нее въ горестномъ молчаніи; потомъ подходитъ къ ней и беретъ ее за руку).

РАЙМОНДЪ.

Воспользуйся минутой;
На улицахъ все пусто: дай мнѣ руку;
Иди за мной; я буду твой защитникъ.

(При взглядѣ на него, она подаетъ первый знакъ чувства; смотритъ быстро ему въ лице, потомъ на небо; потомъ съ живостью беретъ его за руку и они уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Густой дикій лѣсъ; вдали хижина угольщика; темно; ужасная гроза; слышны выстрѣлы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Угольщикъ *и его* жена.

УГОЛЬЩИКЪ.

Какая сильная гроза! все небо
Въ огнѣ; среди бѣла дня ночь, и страшно
Бушуетъ вѣтеръ. Видишь ли, какъ гнутся
Деревья, какъ бунтуютъ ихъ вершины?
И эта на небѣ война—предъ нею
И дикій звѣрь смиряется и робко
Въ свой темный логъ уходитъ—лишь однихъ
Людей она не можетъ усмирить;
Сквозь шумъ грозы, сквозь громъ и вихорь слышны
Мнѣ выстрѣлы; и оба войска такъ
Одно къ другому близко, что теперь
Лишь только этотъ лѣсъ ихъ раздѣляетъ
Того и жди, что битва загорится.

ЖЕНА.

Помилуй насъ, Господь; враги разбиты
Ужъ на голову были; отъ чего жъ
Они опять такъ сдѣлались отважны?

УГОЛЬЩИКЪ.

Ужъ имъ теперь король нашъ не опасенъ;
Съ тѣхъ поръ, какъ дѣва стала въ Реймсѣ вѣдьмой,
Нечистый духъ намъ болѣ не помощникъ
И все пошло вверхъ дномъ.

ЖЕНА.

Смотри, смотри
Кто тамъ идетъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. Іоанна. Раймондъ.

РАЙМОНДЪ.

Здѣсь хижина, Іоанна,
Иди за мной, мы здѣсь найдемъ пріютъ;
Ты выбилась изъ силъ; ужъ третій день,
Какъ по лѣсу безлюдному ты бродишь,
Лишь дикими кореньями питаясь.
(Гроза мало по малу утихаетъ; становится ясно).
Здѣсь угольщикъ живетъ; поди сюда,
Іоанна.

УГОЛЬЩИКЪ.

Вы устали; отдохните
У насъ; чѣмъ Богъ послалъ, мы тѣмъ охотно
Васъ угостимъ.

ЖЕНА.

На ней военный панцырь:
Къ чему это?... Но, правда, въ наше время
И женщинѣ всего приличнѣй латы;
слышала, что королева-мать
Явилася опять у англичанъ,
Надѣла шлемъ и панцырь, и живетъ
Въ ихъ лагерѣ, какъ ратникъ; и давно ли
Пастушка, дочь крестьянина простого,
За короля сражалась?...

УГОЛЬЩИКЪ.

Замолчи;
Поди, изъ хижины ей принеси
Напиться.

(Она уходитъ въ хижину).

РАЙМОНДЪ.

Видишь ли, Іоанна? Люди
Не всѣ безжалостны, и въ дикомъ лѣсѣ
Есть добрыя сердца; развеселись;
Гроза прошла, на небѣ ясно, солнце
Въ безоблачномъ сіяніи заходитъ.

УГОЛЬЩИКЪ.

Конечно, вы идете къ нашимъ войскамъ;
Остерегитеся: здѣсь недалеко
Поставили свой лагерь англичане,
И по лѣсу ежеминутно бродятъ
Отряды ихъ.

РАЙМОНДЪ.

Бѣда намъ; какъ отъ нихъ
Спастись?

УГОЛЬЩИКЪ.

Останьтесь здѣсь; мой мальчикъ скоро
Воротится изъ города; онъ васъ
Оврагами лѣсными проведетъ
Въ французскій лагерь; намъ тропинки всѣ
Знакомы здѣсь.

РАЙМОНДЪ *(Іоаннѣ).*

Сними свой шлемъ и панцырь;
Они тебя не защитятъ, лишь только
Врагамъ откроютъ.

(Іоанна трясетъ головою).

УГОЛЬЩИКЪ.

Отчего она
Такая грустная?... Но тише, кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

Угольщикова жена *выходитъ изъ хижины съ стаканомъ воды.* Сынъ *ихъ и* прежніе.

ЖЕНА.

Нашъ мальчикъ, онъ изъ Реймса воротился.
Пей съ Богомъ.

(Подаетъ Іоаннѣ стаканъ).

УГОЛЬЩИКЪ.

Что скажешь? Что тамъ слышно?

СЫНЪ *(увидя, что мать его подаетъ стаканъ Іоаннѣ и узнавъ ее, бросается къ ней и вырываетъ изъ рукъ ея стаканъ).*

Прочь, что ты дѣлаешь? Кому напиться
Ты принесла?... Вѣдь, это чародѣйка.

УГОЛЬЩИКЪ И ЖЕНА ЕГО *(вмѣстѣ).*

Помилуй насъ, Небесный Царь!

(Крестятся и убѣгаютъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Раймондъ. Іоанна.

ІОАННА *(съ кротостію).*

Ты видишь!
Проклятіе за мною по слѣдамъ;
Все отъ меня бѣжитъ; бѣги и ты;
Спасайся, другъ; покинь меня.

РАЙМОНДЪ.

Тебя
Покинуть! мнѣ! теперь!... но кто же будетъ
Твоимъ проводникомъ?...

ІОАННА.

Я не одна;
Есть проводникъ; ты слышалъ громъ небесный;
Моя судьба ведетъ меня; я къ цѣли
Моей, и не искавъ ея, дойду.

РАЙМОНДЪ.

Но этотъ лѣсъ опасенъ: англичане
Толпятся здѣсь; они клялись тебѣ
Отмстить. А тамъ французы; и они
Противъ тебя... Куда же ты пойдешь?

ІОАННА.
Чему не должно быть, того со мной
Не будетъ.
РАЙМОНДЪ.
Кто жъ тебѣ здѣсь пищи станетъ
Искать? Кто здѣсь тебя оборонитъ
Отъ звѣря дикаго, отъ злыхъ людей?
Кто будетъ за тобой ходить въ болѣзни
И нищетѣ?
ІОАННА.
Я знаю всѣ коренья
И травы—отъ овецъ я научилась
Цѣлебныя отъ вредныхъ отличать;
Я знаю ходъ свѣтилъ и облаковъ;
Мнѣ внятенъ шумъ потоковъ сокровенныхъ...
Для человѣка здѣсь немного нужно;
Природа жизнію богата.
РАЙМОНДЪ.
Правда;
Но должно бы тебѣ войти въ себя,
Покаяться и примириться съ Богомъ,
И возвратиться въ нѣдра Церкви...
ІОАННА.
Другъ,
И ты меня винишь?
РАЙМОНДЪ.
Я принужденъ;
Твое безмолвное признанье...
ІОАННА.
Какъ?
Ты, не покинувшій меня въ бѣдѣ,
Единое, мнѣ вѣрное творенье,
Ты, мнѣ отдавшійся, когда весь свѣтъ
Отрекся отъ меня, и ты считаешь
Меня отступницей, забывшей Бога!
(Раймондъ молчитъ).
РАЙМОНДЪ.
Какъ, въ самомъ дѣлѣ
Ты не волшебница, Іоанна?
ІОАННА.
Я
Волшебница?
РАЙМОНДЪ.
А эти чудеса,
Ты съ помощью небесной ихъ свершила?
ІОАННА.
Съ какою же иной?
РАЙМОНДЪ.
Но для чего же
Молчала ты предъ страшнымъ обвиненьемъ?
Теперь ты говоришь; а при народѣ,
При королѣ, гдѣ ты должна была
Отвѣтствовать, была ты какъ нѣмая.
ІОАННА.
Я той судьбѣ въ молчаньи покорилась,
Которую мой Богъ, мой повелитель,
Назначилъ мнѣ.
РАЙМОНДЪ.
Но развѣ дать отвѣт
Ты не могла отцу?
ІОАННА.
Отъ Бога было,
Что было отъ отца; и испытанье
Отеческое будетъ.
РАЙМОНДЪ.
Голосъ неба
Твою вину свидѣтельствовалъ имъ.
ІОАННА.
И потому, что небо говорило,
Молчала я.
РАЙМОНДЪ.
Какъ? Ты единымъ словомъ
Могла очиститься—и ты рѣшилась
Оставить свѣтъ въ погибельномъ обманѣ
ІОАННА.
То не обманъ; то было испытанье.
РАЙМОНДЪ.
И этотъ стыдъ стерпѣла ты безвинно,
Съ покорностью, безъ ропотнаго слова?
О! я тебѣ дивлюсь; мой умъ мутится;
Въ моей груди поворотилось сердце;
Я самъ твоей вины не постигалъ,
И сладко мнѣ словамъ твоимъ повѣрить..
Но кто бъ вообразилъ, что сердце въ силахъ
Безмолвствовать предъ ужасомъ такимъ?
ІОАННА.
Была ли бъ я посланницею Бога,
Когда бъ Его не чтила слѣпо власти?
И я не такъ несчастна, какъ ты мыслишь
Я въ нищетѣ—но въ низкой нашей долѣ
Несчастье ль нищета? Меня изгнали,
Нѣтъ мѣста, гдѣ мнѣ голову склонить—
Но знать себя въ степи я научилась;
Лишь тамъ была борьба въ моей душѣ,
Гдѣ вкругъ меня сіяла честь; весь свѣтъ
Моей судьбѣ завидовалъ, а я
Была несчастнѣй всѣхъ... Но все прошло
И я исцѣлена; и эта буря,
Грозившая природѣ разрушеньемъ,
Была мнѣ другъ: съ землею и меня
Она очистила; во мнѣ спокойно;
Пусть будетъ то, чему быть должно—я
Ужъ слабости не вѣдаю въ себѣ.
РАЙМОНДЪ.
Пойдемъ, пойдемъ, изобличимъ неправду;
Пускай твою невинность свѣтъ узнаетъ.
ІОАННА.
Кто ослѣпилъ ихъ очи, тотъ одинъ
И просвѣтитъ ихъ; не дозрѣвши, плодъ
Судьбы не упадетъ; наступитъ день—
И кто теперь меня клянетъ и гонитъ,
Тотъ свой обманъ признаетъ, и въ слезахъ
Моей судьбѣ отказано не будетъ.

РАЙМОНДЪ.

Какъ, буду ль ждать въ молчаніи, чтобъ
случай...

ІОАННА (*съ кротостью, взявъ его за руку*).

Другъ, ты одно естественное видишь;
И пелена земная омрачаетъ
Твой взоръ—но я безсмертное глазами
Здѣсь видѣла... Безъ Бога не падетъ
И волосъ съ нашей головы. Взгляни
На заходящее тамъ солнце,—завтра
Оно опять взойдетъ среди сіянья;
Такъ вѣрно день наступитъ оправданья.

ЯВЛЕНІЕ V.

Королева Изабелла *съ* солдатами *и* прежніе.

КОРОЛЕВА (*еще за сценою*).

Здѣсь въ лагерь англійскій дорога.

РАЙМОНДЪ.

Боже!
Погибли! непріятель!
(*Солдаты выходятъ на сцену; увидя Іоанну, они отступаютъ въ ужасѣ*).

КОРОЛЕВА.

Что случилось?
Что испугало васъ? Куда бѣжите?
(*Увидя Іоанну, невольно содрагается*).
Что вижу я!
(*Одумавшись, быстро къ ней подходитъ*).
Остановися, сдайся;
Ты плѣнница моя.

ІОАННА.

Сдаюсь.
(*Раймондъ убѣгаетъ въ отчаяніи*).

КОРОЛЕВА.

Въ оковы!
(*Солдаты робко подходятъ къ Іоаннѣ; она протягиваетъ руку; на нее налагаютъ цѣпи*).
Вотъ та ужасная, передъ которой
Въ сраженьи вы, какъ овцы, разбѣгались;
Она себя не въ силахъ защитить;
Чудесная, для тѣхъ, кто вѣрилъ чуду;
Лишь женщина при встрѣчѣ съ твердымъ
мужемъ. (*Къ Іоаннѣ*).
Зачѣмъ покинула ты войско? Гдѣ
Графъ Дюнуа, твой рыцарь и защитникъ?

ІОАННА.

Меня изгнали.

КОРОЛЕВА.

Какъ, тебя изгнали?
Мой сынъ тебя изгналъ?

ІОАННА.

Къ чему вопросы?
Я плѣнница твоя; рѣши мой жребій.

КОРОЛЕВА.

Изгналъ; за то, что былъ тобой спасенъ
Отъ гибели, и въ Реймсѣ коронованъ,
И королемъ французскимъ сдѣланъ; въ этомъ
Я сына узнаю... Вы! отведите
Ее въ нашъ лагерь; пусть увидитъ войско
Страшилище, пугавшее его.
Она волшебница? Въ безумствѣ вашемъ
И въ вашей робости—ея волшебство;
Она сама безумная; она
За короля пожертвовала жизнью—
И королевскую теперь награду
Пускай узнаетъ.—Прямо къ Ліонелю
Ее ведите: я ему съ ней вмѣстѣ
Передаю окованное счастье
Французовъ... Я сама за вами скоро
Послѣдую; идите.

ІОАННА.

Къ Ліонелю?
Нѣтъ, лучше умертви меня.

КОРОЛЕВА.

Идите.
(*Уходитъ съ частію солдатъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Іоанна, солдаты.

ІОАННА (*къ солдатамъ*).

Британцы, вы ль потерпите, чтобъ я
Изъ вашихъ рукъ живая вышла? Выньте
Мечи, вонзите ихъ мнѣ въ сердце, бросьте
Къ ногамъ вождя мой трупъ окровавленный;
О! вспомните, что я храбрѣйшихъ вашихъ
Товарищей сразила безпощадно,
Что я лила ручьями кровь британцевъ,
Что отъ меня столь многіе изъ васъ
Съ отчизною свиданья лишены;
Отмстите мнѣ; убійцу умертвите;
Она у васъ въ рукахъ; вы не всегда
Столь слабою увидите ее.

НАЧАЛЬНИКЪ.

Исполните, что велѣно.

ІОАННА.

О Боже!
Уже ль мнѣ быть несчастною вполнѣ?...
Владычица, иль Ты непримирима?
Иль я совсѣмъ отвержена Тобою?

Не внемлетъ Богъ; не сходитъ Божій ангелъ;
Спятъ чудеса; и небо затворилось.

(Слѣдуетъ за солдатами)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Французскій лагерь.

Дюнуа. Архіепископъ. Дю Шатель.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Спокой твое негодованье, принцъ;
Король насъ ждетъ; уже ль теперь покинешь
Ты дѣло общее, когда все гибнетъ,
Когда рука могущая въ защиту
Отечеству нужна?

ДЮНУА.

Но что причиной
Намъ новыхъ бѣдъ? Что подняло врага?
Все было рѣшено: побѣда наша;
Врагъ истребленъ; окончена война...
Спасительницу вы изгнали,—сами
Теперь спасайтеся; а мнѣ противенъ
Тотъ лагерь, гдѣ ея ужъ болѣ нѣтъ.

ДЮ ШАТЕЛЬ.

Не отпускай насъ, принцъ, съ такимъ отвѣтомъ,
Подумай...

ДЮНУА.

Дю Шатель, молчи; тебя
Я ненавижу; ты мой первый врагъ;
Въ ея душѣ ты первый усомнился.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Но кто жъ изъ насъ могъ вѣру сохранить
Въ тотъ страшный день, когда самъ Божій громъ
Противъ нея свидѣтельствовалъ съ неба?
Мы были всѣ поражены; кто могъ
При ужасѣ такомъ не обезумѣть?...
Но заблужденіе прошло; мы видимъ
Ее опять въ той прелести, въ какой
Она явилась намъ, и въ страхѣ мыслимъ,
Что тяжкая неправда совершилась;
Король раскаялся; бургундскій герцогъ
Себя винитъ; въ отчаяньи Ля Гиръ,
И мрачная унылость въ каждомъ сердцѣ.

ДЮНУА.

Она обманщица? О! если съ неба
Святая истина сойти хотѣла—
Ея черты она бы приняла;
И если гдѣ живутъ здѣсь на землѣ
Невинность, вѣрность, правда, чистота—
То на устахъ, то въ свѣтломъ взорѣ
Ея жить должно имъ.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Лишь чуду свыше
Разсѣять мракъ ужасной этой тайны,
Для ока смертнаго непостижимой;
Но что ни совершись—все мы виновны
Въ одномъ; иль мы въ союзѣ были съ адомъ,
Иль Божію посланницу изгнали,
И вышній гнѣвъ за наше преступленье
Несчастное отечество казнитъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Пажъ, прежніе, *потомъ* Раймондъ.

ПАЖЪ.

Графъ, молодой пастухъ пришелъ къ вамъ: онъ
Усильно проситъ, чтобъ ему вамъ лично
Сказать два слова дали; онъ о дѣвѣ
Извѣстіе принесъ.

ДЮНУА.

Скорѣй ввести
Его сюда!.. извѣстіе о ней!
(Бѣжитъ на встрѣчу къ Раймонду).
Гдѣ, гдѣ она?

РАЙМОНДЪ.

Благодаренье Богу,
Что съ нами здѣсь святой нашъ архипастырь,
Несчастныхъ другъ, подпора притѣсненныхъ;
Онъ будетъ мой заступникъ.

ДЮНУА.

Гдѣ Іоанна?

АРХІЕПИСКОПЪ.

Отвѣтствуй намъ, мой сынъ.

РАЙМОНДЪ.

Ахъ! вѣрьте мнѣ,
Не хитрая волшебница она.
Свидѣтель Богъ и всѣ Его Святые:
Вы и народъ обмануты; невинность
Изгнали вы; посланницу Господню
Отвергнули.

ДЮНУА.

Но гдѣ она? Скажи

РАЙМОНДЪ.

Я былъ ея проводникомъ; въ Арденскомъ
Лѣсу скитались мы, и тамъ она
Все исповѣдала передо мною;
Я въ мукахъ умереть готовъ и царства
Небеснаго пускай мнѣ не видать,
Когда она, какъ ангелъ, не безгрѣшна.

ДЮНУА.

Самъ Божій день души ея не чище;
Но гдѣ она?

РАЙМОНДЪ.

О! если вамъ Господь
Къ ней душу обратилъ—то поспѣшите

Ее спасти; она у англичанъ
Въ плѣну.

ДЮНУА.

Въ плѣну!

АРХІЕПИСКОПЪ.

Несчастная!

РАЙМОНДЪ.

Въ Арденахъ,
Гдѣ вмѣстѣ мы пристанища искали,
Попалась намъ на встрѣчу королева;
Она ее велѣла оковать,
И въ непріятельскій послала лагерь...
Погибнуть въ мукахъ ей; о! поспѣшите
Съ защитою къ защитницѣ своей.

ДЮНУА.

Къ оружію! бей сборъ! все войско въ строй!
Вся Франція бѣги за нами въ бой;
Въ залогѣ честь; поругана корона;
Разрушена престола оборона;
Въ рукахъ врага палладіумъ святой;
Все за нее; всей крови нашей мало.
(Обнажаетъ мечъ).
Спасти ее, во что бы то ни стало!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Башня; на верху ея отверстіе.

ІОАННА, ЛІОНЕЛЬ, ФАСТОЛЬФЪ, *потомъ* КОРОЛЕВА.

ФАСТОЛЬФЪ *(входя)*.

Не укротить бунтующій народъ;
Какъ бѣшеный, онъ требуетъ, чтобъ выдалъ
Ты плѣнницу ему на жертву; силой
Его не одолѣть; убей ее,
И выбрось къ нимъ ея кровавый трупъ;
Другимъ ничѣмъ не усмирится войско.

КОРОЛЕВА *(входитъ)*.

Ужъ лѣстницы приставлены къ стѣнѣ;
Хотятъ взять приступомъ нашъ замокъ...
Слышишь
Ихъ крикъ?... Дождешься ли, чтобъ силой
Они сюда вломились? Мы погибнемъ;
Ее не защитить; отдай ее.

ЛІОНЕЛЬ.

Пускай бунтуютъ; мнѣ не страшенъ приступъ;
Мой замокъ крѣпокъ; я скорѣй въ его
Обломкахъ погребусь, чѣмъ дерзкой волѣ
Бунтовщиковъ поддамся... Отвѣчай,
Іоанна, мнѣ; рѣшися быть моею—
И за тебя я драться съ цѣлымъ свѣтомъ
Готовъ.

КОРОЛЕВА.

Стыдись, британскій вождь.

ЛІОНЕЛЬ.

Твои
Отвергнули тебя; неблагодарной
Отчизнѣ ты ничѣмъ ужъ не должна,
Предатели, спасенные тобою,
Тебя покинули,—они не смѣли
За честь твою сразиться; я жъ осмѣлюсь
Съ моимъ, съ твоимъ народомъ за тебя
Сразиться... Мнѣ казалось прежде,
Что жизнію моей ты дорожила;
Тогда врагомъ стоялъ я предъ тобою,—
А нынѣ я единственный твой другъ.

ІОАННА.

Изъ всѣхъ враговъ народа моего
Ты ненавистнѣйшій мнѣ врагъ; межъ нами
Быть общаго не можетъ; не могу
Тебя любить... Но если ты наклоненъ
Ко мнѣ душой, то пусть во благо будетъ
Твоя любовь для нашихъ двухъ народовъ;
Вели твоимъ полкамъ мою отчизну
Немедленно покинуть; возврати
Мнѣ всѣ ключи французскихъ городовъ,
Похищенныхъ войной; отдай всѣхъ плѣнныхъ
Безъ выкупа; вознагради за все,
Что здѣсь разорено, и дай залоги
Священной вѣрности,—тогда тебѣ
Отъ имени монарха моего
Я предлагаю миръ.

КОРОЛЕВА.

Ты смѣешь намъ,
Безумная, въ цѣпяхъ давать законы?

ІОАННА.

Рѣшись завременно; ты *долженъ* будешь
Рѣшиться; Франціи не одолѣть;
Нѣтъ, нѣтъ, тому не быть! скорѣй она
Для нашихъ войскъ обширнымъ гробомъ
будетъ.
Храбрѣйшіе изъ васъ погибли; вспомни
О родинѣ; подумай о возвратѣ;
Уже давно пропала ваша слава;
И вашего могущества ужъ нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Одинъ изъ военачальниковъ входитъ поспѣшно.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Скорѣе, вождь, устрой полки въ сраженье
Французское поколебалось войско;
Они идутъ, знамена распустивъ;
Долина вся оружіемъ сверкаетъ.

ІОАННА.

Идутъ, идутъ! теперь вооружись,

Британія! теперь отвѣдай силы!
Ударилъ часъ; увидимъ, чья побѣда!

ФАСТОЛЬФЪ.

Безумная, твоя напрасна радость;
Изъ этихъ стѣнъ живая ты не выйдешь!

ІОАННА.

Пускай умру,—народъ мой побѣдитъ;
Для храбрыхъ я ужъ болѣ не нужна.

ЛІОНЕЛЬ.

Я презираю ихъ; во всѣхъ сраженьяхъ
Мы съ ними ладили, доколѣ эта
Рука за нихъ не поднялась. Межъ ними
Одна была достойна уваженья;
И ту они изгнали... Другъ, пойдемъ;
Теперь нашъ часъ; пришла пора напомнить
Имъ страшный день Креки и Пуатье.
Вы, королева, здѣсь останьтесь; вамъ
Ввѣряю плѣнницу.

ФАСТОЛЬФЪ.

Какъ? намъ ее
Покинуть за собой?

ІОАННА.

Стыдися, воинъ,
Ты женщин окованной робѣешь.

ЛІОНЕЛЬ (*Іоаннѣ*).

Дай слово мнѣ, что ты искать свободы
Не станешь.

ІОАННА.

Нѣтъ, свободу возвратить
Живѣйшее желаніе мое.

КОРОЛЕВА.

Въ тройную цѣпь ее закуйте; жизнью
Клянусь вамъ, что она не убѣжитъ.
(*На Іоанну налагаютъ цѣпи, которыя окружаютъ и руки ея и все тѣло*).

ЛІОНЕЛЬ.

Іоанна, ты сама того хотѣла;
Еще не поздно; будь за насъ и знамя
Британское возьми, и ты свободна;
И тѣ враги, которые такъ крови
Твоей хотятъ, твою признаютъ волю.

ФАСТОЛЬФЪ.

Пойдемъ, пойдемъ.

ІОАННА.

Не трать напрасно словъ;
Они идутъ; спѣши обороняться.
(*Трубы, Ліонель уходитъ*).

ФАСТОЛЬФЪ.

Вы знаете, что дѣлать, королева,
Когда не къ намъ наклонится фортуна,
Когда не мы побѣду...

КОРОЛЕВА (*вынимая кинжалъ*).

Будь спокоенъ;
Я ей не дамъ торжествовать.

ФАСТОЛЬФЪ (*Іоаннѣ*).

Теперь
Ты знаешь жребій свой; молися жъ Небу,
Чтобъ твой народъ оно благословило.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ІОАННА. КОРОЛЕВА. СОЛДАТЫ.

ІОАННА.

Я буду за него молиться; кто
Языкъ мой окуетъ?... Но что я слышу?
Военный маршъ народа моего;
Какъ мужественно онъ гремитъ мнѣ въ душу!
Побѣда Франціи! Британцамъ гибель!
Впередъ, мои безстрашные, впередъ!
Іоанна близко; знамя передъ вами
Она нести не можетъ, какъ бывало!
Она въ цѣпяхъ—но духъ ея свободно
Стремится въ бой за вашей бранной пѣснью.

КОРОЛЕВА (*одному изъ солдатъ*).

Взойди на башню; съ ней все поле видно;
Разсказывай, что тамъ случится...
(*Солдатъ всходитъ на башню*).

ІОАННА.

Дружно!
Мужайся, мой народъ, то бой послѣдній;
Еще побѣда—и врага не стало!

КОРОЛЕВА.

Что видишь тамъ?

СОЛДАТЪ.

Сошлись... Вотъ кто-то скачетъ,
Какъ бѣшеный, на ворономъ конѣ,
Покрытый тигромъ, вслѣдъ за нимъ жандармы.

ІОАННА.

Графъ Дюнуа! впередъ, мой добрый витязь
Побѣда тамъ, гдѣ ты.

СОЛДАТЪ.

Бургундскій герцог
Ударилъ на мостъ.

КОРОЛЕВА.

Смерть тебѣ, предатель!

СОЛДАТЪ.

Ему Фастольфъ дорогу заступилъ!
Сошли съ коней—дерутся, грудь на грудь—
Бургундцы съ нашими перемѣшались.

КОРОЛЕВА.

Узналъ ли ты дофина? Не видать ли
Тамъ королевскихъ знаковъ?

СОЛДАТЪ.

Все въ пыли
Смѣшалось; ничего не различишь.

ІОАННА.

Когда бъ мой взоръ имѣлъ онъ, иль н
башнѣ

Стояла я,—ничто бъ не ускользнуло
Отъ зоркости моей; и вдалекѣ
Отъ ворона орла бъ я отличила.

СОЛДАТЪ.

Теперь во рву ужасная тревога...
Тутъ всѣ вожди...

КОРОЛЕВА.

А наше знамя?

СОЛДАТЪ.

Вѣетъ.

ІОАННА.

О! если бъ я хотя въ проломъ стѣны
Смотрѣть на нихъ могла; тогда бъ и взоръ мой
Сраженіемъ повелѣвалъ.

СОЛДАТЪ.

Бѣгутъ!
Бѣгутъ! побѣда!

КОРОЛЕВА.

Кто бѣжитъ?

СОЛДАТЪ.

Французы!
Бургундцы; поле все покрылось ими.

ІОАННА.

О Боже! до того ль меня покинешь?

СОЛДАТЪ.

Какой-то раненый упалъ... на помощь
Бѣгутъ толпы... то вѣрно вождь...

КОРОЛЕВА.

Французъ,
Иль нашъ?

СОЛДАТЪ.

Снимаютъ шлемъ; графъ Дюнуа.

ІОАННА (*въ отчаяніи порывается изъ цѣпей*).

А я въ цѣпяхъ!

СОЛДАТЪ.

Вотъ кто-то въ голубой
Богатой мантіи съ шитьемъ и съ бѣлымъ
Перомъ на шлемѣ... онъ несется прямо
На нашихъ.

ІОАННА (*съ живостью*).

То король, мой государь!

СОЛДАТЪ.

Конь испугался—прянулъ—и упалъ—
Онъ бьется подъ конемъ—онъ въ стременахъ
Запутался—къ нему помчались наши—
Ужъ близко—вотъ они—онъ окруженъ.
(Іоанна сопровождаетъ каждое слово отчаяннымъ движеніемъ).

ІОАННА.

Иль ангеловъ на небесахъ не стало?

КОРОЛЕВА (*съ ругательнымъ смѣхомъ*).

Теперь пора... Защитница; спасай!

ІОАННА (*бросившись на колѣна*).

Господь, Господь! въ бѣдѣ моей жестокой,
На небеса Твои, съ надеждой, съ вѣрой,
Въ тоскѣ, въ слезахъ я душу посылаю;
Всесиленъ ты—тончайшей паутинѣ
Тебѣ легко дать крѣпость твердой стали;
Всесиленъ ты—тройнымъ желѣзнымъ узамъ
Тебѣ легко дать бренность паутины;
Ты повелишь и цѣпь сія падетъ;
И сей тюрьмы разступится стѣна;
Ты дивный Богъ; съ Тобой слѣпецъ Самсонъ
И въ слабости могущество низринулъ;
Тебя призвавъ, онъ столбъ переломилъ—
И на врага упали своды храма.

СОЛДАТЪ.

Побѣда!

КОРОЛЕВА.

Что?

СОЛДАТЪ.

Король взятъ въ плѣнъ.

ІОАННА (*вскочивъ*).

Нѣтъ! съ нами
Богъ!

(Она схватила обѣими руками свои цѣпи и разомъ перервала ихъ; потомъ бросилась на близъ стоявшаго воина, вырвала изъ рукъ его мечъ и убѣжала; всѣ остались неподвижны отъ изумленія и ужаса).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Прежніе, *кромѣ* Іоанны.

КОРОЛЕВА (*послѣ долгаго молчанія*).

Что это? Во снѣ ль я? Гдѣ она?
И эту цѣпь она перервала!
Своимъ глазамъ повѣрить я не смѣю.

СОЛДАТЪ (*съ башни*).

Она на крыльяхъ; вихремъ мчится.

КОРОЛЕВА.

Гдѣ
Она?

СОЛДАТЪ.

Ударила въ средину битвы;
Мой взоръ за ней не поспѣваетъ—вдругъ
И тамъ, и тутъ, и въ тысячѣ мѣстахъ
Является она,—тамъ раздвоитъ
Толпу—тамъ сломитъ строй—все передъ ней
Бѣжитъ и падаетъ... Французы стали,
Опять построились... О, горе! наши

Разсыпались—оружіе бросаютъ—
Знамена пали.—

КОРОЛЕВА.

Какъ? Ужель она
Отыметъ вѣрную у насъ побѣду?

СОЛДАТЪ.

Она пробилась къ королю—и сильной
Рукою вырвала его изъ битвы—
Къ ней бросился Фастольфъ—онъ опрокинутъ—
Вождь окруженъ—его схватили.

КОРОЛЕВА.

Стой;
Ни слова болѣе, сойди!

СОЛДАТЪ.

Бѣгите!
Спасайтеся! они хотятъ ударить
На замокъ нашъ.

(Сходитъ съ башни).

КОРОЛЕВА *(вынимая мечъ).*

Обороняйтесь, стойте.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Ля Гиръ *вбѣгаетъ съ* СОЛДАТАМИ; КОРОЛЕВИНЫ СОЛДАТЫ *бросаютъ оружіе.*

ЛЯ ГИРЪ *(почтительно подходя къ ней).*

Поддайтеся побѣдѣ, королева;
Всѣ ваши рыцари въ плѣну; безъ нужды
Не должно крови лить; мои услуги
Я предлагаю вамъ... Куда велите
Васъ проводить?

КОРОЛЕВА.

Туда, гдѣ нѣтъ дофина;
Мнѣ все равно, лишь бы его не встрѣтить.
(Отдаетъ мечъ и слѣдуетъ за Ля Гиромъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Поле сраженія; позади сцены солдаты съ распущенными знаменами; впереди КОРОЛЬ И ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ; *на рукахъ у нихъ лежитъ* ІОАННА, *смертельно раненая и неподвижная; они тихо подвигаются впередъ;* АГНЕСА *вбѣгаетъ.*

АГНЕСА.

Ты живъ, освобожденъ, ты снова мой!

КОРОЛЬ.

Освобожденъ... но вотъ цѣна свободы;
Смотри!

(Указываетъ на Іоанну).

АГНЕСА.

Іоанна! Боже! умираетъ.
Скончалась; улетѣлъ нашъ ангелъ; тихо,
Безгорестно, какъ спящее дитя,
Она лежитъ и райскій миръ сіяетъ,
Въ чертахъ ея лица; уже дыханье
Не подымаетъ груди ей; но жизнь
Чувствительна еще въ рукѣ горячей.

КОРОЛЬ.

Ея ужъ нѣтъ; она ужъ не проснется;
Ея глаза померкли для земного;
И съ высоты преображенный ангелъ
Не зритъ ни слезъ, ни угрызеній нашихъ.

АГНЕСА.

Она жива; она глаза открыла.

ГЕРЦОГЪ.

Иль хочетъ къ намъ изъ гроба воротиться?
Иль смерть покорна ей?.. Она встаетъ.

ІОАННА *(осматриваясь).*

Гдѣ я?

ГЕРЦОГЪ.

Съ своимъ народомъ, посреди
Твоихъ, Іоанна.

КОРОЛЬ.

Здѣсь твои друзья;
Здѣсь твой король.

ІОАННА *(долго смотрѣвъ неподвижными глазами).*

Ахъ! нѣтъ! вы въ заблужденьи;
Я не волшебница.

КОРОЛЬ.

Ты ангелъ чистый;
Мы были слѣпы; нашъ былъ умъ въ затменьи.

ІОАННА *(осматриваясь съ веселой улыбкою).*

И такъ опять съ народомъ я моимъ;
И не отвержена; и не въ презрѣньи;
И не клянутъ меня; и я любима...
Такъ! все теперь опять я узнаю...
Вотъ мой король... вотъ Франціи знамена...
Но моего не вижу... Гдѣ оно?
Безъ знамени явиться не могу;
Его мой Богъ, Владыка мой мнѣ ввѣрилъ;
Его должна передъ Господній тронъ
Я положить; теперь съ нимъ показаться
Я смѣю: я ему не измѣнила.

КОРОЛЬ *(отвративъ глаза)*.

Подайте знамя... Вотъ оно; возьми.

(Она беретъ его, подымается и стоитъ, никѣмъ не будучи поддерживаема; небо сіяетъ яркимъ блескомъ).

ІОАННА.

Смотрите, радуга на небесахъ;
Растворены врата ихъ золотыя;
Средь ангеловъ—на персяхъ вѣчный Сынъ—
Въ божественныхъ лучахъ стоитъ Она,
И съ милостью ко мнѣ простерла руки;
О, что со мною?... Мой тяжелый панцырь
Сталъ легкою крылатою одеждой...
Я въ облакахъ... я мчуся быстротечно...
Туда... туда!.. земля ушла изъ глазъ;
Минутна скорбь, блаженство безконечно.

(Знамя выпадаетъ изъ рукъ ея, и она мертвая на него опускается; всѣ стоятъ въ горестномъ молчаніи.—Король подаетъ знакъ, и тихо склоняютъ на нее всѣ знамена такъ, что она совершенно ими закрыта).

В. Жуковскій.

Примѣчанія ко II тому.

КОВАРСТВО и ЛЮБОВЬ.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

первый выходъ.

Стр. 20. Миллеръ: *У нашего Роднея.* Родней—знаменитый англійскій морякъ; нѣкоторые комментаторы полагаютъ, что Миллеръ имѣетъ въ виду собаку.

Миллеръ: *И стану навозъ возить.* Пропущено: въ резонансной доскѣ (отъ віолончели).

пятый выходъ.

Стр. 25. Президентъ: *И заплачу въ полицію штрафъ за его дѣвку.* Въ оригиналѣ: кормовыя деньги за ея содержаніе въ тюрьмѣ.

Президентъ: *Получить талеръ.* Въ подлинникѣ *Karolin*—золотой, цѣной въ 19 марокъ.

шестой выходъ.

Гофмаршалъ *завитъ à la hérisson*, т. е. ёжикомъ—тогдашняя модная прическа.

Стр. 26. Гофмаршалъ: *Его высочество въ кафтанѣ цвѣта merde d'oie*, т. е. гусинаго помета: модный цвѣтъ.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

первый выходъ.

Стр. 30. Лэди: *Вели осѣдлать мнѣ самую бѣшеную лошадь.* Это не приказаніе—и горничная поэтому его не исполняетъ,—а только фигуральное выраженіе возбужденнаго состоянія.

Для освѣщенія этой сцены лэди Мильфордъ съ камердинеромъ интересны слѣдующія историческія данныя: во время сѣверо-американской войны были проданы германскими государями Англіи въ солдатчину: ландграфомъ гессенъ-кассельскимъ—17 тысячъ человѣкъ, герцогомъ брауншвейгскимъ—5700 человѣкъ, княземъ ганаусскимъ—2400 и т. д., всего около 30 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ на родину вернулось меньше 17 тысячъ. Государи получили за это до двухъ милліоновъ талеровъ.

третій выходъ.

Стр. 34. Предокъ лэди Мильфордъ, Томасъ Говардъ, четвертый герцогъ Норфолькскій (1536—1572), искалъ руки Маріи Стюартъ и хлопоталъ о ея спасеніи, за что казненъ (см. въ словарѣ).

шестой выходъ.

Стр. 39. Президентъ: *Или, можетъ быть, разсчитывала на что-нибудь поважнѣе?* Въ оригиналѣ грязный намекъ; точнѣе было бы перевести: *или ты довольствовалась меньшимъ?*

седьмой выходъ.

Стр. 60. Луиза: *этого блаженства васъ уже лишили, миледи.* Судя по этимъ словамъ, Луиза, очевидно, не подозрѣваетъ лэди Мильфордъ въ участіи въ интригѣ Вурма, что, однако, противорѣчитъ ея дальнѣйшимъ словамъ: *Смѣется она надъ моимъ отчаяніемъ или въ самомъ дѣлѣ не участвовала въ этой безчеловѣчной интригѣ.*

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

первый выходъ.

Стр. 64. Луиза: *Это прекрасный ласковый юноша* и т. д.—эллинское воззрѣніе на смерть, носящее слѣды вліянія трактата Лессинга—«Какъ древніе изображали смерть».

седьмой выходъ.

Стр. 71. Луиза *(развертываетъ ноты).* Въ оригиналѣ: *Sie öffnet den Pantalon*; панталонъ—музыкальный инструментъ въ родѣ фортепіано.

Русскіе переводы.

1. «Коварство и любовь». Трагедія въ 5 д. Перев. **С. Смирнова**. М. 1806. 8°.
Тоже. Изд. 2-е. М. 1824. 8°.
2. «Коварство и любовь». Переводъ **М. Л. Михайлова**. Первоначально въ изд. Гербеля (1857 и позднѣе).
3. «Коварство и любовь». Перев. **Г. Гомберга**. Изд. **Ф. А. Іогансона**. Кіевъ. 1892. 16°.
Тоже. Изд. 2-е. Кіевъ. 1899. 10°.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Историческія свѣдѣнія о дѣйствующихъ лицахъ см. въ т. III—въ Словарѣ и въ «Исторіи отпаденія Нидерландовъ».

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 87. Доминго: *Нашъ гордый Карлъ присягу принималъ.* Въ 1560 году, вскорѣ послѣ вступленія своего во второй бракъ, Филиппъ II заставилъ своего семнадцатилѣтняго сына присягнуть предъ кортесами и сановниками государства. *И шесть державъ* (по Брантому: Испанія, Іерусалимъ, Сицилія, Майорка, Минорка, Индія) *къ стопамъ его священнымъ приникли.*

Стр. 88. Карлосъ: *Первымъ дѣломъ моимъ... было убійство матери;* въ «Исторіи Филиппа II» Ватсона (Любекъ, 1778), которою пользовался Шиллеръ, говорится: «Шестнадцати лѣтъ онъ (Филиппъ) вступилъ въ бракъ съ португальской принцессой Маріей, которая, послѣ двухлѣтняго супружества, умерла отъ родовъ, разрѣшившись отъ бремени *Донъ-Карлосомъ* .

Карлосъ: *Ей Богъ далъ дочь.* По Сенъ-Реалю двухъ. Старшая, инфанта Клара-Евгенія, родилась въ 1556 г.

Карлосъ: *Не обѣщалъ ли мой отецъ вамъ мантіи.* Католическіе государи имѣли право представлять папѣ въ извѣстномъ порядкѣ кандидатовъ въ кардиналы.

Стр. 89. Карлосъ: *Въ Алькалѣ никогда разстался ты.* Здѣсь они учились въ университетѣ.

Ст. 90. Карлосъ: *Что ты еще въ матросскомъ платьѣ сдѣлалъ*—,обычная одежда мальчиковъ.

Стр. 94. Оливарецъ: *Отъ королевы—матери*—отъ Екатерины Медичи, регентши Франціи во время малолѣтства ея сына, Карла IX.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 94. Королева: *На реймсскихъ играхъ съ моимъ отцомъ сломалъ копье.* Бракъ Елизаветы былъ отпразднованъ большимъ трехдневнымъ турниромъ въ Реймсѣ, гдѣ, благодаря несчастному случаю, нашелъ гибель ея отецъ Генрихъ II.

Стр. 95. Маркизъ: *Которое завѣтъ священной дружбы моею собственностью сдѣлалъ:* умирающій другъ сообщилъ ему эту исторію.

Стр. 96. Ремарка: *королева распечатываетъ письмо... и читаетъ съ изумленіемъ.* Очевидно, потому, что получила письма не только отъ королевы-матери, но и изъ мятежной Голландіи (ср. послѣдній стихъ пятаго выхода. *И эти слезы вашихъ Нидерландовъ,* причемъ королева отдаетъ Карлосу нѣсколько писемъ).

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 97. Королева: *Если обдуманное выраженіе старца.* По пьесѣ Филиппу 60 лѣтъ; въ дѣйствительности ему въ это время шелъ всего 42-й годъ.

Стр. 98. Королева: (Онъ) *можетъ учрежденья покойника огнемъ искоренить.*

Въ подлинникѣ *распоряженія:* намекъ на то, что Филиппъ, при вступленіи на престолъ, сжегъ духовное завѣщаніе своего отца, Карла V. *Развѣять прахъ его:* такъ дѣлалъ палачъ послѣ аутода-фе (см. въ Словарѣ).

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 107. Карлосъ: *Я почерка ея еще не зналъ* отмѣченное критиками противорѣчіе съ дѣйствіемъ IV, выход. V (стр. 150), гдѣ Карлосъ перечитываетъ старое письмо королевы къ нему.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 110. Карлосъ: *Въ Германіи то было: тамъ васъ знаютъ.* Намекъ на ужасы, которыми отличились въ Германіи войска Альбы во время Шмалькальденскихъ войнъ. Ср. въ т. III статью «Герцогъ Альба за завтракомъ и т. д.».

Стр. 112. Принцесса: *Онъ знаетъ все,* т. е. о предложеніи Филиппа, переданномъ ей при посредствѣ патера Доминго.

Стр. 116. Принцесса: *И ленты красть у дамъ.* Она принимаетъ ленточку, хранимую Карлосомъ за свою, тогда какъ эта ленточка, очевидно, взята у королевы.

Стр. 117. Карлосъ: *Продана?.. Барышникомъ, извѣстнымъ всѣмъ на югѣ.* Намекъ на корыстную женитьбу Филиппа II на Елизаветѣ.

Стр. 117. Разсказъ принцессы о купцѣ, бросившемъ жемчужину въ море, почерпнутъ Шиллеромъ изъ примѣчаній Эшенбурга къ переводу «Отелло», гдѣ сообщена слѣдующая исторія: одинъ богатый еврей, привезя въ Венецію на продажу жемчугъ, продалъ весь свой товаръ, кромѣ одной громадной жемчужины, за которую онъ просилъ очень дорого. Не найдя на нее покупателя, онъ созвалъ всѣхъ городскихъ купцовъ на Ріальто, вновь тщетно предложилъ имъ жемчужину, вознесъ пышную хвалу ея красотѣ и цѣнности—и вдругъ на глазахъ всѣхъ бросилъ ее въ море.

Стр. 122. Доминго: *И лиліи дома Валуа;* лиліи—гербъ дома Валуа.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 125. Карлосъ: *Что мы скрываемъ, то не оскорбитъ Творца:* великодушные планы друзей, освобожденіе Фландріи и т. п.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 125. Маркизъ: *Всходило дважды солнце.* Стало быть, между 13 и 14 выходомъ прошелъ день.

Стр. 128. Маркизъ: *Тебѣ Филиппъ опасенъ, что-ль?* Не Филиппъ препятствуетъ любви Карлоса къ королевѣ, но долгъ. *Счастливой мыслью умъ мой просвѣтлялъ:* отправить Карлоса во Фландрію тайно отъ отца.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 130. Ремарка: *Предъ нимъ* (королемъ) *лежитъ медальонъ и бумаги*—письма Карлоса, украденныя изъ шкатулки у королевы принцессой Эболи и переданныя ею королю.

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 132. Альба *читаетъ и съ испугомъ обращается къ королю.* Альба притворяется испуганнымъ, потому что хорошо знаетъ напередъ, что король покажетъ ему это письмо.

Стр. 133. Король: *Страшиться преступленья заставляли, что противъ васъ однихъ учинено.* Пропущено *могло быть* (учинено). Смыслъ этихъ словъ возбуждаетъ споры; Беллерманъ усматриваетъ въ нихъ намекъ на то, что и Альба можетъ

быть обманутъ своей женой. Дюнцеръ видитъ здѣсь горькій упрекъ короля, что Альбой руководитъ здѣсь только ненависть къ Карлосу.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 133. Доминго: *На исповѣди мнѣ сознались въ томъ.* Это ложь.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 135. Сцена эта вполнѣ соотвѣтствуетъ слѣдующему мѣсту у Ватсона, которымъ пользовался Шиллеръ: «согласно испанскимъ историкамъ, онъ (Филиппъ) выбиралъ своихъ министровъ и намѣстниковъ съ чрезвычайной осторожностью и умомъ; въ подтвержденіе этого одинъ историкъ указываетъ, что онъ, независимо отъ тщательнѣйшаго изученія характера кандидатовъ на различныя должности, имѣлъ еще особый списокъ, куда вносилъ всѣ пороки и недостатки, равно какъ достоинства и дарованія каждаго кандидата».

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 136. Феріа: *Великій комтуръ калатравскій* — глава ордена Калатравы, стариннаго папскаго знака отличія, учрежденнаго Альфонсомъ II въ 1158 г.

Стр. 136. Король: *Я васъ противъ людей послалъ, не противъ бурь*: знаменитый историческій отвѣтъ Филиппа; въ оригиналѣ не *васъ*, а *ее*, т. е. *армаду* (объясненіе этого слова см. въ Словарѣ *Медина Сидонія*, а также т. I, стр. 351). Ватсонъ сообщаетъ также: «Король повелѣлъ позаботиться о больныхъ и раненыхъ, пережившихъ печальное событіе. Вмѣсто того, чтобы воспретить герцогу Мединѣ Сидоніи пріѣздъ ко двору, онъ написалъ ему въ милостивѣйшихъ выраженіяхъ, благодарилъ за ревность къ службѣ» и т. д.

Стр. 137. Альба: *Изъ сорока тѣхъ рыцарей* Неизвѣстно, откуда поэтъ взялъ это число, приводимое имъ и въ предисловіи къ «Исторіи мальтійскаго ордена» Берто.

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 138. Король: *Мы съ вами видѣлися прежде?* Вопросъ короля и его удивленіе вызваны непривычнымъ для него спокойствіемъ Позы. Въ оригиналѣ вопроса еще выразительнѣе: *Значитъ*, вы говорили уже со мной.

Стр. 139. Маркизъ: *Я человѣчество люблю, у васъ же я люблю себя лишь одного.* Въ оригиналѣ: *Въ монархіи же можно любить только себя.*

Стр. 139. Маркизъ: *Вы истину чеканите въ медаляхъ.* Въ оригиналѣ: *въ монетахъ.* Маркизъ хочетъ сказать: монархія допускаетъ свободное обращеніе лишь тѣхъ истинъ, которыя ею признаны, снабжены клеймомъ доброкачественности и пущены въ оборотъ.

Стр. 141. Маркизъ: *И сдѣлайтесь монархомъ изъ монарховъ.* Въ оригиналѣ: *королемъ надъ милліонами королей.* Поза хочетъ сказать, что свобода сдѣлаетъ королями тѣхъ многочисленныхъ рабовъ, надъ которыми властвуетъ Филиппъ.

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 152. Королева: *Пусть хоть невинность избавится отъ лишнихъ подозрѣній.* Королева боится заподозрить въ воровствѣ невиннаго.

Стр. 152. Королева: *Мнѣ кажется тутъ большая (честь) была въ опасности.* Сенъ-Реаль передаетъ, будто однажды королева сказала, что она происходитъ изъ болѣе знатнаго дома, чѣмъ тотъ, въ который она вошла. *Чѣмъ та (честь), какую мнѣ Кастилія дала въ приданое.* Въ оригиналѣ не приданое, которое жена приноситъ съ собой и которое Елизавета не могла получить отъ испанской провинціи Кастиліи, а *Morgengabe* подарокъ, который получила новобрачная отъ своего супруга на утро послѣ свадьбы.

Стр. 153. Король: *Состраданье преступницы.* Въ оригиналѣ распутницы.

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 153. Лерма: *У принца Рюи Гомеца печать отобрана.* Это тотъ самый, который ищетъ руки принцессы Эболи.

Стр. 156. Карлосъ: *Есть другъ еще.* Онъ имѣетъ въ виду принцессу Эболи.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 158. Эболи: *Такъ справедлива странная та новость* и т. д. Слова эти, мало пригодныя для монолога, первоначально входили въ разговоръ между принцессой и Доминго.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 163. Маркизъ: *Два краткіе часа* - свою жизнь—*я отдалъ, чтобы спасти день лѣтній* — правленіе Карлоса. *Я видѣлъ, какъ она рождалась, эта любовь:* противорѣчіе съ дѣйств. I, вых. I, гдѣ Поза пораженъ признаніемъ Карлоса.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 166. Принцъ Пармскій: *Мы сейчасъ изъ Сарагоссы.* Поэтъ забылъ, что утромъ этого дня (д. III, вых. 7) принцъ Пармскій былъ въ Мадритѣ, отъ котораго Сарагосса отстоитъ на 30 миль. *И безъ вмѣшательства кортессовъ* - высшаго суда, состоящаго изъ грандовъ и короля.

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 178. Лерма: *Филиппъ Второй принудилъ отказаться отъ трона дѣда вашего.* Отрекшись отъ власти въ Бургундіи и Италіи, Карлъ V былъ принужденъ сыномъ отречься и отъ престола Испаніи.

Стр. 178. Феріа: *Это онъ сдѣлалъ?* Въ подлинникѣ нѣтъ вопроса; здѣсь говорится: *да, это онъ.* Въ величіи замысла Позы Феріа узнаетъ его великую личность.

Стр. 179. Король: *Покойника мнѣ этого отдайте.* Въ подлинникѣ: *отдай.* Король обращается къ могилѣ, поглотившей Позу.

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Стр. 183. Вел. инквизиторъ: *Зачѣмъ же вамъ было вызывать тѣнь Самуила?* Саулъ (I, Самуил., 28) вызвалъ чрезъ Эндорскую волшебницу тѣнь Самуила, которая предрекла ему, что Господь лишитъ его царства.

Вел. инквизиторъ: *Чтобъ умирить святую справедливость, на древѣ Божій Сынъ былъ распятъ.* Въ «Жизни Филиппа II» Грегоріо Лети, о которой писалъ Шиллеру Рейнвальдъ, говорится о смертномъ приговорѣ Карлоса: «Филиппъ долго колебался, подписать-ли приговоръ. Попы помогли ему съ богословской стороны и заставили его рѣшиться. Они приводили ему въ примѣръ Авраама, принесшаго въ жертву Господу своего сына Исаака, и даже сопоставляли его съ Богомъ-Отцомъ, пожертвовавшимъ Сыномъ Своимъ ради спасенія міра».

Русскіе переводы.

1. Сцены изъ трагедіи «Донъ-Карлосъ». Перев. Софіинъ. «Благонамѣр.» 1821, ч. XVI, стр. 144.

2. Отрывокъ изъ траг. «Донъ-Карлосъ». Пер. N. N. «Москов. Вѣстн.» 1829, ч. I, стр. 194.

3. Два первыхъ явленія изъ поэмы «Донъ-Карлосъ». Перев. **Колачевскаго.** «Моск. Телегр.» 1829, ч. XXV, стр. 449.

4. Отрывокъ изъ трагедіи «Донъ-Карлосъ». «Дѣйств. IV, явл. 11). Перев. **М. Лихонина.** «Сынъ Отеч.» 1829, т. VI, стр. 51.

5. Отрывокъ изъ поэмы «Донъ-Карлосъ». Пер. **Н. Колачевскаго.** «Русс. Зритель». 1829, ч. IV.

6. Отрывокъ изъ Шиллеровой трагедіи «Донъ-Карлосъ». («Сѣверные Цвѣты» 1829).

7. Первыя пять явленій изъ перваго дѣйствія «Донъ-Карлоса», Шиллеровой трагедіи. Переводъ (прозаическій) **Олина.** («Колокольчикъ» 1831).

8. «Донъ-Карлосъ, Инфантъ испанскій». Трагедія въ 5 д. и 12 картин. Перевелъ **М. Лихонинъ.** М. 1833. 12°.

9. Изъ трагедіи «Донъ-Карлосъ» Шиллера. («Цвѣтникъ русск. литер.» 1840).

10. «Донъ-Карлосъ». Драматич. стих. Перев. **М. Достоевскій.** «Библ. для Чт.» 1848, т. 86, кн. 2, стр. 111—202; т. 88, кн. 1, стр. 1; кн. 2, стр. 81—136; т. 87, кн. 1. стр. 1—28. Также въ изд. Гербеля. Въ настоящемъ изданіи помѣщено съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями **Ѳ. Д. Батюшкова.**

11. Отрывокъ изъ «Донъ-Карлоса». Перев. **Н. С. (Страхова).** «Драмат. Сборн.» 1860, кн. V, стр.

12. «Донъ-Карлосъ». Трагедія въ 5 д. Перев. **И. Н. Грекова.** «Артистъ» 1889, № 1, стр. 11—42; № 42, стр. 9—19; № 3, стр. 3—20; № 4, стр. 1—15.

13. «Донъ-Карлосъ». Переводъ **Н. Голованова.** М. 1901.

13. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ «Донъ-Карлосъ» ставился на сценѣ въ переводѣ **П. Ободовскаго,** но переводъ этотъ, кромѣ названныхъ отрывковъ, не былъ напечатанъ цѣликомъ.

ЧЕЛОВѢКОНЕНАВИСТНИКЪ.

Этотъ драматическій отрывокъ, появившійся въ «Таліи» 1790 г., былъ снабженъ въ концѣ примѣчаніемъ, что самъ поэтъ не считаетъ драматической формы вполнѣ соотвѣтствующей предлагаемому изображенію характеровъ; и это было причиной, почему «сцены» не были закончены. Изъ первоначальнаго заглавія въ «Таліи» «*Примирившійся*» человѣконенавистникъ», а равно изъ сообщенныхъ Кернеромъ разговоровъ съ поэтомъ можно дѣлать заключеніе, что пьеса должна была закончиться побѣдой любящаго Розенберга, чему должно особенно способствовать появленіе человѣконенавистниковъ иного рода. Настроеніе, положенное въ основаніе мрачнаго міровоззрѣнія ф.-Гуттена, несомнѣнно, было пережито около этого времени самимъ поэтомъ съ его безнадежной любовью къ Шарлоттѣ ф. Вольцогенъ и другими жизненными неудачами. Но столь же несомнѣнно, что личный опытъ привелъ его къ мысли, которая должна была лечь въ основаніе всей пьесы: къ убѣжденію въ неустойчивости всякой пессимистической философіи, основанной только на личныхъ неудачахъ и разочарованіи въ людяхъ.

Русскіе переводы.

1. «Мизантропъ». Драматическій отрывокъ. Переводъ ***. «Московск. Вѣст.» 1828, ч. XII.

2. «Врагъ людей». Переводъ **Н. Гербеля** въ его изд. Шиллера.

3. «Человѣконенавистникъ». Переведено для настоящаго изданія **Анной Ганзенъ.**

ВАЛЛЕНШТЕЙНОВСКАЯ ТРИЛОГІЯ.

Общее примѣчаніе.

Три драмы, сгруппированныя вокругъ личности Валленштейна, называются обыкновенно *трилогіей*. Это не совсѣмъ вѣрно; ничего подобнаго античной трилогіи съ ея тремя законченными, равноправными и самостоятельными драмами здѣсь нѣтъ. Съ художественной точки зрѣнія «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна» составляютъ — какъ оно и было первоначально—одну драму; невозможно говорить о завязкѣ и развязкѣ каждой изъ нихъ *отдѣльно*; завязка драмы это всѣ пять актовъ «Пикколомини», ея высшее напряженіе — первый актъ, развязка—остальные четыре акта «Смерти Валленштейна». «Лагерь Валленштейна» есть также не драма въ настоящемъ смыслѣ, а драматическая картина, служащая *прологомъ*.

Художественное произведеніе, имѣющее предметомъ историческія событія и образы, прежде всего вызываетъ вопросъ: какъ отнесся поэтъ къ исторической истинѣ? Здѣсь прежде всего необходимо, въ извѣстныхъ предѣлахъ, совершенно устранить вопросъ о тѣхъ результатахъ исторической науки, которые добыты позднѣйшимъ изслѣдованіемъ и Шиллеру не могли быть извѣстны. Насъ должно интересовать только, какъ поэтъ отнесся къ тому, что онъ самъ считалъ исторической истиной. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ для сужденія объ этомъ незамѣнимый источникъ—«Исторію тридцатилѣтней войны» самого Шиллера, къ которой и отсылаемъ читателя для историческихъ справокъ о событіяхъ и лицахъ. Здѣсь отмѣтимъ лишь нѣсколько любопытныхъ подробностей, характеризующихъ художественныя требованія Шиллера.

Квестенбергъ былъ совсѣмъ не такой безразличный исполнитель воли двора, какимъ онъ рисуется въ драмѣ, но одинъ изъ ближайшихъ друзей Валленштейна, долѣе другихъ остававшійся ему вѣрнымъ. Октавіо Пикколомини является исполнителемъ всѣхъ интригъ, въ которыхъ на самомъ дѣлѣ были виновны другіе; ему приписана вся дѣятельность одного изъ худшихъ враговъ герцога, Лосли, которому тотъ довѣрялъ свои важнѣйшія тайны и который вовсе не появляется въ драмѣ, равно какъ Галласъ; все это сдѣлано для того, чтобы дать возможность сосредоточить всѣ интриги въ одномъ лицѣ, что чрезвычайно усиливаетъ драматическій эффектъ; для этого необходимо было также еще болѣе отступить отъ исторической личности Октавіо, которому во время эгерскихъ убійствъ было всего тридцать пять лѣтъ и у котораго не могло быть такого сына, какъ Максъ; послѣдній есть вообще созданіе творческаго воображенія Шиллера; дочь Валленштейна, Тэкла, была въ это время ребенкомъ десяти лѣтъ, который не могъ, конечно, играть той роли, которую ей приписываетъ поэтъ. Кинскій, одинъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей чешской оппозиціи, связавшій Валленштейна такими дѣйствіями, которыя устранили возможность обратныхъ шаговъ, который заключилъ уже противъ императора договоръ съ французами, почти не упоминается въ драмѣ. Его жена въ самомъ дѣлѣ имѣвшая на герцога серьезное вліяніе, сдѣлана женой Терцкаго. Тайный агентъ Сезина, захватъ котораго имѣетъ столь роковое значеніе въ драмѣ, также измышленъ поэтомъ. Вся драма, событія которой, отъ договора генераловъ (12 января) до убійства герцога (25 февраля), длились почти полтора мѣсяца, сжата

въ четыре дня. Марадасъ совсѣмъ не былъ въ это время въ Эгерѣ и Пильзенѣ, комическій Тифенбахъ, по безграмотности подписывающій договоръ военачальниковъ *крестомъ*, былъ грамотенъ и находился въ Вѣнѣ. Вѣрный другъ Валленштейна Коляльто умеръ за четыре года до событій, изображенныхъ въ драмѣ. Любопытно также отступленіе отъ исторіи, сдѣланное Шиллеромъ безъ всякихъ художественныхъ побужденій, но въ виду его отношеній къ веймарскому двору: начальникомъ шведовъ при предстоящемъ союзѣ противъ императора онъ дѣлаетъ не герцога Бернгарда Веймарскаго, какъ было на самомъ дѣлѣ, а Рейнграфа, который въ это время былъ на верхнемъ Рейнѣ.

ПРОЛОГЪ (стр. 211).

Планъ этого торжественнаго обращенія къ зрителямъ, продекламированнаго со сцены обновленнаго Веймарскаго театра въ костюмѣ и гримѣ Макса Пикколомини, составленъ, вѣроятно, совмѣстно съ Гете; исполненіе принадлежитъ одному Шиллеру. Исходя изъ приподнятаго настроенія, охватывающаго обычныхъ веймарскихъ зрителей (въ нѣкоторыхъ экземплярахъ настоящаго тома—стихъ второй по ошибкѣ *мы... преклоняли*, вмѣсто *вы*), поэтъ прежде всего обращается къ воспоминаніямъ о тѣхъ артистическихъ силахъ, которыя воспитались на этой сценѣ. *Пламенный художникъ*, о которомъ онъ говоритъ, это Иффландъ, берлинскій артистъ, съ громаднымъ успѣхомъ игравшій незадолго предъ тѣмъ въ Веймарѣ. «Достойнѣйшіе», которыхъ должно привлечь на его мѣсто, «величье новой сцены»,—это знаменитый гамбургскій актеръ Шредеръ, который обѣщалъ пріѣхать въ Веймаръ, чтобы создать здѣсь роль самого Валленштейна. При этомъ поэтъ останавливается на мысли о мимолетности сценическаго творчества («искусства мима») въ сравненіи съ долговѣчностью произведеній другихъ искусствъ. Но,—утѣшаетъ онъ себя,—кто сдѣлалъ достаточно для лучшихъ своихъ современниковъ, тотъ жилъ для всѣхъ вѣковъ. Въ общей формѣ эта мысль не оригинальна, и комментаторы указываютъ на слѣдующее мѣсто въ одной біографіи греческаго историка Өукидида: «Кто добился похвалы лучшихъ людей и признанной славы, обезпеченъ во-вѣки вѣковъ славой, которой не изгладитъ позднѣйшее рѣшеніе». Но въ формѣ Шиллеровскаго двустишія эти слова стали крылатыми,—и ни на чемъ они такъ не оправдываются, какъ на искусствѣ актера, которое абсолютно преходяще лишь для поверхностной мысли, а на самомъ дѣлѣ продолжаетъ въ извѣстной степени свою жизнь и въ театральной художественной традиціи, и въ душевныхъ процессахъ зрителей. Затѣмъ прологъ обращается къ новому, историческому содержанію драмы, соотвѣтствующему великому историческому моменту, переживаемому зрителями. Отъ современности—отъ юнаго Наполеона, покоряющаго міръ и поражающаго всѣхъ своими воинскими подвигами,—поэтъ желаетъ перенести зрителей къ столь-же бурному прошлому, закончившемуся благодатнымъ Вестфальскимъ миромъ (1648). Пока онъ набрасываетъ очеркъ того, что зрителямъ предстоитъ видѣть въ пьесѣ,—общую картину ужасовъ и разоренія, вызванныхъ шестнадцатилѣтней войной, и особенно образъ героя, искаженный пристрастными изображеніями,—искусство изобразитъ его въ должномъ видѣ. Пока зрители увидятъ лишь первую часть этой широкой исторической картины - «Лагерь Валленштейна»; эта часть также должна служить къ уясненію и оправданію личности герцога. «Лагерь объясняетъ его преступленіе»—слова, невѣрно переданныя въ переводѣ (стр. 212): *«а лагерь будетъ только обличитель его высокомѣрнаго поступка»*. Поэтъ считаетъ также необходимымъ предупредить ихъ относительно стиха этой части пьесы—риѳмованнаго вопреки обычаю. Какъ извѣстно (см. введеніе въ «Валленштейновской трилогіи», стр. 206) Шиллеръ съ удивительнымъ поэтическимъ тактомъ написалъ весь «Лагерь Валленштейна» риѳмованнымъ стихомъ старой нѣмецкой драмы, такимъ образомъ самымъ языкомъ введя зрителя въ колоритъ эпохи. Въ заключеніе поэтъ указываетъ, что идеализація дѣйствительности въ искусствѣ есть только по формѣ вымыселъ, но по существу—настоящая правда. Точный переводъ этихъ заключительныхъ словъ, переданныхъ Меемъ слишкомъ свободно: благодарите музу, что она, играя, переноситъ мрачный обликъ правды въ радостное царство искусства, искренно сама разрушаетъ вымыселъ, ею созданный, и безъ обмана замѣняетъ истину ея видимостью.

ЛАГЕРЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА.

Пестрая масса войскъ, дѣйствующихъ въ этой оживленной исторической картинѣ, распадается на нѣсколько группъ, вполнѣ опредѣленныхъ и характерныхъ. Основу лагеря составляютъ пять *карабинерныхъ полковъ* Терцкаго; это—конные стрѣлки, набранные въ Богеміи и здѣсь же творившіе тѣ неистовства, о которыхъ мы узнаемъ изъ первыхъ словъ *крестьянина*—тоже богемца. Къ карабинерамъ и принадлежатъ *вахмистръ*, *трубачъ* и *констабль* (артиллеристъ, саперъ). Сравнительно мирную часть лагеря представляютъ собой *пищальники* (въ оригиналѣ *аркебузиры*, отъ arquepusa—ружье съ подставкой; эти подставки въ видѣ рогатокъ можно видѣть на рисункахъ къ «Лагерю), изъ полка Тифенбаха, не одичавшіе представители солдатскаго ремесла, но честные ремесленники, называющіе другъ друга *кумъ*, видящіе въ войнѣ только зло и принимающіе въ ней участіе, пока это необходимо для защиты государя и отечества. Полную противоположность имъ составляютъ необузданные *конные егеря Гольха*, грабители, для которыхъ война только средство наживы. Здѣсь же мы видимъ *кирассировъ* изъ двухъ полковъ, одного—валлонскаго, смѣнившаго своего прежняго командира графа Паппенгейма на юнаго Макса Пикколомини (стр. 226), и другого—ломбардскаго, отважныхъ ирландскихъ *драгунъ* Буттлера, *стрѣлковъ*-тирольцевъ, преданныхъ государю, и, наконецъ, *кроатовъ*—венгерскихъ славянъ, полки которыхъ въ войскѣ Валленштейна, подъ предводительствомъ Изолани, наводили ужасъ на Германію, слагавшую баснословныя сказанія объ ихъ дикости и неистовствахъ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Стр. 214. Слова крестьянина—

Ротный—зарѣзали бѣднаго черти -
Пару костей подарилъ мнѣ при смерти

собственноручно вписалъ въ манускриптъ Гете, чтобы подготовить читателя къ дальнѣйшему.

Стр. 214. Крестьянинъ—*И при Саксонцѣ было не лучше*: намекъ на недавнее время, когда, послѣ битвы при Лейпцигѣ (1631), саксонцы подъ предводительствомъ Арнима заняли и опустошали Богемію.

Стр. 215. *И стрѣлки, и тирольцы.* Въ оригиналѣ крестьянинъ говоритъ о стрѣлкахъ: *они похожи на тирольцевъ.*

ЯВЛЕНІЕ II.

Вахмистръ: *Двойное выдали намъ*: такъ платилъ солдатамъ Валленштейнъ, не императоръ.

Трубачъ: *Ѣдетъ сама герцогиня сюда.* Герцогиня Фридландская была въ это время въ Брукѣ.

Вахмистръ: *А этотъ-то, старый изъ Вѣны*: Квестенбергъ, посланникъ императора. *Фридландецъ*— Валленштейнъ, герцогъ Фридландскій.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Стр. 116. Констабль:... *Пришлося узнать, что Регенсбургъ пришлося имъ взять* анахронизмъ, такъ какъ Регенсбургъ былъ давно взятъ.

Вахмистръ: *Да и съ баварцемъ* и т. д. Въ оригиналѣ: *Затѣмъ,: чтобы защитить страну бавара* (курфюрста баварскаго Максимиліана), *который такъ враждебенъ герцогу* (глава католической лиги, Максимиліанъ баварскій былъ ожесточенный врагъ Валленштейна). Въ заключеніи этого явленія пропущено два стиха:

Вахмистръ прибавляетъ: *Не удасться имъ воодушевитъ насъ на это.*

Констабль: *Вы думаете?—О, вы много знаете!*

Въ этихъ словахъ вахмистра комментаторы видятъ подготовку къ завязкѣ драмы. Какъ извѣстно, сильнѣйшимъ поводомъ къ разрыву между герцогомъ и императоромъ было то, что Валленштейнъ, несмотря на настойчивыя приказанія изъ Вѣны, не двигался на спасеніе Баваріи отъ шведовъ. Объ этомъ говоритъ ниже (стр. 222) и капуцинъ: *Пали окопы Баваріи въ прахъ.*

ЯВЛЕНІЕ V.

Стр. 216. Первый егерь: *Изъ Блазевица попалась красотка.* Въ подлинникѣ: *Ба, кого я вижу! Густель изъ Блазевица*: о дѣйствительной личности, знакомой Шиллера, именемъ которой онъ назвалъ свою маркитантку, см. въ Словарѣ.

Стр. 216. Маркитантка: *Просто мошенникъ былъ перваго сорта.* Послѣ этихъ словъ въ подлинникѣ прибавлено: *Удралъ со всѣмъ, что я накопила, а мнѣ оставилъ вотъ этого пострѣленка.*

Стр. 218. Второй егерь: *Мы передъ Богомъ и правы и святы* и т. д. Въ подлинникѣ: *Ну, что тамъ—пустяки! Кроаты—тѣ вели дѣло иначе; послѣ нихъ остались одни объѣдки.* Его же слова: *Вотъ такъ охотники, вотъ такъ охота* гласитъ въ оригиналѣ: *Мы дикая охота Фридланда*: «дикая охота» - популярный въ нѣмецкой народной поэзіи миѳическій образъ бури, изображаемой въ видѣ бѣшенно скачущей массы сверхъестественныхъ существъ—охотниковъ, подъ предводительствомъ бога Вотана, потомъ—дьявола.

Стр. 219. Первый егерь: *Въ пустынь свой станъ обратилъ.* Извѣстно, какой строгой религіозностью отличалось войско Густава Адольфа и весь строй его жизни. Послѣ его смерти шведское войско творило такія же неистовства, какъ и остальные участники этой ужасной войны. На это намекъ въ словахъ вахмистра: *Нынче тамъ иначе все, говорятъ.*

Стр. 219. Первый егерь: *И сердце то къ ней не лежало.* Курфюрстъ саксонскій неохотно согласился на союзъ со шведами и на разрывъ съ императоромъ.

Стр. 220. Вахмистръ: *Знаетъ чертову мать!*—такія легенды ходили чуть не о всѣхъ полководцахъ этой эпохи. *Сѣденькій*—тоже намекъ на народную легенду о разныхъ призракахъ, предвѣщающихъ важныя событія. Здѣсь это смѣшивается съ дѣйствительной личностью астролога Сени.

Стр. 221. Вахмистръ: *словно въ красильнѣ линевая кляча.* Красильщики растирали краски на мельницѣ съ коннымъ приводомъ.

Стр. 222. Первый егерь: *Праговцы идутъ.* Богемскіе музыканты и теперь называются въ Германіи *пражскими.* Здѣсь это—горнорабочіе; поэтому они въ явл. VIII называются *рудокопы.*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Какъ указано въ предисловіи къ «Трилогіи» (стр. 206), обличеніе капуцина есть подражаніе проповѣдямъ вѣнскаго проповѣдника Абрагама а Санта Клара (1641—1709), стиль котораго воспроизведенъ поэтомъ великолѣпно. Русскому переводчику пришлось при передачѣ этого удивительнаго сплетенія каламбуровъ, остротъ, библейскихъ цитатъ, намековъ и т. п. бороться съ непобѣдимыми трудностями. Изъ отдѣльныхъ выраженій объясненія требуютъ:

Стр. 222. *Анабаптисты* (т. е. перекрещенцы)—сектанты эпохи реформаціи, получившіе названіе отъ того, что ученіе ихъ требовало крещенія взрослыхъ. Въ подлинникѣ капуцинъ коверкаетъ это слово и говоритъ *антибаптисты. Хирагра* болѣзнь, поражающая руки. *Quid hic statis otiosi?* – что вы стоите здѣсь, сложа руки? (Ев. Матѳ. 20, 6).—*Ужъ подъ Дунаемъ былъ трахъ тарарахъ* и т. д.,—капуцинъ перечисляетъ рядъ пораженій, испытанныхъ за послѣднее время католиками, между тѣмъ какъ Валленштейнъ, несмотря на повелѣніе императора, не идетъ на помощь; это и имѣютъ въ виду слова: *А вы въ Богеміи* и т. д.

Стр. 223. Рядъ намековъ, основанныхъ на игрѣ словъ, переданъ, конечно, не точно.—*Ubi erit victoriae spes, si offenditur Deus?* гдѣ будетъ надежда на побѣду, если оскорбленъ Господь Богъ?—Дальнѣйшія латинскія цитаты изъ Ев. Луки, 3, 14 и сл. *Quid faciemus nos?*—что намъ дѣлать? *Et ait illis*—и онъ сказалъ имъ - *Neminem concutiatis*—никого не насилуйте. - *Neque calumniam faciatis* и не клевещите.—*Contenti estote*—будьте довольны. - *Stipendiis vestris*—вашимъ жалованіемъ. *Онъ ни во что и не вѣруетъ, чай*—предполагаемое невѣріе Валленштейна, очевидно, главная причина смѣлыхъ обличеній капуцина. *Ne custodias gregem meam*—не стереги моихъ стадъ.

Стр. 224. Капуцинъ: *Что овладнетъ штральзундской твердыней, съ неба держись она сотней цѣпей*; эти слова приписывались, дѣйствительно, Валленштейну.—*Вотъ ему страшенъ и крикъ пѣтуха*: намекъ на отреченіе апостола Петра.—*Я, дескать, камень*—непереводимая игра словъ, такъ какъ слово *Stein* (Валленштейнъ) значитъ по нѣмецки *камень.*

ЯВЛЕНІЕ X.

Первый пищальникъ: *Это съ отчаянья онъ* и т. д.: слова, хорошо характеризующія добродушныхъ крестьянъ-пищальниковъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Стр. 226. Первый кирасиръ: *Намъ провожать приказали миланца.* Егерь: *Какъ такъ? Инфанта?* Рѣчь идетъ о кардиналѣ-инфантѣ, братѣ короля испанскаго Филиппа IV, намѣстникѣ Милана, къ которому на помощь по приказу императора должны были идти войска Валленштейна.

Трубачъ: *Мы продали кровь цесарю, но ужъ не (въ) шапкѣ испанца.* Въ подлинникѣ: *но не*

испанской красной шапки — намекъ на кардинальскій санъ инфанта.

Стр. 227. Вахмистръ: *Чарку мельнеккерка*: мельницкаго вина, изъ Мельника, богемскаго города, подлѣ котораго большіе виноградники.

Вахмистръ: *Нашъ желтый колетъ* — кожаный панцырь безъ рукавовъ.

Первый егерь: *Вотъ шестьдесятъ тысячъ— дѣло иное: эти не будутъ со мной голодать*, историческія слова Валленштейна, который сказалъ, что трудно содержать малое войско, а большая и сильная армія прокормитъ себя сама—грабежемъ.

Первый драгунъ: *Изъ самодальней губерніи знать*. Въ подлинникѣ — aus Hibernien, т. е. изъ Ирландіи.

Второй пищальникъ: *Прямо изъ Швица*. Въ подлинникѣ—*aus der Schwyz*, т.-е. изъ Швейцаріи.

Стр. 228. Вахмистръ: *Знайте, что властенъ онъ и т. д.* Въ этой тирадѣ вахмистра правильно перечислены тѣ полномочія, которыя Валленштейнъ потребовалъ и получилъ отъ императора.

Первый пищальникъ: *Въ тѣ поры цесарь... Мекленбургъ отдалъ Фридландцу*. Когда мекленбургскіе герцоги перешли на сторону протестантовъ, императоръ конфисковалъ ихъ землю и отдалъ во владѣніе—въ качествѣ обезпеченія имперскаго долга Валленштейну, который чеканилъ свои монеты.

Стр. 230. Первый кирассиръ: *Мечъ не соха*— Исаія, 2, 4. — *Грабить чужое, наслѣдовать что-ли—я не хочу, и за мною пока нѣту наслѣдства, окромѣ чепрака*. Въ подлинникѣ: «Не хочу ни грабить, ни наслѣдовать и сквозь пальцы глядѣть съ моего коня на жизненную сутолоку». — *И мечамъ столько не висѣть, какъ прежде*. Въ подлинникѣ: «И у вѣсовъ нѣтъ ужъ меча», т. е. у справедливости нѣтъ силы.

Стр. 231. Первый кирассиръ: *Отъ солдатъ по полкамъ взять pro memoria*, т. е. докладную записку, челобитную. Исторически это невѣрно, но весьма важно для развитія драматическаго дѣйствія и указываетъ уже на будущую подписку, взятую клевретами Валленштейна у генераловъ, когда изъ Вѣны пришелъ приказъ; въ случаѣ паденія Регенсбурга выступить изъ Богеміи.

Русскіе переводы.

1. Отрывокъ изъ соч. «Валленштейновъ лагерь». Перев. С. Шевырева. «Москов. Вѣстн.» 1828, ч. III, стр. 17; ч. IX, стр. 341.
2. «Валленштейновъ лагерь». Перев. въ стихахъ С. Шевыревъ. М. 1859. 8°.
3. «Лагерь Валленштейна». Драмат. стихотвореніе. Перев. П. Мея. «Драматич. Сбор.» 1861, кн. 8 и отдѣльно, изд. Ѳ. Стелловскаго (Спб. 1861). Тоже въ соч. Шиллера изданія Герболя и соч. Мея.

ПИККОЛОМИНИ.

Въ оригиналѣ «*Die* Piccolomini»; это указываетъ, что заглавіе относится къ обоимъ Пикколомини—отцу и сыну.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стр. 235. Изолани: *Ужъ десять лѣтъ* — въ 1627 г. извѣстное сраженіе при Дессаускомъ мостѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Стр. 237. Илло: *отъ государя вы явились умолять* и т. д. Это было въ 1632 г.

Стр. 238. Изолани: *Изъ Antecamera* — прихожей. *Прислали капуцина*—патера Квирогу. — *На улицѣ держали*. Въ оригиналѣ—unter den Schranzen», т. е. средн придворныхъ.

Квестенбергъ: *Графъ, замѣтьте—сравненье это ваше, не мое*. Въ сравненіи Изолани императоръ — это пастухъ, его подданные—овцы, враги — звѣри. Кого-же «выталкиваютъ въ пустыню», чтобы насытить звѣря; очевидно, негодное животное, шелудивую овцу. Это и хочетъ сказать Квестенбергъ. Его дальнѣйшее замѣчаніе: *Свободу берутъ, а не даютъ*—несправедливо по отношенію къ Валленштейну, который до сихъ поръ не присвоилъ себѣ ничего такого, что не было бы ему обезпечено въ договорѣ съ императоромъ.

Стр. 239. Илло: *Ребенокъ для него ужъ найденъ*. Илло намекаетъ на то, что предполагаемый замѣститель Валленштейна въ должности главнокомандующаго есть юный король Венгерскій Фердинандъ, сынъ императора, едва достигшій двадцатипятилѣтняго возраста.

Буттлеръ: *Почтенный президентъ* и т. д. Въ этомъ подсчетѣ войскъ Валленштейна, сдѣланномъ Буттлеромъ, полкъ считается приблизительно въ тысячу человѣкъ; всего, стало быть, въ герцогскихъ войскахъ 74 тысячи человѣкъ. *Кто въ бой ведетъ—орелъ ли двухголовый* (гербъ Австріи), *иль лиліи* (гербъ Франціи), иль левъ (гербъ Швеціи). *И съ быстротою молніи, съ ея надежностью его лишь повелѣнья господствуютъ* и т. д. Въ подлинникѣ: «и какъ искра молніи быстро и увѣренно проносится *по громоотводу*» и т. д.; интересный анахронизмъ: громоотводъ изобрѣтенъ Франклиномъ лишь въ 1725 году.

Октавіо: *Когда произошелъ такой опасный бунтъ* и т. д.—поэтическій вымыселъ Шиллера.

ЯВЛЕНІЕ III.

Стр. 240. Квестенбергъ: *Границы заняты*. Границы Австріи, а не всей Германіи, которая давно наводнена непріятельскими войсками.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Стр. 244. Октавіо: *дитя войны устами твоими говоритъ*. Значитъ Максъ съ самаго начала войны былъ уже на театрѣ военныхъ дѣйствій, т. е. не въ Австріи, а въ Германіи.

Максъ: *Путь мой шелъ чрезъ земли тѣ, куда не проникала еще война*. Максъ ѣхалъ изъ Каринтіи въ Богемію черезъ Вѣну, т. е. черезъ наслѣдственныя земли императора, до сихъ поръ пощаженныя войной.

Стр. 245. Максъ: *Имъ петарды для этого не нужны*, т. е. не нужны взрывы для того, чтобы сокрушить крѣпостныя стѣны. — *Усердно вы старались отравлять жизнь герцогу*. Валленштейнъ усердно просилъ императора «держаться подальше отъ людей, вся забота которыхъ—сѣять раздоры». Сохранилось его замѣчаніе: «Мнѣ больше прихотится вести войну съ нѣсколькими министрами, чѣмъ со всѣми врагами».

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стр. 247. 1-й слуга: *Ужъ это математикъ такъ порѣшилъ*, т. е. Сени.

ЯВЛЕНІЕ II.

Стр. 248. Валленштейнъ: *Представились венгерской королевѣ?* невѣсткѣ императора, Маріи-Аннѣ испанской, духовникъ которой, патеръ Квирога возстановилъ ее противъ Валленштейна. — *Эггенбергъ и Лихтенштейнъ* — австрійскіе магнаты, вліятельные друзья Валленштейна. — *Conte ambassador* — испанскій посолъ, графъ Оньяте, прежній сторонникъ Валленштейна, теперь отшатнувшійся отъ него.

Стр. 249. Герцогиня: *Сбирается гроза еще страшнѣй, чѣмъ та, что васъ сразила въ Регенсбургѣ*—гдѣ въ 1630 г. Валленштейнъ былъ отрѣшенъ въ первый разъ отъ начальства надъ войсками.

ЯВЛЕНІЕ III.

Стр. 249. Герцогиня: *Вы ее оставили совсѣмъ ребенкомъ.* Въ 1625 году, если ей тогда было «восемь лѣтъ всего», значитъ ей теперь около семнадцати.

Стр. 250. Валленштейнъ: *Коль въ царственный вѣнецъ его удастся мнѣ превратить со временемъ.* Комментаторы спорятъ объ этомъ мѣстѣ: одни видятъ въ немъ указаніе на узурпаторскіе замыслы Валленштейна; другіе (Дюнцеръ) находятъ, что герцогъ имѣетъ здѣсь въ виду возможный бракъ его дочери съ какой-нибудь царственной особой.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Стр. 250. Графиня: *А вотъ и паладинъ* — т. е. рыцарь-хранитель, отъ *palatinus* (придворный), какъ назывались рыцари Карла Великаго.

Валленштейнъ: *Какъ свѣтъ зари счастливой.* Въ подлинникѣ: «какъ счастливая утренняя звѣзда», т. е. Венера.

Стр. 251. Валленштейнъ: *Не пропускать испанцевъ изъ Милана* — т. е. войска кардинала-инфанта, испанскаго намѣстника Милана, который долженъ былъ пройти черезъ Германію на усмиреніе Нидерландовъ. Валленштейнъ основательно боялся, что разъ эта армія появится въ Германіи, она будетъ обращена вѣнскимъ дворомъ противъ него.

Терцки: *Куда теперь конвентъ собрался* — съѣздъ нижне-саксонскихъ государей (въ февралѣ 1634 г.), въ Гальберштадтѣ, гдѣ участвовалъ также шведскій канцлеръ Оксенштирна.

Валленштейнъ: *Въ добычу прекрасную нѣмецкую страну ему отдать*—т. е. сѣверно-германскую провинцію Померанію, которую шведы, дѣйствительно, получили нѣсколько позже по Вестфальскому миру (въ 1648 г.) и которой владѣли до 1815 г.—*И я, какъ князь имперскій*—т. е. какъ король Богеміи. *И менѣе всего дамъ это готамъ*: не древне-германскому народу, а шведамъ, которые иногда носили такое названіе. Готландъ называется теперь южная часть Швеціи, а также островъ въ Балтійскомъ морѣ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Стр. 252. Валленштейнъ: *Я гороскопъ его поставилъ* — опредѣлилъ положеніе звѣздъ при его рожденіи.

Стр. 253. Илло: *Да, отъ небесныхъ звѣздъ ты до тѣхъ поръ все ждать отвѣта будешь, пока звѣзда земная отъ тебя не скроется.* Въ подлинникѣ «ты будешь ждать небеснаго часа, пока земной убѣжитъ отъ тебя». — *Малефикусъ* — «злодѣй», «приносящій зло» среди планетъ Сатурнъ, котораго ниже Валленштейнъ считаетъ звѣздою, подъ которой родился Илло. Звѣзда его самого и Октавіо—благостный и царственный Юпитеръ.

Стр. 254. Валленштейнъ: *Произвести въ домахъ небесныхъ обыскъ и т. д.* См. въ словарѣ (статьи Гороскопъ и Астрологія).—*Форгачъ, Деодатъ, Караффа*—генералы Валленштейна.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Стр. 254. Квестенбергъ: *Рейнграфъ и Баннеръ, Бернгардъ, Оксенштирна* — выдающіеся вожди непріятеля. — *И даже тотъ король, который былъ до этихъ поръ непобѣдимъ*—Густавъ Адольфъ. Надо замѣтить, что Рейнграфъ подъ Нюрнбергомъ не былъ.

Стр. 255. Валленштейнъ: *Избавьте насъ то слушать изъ газетъ.* Но анахронизмъ, такъ какъ газеты уже существовали въ это время.

Квестенбергъ: *Король подъ стѣнами Нюрнберга славу свою сложилъ.* Это не совсѣмъ вѣрно, хотя дѣйствія Густава Адольфа подъ Нюрнбергомъ (1632) дѣйствительно не были вполнѣ удачны. — *Юный веймарскій герой*—Бернгардъ.—*Нося въ своей душѣ лишь ненависть старинную* — Валленштейнъ ненавидѣлъ короля Баварскаго—главу католической партіи—за то, что тотъ на съѣздѣ въ Регенсбургѣ настоялъ на его отставкѣ.

Стр. 256. Валленштейнъ: *Отсюда вѣдь названіе солдатъ*: Solde значитъ жалованіе. — *До утесовъ Больта*; въ подлинникѣ «до шхоръ». — *Былъ третій бриллiантъ.* Говорятъ, императоръ Фердинандъ называлъ графовъ Лихтенштейна, Дитрихштейна и Валленштейна тремя драгоцѣнными камнями въ своей коронѣ (Stein значитъ камень).

Стр. 258. Квестенбергъ: *Полковнику Сюи посланъ ужъ императоръ повелѣнье въ Баварію направиться.* Въ сохранившемся приказѣ этомъ любопытны слѣдующія строки: «Любезный де Сюи, поелику сіе приказаніе (двинуться въ Баварію) направлено ко спасенію моихъ собственныхъ земель, то соизвольте исполнить оное во всемъ и не медля, хотя бы вы получили уже или могли получить отъ кого либо иныя распоряженія». Сюи успѣлъ дойти только до Пассау (австро-германской границы), гдѣ его остановило приказаніе Валленштейна подъ страхомъ смертной казни возвратиться на зимнія квартиры и повиноваться ему, а не императору. Сюи подчинился этому приказу.

Стр. 259. Буттлеръ: *Ключъ золотой* - внѣшній знакъ званія камергера.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стр. 260. Илло: *Подсунется для подписи имъ листъ уже другой, въ который «пунктъ особый» не впишется.* Разсказъ объ этомъ обманѣ, будто бы задуманномъ и совершенномъ барономъ Илло, появился впервые въ изданной въ 1634 году и крайне враждебной Валленштейну латинской книжкѣ «Alberti Fridlandi perduellionis chaos, ingrati animi abyssus etc.», откуда онъ перешелъ во всѣ старыя историческія изслѣдованія, между прочимъ и въ «Исторію тридцатилѣтней войны» Шиллера. Но ни существованіе такой оговорки, ни, стало быть, составленіе документа безъ нея, научно не доказано. Достовѣрно извѣстно только, что такъ называемой «пильзенской подпиской» 12 января 1634 г. генералы обязались оставаться вѣрными Валленштейну; 20 февраля того же года, за пять дней до убійства герцога—это обязательство было подтверждено второй подпиской.

Стр. 261. Илло: *Дѣла сложились такъ, что*

соблазнять его. Здѣсь Илло—какъ и вообще окружающіе Валленштейна—слишкомъ низко ставитъ нравственность герцога: обстоятельства не *соблазняютъ*, а *вынуждаютъ* его сдѣлать опасный шагъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Стр. 262. Графиня: *Любезный зять* и т. д. Весь этотъ монологъ обращенъ къ отсутствующему Валленштейну; поэтому ремарка *Ему*—ея нѣтъ въ подлинникѣ—поставлена по ошибкѣ. Графиня называетъ себя *сестрой* Валленштейна, какъ это дѣлается въ обиходѣ: она сестра его жены.

ЯВЛЕНІЕ III.

Стр. 263. Монастырь въ Пильзенѣ у «Вратъ Небесныхъ»,—поэтическое изобрѣтеніе Шиллера.

Стр. 263. Максъ: *Кто счастливъ, для того часы не бьютъ.* Изреченіе, ставшее у нѣмцевъ пословицей, какъ и у насъ аналогичный стихъ изъ «Горе отъ ума»—«счастливые часовъ не наблюдаютъ».

ЯВЛЕНІЕ IV.

Стр. 264. Тэкла: *Связую я съ дѣйствительною жизнью то, что пока прекраснымъ только сномъ казалось мнѣ*—здѣсь въ военной обстановкѣ обновились ея воспоминанія о мимолетной встрѣчѣ съ отрядомъ Макса.

Стр. 266. Тэкла: *А по бокамъ его луна и солнце*, которыя также считались планетами.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Стр. 269. *Пѣсня Тэклы*—см. т. I, стр. 123 и 441.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тэкла: *Что мы пріобрѣли, то отъ рожденья имѣетъ онъ.* Валленштейнъ былъ простой дворянинъ, а Пикколомини принадлежалъ къ старинной знати. *Онъ—принцессы сынъ*,—не относится, конечно, къ историческому Максу, который не былъ сыномъ Октавіо.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Стр. 272. Необходимо обратить вниманіе на то, что послѣдніе 14 стиховъ монолога Тэклы—какъ бы для выраженія ея душевнаго волненія риемованы; это почти правильный сонетъ. Ея выраженіе: *И молньи шлютъ съ безоблачныхъ высотъ*—Дюнцеръ объясняетъ такъ: «съ высотъ, которыя до тѣхъ поръ были безоблачны».

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стр. 273. Изолани: *Пируешь здѣсь какъ въ замкѣ гейдельбергскомъ*,—гдѣ издавна бережно хранились превосходныя вина, между прочимъ, въ знаменитой бочкѣ. Здѣсь видятъ также намекъ на расточительную роскошь при дворѣ тогдашняго владѣльца Гейдельберга, курфюрста пфальцскаго Фридриха V. — *Идетъ дѣлежъ различныхъ княжествъ.* Въ современной этимъ событіямъ лѣтописи говорится, что Валленштейнъ обѣщалъ Пикколомини графство Глацъ и владѣнія Славаты, Галласу-Глогау Загань и владѣнія герцога Эггенберга, генералу Коллоредо-графство Герцъ, Терцкому Моровію и т. д. Этихъ богемскихъ и австрійскихъ магнатовъ — Штернберга, Лихтенштейна и др., земли которыхъ за вѣрность императору предполагалось конфисковать, и перечисляетъ Изолани.

Стр. 274. Въ текстѣ подписки, читаемомъ Максомъ, соединены три историческихъ акта: двѣ послѣдовательныя подписки генераловъ, которыя Шиллеръ слилъ въ одну, и обращенная къ генераламъ рѣчь Илло, которая начиналась латинской фразой *Ingratis servire nefas.*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Стр. 275. Буттлеръ: *Отмстить какъ слѣдуетъ.* Буттлеръ ненавидѣлъ императора за то, что одно ходатайство его, предпринятое по коварному совѣту Валленштейна, было въ Вѣнѣ отвергнуто.

Буттлеръ: *И сѣверный народъ въ землѣ нѣмецкой*—шведы.

ЯВЛЕНІЕ V.

Стр. 276. Кравчій: *Покойная ихъ маменька.* Мать Терцкаго, извѣстная интриганка, историческая роль которой передана въ драмѣ его женѣ.

Стр. 276. Кравчій: *Для утраквиста выше чаши нѣтъ.* Утраквисты названіе гусситовъ, которые требовали и для мірянъ причастія подъ обоими видами (sub utraque specie); *выше чаши нѣтъ*, ибо это требованіе иначе формулировалось, какъ требованіе *чаши для мірянъ*; утраквисты и назывались также *калликстины*, т. е. чашники.

Стр. 277. Кравчій: *Онъ—тотъ актъ верховной власти.* Такъ называемая «грамота величества» (Majestätsbrief)—актъ, которымъ императоръ Рудольфъ II обезпечилъ чехамъ свободу исповѣданія. *Герцогъ Граца* въ подлинникѣ der Grâzer—уроженецъ Граца, императоръ Фердинандъ II.—*Мои вѣдь предки были гусситами.* Въ подлинникѣ—«таборитами»—крайняя партія гусситовъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Стр. 279. Тифенбахъ: *Крестъ это я.* До нашихъ дней сохранились подписи Тифенбаха, доказывающія, что онъ умѣлъ писать.

Изолани: *Отсутствуетъ лишь онъ, гость каменный*—извѣстный образъ въ комедіи Мольера и оперѣ Моцарта: мраморная статуя покойника, кощунственно приглашенная на пиръ, является, чтобы увлечь за собой безбожника.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Стр. 280. Терцки: *Или когда онъ вамъ подряды далъ.* Историческихъ документовъ, подтверждающихъ этотъ фактъ, не имѣется. *Съ которыхъ ежегодно вамъ тысяча пистолей барыша.* Пистоль—золотой, цѣнностью въ 15 марокъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Стр. 281. Максъ: *Уже давно я знаю эту сказку поповскую.* Католическое духовенство всегда было ожесточеннымъ врагомъ Валленштейна (капуцинъ въ «Лагерѣ», Квирога, Ламорменъ).

Стр. 285. Октавіо: *Со страхомъ ждать ножа измѣнниковъ.* Октавіо преувеличиваетъ: такой страхъ былъ бы неоснователенъ, да императоръ его никогда и не испытывалъ.—*Знай, что огонь войны междоусобной зажжется.* Софистическая уловка; Октавіо знаетъ, что та война, подъ бременемъ которой Германія страдаетъ уже шестнадцать лѣтъ—тоже междоусобная, и ей именно Валленштейнъ хочетъ положить конецъ,—правда, съ невыгодой для императора. *Шлафьючъ*—опечатка вм. Шафгочъ. *Сомнительный* (въ подлинникѣ *подозрительный*) потому, что онъ протестантъ.

Стр. 287. Максъ: *Ты? Ты назначенъ?* Въ дѣйствительности замѣстителемъ Валленштейна былъ въ тайномъ приказѣ назначенъ не Пикколомини, а Галласъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Стр. 288. *Входитъ корнетъ*—какъ и теперь—младшій офицерскій чинъ въ кавалеріи.

Стр. 289. Октавіо: *Что въ Линдѣ онъ*—опечатка вм. *Линцѣ*.

Русскіе переводы.

1. Отрывокъ изъ «Пикколомини». Перев. **А. Шишкова 2-го.** «Атеней» 1830, ч. II, стр. 68.
2. Сцены изъ Шиллеровой трагедіи «Пикколомини» (4-е явл., актъ I). Переводчикъ не указанъ. (Альманахъ «Эхо» на 1830 г.).
3. Пикколомини. Драматическая поэма Шиллера Пер. **А. Шишкова** 2-го. («Избранный нѣмецкій театръ», 1831, т. I).
4. Отрывки изъ «Пикколомини» (III актъ, 9 явл.; V актъ, явл. 1, 2, 3), въ переводѣ **С. Шевырева** въ «Москов. Вѣст.» 1830, ч. I и II и въ альманахѣ «Денница» на 1834 г. (изъ V акта).
5. «Пикколомини». Переводъ **В. Лялина** въ изд. Гербеля.
6. «Пикколомини». Переводъ для настоящаго изданія **П. И. Вейнберга.**

СМЕРТЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дѣйствіе происходитъ въ то же утро, что и послѣднее дѣйствіе «Пикколомини». О соображеніяхъ Сени и Валленштейна см. въ Словарѣ ст. Астрологія и Гороскопъ.

Стр. 293. Валленштейнъ: *Великая тріада*, т. е. троица—Юпитеръ, Марсъ и Венера. *Въ квадратурѣ* (въ подлинникѣ im gevierten Schein—въ четвертомъ отблескѣ) находится одна планета къ другой, когда ихъ отдѣляетъ 90°, т. е. четверть небосвода; *въ противостояніи*, — когда между ними 180°, т. е. когда онѣ находятся другъ противъ друга; тогда лучшихъ сходятся «отвѣсно», въ первомъ же случаѣ «косо». *Мои планеты*, о которыхъ говоритъ Валленштейнъ—это Юпитеръ и Венера.

Стр. 294. Сени: *Старикъ Сатурнъ теперь* cadente domo, т. е. въ падающемъ домѣ. Изъ «домовъ» неба (см. въ Словарѣ ст. Гороскопъ) нѣкоторые ничтожны; планета, вступающая въ такой «падающій» домъ, теряетъ свою силу. Такимъ и является теперь злокозненный Сатурнъ, котораго всегда боялся Валленштейнъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Стр. 294. Валленштейнъ: Конечно, не *Сезина*. Арестъ Сезины—поэтическое изобрѣтеніе Шиллера. Со шведами велъ переговоры только самъ Терцкій. По дошедшимъ до насъ извѣстіямъ схваченъ былъ другой агентъ Антонъ Шмидъ, несшій депеши Шафгочу.

Валленштейнъ: *Лжешь! Моей руки ни строчки.* Ничего не писать было обыкновеніемъ герцога, любившаго тайну и возможность отречься отъ своихъ дѣйствій. Это, конечно, могло спасти его.

Стр. 295. Валленштейнъ: *Они* (полки) *прислали мнѣ прошеніе.* Это—то самое pro memoria, о которомъ солдаты говорятъ въ «Лагерѣ Валленштейна».

ЯВЛЕНІЕ IV.

Монологъ, заполняющій все это явленіе, Гете называлъ осью всей драмы и находилъ въ немъ большое поэтическое и сценическое дѣйствіе. Въ прошломъ Валленштейнъ лишь строилъ планы, но былъ свободенъ, теперь онъ исполняетъ планы, но связанъ. «Пока онъ дѣйствовалъ согласно съ своимъ долгомъ, его увлекала мысль, что онъ достаточно могущественъ, чтобы не считаться съ этимъ долгомъ, и въ этомъ произволѣ онъ видѣлъ для себя нѣкоторую свободу; но теперь, когда онъ нарушилъ долгъ, онъ чувствуетъ, что сдѣлалъ шагъ къ рабству; ибо врагъ, къ которому онъ вынужденъ примкнуть, будетъ для него гораздо болѣе суровымъ господиномъ, чѣмъ его законный властелинъ, прежде чѣмъ онъ потерялъ его довѣріе».

ЯВЛЕНІЕ V.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, что историческій Врангель былъ шведскимъ уполномоченнымъ при переговорахъ съ Валленштейномъ. Подъ Штральзундомъ (въ 1628 г.) онъ едва ли могъ быть его противникомъ, такъ какъ родился въ 1613 году. Хорошую характеристику его далъ Шиллеръ, говоря о первомъ исполнителѣ его роли, что тотъ «превосходно изобразилъ простого, скромнаго и прямого воина, осторожнаго и осмотрительнаго дипломата, религіознаго начетчика (bibelkundigen) протестанта, недовѣрчиваго, но въ то же время смѣлаго и гордаго шведа». Слова Врангеля—*Все сдѣлала стихія, съ которою пришлось сражаться вамъ*—не находятъ подтвержденія въ исторіи: но бури помѣшали взять Штральзундъ.

Стр. 298. Валленштейнъ: *Тамъ шляпу адмирала вы у меня сорвали съ головы*—Валленштейнъ добивался почетнаго званія «адмирала Балтійскаго моря и Океана». *Сказать вамъ откровенно—вѣдь всегда въ душѣ я былъ благопріятель шведовъ.* Въ различныхъ мѣстахъ драмы Валленштейнъ достаточно доказываетъ, какъ мало онъ здѣсь искрененъ (напр., стр. 251: «Я чужеземной власти въ имперіи не дамъ пустить корней и менѣе всего дамъ это готамъ, голоднымъ горемыкамъ» и т. д.).

Стр. 299. Валленштейнъ: *Сынъ забудетъ ли, что въ церковь загоняли его отца собаками.* Императоръ Фердинандъ, отнявъ у чеховъ свободу исповѣданія, возстановлялъ въ Богеміи католичество съ невѣроятной жестокостью.

Стр. 300. Врангель: *Шведъ, ваша свѣтлость* и т. д. Весь этотъ монологъ Врангеля въ исторіи принадлежитъ канцлеру шведскому Оксенштирнѣ, который говорилъ все это при заключеніи пражскаго мира (1635 г.).—*Отъ гибели конечной мы спасли имперію*—вѣрнѣе спасли ея протестантскую половину отъ католическаго ига. — *Прекрасный пограничный край*—Померанія, которой добивались шведы. *Альтштадтъ*—часть Праги, лежащая на правомъ берегу Молдавы, слѣва лежатъ *Градчинъ* и *Малый кварталъ*.

Стр. 301. Валленштейнъ: *Ему* (коннетаблю бурбонскому) *наградой было одно проклятье, презрѣніе и ненависть.* Это презрѣніе къ нему высказывалъ предъ смертью, напримѣръ, Баярдъ, знаменитый «рыцарь безъ страха и упрека». Терцкій: *Этотъ Карлъ* и т. д. Карлъ V, императоръ германскій.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Стр. 301. Графиня: *Одинъ король уже былъ мною данъ Богеміи.* Графиня намекаетъ на свое дѣятельное и рѣшающее участіе въ избраніи

богемскимъ королемъ Фридриха V, курфюрста пфальцскаго. Здѣсь поэтъ перенесъ на нее роль, которую на самомъ дѣлѣ играла энергичная мать Терцкаго. Но король этотъ, какъ извѣстно, во время кратковременнаго пребыванія на своемъ высокомъ посту игралъ довольно жалкую роль, что и имѣетъ въ виду Валленштейнъ, отвѣчая графинѣ: *Объ этомъ молчать бы вамъ.*

Стр. 305. Валленштейнъ: *И три курьера пусть немедленно сѣдлаютъ*: въ Прагу, въ Эгеръ и къ шведскому канцлеру. *Отрадной жертвы*—опечатка вм. жатвы—*ждать не можетъ тотъ, кто самъ посѣялъ зубы драконовы*: намекъ на древне-греческое преданіе о Кадмѣ (см. въ Словарѣ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

явленіе I.

Стр. 306. Валленштейнъ: Онъ пишетъ *мнѣ изъ Линца.* Рѣчь идетъ о Альтрингерѣ.—*Всѣ крайности тебѣ не по душѣ*: въ гербѣ Пикколомини была изображена черепаха съ надписью gradatim, т.-е. постепенно.

Стр. 307. *Твое бездѣйствіе весьма большую пользу мнѣ принесетъ*: оставаясь наружно вѣрнымъ императору, Пикколомини мѣшаетъ назначить сюда другого полководца.

явленіе II.

Стр. 308. Валленштейнъ: *Она своей горячей головой тѣ вещи примѣряетъ, коихъ мѣра лишь въ нихъ самихъ.* Превосходное выраженіе мысли, что при сужденіи о данномъ явленіи должно принимать во вниманіе его индивидуальныя особенности; это мало доступно пылкой молодости, подходящей ко всему съ ограниченнымъ капиталомъ апріорныхъ положеній и потому на все «наклеивающей ярлычки». — *Тотъ живетъ среди огня, какъ саламандръ.* Средневѣковая наука, признавая четыре стихіи мірозданія, соединяла съ каждой изъ нихъ особыхъ духовъ: воздуху соотвѣтствовали *сильфы*, водѣ — *ундины*, землѣ — *гномы*, огню — *саламандры*, чистѣйшіе изъ этихъ духовъ. Первоначально саламандра названіе пресмыкающагося, которое, по древнему вѣрованію, было несгораемо.

Стр. 309. Максъ: *Позволь мнѣ примирить съ тобою государя.* Эти слова въ полномъ согласіи съ разсказами солдатъ въ «Лагерѣ» (стр. 231) о вліяніи молодого Пикколомини при вѣнскомъ дворѣ.

Валленштейнъ: *Въ чемъ-же хуже я дѣйствую, чѣмъ цезарь тотъ, чье имя для свѣта равносильно до сихъ поръ всему, что есть славнѣйшаго.* Нѣмецкое названіе императора Kaiser происходитъ отъ латинскаго собственнаго имени Caesar—Цезарь; у насъ оно — въ ново-греческой формѣ *кесарь*—также обратилось въ названіе императорскаго сана.—*Ты дай его мнѣ счастье*—намекъ на легендарное счастье Юлія Цезаря. Извѣстно преданіе, какъ онъ сказалъ лодочнику, перевозившему его черезъ бурное озеро: «Не бойся, ты везешь Цезаря и его счастье».

Стр. 311. Валленштейнъ: *Отъ Баннера драгунъ, за мной въ погоню помчавшихся.* Въ подлинникѣ — «Баннеровскихъ драгунъ»; самъ Баннеръ въ день Люценскаго сраженія лежалъ раненый въ Магдебургѣ. — *И съ той поры и всадникъ, и конь его пропали навсегда*; на самомъ дѣлѣ племянникъ Валленштейна, принимавшій участіе въ Люценскомъ сраженіи, былъ здѣсь лишь раненъ въ ногу. *Его микрокозмъ*, буквально малый міръ—названіе человѣческой личности въ противоположность «большому міру», т.-е. вселенной.

явленіе IV.

Стр. 311. Октавіо: *Что, стража здѣсь?* Собственно не стража, а небольшой отрядъ (Commando), приготовленный на случай необходимости арестовать несогласныхъ генераловъ.

явленіе IV.

Стр. 315. Октавіо: *Боюсь, полковникъ Буттлеръ, что съ вами здѣсь постыдная игра разыграна.* По историческимъ свѣдѣніямъ, которымъ слѣдовалъ и Шиллеръ въ «Тридцатилѣтней войнѣ», Валленштейнъ совершилъ этотъ предательскій поступокъ не съ Буттлеромъ, а съ Илло.

Стр. 318. Максъ: *Спокоенъ будь вполнѣ* и т. д. Максъ, стало быть, обѣщаетъ остаться вѣрнымъ законной власти императора; предполагается, что Валленштейнъ останется въ Пильзенѣ, войска-же будутъ уведены Максомъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

явленіе III.

Стр. 322. Герцогиня: *И ими отравлять свои надежды на будущность свою.* Валленштейнъ вызвалъ дочь изъ Каринтіи для того, чтобы выдать ее замужъ. Графиня: *Умѣстны-ли такіе разговоры, когда его мы ожидаемъ*: очевидно, Валленштейнъ приказалъ своимъ собраться, чтобы сообщить имъ тайну заговора.

явленіе. IV.

Стр. 323. Валленштейнъ: *Да, чувство, съ которымъ я не въ силахъ совладать* и т. д. На самомъ дѣлѣ Валленштейнъ, коварно обманувшій Буттлера, очень хорошо знаетъ, почему онъ его боится.

Стр. 324. Валленштейнъ: *Зятя поищу я на тронахъ европейскихъ*, извѣстно, что онъ имѣлъ въ виду принца Ульриха датскаго, впослѣдствіи вѣроломно убитаго стрѣлкомъ Пикколомини.

Стр. 325. Валленштейнъ: *Въ Голландіи найдете вы свой пріютъ.* Нѣсколько странно, что Валленштейнъ отсылаетъ свою семью въ чужую страну, да еще въ сопровожденіи столь важнаго лица, какъ саксонскій фельдмаршалъ герцогъ Лауэнбургскій.

явленіе VII.

Стр. 326. Терцки: *Валлонскій только полкъ сторонится отъ всѣхъ*, полкъ Макса Пикколомини.

явленіе X.

Стр. 329. Валленштейнъ: *Вѣдь цѣлыхъ тридцать лѣтъ*: герцогу 51 годъ, Октавіо по пьесѣ еще старше.

Стр. 330. Валленштейнъ: *Мгновенно исцѣлился я отъ сомнѣнья мукъ* и т. д. Въ «Исторіи тридцатилѣтней войны»: «Разомъ рушатся всѣ его замыслы; страшно обманули его всѣ надежды. Одиноко стоитъ онъ, покинутый всѣми, кому онъ дѣлалъ добро. Но въ такихъ-то положеніяхъ и проявляется великая натура... Ничто для него не потеряно,— ибо онъ самъ еще не погибъ для себя».

явленіе XI.

Стр. 330. Графиня Терцки: *Чтобъ памятникамъ жалкимъ сраженнаго величья, какъ пфальцграфъ* Фридрихъ (см. въ Словарѣ).

явленіе XIII.

Стр. 331. Валленштейнъ: *Въ тотъ день, когда*

я вышелъ одинокъ изъ сейма государей въ Регесбургъ. Валленштейнъ не былъ на этомъ сеймѣ; онъ стоялъ со своимъ войскомъ неподалеку въ Меммингенѣ, гдѣ и узналъ о своей отставкѣ.— *Послѣдняя опора ваша — Тински*: опечатка вм. *Тилли*.

ЯВЛЕНІЕ. XV.

Стр. 331. Валленштейнъ: *Изъ Брюгена вѣдь ты*. Правильнѣе изъ Брюгге (см. въ Словарѣ).

Стр. 333. Валленштейнъ: *Смертельные бои на Старой Крѣпости* — и подъ Нюрнбергомъ: на предыдущей страницѣ *Альтенбергъ*.— *Для этого оружью партизанъ* и т. д. Въ подлинникѣ - *партизанамъ*; Partisane (Barte - топоръ и Eisen — желѣзо)—копье съ двумя сѣкирами, нѣчто вродѣ аллебарды; такимъ оружіемъ былъ впослѣдствіи убитъ Валленштейнъ.

Стр. 334. Валленштейнъ: *И тихій миръ... изъ лагерей своихъ преподнесемъ утѣшенному свѣту*. Это не обманъ: таково было дѣйствительное намѣреніе герцога.— *Онъ долженъ быть разрубленъ*— намекъ на Александра Македонскаго, который, не сумѣвъ развязать загадочный Гордіевъ узелъ, разрубилъ его.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Стр. 335. Валленштейнъ: *Въ Эгеръ изъ Шерзенбергъ* (опечатка вм. Шерфенбергъ—см. въ Словарѣ) *проводить*. Очевидно, герцогъ отказывается отъ мысли отправить семью въ Голландію или откладываетъ ея исполненіе.

Тэкла: *Вотъ онъ!* Дюнцеръ не соглашается съ Бирлингеромъ, будто эти слова должна произносить графиня.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Стр. 336. Максъ: *Двойное преступленье насъ, невинныхъ, какъ двѣ змѣи обвило* — намекъ на Лаокоона (см. въ Словарѣ).

Стр. 338. Валленштейнъ: *Своимъ руномъ бараньимъ наградить* - орденомъ Золотого руна.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Стр. 337. Валленштейнъ: *Картечью я встрѣчу ихъ*. Въ подлинникѣ: «mit Kettenkugeln» — связанныя цѣпью двойныя бомбы, наносившія особенно жестокія раны.

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Стр. 341. Валленштейнъ: *Онъ вамъ землякъ*. Буттлеръ—ирландецъ, Гордонъ - шотландецъ.

—

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Стр. 343. Домъ бургомистра Пахгельбеля, гдѣ происходитъ это дѣйствіе и гдѣ былъ убитъ Валленштейнъ, существуетъ до сихъ поръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стр. 343. Буттлеръ: *Священныхъ Ларъ предать уничтоженью*—семейные боги и покровители домашняго очага у древнихъ римлянъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Стр. 344. Гордонъ: *И темная таинственная сила*. Въ подлинникѣ — «dunkelschwankende Gewalt», т. е. неопредѣленная власть, намекъ на неясность границъ предоставленной Валленштейну власти; договоръ съ императоромъ давалъ ему такія полномочія, предоставить которыя другому значило для императора погубить себя.

Буттлеръ: *Тамъ на окнѣ однажды задремавъ* и т. д. Въ основаніи этого разсказа лежитъ преданіе, извѣстное Шиллеру изъ Мурра: «Затѣмъ онъ (Валленштейнъ) былъ пажемъ при дворѣ маркграфа Бургаусскаго, сына эрцгерцога Фердинанда Иннспрукскаго. Выпавъ однажды въ 1604 г. изъ высокаго окна безъ всякаго вреда для себя, онъ, подъ вліяніемъ поповъ и придворныхъ, перешелъ въ папизмъ. Съ этихъ поръ въ немъ проявляются таланты». Съ этихъ-же поръ развивается его чудачество, которое объясняли этимъ несчастнымъ случаемъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Стр. 345. Бургомистръ: *Свободнымъ былъ нашъ городъ, но заложенъ Богеміи онъ двѣсти лѣтъ назадъ*.

Не двѣсти лѣтъ, а болѣе трехсотъ съ 1315 г., когда Людовикъ Баварскій заложилъ вольный имперскій городъ Эгеръ Іоанну Богемскому; нижняя часть городского орла — была собственно не отрублена, какъ сказано въ переводѣ, а—въ знакъ потери вольностей — «заперта за рѣшетку» (въ подлинникѣ cancellirt отъ латинскаго cancelli — рѣшетка), - испещрена широкими красными и бѣлыми полосами на подобіе рѣшетки, такъ что открытыми у орла оставались лишь голова и крылья.

Стр. 346. Валленштейнъ: *Миссалъ иль Библія—едино все для меня*. Миссалъ—богослужебная книга католической церкви, содержащая чинъ мессы, т. е. обѣдни. Библія занимаетъ значительное мѣсто въ богослуженіи протестантовъ; поэтому «миссалъ или Библія» католичество или протестантство. Въ дѣйствительности католицизмъ былъ окончательно водворенъ въ Эгерѣ именно тогда, когда войско Валленштейна, изгнавъ саксонцевъ, водворилось здѣсь 19 іюня 1632 года. *Пришелъ уже конецъ испанскому владычеству* - австрійско-испанской монархіи. — *Видали вы на небѣ три луны*—извѣстное атмосферическое явленіе: подлѣ луны два полумѣсяца, обращенные въ разныя стороны, измѣняющіеся, затѣмъ исчезающіе. — *Въ крови зайдутъ два государства на западѣ и на востокѣ*: двѣ католическія державы — Австрія и Испанія.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Стр. 348. Буттлеръ (показывая бумагу): *Вотъ и указъ его* и т. д. Инструкція (на испанск. яз.) Пикколомини Буттлеру гласила: Se puede licentiar o matar el general, in poniendo lo por un camino o por un altro en estado que non puede hazer mal, то есть: «Оставить или убить генерала, чтобы такъ или иначе поставить его въ невозможность дѣлать зло».

ЯВЛЕНІЕ VII.

Стр. 349. Терцки: *Мы проведемъ ночь карнавала славно*. Банкетъ у Буттлера происходилъ въ субботу предъ карнаваломъ.

Илло: *Нынче въ послѣдній разъ пошлете вы патрули*. Послѣ этого стиха слѣдуетъ пропущенный въ переводѣ: *Для вѣрности измѣните пароль.—Затѣмъ конецъ и вашей службы всей*.— Этотъ стихъ передань свободно: Илло говоритъ только, что Гордонъ съ завтрашняго будетъ свободенъ отъ обязанностей коменданта «Dann seid Ihr Eures Schlíesseramtes quitt».

Торцки (уходя Буттлеру): *А вы на пиръ?* Вопросъ звучитъ странно, такъ какъ пиръ устраиваетъ полкъ Буттлера.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Буттлеръ: *И, наконецъ, въ разсчетахъ запутавшись, и жизнь онъ потерялъ*; въ подлинникѣ — «палъ въ своихъ чертежахъ» - намекъ на Архимеда.

ЯВЛЕНІЕ X.

Стр. 352. Капитанъ: *Оставилъ онъ пѣхоту позади* то есть три полка пищальниковъ: Тифенбаха, Токсанскій и Лотарингскій.

Стр. 353. Капитанъ: *Возложилъ на гробъ Рейнграфъ свой мечъ побѣдоносный*. Рейнграфъ—предводитель противниковъ, которымъ Шиллеръ—изъ вниманія къ веймарскому двору — замѣнилъ дѣйствительнаго предводителя шведовъ и противника императорскихъ войскъ—принца Бернгарда Веймарскаго. Честь, оказанная усопшему Максу врагомъ, навѣяна на Шиллера разсказомъ о погребеніи поэта-героя Эвальда фонъ-Клейста, павшаго въ битвѣ при Куннерсдорфѣ. Такъ какъ при похоронахъ во взятомъ русскими войсками Франкфуртѣ не нашлось прусской офицерской шпаги, то одинъ русскій офицеръ положилъ свою шпагу на его гробъ со словами: «Нѣтъ, такой герой не можетъ быть погребенъ безъ этой почести».

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стр. 357. Буттлеръ: *Ворвитесь въ залъ крича:— кто вѣренъ здѣсь имперіи?* Въ подлинникѣ: «Wer ist gut kaiserlich», т.-е. «кто вѣренъ *императору*», что ближе къ исторической истинѣ—дѣло шло не о вѣрности имперіи, которой никто не измѣнялъ, а о личной вѣрности австрійскому императору. Въ источникахъ, которыми пользовался Шиллеръ, сказано, что драгуны ворвались въ залъ съ возгласомъ: «Vivat Ferdinandus!» *Пристать къ нему готовы горожане*: въ дѣйствительности горожане далеко не были такъ преданы Валленштейну; наоборотъ, по матеріаламъ, извѣстнымъ Шиллеру, Валленштейнъ приказалъ собрать на другой день обывателей въ городскую думу и здѣсь угрозами избіенія принудить ихъ къ присягѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Стр. 358. Деверу: *Пожалуютъ цѣпочкой золотою, хромымъ конемъ*. Въ «Chaos perduellionis», на которомъ основаны матеріалы Шиллера, приводится замѣчаніе фельдмаршала *Илло*: «Clavo aurea aut equo claudo compensare Principes Austriacos diuturna militum officia. Dominium si addant, signum esse mortis secuturae» т.-е.: австрійскіе государи за долгую военную службу вознаграждаютъ золотымъ ключемъ или хромымъ конемъ; если къ этому они присоединяютъ какую нибудь власть, то это признакъ грядущей гибели.—*Пергаментомъ быть можетъ*—грамотой на чинъ или дворянство.

Стр. 359. Буттлеръ: *При этомъ будутъ и Песталлуцъ и Лесли*. На изображеніяхъ кроваваго пира и убійства герцога въ Эгерской ратушѣ, которыя Гете видѣлъ черезъ годъ послѣ смерти Шиллера, убійцами названы Лесли, Геральдинъ, Вальтеръ de Ebrox (Deveroux) и Діонисій Magdaniel (Макдональдъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Стр. 363. Валленштейнъ: *Тотъ бракъ—начало счастья моего*. Въ первый разъ онъ женился въ 1609 г. на Лукреціи Никессовой фонъ-Ландекъ, богатой вдовѣ, умершей въ 1614 г. Этотъ бракъ далъ ему средства выдвинуться. Въ церкви выстроеннаго имъ (въ Вальтицѣ подлѣ Гитчина) монастыря она погребена рядомъ съ нимъ. — *Припомнился тебѣ коверъ мой красный*—тотъ самый, въ который было завернуто впослѣдствіи тѣло герцога (стр. 368).

ЯВЛЕНІЕ V.

Стр. 365. Сени: *Зловѣщій знакъ въ жилищѣ жизни виденъ*: см. въ Словарѣ *Гороскопъ*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Стр. 366. Буттлеръ: *Ужъ дрался этотъ Илло*. Въ дѣйствительности не Илло, а Терцкій бѣшено дрался съ Геральдиномъ и Деверу, шпага котораго сломалась, убилъ двухъ солдатъ на мѣстѣ и смертельно ранилъ испанца Ледру. Шиллеръ приписываетъ все это Илло, потому что оно больше подходитъ къ его облику.

Стр. 367. Буттлеръ (*топаетъ ногой*): условный знакъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Стр. 368. Второй слуга—(*тащитъ серебряную утварь*): которую онъ хочетъ украсть—подробность, подтвержденная исторіей.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Стр. 368. Макдональдъ: *Прикажете-ль, чтобъ кабинетъ его...* Въ подлинникѣ—*канцелярію*; подразумѣвается—запечатать, что въ дѣйствительности исполнили Буттлеръ, Гордонъ и Лесли.

Стр. 368. Октавіо: *Въ гнусномъ злодѣяньи я не при чемъ*. Предъ своей совѣстью Октавіо этого сказать не можетъ: онъ зналъ, уѣзжая, что Буттлеръ готовъ на убійство. Отвѣтъ Буттлера вполнѣ правиленъ.

Стр. 369. Буттлеръ: *Я ѣду въ Вѣну съ тѣмъ, чтобы... выслушать слова благоволенья*. И въ дѣйствительности Буттлеръ поспѣшилъ съ Деверу въ Вѣну. Императоръ протянулъ ему руку, возложилъ на него золотую цѣпь, пожаловалъ графскій титулъ и подарилъ ему нѣсколько помѣстій Терцкаго.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Графиня: *И приношу ключи* - конечно, лишь фигуральное выраженіе; домъ, гдѣ убитъ Валленштейнъ, и не принадлежитъ ей.

Стр. 370. Гордонъ: *Вамъ: князю Пикколомини*. Въ дѣйствительности Октавіо былъ сдѣланъ княземъ гораздо позже—въ 1639 году, когда король испанскій сдѣлалъ его герцогомъ амальфитанскимъ. Объ этой заключительной фразѣ драмы Гете писалъ Шиллеру (18 марта 1799 г.): «Заключеніе всего цѣлаго адресомъ на письмѣ, въ сущности, пугаетъ читателя, находящагося въ мягкомъ настроеніи. Это единственный въ своемъ родѣ случай: исчерпавъ все, что способно возбудить страхъ и сожалѣніе, драма заключена внезапнымъ испугомъ».

Русскіе переводы.

1. Отрывокъ изъ трагедіи «Смерть Валленштейна». (Первыя пять явленій перваго дѣйствія). Перев. NN. «Моск. Вѣстн.» 1828, ч. XI, стр. 209 и ч. XII, стр. 6.

2. Отрывокъ изъ трагедіи «Смерть Валленштейна». Перев. **Ал. Шишкова 2-го.** «Атеней» 1830, ч. I, стр. 544.

3. «Смерть Валленштейна». Трагедія. Перев. **Ал. Шишкова.** «Избранный нѣмецкій Театръ» 1831, т. I, стр. 125. То же въ изданіи **П. И. Вейнберга** «Европейскій театръ» (Спб. 1875).

4. Отрывокъ изъ тр. «Смерть Валленштейна». Дѣйствіе III. Явл. 18. Перев. **Н. Бергъ.** «Москвитянинъ» 1845, ч. VI, № 12, отд. II, стр. 212.

5. «Смерть Валленштейна». Трагедія въ 5 д. Перев. **К. К. Павловой.** «Вѣстн. Евр.» 1868, т. IV, № 7 и 8, отд. I, стр. 5 и 463.

6. «Смерть Валленштейна». Трагедія въ 5 д. Перев. **В. Л. Величко.** «Трудъ» 1893, т. XX, стр. 278 и въ 7-мъ изд. «Полн. собр. соч. Шиллера», подъ ред. **Н. В. Гербеля.** Спб. 1893.

7. «Смерть Валленштейна». Пер. **К. Ш.** (Б-ка нѣм. класс. въ русск. пер.). Южно-русс. книгоизд. Ф. Іогансона). Кіевъ 1899, 16°.

8. «Смерть Валленштейна». Трагедія. Дѣйствіе третье, явл. XVIII—XXIII. Перев. **М. Синперверо** (Четверикова). Не знаемъ, гдѣ появился этотъ переводъ. Въ изд. Гербеля, откуда мы заимствовали это указаніе, нѣтъ болѣе точныхъ данныхъ.

МАРІЯ СТЮАРТЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Аміасъ Полетъ былъ тюремщикомъ Маріи Стюартъ съ 1585 года; въ историческихъ документахъ сохранился разсказъ о бурной сценѣ между нимъ и заключенной 9 сентября 1856 года, но сцена эта имѣла мѣсто въ Чэртли, а не въ Фотрингеѣ, куда Марія переведена лишь 25 сентября того же года.

Стр. 387. Полетъ: *Садовника хотѣли подкупить.* О цѣли этой попытки мы можемъ только догадываться; вѣроятно, дѣло идетъ о сношеніяхъ съ Лейстеромъ.

Стр. 388. Полетъ: *Нагельникъ королевскій* — діадема.—*И лиліи французскія*—гербъ дома Валуа.—*Вотъ такъ она супруга угощала, какъ въ Стерлингѣ жила.* «Исторія Англіи» Рапэна, которой пользовался Шиллеръ, сообщаетъ, что при крещеніи ея сына Якова I въ Стирлингѣ Ботвель былъ окруженъ знаками вниманія, тогда какъ пренебреженный Дарнлей вынужденъ былъ въ стыдѣ скрыться; когда дворъ возвратился въ Эдинбургъ, опозоренному Дарнлею пришлось бѣжать къ своему отцу въ Глазго; при его отъѣздѣ, слуги королевы отобрали у него серебряную столовую утварь и дали взамѣнъ ея оловянную.

Кеннеди: *Что возросла и въ роскоши и въ нѣгѣ Медичисовъ*: воспитательницей Маріи Стюартъ была Екатерина Медичи, жена Генриха II французскаго.

Стр. 388. Полетъ: *Когда Еленѣ этой*: Марія такъ же красива и такъ же пагубна, какъ Елена Прекрасная.

Кеннеди: *Урodственнаго сердца.* Марія была дочерью Маргариты Тюдоръ, старшей сестры Генриха VIII, отца Елизаветы англійской.

Стр. 389. Полетъ: *Маріею Испанскою явилась*; такъ онъ называетъ предшественницу Елизаветы, Марію Католическую (см. въ Словарѣ).—***Зачѣмъ же Эдинбургскій договоръ отвергнула она?*** По договору, составленному въ Эдинбургѣ 6 іюля 1560 года, Марія Стюартъ должна была отречься отъ притязаній на англійскій королевскій титулъ и поставить протестантскую религію въ Шотландіи подъ охрану государства. Но она отказалась подписать этотъ договоръ.

Полетъ: *Есть надежда, что этому конецъ настанетъ скоро.* Очевидно, Полетъ уже знаетъ о состоявшемся смертномъ приговорѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Стр. 390. Марія: *Давно не причащалась я Тайнъ Святыхъ.* Духовникъ Маріи де-Прео удаленъ отъ нея 21 января 1587 года.

Полетъ: *Коль пожелаетъ, деканъ нашъ здѣшній.* Рапэнъ сообщаетъ: «Графы не разрѣшили ей говорить съ духовникомъ, но предложили ей декана Питерборо»—Флетчера. Деканъ (латинск. слово, буквально - десятникъ) — въ англиканской церкви настоятель общины, представитель высшей іерархіи.

Марія: *И стряпчій нуженъ мнѣ* и т. д. Въ дѣйствительности (ср. д. V, явл. 1) Марія сама составила свое духовное завѣщаніе.—*Какъ сорокъ комиссаровъ въ этомъ замкѣ напали на меня* Судъ, состоявшій изъ 42 (или 46) судей, собрался въ Фотрингеѣ въ началѣ октября 1587 года, 14-го состоялось первое засѣданіе, 25-го судьи вновь собрались въ Вестминстерѣ и 31-го вынесли приговоръ, объявленный Маріи 22 ноября. Шиллеръ умалчиваетъ о томъ, что и Полетъ былъ среди судей.—*И мнѣ ошеломленной, беззащитной* и т. д. Таковъ былъ англійскій обычай: подсудимый долженъ самъ давать показанія, не прибѣгая къ помощи защитниковъ. Марія заявила комиссарамъ, что у нея нѣтъ защитниковъ и что у нея отобрали всѣ ея бумаги».

Полетъ: *Тогда убійца васъ въ лучшемъ настроеніи застанетъ.* Марія подъ словомъ убійца понимаетъ подосланнаго къ ней тайнаго убійцу, Полетъ — палача, исполнителя законнаго приговора.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Стр. 391. Марія: *Сегодня злополучнаго дѣянья опять ужъ годовщина.* Убійство Дарнлея произошло въ ночь на 10 февраля 1567 года, казнь Маріи 8 февраля 1587 года. Шиллеръ намѣренно переставилъ дни.

Стр. 392. Кеннеди: *Смущая духъ вашъ зельемъ приворотнымъ.* Въ завѣщаніи Ботвеля говорится, что онъ для привлеченія привязанности Маріи употреблялъ Sweet water, любовный напитокъ. Преданная мамка вѣритъ въ это, потому что ничѣмъ, кромѣ колдовства, не можетъ объяснить то чудовищное безстыдство, которое она сама изображаетъ ниже въ столь яркихъ краскахъ. Здѣсь Шиллеръ слѣдовалъ разсказамъ враждебныхъ Маріи источниковъ. Изъ нихъ Бухананъ приводитъ нѣсколько примѣровъ ея поведенія, ужаснаго съ точки зрѣнія не только ея положенія, но и просто женской стыдливости. Робертсонъ замѣчаетъ, что ни проступки Дарнлея, ни обаяніе Ботвеля не оправдываютъ Марію, равно какъ современные нравы того времени, какъ ни было велико тогда распутство. — *И судей—въ самомъ храмѣ правосудья... склонили виновнаго въ убійствѣ оправдать*; это не вѣрно: Марія не принуждала судъ оправдать Ботвеля. Вѣрно, однако, то, что черезъ два дня послѣ оправданія парламентъ, согласно желанію королевы, подтвердилъ всѣ пожалованія, сдѣланныя Ботвелю, а въ торжествен-

ной процессіи, когда королева шествовала въ зданіе ратуши для открытія парламента и передъ нею по исконному обычаю лорды несли регаліи, мечъ, корону и скипетръ, послѣдній былъ порученъ Ботвелю; на это намекъ въ словахъ Кеннеди: *Торжественно нести передъ собою по городу мечъ королей шотландскихъ убійцъ вы дозволили.*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Стр. 393. Марія: *Изъ Франціи! отъ дяди-кардинала*—отъ герцога Карла де Гиза, кардинала лотарингскаго и епископа реймскаго, дѣятельнаго сторонника Маріи и брата ея матери; въ дѣйствительности онъ умеръ въ 1574 г., то-есть за двѣнадцать лѣтъ до дѣйствія драмы.

Стр. 394. Мортимеръ: *Мнѣ было двадцать лѣтъ* и т. д. Съ разсказомъ Мортимера о своемъ обращеніи въ католичество интересно сопоставить характеристику тогдашней Италіи въ «Отпаденіи Нидерландъ»: «Италію, являвшуюся тогда центромъ высшей утонченности духа, страну, гдѣ неизмѣнно свирѣпствовали жесточайшіе политическіе раздоры, гдѣ горячій климатъ распаляетъ кровь до бѣшеныхъ аффектовъ — эту Италію можно было упрекнуть въ томъ, что изъ всѣхъ европейскихъ народовъ она оставалась наиболѣе чуждой всякой реформѣ. Но романтическому народу, всегда убаюканному чувственными наслажденіями — его теплымъ и сладостнымъ небомъ, его пышной, вѣчно юной и вѣчно радостной природой, и разнообразными чарами искусствъ—такому народу была болѣе свойственна религія, пышность которой опьяняетъ чувства, загадочные таинства которой открываютъ неизмѣримыя пространства воображенію, возвышеннѣйшія ученія которой вкрадываются въ душу подъ живописными формами».

Стр. 395. Мортимеръ: *Меня же въ Реймсъ посланъ, гдѣ пастырей для Англіи усердно воспитываетъ общество Іисуса.* Основанная въ 1575 г. въ Реймсѣ и руководимая д-ромъ Вильямомъ Алленомъ семинарія совсѣмъ не принадлежала іезуитамъ, но дѣйствительно воспитывала священниковъ, предназначенныхъ для католической пропаганды въ Англіи. -- *И вѣрнаго Леслея и росскаго епископа;* это одно лицо (см. въ Словарѣ) и потому невѣрно далѣе: *«Всѣ трое* въ чужомъ краю влачили дни изгнанья.—*И вдругъ я узнаю, что уже не Толботъ, а дядя мой блюститель вашихъ узъ.* Замокъ Толбота былъ въ Шеффильдѣ, и здѣсь Марія была заключена съ 1568 по 1584 годъ; затѣмъ Марію послѣдовательно переводили въ Тьютбери, Чертли, Тиксаль и, наконецъ, въ Фотрингей.

Стр. 396. Мортимеръ: *Этотъ путь свершила мать самой Елизаветы*—Анна Болейнъ.

Марія: *Чьи головы на лондонскомъ мосту въ угрозу населенью красовались*—прикраса поэта. *И лишь мои отяготили узы.* Вольтеръ въ «Essai sur les moeurs» говоритъ: «Кровь герцога Норфолька связала цѣпи этой злополучной государыни».

ЯВЛЕНІЕ VII.

Стр. 398. Бэрлей: *Я отъ суда къ Вамъ посланъ.* Въ дѣйствительности приговоръ былъ объявленъ не Бэрлеемъ, а лордомъ Бэкгорстомъ въ сопровожденіи секретаря Бэля и Полета.

Марія: *Не могла я свой санъ, достоинство народа, сына и всѣхъ монарховъ—уронить такъ низко.* Въ дѣйствительности Марія отвѣчала приблизительно такъ, но не въ тюрьмѣ, а раньше, на судѣ. Она отвѣтила комиссарамъ, «что она свободная королева и не сдѣлаетъ ничего, что можетъ повредить королевскому достоинству или даже королю, ея сыну. — *Я поддалась Гаттонову коварству.* На судѣ Марія долго отказывалась отвѣчать, не признавая суда законнымъ; между тѣмъ судьи не хотѣли вынести ей приговоръ безъ допроса; тогда коварный Гаттонъ обратился къ ней съ рѣчью, гдѣ указывалъ, что ея молчаніе можетъ ей повредить, что, отказываясь давать показанія, она лишаетъ себя лучшаго средства доказать свою невинность и т. п. Марія пошла на эту удочку.

Бэрлей: *Вдыхая воздухъ Англіи, подъ кровомъ ея благоволительныхъ законовъ вы и властямъ ея подчинены.* Въ письмѣ Елизаветы, врученномъ Маріи комиссарами, говорилось, что она подчинена законамъ Англіи, потому что пользовалась долго ихъ охраной. На это Марія отвѣтила слѣдующее: всякому извѣстно, что она явилась въ Англію молить о помощи свою сестру-королеву, но ее заключили здѣсь въ темницу, что она, слѣдовательно, не пользовалась покровительствомъ законовъ, о которыхъ и не могла узнать ничего.

Стр. 399. Бэрлей: *Благочестивый пастырь кентерберійскій примасъ* — архіепископъ Джонъ Уитжифтъ: *мудрый Толботъ*—онъ вовсе не былъ хранителемъ государственной печати. *Мореходныхъ силъ начальникъ* — лордъ-адмиралъ Томасъ Говардъ.

Марія: *Величественный англійскій сенатъ угодничаетъ Генриху Восьмому* и т. д. Вольтеръ, «Essai sur les moeurs»: Парламентъ осуждалъ поперемѣнно Іорковъ и Ланкастеровъ, при Генрихѣ VIII преслѣдовалъ протестантовъ, при Эдуардѣ VI покровительствовалъ имъ, при Маріи (Католической) жегъ ихъ». Марія, прибавляя сюда англиканство Елизаветы, и говоритъ: «мѣняютъ *четыре раза* вѣру». - *Нынче лишаетъ правъ наслѣдства... а завтра возводитъ на родительскій престолъ.* Въ 1532 году парламентъ вынужденъ былъ принять новый законъ о престолонаслѣдіи, въ 1536 г. измѣнилъ его, признавъ Елизавету незаконнорожденной и отрѣшивъ ее отъ престолонаслѣдія, въ 1544 г. снова призналъ ея права на престолъ; вообще отецъ Елизаветы весьма мало считался съ воззрѣніями парламента, а семь лѣтъ обходился совсѣмъ безъ него. *Но кто же эти люди? Пуритане!* Въ подлинникѣ не *пуритане*, которые во время Елизаветы подвергались преслѣдованіямъ, но *протестанты.* Надо сказать, что на самомъ дѣлѣ между судьями Маріи были и не протестанты.— *И дѣдовскій обычай шотландцу и британцу запрещаетъ свидѣтелями быть другъ противъ друга.* Шиллеръ взялъ это изъ процесса противъ Леслп, епископа Росскаго, который ссылается на этотъ законъ.

Стр. 400. Марія: *Ричмондъ, державный предокъ мой, связалъ двѣ розы*—алую и бѣлую, бывшія гербами двухъ враждовавшихъ домовъ—Іорковъ и Ланкастеровъ, примиренныхъ въ 1485 г. женитьбой Ричмонда (Генрихъ VII) на дочери Эдуарда IV іоркскаго.

Бэрлей: *Что вами прошлогодній актъ нарушенъ.* Въ прошломъ 1584 году принятъ парламентомъ законъ, по которому лишается всякихъ правъ на англійскій престолъ тотъ, въ чью пользу убитъ правящій государь или приведены въ Англію иноземныя войска.

Марія: *На погибель мнѣ созданный законъ* и т. д. Рапэнъ говоритъ объ этомъ законѣ, что

невозможно было за его положеніями не узнать Марію Стюартъ, въ пользу которой совершались всѣ дѣянія, изображенныя въ законѣ. Это Марія заявила на судѣ, на что Елизавета отвѣтила парламенту, что законъ не ловушка для Маріи. но предостереженіе не предпринимать сомнительныхъ дѣйствій. Это и имѣетъ въ виду Бэрлей, говоря: *На бездну указали вамъ.*

Бэрлей: *Самъ Бебингтонъ сознался передъ смертью, что списки эти ложны.* Рапэнъ замѣчаетъ: «Во первыхъ поразительно, что Бебингтона, Сэвэдра и Балларда казнили, не допросивъ королевы шотландской: необходимо было воспользоваться ихъ свидѣтельствами противъ нея. Во вторыхъ, все свидѣтельство заключалось въ показаніи Бебингтона, который сознался, что получалъ отъ королевы письма; но такъ какъ онъ умеръ, то невозможно было доказать, что это тѣ письма, которыя прочитаны были на судѣ; послѣднія представляли собой копіи съ шифрованныхъ писемъ, переложенныя на обыкновенный языкъ».

Марія: *(Судъ) повѣрилъ тѣмъ, кто вѣрности обѣтъ нарушилъ этимъ самымъ показаньемъ.* Марія заявила на судѣ, что нельзя вѣрить тѣмъ, кто принесъ ей клятву не выдавать ея тайнъ.— *По закону, ...допросу подвергаются совмѣстно и обвиняемый и обвинитель.* «Нельзя отрицать, говоритъ Рапэнъ—что въ этомъ процессѣ было допущено много неправильностей. Во первыхъ, поспѣшили отдѣлаться отъ трехъ человѣкъ, свидѣтельство которыхъ могло уличить королеву. Во вторыхъ, ни разу не допросили ея секретарей въ ея присутствіи, хотя пользовались ихъ показаніями. Это было тѣмъ страннѣе, что въ постановленіи парламента, прошедшомъ въ 13 году этого самаго царствованія, было ясно указано, что свидѣтели должны быть допрашиваемы въ присутствіи обвиняемаго.

Стр. 401. Бэрлей: *Доказано еще, что и съ Мендозой, посланникомъ испанскимъ, вы сносились.* Рапэнъ: «Затѣмъ прочли нѣсколько мѣстъ изъ писемъ Маріи къ Мендозѣ, гдѣ упоминалось о ея намѣреніи уступить свои права на англійскій престолъ королю испанскому».

Марія: *Пусть сила вся за нею* — за Елизаветой.— *Она воспользовалась силой, а не правомъ.* Это Марія заявила на судѣ; въ тюрьмѣ же послѣ объявленія приговора она радостно благодарила Бога, который сдѣлалъ ее орудіемъ возстановленія истинной религіи въ Англіи; затѣмъ она просила католическаго духовника, въ которомъ ей отказали и, наконецъ, замѣтила (стр. 396), что англичане часто уже убивали своихъ государей.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Стр. 402. Полетъ: *Напрасно Бебингтона и Тишберни*—о свидѣтельствѣ Тишборна въ процессѣ не было рѣчи.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стр. 404. Въ этомъ I явленіи Граббе не безъ основанія видѣлъ подражаніе 1 сценѣ «Генриха VIII» Шекспира. Полагаютъ, что описаніе турнира заимствовано изъ какого нибудь стариннаго источника; указывали на «Progres and public Proceeding of Queen Elisabeth» Николя (1788 г.), но не доказано, чтобы Шиллеръ пользовался имъ; вѣроятнѣе, что онъ имѣлъ въ виду старинную англійскую мистерію «Castle of Perseverance». Участвующіе въ турнирѣ сановники, упоминаемые графомъ Кентомъ, суть: *лордъ-маршалъ* Шрусбэри, *сенешалъ* — Лейстеръ, *верховный судья*—Христофоръ Рей, *канцлеръ*—Томасъ Бромлей. Французское посольство, для котораго было устроено это празднество, явилось въ 1581 г.

ЯВЛЕНІЕ II.

Стр. 405. Елизавета: *Какъ царственная мать отчизны вашей*—мать короля, Екатерина Медичи.— *Что настежъ монастырей ворота распахнули*—Генрихъ VIII и Эдуардъ VI уничтожили въ Англіи много монастырей.

Стр. 406. Елизавета—*снимаетъ съ пальца кольцо.*—Рапэнъ: «Въ день годовщины своей коронаціи, бесѣдуя съ принцемъ Анжуйскимъ, королева одѣла ему свое кольцо на палецъ—и это дало всѣмъ присутствующимъ поводъ думать, что она дала ему слово». *Графу Лейстеру, на котораго она во время послѣдней рѣчи пристально смотрѣла:* очевидно затѣмъ, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе производитъ на ея возлюбленнаго рѣшеніе ея выйти замужъ.—*Снимаетъ съ него голубую ленту* — знакъ высшаго англійскаго ордена Подвязки; знакъ этого ордена, основаннаго въ 1344 г. Эдуардомъ III - серебряная восьмиконечная звѣзда на груди слѣва, темно-голубая лента черезъ лѣвое плечо, и, наконецъ, прикрѣпляемая золотой пряжкой подъ лѣвымъ колѣномъ голубая повязка съ французскимъ девизомъ *Honny soit qui mal y pense*, что значитъ: «Стыдно тому, кто дурно объ этомъ подумаетъ».

ЯВЛЕНІЕ III.

Стр. 406. Бэрлей: *И братья лотарингскіе*—Генрихъ, Людовикъ и Карлъ Гизы, сыновья убитаго въ 1563 г. Франциска Гиза.

Стр. 408. Тольботъ: *Вотъ гдѣ бремя долга учитъ тебя нести путемъ страданій заботливый отецъ отчизны нашей*, т. е. Богъ. Потерявъ на третьемъ году жизни мать, казненную Анну Болейнъ, Елизавета была сперва отвергнута отцомъ, какъ незаконное дитя, но затѣмъ признана; ея сестра Марія сперва относилась къ ней хорошо, но затѣмъ, послѣ одного заговора въ пользу Елизаветы, послѣдняя была заключена въ Тоуэръ, затѣмъ въ Вудстокъ, откуда освобождена по ходатайству Филиппа испанскаго, и, наконецъ, въ Гатфильдъ.

Стр. 408. Лейстеръ: *Послѣдней волей Генриха*—по духовному завѣщанію, опредѣляя наслѣдственное преемство, Генрихъ VIII обошелъ домъ Стюартовъ.

Стр. 410. Елизавета: *Вамъ не мало постранствовать пришлось.* Въ подлинникѣ—ihr habt den grossen Weg gemacht. «Большимъ путемъ» - the great tour—назывался обычный маршрутъ молодыхъ англичанъ, путешествовавшихъ по Европѣ; онъ заканчивался Италіей.

Мортимеръ: *Булла папы Сикста, которую въ тебя недавно онъ метнулъ.* Сикстъ V подтвердилъ проклятіе противъ Елизаветы, обнародованное папой Піемъ V въ буллѣ 1570 года.

Мортимеръ и Лейстеръ обмѣниваются нѣсколькими словами: Мортимеръ проситъ Лейстера назначить ему время для тайнаго свиданія.

Стр. 411. Елизавета: *Древнѣйшимъ изъ престоловъ христіанскихъ могла владѣть.* Папа призналъ Францію старѣйшимъ христіанскимъ королевствомъ. *Три короны*: французскую, англійскую, шотландскую. *Что скрыто, никогда чужимъ не станетъ.* Въ оригиналѣ: что не

отдано, то не потеряно; это значит: всегда можно отстаивать то, отъ чего самъ не отказался.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Стр. 414. Лейстеръ: *Я холодно отринулъ это счастье.* Въ дѣйствительности Марія съ негодованіемъ отвергла руку Лейстера, предложенную ей Елизаветой. *Послѣ десятка лѣтъ упорныхъ домогательствъ.* Въ дѣйствительности Лейстеръ въ это время былъ уже *тринадцать лѣтъ* въ связи съ Елизаветой.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Стр. 417. Лейстеръ: *Женихъ твой не видалъ тебя ни разу.* Въ дѣйствительности герцогъ анжуйскій самъ пріѣзжалъ въ Англію.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стр. 420. Марія: *За цѣпью горъ, за пеленой тумана, лежатъ мои владѣнія.* Марія имѣетъ въ виду Чевіотскія горы, лежащія на границѣ Шотландіи; онѣ, однако, не видны изъ Фотрингея. — *Видишь, рыбакъ свой челнокъ снаряжаетъ—эта скорлупка меня бы спасла.* Заключенная въ 1567 г. шотландскими вельможами въ замокъ Лохлевенъ, расположенный среди озера, Марія была спасена восемнадцатилѣтнимъ графомъ Дугласомъ въ челнокѣ. Черезъ годъ она бѣжала въ Англію тоже въ рыбачьей лодочкѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Стр. 422. Шрусбэри: *Его не опасайтесь. Онъ вамъ не врагъ.* Старикъ Шрусбэри до такой степени не подозрѣваетъ ея отношеній къ Лейстеру и ея возгласа, что думаетъ, будто она боится Лейстера, какъ одного изъ своихъ враговъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Стр. 424. Елизавета: *Вашъ дядя — гордый властолюбивый пастырь* — покойный (по ходу пьесы еще живой) кардиналъ Гизъ. *Онъ васъ прельстилъ принять мой гербъ.* Послѣ смерти Маріи Католической, Марія Стюартъ и ея мужъ, ссылаясь на незаконное рожденіе Елизаветы, по совѣту кардинала Гиза, приняли англійскій королевскій титулъ, изобразили англійскій гербъ на своей утвари и т. д. Папа Павелъ III призналъ Марію законной наслѣдницей.—*И громное оружье изувѣрства*—папскія буллы противъ Елизаветы. *За мной Варѳоломеевская ночь*—знаменитое избіеніе французскихъ протестантовъ въ ночь св. Варѳоломея (24 Августа 1572 г.), произведенное по наущенію королевы-матери, приписывалось всегда преимущественно вліянію Гизовъ.—*Ключъ апостола Петра*—вдіяніе папы, по католическому ученію, преемника апостола Петра въ римскомъ епископствѣ; символомъ этого сана служитъ ключъ.

Стр. 424. Елизавета: *Едва ли кто либо польстится вашимъ четвертымъ мужемъ стать*; послѣ Франциска. Дарнлея и Ботвеля. — *Вѣдь женихи у васъ, какъ и мужья, живутъ недолго*: намекъ на Норфолька.

Стр. 425. Марія: *Меня прельщала власть*; въ подлинникѣ—mich verführte Macht; комментаторы объясняютъ это: моимъ соблазномъ была моя королевская власть (Беллерманъ) или: меня соблазняла сила—подразумѣвается Ботвеля (Дюнцеръ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Стр. 426. Мортимеръ: *Я спасу тебя, одинъ спасу*, т. е. безъ помощи Лейстера; отъ содѣйствія своихъ друзей Мортимеръ не отказывается. - *Священникъ отпустилъ намъ всѣ грѣхи—и тѣ, что совершили, и тѣ, что совершить еще мы можемъ.* Очевидно, священникъ, которому извѣстны намѣренія заговорщиковъ, благословилъ ихъ на убійство. Католическіе комментаторы утверждаютъ, что это немыслимо; но, конечно, звѣрскій фанатизмъ по отношенію къ отлученной отъ церкви Елизаветѣ могъ идти очень далеко. Въ одномъ письмѣ къ Маріи Бебингтонъ говоритъ, что они присягнули исполнить свой замыселъ или умереть.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Стр. 428. О'Келли: *Соважъ, безумецъ, нанесъ ударъ.* Рапэнъ: «Джильбертъ Джиффордъ, преподаватель богословія въ Реймской семинаріи, и два англійскихъ священника Робертъ Джиффордъ и Годжесонъ убѣдили своего земляка Сэвэжа, что будетъ большой заслугой убить Елизавету, и заставили на пасхѣ 1586 года принести клятву».

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Стр. 431. Лейстеръ: *Тотъ узелъ, что вами-же завязанъ былъ съ такимъ непрошеннымъ усердіемъ.* Въ стараніяхъ Бэрлея связать посредствомъ брака Елизаветы Англію съ враждебной Франціей комментаторы Шиллера иногда видѣли противорѣчіе съ его ненавистью къ папистамъ; но онъ отличалъ намѣренія французскаго двора отъ происковъ Гизовъ, орудіемъ которыхъ былъ графъ Обепинъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Стр. 438. Кентъ: *Весь Лондонъ потрясенъ молвой зловѣщей* и т. д. Рапэнъ сообщаетъ, что враги Маріи воспользовались открытымъ у Обепина заговоромъ, чтобы добиться приказа о казни. Чтобы напугать Елизавету, они распустили въ народѣ ложные слухи, будто Англія наканунѣ иноземнаго нашествія, испанскій флотъ уже въ одномъ уэльскомъ портѣ, герцогъ Гизъ стоитъ съ войскомъ въ Эссексѣ, королева шотландская освободилась изъ тюрьмы и набираетъ войска, Елизавета убита и весь Лондонъ будетъ тотчасъ объятъ пожаромъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Стр. 438. *Девисонъ съ бумагой.* Указъ о совершеніи казни былъ изготовленъ 20 декабря 1586 года, а врученъ Елизаветѣ 1 февраля 1587 г.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Стр. 440. Елизавета: *Охотно я престолъ покину этотъ.* По Рапэну, Елизавета разъ заявила парламенту: «Если моя смерть сдѣлаетъ это королевство болѣе цвѣтущимъ или доставитъ ему лучшую повелительницу, я охотно разстанусь съ этимъ міромъ, ибо я могу жить лишь для блага и счастія моего народа.

Бэрлей: *Легаты пусть являются изъ Рима, и храмовъ насъ лишаютъ и монарховъ развѣнчиваютъ нашихъ.* Онъ напоминаетъ о томъ, какъ при королѣ Іоаннѣ Безземельномъ въ 1213 году легатъ (представитель) папы Иннокентія III объ-

явилъ Англію и Ирландію леннымъ владѣніемъ папы; до этого папа отлучилъ отъ церкви короля и его страну и отрѣшилъ его отъ престола.

ЯВЛЕНІЕ X.

Елизавета: *Французы предаютъ меня лобзаньемъ іудинымъ*: несмотря на сватовство принца Анжуйскаго, козни Гизовъ доходятъ до покушенія на ея жизнь.—*На моряхъ испанцы грозятъ мнѣ смертоносною войной*: въ это время Филиппъ II снаряжалъ противъ нея свою «непобѣдимую армаду» (см. т. I, стр. 354)—*И то пятно рожденія, которымъ отецъ меня навѣки обезчестилъ*: Генрихъ VIII сперва объявилъ Елизавету незаконной.—*Съ возлюбленнымъ меня разъединила, лишила жениха*. Это невѣрно: бракъ съ герцогомъ Анжуйскимъ Елизавета отвергла сама, въ невинности Лейстера она почти убѣждена.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Стр. 413. Бэрлей: *Давайте! А промедлите—пропали*. Въ дѣйствительности дѣло, въ изображеніи историковъ, извѣстныхъ Шиллеру, было такъ: не зная, какъ поступить, въ виду двусмысленнаго повелѣнія государыни, неопытный Девисонъ обратился къ оберкаммергеру Гаттону, которому объяснилъ, что Елизавета въ нерѣшимости, очевидно, хочетъ всю вину взвалить на него. Гаттонъ выразилъ радость, что дѣло зашло такъ далеко. Вмѣстѣ съ Девисономъ онъ отправился къ Бэрлею, гдѣ были составлены приказы Шрусбэри и графу Кенту. Въ тайномъ совѣтѣ было рѣшено не обращаться—какъ было принято—къ королевѣ за подтвержденіемъ, такъ какъ это могло породить лишь новыя сомнѣнія и отсрочки. Такимъ образомъ, приказъ о совершеніи казни былъ исполненъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стр. 444. *Входитъ Мельвиль*. Рапэнъ: «Когда графы сказали, чтобы она готовилась къ смерти, она попросила позволенія говорить со своимъ проповѣдникомъ, духовникомъ и съ Мельвилемъ, своимъ дворецкимъ».

Стр. 415. Кеннеди: *Сэръ Полетъ входитъ и говоритъ, что плотники помостъ надъ нами воздвигаютъ*. Въ дѣйствительности, по сообщенію Брантома, мемуары котораго послужили главнѣйшей основой пятаго дѣйствія, о днѣ казни сообщилъ Маріи не Полетъ. Въ 3 часа дня 17 февраля 1587 г. къ Маріи явились комиссары съ лордомъ Шрусбэри во главѣ и, въ присутствіи ея стража Полета, графа Кента, шерифа и многихъ мѣстныхъ дворянъ, прочли ей указъ, сообщивъ, что казнь будетъ совершена завтра въ восемь часовъ утра. Сохраняя полное присутствіе духа, королева поблагодарила комиссаровъ за извѣстіе; болѣе желанной вѣсти они ей не могли принести, потому что она видитъ, наконецъ, предѣлъ своимъ страданіямъ и давно готова къ смерти. Въ просьбѣ продлить немножко срокъ для ея необходимыхъ распоряженій Шрусбэри отказалъ ей довольно сурово.—*Потомъ съ друзьями простилась письменно*. Брантомъ разсказываетъ: она написала королю французскому, королевѣ-матери, г-ну и г-жѣ де Гизъ и другимъ близ имъ—всѣ письма, конечно, весьма трогательныя, но всѣ составленныя съ цѣлью показать имъ, что она помнитъ о нихъ до послѣдняго мгновенія и рада своему освобожденію. Письмо къ Генриху де Гизъ сохранилось до нашего времени.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Стр. 447. *Тѣ же. Марія*. Кэмпдонъ сообщаетъ, что она вышла съ веселымъ лицомъ, съ сдержанной и очень скромной осанкой, въ праздничной одеждѣ (по Брантому—черной, шелковой), съ распущеннымъ полотнянымъ покрываломъ; онъ упоминаетъ также о распятіи слоновой кости и о четкахъ, привѣшенныхъ къ поясу. Знаменита связанная съ этимъ мѣстомъ драмы ошибка стараго перевода «Маріи Стюартъ», гдѣ слово Rosenkranz (четки) передано буквально: *розовый вѣнокъ* (Шиллеръ, изд. пятое Гербеля, т. I, стр. 417). *Agnus Dei* (Агнецъ Божій)—овальная пластинка, приготовляемая обыкновенно изъ воска пасхальныхъ свѣчей или изъ тѣста облатокъ, служащихъ для причащенія у католиковъ, или, наконецъ, изъ золота и серебра; на одной сторонѣ дощечки изображенъ агнецъ съ крестомъ или съ Іоанномъ Крестителемъ символическій образъ Спасителя, на другой—ликъ какого-нибудь святого; съ XIV вѣка они освящаются папой въ первый годъ его правленія и потомъ черезъ каждые семь лѣтъ и во время Пасхи раздаются знатнымъ лицамъ. Въ Англіи ношеніе ихъ было запрещено.

Марія: *Что дѣлаетъ Дидье, мой казначей?* Казначей Маріи Дидье Сиффларъ присутствовалъ при ея казни.—*Благословляю зятя моего всехристіаннѣйшаго государя*: французскаго короля Карла IX, имѣвшаго титулъ rex christianissimus, брата ея перваго мужа.—*Дядю-кардинала*: онъ уже умеръ; живъ былъ кардиналъ Генрихъ де Гизъ.—*Святого намѣстника Христа*: папу.—*Монарха всѣхъ католиковъ*: короля испанскаго, носившаго титулъ rex catholicus—католическій король.—*Ихъ всѣхъ упомянула я въ своей духовной*. Брантомъ: «При письмахъ она посылала всѣмъ маленькіе подарки,—какіе можетъ дать бѣдная, злополучная, заключенная въ тюрьму королева».—*Васъ царственному брату поручаю*—королю французскому.

Марія: *Дарю мои вамъ жемчуги и платья*. Брантомъ: «Одѣвъ черное шелковое платье, единственное, которое она оставила себѣ, она обратилась къ своимъ женщинамъ: милыя, я съ удовольствіемъ отдала бы вамъ и это платье, но надо же мнѣ идти на смерть въ приличномъ видѣ и одѣться лучше, чѣмъ всегда».—*Я тебѣ не мщу за мужа*—мужъ Маргариты (по исторіи Елизаветы) Кэрлъ, писецъ, погубившій Марію ложными показаніями.—*Возьми платокъ*. Брантомъ: «Этотъ носовой платокъ,—сказала она, обратясь къ одной изъ женщинъ,—который я оставила себѣ, чтобы завязать глаза, когда дойдетъ до этого; даю его вамъ, моя милая, потому что хочу принять отъ васъ эту послѣднюю услугу».—*Ты, Берта, избрала наилучшій жребій*.—Ев. Луки, 10, 42, («избрала часть благую»); начиная отсюда, въ словахъ Мельвиля и Маріи особенно часты цитаты изъ Библіи.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Сцена причащенія, изображенная въ этомъ явленіи, вызывала возраженія Гердера и герцога Веймарскаго, находившихъ, что такіе обряды не должны быть изображаемы на театрѣ; получивъ отъ Гете письмо, написанное по порученію герцога, съ просьбой передѣлать это «кощунственное» мѣсто, Шиллеръ былъ возмущенъ, но потомъ согласился и въ театральной обработк-

трагедіи Мельвиль, который только *собирается* быть священникомъ, ограничивается тѣмъ, что выслушиваетъ исповѣдь Маріи и благословляетъ ее.

Стр. 449. Мельвиль: *Тамъ прорасти изсохшій посохъ можетъ* какъ жезлъ Аароновъ (Числа, XVII, 8).—*Кто изъ скалы извлекъ источникъ*—какъ въ пустынѣ Аравійской (Исходъ, XVII, 6).

Марія: *Гдѣ во имя мое сойдутся двое*—Ев. Матѳ., XVIII, 12.

Мельвиль: *Семь посвященій принялъ я.* Посвященію въ священники у католиковъ предшествуютъ еще шесть: четыре низшихъ и два высшихъ посвященія.

Стр. 450. Марія: *Какъ нѣкогда апостолъ изъ темницы освобожденъ былъ* — апостолъ Петръ (Дѣянія, V, 19).—*Тому, кѣмъ зло обманута была*—Лейстеромъ. *Но совѣсть ни на мигъ не умолкала.* Въ подлинникѣ: «Но червь въ душѣ не засыпаетъ»—по Ев. Марка, IX, 44.

Стр. 451. Мельвиль: *Я всѣ твои прощаю прегрѣшенья.* Пропущенъ стихъ: «Какъ ты вѣрила, такъ съ тобой будетъ поступлено» (Ев. Матѳ. IX, 29).—*Священнымъ правомъ королей*—французскіе короли имѣли право въ день своего вѣнчанія на царство принимать св. причастіе подъ обоими видами—право у католиковъ, не принадлежащее мірянамъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Стр. 451. Марія: *Прахъ мой будетъ здѣсь лежать, въ землѣ не освященной.* Брантомъ: «Затѣмъ прахъ королевы положили въ свинцовый гробъ, гдѣ онъ лежалъ семь мѣсяцевъ, а затѣмъ зарыли его въ неосвященную землю церкви въ Питерборо».

Стр. 452. Полетъ: *Почійте съ міромъ.* 2 Сам. XV, 9.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Стр. 452. Марія: *На этомъ свѣтѣ мнѣ больше ничего не остается* и т. д. Это подлинныя слова королевы. *Да, Лейстеръ, не одну свободу мнѣ рука сулила ваша* и т. д. Этотъ монологъ Маріи, столь мало соотвѣтствующій ея просвѣтленному и примиренному предсмертному настроенію, вызывалъ горячія нападки критиковъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Стр. 453. При первомъ представленіи трагедіи (25 марта 18 2 г.), явленіе это, все состоящее изъ одного монолога Лейстера, такъ сильно подѣйствовало на герцога, что при дальнѣйшихъ представленіяхъ его пришлось вычеркнуть.

Стр. 454. Лейстеръ: *Увѣщеваетъ. . Прервала.* Передъ самой казнью Маріи снова навязывали услуги англиканскаго декана Питерборо, Флетчера, но она снова отказалась отъ этого.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Стр. 456. Шрусбэри: *Если въ этомъ дѣлѣ сквайръ дѣйствовалъ* и т. д. *Сквайръ*—называютъ англійскаго чиновника не имѣющаго званія *сэръ*—Рапэнъ выражаетъ предположеніе, что Елизавета намѣренно сдѣлала неопытнаго Девисона секретаремъ, чтобы свалить на него вину въ смерти Маріи.

Русскіе переводы.

1. Отрывокъ изъ трагедіи «Марія Стюартъ». Перев. Н. Петрова, «Мнемозина» 1824, ч. II.
2. Отрывокъ изъ трагедіи «Марія Стюартъ». Перев. К. «Цефей» 1829.
3. Сцена изъ трагедіи «Марія Стюартъ». Дѣйствіе V, явл. VII. Перев. А. Шишкова 2-го. «Телескопъ» 1831, ч. IV, стр. 171.
4. Марія Стюартъ. Трагедія. Перев. А. Шишкова 2-го. «Избранный Нѣмецкій Театръ» 1831, т II. То же въ «Дешевой Библіотекѣ» Суворина (Спб. 1888 и 1893).
5. Марія Стюартъ. (Дѣйствіе III, выходъ I). Перев. Н. Грекова. «Дѣтскій Журналъ» 1860, т. V, № 1.
6. Maria Stuarda. Марія Стюартъ. Трагедія въ 5 д. Итальянскій перев. Андрея Маффи. Русск. перев. А. Элькана. Спб. 1860 и 1861, 8°.
7. Марія Стюартъ. Трагедія въ 5 дѣйств. М 1861, 8°.
8. Марія Стюартъ. Трагедія въ 5 актахъ. Перев. съ итальянскаго. Пер. Маффеи. М. 1862, 8°.
9. Марія Стюартъ. Трагед. въ 5 д. Перев. съ нѣм., изд. П. Яковлева. Кіевъ. 1887, 12°.
10. Сцена изъ «Маріи Стюартъ». Перев. П. И. Вейнберга. «Книжки Недѣли» 1891, апрѣль.
11. Изъ трагедіи «Марія Стюартъ». Перев. П. И. Вейнберга. «Трудъ» 189, т. XVIII. стр. 481, 7-мъ изд. «Полн. собр. соч. Шиллера». Спб. 1893.
12. Марія Стюартъ. Перев. П. И. Вейнберга. Въ 7-мъ Гербелевскомъ изд. соч. Шиллера.
13. Марія Стюартъ. Трагедія. Перев. А. В. Плотникова. Акты 1 и 2. «Артистъ» 1893, № 30, стр. 1—31; № 31, стр. 1—23 (Акты 3 и 4); № 32, стр. 1—12. (Актъ 5. Окончаніе).
14. Марія Стюартъ. Траг. въ 5 д. (Б-ка нѣм. класс. въ русск. перев.). (Южно-русск. книгоизд. Ф. Іогансона). Кіевъ 1898, 16°.
15. Марія Стюартъ. Перевелъ для настоящаго изд. В. С. Лихачовъ.

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

Историческія подробности о дѣйствующихъ лицахъ, поскольку они соотвѣтствуютъ исторіи, см. въ Словарѣ. Здѣсь необходимо замѣтить, что изъ нихъ *Шатильонъ, Рауль, Ліонель, Монгомери,* двѣ старшія дочери Тибо д'Арка—*Алина* (переименована Жуковскимъ; у Шиллера—*Марго*) и *Луиза* (у Шиллера—Луизонъ), равно какъ три жениха *Арманъ* (у Шиллера — *Клодъ-Мари*), *Этьенъ* и *Раймондъ*, а также Бертранъ—созданы поэтомъ. Извѣстно только, что рыцарь, взявшій въ плѣнъ Жанну въ 1430 г. у Компьеня, звался Ліонель. *Пажей, чиновниковъ, дамъ и дѣтей* въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ у Шиллера нѣтъ; вмѣсто нихъ указаны *монахи, члены магистрата,* а также *иныя лица безъ рѣчей въ коронаціонномъ шествіи.* Тибо д'Аркъ у Шиллера—«богатый крестьянинъ», у Жуковскаго просто «земледѣлецъ». Агнеса Сорель—«возлюбленная короля».

Мѣсто и *время* здѣсь менѣе стѣсняютъ поэта, чѣмъ въ иныхъ его историческихъ драмахъ, ограниченныхъ немногими днями и одной-двумя мѣстностями. Здѣсь каждое дѣйствіе происходитъ въ особый день; одно отъ другого отдѣлено неопредѣленнымъ, иногда значительнымъ, промежуткомъ. Превосходный и вдохновенный, хотя мѣстами уже устарѣвшій по языку, переводъ Жуковскаго страдаетъ—не безъ вины цензуры—многими пропусками, которые разобраны въ книгѣ Всеволода Чешихина «Жуковскій, какъ переводчикъ Шиллера» (Рига, 1895). Они возстановлены у насъ въ переводахъ Мея и Загарина (Льва Поливанова).

ПРОЛОГЪ.

Въ подлинникѣ прологъ раздѣленъ на три явленія: 2-е начинается послѣ ухода Алины и Луизы, Армана и Этьена (стр. 470), 3-е начинается съ появленія Бертрана (стр. 472), 4-е—когда Іоанна остается одна (стр. 474).

Стр. 470. Тибо: *И древняя корона Дагоберта досталася въ добычу иноземцу*: Генриху VI, сыну Генриха V англійскаго и Катерины, дочери короля французскаго Карла VI. — *Внукъ королей*—Карлъ VII.—*Знатнѣйшій пэръ*—герцогъ Бургундскій, Филиппъ Добрый.—*Родная мать ему готовитъ гибель*. Въ подлинникѣ Rabenmutter, что значитъ *злодѣйка-мать*, но никакъ «не воронья самка», какъ указано у Чешихина.

Луиза: *Арманъ!*—Арманъ (подавая ей руку): *Твой навсегда*. Вмѣсто этого въ подлинникѣ—Луизонъ: *Отецъ!* Клодъ Мари: *Моя Луизонъ!*

Ремарка: (*Алина, Луиза, Арманъ и Этьенъ уходятъ*). Въ подлинникѣ «обѣ пары уходятъ обнявшись». При послѣднихъ своихъ репликахъ Алина и Луиза поочередно обнимаютъ Іоанну.

Стр. 471. Раймондъ: *Она одна въ величіи надъ стадомъ стоитъ*. По Рапэну, Іоанна сказала, что она «пряха и прачка», а совсѣмъ «не пастушка.— *Не вѣрю я, не козни сатаны, а чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы*. Рапэнъ: «На вопросъ, видѣла ли она привидѣнія, она отвѣтила, что нѣтъ, но что одна ея кума говорила, будто видѣла нѣсколько у волшебнаго дерева, что неподалеку отъ деревни Домпре... что сама она у этого дерева говорила съ св. Екатериной и св. Маргаритой, а не съ привидѣніями, какъ ее обвиняютъ. И начала она разговаривать со святыми на тринадцатомъ году.

Тибо: *И сны и страшныя видѣнья меня, мой другъ, тревожать не напрасно*. Рапэнъ: «Она присовокупила, что отецъ ея видѣлъ сонъ, будто она идетъ среди солдатъ, и потому сталъ держать ее строже и говорилъ, что лучше бы ей утонуть».— *И изъ него три бѣлыя лиліи*—гербъ дома Валуа.

Стр. 472. Бертранъ: *Мы въ двухъ большихъ сраженіяхъ разбиты*. Вѣроятно, битвы при Креванѣ (1123) и Вернейлѣ (1424), происходившія, правда, много раньше дѣйствія пролога.

Стр. 473. Тибо: *На Францію оружіе французовъ*. Герцогъ Бургундскій родственникъ и вассалъ французскаго короля, Изабо его мать—*Князей баварскихъ племя*—она была дочь герцога Стефана Баварскаго.

Бертранъ: *Съ нимъ Ліонель боецъ съ душой звѣриной*—невѣрно передаетъ характеръ Ліонеля; въ подлинникѣ «братъ льва», что имѣетъ смыслъ, какъ намекъ на его имя (lion—левъ). *Король теперь съ дворомъ своимъ въ Шинонѣ*. Рапэнъ: «Карлъ слишкомъ хорошо понималъ, что взятіе Орлеана лишитъ его того преимущества, которое онъ имѣлъ до сихъ поръ, такъ какъ онъ велъ войну въ сѣверныхъ областяхъ государства. Но такъ какъ у него не было ни денегъ, ни войскъ, то онъ не чувствовалъ себя въ силахъ отбить осаду. Однако, онъ согласился приблизиться къ осажденному городу и переѣхалъ въ Шинонъ».

Стр. 474. Іоанна: *Сторукаго громителя небесъ*. Намекъ на сторукихъ титановъ (см. въ Словарѣ), нападавшихъ на небо.—*Съ рушителемъ святыни Салисбури*,—который въ эту войну разрушилъ много храмовъ.—*Здѣсь рухнула невѣрныхъ сила*: Аттила, предводитель дикихъ ордъ гунновъ, былъ разбитъ въ 451 г. на Каталаунской равнинѣ, въ предѣлахъ Франціи (Шалонъ на Сонѣ), арабы въ 732 г. разбиты между Туремъ и Пуатье.—*Здѣсь былъ первый крестъ, спасенья знакъ воздвигнутъ*. Франція, правда, не была первой европейской страной, принявшей христіанство, но сюда новое ученіе проникло раньше и легче, чѣмъ въ другія страны Европы; въ 496 г. крестился франкскій король Хлодвигъ, и съ тѣхъ поръ Франція считается защитницей папскаго престола.—*Здѣсь прахъ лежитъ святого Людовика*—Людовика IX Святого (1226—1270), который, подобно другимъ французскимъ королямъ, погребенъ въ аббатствѣ Сенъ-Дени.—*Іерусалимъ отсюда завоеванъ*: первый крестовый походъ былъ рѣшенъ въ 1095 г. на Клермонтскомъ соборѣ; французы принимали въ немъ наиболѣе дѣятельное участіе.—*Неумирающій*—такъ какъ въ моментъ смерти короля королемъ становится его преемникъ; умираетъ человѣкъ, бывшій королемъ, самъ король не умираетъ (le roi est motr, vive le roi»).—*Невольникамъ дарующій свободу*; въ подлинникѣ говорится о крѣпостныхъ, что не вполнѣ согласно съ исторической истиной. Шиллеръ думалъ иначе. Король былъ тогда божествомъ-хранителемъ третьяго сословія, горожанъ и крестьянъ, противъ надменнаго насилія дворянства», говорилъ онъ Беттихеру.—*На вражеской землѣ*. Въ подлинникѣ—«на враждебной» гдѣ люди враждебны другъ другу.—*Идетъ въ лицо судьи смотрѣть безъ страха*; пропущено: *И шутитъ съ львами у престола*, которые страшатъ только неправаго; намекъ на разсказъ Библіи о золотомъ тронѣ Соломона: «И два льва стояли по бокамъ его».

Тибо: *Король нашъ тотъ, кто былъ мѵропомазанъ*; эти слова крестьянина, ярко выражающія все значеніе, которое имѣетъ для него и народныхъ массъ ему подобныхъ обрядъ вѣнчанія на царство, показываютъ, какъ велика была заслуга предъ Карломъ VII Іоанны, давшей ему возможность короноваться въ Реймсѣ.

Стр. 475. Іоанна: *Кто на царя воздвигнулъ Моисея* и т. д. По древней «Histoire du siege d'Orléans» Іоанна сказала королю: «Что вооружило слабую десницу Давида противъ страшной мощи филистимлянина, какъ не надежда на Господа? Не Господь ли проложилъ путь Моисею черезъ Чермное море и пустыню?». *Орифламма* (auri flamma—золотое пламя) военное знамя французскихъ королей, собственно знамя аббатства Сенъ-Дени изъ пурпуроваго шелка (по преданію саванъ св. Діонисія) на золоченномъ древкѣ. *Преобратишь во плачъ побѣдный гласъ*. Въ подлинникѣ: «повернешь колесо его счастія».

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стр. 476. Дюнуа: *Онъ окруженъ толпой шутовъ*. Въ подлинникѣ говорится о скоморохахъ (jongleurs, joculatores), бродячихъ пѣвцахъ, разсказчикахъ, музыкантахъ. Выше ихъ были упоминаемы далѣе трубадуры—провансальскіе поэты—пѣвцы XII—XIII вѣка.—*Заботится разгадывать загадки*; такія загадки особенно изъ области любовныхъ отношеній любила провансальская поэзія, и отвѣты на нихъ составляли предметъ цѣлыхъ диспутовъ (напр.: «что сильнѣе возбуждаетъ любовь—присутствіе любимой дамы или отсутствіе» и т. п.).—*Конетабль* (comes stabuli начальникъ конюшни) сперва главный конюшій, потомъ—главнокомандующій французской арміи; въ это время конетаблемъ былъ Артуръ, графъ Ричмондъ, герцогъ Бретанскій.

ЯВЛЕНІЕ II.

Стр. 477. Дюнуа: *Я признаюсь: онъ гордъ* и т. д. Въ подлинникѣ: «онъ высокомѣрный, непріятный, тягостный *дуракъ*». Рапэнъ: «Никто при дворѣ не могъ вынести его надменности».

Король: *Король Рене прислалъ ко мнѣ пословъ.* Примѣчаніе Шиллера въ первомъ изданіи: «Рене Добрый, графъ Шампанскій изъ дома Анжу; его отецъ и братъ были королями неаполитанскими, и самъ онъ послѣ смерти своего брата изъявлялъ притязанія на этотъ престолъ, но потерпѣлъ неудачу. Онъ старался возстановить старинную провансальскую поэзію и Cours d'amour и назначилъ особаго Prince d'amour высшимъ судьей въ дѣлахъ ухаживанія и любви. Изъ подобныхъ-же романтическихъ стремленій онъ сдѣлался со своей женой пастухами». Объ этомъ и говоритъ ниже Дюнуа: *Съ тѣхъ поръ какъ онъ пасетъ своихъ овецъ.*

Стр. 478. Дюнуа: *Герои за круглый столъ садились въ древніе годы.* «Круглый столъ», вокругъ котораго собирались герои-рыцари короля Артура, популярные въ средневѣковыхъ сказаніяхъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Чиновникъ: *Въ такой бѣдѣ высокій Рошепьеръ*—не историческая личность.

Король: *Сантраль погибъ!* Сантраль (Сентрайль, Saintrailles) умеръ лишь въ 1461 г.

Дюнуа: *Къ тебѣ прислалъ Дугласъ*- предводитель шотландскихъ наемниковъ, убитъ въ 1424 г.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Стр. 479. Агнеса: *Ему-ль дрожать за золото мое.* Въ подлинникѣ: «И онъ сердится, что я рискую моимъ золотомъ».

Король: *Итакъ должно обѣщанное сбыться.* Рапэнъ: «Когда Карла извѣстили, что къ нему идетъ Іоанна, онъ открылъ, что нѣкогда одна монахиня по имени Марія изъ Авиньона предсказала ему, что небо отрядитъ на помощь Франціи особу ея пола».

ЯВЛЕНІЕ V.

Стр. 480. Ля Гиръ: *Парламентомъ и ты и весь твой родъ отрѣшены на вѣки отъ престола.* Парламентъ—высшее судилище Франціи: никакого отрѣшенія Карла VII парламентомъ отъ престола въ дѣйствительности не было.

Ля Гиръ: *Онъ мыслитъ и понынѣ, что Дю-Шатель убилъ его отца.* Рапэнъ: «Таннегюи Дю-Шатель былъ первымъ любимцемъ короля. Онъ нанесъ покойному герцогу Бургундскому первый ударъ на мосту у Монтеро. Такъ какъ онъ былъ главнѣйшимъ исполнителемъ этого ужаснаго заговора, то никто не сомнѣвался въ томъ, что онъ и первый создатель его. Между тѣмъ всѣ французскіе писатели утверждаютъ, будто онъ очень честный человѣкъ. Не знаю, какъ это качество совмѣщаютъ съ такимъ дѣяніемъ, которое—что ни говори—слишкомъ умышленно». Убійство герцога Бургундскаго Іоанна Неустрашимаго, отца Филиппа Добраго, произошло въ 1419 г.

Стр. 480. Дюнуа: *Чудовище!* Въ подлинникѣ: «Волчица! Злобой дышащая Мегера». Передъ этими словами ремарка: «Король закрываетъ лицо. Агнеса спѣшитъ къ нему и обнимаетъ его, всѣ окружающіе выражаютъ свое отвращеніе, свой ужасъ».

Стр. 482. Дюнуа: *Изъ сердца Франціи твой лучшій городъ:* Орлеанъ лежитъ въ средоточіи Франціи.

Король: *Мы перейдемъ не медля за Луару!* Рапэнъ: «Когда Карлъ увидѣлъ, что его попытка не удалась и средствъ спасти Орлеанъ нѣтъ, онъ былъ готовъ для безопасности переѣхать въ Дофинé... Выдающіеся придворные изо всѣхъ силъ старались удержать короля отъ этого намѣренія».

Король: *Отецъ мой былъ безумцемъ двадцать лѣтъ.* Въ дѣйствительности тридцать. — *Моихъ трехъ старшихъ братьевъ.* Только двухъ. — *Иль матери свирѣпой уподобясь, своихъ дѣтей на жертву самъ я брошу.* Въ подлинникѣ: «Неужто я, подобно той противоестественной матери, дамъ разрубить свое дитя мечомъ? Нѣтъ, я отрекусь отъ него, лишь бы оно осталось въ живыхъ»: погибшій въ переводѣ намекъ на судъ царя Соломона.

Дюнуа: *Тогда свой плугъ бросаетъ земледѣлецъ.* Пропускъ; въ подлинникѣ: «женщина бросаетъ прялку».

Стр. 484. Дюнуа: *Я затворюсь въ родимый Орлеанъ и съ нимъ въ его развалинахъ погибну.* Не надо забывать, что Дюнуа — «орлеанскій бастардъ», побочный сынъ герцога Орлеанскаго. По Рапэну Орлеанъ принадлежалъ герцогу Орлеанскому, который съ битвы при Азенкурѣ былъ въ плѣну въ Англіи. Дюнуа, Орваль, Ля Гиръ, Сантрайль и иные военачальники заперлись здѣсь, чтобы, служа своему господину, добыть себѣ славу».

ЯВЛЕНІЕ VI.

Стр. 483. Король: *Хотя бы сто престоловъ мнѣ терять, я не спасусь погибелію друга.* Рапэнъ: «Нѣкоторыя изъ условій мира (предложенныя герцогомъ Бургундскимъ) повергли короля въ величайшее затрудненіе. Чтобы воспользоваться благодѣяніями мира, онъ долженъ былъ отказаться отъ двухъ своихъ лучшихъ сановниковъ, своихъ любимцевъ, своихъ совѣтниковъ, а именно отъ Танногюи дю Шателя, который убилъ герцога Бургундскаго, и отъ Луве... Дю Шатель снялъ съ него часть горести, возложенной на него этой тяжелой необходимостью. Бросившись къ ногамъ короля, онъ просилъ, въ награду за его службу, разрѣшить ему удалиться отъ двора, ибо его присутствіе можетъ теперь лишь вредить его доброму господину. Король согласился на его просьбу, но при этомъ выказалъ, какъ неохотно онъ разстается съ нимъ. Долго онъ не могъ принять никакого рѣшенія. Но, побуждаемый настойчивыми увѣщаніями вѣрнаго слуги, который просилъ объ отставкѣ только для того, чтобы дать ему еще одно доказательство своей преданности, онъ, наконецъ, разстался съ нимъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Стр. 483. Король: Не унывай, моя *Агнеса* и т. д. Пропущены стихи

Въ благословенный край съ тобой мы ѣдемъ:
Тамъ небо вѣкъ съ безоблачной улыбкой,
И вѣтерочекъ вѣетъ тамъ легко,
И нравы кротки, и звучитъ повсюду,
Во славу жизни о любови, пѣсня.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Стр. 484. Ля Гиръ: *Дано сраженіе; мы побѣдили.*

Пропущено:

Агнеса: *Побѣда!.. о какъ слово иногда звучитъ божественно и музыкально.*

Агнеса: *Кто она?* Въ подлинникѣ.

Какъ? Дѣвица.

Свершила это чудо? Кто она?

ЯВЛЕНІЕ X.

Стр. 486. Іоанна: *Не на своемъ ты мѣстѣ, Дюнуа.* Этотъ отвѣтъ и все положеніе заимствовано Шиллеромъ изъ «Генриха VI» Шекспира, гдѣ Іоанна (I, 2) на обращеніе Ренье: «Ты-ль это хочешь чудеса творить, прекрасная дѣвушка?»—отвѣчаетъ: «Ренье, не тебѣ обмануть меня» и т. д.

Стр. 487. Іоанна: *Дерзай, она рекла мнѣ— чистой дѣвѣ доступно все великое земли, пока она любви земной не знаетъ.* Затѣмъ въ подлинникѣ слѣдуетъ: «Взгляни на меня. Оставаясь чистой дѣвушкой, какъ и ты, я родила Божественнаго Повелителя, и сама стала Божественной».

Ремарка: *(Всѣ тронуты. Агнеса въ слезахъ закрываетъ лицо руками).* Въ подлинникѣ: Агнеса, рыдая, скрываетъ свое лицо на груди короля».

Архіепископъ: *Единый Богъ подобное творитъ.* Затѣмъ пропущены слова Дюнуа:

Нѣтъ, не словамъ—ея глазамъ я вѣрю
И чистотѣ дѣвической ея.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Стр 488. Герольдъ: *Найду ли здѣсь я Карла Валуа?* Въ подлинникѣ герольдъ присовокупляетъ еще одинъ титулъ Карла Валуа *графа де Понтье*; такъ англичане называли Карла.

Стр. 489. Іоанна: *Ты, англійскій король* и т. д. Въ дѣйствительности Іоанна писала изъ Пуатье англійскому королю и его «такъ называемому» намѣстнику французскому герцогу Бедфорду: «Возмѣстите царю небесному королевскую кровь. Отдайте дѣвѣ, посланной Господомъ Богомъ, Царемъ небеснымъ, ключи отъ всѣхъ городовъ, которые вы захватили. Она пришла отъ Бога, чтобы потребовать королевскую кровь, и готова заключить миръ, если вы окажете ей удовлетвореніе, то-есть если вы уйдете и возвратите все, что забрали. Король англійскій, если вы этого не сдѣлаете, то я глава войны; я настигну вашихъ людей во Франціи, гдѣ захочу, я ихъ выгоню, хотятъ они этого или нѣтъ. Дѣва, посланная царемъ небеснымъ, явилась выгнать васъ изъ Франціи. И если вы не послушаетесь моего голоса, она произведетъ такой шумъ, что и въ тысячу лѣтъ такого не услышатъ во Франціи. И будьте твердо увѣрены, что царь небесный дастъ ей и ея правымъ воинамъ больше силы, чѣмъ у васъ можетъ быть. Бога ради, возвратитесь въ вашу землю. И не мечтайте получить Францію отъ царя небеснаго; ее получитъ король Карлъ, истинный наслѣдникъ, коему вручилъ ее Господь и который вступитъ въ Парижъ въ добромъ сообществѣ. Вы, Вильгельмъ Поулетъ, графъ Суффолькъ, Іоаннъ Толботъ, Томасъ де Эсіалль, помощники герцога Бедфорда, и вы, герцогъ Бедфордъ, именующій себя правителемъ Франціи, пощадите невинную кровь. Оставьте Орлеанъ въ покоѣ. Если вы не окажете справедливости тому, надъ кѣмъ творите несправедливость, то французы сотворятъ лучшее дѣяніе, когда либо происшедшее въ христіанствѣ. Внемлите гласу Божію и дѣвы». Очевидно, весь монологъ Іоанны есть опоэтизированный переводъ этого письма.

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Между первымъ и вторымъ дѣйствіями Іоанна разбила армію осаждающихъ и освободила Орлеанъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стр. 491. Герцогъ: *Но кто жъ у васъ* (опечатка; читай *у насъ) похитилъ Орлеанъ?* Рапэнъ: «Въ этомъ затруднительномъ положеніи онъ (Карлъ VII) нашелъ уловку, которую онъ считалъ пригодной для того, чтобы отнять у англичанъ эту добычу въ надеждѣ, что они будутъ настолько слѣпы, что не замѣтятъ его хитрости. Онъ именно рѣшилъ предписать осажденнымъ сдать крѣпость (Орлеанъ) герцогу Бургундскому, подъ охраной котораго она должна была оставаться до конца войны. Сантрайль и нѣкоторые другіе, на которыхъ возложено было веденіе этихъ переговоровъ, отправились въ Парижъ и сдѣлали соотвѣтственное предложеніе герцогу Бедфорду, который, однако, лишь посмѣялся надъ этой уловкой. Онъ отвѣтилъ, что очень ошибаются тѣ, которые считаютъ его человѣкомъ, который трудится для того, чтобы плоды предоставить другому или борется на себя бремя, чтобы другому оставить удовольствіе. Нѣкоторые говорили, что отвѣтъ этотъ очень разсердилъ герцога Бургундскаго, который поэтому даже отозвалъ свои войска отъ осады».

Ліонель: *Въ день побѣды Азенкурской, когда съ тобой и съ Франціей одни мы сладили.* Дѣйствительно, во время битвы при Азенкурѣ герцогъ Бургундскій былъ на сторонѣ Франціи.

Герцогъ: *Но цѣну дорогую за мой союзъ регентъ вашъ заплатилъ*: герцогъ Бедфордъ.—*Великій Боже!* Въ подлинникѣ: «Смерть и адъ!».

Стр. 492. Герцогъ: *Необходимость велитъ мнѣ гнѣвъ праведный укротить.* Въ подлинникѣ за этимъ слѣдуютъ слова королевы:

И хорошо; скорѣй запечатлѣйте
Союзъ вашъ крѣпкимъ, братскимъ поцѣлуемъ—
И на вѣтеръ всѣ гнѣвныя слова—

Вмѣсто ремарки *Даютъ другъ другу руки* въ подлинникѣ: «Герцогъ и Тальботъ обнимаются».

Тальботъ: *Съ тѣхъ поръ какъ въ станѣ вы, намъ ни на что благословенья нѣтъ.* Рапэнъ: «Французы ненавидѣли ее, потому что видѣли въ ней главную причину гибели государства. Англичане тоже не очень жаловали ее. По крайней мѣрѣ они выказывали ей не много почтенія, съ тѣхъ поръ какъ она имъ стала не нужна».

Королева: *Васъ снова я примирила—и вы меня согласны ужъ отречься.* Послѣ этихъ словъ въ подлинникѣ слѣдуетъ замѣчаніе Тальбота:

Намъ, королева, нечего бояться
И черта, если васъ не будетъ близко.

Королева: *Онъ быть дерзнулъ судьей моихъ дѣяній* и т. д. Въ подлинникѣ эта реплика прерывается слѣдующимъ образомъ:

КОРОЛЕВА.

Онъ быть дерзнулъ судьей моихъ дѣяній.

ЛІОНЕЛЬ.

Да!... Сынъ какой для матери судья?

КОРОЛЕВА.

Онъ мать свою на ссылку осудилъ.

ТАЛЬБОТЪ.

Согласно, впрочемъ, съ общимъ приговоромъ.

КОРОЛЕВА.

Мнѣ, мнѣ его простить? Скорѣй погибну.

Стр. 494. Королева: *Здѣсь шагу нѣтъ земли, подвластной вамъ.* Въ подлинникѣ: «Вы не имѣете законнаго права и на такой клочекъ земли (Франціи), какой занимаетъ конское копыто». Въ концѣ

сцены большой пропускъ. Королева еще не уходить; ей возражаетъ

ГЕРЦОГЪ.

И правда—похвалиться вы должны,
Что мнѣнья свѣта встрѣтили безстрашно.

КОРОЛЕВА.

Во мнѣ есть страсти, кровь во мнѣ кипитъ
Какъ и въ другой. Я вашей королевы
Вѣнецъ надѣла для того, чтобъ жить,
А не сіять безжизненной звѣздою:
Ужели мнѣ отъ радостей житейскихъ
Велите отказаться—потому,
Что волей рока годы молодые
Я принесла безумному на жертву?
Свобода мнѣ дороже самой жизни.
А кто меня стѣсняетъ?.. Впрочемъ—полно
Мнѣ съ вами спорить о моихъ правахъ.
У васъ съ пеленъ въ крови застой и порча:
Вамъ не понять всей силы наслажденья.
Вотъ бѣшенство—оно для васъ понятно.
И этотъ бѣдный герцогъ всю-то жизнь
Промаялся между добромъ и худомъ:
Но можетъ онъ сердечно ненавидѣть,
Да и любить не можетъ. Я—въ Мелунъ.

(Указывая на Ліонеля).

Подайте мнѣ вотъ этого, чтобъ было
Мнѣ съ кѣмъ спастися отъ мертвящей скуки;
А тамъ уже какъ знаете: пожалуй
И слушать я не стану про бургундцевъ
И англичанъ.

(Киваетъ головою своему пажу и хочетъ выйти).

ЛІОНЕЛЬ.

Позвольте—мы въ Мелунъ
Доставимъ цвѣтъ французской молодежи,
Весь цвѣтъ, что будетъ сорванъ въ ратномъ полѣ.

КОРОЛЕВА *(останавливаясь).*

Вы годны лишь владѣть мечомъ; одинъ
Французъ умѣетъ нѣжно говорить.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Ліонель: *Ее живую въ виду всего ихъ войска.* Въ подлинникѣ: «Я на глазахъ Дюнуа, ея любовника, перенесу ее на этихъ рукахъ на потѣху войску сюда въ британскій лагерь».

ЯВЛЕНІЕ VI.

Здѣсь, какъ указано въ предисловіи (стр. 164), Шиллеръ замѣнилъ пятистопный ямбъ античнымъ ямбическимъ триметромъ. Шестистопнымъ (александрійскимъ) ямбомъ перевелъ эту и слѣдующую сцену и Жуковскій.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Въ подлинникѣ это девятое; восьмое явленіе состоитъ все изъ одного монолога Іоанны послѣ убіенія Монгомери.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Стр. 498. Дюнуа: *Мы защищать пророчицу клялися* и т. д. Эти слова въ подлинникѣ произноситъ Ля-Гиръ.

> Герцогъ: *Прочь!* Въ подлинникѣ вмѣсто этого:
> *Ты за любовника дрожишь?*
> *Онъ долженъ на твоихъ глазахъ...*
>
> Іоанна.
>
> *Стой!*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Это явленіе вставлено впослѣдствіи; первоначально дѣйствіе начиналось вторымъ явленіемъ.

Стр. 501. Дюнуа: *Она небесное дитя святой природы, какъ и я; равны мы саномъ.* Намекъ на то, что Дюнуа незаконнорожденный.

ЯВЛЕНІЕ II.

Стр. 502. Король: *Всѣмъ! всѣмъ! они опять мое семейство!* Въ подлинникѣ вмѣсто этого: «Такъ я удвою свое королевство». Шатильонъ: *Пусть архіепископъ* и т. д. Послѣ этихъ словъ Шатильона въ подлинникѣ король говоритъ:

> *Не будь мнѣ части въ царствіи небесномъ*
> *Коль ложно я ударилъ по рукамъ.*
> *Чего-же герцогъ требуетъ еще?*

ЯВЛЕНІЕ III.

Стр. 503. Герцогъ: *Моя земля отечество красавицъ.* Затѣмъ, по подлиннику, слѣдуетъ:

> *Мы, государь, издревле торговцы!*
> *Все, что цвѣтетъ, красуется подъ солнцемъ,*
> *Все на показъ на нашемъ рынкѣ въ Брюгге.*
> *А красота —товаръ у насъ отборный.*

АГНЕССА.

> *Цѣнные есть! Хоть женская бы вѣрность;*
> *Да жаль, нельзя ее купить на рынкѣ.*

Король: *Возьми; то мнѣ залогъ вдвойнѣ священный* и т. д. Послѣ этого слѣдуетъ:

> ГЕРЦОГЪ (*вплетая ей въ волосы алмазную розу*).
> *Жаль, что теперь въ рукахъ моихъ цвѣточекъ,*
> *А не вѣнецъ французской королевы:*
> *Какъ возложилъ бы я его любовно*
> *На эту несравненную головку...*
> (Значительно пожимаетъ руку Агнессы).
> *И ежели понадобится другъ*
> *Вы на меня разсчитывайте смѣло.*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Стр. 505. Іоанна: *Ты праотцемъ владыкъ великихъ будешь.*

Достаточно вспомнить о Генрихѣ IV или Людовикѣ XIV.

Стр. 506. Іоанна: *И въ низкой хижинѣ, откуда нынѣ спаситель вышелъ твой, таится грозно для правнуковъ виновныхъ истребленье.* Намекъ на великую французскую революцію, терроръ и казнь Людовика XVI.—*И сильная рука изъ высоты строеніе гордыни остановитъ.* Сынъ Филиппа Бургундскаго Карлъ Смѣлый палъ въ битвѣ при Нанси (1477 г.), не оставивъ мужского потомства. *Онъ дѣвою для славы сохранится.* Дочь Карла Смѣлаго, Марія Бургундская, вышла за императора Максимиліана I (1512) и была бабушкой императоровъ Карла V и Фердинанда I, «съ двухъ славныхъ троновъ» утвердившихъ всемірное австро-испанское могущество. *И новому* (свѣту), *сокрытому Всевышнимъ* и т. д., намекъ на грядущее открытіе Америки (1492).

Король: *Продлится ль онъ* (союзъ), *чтобы и внукамъ нашимъ, какъ намъ, благотворить.* Уже сыновья Карла VII и Филиппа—Людовикъ XI

и Карлъ Смѣлый были смертельными врагами. Іоанна: *Въ настоящемъ ловите счастье.* Вплоть до половины XVIII вѣка Франція неустанно воевала.

Король: *Лилея Франціи твой гербъ.* По Рапэну, на судѣ Іоанна отвѣтила, что не носила герба, но лишь знамя; однако прибавила, что король даровалъ ея братьямъ гербъ, а именно голубое поле, на которомъ изображены двѣ лиліи и одна корона.

Стр. 507. Іоанна (*посмотрѣвъ на него съ унылымъ негодованіемъ*). Эта ремарка прибавлена Жуковскимъ.

явленіе VI.

Стр. 508. Тальботъ: *И сами боги противъ тебя* (безумства) *не въ силахъ устоять.* Эта знаменитая фраза «Gegen Dummheit kämpfen Götter selbst vergebens». (Съ глупостью и боги борются безуспѣшно) потеряла въ переводѣ характеръ сентенціи и потому не вошла у насъ въ поговорку.

явленіе IX.

Стр. 510. Іоанна: *Тогда бы я сказала: ты Тальботъ.* По сообщенію Беттихера, Шиллеръ и имѣлъ въ виду здѣсь тѣнь безбожника Тальбота; во всякомъ случаѣ его видъ имѣетъ посланецъ ада, смущающій Іоанну.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дѣйствіе это происходитъ въ Реймсѣ, уже взятомъ французскими войсками.

явленіе I.

Стр. 515. Іоанна: *И гости ждутъ вѣнчальнаго пира* и т. д. Въ подлинникѣ вмѣсто этихъ стиховъ: «Обширный Реймсъ не можетъ вмѣстить всѣхъ гостей, которые волнами стремятся на народный праздникъ».

Стр. 516. Іоанна: *Когда младый валліецъ предо мной*—Монгомери.

явленіе II.

Стр. 517. Агнеса: *Чуждается тебя, вооруженной.* Въ подлинникѣ: «пока ты похожа на суровую Палладу».

явленіе IV.

Стр. 518. Бертрандъ: *Тамъ на площади.* Въ подлинникѣ «на паперти».

Стр. 519. Бертрандъ: *Ужель онъ здѣсь быть долженъ встрѣченъ хуже Парижскаго*—Генриха VI, коронованіе котораго описано въ дѣйст. 1, явл. 5 (стр. 480).

явленіе VI.

Впереди идутъ музыканты; въ подлинникѣ «флейтисты и гобоисты». *Дѣти съ вѣнками въ рукахъ*: въ подлинникѣ «съ вѣтвями». *Чиновники въ парадныхъ платьяхъ*: въ подлинникѣ «члены магистрата въ мантіяхъ» (Robe). *Вельможи* кромѣ короны, державы и жезла несутъ еще «подношенія». *Сосудъ мгропомазанія*, который несутъ епископы, называется въ подлинникѣ Сентъ Ампуль. Это такъ наз. sancta ampulla, пузырекъ съ мгромъ, по преданію, принесенный голубемъ съ неба, когда св. Ремигій, просвѣтитель Франціи, крестилъ въ Реймсѣ короля Хлодвига. Съ тѣхъ поръ S-te Ampoulle употреблялась всегда во время коронованія французскихъ королей, пока не была разбита въ эпоху французской революціи.

явленіе X.

Стр. 523. Народъ: *Да здравствуетъ король.* Въ подлинникѣ прибавлено «Карлъ Седьмой».

Король: *Она разрушила пришельца власть.* Въ подлинникѣ король прибавляетъ: Да будетъ имя ея равно святому Денису, защитнику этой страны». Св. Діонисій, первый епископъ парижскій, патронъ Франціи, умеръ мученической смертью въ III вѣкѣ по Р. Хр

явленіе XI.

Стр. 524. Тибо: *Тамъ вѣчность продала она врагу, чтобъ славою минутной здѣсь на землѣ ее онъ возвеличилъ.*

Въ подлинникѣ Тибо присовокупляетъ: «Пусть засучитъ она рукавъ, увидите вы точки, которыми отмѣтилъ адъ». *Скажи, что ты невинна, что врага нѣтъ въ сердцѣ у тебя.* Намѣренная двусмысленность: Тибо спрашиваетъ о дьяволѣ, а невинная Іоанна не можетъ отвѣтить «нѣтъ», такъ какъ въ ея сердцѣ «врагъ» Франціи—Ліонель.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

явленіе III.

Стр. 528. Сынъ: *Вѣдь это чародѣйка.* Въ подлинникѣ: «Вѣдь это орлеанская вѣдьма».

явленіе IV.

Стр. 530. Раймондъ: *Кто здѣсь тебя оборонитъ отъ звѣря дикаго, отъ злыхъ людей.* Въ подлинникѣ: «Кто васъ защититъ отъ дикихъ звѣрей и еще болѣе дикихъ людей». Надо замѣтить, что въ оригиналѣ Раймондъ вездѣ говоритъ Іоаннѣ не *ты*, а *вы*.

явленіе V.

Очевидно, послѣ побѣды сына, королева Изабелла вновь примирилась съ англичанами.

Стр. 531. Королева: *Какъ, тебя изгнали? Мой сынъ тебя изгналъ?* Въ подлинникѣ королева при этихъ словахъ «отступаетъ въ изумленіи».—*Въ этомъ я сына узнаю*—его неблагодарность, его неблагоразуміе.

явленіе VIII.

Стр. 533. Дюнуа: *Въ рукахъ врага палладіумъ святой*, изображеніе божества, охраняющее городъ; таковымъ въ древней Троѣ была статуя Паллады.

явленіе IX.

Въ концѣ пропущено въ переводѣ заключительное восклицаніе королевы: «Какъ вы выносите надменность этой сумасшедшей?

ЯВЛЕНІЕ X.

Стр. 534. Ліонель: ***Вы, королева, здѣсь останьтесь; вамъ вѣряю плѣнницу.*** Пропущено въ переводѣ: «... пока рѣшится исходъ сраженія. Вамъ оставляю охрану изъ пятидесяти рыцарей».

Іоанна: ***Нѣтъ, свободу возвратить живѣйшее желаніе мое.*** Такъ, по преданію, возразила она на судѣ предсѣдателю, который требовалъ отъ нея обѣщанія не пытаться бѣжать.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Стр. 534. Солдатъ: *Вслѣдъ за нимъ жандармы.* Gens d'armes—въ то время не полиція, а тяжело вооруженная конница.

Стр. 536. Іоанна: ***И вдалекѣ отъ ворона орла-бъ я отличила.*** Въ подлинникѣ: «Я дикихъ птицъ могу счесть налету, я сокола на высотѣ узнаю».— ***Тогда-бъ и взоръ мой сраженіемъ повелѣвалъ.*** Послѣ этихъ словъ въ переводѣ пропуски:

СОЛДАТЪ.

О горе!

Что вижу! Нашъ вождь стѣсненъ отовсюду.

КОРОЛЕВА (*замахивается кинжаломъ на Іоанну*).

Умри, несчастная!

СОЛДАТЪ (*торопливо*).

Освободили!

Фастольфъ на нихъ съ затылка налетѣлъ.

Онъ мнетъ враговъ, онъ врѣзался въ ихъ гущу.

КОРОЛЕВА (*прячетъ кинжалъ*).

Твой ангелъ спасъ тебя.

СОЛДАТЪ.

Бѣгутъ!

Стр. 536. Іоанна (*бросившись на колѣни*). Въ подлинникѣ прибавлено: «и взывая громкимъ, напряженнымъ голосомъ». По поводу этого монолога Іоанны Дюнцеръ замѣчаетъ: «Извѣстно, что Іоанна, заключенная въ темницу, принимала дѣятельнѣйшее участіе въ судьбѣ осажденнаго врагами города Компьеня и молилась за своихъ друзей; чтобы поспѣшить имъ на помощь, она пыталась разъ проскользнуть межъ двухъ столбовъ своей кельи, другой разъ хотѣла спрыгнуть съ башни въ Босевуарѣ, но оба раза безуспѣшно».

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Ремарка: *Агнесса вбѣгаетъ*; въ подлинникѣ она еще «бросается королю на грудь».

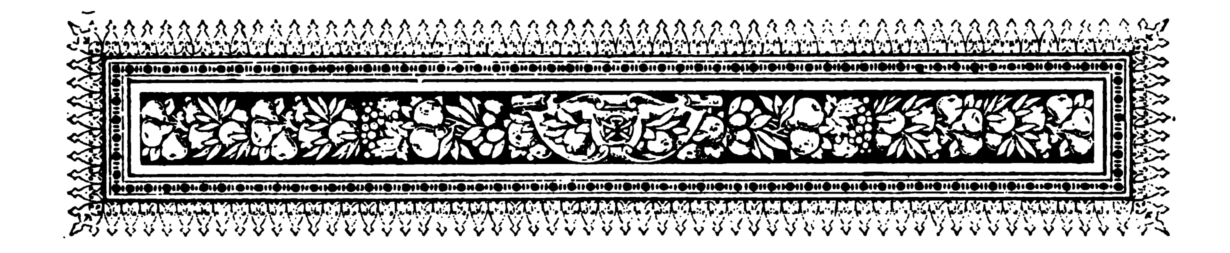
Русскіе переводы.

1. Прощаніе Іоанны Д'Аркъ съ родиною. Отрывокъ изъ трагедіи «Орлеанская Дѣва». Перев. *С. Старынкевича.* «Благонамѣренный» 1821, ч. XIII, стр. 34.

2. Орлеанская дѣва, драм. поэма. Перев. *В. А. Жуковскаго.* (Впервые въ «Стихотвореніяхъ *В. А. Жуковскаго*» 1824, т. I, стр. 1).

3. Орлеанская дѣва. Романтич. трагедія въ 5 д. Перев. *И. Шеремицинскій* Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1892—1897. 16°.

А. Горнфельдъ.



Объясненія къ рисункамъ.

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ.

Рисунки Генриха Лосова.

стр.

178. Миллеръ встаетъ со стула и отставляетъ въ сторону свою віолончель. Г-жа Миллеръ сидитъ у стола въ утреннемъ костюмѣ и пьетъ кофе. (Первое дѣйствіе, первый выходъ) . . 19
179. Въ этихъ объятіяхъ играючи пройдетъ Луиза путь жизни. (Первое дѣйствіе, четвертый выходъ; стр. 24). 23
180. Жизнь получилъ я отъ васъ; не колеблясь ни минуты, я готовъ пожертвовать ею вашимъ успѣхамъ. По честь мою, батюшка! (Первое дѣйствіе, седьмой выходъ; стр. 28) 27
181. Лэди въ простомъ, но изящномъ утреннемъ костюмѣ сидитъ за фортепіано и фантазируетъ; Софи, камеристка, подходитъ къ ней отъ окна. (Второе дѣйствіе, первый выходъ) 30
182. Фердинандъ (сильно встревоженный, бросается къ ней и останавливаетъ ее). Миледи! Боже мой! Что я слышу? (Второе дѣйствіе, третій выходъ: стр. 34) 35
183. Жена (бѣжитъ за нимъ и схватываетъ его за платье). Сюда пріѣдетъ президентъ, онъ будетъ грубо обращаться съ нашей дочерью. (Второе дѣйствіе, пятый выходъ; стр. 38) 37
184. Президентъ (идетъ къ письменному столу). Какъ напишешь, принеси мнѣ его прочесть. (Третье дѣйствіе, первый выходъ; стр. 43) 41
185. Гофмаршалъ. Милѣйшій! я вамъ разскажу, и у васъ волосъ дыбомъ поднимется. (Третье дѣйствіе, второй выходъ; стр. 44) 45
186. (Отвращая лицо, подаетъ ему дрожащую руку). Прощайте, Вальтеръ! (Третье дѣйствіе, четвертый выходъ) 47
187. Луиза 49
188. Вурмъ (берется за шляпу). Какъ угодно, мамзель Луиза. Третье дѣйствіе, шестой выходъ; стр. 51) 50
189. Фердинандъ. Именемъ всѣхъ чертей господинъ баронъ долженъ явиться сюда! (Четвертое дѣйствіе, первый выходъ) 52
190. (Приставляетъ пистолетъ къ груди маршала). До чего дошло у тебя съ нею? (Четвертое дѣйствіе, третій выходъ; стр. 55) 53
191. Фердинандъ 55
192. Ты какъ будто боишься меня, милая? (Четвертое дѣйствіе, седьмой выходъ). 57
193. Лэди Мильфордъ 59
194. Входитъ Миллеръ съ фонаремъ въ рукѣ. (Пятое дѣйствіе, первый выходъ) 63
195. Миллеръ. Прочь! Не раздражай отцовскаго сердца! (Пятое дѣйствіе, второй выходъ; стр. 66) 67
196. Луиза (вскакивая въ испугѣ). Боже! Что такое? (Пятое дѣйствіе, седьмой выходъ; стр. 72) 69

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Рисунки Германна Каульбаха и Фердинанда Келлера.

197. О! знаю, вѣрно знаю, что я ужъ преданъ при дворѣ испанскомъ. (Первое дѣйствіе, первый выходъ; стр. 89) . 87
198. Донъ-Карлосъ 93
199. Маркизъ. Хорошо. Я уступаю. Вотъ моя рука (Первое дѣйствіе, девятый выходъ) 102
200. Король Филиппъ на тронѣ. Герцогъ Альба съ покрытой головой. Карлосъ. (Второе дѣйствіе, первый выходъ) . 103
201. Она сама тебѣ письмо вручила? Второе дѣйствіе, четвертый выходъ; стр. 107) 109
202. Принцесса (полулежитъ на оттоманку и играетъ). Карлосъ (врывается). (Второе дѣйствіе, восьмой выходъ; стр. 113) 115
203. Доминго. Онъ и королева—вѣдь заодно. (Второе дѣйствіе, десятый выходъ) . . 121

стр.

204. Карлосъ (подходя къ окну и осматривая мѣстоположеніе). Вашъ монастырь лежитъ уединенно. (Второе дѣйствіе, четырнадцатый выходъ; стр. 124) 125
205. Маркизъ (подходя къ окну). Пора въ Мадридъ. Твою я вижу свиту. (Второе дѣйствіе, пятнадцатый выходъ; стр. 126) 127
206. Карлосъ (растроганный, идетъ за нимъ, и жметъ ему руку). Тройной, достойный человѣкъ. (Четвертое дѣйствіе, четвертый выходъ; стр. 148) 149
207. Она приникаетъ пылающимъ лицомъ къ полу. (Четвертое дѣйствіе, девятнадцатый выходъ; стр. 161) 159
208. Королева! О, Боже, Боже! жизнь такъ хороша! (Четвертое дѣйствіе, двадцать первый выходъ: стр. 165) . . . 167
209. Карлосъ (сидитъ за столомъ. Голова его покоится на рукѣ; можно подумать, что онъ спитъ). Маркизъ Поза (подходитъ къ Карлосу и молча, печально смотритъ на него). (Пятое дѣйствіе, первый выходъ) 169
210. Кто, спрашиваешь ты. Я самъ. (Пятое дѣйствіе, третій выходъ) 173
211. Что нынче въ лѣвомъ флигелѣ дворца духъ императора вамъ появился. (Пятое дѣйствіе, девятый выходъ; стр. 181) 179
212. Королева (падаетъ въ обморокъ). Карлосъ (бѣжитъ къ ней и принимаетъ ее въ объятія). Умерла? (Пятое дѣйствіе послѣдній выходъ; стр. 186) . . 185

ЧЕЛОВѢКОНЕНАВИСТНИКЪ.

Рисунки Іосифа Вейзера.

213. Нѣтъ, барышня, я не могу больше ѣсть хлѣбъ вашего батюшки. (Явленіе I; стр. 187) 189
214. Абель (читаетъ). Выдано впередъ общинѣ послѣ наводненія въ 1781 году: двѣ тысячи девятьсотъ гульденовъ. (Явленіе V; стр. 191) 193
215. Нѣсколько дѣвушекъ (подходятъ къ Ф. Гуттену). Ваша милость! Эту безделицу подносятъ вамъ ваши благодарные подданные. (Явленіе VI; стр. 192) 195
.216 Анжелика склоняется къ нему со слезами. (Явленіе VIII; стр. 198) 199

ЛАГЕРЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА.

Рисунки . Брюннера и Ф. Гейгеса.

7. Маркитантская палатка и предъ ней мелочная и ветошная лавка. У входа тѣснятся солдаты разныхъ мундировъ и знаменъ. Кроаты и уланы что-то варятъ на жаровнѣ. Маркитантка наливаетъ вино (Явленіе I) . 214

стр.

218. Кроатъ (играетъ ожерельемъ на солнцѣ). Ну, да и мой то товаръ не простой. (Явленіе III; стр. 215 217
219. Аль, на здоровье вамъ вспрыснуть сердечко. Только дадите-ль намъ, грѣшнымъ, мѣстечко? (Явленіе V; стр. 217) 221
220. Эго-ли воинство, свита Христова? (Явленіе VIII; стр. 222) 225
221. Ну хоть, положимъ: такой-то отсѣкъ правый мизинецъ мнѣ (Явленіе XI; стр. 227) 229

ПИККОЛОМИНИ.

Рисунки Карла Геберлина.

222. Илло, Бутлеръ и Изолани. (Дѣйствіе первое, явленіе первое) 235
223. Изолани... И, наконецъ, ко мнѣ прислали — капуцина! подумалъ — не ради-ли грѣховъ моихъ; пока нѣтъ: ему поручено переговоры вести со мной о лошадяхъ! (Дѣйствіе первое, явленіе II; стр. 238) 241
224. Октавіо. Какъ, милый Максъ? Вглядись поближе въ гостя. (Дѣйствіе первое, явленіе четвертое; стр. 242) . . 245
225. Слуги разставляютъ стулья и разстилаютъ ковры. Входитъ Сени, астрологъ, одѣтый, какъ итальянскій докторъ. (Дѣйствіе второе, явленіе I) . 247
226. Всѣмъ благомъ государства герцогъ нашъ пожертвовалъ для наслажденья местью. (Дѣйствіе второе, явленіе VII; стр. 255) 257
227. Илло и Терцки (Дѣйствіе третье, явленіе I) 260
228. Я смѣю заключилъ ее въ объятья. (Дѣйствіе третье, явленіе III; стр. 264) . 265
229. Тэкла (поетъ, аккомпанируя себѣ). (Дѣйствіе третье, явленіе VII; стр. 269) .
230. Большая ярко освѣщенная зала; въ срединѣ богато накрытый столъ, за которымъ восемь генераловъ. Справа и слѣва еще два стола, за каждымъ изъ нихъ шесть гостей. Впереди буфетъ съ напитками. Появляется Максъ Пикколомини; навстрѣчу ему идутъ Терцки съ бумагой, Изолани съ бокаломъ. (Дѣйствіе четвертое, явленіе I) 273
231. Бумага доходитъ до Бутлера; онъ идетъ къ столу подписывать. (Дѣйствіе четвертое, явленіе VI; стр. 278). 281
232. Нѣсколько гостей сдерживаютъ Илло. (Дѣйствіе четвертое, явленіе VII). . 282
233. Октавіо Пикколомини, камердинеръ со свѣчой. (Дѣйствіе пятое, явленіе I) 283
234. И до заката дня должно ужъ объясниться — отца-ли, друга ли, мнѣ суждено лишиться. (Дѣйствіе пятое, явленіе III) 290

СМЕРТЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА.

Рисунки Карла Гербердина. стр.

235. Вотъ, наконецъ, великая тріада сошлась. (Дѣйствіе первое, явл. I) . . 293
236. Валленштейнъ (прочтя). Письмо умно и дѣльно. (Дѣйствіе первое, явленіе V; стр. 298) 297
237. И у нея нѣтъ власти надъ тобой въ рѣшительный. послѣдній часъ? (Дѣйствіе первое, явленіе VII; стр. 305) . 304
238. Возьми моихъ коней... Его (указывая на Макса) я здѣсь оставлю. Дѣйствіе второе, явленіе I; стр. 307) . . 306
239. Буттлеръ. Я измѣнилъ такому благому императору. (Дѣйствіе второе, явленіе VI; стр. 316) 313
240. Октавіо (подходитъ къ нему). Мой сынъ, я уѣзжаю. (Дѣйствіе второе, явленіе VII; стр. 316) 317
241. Онъ былъ опорой мнѣ такою же, какъ здѣсь мнѣ служитъ твое плечо. (Дѣйствіе третье, явленіе X; стр. 328) . . 321
242. Валленштейнъ. Ребята, послушайте, (Дѣйст. третье, явл. XI; стр. 333) . . 329
243. Не такъ, какъ осужденный. Фридландскій герцогъ въ городъ нашъ вступилъ. (Дѣйствіе четвертое, явленіе II) 343
244. Терцки (уходя Буттлеру). А вы на пиръ? (Дѣйствіе четвертое, явленіе VII; стр. 249) 345
245. Они дрались, какъ бѣшеные тигры. (Дѣйствіе четвертое, явленіе X) . . 353
246. Буттлеръ, Маіоръ Геральдинъ. (Дѣйствіе пятое, явленіе I) 357
247. Камердинеръ (заколотый Деверу падаетъ у входа въ галлерею). (Дѣйствіе пятое, явленіе VII; стр. 367) . 361
248. Октавіо поднимаетъ глаза къ небу. (Дѣйствіе пятое. послѣднее явленіе; стр. 370) 370

МАРІЯ СТЮАРТЪ.

Рисунки Бенчура Гіюла.

249. Марія Стюартъ. Современный портретъ художника изъ школы Франсуа Клуэ. Находится въ галлереѣ Кн. Чарторійскаго въ Парижѣ 373
250. Марія Стюартъ. Современный портретъ художника изъ школы Франсуа Клуэ. Находится въ Петербургскомъ Эрмитажѣ 375
251. Сэръ Робертъ Дэдлей, лордъ Денби, графъ Лейстэръ (Лейчестеръ). Портретъ неизвѣстнаго художника въ Національной Портретной Галлереѣ въ Лондонѣ 377
252. Королева Елизавета. Портретъ неизвѣстнаго художника въ Національной Портретной Галлереѣ въ Лондонѣ 379
253. Сэръ Вильямъ Сесиль, лордъ Бэрлей Портретъ Марка Гарарда 383
254. Кеннеди. Прочь, наглый человѣкъ! Здѣсь тайны госпожи моей. (Дѣйствіе первое, явленіе I) 387
255. Мортимеръ (бросаясь на колѣни). Простите, королева! Мнѣ эта ненавистная личина не дешево далась. (Дѣйствіе первое, явленіе VI) 393
256. Кеннеди. Сэръ Полетъ и кто то изъ придворныхъ. (Дѣйствіе первое, явленіе VI; стр. 398) 397
257. Марія. Лордъ Бэрклей (государственный казначей Англіи) и рыцарь Полетъ. (Дѣйствіе первое, явленіе VII) 401
258. Пока подъ этой кровлей ей суждено быть узницей моей, —нѣтъ хода злу ни отъ нея ни къ ней! (Дѣйствіе первое, явленіе VIII) 403
259. Елизавета, которую ведетъ Лейстеръ. Графъ Обепинъ, Бельевръ, графъ Шрусбэри, лордъ Бэрлей и другіе французскіе и англійскіе кавалеры. (Дѣйствіе второе, явленіе II; стр. 405). 409
260. Я, вѣдь, знаю, на что тебя склоняла королева. (Дѣйствіе второе, явленіе VII; стр. 413) 417
261. По лугамъ и по нивамъ мощно пронесся охотничій кличъ. (Дѣйствіе третье, явленіе I; стр. 421) 420
262. Укройте же его, пока не стихнетъ народный гнѣвъ. (Дѣйствіе четвертое, явленіе II; стр. 431). 430
263. Молись же за меня, мой ангелъ. Богу и вознеси съ собой къ его чертогу! (Закалывается и падаетъ на руки стражи). (Дѣйствіе четвертое, явленіе IV; стр. 434). 432
264. Елизавета 433
265. Спасенья нѣтъ тебѣ! (Быстрыми шагами подходитъ къ столу и хватаетъ перо). (Дѣйствіе четвертое, явленіе X; стр. 442) 441
266. Лейстеръ и Бэрлей на пути въ Фотингэй 443
267. А рядомъ подушка и топоръ — блестящій, острый (Дѣйствіе пятое, явленіе пятое, стр. 447) 444
268. Мельвиль (осѣнивъ ее крестнымъ знаменіемъ). Во имя Отца и Сына и Святого Духа! (Дѣйствіе пятое, явленіе VII; стр. 450) 449
269. Шерифъ идетъ передъ нею; Мельвиль и кормилица по бокамъ; Бэрлей и Полетъ слѣдуютъ за ними. (Дѣйствіе пятое, явленіе IX; стр. 452) . . . 453

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

Рисунки Бенчура Гіюла.

270. Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой, отнынѣ вы со мной разлучены. (Прологъ; стр. 474) 475
271. Агнеса (отдавая ему ларчикъ). Вотъ вамъ деньги. (Дѣйствіе первое, явленіе IV; стр. 479) 481

		стр.
272.	Вотъ тотъ, къ кому меня послало небо. (Дѣйствіе первое, явленіе X; стр. 486)	485
273.	Іоанна Д'Аркъ	490
274.	Королева. Какъ, герцогъ, ты-ль забудешь честь. (Дѣйствіе второе, явленіе II; стр. 492)	493
275.	Іоанна является вдали на утесѣ, освѣщенная пламенемъ пожара. (Дѣйствіе второе, явленіе VI; стр. 496)	497
276.	Іоанна. Онъ плачетъ!.. Онъ смирится... Онъ нашъ!.. (Дѣйствіе второе, явленіе IX; стр. 500)	500
277.	Агнеса плачетъ; король тронутъ; всѣ смотрятъ на нихъ съ чувствомъ. (Дѣйствіе третье, явленіе III; стр. 503) . .	505
278.	И отъ могучаго Тальбота, славой наполнившаго свѣтъ, на свѣтѣ будетъ одна лишь горсть летучей пыли. (Дѣйствіе третье, явленіе VI; стр. 509) . . .	509
279.	Іоанна (отвративъ глаза). И знать я не хочу, что жизнь твоя была въ моихъ рукахъ. (Дѣйствіе третье, явленіе X; стр. 512)	513
280.	Ахъ! почто за мечъ воинственный я мой посохъ отдала. (Дѣйствіе четвертое, явленіе I; стр. 516)	515
281.	Площадь передъ каѳедральною церковью. (Дѣйствіе четвертое, явленіе IV) . .	521
282.	Тибо. Ты думаешь: могущество небесъ тебя спасло—ты, государь, обмануть. (Дѣйствіе четвертое, явленіе XI; стр. 523)	525
283.	Дю Шатель. Іоанна Д'Аркъ, король тебѣ позволилъ покинуть Реймсъ. (Дѣйствіе четвертое, явленіе XIII; стр. 524)	526
284.	Иди за мной; мы здѣсь найдемъ пріютъ. (Дѣйствіе пятое; явленіе II; стр. 528)	527
285.	Іоанна (бросавшись на колѣна). Господь, Господь! (Дѣйствіе пятое. явленіе XI; стр. 530)	529
286.	Іоанна. Растворены врата ихъ золотыя: средь ангеловъ на персяхъ вѣчный сынъ. (Дѣйствіе пятое, явленіе XIV)	537

Приложенія на отдѣльныхъ листахъ.

I.

Фотогравюры (Schiller-Gallerie).

15. **Филиппъ и Королева.** («Донъ-Карлосъ», 5-е дѣйствіе, 10-й выходъ). Композиція **К. Іегера.**

16. **Максъ Пикколомини уходитъ съ Папенгеймцами** («Смерть Валленштейна». 3-ье дѣйствіе, 23 выходъ). Композиція **К. Іегера.**

17. **Марія Стюартъ и Елизавета** («Марія Стюартъ» 3-ье дѣйствіе, 4-ый выходъ). Композиція **Вильгельма Каульбаха.**

18. **Видѣніе Іоанны Д'Аркъ** («Орлеанская дѣва»). Композиція **Вильгельма Каульбаха.**

II.

Современные рисунки къ «Коварству и Любви» знаменитаго гравера Ходовецкаго.

(12 гравюръ на 2 таблицахъ).

Таблица первая.

1. 1-е дѣйствіе, 2-й выходъ.
Миллеръ. (Внѣ себя отъ гнѣва, кидается къ віолончели). Да зажмешь ли ты ротъ? Или тебѣ хочется, чтобы я тебѣ голову расшибъ віолончелью?

2. 1-е дѣйствіе 4-й выходъ.
Фердинандъ. Довѣрься мнѣ. Я стану между тобою и рокомъ.

3. 1-е дѣйствіе, 5-й выходъ.
Президентъ. Къ счастію, я еще никогда не боялся неуспѣха въ такихъ предпріятіяхъ.

4. 2-е дѣйствіе, 2-й выходъ.
Лэди. Успокойся, бѣдный старикъ! Они возвратятся.

5. 2-е дѣйствіе, 3-й выходъ.
Фердинандъ. Я люблю, миледи, люблю мѣщанскую дѣвушку.

6. 2-е дѣйствіе, 4-й выходъ.
Миллеръ. Ужъ это такъ: у кого чертъ снесетъ въ хозяйствѣ яичко, у того родится красивая дочка.

Таблица вторая.

7. 2-е дѣйствіе, 6-й выходъ.
Миллеръ. А на пощечину отвѣчаютъ пощечиной—такая у насъ такса.

8. 3-е дѣйствіе, 6-й выходъ.
Луиза. Возьмите, сударь! Свое честное имя – Фердинандъ—все счастіе своей жизни отдаю я.

9. 4-е дѣйствіе, 3-й выходъ.
Фердинандъ. До чего дошло у тебя съ нею. Признавайся, или я спущу курокъ.

10. 4-е дѣйствіе, 9-й выходъ.
Лэди. Я васъ понимаю, друзья мои. Прощайте! Прощайте навсегда.

11. 5-е дѣйствіе, 1-й выходъ.
Миллеръ. Дочь моя, не оскорбляй Бога, когда тебѣ всего нужнѣе его милость.

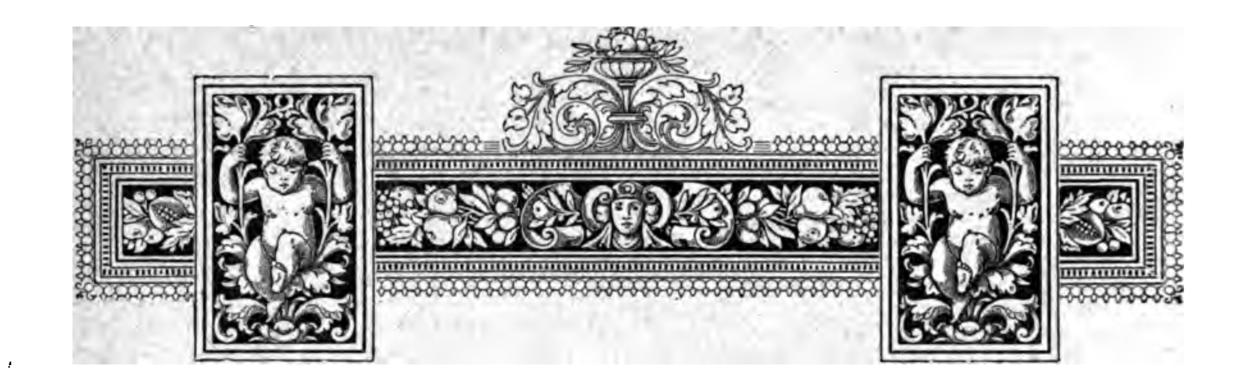
12. 5-е дѣйствіе, послѣдній выходъ.
Президентъ. И созданіе и Творецъ покидаютъ меня. Неужто ни одного взгляда мнѣ въ утѣшеніе.

III.

Портреты.

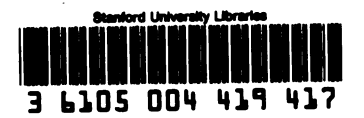
1. **Октавіо Пикколомини.** Съ современной гравюры *Корнелія* **Галле.**

2. **Валленштейнъ.** Съ современнаго портрета **Ванъ-Дейка** въ старой мюнхенской Пинакотекѣ.



Оглавленіе II тома.

		стр.
I.	Вступительный этюдъ къ трагедіи „Коварство и любовь" проф. **Н. П. Дашкевича**	3
II.	Коварство и любовь. Мѣщанская трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Пер. **Мих. Михайлова**	18
III.	Вступительный этюдъ къ трагедіи „Донъ-Карлосъ" **Ѳ. Д. Батюшкова**	77
IV.	Донъ-Карлосъ, инфантъ Испанскій. Драматическое стихотвореніе. Пер. **Михаила Достоевскаго** съ добавленіями и исправленіями **Ѳ. Д. Батюшкова.**	86
V.	Человѣконенавистникъ. Сцены. Новый переводъ **Анны Ганзенъ**	107
VI.	Вступительный этюдъ къ Валленштейновской трилогіи. **Юрія Веселовскаго**	203
VII.	Лагерь Валленштейна. Пер. **Л. Мея**	213
VIII.	Пикколомини. Въ 5-ти дѣйствіяхъ. Новый переводъ **П. И. Вейнберга**	233
IX.	Смерть Валленштейна. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Новый переводъ **П. И. Вейнберга** и **О. Н. Чюминой**	291
X.	Вступительный этюдъ къ трагедіи „Марія Стюартъ" проф. **А. И. Кирпичникова**	372
XI.	Марія Стюартъ. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Новый переводъ **В. С. Лихачева.**	385
XII.	Вступительный этюдъ къ трагедіи „Орлеанская дѣва" проф. **Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.**	460
XIII.	Орлеанская дѣва. Драматическая поэма. Перев. **В. Жуковскаго**	469
XIV.	Примѣчанія къ II тому. **А. Г. Горнфельда**	539


Stanford University Libraries
3 6105 004 419 417